

ИСТОРИЯ БОЛИВИИ

с древнейших времен до начала ХХI века

HISTORIA de BOLIVIA

desde la antigüedad hasta
principios del siglo XXI

Consejo de redacción

E. A. LARIN
(redactor principal)

A. A. SCHELCHKOV
(redactor principal)

V. P. KAZAKOV.

M. IRUROZQUI VICTORIANO

P. STEFANONI

N. S. IVANOV
(secretario científico)

EDITORIAL NAUKA MOSCÚ 2015

ИСТОРИЯ БОЛИВИИ

с древнейших времен
до начала XXI века

Редакционная коллегия:

Е. А. ЛАРИН
(ответственный редактор)

А. А. ЩЕЛЧКОВ
(ответственный редактор)

В. П. КАЗАКОВ

М. ИРУРОСКИ ВИКТОРИАНО

П. СТЕФАНОНИ

Н. С. ИВАНОВ
(ученый секретарь)

МОСКВА НАУКА 2015

УДК 94(8)
ББК 63.3(7Бол)
И85

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 15-01-16008*

Рецензенты:

доктор политических наук *З.В. Ивановский*,
кандидат исторических наук *Н.П. Калмыков*

**История Боливии с древнейших времен до начала XXI века / отв. ред.
Е.А. Ларин, А.А. Щелчков ; Ин-т всеобщей истории РАН. — М. : Наука. —
2015. — 699 с. — ISBN 978-5-02-039183-3 (в пер.).**

На страницах книги изложена многовековая история индейских народов, создавших высокоразвитые цивилизации в центре Южной Америки задолго до прихода сюда европейцев. Через всю ткань истории Боливии проходит борьба ее народов за свои права, сохранение своего самобытного уклада жизни и культуры. Рассматриваются основные этапы развития боливийской истории и культуры, начиная с доколумбового периода, включая испанскую конкисту, время колонии. Особенно подробно представлена история независимого боливийского государства в XIX–XX вв. Большое внимание уделено исторической биографии, жизни и борьбе известных политических деятелей, писателей и философов. Эти темы анализируются на основе широкого круга источников, часть которых впервые вводится в научный оборот. Книга иллюстрирована портретами исторических персонажей и другими фотографиями.

Для студентов и преподавателей вузов, специалистов, занимающихся латиноамериканской проблематикой, а также широкой читательской аудиторией.

По сети «Академкнига»

ISBN 978-5-02-039183-3 (в пер.)

© Институт всеобщей истории РАН, 2015
© Коллектив авторов, 2015
© Академиздатцентр «Наука», 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Боливия – это далекая и экзотическая страна для большинства российских читателей. Знакомство с ней готовит много удивительных открытий и неожиданных откровений. На страницах этой книги представлена история страны, расположенной в самом сердце Южной Америки, история, которая демонстрирует особую связь человека с окружающей его природой, землей самых резких контрастов. Это страна, где индейское население задолго до прихода европейцев создало высокоорганизованное общество, смогло освоить пространство от ледяных вершин Анд до жарких тропиков равнин. Боливия представила миру многочисленные эксперименты политических и социальных трансформаций с момента завоевания независимости до сегодняшнего времени. Приглашаем российского читателя погрузиться в яркую, интригующую, самобытную, драматическую историю этой страны, что поможет составить общую картину единого мира, более разнообразного и богатого, нежели мы обычно представляем.

Нация – это политическое сообщество, обладающее достаточной внутренней силой, чтобы обеспечить свое длительное существование в истории, что материализуется в контроле над территорией, над политикой и культурной средой, в сознании общего прошлого и общей воли в достижении задач будущего.

Боливия родилась почти два века назад, но тогда она еще не была полноценной нацией для всех жителей страны. Отвергая любое движение к национальной консолидации со стороны индейского и других групп населения, элиты основали новое государство, исключив из политики индейцев, лишив их гражданских прав, в результате чего возник архипелаг островов нации, сводимой к расовому меньшинству помещиков и горнозаводчиков. Так Боливия возникла как гражданская нация без индейцев, более того, как антииндейская, в которой коренные народы были лишь объектом эксплуатации, недостойным благ цивилизации.

Если нация есть множественное единство, то что общего и единого есть у почти раба на руднике и его хозяина, у зависимого крестьянина и помещика? Ничего! Их не связывает ни право, ни общее благосостояние, хуже того – у них нет общего будущего. Эта нация исключала из своей жизни целые социальные слои и расы. Включение в общество индейских народов и модернизация государства на этой основе никогда не входили в планы правящей элиты. В противном случае им пришлось бы подумать о перераспределении земли, признать коллективные права общинников, демократизировать поли-

тическую жизнь, т.е. олигархия должна была бы добровольно отказаться от власти. Такое в истории не происходит никогда. Стремление к обновлению нации исходило не от элиты, а от восстаний и борьбы плебейских, народных масс, в которой рождалось новое содержание боливийской нации.

В XIX в. ремесленники, вдохновляемые президентом Мануэлем Исидоро Бельсу, торговцы чичей, переносчики руды, шахтеры смогли заставить элиты расширить права низов, что укрепило основы боливийской нации. В XX в. борьба рабочих за свои социальные права, единение народа после трагической катастрофы в результате Чакской войны привели к некоторым изменениям боливийской идентичности, сделали профсоюзы стреем национальной жизни. Национализация нефти в 1938 г. и горнорудной промышленности в 1952 г., а также аграрная революция, ликвидировавшая помещичье землевладение в 1953 г., стали народной основой нации, разрушив фундамент олигархического государства.

На смену общих смыслов олигархии пришли коллективные интересы образованной мелкой буржуазии, которая создала свой исторический нарратив, направленный на достижение однородности нации, все еще отягощенной социально-расовыми предрассудками. Нация не является статическим образованием, она меняется в ходе своей истории. Несмотря на демократизацию жизни страны, индейское население оставалось за рамками коллективных прав, вне культуры и политики.

Протест против такого положения привел к возникновению в конце XX в. катаристского движения, ставшего провозвестником народных восстаний и выступлений начала XXI в., в результате которых произошло три крупных структурных преобразования. Во-первых, конституционное признание коренных индейских народностей как части боливийского государства, как носителей особой идентичности и исторической жизненной силы. Во-вторых, рост материальной базы боливийского государства и индейских наций благодаря национализации природных ресурсов, начало индустриализации, ликвидация латифундий на востоке страны, более демократическое перераспределение доходов от полезных ископаемых. В-третьих, народные индейско-крестьянские общественные движения вытеснили прежнюю гегемонию экспортноориентированной крупной и мелкой буржуазии городов. Индейские народы взяли на себя руководящую роль в строительстве новой боливийской нации, наступил период индеанизации своей собственной идентичности.

Эта индеанизация ищет новый нарратив национальных истоков в индейских коренных народах, что уже представлено в новых школьных учебниках, в новом пантеоне национальных героев и отцов-основателей родины, в государственном статусе всех индейских языков, в новых гражданских символах. Также эта индеанизация выразилась в передаче земли индейским общинам, в многократном увеличении государственных капиталовложений под контролем муниципалитетов, общин, профсоюзов и городских индейских объединений. Важнейший фактор – это индеанизация государственного управления, приход в государственные органы, начиная с поста президента страны, мужчин и женщин индейско-крестьянского происхождения, расширение возможностей контроля за государством со стороны индейских городских и сельских организаций гражданского общества.

Государство индеанизируется, и боливийская нация меняется содержательно. Вместо «общих смыслов» традиционных испаноговорящих средних слоев появляются «общие смыслы», рождающиеся в среде индейских общественных движений. Фигура президента Эво Моралеса является выражением социальных перемен в Боливии.

Сегодня боливийская нация консолидируется как государство, охватывающее все его население – более десяти миллионов человек, родившихся на нашей земле. В эту нацию теперь входят и индейские народы аймара, кечуа, гуарани, мохо, уру, юракары и другие, существовавшие здесь задолго до появления республики и даже колонии. Отныне они определяют боливийскую идентичность.

Различие между нами – боливийцами и боливийцами, считающими себя индейцами – не в том, что одни – метисы, а другие – индейцы, что является ложным различием. Метис – это не идентичность, а категория колониализма, чтобы отличаться от индейцев. В биологическом смысле все люди на земле метисы, у нас у всех течет самая разная кровь. И с культурной точки зрения, любая идентичность – результат смешения, она не статична.

Всякая культура обогащается знаниями, обычаями, практиками, технологиями иных культур, но все эти внешние влияния структурируют собственное ядро. Есть аймара-общинники, есть аймара-инженеры, аймара-интеллигенты и техники. Метизация не является идентичностью, не существует «метисной нации». Спросите любого боливийца за границей о его происхождении, и вы никогда не услышите, что он представитель метисной нации.

Нации отличаются друг от друга своей идентичностью, которая формируется слиянием этносов, ее составляющих. Когда господствующая группа не признает иные народы и группы внутри государства, этот тип метизации является этноцидом, а в результате появляется монокультурное государство. И наоборот, когда руководящие силы страны признают все внутренние национальные идентичности, то речь идет о знаке равенства между многонациональным обществом и многонациональным государством. Это то, что мы строим сегодня в Боливии.

История Боливии, представленная в этой книге, отражает ее народную силу, которая в разных обстоятельствах и в разные времена исторического процесса была решающей. Благодаря этому наша страна преодолела геополитические катастрофы, разочарования и поражения, наполнив свою историю проявлениями высочайшего патриотизма, героизма и самопожертвования, стремлением к справедливости и правде, творческим поиском, яркими свершениями человеческого духа.

С особым удовольствием хочу пригласить российского читателя познакомиться с историей Боливии, написанной международным коллективом авторов. Мы с особым чувством относимся к далекой братской России, с которой для боливийцев связано очень многое в мировой истории. Издание именно в России первой за пределами Боливии книги о ее истории является большим событием для отношений обеих стран: знание друг о друге сближает и обогащает людей и страны. Мы, боливийцы, рады, что благодаря этой книге станем понятней нашим российским друзьям. Добро пожаловать в боливийский мир.

Вице-президент Боливии Альваро Гарсия Линера

ВВЕДЕНИЕ

Крупнейший боливийский мыслитель XX в. Умберто Пальса писал о своей стране: «Боливия – великая страна, Боливия – прекрасная страна, Боливия – богатая страна, но в душу вселяется отчаяние от сознания, что миллионы людей на земле даже не подозревают, что это великая, прекрасная и богатая страна!». А от себя добавим: страна с удивительной и очень поучительной историей.

Перед читателем книга, повествующая об истории этой далекой от России южноамериканской страны. Коллектив авторов из разных городов нашей страны и других стран мира создали этот уникальный в своем роде текст, изложив основные исторические факты, общественные процессы, этапы развития боливийской нации. В задачу ученых, написавших главы этой работы, входило не только рассказать об основных событиях, о людях, вершивших историю, об их достижениях и трагедиях, обо всем, что составляет ткань живой истории народа, но и донести до читателя те научные проблемы, которые волнуют сегодня историка-исследователя.

Боливия находится в центре Южной Америки. Высочайшие горы Анды – место зарождения древнейших американских цивилизаций – Тиауанако, Кольясуйо. Высокогорное плато Альтиплано соседствует с цветущими, субтропическими долинами, где всегда вечная весна. С высочайших вершин Кордильер, от грандиозных пиков Ильимани по субтропическим долинам Юнгас раскинулись бескрайние тропические леса предамазонской низменности, выходящей к притокам величайшей реки мира. Это страна, где любой путешественник найдет все времена года и все природно-климатические зоны: от ледяного царства высокогорья, пустынь и холодного плоскогорья до тропического леса.

Боливия является родиной многочисленных народов. Это древние индейские народы кечуа и аймара, разнообразные индейские этносы сухих и жарких равнин Чако и лесов Амазонии. Также это родина европейских переселенцев, потомков испанских колонизаторов, мигрантов из различных европейских и азиатских стран. Большинство населения является метисным, смесью различных рас и этносов. Именно это смешение всех со всеми и есть сущность боливийского народа, объединившего в себе практически весь мир.

Боливийская история является интересным объектом исследования, поскольку многие процессы, общие для всего континента, принимали в этой стране наиболее ярко выраженные формы, хотя всегда оставляли впечатле-

ние необычности, своеобразности и даже уникальности. При этом в отечественной науке история Боливия остается самой малоизученной областью латиноамериканистики.

На страницах этой книги читатель найдет рассказ о прошлом индейских народов, создавших высокоразвитые цивилизации в центре Южной Америки. Самостоятельное развитие народов Америки было прервано испанской конкистой, установившей на всем континенте гигантскую колониальную империю, включавшую в себя территорию современной Боливии, тогда называвшейся Чаркас или Верхним Перу. Серебро Потоси, добыча которого стоило тысячи жизней подневольного индейского населения, составило славу колониального Чаркас и поддерживало мощь Испанской империи в течение веков. О создании смешанных, основанных на европейском и индейском элементе общества, культуры, цивилизации повествует глава о колониальном периоде, длившемся с XVI по XIX в. Это было время созидания и строительства городов, создания выдающихся памятников культуры и искусства, но и время уничтожения и притеснения индейской самобытности. Коренные народы Америки – индейцы кечуа и аймара – отвечали восстаниями, сопротивлением, защитой своего образа жизни.

Начало XIX в. ознаменовалось «революцией освобождения», шестнадцатилетней войной за независимость, завершившейся появлением на карте мира нового государства – Республики Боливия. С приобретением независимости процесс создания боливийской нации находился лишь на самом первоначальном этапе. Не раз еще боливийцам приходилось отстаивать свой суверенитет, территориальную целостность и право на независимость от притязаний соседей.

Строительство национального государства, формирование нации в течение всего республиканского периода состояло не только в укреплении национального единства и создания однородного национально ориентированного общества, но и во встречном движении, направленном к обособлению, вычленению расовых, социальных, региональных и культурных различий в рамках этого единства. Именно через эти две параллельные тенденции шло формирование национальных элит, правящих групп и классов Боливии. Выдающийся боливийский мыслитель XX в. Рене Савалета Меркадо называл свою страну «лоскутным полотном», в котором в одной национальной ткани сочетались различные, непохожие друг на друга элементы.

Вся история Боливии связана с борьбой индейцев за свои права, за сохранение своего самобытного уклада жизни и культуры, в конечном счете за выживание как народа. Интеграция и сохранение особенностей всех этносов и культур противостояли стремлению к ассимиляции и уничтожению рас и меньшинств. Все события национальной жизни XIX и XX вв. так или иначе соотносились с этой дилеммой развития страны. Восстания и внутренние войны индейского населения против расизма и исключительности бело-креольского доминирования способствовали сохранению основ жизни индейских народов.

Боливийский XX век полон драматических событий, ярких свершений, побед и горьких поражений. Это время истории народа, борющегося за социальную справедливость, национальное достоинство, подлинную независимость, находившегося в творческом поиске новой модели государственного

и социального здания. Эта борьба завершилась величайшим событием как боливийской, так и латиноамериканской истории – Национальной революцией 1952 г., которая стала началом новой эпохи в истории страны. Логическим продолжением этой самой народной в истории Боливии революции стала победа на выборах 2006 г. первого президента-индейца Эво Моралеса, объявившего о новой культурной и демократической революции. Будущее Боливии находится в руках ее многонационального народа, страна занимает достойное место в семье латиноамериканских братских наций.

Данный труд повествует об истории Боливии с древнейших времен до сегодняшнего дня. Читатель найдет в нем описание исторических событий и процессов, а также узнает о существующих в науке дискуссиях и различных точках зрения на этот предмет. В работе над текстом принимали участие историки из России, Боливии, Аргентины, Испании, США. Главы книги написаны российскими учеными Ю.Е. Березкиным (гл. 1), Л.А. Ивкиной (гл. 11), В.П. Казаковым (гл. 16), Е.А. Лариным (гл. 26), И.В. Селивановой (гл. 2), А.А. Щелчковым (гл. 5, 8, 9, 10, 12, 13, 15, 17, 18, 19, 21, 22, 24, 27), боливийскими исследователями М. Кахияс (гл. 20), Г. Острия Родригес (гл. 23), украинско-боливийским историком Е.В. Бридрихиной (гл. 3), аргентинскими учеными А. Морроне (гл. 1), А.М. Престой (гл. 1), С. Серульниковым (гл. 4), П. Стефанони (гл. 25), американским специалистом К. Пересом (гл. 7), шотландским ученым Т. Платтом (гл. 8) и испанскими историками М. Ируроски Викторiano (гл. 14), В. Перальта Руисом (гл. 6).

Данная книга продолжает традицию издания книг по истории отдельных стран Латинской Америки, которую реализует вот уже полвека Институт всеобщей истории РАН. К «Историям» Аргентины, Чили, Мексики, Бразилии, Кубы и Перу теперь добавился фундаментальный труд «История Боливии». Нет сомнения, что после выхода этой книги наши страны станут ближе друг другу, ибо понимание объединяет. А это важно, поскольку мир все более становится единым и взаимосвязанным.

И, наконец, хотелось бы поблагодарить за сотрудничество всех коллег, взявших на себя труд написания, обсуждения, подготовки труда, и особенно подчеркнуть, что без содействия со стороны дирекции Института всеобщей истории РАН, академика А.О. Чубарьяна, без полной энтузиазма поддержки со стороны посла Боливии в России Марии Луисы Рамос выход данной работы был бы невозможен.

Часть I

ЧАРКАС С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО ОБРЕТЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

Глава I

ЮЖНЫЕ АНДЫ В ДОИСПАНСКИЙ ПЕРИОД

О древних культурах на территории Боливии известно по материалам археологии, а о заключительном периоде доколумбовой эпохи также и по данным испанских источников. Археологические исследования в Боливии развивались медленнее, чем в соседних Перу, Чили и Аргентине. Долгое время иностранные археологи с трудом могли получить разрешение на раскопки, а собственных специалистов в стране не было. Что касается территорий к востоку от Анд, то там археологические исследования затруднены из-за геологических условий. На аллювиальной равнине, где нет выходов камня и обильны дожди, для строительства и для изготовления орудий и утвари служили недолговечные органические материалы.

Анды делят Боливию на две области, развивавшиеся достаточно самостоятельно. На плоскогорье обширные пространства занимают пустыни и солончаки, поэтому зоны распространения древних культур разделены здесь почти незаселенными территориями. Самые богатые традиции обнаружены близ оз. Титикака. Исторически местные культуры были связаны с соседними культурами Перу. Все эти области входили в общее культурное пространство Центральных и Южных Анд, а перед испанским завоеванием подчинялись инкам. Что касается районов восточнее Анд, то они принадлежали к другому миру – местные культуры в саваннах области Мохо (департамент Бени) обнаруживают параллели в бразильской Амазонии.

Палеоиндейский и архаический периоды на боливийском плоскогорье

В пределы андского пояса Южной Америки люди проникли 12–13 тыс. лет до н.э. Эти датировки основаны на калиброванных радиоуглеродных датах, самые ранние из которых получены на стоянке Монте-Верде на юге Чили¹.

© Ю.Е. Березкин

¹ *Adovasio J.M., Peddler D.R.* Monte Verde and the antiquity of humankind in the Americas // *Antiquity*. 1997. N 71 (273). P. 573–580; *Dillehay T.D.* Profiles in Pleistocene history // *Handbook of South American Archaeology*. N.Y., 2008. P. 29–43; *Dillehay T.D.* Probing deeper into first American studies // *Proc. of the National Academy of Sciences* 2009. N 106 (4). P. 971–978; *Dillehay T.D., Ramirez C., Pino M., Collins M.B., Rossen J., Pino-Navarro J.D.* Monte Verde: seaweed, food, medicine, and the peopling of South America // *Science*. 2008. N 320 (5877). P. 784–786.

Однако в Боливии палеоиндейских стоянок не обнаружено. В финальном плейстоцене гигантские солончаки Боливийского плоскогорья представляли собой мелководные озера. На берегах этих древних озер и найдены соответствующие каменные изделия². Как горная Боливия, так и весь южноамериканский континент были в это время еще слабо заселены, небольшие группы охотников-собирателей лишь осваивали новые территории. Следы деятельности людей в Южной Америке становятся повсеместно заметны только в самом конце плейстоцена – начале голоцена (8–10 тыс. лет до н.э.). Освоение Боливийского плоскогорья, расположенного выше 3000, а в значительной части и выше 4000 м над уровнем моря, должно было идти особенно медленно – кислородное голодание в условиях высокогорья отражалось на здоровье не привыкших к нему людей и значительно повышало детскую смертность.

Древнейший период от проникновения людей в Новый Свет до конца плейстоцена принято именовать палеоиндейским. Период от раннего голоцена до начала распространения керамики (примерно 8000–1800 гг. до н.э.) – архаический³. На протяжении этого времени произошел постепенный переход от присваивающей экономики к производящей. В Передней Азии аналогичный переход осуществился быстрее и раньше, в основном на протяжении докерамического неолита А (10 200–8800 гг. до н.э.), хотя и на основе специализированного собирательства натуфийской эпохи (13 000–10 200 гг. до н.э.). Причин различия в темпах эволюции могло быть несколько, но одна из них явно была обусловлена особенностями дикорастущей флоры. В Новом Свете вообще и в Андах в частности отсутствовали растения, которые, подобно переднеазиатским злакам, еще до их окультуривания могли бы в достаточной мере обеспечивать потребности людей в углеводах и тем более в белках. Собиратели использовали множество видов, съедобные части которых созревали в разное время, постоянно передвигаясь в пределах своей территории. Процесс селекции высокоурожайных видов занял в Америке долгие тысячелетия, но зато разнообразие окультуренных видов и число микроочагов окультуривания было выше, чем в Передней Азии.

В северных районах Перу свидетельства выращивания растений появляются едва ли не с начала голоцена и наверняка не позже VI–V тыс. до н.э. Тем же временем (VI–V тыс. до н.э.) датируются и первые небольшие конструкции из земли и камней, вероятно, имевшие общественно-культовое назначение. Что касается крупных храмовых платформ из глины и камня, то самая ранняя из известных пока (Сечин-Бахо в долине Касма на севере побережья Перу) датируется второй половиной IV тыс. до н.э. В III тыс. до н.э. в долинах северо-центральной части побережья Перу и в некоторых прилегающих горных районах уже существовало множество монументальных общественно-культовых центров, свидетельствующих о появлении сложных обществ. Для территории Боливии столь ранних свидетельств подобного рода нет. С середины VII и до середины II тыс. до н.э. на боливийском плоскогорье господствовали аридные условия. Уровень оз. Титикака был на несколько

² Arellano J. Primeras evidencias sobre el paleoindio en Bolivia // Estudios Atacameños. 1987. N 8. P. 183–193.

³ Aldenderfer M.S. High elevation foraging societies // Handbook of South American Archaeology. N.Y. 2008. P. 131–143

Карта Боливии

десятков метров ниже, чем сейчас, южная часть озера высохла, и условия для земледелия оставались неблагоприятными⁴. Нет и данных, указывающих на сколько-нибудь широкое распространение скотоводства. Очаг domestikации альпаки и ламы находился в высокогорных районах центрального Перу⁵. Там эти животные были одомашнены за несколько тысячелетий до н.э., но обитатели соседних областей заимствовали скотоводство далеко не сразу.

Для всей эпохи, предшествующей II тыс. до н.э., материалы по археологии горной Боливии фрагментарны, а для низменностей Восточной Боливии их нет вовсе. Можно лишь предполагать, что в окрестностях оз. Титикака

⁴ Aldenderfer M.S. Op. cit. P. 136; Bandy M.S. Early village society in the Formative Period in the Southern lake Titicaca basin // *Andean Archaeology* 2006. III. North and South. N.Y. P. 215; Hastorf C.A. The Formative period in the Titicaca Basin // *Handbook of South American Archaeology*. N.Y. 2008. P. 547; Kolata A., Ponce Sangines C. Tiwanaku: the City at the Center // *The Ancient Americas. Art from Sacred Landscapes*. Chicago. 1992. P. 168–169.

⁵ Goepfert N. New zooarchaeological and funerary perspectives on Mochica culture (A.D. 100–800), Peru // *Journal of Field Archaeology*. 2012. N 37 (2). P. 104.

общества охотников-собирателей, постепенно превращавшихся в ранних земледельцев и скотоводов, напоминали соответствующие общества на соседних территориях Перу. Там, в департаменте Пуно, недалеко от западного берега озера раскопано известное на сегодняшний день на Альтиплано древнейшее поселение, обитатели которого жили на одном месте продолжительное время. Оно получило название Хискайрумоко (Jisk'a Iru Muqu на языке аймара) и расположено на высоте 4115 м над уровнем моря. Найденные здесь жилища типа землянок относятся к концу IV тыс. до н.э. В Хискайрумоко найдены и материалы III–II тыс. до н.э. В одном из погребений вместе с останками взрослого и ребенка обнаружено ожерелье из золотых и бирюзовых бусин. Наиболее вероятно, что эти вещи были изготовлены около 2000 г. до н.э., хотя их возможная датировка колеблется от конца III до середины II тыс. до н.э. В любом случае это одно из древнейших в Америке свидетельств использования металлов. Во II тыс. до н.э. именно на Боливийском плоскогорье возникли первые центры производства и обработки золота и меди. В I тыс. н.э. здесь же, в горной Боливии, была изобретена оловянистая бронза, которая в эпоху инков широко распространилась по Андам.

Другое поселение на Альтиплано, расположенное на территории Перу, но недалеко от боливийской границы, это Асана. Первые обитатели приходили туда с тихоокеанского побережья еще в середине X тыс. до н.э.⁶ Сначала такие поселения имели сезонный характер, но через 500–1000 лет связи с побережьем более не прослеживаются. Это значит, что люди смогли приспособиться к жизни в условиях кислородного голодания. Мужчины охотились на гуанако и андских оленей (*Hippocamelus antisinsis*), женщины собирали семена растений из семейства маревых. В V–IV тыс. до н.э. появляются признаки усложнения социальных отношений. Строится окруженное глиняными стенами помещение общественного назначения, дорогостоящий обсидиан служит для изготовления небольших, тщательно обработанных наконечников, которые, вероятно, являлись знаками особого статуса их владельцев⁷. Тем не менее местные коллективы имели небольшие размеры и обладали скудными ресурсами. В противном случае археологи наверняка засвидетельствовали бы остатки общинных трапез, что типично для более поздних андских обществ.

Формативный период в бассейне Титикаки

Период от распространения керамики и оседлых деревень до появления цивилизации Тиауанако носит в Боливии название формативного. Его временные границы – от первой половины II тыс. до н.э. до конца V в. н.э. Земледелие в прилегающих к Титикаке районах развивалась по мере увеличения количества осадков. Основными продовольственными культурами были картофель и киноа (*Chenopodium quinoa*), окультуренные где-то в горных районах Центральных Анд, возможно, даже в непосредственной близости к Титикаке. Когда именно люди стали пытаться выращивать эти растения

⁶ Aldenderfer M.S. Op. cit. P. 135.

⁷ Ibid. P. 140–141; Aldenderfer M.S. Montane Foragers. Asana and the South-Central Andean Archaic. Iowa City, 1998. P. 220–223.

(а также оку, улыюку, каньиуа и др.), сказать пока невозможно, но вряд ли это случилось позже V–IV тыс. до н.э.⁸ В ранний формативный период (1500–800 гг. до н.э.) земледелие наверняка уже являлось ведущей отраслью хозяйства. О прогрессе сельскохозяйственной технологии свидетельствует тот факт, что с этого времени посевы киноа стали чистыми, а не смешанными с сорной разновидностью этого растения⁹. Около 800 г. до н.э. жители Боливийского плоскогорья познакомились с кукурузой¹⁰, однако из-за холодного климата выращивать ее здесь в сколько-нибудь значительных масштабах не было возможности¹¹. Зерно изредка привозили из теплых долин, чтобы использовать для приготовления чичи (местное пиво). Значительное распространение эта практика получила лишь в период возвышения Тиауанако. Ламы и альпаки на Боливийском плоскогорье распространились не позже начала II тыс. до н.э., поскольку в этом времени их уже наверняка разводили как в Чили и Аргентине, так и на юге Перу¹². Однако столь же ранних хорошо документированных материалов для самой Боливии пока нет.

Ранние земледельцы и скотоводы Боливийского плоскогорья, вероятно, заимствовали некоторые особенности культуры, которые в более северных районах Центральных Анд появились на полтора тысячелетия раньше. Речь идет об общественно-культовых сооружениях, состоявших из прямоугольных платформ и пласы (т.е. двора, площади), углубленной ниже окружающей поверхности. В отличие от северного Перу, в бассейне Титикаки такие углубленные пласы были в плане прямоугольными, а не круглыми. Судя по обилию фрагментов кухонной и столовой посуды, углубленные пласы предназначались для пиршеств, вероятно, связанных с почитанием предков, чьи могилы были расположены здесь же.

Заметное усложнение социополитической организации в бассейне оз. Титикака становится заметным к концу II тыс. до н.э. К югу от озера лучше других изучено поселение Чирипа, исследование которого началось еще в 30-х годах XX в. Сейчас материалы этого поселения разделены по трем этапам: 1500–1000 гг. до н.э., 1000–800 гг. до н.э. и 800 г. до н.э. – 100 г. н.э. Начало раннего этапа связано с распространением небольших деревень. Этот переход к прочной оседлости стал следствием увлажнения климата и повышения роли земледелия в экономике. Культовые строения имели небольшие размеры. Переход от раннего этапа к среднему ознаменован появлением относительно крупных и долговременных сооружений общественно-культового характера. В частности, в Чирипе была раскопана прямоугольная полуподземная пласа с каменными стенами, ее стены и пол были покрыты обмазкой из желтой глины. После 800-х годов до н.э. в бассейне Титикаки делается

⁸ Pearsall D.M. Plant domestication and the shift to agriculture in the Andes // Handbook of South American Archaeology. N.Y. 2008. P. 110–113.

⁹ Bruno M.C., Whitehead W.T. Chenopodium cultivation and Formative Period agriculture at Chiripa, Bolivia // Latin American Antiquity. 2003. N 14 (3). P. 339–355.

¹⁰ Logan A.L., Hastorf C.A., Pearsall D.M. «Let's drink together»: early ceremonial use of maize in the Titicaca basin // Latin American Antiquity. 2012. N 23 (3). P. 244–245.

¹¹ Whitehead W.T. Redefining plant use at the Formative site of Chiripa in the Southern Titicaca basin // Andean Archaeology III. North and South. N.Y. 2006. P. 272.

¹² Aldenderfer M.S. High elevation foraging societies. P. 140; Stahl P.W. Animal Domestication in South America // Handbook of South American Archaeology. N.Y. 2008. P. 128–129.

заметной иерархия поселений по размеру, указывающая на выделение властных центров и образование политических объединений уровня простых вожеств. Одним из подобных центров близ южного берега Титикаки и была Чирипа. На протяжении I тыс. до н.э. поселение постепенно растет, а общественные сооружения становятся все монументальнее. Около 600-х годов до н.э. был возведен и затем продолжал расширяться наиболее значительный комплекс. Вокруг прямоугольной пласы площадью 50 на 50 м с каменной стелой в центре были возведены прямоугольные в плане здания из камня и глины¹³. Общей планировкой подобный центр напоминает известные по этнографическим и археологическим данным кольцевые поселения индейцев Центральной и Восточной Бразилии¹⁴. Это сходство вряд ли случайно. Оно отражает господство у многих индейцев Южной Америки социальных систем, основанных на противостоянии фратрий, которые делятся на более мелкие подразделения. Для Центральных Анд подобная организация в высшей степени характерна¹⁵, и мало сомнений в том, что она была и у боливийских индейцев задолго до инкского завоевания.

Не позже середины I тыс. до н.э. в бассейне Титикаки появляются памятники фигуративного изобразительного искусства. Речь идет о стиле, получившем название *яя-мама* и господствовавшем до II–IV вв. н.э.¹⁶ Изображения на каменных изваяниях отражают определенные космологические образы, связанные с совокупностью ритуальных практик. О ритуалах свидетельствуют находки керамических музыкальных инструментов (горнов) и сосудов особых форм¹⁷. Элементы изображений *яя-мама* встречаются на тканях, найденных в погребениях на юге Перу на полуострове Паракас. Парадные ткани, вероятно, делали в это время и обитатели боливийского плоскогорья, но из-за высокой влажности они могли сохраниться лишь в исключительных случаях и пока не найдены.

Период между 800 и 250 гг. до н.э. специалисты по археологии боливийского плоскогорья называют средним формативным, а последующий, примерно до 475 г. н.э. – поздним формативным. Количество осадков продолжало расти, а к началу III в. н.э. уровень оз. Титикака стабилизировался на высокой отметке. Это позволило создать исключительно эффективную земледельческую систему, основанную на выращивании картофеля на гигантских грядах. Растения были там надежно защищены как от засухи, так и от затопления,

¹³ *Hastorf C.A.* The Formative period in the Titicaca Basin // *Handbook of South American Archaeology*. N.Y. 2008. P. 545–561.

¹⁴ *Heckenberger M.J.* Amazonian mozaics: identity, interaction, and integration in the tropical forest // *Handbook of South American Archaeology*. N.Y. 2008. P. 941–961; *Wust I., Barreto C.* The ring villages of Central Brazil: a challenge for Amazonian archaeology // *Latin American Antiquity*. 1999. N 10 (1). P. 3–23.

¹⁵ *Kolata A., Ponce Sangines C.* Op. cit. P. 324–327; *Korpisaari A., Pärssinen M. Pariti.* The Ceremonial Tiwanaku Pottery of an Island in Lake Titicaca. Helsinki, 2011. P. 31–32; *Moore J.D.* The archaeology of dual organization in Andean South America: a theoretical review and case study // *Latin American Antiquity*. 1996. N 6 (2). P. 165–181.

¹⁶ *Chávez S.J.* Identification of camelid woman and feline man. Themes, motifs, and designs in Pucara style pottery // *Andean Archaeology II. Art, Landscape, and Society*. N.Y. P. 35–69; *Stanish C.* Ancient Titicaca. The Evolution of Complex Society in Southern Peru and Northern Bolivia. Berkeley; Los Angeles; London, 2003. P. 4.

¹⁷ *Bandy M.S.* Op. cit. P. 221.

а скапливавшийся в междугрядьях ил было удобно использовать как удобрение. Грядковые поля – характерная особенность индейского земледелия.

К концу III в. до н.э. тенденция к политической централизации в бассейне Титикаки усиливается. На положение лидера выходит Пукара к северу от озера в перуанском департаменте Пуно. Площадь этого поселения достигала 1,5 кв. км, а крупнейшая платформа из обработанного камня и щебня имеет размеры 300 × 200 × 32 м¹⁸. Правда часть этого объема занимает естественное возвышение. Население наверняка измерялось тысячами, но превышало ли оно 5 и тем более 10 тыс., сказать трудно. Некоторые изображения на каменных изваяниях Пукары и на парадной керамике сюжетно и стилистически предваряют те, которые во второй половине I тыс. н.э. получили широчайшее распространение от севера Чили до севера Перу.

К югу от Титикаки сопоставимого с Пукарой центра долгое время не было. Однако в I–II вв. н.э. здесь возникает г. Тиауанако. Более ранние даты его основания сейчас отвергнуты. В Тиауанако сооружается углубленная прямоугольная площадь, в стены которой вмонтированы каменные человеческие головы – возможно, это были изображения мифических предков. Такого рода «головы-гвозди» впервые появляются на севере Перу в культуре чавин в первой половине I тыс. до н.э. и далее известны там в культуре рекуай в первой половине I тыс. н.э.

В III или IV в. н.э. Пукара была внезапно заброшена¹⁹. Трудно сказать, могло ли это быть следствием военного столкновения с Тиауанако. Что происходило в Тиауанако в IV–V вв. н.э., не очень понятно²⁰. Превращение этого города в крупнейший политический, экономический и культурный центр произошло в VI в. н.э.

Культура ванкарани

Еще до того, как небольшие оседлые поселения появились у южного берега Титикаки, в центральных районах Боливийского плоскогорья к северу и к востоку от оз. Поопо возникает культура ванкарани. Первые исследователи относили ее начало к XII в. до н.э., но сейчас датировка удревнена до XX в. до н.э.²¹ Близкие к ванкарани памятники обнаружены в долине Кочабамба на восточных склонах Анд и на севере Чили. По-видимому, за пределами районов, прилегающих к Титикаке, культура ванкарани в разных вариантах была распространена на всей пригодной для земледелия и скотоводства территории горной Боливии. Поздний вариант ванкарани в Кочабамбе ранее рассматривался как культура чупла-пампа²².

¹⁸ *Mujica E.B.* 1990. Pukara: une société complexe ancienne du bassin septentrional du Titicaca // *Inca – Pérou. 3000 Ans d'Histoire*. Gent, P. 161.

¹⁹ *Plourde A.M., Stanish C.* The emergence of complex society in the Titicaca Basin: the view from the North // *Andean Archaeology III. North and South*. N.Y. 2006. P. 246.

²⁰ *Isbell W.H.* Wari and Tiwanaku: international identities in the Central Andean Middle Horizon // *Handbook of South American Archaeology*. N.Y. 2008. P. 745.

²¹ *Langlie B.* A paleoethnobotanical analysis of three Formative period Wankarani sites located in the department of Oruro, Bolivia. Electronic Theses and Dissertations. Paper 529. St. Louis, 2011.; *Pérez A.E.* Del arcáico a las aldeas Wankaráni // *Nuevos aportes*. 2005. N 3. P. 61–72.

²² *Башилов В.А.* Древние цивилизации Перу и Боливии. М., 1972. С. 86–87.

Поселения ванкарани представляли собой агломерации круглоплановых жилищ поперечником 3,5–6 м из глиняных адоб на каменных фундаментах. Крыши, очевидно, имели коническую или куполообразную форму и были покрыты травой или тростником. В начале XX в. в подобных домах обитали индейцы чипая – коренные жители Альтиплано. Изнутри стены жилищ были окрашены в желтый, снаружи в красный цвет. Умерших хоронили под полами, положение костяков – сидя, либо лежа на боку или на спине²³. Иногда стена из адоб окружала все поселение либо группу домов. Число домов в агломерациях могло достигать нескольких сотен, а число жителей соответственно 2–3 тыс. и более. Рядовые поселения имеют площадь 1–3 га и меньше²⁴. Поскольку жизнь на поселениях продолжалась столетиями, культурный слой накапливался, образуя всхолмления. Это один из редчайших для Нового Света случаев образования теллей. Как и создатели культур близ берега Титикаки, создатели ванкарани в основном выращивали картофель, киноа, разводили лам и альпак. Каменные головы лам свидетельствуют о значении этих животных в ритуалах. Первые исследователи видели в некоторых изваяниях изображения ягуаров или антропоморфных существ²⁵, но, скорее всего, речь всегда идет именно о ламах. Большинство изваяний найдены вблизи жилищ или внутри их²⁶. Специализированных святилищ не обнаружено. Вряд ли поселения являлись сезонными, но значительная часть жителей наверняка подолгу отсутствовала, занимаясь выпасом скота.

Ванкарани – первая культура Боливии, создатели которой употребляли сосуды из обожженной глины. Вся керамика утилитарная, причем толщина стенок со временем увеличивается²⁷. Для изготовления наконечников стрел использовали кварц и базальт, редко – обсидиан. Уже на самых ранних поселениях, включая близкие к ванкарани памятники в Кочабамбе, обнаружены медные шлаки, свидетельствующие о выплавке меди из серосодержащих руд²⁸. Такие шлаки найдены и в Чирипе. Это значит, что Боливийское плоскогорье являлось одним из двух мировых центров независимого зарождения металлургии (другой центр – Передняя Азия). В первой половине I тыс. до н.э. (возможно, уже в конце II тыс. до н.э.) изделия из меди, золота и серебра появляются также на севере Перу. Однако там медь добывали из окислов, а использовать серосодержащие руды стали лишь в конце I тыс. н.э.²⁹

В ванкарани нет сложного фигуративного искусства и общественно-культурных комплексов. В ритуалах, скорее всего, участвовали ближайшие родс-

²³ Pärssinen M. Pajcha Pata de Caquiaviri. Evidencias sobre el nuevo complejo arqueológico del Alto Formativo en la Provincia de Pacajes, Bolivia // Revista Española de Antropología Americana 1999. № 29. P. 164.

²⁴ Kolata A. The South Andes // Ancient South Americas. San Francisco, 1983. P. 246; Pérez A.E. Op. cit. P. 61–72.

²⁵ Métraux A., Lehmann H. Archéologie de la province d'Oruro, Bolivie (mounds de Belen) // Journal de la Société des Américanistes. 1937. N 29 (1). P. 147–154.

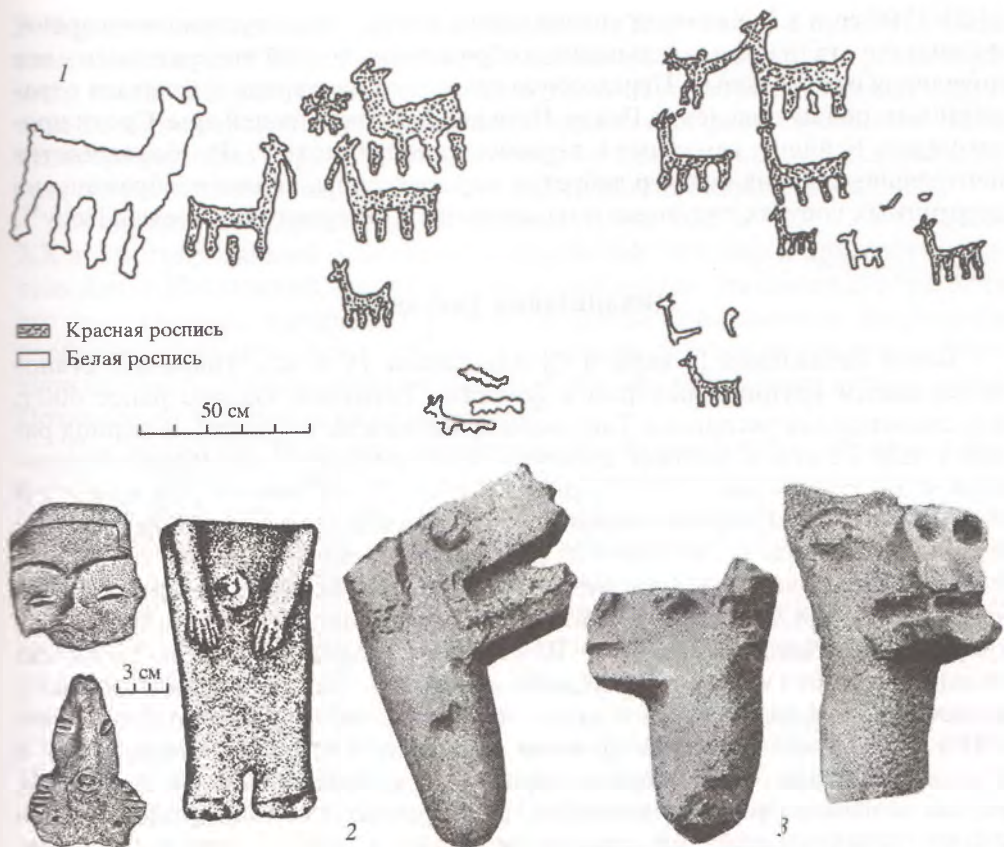
²⁶ McAndrews T.L. Wankarani Settlement Systems in Evolutionary Perspective. Pittsburgh, 2005. P. 33–40; Olsen Bruhns K. Ancient South America. Cambridge, 1994. P. 139.

²⁷ Pärssinen M. Op. cit. P. 164–165; Pérez A.E. Op. cit. P. 66–67.

²⁸ Kolata A. Op. cit. P. 246; Olsen Bruhns K. Op. cit. P. 175.

²⁹ Lechtman H.N., Macfarlane A.W. La metalurgia del bronce en los Andes Sur Centrales: Tiwanaku y San Pedro de Atacama // Estudios Atacameños 2005. 30. P. 7–27.

Культура ванкарани.

1. Наскальные росписи в Калакала, близ Оуру. 2. Фрагменты керамических статуэток. 3. Каменные головы лам.

твенники и соседи, а не вся община. Этим, равно как и характером построек (круглые однокомнатные жилища без заметных социальных различий между отдельными домохозяйствами) ванкарани напоминает культуры Центральных Анд, возникшие в третьей четверти I тыс. до н.э. и в начале II тыс. н.э. после распада крупных политических образований и смены элит³⁰. В этих культурах, как и в ванкарани, поселения значительно различались размерами, образуя иерархические системы, однако власть лидеров должна была иметь иные основания – экономические или военные, а не контроль над тайным знанием или владение престижными ценностями.

В середине I тыс. н.э. ванкарани испытала влияние культуры тиауанако: небольшое число сосудов копирует керамику тиауанако. Но о политической зависимости от Тиауанако эти факты вряд ли свидетельствуют. Скорее, речь идет о посредничестве в обменной торговле между прилегающими к Титикаке районами и долинами на восточных склонах Анд. Новая культура, получившая название хачакала, просуществовала до распада тиауанако, т.е. до

³⁰ Березкин Ю.Е. Между общиной и государством. Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике. СПб., 2013. С. 52–53, 97–98.

1100–1200 гг. н.э.³¹ Хачакала унаследовала каменную индустрию ванкарани, но жилища стали прямоугольными, а образование теллей прекратилось – все поселения однослойные. Переходную стадию от ванкарани к хачакале отражают материалы поселения Пахча-Пата первых веков нашей эры. Среди прочего здесь найдены каменные и керамические лабретки³². Для большинства центрально-андских культур лабретки не характерны, но они изображены на портретных сосудах тиауанако и на керамике с северного побережья Перу³³.

Цивилизация Тиауанако

После оставления Пукары в III или начале IV в. н.э. Тиауанако становится самым крупным центром в бассейне Титикаки. Однако ранее 600 г. н.э. свидетельств экспансии Тиауанако археологи не находят³⁴. В период ранее V или VI в. н.э. местная культура часто именуется кея (Qeya), а культура, существовавшая с VI–VII до XI–XII вв. – собственно Тиауанако³⁵. В 1950–1960-х годах основоположник национальной боливийской археологии К. Понсе Санхинес (1925–2005) на основе собственных полевых изысканий и с учетом хронологии американского археолога В. Беннета, ведшего раскопки в 30-е годы XX в., разработал пятичленную хронологическую шкалу для тиауанако. Согласно ей этапы I – III отражали развитие культуры до начала экспансии, этап IV – эпоху расцвета и этап V – период упадка³⁶. Раскопки последних десятилетий показали, что керамика, характерная для этапов I, II и III, сосуществовала во времени, равно как и керамика тиауанако IV и V этапов³⁷. Правильнее говорить о трех этапах. Первый, кея – от основания города до начала внешней экспансии, что, вероятно, произошло параллельно с формированием структур управления уровня государства. Второй – время распространения тиауанако за пределы прилегающей к Титикаке территории. Третий – период после утраты «колоний», где-то на рубеже XI и X в. н.э. Этот последний период (тиауанако V) выделяется не по керамике, а на основании радиоуглеродных датировок и представлен соответственно только близ южного берега Титикаки³⁸.

Создатели культуры тиауанако продолжали традиции, обозначившиеся еще в период расцвета Чирипы. В частности, скорченные костяки в тканевых «коконах» – характерная особенность местного погребального обряда³⁹.

³¹ Langlie B. Op.cit. P. 7–8; McAndrews T.L. Op. cit. P. 33–40.

³² Kolata A. Tiwanaku. Portrait of an Andean civilization // Field Museum of Natural History Bulletin 1982. N 53 (8). P. 13, 27; Korpisaari A., Pärssinen M. Pariti. The Ceremonial Tiwanaku Pottery of an Island in Lake Titicaca. Helsinki, 2011. fig. 21

³³ Cordy-Collins A. Labretted ladies: foreign women in Northern Moche and Lambayeque art // Moche Art and Archaeology in Ancient Peru. Washington. 2001. P. 247–257.

³⁴ Stanish C. Op. cit. P. 7.

³⁵ Ibid. P. 166; Augustyniak S. Dating the Tiwanaku state // Revista Chungara. 2004. N 36 (1). P. 19–35.

³⁶ Башилов В.А. Указ. соч. С. 70.

³⁷ Korpisaari A., Pärssinen M. Pariti. Op. cit. P. 44–45; Stanish C. Op. cit. P. 166–168.

³⁸ Stanish C. Op. cit. P. 11.

³⁹ Machicado Murillo E.P. Las tumbas de la península de Taraco. Trayectorias de cambio en prácticas funerarias durante la transición entre el Formativo Temprano y el Formativo Medio. La Paz, Universidad Mayor de San Andrés. Tesis de Licenciatura. 2009.

В Чирипе костяки помещены в круглые ямы, в Тиауанако – в прямоугольные каменные ящики. Специальных могильников не обнаружено, умерших хоронили на поселениях. Вместе с тем переход от периода кея к периоду тиауанако IV зафиксирован в появлении некоторых новых форм керамики и новой иконографии. Она отражает космологию, возникшую на юге Центральных Анд путем систематизации и кодификации традиционных верований⁴⁰.

Монолиты Тиауанако получили известность еще в XIX в., а в начале XX в. эмигрировавший в Боливию австрийский инженер и археолог-любитель Артур Познанский предпринял раскопки монументального центра. Хотя его представления о возрасте города были далеки от реальности, прорисовки изображений на монолитах, а также росписей на сосудах до сих пор не утратили ценность. Правда окончательная публикация результатов исследований Познанского затянулась на десятилетия⁴¹.

Для искусства Тиауанако характерен устойчивый набор образов, главным из которых является фигура персонажа анфас с жезлами в руках, к которому с обеих сторон устремлены бегущие люди-птицы. Персонаж анфас и люди-птицы в профиль изображаются как в рамках единой композиции, так и по отдельности. Такого рода изображения представлены на каменных монолитах, в том числе на знаменитых Воротах Солнца, а также на тканях, на деревянных дощечках для приема галлюциногенного порошка и реже – на керамических кубках⁴². На севере Перу сходная иконографическая схема была известна еще в начале I тыс. до н.э., но в искусстве Центральных и Южных Анд второй половины I тыс. н.э. она получила новое оформление. Истоки стиля, распространившегося в третьей четверти I тыс. н.э., надо искать в иконографии южных районов Перу начала нашей эры. Речь идет о культурах пукара и наска, но вполне возможно, что какие-то прототипы нам еще не известны⁴³. Оценки времени создания самых ранних изображений колеблются от середины VI до середины VII в. н.э.⁴⁴

В конце XIX в. немецкий археолог М. Уле обнаружил аналогии иконографии тиауанако на керамике и тканях с побережья Перу и счел их свидетельством экспансии боливийской культуры, поглотившей культуру побережья первой половины I тыс. н.э. – мочику, лиму и наску. Позже стало ясно, что культура тиауанако не имела к этому отношения – главным центром распространения подобной иконографии на территории Перу являлся г. Уари, возникший поблизости от современного Аякучо во второй половине VI в. н.э. Влияние, а частично и прямой политический контроль Уари простирались на большую часть побережья и горных районов Перу. Первые изображения персонажа с жезлами и бегущими к нему людьми-птицами в уари и тиауанако почти идентичны. Фигуры изображены на гигантских керами-

⁴⁰ *Smith S.C.* Generative Landscapes: The Step Mountain Motif in Tiwanaku Iconography. Barnardsville, 2012.

⁴¹ *Posnansky A.* Tihuanacu, the Cradle of American Man. Vol. 1–2. N.Y. 1945; *Eadem.* Tihuanacu, the Cradle of American Man. Vol. 3–4. La Paz, 1957.

⁴² *Korpisaari A., Pärssinen M. Pariti.* Op.cit; *Posnansky A.* Op. cit. Vol. 2. fig. 1. P. 59–67, 101, 114.

⁴³ *Isbell W.H., Knobloch P.J.* Missing links, imaginary links: Staff God imagery in the South Andean Past // *Andean Archaeology III. North and South.* N.Y. 2006. P. 307–351.

⁴⁴ *Isbell W.H.* Op. cit. P. 732, 751.

ческих полихромных сосудах из Кончопаты недалеко от Уари и на спине монолита Понсе в Тиауанако⁴⁵. Затем сходство двух традиций становится менее детальным. Как и почему новая идеология была параллельно использована в Уари и в Тиауанако и чем объясняются некоторые частные, но систематические различия между ритуальными практиками этих двух центров, пока не ясно. Время распространения данного стиля и его отголосков, т.е. с 550–650 до 1000–1150 гг. археологи именуют средним горизонтом. Поздний горизонт – время экспансии инков (с середины XIV – начала XV в.), а культуры, существовавшие после исчезновения уари и тиауанако, но до появления «имперского» инкского стиля в искусстве и архитектуре, исследователи относят к позднему промежуточному периоду.

Развалины монументального центра Тиауанако находятся на высоте 3840 м над уровнем моря и занимают площадь около 20 га. От оз. Титикака они отделены холмистой грядой. Площадь жилых и ремесленных кварталов – около 6 кв. км, численность населения города оценивается в 10–20 тыс. человек⁴⁶. Жилую застройку трудно исследовать, поскольку главным строительным материалом служила глина, так что общего плана Тиауанако до сих пор нет. Предлагавшаяся в прошлом оценка численности его населения в 30–60 тыс.⁴⁷ сейчас мало кем принимается.

Главное монументальное сооружение в центре Тиауанако – Акапана. Оно сильно повреждено грабительскими раскопками, так что его первоначальный облик реконструируется лишь в общих чертах⁴⁸. Ясно, что общественно-культовая архитектура продолжала местные традиции, восходящие ко II тыс. до н.э. Акапана имела вид шестиступенчатой платформы размером 204 × 192 × 17 м и частично была сложена из циклопических обработанных каменных блоков. Рядом с Акапаной находился комплекс Каласасая – прямоугольная платформа (129 × 119 × 4,2 м) с двухметровой каменной стеной по краям. Внутри нее стояли Ворота Солнца, но их точное расположение в древности не известно. Этот самый знаменитый объект архитектуры Тиауанако первоначально представлял собой монолит весом 10 т. В XIX в. он был найден поваленным и расколотым, а нижняя перемычка, служившая порогом проема, исчезла. Весьма вероятно, что композиция на Воротах Солнца имела календарную символику⁴⁹, хотя эта тема была, скорее всего, лишь аспектом более общих космологических представлений. Расколотым найден и другой монолит Тиауанако – Ворота Луны, имевший меньшие размеры, но тоже с рельефным фризом в верхней части. На вершине Акапаны обнаружены основания построек, – видимо, жилища элиты. Квадратное в плане углубление в центре платформы со стороной 45 × 45 м вряд ли служило просто для сбора дождевой воды, как иногда предполагают⁵⁰. Есть рельефное изображение на небольшой каменной стеле, которое в общем и целом повторяет конту-

⁴⁵ Ibid. P. 735–738.

⁴⁶ Korpisaari A., Pärssinen M. Pariti. Op.cit. P. 29–30; Isbell W.H. Op. cit. P. 748–750.

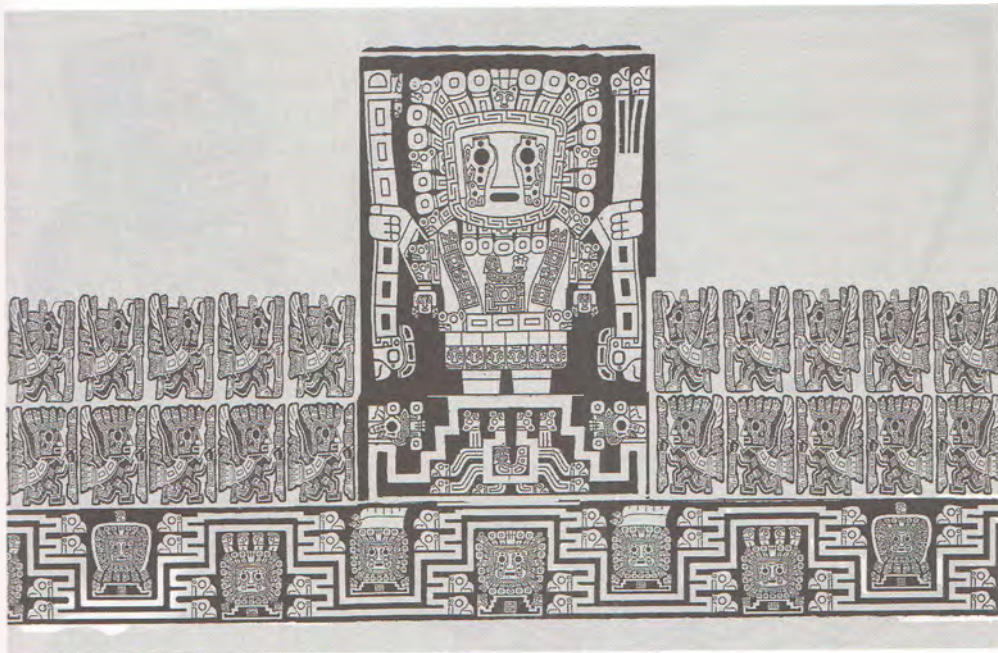
⁴⁷ Kolata A., Ponce Sangines C. Op. cit. P. 332.

⁴⁸ Ibid. P. 29–39; Manzanilla L., Woodard E. Restos humanos asociados a la pirámide de Acapana (Tiwanaku, Bolivia) // Latin American Antiquity. 1990. N 1 (2). P. 133–149.

⁴⁹ Helsley A.M. A review of the astronomical interpretations of the Tiwanaku Gate of the Sun // Andean Perspective (Austin). 1987. N 5. P. 10–15.

⁵⁰ Manzanilla L., Woodard E. Op. cit. P. 134–138.

Тиауанако: прорисовка А. Познанского рельефа на Воротях Солнца
(масштаб центральной фигуры увеличен, а бокового орнамента уменьшен)

ры Акапаны, и на нем тоже показано углубление в центре. При раскопках Акапаны найдена базальтовая фигура человека-пумы с головой-трофеем в руках⁵¹. Она находилась на пьедестале у основания лестницы и, возможно, мыслилась своего рода стражем святилища.

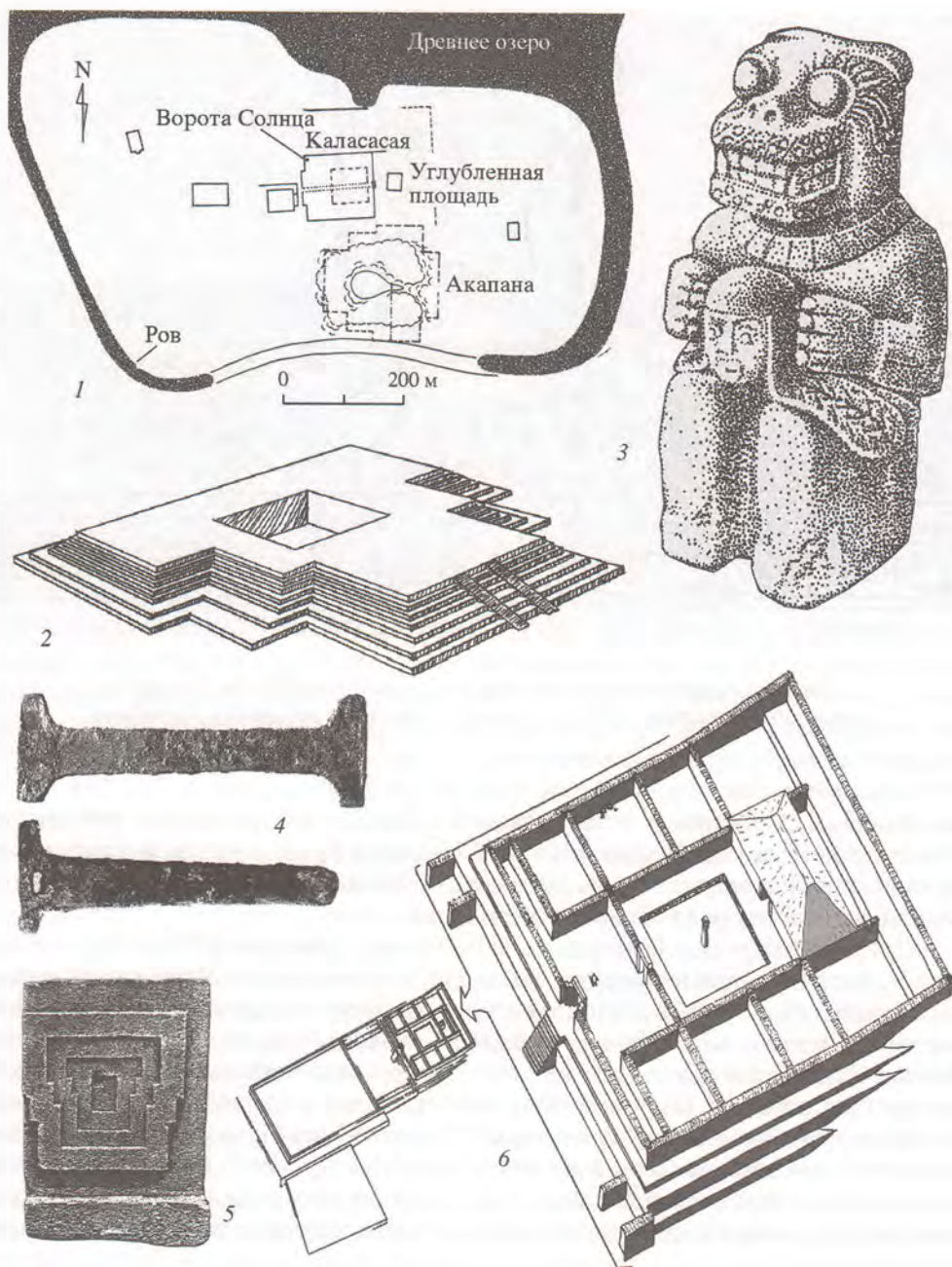
Другая платформа Тиауанако, Пума-Пунку, размером 155 × 132 × 4,8 м, как и Акапана, ориентирована по линии восток–запад. Ядро платформы заполнено глиной, но в облицовке местами использованы циклопические каменные плиты, которые доставлены из карьера, удаленного от города на 10 км. Самая тяжелая весит 131 т⁵². На вершине находится углубленная квадратная пласа со стороной 30 м, имевшая (как и углубление в Акапане) специальный сток для дождевой воды. Ступени Пума-Пунку были украшены золотом – найдены остатки фольги и золотых гвоздиков⁵³. Есть мнение, что Пума-Пунку была возведена несколько позже других комплексов, поскольку находится в стороне от них, за пределами рва, окружающего центральные сооружения.

В стены так называемого полуподземного храма размером 28,5 × 26 м и глубиной 2 м вмонтированы 175 каменных голов. Этот храм был, видимо, сооружен на раннем этапе строительства Тиауанако – статуи, которые там

⁵¹ Kolata A., Ponce Sangines C. Op. cit. fig. 10, 14.

⁵² Browman D.L. Toward the development of the Tiwanaku (Tiwanaku) state // *Advances in Andean Archaeology*. The Hague, Paris. 1978. P. 330.

⁵³ Korpisaari A., Pärssinen M. Pariti. Op. cit. P. 32.

Культура тиауанако.

1. Схема расположения монументальных объектов в центре Тиауанако (комплекс Пума-Пунку к юго-западу от остальных сооружений не показан). 2. Примерная реконструкция Акапаны. 3. Найденная при раскопках Акапаны базальтовая статуя человека-пумы с головой-трофеем в руках. 4. Бронзовая скрепа для соединения каменных плит (Акапана) и бронзовый топор (Лукурмата). 5. Каменная плита с городища Тиауанако, рельеф на которой напоминает план Акапаны. 6. Общественно-культовое сооружение площадью 120×43 м в Омо – колонии Тиауанако на крайнем юге побережья Перу в долине Осморе близ г. Арекипа.

найжены, по стилю относятся не позже, чем к первым векам нашей эры⁵⁴. Независимо от времени сооружения площадь продолжала функционировать в эпоху расцвета города. Именно тогда была воздвигнута огромная (высотой 7,3 м и весом почти 20 т) антропоморфная стела, покрытая рельефными изображениями, так называемый монолит Беннета. Он находился в центре пласы, а в 30-е годы был перевезен в Ла-Пас. В Каласасае стояла еще одна подобная стела, несколько меньшая по размеру, названная в честь К. Понсе Санхинеса. Она по-прежнему находится в Тиауанако, но помещена у входа в Каласасаю. Там же сейчас стоит монолит Эль-Фрайле, связанный со стилем яя-мама и созданный либо в период кея, либо вообще еще до основания Тиауанако.

Как уже было сказано, экономика культуры тиауанако базировалась на ирригационном земледелии – создатели этой культуры выращивали картофель на высоких грядах, имевших от 5 до 20 м в ширину и порядка 200 м в длину. Первые земледельцы боливийского плоскогорья, видимо, использовали каменные мотыги. Однако в эпоху Тиауанако находки лезвий мотыг единичны. Предполагается, что грядковые поля обрабатывали с помощью деревянной палки-копалки с упором для ноги⁵⁵. Именно это орудие было обычным в эпоху инков.

Грядковые поля Тиауанако детально исследованы в ряде работ⁵⁶. В долине речки Катари, отделенной от Тиауанако небольшой горной грядой, они занимали 70 кв. км (район Пампа-Коани). Юго-западным центром долины Катари был г. Лукурмата, в древности расположенный у самого берега озера. В нем имелись общественно-культовые сооружения, в том числе квадратный в плане полуподземный храм со стороной 9,5 м. Стены из обработанных каменных блоков немного превышали человеческий рост⁵⁷. Остатки застройки прослежены в Лукурмате на площади порядка 1 кв. км⁵⁸. Лукурмата представляла собой типичный для первичного государства провинциальный административный центр высшего ранга, копирующий столицу в меньшем масштабе, число его жителей должно было составлять несколько тысяч человек. В 10 км севернее Лукурматы, также у берега озера, находилось еще одно крупное поселение – Пахчири. Его площадь могла достигать 2,5 кв. км⁵⁹. Других провинциальных центров подобного размера в зоне влияния Тиауанако не найдено, и это свидетельствует об особой значимости долины Катари для экономики. Мало сомнений в том, что для посадки картофеля

⁵⁴ Browman D.L. Op. cit. fig. 1.

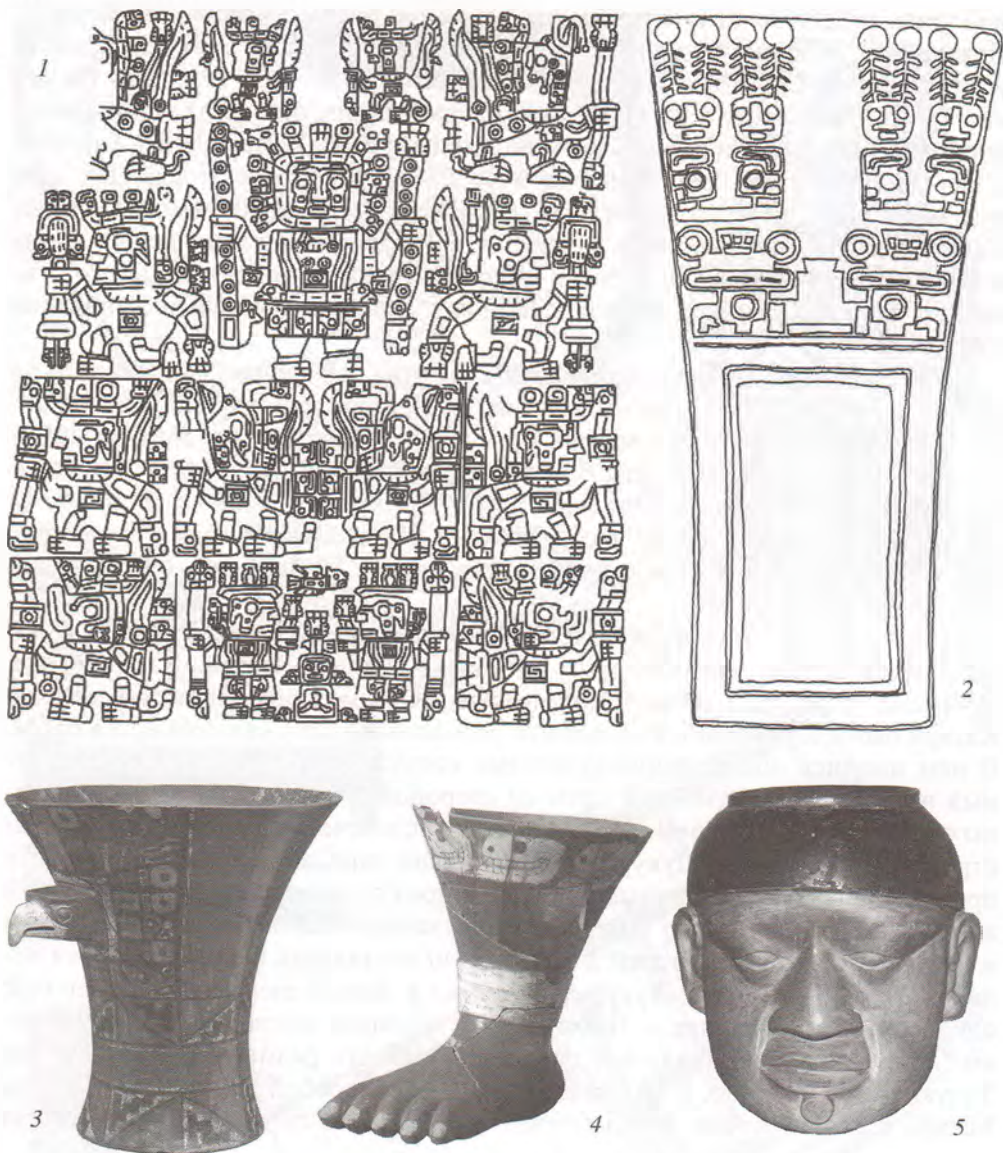
⁵⁵ Janusek J.W., Kolata A. Top-down or bottom-up: rural settlement and raised field agriculture in the Lake Titicaca Basin, Bolivia // *Journal of Anthropological Archaeology*. 2004. N 23. P. 424.

⁵⁶ Kolata A. Tiwanaku. Portrait of an Andean civilization // *Field Museum of Natural History Bulletin*. 1982. N 53 (8). P. 13–28; *Eadem*. The agricultural foundation of the Tiwanaku state: a view from their heartland // *American Antiquity*. 1986. N 51 (4). P. 748–762; *Eadem*. The technology and organization of agricultural production in the Tiwanaki state // *Latin American Antiquity*. 1991. N 2 (2). P. 99–125.

⁵⁷ Ponce Sanginés C. *Arqueología de Lukurmata*. Vol. 1. Investigaciones arqueológicas en un asentamiento urbano de la cultura Tiwanaku. La Paz, 1989. fig. 50; Rivera Sundt O. Resultados de la excavación en el centro ceremonial de Lukurmata // *Arqueología de Lukurmata*. Vol. 2. La Paz, 1989. P. 59–88.

⁵⁸ Stanish C. Op. cit. P. 50–51.

⁵⁹ Kolata A. *The South Andes* // *Ancient South Americas*. San Francisco, 1983. P. 241–285.

Культура тиауанако.

1. Прорисовка рельефа на монолите Понсе. 2. Найденная в Тиауанако каменная дощечка для вдыхания наркотического порошка. Отростки, отходящие от личин, изображают цветы растения *Anadenanthera colubrina* – сильного галлюциногена. 3. Ритуальный кубок с полихромной росписью. 4, 5. Кубок в виде ноги с изображением черепов вдоль венчика и сосуд в виде головы человека с лабреткой в нижней губе. Из святилища на острове Парити близ южного берега Титикаки.

и сбора урожая мобилизовали прежде всего жителей крупных поселений – одно лишь сельское население с этой задачей не справилось бы. Судя по данным об организации работ в государстве инков, оно расплачивалось с мобилизованными на работы устройством пиршеств, для которых готовили чичу из обычно недоступной в горах кукурузы.

Грядковые поля располагались и в самой долине Тиауанако (60 кв. км), а также в расположенной южнее долине Десагуадеро (также 60 кв. км). Если исходить из минимальных оценок, все эти поля в совокупности могли прокормить 380 тыс. человек, а если из максимальных – почти полтора миллиона⁶⁰.

Раскопки показали, что Тиауанако и Лукурмата являлись очагами ремесленного производства, в частности керамики и костяных флейт. Домохозяйства и мастерские ремесленников были сконцентрированы в специальных кварталах. Центров производства и обработки металла пока не обнаружено, но при раскопках обоих городов найдены сотни мелких орудий и украшений из металла. В Тиауанако примерно две трети из них сделаны из мышьяковистой бронзы, включающей также примесь никеля, а треть – из оловянистой бронзы. В Лукурмате соотношение оказалось обратным. Самые ранние изделия из оловянистой бронзы датированы VI–VII вв. н.э., мышьяковистая бронза появляется на несколько столетий раньше. Ни в Перу, ни в северо-западной Аргентине добавки никеля в мышьяковистой бронзе нет, эта особенность специфична для культуры тиауанако. Сплавы делали, скорее всего, смешивая руды, а не готовые металлы, хотя в точности это не определено⁶¹. Распространение оловянистой бронзы позже мышьяковистой характерно и для Юго-Западной Азии.

Большинство крупных изделий из металла, по понятным причинам, найдены в захоронениях, а не в культурном слое. Для тиауанако типичны Т-образные бронзовые топоры с небольшим сквозным отверстием близ места соединения длинного лезвия и плечиков. Своеобразную категорию металлических изделий представляют кованые и литые I-образные бронзовые скрепы около 20 см длиной, соединяющие камни циклопической кладки⁶².

Высочайшего уровня достигло ткачество тиауанако. Редкие сохранившиеся ткани найдены в погребениях в Атакаме и в сухих пещерах в горах. В многоцветных келимах число нитей достигает 70–90 на 1 см, поэтому иногда рисунок кажется нанесенным путем окрашивания⁶³.

Основная территория Тиауанако к юго-востоку от оз. Титикака составляла 2–3 тыс. кв. км. Это примерно соответствует территории других культур Нового Света, для которых предполагается уровень политической сложности, соответствующий первичным государствам или «аналогам государства»⁶⁴. Таковы Монте-Альбан в мексиканской Оахаке и Мочика на севере побережья Перу⁶⁵. Все более или менее крупные поселения тиауанако

⁶⁰ Kolata A.L. The technology and organization... P. 110.

⁶¹ Lechman H.N. Tiwanaku Period (Middle Horizon) Bronze Metallurgy in the Lake Titicaca Basin // Tiwanaku and its Hinterland. Vol. 2. Wash. 2003. fig. 17.2

⁶² Ibid. fig. 17.38, 39.

⁶³ Rodman A.O., Fernández A. Los tejidos Huari y Tiwanaku: comparaciones y contextos <http://revistas.pucp.edu.pe/index.php/boletindearqueologia/article/view/877> // Boletín de Arqueología PUCP 2000. N 4. P. 125.

⁶⁴ Гринин Л.Е. Раннее государство и его аналоги // Раннее государство и его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 85–163; Он же. Ранние государства и их аналоги в политогенезе: типология и сопоставительный анализ // Ранние формы политических систем. СПб., 2013. С. 9–98.

⁶⁵ Quilter J. The Moche of Ancient Peru. Media and Messages. Cambridge, 2010; Quilter J., Koons M.L. The fall of the Moche: a critique of claims for the New World's first state // Latin American Antiquity. 2012. N 23 (2). P. 127–143.

расположены не далее 75 км от столицы. Что касается удаленных районов, то поселений со зданиями административного назначения там не обнаружено⁶⁶. Этим культура тиауанако отличается от культуры уари, где подобные здания хорошо известны.

Вопрос о степени контроля Тиауанако над удаленными районами, где найдены материалы этой культуры, — один из самых дискуссионных. Предметы с изображениями в стиле тиауанако есть на юге Перу, на севере Чили и в долине Кочабамбы на восточных склонах боливийских Анд. Однако эти находки свидетельствуют о разных процессах.

В долине Осморе на побережье Перу обнаружен культовый центр Тиауанако⁶⁷, а изучение черепов из погребений показало, что более позднее население этого района является потомками колонистов с боливийского Альтиплано. Вместе с тем на культуру местного населения долины Осморе культура тиауанако влияния не оказала. К тому же выше по течению р. Катарри находился Серро-Бауль — форпост государства Уари, который мог при желании блокировать связи между «колонией» Тиауанако и его метрополией в горной Боливии.

В долине Кочабамбы получила распространение керамика тиауанако (наряду с расписной керамикой местных стилей⁶⁸). Здесь же еще в 1916 г. случайно нашли захоронение человека, костюм и головной убор которого были богато украшены золотом. Кем был захороненный, определить трудно, но явных и несомненных особенностей иконографии тиауанако на украшениях не заметно⁶⁹. Также в Кочабамбе не удалось обнаружить ни генетического следа горцев, ни построек в стиле тиауанако⁷⁰. В расположенной восточнее долине Миске присутствие тиауанако вообще не замечено, есть лишь некоторые стилистические влияния на местной посуде⁷¹.

Наиболее интересные данные получены из оазиса Сан-Педро-де-Атакама, расположенного на высоте 2430 м над уровнем моря в северном Чили близ границы с Боливией, в 800 км к югу от Тиауанако. Здесь в обширном могильнике найдены сотни дощечек для галлюциногенного порошка, украшенных изображениями в стиле тиауанако⁷². Долгое время Сан-Педро-де-Атакаму считали просто колонией Тиауанако, однако датировка самых ранних дощечек III в. н.э. совершенно меняет картину. Она заставляет предполагать, что некоторые мифологические образы, характерные для искусства тиауанако эпохи расцвета, появились в Чили до своего распространения в районах,

⁶⁶ *Bermann M.* Domestic life and vertical integration in the Tiwanaku heartland // *Latin American Antiquity* 1997. N 8 (2). P. 109.

⁶⁷ *Goldstein P.* Tiwanaku temples and state expansion: a Tiwanaku sunken-court temple in Moquegua, Peru // *Latin American Antiquity* 1993. N 4(1). P. 22.

⁶⁸ *Rydén S.* The Erland Nordenskiöld Archaeological Collection from Mizque Valley, Bolivia. Göteborg. 1956.

⁶⁹ *Berenguer J.R.* Tiwanaku. Señores del Lago Sagrado. Santiago, 2000. P. 72–73; *Isbell W.H.* Op. cit. P. 650.

⁷⁰ *Isbell W.H.* Op. cit. P. 739–740.

⁷¹ Башлов В.А. Указ. соч. С. 91.

⁷² *Torres C.M.* The iconography of the Prehispanic snuff trays from San Pedro de Atacama, Northern Chile // *Andean Past*. 1987. N 1. P. 191–245; *Llagostera A.M.* Contextualización e iconografía de las tabletas psicotrópicas Tiwanaku de San Pedro de Atacama // *Chungara*. 2006. N 38 (1). P. 83–111.

прилегающих к оз. Титикака⁷³. Исследование костного материала из погребений в Сан-Педро-де-Атакама показало, что ни один из захороненных не был родом из горной Боливии⁷⁴. Поскольку с точки зрения демографии и экономики значение оазисов северного Чили ничтожно по сравнению с территорией вдоль южного берега Титикаки, распространение данных образцов в Центральных Андах должно было быть вызвано причинами, имеющими отношение к религии, а не к экономике. Оно свидетельствует о приобщении элитарных групп к определенным культам и ритуальным практикам, но не о политической зависимости одних центров от других.

Этот вывод подтверждается сведениями о химическом составе найденных в Тиауанако и в Сан-Педро-де-Атакама бронзовых топоров⁷⁵. В горной Боливии топоры делали из местной руды, а найденные в могильниках Сан-Педро-де-Атакама имеют не местное, а боливийское и реже южноперуанское происхождение. Что именно привозили – готовые изделия или руду – в точности сказать трудно, но первое вероятнее. Это значит, что культовое значение Сан-Педро-де-Атакама не было связано с его ролью центра металлургии и металлообработки. Скорее, обитатели Тиауанако готовы были расплачиваться дорогостоящими изделиями за нематериальные ценности. В одном из захоронений Сан-Педро-де-Атакама были найдены даже вещи из золота, в том числе три сосуда в стиле тиауанако⁷⁶. Подобные находки похожи не на плату местным вождям за лояльность, а на дары религиозным авторитетам, позволявшим пользоваться своей благосклонностью. О том, что в чилийской пустыне мог находиться сакральный центр, авторитет которого распространялся на огромную территорию, свидетельствуют и обнаруженные в Сан-Педро-де-Атакама погребения с предметами культуры агуада из северо-западной Аргентины⁷⁷.

Таким образом, политическое образование с центром в Тиауанако хоть и являлось достаточно мощным, называть его империей, как это иногда делается, нет никаких оснований. Влияние Тиауанако за пределами его основной территории было основано на идеологических связях, а о связях экономических и особенно политических пока трудно сказать что-то определенное.

Сокращение территории Тиауанако в конце I тыс. н.э., а через пару столетий и полный распад культуры могли быть вызваны двумя причинами. Об одной уже говорилось – аридизация климата и падение уровня озера, что привело к запустению огромных массивов грядковых полей. Есть мнение, что обнажившееся дно озера земледельцы быстро осваивали⁷⁸, но вполне

⁷³ Isbell W.H., Knobloch P.J. Op. cit. P. 316.

⁷⁴ Knudson K.J. La influencia de Tiwanaku en San Pedro de Atacama: Una investigación utilizando el análisis de isótopos del estroncio // Estudios Atacameños. 2007. N 33. P. 7–24.

⁷⁵ Lechtman H.N., Macfarlane A.W. La metalurgia del bronce en los Andes Sur Centrales: Tiwanaku y San Pedro de Atacama // Estudios Atacameños. 2005. N 30. P. 25–26.

⁷⁶ Lleras R.P. Metales preciosos. Oro y plata de nuestros ancestros // Hoyas de los Andes. Metales para los hombres, metales para los dioses. Santiago, 2005. P. 29

⁷⁷ Ataliva V.H. Nota sobre dualidad simbólica en Aguada. Un caso de estudio: La túnica hallada en San Pedro de Atacama, Chile // Estudios Atacameños. 2000. N 20. P. 67–75.

⁷⁸ Erickson C.L. Neo-environmental determinism and agrarian collapse in Andean prehistory // Antiquity. 1999. N 73 (281). P. 634–642.

компенсировать потери они все же вряд ли могли. Вместе с тем способствовать распаду тиауанако могли и особенности, касающиеся культовой сферы.

Идеология, общая для Тиауанако и Уари, выглядит не вполне соответствующей размерам и сложности этих политических образований. Главные символы, представленные в элитарном искусстве, включали изображения галлюциногена *Anadenanthera colubrina* и голов-трофеев – нередко в рамках одной композиции⁷⁹. Сосуды в виде человеческой ноги в перуанских, боливийских и аргентинских культурах можно сопоставить с захоронениями отрезанных ног в Акапане, т.е. в главном общественно-культовом сооружении Тиауанако⁸⁰. Весьма вероятно, что ритуалы, предусматривавшие использование сильнодействующих наркотиков и умерщвление пленников либо нанесение им увечий, исполнялись публично с участием лиц, занимавших высшие позиции в иерархии (для культуры мочика на севере Перу археологами накоплен огромный материал, подтверждающий именно такое предположение). Престиж представителей элиты, очевидно, основывался на обладании тайным сакральным знанием и регулярном получении санкции на обладание властью со стороны мифических первопредков. В такой ситуации серьезный хозяйственный кризис мог привести к утрате доверия не только к конкретным представителям элиты, но и к господствующей идеологии в целом. Смена идеологии означала смену элит и, как следствие, перестройку всей политической системы.

Между тиауанако и инками

В XI–XII вв. н.э. культура районов, прилегающих к Титикаке, меняется до неузнаваемости. Возникает совершенно новая система поселений, распространяются новые формы захоронений.

Число и размеры поселений на равнине резко сокращаются, а высоко в горах строятся крепости-убежища, предназначенные, скорее всего, не только для людей, но и для скота. В XIV в. число городищ достигает максимума⁸¹. В перуанской части плато некоторые из них, расположенные на высоте 4100–4400 м, занимают площадь до 30 га и огорожены несколькими кругами каменных стен высотой до 5 м⁸².

По всем территориям, прилегающим к Титикаке, строятся погребальные башни-чульпы. Их появление отражает распространение совершенно новой

⁷⁹ Berenguer J.R. Evidencias de inhalación de alucinógenos en esculturas Tiwanaku // Revista Chungara. 1985. N 14. P. 61–69; Berenguer J.R. Consumo nasal de alucinógenos en Tiwanaku: una aproximación iconográfica // Boletín del Museo Chileno de Arte Precolombino. 1987. N 2. P. 33; Tung T.A. Trauma and violence in the Wari Empire of the Peruvian Andes: warfare, raids, and ritual fights // American Journal of Physical Anthropology. 2007. N 133. P. 941–956; Eadem. Dismembering bodies for display: a bioarchaeological study of trophy heads from the Wari site of Conchopata, Peru // American Journal of Physical Anthropology. 2008. N 136. P. 294–308.

⁸⁰ Trigo Rodríguez D., Hidalgo Rocabado R. Elementos rituales en Huari y Tiwanaku: los vasos-pie y su relación con el corte de pies en ritos // Arqueología y arte rupestre. Julio 2010. P. 93–110.

⁸¹ Arkush E. War, chronology and causality in the Titicaca Basin // Latin American Antiquity. 2008. N 19 (4). P. 339–373; Eadem. Pukaras de los Collas: guerra y poder regional en la cuenca norte del Titicaca durante el Periodo Intermedio Tardío // Andes. 2009. N 7. P. 463–479.

⁸² Hyslop J. Hilltop cities in Peru // Archaeology. 1977. N 30 (4). P. 218–225.

идеологии, в которой почитание сонма мифических первопредков уступило место почитанию конкретных предков определенных родовых групп. Во время ритуалов останки умерших, по-видимому, выносили из камер на обозрение – так же, как это делали инки. Судя по ареалу распространения и хронологии появления чульп, эта идеология возникла на севере горного Перу не позже середины I в. н.э. и затем распространялась на юг. Вполне вероятно, что на Альтиплано ее принесли аймара. Наличие в центральном Перу языков хакару и кауки, которые родственны языку аймара, и тесные языковые контакты прото-аймара с прото-кечуа позволяют локализовать прародину аймара где-то в пределах перуанских департаментов Уанкавелика, Ика, Аякучо и Арекипа. Что касается создателей культуры тиауанако, то их языковая принадлежность остается невыясненной. Они могли говорить на языке, близком уру, чипая или пукина, но вполне вероятно, что древний язык обитателей берегов Титикаки бесследно исчез, как и десятки других языков, распространенных в Центральном и Южных Андах до прихода испанцев и тем более до инкского завоевания. Генетически создатели культуры тиауанако значительно отличаются от аймара⁸³.

Период после исчезновения тиауанако и до инкского завоевания связан с расцветом культуры молю, центры которой находились в субтропических долинах к востоку от Титикаки на высотах от 3800 до 1500 м над уровнем моря⁸⁴. В это время здесь появляются городки, из которых наиболее известен Ишканвая. Сейчас его развалины в глубоком ущелье долины р. Льяка напоминают едва ли не Мачу-Пикчу. Сложенные из необработанного камня прямоугольные в плане двухкомнатные дома, видимо, имели двускатные крыши. Стены были обмазаны глиной и в нижней части окрашены в красный цвет. В отличие от построек тиауанако и инков, плиты из обработанного камня строители не использовали, но трапециевидная форма дверных проемов почти такая же, как у инков. Обычные погребения молю – в каменных ящиках, но есть и надземные «мавзолеи» – местная разновидность чульп. Их зарисовки оставил еще А. Банделье в конце XIX в.⁸⁵ Создатели молю были искусными ирригаторами, строившими сельскохозяйственные террасы и каналы. Для найденной в погребениях керамики характерны кубки с носиком, отходящим от нижней части тулова⁸⁶. Подобный носик мог служить для того, чтобы при питье в рот не попадал мусор, плававший на поверхности жидкости. Частичные аналогии керамике молю встречаются почти по всему Альтиплано, но длинный носик сосудов характерен только для основной территории культуры. Металлургия молю (медь, бронза, золото и серебро) технологически близка к металлургии тиауанако. Ни парадной керамики высокого качества, ни фигуративных изображений из камня или металла нет.

⁸³ Korpisaari A., Pärssinen M. *Pariti*. Op. cit. P. 138.

⁸⁴ Mackay W.I. An appraisal of the Mollo culture of Bolivia // *Recent Studies in Pre-Columbian Archaeology*. Vol. 421. Part 2. Oxford, 1988. P. 513–544; Olsen Bruhns K. *Ancient South America*. Cambridge. 1994. P. 313.

⁸⁵ Mac Bain Chapin H. The Bandelier archaeological collections from Pelechuco and Charassani, Bolivia. Rosario (Argentina), 1961.

⁸⁶ Башилов В.А. Указ. соч. С. 74–75; Canterla J.F. La colección de cerámica Mollo del Museo de Prehistoria de Valencia // *Revista Española de Antropología Americana*. 1969. N 4. P. 65–92; Rivero Dorado M. Cerámica andina arqueológica en la colección Lunardi // *Terra Ameriga*. 1981. N 42. P. 57–67.

Культура мольо возникла еще в эпоху позднего тиауанако и сохранялась практически до конкисты. К северо-востоку от Титикаки ее создатели, возможно, говорили на языке пукина, слова которого сохранились в «тайном» языке современных торговцев-лекарей кальяуайя.

На плоскогорье вокруг Титикаки в XIV в. существовали четыре политических объединения. Наиболее мощными были Коля и Лупака на перуанской территории. Пакахе к югу от озера и Омасуйю к востоку от него имели меньшее значение, поэтому и сведений о них в испанских источниках сохранилось мало. Все эти, равно как и расположенные южнее объединения соответствовали вождествам разного уровня сложности. Предполагается, что экономика вождества, находившегося на юге плоскогорья в районе больших солончаков, была основана на добыче соли, но методами археологии проверить эту гипотезу сложно⁸⁷.

Культура саванн области Мохо

Первые сведения о культуре индейцев Восточной Боливии сообщили испанские иезуиты, которые в начале XVII в. проникли в саванны Мохо (департамент Бени). К этому времени местная природная среда была уже значительно изменена человеком. Через периодически затопляемые территории проложены дороги на высоких дамбах, насыпаны искусственные холмы высотой до 20 м и поперечником до нескольких сотен метров, обустроены тысячи квадратных километров грядковых полей⁸⁸. На европейцев обитатели области Мохо, особенно араваки, произвели благоприятное впечатление. Местные жители носили длинные белые рубахи, властные вожди поддерживали порядок. Городки имели достаточно правильную планировку. В центре посреди площади находился храм или мужской дом, вокруг вдоль улиц располагались сотни домов, многие поселения были окружены глубоким оборонительным рвом с палисадом⁸⁹.

Деятельность иезуитов можно назвать успешной, поскольку к концу XVIII в. им удалось практически полностью искоренить местные традиции, имеющие отношение к сфере ритуалов и верований. В 1908–1909 гг. шведский исследователь Э. Норденшельд впервые исследовал область Мохо на предмет поиска древних памятников и провел раскопки трех искусственных холмов. Подобные холмы характерны и для других сильно увлажненных аллювиальных районов Южной Америки от запада Эквадора до устья Амазонки. Их нельзя считать ни теллями ближневосточного типа, в которых слой состоит из постепенно копившихся культурных остатков, ни монументальными платформами, характерными для Перу. Скорее, рост холмов шел в основном за счет многократной подсыпки грунта, который разравнивали и перекапывали⁹⁰. Проследить в такой ситуации стратиграфию крайне слож-

⁸⁷ Lecoq P. Ethnoarchéologie du Salar d'Uyuni // Bulletin de l'Institut Français d'Études Andines. 1985. N 14 (1–2). P. 57–84.

⁸⁸ Walker J.H. The Llanos de Mojo // Handbook of South American Archaeology. N.Y. 2008. P. 929.

⁸⁹ Erickson C.L. Pre-Columbian roads of the Amazon // Expedition. 2001. N 43 (2). P. 22–23

⁹⁰ Erickson C.L. Lomas de ocupación en los Llanos de Moxos // Arqueología de las Tierras Bajas. Montevideo. 2000. P. 207–226.

но. Материалы, опубликованные Норденшельдом, прежде всего рисунки больших погребальных урн с полихромной росписью, указывали на базовое сходство местной культуры с культурами других областей бассейна Амазонки, но позволяли лишь в самых общих чертах определить датировку материалов. Наиболее богатые материалы были получены Норденшельдом при раскопках небольшого (45 × 25 × 5 м) холма Веларде⁹¹, где удалось зафиксировать два культурных горизонта с различными типами керамики, и более значительного по площади, но менее высокого холма Хернмарк. В захоронениях из нижнего горизонта Веларде находились погребальные урны-триподы с крышками, украшенные полихромной росписью, позволяющей связать их с так называемым полихромным горизонтом Амазонии⁹². Материалы из Хернмарк ближе к верхнему слою Веларде, но содержат параллели и с нижним слоем⁹³.

После Норденшельда в саваннах Мохо вели исследования десятки специалистов из многих стран, которые картографировали и описали видимые сейчас на поверхности земляные сооружения. Раскопки холма Альто-де-Касарабе (600 × 400 × 16 м) выявили здесь последовательность от 22 до 32 культурных контекстов, относящихся к промежутку времени от III в. до н.э. до XII в. н.э.⁹⁴ Древнейшие даты, полученные при изучении нижних слоев в искусственных холмах области Мохо, приходятся на IX–VIII вв. до н.э. Андские импорты и иконографические параллели указывают на контакты обитателей Мохо с тиауанако, а затем с инками. Контакты с тиауанако были опосредованными – расписная керамика, обнаруженная еще Э. Норденшельдом в долине Миске, находит аналогии, с одной стороны, среди сосудов тиауанако, а с другой, среди материалов нижнего слоя холма Веларде⁹⁵. Что касается инков, то близ впадения Бени в Мадре-де-Дьос, возможно, существовало что-то вроде административного поста Тауантинсуйю, контролировавшего обмен с местным населением⁹⁶. Параллели с другими культурами Амазонии также подтверждают принадлежность основной массы искусственных насыпей в саваннах Мохо ко времени от середины I тыс. н.э. до прихода испанцев. При этом материалы из различных районов области Мохо указывают на значительные культурные различия, касающиеся форм и технологии производства керамики, типов захоронений и видов земляных сооружений. Языковое разнообразие индейского населения области (четыре разные языковые семьи плюс пять изолятов) также указывает на сложность этнической и культурной истории.

Сравнение обнаруженной в саваннах Мохо керамики с другими амазонскими комплексами, равно как и имеющиеся на сегодняшний день радио-

⁹¹ Nordenskiöld E. Archäologische Forschungen im Bolivianischen Flachlande // Zeitschrift für Ethnologie. 1910. N 42. P. 811; Eadem. Urnengräber und Mounds im Bolivianischen Flachlande // Baessler Archiv. 1913. N 3. S. 215–224.

⁹² Березкин Ю.Е. Мифы заселяют Америку. М., 2007. С. 140–141.

⁹³ Bennett W. Clark. Excavations in Bolivia // Anthropological Papers, American Museum of Natural History. 1936. N 35(4). P. 395–398.

⁹⁴ Calandra H.A., Salceda S.A. Amazonia boliviana: arqueología de los Llanos de Mojos // Acta amazónica. 2004. N 34 (2). P. 159.

⁹⁵ Nordenskiöld E. Die östliche Ausbreitung der Tiahuanacokultur in Bolivien und ihr Verhältnis zur Aruakkultur in Mojos // Zeitschrift für Ethnologie. 1917. Jhr. 49. S. 14–15. Abb. 2.

⁹⁶ Walker J.H. Op. cit. P. 935.

Керамика из области Мохо, Восточная Боливия.

1. Из нижнего слоя холма Веларде. 2, 3. Из холма Хернмарк.

углеродные даты свидетельствуют о крайне сложной истории области. Ее первоначальное освоение группами с развитой земледельческой экономикой должно относиться к началу I тыс. до н.э., но этот самый ранний археологический комплекс пока четко не выделен. Зафиксированные иезуитами особенности местной культуры (типы поселений и формы ритуалов) указывают на преобладание аравакского компонента – того же, который характерен для культуры верховьев Шингу в Бразилии. Археологически этот компонент принято связывать с распространением так называемой барранкоидной керамики (с лепным декором по венчику). В первой половине I тыс. до н.э. она появилась в бассейне Ориноко, около IV в. до н.э. – на средней Амазонке, но саванн Мохо достигла не ранее рубежа нашей эры⁹⁷. Еще один исторический эпизод – расселение народов семьи тупи в конце I – начале II тыс. н.э., отраженное в появлении специфической полихромной росписи и погребальных урн. Несмотря на различия между керамическими комплексами из нижнего слоя холма Веларде и из холма Хернмарк, оба они относятся к полихромной традиции⁹⁸. Поскольку в Веларде, как говорилось, есть опосредованные параллели с иконографией тиауанако, данный комплекс в Мохо следует хронологически сопоставлять с самым концом существования Тиауанако, т.е. датировать XI–XII вв. н.э. При этом в Мохо представлены также и параллели со многими другими керамическими комплексами Амазонии на территории Бразилии, Перу, Эквадора, Колумбии и Гвианы.

⁹⁷ Eriksen L. Nature and Culture in Prehistoric Amazonia. Ph.D. thesis. Lund, 2011. P. 219–225.

⁹⁸ Ibid. P. 102–108.

Формы земляных сооружений в Мохо (искусственные холмы, дороги на насыпях и грядковые поля) обусловлены приспособлением к определенной среде. Вместе с тем сооружения имели не только утилитарное назначение⁹⁹. Об этом свидетельствует уже тот факт, что преобладающие типы сооружений в разных районах различны, хотя природные условия сходны. Дороги на насыпях в большинстве случаев гораздо монументальнее, чем это необходимо для передвижения. Их ширина составляет от 2 до 5 м, но иногда достигает 20 м. Часто две, а порой до шести насыпей с прилегающими каналами тянутся параллельно и в некоторых случаях направлены не к поселениям, а мимо них. В 1772 г. один из иезуитов жаловался, что индейцы используют дороги лишь для того, чтобы ходить в гости и участвовать в попойках. Нет сомнений, что искусственные насыпи использовались для совершения ритуалов и в этом смысле могли напоминать перуанские геоглифы в пустыне Наска. В обоих случаях создание каждого подобного объекта не требовало значительных трудовых затрат или специальных знаний. Так, если грунт не слишком влажный и не слишком сухой, для возведений насыпей в Мохо достаточно корзин и лопаток. Но поскольку подобные работы велись регулярно, а отдельные коллективы и их вожди, скорее всего, стремились превзойти друг друга, результатом явились грандиозные по масштабам изменения окружающего ландшафта.

Эпоха инков

Государство инков постепенно сформировалось вокруг современного Куско на протяжении XI–XIII вв.¹⁰⁰ Ранее считалось, что это произошло лишь в начале XV в., но археологические исследования существенно уточнили данные, содержащиеся в хрониках и документах, созданных после конкисты.

Хотя Куско находится почти в 400 км от границ современной Боливии, индейцы, жившие на ее нынешней территории, сыграли важную и пока не вполне понятную роль в процессе формирования инкской культуры. Дело не только в том, что инки опосредованно восприняли наследие Тиауанако. Некоторые особенности инкской материальной культуры обнаруживают параллели не в горных районах Перу, а в культурах восточных склонов Анд и прилегающих низменностей Боливии и Парагвая. В частности, для инкской керамики наиболее характерны сосуды двух типов: так называемый арибалл (остродонный сосуд с узким горлом, отогнутым венчиком и ручками-ушками на тулове) и плоская миска с росписью в виде центральной полосы, разделяющей два сегмента. Подобная композиция достаточно необычна – по всему миру орнамент на внутренней поверхности сосудов открытых форм обычно основан на центральной симметрии. Параллели данным сосудам мы находим в Восточной Боливии и далее в Парагвае. Рисунок на инкских мисках

⁹⁹ Erickson C.L. Pre-Columbian roads of the Amazon. P. 24–27.

¹⁰⁰ Bauer B.S., Covey R.A. Processes of state formation in the Inca heartland (Cuzco, Peru) // *American Anthropologist*. 2002. N 104(3). P. 846–864; Kosiba S.B. Becoming Inka: the Transformation of Political Place and Practice during Inka State Formation (Cusco, Peru). Ph.D. dissertation. Chicago, 2010.

воспроизводит орнамент на керамике из области Мохо, а тот в свою очередь копирует орнаментацию плетеных изделий, которые обитатели Амазонии использовали для обработки маниока¹⁰¹. Что касается арибаллов, то отдаленно похожие формы впервые появляются около рубежа нашей эры в Перу в верховьях Уальяги, а затем на сосудах конца I тыс. до н.э. из разных долин побережья Перу¹⁰². Однако более близкие инкским формы в прединкское и инкское время распространены по восточным окраинам Анд. Особенно точные параллели прослеживаются между арибаллами и керамикой, которую некоторые индейцы Парагвая делали в XIX в.

Инки распространили в Центральных и Южных Андах новую систему управления и новую идеологию, которая кардинально отличалась от существовавшей в цивилизациях Боливии и Перу I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. На парадных тканях, керамике, изделиях из металла и камня отсутствуют изображения мифических персонажей. Иконография, равно как и исторические источники, показывает, что употребление наркотиков перестало быть связано с государственной идеологией, а при использовании вооруженной силы ставились только практические задачи – ни культа голов-трофеев, ни практики принесения в жертву пленников у инков не было. Эта новая идеология, видимо, распространилась в горных районах Боливии и Перу после гибели уари и тиауанако, а инки талантливо воспользовались ей для создания огромного государства.

Инкское государство делилось на четыре четверти – по две в каждой из двух половин, – отражая традиционную для южноамериканских индейцев фратриально-родовую организацию. Подобное деление не вступало в противоречие с реальностью, пока государство оставалось небольшим. Сохранение той же системы после подчинения всех Центральных и Южных Анд привело к резкой диспропорции: большая часть территории вошла в состав Чинчайсуйю (на севере) и Кольясуйю (на юге), а Антисуйю и Кунтисуйю имели небольшие размеры. Бассейн Титикаки являлся демографическим и культурным ядром Кольясуйю. Проникновение туда инков началось в середине XV в. при Виракоче Инке, который разгромил колья и вступил в союз с Лупака. Усиление связей с Куско отражено в появлении на плоскогорье начиная с середины XIV в. инкской парадной керамики¹⁰³. Сын Виракочи Пачакути включил Альтиплано в состав своего государства. Колья были окончательно повержены, а лупака присоединились добровольно. Территории к югу от Титикаки также были присоединены, но там инки не встретили ни серьезных противников, ни важных союзников.

После завоевания инки стали переселять на Альтиплано население из других областей. Цель состояла в освоении земель для нужд государства. Подсчет числа и площади памятников показывает, что при инках, т.е. примерно за полтора века, население плоскогорья увеличилось более чем вдвое¹⁰⁴.

¹⁰¹ Rydén S. Tripod ceramics and grater bowls from Mojos, Bolivia // *Völkerkundliche Abhandlungen*. 1964. N 1. P. 261–270.

¹⁰² Lathrap D.W. The Upper Amazon. N.Y., 1970. fig. 14.

¹⁰³ Pärssinen M., Siirainen A. Inca style ceramics and their chronological relationship to the Inca expansion in the Southern Lake Titicaca area (Bolivia) // *Latin American Antiquity*. 1997. N 8 (3). P. 256.

¹⁰⁴ Stanish C. Nonmarket imperialism in the Prehispanic Americas: the Inca occupation of the Titicaca basin // *Latin American Antiquity*. 1997. N 8 (3). P. 201–210.

В отличие от Чили и Аргентины, где завоеванные инками районы оставались редко заселены и где памятники инкской эпохи представлены прежде всего многочисленными крепостями и захоронениями подростков на горных вершинах в соответствии с ритуалом капак-хуча¹⁰⁵, горная Боливия политически и экономически была вполне интегрирована в империю. Лишь юго-западная окраина напоминала по своему статусу районы на территории современных Чили и Аргентины. В этих окраинных районах инки подчеркивали свое превосходство над аборигенами, что нашло отражение в организации поселений: инкские административно-культовые комплексы резко отделены от расположенных неподалеку жилищ местного населения¹⁰⁶.

Согласно одному из вариантов этногонической легенды, прародители инков вышли из Тиауанако. Не случайно поэтому на о. Солнца близ южного берега Титикаки, принадлежащем сейчас Боливии, инки построили один из главных храмов своего государства. Трудно сказать, сохранялась ли в то время память о располагавшемся здесь пятью веками ранее святилище культуры тиауанако. Сообщения испанцев не оставляют, однако, сомнений в том, что к приходу инков индейцы колья почитали остров как место, где впервые возшло солнце. Инкский культовый комплекс располагался у скалы на северной оконечности острова – там же, где и храм тиауанако и, вероятно, святилище колья. При инках сюда стекались толпы паломников, из которых лишь немногие получали доступ к важнейшим объектам поклонения¹⁰⁷.

Культовый комплекс на о. Солнца не был уникальным в Инкской империи. Существовали и другие храмы, политическое и экономическое влияние которых простиралось на многие сотни километров. Таков прежде всего храм Пачакамак к югу от Лимы. Культовые центры подобного рода, возникшие еще в доинкское время, были важным инструментом поддержания баланса власти между Куско и провинциями. Придав общеимперский статус крупнейшим провинциальным храмам, инки использовали их авторитет в собственных целях. В частности инки создали необходимую инфраструктуру, чтобы обеспечить движение паломников из Куско к святилищу на о. Солнца¹⁰⁸.

Насколько известно, в Древнем Перу не сформировалась концепция государственности как реальности, существующей независимо от конкретных властных структур (подобно «царственности», спускавшейся на шумерские города III тыс. до н.э., или «мандату неба» в Китае). Власть оставалась неотделимой от ритуала, право на управление надо было постоянно доказывать путем организации массовых ритуалов, прежде всего связанных с поддержанием плодородия земли, строительства и функционирования ирригационных сооружений¹⁰⁹. Объявляя себя собственником природных ресурсов, власть

¹⁰⁵ Березкин Ю.Е. Инки. Исторический опыт империи. Л., 1991. С. 156–159; Covey R.A. The Inca Empire // Handbook of South American Archaeology. N.Y. . 2008. fig. 40.6, 40.9

¹⁰⁶ Acuto F.A. Experiencing Inca domination in Northwestern Argentina and the Southern Andes // Handbook of South American Archaeology. N.Y. 2008. P. 854–856.

¹⁰⁷ Dearborn D.S., Seddon M.T., Bauer B.S. The sanctuary of Titicaca: where the Sun returns to earth // Latin American Antiquity. 1998. N 9 (3). P. 266–249.

¹⁰⁸ Christie J.J. Inca roads, lines, and rock shrines. A discussion of the context of trail markers // Journal of Anthropological Research. 2008. N 64. P. 46.

¹⁰⁹ Bray T.L. Water, ritual, and power in the Inca Empire // Latin American Antiquity. 2013. N 24 (2). P. 164–190.

позволяла людям пользоваться ими и гарантировала высокую производительность труда, а взамен требовала исполнения трудовых повинностей¹¹⁰.

Каналы и террасы на горных склонах являлись теми видимыми объектами, которые отражали структуру общества. Структура эта, как уже было сказано, в основе своей соответствовала сельской общине (айлью) и затем воспроизводилась на более высоких уровнях вплоть до империи¹¹¹. Любое объединение делилось на две половины (фратрии), и в то же время в нем выделялись группы людей, в идеале ассоциируемые с несколькими разными поколениями. Счет родства по мужской и по женской линиям шел параллельно, но в мифическом прошлом обе линии смыкались, восходя к паре первопредков, вышедших на землю из пещеры, источника и т.п. Подобная организация реконструирована по данным испанских хроник и документов, касающихся общества инков в Куско¹¹². Воображаемые линии (*секе*), радикально отходившие от инкской столицы и разделявшие территории родовых подразделений, соответствовали цепочкам святилищ и магистральным каналам¹¹³. Для провинций Тауантинсуйю прямых данных о *секе* нет, но предполагается, что нечто подобное существовало в Центральном Андах повсюду. Дуальная организация сочеталась с тернарной. В частности, святилища, располагавшиеся вдоль каждой из кусканских *секе*, принадлежали к высшей (кальяна), средней (пайян) и низшей (кайяо) группам. Как было сказано, каждая из двух половин общины Куско и соответственно Империи Инков в целом, в свою очередь, делилась на высшую и низшую. При этом обе части верхней половины (Чинчайсуйю и Антисуйю) вместе с высшей частью нижней половины (Кольясуйю), вероятно, образовывали тернарную систему, а Кунтисуйю занимала самую низшую позицию, находясь как бы вне основной организации¹¹⁴.

Наша реконструкция этой сложной системы основана на отрывочных и противоречивых данных колониального времени, поэтому ясно описать административную структуру инкского государства в целом и его южных областей на территории современной Боливии в частности вряд ли когда-либо удастся. Дискуссионно даже число уровней в административной структуре. Промежуточное положение между «четвертями» государства и провинциями могли занимать образования, включавшие несколько провинций. Если это было так, то одно из них охватывало территорию вокруг Титикаки, а другое занимало юг горной Боливии¹¹⁵.

В основе социоэкономической организации государства Инков, как, вероятно, и в более ранних образованиях государственного уровня в Андах, находилась крестьянская община – айлью. Элементарной производственной

¹¹⁰ D'Altroy T. Introduction // Inca Ethnology. P. 1–13. (Ethnology. 1987. Vol. 34. N 1. P. 3. Special issue).

¹¹¹ Bouysse-Cassagne T. Urco and uma: Aymara concepts of space // Anthropological History of Andean Politics. Cambridge etc., 1986. P. 201–222.

¹¹² Zuidema T. La Civilisation Inca au Cuzco. Paris, 1986.

¹¹³ Scherbondy J. Les réseaux d'irrigation dans la géographie politique du Cuzco // Journal de la Société des Américanistes. 1979. N 66. P. 45–66.

¹¹⁴ Pärssinen M. Tawantinsuyu. The Inca State and Its Political Organization. Helsinki. 1992. P. 211.

¹¹⁵ Ibid. P. 261–268.

ячейкой являлось домохозяйство¹¹⁶, однако, лишь принадлежа к айлью, члены домохозяйства обладали неоспоримым правом на землю. Оно вытекало из убежденности, что на соответствующей территории мифические предки данного айлью впервые вышли на землю. Во главе айлью стоял *курака* (вождь или старейшина). Курака были связаны родством с рядовыми общинниками и являлись посредниками между ними и высшей местной элитой, а затем представителями инкской администрации. Должность кураки передавалась по наследству, а на более высокие посты инки назначали людей по своему выбору¹¹⁷. После конкисты кураки были вынуждены иметь дело с испанской администрацией.

Важнейшей и беспрецедентной для древних обществ особенностью экономики Центральных Анд и прежде всего областей в пределах нынешней Боливии и юга Перу является почти полное отсутствие торгового обмена. Согласно влиятельной концепции Дж. Мурры, в условиях резко пересеченной местности при возможности заниматься земледелием и скотоводством до высоты 4000–4200 м над уровнем моря, общинам было выгодно не выменивать продукты у соседей, а самим эксплуатировать зоны, резко различавшиеся климатически, но расположенные порой на расстоянии всего лишь нескольких километров друг от друга (хотя иногда и значительно дальше). Центральное поселение располагалось там, где выращивали кукурузу или картофель, т.е. основные продукты питания, а поселения-сателлиты – либо выше в горах, где главным занятием был выпас скота, либо ниже, где выращивали такие теплолюбивые культуры, как кока или перец. Обитатели поселений-сателлитов жили в них постоянно, но вместе с тем считались полноценными членами главной общины. Продукты не обменивали, а распределяли между людьми, считавшими себя родственниками¹¹⁸. С появлением надобщинных уровней политической организации движение продуктов оказывалось под контролем элиты. Результатом такого развития и стала инкская система государственного распределения с ее сетью дорог и складов.

Как и в случае с реконструкцией инкской административной системы, гипотеза Мурры основана не на массовом материале, а на отдельных примерах и описывает, скорее, идеальную ситуацию, нежели повсеместную норму. Условием функционирования системы государственного распределения была возможность использовать караваны лам для перевозки на дальние расстояния не только особо ценных продуктов типа тканей или изделий из металла, но и продовольствия. Лам в Новом Свете разводили только в Центральных и Южных Андах. Однако достаточно ли всего этого для объяснения «антирыночного» характера андской экономики, столь отличной от существовавшей в Мезоамерике, сказать невозможно.

Что не вызывает сомнений, так это роль крестьянской общины как основной производительной силы в Тауантинсуйю. Общинники, согласно определенной очередности, мобилизовывались на работы, прежде всего

¹¹⁶ Stanish C. Nonmarket imperialism in the Prehispanic Americas. P. 197.

¹¹⁷ Julien C.J. Inca decimal administration in the Lake Titicaca region // The Inca and Aztec States 1400–1800. N.Y. et al., 1982. P. 125.

¹¹⁸ Murra J.V. The mit'a obligations of ethnic groups to the Inca state // The Inca and Aztec States 1400–1800. P. 237–262.

на строительство различных объектов, а также в войска. Подобная работа (*мита*) являлась прямым продолжением традиции общинной взаимопомощи при сооружении объектов, которые силами отдельных семей возвести невозможно. На севере Перу такие объекты появляются не позже конца IV тыс. до н.э., а на Альтиплано – в конце II тыс. до н.э. Для соответствующих обществ значимых признаков социального расслоения выявить не удастся¹¹⁹. В инкское время существовали группы людей, утративших принадлежность к общинам, а также общины, изгнанные со своих земель и переселенные в центральные районы государства для обработки поместий высшей знати либо на окраины государства для защиты его границ. В совокупности эти группы составляли примерно десятую часть населения империи¹²⁰. Это не очень много, однако их труд имел решающее значение в квалифицированном ремесленном производстве, а также эти группы обеспечивали рабочей силой находившиеся близ Куско поместья инкской знати. Еще важнее, что переселенцы (*митимае* – *митмак*) снабжали продовольствием города и армию¹²¹, ибо других источников для этого не было – члены обычных *айлью* натуральный налог не платили, а лишь занимались общественными работами¹²². Материалы археологии позволяют выделить те анклавные, в которых инки ликвидировали традиционную общественную и хозяйственную систему, заменив ее производством продуктов для государственных нужд. Все эти анклавные расположены в районах, максимально пригодных для выращивания кукурузы, коки и хлопка¹²³, т.е. тех культур, без которых было невозможно содержать армию, администрацию, мобилизованных на работы общинников и обслуживать ритуалы.

После конкисты централизованная система управления Тауантинсуйю немедленно рухнула, а оставшиеся без снабжения продовольствием города опустели. Продолжали существовать общины со стоявшими во главе их кураками, а провинциальная знать в некоторых районах пыталась возродить доинкские традиции. Длилось это лишь пару десятилетий, пока испанцы не консолидировали свою власть. В горной Боливии начался синтез индейских и испанских традиций. Художественный стиль народного искусства аймара, известного по данным этнографии, заимствован от европейцев. Что касается верований и мифологии аймара эпохи конкисты, то испанские источники уделяют этой теме мало внимания. Единственный дошедший до нас сложный мифологический сюжет, содержащийся сразу в нескольких хрониках, повествует о герое-трикстере по имени Тарапака (или Таапак), который вступил в конфликт с более могущественным божеством, был пронзен стволом дерева и уплыл из Титикаки на юг по р. Десагуадеро¹²⁴. Наиболее близкие аналогии этому сюжету содержатся в мифах индейцев перуанской и боливийской Амазонии.

¹¹⁹ Березкин Ю.Е. Между общиной и государством.

¹²⁰ Березкин Ю.Е. Инки. Исторический опыт империи. С. 109.

¹²¹ Wachtel N. The mitimas of the Cochabamba Valley. The colonization policy of Huayna Capac // The Inca and Aztec States 1400–1800. P. 199–235.

¹²² Murra J.V. Op. cit. P. 238.

¹²³ Covey R.A. The Inca Empire // Handbook of South American Archaeology. N.Y. 2008. P. 818.

¹²⁴ Якушенков С.Н. Семиотический анализ духовной культуры аймара. Астрахань, 2001. С. 75–76.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ПЕРИОД МЕЖДУ ТИАУАНАКО И ТУАНТИНСУЙО

Археологи андского региона период разрушения культуры Тиауанако (вторая половина XII в.) и инкского завоевания (середина XV в.) называют поздним промежуточным периодом или периодом регионального развития. Как на западе, на Альтиплано, так и в долинах и на равнине на востоке происходили процессы демографического и политического структурирования. Аймара (различные группы) расселились на этой территории вокруг водных ресурсов оз. Титикаки, р. Десагуадеро, оз. Поопо, занимаясь сельским хозяйством и примитивным животноводством. На тропических равнинах группы арауак в западной части Амазонии возделывали земли, завися от сезонных дождей. Связь между этими регионами была незначительной, хотя товарообмен осуществлялся. Аймара освоили холодные зоны Альтиплано, а также и районы с мягким климатом долин, которые колонизовали, создав там дополняющие производства. Эти системы пережили с некоторыми изменениями завоевания инков и испанцев¹²⁵.

В космологии аймара пространство и время рассматривались как циклическое единство, в котором периоды конфликта и противостояния сменяются эпохой гармонии и согласия. Этот дуализм, столь свойственный пониманию мира аймара, выражался в иерархических понятиях урку (верхний) и ума (нижний). На категориях уркусуйо/умасуйо строилась идентичность народов Альтиплано, которые соответственно строили свое жизненное пространство. В этой дихотомии урку (жители горной, верхней части), будучи храбрыми воинами, с презрением относились к обитателям ума, более низкой части, особенно к тем, кто жил на озерах, занимался рыбной ловлей, как, например, народ урус. К этой панораме следует добавить народы на тихоокеанском побережье (алаа) и субтропических долин (манка), которые довершают картину противопоставления и взаимодополнения. За рамками признания «человечества» стояли народы сельвы¹²⁶.

Для понимания конфигурации поселений на Альтиплано в этот период следует отказаться от европейского понимания территории как единого непрерывного пространства обитания. Община аймара была разбросана и разделена на иерархически построенные поселения, которые действовали как единое целое в рамках ритуального соединения с соседними поселениями. Такое построение является типичным для пастушеских обществ¹²⁷. Эти об-

© А.М. Преста, А. Морроне

¹²⁵ Murra J. El control vertical de un máximo de pisos ecológicos en la economía de las sociedades andinas // Formaciones Económicas y Políticas del Mundo Andino. Lima, 1975. P. 59–115; Eadem. El aymara libre de ayer // Raíces de América: el Mundo Aymara / Comp. Xavier Albó. Madrid, 1988. P. 51–73.

¹²⁶ Bouysse-Cassagne T. L'espace aymara: urco et uma // Annales E.S.C. 33. 5–6. Paris, 1978. P. 1057–1080; Platt T. Entre ch'axwa y muxsa. Para una historia del pensamiento político aymara // Tres Reflexiones sobre el Pensamiento Andino / Eds. T. Bouysse-Cassagne et al. La Paz, 1987. P. 61–132; Harris O., Bouysse-Cassagne T. Pacha: en torno al pensamiento aymara // Ibid. P. 11–59.

¹²⁷ Janusek J. W. Identity and Power in the Ancient Andes. Tiwanaku Cities Through Time. N.Y., 2004, P. 41–43; Michel López M.R. Patrones de Asentamiento Precolombino del Altiplano Boliviano. Lugares centrales de la región de Quillacas, Departamento de Oruro, Bolivia. Universidad de Uppsala, 2008. P. 25–30; Medinaceli X. Sariri. Los llameros y la construcción de la sociedad colonial. La Paz, 2010. P. 124–128.

щины были очень гибки, включали в себя поселения, созданные в иных экологических нишах. Разграничение между общинами происходило в рамках сакрализации пространства, что материализовалось в строительстве башен-захоронений чульпа¹²⁸.

Доминирующая с 80-х годов XX в. точка зрения исследователей состоит в том, что аймара с южного Альтиплано и с современной Чили заселили бассейн Титикаки после развала Тиауанако, завоевав и подчинив себе урусов¹²⁹. Дальнейшие исследования показали постоянное смещение расселения от центра Тиауанако к периферийным зонам¹³⁰. Закат Тиауанако характеризуется в терминах «балканизации», социополитической фрагментации на протяжении XI–XII вв. В этом процессе происходили уход населения из крупных поселений, ритуальные разрушения монументальных построек в результате растущей раздробленности и появления «новых групп». Этногенез аймара был результатом ряда процессов: организации поселений на основе родственных связей вокруг айлью, культа предков (строительство чульпас), возведения оборонительных башен пукара, которые служили для обозначения границ. Айлью включались в союзы через своих вождей мальку, в этнические группы, также организованные по принципу двух половин уркусуйо-умасуйо¹³¹.

Начиная с XII в. выросло число поселений вокруг источников воды, в холодном Альтиплано и в горах. Увеличение числа оборонительных сооружений обеспечивало охрану хозяйств, что свидетельствовало об обстановке напряжения и конфликта вокруг недостаточных ресурсов (скот, вода, культивируемая земля и пастбища).

В XIII в. на регион обрушалась засуха, из-за чего резко сократились водные ресурсы (временно исчезло оз. Титикака), что повлияло на выращивание картофеля и кукурузы, на животноводство. Эти чрезвычайные обстоятельства усугубили конфликты, усилили власть вождей мальку. Возведение башен чульпас выражало не только религиозный характер власти вождей, но и территориальные владения, сакрализируя пространство, которое контролировали и защищали. В XIV в. произошли первые контакты с инками: товарный обмен, отмечают взаимовлияния в керамике, в архитектуре¹³².

¹²⁸ *Gil García F.M.* Acontecimientos y regularidades chullparias: más allá de las tipologías. Reflexiones en torno a la construcción del paisaje chullpario // *Revista Española de Antropología Americana*. N 32. Madrid, 2002. P. 207–241; *Pärssinen M.* Caquiaviri y la Provincia Pacasa. Desde el alto-formativo hasta la conquista española (1–1533). La Paz, 2005.

¹²⁹ *Gisbert T.* Los cronistas y las migraciones aimaras // *Historia y Cultura*. N 12. La Paz, 1987. P. 1–10.

¹³⁰ *Browman D.L.* Titicaca Basin Archaeolinguistics: Uru, Pukina and Aymara AD 750–1450 // *World Archaeology*. 26, 2. London, 1994. P. 235–251; *Pärssinen M.* Op.cit. P. 95–102.

¹³¹ *Rio M.* Estructuración étnica qharqhara y su desarticulación colonial // *Espacio, Etnías, Frontera. Atenuaciones políticas en el sur del Tawantinsuyu. Siglos XV–XVIII* / Ed. Ana María Presta. Sucre, 1995. P. 3–47; *Choque Canqui R.* Cacicazgo aymara de Pakaxa // *Estudios Bolivianos*. N 4. La Paz, 1997. P. 5–75; *Conlee C.A., Schreiber K.* The Role of Intermediate Elites in the Balkanization and Reformation of Post-Wari Society in Nasca, Peru // *Intermediate Elites in Pre-Columbian States and Empires* / Eds. C.R. Elson, A. Covey. Tucson, 2006. P. 94–111; *Platt T., Bouysse-Cassagne T., Harris O.* Qaraqara-Charka. Mallku, Inka y Rey en la provincia de Charcas (siglos XV–XVII). Historia antropológica de una confederación aymara. La Paz, 2006.

¹³² *Pärssinen M., Siiräininen A.* Inka-style Ceramics and Their Chronological Relationship to the Inka Expansion in the Southern Lake Titicaca Area (Bolivia) // *Latin American Antiquity*. 8:3. Wash., 1997. P. 255–271.

В это время доступ к плодородным долинам и восточным склонам Кордильер стал причиной столкновения групп с Альтиплано и долин. Этносы арауак из предамазонских равнин проникали на восточные склоны Анд. На пространстве между современными городами Санта-Крус и Сальта народ чане основал поселения, главным занятием в которых было земледелие¹³³.

Инкское завоевание

Существуют разные точки зрения по поводу экспансии инкского государства Тауантинсуйю на территорию современной Боливии. Большинство ученых сходятся в том, что Альтиплано входило в инкскую державу при Инке Пачакути около 1440–1450 гг.¹³⁴ Письменными источниками инкского завоевания являются написанные кусканскими хронистами истории инков уже после испанской конкисты. На эти истории оказали воздействие представления европейцев о линейности времени, в то время как в андском мире история и время воспринимались совсем по-другому. Политическая жизнь Тауантинсуйю обуславливала изменение истории каждым новым правителем для оправдания своего личного господства над державой, приписывая ему старые завоевания. Панаки (дома, кланы) каждого правителя «переписывали» историю, причисляя все достижения своему основателю. В результате почти все хронисты после конкисты приписывали завоевание Альтиплано и заселение колонистами кечуа восточных долин от Ларекахи до Тарихи Пачакутеку и его сыну Топо Инке¹³⁵.

Что привнесли инки на территорию современной Боливии? Инкское государство изменило дуальный принцип построения (урку – ума) границы общин аймара в соответствии с иерархической структурой провинций (уамани); поселения – тамбо (постоялые дворы) располагались вдоль дорог; практиковалась мобилизация населения (митмакуна) различных районов империи для выполнения производственных, военных, ритуальных и других задач¹³⁶. Инкское завоевание трансформировало политические отношения, хотя сохранилась пастушеско-земледельческая система, но в то же время происходила интенсификация и усложнение производственных практик.

Кусканское государство уделяло особое внимание контролю за восточными районами и обмену с ними, используя долины как базу для своей экспансии в эти регионы. Одновременно с экспансией инков со стороны Амазонии на равнины восточнее от района долин наступали племена тупи-гуарани¹³⁷. При взаимодействии с чане гуарани также перешли к оседлому образу жизни, стали специализироваться на определенном производстве, а также сме-

¹³³ Saignes T. Ava y Karai. Ensayos sobre la frontera chiriguana (siglos XVI–XX). La Paz, 1990; Guillermina Oliveto L. Chiriguano: la construcción de un estereotipo en la política colonizadora del sur andino // Memoria Americana. 18:1. Buenos Aires, 2010. P. 47–73.

¹³⁴ Pärssinen M. Op.cit. P. 183, 224–225.

¹³⁵ D'Altroy T.N. Politics, Resources and Blood in the Inka Empire // Empires. Perspectives from Archaeology and History / Eds. S. Alcock et al. Cambridge, 2001. P. 201–226.

¹³⁶ Hyslop J. The Inka Road System. N.Y., 1984; Jenkins D. A Network Analysis of Inka Roads, Administrative Centers, and Storage Facilities // Ethnohistory. 48:4. Durham, 2001. P. 655–687.

¹³⁷ Teijeiro Villarroel J. Regionalización y Diversidad Étnica Cultural en las Tierras Bajas y Sectores del Subandino Amazónico y Platense de Bolivia. La Paz, 2007. P. 35–38.

Инкское государство было заинтересовано в производительном потенциале Альтиплано, богатом скотом (ламы), дававшем мясо, шерсть для ткачества и гужевой транспорт, с разнообразным земледельческим производством, с большим населением. Археологические находки памятников инкского периода показывают прогресс в земледельческих технологиях на различных экологических (климатических) зонах и переориентацию торговых путей с традиционных на новые инкские дороги. Добыча золота (Карабайя и Ларекаха) и серебра (Порко и Потоси) подчинялась потребностям религиозного культа инков¹⁴⁰.

Кусканские инки проводили избирательную политику вмешательства в дела общин аймара при централизации управления в зависимости от их реакции на завоевание. Есть разные подходы к проблеме единства общин аймара накануне инкского завоевания. Одна точка зрения утверждает, что существовало политическое централизованное образование вокруг военных вождей мальку. Оппоненты этой концепции отстаивают иную картину: фрагментированное общество с разного рода системами управления, не иерархического свойства¹⁴¹. Там, где существовали иерархические структуры, инки их просто подчинили через союз с политическими элитами этносов, которые стали представлять власть инков, сменив власти там, где было оказано военное сопротивление, и установив прямое управление через своих сановников. Инкское завоевание означало перестройку местных властных иерархий и территориальный передел в интересах инкского государства, хотя основы организации жизни и производства остались без изменения.

¹⁴⁰ Berthelot J. L'exploitation des métaux précieux au temps des Incas // *Annales E.S.C.* 33. N 5–6. Paris, 1978. P. 948–966; Lechtman H. The Inka and Andean Metallurgical Tradition // *Variations in the Expression of Inka Power* / Eds. R.L. Burger, C. Morris, R. Matos Mendieta. Washington, DC, 2007. P. 313–355.

¹⁴¹ Frye K.L., de la Vega E. The Altiplano Period in the Titicaca Basin. // *Advances in the Archaeology of the Titicaca Basin* / Eds. C. Stanish, A.B. Cohen, M.S. Aldenderfer. Los Angeles, 2005. P. 173–184.

ИСПАНСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

Испанская колониальная экспансия Нового Света, открытого в 1492 г. продолжалась в течение всего XVI в. 25 сентября 1513 г. отряд испанских конкистадоров, перейдя через Панамский перешеек, вышел к Тихоокеанскому побережью. Во главе экспедиции был Васко Нуньес де Бальбоа, а одним из членов его отряда стал молодой капитан Франсиско Писарро, которому было суждено стать завоевателем Перу.

В январе 1530 г. Франсиско Писарро отплыл из Севильи в Панаму, взяв в поход всех своих братьев: Эрнандо, Хуана, Гонсало Писарро и Франсиско Мартина де Алькантара. В конце декабря 1530 г. экспедиция Франсиско Писарро отправилась из Панамы на юг. В сентябре 1532 г. было основано первое поселение в Перу – Сан-Мигель-де-Пьюра. Вскоре к Франсиско Писарро присоединились небольшие отряды Себастьяна де Беналькасара и Эрнандо де Сото¹.

Государство инков охватывало огромную территорию (800 тыс. – 1 млн кв. км.), в которую входили горные районы современных Перу, Боливии, Эквадора, часть Чили, Аргентины, Колумбии. В рассматриваемый период территория современной Боливии была в составе инкского государства как одна из четырех областей под названием Кольясуйу. Столицей империи инков был г. Куско, располагавшийся в пункте пересечения четырех областей. В то время владения инкского государства простирались от Колумбии до центральной части Чили и от Тихого океана через Анды до джунглей Амазонки². Наивысшего расцвета государство Тауантинсуйу достигло незадолго до появления первых испанцев в Южной Америке при правлении Уайана Капак. Последнему не суждено было встретиться с испанскими конкистадорами, так как он, как и многие его придворные и члены семьи, умерли в период эпидемии, охватившей государство в первой декаде XVI в. Между двумя его наследниками – Уаскаром, правившем в Куско, и Атауальпой, обосновавшимся в Кито, началась междоусобная борьба за власть, которая облегчила Писарро завоевание Перу.

16 ноября 1532 г. Атауальпа, прибывший в Кахамарку на встречу с Писарро, был схвачен после того, как отказался принять Библию из рук монаха. 26 июля 1533 г. он был казнен на главной площади Кахамарки. Незадолго до этого по тайному приказу Атауальпы был убит его брат Уаскар.

После казни Атауальпы и убийства Уаскара при поддержке Франсиско Писарро был коронован младший брат Уаскара Тупак Уальпу. Сторонники Уаскара стали оказывать Писарро поддержку. После неожиданной смерти Тупак Уальпы появились два правителя: в Куско у власти оказался родной брат умершего Тупака Уальпы, Манко, в Кахамарке к власти пришел сын Атауальпы. Осенью 1533 г. отряды Писарро и Диего Альмагро направились в Куско. Несмотря на отчаянное сопротивление инков в битвах в Хаухе, Виль-

© И.В. Селиванова

¹ Velarde J.F. Historia de Bolivia. T. I: Los antecedentes de la bolivianidad / Ed. «Los amigos del Libro». La Paz; Cochabamba, 1968. P. 79–80.

² История Перу с древнейших времен до конца XX века. М., 2000. С. 53.

касуамане, в Вилькаконге отряды индейцев под руководством полководца Кискиса потерпели поражение. 15 ноября 1533 г. отряд Писарро вступил в Куско. Инка Манко был вскоре коронован при поддержке испанцев. Таким образом, в результате междоусобной борьбы образовались две противостоящие группировки: испанцы, которых поддерживал Инка Манко, с центром в Куско, и армия инков под командованием Кискиса со столицей в Кито³.

Вскоре Фр. Писарро приступил к преобразованию Куско в столицу завоеванной испанцами территории. Позднее Писарро перенес столицу в более удобное для испанцев место, близкое к морским путям сообщения. В январе 1535 г. в устье р. Римак было основано поселение Лима, ставшее в будущем столицей вице-королевства Перу.

К этому времени испанцы контролировали центральную часть империи инков. Области к югу, где располагался Колясуу, еще не были исследованы и завоеваны испанцами. Король Карл I, получивший сообщения о новых завоеваниях, распорядился о разделении завоеванных территорий на две части: земли на 260 лиг (в лиге – 4,83 км) к северу от Куско переходили под управления Фр. Писарро и получили название Новая Кастилья, а земли на 200 лиг к югу до Талтала, названные Новое Толедо, передавались Д. Альмагро. Еще дальше к югу от территории Альмагро должны были расположиться владения конкистадора Педро де Мендосы, который завоевывал район Рио-де-ла Платы⁴.

Вопрос о том, в чьей юрисдикции должен оказаться город Куско, стал одной из причин междоусобной борьбы конкистадоров. Между Д. Альмагро, которого Фр. Писарро отправил управлять в Куско, и младшими братьями Фр. Писарро Хуаном и Гонсало возник конфликт, который едва не перерос в военную стычку. Для умиротворения конфликта в Куско Фр. Писарро пришлось вернуться из Лимы. Для того чтобы разрядить накалившуюся обстановку, а также для продолжения дальнейшей колонизации Фр. Писарро отправил отряд Д. Альмагро в поход на юг, в Чили, где конкистадоры надеялись найти богатейшую страну Эльдorado. Д. Альмагро возглавил морскую экспедицию, которая достигла Кокимбо. В то же самое время сухопутный отряд под командованием Хуана де Сааведры, пройдя по берегу оз. Титикака, проник на территорию современной Боливии.

В июле 1535 г. Альмагро основал на территории Боливии первое испанское поселение Пария. Немногочисленный отряд Альмагро продвигался в сопровождении 12-тысячного войска индейцев под командованием брата Инки Манко Паулью и верховного жреца Вильяка Уму⁵. Экспедиция Альмагро дошла до Туписы, затем до современного города Сальта (Аргентина). Совершив в 1536 г. переход через горные цепи, отряд Альмагро, пройдя через пустыню Атакаму, вернулся в Перу.

Между тем в Куско вспыхнула борьба между Хуаном и Гонсало Писарро и Инкой Манко. Обвинив Манко в подготовке заговора против испанцев, конкистадоры арестовали его. Однако вскоре ему удалось сбежать из Куско,

³ Hemming J. The Conquest of the Incas. L., 1970. P. 109–111.

⁴ Mesa J., Gisbert T., Mesa Gisbert C. Historia de Bolivia. Quiénto educación actualizado y aumentado. La Paz, 2003. P. 111.

⁵ Velarde J.F. Op. cit. T. I. P. 100.

впоследствии он организовал восстание против испанцев. В апреле 1536 г. его отряды начали многомесячную осаду Куско. При осаде крепости Саксауаман был убит Хуан Писарро. В марте 1537 г. Манко вынужден был отступить от Куско, поскольку к городу приблизился вернувшийся из похода отряд Диего Альмагро. В апреле 1537 г. Альмагро смог овладеть Куско и захватил в плен братьев Эрнандо и Гонсало Писарро. Так началась первая гражданская война в Перу (1537–1538 г.) между бывшими соратниками Франсиско Писарро и Диего Альмагро за право владения Куско. В это время, отступив от Куско на северо-запад, Инка Манко двинулся в г. Виткос. После этого Инка Манко отошел в труднодоступный горный район в долине р. Вилькабамба.

Приблизительно в это время в район Чаркаса для его исследования была направлена экспедиция конкистадора, грека по происхождению, Педро де Кандия. Его отряд численностью 300 испанцев отправился на поиски богатой золотом страны Амбайя, которая предположительно должна была находиться в районе рек Бени, Карабая, Маморе и Мадре-де-Дьос. Экспедиция завершилась неудачей, и Кандия вынужден был вернуться в Куско⁶.

Впоследствии Фр. Писарро послал своего брата Гонсало на завоевание Чаркас или Кольяо. В 1538 г. капитан Писарро Педро де Ансурес пытался продвинуться далее на восток, но, встретив сопротивление индейцев, вынужден был вернуться. В 1538 г. он основал г. Чукисаку, ставшую столицей Чаркас. Многие испанские завоеватели осели в Кольяо, Гонсало Писарро получил титул коррехидора Чаркас и приступил к разработке серебряных шахт в районе Порко. Местом своего пребывания он определил поселение Чаки⁷.

В то время как Инка Манко скрывался от испанцев в горных районах Перу, Альмагро, захватив Куско, короновал его брата Паулью Верховным Инкой, поскольку он оказывал Альмагро постоянную поддержку. К моменту, когда Альмагро захватил Куско, сторонники Писарро контролировали побережье страны, а альмагристы удерживали позиции в горных районах Перу. Эрнандо Писарро с отрядом вторгся на территорию, которую Альмагро считал своей. 26 апреля 1538 г. в битве при Лас-Салинас он был разбит и взят в плен. В итоге шестидесятилетний Д. Альмагро был осужден, признан виновным в заговоре и 8 июля казнен в Куско.

Обвинив индейцев колья, обитавших в районе оз. Титикака, в сотрудничестве с испанскими конкистадорами, индейцы племени лупака напали на них. Столкновение этих индейских племен стало началом восстания Инки Манко в 1538 г. В том же году индейцы лупака у реки Десагуадеро организовали засаду испанскому отряду Эрнандо и Гонсало Писарро, который направлялся в Кольяо. После ожесточенного сопротивления отряду Эрнандо Писарро с трудом удалось переправиться через реку. На помощь испанцам пришли их союзники – индейцы колья. В итоге испанцам удалось нанести поражение племени лупака⁸.

Серьезное сопротивление продвижению испанских конкистадоров в глубь страны продолжали оказывать племена индейцев Консоры и Поконы и

⁶ Rafael Sánchez-Concha Barrios. Las expediciones descubridoras: la entrada desde Larecaja hasta Tarija (1539–1540). Boletín del Instituto Riva-Agüero 16. Lima, 1989. P. 75–104.

⁷ Mesa J., Gisbert T., Mesa Gisbert C. Op. cit. P. 113.

⁸ Hemming J. Op. cit. P. 244.

чинча. В долину Кочабамбы Эрнандо Писарро направил отряд под командованием Гонсало Писарро. Его немногочисленный отряд из 70 человек и пятитысячное войско индейцев-союзников продвигались в долину Кочабамбы, но вскоре оказались в окружении враждебных индейских племен. Испанцам и союзникам-индейцам противостояла конфедерация Чарка из племен индейцев чарка, каракара, сура, кильяка, каранка, чуи и чича. В декабре 1538 г. произошло ожесточенное сражение, в ходе которого испанцам и их союзникам-индейцам удалось сломить сопротивление и обратить в бегство отряды индейских племен чича и чарка⁹.

Дядя Инки Манко полководец Тисо Юпанки собрал 40-тысячный отряд на помощь индейцам, а Гонсало Писарро запросил поддержки в Куско. На помощь испанцам прибыл небольшой отряд в 45 человек во главе с Эрнандо Писарро и Мартином де Гусманом, который через горы вышел в долину Кочабамбы. Вскоре многие индейские вожди перешли на сторону испанцев и принесли присягу испанскому королю. В феврале 1539 г. сдался в плен испанцам и сам Тисо.

В итоге Инка Манко решил осесть в районе р. Вилькабамба, где в начале 1539 г. индейцы приступили к возведению дворцов и жилых строений. Вилькабамба стала последней столицей инков. В апреле 1539 г. Гонсало Писарро предпринял попытки завладеть Вилькабамбой, но ему не удалось захватить Инку Манко и разрушить Вилькабамбу. Однако он взял в плен жену Манко Куру Окльо, поручив казнить принцессу давним врагам инков – индейцам каньяри¹⁰. В течение последующих нескольких месяцев испанцы смогли подавить восстание инков, хотя сам Инка Манко надолго скрылся в недоступной Вилькабамбе.

После неудачной попытки Д. Альмагро найти страну Эльдorado начался длительный период столкновений между конкистадорами за власть и завоеванные территории. В 1541–1542 гг. разгорелась вторая гражданская война между конкистадорами. На этот раз она была вызвана стремлением сына Альмагро Диего вернуть себе долю отца, полученную им после раздела выкупа, уплаченного за Атауальпу. Альмагро-младшему удалось сплотить вокруг себя испанцев, недовольных тем, что они не получили земельных пожалований и причитающейся им доли от военных походов. 26 июня 1541 г. группа сторонников Альмагро-младшего проникла во дворец губернатора Лимы Франсиско Писарро и убила его вместе с братом Франсиско Мартином де Алькантарой¹¹. Для умирения восставших испанских конкистадоров король в 1541 г. отправил в Перу своего посланника Кристобаля Вака де Кастро.

Чтобы закрепить за собой завоеванные земли, испанская корона предоставляла своим конкистадорам землю вместе с прикрепленными к ней индейцами, так называемую энкомьенду. Конкистадоры должны были «опекать» индейцев, обеспечивать христианизацию индейского населения на своих землях, а индейцы обязаны были обрабатывать землю новых владельцев. Юридически индейцы оставались в своих общинах. Энкомендеро взымали

⁹ Bouysse-Cassagne T., Harris O. Qaraqara-Charka. Mallku, Inka y Rey en la provincia de Charcas (siglos XV–XVII). Historia antropológica de una confederación aymara. La Paz, 2006. P. 103.

¹⁰ Hemming J. Op. cit. P. 254.

¹¹ Velarde J.F. Op. cit. P. 106.

с индейцев подушную подать трибuto, $\frac{1}{4}$ часть которой они передавали в казну. В соответствии с Бургоскими законами 1512 г. индейцы признавались свободными и разумными подданными короны, энкомендеро должны были обеспечивать индейцев питанием, жильем и всем необходимым¹².

20 ноября 1542 г. в Барселоне были изданы Новые законы, написанные под влиянием известного защитника индейцев Бартоломе де Лас Касас, которые реформировали энкомендарную систему. Законы не отменяли энкомьенды, однако ее владельцы лишались права передавать свои владения по наследству. Энкомьенды конкистадоров, замешанных в гражданских войнах, должны были изыматься в пользу испанской казны¹³. В дальнейшем предлагалось остановить практику раздачи земельных владений. Вице-король Вака де Кастро начал активно проводить Новые законы в Перу, чем вызвал недовольство энкомендеро. Вскоре по решению Аудиенсии Лимы вице-король был отправлен в Испанию. Гонсало Писарро, который в то время проживал в Порко, прибыл в Куско и возглавил недовольных энкомендеро. Новая гражданская война, длившаяся с 1544 до 1548 г., которую возглавил Гонсало Писарро, была направлена против осуществления Новых законов¹⁴.

Чтобы стабилизировать ситуацию в колонии, Карл I в 1544 г. направил туда вице-короля Бласко Нуньеса Велу. В сражении у Аньякито 18 января 1546 г. между королевскими войсками и сторонниками Гонсало Писарро вице-король был убит. Власть в вице-королевстве оказалась в руках Гонсало Писарро¹⁵.

Прибывшему в Перу в 1547 г. по распоряжению испанского короля Педро де Гаске удалось быстро организовать королевскую армию, опираясь на новые королевские указы, которые ограничивали действия Новых законов. В соответствии с ними энкомьенды должны были перейти в вечное владение. В апреле 1548 г. в сражении в Хакихауана недалеко от Куско Гонсало Писарро потерпел поражение, был взят в плен, осужден и казнен 9 апреля 1548 г.

Падение Вилькабамбы и продолжение испанской конкисты

В 1544 г. в Вилькабамбе был вероломно убит Инка Манко конкистадором Диего Мендесом, бывшим сторонником Д. Альмагро, которому было предоставлено убежище в последней инкской столице. Правителем в Вилькабамбе стал пятилетний сын Манко Сайри-Тупак, регентом при котором был назначен Аток-Сапа. Вскоре испанские власти начали переговоры о прекращении сопротивления индейцев. Инки со своей стороны выдвинули требование управлять провинцией Вилькабамбой, а также вернуть им право владения некоторыми домами, которые принадлежали им в Куско.

¹² *Morales Padron F.* Teoría y leyes de la conquista / Ediciones cultura hispanica del Centro Iberoamericano de cooperación. Madrid. 1979. P. 539. P. 309.

¹³ *Ibid.* P. 424–425; Colección de documentos inéditos relativos al descubrimiento, conquista y organización del las antiquas posesiones españoles de Ultramar. Madrid, 1885–1932. T. 21. P. 172; T. 23. P. 324.

¹⁴ *Morales Padron F.* Teoria y leyes de la conquista. Madrid, 1981. P. 540. 569–570.

¹⁵ *Morales Padron F.* História del descubrimiento y conquista de América. P. 570.

Сайри-Тупак прибыл в Лиму 5 января 1558 г., он стал первым и единственным Инкой, который посетил Лиму. В 1560 г. после внезапной смерти Сайри-Тупака трон в Вилькабамбе перешел его брату Титу Куси Юпанки. В 1569 г. пятый вице-король Перу Франсиско Толедо подписал с Титу Куси Юпанки мирное соглашение¹⁶. В 1571 г. Титу Куси неожиданно умер. Правителем инков стал его брат Тупак Амару. Однако после его прихода к власти вновь обострились отношения с испанцами. Посланное в Вилькабамбу на переговоры посольство во главе с Габриэлем де Овьедо не было принято. После убийства Атилано де Анайя, который также был послан на переговоры в Вилькабамбу, 14 апреля 1572 г. вице-король Толедо объявил войну Тупак Амару. Решающее сражение произошло 1 июня 1572 г. в Койяо-чаке между испанским отрядом Уртадо де Арбьето и воинами Тупака Амару. 24 июня 1572 г. Уртадо де Арбьето захватил г. Вилькабамбу. На поиски бежавшего из города Тупак Амару с семьей был отправлен испанский отряд. Вскоре он был схвачен, и 24 сентября 1572 г. после короткого судебного процесса Тупак Амару был казнен, а мумифицированные тела Инки Манко и Титу Куси сожжены¹⁷.

В 1556 г. вице-король Уртадо де Мендоса с целью освоения территорий на юго-востоке от Чаркаса снарядил экспедицию под командованием капитана дона Андреса Мансо, который хорошо знал Верхнее Перу, так как ранее исследовал район Потоси и Чаркаса. Вскоре А. Мансо основал между Паракети и Кондорильйо поселение Нуэва-Риоха, расположенное на границе с воинственными племенами чиригуанов. Продолжив завоевание, Мансо столкнулся с экспедицией Ньюфло Чавеса, который после основания поселения Санта-Крус также исследовал эти земли. В результате возникших споров по поводу лавров первооткрывателей оба конкистадора обратились за решением в Аудиенцию Чаркас. Однако Чавес, решив не ждать ответа, направился напрямую к вице-королю в Лиму. Пока рассматривался этот вопрос, зять Чавеса Эрнандо де Саласар пленил Мансо, захватив все территории к юго-востоку от гористой местности Чаркас.

Получив от вице-короля подтверждение своего права на новые территории, Чавес был назначен их правителем. Тем не менее спор между Чавесом и Мансо продолжался до 1562 г. Аудиенсия так и не приняла решение признать за Чавесом право на территории Чикитос, Мохос и Матто Гроссо, а за Мансо земли, которые были названы в его честь и включали регион Чако.

С самого начала завоевания Нового Света конкистадоры стремились открыть территорию фантастического Эльдорадо, страны, полной золота и сокровищ. Искали ее в районе Мохос. Как уже отмечалось, первая экспедиция туда была организована капитаном Педро де Кандиа из Куско в 1538 г. Перейдя через Анды и преодолев многие препятствия, но так и не найдя богатства, он вернулся. В последующие годы поиски Эльдорадо продолжались. Так, в 1562 г. Антонио де Гастоса достиг р. Маморе в Мохосе. Кроме того, на территорию Мохос совершались миссионерские экспедиции. Первый священник, который проник туда, был кармелитский монах Васкес де

¹⁶ Hemming J. Op. cit. P. 294–295.

¹⁷ Ibid. P. 294–295.

Урреа¹⁸. Враждебные и непокорные племена чиригуанов, населяющие юго-восток Верхнего Перу по границе с Чаркас, создавали постоянную угрозу испанским поселениям. Для пресечения их нападений Ньюфло Чавес организовывал регулярные походы.

Основание городов

По мере расширения захваченной и освоенной территории испанские конкистадоры основывали новые поселения, которые вскоре превращались в города и становились опорными пунктами дальнейшей колонизации. Их создание способствовало усилению и развитию системы управления в колонии.

Город, который с 1539 г. стал называться Сукре и является столицей современной Боливии, был заложен, согласно одним данным, 30 ноября 1538 г., по другим сведениям – 31 августа 1539 г. под названием Чукисака. В дальнейшем он был переименован в Ла-Плату. Основателем города стал Педро де Ансурес, а земли, расположенные на территории Чаркаса, Фр. Писарро передал своему младшему брату Гонсало. Название города Чукисака индейское и переводится как главный или золотой мост. Само слово Чаркас происходит от названия конфедерации племен, которые существовали к началу XVI в. на месте будущего расположения города. В 1555 г. Ла-Плата получила статус города. Город был построен по четкому плану, характерному для испанских городов, с Пласой Майор в центре, где располагались церковь и здание городского совета (кабильдо), а также другие административные здания. О высоком статусе города говорит учреждение в нем Аудиенсии (1559) и Архиепископства (1552), которому подчинялись епископства Буэнос-Айреса, Потоси, Санта-Круса, Ла-Паса, Асунсьона и Тукумана. В городе располагались учебные заведения: семинария Сан Кристобаля (1595), колледж Сан Хуана Баутиста, созданный в 1624 г. иезуитами, университет Сан Франсиско Хавьера, до 1767 г. также находившийся под руководством иезуитов¹⁹.

Для испанской короны огромное значение приобрел г. Потоси. История этого города началась задолго до прибытия испанцев. Как гласит легенда, индеец Диего Уальяпа, который служил у инки Уайна Капак, случайно обнаружив серебряную жилу в горе, услышал голос, который приказал ему не добывать серебро, а оставить его для других хозяев. Вскоре сведения о богатствах дошли до Диего де Вилльярроэля, управляющего испанского энкомендеро Лоренсо де Эступирия. В 1545 г. Вилльярроэль официально зарегистрировал право собственности на эти владения и приступил к организации шахт и разработке горных рудников²⁰. Слухи о богатствах этих территорий способствовали стремительному приросту населения Потоси. Согласно первой переписи населения, которую провел вице-король Толедо через 25 лет после его основания, в городе насчитывалось 120 тыс. человек. О богатстве Потоси свидетельствует расхожая в то время фраза «Богатый

¹⁸ Mesa J., Gisbert T., Mesa Gisbert C. Op. cit. P. 135.

¹⁹ Soria E.A. Sucre: La «ciudad letrada»? // Estudios bolivianos. N 13. 2007. P. 58.

²⁰ Capoche L. Relacion general de la Viila Imperial de Potosí. Un capitulo inédito en la historia del Nuevo Mundo. Prologo y notas de Lewis Hanke. Madrid, 1959. P. 21–22.

как Потоси». К началу XVII в. коррежимьенто Потоси включало Ла-Плату, Кочабамбу, Тариху.

23 октября 1548 г. в память об окончании гражданских войн в вице-королевстве был заложен еще один город – Нуэстра-Сеньора-де-Ла-Пас (современный Ла-Пас) поблизости от индейского поселения Чукиабо. Его основатель капитан Алонсо де Мендоса впоследствии был назначен старшим судьей нового города. Ла-Пас был расположен на пересечении дорог между Куско, Арекипой и Ла-Платой.

Важное значение для поставок сельскохозяйственной продукции на рудники Потоси приобрел г. Кочабамба. Официально он был основан 1 января 1574 г. по поручению вице-короля Толедо. Судья Себастьян Барба де Падилья сообщил об основании нового города, хотя испанское поселение возникло на этом месте гораздо раньше. С 1542 г. испанские колонизаторы расположились в долине Кхоча-Пампа рядом с индейским поселением Каната. Через десять лет один из капитанов Писарро Гарсия Руис де Орельяна купил земли касиков Сипесире, Ачатая и Косавана. Впоследствии на этих землях по указанию вице-короля Толедо 2 августа 1571 г. был заложен г. Вилья де Оропеса. Его основателем стал капитан Дон Херонимо де Осорио²¹.

22 января 1574 г. вице-король Толедо поручил капитану дону Луису де Фуэнтесу основать поселение на границах обитания чиригуанов. Фуэнтес с отрядом в 45 испанцев отправился к южным границам страны. 4 июля 1547 г. было заложено поселение под названием Вилья-де-Сан-Бернардо-де-Тариха. Своим именем город обязан конкистадору Франсиско де Тарихе, участнику экспедиции Альмагро. Он был первым, кто посетил эти территории. Капитан Фуэнтес стал первым коррехидором и судьей Тарихи. Город находился на границе с воинственными племенами чиригуанов, поэтому его стены были укреплены, чтобы отражать постоянные атаки индейцев.

Вскоре также были построены новые пограничные поселения Томина, Тарабуко, Вильяр и Престо. Генерал Педро де Сегура основал поселение Вильяр в 1582 г. Поселение Сантьяго-де-Ла-Фронтера-де-Томина было создано в 1575 г. капитаном Мельчором де Родасом, который также заложил в 1580 г. город Вилья-де-Сан-де-Родас. К концу XVI в. эти города процветали благодаря плодородным землям и благоприятному климату. В 1608 г. в них насчитывалось до 700 испанских жителей. Города были хорошо обустроены, имели прекрасные улицы и площади, при этом их стены были укреплены, поскольку находились на границе с воинственными племенами чиригуанов.

В период правления последнего вице-короля в XVI в. дона Луиса де Веласко (1596–1604) генерал Ордоньо де Агирре основал в 1600 г. порт Арика, откуда вывозили серебро из Потоси, Порко, Липеса, Чичаса и других шахт Чаркаса для отправки в Испанию. Арика использовался на протяжении всего колониального периода, несмотря на то что в вице-королевстве также существовали и другие порты, такие, как Кобиха и Токопилья.

Создание и обустройство основных городов на завоеванных территориях позволило испанской короне приступить к образованию административного аппарата и колониальной системы для обеспечения максимально жесткого контроля над политическим и социально-экономическим развитием колоний.

²¹ Mesa J., Gisbert T., Mesa Gisbert C. Op. cit. P. 135.

КОЛОНИАЛЬНЫЙ ЧАРКАС В XVI-XVII ВЕКАХ

Индейское население в период конкисты

Территория, которую в настоящее время занимает Боливия, во времена испанского завоевания (1534–1539) получила название Новое Королевство Толедо. В 1537–1554 гг. здесь шли гражданские войны как между группами конкистадоров, так и между ними и короной. Новое Толедо, согласно оценкам, в XVI в. заселяли 730 тыс. индейцев различных этнических групп¹.

В горной местности и в районе долин коренное население было разделено на три крупных блока, которые занимали пространства, сложившиеся еще до инков. На севере, на Альтиплано и в районе оз. Титикаки – Кольяно (современный департамент Ла-Пас) находились этнические группы Колья, Пакахес и Кальявауа. В центре (департамент Оруро) существовала Федерация Кильяка в составе этнических групп Кильякас, Асанакес, Сиваруйос-Аракапис, Аульага-Урукильяс, которые, в свою очередь, входили в Конфедерацию Каракара-Чаркас. Эта конфедерация располагалась в центре и на юге и имела в своем составе семь больших групп, таких, как Каракара, Чаркас, Карангас, Кильякас, которые проживали в горной части района (департаменты Оруро и Потоси), а также три группы так называемых «индейцев с луком и стрелами» Чуй, Чича и Ямпара, обосновавшихся в долинах (департаменты Чукисака, Кочабамба, Тариха). Среди этнических групп центрального блока, в районе оз. Титикаки и Поопо обитали индейцы Урус, а в зоне долин – группы Липес, Котас, Мойос, Чурума.

В одной и той же местности могли сосуществовать несколько этнических групп, которые использовали схему так называемого «вертикального контроля»². Общины на Альтиплано имели свои производственные анклавные на побережье, в долинах и в субтропических районах Юнгас, что позволяло им получать разнообразные продукты питания из различных климатических зон, в частности кукурузу и коку, используемые в религиозных церемониях. В этих родственных общинах работали переселенцы-колонисты (митимайос).

Этнические группы Альтиплано и долин не были однородными, входили в состав различных сообществ, общин, владычеств, которые, в свою очередь, были частью федераций или конфедераций³. Во время господства инков все эти группы являлись частью инских провинций (вамани), а с приходом ис-

© Е.В. Бридыхина

¹ Arze Quiroga E. Historia de Bolivia. Fases del proceso hispanoamericano: orígenes de la sociedad boliviana en el siglo XVI. La Paz; Cochabamba, 1967. P. 15. В свою очередь, население империи инков насчитывало примерно 8,9 млн человек согласно подсчетам Д. Кука. См.: Cook Noble D. Demographic collapse, Indian Peru, 1520–1620. N.Y., 1981. P. 114.

² Murra J. El mundo andino: población, medio ambiente y economía. 2002. P. 86.

³ Bouysse-Cassagne T. La identidad aymara. Aproximación histórica (siglo XV – siglo XVI). La Paz, 1987. P. 211; Platt T., Bouysse-Cassagne T., Harris O., Saigones T. Qaraqara-Charka. Mallku, Inka y Rey en la provincia de Charcas (siglos XV–XVII). La Paz, 2006. P. 255.

Индейцы аймара

панцев были разделены и распределены по энкомьендам и репартимьенто. Эти этносы были покорены инками. Коля не смирились и оказывали сопротивление инкам, в то время как группы Конфедерации Каракара-Чаркас предпочли союз с ними. В отношениях с испанцами также все складывалось по-разному: некоторые группы сотрудничали с ними, но большинство все-таки оказало сопротивление. Во время конкисты одни индейцы шли на открытую военную конфронтацию, другие пассивно сопротивлялись, отказывались подчиняться колонизаторам.

Вожди этнических групп, так называемые касики (кураки на кечуа и мальку на аймара) играли важную роль и во время инков, и в колониальную эпоху. Эти вожди превратились в посредников между миром коренных народов и колониальной системой. Статус касиков зависел от количества людей, которые были под их ведомом: они могли иметь власть над сообществами, общинами, владениями или целым народом⁴.

В то же время общины-айлью, владычества и конфедерации были разделены на две части: уркусуйо (на аймара) или уринсайа (на кечуа), т.е. верхняя (высокогорная, сухая, подходящая для животноводства) и умасуйо или анан-

⁴ *Albo J. Formación y evolución de lo aymara en el espacio y en el tiempo // Estado y religión en los Andes. Curco, 1987. P. 29.*

сайя – нижняя (влажная, плодородная, пригодная для земледелия). В состав каждого владычества или его частей входило неравное количество общин. Часть анансайи Кильякас, например, состояла из семи общин–айлью, а часть уринсайи из шести⁵. Конфедерация Каракара–Чаркас состояла из анансайи Каракара и уринсайи Чаркас. Британский историк Тристан Платт, изучая структуру владычества Каракара, предложил еще более сложную терминологию классификации общин: самые большие (*máximus*), крупные и мелкие, которые затем уже подразделялись на верхние и нижние, в свою очередь, сильно отличавшиеся по своей внутренней структуре⁶.

В общих чертах общиной–айлью считается «совокупность различных единиц, основанная на территориальном принципе и обуславливающая доступ крестьян к земле», т.е. айлью объединяет в себе и «территориальную основу, и родственные отношения оседлых семейных групп»⁷. Вожди этнических групп не обладали полнотой власти, управляя всеми или одним сеньориос, так как власть была распределена между касиками верхней и нижней частей (уркусуйо/умасуйо). Иногда касик одной из частей мог доминировать и практически обладать намного большей властью, чем «его партнер», но и эта власть была ограничена.

Этнические группы в районе Амазонки, на тропических равнинах, которые не попали под власть инков, имели совсем другой тип взаимоотношений по сравнению с теми, которые обитали на Альтиплано или в долинах. В Мохос (в настоящее время департамент Бени) проживали различные этнические группы, такие, как мохос, баурэ, итонама, каничана, мовима, кайювава. Группы сирионо, гурайос, чиманес находились в регионе Чикитос (департамент Санта-Крус). На севере современного департамента Ла-Паса веками жили лекос, чунчос, мосетенес. Регион низменности был отделен от гористой местности и долин райном так называемой «границы» (ныне граница между департаментами Санта-Крус – Кочабамба и Санта-Крус – Чукисака), где располагались чиригуаны, этнические группы гуарани, которые поселились на этой территории с XV в., еще до прибытия испанцев. На протяжении XVI–XVII вв. они в отличие от других этнических групп, которые жили в низменности, не подчинились испанцами и вели с ними войны.

Система энкомьенды

В XVI в. испанцы ввели систему энкомьенды, состоявшей в условном пожаловании общинных земель испанцам с целью евангелизации индейцев. Тогда целые этнические группы были переданы различным испанским сеньорам-энкомендеро. Коренные народы должны были платить подушную подать, трибuto, в виде животноводческой или сельскохозяйственной продукции, цветных металлов и продуктов ремесла, а также оказывать раз-

⁵ Barragán R., Molina Rivero R. De los señoríos a las Comunidades: el caso de Quillacas // *Anales de la Reunión Anual de Etnología*. La Paz, 1987. P. 229–333.

⁶ Platt T. Pensamiento político aymara // *Raíces de América: El mundo aymara* / Comp. X. Albó Madrid, 1988. P. 365–443.

⁷ Choque M.E. La reconstrucción del ayllu y los derechos de los pueblos indígenas // *Las sociedades interculturales: un desafío para el siglo XXI* / Coordinador F. García. Ecuador, 2000. P. 13–30.

личные виды услуг конкистадорам. В обмен на это энкомендеро были обязаны нести воинскую повинность короне и должны были обращать индейцев в христианство. Система энкомьенды явилась важным инструментом строительства колониального государства⁸.

Первая раздача энкомьенд была проведена в 1538 г., когда завоевателям были вручены земли Кольао и Чаркас. Не все конкистадоры получили свою долю, и многие испанцы были недовольны тем, что их обделили. Тогда в 1540 г. была проведена вторая раздача земель к югу от Куско. В некоторых случаях речь шла о пространствах, еще даже не завоеванных и неизвестных, многими из которых испанцы так никогда и не смогли воспользоваться, потому что индейское население этих территорий оказались в совершенно недоступных районах⁹.

В 1541 г., к моменту смерти конкистадора Франсиско Писарро, в регионе Анд было немного энкомендеро. Самым богатым энкомендеро Нового Толедо был Гонсало Писарро. Его доход составлял 60% всего, что получали испанцы со всей территории Перу. 4 тыс. индейцев платили ему налог 140 тыс. песо в год. Территории, которыми он владел, простирались от оз. Поопо на западе и доходили до современной Тарихи на юго-востоке; включали в себя Порко, где добывалось серебро. Рентабельность энкомьенд зависела от количества рабочей силы, которую энкомендеро могли использовать для работы на рудниках, а также для производства продуктов питания, таких, как кукуруза, пшеница или кока для только что основанных городов и горнорудных центров¹⁰.

Эта небольшая группа энкомендеро намеревалась как можно дольше практически безконтрольно пользоваться своими привилегиями, что вызвало трения с королевскими властями, а затем и кровавые гражданские войны 1544–1548 гг., которые закончились победой короны. В 1548 г. посланник испанской короны Ла Гаска, назначенный президентом Аудиенсии в Лиме, даровал тем, кто поддержал королевские власти в гражданской войне, право пользоваться энкомьендами во «второй жизни», т.е. наследовать их. Большинство энкомендеро Нового Толедо, прежде всего из основанного в 1548 г. Ла-Паса, получили свои владения из рук Ла Гаски в обмен на их лояльность короне, проявленную во время войны¹¹.

Распределение земель среди энкомендеро оказало значительное влияние на этнические группы, такие, как, например, Каракара-Чаркас. Раздел территории конфедерации между несколькими владениями разрушил ее территориальную целостность. Между 1540 и 1560 гг. конфедерации, федерации, владычества (сеньориос) и их части подверглись разделу и фрагментации¹². Так, индейцы сорас были разъединены различными энкомьендами, а так как этот этнос посылал своих митимайо (общинники, направляемые на колони-

⁸ Lockhart J. El mundo hispanoperuano 1532–1560. México, P. 20.

⁹ Barnadas J.M. Charcas. Orígenes históricos de una sociedad colonial (1535–1565). La Paz, 1973. P. 47.

¹⁰ Escobari de Querejazu L. Caciques, yanaconas y extravagantes. La sociedad Colonial en Charcas s. XVI–XVIII. La Paz, 2005. P. 151.

¹¹ Platt T., Bouysse-Cassagne T., Harris O., Saignes T. Op. cit. P. 284.

¹² Del Río M. Estructuración étnica Qharaqhara y su desarticulación colonial // Historia y Cultura. N.15. La Paz, 1989. P. 35–73.

зацию или на принудительные работы) в отдаленные районы, то и анклав сорас внутри других этнических групп попали в энкомьенды, не связанные со своей материнской общиной¹³. С этого момента начался сложный процесс этногенеза, который, с одной стороны, привел к возникновению новых этнических групп, а с другой, к соперничеству между индейскими народами, так как порой недружественные группы оказывались в рамках одной административной территории, которую создавала испанская администрация¹⁴.

В 50–70-е годы XVI в. касики Карангас, Кильякас и Сорас на Альтиплано оспаривали у энкомендеро в долинах Кочабамбы и у индейских касиков общин их энкомьенд право управления своими колониями митимайо в долинах, которые автоматически попали в юрисдикцию этих энкомьенд, но по традиционному праву индейцев считались территорией материнских айлью с Альтиплано¹⁵. Касики предпринимали судебные тяжбы в колониальных судах, опираясь на традицию доиспанского периода как на законное основание своих прав.

Таким образом, конкиста инкского государства Тауантинсуйу испанцами и установление новых политических, административных, трудовых или налоговых отношений разрушили или видоизменили доколумбовый общинный мир, вызвав перестройку отношений между андскими этносами. В эпоху энкомьенд происходил распад старых доиспанских систем.

Налоговая политика и репартимьенто

Налоговая политика Испании в отношении коренного населения может быть разделена на три этапа. До 1548 г. подушная подать с индейцев взималась беспорядочно, с помощью принуждения и переговоров о сумме налогообложения с касиками. По указанию Ла Гаски в 1550 г. для упорядочения налогообложения была произведена оценка общего дохода энкомьенд. В 1575 г. вице-король Толедо ввел взимание трибута только в денежной форме.

Режим энкомьенд включал в себя право использовать бесплатный труд индейского населения, которое также было разделено на репартимьенто¹⁶ или трудовые юрисдикции, предназначенные для организации и выполнения трудовой повинности. Каждое репартимьенто могло включать в себя одну или несколько этнических групп, которые могли также оказаться разделенными между собой. Когда многие из энкомьенд в середине XVI в. перешли по разным причинам в руки короны, структура репартимьенто сохранилась прежней.

Иногда в репартимьенто проживали представители разных этносов, частью которых могли быть прежние митимаес, работавшие в долинах, где айлью имели свои земли для производства продуктов, не произрастающих на Альтиплано. Каждое репартимьенто (Сакака, Рокоата, Чайянта, Мача) было разделено на

¹³ *Del Río M.* Etnicidad, territorialidad y colonialismo en los Andes: tradición y cambio entre los Soras de los siglos XVI–XVII. La Paz, 2005. P. 101.

¹⁴ *Platt T., Bouysse-Cassagne T., Harris O., Saignes T.* Op. cit. P. 41.

¹⁵ Этот конфликт был разрешен вице-королем Толедо в 1570-е годы в пользу общин, которые получили свои земли в районе долин. См.: *Larson B.* Colonialismo y transformación agraria en Bolivia. Cochabamba, 1550–1900. La Paz, 1992. P. 64.

¹⁶ От испанского слова «распределять».

две или три части, управляемые касиками или мальку, и, в свою очередь, каждая часть состояла из общины-айлью во главе с старейшинами – хилакатами¹⁷.

Трудовая повинность, которую должно было выполнять местное население в обязательном порядке, связана с понятием миты, унаследованной от доколумбового общества. Существовали различные виды миты, и наиболее важной была работа на серебряных рудниках. Мальку предоставили испанцам первых митайо (выполняющих повинность миту), которые работали на рудниках как и во времена инков. Энкомендеро получали соответствующее число митайо для работы. При вице-короле Толедо мита стала обязательной.

Народы бассейна Амазонки также испытали сильное воздействие конкис-ты, поскольку имели даже большие демографические потери, чем население горных районов, где благодаря более сухому и холодному климату распространение европейских инфекционных заболеваний не было столь катастрофическим. На равнинах востока, которые входили в Чаркас, основатель Санта-Круса, конкистадор Ньюфло Чавес раздавал энкомьенды, однако там они были эфемерны, как, впрочем, и основанные испанцами города не смогли укрепиться¹⁸. Между 1585–1630 гг. конкистадорам было передано около 82 энкомьенд в качестве вознаграждения за военную службу и поиски Эльдorado¹⁹. Тем не менее индейцы, которые приписывались к этим энкомьендам, были в большинстве своем воинственными или кочевыми, кроме того, они страдали от ввезенных европейцами болезней, и их число сокращалось быстрыми темпами²⁰. Вместе с тем энкомьенда на востоке способствовала развитию сельского хозяйства, так как местные индейцы обязаны были отрабатывать свои повинности, а не платить деньгами или продуктами своим сеньорам, как в горной части Анд. Нехватка рабочей силы в Санта-Кресе компенсировалась обращением индейцев в рабов, захваченных в военных походах с помощью чиригуанов и мохос, которые часто вели войны для захвата рабов с индейцами чанэ и юракарами²¹.

Одним из самых важных символов Нового Королевства Толедо было Серро-Рико (по-испански – богатая гора), знаменитая гора в Потоси с уникально богатыми залежами серебра. В Порко и в Потоси серебро разрабатывалось еще инками и местными касиками Конфедерации Каракара-Чаркас в доколониальный период²². Раскопки, проведенные археологами в этой зоне

¹⁷ Platt T., Bouysse-Cassagne T., Harris O., Saignes T. Op. cit. P. 240.

¹⁸ Roca J.L. Economía y Sociedad en el Oriente boliviano (siglos XVI–XX). Santa Cruz, 2001. P. 74.

¹⁹ Эльдorado – легендарная область или город, богатый золотом, якобы расположенный в тропических районах Южной Америки, будоражил воображение испанцев на протяжении веков и был причиной многочисленных экспедиций.

²⁰ По данным Гарсии Ресио, в 1561 г. 82 энкомендеро владели 30–40 тыс. индейцев; через десять лет их осталось 65, они имели 11 тыс. индейцев. В 1575 г. это число сократилось на 10 тыс., а в 1620 г. осталось только тысяча общинников. В начале XVII в. энкомьенды, в которых ранее было 400–500 индейцев, теперь имели не более 50. – García Recio J.M. Análisis de una sociedad de la frontera: Santa Cruz de la sierra en los siglos XVI–XVII. Sevilla, 1988.

²¹ Roca J.L. Op. cit. P. 83.

²² Cruz P., Absi P.F.S. ¿Y entonces donde estaban los indios? La ocupación de Potosí antes de la llegada de los españoles // Anuario de Estudios Bolivianos, Archivísticos bibliográficos. N 11. Sucre, 2005. P. 97; Cerros ardientes y huayras calladas. Potosí antes y durante el contacto // Mina y metalurgia en los Andes del Sur desde la época prehispánica hasta el siglo XVII / Coord. P. Cruz, J.-J. Vacher. Sucre, 2008. P. 91–121.

показывают, что этот регион был заселен задолго до прибытия испанцев. Новые данные археологов противоречат традиционной версии об «открытии» Потоси только в 1545 г.

Знаменитое описание «случайного» открытия серебряного месторождения индейцем Диего Уальпа, который сообщил об этом своему хозяину Хуану Вильярроэлю, превратилось в официальную версию этой истории²³. Существуют новые гипотезы о серии событий после битвы в Кочабамбе в 1538 г. между бойцами Конфедерации Каракара-Чаркас и испанцами, возглавляемыми братьями Писарро. Индейские лидеры убедились в бесполезности активного сопротивления и открыли испанцам секрет существования серебряных месторождений в регионе Порко²⁴. Впоследствии, во время гражданской войны между Гонсало Писарро и короной в 1544–1548 гг. произошла вторая «сдача» информации о серебряных рудниках, на этот раз об одних из самых крупных в регионе. Эта гипотеза полностью меняет представление об истории «открытия Серро-Рико», поддерживающейся в течение нескольких веков традиционной историографией, основанной на рассказах колониальных летописцев.

Открытие секрета индейскими вождями в 1545 г. является важным символическим актом, потому что серебряная гора Серро-Рико в Потоси рассматривалась как «уаса» или святилище, она отождествлялась с культом солнца у инков и обеспечивала легитимность власти того, кто ею владел, и в этом случае ее получили испанцы. Вместе с тем жест мог означать, что касики практически предложили свои услуги короне в надежде на свое признание испанцами²⁵.

Борьба энкомендеро за неограниченные сроки энкомьенды

После гражданских войн в вице-королевстве оказались более трех тысяч испанцев из первых групп конкистадоров, которые требовали воздаяния за свои заслуги перед короной, реальные или вымышленные. Так как энкомьенда оставалась самым желанным способом оплаты, со стороны этих групп оказывалось давление на корону с требованием увеличить количество энкомьенд. В этой ситуации корона искала способы контроля над этой беспокойной группой. С одной стороны, корона стремилась раздробить энкомьенды и предотвратить концентрацию огромного количества земель в руках немногих²⁶. С другой, была введена система постепенной реинтеграции энкомьенд в систему колониальной власти, так как по закону с окончанием срока энко-

²³ Acosta J. Historia natural y moral de las Indias. México, 1979; Cieza de León P. Crónica del Perú, Tercera parte. Lima, 1989; Capoche L. Descripción del Cerro y Villa de Potosí // Luis Capoche y la historia de Potosí, 1545–1585. Sucre, 1959; Del Benino N. Relación muy particular del Cerro y minas de Potosí y de su calidad y labores // Relaciones geográficas de Indias / Comp. Jiménez de la Espada T. II. Madrid, 1965.

²⁴ Platt T., Bouysse-Cassagne T., Harris O., Saignes T. Op. cit. P. 112.

²⁵ Platt T., Quisbert P. Tras las huellas del silencio. Potosí, los Incas y el Virrey Toledo // Anuario del Archivo y Biblioteca Nacionales de Bolivia. Sucre, 2007. P. 389–428; Platt T., Quisbert P. Conociendo el silencio y fundiendo horizontes: el encubrimiento del encubrimiento de Potosí // Historia y Cultura. N 33. 2008. P. 11–39.

²⁶ Morrone A. De «señores de indios» a nobles rentistas: los encomenderos de La Paz (1548–1621) // Surandino Monográfico, segunda sección del Prohal Monográfico. Vol. II. N 2. Buenos Aires, 2012.

мьенды земля возвращались в королевскую казну, превращаясь в «государственную» или «пустую землю».

Эта политика испанских властей вызвала негативную реакцию со стороны энкомендеро, которые требовали неограниченных сроков энкомьенды и начали длительную и сложную борьбу за свои интересы, что повлияло на всю колониальную историю XVI в.²⁷ Представители кабильдо (городских советов) Ла-Платы и Ла-Паса были самыми энергичными защитниками неограниченных сроков энкомьенды.

Монах Томас де Сан-Мартин повез в Испанию прошение этой группы к королю с предложением денежной компенсации в обмен на продление сроков пользования энкомьендой. Испанская корона была очень близка к тому, чтобы сделать шаг навстречу и принять решение о неограничении срока энкомьенды в обмен на выплаты в казну. Касики, со своей стороны, пытались предотвратить такое решение и тоже предложили денежную компенсацию. В 1561 г. вице-король маркиз де Каньете приказал изучить возможность провести переговоры с касиками, рассчитывая, что государство могло бы получить желаемую сумму от индейцев.

Большое количество вовлеченных в конфликт участников не позволяло принять решительные меры, поскольку любые из них могли бы принести нежелательные последствия для государства. Если предложение группы энкомендеро могло привести к усилению их власти, то немедленная передача индейского населения под длань короны вызвала бы новое восстание конкистадоров и их наследников. Чтобы справиться с этой ситуацией, часть церкви, которая разделяла идеи защитника индейцев Бартоломе де Лас Касас, встала на сторону индейцев. В 1562 г. в перуанском селении Мама собрались касики всего Перу и предложили Совету Индий отменить энкомьенду в обмен на «изменение самоуправления индейского населения и увеличение сбора налогов». Доминиканцы Херонимо де Лоайса и Бартоломе де Лас Касас сообщили об этом предложении королю.

Король собрал Совет, состоящий из должностных лиц государства и иерархов церкви для разрешения ситуации в Перу. После знаменитого Совета в Вальядолиде в 1550–1551 гг., где против предложений энкомендеро выступили Б. де Лас Касас, Т. де Сан-Мартин и другие важные деятели церкви, последовали многочисленные дискуссии в Совете в 1556 г., где защитники прав индейцев закрепили свои позиции.

Создание в 1565 г. губернатором Гарсия де Кастро должности коррехидоров для индейского населения, положение о которых были принято во время правления вице-короля Толедо в 1574 г., ознаменовало собой новый шаг центральной власти по ограничению энкомендеро. Коррехидоры должны были усилить контроль короны в ущерб энкомендеро и индейским касикам. Под управлением каждого коррехидора было несколько репартимьенто. Коррехидор должен был собирать трибuto с индейцев и осуществлять суд. Был установлен конечный срок действия энкомьенды тремя поколениями владельцев. В 80-е годы XVI в. многие энкомьенды прекратили свое существование²⁸.

²⁷ Barnadas J.M. Op. cit. P. 75.

²⁸ Presta A.M. Encomienda, familia y negocios en Charcas colonial. Los encomenderos de La Plata 1550–1600, Lima, 2000. P. 209.

Реформы вице-короля Толедо

В 1568 г. в Мадриде Большой королевский совет, на котором присутствовал назначенный вице-королем Перу Франсиско де Толедо, разработал проект управления Америкой и принял важные решения о евангелизации индейцев. В 1569 г. Франсиско де Толедо прибыл в Перу и принялся осуществлять нововведения в различных областях, многие из которых действовали на протяжении всего периода испанского господства. Считается, что именно Толедо завершил установление колониального порядка.

Реформы Толедо в 70-е годы XVI в. приспособили территориально-этническое деление индейского населения для выполнения задач, которые ставили перед собой испанцы: мита на рудниках, сбор подушной подати (трибуто) и евангелизация индейцев. Введение этой системы в 1570 г. напрямую связано с созданием редукций (новых поселений) индейцев для усиления контроля в отношении коренного населения, согласно стандартам и обычаям испанского городского уклада и общества²⁹. Индейцы проживали в небольших деревнях, рассеянных по всей территории Анд. Это затрудняло взимание налогов и управление, а также евангелизацию индейцев.

Решить эту проблему была призвана система репартимьенто (распределения), т.е. создание новых общин, которые являлись идеальным инструментом для организации принудительного труда индейцев. Для этого были изменены правила и обычаи формирования поселений индейцев, сложившиеся к тому времени в Андах. Индейцев переселяли в поселения пуэблос (практика переселений не была нова для индейцев, ее активно проводили инки), организованные по испанскому образцу с центральной площадью с церковью и тюрьмой. Новая система пуэблос, по идее властей, позволяла осуществлять полный контроль над индейцами³⁰. В некоторые случаи новые поселения располагались на прежних территориях индейских общин, сохраняя систему экологических «этажей», колоний в различных климатических зонах³¹.

Индейцы должны были покинуть свои старые дома и деревни и переехать в более крупные населенные пункты. Во многих случаях старые поселения сжигались, уничтожались, чтобы индейцы не смогли туда вернуться. Например, жители 57 деревень из репартимьенто Сакака были вынуждены жить в одном населенном пункте. Каждая редукция или населенный пункт насчитывал от 400 до 500 налогоплательщиков и имел общинные земли, которые простирались до 4,8 км или 3,0 миль вокруг. Земли, покинутые индейцами, свозимыми в редукции, были заняты испанцами, которые разделили их на имения – асьенды и небольшие фермы – чакарас. Индейцы сопротивлялись, покидали новые места, куда их насильно переселяли³².

²⁹ Новые поселения были спроектированы по подобию испанских, круглая форма жилищ индейцев была заменена на квадратную. Были введены индейские кабильдо (советы), должности алькальда – мэра, писаря и другие. – *Abercrombie T. Caminos de la memoria y del poder. Etnografía e historia en una comunidad andina. La Paz, 2006. P. 314.*

³⁰ *Abercrombie T. Op. cit. P. 93.*

³¹ *Del Río M. Etnicidad, territorialidad y colonialismo en los Andes... P. 124.*

³² *Saignes T. Las etnias de Charcas frente al sistema colonial (Siglo XVII). Ausentismo y fugas en el debate sobre la mano de obra indígena, 1595–1665 // Jahrbuch für Geschichte Lateinamerikas. N 21. Köln, 1984. P. 37.*

Эта система оказала огромное разрушительное влияние на жизнь коренных народов, поскольку немногие из них смогли сохранить свою самобытность, а другие были разделены и на их основе были созданы новые этносы³³. Границы энкомьенд, редукий (новых общин), коррехимьенто (налоговых округов), церковных приходов не совпадали³⁴. Все это разрушало старую структуру, и только айлью и их союзы сохранились с доколумбового и колониального периода до современности. Новая система изменила прежние доиспанские этнические федерации, возникли новые идентичности, большинство которых сохранились до сегодняшнего дня.

Следует отметить, что в этот период наибольшему влиянию колониальной системы подверглись этнические группы горных районов и долин, потому что были лучше организованы, они исправно платили подать и выполняли обязательные работы так же, как это делали при инках. Испанская администрация ввела систему ревизий общин, энкомьенд, поместий с тем, чтобы регулярно проводить перепись индейского населения для организации сбора трибута и миты.

В 1572 г. Толедо подавил последний очаг сопротивления инков, который с 1536 г. находился в труднодоступном районе Вилькабамба. В процессе утверждения испанской власти в Андах сложился союз с некоторыми индейскими группами, которые получили доступ к власти и были включены в систему колониального управления. По мере проведения реформ Толедо их власть претерпела значительные изменения, и многие прерогативы были отобраны. Политика Толедо вызвала недовольство в Чаркас, и в 1575 г. в Потоси и в Ла-Плате группа испанцев и инков попыталась дать отпор этой политике. В Потоси, который превратился в идеологический центр индейской элиты, в 1580 г. распространились слухи о тайной подготовке ко всеобщему восстанию, которое так никогда и не произошло.

Новая система налогообложения, введенная Толедо, в основе которой лежали трибута и мита, наиболее сильно ударила по индейским общинам четырех этнических групп, которые составляли Конфедерацию Чаркас (Чаркас, Каракарас, Чуйес и Чичас) на Альтиплано в районе Потоси. Это вызвало протест и жалобы со стороны индейской знати уже в посттоледовский период. Касики предприняли настоящую юридическую битву, ссылаясь на доиспанскую традицию. В 1582 г. они обратились к испанскому королю с так называемым «Мемориалом Чаркас» и попросили восстановить их права, ущемленные Толедо. Они напоминали о своем привилегированном положении во времена инков, которое должно было быть защищено и испанской короной. Многочисленные конфликты происходили между касиками и капитанами (распорядителями) миты³⁵. Для того чтобы урегулировать эти конфликты, корона в 1587 г. создала новую должность Старшего Алькальда

³³ Platt T., Bouysse-Cassagne T., Harris O., Saignes T. Op. cit. P. 240.

³⁴ Del Río M. Etnicidad, territorialidad y colonialismo en los Andes. P. 59.

³⁵ Капитании миты были организованы в соответствии с двойной моделью уркосуи и умасуи. По указанию вице-короля Толедо в 1575 г. первыми капитанами миты назначили 6 курак (касиков), в обязанность которых входила мобилизация митайос на рудники в Потоси. Bakewell P. *Mineros de la montaña roja. El trabajo de los indios en Potosí, 1545–1650*. Madrid, 1989. P. 81.

в общине, который обладал в ней властью в уголовных и гражданских вопросах³⁶. Тем не менее касики сохранили часть своей власти в этих вопросах.

В процессе создания новой экономической и социальной структуры колониального общества использовались и применялись модели поведения, заимствованные в доиспанских культурах, хотя происходила перестройка старых обычаев в соответствии с новыми порядками и религиозными нормами³⁷. Например, мита воспринималась индейцами как некое паломничество по священным для них местам к Серро-Рико в Потоси или к руднику в Оруро, которые до конкисты были индейскими святилищами. Индейцы чаркас отправлялись на миту в торжественных одеждах, сопровождаемые женами и детьми, так же как в доколумбовые времена, когда отрабатывали трудовую повинность для Инки³⁸. В то же время индейцы часто пытались избежать миты, прибегая к самым разнообразным уловкам: переходили в категорию метисов, теряя свои позиции в общине, или же, регистрируя в книгах крещений младенцев, подменяли мужские имена женскими, потому что мита не распространялась на женщин³⁹.

Система миты была катализатором, который ускорил социальное и этническое переустройство общества в Андском регионе. Различные категории индейцев согласно переписи делились на орихинариос (полноправные общинники с максимальными правами на различные категории земель), форастерос (пришлые, неполноправные общинники), агрегадос (общинники без личного надела) и янаконы (зависимые крестьяне). Налогообложение и доступ к земле отличались для каждой из этих категорий⁴⁰. Орихинариос были полноправными общинниками и были обязаны платить трибuto.

Индейцы, покидавшие свои родные общины, где должны были платить трибuto, предпочитали утратить все права на землю, но спастись от миты. Они превращались в бесправных янаконов, селились в поместьях, где уже были освобождены от всех повинностей⁴¹. Для многих быть янаконом, за-

³⁶ Старшими алькальдами могли быть знатные индейцы или капитаны миты, происходить от касиков инкского времени и иметь заслуги перед испанцами во время конкисты и гражданских войн.

³⁷ *Medinaceli X., Mendieta P.* De indias a doñas. Mujeres de la elite indígena en Cochabamba, siglos XVI–XVII. La Paz, 1997. P. 13.

³⁸ *Platt T., Bouysse Cassagne T., Harris O., Saignes T.* Op. cit. P. 68.

³⁹ *Saignes T.* Ayllus, mercado colonial y coacción colonial: el reto de las migraciones internas en Charcas (siglo XVII) // La participación indígena en los mercados surandinos / Comps. O. Harris, B. Larson, E. Tandeter. La Paz, 1987. P. 111–157.

⁴⁰ *Escobari de Querejazu L.* Op. cit. P. 152.

⁴¹ В 90-е годы XVI в. корона стала проводить новую земельную политику, предоставляя новые титулы на землю и разрешая ее куплю-продажу. Многие энкомендеро превращались в помещиков, становясь собственниками земли в результате процесса «композиции земель». Корона жаловала испанцам в собственность так называемые «пустующие земли», хотя эти земли могли принадлежать какой-нибудь индейской общине, не включенной в энкомьенду. Иногда индейские общины были вынуждены отдавать свои земли в аренду помещикам, так как не могли заплатить трибuto и нуждались в деньгах. В Чукисаке, Тарихе, Миске, Кочабамбе, Томине, Паспайе, Пилайе, в районе долин образовались асьенды или сельскохозяйственные фермы большого размера, ранчо – чакарас (*chácaras*), где производились товары для рынка Потоси. См: *Presta A.M.* Una hacienda Tarijeña en el siglo XVII: la Viña de la Angostura // *Historia y Cultura*. N 14. Octubre 1988; P. 35–57; *Escobari de Querejazu L.* Op. cit. P. 170; *Gutiérrez L.* Negros, indios y españoles en los Andes orientales. Reinventando el olvido de Mizque colonial, 1550–1782. La Paz, 2009.

висимым крестьянином в поместье, было более привлекательно, чем свободным общинником, обязанным нести повинность миты и платить трибuto. В 1574 г. в Чаркас насчитывалось около 5500 янаконов, которые проживали в 364 хозяйствах испанцев или метисов. Форастерос были индейцами, которые бежали от своих общинных и налоговых обязанностей, теряя при этом права на общинные земли. На протяжении XVII в. количество орихинариос снижалось, но росло число форастерос, которые составили две трети индейского населения, обложенного трибuto. Миграция представляла собой один из привычных для общин механизмов регулирования населения. В 1680 г. перепись, осуществленная графом де Ла Палата, показала, что во многих местах орихинариос были заменены форастерос⁴².

Бегство от миты, переселение в районы, свободные от миты, стали распространенным явлением, при этом сохранялась круговая порука, и община несла ответственность по мите и налогам за бежавших⁴³. В случае бегства индейца община обязана была продолжать выплачивать налоги за него. Беглые индейцы при этом могли сохранять связи с общиной и даже посылать туда деньги.

Новые исследования показывают важную роль участия свободного населения на рынке труда в Потоси, особенно там, где использовалась квалифицированная рабочая сила. Следует отметить, что на рудниках в Оруро использовался свободный труд мингас (индейцев, получавших плату за работу). В то же время в Потоси, где преобладал в основном труд митайос, многие из них после окончания срока миты оставались вольнонаемными работниками⁴⁴.

На юго-востоке Чаркас, на границе с чиригуанами начиная со второй половины XVI в. образовывались союзы между чиригуанами и испанскими поселенцами для захвата и продажи рабов из других этнических групп. Рабы поставлялись для работ в скотоводческих хозяйствах – эстансиях Томины, Вальегранде, находившихся в пограничных районах Чаркас и в асьендах в долинах Чукисаки, Миске и Кочабамбы, производивших товары для Потоси.

Начиная с реформ Толедо не только возникло резко дифференцированное общество, так называемая «республика индейцев», но и произошло признание традиционных органов власти, льгот и привилегий местных элит. Толедо был автором введения ненавистой системы миты, но одновременно закрепил за индейскими общинами доступ к земле, что было гарантией платы трибuto индейскими общинами.

Основание колониальных городов

Аудиенсия Чаркас, основанная в 1561 г. на месте Нового Толедо, входила в состав вице-королевства Перу. В XVI в. ее границы простирались к северу до района Кальяо, на северо-восток до провинции Мохос и Чунчос. На юге в Аудиенсию Чаркас входила зона от пустыни Атакама до устья р. Саладо. На востоке и юго-востоке Аудиенсии принадлежали земли Северного Чако, Ту-

⁴² *Sánchez Albornoz*. Indios y tributos en el Alto Perú, Lima, 1978. P. 43.

⁴³ *Zulawsky A.* Forasteros y yanaconas: la mano de obra de un centro minero en el siglo XVII // *La participación indígena en los mercados surandinos*. P. 159–192.

⁴⁴ *Bakewell P.* Op. cit. P. 255.

кумана, Хуриес и Диагитас⁴⁵. В отличие от того, что было в других регионах Южной Америки, где экономическое и социальное развитие происходило в прибрежных районах, в Чаркас жизненная активность в основном происходила в центре, который формировал связи всего региона. Это можно ясно наблюдать через процесс урбанизации ее территории.

Во второй половине XVI в. продолжалось возведение городов, который начался после завоевания территории, когда были созданы первые поселения Виллья-де-Чукисака (Ла-Плата, сегодня носит имя Сукре) в 1538 (1540 г.)⁴⁶, Потоси в 1545 г. и Ла-Пас в 1548 г. Развитие горного центра в Потоси было причиной интенсивной испанской колонизации территории Чаркас, основные ее потоки шли с севера на юг до регионов, которые сегодня образуют часть провинций севера Аргентины. С основанием Ла-Паса сформировались политические, экономические и административные связи, которые объединили Потоси через Ла-Пас с Куско и Лимой.

С 1570 до 1700 г. – новый этап строительства городов: Кочабамба (1570), Тариха (1572), Санта-Крус (основан первоначально в 1561 г. и перемещен на современное место между в 1603–1621 гг.), которые должны были стать стратегическими центрами для осуществления контроля над огромными колониальными территориями. С основанием второго, наиболее важного горнорудного центра Оруро (тогда названного Сан-Фелипе-де-Аустриас) в 1606 г. и перемещением Санта-Круса на новое место закончился начальный период создания городов в Чаркас.

Города Кочабамба и Тариха были основаны в долинах, где производились продукты питания для рудников. Тариха служила не только пунктом связи Рио-де-Ла-Платы с Альтиплано, но и была городом-крепостью на границе с «дикими», непокоренными племенами индейцев. Другие пограничные города-крепости, такие, как Томина, Тарабуко, Вильяр и Престо, строились с целью обеспечить защиту населения от набегов воинственных племен индейцев чиригуанов (этнической группы гуарани).

После того как в 1572 г. вице-король Толедо расправился с последними инками, которые с 1536 г. держали оборону в крепости Вилькабамба, он начал войну против чиригуанов, считая, что те были связаны с инками. Сначала Толедо вступил с чиригуанами в переговоры, которые окончились неудачей, тогда он объявил им войну. В 1573 г. он организовал три военных колонны, которые должны были атаковать по трем направлениям. Тем не менее испанцы, лишенные продовольствия и подвергавшиеся постоянному нападению чиригуанов, были вынуждены отступить.

Когда военные действия против чиригуанов провалились, испанцам удалось достичь определенного статуса-кво благодаря созданию «военной границы». Чиригуаны не были организованы в единую армию и не имели единого центра руководства. Со временем чиригуаны стали мирно сосущес-

⁴⁵ В 1661 г. вслед за основанием Аудиенсии Буэнос-Айрес из юрисдикции Чаркаса были изъяты провинции Парагвай и Тукуман. В 1776 г., когда было создано вице-королевство Рио-де-ла-Плата (там же была создана Аудиенсия Буэнос-Айрес), в его состав были включены провинции Парагвай и Тукуман и Аудиенсия Чаркас. – *Mesa J., Gisbert T., Mesa Gisbert C. Historia de Bolivia. La Paz, 1998. P. 154.*

⁴⁶ До сих пор нет единого мнения среди историков о точной дате основания этого города: или 1538, или 1540 г.

твовать с испанскими поселенцами, которые проникали в глубь их территорий в районах Санта-Круса, Чукисаки, Ла-Платы и Тарихи⁴⁷.

Из Санта-Круса испанцы продвинулись в Чикитос и Мохос. На востоке Боливии рост численности населения происходил благодаря созданию иезуитских и францисканских миссий или, как их называли, редукций, организованных для евангелизации, «духовной конкисты» местных индейцев, что было частью процесса колонизации территорий востока. Иезуиты, имея базой Санта-Крус, начали евангелизацию в предамазонских равнинах, где вдоль р. Маморе проживали индейцы групп аравак (мохо, бауре) и чикитано. В Мохос после основания Лорето в 1671 г. процесс распространения миссий развивался по нарастающей⁴⁸. Параллельно с проведением религиозных экспедиций были организованы миссии в Чикитос: Сантьяго (1754), Санта-Корасон-де-Иисус (1760), Сан-Франсиско-Хавьер (1691), Сан-Рафаэль (1691), Сан-Хосе (1691), Сан-Игнасио (1710), Сан-Мигель (1721). В редукциях были собраны различные этнические группы, которые воспринимали новые нормы культуры, поведения и христианские обряды. Эти поселения создавались для контролируемой евангелизации. В них получила развитие материальная культура индейцев, совершенствовалось ремесленное производство, организованное на коллективных началах. Редукции превратились в сеть поселков, где проживали около 50 тыс. человек, что позволило ордену иезуитов осуществлять контроль над всей территорией Чикитос. Этот порядок просуществовал в колониях до 1767 г., когда иезуиты были изгнаны декретом Карла III.

Колониальное административное устройство

Колониальная администрация Америки представляла собой часть могущественного имперского аппарата, состоящего из многочисленных советов с широкими полномочиями. Испанский король был абсолютным властителем, а Америка считалась владением кастильской короны, а не испанского государства. Корона управляла Америкой через вице-королей, их наместников в колониях, которые обладали всей полнотой власти, чтобы поддерживать иллюзию одновременного присутствия короля в Испании и Америке (объединенных под одним скипетром испанских Габсбургов)⁴⁹.

Вице-короли были представителями центральной власти в Америке, воплощали в себе «alter ego» короля, поэтому их власть была более могущественная, чем какого-либо подобного должностного лица в Европе. Полномочия вице-королей охватывали все аспекты общественной жизни: законодательные, административные, налоговые, экономические, судебные, военные и даже церковные, поскольку они осуществляли патронат над церковью. Од-

⁴⁷ Saignes T. La guerra contra el Estado // Historia del pueblo chiriguano / Compilación, introducción y notas Isabel Combés. La Paz, 2007. P. 164.

⁴⁸ На первом этапе в 1682–1700 гг. были основаны миссии в Лорето, Тринидаде, Сан-Игнасио, Сан-Франсиско-Хавьер; во время второго этапа в 1700–1720 гг. были созданы миссии в Сан-Пабло, Санта-Роса, Консепсьон, Эксальтасьон, а на третьем, в 1720–1750 гг., были построены Сан-Мигель, Сан-Симон и другие.

⁴⁹ Pagden A. Señores de todo el mundo. Ideologías del imperio en España, Inglaterra y Francia (en siglos XVI, XVII y XVIII). Barcelona, 1997. P. 178.

нако огромная власть вице-королей была ограничена Аудиенсией, которая также обладала широкими полномочиями. Королевские Аудиенсии выполняли главным образом судебные функции.

Созданная в 1561 г. Аудиенсия Чаркас или Ла-Платы имела статус подчиненной аудиенсии. Вопрос об этой судебной коллегии долго обсуждался как в Испании, так и в Лиме, где высказывалось мнение, что она будет излишней и даже приведет к конфликтам, поскольку в Перу уже существовала Аудиенсия в Лиме.

Фактически деятельность Аудиенсии Ла-Платы как подчиненного суда не всегда соответствовала общим правилам. Так, например, она приобрела власть в вопросах политических, управления, налоговых и многих других. Хотя эта Аудиенсия должна была во всем следовать указаниям вице-короля, в силу огромного расстояния между Лимой и Ла-Платой, она стала обладать определенной степенью автономии. Подобная ситуация вызывала постоянное напряжение и конфликты между обоими органами управления на протяжении всего колониального периода. Исключительное положение Аудиенсии Ла-Платы окрепло после того, как в 1552 г. Ла-Плата стала местом пребывания епископа (с 1609 г. – архиепископа).

Внутри системы колониального управления было сложно определить, какие функции соответствовали судам, военному или налоговому ведомству. Один и тот же чиновник осуществлял порой разные функции, что порождало частые конфликты между органами власти. Путаница с их полномочиями была заметна даже на самом высшем уровне, а на местах она только нарастала. Такое положение сохранялось вплоть до реформ Бурбонов в XVIII в.

Коррехимьенто (налоговые и полицейские органы) во главе с коррехидором были созданы в Чаркас сразу после конкисты, они обладали широкими полномочиями. Эти органы уравнивали власть муниципальных советов, контролируя их судебные и политические решения. Учреждение Аудиенсии породило конфликт с коррехидорами⁵⁰. Ее должностные лица были облечены широкими правами контроля над другими правительственными ведомствами. Фактически Аудиенсия становилась своего рода правительством данной территории. Контрольные посещения провинций были одной из обязанностей специальных оидоров-визитадоров (оидор – член судебной коллегии Аудиенсии). Другой обязанностью была защита индейцев от незаконных действий и злоупотреблений со стороны коррехидоров, церковников и касиков.

Неопределенность компетенций местных властей и Аудиенсии, а также прямое вмешательство вице-короля в отношения между Аудиенсией и коррехидорами – отличительные черты испанской системы управления. С помощью этого запутанного механизма королевская власть пыталась достичь баланса властей в американских колониях, не допуская всевластия как судей Аудиенсий, так и вице-королей. Это стремление нашло выражение в при-

⁵⁰ Сначала власть коррехидора распространялась на всю провинцию Новое Толедо, позже, когда были основаны Ла-Пас, Кочабамба, Тариха и Оруро, там появился собственный коррехидор. Коррехидор, назначенный королем или вице-королем, представлял центральную власть на местах, обладал широкими судебными, административными, а также политическими и военными правами – *Barnadas J. Op. cit. P. 36.*

нятом в 1619 г. распоряжении о запрещении назначать коррехидоров, находящихся в родственных отношениях с оидорами, вице-королями и другими чиновниками.

Взамен Аудиенсия сохранила полномочия назначать королевских чиновников и служащих казны, хотя всегда ее решение могло быть отменено вышестоящей властью. Аудиенсия имела право предоставлять знатные титулы, хотя и временно, на шесть месяцев при последующем утверждении, а при отсутствии вице-короля представлять временное правительство. Начиная с 1678 г. король сам стал назначать всех коррехидоров и старших алькальдов (мэров) в колониях. Местные власти (Аудиенсия, вице-король, прелаты) присылали в Испанию списки со своими предложениями, а король утверждал их. Соответственно, коррехидор мог быть назначен или снят с должности только по указу самого короля⁵¹. В XVII и в XVIII вв. проблема коррупции порождала конфликты между Аудиенсиями и коррехидорами, обвиняемыми в мздоимстве, и королевская власть была вынуждена разбираться с ними⁵².

Должность коррехидора была тесно связана с кабиљдо (городским советом), который возглавлялся одним или двумя алькальдами; последние имели полномочия отправлять правосудие внутри городов, а также заменять коррехидора в провинции во время его отсутствия. Однако кабиљдо имел больше власти, чем коррехидоры. Кабиљдо полностью контролировался местной элитой⁵³. Муниципалитеты в колониях получили широкие права в управлении городом, даже большие, чем их коллеги в Кастилии. Кабиљдо избирал судей и членов совета, мог отправлять своих уполномоченных для подачи жалоб и представлений напрямую к королевскому двору. Сферой деятельности кабиљдо было городское управление и решение местных вопросов. Особенностью кабиљдо, созданных в колониях, было то, что они имели полномочия распоряжаться землей и рабочей силой (индейцами), двумя наиболее важными элементами, которые предопределяли богатство и социальный статус в колониях. Кабиљдо мог напрямую вмешиваться в процесс пожалований земли. Это порождало противоречия и жаркие споры между Аудиенсией и горожанами, представленными кабиљдо.

Первые кабиљдо были сформированы из энкомендеро, потомков первых конкистадоров и тех, кто защищал королевскую власть во время гражданских войн времен конкисты. В Ла-Плате, например, местная власть находилась в руках узкого круга лиц, принадлежащих к семьям энкомендеро⁵⁴. Должности перераспределялись от членов одной семьи к другой; право на тот или иной пост стало восприниматься как наследственное той или иной семьи, получившей его в результате пожалования или покупки. Другие же

⁵¹ С этого времени была введена продажа должностей, цена которых варьировалась в зависимости от важности провинции.

⁵² *Cajías de la Vega F.* La sublevación tupacamarista de 1781 en Oruro y las provincias aledañas: sublevación de indios y revuelta criolla. T. I. La Paz, 2004; *González Casasnovas I.* Las dudas de la Corona. La política de repartimientos para la minería de Potosí (1680–1732). Madrid, 2000.

⁵³ Существовали также индейские кабиљдо, в которых исправлялось гражданское и уголовное правосудие, но их компетенция была ограничена. Они были самой низкой властью над индейцами и подчинялись испанским коррехидорам. Их основной функцией было облегчать сбор трибуто коррехидором.

⁵⁴ *Presta A. M.* Op. cit. P. 30.

Мельчор Перес Ольгин. Процессия в колониальном городе.

испанские колонисты и их потомки стали требовать участия в местном самоуправлении. В результате реформ Толедо политическая монополия энкомендеро несколько уменьшилась, хотя их потомки оставались во власти до первых десятилетий XVII в.⁵⁵ Постепенно кабильдо превратились в органы, где преобладали креолы, а метисы и индейцы были исключены из системы власти. После того как в 1591 г. была установлена продажа должностей, некоторые торговцы и землевладельцы-помещики смогли принять участие в городских советах, разрушив монополию энкомендеро⁵⁶. Однако, несмотря на все усилия короны, в местных органах власти по-прежнему преобладали представители ограниченного числа привилегированных семей.

Продажа должностей увеличила автономию местных политических элит как в отношении короны, так и в отношении Аудиенсии Чаркас. В течение XVII в. кабильдо использовали свои отношения с вице-королем, чтобы защититься от вмешательства Аудиенсии в процесс выборов членов кабильдо. Тем не менее на протяжении XVII и XVIII вв. происходило сближение между семьями оидоров, городских советников и алькальдов, что постепенно привело к консолидации местной элиты, а конфликты утратили острый характер. Местная креольская верхушка осуществляла власть в колонии, опираясь на солидарные связи внутри группы, которые не контролировались короной. Эти связи пронизывали все уровни управления на местах, что позволяло элитам эффективно отстаивать свои интересы⁵⁷.

Кабильдо Потоси представляли собой стратегический институт, который контролировал производство на серебряных рудниках. С самого начала существования кабильдо Потоси был самым желанным призом в борьбе различных групп элиты. Начиная с XVII в. привилегированное место в этом кабильдо заняли баски, которые были владельцами почти всех рудников и заводов по обогащению серебра. Власти Потоси вмешивались в выборы кабильдо, стремились манипулировать ими в своих интересах. Аудиенсия также хотела контролировать дела в Потоси. Тем не менее огромное влияние, которым пользовались члены городского совета, заставляли судей принимать те правила игры, которые устраивали экономическую и политическую элиту Потоси⁵⁸. Похожая ситуация была и в других городах.

Отношения церкви и государства характеризовались полной взаимозависимостью и регулировались системой патроната, при этом разграничение сфер деятельности было туманным и путанным. Духовенство находилось под властью короля, который являлся патроном церкви, а в заокеанских владениях церковь подчинялась светской власти вице-короля или Аудиенсии. Гражданские власти могли вмешиваться в экономические и юридические вопросы церкви, например, в процесс назначения членов церковного кабильдо. Испанские власти придавали особое значение вопросам создания религиозных организаций в колониях. Так, в Мадриде почти одновременно обсуждался вопрос создания епископства и Аудиенсии в Ла-Плате (Чаркас).

⁵⁵ Ibid. P. 134, 190.

⁵⁶ Bayle C. Los cabildos seculares en América española. Madrid, 1952. P. 287.

⁵⁷ Bridikhina E. Theatrum mundi: entramados del poder colonial. La Paz, 2007. P. 60.

⁵⁸ Bridikhina E. Los misterios de la urbe: enredos políticos y económicos en La Plata y Potosí // La construcción de lo urbano en Potosí y La Plata, siglos XVI y XVII / Comp. Andrés Eichmann y Marcela Inch. Sucre, 2008. P. 263.

В обоих случаях аргументом в пользу создания этих институтов были обширные территории этой части владений Испании (до этого Чаркас входил в епископство Куско). В 1552 г. было создано епископство в Чаркас.

Большая удаленность епископств Ла-Платы, Ла-Паса и Санта-Крусa от архиепископства в Лиме, не говоря уже о дистанции до Тукумана, Парагвая и Буэнос-Айреса, диктовала необходимость создания религиозного центра в Чаркас. В XVII в. Ла-Плата превратилась в один из самых богатых архиепископств Америки с доходами от десятины в 10 тыс. песо в год. Церковь Чаркас занимала третье место по престижу в церковной иерархии в Испанской Америке после Мехико и Лимы⁵⁹.

Положение церкви в Чаркас имело некоторые особенности. За все время существования епископской кафедры в Ла-Плате в колониальный период многие годы она была вакантной, и в это время власть находилась в руках членов церковного кабилдо, которые считали себя выше самого епископа и иногда действовали против его воли. Члены церковного кабилдо Ла-Платы монополизировали политико-административную власть в церкви и были самыми влиятельными священниками. Большинство из них происходили из местной элиты, в то время как присылаемые епископы всегда оставались чужаками и, следовательно, не могли проводить свою собственную политику. Кабилдо конкурировал с епископами в контроле над клиром и приходами, что было причиной многочисленных проблем⁶⁰.

Главный конфликт в церковной сфере происходил из-за получения мест и приходов креолами и испанцами (пенинсуларес). Следует отметить, что на протяжении XVII в. значительно увеличилось число креолов в религиозных орденах и в церковной иерархии, что создало диспропорцию между испанцами и креолами в пользу последних, при этом испанцы занимали самые высокие посты, что обостряло конфликты между ними и креолами⁶¹. Несмотря на то что происходило постоянное пересечение полномочий светской и церковной властей, частые конфликты по вопросам юрисдикции разрешались переговорами, через компромиссы, уступки и договоренности. Не было четкого разделения на мирскую и духовную власть, церковь не подчинялась государству, а скорее, можно говорить о некоем «двоевластии». Сила союза трона и алтаря опиралась на то, что церковь получала от короны поддержку, защиту и финансирование.

Государство, в свою очередь, также получало поддержку и этико-религиозную легитимацию от церкви, которая не только освещала действия властей, но и напрямую сотрудничала с ними. Епископы принимали участие в принятии административных решений, так как считалось, что главной задачей колонизации страны является ее евангелизация, которую должна была проводить не только церковь, но и светская власть. Церковникам приходилось выполнять функции королевских чиновников, так как король часто

⁵⁹ Historia general de la Iglesia en América. T. VIII (Perú, Bolivia, Ecuador) / E. Dussel. Salamanca, 1987. P. 463. По другим источникам в конце XVII в. кафедра в Лиме давала 70 тыс. песо дохода, Пуэбла в Мексике – 60 тыс., в Чаркас – 50 тыс. песо. См.: Domínguez Ortiz A. La sociedad americana y la Corona española en el siglo XVII. Madrid, 1994. P. 64.

⁶⁰ Draper L. Arzobispos, canónigos y sacerdotes: interacción entre valores religiosos y sociales del clero de Charcas del siglo XVII. Sucre, 2000. P. 18.

⁶¹ Из 159 епископов в колониях только 23 были креолами.

поручал епископам выполнение светских дел⁶². Церковные иерархи обладали огромной властью и независимостью, считали себя вассалами короля, равными высшей королевской знати.

В сельской местности была создана сложная сеть представителей власти, состоящая, с одной стороны, из колониальной бюрократии, от коррехидора и приходского священника до так называемого защитника индейцев, а с другой, из индейской общинной иерархии – касиков и старейшин. В компетенцию касиков входили сбор подушной подати, мита на рудниках Потоси, также они были обязаны обеспечить строительство церквей, мостов, дорог, а главное – нести ответственность за все происходящее в общинах. После проведения реформ Толедо испанская администрация попробовала контролировать процесс назначения касиков, требуя подтверждения их прав в Аудиенсии, тем самым надеясь сделать их подобием чиновников, однако это не всегда удавалось.

Социально-экономическая система колонии

С момента начала добычи на рудниках в Потоси в 1545 г. и до 1572 г. горное дело было основано на эксплуатации богатых поверхностных залежей и использовании рабочей силы индейцев, которых посылали или нанимали энкомендеро⁶³. Однако к 60-м годам XVI в. закончилась эпоха «легкого металла», сократилось количество и качество поверхностных залежей металла и появилось резкая нужда в рабочей силе. С этого момента добыча серебра требовала больших вложений капитала и сложных технологий. Острый кризис затронул не только производство, но местную и региональную торговлю, которая процветала после начала добычи серебра в 1540-е годы⁶⁴. Из-за стратегического места, которое занимало Потоси в центральных Андах, кризис охватил весь регион⁶⁵. Эта ситуация вызвала озабоченность короны, которая поручила вице-королю Толедо заняться этой проблемой.

Если до реформ Толедо мита была одной из обязанностей, которую выполняли индейцы (митайос) для энкомендеро с согласия касиков, то теперь она превратилась в повинность общинников на рудниках и заводах Потоси. Мита обеспечивала рудники стабильной и бесплатной рабочей силой из 139 деревень (13 500 митайос) 16 провинций и была своего рода государственной субсидией для горнозаводчиков⁶⁶.

Для увеличения добычи серебра Толедо в 1573 г. издал указы, направленные на модернизацию горного производства Потоси: был создан Монетный

⁶² Верховный Совет Индий был воплощением слияния церковных и светских властей. Совет возглавлял председатель, которым очень часто был епископ, а членами совета были светские чиновники, теологи, юристы, священники. В колониях нередко церковников назначали на политические посты: епископы и архиепископы были председателями Аудиенсии и вице-королями.

⁶³ Bakewell P. Op. cit. P. 81.

⁶⁴ Larson B. Colonialismo y transformación agraria en Bolivia. Cochabamba, 1550–1900. La Paz, 1992. P. 78.

⁶⁵ González Casasnovas I. Op. cit. P. 43.

⁶⁶ Crespo A. La mita de Potosí. Fragmentos de la patria. Doce estudios sobre la historia de Bolivia. La Paz, 2010. P. 63; Bakewell P. Op. cit. P. 81.

двор и введен Горный кодекс. Предлагалось осуществлять технологические новации: амальгамирование, при котором использовалась ртуть и соль для выделения серебра из руды. Эти новые технологии позволяли добывать серебро из руды с меньшим содержанием металла, максимально эксплуатировать более бедные жилы внутри Серро-Рико. Однако этот метод требовал развитой инфраструктуры, создания искусственных водоемов и массивных машин. Введение новой технологии потребовало капиталовложений, которыми не всегда располагали горнозаводчики. Монополия на продажу ртути принадлежала испанской короне, и для увеличения производительности было разрешено покупать ее в кредит. Предоставление бесплатной рабочей силы через систему миты и субсидии на ртуть были частью пакта, неформально существовавшего между горнозаводчиками и короной, ценой которого была выплата кинто (20% налога на серебро) и займов казне. После реформ вице-короля Толедо в 1573–1592 гг. горное дело в Потоси переживало период расцвета.

Потоси стал мировым лидером добычи серебра, что, по мнению Пьера Вилара и Фернана Броделя, предопределило вытеснение немецких производителей серебра с европейского рынка⁶⁷. Производство в Потоси достигло максимальных объемов между 70-ми годами XVI в. и первой половиной XVII в. Здесь добывалось более половины серебра всего Нового Света. По оценке П. Бейквелла, годом наивысшего подъема добычи серебра стал 1592 г., когда в Потоси было произведено 220 т серебра, а затем следовали периоды постепенного снижения и резкого подъема. Поступления из Потоси приобрели для испанской короны огромное значение: только в период 1592–1597 гг. отсюда было вывезено 1 127 235 дукатов, что составляло почти 9% доходов казны империи в эти годы⁶⁸. Даже такие гигантские вливания денег из Потоси были недостаточны из-за выросших расходов испанской казны, связанных с военными нуждами.

Реформы Толедо оказали серьезное влияние на общество. Горное дело, которое нуждалось в крупных капиталовложениях для покупки ртути и процесса амальгамирования, стало сосредотачиваться в руках небольшого числа серебродобытчиков. Их число сократилось с 500 в 1585 г. до 75 к началу XVII в.⁶⁹ Этот процесс вызвал растущее соперничество между предпринимателями за контроль над рудниками. В 20-х годах XVII в. в Потоси происходили серьезные конфликты между басками и выходцам из других испанских провинций, которых поддерживали креолы (последних называли викуньи, подчеркивая их местное происхождение)⁷⁰. Это противостояние вошло в боливийскую историографию как «война между викуньями и басками», которая разгорелась за экономическое влияние и различного рода привилегии⁷¹.

⁶⁷ *Larson B.* Op. cit. P. 83.

⁶⁸ *Bakewell P.* Op. cit. P. 29, 104.

⁶⁹ *González Casanovas I.* Op. cit. P. 47.

⁷⁰ Они носили шляпы, сплетенные из шерсти викуньи – дикого андского животного из семейства лам.

⁷¹ *Mendoza G.* Guerra entre vascongados y otras naciones de Potosí, Documentos del Archivo Nacional de Bolivia (1622–1641). Potosí, 1954; *Crespo A.* La guerra entre vicuñas y vascongados (Potosí, 1622–1625). Sucre, 1956.

Группа басков, которая насчитывала в начале XVII в. примерно восемьдесят семей, сосредоточила в своих руках большое количество рудников и заводов, получая огромную прибыль. Кроме того, баски покупали должности в кабильдо. Они были одними из злостных неплательщиков налогов. Это привилегированное положение басков не устраивало креолов и уроженцев из других регионов Испании, и в начале XVII в. между ними разгорелся конфликт, усугубившийся в 1618 г. во время скандала, разгоревшегося после результатов ревизии, проведенной королевским аудитором Алонсо Мартинесом Пастраной. Стало известно, что члены кабильдо, баски по происхождению, задолжали огромные суммы короне за ртуть и покупку должностей в кабильдо. Из-за нежелания басков погасить долги только три года спустя аудитору удалось отстранить должников с их постов. Баски опротестовали эти меры перед вышестоящими органами, а жители города начали проявлять недовольство против этой мощной группы. В 1622 г. один из басков был найден убитым, в чем были обвинены викуньяс (креолы и испанцы). Баски организовали вооруженные банды и начали преследование подозреваемых. В свою очередь, викуньи организовали свои собственные вооруженные группы, и в Потоси разыгрались уличные бои.

Столкновения между группами продолжались в 1622–1625 гг. с временными победами той или другой стороны. И, наконец, баски, будучи в меньшинстве, были вынуждены отступить или покинуть Потоси и укрыться в других городах. В то же время в неоднородной массе викуньяс произошел внутренний раскол, который завершился вооруженным конфликтом и ростом насилия в городе. Новый коррехидор Филипп Манрике не смог справиться с ситуацией и, кроме того, был заподозрен в симпатиях к баскам. По этой причине его дом был подожжен, что было расценено как нападение на королевскую власть и вызвало вмешательство короны. Только после этого конфликт, в результате которого было много раненых и убитых, наконец-то был погашен. Борьба между этими двумя группами происходила на фоне снижения добычи серебра, и вооруженное соперничество привело к еще большему упадку производства, деятельность некоторых заводов была парализована.

Эти события в Потоси представляли собой подлинный вызов колониальной власти в лице вице-короля и Аудиенсии, которым с большим трудом удалось усмирить обе стороны. Лишь активное вмешательство центральных властей в муниципальные дела Потоси позволило поддерживать хрупкий баланс сил. Кабильдо, избранный после этой «войны», вновь попал под влияние басков.

Начиная с 1610 г. Потоси постепенно вступил в период длительной депрессии, которая продлилась до 1730 г. Истощение месторождений, сложность добычи руды на большой глубине, нехватка ртути и сокращение работников-митайо привели к снижению добычи серебра после 1620 г. и налоговых поступлений (кинто) в королевскую казну. Также ухудшалось качество руды, которую добывали уже из самых глубоких шахт Серро-Рико. Ситуация ухудшилась с 1650 г. Однако некоторые историки, как, например, Руджеро Романо, поставили под сомнение упадок производства серебра в Потоси в XVII в., утверждая, что его объем был такой же или даже больше,

как в начале века⁷². Романо предлагал искать причину сокращений налоговых поступлений из Потоси не столько в снижении добычи, сколько в налоговых махинациях, контрабанде и подделке монет, которые неуклонно росли на протяжении всего XVII в.⁷³

Нехватка рабочей силы митайо стала еще одной хронической проблемой в Потоси, особенно после 1620 г., тогда же и отмечается самое сильное падение добычи. В 30-е годы XVII в. колониальная администрация вскрыла ряд злоупотреблений и фальсификаций в системе миты. Среди горнозаводчиков вошли в практику продажа и аренда индейцев-митайос, зачет миты индейцам за деньги, за серебро. Речь идет о практике откупных платежей от миты, когда община или касики платили горнозаводчикам деньги, вместо того чтобы предоставлять рабочие руки. На эти деньги предприниматели могли нанимать свободных работников, которые более профессионально выполняли работы в шахтах или на заводах. В свою очередь, индейцы делали все возможное, чтобы избежать страшной участи митайо. Индейцы общин, которые должны были работать как митайос на рудниках, мигрировали в другие регионы, прятались в селениях, освобожденных от выполнения миты.

Вместе с тем в упадок пришла система амальгамирования, которая составляла основу горного дела. Ртуть, используемая при извлечении серебра из руды, была монополизирована государством. В определенный момент возникала проблема больших долгов государству за поставленную ртуть.

Испанская корона была заинтересована в непрерывной добыче серебра для выплат казне кинто и получения от горнодобытчиков принудительных займов. Аудиенсия Чаркас должна была обеспечивать непрерывность процесса добычи серебра, удовлетворяя запросы заводчиков, и выполнять приказы, поступающие из метрополии, что заставляло чиновников вести переговоры, маневрировать, действовать в соответствии с обстоятельствами, а не как предписывал закон. Любые попытки оидоров Аудиенсии усилить контроль над рудниками во время обычных инспекторских поездок в Потоси, вызывали сильнейшее сопротивление и жалобы непосредственно королю.

Начиная с 1680 г. система, созданная вице-королем Толедо, практически полностью исчерпала себя. Администрация в самом Потоси была чрезвычайно коррумпирована, тесно связана с шахтовладельцами. Несмотря на все попытки реформ со стороны перуанских вице-королей, которые в течение всего XVII в. пытались ликвидировать систему миты, владельцы рудников смогли отстоять свои позиции и привилегии и не допустить вмешательства центральных властей в свои дела. Владельцы рудников, засевшие в кабильдо Потоси, делали все возможное для сохранения миты, давили на власти, искали связи в правительстве и при дворе для защиты своих интересов⁷⁴.

Одной из попыток произвести кардинальную реформу были меры, принятые вице-королем герцогом Де Ла Палата в 80-е годы XVII в., направленные на стимулирование производства горнодобывающей промышленнос-

⁷² Romano R. Algunas consideraciones sobre los problemas del comercio en Hispanoamérica durante la época colonial // Boletín del Instituto de Historia Argentina y Americana Dr. E. Ravignani. Tercera serie. N 1. 1er semestre de 1989.

⁷³ Amadori A. Fiscalidad y consenso en el virreinato del Perú, 1620–1650 // América Latina Historia Económica. Año 19. N 2(38). Mayo-agosto 2012. P. 25.

⁷⁴ González Casanovas I. Op. cit. P. 121.

ти. Чтобы контролировать распределение индейского населения для миты, в 1683–1685 гг. была произведена перепись индейского населения, которая показала значительное уменьшение его численности. Ввиду произошедших демографических изменений Де Ла Палата принял решение об увеличении числа провинций, на которые распространялась мита. В последующие годы вице-король граф де Монклова попытался отменить миту, приводя важные юридические и практические обоснования. Но и эта попытка, связанная с радикальной перестройкой горного дела в Потоси, столкнулась с интересами владельцев шахт и другими силами, заинтересованными в продолжении использования миты на рудниках. Период реформ, который начался в 1680 г., закончился в 1732 г., когда стала преобладать политика сохранения старой системы, которую в этот раз проводили центральные власти, и мита просуществовала в течение всего XVIII в.

Налоговая система

Для сбора налогов в 1560 г. в Потоси было образовано казначейство, а в XVII в. появились еще пять казначейств в соответствии с появлением новых зон экономического развития. Подчинявшиеся напрямую Лиме отделения казны были созданы в горнорудных центрах Оруро, Карангас, Чукуито и в торговых городах Арике и Ла-Пасе, который был районом наибольшего числа свободных индейских общин⁷⁵.

Региональные казначейства получали налоги, которые распределялись по категориям: горное дело, торговля, мануфактура, продажа продукции государственных монополий, включая ртуть⁷⁶. Другими крупными источниками поступлений были налоги с индейцев и с колониальных чиновников, которые занимали религиозные и гражданские должности. Серебродобытчики были обязаны плавить металл и ставить пробу в казначействе и платить самые большие прямые налоги, такие, как кинто (пятая часть, т.е. 20% от полученного серебра), а также 1,5% от всей продукции за право добычи⁷⁷.

Одним из важных источников доходов казны была трибуто – подушная подать с индейского населения. Налог собирался с мужчин, глав семей в возрасте от 18 до 50 лет, которые владели личным наделом внутри общины. Общие доходы с этого налога зависели от демографических изменений и были связаны с географией расселения индейцев. Значение трибуто для региона Чаркас объяснялось высокой плотностью коренного населения, но на протяжении XVII в. его численность постоянно снижалась. В конце XVII в. согласно цензу, проведенному вице-королем Де Ла Палата в 1683–1688 гг., число индейцев сократилось до 220–250 тыс. человек⁷⁸.

⁷⁵ Klein H. Impuestos Reales, Gastos Gubernamentales: La Audiencia de Charcas, 1684–1809 // DATA, Revista de Estudios Andinos y Amazónicos. N 6. La Paz, 1996. P. 23–55.

⁷⁶ Te Paske J., Klein H. The Seventeenth-Century Crisis in New Spain: Myth or Reality // Past and Present. N 90. 1981. P. 119.

⁷⁷ В 1734 г. по многочисленным просьбам и ходатайствам владельцев шахт налог кинто был сокращен с 20 до 10%.

⁷⁸ Sánchez Albolnoz N. Indios y tributos en el Alto Perú. Lima, 1977. P. 28–30.

Важными налогами были альмохарифазго, который составлял 15% от стоимости товарооборота, и алькабала – налог с продаж (2–4%). Земледельческие и скотоводческие хозяйства облагались десятиной в пользу церкви. Также существовали другие источники поступлений, появлявшиеся от случая к случаю, например, принудительные займы или продажа общинных земель (композиции земель), что происходило в момент финансовой нужды короны, и доходы от этих чрезвычайных мер могли достигать огромных масштабов.

По мнению историка Пьера Вилара, испанскому королю в период 1503–1660 гг. от доходов Индий доставалось не более четверти всех поступлений, но и это позволило ему проводить активную европейскую политику⁷⁹. Тем не менее военные затраты намного превосходили поступления в казну из колоний. Затраты на европейские войны во Фландрии, Германии, Италии опустошили казну, и в 1557, 1575, 1596, 1627 гг. испанский король был вынужден объявлять банкротство.

Всякий раз при нехватке денег корона изобретала новые и новые способы пополнения казны. Чаркас был «самой богатой провинцией» колоний, где находился знаменитый город Потоси, поэтому испанский король требовал займов у подданных, «возвращение которых приходилось ждать очень долго»⁸⁰. В 1591 г. горнозаводчики Потоси не обманули ожидания короля и отправили в Испанию много серебра⁸¹. Тем не менее вновь и вновь вице-короли давили на Аудиенсию, подчеркивая «срочность», «неотложность», «важность» отправки «всего серебра Его Величеству»⁸².

В последующие годы чиновники испанской короны неоднократно обращались к горнозаводчикам Потоси с просьбой об отправке серебра и новых займов⁸³. В самой Испании корона также прибегала к принудительным займам. В обмен на серебро выдавались медные монеты или облигации, что приводило к разорению многих торговцев⁸⁴. Во время правления Филиппа IV (1621–1665) суммы заимствований достигали 4,5 млн дукатов⁸⁵. В 1652 г. такая политика короны привела к восстанию в Севилье.

Финансовые трудности Испании, вызванные необходимостью участия в европейских политических конфликтах, обусловили появление в 1626 г. особого проекта герцога де Оливареса, предусматривающего финансирование армии. Смысл проекта, названного «Союзом оружия», состоял в том, чтобы переложить на колонии основную тяжесть содержания армии, облегчив тем самым положение Кастилии. В 1621–1643 гг. налоговое давление в Перу значительно выросло. В начале XVII в. вице-королевство Перу отправляло в среднем 2 млн 500 тыс. песо в метрополию, а в 1620–1621 гг. эта сумма сни-

⁷⁹ Vilar P. Oro y Moneda en la Historia (1450–1920). Barcelona, 1974.

⁸⁰ ANB (Archivo Nacional de Bolivia), Cach-100, Carta del virrey a la Audiencia de La Plata. Lima, 4-4-1590.

⁸¹ José Vázquez-Machicado. Catálogo. N 733. Также королевское письмо с благодарностью от 18 марта 1592 г. – Archivo General de Indias (Sevilla, España). Charcas 415. Lib. 2. F. 89.

⁸² ANB. CACH-108. Carta del Virrey a la Audiencia de La Plata de Los Charcas. Lima, 1-9-1590.

⁸³ ANB. Min. 132-7. Carta del Virrey a la Audiencia de La Plata de Los Charcas. Lima, 6-2-1594.

⁸⁴ *Bancora Cañero C.* Las remesas de metales preciosos desde el Callao a España en la primera mitad del siglo XVII // Revista de Indias. N 19. 1959. P. 35–88.

⁸⁵ Lynch J. Spain Under the Habsburgs. I. Spain and America 1598–1700. II. 2 vols. N.Y., 1969. P. 164.

зились на 600 тыс. песо⁸⁶. С 1627 г. на Перу стал возлагаться сбор в размере 350 тыс. дукатов в рамках проекта «Союз оружия», и в течение последующих 15 лет в вице-королевстве Перу были введены новые налоги, которые затронули производство и торговлю.

В результате реформ вице-короля Чинчона (1628–1640) в Перу устанавливалось 19 дополнительных налогов и ужесточился контроль над местной администрацией. Нововведения включали в себя обложение трансатлантической торговли, строгое взимание долгов, усиление борьбы с контрабандой. С 1634 г. стал практиковаться откуп некоторых налогов частными лицами. За счет продажи земель, сбора дополнительного трибута и заимствований из общинных касс в 1636 г. удалось получить 125 тыс. песо. Были введены невиданные доселе налоги, например, платежи «за прощение», т.е. штрафы за нарушение закона. В результате такой изощренной налоговой кампании вице-королевской администрации Чинчона удалось отправить в 1639 г. в метрополию 2 млн 400 тыс. песо, а при вице-короле маркизе Мансере 2 млн 600 тыс. песо, до 1644 г. ежегодно в Испанию посылалось 2 млн песо⁸⁷.

Большая часть доходов, которые предназначались для отправки в Испанию из казначейства Лимы, приходилась на платежи из Потоси и других регионов с многочисленным индейским населением. Несмотря на то что доходы из Потоси являлись львиной частью посылок серебра в Испанию, между 1640–1650 гг. налоговые поступления начали неуклонно снижаться, что было напрямую связано с уменьшением производства серебра в Оруро, которое составляло почти четвертую часть от всех региональных доходов. Потоси сократило выплаты в казну с 500 тыс. марок (марка – мера веса для золота и серебра – 230 г.) в 1660 г. до 300 тыс. марок в конце века. Несмотря на это, вплоть до конца XVII в. Потоси давало большую часть всех поступлений региона, т.е. 2 млн 500 тыс. песо в год⁸⁸. Доходы казны от налогообложения горной отрасли продолжали составлять две трети всех поступлений колониального правительства. В то же время увеличиваются доходы от торговли и сельского хозяйства в Ла-Пасе. Хотя на Ла-Пас приходилось лишь 5% от доходов региональной казны, со второй половины XVII в. сумма выросла благодаря торговле кокой, сельскому производству и трибута с многочисленного индейского населения.

Сокращение отправки серебра в Испанию во второй половине XVII в. можно объяснить тем, что часть поступлений из Потоси, Оруро и Ла-Паса использовалась для местных нужд. Согласно колониальному законодательству серебро, получаемое государством в главных горнорудных центрах, должно была посылаться напрямую в Испанию, без использования на местные нужды. Тем не менее от 30 до 50% поступлений в колониальное казначейство расходовались на месте⁸⁹. Часть добываемого в Потоси серебра шла на оплату местной бюрократии, флота и военных нужд американских территорий Испании. Охрана и поддержание флота, перевозившего серебро в Европу, также ложились на плечи вице-королевства. Ежегодно Потоси на-

⁸⁶ *Amadori A.* Op. cit. P. 26.

⁸⁷ *Báncora Cañero C.* Op. cit. P. 85.

⁸⁸ *Klein H.* Op. cit. P. 31.

⁸⁹ *Amadori A.* Op. cit. P. 28.

правляло деньги в Буэнос-Айрес и Чили для обеспечения морской безопасности, а также на ведение войны с арауканами в Чили. В некоторых случаях средства отсылались даже на Филиппины на содержание колониальной администрации⁹⁰. Г. Клейн полагал, что расходы в Аудиенсии Чаркас распределялись между местными казначействами пропорционально их доходам⁹¹. Это означает, что к концу XVII в. на Потоси как основной источник доходов казны приходилось до 80% местных расходов, но в XVIII в. его место заняли Оруро и Ла-Пас. Начиная с 1680 г. в Чаркас и в вице-королевстве Перу намечалась экономическая перестройка. Этот регион переживал относительный упадок, в то время как выросла роль Мексики в доходах метрополии.

Потоси – центр региональной торговли

Богатство горнорудной отрасли не только обогащало испанскую монархию, но и стимулировало внутреннюю и трансатлантическую торговлю (с Испанией – Европой). Потоси превратился в центр экономического развития, вокруг которого сформировалось обширное пространство, охватывающее регион Южных Анд. Влияние этого центра простиралось далеко за пределы региона. Рост богатства этого города отразился в известной фразе: «богатый как Потоси». Поскольку Испания была включена в мировую экономику, серебро Потоси использовалось в глобальном масштабе и через Филиппины достигало даже Японии и Китая.

В 80-х годах XX в. историк С. Ассадуриан отмечал, что в течение XVI–XVII вв. вся экономика вице-королевства Перу полностью зависела от добычи серебра в Потоси. По его мнению, Потоси был центром с динамично развивающейся добычей серебра и огромным населением, а Лима – экономическим и политическим центром вице-королевства. Эти центры представляли собой два полюса роста колониальной экономики, направленной на обслуживание этих городов необходимыми для потребления продуктами сельского хозяйства и скотоводства. Р. Романо подверг критике идею Ассадуриана о «полюсах капиталистического развития», отмечая, что уместнее говорить о «полюсах экономического притяжения». В свою очередь, Романо предлагал рассматривать расширение американского экономического пространства в связи с развитием больших и малых городов, которые нуждались в потребительских товарах, что стимулировало развитие торговли⁹². В XVII в. колониальная перуанская экономика создала самодостаточный внутренний рынок: и Потоси, и Лима связывали между собой отдаленные регионы вице-королевства, которые напрямую даже не были на них ориентированы.

Горнорудный сектор формировал местный рынок, определял параметры и специализацию местной торговли, работавшей на обеспечение товарами Потоси. Прежде всего у Потоси сложились устойчивые торговые связи с другими городами Чаркас. Из Чукисаки туда поставляли древесину и зерно, из

⁹⁰ *Arze Quiroga E.* El imperio hispano-americano. Las Reales Cajas de Potosí y las Malvinas, Revista Historia y Cultura. Abril 1985. N 7. La Paz, P. 5.

⁹¹ *Klein H.* Op. cit. P. 33.

⁹² *Romano R.* Op. cit. P. 43.

Кочабамбы – пшеницу и кукурузу, из Ла-Паса – ткани, коку, сушеные бананы, из Санта-Круса – сахар, а из района оз. Титикака свежую и сушеную рыбу⁹³.

В период стремительного роста горного производства в Потоси в конце XVI в. торговые связи протянулись до самых удаленных концов вице-королевства: из Кито привозились ткани, из Парагвая – мате, из Тукумана и Буэнос-Айреса – ткани и скот, из Чили – скот и вино⁹⁴. «Прямое влияние рынка Потоси» ускорило включение этих регионов в единое торговое пространство и сформировало региональную специализацию. Так, север современной Аргентины превратился в поставщика продукции сельского хозяйства из Кордовы, пшеницы и продуктов виноградарства из Куйо, ткани, в которых очень нуждались в Потоси, из Тукумана. Обилие скота в пампе определило там базу для поставки мулов в Чаркас, караваны мулов везли в Потоси свои товары, где торговцы распродавали и груз, и мулов.

Торговый путь между Потоси и Лимой проходил по следующим пунктам: Оруро – Ла-Пас – Куско, Айякучо – Уанкавелика – Хауха. Этот маршрут объединял север и юг вице-королевства. Маршрут доставки ртути к рудникам в Потоси вел от шахт в Уанкавелике (к востоку от Лимы), где добывалась ртуть, до побережья, а затем морским путем до порта Арики и через Анды в Потоси⁹⁵.

Лима и ее порт Кальяо были торговыми воротами вице-королевства, откуда распределялись «кастильские товары», привозимые из Испании. Далее морским путем их доставляли до порта Арики и оттуда сухопутными маршрутами, пересекая Анды, в Потоси и другие городские центры Чаркас. В XVI и XVII вв. торговый путь Лима – Потоси представлял собой основную торгово-экономическую артерию, которая связывала этот горнорудный центр с мировой экономикой. Города Арика и Куско были двумя ключевыми пунктами, через которые шла торговля, через них Потоси поддерживал связь с миром. Маршрут Потоси – Арика известен как «серебряный путь». Из Потоси серебро доставлялось в порт Арики и по морю привозилось в порт Кальяо, откуда переправлялось до Портобелло или Гаваны, далее флотилия доставляла его в Испанию⁹⁶. Путь, связывавший Чаркас с Атлантикой, более известен как контрабандистский: по нему тайно перевозили серебро и рабов. Этот маршрут проходил через Жужуй, Сальту, Тукуман, Кордобу, Буэнос-Айрес⁹⁷. В результате европейского кризиса XVII в. торговый обмен Испании с ее заморскими территориями сократился, что благоприятствовало росту местного мануфактурного производства и развитию региональной торговли. Кризис способствовал росту контрабанды, в чем были заинтересованы Англия и Голландия. Путь, по которому серебро контрабандой отправлялось в Буэнос-Айрес, стал легальным только после создания вице-королевства Рио-де-Ла-Плата в XVIII в.⁹⁸

⁹³ Escobari L. Producción y comercio colonial en Charcas, s. XVII–XVIII // Revista DATA Economía colonial en la Audiencia de Charcas. La Paz, 1996. N 6. P. 6.

⁹⁴ Assadourian C.S. El sistema de la economía colonial: mercado, interno, regiones y espacio económico. Lima, 1982. P. 25.

⁹⁵ Escobari L. Producción y comercio en el espacio surandino, s. XVII, colección Arzans y Vela. La Paz, 1987.

⁹⁶ Escobari de Querejazu L. Caciques, yanaconas y extravagantes. P. 221.

⁹⁷ Romano R. Op. cit. P. 34.

⁹⁸ Escobari de Querejazu L. Fraude y contrabando de plata de Potosí a Buenos Aires y Lima s. XVII: un tema viejo en nuevas noticias // Anuario de Estudios Bolivianos archivísticos y bibliográficos. N 13. Sucre, 2007. P. 269–287.

Стремительное экономическое развитие региона привело к притоку населения из других районов, которое искало заработка как на рудниках, так и в торговле, и это не считая тысяч митайо, которые регулярно прибывали в город. В 1575 г. в Потоси насчитывалось 120 тыс жителей, к 1650 г. – 160 тыс. (испанцев, креолов, метисов, индейцев). Потоси превратился в один из крупнейших городов не только Америки, но и всего мира. Само существование этого города порождало вокруг себя огромное движение товаров и услуг.

Как отмечал Ассадурян, в колониальный период Потоси и другие города были тесным образом связаны с индейским миром и потреблением производимыми индейцами товаров⁹⁹. Благодаря огромному богатству, получаемому от добычи серебра, Потоси был одним из самых дорогих городов на земле, где цены на самые простые товары были просто заоблачными. Испанские и креольские купцы торговали с индейскими общинами, чтобы получить продукты, необходимые для повседневной жизни в огромном городе. Индейцы поставляли свои традиционные товары (ока – сорт картофеля, перец, чуньо – сушеный картофель, коку), а также новые продукты, которые они стали выращивать после прихода испанцев, как, например, пшеницу. Кока и кукуруза были продуктами высокого спроса благодаря тому, что их потребляли индейцы, отбывавшие миту: в конце XVI в. в Потоси продавалось 100 тыс. корзин коки. Кока поставлялась из Юнгас (Ла-Пас), а торговали ею индейские касики¹⁰⁰.

Рынок времен колонии не был структурирован исключительно для выгод колонизаторов. Он успешно использовался индейскими общинами. Индейцы приспособили к новой системе свои традиционные методы хозяйствования, в том числе и вертикально построенное сельское производство в горной местности, и восприняли новые формы, привнесенные испанцами, активно занимались куплей-продажей, участвовали в судебных процессах. Некоторые общины и группы индейцев смогли даже увеличить свою общинную собственность, как это сделала этническая группа Кильякас, которая приобрела землю в Потоси¹⁰¹.

Индейские общины становились активными участниками торговой системы Потоси. Если ранее историки оценивали этот факт как главную причину разрушения традиционного индейского общества, то теперь принята иная точка зрения, согласно которой торговая деятельность индейских хозяйств в колониальную эпоху являлись продолжением экономических практик, унаследованных с инкских времен. Например, этническая федерация Лупака нашла в Потоси идеальное место для приложения своих экономических интересов. Кильяки (пастушеский этнос этого района) пользовались своей близостью к Потоси, активно торгуя в городе скотом, солью, дровами и занимаясь горным делом, добычей серебра. Эти индейцы очень быстро интегрировались в рыночные отношения, смогли накопить капитал, позволивший им приобретать землю и даже контролировать торговлю продуктами питания

⁹⁹ Assadourian C.S. Op. cit. P. 161.

¹⁰⁰ Saignes T. Capoeche, Potosí y la coca: el consumo popular de estimulantes en el siglo XVII // Revista de Indias (Madrid). XLVIII/182–183. 1988. P. 218.

¹⁰¹ Medinacelli X. Sariri. Los llameros y la construcción de la sociedad colonial. La Paz, 2010. P. 100.

для митайос. Товары, необходимые для горных рудников Потоси и Оруро, доставлялись из Кочабамбы, Парии, Чукисаки и других регионов вице-королевства как испанскими, так и индейскими торговцами¹⁰². Во многих случаях участие индейцев в торговой деятельности объясняется тем фактом, что часто таким образом они зарабатывали деньги, чтобы откупиться от миты¹⁰³.

Исследования Ривера, Чоке и других исследователей¹⁰⁴ показывают высокую экономическую активность в XVI–XVII вв. касиков аймара, которые смогли сконцентрировать в своих руках огромные богатства благодаря торговле. В частности, стало известно о деятельности заводчика в Потоси, касика этнической группы Кильякас Хуана Колке или касика этнической группы Лупака Диего Чамбиля, которые продавали в Потоси продукты, выращенные индейскими общинами¹⁰⁵. Эти примеры были далеко не единственными в городе, где жили и очень успешно торговали касики из горных районов Анд.

Социальные волнения в XVII веке

С XVI в. касики начали «борьбу за справедливость» легальными методами при помощи обращений и петиций к королю, в которых сообщалось о несправедливостях и злоупотреблениях администрации. Тем не менее протесты индейцев не ограничивались только устными и письменными обращениями, там и тут возникали очаги недовольства. Так, в 1613 г. в районе Ла-Паса сформировался союз индейских касиков, договорившихся атаковать города в день празднования Тела Христова. Их целью было восстановление индейской независимости. Заговор был раскрыт коррехидором Ла-Паса¹⁰⁶.

В 1623 г. во время «войны викуний и басков» возник вооруженный конфликт в долинах Сонго и Чильяна (провинция Ларекаха, Ла-Пас). Индейцы выступили против энкомендеро из-за плохого обращения и непосильного бремени трибута, которое взималось больше положенного. В результате восстания среди убитых испанцев оказался и коррехидор. Выяснилось, что восстание готовилось в течение года, восставшим удалось установить связи с другими индейскими группами на Альтиплано, особенно с лупакас в зоне Чукито и Кольяо. Восстание было жестоко подавлено, а его лидер Габриэль Уайнакиль казнен¹⁰⁷. В 1644 г. в районе Ла-Паса произошла новая попытка восстания тех же союзов общин с целью перебить всех испанцев. Тогда сами касики успокоили крестьян¹⁰⁸.

¹⁰² Ibid. P. 181.

¹⁰³ Larson B. Op. cit. P. 122.

¹⁰⁴ Rivera S. El mallku y la sociedad colonial en el siglo XVII // Avances. La Paz, 1978; Choque R. Los caciques aymaras y el comercio en el alto Perú // La participación indígena en los mercados surandinos. Estrategias y reproducción social. Siglos XVI–XX. La Paz, 1987.

¹⁰⁵ Pleitos y riqueza. Los caciques andinos en Potosí del siglo XVII. Transcripción y estudios del expediente de Don Diego Chambilla contra los bienes de su administrador / Coords. X. Medinacelli, M. Inch. Sucre, 2010.

¹⁰⁶ Saignes T. De la borrachera al retrato: Los caciques andinos entre dos legitimidades (Charcas) // Revista Andina, Cusco, Perú. Año 5. N 1. Julio 1987. P. 151.

¹⁰⁷ Crespo A. Op. cit. P. 159.

¹⁰⁸ Lorandi A.M. La utopia andina en las fronteras del imperio // Etnicidad, Economía y Simbolismo en los Andes. II Congreso Internacional de Etnohistoria. La Paz, 1992. P. 17.

В XVII в. индейцы урус, которые в доиспанский период были угнетаемы аймара и были изгнаны ими на плавучие острова озер Титикака и Поопо, начали настоящую партизанскую войну против аймара и испанцев. Аймара (Пакахес и Лупакас) господствовали на территории проживания урус, которых эксплуатировали и угнетали, заставляли пасти скот, работать на полях. В 30-е годы XVII в. урусы, которых еще не удалось аймаризировать, напали на деревни аймара в Пакахес, разрушили церковь Сан-Андрес-де-Мачака. Урусы были разбиты и наказаны, но они перешли к партизанской борьбе, образовав банды, терроризировавшие эту территорию в течение всего XVII в.¹⁰⁹

Некоторые историки, например Т. Сенье, считают, что индейцы находились в состоянии ожидания, что «когда-нибудь все сдвинется с места»¹¹⁰, а власти испанцев наступит конец. Другие авторы, например, Т. Хисберт, предполагают, что в первом десятилетии XVII в. все возможные иллюзии об освобождении исчезли, а в индейской культуре начали преобладать метисные элементы¹¹¹. Уже в начале XVII в. начинается процесс строительства и реконструкции памяти, связанный со временем господства инков, что нашло отражение в устной традиции, в хрониках, в праздниках. Это было ответом на политику реформ Толедо, который критиковал инков как деспотов, тиранов и эксплуататоров своих подданных. В конце XVI в. и в первые десятилетия XVII в. индейские и метисные хронисты сформулировали новые подходы к своему историческому прошлому на основе идеализации культуры, правительства и истории инков в противовес пропаганде Толедо. Этот период, 1580–1630 гг., характеризовался как эпоха «культурного возрождения»¹¹².

В последние десятилетия XVI в. испанские хронисты Мигель Кабельо де Бальбоа, Мартин Муруа, Анельо Олива пытались восстановить доброе имя инков. Проинкские идеи Хуана Санта Круса Пачакути, Гуамана Пома де Айяла и Инки Гарсиласо де ла Вега звучали еще сильнее. Например, Хуан Санта Крус Пачакути, потомок одной из влиятельных семей инков к югу от Куско, написал свою хронику на основе семейных преданий. В его истории было описано идеализированное правительство инков, а Манко Инку он сравнивал с Папой Римским и королем Испании.

Хроника Инки Гарсиласо де ла Вега имела широкое распространение на территории Перу, а также в Чаркас и, без сомнения, способствовала тому, что элиты коренных народов, используя свою связь с инской историей, подчеркивали свою роль в системе региональных иерархий и колониального порядка. Многие были заинтересованы в этой интерпретации наследия инков, среди которых можно выделить группы из Куско, а также местных элит. Они пытались доказать «преемственность» между монархией Инков и Испании и, используя этот тезис, достичь восстановления правления инков, разрабатывая свой андский утопический проект. Однако другие историки утверждают, что и колониальная власть воспользовалась этим движением,

¹⁰⁹ *Washtel N.* El regreso de los antepasados. Los indios urus de Bolivia, del siglo XX al XVI. Ensayo de historia regresiva. México, 2001.

¹¹⁰ *Saignes T.* Algún día todo se andará. Los movimientos étnicos en Charcas (siglo XVII) // *Revista Andina*. Año 3. N 2. Cuzco, 1985. P. 425–450.

¹¹¹ *Gisbert T.* Los caciques del Collao y su papel en el contexto religioso-cultural de la sociedad mestiza // *Historia y Cultura*. 2008. N 33. P. 137–168.

¹¹² *Burga M.* Nacimiento de una utopía: Muerte y resurrección de los Incas. Lima, 1988.

чтобы легитимизировать испанскую корону в качестве преемника монархии Инков¹¹³.

В 90-е годы XX в. Л. Лауренсич Минелли представила несколько рукописей, хранящихся в Неаполе. Они названы по имени их обладательницы – «документы Минелли». Согласно этим документам, хроника Гуамана Пома де Аяла, где критиковалось колониальное правительство и давались советы королю, была написана группой иезуитов-критиков, среди которых был известный хронист Блас Валера. Состоялась дискуссия среди историков о личности и работах Гуамана Пома, о подлинности документов. Однако историки не пришли к общему знаменателю, и вопрос остается открытым¹¹⁴.

В XVII в. начался процесс эрозии власти касиков, потери или привилегий и доступа к землям как следствие «кризиса легитимности», связанного с исчезновением лидеров этнических групп по «праву крови» и с их заменой касиками, назначенными государством. Этот процесс был связан с кризисом внутри общин¹¹⁵. Оба эти явления были следствием ассимиляции касиков и их интеграции в региональные и экономические элиты, их отрывом от жизни общин. С XVI в. начался процесс метизации касиков.

Общество, которое появилось после конкисты, было очень сложным и динамично меняющимся, оно сильно отличалось от преобладающего в традиционной историографии представления о колониальном обществе, жестко разделенным на так называемые «испанскую республику» и «республику индейцев». Речь идет, скорее, об обществе, где появились новые социальные формы на всех уровнях, от семьи и до новых этносоциальных групп. Быстрый процесс метизации, прежде всего в городах, оказывал существенное влияние на развитие общества, создавая новые социальные и культурные формы. Численность метисов, промежуточной между испанцами и индейцами группы в колониальном обществе, быстро росла, особенно, в городах, где происходила не только биологическая, но и в первую очередь культурная метизация. Ремесленное производство, домашняя прислуга и мелкая торговля были сферами приложения труда метисов¹¹⁶. Метизация была сложным социоэтническим процессом, включающим различные сословия колониального общества.

В XVII в. колониальный режим значительно ослабел по причине экономического и политического кризиса, который переживала Испания, чем и воспользовалась местная элита, состоящая из креолов и испанцев, имевшая привилегии, предоставленные ей короной. Любые попытки лишить или ограничить эти преимущества заканчивались провалом ввиду зависимости короны от поставок серебра. Креолы занимали должности на местном уровне как в государственной, так и в церковной администрации, но, тем не менее, они стремились к большему признанию своих прав со стороны монархии.

¹¹³ Cummins T. Brindis con el Inca. La abstracción andina y las imágenes coloniales de los queros. La Paz, 2004.

¹¹⁴ Sublevando el virreinato. Documentos contestatarios a la historiografía tradicional del Perú colonial / Eds. L. Laurencich Minelli, P. Numhauser. Quito, 2007.

¹¹⁵ Thomson S. Cuando sólo reinasen los indios. La política aymara en la era de la insurgencia. Muela de Diablo Editores, 2006.

¹¹⁶ Barragán R. Entre polleras, lliqllas y ñañacas. Los mestizos y la emergencia de la tercera república // Etnicidad, Economía y Simbolismo en los Andes. II Congreso Internacional de Ethnohistoria. La Paz, 1992. P. 90.

Индейские власти испытывали все большее давление со стороны государства и частных лиц, многие из них стали жертвами насилия, другие сумели смягчить ситуацию, развивая успешную экономическую деятельность в рамках колониального режима. В XVII в. мобильность этнических групп достигла высокого уровня, произошли изменения в социальном составе населения в различных районах. Тем не менее за кажущимся разложением общинного строя скрывались крепкие этнические и родственные структуры, которые связывали членов индейских групп с местами их происхождения посредством налоговых, социальных и семейных обязательств. Индейцы продемонстрировали свою потрясающую способность адаптироваться к колониальной системе, которая если и позволяла развитие частной или общинной экономической деятельности, контролировала и подавляла любое сопротивление. Это не значит, что индейское население полностью приспособилось к обстоятельствам. Социальные волнения в начале XVII в., партизанская война народа урус, состояние постоянной войны с чиригуанами показывают, что под кажущимся спокойствием скрывались противоречивые процессы адаптации и сопротивления колониальной системе. Одной из характеристик этого процесса было появление новых действующих лиц – метисов, чье влияние будет лишь усиливаться.

В XVIII в. еще более усугубились проблемы и конфликты, возникшие в XVII в. С 1680 по 1730 г. резко снизились доходы от добычи серебра и от трибуто, что было следствием структурных изменений среди коренного населения и роста групп форастерос и метисов, не платящих подушную подать. Процесс метизации также затронул институт касиков, становившихся все более зависимыми от колониального управления. Последствия этого и других процессов со всей силой проявятся в XVIII в., когда в результате реформ новой династии Бурбонов вся конструкция колониального общества, основанная на системе пактов с различными социальными группами, пошатнется и в конце концов рухнет.

Глава 4

ВЕРХНЕЕ ПЕРУ В XVIII ВЕКЕ. ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, ОБЩЕСТВО

XVIII век в Верхнем Перу был временем глубоких изменений, которые затронули разные стороны социально-политического порядка и которые имели далеко идущие последствия. Смена династии в Испании в начале века ознаменовала большие перемены, реформы, которые были предприняты в середине столетия в царствование короля Карла III.

Создание вице-королевства Рио-де-Ла-Платы в 1776 г. положило конец старой торговой привязке региона к тихоокеанскому побережью, переориентировав экономику на Атлантику через порт Буэнос-Айреса. Уже установившийся баланс сил между Лимой и местными властями был вдруг нарушен появлением нового вице-королевского двора в Буэнос-Айресе. В городах в результате централизаторской и абсолютистской политики Бурбонов начиная с правления Карла III (1759–1788) отношения общества с королевскими властями и корпоративными институтами осложнились. Старое бинарное разделение общества на испанцев (собственно испанцев и американцев-креолов) и касты (индейцы, негры, метисы и прочие цветные) сменилась на более сложные формы социального самосознания.

Индейское общество переживало не меньшие изменения. В течение последнего века колониального господства Испании многие старые политические структуры аймара и кечуа разрушались, а этническая система управления начала терять свою сословную и иерархическую (признание индейской знати, касиков) легитимность. Усиление экономического прессы на индейцев через трибuto, товарное репартименто, алькабалу, миту, которое отмечалось в данный период, не только подрывало материальное благосостояние андских народов, но и вызвало нарастание конфликтов и политизацию в деревне. Восстания 1780–1781 гг., в которых отразились все накопленные за века противоречия, стали самым серьезным испытанием для испанского колониального господства начиная со времен конкисты.

XVIII в. был временем наибольшей социально-политической турбулентности в Андском регионе. Это был период крупных восстаний, многочисленных сельских волнений, городских антиналоговых бунтов и столкновений между различными группами колониальной элиты. Как утверждал историк Энрике Тандетер, такая панорама событий способствовала формированию в историографии устойчивого образа экономического застоя и кризиса¹. Исследования последних десятилетий показывают, что это было совсем не так. Наоборот, в конце колониального периода начался экономический подъем, который продолжался вплоть до начала войны за независимость.

Добыча серебра была без сомнения ключевым механизмом экономической динамики. К концу XVI в. во время своего максимального расцвета Потоси был главным производителем серебра в мире. Затем наступил период

© С. Серульников

¹ Tandeter E. Población y economía en los Andes (siglo XVIII) // Revista Andina. N 13–1. 1995. P. 7–22.

упадка, вызванный главным образом истощением самых доступных залежей серебра. Были нужны новые технологии и углубление шахт для поддержания уровня добычи. Но этого не произошло. Открытие рудников в Оруро в начале XVII в. смягчило ситуацию в отрасли, но к 1630 г. упадок был очевиден. Показателем этого было снижение числа митайо, главной рабочей силы на шахтах, с 13 500 в 1570 г. до 2 тыс. в 1690 г.²

Начиная со второй трети XVIII в. ситуация меняется, но горнорудное дело в Потоси так и не достигло своего прежнего блеска. В конце этого периода производство серебра в Мексике вдвое превысило перуанское. Верхнеперуанское производство в основном направлялось на покрытие расходов местной администрации. Во время нового подъема отрасли производство серебра в Потоси выросло с 1,5 млн песо в 1720 г. до 3 млн в конце века. Этим успехам отрасль была обязана не техническим совершенствованиям и не открытиям богатых залежей, а введением нового механизма использования принудительной рабочей силы. В XVIII в. заводчики перешли от учета труда индейцев числом рабочих дней на учет объемов добытого минерала³. Митайо, индейцы исполняющие повинность миты, стали работать в дни отдыха, чтобы выполнять поставленные хозяевами рудников задания. Поэтому, несмотря на бедность руды в Потоси, там удалось добиться значительного роста производства.

В 1751 г. был создан Королевский банк Сан-Карлос, который скупал серебро, давал кредиты заводчикам, снабжал ртутью (главное сырье для амальгамирования серебра) по субсидированным ценам. Банк заменил собой мелких торговцев серебром, гарантировал производителям скупку по высоким и стабильным ценам. Одной из технических проблем отрасли был кризис поставки ртути из Уанкавелики (Перу) в 70-е годы. Корона смогла организовать поставки ртути из Испании, из Альмадены через Буэнос-Айрес. К 1784 г. розничная цена ртути сократилась на 20%⁴. Разработка более мелких месторождений в Оруро, Карангас, Порко, Чайянта и Липесе также способствовала подъему отрасли.

Горнорудная промышленность в этот период продолжала занимать центральное место в экономике андского региона, давая 75% всего экспорта. В Мексике же и в Центральной Америке доля серебра в общем экспорте имела тенденцию к уменьшению благодаря росту производства сахара, кофе, табака и других продуктов⁵. Хотя в среднесрочной перспективе горнорудная промышленность играла важнейшую роль в региональной экономике, зависимость страны от нее имела огромные негативные последствия после завоевания независимости от Испании, когда опустошения многолетней войны, отмена миты разрушили основы процветания позднеколониального периода.

В течение XVII в. падение спроса в городах вызвало упадок товарного сельского хозяйства. Основной аграрный район, производящий зерно, – до-

² Klein H. A Concise History of Bolivia. Cambridge, 2003. P. 60.

³ Tandeter E. Coacción y mercado. La minería de la plata en el Potosí colonial, 1692–1826. Cusco, 1992.

⁴ Klein H. Historia general de Bolivia. La Paz, 1988. P. 102.

⁵ Garavaglia J.C., Marchena J. América Latina. De los orígenes de la independencia. La sociedad colonial ibérica en el siglo XVIII. Barcelona, 2005. P. 86.

лина Кочабамбы – значительно сократил свои поставки в Потоси. Крупные поместья, возникшие еще в первые годы колониального господства, сокращали посевы, сдавали землю в аренду крестьянам, в основном метисам и индейцам. Согласно Г. Клейну, в результате этого процесса в Верхнем Перу установилось равновесие между поместьями и индейскими общинами⁶.

Начиная со второй трети XVIII в. производство зерновых снова стало расти как в поместьях, так и в мелких хозяйствах и общинах. Анализ сбора десятины в Чаркас показывает, что в период с 1730 по 1780 г. производство на частных землях росло в среднем на 1,32% в год. Другие налоги, в частности, на зерно, демонстрируют постоянный рост производства в среднем на 1,09% в год⁷.

В долине Кочабамбы урожаи кукурузы и пшеницы были настолько большими, что у крупных помещиков возникали трудности с продажей своей продукции на ярмарках и на местных рынках из-за конкуренции со стороны крестьян и общин. Одним из главных источников доходов помещиков Кочабамбы стали откупы сбора десятины, так как в неурожайные годы продажа полученной в натуральном виде десятины позволяла выручить большие суммы, чем они платили церкви⁸. В целом сельская экономика Кочабамбы, несмотря на рост, теряла рынок Потоси и других городов из-за конкуренции новых производителей зерна из провинции Чайянта, которые, пользуясь близостью городов Ла-Плата (Чукисака) и Потоси, превратились в главных поставщиков на их рынки. В Чайянте преобладали индейские общины и поместья, в то время как в Кочабамбе – мелкие фермы метисов. В Чайянте хозяйства были в большей степени самодостаточными, что и позволяло производить излишек товаров для городских рынков⁹.

В этот период росло производство коки в районе Ла-Паса. В течение XVIII в. Ла-Пас был самым крупным и динамично растущим городом. В середине века там проживали 40 тыс. человек. В Потоси же в это время, несмотря на рост горнорудного производства, было лишь 30 тыс. человек, в Кочабамбе – 20 тыс., в Ла-Плате (Чукисаке) – 18 тыс.¹⁰ Индейское население района Ла-Паса достигало 200 тыс. человек. Большей частью своих экономических успехов этот район обязан выращиванию коки, которая во времена инков была частью религиозных обрядов, священным растением, а во времена испанского господства превратилась в продукт массового потребления, особенно на рудниках. В конце века 95% потребляемой в Потоси коки доставлялось из Ла-Паса. В долинах Юнгас (Ла-Пас) развивалось товарное земледелие именно благодаря коке. Только за период с 1786 по 1796 г. число

⁶ Klein H. A Concise History... P. 62.

⁷ Tandeter E. Población y economía... P. 15.

⁸ Larson B. Ritmos rurales y conflicto de clases durante el siglo XVII en Cochabamba // Economías coloniales. Precios y salarios en América Latina, siglo XVIII / Comp. L. Johnson, E. Tandeter. Buenos Aires, 1992.

⁹ Platt T. Estado boliviano y ayllu andino. Tierra y tributo en el norte de Potosí, Lima, 1982. P. 22–35; Cangiano M.C. Curas, caciques y comunidades en el Alto Perú: Chayanta a fines del siglo XVIII. Documento de Trabajo. Jujuy, 1987; Serulnikov S. Conflictos sociales e insurgencia en el mundo colonial andino. El norte de Potosí, siglo XVIII. Buenos Aires, 2006.

¹⁰ Klein H. Haciendas and Ayllus. Stanford, 1993. P. 63; Tandeter E. Población y economía... P. 18; Larson B. Op. cit. P. 308.

производящих коку поместий увеличилось с 263 до 308¹¹. Любопытно, что самые богатые помещики повторяли индейскую систему вертикально интегрированных хозяйств, взаимодополняющих производства в разных экологических зонах, т.е. имели земли как в долинах, так и на Альтиплано.

За экономическим подъемом последовал рост населения. Вполне возможно, что восстановление численности индейцев в конце XVII в., после полуторавекового господства испанцев, вследствие сокращения смертности связано с выработкой местными жителями иммунитета к европейским болезням. Здесь это произошло на 50 лет позже, чем в Мексике¹². Анализ данных исторической демографии, регистраций крещений и похорон показывает, что в таких районах, как Пакахес и Чайянта, рост населения начался в конце XVII в. и продолжался до эпидемии чумы, случившейся в 1719–1721 гг. С середины века население стало вновь расти вплоть до начала XIX в. Э. Тандетер рассчитал, что средний годовой прирост населения в XVIII в. составил 1,22%¹³. Бело-метисное население увеличивалось еще быстрее. К концу XVIII в., несмотря на численный рост, индейцы составляли лишь 50% полуторамиллионного населения Верхнего Перу против 75% в начале века¹⁴.

Горнорудные центры Потоси и Оруро, торгово-административные Ла-Пас и Ла-Плата порождали растущий спрос на местные товары (зерно, мясо, овощи, коку, ткани, мул). Торговля ими производилась не только крупными купцами, но и мелкими торговцами различной расовоэтнической принадлежности. С середины XVIII в. одним из ключевых двигателей внутренней торговли в Андском регионе было принудительное распределение (репартимент) товаров среди общинников. Часть продуктов этого репартимент (мулы, кока) были местного происхождения.

После образования вице-королевства Рио-де-Ла-Платы в 1776 г. импорт–экспорт поменял свой маршрут. Корона разделила старое вице-королевство Перу, передав Чаркас в юрисдикцию Буэнос-Айреса. Порт Буэнос-Айреса был формально открыт для трансатлантической торговли. Цель реформы состояла в укреплении испанского присутствия на южных рубежах империи, а также в желании увеличить торговлю Чаркас, чье значение было высоко благодаря горнорудной отрасли и многочисленному населению. Укрепление торгового пути между Чаркас и Буэнос-Айресом способствовало росту поставок мулов из Сальты, Тукумана, Кордобы или чая-мате из парагвайских миссий¹⁵.

Создание нового вице-королевства сопровождалось введением системы интенданств, централизованной модели управления, пример которой да-

¹¹ Barragán R. Españoles patricios y españoles europeos: conflictos intra-elites e identidades en la ciudad de La Paz en vísperas de la independencia 1770–1809 // Entre la retórica y la insurgencia: las ideas y los movimientos sociales en los Andes. Siglo XVIII / Ed. Charles Walker. Cusco, 1995. P. 120–121.

¹² Klein H. A Concise History... P. 62.

¹³ Tandeter E. Población y economía... P. 12.

¹⁴ Garavaglia J.C., Marchena J. Op. cit. P. 39; Tandeter E. Población y economía... P. 13.

¹⁵ Об экономических и политических последствиях создания вице-королевства Рио-да-Ла-Платы см.: Cespedes del Castillo G. Lima y Buenos Aires, repercusiones económicas y políticas de la creación del Virreinato del Plata // Anuario de Estudios Americanos. 1946. N 3; Roca J.L. Ni con Lima ni con Buenos Aires. La formación de un Estado nacional en Charcas. Lima, 2007. P. 71–104.

вала абсолютистская Франция, что должно было подтолкнуть экономический прогресс, привести к улучшению администрации, суда и сбору налогов. В 1782 г. после подавления индейских восстаний в Верхнем Перу было образовано четыре интендантства: Потоси, Ла-Плата, Ла-Пас и Кочабамба. Некоторые интенданты – Хуан дель Пино Манрике (Потоси), Франсиско де Виедма (Кочабамба) и Игнасио Флорес (Ла-Плата) – были профессиональными чиновниками и отличились динамизмом и активностью в реализации реформ.

Итак, отчего же в условиях всеобщего экономического роста в регионе происходят самые крупные социальные волнения за всю предыдущую историю? Чтобы понять это, следует обратиться к анализу политического порядка и экономического строя.

С середины века значительно усилился налоговый пресс. Одной из целей так называемых «реформ Бурбонов» было сделать из колоний источник стабильных доходов. В течение XVII в. общее снижение численности населения и экономической активности, с одной стороны, и растущее замещение чиновничьих постов выходцами из местных элит, с другой, происходили на фоне резкого падения доходов казны. Корона прибегла к практике продажи должностей в колониях и к откупам сбора налогов. Эти меры позволили быстро наполнить казну, но создали условия для коррупции, использования должностей для личного обогащения.

К середине XVIII в. при правлении Карла III корона, желая восстановить государственный контроль над управлением, перестала продавать должности, но при назначении стала отдавать предпочтение уроженцам метрополии. Креолов систематически дискриминировали при замещении высоких должностей, военных и церковных постов. Например, если в середине века в Аудиенсии Чаркас, высшем суде региона, большинство были креолами, то спустя 30 лет там все были урожденные испанцы. Только один из интендантов, назначенных после 1782 г., Игнасио Флорес был местным, креолом, уроженцем Кито.

Реформы имели целью не только более эффективно собирать налоги, но и создавать новые источники доходов. В 1730 г. вице-король назначил в Кочабамбу коррехидором Мануэля Валеро, главной задачей которого было провести перепись всех индейцев – плательщиков трибута. Чтобы увеличить сбор этого налога, Валеро включил в списки индейцев многих метисов и даже креолов, освобожденных от трибута. Эти действия вызвали восстание, во главе которого встал ремесленник Алехо Калатайюд. Валеро был вынужден бежать, а небольшой испанский отряд был разбит восставшими. Калатайюд предъявил властям список требований: сохранение традиционных фуэро (привилегий) креолов, искоренение злоупотреблений коррехидоров, занятие поста алькальда только урожденными местными жителями. Сам Калатайюд занял пост алькальда Кочабамбы. Власти в лице коррехидора Родригеса Карраско признали Калатайюда, хотя и не приняли всех требований восставших. Порядок был восстановлен, а в 1731 г. Карраско, обвинив Калатайюда в подготовке новых бунтов, арестовал его и казнил. Расправа с Калатайюдом спровоцировала целую серию волнений и беспорядков в городах провинции, в Тарате, Оропесе, Кильякольо. Спокойствие сохранялось, пока власти не нарушали старых устоев управления и налогообложения.

Хотя восстания горожан были подавлены, а причина волнений ликвидирована, корона не оставила своих устремлений максимально расширить число налогоплательщиков, прежде всего трибuto, распространив его на все индейское население. С 1734 г. трибuto стали взимать со всех индейцев независимо от их статуса внутри общины, т.е. подушная подать стала собираться не только с полноправных общинников орихинарио, но и с форастерос и даже с янаконов (безземельных, арендаторов и крестьян в поместьях). Ранее индейцы предпочитали уходить из своих общин и оседать в соседних, чтобы выйти из категории орихинарио и таким образом освободиться от трибuto и от миты, хотя это и ограничивало их допуск к земле. Уравнивание всех категорий общинников при сборе трибuto затронуло не только всех индейцев, но и сами общины, для которых приход форастерос в период снижения населения был спасительным способом поддержания жизнеспособности общины, ее экономической силы без увеличения налоговой нагрузки.

Помещики тоже ощутили перетекание части своих ресурсов в руки государства, так как их сделали ответственными за выплаты трибuto их крестьянами. Эти реформы привели к росту сбора трибuto на 50–70%¹⁶. Эффективности сбора налогов способствовало создание интендантств и введение новых методов налоговой ревизии, строгий контроль властей за их сбором.

Повышение алькабалы, налога с продаж, с 2 до 4% в 1772 и до 6% в 1776 г. имело огромные последствия для всех слоев населения в андском регионе. Повсюду создавались внутренние таможи для сбора этого налога. Были отменены все былые льготы и освобождения от налогов на продукты первой необходимости, такие, как зерно и кока, а также привилегия индейцев не платить алькабалу за так называемые «продукты Кастильи», т.е. продукты европейского происхождения, которые они выращивали на своих землях, а затем продавали на рынках. Изменения в правилах сбора алькабалы больно ударили по многим слоям населения, индейцам, крупным и мелким торговцам, ремесленникам, помещикам, метисам и креолам. Неудивительно, что появление таможен в Кочабамбе и Ла-Пасе вызвало народные мятежи в 1774, 1777, 1780 гг., в которых участвовали практически все горожане, в том числе и элита¹⁷. Давление на городские слои дополнилось введением нового налога в 12,5% на алкоголь, созданием государственной монополии, эстанко, на продажу табака, что привело к повышению цен на этот продукт.

С точки зрения индейского населения самой тяжелой новацией была легализация насильственного распределения товаров – репартимьенто по принудительным ценам. В 50-е годы XVIII в. корона придала законный характер этой системе, введя особый сбор на эти навязываемые индейцам товары. Теперь коррехидоры были обязаны распределять товары среди подчиненных им индейцев. Власти способствовали значительному росту объемов и цен репартимьенто, что заставило индейцев тратить большую часть своих ресурсов на покрытие долгов за эти товары. В течение последующих лет многочисленные восстания и протесты против этой практики прокатились по

¹⁶ Klein H. A Concise History... P. 72.

¹⁷ O'Phelan Godoy S. Un siglo de rebeliones anticoloniales. Perú y Bolivia. 1700–1778. Cusco, 1988. P. 175–187.

провинциям Пакахес, Сикасика, Чайянта¹⁸. Репартимьенто имело множество последствий. Касики участвовали в распределении и сборе средств за товары, поэтому были заинтересованы в расширении этой системы. Так как долги за товары собирались вместе с трибуто, то возросли конфликты между коррехидорами и казной из-за денег индейцев.

Недовольство было вызвано не только усилением налогового бремени, но и экономическими проблемами. С ростом населения возникло напряжение в землевладении. Когда индейское население уменьшалось, земля переходила в руки частных собственников – испанцев (а иногда и в руки индейской знати), а когда оно увеличилось, индейские общины столкнулись с относительной нехваткой земли, что привело к столкновениям вокруг межевания и земельной собственности. В этот период не было наступления поместий на общинные земли, а общины сталкивались с проблемой обеспечения землей растущего числа общинников. Стали частыми конфликты между общинами, между их семьями из-за межевания и принадлежности земли, протесты рядовых членов против узурпации земли индейской знатью¹⁹.

Сильно ударило по сельскому населению снижение цен на сельскохозяйственные товары. Начиная с 60-х годов XVIII в. перепроизводство в аграрном секторе вызвало падение цен на зерно. Монопольные же цены на товары для индейцев по системе репартимьенто не снижались. Сочетание падения цен и роста сборов и налогов на индейцев и мелких производителей заставляло их продавать на рынке большую часть своего урожая для исполнения обязательств перед государством, церковью и коррехидорами. Методы эксплуатации митайос были дополнительным источником давления на индейское хозяйство.

Сложное переплетение всех этих факторов объясняет парадоксальное состояние общества в андском регионе во второй половине XVIII в. Рост населения и производства, плюс падение цен на продукты индейского хозяйства сопровождались, как пишет Энрике Тандетер, «кризисом в благосостоянии индейских общин». Этот кризис создал условия для социально-политических потрясений²⁰.

Индейские общины: социально-политические преобразования

Индейские общины должны были противостоять сильному экономическому давлению, которое нарастало на протяжении всего столетия. Социальные конфликты в Верхнем Перу в течение десятилетий, предшествовавших восстанию 1781–1782 гг., были связаны с проблемой контроля над касиками. Система непрямого управления индейским миром, установленная реформами Толедо в XVI в., возлагала на касиков ответственность за сбор налогов

¹⁸ Thomson S. *We Alone Will Rule. Native Andean Politics in the Age of Insurgency*. Madison, 2002; Serulnikov S. *Conflictos sociales e insurgencia en el mundo colonial andino. El Norte Potosí. Siglo XVIII*. Buenos Aires, 2006.

¹⁹ Serulnikov S. *The Politics of Intracommunity Land Conflict in the Late Colonial Andes // Ethnohistory*. Vol. 55. N 1. 2008.

²⁰ Tandeter E. *Población y economía...* P. 22.

и набор митайос. Требования властей платить налоги деньгами вынудили общины сочетать традиционное хозяйство, основанное на взаимопомощи и самодостаточности, с производством на рынок.

Касики решали, кто из индейцев должен идти на рудники исполнять миту, кто будет нести бремя расходов за религиозные праздники. Они перераспределяли участки семьям общинников, отчего зависел размер трибута. Касики контролировали мельницы, делили урожай с коллективных земель, решали внутриобщинные конфликты из-за межевания. Они выполняли важную роль посредников между индейцами и коррехидорами, священниками при сборе налогов, оплате репартимьенто, представляли всех общинников в их отношениях с поместьями и метисными поселениями.

Быстрое распространение системы репартимьенто стало мощным стимулом для коррехидоров заменить слишком самостоятельных касиков на подконтрольных им и более готовых навязывать товары репартимьенто индейцам. Так было в Перу, но в южных Андах ситуация была иной. Например, в Куско гнев индейцев против касиков был и до, и во время восстания 1780 г. В большей части Анд назначение коррехидорами новых касиков привело к снижению числа касиков-землевладельцев. Однако же касики из старой индейской знати пользовались такой же плохой репутацией среди общинников, как и новые касики. После многих лет метизации с испанцами к XVIII в. индейская знать как этнически, так и по культурным характеристикам была ближе к метисам. Касики стремились присваивать себе земли общины.

Существовали большие региональные различия. Так, в местечке Чипайя в районе Титикаки в течение XVIII в. формы управления и социальной организации перестали ассоциироваться с традиционной индейской знатью и старой моделью территориальной общины. В южных Андах общины трансформировались на основе символических представлений христианско-языческого синкретизма, признания гражданских и религиозных лидеров как институционального выражения этого синкретизма²¹. Наблюдался процесс территориальной фрагментации или этногенеза, который выражался в создании новых социальных форм, берущих свое происхождение в объединении семей, ранее принадлежавших разным группам из поселений-редукций. В течение XVIII в. общины на территориях, где присутствовали разные этнические группы, пережили процесс слияния между собой, но при этом отделились от больших объединений, конфедераций и союзов, в которых они ранее состояли. Одновременно политическая власть внутри новых общин перешла от касиков к системе «организация праздника в обмен на должность», т.е. к системе ротации в индейских кабилдо и в религиозных братствах. Этот двойной процесс «слияния и разрыва» старых общин, возникновение нового режима общинного управления были одним из приводных механизмов массовых индейских бунтов против наследственных касиков, вылившихся затем во всеобщее восстание²².

²¹ *Wachtel N.* Note sur le problème des identités collectives dans les Andes méridionales // *L'Homme*. № 122–124. Paris, 1992. P. 39–52.

²² *Abercrombie T.* Pathways of Memory and Power. Ethnography and History Among an Andean People. Madison, 1998. P. 251–258.

В провинции Порко, соседней с горнорудным центром Оруро, к 1750 г. айлью Юра и другие общины постепенно теряли связи со своими анклавами в иных экологических зонах и перестали считать себя частью народа Висихас, который был частью Конфедерации Каракара. Хотя общины приписывались к соответствующим редукциям, они сохранили старую структуру. Новые лидеры общин, появившиеся в эти годы, обладали такими же полномочиями, что и прежние касики, хотя и не владели большими земельными владениями. Реформы Толедо в XVI в. привели к эрозии доколумбовых этносов, но не смогли навязать индейцам систему муниципалитетов, альтернативную прежним касикам, а члены индейских кабильдо «оставались под властью традиционных наследственных вождей»²³.

После конкисты доиспанские этнические образования в регионе Ла-Паса пережили процесс разрушения. Те группы, которые были частью Кольяо, покинули земли в удаленных районах, сосредоточившись вокруг основных общин. В провинциях Пакахес, Омасуйо, Сикасика или Чукуито издревле общины объединялись в «конфедерации айлью» во главе с наследственными касиками²⁴. В течение XVIII в. процесс фрагментации углублялся по мере того, как айлью выходили из подчинения лидерам этих локальных объединений. Кризис традиционных властей в индейском мире был тесно связан с разрушением старых связей общин. Массовое недоверие к касикам в течение XVIII в. не привело к расширению власти алькальдов, альфересов и майор-домов. Выборы в муниципалитеты были формальными, и их контролировали местные сельские лидеры, в том числе и касики. Новыми лидерами общин становятся старейшины айлью, хилакаты, бывшие сборщиками трибуто, которые находились под прямым контролем крестьян-общинников, их должности были реально выборными и сменяемыми. Процессы демократизации внутриобщинной жизни, восстановление привычных правил самоуправления айлью означали конец власти индейской знати, касиков²⁵.

На севере района Потоси взаимодействие между политическими властями и общиной выглядело по-иному. Это был регион с большим индейским населением, а айлью сохранились в нетронутom виде. Здесь касики оказались под давлением со стороны общинников. Причина – в очень сложной взаимосвязи института власти касиков и сохранения общинных правил землепользования, внутренней жизни айлью. Большая часть этнических групп региона продолжали вести хозяйство в двухзональной системе, т.е. одновременно на холодном Альтиплано и в теплых долинах, чему было подчинено внутреннее разделение общины на старшую и младшую айлью (анансайя и уринсайя). Только пятая часть индейцев постоянно жили в зоне теплого

²³ *Rasnake R. Domination and Resistance. Authority and Power Among an Andean People. Durham, 1988. P. 101–136.*

²⁴ *Klein H. Haciendas and Ayllus. P. 58–60; Choque Canqui R. Jesús de Machaca: la marca rebelde. Cinco siglos de historia. La Paz; 2003; Saignes T. Lobos y ovejas. Formación y desarrollo de los pueblos y comunidades en el sur andino (Siglos XVI–XX) // Reproducción y transformación de las sociedades andinas / Ed. S. Moreno Yáñez, F. Salomón. Quito, 1991. P. 128; Carter W., Albó X. La comunidad Aymara: un mini-estado en conflicto // Raíces de América: el mundo Aymara / Comp. X. Albó. Madrid, 1988. P. 456–458.*

²⁵ *Thomson S. We Alone Will Rule. Native Andean Politics in the Age of Insurgency. Madison, 2002. P. 51–63, 262–268.*

климата, большинство же оставалось на Альтиплано в рамках традиционной тактики двух мест жительства: в соответствии с планом посевов и урожая в разных климатических зонах перемещались из одного района в другой. В этой системе жизни было трудно заменить касиков на другой тип лидеров, связанных с конкретной территорией²⁶.

Дискредитация института наследственных касиков привела к тому, что индейцы перестали считать «касиков крови» своими представителями и не признавали их права на общинные должности. Когда «индейскую элиту охватила лихорадка титулов и генеалогического древа», особенно на юге Перу²⁷, индейцы Верхнего Перу перестали требовать самоуправления с наследственной индейской знатью во главе. Простые общинники отказывались признавать власть как наследственных касиков, так и назначенных испанцами (их называли «деспотическими»), предлагая как альтернативу выдвигаемых из собственной среды при согласии всех общинников. Часто крестьяне восставали, не признавая иных касиков, кроме тех, «кого община выберет из своего состава»²⁸.

Власть внутри индейского мира сочетала общинное самоуправление и функцию касиков. Использование рабочей силы, сбор денег, распределение продуктов и излишков – все это подчинялось вековым правилам жизни общины. В течение XVIII в. приход на должность в общине все менее был связан с наследственным знатым статусом касиков, так как они перестали ассоциироваться с интересами общины. Должности касиков стали основываться исключительно на функции управления, а не на наследственном праве, т.е. индейцы считали себя в праве самим избирать, назначать, смещать касиков. Если коррехидоры воспользовались этим, чтобы попытаться навязать своих ставленников, то индейцы стали рассматривать избранных касиков как подлинную власть. Эти две тенденции проявятся во время восстаний 1780–1781 г., когда община вернулась к вековым устоям, желая остановить процессы социальной дифференциации. Понятие власти в общине перестало быть привилегией, снова стало функцией и службой на общее благо. Это состояние община оставила в наследство последующим векам уже независимой Боливии.

Великое восстание в Андах в 1780–1781 годах

Никакое другое событие так не подорвало основы колониального порядка, как восстание андских народов в 1780 г. В течение двух лет на огромной территории от Куско на севере до Чили и Аргентины на юге возникли настоящие повстанческие армии. Куско, Арекипа, Ла-Пас, Чукисака, Оруро, Пуно

²⁶ Platt T. The Andean Soldiers of Christ. Confraternity Organization, the Mass of the Sun and Regenerative Warfare in Rural Potosi (18th–20th Centuries) // Journal de la Société des Americanistes. 1987; LXXIII. Serulnikov S. Legitimidad política y organización social en las comunidades indígenas de la provincia Chayanta (siglo XVIII) // Anuario de Estudios Americanos. Sevilla. Vol. 61. N 1. 2004; Adrián M. Los curatos en la provincia de Chayanta durante la segunda mitad del siglo XVIII // Data. 1996. N 6.

²⁷ O'Phelan Godoy S. Kurakas sin sucesiones. Del cacique al alcalde de indios (Perú y Bolivia 1750–1835). Cuzco. 1988. P. 19.

²⁸ Serulnikov S. Conflictos sociales. P. 330.

были окружены, осаждены или захвачены индейцами. Обширные районы Чаркас оказались под полным контролем восставших индейцев, которые в некоторых случаях были поддержаны группами метисов и креолов.

Район восстания был огромным пространством вдоль торгового пути Лима – Буэнос-Айрес, центром которого был Потоси. Восстание затронуло горнорудные центры Оруро и Пуно, районы производства зерна, сахара, коки, вина, спирта Кочабамбы, Арекипы, Ольянтайтамбо, Юнгаса, Абанкая, центры выращивания пшеницы Асангаро, зону текстильного производства вокруг Куско. Хотя к восстанию присоединились горняки, городские низы, арендаторы в поместьях, подавляющее большинство восставших были общинники, коллективно владевшие землей и пользовавшиеся самоуправлением. Именно в общине и началось восстание.

Размах движения был таков, что местное ополчение было сметено моментально. Регулярные войска были только в столицах, в Лиме и Буэнос-Айресе. Против отрядов Тупак Амару в Куско были мобилизованы 17 тыс. солдат. Трудно определить точное количество жертв. Есть оценки в 100 тыс. индейцев и 10 тыс. испанцев, креолов, метисов. Возможно, цифры преувеличены, но для 1,5 млн обитателей этого региона нет сомнения, что процент погибших был огромен.

Как во всяком масштабном революционном движении, здесь возникли харизматические фигуры, чьи имена стали вскоре известны на всем континенте. Главным лидером стал Хосе Габриэль Кондорканки, касик провинции Канас и Канчис на юге Перу, который назвал себя Тупак Амару II, чтобы подчеркнуть свое родство с Тупак Амару I, последним Инкой. Другой лидер Томас Катари был обычным общинником с севера Потоси, он стал символом сопротивления колониальным властям в Чаркас. Хулиан Апаса, назвавший себя Тупак Катари, был мелким торговцем из общины в провинции Сикасика. Он возглавил осаду Ла-Паса. Его имя стало символом сопротивления для боливийских индейцев в следующие века.

Волна недовольства принимала разные формы в различных районах – Куско, Чайянта, Ла-Пас, Оруро. Современная историография единодушна в отказе от Куско-центричности этого движения. Хотя Тупак Амару стал признанным всеобщим символом, речь не идет об однородном и едином движении, а о ряде восстаний, обладавших собственной динамикой и историей. Куско находится вне нашего интереса, не входит в состав территории Боливии, но без описания событий в этом районе невозможно полное представление о событиях тех лет в Чаркас.

На юге Перу накануне восстания отношения между индейским обществом и кусканской элитой отличались, во-первых, растущим значением всех инкских символов, что позволяло говорить об «инкском возрождении»²⁹, против чего не возражали колониальные власти; а во-вторых, индейская аристократия пользовалась значительными привилегиями, большинство инкской знати давно уже были метисами, владели поместьями и рудниками, занимались

²⁹ Rowe J. El movimiento nacional inca del siglo XVIII // Revista Universitaria. Cusco. 1954. N 107. P. 17–47; Brading D. The First America. The Spanish Monarchy, Creole Patriotism, and the Liberal State, 1492–1867. Cambridge, 1991. P. 342; O'Phelan Godoy S. La gran rebelión en los Andes: de Túpac Amaru a Túpac Catari. Cusco, 1995. P. 31–32.

торговлей³⁰. Некоторые представители инкской аристократии даже занимали высокие церковные посты, что символизировало их полную ассимиляцию и экономическое благополучие³¹. К XVIII в. кусканская знать стала составной частью испанской аристократии³². Потомки инкской аристократии сохранили контроль над большинством касиков. В отличие от касиков кусканская аристократия не была дискредитирована в глазах общинников, и индейцы не сомневались в легитимности ее власти³³. В отличие от других районов, охваченных восстанием, в Куско индейцы были готовы идти за своей знатью.

В идеологии движения Тупак Амару нашли отражение инкский национализм, при полной ассимиляции индейской знати в колониальном обществе, и подъем масс. Тупак Амару считал себя новым Инкой, императором. Вера в реставрацию инкской империи была частью мессианских представлений, индейского мировоззрения и пророчеств, основанных на вере в цикличность истории, ожидании космических катаклизмов, предшествующих воскресению последнего Инки³⁴. Кусканский вождь восстания говорил не только на традиционном языке, но и в духе испанского понимания пакта, договора между королем и королевством или политическими образованиями, из которых состоит государство. В этом отражалось желание изменить «колониальный пакт» и добиться признания автономии, иначе говоря своеобразного перуанского протонационального проекта³⁵. Тупак Амару определял будущее Перу не как исключительно индейское, а как многообразное сообщество, состоящее из различных этнических групп, из американцев по рождению, т.е. в том числе из креолов и метисов.

На короткое время восстание получило поддержку у некоторых креольских групп, а обращение к инкскому наследию встретило определенное понимание и среди креолов. Это отнюдь не значит, что индейские и испанские элиты в Куско одинаково понимали цели движения. Индейцы думали, что не индейцы примут новое соотношение сил во власти после инкского возрождения, а креолы рассчитывали, что смогут манипулировать индейским движением в противостоянии реформам Бурбонов. Восставшие индейцы в отличие от своих лидеров по-иному понимали смысл движения. Индейские массы рассматривали восстание как способ противостояния экономическим злоупотреблениям колониальных властей, помещиков, всех белых – и креолов, и испанцев.

Провинция Чаянта отличалась иной картиной восстания с точки зрения роли касиков, политической радикализации, апелляции к государству и неоинкских ожиданий. Главной побудительной причиной восстания был протест против местных касиков, а уже потом он распространился на испанских

³⁰ Flores Galindo A. Buscando a un Inca: identidad y utopía en los Andes. Lima, 1987. P. 137–142.

³¹ O'Phelan Godoy S. La gran rebelión en los Andes... P. 47–68.

³² Flores Galindo A. Op. cit. P. 136.

³³ Stavig W. The World of Túpac Amaru. Conflict, Community, and Identity in Colonial Peru. Lincoln, 1999. P. 229–233.

³⁴ Campbell L. Ideology and Factionalism during the Great Rebellion. 1780–1782 // Resistance, Rebellion, and Consciousness in the Andean Peasant World, 18th to 20th Centuries / Ed. Steve Stern. Madison, 1987; Flores Galindo A. Op. cit. P. 127–157.

³⁵ Walker C. Smoldering Ashes. Cuzco and the Creation of Republican Peru, 1780–1840. Durham, 1999. P. 40.

чиновников и местные социальные группы, которые их поддерживали. Здесь движение было более эгалитарным и более связанным с рядовыми общинниками, чем в Куско.

Борьба шла против эксплуатации общинников со стороны касиков, коррехидоров, церкви. Оказалось, что реформы Бурбонов вызывают меньшее недовольство и даже дают в руки индейцев орудие сопротивления. Абсолютистская имперская политика против коррупции, налоговых злоупотреблений, против чрезмерно высоких поборов церкви, усиление роли судов давали крестьянам эффективное орудие сопротивления. Например, в течение предшествовавших восстанию лет почти все общины провинции были охвачены коллективными протестами, в которых сочетались судебные иски и вспышки массового насилия. В 1772 г. корона изменила церковные сборы за мессу, таинства, праздники, что тут же вызвало волну исков индейцев, когда священники отказались исполнять указания властей. Хотя были разные случаи, но в большинстве своем иски были поддержаны Аудиенсией, которая подтверждала, что церковные претензии не только несправедливы, но и незаконны.

Конфликты с касиками выливались в протесты. Когда в 1774 г. коррехидор назначил Флоренсио Лупа, происходившего из соседней общины, новым касиком в Покоата, это спровоцировало протест. Лупа скопил к этому времени значительное состояние и вел себя на равных с местными помещиками и коррехидорами. Индейцы Покоата в течение трех лет не переставали выступать против нарушения их прав на самоуправление, но не смогли добиться поддержки чиновников налоговой службы Потоси, хотя и доказали воровство и злоупотребления касика и коррехидора. В 1777 г. в провинции постоянно происходили волнения и обращения в суды Ла-Платы и Потоси, и индейцам удалось сместить Лупу. Но через три недели после этого индейцы Мача, соседи Покоата, начали свой протест, который через три года превратится в самое крупное в истории региона восстание. Их первоначальные требования сводились к праву избрания касиков самими общинниками. Их лидером стал Томас Катари³⁶.

Несправедливо смещенный коррехидором с поста касика Томас Катари в поисках правды прошел все судебные инстанции и даже пешком отправился в Буэнос-Айрес. Вице-король признал его правоту и приказал Аудиенсии разобратся. Томас Катари, вернувшись домой, самовольно занял свой старый пост, но коррехидор арестовал его. В поддержку своего касика поднялись на вооруженную борьбу индейцы Чайянты. Они двинулись к Ла-Плате, чтобы добиться его освобождения, но 15 января 1781 г. на подступах у Чатакилья на глазах толп индейцев Томас Катари был казнен, что вызвало ярость индейцев, которые уничтожили преграждавший им путь испанский отряд. К этому времени стали приходить известия из Куско о восстании Тупак Амару, что подвигло индейцев к новым актам мести против белых. Оставшиеся на свободе братья Томаса Катары, Дамасо и Николас, во главе отряда в 7 тыс. человек наводили ужас на соседние города, пока не были разбиты войсками интенданта Потоси Пауло Саенса.

³⁶ *Serulnikov S. Conflictos Sociales... Cap. 3.*

Восстание на севере Потоси нарастали постепенно, охватывая все большее число участников. От защиты прав индейской общины и самоуправления требования крестьян переросли до смены всей системы взаимоотношений короля, местных властей и общин в соответствии с концепцией, которую Тристан Платт назвал «пактом взаимности», т.е. признание общинной автономии и экономической независимости в обмен на исполнение общиной своих обязательств в отношении короны³⁷. Вместе с тем присоединение индейцев Потоси к Тупак Амару не было связано с целями последнего изменить отношения Перу с метрополией. К концу 1780 г. в регион стали приходить новости о большом восстании в Куско. Колониальные власти к этому моменту уже потеряли контроль над сельскими районами, а движение быстро распространялась на все провинции. Здесь не прослеживается различное отношение восставших к испанцам и креолам, главным конфликтом был антагонизм между айлью и группами власти в сельской местности, а не между местными интересами и метрополией, как в Куско. Осада Ла-Паса в феврале 1781 г. многочисленными индейскими отрядами во главе с Тупак Катари (Хулиан Апаса) была наивысшей точкой подъема движения.

В марте 1781 г. испанцы смогли подавить восстание в Куско, Тупак Амару был казнен. Его дядя Андрес Тупак Амару со своим отрядом после разгрома в Перу перебрался в Верхнее Перу и осадил городок Сарату в провинции Ла-Пас. Оборона Сараты была героической со стороны ее жителей. Индейцам удалось добиться успеха только после того, как они построили дамбу на реке, протекавшей через город. Вода затопила Сарату, большинство жителей погибли от наводнения, а индейцы захватили пустой город. После этого Андрес Тупак Амару присоединился к Тупак Катари при осаде Ла-Паса.

Ситуация в Ла-Пасе отличалась по сравнению с районами Чайянты, Потоси и Куско. Там восстание во главе с Тупак Катари не было результатом заговора, переросшего в массовое восстание, как в Куско, и не перешло в постепенное нарастание возмущения общинников, как в Потоси. В Ла-Пасе движение развивалось под влиянием открытой агитации сторонников всеобщего восстания индейцев. В конце февраля 1781 г. произошли первые вспышки насилия. Общины аймара провинции Ла-Пас были известны своей воинственностью и насильственными, не имевшими прецедента по своему упорству и массовости выступлениями против коррехидоров, не признаваемых ими касиков и репартимьенто. Даже сам г. Ла-Пас был местом крупных восстаний горожан против алькабалы и учреждения местной таможни. Синклэр Томсон в своем исследовании социальных движений в провинциях Сикасика, Пакахес, Омасуйос, Ларекаха и Чукуито обратил внимание, что многие мотивы движения содержали в себе проявления «антиколониального сознания», хотя и выраженные языком локальных проблем. Причем они не были связаны с идеей возрождения правления инков. Цель движения — «уничтожение колониального врага, в то время как региональная автономия не ставила под сомнение легитимность власти испанской короны, а предполагала расовую интеграцию, но при гегемонии индейцев»³⁸.

³⁷ Platt T. Estado boliviano...

³⁸ Thomson S. Op. cit. P. 162.

Именно индейцы Ла-Паса придали новое звучание великому восстанию. С самого начала здесь оно приобрело расовые черты: не было никаких иллюзий относительно союза с креолами в борьбе с колониальными властями, как то было в Куско, или стремления восстановить «пакт взаимности» между айлью и государством, который положил бы конец злоупотреблениям местной верхушки, как это имело место в Чайянте. Осада Ла-Паса остается самым символическим событием в отношениях индейцев и креолов даже в современной Боливии. В марте – октябре 1871 г. за исключением короткого перерыва во время похода королевской армии индейцы аймара под руководством Тупак Катари проводили ежедневные нападения на город, блокировали все связи с внешним миром. В течение 109 дней в город не поступало никаких продуктов. Тысячи горожан погибли от голода и болезней³⁹. Прибывшие из Буэнос-Айреса войска подавили восстание Тупак Катари. Он и его жена Бартолина Сиса, наравне с мужчинами воевавшая в индейских отрядах, были казнены.

В отличие от кусканского восстания организация и лидерство местного движения индейцев не подчинялись традиционной структуре индейской общины. Здесь социальный протест вылился в антиколониальную войну всего Чаркас. Хотя, как и в Чайянте, касики не участвовали в организации восставших, а чаще оказывались среди их первых жертв, вожди восстания смогли организовать индейскую армию. Тупак Катари и его сподвижники установили дисциплину и строгий контроль над индейскими отрядами, смогли подчинить себе также те группы индейцев, которые не желали участвовать в восстании, и тех, кто ориентировался на приказы из Куско, на Тупак Амару. В отличие от прокламаций и воззваний из Куско аймара сразу же объявили о расовой войне, не оставляя в своем видении будущего никакого места для креолов.

Начиная с февраля – марта 1781 г. движение распространилось на южные районы Липес, Чичас, Синти и другие районы Верхнего Перу. В Кочабамбе, например, из-за демографического роста ощущалась нехватка свободной земли, и восставшие общины Арке, Тапкари, Сакаба и Клиса стали захватывать земли поместий и убивать помещиков. Хотя восставшие заявляли о приверженности Тупак Амару, их действия шли дальше целей, провозглашенных в воззваниях из Куско. Например, 21 февраля отряды крестьян заняли поселок Кольча, ворвались в церковь, где укрылись жители, и убили всех не индейцев, в том числе женщин и детей. Трупы были брошены в церкви без погребения. Не были помилованы даже священники. Подобные страшные сцены повторились в Тарате и Айопайе, где 23 февраля была устроена резня 400 человек также внутри церкви. Католическая церковь оставалась последним редутом колониализма в сельской местности. Хотя народная христианская вера была сильна, священники рассматривались индейцами как часть белого мира, а значит, были противником в этой войне. Постепенно нападения на церкви и священников подрывали веру индейцев в силу христианского Бога.

³⁹ Valle de Siles M.E. La rebelión de Túpac Catari, 1781–1782. La Paz, 1990; Thurner M. Guerra andina y política campesina en el sitio de La Paz // Poder y Violencia en Los Andes / Ed. Henrique Urbano. Lima, 1990. P. 99.

Казнь Тупак Катари

Нарастание жестокости и насилия превратило восстание в войну на-смерть. Горожане Кочабамбы и ближайших поселков массово вступали в отряды ополчения. В этой провинции был большой процент бело-метисного населения, связанного с товарным земледелием, которое было враждебно общине. В короткие сроки была создана мощная военная сила – более тысячи человек белых и метисов, которые в начале марта восстановили контроль над провинцией. Ответные репрессии были безжалостны. Трупы казненных украсили все дороги провинции. Отряды ополчения из Кочабамбы затем стали ударной силой подавления восстания индейцев в Оруро и Ла-Пасе.

Общим в движении индейцев во всех регионах было разрушение европейского господства в Америке. Все социально-экономические программы восставших отошли на второй план перед радикальными действиями масс, не желавших принимать свое подчиненное положение.

В Оруро положение было особенно показательным. Этот район был единственной зоной, полностью находившейся под контролем восставших, руководимых креолами, а индейцы поддерживали союз с белыми. Горожане под руководством богатых шахтовладельцев и помещиков братьев Родригес объединились с индейцами, присоединившись к восстанию Тупак Амару. В отличие от других мест крестьяне смогли отделить креолов от испанцев, а местная креольская элита рассматривала общинников как своих союзников. Однако межрасовый союз не продержался слишком долго. Через несколько дней после начала восстания, в феврале 1871 г. толпа индейцев, число которых вдвое превышало население Оруро, мирно вошла в город для поддержки восстания креолов. Вскоре они стали требовать перераспределения земель поместий, раздачи денег из королевской казны, а также, чтобы все белые стали одеваться как индейцы. Они призывали убить всех испанцев, оставив только креолов. В ответ креолы заставили их покинуть город. С этого момента индейское движение в Оруро мало чем отличалось от выступлений в остальных районах страны. Индейцы нападали на поместья и рудники, преследовали белых и метисов. Касики и индейцы, сотрудничавшие с креолами, были объявлены предателями и их казнили. В начале марта они дважды

попытались осадить и захватить Оруро⁴⁰. Некоторые индейские лидеры утверждали, что «пришло время освобождения индейцев и уничтожения испанцев и креолов, всех, кого мы называем q'aras (все не индейцы), которые стали хозяевами труда индейцев и всего богатства, а индейцы оставались угнетенными, унижаемыми и живущими в несчастье»⁴¹.

Креолы Оруро после своего короткого, но печального опыта союза с индейцами стали искать поддержки у испанцев и оставили всякие идеи объединения с Тупак Амару. Креольская элита обнаружила, что межрасовый диалог невозможен, пока существует социальная дифференциация, которая в условиях колониального общества могла лишь базироваться на иерархии каст.

Индейцы, отвергая свое подчиненное положение, уничтожали всякую возможность совместных действий между колонизаторами и колонизируемыми. Не зря подавление восстания рассматривалось испанцами как вторая конкиста Америки. Креолы же свое участие в подавлении восстания стремились использовать, чтобы приостановить абсолютистские реформы испанской короны. Восстание имело двойственные последствия: оно повлияло на геополитический антиколониализм креолов, которые увидели в нем сильный этнокультурный элемент индейского сопротивления. Оно было аргументом как за, так и против независимости от метрополии.

Восточные районы и иезуитские миссии

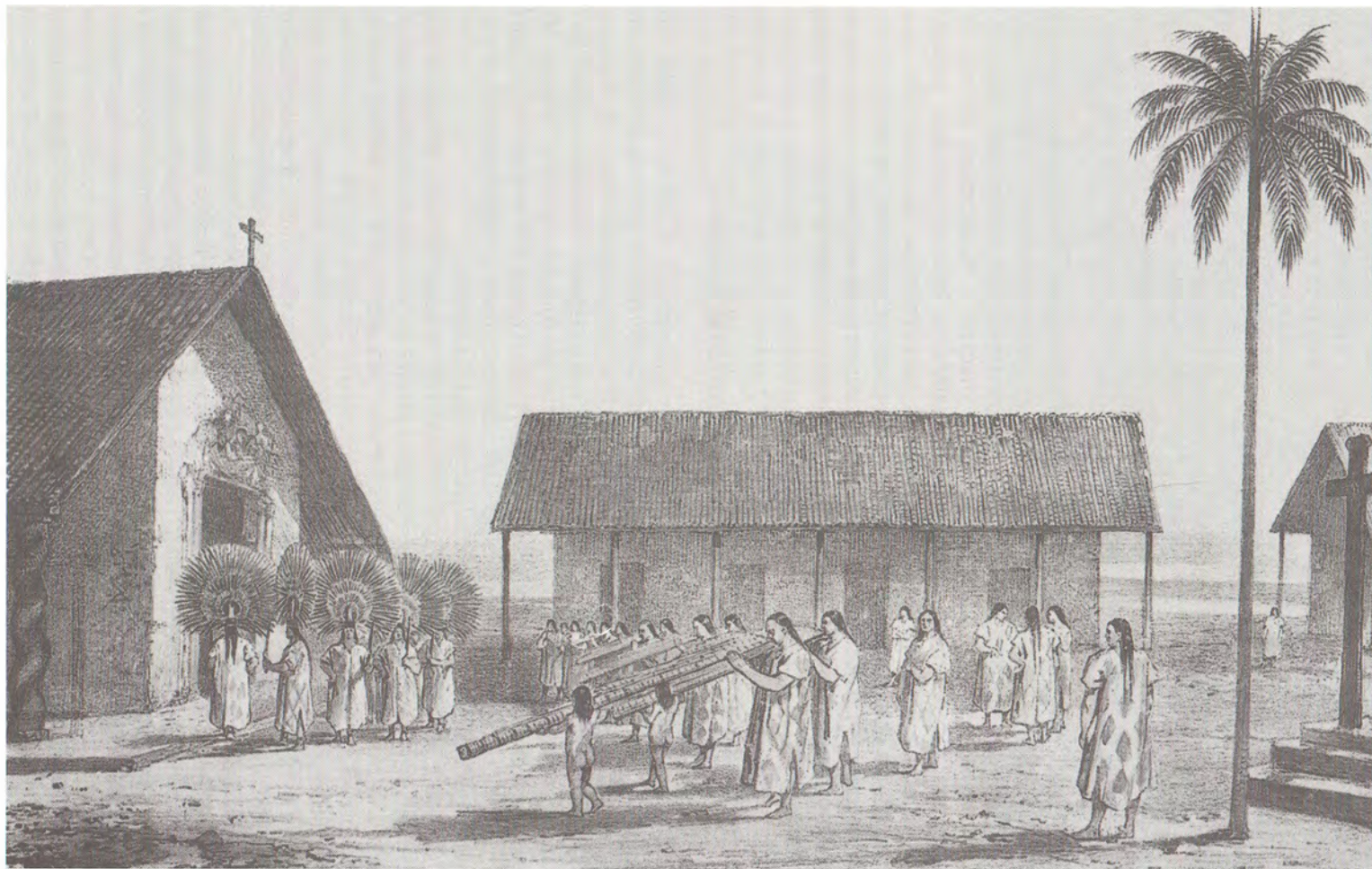
Большая часть боливийского востока осваивалась в XVII в., когда по примеру Парагвая там основывались иезуитские миссии для евангелизации «диких индейцев» региона. В начале XVIII в. вице-король Перу Д. Ладрон де Гевара послал войска в район Мохос в поддержку миссионерской деятельности иезуитов, которые проникали в восточные регионы Чаркас из Парагвая, основывая свои миссии в Чикитании. Поход 300 испанских солдат и 4 тыс. индейцев против враждебных племен мохос и чиригуанов был успешным, обеспечив безопасность иезуитских миссий.

С 1700 г. миссии в этом районе отделяются от парагвайских, сохраняя все привилегии и практически полную автономию от испанских колониальных властей. Миссии находились в двух разных районах: одни – в Мохос, севернее Санта-Круса, в современном департаменте Бени, а другие – на востоке, в Чикитании. Редукции (поселения миссий, куда свозились жить индейцы) сначала материально поддерживали вице-королевские власти и архиепископ Ла-Платы, но затем успешное развитие позволило им стать фактически независимым анклавом в колониальных владениях Испании в Америке.

Иезуиты оспаривали с местными властями Санта-Круса свои права на управление территориями Мохо. Походы военных в зону редукций приводили к острым конфликтам с орденом. В 1700 г. Аудиенсия Чаркас постановила, что никто (креолы, метисы и пр.) не имеет права входить на территории

⁴⁰ О восстании в Оруро см.: *Cajías de la Vega F. Oruro 1781: Sublevación de indios y rebelión criolla*. 2 vols. Lima, 2004.

⁴¹ Цит. по: *Thomson S. Op. cit.* P. 216.

Религиозная процессия в миссии в Чикитании

миссий без специального разрешения иезуитов. Нарушитель платил гигантский штраф в 4 тыс песо. Иезуиты были вольны установить свой порядок в подведомственных районах.

Изоляция от мира белых не смогла оградить индейцев от европейских эпидемий, хотя по сравнению с другими районами Америки удаленность этой зоны от места обитания белых колонистов уменьшила возможный масштаб последствий. Тем не менее эпидемии 1700, 1727, 1750 гг. привели к сокращению населения миссий Мохос с 30 тыс. человек до 15–17 тыс. в 1767 г.⁴²

В Мохос языком общения и службы иезуиты делают местный индейский язык мохо. Специальный представитель ордена в миссиях Диего Франсиско Алтамирано, оставивший подробное описание жизни редукций под названием «История иезуитской провинции Перу», распорядился издать в Лиме на языке мохо Катехизис и словарь. Так как в редукциях обучали читать и писать всех детей, Алтамирано просил издать 8 тыс. экземпляров Катехизиса. Иезуиты расширяли свои владения в Мохос, пока не достигли португальской границы, некоторые поселения они были вынуждены оставить по требованию властей Бразилии. К середине века в этой зоне в редукциях жили около 31 тыс. обращенных в христианство индейцев.

В Чикитании продвижение иезуитов было также интенсивным. В 1721 г. была основана крупная миссия Сан-Мигель, а в 1748 г. – самая большая в регионе Сан-Игнасио (постройки миссии существуют по сей день). В 1706 г. власти освободили индейцев миссий от трибуто на 20 лет, а затем в 1747 г. они были освобождены от всех налогов. Лишь среди чиригуанов миссионерская деятельность не имела большого успеха. Эти племена восставали против испанцев и еще долгое время оставались «дикими», неподконтрольными властям.

Во время восстания «комунерос» в Парагвае, когда индейцы гуарани под руководством иезуитов выступили против восставших, волнения охватили миссии в Чаркас. Местные индейцы были обеспокоены слухами о передаче миссий гражданским властям, против чего они решительно выступали. Беспокойство иезуитов вызывала изоляция миссий в Мохос и Чикитании от основного «иезуитского государства» в Парагвае. Безуспешно они пытались наладить связь с Парагваем, воинственные чиригуаны, обитавшие между миссиями и Парагваем, делали невозможным любую связь между регионами.

Иезуиты создали особый режим жизни в редукциях. Не существовало одного общего правила для всех поселков, так как иезуиты сохраняли власть касика, который под их контролем управлял общиной. Они обучили индейцев ремеслам, выращиванию новых культур и скотоводству. Иезуиты наладили текстильное производство. Главным же было выращивание сахарного тростника и производство сахара, который поставляли в различные районы Чаркас. Известно, что в 1748 г. доход миссий в Мохос достигал 21 тыс.песо⁴³.

Семьи работали на своих индивидуальных участках, но урожай сдавали священникам, которые уже перераспределяли все в соответствии с потреб-

⁴² Sandoval Rodriguez I. Historia de Santa Cruz (desarrollo histórico social). Santa Cruz, 2003. P. 116.

⁴³ Roca J.L. Economía y Sociedad en el Oriente Boliviano (siglos XVI – XX). Santa Cruz, 2001. P. 340–344.

ностями каждой семьи и миссии. Своего рода коммунизм. Успех иезуитов был очевиден. Экономически миссии становились все более зажиточными. В годы своего наибольшего благополучия они имели 54 345 голов крупнорогатого скота и 26 371 лошадь⁴⁴. В сельве, в джунглях возникли поселки, общественные здания, церкви, дома и склады. До сего дня миссии поражают изяществом и совершенством построек. Процветали ремесло, просвещение и культура. Индейцы создавали подлинные шедевры архитектуры, живописи, музыки⁴⁵.

Изгнание иезуитов из владений Испании, декретированное королем 26 февраля 1767 г., прервало этот интересный социальный эксперимент⁴⁶. Индейцы недоумевали о причинах высылки их священников. Миссии были переданы монахам-францисканцам, которые ограничились лишь духовным служением, не заботясь о сохранении хозяйственных порядков. В результате многие миссии опустели. Их удаленность не позволила местным креолам воспользоваться достижениями иезуитов. В отличие от парагвайских миссий, которые были разрушены испанскими войсками, в Чикитании и Мохос процесс их ликвидации был мирным, что позволило сохранить их постройки до сего дня.

Городской мир и кризис колониального порядка

Городской мир Верхнего Перу переживал в XVIII в. период кардинальных изменений, не менее важных, чем индейские движения, имевших огромные последствия в свете кризиса колониального общества и перехода к республиканскому порядку. С одной стороны, поменялись формы политической активности. Односторонний, не расположенный к диалогу, стиль бюрократическо-административной власти короны подвергся воздействию политизации в отношении к власти. С другой стороны, произошла эрозия бинарной структуры колониального общества. Испаноамериканское общество всегда было разделено на две составляющие: республика испанцев и республика индейцев. В городах также существовала бинарная структура: патрициат или «благородные люди», или «разумные люди» (белые, как креолы, так и испанцы) и плебейские слои, которых в различных регионах называли по-разному: толпа, плебс, низкий народ, чоло, касты (метисы, цветные, негры). Барьеры между двумя слоями были проницаемыми: экономический успех, матримониальные связи, просвещение могли быть средствами как социального восхождения, так и падения по социальной лестнице. Растущая

⁴⁴ Mesa J., Gisbert T., Mesa Gisbert C. *Historia de Bolivia*. La Paz, 2003. P. 258.

⁴⁵ Вплоть до сегодняшнего дня в Чикитании проводятся фестивали музыки барокко, где исполняются сочинения музыкантов миссий.

⁴⁶ Независимость иезуитов в Америке давно раздражала королевские власти. Хотя причины изгнания иезуитов не были напрямую связаны с их миссиями в колониях, в Мадриде расценивали существование независимого квазигосударства в своих владениях как опасность для абсолютной власти короны. Большое раздражение при дворе вызвали сообщения о неповиновении индейцев в миссиях на территориях, пограничных с Бразилией, которые были переданы португальской короне по договору 1750 г. Индейцы отказывались покидать миссии и выражали готовность защищать их с оружием в руках.

метизация населения смягчала, а иногда и запутывала расово-кастовые различия. Эта социальная динамика не мешала людям четко осознавать свою принадлежность к тому или иному сословию, и восприниматься другими соответствующим образом, несмотря на свое происхождение или цвет кожи. От этого зависело их положение в обществе, налоговые и иные обязательства, права, место в церемониальных действиях, а также занятие той или иной хозяйственной деятельностью. Разделение на плебс и патрициев уступало место более сложной структуре и самоидентификации социальных групп.

В исследованиях Фернандо Кахиаса да ла Вега в отношении Оруро показан прогрессирующий развал бинарной системы, взамен противостояния белых и индейцев пришла растущая враждебность между креолами и приезжими из Испании. Эта вражда выражалась в борьбе за деньги, должности, почет и прочее. Рудники контролировались местными креолами, а торговцы и ростовщики были испанцами. Европейцы торговали добытыми минералами, поставляли ртуть, финансировали шахтовладельцев. И хотя горное дело было очень доходным, но и рискованным из-за флуктуации цен. Когда в 70-е годы эта отрасль вступила в полосу застоя, владельцы рудников оказались во власти ростовщиков-европейцев, которых называли не иначе как «евреи» или «чужаки».

В Оруро местные элиты вытеснялись из власти, с должностей коррехидоров; кабильдо все более контролировалось центральной властью и испанцами, что порождало новые антагонизмы. Экономические и политические противоречия между креолами и испанцами, «чапетонами» (чужаками), нашли отражение в многочисленных тяжбах о расовой принадлежности и в вопросах чести. Оруро был небольшим городом с 6 тыс. жителей, где и плебеи, и патриции жили в тесном сообществе: вырабатывались общие культурные коды, тип одежды, манера говорить, использовался кечуа, праздновался карнавал с индейскими танцами и другое. Метизация затрагивала расово-этнический облик людей, их практики обыденности. Для патрициев, т.е. креолов, это означало укоренение своей идентификации, привязанности к малой родине, что отражалось и на низших классах, ориентировавшихся в этом на верхи. Для приезжих белых креолы Оруро были людьми невысокого происхождения, так как в «обычной жизни держались некоторых обычаев грубых индейцев и даже пили и танцевали с ними в их одежде»⁴⁷.

История этого горнорудного города в эпоху восстания Тупак Амару демонстрирует эти тенденции. Как уже говорилось, в феврале 1781 г. Оруро было единственным местом согласия креолов и индейцев. Лидерство принадлежало креолам во главе с братьями Родригес, которые опирались и на верхушку, и на плебс, и на общинников. Если их союз с индейцами продлился лишь несколько дней, то поддержка со стороны ремесленников, рабочих-шахтеров, мелких торговцев была более основательна. Тогда сформировался прочный союз креольской элиты и городских низов, как в их противостоянии с короной, так и затем в борьбе с восставшими индейцами.

История с Оруро не исключение. В Ла-Плате, городе с иными характеристиками, также были заметны процессы вертикальной интеграции общества. Это был средний город (15–18 тыс. жителей), центр бюрократии, граж-

⁴⁷ *Cajías de la Vega F. Op. cit. P. 472.*

данской и церковной власти, место пребывания архиепископа и Аудиенсии. Здесь был один из старейших в Новом свете Университет. В городе царили церемониал и сеньориальная жизнь, имитирующая двор в метрополии⁴⁸.

Как университетский центр город был средоточием всей интеллектуальной жизни региона. Карлова академия, основанная в 1778 г., привлекала молодых креолов со всего вице-королевства Рио-де-ла-Плата и из Перу, ей принадлежит уникальная роль в разрушении иерархических структур старого режима, здесь «кристаллизовалась новая демократическая общественность, освободившаяся от корпоративных и иерархических ценностей сословного общества»⁴⁹. Само происхождение многих студентов часто не соответствовало критериям «чистоты крови», чего требовали правила поступления в университет. Дело дошло до того, что один из прокуроров Аудиенсии сокрушался, что теперь сплошь «принимают людей, по своему происхождению достойных более скромных занятий и положения в обществе»⁵⁰. В университете в Чаркас процессу демократизации дал импульс указ об изгнании иезуитов в 1767 г. Иезуитов в качестве преподавателей заменили местные профессора через систему конкурсов, что породило серию конфликтов интеллигенции и местных властей, пытавшихся повлиять на выбор комиссий, что имело большой отклик в городской жизни⁵¹. Университет не представлял собой какую-то закрытую группу. Классик боливийской историографии Габриэль Рене-Морено отмечал, что университетские креолы «близко общались с метисами», а сам факт их присутствия в городе «объяснял, почему всякий чоло-горожанин умел читать и писать, чего не было более нигде, а также имел свое мнение по разным общественным вопросам»⁵².

Начиная с 80-х годов XVIII в. в городе отмечались политические конфликты, в которых заметно растущее участие городских низов. В отличие от других городов причина недовольства состояла не в росте налогов или дискриминации креолов при замещении должностей, а в другом аспекте реформ Бурбонов: в появлении военных гарнизонов в городах после восстания Тупак Амару. До этого в Чаркас были только отряды креольского ополчения, которые и защищали город от осады тысяч индейцев в феврале 1781 г. Решение ввести гарнизоны было воспринято как выражение недоверия к жителям и нарушение традиций, как неблагоприятность короны за прежнюю службу города.

⁴⁸ *Rama A.* La ciudad letrada. Montevideo, 1995. P. 32; *Romero J.L.* Latinoamérica, las ciudades y las ideas. Buenos Aires, 1976. P. 85–91.

⁴⁹ *Thibaud C.* La Academia Carolina de Charcas: una 'escuela de dirigentes' para la Independencia // El siglo XIX. Bolivia y América Latina / Comp. Barragán, Rossana, Dora Cajías y Seemin Qayum. La Paz, 1997. P. 40. О роли адвокатов в создании новой общественной атмосферы в поздний колониальный период см.: *Uribe-Uran V.M.* The Birth of a Public Sphere in Latin America during the Age of Revolution // Comparative Studies of Society and History. Vol. 42. N 2. 2000. P. 425–457.

⁵⁰ *Querejazu Calvo R.* Chuquisaca 1539–1825. Sucre, 1987. P. 362. См также: *Thibaud C.* Op. cit. P. 42–47. В Ла-Плате не было сегрегации по кварталам проживания разных слоев населения, что было свойственно другим колониальным городам. Ремесленники и торговцы жили и работали в самом центре, где также жила знать.

⁵¹ *Barnadas J.M.* Es muy sencillo: llámenle Charcas. La Paz, 1989. P. 94; *De Gori E.* La Universidad de Charcas: teoría y acción política // Revista Historia de la Educación Latinoamericana. 2010. N 14. P. 169–190.

⁵² *René-Moreno G.* Biblioteca Peruana. Notas Bibliográficas inéditas. T. III. La Paz, 1996. P. 126.

Прибытие роты королевских войск в Ла-Плату в середине 1781 г. произошло в атмосфере слухов о близком народном восстании. Горожане, как патриции, так и низы, демонстрировали враждебность офицерам армии, оидорам Аудиенсии, чиновникам: было создано «открытое кабильдо» (заседания городского совета, на которые приглашались участвовать все именитые граждане), которое с полным правом претендовало на представительство всего города; проводились публичные церемонии, демонстрировавшие самостоятельность и единство горожан. Это движение за права на местное самоуправление в соответствии с традицией вступало в явное противоречие с монархическим видением управления Карлом III, чье правительство систематически урезало права муниципалитетов⁵³.

Изменение отношений высших классов и народных низов нашло отражение в организации ополчения, которое повторяло сословное деление общества, определяло место каждого в церемониале и символическом месте в иерархии. В ополчении заметно ослабление барьеров между сословиями: кавалерийские части, куда набирали только из привилегированных, стали появляться на общественных церемониях попеременно с пехотинцами, т.е. с ремесленниками и мелкими торговцами. Более того, несколько лет спустя, когда вице-король приказал распустить роту метисов, патриции активно поддержали бурный протест плебса против этой меры.

В 80-е годы в городе происходили жесткие столкновения горожан и испанских солдат. Любопытно, что конфликты происходили не из-за каких-то важных политических проблем, а по вопросам вполне прозаическим, таким, как оскорбление чести. В эти годы умножились жалобы горожан, как патрициев, так и плебеев, на насилие со стороны солдат. Эти жалобы на военных моментально политизировались. В Ла-Плате в 1782 и 1785 гг. произошли народные восстания против военных. Это были первые восстания в этом городе с момента его основания. На «открытых кабильдо» присутствовали многочисленные ремесленники и торговцы. По приказу вице-короля лидеры движения были арестованы и отправлены в Буэнос-Айрес. В результате кабильдо фактически перестал функционировать, а город управлялся группой знатных семей. И патриции, и плебс чувствовали единство перед лицом враждебной испанской власти⁵⁴.

В этих конфликтах проявились такие проблемы, как, например: выше ли знатного креола простой солдат плебейского происхождения, но уроженец Испании; равны ли патриции простым испанцам. Тема чести и знатности в этих обстоятельствах вела к демократизации внутри креолов, ибо все оказались на одном уровне «бесчестия» в отношении испанцев, а также разрушала представление о креольском городе, как обществе, руководимом знатью, идалго, представление о «малой родине» как равном королевстве среди прочих испанских владений. Горожане, не теряя сословной и расовой идентификации, стали воспринимать себя членами одного и того же сообщества,

⁵³ Serulnikov S. Las proezas de la Ciudad y su Ilustre Ayuntamiento: Simbolismo político y política urbana en Charcas a fines del siglo XVIII // Latin American Research Review. Vol. 43. N 3. 2008. P. 137–165.

⁵⁴ См.: Serulnikov S. Motines urbanos contra el ejército regular español. La Plata, 1782 y 1785 // Entre la Colonia y la República: Insurgencias, rebeliones y cultura política en América del Sur / Comp. S. Mata., B. Bragioni. Buenos Aires, 2009. P. 95–124.

противостоящего политике метрополии и ее представителям на местах, т.е. стали ощущать себя равноправной частью империи.

Начиная со второй половины XVIII в. в Ла-Пасе происходит явное разделение городской элиты по линии интеграции в местное общество. Боливийский историк Россана Барраган в своем исследовании показала, что именно в это время умножаются конфликты между «испанцами из метрополии» и «испанцами патрициями» (т.е. креолами) из-за распределения должностей, участия в ополчении и статуса на общественных церемониях⁵⁵. Испанцы были в основной своей массе крупными купцами, связанными с торговыми домами Лимы и Буэнос-Айреса, специализировавшимися на торговле товарами из метрополии. Креолы были помещиками, а также торговцами, но ориентированными на товары местного производства. Причем их разделяло не происхождение, как может показаться из их самоназвания (креолы и уроженцы Испании были и там, и там), а уровень социальной адаптации, включенности в семейные и социальные круги, участие в определенной хозяйственной деятельности и занятие политических постов. «Патрицием» был тот, кто связывал себя с «малой родиной».

В конце XVIII в. и вплоть до 1809 г., т.е. до начала войны за независимость, кабильдо стало главным политическим представительством именно патрициев. Народные низы не были отделены от этого процесса. Народ восставал в марте 1780 г., протестуя против учреждения в городе таможни и против роста алькабалы на 4–6%. Во время этих беспорядков совместно с плебсом выступали мелкие торговцы метисы и индейцы. Элита Ла-Паса не осудила восстание, а созвала чрезвычайную сессию кабильдо, которое постановило закрыть таможню и ограничить рост алькабалы 4%. Королевский визитатор (ревизор) и главный проводник реформ в регионе Антонио де Арече осудил муниципалитет и потребовал отменить его решения, но местные власти отказались подчиниться⁵⁶.

Год спустя жестокая осада Ла-Паса тысячами индейцев во главе с Тупак Катари, казалось, должна была умиротворить страсти и заставить горожан подчиниться королевской власти. Однако этого не произошло. Даже во время защиты города между властями и горожанами продолжался конфликт: спор шел о роли сторон в обороне Ла-Паса. Противостояние олицетворялось двумя главными фигурами: командующим войсками Ла-Паса Себастьяном де Сегуролой, с одной стороны, и креолом, богатым помещиком и торговцем, будущим оидором Аудинсии Чили Франсиско Тадео Диес де Мединой, с другой. Первый называл своих противников из лучших городских семей «бунтарями, тщеславными, невежественными и зловредными мятежниками», а второй подбадривал народ во время осады следующими словами: «Земляки, это наша земля, и ее надо защищать»⁵⁷. Ни голод, ни эпидемии, ни опасности осады армией Тупак Катари в течение трех месяцев, которые привели к огромной смертности в Ла-Пасе, не помешали тому, чтобы этот внутренний конфликт вновь вышел на поверхность, как только опасность отступила.

⁵⁵ Barragán R. Españoles patricios... P. 113–171.

⁵⁶ O'Phelan Godoy. Un siglo... P. 195–201.

⁵⁷ Barragán R. Españoles patricios...P. 144–145.

В Оруро, Ла-Плате, Ла-Пасе зрели процессы растущего отчуждения и антагонизма креольской знати и групп, связанных с интересами метрополии (королевские судьи, крупные торговцы-импортеры, чиновники казначейства). К этой конфронтации присоединились городские низы. Начиная с этого времени и на протяжении следующего века понятие быть метисом перестает иметь уничижительное значение в отличие от раннего колониального периода⁵⁸.

Постепенная консолидация новых способов самоидентификации и коллективного самосознания была связана с активным участием в политике народных низов и креольской элиты. Особенно ярко это проявлялось во время восстаний, но главные процессы происходили вне их. Реформы Бурбонов, социально-экономические тенденции и культурная динамика, в частности военные действия против индейского восстания, вели к подрыву основ имперской политики, к пересмотру места креольской знати в сословной иерархии, к росту значения ремесленников, мелких торговцев, в целом низов в городской жизни. Ярко выразился Октавио Пас: «Всякое общество определяет самое себя и тем самым определяет других. И как правило, эти определения почти всегда обретают форму осуждения»⁵⁹. Двойное осуждение возникло после индейского восстания по отношению к индейцам и к властям метрополии, дававших понять населению, что здесь колониальные владения и не больше, что стало той наковальней, на которой выковывались новые формы общественного представительства. Когда в начале следующего века кризис испанской монархии породил невиданную волну политических беспорядков в Верхнем Перу, как, впрочем, и во всей Испанской Америке, последствия этих изменений в XVIII в. станут более очевидными и приведут к борьбе за независимость.

---

⁵⁸ Barragán R. Los múltiples rostros y disputas por el ser mestizo // Seminario Mestizaje: ilusiones y realidades. La Paz, 1996. P. 86.

⁵⁹ Paz O. Sor Juana Inés de la Cruz o las trampas de la fe. México, 1995. P. 47.

Часть II

ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ И СОЗДАНИЕ БОЛИВИИ

Глава 5

ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ВЕРХНЕГО ПЕРУ

Классик боливийской историографии Г. Рене Морено писал: «Вершина славы Чаркас состоит в призыве к свободе 25 мая 1809 г., когда вся Америка еще глубоко спала в своем рабстве; на этот призыв откликнулся Ла-Пас, начавший войну и счет мучеников освобождения всего континента»¹. Независимость Латинской Америки открыла новую эпоху в истории ее народов и всего западного мира, став важнейшим этапом разрушения «старого режима», абсолютизма, начатого Великой французской революцией. Почин этой борьбы был положен в Верхнем Перу, где первыми в 1809 г. против испанского владычества восстали жители городов Чукисака и Ла-Пас. Боливия первой вступила в борьбу за свободу, пережила 16 лет почти постоянной войны и получила независимость одной из последних в Южной Америке.

Большую роль в процессе разрушения здания колониального господства в Верхнем Перу сыграло Великое восстание 1780–1781 гг. под руководством Тупак Амару, основной центр которого был в Куско. Репрессии против индейской аристократии, отмена ее привилегий за участие в восстании Тупак Амару нанесли мощный удар по колониальной структуре и по контролю за индейцами. Касиков лишили права собирать подушную подать, заменив их креолами и метисами, сборщиками налогов от имени короны. Это привело к усилению взаимодействия индейцев-общинников и креольско-метисного общества, закладывая основы как новых противоречий, так и новых союзов, сыгравших в будущем значительную роль в период войны за независимость².

Реформы Бурбонов вполне осязаемо повлияли на благосостояние населения колоний. Так, был увеличен налог алькабала, созданы внутренние таможи. Новая система вызывала отторжение самых разнообразных слоев населения – креольских торговцев и помещиков, индейцев, мелких коммерсантов-метисов³.

© А.А. Щелчков

¹ *Moreno G.R. Últimos días coloniales en el Alto-Perú. Santiago de Chile, 1896. P.12.*

² *Gil Montero R. La construcción de Argentina y Bolivia en los Andes Meridionales. Población, tierra y ambiente en el siglo XIX. Buenos Aires, 2008. P. 117.*

³ *Reescrituras de la Independencia. Actores y territorios en tensión / Eds. R. Barragán, M.L. Soux, A.M. Seoane, P. Mendieta, R. Asebey, R. Mamani. La Paz, 2012. P. 369.*

В начале XIX в. большая часть территории Верхнего Перу, Альтиплано, пережила тяжелейший период засухи, вызвавшей эпидемии и рост смертности среди индейского населения. Засуха привела к недостатку продовольствия в городах, резкому скачку цен и голоду в деревне, драматически сказалась и на производстве серебра в Потоси, так как для обогащения руды требовалось много воды. В 1805 г. производство серебра сократилось вдвое⁴. В эти годы страна наполнилась бродягами, стало опасно передвигаться по дорогам.

Парадоксально в эти годы голода, эпидемий и несчастий, когда в некоторых районах население сократилось до четверти, отмечается значительный рост (в 18%) доходов казны в Верхнем Перу, а подушной подати на индейцев, трибуто – на 24,1%. Жестокость администрации при взимании налогов в обстоятельствах природных катаклизмов вызывала протесты и беспорядки⁵.

Столица Чаркас Чукисака в начале XIX в. была очагом просвещения и центром интеллектуальной жизни всего региона. Чукисака славилась одним из старейших на континенте университетом, основанным в 1624 г. В 1776 г. в Чукисаке была создана «Карлова Академия» (*Academia Carolina*), являвшаяся высшим юридическим авторитетом во всей Испанской Америке. Университет занимал большое место в жизни города⁶.

Студенты читали Монтескье, Руссо, Вольтера, Дидро, Рейналя. Эти идеи быстро завоевали умы молодого поколения⁷. 15 из 36 депутатов конгресса 1816 г., провозгласившего независимость Аргентины, были выпускниками этого университета. Североамериканской революцией восторгались, ее изучали, ее героям подражали. Кто-то из студентов перевел «Здравый смысл» Т. Пэна. Его идея, что Америка может принадлежать только самой себе, завоевывала все больше сторонников среди испаноамериканцев⁸. В своих воспоминаниях активный деятель радикалов в Чукисаке, первый боливийский историк индеец Висенте Пасос Канки писал: «Молодежь была в объятиях соблазна свободы, которая уже жила среди таких, как я, кто питался доктриной Общественного договора. Мое воображение было захвачено чтением Руссо, Вольтера, Мирабо и других философов. В результате я сразу же оказался в рядах врагов Испании»⁹.

Как справедливо отмечал Ф.Х. Герра, мало установить круг интеллектуальных интересов и влияние работ и авторов «Века просвещения», чтобы говорить о революционных изменениях в ценностях и ориентирах людей. Одно дело читать революционных авторов, что, безусловно, было повсеместным, другое дело – разделять эти взгляды и действовать согласно им. История испаноамериканской революции демонстрирует огромное влияние традиционных взглядов и постепенное возникновение новых форм социальности, когда ценности лояльности, преданности, вассалитета, чувства при-

⁴ Tandeter E. Crisis in Upper Peru, 1800–1805 // *Hispanic American Historical Review*. Vol. 71. N 1. 1991. P. 52.

⁵ Ibid. P. 66–68.

⁶ Paz L. La Universidad Pontifica de San Francisco Xavier de la capital de os Charcas. Apuntes para su historia. Sucre, 1914. P. 235.

⁷ Prudencio R. Ensayos históricos. La Paz, 1990. P.123.

⁸ Lynch J. América Latina, entre colonia y nación. Barcelona, 2001. P.161.

⁹ Pazos Kanki V. Memorias histórico políticas. La Paz, 1978. P.104.

надлежности к определенному сословию или группе заменялись принципами индивидуализма, свободы и равенства¹⁰.

Новые идеи сочетались с традиционализмом и католическим неотомизмом. Именно традиция, идеи испанского схоласта XVI в. Франсиско Суареса составляли основу идеологического фундамента сторонников независимости Америки. Хотя работы Суареса были запрещены, но их читали, а его теории без упоминания имени автора преподавались в Университете¹¹. Суарес выдвинул принцип «*primo foedere*», т.е. «первоначального пакта» между народом и королем, согласно которому первый передавал второму свой суверенитет. В ответ король был обязан править и опекать по-отечески свой народ, обеспечивая счастье на земле и спасение на небе. Если же король не соответствовал своему долгу перед Богом и народом, то народ имел право лишить его власти. Традиционализм и схоластика Суареса, интерпретированная в духе просвещения и рационализма, стали основой антиабсолютистских настроений радикалов, подготовивших почву для освобождения Испанской Америки.

Идейное брожение в Чукисаке сопрягалось с нарастающим институциональным конфликтом между оидорами Аудиенсии и Университетом, с одной стороны, и главой колониальной власти, президентом Рамоном Гарсия Писарро.

Бурбоны проводили стратегическую политику назначения на ключевые посты в Америке выходцев из Испании, объясняя это желанием сделать власть независимой от местных интересов и влияний региональных элит. Креолы восприняли реформы Мадрида как наступление на их права. Центром их недовольства были Аудиенсия, кабильдо (городской совет) и Университет, где преобладали креолы. Как утверждал Дж. Линч, испанская колониальная империя при Габсбургах была гармонией, а при Бурбонах она превратилась в зону конфликта, ибо Мадрид закрыл двери для компромисса с креолами¹². Анонимный хронист писал в те годы: «В Чаркас царил беспорядок, вражда между корпорациями (институтами, сословиями. – А.Щ.), личностями и интересами, неповиновение властям было повсюду»¹³.

Международные осложнения в положении Испании в период Наполеоновских войн отразились на жизни колоний. Испания как союзница Франции в войнах с Англией больше всего рисковала потерей своих обширных колоний в Новом Свете. В 1806 г. в Чаркас пришли известия об интервенции Англии в Буэнос-Айресе и о победе креольского ополчения. Вести о событиях на Рио-де-Ла-Плате вызвали взрыв испаноамериканского патриотизма, как среди испанцев, так и среди креолов. В 1806 г. верхнеперуанцы создали ополчение, послали в столицу вице-королевства денежные средства. Никто не сомневался в нерасторжимых узах Америки и метрополии¹⁴.

21 августа 1808 г. в Ла-Плату (Чукисаку) пришли известия об отречении Карла IV, свержении ненавистного министерства Годоя и восшествии на

¹⁰ Guerra F.-J. Modernidad e independencias. Ensayos sobre las revoluciones hispánicas. México, 1992. P. 87–91.

¹¹ El Siglo XIX. Bolivia y América Latina. La Paz, 1997. P. 48.

¹² Lynch J. Op. cit.. P. 93.

¹³ ANB. Ruck 301. P. 3.

¹⁴ Soux M.L. El complejo proceso hacia la independencia de Charcas (1808–1826). Guerra, ciudadanía, conflictos locales y participación indígena en Oruro. La Paz, 2010. P. 103.

трон Фердинанда VII. 17 сентября 1808 г., пока еще шла подготовка к торжественному акту клятвы новому королю, пришла новость о пленении всей королевской семьи в марте 1808 г. в Байоне и об отречении в пользу Наполеона. Эти известия застали колониальные власти врасплох, было неясно, что следовало предпринять.

Смена династии была негативно воспринята как в Испании, так и в Америке, куда Наполеон отправил своих эмиссаров. Испания после майского 1808 г. восстания в Мадриде поднялась на вооруженное сопротивление французской агрессии. Повсеместно возникали «патриотические хунты», принимавшие на себя всю полноту власти на местах. В сентябре 1808 г. в Аранхуэсе была создана Центральная хунта, претендовавшая на верховную власть в стране. Под натиском французских войск хунта переехала в Севилью, но затем и она прекратила свое существование, уступив место Регентскому совету.

Известия о пленении королевской семьи стали приходить в Америку в июле–августе 1808 г. В ответ в столицах колоний прошли церемонии приношения клятвы верности Фердинанду (Фернандо) VII: 12 августа в Монтевидео, 13 августа в Мехико, 11 сентября в Санта-Фе, 25 сентября в Чукисаке, 13 октября в Лиме¹⁵.

В августе 1808 г. появился новый фактор в борьбе за испанскую корону, еще более запутавший ситуацию. Сестра Фердинанда VII инфанта Карлота Хоакина, бывшая замужем за принцем-регентом Португалии, бежавшем вместе с лиссабонским двором в Бразилию, 9 августа 1808 г. выпустила манифест, в котором заявила, что принимала на себя представительство королевской семьи Испании. Карлота Хоакина реально была самой близкой, находившейся на свободе родственницей смещенной королевской семьи и теоретически¹⁶ могла претендовать на кастильский престол. Она отказывалась признавать отречение своего отца в пользу Фердинанда, претендуя на регентство в период, пока не выяснится судьба династии.

19 августа 1808 г. в Монтевидео из Испании прибыл посланник Центральной хунты в Севилье Хосе Мануэль Гойенече. Его миссия заключалась в признании колониями верховной власти хунты¹⁷. По дороге эмиссар побывал в Рио-де-Жанейро, где встречался с Карлотой Хоакиной и получил от нее письма к вице-королю, президенту Аудиенсии, архиепископу Ла-Платы, в которых она призывала их признать ее временную верховную власть в Индиях (Америке). Гойенече принял это поручение ввиду неясности и смятения среди испанских властей, хотя в иные времена и при других обстоятельствах это было бы квалифицировано как государственная измена¹⁸. Гойенече посетил Буэнос-Айрес, а затем отправился в Чаркас, в Чукисаку и Ла-Пас, пре-

¹⁵ Una independencia, muchos caminos. El caso de Bolivia (1808–1826). Castelló de la Plana, 2008. P. 34.

¹⁶ В Испании действовало салическое право, установленное эдиктом Филиппа V в 1713 г., не допускавшее наследование престола претендентами женского пола. Однако еще отец Карлоты Хоакины Карл IV в 1789 г. отменил его. Впрочем, этот акт был сделан тайно и не был опубликован, что делало претензии португальской принцессы еще более сомнительными.

¹⁷ По иронии судьбы, когда Гойенече действовал в Америке от имени хунты в Севилье, та уже перестала существовать, а испанское правительство нашло убежище в Кадисе под охраной английской эскадры.

¹⁸ Arnade C.W. The Emergence of the Republic of Bolivia. N.Y., 1973. P. 19.

Президент Аудиенсии Чаркас Рамон Гарсия Писарро

жде чем прибыть к месту своего назначения – Перу, где должен был занять пост интенданта Куско.

После первых известий об учреждении хунты в Севилье и о прибытии ее эмиссара в Буэнос-Айрес Аудиенсия отказалась высказаться определенно по этому поводу, бросая вызов вице-королю и президенту Писарро, без колебаний признавших хунту¹⁹. На своем заседании в сентябре 1808 г. Аудиенсия ввиду отсутствия письменного указа короля (чего и не могло быть из-за его пленения) и Совета Индий решила ничего не предпринимать и выжидать. Большинство оидоров были роялистами и легалистами, и для них самопровозглашенная хунта в Севилье была результатом восстания народа, что напоминало французскую революцию.

Ситуация резко изменилась с приездом Гойенече в

Чукисаку 11 ноября 1808 г. Он был торжественно и с большой pompой принят президентом Писарро и архиепископом Мохо. Гойенече привез письма от Карлоты Хоакины. Писарро и Мохо не решились вскрыть их, опасаясь обвинений в предательстве и в переговорах с иностранным монархом. Было решено вскрыть и прочитать письма публично на заседании Аудиенсии.

На заседании 12 ноября председательствующий Боето, рассмотрев бумаги Гойенече, заявил, что в них нет ни подписи короля, ни Совета Индий, а значит, они юридически неправомерны. Это заявление Боето обозначило главный тезис оидоров Чаркас: ни один орган власти Испании не может автоматически заменить короля, ибо Чаркас принадлежит короне, а не Испании. Оидоры исходили из тезиса, что Америка является отдельным королевством, соединенным с Испанией лишь короной. Америка такое же отдельное образование, как Арагон, Кастилья, Наварра и т.д. Наличие специальных Законов Индий свидетельствовало, что Америка не являлась провинцией Испании, а Совет Индий не подчинялся Кастильскому совету. Следовательно, утверждала Аудиенсия, ни Центральная хунта, ни какая-либо другая хунта в Испании не имели право представлять Америку²⁰. Следующий логический шаг: Америка должна создать свои хунты.

¹⁹ Just Lleó E. Comienzo de la independencia en el Alto Perú: los sucesos de Chuquisaca, 1809, Sucre, 1994. P. 637–638.

²⁰ Prudencio R. Op. cit. P. 128–130.

После решительного протеста и угроз со стороны Гойенече, поддержанного президентом и архиепископом, оидоры отступили и признали Центральную хунту. Перед самым закрытием заседания Гойенече при всех передал письма Карлоты Хоакины в руки Писарро и Мохо. Те сразу же, не допуская обсуждения, вскрыли их и прочитали. Перед оидорами предстали новые обстоятельства: португальские претензии на престол. Кроме того, инфанта передавала в письме личный привет архиепископу Мохо, с которым была ранее знакома²¹. Среди всеобщей растерянности совещание Аудиенсии было закрыто. С этого момента оидоры укрепились в убеждении о связях Гойенече, Писарро и Мохо с португальцами.

Оидоры стали действовать решительно. 12 января 1809 г. после совместного заседания Аудиенсии и Университетского совета появился документ, известный как «Акт докторов». Его авторами были «адвокат бедняков» Хайме Суданьес и его брат, синдик Университета Мануэль Суданьес. В этом акте отвергались притязания на корону со стороны португальской (бразильской) принцессы, а сама ее «королевская персона» характеризовалась грубыми и оскорбительными выражениями. Узнав об этом «Акте», вице-король Линье, опасаясь последствий в случае победы португальской интриги, решил перестраховаться и приказал уничтожить записи об этом заседании в книгах Аудиенсии и Университета, что и было исполнено Писарро 20 мая 1809 г.²² Это действие властей окончательно убедило оидоров в причастности Писарро, вице-короля, Мохо и Гойенече к заговору в пользу Карлоты Хоакины²³.

В марте 1809 г. прокурор Аудиенсии выпустил постановление, в котором обвинял Писарро, Гойенече, архиепископа и вице-короля в действиях, направленных на пользу иностранной державы. Гойенече был объявлен «агентом бразильского двора и предателем родины»²⁴. Эти события воодушевили молодых радикалов, считавших, что с исчезновением законного монарха суверенитет должен быть возвращен народу. Среди радикалов выделялся священник Хосе Антонио Медина, который открыто называл королевскую власть «безобразным деспотизмом», за что был выслан из Чукисаки²⁵. Самым известным радикалом был Бернардо Монтеагудо, автор знаменитого памфлета «Диалог Атауальпы и Фердинанда VII в полях Элизиума».

В этом памфлете Монтеагудо дал безжалостную характеристику испанского господства, обвинив Испанию в варварском обращении с индейцами только из-за страсти к наживе и в ограблении богатств Америки. Он писал: «Среди всех наций вы не найдете столь жестокой и тиранической как испанцы»²⁶. Беспорядки в метрополии, наконец, побудили американцев подумать над тем, чтобы жить независимыми. «Сбросьте оковы рабства, — призвал Атауальпа, — вкусите сладость независимой жизни!»

²¹ Arnade C.W. Op. cit. P. 18–19.

²² Arguedas A. Historia de Bolivia. La fundación de la república. T.1. La Paz, 1992. P.32.

²³ ANB. Ruck 301. P. 2v.

²⁴ Just Lleó E. Op. cit. P. 612.

²⁵ Fellmann Velarde J. Historia de Bolivia T.1. Los antecedentes de la bolivianidad. La Paz, 1968. P. 241.

²⁶ Monteagudo B. Diálogo entre Atawallpa y Fernando VII en los Campos Eliseos. P. 5. Цитируется по опубликованной электронной версии Национальной библиотекой Боливии в интернете, оригиналы хранятся в Archivo nacional de Bolivia. Fondo Rueck. 558.

Фердинанд VII признавал: «Если бы я был жив²⁷, то сам бы призвал американцев к свободе и независимости!»²⁸ Памфлет Монтеагудо был первым ясным призывом к отделению от Испании.

Многочисленные рукописные листовки наводнили города Чаркас, не только Чукисаку, но и Ла-Пас, Кочабамбу. В них утверждался тезис: если корона правит в ущерб креолам, то они имеют право не подчиняться и восстать против властей²⁹.

Восстания 1809 года в Чукисаке и Ла-Пасе

После отъезда Гойенече из Чукисаки по городу стали циркулировать устойчивые слухи, что испанские власти во главе с президентом Аудиенсии Писарро и архиепископом Мохо хотят передать страну португальской короне³⁰. Писарро решил навести порядок в городе полицейскими методами. Однако у него не было войск, а созданное после британской агрессии против Буэнос-Айреса в 1806 г. креольское ополчение находилось под предводительством Х.А. Альвареса Ареналеса, испанца по рождению, но близкого группе радикалов и стоявшего на стороне Аудиенсии.

20 мая Писарро получил указание вице-короля арестовать оппозиционных ему оидоров. Он собрал на совет своих сторонников, некоторых юристов Аудиенсии, которые отметили нарушение Законов Индий со стороны вице-короля, ибо оидоров можно было арестовывать лишь по именному указу короля³¹. Писарро был смущен, и было решено отложить выполнение приказа до 24 мая.

23 мая Писарро обратился за помощью к интенданту Потоси Ф.П. Сансу, в распоряжении которого были войска. Оидоры также решили действовать. Вечером 24 мая они, часть университетского совета и кабилдо собрались в доме регента Университета и в полном соответствии с Законами Индий решили потребовать от Писарро уйти с поста президента. Оидоры могли сместить его уже на следующий день через принятие «королевского согласия» (*real acuerdo*), имевшего силу закона.

Утром 25 мая Писарро был проинформирован о ночном заседании. Он отказался подчиниться решению оидоров, так как они собрались не в зале Аудиенсии, а в частном доме. Писарро решил действовать немедленно и приказал арестовать оидоров. Все это стало известно в городе. Все оидоры бежали и арестовать удалось лишь очень популярного в народе Хайме Суданьеса.

Когда задержали Суданьеса и повели его по улице, он стал кричать, что его ведут на казнь, чтобы заставить замолчать о предательстве властей. Сторонники Суданьеса ударили в набат, и народ собрался в центре города. Говорили, что арестовали всех оидоров, что было невысказанным беззаконием.

²⁷ В тот момент многие были убеждены, что Фердинанду VII вряд ли удастся спасти свою жизнь во французском плену.

²⁸ *Monteagudo B.* Op. cit. P. 9.

²⁹ *Just Lleó E.* Op. cit. P. 344.

³⁰ *Moreno G.R.* Estudios históricos. y literarios. La Paz, 1983. P. 50.

³¹ *Sánchez de Velasco M.* Memorias para la historia de Bolivia. Desde el año 1808 a 1848. Sucre, 1938. P. 11.

С криками «Да здравствует Фердинанд VII, смерть плохим правителям!» народ обступил дворец Писарро и требовал освободить оидоров. Страсти накалялись, и Писарро распорядился освободить Суданьеса, которого с балкона архиепископ показал народу.

Писарро согласился разоружиться и передать командующему ополчением Альваресу Ареналесу артиллерию, что и было сделано. Народ же не успокаивался, а продолжал осаждать дворец. Видимо, нервы солдат не выдержали, и они открыли стрельбу по толпе, в результате многие были ранены и один убит. Восставшие же обратили артиллерию против дворца и, выбив ворота выстрелом из пушки, ворвались во дворец³².

Народ арестовал Писарро, ворвался в тюрьму и освободил всех заключенных. По оценке исследователя Э. Хуста, в восстании приняли участие около 2 тыс. человек, практически все взрослое мужское население Чукисаки³³.

Оидоры вручили Писарро бумагу об его отстранении и о переходе всей полноты военной и политической власти Аудиенсии. Писарро был оставлен под стражей как обвиняемый в государственной измене за связи с португальским двором. В ответ Писарро сказал свою знаменитую фразу: «С одним Писарро³⁴ началось испанское господство, а с другим началось его падение»³⁵.

Креолы, получив полный контроль в Чаркас, не решались делать более никаких шагов в сторону отделения от Испании, в общем-то и не желая этого, но и опасаясь репрессий вице-королевских войск. Свидетель тех событий и один из первых боливийских историков М. Санчес де Веласко писал: «Наступило 26 мая, без каких-либо новшеств... Оидоры заседали и управляли... Шла переписка с губернаторами Потоси, Кочабамбы и Ла-Паса, все оставалось в порядке вещей и без желания изменить что-либо»³⁶.

В середине июля в Буэнос-Айрес прибыл новый вице-король П. Сиснерос, который поручил Аудиенсии временно осуществлять власть. После восстания в Ла-Пасе вице-король изменил свою политику, увидев в этом движении угрозу всему испанскому господству в Верхнем Перу. Сиснерос назначил нового президента Аудиенсии маршала Висенте Ньето. В августе Сиснерос приказал немедленно освободить всех арестованных, прежде всего Писарро. Аудиенсия под давлением народа отказалась сделать это³⁷.

18 октября вице-король вновь потребовал выполнения своих августовских приказов. Хаос и разочарование в городе, страх перед репрессиями и силой шедших из Перу королевских войск под предводительством Гойенече на подавление восставшего Ла-Паса заставили оидоров сдаться. В начале ноября город получил послание нового президента, который по дороге в Чаркас призвал всех граждан быть лояльными монархии, а главное потребовал ухода со своих постов всех оидоров и прокуроров, замешанных в событиях 25 мая. Он заявил, что надо осудить «четырёх мятежников», а остальным обещал прощение³⁸. После этого послания начал

³² Just Lleó E. Op. cit.. P. 700–705.

³³ Ibid. P. 291.

³⁴ Речь идет о конкистадоре завоевателе Перу Франсиско Писарро.

³⁵ Moreno G.R. Estudios históricos. P. 39.

³⁶ Sánchez de Velasco M. Op. cit. P.15–17.

³⁷ Just Lleó E. Op. cit.. P. 155.

³⁸ Ibid. P. 193.

ся полный развал власти Аудиенсии, которая 17 ноября объявила о своем подчинении вице-королю и новому президенту. Ньето не стал никого казнить, хотя и арестовал братьев Суданьес³⁹ и некоторых других видных деятелей восстания. Ополчение было разоружено и распущено. К удивлению многих в руках восставших оказалось много оружия, в частности, 15 пушек⁴⁰.

Хотя не было создано альтернативной колониальной системы власти, отказ признания прав Испании на решение судьбы американских владений закладывали основы не только автономии и федерализации империи, но и самостоятельности, будущей независимости.

Г. Рене Морено писал, что война за независимость Верхнего Перу началась с «маски» лояльности короне в Чукисаке, но продолжилась восстанием с «открытым лицом» в Ла-Пасе. Миссия Гойенече в Ла-Пасе вызвала такие же подозрения, как и в Чукисаке. Всем был очевиден сговор с Гойенече местного интенданта Тадео Давила и епископа Ремихио де Ла-Санта. Интендант в докладе вице-королю подчеркивал, что в городе отмечаются сильные расхождения между испанцами и «патрициями»⁴¹ в их отношении к событиям в Испании. «Споры эти, – писал Давила, – всякий раз приобретают все более непримиримый характер, усиливая взаимную враждебность»⁴².

В Ла-Пасе, как нигде в Чаркас, появилось большое число листовок и памфлетов. Они содержали антиправительственные лозунги «Долой правителей Испании в Америке!», «Испания более не будет править страной!», «Да здравствуют наши законы и долой дрянное правительство и его чапетонов (так презрительно называли испанцев)!»⁴³ Агитация была столь сильной, что интендант Давила не раз признавался в неспособности ее полностью уничтожить, так как следовало бы пересажать полгорода.

После восстания в Чукисаке 8 июня в городе появился посланник Аудиенсии Мариано Мичел, привезший с собой не только ордер на арест бежавших из Чукисаки сторонников Писарро, но и тайные памфлеты Монтеагудо. По прибытию в Ла-Пас Мичел встретился с Давилой и епископом. Главные же встречи проходили с группой радикалов. «Совершенно ясно, – писал хронист событий 1809 г., – что Аудиенсия послала его, чтобы разжечь в этом городе пожар, который уже тлел»⁴⁴.

³⁹ Мануэль Суданьес вскоре умер в тюрьме, а Хайме был отправлен в Лиму на суд вице-короля, где был прощен в связи с амнистией, декретированной кортесами 19 октября 1810 г. Затем он перебрался в Чили, где принял активное участие в освободительной войне. – *Suárez Saavedra F.* El héroe de mayo. Biografía de Jaime Zudáñez. Sucre, 2009. P. 94.

⁴⁰ *Moreno G.R.* Estudios históricos. P. 49.

⁴¹ Термин «патриции» означал принадлежность или рождение в этом регионе, который креолы считали своей родиной (по-испански patria). – *Barragán R.* Españoles patricios y españoles europeos: conflictos intra-elites e identidades en la ciudad de La Paz en vísperas de la independencia, 1770–1809 // Entre la retórica y la insurgencia: las ideas y los movimientos sociales en los Andes, siglo XVIII. Cusco, 1996. P.113–171.

⁴² *Dávila T.* Insurrección de La Paz, 1809. Manuscrito. Biblioteca nacional de España. MSS/13150. P. 1.

⁴³ *Montenegro C.* Op. cit. P. 48; *Crespo A., Arze Aguirre R., Romero F.B., Money M.* La vida cotidiana en La Paz durante la Guerra de la independencia. 1800–1825. La Paz, 1975. P. 209.

⁴⁴ *Memorias históricas de la revolución paceña.* La Paz, 1840. P. 6.

В группу радикалов входили Мурильо, Катакора, Инохоса, Патиньо, Алиага, Фигероа, Сагарнага и братья Ланса⁴⁵. На тайных собраниях обсуждались события в Испании и в Чукисаке. Всего состоялось пять секретных совещаний. 24 июня в доме Сагарнаги собрались все заговорщики, и было решено поднять восстание в Ла-Пасе 16 июля в день праздника Девы Марии дель Кармен.

16 июля 1809 г. заговорщики захватили казармы, ударили в набат, чтобы собрать народ. Они убеждали людей, что европейцы хотят перебить патрициев. Под здравицы в честь Фердинанда VII и проклятия предателям, губернатору и епископу, продавшимся португальцам, стали вооружать народ. Толпа взломала двери тюрьмы и освободила заключенных⁴⁶.

На шум в казармы явился Давила, где был арестован и препровожден в епископский дворец. Там он вместе с епископом оставался под стражей. Восставшие заявили, что гражданская власть в городе переходит к кабильдо. Под давлением народа кабильдо принял в свои члены представителей заговорщиков Григорио Лансу, Хуана Базилио Катакора, Хуана Баутиста Сагарнагу. Лидеры восставших Мурильо и Индабуру организовали военные патрули, сформировали ополчение. В народный батальон записалось 700 человек⁴⁷.

Важнейшим решением революционеров было прощение всех долгов по налогам. 20 июля на площади торжественно под портретом короля были сожжены все бумаги казначейства по налогам начиная с 1807 г., за исключением десятины и налога на хину. Чтобы привлечь на свою сторону индейцев, им отменили торговый налог алькабалу⁴⁸.

Были уволены начальники почты, таможни, принята отставка администратора табачной монополии и командующего ополчением. Все эти акции были освящены решениями кабильдо. Противники восстания в своем «Бесстрастном докладе о революции в Ла-Пасе» писали: «Бунтовщики поменяли провинциальные власти в Сикасике, Омасуйос, Сорате, Пакахес, Юнгас, где поставили людей без залога, более того, бесплатно и без формальностей по закону, еще приказали, чтобы эти провинции прислали в Ла-Пас по одному индейцу, которые должны были представлять их население в хунте»⁴⁹.

С изложением программы новой власти выступил лидер радикалов священник Х.А. Медина, который написал «План правительства». Существует несколько вариантов текста. В самом радикальном полностью исчезло всякое упоминание о короле, вассалитете и преданности короне⁵⁰. В этом документе, принятом кабильдо 22 июля, устанавливалась новая система правления. Именно после его публикации роялисты с полным правом утверждали, что главной целью революционеров было «воспользоваться положением и

⁴⁵ Valencia Vega A. José Antonio Medina. El sacerdote de la revolución liberal en el Alto Perú. La Paz, 1978. P. 63–64.

⁴⁶ Documentos para la historia de la Revolución de 1809. Vol. III. La Paz, 1954. P. 373.

⁴⁷ Dávila T. Op. cit.. P. 41.

⁴⁸ 1808. La eclosión juntera en el mundo hispano. Mexico, 2007. P. 215–216.

⁴⁹ Dávila T. Op. cit. P. 43.

⁵⁰ Una independencia, muchos caminos. El caso de Bolivia (1808–1826). Castello de Plana, 2008. P. 75.

растерянностью, чтобы отделиться от метрополии, добиться независимости Америки»⁵¹.

Документ декларировал свободу торговли, неприкосновенность частной собственности, личную свободу⁵². В «Плане» был пункт о создании парламента, законодательной «Представительной и охранительной хунты прав народа». Кабильдо приказывал созвать «представительный конгресс прав народа с участием делегатов от индейцев, по одному индейцу от каждого округа всех шести районов (субделегаций), которые составляли провинцию Ла-Пас»⁵³. Впервые в истории континента созывался представительный орган власти с выборами от индейцев.

Радикальное крыло революционеров выпустило манифест, в котором заявлялось: «До сегодняшнего дня мы терпели подобие ссылки на чужбине в лоне собственного отечества; мы до сего дня в течение трех веков с безразличием взирали на попрание свободы, на деспотизм и тиранию несправедливого узурпатора, уничтожавшего человеческое достоинство... И вот наступил час сбросить иго, столь унижающее нас и так льстящее испанской гордыне. Настало время организовать новую систему правления, которая будет исходить из интересов нашей родины, до сих пор презираемой подлой политикой Мадрида. Настало время поднять знамя свободы в этих несчастных колониях, задавленных пятой несправедливостями и тиранией»⁵⁴.

24 июля собралась Охранительная хунта в составе 12 человек. Позднее, в сентябре к ним присоединились три индейских делегата⁵⁵. Последнее вызвало возмущение многих. Роялисты сетовали: «Индеец из Юнгас был по крайней мере императорской крови, происходил от Инков, а остальные – простые касики»⁵⁶. Возглавил хунту Педро Доминго Мурильо.

Мурильо родился в Ла-Пасе в 1757 г., метис, был подкидышем и воспитывался в семье священников. Он получил образование в Университете в Куско, хотя заканчивал курс права и получал титул адвоката уже в Чукисаке⁵⁷. После окончания учебы попытал свою судьбу на разных поприщах, в том числе в горном деле. Однако, судя по всему, с небольшим успехом. Зарабатывал на хлеб составлением разных требных бумаг, писем, эпиграмм, поздравлений, за что его прозвали «писакой». В 1806 г., находясь в Куско, оказался замешан в антииспанском заговоре во главе с Агиларом-и-Убальде. Был арестован, но за недоказанностью выпущен на свободу. Покинул Куско и вернулся в родной Ла-Пас. В год, предшествовавший восстанию в Ла-Пасе, Мурильо был активным участником всех тайных собраний. За решительность радикалы поставили его во главе движения 16 июля.

С учреждением хунты правящим органом оставался кабильдо. Хунта выработывала рекомендации, по которым кабильдо принимал решение. Явным

⁵¹ *Dávila T. Op. cit. P. 39.*

⁵² *Documentos para la historia de la Revolución de 1809. Vol.III. P. 363–367.*

⁵³ *Ibid. P. 366.*

⁵⁴ *Memorias históricas de la revolución paceña. P. 15.*

⁵⁵ *Arze Aguirre R. Participación popular en la independencia de Bolivia. La Paz, 1979. P.109.*

⁵⁶ *Dávila T. Op. cit. P. 43.*

⁵⁷ Боливийский историк-индеанист Роберто Чоке Канки утверждал, что Мурильо участвовал в подавлении восстания Тупак Катари в 1781 г. и, более того, был участником его казни. – *Reescrituras de la Independencia. P. 70–71.*

отличием хунты в Ла-Пасе от всех других патриотических хунт в Испании и Америке было то, что уже в своем названии она отказалась от титула «защитника прав Фердинанда VII», а стала именоваться «защитницей прав народа».

Хунта отправила письма вице-королю Перу, интенданту Потоси и другим властям соседних регионов. Во всех посланиях подчеркивалась преданность Фердинанду VII. В своем письме к Сансу Мурильо утверждал, что восстание «поддерживает Центральную хунту Испании и Индий и королевскую Аудиенцию в Чукисаке»⁵⁸. Мурильо стремился убедить колониальные власти в лояльности Ла-Паса. 30 июля стало известно, что испанское правительство бежало в Кадис, а французы заняли всю Испанию. Данные обстоятельства прибавили революционерам уверенности в успехе их предприятия.

После прибытия в Буэнос-Айрес нового вице-короля Синероса, сменившего слабого и нерешительного Линье, ситуация изменилась. В Ла-Пасе об этом стало известно 10 августа. В кабильдо сразу возникла группа пораженцев, опасавшихся, что новый вице-король примет решение подавить восстание в Ла-Пасе силой. 18 августа напряженность спала: прибыл эмиссар из Чукисаки. Он привез с собой ордер этого высшего судебного органа Чаркас (правда, находившегося в конфликте с властями), согласно которому Аудиенсия одобряла действия восставших. Это означало юридическое признание новых властей⁵⁹.

Хунта приняла меры для привлечения на свою сторону индейцев. В августе 1809 г. в Чулумани «все индейцы» местных общин выбрали своего представителя в хунту. Им стал потомственный касик Франсиско Фигереди Ингакольо, который прибыл в Ла-Пас (источники указывают, что он был одет как инки) и занял свое место в хунте⁶⁰.

Вопросы обороны более всего беспокоили лидеров восстания. Во главе военной организации стояли два непримиримых врага – Мурильо и Индабуру, что таило в себе зерно будущего конфликта. В конце августа стало известно, что из Куско и Арекипы в сторону границы с Чаркас двинулись королевские войска под предводительством Гойенече. Хунта постановила начать отливать пушки и готовить снаряды, укреплять отряды ополчения⁶¹.

12 сентября пришли известия о занятии войсками Гойенече г. Копакабана на побережье оз. Титикака, находившегося в юрисдикции Чаркас, т.е. вице-королевства Рио-де-Ла-Плата. Подстрекаемая радикалами толпа потребовала отставки и суда над алькальдом Ф. Янгуасом Пересом. Под давлением толпы кабильдо принял его отставку, а также был вынужден ввести в свой состав новых членов, в том числе лидера радикалов Медину. Пришедшие в кабильдо крайние радикалы настояли на резолюции об объявлении войны перуанской провинции Пуно⁶².

Радикалы уже открыто говорили о независимости и необходимости с оружием в руках защищать революцию. В августе 1809 г. появился аноним-

⁵⁸ 1808. La eclosión juntera. P. 210.

⁵⁹ Memorias históricas de la revolución paceña. P. 20–21.

⁶⁰ Reescrituras de la Independencia. P. 101.

⁶¹ Arze Aguirre R. Op. cit. P. 43.

⁶² Memorias históricas de la revolución paceña. P. 25.

ный листок «Размышления разума и опыта сынам Америки для передачи из уст в уста и от города к городу». В нем заявлялось, что король скорее всего мертв, а законного наследника принца астурийского назначено не было, следовательно, Америка должна решить: «стать французской, португальской или английской колонией или же выбрать независимость». И давался ответ: только независимость⁶³.

Во время судебного процесса против членов хунты большинство подсудимых отрицали стремление к отделению от Испании. Между тем было много свидетелей, указывавших, что Мануэль Викторино Ланса говорил о «новом независимом правительстве и отделении от Испании». Тот же Ланса, по заявлениям тех же свидетелей, говорил о том, чтобы «стать республикой как семь кантонов (Швейцария. — *А.Щ.*) или как Франция»⁶⁴. Радикалы хунты размышляли не только о независимости, но и о республиканском строе, что было самой передовой позицией среди всех патриотов в Испанской Америке в тот период.

Кризис наступил, когда 16 сентября из Лимы пришло письмо вице-короля Перу Абаскаля с требованием восстановить старые власти и распустить войска. Два дня кабильдо обсуждал требования вице-короля. 22 сентября было принято решение формально подчиниться, но не исполнять приказ, а послать делегатов для переговоров с Гойенече. Если у Гойенече было 5 тыс. человек, то хунта располагала отрядом в 800 человек и 11 орудиями.

Кабильдо и Мурильо вступили в переговоры с Гойенече. Мурильо написал ему письмо, предложив свои услуги и готовность следовать его приказам⁶⁵. Гойенече рассчитывал на помощь Мурильо в подавлении восстания и даже думал назначить его на пост губернатора. Всем членам кабильдо обещал прощение⁶⁶. Чаша весов в городском руководстве склонилась в пользу роялистов.

После приказа вице-короля вернуть политическую ситуацию к положению до 16 июля кабильдо 30 сентября постановил распустить Охранительную хунту. Военная же и политическая власть оказалась в руках Мурильо, которому удалось уговорить радикалов пойти на уступки. Однако вскоре радикалы утратили доверие к Мурильо, узнав о его письмах к Гойенече. Стали поговаривать о его сговоре с роялистами и предательстве.

6 октября Гойенече прислал для переговоров двух офицеров, которых со всеми почестями за городские ворота отправился встречать сам Мурильо и члены кабильдо. Посланники Гойенече объявили о всеобщем прощении. Условием этого была капитуляция и разоружение, что было принято кабильдо. Мурильо оставался командующим войсками до прихода войск Гойенече, так как Давила отказался вернуться на пост интенданта⁶⁷. Кабильдо восстановил старого алькальда Янгуаса, ставшего союзником Мурильо. Произошел контрреволюционный переворот, позволивший избежать репрессий против революционеров.

⁶³ *Just Lleó* E.Op. cit. P. 842–843.

⁶⁴ *Reescrituras de la Independencia*. P. 165.

⁶⁵ *Abecia Baldivieso V.* La «genial hipocresía» de Don Pedro Domingo Murillo. La Paz, 1978. P. 23.

⁶⁶ *Memorias históricas de la revolución paceña*. P. 28.

⁶⁷ *Ibid.* P. 33.

Решение кабилдо возмутило радикалов во главе с Мединой⁶⁸. После отъезда парламентариев Медина созвал в казармах гарнизона бывших членов хунты и часть кабилдо, которые под давлением радикалов и городских низов, присутствовавших там, постановили отменить решение о капитуляции и заявили о решимости сопротивляться. Медина с комиссией кабилдо выехал в Тиауанаку, где находилась большая часть войск Ла-Паса во главе с Сагарнагой. Там Медина уговорил отряд вернуться в город, чтобы наказать предателей⁶⁹.

Тем временем 12 октября Индабуру, оставшийся в городе, стал действовать, возбуждая солдат против Мурильо и Янгуаса. Индабуру опасался, что пострадает, так как их отношения с Мурильо были крайне напряжены. Ночью он арестовал Мурильо, обвинив его в предательстве. 13 октября пришедшие из Тиауанаку войска штурмовали дом Янгуаса, арестовали некоторых испанцев и креолов-роялистов. Во главе войск встал Индабуру, ставший союзником Медины и радикалов. Индабуру понимал, что сопротивление королевской армии в 5 тыс. человек бесперспективно. Между тем войска инсургентов таяли. «Войска разбегаются – писал хронист. – Из 2 рот по 50 человек осталось лишь 25–30 человек»⁷⁰.

Большая часть войск ушла к Чакалтайо, ключевое место для обороны Ла-Паса. Как только войска покинули город, Индабуру совершил переворот. 18 октября он арестовал Медину и других радикалов. Роялисты приветствовали переворот. Индабуру на площади заявил своим офицерам и благородным горожанам, что «он теперь покончит с предателями и умиротворит город»⁷¹. На следующий день Индабуру приказал установить виселицы для всех арестованных. Тем временем, узнав о событиях в городе, войска, преданные радикалам, вернулись в Ла-Пас. Индабуру пытался организовать сопротивление, но был опрокинут. Сам Индабуру был ранен, а затем забит до смерти толпой. Его голый труп был повешен на поругание на возведенной им виселице. Народ нападал на дома роялистов, грабил магазины, принадлежавшие испанцам.

Власть вернулась к радикалам. Были освобождены все арестованные, кроме Мурильо. Затем войска, захватив с собой арестованного Мурильо, ушли на позиции в Чакалтайо. Войск было слишком мало, чтобы всерьез думать о вооруженном противостоянии Гойенече. Радикалы считали, что надо уйти в Юнгас, на север провинции, где можно было организовать сопротивление и даже установить республику. В Юнгас уже некоторое время находился отряд В. Ланса, которому удалось мобилизовать там около 6 тыс. индейцев⁷². Это обстоятельство убеждало революционеров, что в Юнгас они смогут эффективно противостоять Гойенече.

25 октября Гойенече подошел к Ла-Пасу. Небольшой отряд принял неравный бой у Чакалтайи, дав возможность основной группе во главе с Кас-

⁶⁸ По мнению ряда историков, Медина, Сагарнага входили в группу Мурильо. Они искали переговоров с Гойенече и готовы были сложить оружие. – *Reescrituras de la Independencia*. P. 175.

⁶⁹ *Fellmann Velarde J. Los antecedentes de la bolivianidad*. La Paz, 1968. P. 277.

⁷⁰ *Memorias históricas de la revolución paceña*. P. 29.

⁷¹ *Reescrituras de la Independencia*. P. 176.

⁷² *Memorias históricas de la revolución paceña*. P. 33.

тро и Мединой уйти в Юнгас. Гойенече уничтожил заградительный отряд и занял город. Потери революционеров в арьергардных боях составили 200 человек. Во время отступления в Юнгас Мурильо удалось бежать. 11 ноября его арестовали люди Гойенече.

30 октября Гойенече отправил отряд в 500 человек для преследования Лансы в Юнгас. Туда же он послал брата Викторио Лансы Григорио, которого отпустил под залог, чтобы тот уговорил восставших сдаться⁷³. В ответ на это 5 ноября 1809 г. Викторио Ланса написал любопытное письмо Гойенече. Он изложил свои взгляды, наивно полагая обратить Гойенече в свою веру. Ланса подчеркивал, что главной причиной, побудившей революционеров восстать, было неравенство креолов с европейцами: «Америка многие годы жила угнетаемая европейцами, которые обирали и раздевали страну, вывозили все ее богатства, оставляя после себя лишь скелеты». Ланса призывал Гойенече, поскольку тот тоже был американцем по рождению, присоединиться к движению независимости и «установить собственную перуанскую династию». Ланса предлагал Гойенече возглавить регентство независимой Америки⁷⁴.

11 ноября роялисты при Ирупане в Юнгас разбили отряд восставших, который насчитывал 8 тыс. человек. Однако это была плохо организованная масса индейцев, неспособная противостоять регулярной армии. Их предводители Ланса и Кастро бежали с поля боя. Вскоре их взяли в плен индейцы, прослышавшие о поражении Ла-Паса и желавшие выслужиться перед испанцами. Они казнили Лансу и Кастро, а их головы выставили сначала в Короико, а затем отослали в Ла-Пас⁷⁵.

После военных побед роялисты приступили к жесточайшим репрессиям. В течение ноября были арестованы все лидеры восстания. 19 ноября из Буэнос-Айреса пришло письмо, уполномочивавшее Гойенече вершить правосудие над революционерами. 2 января состоялся скорый суд. Все лидеры восстания – П.Д. Мурильо, Б. Катакора, Б. Буэно, М. Хименес (Пичитанка), М. Гранерос, Х.А. Фигероа, А. Хаен, Г. Гарсия Ланса, Х.Б. Сагарнага были приговорены к смерти. Лидер радикалов Х.А. Медина избежал смертного приговора лишь благодаря своему священническому сану⁷⁶.

29 января 1810 г. приговоренные были казнены. Веревки виселицы не выдержали, и тогда всех сначала гарротировали, а затем отсекли головы, чтобы выставить их на показ во всех городах Чаркас. Поднявшись на эшафот, Мурильо воскликнул: «Вы не погасите пламя, которое я зажег»⁷⁷. 28 февраля 1810 г. был обнародован приговор по остальным участникам событий. Всего 80 человек были осуждены и приговорены к различным срокам ссылки на Филиппины и на Мальвинские острова.

Движение 1809 г. в Чаркас знаменовало начало многолетней войны за независимость, освобождения американских колоний от испанского владычества. В этом движении проявились черты, свойственные революционным

⁷³ Documentos para la historia de la Revolución de 1809. Vol.III. P. 175.

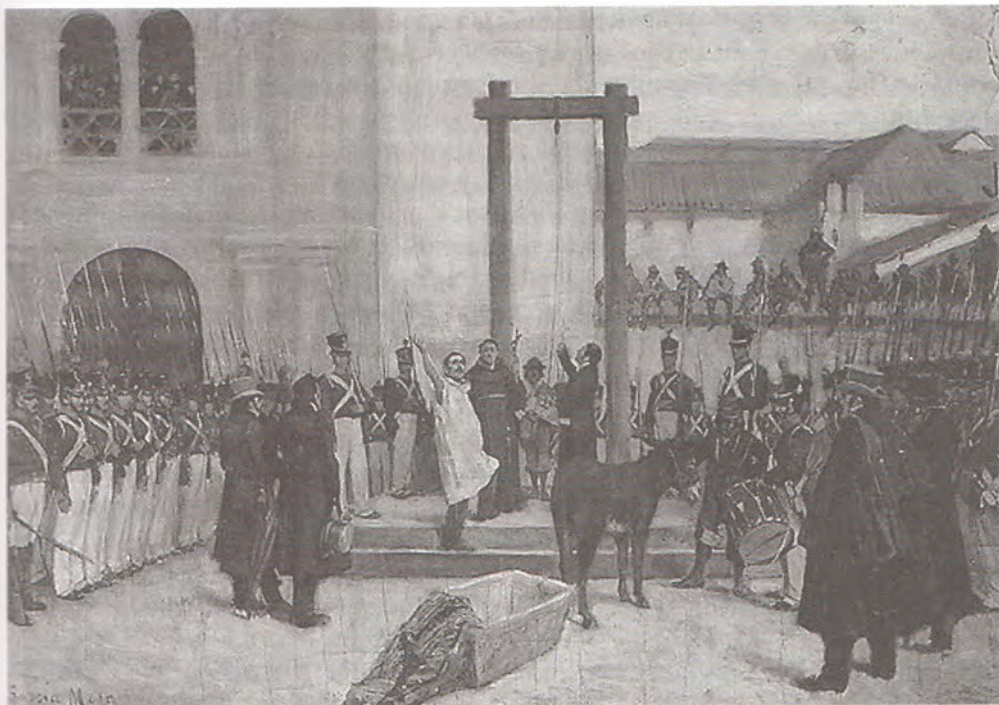
⁷⁴ Vázquez Machicado H. Orígenes de la nacionalidad boliviana. La Paz, 1975. P. 41–43.

⁷⁵ Documentos para la historia de la Revolución de 1809. Vol.III. P.177.

⁷⁶ Ibid. P. 73.

⁷⁷ Мурильо на процессе вел себя малодушно, выгораживал себя, оправдывался, за что его упрекали современники. Однако героическая смерть и последние слова, полные мужества, свидетельствовали о великом подвиге этого человека.

Казнь Педро Доминго Мурильо

событиям этих же лет в самой Испании. Принципиально нам представляется логичным и обоснованным рассматривать эти события в рамках ибероамериканской антиабсолютистской революции, центрами которой была как Испания, так и американские колонии, революции, которая знаменовала переход от «старого режима» к буржуазному строю.

В процессе революционных событий в Чаркас постепенно «маска» преданности и вассалитета Фердинанду VII исчезала и была заменена новыми идеями и лозунгами: суверенитет народа, права нации, равенство креолов и европейцев. Именно с восстания в Ла-Пасе ибероамериканская революция в Америке приобрела характер движения за автономию и независимость. И в Испании, и в Америке целью революционеров было свержение абсолютизма Бурбонов, разрушение «старого режима», однако в колониях революция имела свою динамику и быстро превратилась в войну за независимость.

Революционный Буэнос-Айрес и Чаркас

Ровно через год после восстания в Чукисаке 25 мая 1810 г. в столице вице-королевства Буэнос-Айресе была создана хунта, сместившая колониальные власти. Началась война за независимость Рио-де-ла-Платы. Как только в Чукисаку пришли известия из Буэнос-Айреса об образовании хунты, президент Аудиенсии В. Ньето перевел провинции в юрисдикцию вице-короля Перу Абаскаля.

В других местах Чаркас реакция была иной. 18 августа Тариха признала хунту, и кабиљдо избрал своего делегата в создаваемый ею конгресс. 24 сентября 1810 г. в Санта-Крус после прибытия эмиссара от правительства Буэнос-Айреса был смещен местный губернатор и создана хунта⁷⁸. Кабиљдо этих городов, принимая решение о создании хунт, следовали убеждению и привычке лояльности к властям столицы вице-королевства, выполняя указания уполномоченных эмиссаров. Везде эти изменения происходили без сопротивления старых властей и вполне мирно.

В апреле 1810 г. в Чукисаке состоялось тайное свидание нескольких индейских вождей и заговорщиков во главе с Хуаном Мануэлем Касересом, который был писарем в Охранительной хунте Ла-Паса в 1809 г. и по счастливой случайности избежал эшафота, на который взойшли его товарищи. Они приняли план борьбы за права индейцев, программу восстания из 12 пунктов, уникальный для того времени документ. Они требовали упразднения миты, трибуто, «так как испанский король убит французами, и некому теперь его платить», отмены алькабалы, платы за религиозные требы и прочих сборов чиновников, а также прекращения захвата земель индейских общин помещиками⁷⁹.

Заговорщики рассчитывали поднять десять тысяч человек. В июле 1810 г. заговор был раскрыт, Касерес арестован. Индейские касики бежали из города в свои общины. В сентябре 1810 г. в Толедо, в районе Оруро, они подняли восстание, которое возглавил Титичока⁸⁰. Для подавления восстания губернатор Кочабамбы послал в Оруро отряд ополченцев во главе с Франсиско Риверой, который не скрывал своих симпатий к буэносайровской хунте. Узнав о подходе ополчения, Титичока прекратил восстание. Ривера был с почестями принят в Оруро. Затем его отряд получил приказ от Ньето идти в Потоси и соединиться с роялистскими войсками, которые готовились к противостоянию с патриотами из Буэнос-Айреса. Узнав об этом, ополченцы из Кочабамбы бежали из казарм ночью, разобрав одну из стен⁸¹. После этого Ривера попросил у кабиљдо Оруро разрешения вернуться в Кочабамбу.

К этому времени в Кочабамбу прибыл посланник Буэнос-Айреса Хосе Мольдес, который агитировал среди видных креолов, в том числе военных и ополченцев. Офицеры ополчения Эстебан Арсе и Мельчор Гусман подняли восстание индейцев в Тарате и под командой Риверы двинулись походом на Кочабамбу.

14 сентября 1810 г. индейцы Тараты и отряд Риверы, вернувшийся из Оруро, подошли к городу и без сопротивления взяли его при поддержке всего населения. Собрался «кабиљдо абьерто», который сместил губернатора, избрал нового – Франсиско Риверу. Кабиљдо признал власть хунты в Буэнос-Айресе. Как отмечал роялистский анонимный хронист, в Кочабамбе были сосредоточены самые большие военные силы провинций, в основной массе ополченцы. Их переход в стан революционеров создавал огромную

⁷⁸ Sandoval Rodríguez R. Historia de Santa Cruz (Desarrollo histórico social). Santa Cruz de la Sierra, 2003. P. 149.

⁷⁹ Roca J.L. Ni con Lima ni con Buenos Aires. La formación de un Estado nacional en Charcas. La Paz, 2007. P. 235.

⁸⁰ Siles Salinas J. La Independencia de Bolivia. Madrid, 1992. P. 215.

⁸¹ Antezana L., Antezana A. ¡Viva la Patria! ¡Muera el Rey! La Paz, 2012. P. 59–60.

опасность в тылу роялистов во главе с Ньето. Именно после Кочабамбы власть испанцев в Чаркас стала разваливаться⁸².

В конце сентября восстал Оруро, являвшийся стратегической точкой на дороге между Потоси и Ла-Пасом. В поддержку патриотов туда из Кочабамбы вышел отряд под командованием Э. Арсе. Таким образом, силы под командованием Ньето были отрезаны от Ла-Паса и от перуанских войск Гойе-нече на севере.

Тем временем войска Буэнос-Айреса разбили близ Кордобы отряд бывшего вице-короля С. Линье. К войскам хунты, возглавляемым Антонио Гонсалесом Балькарсе, в качестве представителя-комиссара хунты был прислан Х.Х. Кастельи, хорошо знавший Чаркас, ибо молодость свою он провел в университете Чукисаки. Кастельи принадлежал к радикальной группировке в Буэнос-Айресе. Он сразу же стал проводить жесткую политику в отношении противников хунты, приказав расстрелять бывшего вице-короля, тем самым давая понять, что ведет войну не на жизнь, а на смерть.

Армия была названа «Вспомогательной», т.е. направляемой на помощь патриотам Чаркас. Кастельи выпустил обращение к жителям Верхнего Перу: «Мы хотим установить мир и порядок, уничтожив жестокое тираническое правление... Наша армия ждет поддержки всех желающих встать под наши знамена, она защитит всякого, страдающего от рабства или угнетения»⁸³. 7 ноября 1810 г. при Суипаче произошло сражение, закончившееся полным разгромом королевских войск Чаркас. Ньето бежал, но был схвачен индейцами в Липес, а потом выдан аргентинцам.

Через два дня после разгрома остатки королевских войск дошли до Потоси. Солдаты занялись грабежами и бесчинствами, что спровоцировало восстание жителей ночью 9 ноября. Разогнав остатки армии, они арестовали всех военачальников, в том числе интенданта Потоси Ф.П. Санса и генерала Кордобу⁸⁴. На следующий день кабиљдо формально сместил старые власти, а 14 ноября признал власть хунты Буэнос-Айреса.

Кастельи вошел в Потоси при всеобщем ликовании народа. Однако первые же меры новой власти напугали население. Из-за отказа Ньето, Санса и Кордобы признать власть хунты Кастельи распорядился их расстрелять на центральной площади города. Надо сказать, что это не было результатом злой воли Кастельи – 12 сентября 1810 г. он получил от хунты инструкции, где эта мера значилась особым пунктом⁸⁵. Так что Кастельи лишь выполнил приказ.

После падения Потоси 13 ноября 1810 г. столица Чукисака на заседании своего кабиљдо с согласия архиепископа Мохо признала верховную власть хунты. Кабиљдо признал как незаконные все решения Ньето о передаче Чаркас в вице-королевство Перу⁸⁶. Согласно распоряжениям хунты в Буэнос-Айресе все города и провинции должны были сформировать свои хунты.

⁸² ANB. Ruck 301. P. 6.

⁸³ Los comandantes de la expedición militar auxiliadora de las provincias interiores, a los habitantes de los pueblos de este virreinato. Proclama. Buenos Aires, 1810. P. 3.

⁸⁴ Valda Martínez E.A. Potosí durante la Independencia de Charcas, 1810–1817. Potosí, 1989. P. 8.

⁸⁵ Archivo general de la República Argentina. Periodo de Independencia. Año 1810. T. 2. Buenos Aires, 1894. P. 5.

⁸⁶ Ibid. P. 46–47.

При этом в эти хунты не могли входить члены старых кабилдо, оидоры Аудиенсии и священники⁸⁷.

Кастельи приказал конфисковать имущества активных контрреволюционеров и испанцев, не признававших хунту. 5 января 1811 г. он издал декрет об ограничении политических и юридических гарантий граждан во время войны. Всякий критикующий правительство и армию, любой оппозиционер мог быть осужден военным судом и расстрелян как предатель⁸⁸. Радикализм Кастельи и Монтеагудо отпугивал многих креолов.

27 мая 1811 г. в Санта-Крусе была сформирована собственная провинциальная хунта, признавшая юрисдикцию Буэнос-Айреса. Эта хунта создавалась вне зависимости от Кочабамбы, которой этот город подчинялся. В ходе признания новых властей, разрушения старого порядка на поверхность выходили процессы внутренних, региональных противоречий, когда местная элита воспользовалась неразберихой и обстановкой революции, чтобы закрепить за собой право на управление своей территорией. Это обстоятельство объясняет тот факт, что в Чаркас война за независимость распадалась на множество эпизодов локального масштаба, что сделало невозможным их слияние в единый мощный процесс, способный сломать военно-административную машину Испании.

Из Чукисаки революционная армия отправилась на север, в Ла-Пас. Там, получив известия о разгроме при Суипаче, губернатор Д. Тристан 18 ноября заявил о признании хунты, а она сохранила за ним пост губернатора⁸⁹. Перед приходом аргентинских войск богатые жители, креолы и испанцы, прослышавшие о безобразиях, учиненных «освободительной армией» в Потоси и Чукисаке, в массовом порядке покидали город. Особенно их пугало участие в походе многочисленных индейских отрядов.

Аргентинские радикалы напугали не только богатых креолов, но и основную часть горожан. Они вели себя крайне неуважительно по отношению к церкви. Балькарсе стал новым президентом Аудиенсии. Он напугал всех горожан своими заявлениями, что Бога нет! Местные жители стали с большим доверием относиться к роялистской пропаганде, утверждавшей, что хунта — это порождение еретиков, масонов и безбожников. Кастельи и Монтеагудо также отличились в Ла-Пасе в марте 1811 г. небрежением к культу и празднованиям Страстной недели, что вызвало негодование глубоко религиозных жителей. Недаром, когда в Буэнос-Айресе в апреле 1811 г. сменилась власть, и радикалы были отстранены, одним из обвинений Кастельи было его «безбожие»⁹⁰.

Радикальный характер действий Кастельи особенно ярко проявился в его индейской политике. 13 февраля 1811 г. он издал циркуляр об избрании 4 делегатов индейцев в Конгресс Объединенных провинций Рио-де-Ла-Платы. Этот документ был написан на испанском, кечуа, аймара и гуарани. Таким образом, декларировалось политическое равенство индейцев с креолами, хотя выборы для них проводились отдельно от горожан⁹¹. Будущая конституция должна была быть принята при участие коренного населения Америки.

⁸⁷ *Soux M.L.* Op. cit. P. 125.

⁸⁸ *Arguedas A.* Historia de Bolivia. La fundación de la república. T. 1. La Paz, 1992. P. 93.

⁸⁹ Archivo general de la República Argentina. T. I. P. 248–249.

⁹⁰ *Ramallo J.M.* La guerra religiosa en el Alto Perú (1811–1813) // Cuatro Congreso internacional de historia de América. T.V. Buenos Aires, 1966. P. 305–307.

⁹¹ *Soux M.L.* Op. cit.. P. 126.

Кастельи говорил об отмене миты и трибута. 25 мая 1811 г. в годовщину майской революции в Буэнос-Айресе Кастельи устроил смотр войскам на руинах древней цивилизации в Тиауанаку. В своей речи перед солдатами он подчеркнул связь их движения с былым величием Америки, ее древней цивилизацией. И главное — он заявил, что земля должна быть возвращена индейцам⁹². Он говорил: «Индейцы должны пользоваться тем же равным правом на должности, места, почести, звания как и другие граждане»⁹³.

Кастельи в своих прокламациях призывал индейцев всего Перу восстать против существующего положения, свергнуть тиранию и угнетение⁹⁴. В ответ индейцы повсюду создавали вооруженные отряды, которые «сеяли смерть и разоружение», как об этом писали роялисты⁹⁵. Боливийский историк Д. Рене Арсе считал, что число индейцев, сражавшихся под знаменами патриотов, достигало 19 тыс. человек⁹⁶. Ключевую роль в мобилизации индейцев играли местные каудильо, связанные с войсками патриотов. В основном это были метисы небольших городков. Они говорили на аймара или кечуа, носили местную одежду и были близки индейцам.

Между тем 15 октября 1810 г. Кадисские кортесы в Испании объявили о политическом равенстве индейцев с испанцами. Были признаны избирательные права индейцев. Позднее испанские либералы даже декретировали распределение земли среди индейцев, чтобы уменьшить число безземельных крестьян, нищих и бродяг, не уничтожая при этом традиционных общин⁹⁷. Эти меры кадисского либерализма стали известны в колониях позднее, а их осуществление натолкнулось на сопротивление местных креполов. В результате именно Кастельи и революционеры из Буэнос-Айреса воспринимались как защитники индейцев, которые искренне шли под их знамена.

В конце 1810 г. вся территория Аудиенсии Чаркас контролировалась властями хунты Буэнос-Айреса. Вице-король Перу Абаскаль в октябре 1810 г. назначил Х.М. Гойенече, уже «прославившегося» кровавым подавлением восстания в Ла-Пасе в 1809 г., командующим королевскими войсками умиротворения. Угроза со стороны перуанских войск была нешуточная. Пока Кастельи увлеченно агитировал за свободу и равенство, поощрял индейцев к неповиновению, мало заботясь о состоянии войск, Гойенече, прежде чем идти на патриотов, занялся подготовкой вверенных ему войск.

В начале 1811 г. перуанские депутаты в Кадисских кортесах прислали в кабильдо Лимы обращение, в котором Регентство предлагало мирное соглашение с Кастельи. Абаскаль поручил вступить в переговоры кабильдо Лимы. На время переговоров было заключено перемирие на 40 дней при условии, что ни одна из сторон не будет пересекать границы между вице-королев-

⁹² *Fellmann Velarde J.* Los antecedentes de la bolivianidad. P. 298–299.

⁹³ *Soux M.L.* Op. cit. P. 128.

⁹⁴ Una independencia, muchos caminos. P. 151.

⁹⁵ Fiestas triunfales que consagró el 2 de agosto de 1812 la fidelísima Imperial Villa de Potosí al invicto General americano el Sr. mariscal de campo Don José Manuel de Goyeneche. Lima, 1812. P. 6.

⁹⁶ *Arze Aguirre R.* Op. cit.. P.165–170.

⁹⁷ *Irurozqui M.* La vecindad y sus promesas de vecino a ciudadano, Bolivia, 1810–1830 // Anuario. 2000. Archivo y biblioteca nacionales de Bolivia. Sucre, 2000. P. 221.

Битва при Гуаки

ствами, проходившей по р. Десагуадеро. Кастельи писал в Буэнос-Айрес, что обещание не пересекать Десагуадеро было его ошибкой, ограничивавшей действия патриотов⁹⁸.

Кастельи не выполнил условий договора. По его приказу кочабамбинцы Риверы стали возводить мост над Десагуадеро с явным намерением пройти через него в тыл Гойенече⁹⁹. В ответ 20 июня 1811 г. при Гуаки Гойенече неожиданно атаковал армию Буэнос-Айреса. Разгром был совершенный. Это было просто позорное бегство. Солдаты, не дожидаясь боевого столкновения с противником, просто разбежались в разные стороны, бросая оружие. В своем отчете Кастельи писал: «Некоторые соединения перешли к противнику, открыв огонь против наших позиций, остальные же стали отступать в беспорядке, а затем постыдно побежали; бегущие смяли строй резерва, полностью расстроив наши ряды»¹⁰⁰.

Солдаты «вспомогательной» армии неорганизованными толпами отступали на юг и восток, грабя по дороге города и поселки. После разгрома аргентинцев их индейские союзники сразу же сложили оружие, только в некоторых местах под предводительством аргентинских офицеров или мес-

⁹⁸ *Partes oficiales y documentos relativos a la guerra de la Independencia Argentina*. Т. 1. Buenos Aires, 1900. P. 118.

⁹⁹ *Siles Salinas J.* La Independencia de Bolivia. Madrid, 1992. P. 213.

¹⁰⁰ *Partes oficiales y documentos...* Т. 1. P. 121.

тных каудильо восстание продолжалось, создавались отряды монтонерос – партизан¹⁰¹.

Разграбленный Ла-Пас восстал и изгнал аргентинцев. Кабильдо Ла-Паса принес клятву верности Кортесам и выслал делегацию к Гойенече. В результате Гойенече, прибыв в Ла-Пас, оставил на своих постах губернатора Д. Тристана и всех рехидоров, членов кабильдо¹⁰².

Сам Кастельи отступал через Чукасаку, население которой поддерживало аргентинцев. Даже был создан отряд из 140 добровольцев креолов. Они последовали за отступающей армией в Потоси, где собрались все разбитые отряды аргентинцев. 5 августа 1811 г. в городе вспыхнуло восстание против аргентинцев, и столкновения длились всю ночь. В результате 145 солдат были убиты, гражданских пострадало 9 человек¹⁰³. Только вмешательство священников спасло армию от уничтожения¹⁰⁴.

Аргентинцы приняли решение оставить город, прихватив с собой казну, находившуюся в Монетном дворе и Банке Сан-Карлос. Серебро грузили ночью на 400 мулов. Эти действия не могли остаться незамеченными. Возмущенные этим жители утром 27 августа восстали, и аргентинцы покинули город. Однако им удалось увезти с собой огромную сумму в 600 тыс. песо¹⁰⁵.

Армия Гойенече не преследовала Кастельи, а предпочла уничтожить очаг сопротивления в тылу, на востоке, в Кочабамбе. Там собрались остатки армии Кастельи и местный отряд под командованием Фр. Риверо и Э. Арсе. 13 августа при Амирайе роялисты разбили и этот отряд. Это было очень кровопролитное сражение, где счет убитых достиг 600 человек¹⁰⁶.

Гойенече хотел показать в Кочабамбе свое милосердие и умеренность. Он амнистировал пленных, передал все трофеи местному кабильдо. Лидер кочабамбинцев Риверо предложил свои услуги роялистам в обмен на прощение и признание его звания¹⁰⁷. Гойенече пошел на это, так как роялисты нуждались в авторитетном деятеле, особенно из Кочабамбы, доставлявшей им столько неприятностей. По иронии судьбы хунта в Буэнос-Айресе именно в это время назначила Риверу командующим вместо Кастельи. Ривера не успел узнать об этом. Другой лидер патриотов Эстебан Арсе успел скрыться.

Примирительная политика Гойенече породила иллюзии у креолов Кочабамбы. Они посчитали своевременным добиться самостоятельности Чаркас в рамках испанской монархии. Кабильдо через Гойенече обратился к вице-королю с просьбой учредить в Чаркас генерал-капитанство, наподобие того, что было в Чили или в Гватемале. Кабильдо всеподданнейше просил назна-

¹⁰¹ Archivo de La Paz (ALP). EC. C. 150. E. 5. 1812.

¹⁰² Ventura y desventura de la ciudad de La Paz después de Julio de 1809 / Selección y prólogo de Mariano Baptista Gumucio. La Paz, 2009. P. 86.

¹⁰³ Arnade C.W. Op. cit. P. 63.

¹⁰⁴ Впоследствии роялистские власти праздновали этот день как «резню портеньос» (т.е. аргентинцев). – Omiste M. Memoria histórica sobre los acontecimientos políticos ocurridos en Potosí, en 1812. Potosí, 1879. P. 19.

¹⁰⁵ Fellmann Velarde J. Los antecedentes de la bolivianidad. P. 302.

¹⁰⁶ Arguedas A. La fundación de la república. P. 98.

¹⁰⁷ Вскоре Риверо скончался, как утверждали некоторые современники, от «печали». – Siles Salinas J. Op. cit.. P. 221.

чить первым генерал-капитаном самого Гойенече. Это обращение осталось без удовлетворения.

Разгром освободительной армии был полнейший. Вместе с аргентинцами ушли многие креольские семьи. Они боялись репрессий со стороны роялистов за сотрудничество с патриотами. Индейцы, увидев крах армии Буэнос-Айреса, как писал испанский генерал А. Камба, «выбрасывали оружие и принимались за обычный труд»¹⁰⁸. 20 сентября 1811 г. Гойенече триумфально въехал в Потоси.

Наибольшее беспокойство Гойенече вызывали партизанские отряды в районе Ла-Паса, Оруро и Кочабамбы, особенно под руководством Х.М. Касереса и Титичоки. Во время похода Кастилья освобожденный из тюрьмы Касерес присоединился к аргентинским войскам. После поражения при Гуаки он решил продолжать сопротивление во внутренних районах провинции. Главной задачей Касереса было парализовать все коммуникации между Перу и Потоси, где обосновалась армия Гойенече¹⁰⁹. Как утверждает историк Д. Рене Арсе, движение Касереса в 1811 г. было высшей точкой мобилизации индейцев во время войны за независимость. Это было их самое массовое участие в боевых действиях.

Восставшие окружили Ла-Пас, блокировав его 15 августа. Осада длилась 45 дней. Как и во время восстания Тупак Катари в 1781 г., их целью было уничтожение всех испанцев и креолов. Из округа – из Пакахес, Сика-сика, Ирупани и других мест поступали тревожные известия об убийствах белых, сборщиков трибуто, помещиков, жителей маленьких городов. Индейцы соглашались снять осаду, если горожане выдадут им всех испанцев-европейцев и креолов-роялистов.

Массированный штурм потерпел провал, индейцы отошли с большими потерями. Испанцы вывесили их трупы на стенах и воротах домов на границе города, что произвело удручающее впечатление на осаждавших, разувевшихся в возможности своего успеха¹¹⁰. 28 сентября осада была прорвана присланными из Перу войсками.

7 октября 1811 г. Касерес с новыми отрядами индейцев подошел к Ла-Пасу и вновь осадил город, на этот раз ненадолго. Город взять не удалось. Гойенече прислал подкрепления в 2 тыс. человек, которые вошли в город 18 октября 1811 г. Блокада была прорвана, но округа оставалась под контролем восставших индейцев. Видя неспособность войск подавить индейское в своей основе сопротивление, вице-король Абаскаль приказал касику Матео Пумакагуа из Куско, прославившемуся при подавлении «великого» восстания индейцев Тупак Амару II, во главе своих индейских отрядов перейти Десагуадеро и умиротворить Ла-Пас.

11 ноября 1811 г. индейцы Пумакагуа заняли Ла-Пас. Горожане надолго запомнили это «освобождение», сопровождавшееся многочисленными актами насилия и грабежа¹¹¹. Для индейцев-аймара Ла-Паса наступили черные

¹⁰⁸ *Camba A.* Memorias para la historia de las armas espanolas en el Perú. T. 1. Madrid, 1846. P. 95.

¹⁰⁹ *Soux M.L.* Op. cit. P. 242.

¹¹⁰ *Ventura y desventura de la ciudad de La Paz después de Julio de 1809.* P. 100.

¹¹¹ *Siles Salinas J.* Op. cit. P. 220.

дни. Орды индейцев-кечуа во главе с Пумакагуа, Чинчеросом и Чокеуанка залили кровью провинцию Ла-Пас. Пумакагуа привел с собой 6 тыс. кечуа, которые были безжалостны с аймара. Испанцам удалось использовать старую вражду двух индейских народов и руками одних подавить восстание других.

Другим очагом сопротивления роялистам было движение в Кочабамбе под руководством Эстебана Арсе. После ухода войск Гойенече из Кочабамбы весь регион вновь перешел под контроль патриотов, которые заявляли о своей верности хунте в Буэнос-Айресе. В Клисе Арсе собрал отряд в 3 тыс. индейцев и вместе с Мариано Антесаной двинулся на Кочабамбу, где 29 октября 1811 г. была создана хунта, избравшая губернатором Мариано Антесана, а командующим войсками Арсе. В течение последующих 6 месяцев Кочабамба управлялась патриотами и была центром повстанческого антиколониального движения, которое не позволило Гойенече сконцентрировать свои силы и пойти походом на юг, дав шанс новому аргентинскому командующему генералу Бельграно подготовить армию для нового наступления на Чаркас.

Гойенече лично предпринял поход против Кочабамбы. В мае 1812 г. он во главе всех своих войск, насчитывавших 4 тыс. солдат, пройдя через Чукисаку, Акиле, Миске, дошел до Кочабамбы и 24 мая разбил трехтысячный отряд Арсе.

Губернатор Антесана предложил горожанам сложить оружие и выдать зачинщиков, за что Гойенече обещал прощение. Однако народное собрание отказалось сдать город. 25–26 мая 1812 г. народ взял силой арсенал и захватил то немногое, что было там, для обороны Кочабамбы¹¹². Город был взят после трехдневного боя. На холм «Ла Коронилья», где шла борьба за город, пришло много женщин, которые наряду с мужчинами защищали подступы к городу. Были убиты 30 женщин¹¹³. Кочабамба была отдана войскам на разграбление. Здесь роялистский террор был особенно жесток.

Губернатор Антесана пытался бежать, переодевшись монахом, но был схвачен и казнен, а тело его неделю было выставлено на показ для устрашения¹¹⁴. Гойенече предлагал Антесане прощение, если тот отречется от своих убеждений и раскается, но получил отказ¹¹⁵. Как писал роялистский хронист, ни один солдат не мог себя чувствовать спокойным в Кочабамбе, никто не мог без опаски за свою жизнь сходить в лавку за хлебом. Как только роялисты вышли из города, оставив небольшой гарнизон, город снова восстал, и потребовался новый поход для его умирения.

Подавив масштабное восстание индейцев и очистив от больших отрядов регион, роялисты не смогли полностью усмирить эту территорию. Повстанческое движение трансформировалось в мелкие группы бандолерос и индейских отрядов во главе с малоизвестными лидерами. Их было множество, и они контролировали всю сельскую местность, нападая на поместья, поселения и сборщиков трибута.

¹¹² Antezana L., Antezana A. Op. cit. P. 31.

¹¹³ Bidondo E.A. La guerra de la independencia en el Alto Perú. Buenos Aires, 1979. P. 58.

¹¹⁴ ANB. Ruck 301. P. 11v.

¹¹⁵ Antezana L., Antezana A. Op. cit. P. 43.

Роялистские власти ежедневно получали жалобы на бандолерос и партизан во всех районах страны. Путешествия и торговля между регионами Чаркас стали невозможными. Сельская местность, в том числе и близ крупных городов была наводнена бандолерос и партизанами¹¹⁶.

Пока Гойенече боролся с партизанами и индейскими восстаниями, посланный им отряд Пио Тристана преследовал аргентинскую армию, которая откатилась до Тукумана. Там войска Буэнос-Айреса, получив подкрепления под командованием Мануэля Бельграно, восстановили свою боеспособность. 24 сентября 1812 г. они смогли нанести сокрушительный удар по роялистским войскам, которые стали спешно отступать на север. 20 февраля 1813 г. Бельграно разбил испанскую армию у Сальты. Новая освободительная армия стояла у ворот Верхнего Перу.

В пылу борьбы и военных действий в Чаркас проходили почти незамеченными события в метрополии. После принятия кадисской конституции в 1812 г. в политической жизни Чаркас, контролируемой испанскими властями, произошли большие изменения. В мае 1812 г. по указанию вице-короля в Чукисаке были проведены выборы представителя Чаркас в испанских кортесах. Конституционный режим испанской монархии признавал гражданские права за всеми жителями колоний, в том числе и индейцами. Во всеобщих выборах в кортесы принимали участие и неграмотные индейцы, есть данные об избрании в Чаркас таковых выборщиками¹¹⁷. Кадисская конституция была передовым документом, основанным на принципах народного суверенитета, демократии и свободы. Это были основы «нового режима», полностью отрицающего старый абсолютистский строй, конституция утверждала модерность во всех сферах общественной жизни.

Конституция 1812 г. провозглашала основные права граждан на свободу, собственность, ограничивала полномочия монарха. Признавались гражданские права не только креолов, но и индейцев, и метисов.

Вице-король Абаскаль послал в Чаркас текст конституции почти как секретный документ, ссылаясь на то, что данная территория была ареной боевых действий. Из 2250 экземпляров конституции, распределенных в вице-королевстве, в Чаркас были отправлены только 100¹¹⁸. Тем не менее за недолгий конституционный период до реставрации абсолютизма Фердинанда VII конституционные изменения почувствовали и в Чаркас. В январе 1813 г. вице-король приказал повсеместно праздновать принятие конституции и принести клятву верности новому режиму. Священники и власти выступали с проповедью свободы, равенства и гражданских прав.

Самым замечательным примером таких проповедей была большая речь самого архиепископа Бенито Мария Мохо- и Франколи, который совсем недавно, в 1809 г., проклинал восставших в Чукисаке. 20 января 1813 г. он выступил с проповедью в соборе Кочабамбы во время церемонии принесения клятвы конституции. Он говорил как убежденный сторонник рационализма

¹¹⁶ ALP. EC. C.150. E. 4. 1812. P. 10, 33, 48–49, 97–99.

¹¹⁷ Soux M.L. Autoridades comunales, coloniales y republicanas. Apuntes para el estudio del poder local en el altiplano paceño. Laja 1810–1850 // Estudios Bolivianos. Vol. VI. La Paz, 1997. P. 94.

¹¹⁸ Soux M.L. El complejo proceso hacia la independencia de Charcas. P. 136.

и просвещения, подчеркивая непреходящую ценность для общества гражданских и политических свобод¹¹⁹. По его убеждению завоевание этих свобод в кадисской конституции должно примирить американцев и испанцев, ликвидировать причины для революций и восстаний, которые разрушают Америку¹²⁰. Мохо утверждал, что ныне все граждане испанской монархии, будь то креолы или чапетоны (испанцы) равны в своих правах.

Во время этой пространной речи Мохо только дважды лишь упомянул Фердинанда VII, когда говорил о конституции, регентстве, кортесах. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что эта речь архиепископа Мохо – одно из самых радикальных проявлений либерализма, сравнимого с идеями радикалов Буэнос-Айреса, что свидетельствовало об укоренении таких идей в массовом сознании креольской элиты Чаркас.

Кадисские кортесы отменили индейскую подушную подать, трибuto, а вице-король Абаскаль должен был каким-то образом найти выпадающие из-за этого акта доходы казны в 756 тыс. песо. Пока метрополия не уточнила, какие налоги должны были платить индейцы, предлагалось назвать трибuto «временным налогом», но собирать его по тем же правилам, что и раньше¹²¹.

Выборы по новым правилам (ранее их собственно выборами трудно называть: избирали по жребию, за должность вносился залог, или она покупалась на аукционе после отбора кандидатур рехидорами) прошли не везде. В Ла-Пасе они состоялись в 1814 г., когда в метрополии конституция уже была отменена, но в Чаркас этого еще не знали. Сведения о выборах немногочисленны, но самое интересное происходило в индейских поселениях. Там впервые проводились выборы в конституционные айюнтамьенто: в Сантьяго-де-Мачака и в Беренгеле, где индейцы, пользуясь всеобщим избирательным правом, предоставленным им конституцией, избрали алькальда метиса¹²².

Демократическая практика конституционного режима не смогла укорениться в Чаркас и не повлияла на позиции противоборствующих сторон. Военные начальники роялистских войск чаще всего игнорировали новый конституционный порядок, постоянно нарушая права граждан.

После победы у Сальты войска Бельграно вошли в Верхнее Перу. От предыдущей экспедиционной армии они отличались лучшей дисциплиной и обучением. 21 июня 1813 г. Бельграно вошел в Потоси, где на удивление был доброжелательно принят жителями. Бельграно хотел стереть из памяти местных жителей печальные воспоминания о походе Кастельи. Генерал Х.М. Пас писал в своих воспоминаниях: «Надо откровенно признать, что под руководством Бельграно дело революции в глазах жителей Перу восстановило свой справедливый смысл»¹²³.

Поход Бельграно был поддержан индейцами, которые помнили обещания во время предыдущего похода освободить их от угнетения. Однако местные

¹¹⁹ ANB. Ruck 299. F.7v.

¹²⁰ ANB. Ruck 299. F.4.

¹²¹ *Soux M.L.* El complejo proceso hacia la independencia de Charcas. P. 252.

¹²² *Ibid.* P. 142.

¹²³ *Memorias póstumas del Brigadier-General D. José M. Paz.* T. 1. Buenos Aires, 1855. P. 107.

креолы, памятуя об индейских восстаниях 1811 г., от которых они страдали не меньше, чем испанцы, были против агитации среди индейцев. В результате из индейцев формировали вспомогательные отряды, они не приняли прямого участия в военных действиях.

На смену Гойенече был прислан новый командующий армией Хоакин де Песуэла, который начал контрнаступление на Бельграно. Армии встретились у Вилькапухио. Ночью все холмы были покрыты кострами индейцев Бельграно, который заранее торжествовал победу. Испанский генерал А. Камба писал в своих воспоминаниях: «Положение нашей армии было критическим, она находилась во враждебном окружении»¹²⁴. 1 октября 1813 г. Песуэла обрушился всей мощью своих войск на противника. Поражение Бельграно было полным. Самый неприятный для Бельграно сюрприз состоял в том, что союзные индейцы даже не сдвинулись с места, а после поражения патриотов обрушились на спасавшихся бегством солдат аргентинской армии, добывая их на дорогах, нападая из засад. Отступление превратилось в подлинную бойню, причем роялисты не приложили к этому руку¹²⁵.

Бельграно отошел к Потоси, где решил держать оборону. Однако 14 ноября 1813 г. роялисты нанесли новое поражение при Айоума. Тогда Бельграно отдал приказ уйти из Потоси. Эвакуируя город, аргентинцы решили взорвать Монетный двор. Узнавшие об этом жители предотвратили взрыв¹²⁶. К январю 1814 г. Бельграно откатился до Тукумана. В Аргентину вновь ушли многие верхнеперуанские креолы: более 500 семей.

Бельграно считал очень эффективной тактику монтонерос – партизан. Он признал офицерами своей армии командиров отрядов Карденаса, Падильи, Лиры, которые действовали с 1811 г. Кроме того, были сформированы отряды во главе с кадровыми офицерами, которые отправились в глубь территории Чаркас. Альварес Ареналес, вступивший в борьбу с короной еще в мае 1809 г., когда он возглавил ополчение Чукисаки, с отрядом ушел к Кочабамбе, где уже действовали монтонерос. И. Варнес был отправлен в Санта-Крус.

В Санта-Крусе сформировался обширный освобожденный район, где действовал многочисленный отряд патриотов под командой опытных офицеров Ареналеса и Варнеса. В декабре 1813 г. патриоты оставили Кочабамбу и ушли в сторону Санта-Круса. Возглавлял войска Ареналес. Вместе с ним ушли местные каудильо Эстебан Арсе и Мануэль Бланко. Арсе и Бланко составили заговор против Ареналеса, но были разоблачены, Арсе сослан в Чикитанию, где и умер в 1815 г. Важным моментом этого заговора были мотивы Арсе и Бланко: недовольство диктатором аргентинцев и их пренебрежением к мнению местных креолов, в частности, бегством из Кочабамбы, которую можно было бы отстоять, а ее оставили на произвол судьбы. Заговорщики предполагали объявить Кочабамбу независимой от Буэнос-Айреса¹²⁷.

¹²⁴ *Camba A. Memorias. T. 1. P. 118.*

¹²⁵ *Arguedas A. La fundación de la república. P. 117–119.*

¹²⁶ *Memorias póstumas del Brigadier-General D. José M. Paz. T. 1. P. 164.*

¹²⁷ *Arze Quiroga E. Bolivia. El proceso de la lucha inicial por la independencia. La insurrección de Cochabamba, 1808–1815. La Paz, 1998. P. 30–31.*

Формально все монтонерос подчинялись Ареналесу, о чем сразу было указано в приказах аргентинского штаба о назначениях командиров партизанских отрядов. Однако лидеры партизан действовали самостоятельно и отказывались подчиняться приказам командования. Так продолжалось до очередного поражения этих отрядов, когда они обращались за помощью к главному соединению Ареналеса¹²⁸.

Оставаясь длительное время под управлением военных-патриотов, подчинявшихся аргентинским властям, эти провинции провели выборы в Учредительную ассамблею Рио-де-Ла-Платы в 1813 г. Кабиљдо Кочабамбы и Санта-Круса избрали по два депутата от своих провинций, а Чукисака проголосовала за передачу полномочий депутатов двум видным горожанам, оказавшимся в Аргентине еще при отступлении первой экспедиционной армии Кастильи. Чаркас ощущала себя частью Рио-де-Ла-Платы. В 1816 г. в Тукумане на конгрессе, провозгласившем независимость Аргентины, провинция Чаркас была представлена шестью депутатами, в том числе активными участниками майского восстания 1809 г. Хосе Мануэлем Серрано и Хайме Суданьесом. Последний уже был маститым политиком, сыгравшем огромную роль в создании независимого чилийского государства в 1810–1814 гг.

Ассамблея в Буэнос-Айресе 12 мая 1813 г. утвердила в качестве закона распоряжение временной хунты об отмене трибута, миты, личных услуг индейцев. Это решение ассамблеи напрямую касалось Чаркас и должно было окончательно привлечь индейцев на сторону патриотов. Однако эти меры подрывали основы экономики Чаркас, противоречили устойчивым расовым предрассудкам основной массы креольского населения. Радикализм этих мер оттолкнул от патриотов большую часть креольского населения Чаркас, все менее поддерживавших экспедиционные армии Буэнос-Айреса.

Военное положение в Чаркас не было однозначным. Имея перед собой на юге регулярную армию Буэнос-Айреса, Песуэла был очень обеспокоен действиями повстанцев на северо-востоке. Кочабамба и Санта-Крус полностью контролировались патриотами. Песуэла приказал полковнику Хоакину Бланко начать операции против Ареналеса и Варнеса.

В феврале 1814 г. Ареналес потерпел поражение. Роялисты ужаснули всех своей невероятной жестокостью. Они так ненавидели монтонерос, что расстреляли всех пленных и отрубили голову адъютанту Ареналеса. Сам командир партизан ушел к Варнесу в Санта-Крус. Объединившись, Варнес и Ареналес сформировали большой отряд, вступив в союз с индейцами-чиригуанос, жившими южнее Санта-Круса.

25 мая в бите при Ла-Флориде под командой Ареналеса испанцы были наголову разбиты. Борьба была ожесточенной. Командир испанских войск Бланко погиб на поле боя, а Ареналес получил тяжелые ранения в голову. Чудом его удалось спасти. Испанцы потеряли 100 человек убитыми, 100 ранеными и 94 пленными. На поле боя они оставили все вооружение¹²⁹. Именно на востоке, в Санта-Кресе власть патриотов держалась дольше всего, что объясняется как удаленностью региона и его недоступностью для роялист-

¹²⁸ *Álvarez de Arenales J.A. Memoria histórica sobre las operaciones e incidencias de la división libertadora. Buenos Aires, 1832. P. 168.*

¹²⁹ *Partes oficiales y documentos. T. 2. P. 36.*

ских войск, так и поддержкой местного населения, в основной своей массе креолов.

В августе 1814 г. стало известно о восстании патриотов в Куско, к которому присоединился палач 1811 г. Пумакагуа, который послал в Чаркас отряд во главе со священником И. Муньекасом. 24 сентября после жестоких уличных боев войска из Куско вошли в Ла-Пас. Перуанцам помогали метисы и индейцы Ла-Паса. Соппротивление горожан вызвало гнев перуанцев, и они, арестовав видных креолов, поместили их в казарму, которая ночью взлетела на воздух, так как там складировали порох. Погибли и пленные и перуанцы. Скорее всего, это был несчастный случай. Перуанцы перебили 59 человек, почти всю аристократию Ла-Паса. Среди погибших были и те, кто еще в 1809 г. поддерживали дело независимости, а также отцы будущих президентов Андреса Санта Круса и Хосе Балывиана. Сотворив такое злодеяние, перуанцы через два дня ушли из города, так как прослышали о приближении королевских войск Рамиреса¹³⁰. Получив подкрепление из Перу, они вновь вернулись в Ла-Пас, но 2 ноября у Чакалтая были разбиты. На город, уже пострадавший от перуанцев, роялисты наложили огромную контрибуцию.

В 1814 г. Фердинанд VII вернулся на испанский трон, отменил конституцию и все либеральные реформы, восстановил абсолютизм. С этого момента все разговоры и возможности для примирения на основе признания автономии американских провинций и либерального конституционализма стали невозможны. Война, походившая на гражданскую, превратилась в революцию освобождения, в войну за независимость.

С реставрацией абсолютизма в колониях и отменой конституции, установившей равенство креолов и индейцев, власти объявили общинникам о возвращении старой налоговой системы, а именно о восстановлении сбора трибута и миты. Если в нормальные времена это не имело бы никаких последствий, то после нескольких лет разорительной войны, в течение которой противоборствующие стороны разграбили имущество крестьян, сбор трибута стал порой просто невозможным. Однако и роялистские власти не имели иного способа финансировать войну, кроме сбора трибута. Индейцы же, особенно те, кто оставался верен короне, посчитали эти меры излишним и несправедливым гнетом. В результате роялисты имели в лице индейцев все более враждебную короне и местным властям массу¹³¹. Это обстоятельство в перспективе привело к негативным для колониальных властей последствиям.

Начало 1815 г. ознаменовалось активизацией боевых действий на юге. Новый командующий генерал Хосе Рондо приказал партизанам и индейским отрядам нападать на гарнизоны и коммуникации роялистов. В апреле 1815 г. аргентинская армия вышла в поход на север, разбив врага у Пуэсто-дель-Маркес на границе современных Боливии и Аргентины. Как писал генерал Камба, узнав о начале кампании, по всей стране распространились выступления партизан и индейские восстания¹³².

¹³⁰ *Camba A. Memorias...* T. 1. P. 146.

¹³¹ *Soux M.L. Rebelión guerrilla y tributo: los indios en Charcas durante el proceso de independencia // Anuario de Estudio Americanos.* P. 478–479.

¹³² *Camba A. Memorias...* T. 1. P. 167.

28 апреля 1815 г., еще до прихода Рондо, Потоси заняли монтонерос Хосе Игнасио Сарате и Педро Бетансоса. Одновременно партизанский вождь Падилья занял Чукисаку. Весь юг оказался под контролем патриотов. Рондо пришел в Верхнее Перу с армией, имевшей в своем составе 3950 пехотинцев, 650 кавалеристов и 14 пушек. Кроме того, большую помощь им оказывали 2-тысячный отряд партизан из Сика-сики и Ареналес в Кочабамбе с тысячей человек и 6 пушками¹³³. Партизаны были многочисленны, но плохо вооружены и не дисциплинированы.

Рондо создал комиссию (Трибунал имущества), которая конфисковала имущество короны и роялистов. В своих воспоминаниях генерал Х.М. Пас писал, что среди офицеров комиссии, как в целом всего войска, царила невероятная коррупция¹³⁴. Богатства Потоси полностью разложили командный состав. Армия была небоеспособна.

Рондо простоял 7 месяцев в Потоси и Чукисаке, дав возможность противнику сконцентрировать все силы для удара. 29 ноября 1815 г. при Сипе-сипе армия Рио-де-Ла-Платы была полностью уничтожена. Солдаты почти сразу же с началом боя бросали оружие и разбежались. Отступления не было, у Рондо просто никого не осталось. Если патриоты потеряли убитыми 500 человек, 1000 раненных, 800 пленных, то у испанцев потери были незначительными: 32 солдата убиты и 198 ранены. Сам Рондо был ранен и бегством спасался с небольшим отрядом. Аргентинцы смогли остановить испанцев только в Жужуе.

Очередная неудачная экспедиция аргентинских войск стала последней. Поражение Рондо – поворотный пункт в ходе войны на южном направлении. Население утратило всякую надежду получить освобождение из Аргентины. Кроме того, масса креолов последовала за Рондо в Аргентину. В городах почти не осталось людей, начинавших эпопею независимости в 1809 г., все ушли с аргентинцами, осталось лишь лояльное население.

Републикеты

После победы над армией Рондо Песуэла направил все свои силы против партизанских районов. Классик аргентинской историографии Б. Митре назвал эти партизанские районы – републикетами. Он насчитал 6 крупных републикет. А. Аргедас утверждал, что действовали 102 больших отряда, из них 93 были уничтожены в боях¹³⁵.

Чаще всего републикеты возникали под руководством аргентинских офицеров, но были и стихийные восстания, вызванные жестокостями королевских войск. Массово такие отряды стали возникать после похода Бельграно. Републикеты имели значительный успех в местах с индейским населением, в труднодоступных частях Верхнего Перу, таких, как Айопайя¹³⁶.

¹³³ *Servetto G.* Una importante e inédita fuente histórica: Segunda parte de la memoria militar del general Pezuela (1815–1816) // *Anuario*. 2007. Archivo y biblioteca nacionales de Bolivia. Sucre, 2008. P.539–543.

¹³⁴ *Memorias póstumas del Brigadier-General D. José M. Paz*. T. 1. P. 222–223.

¹³⁵ *Arguedas A.* La fundación de la república. P. 147.

¹³⁶ *Щелчков А.А.* Републикеты. Партизанское движение в Верхнем Перу в годы Войны за независимость // *Латинская Америка*. 2011. № 2. С.50–61.

Все отряды монтерос поддерживали связь не с центральным правительством Рио-де-Ла-Платы, а с каудильо гаучо Сальты Мартином Гумесом, который был близок им по своей тактике и социальной базе. Это был союз народных элементов войны за независимость, порой дистанцировавшихся и даже враждебных креольской верхушке и торговым интересам элиты Буэнос-Айреса.

Важным источником по истории партизанского движения является «Дневник Сантоса Варгаса», который был барабанщиком, а затем писарем в самой большой республике в Айопайя. Это удивительный документ, свидетельствующий о подлинно народной борьбе за независимость, освещающий малоизученные аспекты войны, ее повседневность, раскрывающий народное понимание ее целей и легитимации, в том числе и религиозной.

Участие индейцев в борьбе республик придавало, с одной стороны, массовость отрядам патриотов, но с другой, ставило их в зависимость от многих факторов, в частности, таких объективных, как цикл сельских работ, религиозных и традиционных праздников данной айлью (общины). Так, например, сразу после поражения при Суипаче роялисты не хотели совершить контрудар по патриотам, объясняя это выжиданием времени уборки урожая, когда крестьяне-индейцы вернутся в свои села и армия патриотов автоматически уменьшится¹³⁷.

«Касики крови» – индейская аристократия остались верны короне. Там, где они сохраняли влияние на индейцев, побеждало дело короны. Однако такая ситуация была не везде. Американский исследователь Синклэр Томсон, изучивший процесс кризиса института касиков накануне войны за независимость, называл этот процесс своего рода «демократизацией» общины, когда власть наследственных касиков была заменена «целым сонмом различных политических агентов»¹³⁸.

С началом смуты индейцы мало обращали внимания на позицию касиков, которые давно утратили политическую власть, и принимали решения в основном на индейских кабилдо, которые в большей степени были связаны с местными субделегатами и креолами, нежели с касиками, которых уже стали рассматривать как обычных помещиков. Там, где местные креолы, в том числе чиновники, оказывались сторонниками патриотов, индейские кабилдо с большей готовностью выступали вместе с ними¹³⁹.

Креолы и метисы были за отмену миты, трибуто, личных услуг, что только приветствовалось индейцами. После 1814 г., когда Фердинанд VII упразднил все конституционные постановления, патриоты подчеркивали, что они подтверждают полное гражданское равноправие, отмену миты и трибуто и являются сторонниками братства и общей родины¹⁴⁰. Термин Родина – patria, как именовали себя повстанцы, в глазах индейцев был производным от пачамамы – pachamama, что означает мистическую силу земли, которой они поклонялись¹⁴¹.

¹³⁷ Gil Montero R. Op. cit. P. 127.

¹³⁸ Thomson S. We Alone Will Rule: Native Andean Politics in the Age of Insurgency. Wisconsin, 2002. P. 270–278.

¹³⁹ Soux M.L. Autoridades comunales, coloniales y republicanas. P. 100–101.

¹⁴⁰ Irurozqui M. Op. cit. P. 223.

¹⁴¹ Mendieta O.P. Pescando el río revuelto: la participación indígena en la Republiqueta de Ayopaya (1812–1825) // Anuario de estudio bolivianos, archivísticos y bibliográficos. N 10. 2004. Archivo y biblioteca nacionales de Bolivia. Sucre, 2004. P. 404.

Партизанские лидеры стремились занять богатые общины, чтобы от имени правительства собрать трибuto и тем самым, с одной стороны, получить финансовые ресурсы, а с другой, сбором этого налога привязать общину к признанию легитимности своего отряда¹⁴². Индейцы всегда были приверженцами сохранения равновесных отношений общины и государства, что историк Т. Платт назвал «пактом взаимности» между индейским миром и государством белых. Для индейцев важнейшей задачей было получение гарантий на самоуправление, на пользование своими землями, на неувеличение экономического гнета¹⁴³.

Индейцы становились жертвами репрессий с обеих сторон. Сантос Варгас в своем дневнике отмечает, что роялисты били плетью всех жителей, даже там, где не было боев, но проходил партизанский отряд¹⁴⁴. При этом тот же Варгас признавался, что вожди партизан во что бы то ни стало стремились сохранить «своих индейцев», грабили и убивали тех индейцев, кто помогал врагу¹⁴⁵. В республикетах решающая роль принадлежала индейцам и метисам. Постепенно там формировалось национальное чувство, осознание общей родины.

Первоначально партизаны подчинялись приказам аргентинских генералов, а свою борьбу считали частью войны за свободу большой Родины, Объединенных провинций Рио-де-Ла-Платы, т.е. Аргентины. Однако со временем они потеряли связь с аргентинцами. Вождя гаучо Гумеса, который обеспечивал связь с партизанами, убили. Постепенно контакты с ними прервались, и командиры республикет действовали по своему усмотрению.

Вслед за Б. Митре историк Ч. Арнаде выделил шесть больших партизанских районов. Республикета под руководством священника Ильдефонсо Муньекаса в районе оз. Титикака, в Ларекахе сделала невозможным стабильную связь между Перу и Чаркас. Хосе Висенте Камарго на юге, в Синти, постоянно угрожал крепости Котагайта, являвшейся штабом испанских войск, фактически запирал Чаркас с юга. Мануэль Асенсио Падилья в центре представлял собой постоянную угрозу Чукисаке. На востоке в Санта-Крусе воевал Игнасио Варнес. В центре, в Миске действовал легендарный Альварес Ареналес, в Айопайе существовала самая большая республикета, единственная, пережившая всю войну за независимость¹⁴⁶. Безусловно, кроме перечисленных была масса мелких и крупных отрядов, делавших жизнь роялистов в Верхнем Перу невыносимой.

Хосе Висенте Камарго был полковником аргентинской армии, хотя по рождению был верхнеперуанцем. В Синти на юге страны по приказу штаба войск Буэнос-Айреса он организовал республикету из разрозненных отрядов восставших индейцев. После катастрофы армии Рондо у Камарго нашли убежище отступавшие аргентинские солдаты, что укрепило силы республикеты¹⁴⁷. Отряд Камарго был первым, на кого обрушились карательные эк-

¹⁴² Entre la Colonia y la República. Insurgencias, rebeliones y cultura política en América del Sur. Buenos Aires, 2008. P. 127.

¹⁴³ Soux M.L. Rebelión, guerrilla y tributo. P. 458.

¹⁴⁴ Santos Vargas J. Diario del tambor mayor Vargas. México, 1982. P. 136 (По интернет-изданию Национальной библиотеки Боливии).

¹⁴⁵ Santos Vargas J. Op. cit. P. 85.

¹⁴⁶ Arnade C.W. Op. cit. P. 32–34.

¹⁴⁷ Camba A. Memorias... T. 1. P. 208.

спедиции испанцев, так как он создавал большие проблемы по всей линии коммуникаций королевской армии, преследовавшей на юге Рондо.

3 апреля 1816 г. испанские войска по командой Андреса Санта Круса (будущий президент Боливии и один из основателей боливийского государства), руководившего личной гвардией Песуэлы, разбили в Синти отряд Камарго. Испанцы взяли много пленных. По утверждению А. Аргедаса, 900 пленников были казнены (Песуэла писал, что 18 солдатам отрубили головы). 25 октября 1817 г. Конгресс Рио-де-Ла-Платы даже специально рассмотрел этот случай, назвав действия роялистов недостойными и преступными¹⁴⁸.

Следующим был отряд Муньекаса в районе Ла-Паса. Ильдефонсо Муньекас служил священником в Куско. Был близок Пумакагуа, который во время кусканской революции послал его в Ла-Пас с отрядом индейцев. После поражения кусканской революции Муньекас объединил в Пуно и Ла-Пасе разрозненные отряды местных индейцев и кусканских повстанцев, разбитых испанцами при Умачири в марте 1815 г. Чтобы добиться поддержки индейцев, Муньекас специальным декретом отменил трибuto. Его отряды периодически окружали Ла-Пас, прерывая связь города с Перу. В апреле 1816 г. испанский отряд разогнал это войско, а Муньекас бежал в Ларекаху, где сами индейцы схватили его и выдали властям, так как боялись репрессий со стороны роялистов¹⁴⁹.

Мануэль Асенсио Падилья был первым, кто успешно стал применять партизанскую тактику, которую затем, в 1811 г. взяли на вооружение и аргентинские войска. Он происходил из семьи землевладельцев и торговцев Чайянты, района, являвшегося очагом индейского восстания Тупак Катари в 1781 г. Сразу после победы аргентинцев при Суипаче Падилья предоставил армии Кастильи всех своих мулов и сопровождал армию до Оуруро¹⁵⁰. За сотрудничество с патриотами роялисты впоследствии конфисковали его имущество.

После катастрофы при Уаки Падилья, узнав о восстании индейцев под руководством Касереса и касика Титичока, присоединился к их отряду, но затем ушел к Арсе, который контролировал Кочабамбу и Чукисаку. В 1812 г. Падилья создал отряд в 200 человек в стратегически важном районе севера Потоси Чайянте, контролирующей дороги между Потоси, Кочабамбой и Чукисакой. Отряд полностью перекрыл сообщения по местным дорогам, перехватывал почту роялистов, доставляя массу неприятностей испанским войскам. Размер этой республикеты был значительным, почти полностью охватывал провинцию Порко и всю провинцию Чайянта. Падилья часто терпел поражения, но всякий раз ему удавалось восстанавливать свои силы.

В 1812 г. Гойенече послал против Падильи большой отряд в 900 человек с пушкой¹⁵¹. 14 марта 1812 г. испанцы у Такобамбы наголову разбили отряд Падильи, но сам каудильо с ядром своих верных сторонников, среди которых была всегда следовавшая за ним жена, ушел, сохранив порядок и вооружение. После этого партизанские вожаки Кочабамбы Арсе и Антесана убедили Падилью уйти с аргентинской армией в Жужуй. При отходе на юг Падилья

¹⁴⁸ *Arguedas A.* La fundación de la república. P. 149.

¹⁴⁹ *Camba A.* Memorias... T. 1. P. 220.

¹⁵⁰ ANB. Ruck 304. — Servicios hechos por Don Manuel Asencio Padilla en defensa de los sagrados derechos de la Patria, comprensivos desde el año de 1809 hasta el de 1815. P. 1.

¹⁵¹ ANB. Ruck 304. P. 1v — 2.

охранял беженцев, уходивших к аргентинцами¹⁵². Вернулся он в Чаркас с войсками Бельграно. После поражений армии Бельграно Падилья сразу же приступил к организации партизанской войны.

Падилья был одним из самых убежденных сторонников независимости. Ему стоило большого труда дисциплинировать своих солдат, склонных к обычному бандитизму. В 1814 г. в этом районе действовали и другие крупные отряды, в том числе под управлением Ареналеса и Сарате. Падилья старался координировать действия с ними, но между командирами существовала стойкая неприязнь. Как писал анонимный хронист деяний Падильи, он в 1814 г. собрал совещание командиров центрального региона Чаркас и убедился в том, что нет никакой надежды на координацию действий с ними¹⁵³. Кроме того, Падилья был выходцем из этих мест, и поведение его монтонерос в отношении мирных жителей отличалось от поведения других отрядов патриотов. Хронист отмечал, что отряды Ареналеса и Сарате лишь грабили и бежали при первом появлении противника¹⁵⁴.

Вместе со своим братом Педро Падилья создал новую республикету в Томине, где воевал два года. В 1814 г. в Томину пришли многие разбитые испанцами монтонерос. Все они объединились под командой Падильи. Его отряд умело противостоял роялистам. Чукисака находилась под постоянной угрозой занятия отрядом Падильи. Во время временного отступления в район Санта-Круса в его отряд влились индейцы чиригуаны, многие годы воевавшие с испанскими колонизаторами¹⁵⁵. Впоследствии их отряды заключили мир с испанцами и ушли от партизан, убивая по дороге всех встречаемых креолов¹⁵⁶.

В апреле 1815 г. Падилья смог захватить Чукисаку, что было сильным ударом по роялистам. После поражения Рондо для Падильи начались тяжелые времена. В 1815 г. Падилья написал Рондо резкое письмо, в котором он подверг уничтожающей критике как сами действия аргентинцев, так и их отношение к Верхнему Перу. Многие исследователи считают это письмо свидетельством нарождавшегося верхнеперуанского (боливийского) национального самосознания, первым признаком стремления к возможной независимости Чаркас от своих соседей¹⁵⁷. Падилья писал: «Мы всем сердцем любим нашу землю и с такой же силой ненавидим иностранное господство, мы хотим лишь добра нашей стране, мы боремся за нашу независимость»¹⁵⁸.

После разгрома Рондо в отряд Падильи влились целые соединения его армии. Вместе с отрядом индейцев 9 февраля 1816 г. Падилья вновь подступил к Чукисаке и даже занял с боем некоторые улицы города¹⁵⁹. Однако сил было недостаточно, и он отступил. С мая по август 1816 г. отряд Падильи фактически блокировал Чукисаку. В августе 1816 г. он был разбит около Чукисаки. Но Падилья вновь собрал отряд и опять осадил Чукисаку¹⁶⁰. Это был его последний успеш-

¹⁵² Ibid. P. 3.

¹⁵³ ANB. Ruck 304. P. 9v.

¹⁵⁴ Ibid. P. 12v.

¹⁵⁵ Ibid. P. 8–8v.

¹⁵⁶ Ibid. P. 10v.

¹⁵⁷ Arnade C.W. Op. cit. P. 54.

¹⁵⁸ Gantier J. Doña Juana Azurduy de Padilla. La Paz, 1973. P. 181–182.

¹⁵⁹ Partes oficiales y documentos... T. 2. P. 201.

¹⁶⁰ Partes oficiales y documentos... T. 2. P. 196–197.

Хуана Асурдуй де Падилья

ный поход. Роялисты сосредоточили большие силы против Падильи. Каждый раз после поражения Падилья уводил своих людей от испанских преследователей.

14 сентября 1816 г. у Ла-Лагуны отряд был настигнут роялистами под командой Ф.Х. Агилеры. Это была последняя битва каудильо. Бой длился два дня. На третий Падилья увидел, что не сможет сдержать роялистов и объявил отступление. Роялисты пустились преследовать разбитых партизан, Падилья был застрелен. В сражении погибли 700 человек. Тут же на поле боя они казнили 75 пленников¹⁶¹. А. Камба писал: «Разгром Падильи был событием огромной важности в усмирении Чаркас»¹⁶². Отряд возглавила жена каудильо Хуана Асурдуй де Падилья, которой удалось уйти живой с поля битвы.

После Падильи в Чукисаке появились отряды Фернандеса, Ваки и Рочи, с которыми испанцы боролись еще два года. Отряд Хуаны Асурдуй, которая поклялась мстить за смерть мужа, отличался жестокостью и упорством обреченных. Правительство Буэнос-Айреса возвело ее в звание подполковника. Она приказывала казнить любого испанца, попадавшего в руки. С этим отрядом испанцы воевали до 1820 г., когда окончательно покончили с ним.

После Падильи испанский бригадир Агилера пошел на Санта-Крус, где правил аргентинский офицер Игнасио Варнеса. 21 ноября 1816 г. в местечке Пари рядом с Санта-Крусом произошла одна из самых ожесточенных битв эпопеи борьбы с республикетами. С обеих сторон участвовали по тысяче воинов. В бою Варнес был убит, и это стало сигналом к отходу. Как писал генерал Бельграно, из-за наступившей ночной темноты офицеры не смогли собрать людей, в панике бежавших в разных направлениях¹⁶³. Торжествующие роялисты вошли в Санта-Крус, который облегченно вздохнул, надеясь на окончательное умиротворение. Однако жителей этого небольшого городка ждал жестокий урок. Сразу же начались репрессии против всех, кто был заподозрен в симпатиях к повстанцам. Были расстреляны или проткнуты пиками 914 человек обоего пола и всех возрастов¹⁶⁴. Санта-Крус являлся крепольским городом, где большинство были белыми. Жители не ожидали такого варварства от королевских войск.

¹⁶¹ Arguedas A. La fundación de la república. P. 154–155.

¹⁶² Camba A. Memorias... T. 1. P. 229.

¹⁶³ Partes oficiales y documentos. T. 2. P. 258–259.

¹⁶⁴ Arguedas A. La fundación de la república. P. 158.

После смерти Варнеса и разгрома его отряда Альварес Ареналес покинул Чаркас, отказываясь от централизованного управления герильей, оставив отдельные отряды на произвол судьбы¹⁶⁵. Остатки повстанцев уходили в одну сохранившуюся к тому времени республикету Айопайи¹⁶⁶.

Эта республикета – единственно сохранившаяся до победы патриотов. Айопайя – труднодоступный район на север от Ла-Паса и Кочабамбы, где горные долины граничат с тропическим районом Юнгас, что делало ее идеальным местом для укрытия больших отрядов. Именно в Айопайю уходили многие отряды монтонерос, разбитые в других регионах. Этот район был недоступен в сезон дождей, что давало 3–4 месяца спокойствия для партизан. Айопайя – производительный аграрный район, так что у партизан не было проблем с продовольствием. Республикета охватывала огромную территорию в 1400 кв. км с центром в деревнях Палька и Мооса.

Первоначально республикета возникла в результате индейского восстания, спровоцированного и возглавленного креолами. По свидетельству одного из индейцев, «восстали 10 виракочас (белых) и 4000 индейцев в Парии, Моосе, Яко, Ичоке»¹⁶⁷. Тактика монтонерос состояла в следующем: пешие и конные партизаны (белые и метисы) стояли в долинах, перекрывая путь противнику, а индейцы огромной массой окружали его с обеих сторон по склонам гор. У монтонерос было огнестрельное (даже пушки) и холодное оружие, а индейцы помимо психологического воздействия на врага своей массовостью засыпали его камнями из пращей. В случае же прямой атаки испанцев им нечем было противостоять, кроме палок, что объясняет большие потери именно среди вспомогательных индейских отрядов.

Помимо индейцев активное участие в движении приняли местные метисы, в большей части мелкие торговцы – связующее звено между общинами и креольским городом. Испанцы в 1817 г. насчитали 125 солдат с ружьями и огромное число индейцев, вооруженных копьями и пращами¹⁶⁸. Варгас Сантос рассказывал о большом военном сборе в 1815 г.: прибыли 400 метисов и креолов и тысячи индейцев¹⁶⁹.

Аргентинские военные присылали сюда командиров. Это были люди, очень далекие от местной жизни. Х.Б. Сарате был перуанцем, сыном маркиза де Монтемира. Сантьяго Фахардо был чилийцем, поселившимся в Кочабамбе. Кастельи направил его в Айопайю, где он провоевал до 1823 г.¹⁷⁰ Однако индейцы не признавали ни того, ни другого. Подлинным местным вождем был метис Эусебио Лира, а после него такой же метис Хосе Мануэль Чинчилья. Индейцы хотя и признавали право Рио-де-Ла-Платы назначать командиров, подчинялись только своим вождям – Лире и Чинчилье.

В 1813–1815 гг. суть действий монтонеро в Айопайе состояла в том, чтобы продержаться до очередного похода аргентинских войск. Партизаны избегали больших столкновений, старались сохранить силы. После краха похода Рондо стало ясно, что они должны опираться лишь на собственные

¹⁶⁵ *Soux M.L. Rebelión, guerrilla y tributo. P. 471.*

¹⁶⁶ *Camba A. Memorias... T. 1. P. 333.*

¹⁶⁷ *Mendieta O.P. Pescando el río revuelto. P. 395.*

¹⁶⁸ *Camba A. Memorias... T. 1. P. 274.*

¹⁶⁹ *Santos Vargas J. Op. cit. P. 86.*

¹⁷⁰ *Partes oficiales y documentos... T. 2. P. 148.*

силы. В 1815 г. Лира возглавил республикету. Он был уроженцем Моосы, там и устроил столицу. Испанцы, придя в Моосу, убили его отца за то, что его сын ушел с патриотами. Лира жестоко мстил им. Он был одним из самых жестоких командиров, безжалостно карая роялистов. Лира мог расстрелять индейца только за то, что тот хорошо говорил о короле¹⁷¹.

Отряды Лиры постоянно угрожали провинциям Ла-Паса и Кочабамбы. Генерал Камба жаловался, что Лира перерезал дорогу между Оруро и Сика-сикой, убивал и испанцев, и «верных» им индейцев¹⁷². Благодаря авторитету, да и военным талантам Лиры республикета смогла пережить самый тяжелый период роялистской реакции 1816–1818 гг. В Айопайе существовали несколько небольших, действовавших независимо друг от друга отрядов по 20–50 человек, которые, совершив нападение, моментально скрывались в горах¹⁷³. При этом между ними существовала связь и координация действий. Эта тактика заставила испанцев распылять свои силы.

Хотя командиры отрядов Х.М. Чинчилья, Э. Лира, Х.Д. Гандарильяс постоянно ссорились и оспаривали лидерство друг у друга, но в решительные минуты, перед большим наступлением роялистов они объединялись вокруг самого сильного вождя, каким был Лира.

Лира был типичным представителем индейско-метисного мира Айопайя, практичным и порой беспринципным. В 1816 г., когда казалось, что триумф роялистов был окончательным, он вступил в переговоры с Песуэлой о переходе на сторону короны. Песуэла обрадовался этому предложению и даже пообещал не только прощение, но и офицерское звание в королевских войсках. Лира в знак своей лояльности даже казнил одного из своих командиров, а его голову отослал губернатору. По поручению Песуэлы губернатор отправился в Моосу на встречу с Лирой. Он остановился на ночь в его доме, пока хозяин еще не прибыл. Попытка предательства окончилась банальным адюльтером. Губернатор соблазнил подругу Лиры, которая с ним и уехала. Лира же поклялся именем Бога воевать с испанцами до гробовой доски и этой клятве более не изменял, ибо, как пишет Сантос Варгас, был очень богобоязненным католиком¹⁷⁴.

Лира со всем ожесточением набросился на испанцев и сделал Айопайя редутотом независимости. Однако попытка его предательства через год стоила ему жизни. В 1817 г. Лира был ранен в одном из боев. Этим воспользовались другие вожди, недовольные деспотизмом Лиры. Им удалось арестовать его, а затем после скорого суда расстрелять. Его обвинили в предательстве, что имело место, как описано выше. Место Лиры занял Сантьяго Фахардо. Однако индейцы были возмущены смертью Лиры и отказались подчиняться новым вождям. Индейцы даже казнили некоторых виновных в смерти Лиры, но Варгас Сантос, который был одним из преданных друзей Лиры, уговорил их отказаться от мести и тем самым спас командиров от неминуемой смерти.

После смерти Лиры в Айопайе начался период анархии и междоусобицы. Лира оставил сильный отряд, в котором было 217 ружей, 18 тыс. патронов,

¹⁷¹ Santos Vargas J. Op. cit. P. 83.

¹⁷² Camba A. Memorias... Т. 1. P. 245.

¹⁷³ Santos Vargas J. Op. cit. P. 261–262.

¹⁷⁴ Ibid. P. 107–115.

180 лошадей, 56 сабель и даже одна пушка, плюс оружие индейцев – копья и пращи¹⁷⁵. Вся эта грозная сила могла развалиться во внутренней войне. После переговоров с индейцами появился новый лидер Хосе Мануэль Чинчилья, командовавший вместе с Фахардо. Чинчилья был подлинным народным движенцем. Хотя и он был замешан в убийстве Лиры, индейцы его любили и доверяли.

В 1819 г. по Айопайя были нанесены сильные удары. В мае 1819 г. ставший вице-королем Песуэла приказал отправить элитные части из Перу, в том числе и знаменитый своей жестокостью и силой батальон Талавера, состоявший исключительно из испанцев, на подавление партизан Айопайи¹⁷⁶. В декабре роялисты без труда разогнали партизан. Патриоты прятали оружие, скрывались в горах. В самый тяжелый период – с 1818 по 1820 г. задача заключалась в выживании, отряды монтонерос избегали крупных столкновений, обходили стороной роялистские гарнизоны. Затем Чинчилья смог возродить республикету, объединив небольшие группы в новый отряд. Ослабление роялистов после потери большей части Перу позволило республикете восстановить свои силы. В 1819 г. республикета наладила связи с аргентинским центром, который прислал офицера. Он сообщил о провозглашении независимости Аргентины на Тукуманском конгрессе в 1816 г. (три года спустя! Партизаны ничего не знали об этом) и о положении дел в Чили, Перу, Новой Гранаде, а также привез бумаги о присуждении офицерских званий командирам монтонерос¹⁷⁷.

13 февраля 1821 г. в Айопайя неожиданно появился старый командир монтонерос времен Бельграно Хосе Мигель Ланса, сводный брат Ланса, казненный в Ла-Пасе в 1809 г. Ланса находился на службе армии Буэнос-Айреса с августа 1810 г. Вместе с Фахардо и Сарате воевал в Айопайе, был одним из создателей республикеты. Там он был пленен роялистами и оказался вместе с Чинчильей в тюрьме в Потоси. Чинчилья помог ему бежать из застенка.

В 1821 г. Ланса был прислан в Айопайю в качестве представителя аргентинских властей. С ним были 4 офицера из армии Гуэмеса. На встречу к Лансе сразу же прибыл Чинчилья, его старый друг. Ланса был обязан ему жизнью. У них была теплая встреча. Чинчилья сразу же разослал по району бумагу, в которой признавал Лансу главнокомандующим республикеты.

Через две недели 10 марта Ланса приказал арестовать Чинчилью. Выполнить такой сложный приказ, сопряженный с сопротивлением индейцев и партизан, Лансе помогли многие недовольные командиры, да и покорность самого Чинчильи. Военный суд приговорил Чинчилью к расстрелу за убийство Лиры. За него вступились 300 индейцев, пришедших из Моосы. Это не помогло. Ланса отказался встретиться с Чинчильей, и 21 марта его казнили. Убийство Чинчильи тяжелым грузом легло на совесть Лансы. Он сам не желал этого и, оправдываясь, объяснял Сантосу Варгасу, что сделал это «по категорическому приказу из Сальты». Аргентинский штаб был недоволен независимостью Чинчильи¹⁷⁸.

¹⁷⁵ Santos Vargas J. Op. cit. P. 264–267.

¹⁷⁶ Pezuela J. Memorias de Gobierno. Sevilla, 1947. P. 461.

¹⁷⁷ Demélas M.-D. Nacimiento de la guerra de guerrilla. El diario José Santos Vargas (1814–1825). La Paz, 2007. P. 157–159.

¹⁷⁸ Santos Vargas J. Op. cit. P. 366–372.

Ланса полностью реорганизовал республикету, создал боеспособную дивизию. Он ввел военную подготовку, запретил насилие в отношении местного населения, бессудные расстрелы пленных. Его отряд из партизанского превратился в маленькую регулярную армию с хорошей дисциплиной и выучкой.

Известия о высадке чилийско-аргентинской армии Сан-Мартина в Перу в 1820 г. кардинально изменили обстановку в Чаркас и в Айопайя в том числе. В июле 1821 г. на сторону партизан перешла целая рота с офицерами. Сантос Варгас писал в своем «Дневнике»: «У них, наконец, открылись глаза на ошибку, которую они совершают, и они решили порвать с испанским господством»¹⁷⁹. В апреле 1822 г. Ланса смог взять крупный населенный пункт Ирупану. Партизаны вышли из замкнутого пространства Айопайи и действовали в координации с армиями патриотов в Перу.

Отряды Лансы стали угрожать Ла-Пасу, что заставило вице-короля послать против них крупные силы под командой опытного военачальника Х. Вальдеса. Испанцы дошли до Юнгас, где разбили Лансу. Монтонерос были вынуждены уйти в джунгли¹⁸⁰. Вскоре после ухода Вальдеса Ланса вернулся в Айопайя, где вновь возродилась республикета. За успехи Лансу в 1823 г. возвели в генералы аргентинской армии. Айопайя так и осталась непокоренной территорией.

За все годы сопротивления потери партизан достигли 1662 человека, из них 876 убитыми (потери роялистов были вдвое меньше), при том что все население провинций Айопайя и Сика-сика не превышало 15 тыс. человек¹⁸¹. Цена сопротивления испанским войскам была велика, почти 10% населения.

Айопайя, как и другие республикеты, – связующее звено в борьбе за независимость Боливии, объединяющее в единый процесс долгий путь от восстаний и хунт 1809 г. до прихода освободительных армий Сукре и Боливара.

Верхнее Перу – последний редут Испании

После разгрома похода Рондо в Верхнем Перу восторжествовала самая мрачная реакция. За победоносное усмирение Чаркас в октябре 1816 г. Песуэла получил пост вице-короля в Лиме. В основных городах были образованы «хунты очищения», которые должны были судить тех граждан, которые запятнали себя сотрудничеством с патриотами. Эти трибуналы санкционировали конфискацию имущества в пользу короны тех, кто покинул Чаркас с войсками аргентинцев или ушел к монтонерос. Карающий меч абсолютистов затрагивал даже преданных роялистов, на которых падало самое малое подозрение в сотрудничестве с патриотами¹⁸².

Дело дошло до абсурдных запретов женщинам носить головную шпильку на левой стороне и одевать голубые платья, цвета хунты в Буэнос-Айресе¹⁸³.

¹⁷⁹ Ibid. P. 383.

¹⁸⁰ *Camba A. Memorias...* T. 2. P. 18–19.

¹⁸¹ *Demélas M.-D. Op. cit.* P. 200–201.

¹⁸² *Aillon Soria E. Vida, pasión y negocios. El propietario de la viña San Pedro Mártir, Idalecio Gonzalez Socasa (1755–1820).* Sucre, 2009. P. 93.

¹⁸³ *Cortés M.J. Ensayo sobre la historia de Bolivia.* Sucre, 1861. P. 67.

Усилился налоговый гнет и чрезвычайные налоги. Налагаемые войсками контрибуции на население достигали астрономических цифр.

Как отмечала боливийский историк Мария Луиса Соукс, в период после 1817 г. в архивах резко уменьшается число документов, что свидетельствовало о кризисе и даже деградации системы королевской власти в Чаркас¹⁸⁴. Администрация была заменена военными, которые занимались исключительно поддержанием своих частей. Городское хозяйство пришло в упадок, торговля и ремесло страдали не только от постоянно растущих поборов на военные нужды, но и из-за нарушения многих торговых путей, разрушения былого рынка, в том числе и связанного с индейцами, которые все хуже платили трибуто и не выполняли миту. Индейские поселения еще в большей степени, чем города, подвергались разорению войсками и партизанами. Страна не была способна содержать большое число военных.

С 1818 г. политика роялистов в отношении «мятежных» провинций изменилась. В мае 1818 г. Аудиенсия получила приказ о рассмотрении дел инсургентов и неверных для их прощения и амнистии. Тогда же было получено секретное поручение властям вернуть конфискованное у патриотов имущество, если те подпадут под амнистию¹⁸⁵.

Новый командующий Хосе де Ла-Серна ставил своей целью добиться примирения с креолами через реформу армии. Он хотел провести реорганизацию боевых частей, где должны были служить вместе и креолы, и испанцы. Тем самым он утверждал то самое равенство испанцев и американцев, о котором так пеклись повстанцы. Однако эта мера вызвала наибольшее недовольство у креолов, не желавших служить с испанцами, которые запятнали себя поражениями и даже сотрудничеством с французами. Креолы-роялисты были большими абсолютистами, чем сами испанцы, а Ла-Серну они считали опасным либералом¹⁸⁶. Из-за их сопротивления реформа Ла-Серны не удалась.

В 1819 г. Ла-Серну отозвали в Лиму, а управление войсками доверили бригадиру Х. Кантераку. К этому времени королевские силы в Верхнем Перу достигли 7 тыс. человек¹⁸⁷. В 1820 г. прибыл новый командующий Рамирес, который сразу же решил провести операцию против патриотов в Сальте. Каждый новый командующий в начале своей службы пытался это сделать. Как и всех других, Рамиреса ждало разочарование. Войска были вынуждены вернуться в Тупису¹⁸⁸. К тому же общая ситуация осложнилась после высадки чилийско-аргентинской армии Х. Сан-Мартина в Перу в сентябре 1820 г.

Восстание в Испании в 1820 г. войск, которые должны были из Кадиса отправиться в Новый Свет, было началом испанской революции, значительно изменившей расстановку сил в Америке. Армии патриотов с облегчением восприняли эти новости, так как экспедиционная армия осталась в Испании. В Верхнем Перу с энтузиазмом приняли восстановление конституции 1812 г. Были освобождены политические заключенные и отменена цензура¹⁸⁹. В го-

¹⁸⁴ Reescrituras de la Independencia. P. 229.

¹⁸⁵ Soux M.L. Autoridades comunales, coloniales y republicanas. P. 120.

¹⁸⁶ Arguedas A. La fundación de la república. P. 159.

¹⁸⁷ Camba A. Memorias... T. 1. P. 332.

¹⁸⁸ Ibid. P. 336–337.

¹⁸⁹ Arguedas A. La fundación de la república. P. 179.

Жители Ла-Паса в первые десятилетия XIX в.

родах были сформированы «конституционные айюнтамьенто», выборные муниципалитеты, которые возглавили местные креолы.

В Чаркас на местах власти стали на практике реализовывать либеральные политические и экономические принципы, провозглашенные испанскими конституционалистами. Местные власти выпускали постановления о несоответствии некоторых учреждений старого режима либеральным принципам конституционного правления. В частности, система касиков объявлялась «несовместимой и несоответствующей характеру нашего либерального режима», ибо они олицетворяют «деспотизм и угнетение», так как более не было трибунто, за сбор которого эти касики и отвечали¹⁹⁰. Такие заявления порой были радикальнее программ патриотов.

Острая потребность финансировать войну с патриотами заставляла королевские власти налагать контрибуции и принудительные займы на население. В 1823 г. вице-король вдвое увеличил алькабалу (налог с продаж) для крупных городов¹⁹¹. Современник так писал о разорении страны и ее жителей испанцами: «Подчиненная и управляемая разными, меняющимися военными лидерами, прибывавшими из Испании и уже не верившими в возможность реконкисты, страна лишилась всех своих богатств... Они установили налоги и контрибуции, раннее неизвестные и неоправданные, лишь по собственному капризу или корысти»¹⁹². Такая политика воспринималась как несправедливое и жестокое угнетение, уменьшала число сторонников

¹⁹⁰ Actas de la Diputación provincial de La Paz desde 1-ro de julio de 1822 hasta 31 de enero de 1824. La Paz, 1880. P. 7–8.

¹⁹¹ Ibid. P. 37.

¹⁹² Bosquejo del estado en que se halla la riqueza nacional de Bolivia con sus resultados, presentado al examen de la Nación por un Aldeano hijo de ella. Año 1830 / Coordinadora de edición A.M. Lema. La Paz, 1994. P. 50.

роялистов-автономистов в Чаркас, воспринявших было духом в надежде на улучшение после возвращения конституционного правления в 1820 г.

В армии было значительное число сторонников конституционного правления. Многим казалось, что конституция может стать основой для примирения с повстанцами. Ла-Серна и его сподвижники – начальник штаба генерал Хосе Кантерак и полковник Х. Вальдес были убеждены, что только конституционализм и реформы могут удержать заморские территории Испании¹⁹³. В конце 1820 г. вице-король Песуэла был отстранен от управления командующим войсками Ла-Серной и отправлен в Испанию. Новым вице-королем стал Ла-Серна. Центром войны уже было Перу, где действовала армия Сан-Мартина.

Испанское либеральное правительство в 1821 г. отправило в американские колонии (в Колумбию и на Рио-де-Ла-Плату) делегации для переговоров о возможном примирении. К переговорам были подключены Ла-Серна, командующий армией в Туписе генерал Педро Оланьета, генерал А. Санта Крус, перешедший на службу патриотов, и другие деятели в Чаркас и в Перу¹⁹⁴.

Переговоры в Буэнос-Айресе обеспокоили группировку в Перу во главе с А. Санта Крусом и А. Гамаррой, которые 26 февраля 1823 г. осуществили государственный переворот и возглавили армию. Новые руководители Перу решили форсировать освобождение Чаркас с целью его присоединения к Перу.

В 1816 г. Санта Крус возглавлял роялистские войска, разбившие республикету Муньекаса в Колоколо. Однако в апреле 1817 г. он попал в плен к патриотам, был отправлен под стражей в Тукуман. Из плена ему удалось бежать в Бразилию. Лишь в 1820 г. он возвращается в Лиму и вновь поступает на королевскую службу. 6 декабря 1820 г. Санта Крус после поражения при Серро-де-Паско от войск Ареналеса вновь попал в плен. Через год, в январе 1821 г. Санта Крус перешел в стан патриотов, предложив свои услуги Сан-Мартину, затем стал крупным военачальником армии патриотов в Перу¹⁹⁵. В 1822 г. он участвовал в победоносной битве при Пичинче в Эквадоре. Современники подчеркивали его огромный вклад в успех этого сражения. После Пичинчи Боливар присудил ему звание генерала.

23 мая 1823 г. войска Санта Круса, насчитывающие 4290 солдат пехоты и 673 кавалериста, вышли из Кальяо по морю в Арику. Оттуда двумя колоннами под командой Гамарры и Санта-Круса они двинулись в Верхнее Перу. Как только Санта Крус вошел в пределы Чаркас, к нему присоединился отряд Лансы. С подкреплениями Лансы войска Санта Круса достигли 7 тыс. человек. Ланса взял Оруро и вместе с Гамаррой предпринял наступление на Кочабамбу, которую они заняли 28 августа. Над господством Испании в Чаркас нависла смертельная опасность. Гамарра и Санта Крус ожидали помощи от генерала А.Х. Сукре, который по приказу командующего армией патриотов Симона Боливара с 3 тыс. солдат шел к ним на соединение.

¹⁹³ La España de Fernando VII. Madrid, 2001. Vol. II. P. 493.

¹⁹⁴ Roca J.L. La convención preliminar de paz de Buenos Aires de 1823 (Un acuerdo abortado que precipitó la independencia) // Anuario de estudio bolivianos, archivísticos y bibliográficos. 2004. N 10. Archivo y biblioteca nacionales de Bolivia. Sucre, 2004. P. 519–527.

¹⁹⁵ Crespo A. Santa Cruz el Cóndor Indio. La Paz, 1979. P. 40–41 (цитируется по электронной версии издания Национальной библиотеки Боливии).

Педро Антонио де Оланьета

Санта-Крус занял Ла-Пас, а армия испанцев под командованием Х. Вальдеса отступила к Десагуадеро. 24 августа обе армии встретились у Сепиты. В результате боя победитель не определился. Обе стороны отступили восвояси. Санта-Крус отошел, чтобы соединиться с отрядом Гамарры в Оруро. Во время этого маневра ему сообщили, что с юга идет роялистский отряд П. Оланьеты, а Х. Вальдес соединился с армией вице-короля Ла-Серны. Теперь войска роялистов превышали по численности армию Санта-Круса. Узнав об этом, он приказал отступать в Перу. Отход превратился в беспорядочное бегство. Расчеты Санта-Круса на помощь армии Сукре не оправдались. Сукре не спешил на помощь. С этого момента личные отношения двух военачальников испортились навсегда.

В выигрыше оказались роялисты. Без всяких усилий с их стороны армия патриотов практически перестала существовать. Из 5 тыс. солдат в Перу вернулись 800 человек. Удивительно,

что Санта-Крус позже стал именоваться маршалом Сепиты, невыигранного сражения, ставшего прелюдией катастрофы. Боливар был в ярости от действий Санта-Круса и Сукре и даже хотел отдать их под суд.

Только Ланса не пожелал отступать с армией Санта-Круса. Казалось, что вновь войска патриотов в панике отступали из Чаркас, как не раз было с аргентинскими экспедиционными армиями. Ланса вернулся на свои базы в Кочабамбе. Там у Фальсури 16 октября 1823 г. его настигли королевские войска и разбили наголову. В плен попали 500 человек, а сам Ланса бежал в леса севера. Вновь торжество роялистов в Чаркас было полным. Однако испанскому командованию не удалось консолидировать столь неожиданно доставшуюся им победу. Этому помешала так называемая «домашняя война», междоусобная борьба между роялистами.

Во главе южного отряда королевских войск со штабом в Туписе находился генерал Педро Антонио де Оланьета. Он был уроженцем Страны Басков, аптекарем по ремеслу. В молодости переехал в Америку, занялся торговлей в Сальте, затем переехал в Чичас, где посвятил себя горному делу. Там его застала война за независимость. Добровольцем он записался в королевские войска. Оланьета был убежденным противником конституционализма. Он считал Ла-Серну и либералов врагами короны. Более того, он поддерживал ходившие слухи, что Ла-Серна хочет создать свою «перуанскую империю» и стать ее королем¹⁹⁶.

¹⁹⁶ Ла-Серна всегда отрицал эти слухи. — *Roca J.L. La convención preliminar de paz de Buenos Aires de 1823 // Anuario. ABBN. N 10. 2004. P. 544–550.*

Конфликт разразился в январе 1824 г., когда Ла-Серна назначил генерала Х. Вальдеса командующим южной армией. Оланьета отказался подчиниться и ушел к Тарихе. Затем он изгнал из Чукисаки президента-конституционалиста Аудиенсии, который укрылся в Оруро, ставшем бастионом конституционалистов в этой «домашней войне» роялистов.

Оланьета раньше Ла-Серны узнал о ликвидации конституционного режима в Испании, он обвинил его в свержении вице-короля Песуэлу за его приверженность монархии. 19 февраля Оланьета провозгласил себя вице-королем и, по рассказу А. Камбы, «грозил казнями врагам Испании, либералам, евреям и еретикам»¹⁹⁷.

Оланьета отозвал из Айопайи войска, преследовавшие Лансу, чтобы противостоять посланной против него армии Х. Вальдеса, у которого было 5 тыс. солдат, у Оланьеты насчитывалось 4 тыс. После начала междоусобицы в роялистском стане их войска стали разваливаться, усилилось дезертирство. Качество роялистских войск катастрофически ухудшалось в течение всей войны за независимость. Как правило, после сражений пленных патриотов роялисты зачисляли в свои ряды, отправляя их солдатами в другой регион, подальше от места пленения. Такие солдаты искали малейшей возможности дезертировать или перейти к противнику¹⁹⁸.

9 марта 1824 г. Вальдес подписал с Оланьетой договор, условиями которого было сохранение за вторым главенства в Верхнем Перу, если он признает вице-короля и согласится предоставить ему помощь войсками и финансами в размере 10 тыс. песо в месяц¹⁹⁹. Однако никто не собирался выполнять этот договор, и тогда вице-король выдвинул ультиматум Оланьете, который отверг его.

Армия конституционалистов, прежде чем обрушиться на восставшего Оланьету, предприняла наступление на республикету Айопайи. Оланьета считал отряд Лансы своим потенциальным союзником в борьбе с конституционалистами. Многие историки (Ч. Арнаде, Х.Л. Рока, Х. Силес Салинас) считают, что Оланьета фактически вел дело к независимости Чаркас, и более того, полагают, что его сепаратизм в отношении вице-короля был напрямую связан с последующим появлением Боливии, независимой от Лимы или Буэнос-Айреса. Однако заслуги Оланьеты в этом нет. Он был сторонником автономии Чаркас, но только как неотъемлемой части абсолютной испанской монархии и только как колонии. Оланьета боролся не во имя интересов Чаркас, а во имя абсолютизма Бурбонов, даже если единственным местом, где он сохранится, будет его родная провинция.

Освобождение Верхнего Перу. Создание республики Боливия

6 августа 1824 г. при Хунине Симон Боливар разбил роялистов, а 8 декабря 1824 г. при Айякучо войска Антонио Хосе Сукре нанесли последний решающий удар по испанскому господству в Америке. Боливар поручил генералу Сукре освобождение Верхнего Перу. 2 октября 1824 г. Оланьета

¹⁹⁷ *Camba A. Memorias...* T. 2. P. 138.

¹⁹⁸ *Demélas M.-D. Op. cit.* P. 250.

¹⁹⁹ *Subieta Sagárnaga L. Bolívar y Bolivia. Potosí, 1975.* P. 10.

направил послание Боливару, в котором указывал, что контролирует провинции Верхнего Перу и его целью является положить конец несчастьям Америки и установить спокойное и твердое правление. В конце он обращался к Боливару: «Даст Бог, и мы вместе сможем объединить наши усилия и, наконец, принести радость Америке и всему миру»²⁰⁰. Оланьета рассчитывал превратить Боливара в союзника, сохранив за собой Чаркас.

В декабре 1824 г. в Кавари племянник генерала Оланьеты Касими́ро по его поручению встретился с Лансой для переговоров с патриотами о союзе с монтонерос для совместной борьбы с испанскими конституционалистами. В результате этой встречи 13 декабря, четыре дня спустя после победы при Айячуко, о которой переговорщики еще ничего не знали, было подписано секретное соглашение, суть которого сводилась к согласию Лансы выступить против Ла-Серны в союзе с Оланьетой. Договор предусматривал, что в случае победы патриотов над испанцами в Перу стороны завершат войну. Для Лансы этот пункт означал присоединение к войскам Боливара, а для Оланьеты – передачу ему контроля над Чаркас при союзническом отношении к Боливару. Составитель договора Касими́ро Оланьета был большим мастером в создании двусмысленных ситуаций и двойственных толкований, дававших большое пространство для всевозможных маневров и интриг.

Вскоре сторонам стало известно о битве при Айякучо. Ланса сразу же мобилизовал свои силы и, пройдя через север по свободной от роялистов территории, Юнгас, появился у Ла-Паса. Ланса решил вступить в бой и освободить Ла-Пас до прихода колумбийско-перуанских войск. Первой восстала Кочабамба, провозгласив независимость 13 января 1825 г. За ней последовали другие города. 25 января 1825 г. дивизия Лансы заняла Ла-Пас. Правда сделала это, лишь дождавшись ухода роялистов под командой Вальдеса²⁰¹. Самый большой город Верхнего Перу был освобожден силами самих верхнеперуанцев. Вслед за ним 7 февраля Сукре вошел в город.

Боливар и Сукре считали Оланьету своим союзником и при определенных условиях были готовы воспринимать его правителем Чаркас, но свободной от испанского господства. 1 января 1825 г. Сукре обратился с циркуляром к муниципалитетам главных городов Чаркас. В нем сообщалось, что Оланьета провозгласил независимость провинций Верхнего Перу, а его войска освободители считают частью единой с ними армии. «Хотя я думаю, что они (Оланьета и его сподвижник Ф.Х. Агилера. – *А.ИЦ.*) уже провозгласили себя сторонниками дела Америки, я все же решил отправиться с освободительной армией в Ла-Пас и Оруро как для того, чтобы защитить их от враждебных нападков, так и для встречи с этими господами, генералами Оланьетой и Агилерой, для окончательного урегулирования их положения»²⁰².

В свою очередь, Оланьета не оставил попыток договориться с патриотами, но уже без посредничества своего племянника, перешедшего на сторону противника, послав своего переговорщика напрямую к Сукре. Патриоты

²⁰⁰ Comunicaciones del Señor Jeneral Olaneta. Oruro, 1824 (это обращение октября 1824 г. Оланьета опубликовал в декабре, когда он вступил в прямые переговоры с патриотами).

²⁰¹ Santos Vargas J. Op. cit. P. 461.

²⁰² El Gran Mariscal de Ayacucho en sus propias palabras. Compilación de fragmentos de cartas y otros escritos del General Antonio José de Sucre, primer presidente de Bolivia. Sucre, 2008. P. 5–6.

соглашались на мир при условии, что их армии займут север Чаркас, Ла-Пас и Оруро, а Оланьете достанутся юг и центр, Чукисака и Потоси до того момента, как Ассамблея всех провинций решит судьбу страны. 12 января 1825 г. после тяжелых переговоров представитель Сукре пошел на уступки и, превысив свои полномочия, подписал перемирие на четыре месяца, причем патриоты обязывались не переходить р. Десагуадеро, являвшуюся границей между Перу и Чаркас²⁰³. Сукре отверг этот договор, а Оланьета не соглашался присоединиться к армиям освободителей, провозглашая свою верность трону.

Под контролем Оланьеты оставался Потоси, а Агилера стоял в Санта-Крусе. Вскоре Оланьета остался один. 12 февраля 1825 г. восставшие офицеры гарнизона в Вальеграде (Санта-Крус) арестовали Агилеру и присоединились к патриотам. Верхнеперуанская аристократия, «доктора», просвещенные роялисты К. Оланьета, Х.М. Уркульо, М.Э. Кальво и другие увидели в этих событиях начало коренного перелома в войне и перешли в лагерь патриотов. Надо признать, что, оставаясь лояльными королю, они все эти годы тайно поддерживали связи с патриотами, как с лидерами республикет, так и с эмигрантами в Аргентине²⁰⁴. После высадки армии Сан-Мартина в Перу они создали тайное общество. Ранее они были готовы сотрудничать с испанской администрацией, если та предложит реформы. Но даже после либеральной революции Риго в Испании они уже не верили в возможность примирения с метрополией и предоставления автономии американским колониям.

9 февраля 1825 г. Сукре издал свой исторический декрет, в котором приказывал создать «Ассамблею, которая сама решит судьбу страны», т.е. либо провозгласит независимость, либо признает себя частью соседних республик. По утверждению К. Оланьеты и Х.М. Уркульо, именно первый убедил Сукре издать этот декрет во время их встречи в местечке Акора на перуанской стороне оз. Титикака. Он же был соавтором текста декрета²⁰⁵. В письме к губернаторам соседних стран и провинций 20 февраля 1825 г. Сукре так объяснял свою позицию: «Освободив большую часть территории страны, у которой не было собственного правительства, и в условиях, когда аргентинские провинции не создали собственного центрального правительства, а Перу ничего не высказало по поводу судьбы этих провинций, я посчитал своим долгом американца и солдата созвать Ассамблею этих провинций, пока же мы создадим временное правительство, которое сможет избежать борьбы групп, партий, не допустить анархии и сохранить территорию в полном порядке... Также торжественно клянусь, что Освободительная армия будет придерживаться полного нейтралитета во внутренних делах этих провинций»²⁰⁶. Ассамблея должна была собраться в Оруро 19 апреля.

29 марта Сукре вступил в Потоси. Генерал Оланьета не стал оказывать сопротивления и отошел на юг. Сукре послал дивизию ирландца Фр. Бур-

²⁰³ Partes oficiales y documentos relativos a la guerra de la Independencia Argentina. T. 3. Buenos Aires, 1902. P. 342–343.

²⁰⁴ La España de Fernando VII. Vol. II. P. 494.

²⁰⁵ Roca J.L. Ni con Lima ni con Buenos Aires La Paz, 2007. P. 560–562.

²⁰⁶ Sucre y la organización de la República de Bolivia en 1825. Sucre, 1998. P. 18–19.

детт О'Коннора для преследования П.А. Оланьеты и одновременно поручил Х.М. Уркульо вступить в переговоры с последним роялистским генералом. Однако тот не успел этого сделать. 1 апреля 1825 г. один из военачальников роялистов вышел из подчинения, и у Тумуслы в ходе боя с ним Оланьета был убит. Его армия разбежалась²⁰⁷. По иронии судьбы за три дня до этого, 27 марта в Мадриде король назначил Оланьету вице-королем Рио-де-Ла-Платы. В Верхнем Перу более не осталось ни одного испанского солдата. Эпопея освобождения, начатая 25 мая 1809 г., окончилась полной победой патриотов.

Решив военные задачи, освободители Сукре и Боливар должны были определить судьбу этой страны. Если Сукре считал, что верхнеперуанцы вправе решать свою судьбу, то Боливар был убежден, что надо сохранить старое колониальное деление и старые границы. Чаркас с конца XVIII в., как только было создано вице-королевство с центром в Буэнос-Айресе, была в составе Рио-де-Ла-Платы, но всегда претендовала на более независимый как от Лимы, так и от Буэнос-Айреса статус в испанской империи. На противостоянии Перу и Рио-де-ла-Плате в определенной мере формировалась национальная идентичность Чаркас.

Отношение Боливара к вопросу принадлежности Верхнего Перу или его независимости стало ключевым в определении будущего страны. Если первоначально в феврале–апреле 1825 г. Боливар крайне негативно воспринимал саму мысль о созыве Ассамблеи, то в мае он смирился с этим фактом. Чаркас могла стать яблоком раздора двух соседних государств. 12 мая в письме к Сукре он писал, что, судя по всему, единственный способ решить проблему Верхнего Перу – это созыв Ассамблеи, но при этом следует дождаться окончательного вердикта по этому вопросу властей Перу и Буэнос-Айреса. В связи с этими спорами Сукре откладывал созыв Ассамблеи, объясняя это формальной причиной: не во всех провинциях были проведены выборы, так как юг, Потоси и столица Чаркас Чукисака до 1 апреля еще были под контролем роялистов, а в Санта-Крус вторглись бразильские войска²⁰⁸.

16 мая 1825 г. в Арекипе Боливар издал декрет, которым фактически аннулировал декрет Сукре от 9 февраля. Боливар соглашался на созыв Ассамблеи, но при определенных условиях. Декрет гласил: «Провинции Верхнего Перу, до недавнего времени испанские владения, созовут ассамблею согласно декрету маршала Айякучо (Сукре), чтобы свободно принять решение о своих интересах и будущем правительстве, как то позволяет сделать определение исполнительной власти Объединенных провинций Рио-де-Ла-Платы». Однако «решение Ассамблеи не вступит в силу до принятия решения Конгрессом Перу в следующем году»²⁰⁹. Сукре получил текст декрета 2 июня, но решил не публиковать его.

В Национальную ассамблею было избрано 39 делегатов. Чтобы не иметь возможность влиять на решения Ассамблеи, 2 июля Сукре специально покинул Чукисаку, оставив управление Санта Крису, который был депутатом от

²⁰⁷ К этому времени армия Оланьеты сократилась в 4 раза, в ней осталось лишь 700 человек. — *Camba A. Memorias...* Т. 2. Р. 276.

²⁰⁸ *Cortés M.J. Op. cit. P. 97.*

²⁰⁹ Цит. по: *Subieta Sagárnaga L. Op. cit. P. 33.*

Ла-Паса. Правда, Санта Крус обещал не принимать участия в заседаниях и не оказывать давления на депутатов. Он считал, что Чаркас должна стать частью большого Перу, но, зная расклад сил в Ассамблее и позицию Сукре, решил не участвовать в заседаниях.

10 июля 1825 г. в здании Чукисакского университета торжественно открылась Ассамблея Верхнего Перу. Председателем был участник восстания 25 мая 1809 г. в Чукисаке Хосе Мария Серрано. У него был опыт участия в парламентских заседаниях. Он был делегатом Тукуманского конгресса 1816 г. Официальное решение аргентинского Конгресса, уполномочивавшего Ассамблею свободно решать судьбу провинций, прибыло 17 июля. На следующий день депутаты составили льстивое письмо Боливару, в котором просили его приять решение о судьбе провинций²¹⁰.

В самой Ассамблее партия Касими́ро Оланьеты и Х.М. Серрано выступала за независимость. Делегаты севера (Ла-Пас) говорили, что если не независимость, то присоединение к Перу. Юг (Потоси, Чукисака) предпочитал Аргентину. Уже тогда проявилась региональная разобщенность провинций Верхнего Перу, что будет бичом политической жизни страны в течение всего XIX в. 21–22 июля 1825 г. прошла дискуссия о независимости. Влиятельные депутаты К. Оланьета, Х.М. Энрикес, М.М. Сентено и председатель Серрано твердо стояли за независимость Чаркас. Их идея победила²¹¹.

6 августа 1825 г. на заседании, специально устроенном в годовщину битвы при Хунине, Ассамблея под председательством генерала Х.М. Лансы провозгласила независимость страны. Лишь два депутата проголосовали за присоединение к Перу²¹². 11 августа был принят закон о новом названии страны. Республика стала называться именем Боливара (позднее Боливией). Затем к Боливару, который должен был прибыть в Ла-Пас, была отправлена делегация. Ассамблея просила освободителя дать свое имя новой стране и написать ее конституцию.

18 августа Боливар торжественно вступил в Ла-Пас. В начале сентября туда прибыла делегация из Чукисаки. Сначала Боливар был в ярости от акта провозглашения независимости. Он отверг льстивое послание делегатов, но смирившись с фактами, согласился написать конституцию. 3 октября 1825 г. Ассамблея, узнав о реакции Боливара, от греха подальше объявила себя распущенной, вручив всю власть Боливару. 6 октября он издал декрет о роспуске Ассамблеи и о замене ее постоянной депутацией из пяти человек, представлявших пять интендантств Верхнего Перу. Депутация должна была работать совместно с Боливаром в решении всех текущих проблем. Этот декрет созывал Учредительное собрание в Чукисаке 25 мая 1826 г., в годовщину первого антииспанского восстания в 1809 г.²¹³ Боливар через Оруро и Потоси 3 ноября прибыл в Чукисаку. Он издал 38 различных декретов. Первыми его распоряжениями были декреты о просвещении.

Дело просвещения он вручил своему учителю и другу С.Родригесу, которого назначил директором по делам общественного образования. Просвеще-

²¹⁰ Crespo A. Santa Cruz el Cóndor Indio. La Paz, 1079. P. 251.

²¹¹ Vázquez Machicado H. Op. cit. P. 130–131.

²¹² Arguedas A. La fundación de la república. P. 257.

²¹³ Lofstrom W.L. La presidencia de Sucre en Bolivia. Caracas, 1987. P. 80.

ние народа должно было составить фундамент общества новых республик²¹⁴. 22 декабря 1825 г. Боливар издал один из своих революционных декретов, которые, к сожалению, так и остались на бумаге. Речь идет о трибuto, подушной подати индейцев: статья 2 декрета устанавливала «отмену всякого налогообложения, унижающего достоинство гражданина» в связи с тем, что «Ассамблея провозгласила независимость, свободу и гражданское равенство, и были ликвидированы привилегии классов»²¹⁵.

1 января 1826 г. Боливар издал декларацию, где впервые упомянул страну как новое государство. 29 декабря перед отъездом Боливар передал власть в стране Сукре. Он назначил его пожизненным президентом, а уроженца Ла-Паса генерала Андреса де Санта Круса его преемником в случае отъезда, болезни или смерти Сукре²¹⁶. Боливар обещал вернуться через год и представить депутатам новую конституцию.

25 мая 1826 г. в Чукисаке собралась Учредительная ассамблея. Ее председателем был избран К. Оланьета. 18 мая 1826 г. Конгресс Перу признал независимость Боливии. Однако перуанцы сделали это почти через силу. Они не оставили надежд присоединить Боливию. Правительство Перу с благословения Боливара послало в Боливию Игнасио Ортиса Савальоса с целью добиться объединения двух стран. 15 ноября 1826 г. Ортису удалось подписать с боливийским правительством договор о федерации Перу и Боливии при пожизненном президентстве Боливара. Проект так и не был осуществлен, так как влияние Сукре и Боливара в этих странах уменьшалось, а местные интересы преобладали²¹⁷.

14 ноября в Чукисаку прибыл акт признания Боливии конгрессом Перу и проект конституции, написанный Боливаром. Проект сопровождался посланием, в котором он изложил свою доктрину общественного устройства: «Я собрал все свои силы, чтобы изложить Вам свое мнение о том, как следует управлять свободными людьми на основе принципов, принятых у просвещенных народов, хотя уроки прошлого и показывают нам лишь долгие периоды несчастий, прерываемые изредка проблесками удачи». Боливар пророчески указывал на две самые большие опасности, угрожаемые новым республикам: «Тирания и анархия огромным океаном угнетения окружают маленький остров свободы»²¹⁸.

Опасаясь хаоса и анархии, Боливар учреждал унитарную республику во главе с президентом, обладавшим почти абсолютной властью. Он ликвидировал муниципалитеты, кабильдо городов, осколок традиционных испанских вольностей и самоуправления. Боливар предлагал пожизненное президентство с правом главы государства назначать своего преемника. «Тем самым становятся излишними выборы, порождающие анархию – бич республик, путь к тирании, что представляет непосредственную и страшную опасность для народных правительств»²¹⁹. Боливар видел главную опасность для новых государств в политических страстях и личных амбициях политиков и

²¹⁴ Боливар С. Избранные произведения. 1812–1830. М., 1983. С. 220.

²¹⁵ Bonifaz M. Legislación agrario-indigenal. Cochabamba, 1953. P. 8.

²¹⁶ Lofstrom W.L. Op. cit. P. 82.

²¹⁷ Una independencia, muchos caminos... P. 224–225.

²¹⁸ Боливар С. Указ. соч. С. 140.

²¹⁹ Там же. С. 143–144.

генералов, прошедших горнило войны за независимость и желавших получить свою долю власти. Боливар ограничивал всевластие президента силой других ветвей власти. Он вводил институт цензоров, как некую моральную власть, «несколько напоминающую власть афинского ареопага и римских цензоров»²²⁰. Именно они должны будут следить за соблюдением законов и уважением свобод.

Главное же конституционное новшество Боливара состояло в учреждении помимо исполнительной, законодательной и судебной властей еще и четвертой, как он ее называл, избирательной. Боливар писал: «Избирательная власть получает полномочия, которых она не имеет в других государствах, считающихся самыми либеральными». Фактически Боливар создавал постоянно действующий инструмент народовластия, способный преодолеть проблему отчуждения народа и власти: «Избирательные коллегии провинций представляют их потребности и интересы; в них вносятся жалобы о нарушениях законов и злоупотреблениях магистратов. Осмелюсь сказать, что в некотором отношении эти коллегии пользуются правами правительств федеративных государств. Таким образом, создается еще один противовес исполнительной власти, а правительство приобретает новые гарантии, еще большую популярность и новые возможности прослыть самым демократическим». В эти коллегии «каждые десять граждан назначают выборщика, в результате чего нацию представляет одна десятая ее граждан»²²¹. Кабильдо городов на совместном заседании со всеми собственниками, гражданами, имевшими годовой доход не менее 300 песо, избирали депутатов, которые должны были отвечать следующим условиям: быть старше 25 лет, проживать в данной местности минимум 4 года и иметь доход не менее 800 песо²²². Подобные ограничения исключали не только все неимущее население, но даже средних помещиков (чаще всего одно поместье не давало более 200 песо в год).

Конституция устанавливала, что избирательный корпус будет собираться ежегодно 2–6 января для того, чтобы выбирать депутатов в парламент, избирать на вакансии исполнительной власти в центре и на местах, в том числе и священников. Все чиновники становились выборными. Кроме того, корпус мог «просить палаты парламента принимать меры к благосостоянию народа, либо протестовать против злоупотребления и несправедливостей, которые могут исходить от властей»²²³. В лице этого корпуса власти Боливар создавал утопическую модель всеобщего согласия. Конституция была безоговорочно принята Ассамблеей. При этом никогда не было осуществлено ни одно ее положение, оставшись лишь образцом конституционного творчества Боливара, мечтавшего воплотить в Боливии свой утопический идеал государства демократии, порядка и морали.

Боливии еще предстояло пройти непростой путь от колонии до подлинного независимого государства, путь, который затянулся на столетие. После 16 лет тяжелой войны родилось новое государство. Отчасти ее появление выражало желание ее жителей, а отчасти стало результатом компромисса ин-

²²⁰ Боливар С. Указ. соч. С.141.

²²¹ Там же. С. 140.

²²² Lofstrom W.L. Op. cit. P. 76.

²²³ Боливар С. Указ. соч. С.140–141.

тересов соседей, не желавших усиления друг друга. Последний фактор не преминул отразиться на судьбе страны уже в первые десятилетия независимого существования, когда Боливии предстояло отстаивать свою самостоятельность в войнах с соседями.

Первые годы независимой Боливии. Президентство Сукре

Шестнадцатилетняя война в Чаркас нанесла огромный материальный ущерб. В 1830 г. анонимный автор, назвавший себя Альдеано (Селянин) писал: «До 1809 г., т.е. до начала войны за независимость общины и поместья, если и не жили в полном процветании, но в относительном довольстве... Прошла война, и все это уничтожено, разрушено. В хозяйствах по десять – двенадцать тысяч голов скота уже не насчитаешь и шестой или восьмой части былого»²²⁴. Торговля между районами страны деградировала, местами полностью прекратилась. Горнорудное дело переживало крайний упадок, а города, процветавшие ранее благодаря добыче серебра, – Потоси и Оруро опустели. Так, если в Оруро в 1809 г. насчитывалось 15 тыс. человек, то в 1826 г. население уменьшилось до 4600 жителей²²⁵. Президенту Сукре предстояло восстановить разрушенную экономику и создать новые общественные институты, проводя радикальные реформы.

Антонио Хосе Сукре было всего лишь 30 лет, из которых 15 он провел в битвах за независимость Америки. В юности он получил хорошее образование, был человеком большого ума. За его плечами командира была историческая победа при Айякучо 9 декабря 1824 г., ставшая последней великой битвой в освобождении Южной Америки. Сукре обладал твердым характером, отличался личной скромностью и честностью. Это был идеальный тип правителя.

Боливия унаследовала малоэффективную систему государственного управления. В первую очередь был отменен обычай продажи должностей. 17 февраля 1825 г. одним из первых актов Сукре был декрет о создании квалификационных комитетов, которые должны были рассматривать кандидатуры, одобрять или отвергать их из-за несоответствия должностям. Сукре отменил все назначения, сделанные генералом Ланса, ибо считал, что ни он сам, ни какой другой генерал не вправе решать за народ, а должностные лица должны быть назначаемы с согласия комитета города. В своем письме губернатору Кочабамбы 1 марта 1825 г. он писал, что всякий, кто будет пытаться повлиять на решение комитетов или навязать им свою волю, должен будет отдан под военный трибунал как государственный преступник²²⁶.

Проблемой правительства Сукре было слабое доверие со стороны местных элит. Два ключевых поста в правительстве занимали иностранцы. Военным министром стал адъютант Сукре колумбиец полковник Агустин Херальдино, что было приемлемым ввиду того, что страну освободили именно

²²⁴ Bosquejo del estado en que se halla la riqueza nacional de Bolivia... P. 29.

²²⁵ Lofstrom W.L. Op. cit. P. 62.

²²⁶ Sucre y la organización de la República de Bolivia en 1825. P. 39–40.

колумбийские войска. Министром внутренних дел был испанский офицер Факундо Инфанте, один из лидеров «революции Риего» в 1820 г., а затем и депутат либеральных Кортесов, но бежал в Америку после восстановления абсолютизма. Только министром финансов был местный креол Хуан Бернабе Мадеро, человек либеральных взглядов, с 1813 г. воевавший на стороне патриотов. В 1825 г. он вернулся в Боливию из Буэнос-Айреса.

Сукре был разочарован в местных политиках. Он предпочитал иностранцев, а не боливийцев при назначении на главные должности. К тому же Сукре никогда не рассматривал свое правление в Боливии как долговременную миссию. Его больше волновала судьба колумбийских войск в Боливии²²⁷. Боливийцы видели это и испытывали обиду и чувство ущемленного патриотизма. Сукре всегда воспринимался чужаком.

Финансовая ситуация была катастрофична. Например, налог с продаж — алькабала в 1820 г. давал 170 тыс. песо, а в 1823 г. доходы с этого налога упали на 40%, а в 1825 г. они составили только 23% от 1820 г.²²⁸ Налоги не собирались, рос долг государства, наличных в казне не было. Боливар и Сукре в желании облегчить налоговый пресс понизили алькабалу и таможенные пошлины. Все это еще более ослабило государственные финансы.

Боливар отменил трибuto индейцев, составлявшего львиную долю государственных доходов (31%). Вместо трибута вводилось прямое налогообложение всех граждан, за исключением военных, клира и инвалидов, в размере 3 песо в год на человека. Также вводился налог на земельную собственность и доходы: 4%, если она сдавалась в аренду, и 3%, если обрабатывалась самим собственником. Городская собственность облагалась более низким налогом (от 2 до 3%). Эта реформа вызвала яростное сопротивление не только помещиков, но и всех городских имущих слоев. Альдеано отмечал: «20 декабря 1826 г. Учредительное собрание ввело прямое налогообложение в соответствии с декларациями доходов и имущества каждого гражданина... Эта система вызвала полное отторжение во всех слоях населения Боливии»²²⁹. Креольско-метисный город был недоволен уравниванием с индейцами, которых все считали исключительным объектом эксплуатации и угнетения. Даже низшие классы города были недовольны столь либеральным уравниванием в гражданских правах.

Некоторые индейские общины также отказались принять новую систему, которую не понимали и видели в ней угрозу для своей независимости. В 1826 г. представитель индейских общин Поопо касик Симон Лопес отправился в Чукисаку ходатайствовать об освобождении индейцев от составления нового налогового кадастра и просить о восстановлении трибута как гарантии «пакта взаимности» с государством, т.е. автономии общины²³⁰. Если ранее ревизия податных душ состояла только в подсчете глав семейств, то теперь описывалось все имущество, в том числе земля, скот, дома, что вызывало подозрения в желании отобрать у индейцев все²³¹. Касики противились

²²⁷ Ibid. P. 90.

²²⁸ Lofstrom W.L. Op. cit. P. 375.

²²⁹ Bosquejo del estado en que se halla la riqueza nacional de Bolivia... P. 66.

²³⁰ Soux M.L. Rebelión, guerrilla y tributo. P. 480.

²³¹ Soux M.L. El complejo proceso hacia la independencia de Charcas. P. 276–279.

равенству, защищая между тем автономию общины, фактически боролись за выживание индейских народов, этносов кечуа и аймара. Индейское население решительно не желало менять систему «пакта взаимности» с креольским (в прошлом испанским) государством.

Перед лицом столь единодушного отказа принять новую налоговую систему и испытывая серьезные финансовые проблемы, 26 декабря 1826 г. Сукре восстановил трибuto. Это решение объяснялось тем, что не существовало технической возможности собирать налоги, исходя из имущества и дохода граждан, не было ни учета, ни кадастра собственности. Так был восстановлен самый одиозный символ неравенства и колониального угнетения коренного населения.

Важнейшей стороной политики Сукре были церковные реформы. Церковь в Боливии после войны за независимость пришла в упадок. Боливийская исследовательница Пилар Мендиета отмечала: «В течение конца XVIII и начала XIX в. положение церкви постоянно ухудшалось не только из-за вмешательства короны, но и из-за ослабления традиций и кризиса ценностей, особенно внутри ее собственной иерархии и среди священников, живших среди индейцев. Все это имело негативные последствия с началом войны за независимость и позднее при республике на отношение населения к защите церковных институтов»²³². Так как епископат до конца остался верен короне и поддерживал роялистов, высшие иерархи бежали вместе с колониальной администрацией, что дезорганизовало сопротивление реформам Боливара и Сукре.

Сукре провел секуляризацию церковного имущества. По оценкам английского агента Дж. Пентланда, стоимость церковного имущества на момент завоевания независимости достигало 2 млн 700 тыс. долл., или около 3 млн песо²³³. 11 декабря 1825 г. Боливар ликвидировал капеллании и церковные приюты, передав их в ведение государственных органов просвещения, а их капиталы направил в создаваемые хунты милосердия. Уничтожая, как ему казалось, средневековые институты попечительства, Боливар наносил удар не только по церкви, но и по системе социальной помощи самым обездоленным. Его дело продолжил А.Х. Сукре, ликвидировавший своими декретами от 28 марта и 22 августа 1826 г. все мелкие монастыри (где было менее 12 монахов), а именно при них находились госпитали и приюты для бедных²³⁴. В итоге в Боливии было закрыто 25 монастырей, их собственность перешла к государству и должна была пойти на просвещение и строительство гражданских больниц, т.е. на то, чем эти монастыри занимались. Однако на практике ничего взамен создано не было, а средства пошли на погашение государственного долга, в том числе и армиям освободителей. Боливар ликвидировал не только капеллании, но и все неформальные братства (*cofradías*). Все средства этих религиозных объединений переходили в собственность государства и должны были направляться на нужды народного просвещения.

После провала налоговых преобразований Сукре приступил к реформе церковной собственности. Конфискованная собственность служила залогом

²³² *Mendieta P.* Iglesia, mundo rural y política: Jacinto Escobar párroco de Mohoza y su participación en la masacre de 1899 // *Estudios Bolivianos*. 1999. N 8. La Paz, 1999. P. 128.

²³³ *Pentland J.B.* Informe sobre Bolivia. Potosí, 1975. P. 147.

²³⁴ *Barnadas J.M.* La iglesia catòlica en Bolivia. La Paz, 1976. P.73.

гигантской суммы государственного займа 1827 г. в 3 млн песо. Церковь не оказала сильного сопротивления, и это позволило Сукре провести в Боливии практически такие же реформы, что были осуществлены во Франции после революции 1789 г.

В недавнем прошлом роялист Касими́ро Оланьета даже предложил закон о свободе культа, отмене десятины и фуэро (судебного иммунитета) священников. Однако большинство посчитало, что страна еще не готова к столь радикальным переменам²³⁵. По предложению К. Оланьеты 14 августа 1826 г. в Конституцию было внесено положение, объявлявшее католицизм государственной религией. Сукре был убежден, что патронат государства в отношении церкви времен испанской монархии должен был автоматически унаследован новой республикой. С 1826 г. церковная десятина (*diezmos*) переходила государству, которое, в свою очередь, обязалось содержать приходы и структуры церкви. Десятина давала около 10% всего бюджета государства²³⁶, которое не хотело разрушения церкви, а лишь ее ограничения в рамках либеральной модели общества.

После 1825 г. некоторые кафедры церковных иерархов пустовали, и Сукре назначил на них лояльных республике священников. В январе 1826 г. он отправил послание Папе с просьбой заполнить вакантные места официальными назначениями и подтверждением кандидатур, избранных правительством Боливии. Ватикан ограничился обещаниями сделать это, как только это будет возможно²³⁷. После отъезда Сукре из Боливии в 1828 г. антиклерикальные реформы закончились

В стране по-прежнему находились колумбийские войска, доставляя массу хлопот правительству и порождая недовольство боливийцев. 14 ноября 1826 г. в Кочабамбе произошло первое восстание против правительства Сукре. Этот мятеж был поддержан гренадерами-колумбийцами. Им не удалось найти поддержку в стране, и они ушли в Аргентину, в Сальту, что породило убежденность Сукре в закулисном участии в этом восстании Альвареса Ареналеса, который был губернатором этой аргентинской провинции. Такие же проблемы с колумбийцами испытывало Перу. В Боливии тяготились присутствием иностранных войск, все чаще раздавались голоса недовольных конституцией, дарованной Боливаром и предусматривавшей пожизненное президентство²³⁸.

Иностранные легионы использовались в политических интригах и заговорщиками. 25 декабря 1826 г. новое восстание колумбийцев произошло в Ла-Пасе, где военные потребовали передачи города Перу и провозгласили Санта Круса президентом. Властям удалось подкупить восставших, выплатив им 60 тыс. песо, и они ушли на территорию Перу²³⁹.

В середине 1827 г. в Ла-Пасе вновь был раскрыт заговор, нити которого шли в Перу к Санта Крису. Последний все отрицал, но были перехвачены его многочисленные письма, подстрекавшие военных к неповиновению правительству²⁴⁰. Санта Крус и перуанская элита не могли смириться с независи-

²³⁵ Cortés M.J. Ensayo sobre la historia de Bolivia. P. 103.

²³⁶ Dalence J.M. Bosquejo estadístico de Bolivia. La Paz, 1975. P.316–317.

²³⁷ Lofstrom W.L. Op. cit. P. 211–212.

²³⁸ El Jral. D. Pedro Blanco y los sucesos políticos de 1828. Cochabamba, 1871. P. 13–14.

²³⁹ Cortés M.J. Op. cit. P. 106–109.

²⁴⁰ Lofstrom W.L. Op. cit. P. 477.

мостью Боливии, которую они по-прежнему считали «верхнеперуанскими провинциями». Эти настроения находили сторонников в Ла-Пасе, экономически тесно связанном с югом Перу. Враждебность соседнего государства возрастала, и конфликт становился неизбежным.

Перу порвала с Боливаром и находилась на грани войны с Великой Колумбией, естественным союзником которой был Сукре в Боливии. Перуанский президент А. Гамарра во главе войск подошел к боливийской границе. 5 марта Сукре встретился с Гамаррой, который убеждал боливийцев, что движения войск связаны не с какими-то агрессивными намерениями в отношении Боливии, а опасением, что Боливар сможет использовать все еще находившиеся там колумбийские войска против Перу. После длительных переговоров стороны договорились, что войска отойдут от границы.

Кризис разразился 18 апреля 1828 г., когда в Чукисаке вспыхнул военный мятеж. Сукре пытался поговорить с солдатами, но они обстреляли его и ранили. Затем Сукре передал власть военному министру, генералу Хосе Марии Пересу де Урдининеа, который находился в Ла-Пасе. Тем временем 19 апреля собравшаяся ассамблея нотаблей и корпораций заслушала К. Оланьету, который назвал Сукре причиной угрозы нашествия перуанских войск. В конце речи Оланьета призвал свергнуть Сукре во имя «святой религии». Часть народа восстала против правительства. Новым главой государства был провозглашен вице-президент генерал Хосе Мигель Веласко, а Оланьета стал министром.

Сукре был отстранен от власти, арестован министр Инфанте. Сукре стали обвинять в желании установить монархию и в поддержке боливарианской конституции с пожизненным президентством. Оланьета в письме министру иностранных дел Колумбии, объясняя причины отстранения Сукре, подчеркивал: «Боливар нас вынудил принять конституцию, являвшуюся позором для человеческого рода. В результате иностранцы заняли министерские посты, префектуры и прочие командные позиции в Боливии»²⁴¹. 20 апреля Сукре подвергли домашнему аресту. В последующие дни в городе царил полная анархия, грабежи и безвластие.

22 апреля прибывшие из Потоси войска смогли одолеть восставших. В результате боя был смертельно ранен герой войны за независимость генерал Ланса. Пленные восставшие были казнены на центральной площади: их забросали копьями.

После этих событий перуанские войска числом в 5 тыс. человек вторглись на территорию Боливии. К ним присоединился полк из Чичас под командой полковника Педро Бланко. Боливийские войска, которыми руководил генерал Урдининеа, имея под ружьем 2700 человек, уклонились от столкновения с перуанцами. Между тем Гамарра занял Оруро, Кочабамбу и Ла-Пас.

Боливийские представители во главе с вице-президентом генералом Веласко и Урдининеа встретились в Пикисе с перуанскими переговорщиками и подписали 7 июля 1828 г. уничижительное для Боливии соглашение. Условиями вывода перуанских войск было: вывод из страны всех колумбийских войск и всех иностранных военных, отставка Сукре, созыв конгресса для избрания временного правительства и изменение конституции. Пока же перуанские

²⁴¹ El Jral. D. Pedro Blanco y los sucesos de 1828. P. 56.

войска оставались в Боливии, а налоги департаментов Оруро и Ла-Паса переходили в пользу Перу. В Пикисе было подписано и секретное соглашение, которое предусматривало отставку Инфанте в течение недели после ратификации договора и последующее его изгнание из страны в течение ближайших 20 дней, а полковник Бланко получал прощение и возводился в ранг бригадного генерала²⁴². Со своей стороны перуанцы «гарантировали, что дивизия Бланко подчинится Национальной ассамблее и правительству, которое та выберет»²⁴³.

Отряд Педро Бланко тем временем подошел к Чукисаке, захватив Сукре, который, видя невозможность каких-либо дальнейших действий со своей стороны при полном отсутствии поддержки в стране, ушел в отставку, передав власть вице-президенту. На собравшемся в Чукисаке конгрессе возобладали патриотически настроенные депутаты, самым ярким представителем которых был Мигель Мария Агирре, призвавший отстаивать суверенитет и целостность страны. Под их влиянием конгресс принял решение: исполнительная власть должна добиться немедленного вывода перуанских войск или объявить войну Перу²⁴⁴. Затем депутаты наделили полномочиями временного президента генерала Веласко, который должен был возглавлять государство до прибытия генерала Андреса Санта Круса. Затем конгресс был распущен.

Перед лицом решимости боливийцев бороться за свою независимость Гамарра начал поспешный вывод войск. Веласко с войсками двинулся к Ла-Пасу, чтобы не допустить его отторжения. В отсутствие временного главы государства в столице собрался конгресс, на котором проперуанские депутаты избрали новым президентом Педро Бланко²⁴⁵. Однако патриотически настроенные военные арестовали Бланко, а затем убили, завершив его недолгое 16-дневное правление. Вновь был избран временным президентом Веласко до того, как придет Санта Крус.

Боливийцам удалось отстоять свою независимость, после политического хаоса элита предпочла призвать к руководству сильного лидера, генерала Андреса Санта Круса, которому предстояла тяжелая работа по созиданию нового государства.

²⁴² *Lofstrom W.L.* Op. cit. P. 499.

²⁴³ *El Jral. D. Pedro Blanco y los sucesos de 1828.* P. 65.

²⁴⁴ *Cortés M.J.* Op. cit. P. 119.

²⁴⁵ Вскоре Потоси потребовало отозвать своих депутатов, ссылаясь на нарушения при их избрании.

Глава 6

ПРАВЛЕНИЕ АНДРЕСА ДЕ САНТА КРУСА И ПЕРУАНСКО-БОЛИВИЙСКАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ. 1829–1839

Андрес де Санта Крус и Калаумана родился в Ла-Пасе 30 ноября 1792 г. Его отец Хосе де Санта Крус и Вильявисенсио был креольским аристократом из Уаманги, а мать Хуана Басилеа Калауама принадлежала к индейской знати, ведущей свое происхождение от инков. Санта Крус получил образование сначала в Ла-Пасе, а затем в Куско. Вернувшись после учебы в Ла-Пас, во время войны за независимость, записался в королевскую армию. В 1817 г. он попал в плен к патриотам в Тарихе, затем бежал из тюрьмы в Буэнос-Айресе и вернулся в королевские войска. В декабре 1820 г. вновь оказался в плену в Серро-де-Паско и в этот раз решил присоединиться к войскам патриотов. Хосе де Сан-Мартин отдал под его командование полк и присвоил звание полковника.

В 1822 г. Санта Крус сражался в битве при Пичинче, за что получил чин генерал-бригадира. В 1825 г. участвовал в последней военной компании в Верхнем Перу против генерала Оланьеты. В мае 1828 г. президент Перу генерал Агустин Гамарра, воспользовавшись военным восстанием в Чукисаке, во время которого Сукре был тяжело ранен, вторгся со своей армией в Боливию и занял город Ла-Пас. По договоренности с боливийскими генералами Хосе Марией де Урдининеа и Педро Бланко он ставил цель изгнать из страны освободительную колумбийскую армию. Подписание договора в Пикисе 7 июля 1828 г. означало конец либерального правительства, установленного в Боливии в 1825 г. Несмотря на то что Национальная ассамблея в Чукисаке в августе 1828 г. выбрала Андреса Санта Круса президентом, а Хосе Мигеля Веласко вице-президентом, Гамарра добился от созванной в Ла-Пасе в декабре новой Ассамблеи аннуляции предыдущего выбора и избрания на пост президента своего ставленника генерала Педро Бланко. Свержение и убийство генерала Бланко через 10 дней правления на этом посту разрушили перуанский замысел оказывать через него решающее влияние на боливийскую политику. После такой неожиданной развязки конгресс постановил вернуться к своему августовскому решению о передаче власти вице-президенту Веласко, пока Санта Крус не вернется из Чили. 24 мая 1829 г. Санта-Крус вступил в должность¹.

Первое правительство генерала Санта Круса (1829–1834)

Первым актом Санта Круса было аннулирование боливарианской конституции 1826 г., по которой срок полномочий президента был пожизненным. 16 июля 1829 г. новый глава государства временно принял на себя диктаторские полномочия, заявив, что несет всю ответственность перед страной и законными представителями народа и, как только позволят обстоятельства,

© В. Перальта Руис

¹ *Irurozqui M., Peralta V. Los países andinos // Historia de España Menéndez Pidal. La España de Fernando VII / Coord. M.V. López Cerdón. T. XXXII. Vol. II. Madrid, 2001. P. 505–506*

созовет Учредительное собрание для выработки новой конституции. Позднее, в 1840 г. он объяснял, что его целью как президента было «объединить партии, восстановить доверие граждан, обеспечить общественный порядок, организовать финансовую систему и усмирить анархистов»². Возможность военного столкновения с Перу и необходимость вытащить страну из политического хаоса и экономической разрухи обусловили сохранение чрезвычайного мандата президента вплоть до 1831 г.³

В начале 1831 г. Санта Крус созвал Национальную Ассамблею, которая должна была принять новую конституцию. Ассамблея без проблем одобрила все акты президента, утвердила его в должности и удостоила титула «Великого гражданина» и «Восстановителя родины». Санта Крус был провозглашен конституционным президентом, а вице-президентом стал генерал Хосе Мигель де Веласко.

Затем Ассамблея приступила к рассмотрению текста конституции, которая и была принята 14 августа 1831 г. В соответствии с ней боливийская земля не может быть ничьим наследственным владением, а имя страны не может быть изменено никогда. Страна делилась на департаменты Потоси, Чукисака, Ла-Пас, Санта-Крус, Кочабамба, Оруро и провинции Литораль (побережье Тихого океана) и Тарихи. Католическая религия объявлялась единственной и государственной. Политический режим Боливии утверждался как республиканский и представительный в форме унитарной республики.

С вступлением в силу основного закона создавался двухпалатный парламент (сенат и палата представителей) и Государственный совет из представителей каждого департамента. Президента и депутатов избирали прямым голосованием. Гражданскими правами пользовались все женатые мужчины старше 21 года, которые имели какое-либо занятие, профессию и не находились в услужении третьих лиц (прислуга исключалась из числа граждан). Конституция была выдержана в консервативном и президенталистском духе⁴. Санта Крус получил президентские полномочия сроком на 4 года с правом переизбрания.

При Санта Кресе наступил период политической стабильности, когда отошли в прошлое восстания и государственные перевороты. Амнистия, объявленная 24 мая 1830 г., стала серьезным шагом в расширении поддержки нового правительства среди политиков и военных, которые не спешили признавать его легитимность из-за вовлеченности Санта Круса в перуанскую политику. Санта Крус был маршалом перуанской армии, а в 1826 г. был назначен Боливаром председателем перуанского правительства. Процесс примирения с местной элитой, начатый Санта Крусом, включал в себя церковь, особо пострадавшую от антиклерикальной политики Сукре. 16 июля 1830 г. Санта Крус издал декрет о защите государством католической веры⁵.

² *Santa Cruz A.* El general Santa Cruz explica su conducta pública y los móviles de su política en la presidencia de Bolivia y en el Protectorado de la Confederación Perú-Boliviana. Quito, 1840. P. 13.

³ *Crespo A.* Santa Cruz. El Condor Indio. México, 1944. P. 100.

⁴ *Trigo C.F.* Las constituciones de Bolivia. Madrid, 1958. P. 82–84.

⁵ *Peralta Ruiz V., Irurizqui M.* Por la concordia, la fusión y el unitarismo. Estado y caudillismo en Bolivia, 1825–1880. Madrid, P. 97–98.

Андрес де Санта Крус

По результатам первой переписи в 1830 г. население составило 1 088 768 человек, из которых 750 тыс. были индейцы⁶. Для улучшения состояния здравоохранения 6 апреля 1831 г. президент учредил в Ла-Пасе «Временный трибунал *Protomedicato*», в который вошли врачи, фельдшеры и прочие медицинские специалисты из основных городов. Этот трибунал занялся распространением прививки вакцины против оспы. Политика создания системы здравоохранения увенчалась созданием в 1834 г. Медицинского колледжа, который по политическим мотивам был распущен в 1837 г.

Не в последний раз индейцы, плательщики трибута, признавались декретом от 2 июля 1829 г. «полноправными гражданами, занятыми обработкой земли, выращиванием скота и другими сельскими работами, с которыми сле-

довало обращаться с человеколюбием и справедливо оплачивать их труд»⁷. Конституции Санта Круса установили срок, согласно которому с 1839 г. устанавливалось ограничение гражданских прав (т.е. быть избирателем) требованием уметь читать и писать.

Оплата трибута стала критерием легитимации гражданства индейцев. В этой позиции властей отразилось влияние испанской конституции 1812 г., провозгласившей особое отношение к положению горожан, а также убеждение, что не прямое избирательное право способно дать государственную защиту индейцев. Признание прав индейцев отражало изменение подхода государства к месту индейцев в обществе⁸. Индейцы голосовали на выборах, хотя и в рамках сложной не прямой, трехступенчатой системы, а для того чтобы быть избранными выборщиками или депутатами, по закону от 13 сентября 1831 г. они должны были быть грамотными и владеть собственностью, дающей определенный доход⁹. Это требование индейцы не могли выполнять наравне с белыми и метисами, но оно создавало предпосылки для постепенного включения индейцев в политическую жизнь. Однако эта тенденция прервалась в 1839 г. с принятием цензового избирательного права в новой конституции при правительстве Веласко.

⁶ Mesa J., Gisbert T., Mesa Gisbert C. Historia de Bolivia. La Paz, 1997. P. 345.

⁷ Цит. по: Flores D. Gobierno del mariscal Andrés Santa Cruz (1829–1839). Administración // La vida y obra del mariscal Andrés Santa Cruz. La Paz, 1976. T. III. P. 146.

⁸ Irurizqui Victoriano M. Vocación de servicio a Bolivia. Tributo, ciudadanía y comunidades indígenas, 1825–1839 // Anuario de Estudios Bolivianos, Archivísticos y Bibliográficos. N 12. Sucre, 2006. P. 233–265.

⁹ Barragán R. Asambleas Constituyentes. Ciudadanía y elecciones, convenciones y debates (1825–1971). La Paz, 2006. P. 18.

Для оздоровления финансов Санта Крус установил протекционистскую систему. В 1829 г. был установлен новый таможенный тариф. Высокими пошлинами облагались предметы роскоши, а низкими – машины, железо, сталь. От пошлин освобождались книги и печатная продукция для просвещения народа. Бюджет был сбалансирован, а экономическая деятельность жестко контролировалась казначейством. В 1831 г. доход государства достиг 1 млн 600 тыс. песо, бюджет был бездефицитным. Кроме того, были упорядочены налоги, восстановлена подушная подать, трибuto для индейцев-общинников.

Значение трибuto в государственных доходах было огромным: при Санта Кресе в департаменте Потоси оно давало 31–38% от всех доходов казны, превысив поступления от чеканки денег в Монетном дворе, от таможи и налогов на серебро¹⁰. В целом к 1838 г. более половины доходов казны шли от трибuto индейцев. Политически трибuto сделало индейцев центром консолидации нации и превратило их в «настоящих граждан, полезных государству», хотя «из-за их униженного и бедственного положения, невежества и безграмотности» они нуждались в опеке. Признание их прав как граждан не вышло за рамки патернализма со стороны государства¹¹.

Доходы горнорудной промышленности Потоси и отчасти Оруро, которые в колониальную эпоху были мотором развития экономики Чаркас, резко упали, а к моменту прихода к власти Санта Круса добыча серебра практически остановилась из-за последствий хозяйственной разрухи после войны за независимость, высоких цен на ртуть, отсутствия кредита и государственной монополии на продажу серебра¹². Для исправления ситуации Санта Крус сделал упор на восстановление и стимулирование добычи серебра, для чего был создан Горный трибунал, который стал высшим судом в отрасли. Для поддержки добычи серебра изменилась политика Монетного двора в Потоси и Выкупного банка (создан в 1833 г.). В 1831 г. была отменена так называемая десятина на серебро, которую заменили на 5-процентный налог от стоимости добытого металла.

Однако принятые меры по возрождению отрасли не дали результата, хотя частная инициатива, как, например, братьев Ортис в Потоси, которые привлекали новые технологии и свободный наем рабочей силы, индейцев, способствовала некоторому оживлению, которое продолжалось до 1838 г.¹³ Санта Крус также делал ставку на добычу золота. Для выкупа золота у старателей в департаменте Ла-Пас правительство выделило 100 тыс. песо на два года. Были отчеканены золотые монеты на общую стоимость 1 079 942 песо¹⁴. Это продолжалось с 1831 г. до отставки Санта Круса в 1839 г.

¹⁰ Platt T. Estado tributario y librecambio en Potosí (siglo XIX). La Paz, 1986. P. 49.

¹¹ Irurozqui M. Cuando Charcas devino en Bolivia, Algunas reflexiones sobre el cambio político / Eds. I. Frasset, A. Slemán // De las independencias iberoamericanas a los Estados nacionales (1810–1850). 200 años de historia. Madrid, 2009. P. 172.

¹² Mitre A. Los patriarcas de la plata. Estructura socioeconómica de la minería boliviana en el siglo XIX. Lima, 1981.

¹³ Platt T. Producción, tecnología y trabajo en la rivera de Potosí durante la república temprana // El Siglo XIX. Bolivia y América Latina / Comps. R. Barragán, D. Cajías, S. Qayum. La Paz, 1997. P. 395–435.

¹⁴ Mesa J., Gisbert T., Mesa Gisbert C. Op. cit. P. 347.

Главным новшеством в финансовой политике Санта Круса было введение в обращение «слабого песо», фекле, с низким содержанием серебра, «в монете было на один тостон меньше серебра при том же весе и делении на 8 реалов при сохранении внешнего вида полноценных монет». Декрет 10 октября 1829 г. приравнивал эту монету по стоимости к полноценному песо. Доход от порчи монет предполагалось направить на развитие золотодобычи. Эта монета получила большое распространение, особенно в крестьянских хозяйствах, а также стала региональной монетой, обращавшейся не только в Боливии, но и на юге Перу и севере Аргентины¹⁵.

Санта Крус обратил внимание и на сельское хозяйство. Его правительство несколько раз объявляло о премиях тем, кто будет вводить новые технологии в деревне. Однако успехов на этом поприще добиться не удалось. Одновременно была введена монополия на добычу хины (хинной коры): в 1834 г. в Ла-Пасе было создано Общество по скупке и продаже на экспорт коры. В декабре 1832 г. был введен запрет на три года на охоту за шиншиллой, чтобы предотвратить ее полное исчезновение.

Санта Крус сочетал принципы свободной торговли и протекционизма. Одна из его либеральных мер была поддержка ввоза текстильного импорта через Кобиху с целью оживить торговлю через этот тихоокеанский порт. 12 октября 1832 г. этот порт (он также назывался Ла-Мар – Море) был объявлен свободным от всех налогов и таможенных сборов. Тем не менее в середине 30-х годов французский вице-консул в Кобихе писал, что местное индейское население продолжает пользоваться только местными, собственными тканями, а «единственными потребителями европейских товаров в Боливии являются белые и метисы, число которых не превышает 300 тыс. человек»¹⁶.

Одним из секретов успеха правления Санта Круса была реформа армии. Новый военный устав разделил функции Военного министерства и Генштаба, установив реальную дисциплину в военной иерархии. К этому уставу добавились современные кодексы, указы и регламенты, а также была создана Военная школа. В 1834 г. армия насчитывала 3 тыс. человек, 4 батальона пехоты, 2 полка кавалерии и одну артиллерийскую бригаду. В 1829 г. Санта Крус создал национальную гвардию для поддержки регулярной армии. 27 августа 1830 г. в Ла-Пасе были сформированы первые два батальона гвардии, затем по батальону появилось в Кочабамбе, Потоси и Чукисаке, а в Оруро и Санта-Кресе – четыре роты. Печатный орган правительства писал, что каждый ополченец «должен походить на простого спартанца по своему внешнему виду, дисциплине и храбрости»¹⁷. В послании к нации 1833 г. президент указывал, что национальная гвардия в провинции насчитывала 22 батальона пехоты и 13 полков кавалерии.

Одним из главных достижений правительства Санта Круса была модернизация законодательства. Боливия – одна из первых латиноамериканских

¹⁵ *Mitre A.* El monedero de los Andes. Región económica y moneda boliviana en el siglo XIX. La Paz, 1986.

¹⁶ Цит. по: *Huber Abendroth H.* Comercio, manufactura y hacienda pública en Bolivia entre 1825 y 1870 // *El Siglo XIX. Bolivia y América Latina.* P. 336.

¹⁷ *El Iris de la Paz.* 8 de diciembre de 1830.

стран, принявших передовое законодательство. 28 октября 1830 г. был принят первый, уголовный кодекс. В его основе лежали принципы испанских законов Каталатравы, идеи И. Бентама и Б. Констана. Адаптировать их к боливийской реальности должен был совет под председательством Санта Круса, куда входили его министры и члены Верховного суда. Новые законы были введены в действие Национальной Ассамблеей 22 марта 1831 г.¹⁸ Гражданский и уголовный кодексы, известные как кодексы Санта Круса, были обнародованы одновременно во всех столицах департаментов и провинций 2 апреля 1831 г. Судебный кодекс, заменивший соответствующий закон, принятый Кадисскими кортесами в 1812 г., был опубликован 14 ноября 1832 г. И наконец, в 1834 г. был издан Торговый кодекс, на содержании которого отразилось влияние испанского коммерческого кодекса 1819 г., заменившего старые орденансы Бильбао¹⁹.

У правительства Санта Круса случались и неудачи. Самой серьезной была попытка создать удобный порт на побережье для связи с миром. Сам Санта Крус, будучи членом Государственного совета Перу, несет ответственность за провал в ноябре 1826 г. боливийской дипломатической миссии Игнасио Ортиса де Севальи, предлагавшей передать Арику Боливии взамен территории Копакабаны и провинции Аполобамбы. Четыре года спустя уже в качестве боливийского президента он удостоверился, что боливийский порт Кобиха бесполезен для внешних связей из-за невозможности соединить его с Ла-Пасом, Потоси и Чукисакой. Первой его мерой было объявление Кобихи порто-франко, что не имело никаких последствий и не оживило торговлю, которая продолжала идти через Арику. Также не удалось построить дорогу между Кобихой и Потоси. Самым большим достижением в этой области было строительство крепости в порту Кобихи, способной укрыть 300 человек. Это позволило увеличить число жителей Кобихи со ста до 1200 человек.

Неудачными оказались попытки Санта Круса контролировать префектов, глав региональной власти, которые окружили себя клиентелистскими сетями и связями, постоянно укрепляя свои позиции на местах. Пришедшие к власти люди присоединили к своим полномочиям и военное командование гарнизонами. Они распределяли местные должности среди своих сторонников, создавая серьезные проблемы для бюджета. В 1833 г., выступая в конгрессе, Санта Крус обещал сократить огромное число государственных служащих, «которое не соответствует ни потребностям страны, ни количеству ее жителей». Однако все произошло наоборот, в 1835 г. количество служащих увеличилось, особенно военных, после создания конфедерации Перу и Боливии²⁰. Тогда же появилась серьезная проблема, которую называли «мания получения места» (*empleomanía*), когда каждый правитель не мог устоять от соблазна создавать новые чиновные места для своих сторонников.

В период с 1831 по 1835 г. были приняты акты, определявшие территориальное деление республики, функции и полномочия префектов, субпрефектов и коррехидоров. Этим чиновникам запрещалось участие в судебной

¹⁸ Crespo A. Op. cit. P. 111.

¹⁹ Abecia Baldivieso V. La obra legislativa del mariscal Santa Cruz // La vida y la obra del mariscal Andrés de Santa Cruz. T. III. P. 79–99.

²⁰ Peralta Ruiz V., Irurozqui M. Op. cit. P. 41–42.

практике. Была введена система апелляций судебных решений вплоть до Верхового суда, принят новый устав полиции.

Свою задачу правительство видело в развитии путей сообщения для усиления связей между регионами. Было начато строительство дорог между Ла-Пасом и Юнгас, между Кочабамбой и Мохос, моста на р. Пилкомайо. В эти годы было сделано много для народного просвещения: создана Горнорудная школа; реформированы уставы университетов в Чукисаке и Ла-Пасе; в Чукисаке открыт Национальный институт, ему передавалась большая библиотека; в Ла-Пасе учреждены медицинское училище, академия юриспруденции, колледж точных наук; страна покрылась сетью начальных школ; в Ла-Пасе открылась общественная библиотека. Не осталась без внимания президента восточная часть страны, в Санта-Крусе появилось ремесленное училище²¹.

20 октября 1834 г. президент принял новую конституцию, изменив несколько статей 1831 г. До этого заседания конгресса проходили ежегодно, после реформы – раз в два года. Президент мог быть подвержен суду лишь по обвинениям в предательстве, незаконном захвате власти или узурпации полномочий законодателей. Президент не мог отсутствовать в стране без предварительного одобрения конгресса²².

В центре внимания Санта Круса были отношения с Перу. Несмотря на то что Санта Крус был непосредственным свидетелем провала попыток Боливара объединить Перу и Боливию с Великой Колумбией, он мечтал видеть Боливию вместе с ее северным соседом. Этому утопическому проекту противостояла политика генерала-консерватора, президента Перу Агустина Гамарры, бывшего в свое время товарищем по оружию Санта Круса во время войны за независимость. Гамарра считал, что Перу должна постоянно опекать Боливию и даже добиться ее поглощения. Их взаимное недоверие объясняет отсутствие успехов в переговорах по установлению дружественных отношений между странами. 25 августа 1831 г. был подписан договор в Тикине. Он предусматривал сокращение армий обеих стран до 5 тыс. перуанских войск и до 3 тыс. боливийских. 8 ноября того же года в Арекипе был подписан договор о мире и дружбе, по которому войска сокращались в Боливии до 2 тыс., а в Перу до 3 тыс. Обе стороны обязывались не вмешиваться во внутренние дела друг друга. Этот договор был дополнен торговым соглашением, подписанным 17 ноября 1832 г.

Разногласия между Перу и Боливией возобновились, когда в правительстве Гамарры разразился политический кризис. В апреле 1831 г. он сместил своего вице-президента генерала Антонио Гутьерреса де Лафуэнте, обвинив его в заговоре. Когда же этот генерал появился в Чукисаке как друг Санта Круса, это вызвало большое раздражение Гамарры. Несмотря на подписание торгового договора, Гамарра стал обвинять Санта Круса в поддержке секретных лож в южных провинциях Перу, которые готовили присоединение этого района к Боливии.

²¹ Flores D. Gobierno del Mariscal Andrés de Santa Cruz (1829–1939). Administración interna // AA. VV. La vida y la obra del mariscal Andrés de Santa Cruz. La Paz, 1976. T. III. P. 103–168.

²² Trigo C.F. Op. cit. P. 85–86.

Создание Перуанско-боливийской конфедерации

Правление Гамарры в Перу закончилось 20 декабря 1833 г., когда на президентских выборах победил генерал-либерал Луис Хосе де Орбегосо. 4 января 1834 г. Гамарра поднял мятеж против Орбегосо, провозгласив президентом своего сторонника генерала Педро Бермудеса. Орбегосо был поддержан военными частями в Лиме и Арекипе, а Гамарра – в Пуно, Куско и Уанкавелике. В стране началась гражданская война. В пылу борьбы командующий гарнизоном Арекипы генерал Доминго Ньето 14 января 1834 г. обратился к Боливии за помощью для защиты конституционного правительства Орбегосо. Санта Крус, не желая нарушать недавно заключенный договор о невмешательстве во внутренние дела, послал своего представителя Элиаса Бедойя для переговоров с генералом Ньето. В ответ уже сам президент Орбегосо 11 февраля запросил о военной помощи. Санта Крус обещал оказать ее Ньето при условии его согласия на объединение с Боливией в федерацию. Ньето согласился и послал в Боливию генерала Ансельмо Кироса для заключения договора о создании Перуанско-боливийской конфедерации. Параллельно с этим верный Орбегосо перуанский конгресс собрался в Лиме и разрешил президенту запросить помощь Боливии в гражданской войне, но не затронул тему объединения стран. Санта Крус мобилизовал свои вооруженные силы у границы, когда 24 апреля 1834 г. восставшие войска Гамарры уже капитулировали в Макинуайо.

Неожиданно Гамарра попросил убежища в той же Боливии, а Санта-Крус принял его как своего старого соратника по войне за независимость. Гамарра остановился в Кочабамбе, где подружился с генералом Лафуэнте, с которым стал плести нити заговора против Орбегосо. Узнав о планах заговорщиков и об их деятельности на юге, где активно работали и агенты боливийцев, Орбегосо выдвинул Санта Крису ультиматум, потребовав прекратить все попытки дестабилизации в Перу. В ноябре 1834 г. он отправился в поездку по южным провинциям с целью положить конец политическим интригам гамарристов. Пользуясь тем, что в Лиме осталось мало войск, молодой генерал Фелипе Сантьяго Салаверри поднял восстание в Кальяо 20 февраля 1835 г. и провозгласил себя главой Перу. Восстание было поддержано почти всеми провинциями, за исключением Арекипы, Куско и Пуно. В середине 1835 г. сторонники Гамарры подняли восстание против Орбегосо в Куско. Из трех Санта Крус решил поддержать слабейшего, а значит менее опасного для его планов конфедерации. 13 июня 1835 г. в Ла-Пасе посол Перу Ансельмо Кирос подписал договор с боливийским правительством, соглашаясь на вторжение боливийских войск на перуанскую территорию. Санта Крус осуществлял общее командование всеми перуанскими военными силами. Войска вторжения могли оставаться на территории Перу до полного умиротворения страны, пока ассамблеи департаментов не примут решение об объединении с Боливией через предварительный раздел Перу на два отдельных государства. На следующий день армия Санта Круса в 5 тыс. человек пересекла пограничную реку Десагуадеро и 28 июня заняла г. Пуно²³.

²³ *Parkerson P.T.* Andrés de Santa Cruz y la Confederación Perú-Boliviana 1835–1839. La Paz, 1984. P. 92–95.

Орбегосо и Санта Крус встретились в поселке Вильке 8 июля 1835 г. Орбегосо передал боливийскому президенту все свои полномочия, пообещав созвать два учредительных собрания на юге и севере Перу для создания двух государств, которые войдут в конфедерацию. В Боливии договор был принят конгрессом 22 июля 1835 г. Об этом соглашении был проинформирован Гамарра, который находился в Куско. Он был вынужден заявить о принятии договора. Узнав о деталях нового союза, Салаверри назвал Орбегосо предателем и объявил войну боливийской армии. Гамарра решил дистанцироваться от Санта Круса и 27 июля 1835 г. подписал соглашение с Салаверри, признавая его главой перуанского государства и передавая под его командование свою армию. Однако затем Гамарра без согласования с Салаверри решил выступить против боливийских войск. Армии Санта Круса и Гамарры встретились у Янакочи 13 августа 1835 г., и удача была на стороне первой. Санта Крус захватил 915 пленных, в том числе 78 офицеров и всю артиллерию противника. Гамарра бежал в Лиму, но был арестован и выслан в Коста-Рику. Боливийская армия контролировала весь юг Перу. У Салаверри была Лима и все побережье благодаря десятку кораблей флота. Стратегия перуанского командующего состояла в создании угрозы вторжения в Боливию. 24 сентября 1835 г. перуанский флот занял Кобиху и взял в плен всех чиновников и военных порта. В декабре 1835 г. перуанские войска прошли на юг от Лимы и заняли Арекипу. Однако эта стратегия была ошибочной, так как Лима осталась без защиты, и армия Орбегосо заняла ее 18 января 1836 г., подавив последний оплот Салаверри – крепость Кальяо. Через неделю Арекипа была занята совместной перуанско-боливийской армией, а Салаверри со своими людьми вынужден был отступить в Сокабайю. Там 8 февраля произошло решительное сражение, в котором верх одержали войска Санта Круса. Салаверри и его офицеры были захвачены в плен и расстреляны 18 февраля 1836 г.²⁴

Санта Крису удалось умиротворить Перу и стать реальным хозяином положения, несмотря на то что Орбегосо продолжал претендовать на пост президента. Чтобы не оставалось сомнений в законности действий Санта Круса, он согласовывал все свои действия с перуанским президентом и конгрессом²⁵. Следуя своему плану, изложенному в договоре о взаимопомощи 1835 г., Санта Крус созвал региональные ассамблеи в обеих частях Перу. Ассамблея Южного Перу начала свои собрания 16 марта 1836 г. в Сикуани. На следующий день депутаты объявили о независимости четырех южных департаментов и об их объединении в Южноперуанское государство, а также о своей решимости создать конфедерацию с Боливией и Североперуанским государством.

На севере не все было гладко с созывом ассамблей, что объясняется недоверием элиты Лимы и ее страхом утраты гегемонии на тихоокеанском побережье, а также неприятием Санта Круса политиками севера. День открытия собрания был назначен на 15 июля, но удалось собрать депутатов лишь 3 августа. 6 августа северная ассамблея провозгласила независимость и создала

²⁴ *Parkerson P.T.* Op. cit. P. 95–104.

²⁵ *Aljovín de Losada C.* ¿Una ruptura con el pasado? Santa Cruz y la constitución // *Cultura política en los Andes (1750–1950)* / Eds. C. Aljovín de Losada, N. Jacobsen. Lima, 2007. P. 131–154.

Североперуанское государство, присоединившись к конфедерации Южного государства и Боливии. Еще до этого Санта Крус удалось собрать боливийскую ассамблею в Тапакари (Кочабамба), которая 20 июня 1836 г. одобрила создание конфедерации и уполномочила Санта Круса определять все детали объединения. Три ассамблеи утвердили его титул Верховного Протектора и Непобедимого Умиротворителя. После этого Санта Крус, переехав из Уаманги, торжественно вступил в Лиму 15 августа 1836 г.

Орбегосо передал президентский пост Санта Крусу в присутствии председателя Ассамблеи Севера Эваристо Гомеса Санчеса. Это акт был абсолютно неконституционным. 20 октября 1836 г. Санта Крус официально объявил о создании Перуанско-боливийской конфедерации. Первая статья декрета о конфедерации провозглашала, что она состоит из Североперуанского, Южноперуанского государств и Боливии. Вторая статья определяла полномочия конгресса, который должен будет установить основы конфедерации, в его состав войдут по одному представителю от каждого из трех государств, и он соберется в Такне 24 января будущего года²⁶. Санта Крус сам назначил членов комиссии по выработке конституции.

Конгресс в Такне собрался 18 апреля 1837 г. На нем присутствовал сам Санта Крус, сопровождая боливийских представителей, которым и поручили написать конституцию. Делегаты двух перуанских государств хотели включить в повестку дня проблему долга Боливии Перу за освобождение во время войны за независимость, но боливийцы отказались обсуждать этот вопрос, и он был снят.

1 мая 1837 г. девять делегатов подписали акт об основании Перуанско-боливийской конфедерации. Ее флагом стало красное полотнище с гербами трех государств, переплетенных между собой лавровыми венками. В каждом государстве сохранялось свое правительство, которое подчинялось верховному правительству, занимавшемуся военными делами, экономической политикой и внешними отношениями. Верховное правление поручалось протектору, которого избирал конгресс сроком на 10 лет с правом переизбрания. Протектор был главнокомандующим, а президенты трех государств – генерал-капитанами. Внешняя политика была исключительной прерогативой верховного правительства. Оно же должно было установить торговый, таможенный и почтовый режим. Протектор создавал те министерства, которые считал нужными, и назначал президентов трех республик конфедерации²⁷.

Документ признавал католическую церковь единственной официальной религией страны. Исполнительная власть доминировала над законодательной и судебной. Законодательная власть – конгресс состоял из двух палат (депутатов и сенаторов), которым предписывалось заседать раз в два года 50 дней. Пятнадцать сенаторов – по пять от каждого государства назначались протектором из предлагаемых ему коллегиями выборщиков кандидатур. Депутатами были по 7 представителей от каждого государства сроком на 6 лет. Протектор имел право распустить конгресс, если в нем «воцарится дух беспорядка, который будет угрожать внутреннему миру конфедерации». Вво-

²⁶ Crespo A. Op. cit. P. 200.

²⁷ Basadre J. Historia de la República del Perú. Lima: Editorial Perú América, 1963. T. I. P. 391–393.

дилось общее гражданство для всех трех республик. Избирательное право распространялось на всех взрослых мужчин. Выборы были прямыми. Чтобы стать сенатором, депутатом и президентом республик необходимо было подтвердить владение собственностью или иметь частное дело.

Каждая республика должна была самостоятельно выплатить свои долги, образовавшиеся до создания конфедерации. Долги Перу поровну делились между двумя государствами. На всей территории конфедерации обращалась единая монета. Каждая из трех республик должна была иметь свой собственный порт для ведения торговли с иностранными государствами. Эти положения предполагали передачу порта Арики Боливии.

Результаты пакта, подписанного в Такне, не удовлетворили боливийских представителей. Послы Агирре и Буитраго выразили вице-президенту Мариано Энрике Кальво свое недовольство пактом, который несколько не соответствовал боливийским ожиданиям. Кальво разделял взгляды тех, кто требовал передачи Боливии побережья от Тарапака до Мокегуа с портом Арики. Накануне открытия конгресса, который должен был собраться в местечке Пуна (Потоси), чтобы обсудить пакт, Кальво заранее заявил, что хотя пакт не затрагивает национальную независимость, он нарушает основные законы республики²⁸. Другими аргументами против одобрения союза были замечания в том, что, хотя Перу было разделено на два государства, оно получило от протектора экономические и политические преимущества. И наконец, немало было тех, кто выражали опасение, что Чили и Аргентинская конфедерация начнут войну против вновь созданной конфедерации. В связи с этими заявлениями официозная пресса разъясняла, что пакт имеет цель положить конец постоянной угрозе Боливии, исходящей от единого и сильного Перу. 26 августа 1837 г. специальная комиссия конгресса по обсуждению пакта под председательством Андреса Мария Торрико сняла свой доклад, в котором утверждала, что ратифицировать его нельзя. Не желая дискредитировать Санта Круса, комиссия выступила с предложением о снятии пакта с повестки дня. Это предложение было принято, и комиссия объявила, что пакт «навсегда и полностью» предан забвению. Народные демонстрации против конфедерации прошли в Чукисаке, Ла-Пасе и Кочабамбе.

Трудно оценить уровень одобрения или непринятия договора в Перу, так как отсутствовала свобода прессы, но ясно, что перуанское общественное мнение отрицательно отнеслось к наделению генерала Санта-Крус почти неограниченными полномочиями. Также не одобрялись и установленный в пакте слишком короткий срок заседаний конгресса и отмена муниципалитетов. Подвергались критике предполагаемые расходы на содержание административного и военного аппарата конфедерации. Были и противники разделения страны на два государства. Имели место расистские выступления против Санта Круса, которого считали не только боливийцем, но метисом, ибо его матерью была аймара²⁹.

²⁸ Oposición en Bolivia a la Confederación Perú-Boliviana / Comp. R. Querejazu Calvo Sucre, Excmo. 1996.

²⁹ Méndez C. Incas si, indios no. Apuntes para el estudio del nacionalismo criollo en el Perú. Lima, 1996.

Оппозиция пакту и в Перу, и в Боливии заставила Санта Круса временно снять договор с ратификации. 13 марта 1838 г. Протектор подписал декрет о созыве нового конгресса в Арекипе для обсуждения конституции конфедерации. Но 18 сентября 1838 г. в Куско он изменил свое решение и подписал декрет о проведении конгресса и в Североперуанском и Южноперуанском государствах для обсуждения необходимости самого существования конфедерации. В случае одобрения они должны были назначить по три депутата от каждого государства, чтобы вместе с боливийскими представителями составить новый конфедеративный договор. 22 декабря 1838 г. Санта Крус в Лиме издал декрет о созыве конгрессов двух перуанских государств и Боливии. В этом декрете он указал, что отказ одного из конгрессов принять идею конфедерации будет причиной роспуска конфедерации³⁰. Это собрание представителей государств так и не состоялось, так как Санта Крус к этому времени уже был разбит чилийской армией вторжения.

Международные отношения конфедерации были без труда урегулированы с большинством стран, которые уже признали независимость Перу и Боливии. Официальные сообщения, сделанные Санта Крусом в адрес европейских и латиноамериканских правительств, об образовании союза Перу и Боливии вызвали разные отклики. Конфедерация была признана Францией, Великобританией и США. С Соединенными Штатами Америки 30 ноября 1836 г. в Лиме был заключен договор о мире, дружбе, торговле и мореплавании. Подобный договор был подписан 18 ноября 1837 г. с Англией. Хотя с Францией не было никаких договоров, Санта Крус в 1836 г. был награжден орденом «Почетного легиона». Новая Гранада и Мексика не увидели никаких препятствий для установления дипломатических отношений с конфедерацией. Бразильская империя также была настроена на установление сотрудничества с конфедерацией, несмотря на конфликт в 1837 г., когда Санта Крус отказался удовлетворить требования Бразилии вернуть беглых рабов, укрывшихся на территории Боливии³¹.

Боливия во времена конфедерации

14 октября 1834 г. Учредительное собрание приняло закон о выборах президента и вице-президента, которые должны были состояться в первое воскресенье мая 1835 г. Закон придерживался модели кадисской конституции – не прямые выборы с участием всех граждан, в том числе и индейцев. В связи с отсутствием Санта Круса во время военной кампании в Перу вице-президент Веласко был назначен главным министром, а правительство переехало из Чукисаки в Ла-Пас. 22 июня 1835 г. правительство получило чрезвычайные полномочия, и государственное управление сконцентрировалось в руках совета министров под председательством Мариано Энрике Кальво, который занимал пост министра внутренних и иностранных дел. В этих политических обстоятельствах оно действовало до созыва конгресса, который собрался в Ла-Пасе 17 июля. Сенаторы и депутаты провели подсчет голосов

³⁰ *Basadre J.* Op. cit. Т. I. P. 393–395.

³¹ *Parkerson P.T.* Op. cit. P. 148–152.

Битва при Паукарпата

выборщиков. Санта Крус получил большинство — 368 голосов, а Мариано Энрике Кальво в качестве кандидата на пост вице-президента — 282 голоса. 25 июля Кальво принес клятву и одновременно приступил к исполнению функций главы государства на время отсутствия президента Санта Круса. На этом конгресс завершил свои заседания и вновь передал исполнительной власти чрезвычайные полномочия. Правительство Боливии в период конфедерации и второго президентства Санта Круса подчинялось вице-президенту.

4 апреля 1836 г. Санта Крус во главе армии вернулся в Боливию и совершил триумфальный вход в Ла-Пас, где с наибольшими почестями был принят вице-президентом Кальво, который сравнил Санта Круса с Боливаром за умиротворение Перу и за начало процесса объединения двух стран. 15 июня 1836 г. власти созвали конгресс в городке Тапакари (Кочабамба), чтобы наделить Санта Круса полномочиями для создания конфедерации с соседней страной. Депутаты не только единодушно одобрили действия Санта Круса, но и утвердили его титул Верховного Протектора.

С завершением работы конгресса Санта Крус отбыл в Перу, и Кальво вновь возглавил исполнительную власть с титулом «Защитника мира». Также для увековечения побед Санта Круса по французскому образцу был создан Почетный легион. Санта Крус сам определил его знаки отличия: вышитая золотом кокарда и лента через плечо. 2 апреля 1837 г. в Ла-Пасе была проведена церемония приношения клятвы и получения регалий Почетного легиона, членами которого стали Мариано Энрике Кальво, маршал Хосе Луис де Орбегосо, генерал Хосе Мигель Веласко, генерал Филипе Браун, генерал Рамон Эррера, архиепископ Ла-Паса Хосе Мария Мендисабаль, генерал Хосе Бальвиан, генерал Франсиско Бурдетт О'Коннор, глава Вреховного суда Мариано Серрано, министр Касими́ро Оланьета, сенатор Андрес Мария Торрико³².

13 августа 1837 г. в Сукре (бывшая Чукисака) начал заседать конгресс, который прекратил действие чрезвычайных полномочий правительства, а действие конституции было полностью восстановлено. Однако возврат к обычному политическому режиму продолжался недолго. 29 сентября Санта Крус вернулся на пост правителя республики, а после объявления войны Аргентиной и Чили объявил «нацию в опасности» и ввел осадное положение. Все боливийцы от 15 до 50 лет должны были быть призваны в армию или национальную гвардию. Президент приказал изгнать из страны всех аргентинцев и чилийцев, за исключением тех, кто уже жил в Боливии более 20 лет. 30 августа конгресс объявил перерыв в заседаниях до следующего года, наделив правительство новыми чрезвычайными полномочиями для защиты страны и обеспечения внутреннего спокойствия.

В этих обстоятельствах произошла первая попытка свержения Санта Круса. 2 октября в Оруро восстали военные, захватившие форт, но местная национальная гвардия подавила мятеж. Оруро в награду получил титул «Героического и верного города».

15 мая 1838 г. в Оруро собрался конгресс. Санта Крус сообщил о разгроме чилийской экспедиционной армии у Арекипы и о подписании мира при Паукарпаты, который, однако, некоторое время спустя был отвергнут чилийским конгрессом. Боливийский парламент оставил правительству

³² *Morales J.A.* Los primeros cien años de la república de Bolivia. La Paz, 1925. P. 230.

чрезвычайные полномочия в войне с Чили. Также он принял решение о том, что договор о конфедерации после ратификации всеми тремя государствами-членами должен стать основой реформы конституции 1834 г. 18 июля Санта Крус выехал из Ла-Паса в Куско, чтобы возглавить войска своей последней военной компании, оставив страну в руках вице-президента Кальво. Последним политическим актом Санта Круса в Боливии был декрет о выборах 22 декабря 1838 г. в Чрезвычайный конгресс, который должен был собраться в Ла-Пасе одновременно с заседаниями парламентов Южно- и Североперуанского государств для принятия конституции конфедерации. Но этому уже не было суждено состояться.

Важным общественным событием тех лет была перепись населения в 1835 г., согласно которой в стране проживали 1 060 777 человек, что означало небольшое снижение по сравнению с переписью, проведенной четырьмя годами ранее. Большинство жителей были индейцами кечуа и аймара, составившие две трети населения. Для индейцев новая эпоха была временем путаницы в законах, регламентирующих использование земли, на которой они жили и работали. Закон от 28 сентября 1831 г. объявил собственниками занимаемой земли касиков крови и их потомков, а также индейцев – плательщиков трибуто, которые могли доказать, что владеют данной землей более 10 лет. Этот закон был дополнен введением в действие гражданского кодекса в отношении собственности, по которому владелец обладал абсолютной свободой распоряжения своим имуществом. Чтобы обеспечить действие этого положения в землепользовании, правительство 7 февраля 1834 г. издало приказ, по которому индейцы могли самостоятельно продавать или покупать землю, не считаясь с мнением и обычаями общины. Эта норма парадоксально привела не к процессу захвата общинных земель креолами и метисами, а скорее стимулировала требования со стороны орихинарио (полноправных общинников) отъема в свою пользу земли, занятой «пришлыми» и младшими общинниками (*agregados, forasteros*).

Путаница в законодательстве в отношении понятий «общинник» (орихинарио) и «плательщик трибуто» была использована частью индейцев для отъема земли у пришлых индейцев в каждой общине³³. Исследования последних лет показывают, что в 30-е годы XIX в. тяжбы о наследстве и передаче собственности индейцев заполнили все суды, а представители общин опирались в своих претензиях как на колониальное, так и на республиканское законодательство, но чаще всего прибегали к массовому насилию в решении вопросов землевладения, когда речь шла о покупателях земли, не принадлежавших общине³⁴. Рост конфликтов внутри общин по вопросам наследования земли заставил правительство 22 ноября 1838 г. издать разъясняющую инструкцию. В ней указывалось, что индейские участки передаются по наследству преимущественно старшим сыновьям, а за неимением таковых другим очередям родственников. Однако противоречивость действий прави-

³³ *Soux M.L.* El problema de la propiedad en las comunidades indígenas. Patrimonio y herencia 1825–1850 // *El Siglo XIX. Bolivia y América Latina*. P. 500–501.

³⁴ *Klein H.* Haciendas y ayllus en Bolivia, siglos XVIII y XIX. Lima, 1995; *Calderón Jemio R.J.* Conflictos sociales en el altiplano paceño entre 1830 y 1860 // *Data. Revista del Instituto de Estudios Andinos y Amazónicos*. La Paz. 1991. N 1. P. 145–157.

тельства проявилась в декрете 26 января 1839 г., запретившим отчуждение земли, принадлежащей касикам и общинникам–налогоплательщикам трибуто, а все уже совершенные сделки были объявлены недействительными. Государство, как в колониальные времена, вновь взяло на себя функцию гарантии неприкосновенности земли общины в обмен на выплату индейцами трибуто, составлявшему главную статью дохода казны.

Экономика во второй половине 30-х годов испытывала серьезные трудности из-за необходимости содержать армию конфедерации во время междоусобицы в Перу, а затем и в войнах с Чили и Аргентиной. Военные расходы в 1835 г. составили 2 033 577 песо. У правительства не было иной возможности покрыть резкий рост расходов, как за счет сокращения жалования госслужащих – практики, уже опробованной в 1831 г.³⁵ Согласно отчету министра финансов в 1835 г., «единственным ресурсом для покрытия военных расходов было сокращение зарплат служащих пропорционально от 10 до 30%». Правда, обещалось вернуть недоплаченные деньги в следующем году. Общая сумма невыплаченных жалований составила 60 тыс. песо³⁶. Однако о возврате денег пришлось забыть, а сокращения жалований каждый год позволяли покрыть 60% дефицита бюджета по военным расходам. Все это вызвало недовольство чиновников против Санта Круса и Кальво и сказывалось на падении популярности идеи конфедерации. Особенно болезненными были сокращения зарплат в ноябре 1838 г., в период войны с Чили. Тогда у некоторых категорий чиновников удержали до половины жалования.

Конфедерация продвинулась в направлении либерализации торговли с подписанием торговых договоров с Францией в 1835 г. и с Великобританией и США в 1837 г., открывших боливийский рынок для товаров этих стран. Эта политика была дополнена обнулением пошлин на ввоз хлопковых тканей в 1837 г. Правительство попыталось придать импульс развитию находящейся в упадке горнорудной промышленности, снизив в 1837 г. на 3% пошлины на все товары тех иностранных кораблей, которые привезут как минимум триста кинталов ртути, необходимой для производства серебра. Тогда же была объявлена премия тому, кто откроет месторождения ртути в стране, а также пообещана помощь государства в 2500 песо для налаживания ее добычи. Это обещание подвигло группу старателей, начавших уже в 1838 г. разработку ртути в Карвисе в районе Ла-Паса. В апреле 1837 г. был издан указ о запрете на сбор хинной коры на срок до 10 лет, чтобы избежать полного опустошения лесов и исчезновения этого доходного промысла.

В области образования были сделаны важные шаги: в январе 1835 г. в Ла-Пасе был основан Колехио для подготовки учителей под руководством испанского просветителя Хосе Хоакина Мора. В этом институте должны были преподаваться философия, естественное право, римское и каноническое право, литература, политическая экономика, физика и математика. Также в Ла-Пасе было создано Военное училище, в котором обучались 60 кадетов. Для развития технического прогресса в сельском хозяйстве в 1835 г. правительство учредило в каждом департаменте Аграрно-промышленное общество.

³⁵ *Rojas C. Historia financiera de Bolivia. La Paz, 1977. P. 118.*

³⁶ *Peralta Ruiz V., Irurozqui M. Op. cit. P. 70.*

В 1838 г. архиепископ осветил в Потоси трехнефный храм, строительство которого было начато еще в 1808 г., а завершено уже в независимой Боливии. В отношениях с церковью Санта Крус стремился уладить все вопросы с Ватиканом, прежде всего по поводу патроната. 17 февраля 1838 г. Хосе Хоакин Мора был назначен уполномоченным для переговоров с Римом. Враги Санта Круса действовали в Риме против Мору, убеждая папу Григория XVI, что посланник является антиклерикалом, либералом и автором многих антицерковных памфлетов. Тем не менее в начале 1839 г. монсеньор Балуффи, интернунций в Боготе, высказывался очень положительно о Санта Кресе, но Мору считал «революционером, одним из депутатов Испанских Кортесов, которых Фердинанд VII выслал из своего королевства»³⁷. Миссия Мору так и не состоялась из-за краха конфедерации, и конкордат с Ватиканом, к которому так стремился Санта Крус, был заключен им самим уже как послом Боливии в 1850 г.

12 февраля 1838 г. были восстановлены муниципалитеты, отмененные в 1826 г. В отличие от кадисской конституции 1812 г. эти местные органы власти не избирались, а назначались исполнительной властью. Закон устанавливал состав Совета департамента Ла-Паса из 9 знатных патрициев, а в Чукисаке, Потоси и Кочабамбе – из 7, в Оруро и Санта-Кресе – из 5. В провинциях главой был прокурор с четырьмя советниками из местных патрициев. Президент Санта Крус считал, что новые органы управления должны быть «консервативной, умиротворяющей и действенной властью, занимающейся делами во имя общественного блага»³⁸. Конституция 1839 г., разработанная при правительстве Веласко, восстановила выборы в муниципалитеты.

Развал конфедерации

В Чили создание конфедерации восприняли со страхом и недовольством. Боливийское вмешательство в дела Перу рассматривалось как угроза балансу сил в Тихоокеанском регионе. Идеолог чилийского доминирования в регионе Диего Порталес был убежден, что независимость его страны зависела от экономической и морской гегемонии Чили, гарантируя монопольное положение Вальпараисо в ущерб Калье и Арике. Министр Порталес добился в конгрессе отказа признать конфедерацию. Чилийская экономика зависела от рынка сбыта своей пшеницы в Перу, и правительство Чили видело опасность в том, что конфедерация поднимет таможенные пошлины на чилийские товары, чтобы способствовать внутреннему производству в ущерб чилийцам. Чили рассматривала образование конфедерации как агрессию против своих экономических интересов, так как 16 мая 1836 г. Североперуанское государство аннулировало торговый договор, подписанный за год до этого генералом Салавери, который был выгоден именно чилийской стороне. Напряженные отношения между правительствами Санта Круса и Хосе Хоакина Прието ухудшились еще более, когда чилийцы обвинили конфедерацию и, в частнос-

³⁷ *Frontaura Argandoña M.* La Confederación Perú-Boliviana, el mariscal Santa Cruz y la Santa Sede. La Paz, 1977. P. 13.

³⁸ Цит. по: *Rodríguez Ostria G.* Estado y municipio en Bolivia. La Paz, 1995. P. 17.

ти, Орбегосо в поддержке и финансировании попытки свержения чилийского правительства экспедицией бывшего президента Рамона Фрейре на о. Чилоэ в середине 1836 г. И Санта Крус, и Орбегосо отрицали свое участие в этом деле, но чилийцы в отместку отправили в августе 1836 г. два военных корабля «Ахиллес» и «Колоколо» в порт Кальяо для перехвата всех перуанских судов. Англия выступила посредником, и конфедерация и Чили договорились о перемирии при последующем подписании мирного договора. В октябре 1836 г. Чили назначила Мариано Эганью временным поверенным для восстановления отношений с конфедерацией. Чили настаивала на восстановлении статус-кво до 1835 г., но Санта Крус отверг чилийские предложения, считая их неприемлемыми. В результате Эганья покинул Перу, заявив, что у Чили нет другого выхода, как объявить войну конфедерации. 24 декабря 1836 г. чилийский конгресс единогласно проголосовал за войну, указав, что Санта Крус ущемил суверенитет Перу и угрожает национальной безопасности Чили³⁹.

Первая военная экспедиция отплыла из Вальпараисо на юг Перу 15 сентября 1837 г. Она насчитывала 2792 чилийских солдата и 402 перуанца. Возглавил ее адмирал Бланко Энкалада. Чили поддержала Аргентина, которая также объявила войну конфедерации, хотя и не направила войск в поддержку морского похода Чили. Армия вторжения высадилась на побережье Арекипы и 11 октября заняла этот город, на две трети покинутый своими жителями.

Между тем Санта Крус вернулся из Боливии и стал готовить армию для отвоевания Арекипы. Его армия состояла из войск трех государств и национальной гвардии Боливии, после рекрутского набора на юге Перу она достигла 4200 человек. Протектор приказал, чтобы северная дивизия под командой генерала Франсиско Вихиля наступала на противника с тыла. Бланко Энкалада перед лицом сложного положения его армии предложил переговоры о мире. Санта Крус принял это предложение и назначил генерала Рамона Эрреру своим представителем на переговорах с чилийской стороной, с Антонио Хосе де Иррисари. Эти переговоры зашли в тупик и перемирие закончилось.

Санта Крус занял высоты у городка Паукарпата вблизи Арекипы. Бланко Энкалада, понимая, что сражение неминуемо приведет к поражению, вновь предложил Санта Крису переговоры. Подписанный 17 ноября 1837 г. договор при Паукарпате положил конец первой чилийской интервенции. Он предусматривал возвращение в Чили ее войск и обязательство подписать с Перу и Боливией договор о вечном мире. Чили также должна была вернуть конфедерации три корабля, захваченные в Кальяо фрегатом «Ахиллес». И наконец, стороны обязывались воздерживаться от применения силы и следовать принципу невмешательства в дела друг друга. Уступки конфедерации состояли в согласии подписать новый торговый договор с Чили, которая признавалась нацией наибольшего благоприятствования. Более того, Санта Крус предложил выплатить Чили долг Перу со времен войны за независимость. Выполнение договора должна была гарантировать Англия.

Генерал Бланко Энкалада и его войска покинули Арекипу и вернулись на родину. Санта Крус отпраздновал договор в Паукарпата как личную победу, он рассматривал его как гарантию существования конфедерации⁴⁰. Убежден-

³⁹ Bulnes G. Historia de la campaña del Perú en 1838. Santiago, 1878.

⁴⁰ Parkerson P.T. Op. cit. P. 230–234.

ный, что чилийское правительство примет договор, Протектор демобилизовал свою армию, приказал флоту прекратить поход на юг Чили и оставил войска только на аргентинской границе.

На южном фронте Хуан Мануэль Росас 19 мая 1837 г. объявил войну боливийскому правительству. В ходе этого конфликта конфедерация использовала тесные исторические торговые связи, которые всегда существовали между севером Аргентины, провинциями Жужуй, Сальтой, Катамаркой и боливийским югом. Население этих провинций с симпатией относились к соседней Боливии, а правители этих провинций не во всем поддерживали Росаса.

Войска конфедерации под командованием О.Ф. Брауна заняли с боя выгодные позиции у местечка Уамауака. В конце августа 1837 г. некоторые городки севера Аргентины – Жужуй, Санта-Каталина, Яви и Ла-Пуна подписали акт отделения от Аргентинской конфедерации и о присоединении к Боливии. Несмотря на это, Браун выполнил приказ Санта Круса не наступать в глубь аргентинской территории.

Когда аргентинское командование узнало о подписании чилийскими союзниками договора в Паукарпата, оно сразу отвело войска от границы у Атакамы и сконцентрировало войска для захвата Тарихи. Под впечатлением от отступления чилийцев в конце 1837 г. Браун планировал начать наступление на Тукуман и создать там независимое правительство при протекторате конфедерации. Санта Крус разрешил эту операцию, и она началась в первые недели 1838 г., но Протектор сам остановил боливийское наступление в надежде, что аргентинцы согласятся на подписание мира. Однако они отвергли боливийские предложения и 11 июня 1838 г. атаковали у селения Ируйя, но были разбиты боливийскими войсками. Вторая аргентинская дивизия предприняла наступление на Тариху, но и она была разбита Брауном при Монтенегро 24 июня 1838 г. Так победами завершилась военная кампания на южной границе. Усилия Росаса отвоевать у Боливии Тариху потерпели окончательное фиаско. Санта Крус смог сконцентрировать все свои силы на чилийском фронте⁴¹.

Между тем чилийское правительство отвергло договор в Паукарпате, а Бланко Энкалада был отдан под суд по обвинению в предательстве. В этих обстоятельствах генерал Агустин Гамарра вновь появился на политической арене, предложив свои услуги чилийскому правительству, в том числе участие в новой военной экспедиции в Перу. Гамарра первоначально лишь просил Чили профинансировать поход войск, состоящих из перуанцев, укрывшихся от Санта Круса в соседней стране, но затем согласился участвовать в совместном походе, который на этот раз возглавил генерал Мануэль Бульнес. Новая экспедиция в составе 5400 солдат на сорока судах отбыла из Кокимбо. 7 августа 1838 г. она высадилась у Анкона вблизи Лимы.

21 июля 1838 г. против Санта Круса восстала дивизия в Уарасе под командой генерала Ньето. Через два дня посланный на переговоры с восставшими генерал Орбегосо сам примкнул к мятежникам и отказался повиноваться Санта Крису. Декретом 31 июля 1838 г. Орбегосо восстановил символы перуанской армии, существовавшие до создания конфедерации, и вступил в переговоры с чилийцами. Недоверие между Орбегосо и Бульнесом, подстрекаемым генералом Гамаррой, стало причиной провала перегово-

⁴¹ *Parkerson P.T.* Op. cit. P. 239–244.

воров. Между войсками произошло сражение 21 августа 1838 г. в Пиньонате, где перуанцы потерпели поражение. Лима была оккупирована чилийскими войсками, а Ньето и Орбегосо укрылись в крепости Кальяо.

24 августа 1838 г. горожане Лимы, созванные на ассамблею, провозгласили восстановление конституции 1834 г., а Гамарра был избран временным президентом Перу. Понимая, что их армия не выдержит атаки армии конфедерации, 8 ноября Бульнес и Гамарра решили уйти в район северной Сьерры (в горы на север от Лимы) и обосновались со своим штабом в Кальехон-де-Уайлас. Через два дня Санта Крус уже был в Лиме.

Первым решением Санта Круса было сместить генерала Орбегосо с поста президента Североперуанского государства и выслать его в Гуайякиль. Второе решение состояло в обращении к дипломатической британской миссии, которая была гарантом договора при Паукарпате, чтобы та обеспечила прекращение военных действий со стороны Чили. Посол Белфорд Хинтон Уильсон встретился в Уачо с чилийским представителем Мариано Эганьей, но ему не удалось добиться никаких уступок, и война продолжилась. Чилийцы смогли наладить снабжение и реорганизовать оборону своего района.

Санта Крус решил перейти в наступление против чилийцев. Армия конфедерации в 5–6 тыс. солдат расположилась у селения Юнгай. У противника под командой Бульнеса и Гамарры было 4 тыс. солдат. Битва при Юнгае произошла 20 января 1839 г. Чилийцы атаковали противника у холма Сахарная голова и овладели этой стратегической позицией. Линия обороны Санта Круса была прорвана, и войска побежали. В пять часов вечера сражение завершилось преследованием бегущих войск конфедерации. Армия Санта Круса потеряла 1400 убитыми и 1600 пленными. Санта Крус с остатками армии бежал к Лиме, куда прибыл 24 января. Через четыре дня он покинул столицу и отправился в Арекипу, надеясь восстановить свою армию.

Оппозиция в Боливии требовала смещения Санта Круса еще до известий о катастрофе при Юнгае. 9 февраля 1839 г. генерал Хосе Мария Веласко возглавил восстание в Туписе на юге страны. Затем генерал Хосе Бальивиан присоединился к Веласко и поднял восстание в Ла-Пасе. Он приказал боливийским отрядам, находившимся в Пуно, вернуться на родину. Восстание против конфедерации было поддержано выступлениями в Чукисаке, Потоси, Оруро, Кочабамбе и Тарихе. Вице-президент Кальво покинул страну и укрылся в Аргентине⁴². Санта Крус узнал об этих событиях в Арекипе, его проект восстановить армию стал невозможным. 20 февраля он объявил об отставке с поста Протектора конфедерации и с поста президента Боливии. 22 февраля 1839 г. Веласко и Бальивиан были избраны соответственно президентом и вице-президентом. В тот же самый день Арекипа также восстала против Санта Круса. Южноперуанское государство капитулировало в войне с Чили. Санта Крус бежал в порт Ислай и укрылся в доме британского вице-консула. 28 февраля 1839 г. Санта Крус взобрался на борт английского судна «Семаранг», чтобы отплыть в изгнание в Гуайякиль. Более он никогда не вернулся на родину.

⁴² Oposición en Bolivia a la Confederación Perú-Boliviana. Cartas del vicepresidente Mariano Enrique Calvo y el presidente Andrés Santa Cruz / Comp. Roberto Querejazu Calvo. Sucre, 1996. P. 400.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ НЕЗАВИСИМОЙ БОЛИВИИ. ПРЕЗИДЕНТСТВО ХОСЕ БАЛЬВИАНА. 1839–1848

После краха проекта Санта Круса по восстановлению бывшего вице-королевства Перу в лице Перуанско-боливийской конфедерации Боливия вступила в полосу политической нестабильности, отличавшейся появлением многочисленных отрядов во главе с каудильо, боровшихся за власть.

Веласко провозгласил себя временным президентом вплоть до решения Учредительного собрания. Собрание открыло свои заседания в Чукисаке 16 июня 1839 г. и провозгласило Веласко президентом, отвергнув кандидатуру Бальивиана на пост вице-президента. Когда собрание отказалось даже заслушать Бальивиана, он сложил свои полномочия депутата и отправился в Ла-Пас, где 7 июля 1839 г. поднял открытое восстание против Веласко. Это восстание не имело успеха, и Бальвиан был вынужден бежать в Перу. Там, в Такне он плел сети заговоров с оставшимися в Боливии его сторонниками в конгрессе и армии. У Санта Круса в Боливии оставались многочисленные сторонники, желавшие его возвращения в Боливию. В июле 1841 г. ряд восстаний за возвращение Санта Круса произошли в нескольких городах страны. Сторонники Бальвиана также поднимали восстания в течение всего 1841 г. Военный мятеж в Кочабамбе 10 июня 1841 г. увенчался успехом. Веласко был арестован, а затем выслан в Аргентину.

Перуанский президент Агустин Гамарра решил воспользоваться политической ситуацией и хаосом в Боливии. Он задумал ввести туда свои войска, чтобы воспрепятствовать возвращению Санта Круса во власть. Находившийся в Перу Бальвиан заключил тайный договор с Гамаррой, объявлявший главной целью обоих политиков борьбу с Санта Крусом и его попытками вернуться в Боливию. 27 сентября 1841 г. Бальвиан принял на себя все властные полномочия во имя восстановления порядка в стране. Он прибыл в Ла-Пас, назначил новое правительство и направил послание Гамарре, в котором сообщал о своем приходе к власти и о том, что вторжение перуанских войск более не нужно. Письмо было послано 1 октября, а 2 октября 1841 г. армия Гамарры уже шла по Боливии. Результатом перуанской интервенции было немедленное объединение всех боливийских каудильо вокруг Бальвиана, который призвал всех боливийцев к единству перед лицом перуанской угрозы. 18 ноября 1841 г. боливийцы разбили перуанские войска в битве при Ингави, которую стали называть второй войной за независимость.

Чтобы закрепить свою победу, Бальвиан, оставив управление страной исполнительному комитету, продолжил военный победоносный марш на перуанской территории и 7 октября 1842 г. оккупировал территорию перуанских департаментов Такны и Пуно. Бальвиан хотел навсегда положить конец попыткам Перу присоединить к себе Боливию. Также он стремился

Битва при Ингави

отделить порт Арику от Перу, присоединив его к Боливии, ибо он являлся жизненно необходим для экономики Боливии, так как удаленный порт Кобиха на боливийском побережье был недоступен для северной части страны¹. Чтобы укрепить свои позиции внутри страны, Балывиан пытался договориться с Санта Крусом, убедив его оставить свои бесперспективные попытки вернуться к власти. В апреле Балывиан должен был вернуться в Боливию, чтобы не потерять власть, а также в связи с тем, что дальнейшая оккупация перуанских территорий стала невозможной. Чтобы прекратить оккупацию перуанских департаментов, Балывиан отправил своего бывшего министра Илариона Фернандеса с миссией в Лиму. Когда же переговоры с Перу затормозились, увязнув в деталях, Балывиан лично вступил в переговоры.

Договор в Пуно, подписанный 7 июня 1842 г., положил конец войне между двумя странами, и боливийские войска покинули Перу. Договор устанавливал мир без изменений границ и без контрибуций. Боливийский политик и историк конца XIX в. Касто Рохас писал о боливийской победе: «Ингави и кампания в Пуно в финансовом плане означали сокрушительное поражение»². Однако победа при Ингави и договор в Пуно позволили Балывиану установить полный контроль над страной. Эти события означали окончательное утверждение независимости Боливии.

¹ Prudencio R. La Defectuosa Conformación Territorial de Bolivia y la Cuestión de Arica en los Gobiernos de Sucre, Santa Cruz y Ballivián // Kollasuyo. N 71. 1970. P. 29–66; Eadem. La Cuestión de Arica en Nuestra Política Internacional. // Kollasuyo. N 75. 1971. P. 30–66.

² Rojas C. Historia Financiera de Bolivia. La Paz, 1977. P. 129.

Войны конфедерации, борьба каудильо внутри страны, перуанское вторжение и оккупация боливийцами территории Перу привели к глубокому финансовому кризису. Для укрепления государственных основ Боливии Бальивиан считал необходимым радикальное улучшение ее финансового положения через увеличение доходов казны за счет новых источников. Добыча и экспорт серебра все еще никак не восстанавливались после упадка времен войны за независимость. Кризис этой отрасли заставил государство искать дополнительные возможности для пополнения бюджета. В 1842 г. были открыты богатые залежи гуано на боливийском тихоокеанском побережье. Правительство заключило контракты на экспорт гуано с иностранными торговыми домами³.

Другим стратегическим экспортным товаром стала хининовая кора, собираемая в департаментах Ла-Пас и Кочабамба. Бальивиан продолжил политику Санта Круса по государственному регулированию производства хины, дабы неограниченным сбором не извести все хинные леса. В 1843 г. задумывалось создание специального хинного банка. У правительства не было средств для государственного банка, контролирующего сбор и экспорт, тогда оно решило установить монополию на скупку и экспорт хинной коры. Эта монополия передавалась по конкурсу частным лицам или фирмам. В 1845 г. коммерческое общество «Хорхе Тесанос Пинто и компания», состоявшее из боливийцев и иммигрантов-аргентинцев, унитариев, бежавших в Боливию от диктатуры Х.М. Росаса, заключило с государством контракт на 119 тыс. песо в год сроком в пять лет⁴.

Бальивиан прилагал усилия для оживления горной отрасли. Все первые республиканские правительства Боливии продолжали ту же политику, как и в колониальный период, сохраняя в нетронутom виде государственную монополию на покупку серебра у горнозаводчиков. Правительство лишь увеличило число выкупных банков (*bancos de rescate*) и приняло другие меры, стимулирующие производство серебра. Помимо банка в Потоси правительство предоставило Каликсто Яньесу концессию для создания подобного банка в Туписе. Был восстановлен Выкупной банк в Оруро (1844), который закрывался из-за отсутствия достаточного объема добычи в данном регионе. С открытием залежей серебра в Корокоро также был возрожден выкупной банк в Ла-Пасе (1846)⁵. Чеканка слабого песо – фебле продолжилась, без чего правительство не смогло бы выполнять свои обязательства, особенно, покрывать выросшие в предыдущие годы военные расходы. Такое положение приводило лишь к росту контрабанды серебра.

Колониальная подушная подать индейцев, трибута, продолжала составлять большую часть государственных доходов. Циркуляр Бальивиана от 14 декабря 1842 г. объявил все земли индейских общин собственностью государства⁶. Именно этот документ положил начало наступлению на общинную

³ *Peñaloza Cordero L.* Nueva Historia Económica de Bolivia. De la Independencia a los Albores de la guerra del Pacífico. La Paz; Cochabamba, 1983 P. 57–64.

⁴ *Pérez C.* Quinine and Caudillos: Manuel Isidoro Belzu and the Cinchona Bark Trade, 1848–1855. Ph.D. diss., University of California, Los Angeles, 1998. P. 71–101.

⁵ *Peñaloza Cordero L.* Op. cit. P. 237–239.

⁶ *Ovando-Sanz J.A.* El Tributo Indígena en la Finanzas Bolivianas del Siglo XIX. La Paz, Bolivia, 1985. P. 53–58.

собственность, стал юридической основой лишения земли индейцев через несколько десятилетий при правительстве Мариано Мельгарехо. 13 февраля 1843 г. декретом об эфитеусесе находящиеся во владении общин земли характеризовались как «пустыри и ничейные земли» и объявлялись собственностью государства, а крестьяне превращались в простых временных пользователей. 26 апреля 1844 г. правительство издало декрет об учете и переписи таких земель, что могло закрепить за ними статус государственных земель⁷.

Расходы на армию поглощали львиную долю доходов государства. Балливиан пытался установить бюджетную дисциплину, уменьшая военные расходы. Параллельно он стремился исключить влияние армии на политическую жизнь страны. Он выдвинул план создания колоний на востоке страны, куда переселились бы увольняемые солдаты и офицеры. Для финансирования военных пенсий 1 июня 1843 г. правительство приняло закон, позволявший выпустить государственные боны на сумму в три миллиона песо. 17 октября 1844 г. был издан закон о распродаже государственной собственности, которую, в том числе и земли индейских общин, можно было приобретать за эти боны. Все эти меры были приняты не только для увеличения доходов казны, но и для стимулирования рыночных отношений в экономике через ускоренное превращение в товар земли и рабочей силы.

У Боливии не было своего удобного для торговли порта на побережье. Балливиан же искал способ снижения зависимости боливийской торговли от перуанского порта Арики. Для освоения выхода в Атлантику через р. Парагвай была организована экспедиция Мануэля Родригеса Магариньоса в 1842–1844 гг., которая прошла по р. Пилкомайо, но, к своему разочарованию, обнаружила, что река превращается в огромное болото и непригодна для навигации.

Декретом от 18 ноября 1842 г. на старых территориях иезуитских миссий Мохос, Кауполикан и Юракарес был создан департамент Бени⁸. В течение рассматриваемого периода многочисленные экспедиции отправлялись на реки Бени, Маморе, Мадейру. Также правительство предпринимало меры для колонизации равнинных земель на востоке страны. Помимо планов создания военных колоний власти попытались привлечь европейских колонистов, но в этом деле не достигли успеха. В Европе боливийский представитель Висенте Пасос Канки в 1843 г. подписал с «Бельгийским обществом колонизации» договор о создании колонии в Мохос. Однако в 1844 г. конгресс изменил условия контракта, а бельгийцы, в свою очередь, отказались от него. Пасос Канки также вел переговоры с французской Гайанской компанией, но и их постигла неудача⁹.

Хотя в стране сохранялось спокойствие и стабильность, угроза реставрации Санта Круса не исчезла. Бывший протектор поддерживал своих сторонников из своего убежища в Эквадоре. В 1843 г. правительство раскрыло заговор крусистов по всей стране. Чтобы институционализировать свое

⁷ Ibid. P. 62.

⁸ *Santivañez J.M. Vida del General José Ballivián.* Nueva York, 1891. P. 160–161.

⁹ *Lister M.E. The Career of José Ballivián President of Bolivia, 1841–1847. Tesis de maestria.* Northwestern University, 1934. P. 25–27

Карта Боливии в первой половине XIX в.

правление, в 1843 г. Бальивиан созвал Учредительное собрание, на котором заявил о своей отставке, но ему было отказано, и он был назначен временным президентом¹⁰. Депутаты одобрили все предыдущие акты правительства и приняли новую Конституцию, которую сразу же прозвали Военным уставом за огромные полномочия президента. По новому основному закону был увеличен президентский срок с четырех до восьми лет. Президент получил право смещать любых государственных чиновников, назначать на любые посты по своему желанию, распускать конгресс, объявлять войну и другие чрезвычайно широкие полномочия. На объявленных президентских выборах кандидатура Бальивиана была единственной, а посему он был избран единогласно.

Пользуясь конституционными правами, Бальивиан позволил поселиться в Боливии аргентинским унитариям, бежавшим от диктатуры Х.М. Росаса. Многие иммигранты из соседней страны, среди которых был будущий аргентинский президент Бартоломе Митре, сыграли большую роль в культурной и политической жизни страны. Аргентинцы основали первую ежедневную газету «La Época». Как уже упоминалось, аргентинский иммигрант Тесанос Пинто получил контракт, давший ему монополию на хинную кору. Пинто также в 1842 г. занимал важный государственный пост префекта (главы) департамента Кобихи, а затем стал боливийским консулом в Такне, в Перу.

В 1846 г. бывший президент Эквадора генерал Хуан Хосе Флорес угрожал вторгнуться с помощью Испании на тихоокеанское побережье Южной Америки¹¹. Во время этого международного кризиса отношения с Перу стали ухудшаться из-за перуанского декрета от 9 ноября 1846 г., увеличившего пошлины на товары, проходившие через порт Арика, что напрямую касалось боливийской хинной коры, являвшейся важным источником доходов для Боливии¹². Бальивиан сосредоточил войска вдоль границы с Перу, его планы не исключали оккупацию Арики с ее последующим присоединением к Боливии.

В преддверии войны оппозиция использовала эти сложные обстоятельства для борьбы с Бальивианом. Когда Чрезвычайный конгресс собрался в

¹⁰ Finot E. Nueva Historia de Bolivia (Ensayo de Interpretación Sociologica). La Paz, 1989. P. 218–219

¹¹ Basadre J. Historia de la Republica del Perú. T. III. Lima, 1969. P. 116–120.

¹² Rosendo Gutierrez J. Rasgos Biográficos del General José Ballivián. La Paz, 1948. P. 63–80.

Ла-Пасе, чтобы объявить войну Перу, 5 июня 1847 г. полковник Мануэль Исидоро Бельсу поднял восстание против Бальивиана, но потерпел поражение. Однако оно стало прологом всеобщего восстания боливийской элиты на юге и сборщиков хинной коры на севере, недовольных аргентинской монополией. 10 октября первой поднялась провинция Синти на юге, провозгласив президентом Веласко. 20 ноября Бельсу вторгся из Перу в провинцию Омасуйос на севере. На этот раз его поддержал губернатор провинции. 17 декабря 1847 г. восстал Ла-Пас, 23 декабря – Кочабамба. 23 декабря 1847 г. Бальивиан, понимая безнадежность ситуации, ушел в отставку, передав власть генералу Эусебио Гиларту, правление которого продлилось 10 дней, ибо восстания в поддержку Веласко и Бельсу продолжались. Бельсу присоединился к Веласко, после этого Гиларт был вынужден бежать в Перу.

Бальивиан в изгнании поддерживал своих сторонников в Боливии, которые пытались вернуть власть своему лидеру, но безуспешно. Сам Бальивиан скончался в Рио-де-Жанейро в Бразилии 16 октября 1852 г. от желтой лихорадки.

Часть III

КАУДИЛЬО У ВЛАСТИ

Боливия, бывшее Верхнее или Горное Перу, с обретением в 1825 г. независимости, принесенной армией Освободителя Симона Боливара, представляла собой обширное, со сравнительно многочисленным населением государство, на территории которого находились основные богатства испанской короны, серебряные рудники Потоси, давшие славу этому региону Америки как «сокровищницы Анд». По сравнению со своими соседями Боливия выглядела вполне богатой и сильной страной. Население Боливии в 1847 г., согласно данным первого статистического исследования, осуществленного выдающимся ученым и политиком Хосе Мария Даленсе, составляло 1 373 896 человек, не считая около 760 тыс. «диких» индейских племен, живших на территории неосвоенных районов восточных равнин и Амазонии¹. Для сравнения, в Чили в этот период проживали 1 млн 200 тыс. – 1 млн 400 тыс. человек, а в Перу – около 1,5 млн². Более половины жителей новой страны, 701 558 человек принадлежали к древним индейским народам кечуа и аймара. 659 398 человек считали себя белыми или метисами³.

Это было государство, в котором подавляющее большинство населения жило обособленно согласно традициям и устоям, восходившим к доколумбовой эпохе. Горная страна была фактически отрезана от тихоокеанского побережья. Для северных районов более естественным и легким был путь к морским портам Перу, нежели к боливийскому побережью, где к тому же отсутствовали удобные бухты и заливы. Внутри страны между центрами различных районов не было устойчивой связи из-за бездорожья. Говорили, что Буэнос-Айрес ближе к Европе, нежели г. Кочабамба к г. Санта-Крус, расположенному на расстоянии нескольких сот километров. Боливия представляла собой конгломерат имевших мало общего и мало интересующихся друг другом регионов. На севере крупный торговый центр Ла-Пас тяготел к южному Перу, на юге центр добычи серебра – Потоси и административная и политическая столица страны Сукре (Чукисака) были более связаны с северными районами Аргентины. В крупный ремесленный и сельскохозяйственный центр выросла Кочабамба, абсолютно независимой жизнью жил Санта-Крус, отрезанный горами и тропическими лесами от центра страны.

¹ Dalence J.M. Bosquejo estadístico de Bolivia. La Paz, 1975. P. 177.

² Demèlas M.D. L'invention politique. Bolivie, Equateur, Pérou au XIX siècle. Paris, 1992. P. 286.

³ Dalence J.M. Op.cit. P. 201.

СЕРЕБРО – ГЛАВНОЕ БОГАТСТВО СТРАНЫ

Война за независимость испанских колоний в Америке, особенно этап освобождения Перу, полностью дезорганизовала торговлю, что привело к самому серьезному спаду в горнодобыче. В период с 1820 по 1830 г. производство серебра упало на 30% по сравнению с предыдущим десятилетием, составив менее половины от уровня второй половины XVIII в.⁴ В Потоси работали только 26 рудников, 1800 были брошены своими владельцами; в Порко действовали 33, а 1519 были оставлены; в Чичас на 22 производящих руду приходилось 650 закрытых⁵. В Потоси из 39 обогатительных заводов-инхенио в 1799 г. в середине XIX в. работали только 17⁶. Некоторые города, специализировавшиеся исключительно на горнодобыче, как, например, Оруро, пришли почти в полное запустение. Если в 1780 г. в Оруро проживали 25 тыс. человек, то в 1825 – только 5 тыс. Французский путешественник А. Д'Орбиньи так описывал Оруро в 1830 г.: «Когда мы приблизились к Оруро, меня поразила деградация города, огромное количество домов были разрушены, казалось, жители покинули этот город... С трудом удалось найти обитаемый дом, чтобы попросить ночлег»⁷.

Вслед за периодом стагнации в 30-е годы начался медленный подъем: с 1825 г. по 1830 г. производство увеличилось примерно на 10%, т.е. по 2% в год⁸. В 1825 г. в Монетном дворе Потоси было отчеканено серебра на 1 345 232 песо. К 1830 г. уровень производства увеличился до 1 789 301 песо, а к 1840 г. почти удвоился по сравнению с 1825 г., достигнув 2 600 507 песо⁹. Это было связано с общим оживлением региональной экономики, для которой Потоси всегда был источником денежных средств. Следует подчеркнуть тот факт, что этот рост происходил без участия иностранного капитала. В первые годы после завоевания независимости английский капитал строил грандиозные планы по освоению рудников в знаменитом «Эльдорадо». На лондонской бирже спекулянты активно играли на акциях возникавших горнорудных обществ. В 1825 г. в Лондоне генералом Паруасьеном, бароном Четрицем и Скривинером была создана компания «Potosí, La Paz and Peruvian Mining Association» с капиталом в 1 млн ф. ст. для разработки рудников Потоси. Был снаряжен корабль с символическим названием «Потоси», нагруженный оборудованием и материалами на 100 тыс. ф. ст. Корабль достиг берегов Арики, но крах на бирже в 1826 г. погубил эту экспедицию. Имущество было распродано с молотка в Перу. Экспедиция так и не добралась до Потоси, которое на долгое время стало в Европе также синонимом спекуляций и афер¹⁰.

© А.А. Щелчков

⁴ Historia de América Latina / Ed. L. Bethell. T. 6. Barcelona, 2000. P. 263.

⁵ Dalence J.M. Op.cit. P. 260–263.

⁶ Omiste M. Crónicas potosinas. Notas históricas, estadísticas, biografías y políticas. Potosí, 1891. P. 460.

⁷ D'Orbigny A. Viajes por América del sur. Madrid, 1958. P. 870.

⁸ Dalence J.M. Op. cit. P. 263.

⁹ Omiste M. Op. cit. P. 55.

¹⁰ Альсидес Д'Орбиньи предлагает иную версию этой истории: машины для рудников, прибывшие в Арику были столь тяжелы, что было невозможно перевезти их в Потоси. В результате их распродали как металлолом, а инициатор этой экспедиции генерал Джеймс Паруасьен не выдержал удара судьбы и скончался. – D'Orbigny A. Op.cit. P. 860.

Всего в отрасли на рудниках работали 8278 человек, из них 4720 были поденщики и 1846 – носильщики (вытаскивавшие добытую руду на поверхность). Непосредственно в забоях трудились 5208 человек¹¹. Как отмечали Х.М. Даленсе, Дж.Б. Пентланд и другие, главной проблемой отрасли была нехватка рабочих рук. На рудниках Потоси в 1832 г. был занят 861 человек, но чтобы поддерживать минимальную добычу на еще не заброшенных шахтах, остро не хватало 227 рабочих¹².

В июне 1826 г. горнозаводчики Потоси в обращении к префекту своего департамента просили восстановить колониальную миту¹³. Боливийские правительства пытались удовлетворить просьбы заводчиков. В 1829 г. А. Санта Крус объявил о «добровольной мите», когда общинников перевозили в Потоси в обмен на налоговые послабления. Эта система практиковалась несколько лет: в период с 1829 по 1832 г. в Потоси были перемещены всего 300 общинников. С 1832 г. насильственное привлечение общинников к работам на рудниках прекратилось¹⁴. «Добровольная мита» была крайне неэффективной, так как крестьяне-общинники были очень недисциплинированными рабочими. Они продолжали заниматься сельским хозяйством, покидая рудники во время сезонных работ на полях. Некоторые шахтовладельцы пытались в частном порядке прибегать к старому и проверенному методу – мите. Они заключали соглашения с общинами о выделении некоторого числа работников на определенный срок, в ответ платили за общинников подушную подать. Эта крипто-мита, как ее называют некоторые исследователи, позднее трансформировалась в энганче – вербовку индейцев на рудники¹⁵.

В этих условиях особое значение приобрела старая система кахчас, унаследованная с колониальных времен. Речь идет о работе в субботу и воскресенье на рудниках и отвалах всех желающих, в том числе и общинников из окрестностей. Индейцы приходили на рудники с собственным инвентарем (свечи, порох, кирки), который покупали у торговцев-метисов или брали в долг у ростовщиков на том же руднике. Этим же торговцам продавали минерал. Хозяину рудника доставалась половина добытой руды. Для Потоси, как и для всей отрасли, эта система была спасением и помогла поддерживать и даже наращивать производство серебра в течение первых сорока лет независимости страны. В 30–50-е годы 34% всего серебра, поступившего в Выкупной банк (*Banco de rescate*), обеспечивалось трудом кахчас¹⁶. Это был единственный сектор в горнорудной отрасли, показатели которого не изменились в течение многих десятилетий. Кахчас способствовали активизации торговой деятельности самих общин. В определенной степени можно согласиться с некоторыми историками, в частности с Т. Платтом, утверждавшими, что именно система кахчас была ключевым элементом в перво-

¹¹ El siglo XIX. Bolivia y América Latina / Comps. R. Barragán, D. Cajias, S. Qayum. La Paz, 1997. P. 428.

¹² Rodríguez Ostria G. El socavon y el sindicato. Ensayos históricos sobre los trabajadores mineros. Siglos XIX–XX. La Paz, 1991. P. 26.

¹³ Jiménez R., Pinto H. Minería en Bolivia. 1826–1848 (Documentos). Lima, 1979. P. 27–29.

¹⁴ Rodríguez Ostria G. Op. cit. P. 45.

¹⁵ Gavira C. La minería del cobre e el Alto Perú. Las minas de Corocoro, 1750–1870 // Anuario. Archivo y Biblioteca Nacional de Bolivia. 2000. Sucre, 2000. P. 50, 132.

¹⁶ Rodríguez Ostria G. Op.cit. P. 32–33.

начальном накоплении. При отсутствии капитала она сформировала будущих магнатов горного дела, таких, как Патиньо, Арамайо, Арсе и других, создавших свое состояние на скупке руды у кахчас¹⁷. Постепенно из общинников, полностью переходивших на работу кахчас, складывался рабочий класс рудников.

Горнозаводчиков было немного. В 1833 г. в Потоси 19 заводчиков владели 70 шахтами. На старых отвалах специализировались 28 предпринимателей. Это был период самого глубокого спада. Постепенно с оживлением отрасли и рынка появились новые заводчики. Х.М. Даленсе на конец 40-х годов давал цифру в 228 владельцев рудников, т.е. в три раза больше, чем в предыдущем десятилетии¹⁸. Капитал, накопленный в торговле, обратился к горному делу, обеспечив подъем так называемого «первого цикла серебра», т.е. в 40–50-е годы XIX в. В 50-е годы стал заметен интерес торгового капитала к горной отрасли. Помещики-латифундисты также принимали активное участие в горнорудном деле. В 1850–1870 гг. горное дело в Боливии почти полностью перешло под контроль помещиков, тесно связанных с торговлей¹⁹.

В 40-е годы XIX в. в Боливии повсеместно возникали акционерные общества, в составе которых были как опытные заводчики со стажем, так и торговцы, помещики, чиновники. Коммерсант метис Г. Пачеко создал общество «Гуадалупе». В конце века он стал крупнейшим производителем серебра в Боливии. Одним из первых в 1828 г. было создано акционерное общество «Реаль Сокавон» в составе 40 вкладчиков.

Боливийские горнозаводчики стали вводить новые технологии на свои рудники. Одним из энтузиастов новых технологий был Хосе Авелино Арамайо, который внес большой вклад в развитие отрасли в XIX в. В 1853 г. на одном из его рудников в Каргуайкольо впервые шахты были оборудованы рельсами и вагонетками, что позволяло увеличить производительность предприятия²⁰.

В горной отрасли стали создаваться крупные состояния. В этой отрасли находили применение капиталы, накопленные метисами. Так, самым известным случаем было обогащение метиса-чоло Матиаса Артече, который был администратором на руднике в Аульагуас, но затем выкупил его у хозяев-креолов. Это было одно из самых успешных серебродобывающих предприятий в стране. Во время диктатуры Мельгарехо, приход к власти которого «спонсировал» своими деньгами Артече, он достиг верха политической карьеры, став субпрефектом Чайянты, одной из самых богатых провинций Боливии²¹. Метисы вполне успешно конкурировали в экономической сфере с креолами.

Другой пример успешного освоения новой сферы в горном деле – добыча меди в Корокоро. В 30-е годы там появились первые предприятия по

¹⁷ El Siglo XIX. Bolivia y América Latina. P. 410.

¹⁸ Dalence J.M. Op. cit., P. 212.

¹⁹ Assadourian C.S., Bonilla H., Mitre A., Platt T. Minería y espacio económico en los Andes. Siglos XVI–XX. Lima, 1980. P. 95.

²⁰ Lora G. Obras Completas. T. XVIII. La Paz, 1996. P. 144.

²¹ Soruco Sologuren X. La ciudad de los cholos. Mestizaje y colonialidad en Bolivia, siglos XIX y XX. Lima, 2011. P. 68.

производству меди, спрос на которую был велик как в Боливии, так и за рубежом. В Боливии ее потребителем были сереброзаводчики, ремесленники и Монетный двор. В 1846 г. в Корокоро было добыто 1610 т меди, а в 50-е годы уже 4–6 тыс. т в год, затем производство этого металла упало до 2 тыс. в 80-е годы, так как поменялся сам метод извлечения серебра, и спрос на медь упал²². К 1846 г. в Корокоро было уже 38 рудников, большинство которых принадлежали иностранцам и торговцам из Ла-Паса.

Многие иностранцы стремились вкладывать свои капиталы в горное дело. Дж.Б. Пентланд в 20-е годы писал, что «любой иностранец может за бесценок приобрести рудники, которыми владеет государство»²³. В 40–50-е годы рынок был переполнен европейскими товарами, и торговля не давала быстрой прибыли. Тогда торговцы обратили свои взоры к горной отрасли, куда потекли их капиталы. Это вызвало масштабные спекуляции рудниками. Из 40 крупных собственников рудников непосредственно в Корокоро проживали лишь 19²⁴. Ни одно боливийское акционерное общество, созданное в Корокоро в первой половине XIX в., не пережило 60-е годы²⁵.

Горнозаводчики не могли свободно распоряжаться добываемым золотом и серебром. Вплоть до 70-х годов XIX в. в Боливии сохранялась государственная монополия на чеканку и торговлю серебром. До 1825 г. существовала монополия короны на торговлю золотом и серебром. Все производители этого металла должны были сдавать его в Королевский банк Сан-Карлос, получая вознаграждение по фиксированным ценам. В 1826 г. этот банк был переименован в Выкупной банк (*Banco de Rescate*). Все ездили в Потоси и сдавали свой металл в этот банк, который оценивал его качество и выплачивал вознаграждение²⁶. Серебро шло на внешний рынок в основном в виде чеканной монеты в оплату импорта.

Государственная монополия на производство серебра вела к дополнительному налогообложению отрасли. Отчеканенное серебро оценивалось банком ниже рыночной цены. Кроме того, стоимость серебра частично возмещалась фебле (слабым песо), содержавшем меньше чистого серебра по сравнению с полноценным песо. Таким образом, по подсчетам историка А. Митре, все эти дополнительные ограничения составляли 28% от стоимости произведенного металла, что было скрытым налогообложением на отрасль²⁷.

²² *Gavira C.* Op.cit. P. 126.

²³ *Ibid.* P.131.

²⁴ *La Época.* N 835. 09.01.1851.

²⁵ *El Siglo XIX. Bolivia y América Latina.* P. 443.

²⁶ *Aramayo A.* Informe sobre los asuntos de Bolivia en Europa (1876). Paris, 1877. P. 56.

²⁷ *Mitre A.* Los patriarcas de la plata. Estructura socioeconómica de la minería boliviana en el siglo XIX. Lima, 1981. P. 49.

СРЕДНИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ В ПРОВИНЦИЯХ ЛИПЕС И ПОРКО (ПОТОСИ)

В первые годы независимой республики царило убеждение, что можно создать собственную экономику без иностранной «помощи». Тогда началась относительно автономная фаза развития горной промышленности в отношении форм накопления, организации труда, технологий, хотя по-прежнему зависимость от импорта ртути, необходимой для амальгамирования серебра, — продукта, цены на который на мировом рынке резко выросли. В 1929–1930 гг. в период президентства Андреса де Санта Круса были уменьшены налоги на добычу, в 1835 г. принят Горнорудный кодекс, заменивший колониальные ордонансы и предусматривавший некоторые меры по защите рабочих от злоупотреблений хозяев. Эти нововведения вызвали протест владельцев рудников, считавших, что государство не должно вторгаться в трудовые отношения. Критика горнозаводчиков привела президента в ярость, который в отместку ликвидировал особый Горнорудный суд, который он же учредил в 1829 г. по просьбе Союза горнозаводчиков²⁸.

Государство в обмен на свою монополию скупки серебра Горнорудными банками Потоси, Оруро и Ла-Паса предлагало продавать некоторые продукты, как, например, ртуть, по разумным ценам. Государственное вмешательство способствовало подъему отрасли, добыча выросла с 65 тыс. марок серебра в 1815 г. до 250 тыс. марок в 1840²⁹. Наряду с печатанием слабого песо — фебле, в том числе и мелкой монетой, необходимой для поддержания торговли во всем регионе, это свидетельствовало о создании национального государства, основанного на экономическом протекционизме³⁰.

Однако проект не выдержал испытания, так как некоторые серебродобытчики южных провинций Чичас и Липес связывали свои интересы со скупщиками серебра на северо-западе Аргентины и юга Боливии. Хотя все серебро должно было пройти через Выкупной банк для печатания монет, в достатке было каналов для нелегального вывоза в Аргентину³¹, который усилился с 1845 г. и был одной из причин провала национального протекционистского проекта президента Мануэля Исидоро Бельсу (1848–1855)³².

© Т. Платт

²⁸ Этот суд горнозаводчики Потоси просили создать с 1799 г. После обретения независимости горнозаводчики ожидали возврата к условиям хозяйствования в отрасли в период подъема добычи в 1790–1800 гг. — *Tandeter E.* *Coacción y Mercado. La minería de la plata en el Potosí colonial, 1692–1826.* Buenos Aires, 1992.

²⁹ Марка — мера серебра и золота, 230 грамм.

³⁰ *Mitre A.* *El monedero de los Andes.* La Paz, 1986; *Platt T.* *Estado tributario y librecambismo.* La Paz, 1986; *Platt T.* *Producción, tecnología y trabajo en la Rivera de Potosí // El Siglo XIX. Bolivia y América Latina.*

³¹ *Conti V.E.* *Salta entre el Atlántico y el Pacífico. Vinculaciones mercantiles y producciones en el siglo XIX // Cruzando la Cordillera ... La frontera argentino-chilena como espacio social / Coord. S. Bandieri.* Neuquen, 2001; *Conti V.E.* *Circuitos mercantiles, medios de pago y estrategias en Salta y Jujuy (1820–1852) // La desintegración de la economía colonial. Comercio y moneda en el interior del espacio colonial (1800–1860) / Comp. A. Irigoin, R. Schmit.* Buenos Aires, 2003.

³² *Schelchkov A.* *La utopía social conservadora en Bolivia. El gobierno de Manuel Isidoro Belzu. 1848–1855.* La Paz, 2011.

В легальном обороте серебра между мелкими горнозаводчиками и Выкупным банком действовали местные посредники, которые были также кредиторами, продавали импортную ртуть. Через них проходил капитал и добытый металл, на разработках которого работали множество крестьян, занятых помимо сельских и в горных работах³³. В провинциях Потоси – Чичас, Порко, Чайянта – преобладали старые технологии измельчения руды, «кипячение» ее с солью и ртутью в медных котлах. Для этой технологии требовалось меньше рабочей силы (хотя использовались дорогие медные котлы), чем при использовании старого метода перемешивания индейцами тех же ингредиентов голыми ногами.

Горнорудная отрасль была очень разнообразной. Она включала в себя индейские общины, которые искали работу для оплаты подушной подати, торговцев солью и дровами для печей. Кураки – сборщики подати – торговались с горнозаводчиками о зарплате предоставляемых для работ общинников, обеспечивая таким образом их наличными для оплаты трибуто.

Провинция Липес. В 1829 г. в богатой в прошлом рудниками Липес многие горняки были индейцами, которые сами вырабатывали свои шахты или трудились на других как кахчас (т.е. шахтерами, забиравшими себе в качестве вознаграждения часть добытой руды). О формах производства нам повествует Карлос Кирос из кантона Сан-Карлос, являвшийся мелким скупщиком металла³⁴ и кредитором шахтеров и разного рода стихийных копателей (там, где не было зарплаты, а только кахчео – раздел добытой руды с работником).

Кирос отмечал важность кредитов мелким производителям на северо-западе Аргентины. Сам Кирос занимался торговлей серебром, а его мать переправляла его в Сальту. Он был посредником между добытчиками Липес, аргентинскими торговцами и Выкупным банком в Потоси, куда он также поставлял серебро в обмен на монеты, которые пользовались большим спросом в соседней стране. Контрабанда же шла на внешние рынки через Вальпараисо. Кирос свидетельствовал, что контрабанда усилилась в середине 40-х годов, а в 1852 г. легальная сдача серебра из Липес исчезла полностью. Кирос был привязан к модели кахчас, которая также преобладала в соседней провинции Порко в Каркуайкольо, где на этой почве будущий горнорудный магнат Хосе Авелино Арамайо в 1850 г. создал «Общество Анконы». До 1850 г. добытчики предпочитали работу «в доле» с кахчас, предоставляя работникам орудия труда и рудник, но деля с ними руду. Рабочие-кахчас затем продавали свою руду тем же хозяевам или посредникам. Внешне положение кахчас было больше сродни «партнеру» в деле, чем наемному работнику. Хозяева рудников высоко ценили эту систему, которая представлялась им очень выгодной³⁵.

Рудники Каргуайкольо были популярны в 1852, но все знали, что до появления «Общества Анкона» там преобладали кахчас. По мнению Кироса,

³³ Archivo Histórico de Potosí, Prefectura Departamental (Далее: AHP PD) 722. N 1, Carlos C. Quiroz al Prefecto de Potosí, «En Pro de Su Cantón», San Pablo, 1.i.1852.

³⁴ Ibid.

³⁵ Директор работ на рудниках Каргуайкольо Доминго Самбрано в декабре 1845 г. отмечал в своих письмах, что система какчас была ключом будущего развития как механизм накопления, при котором нет необходимости прибегать к внешним займам.

там хорошо работал мелкий капитал, более приспособленный к системе кахчас, так как крупный имел тенденцию превратить их в наемных работников. Эта система вызвала недовольство индейцев. В 1859 г. коррехидор района Сан-Пабло писал в Потоси, что некоторые кураки отказывались сотрудничать с шахтовладельцами, хотя это им приписывали постановления правительства³⁶. Речь шла о конфликте между горнозаводчиками и общинниками, которые ранее нуждались друг в друге: одни – в рабочей силе, другие в деньгах для оплаты налога – трибута. Были и примеры «забастовок» индейцев (провинция Порко) из-за злоупотреблений хозяев.

Система кахчас не была идеальной и не соответствовала логике капиталистического предприятия: кахчас работали только часть года, пока не зарабатывали необходимые им деньги, возвращались к сельским трудам на своих участках. Это создавало препятствие для хозяев рудников в производстве. Ситуация полностью изменилась с созданием «Общества Анконы», которое брало пример со сберегательных касс на немецких рудниках, где были социальные фонды для рабочих, формируемые отчислениями самих рабочих, но в обмен на жесткую трудовую дисциплину³⁷.

Томаве, провинция Порко. В Томаве в 40-е годы труд на рудниках был упорядочен. Здесь трудились 95 рабочих, разделенных между двумя предприятиями. В 30-е годы богатые руды района привлекли многих к покупке рудников, к созданию обогатительных мельниц и печей. Однако к 1842 г. все они, кроме двух, исчезли, богатые руды исчерпались. В оставшихся, расширивших свое производство, работали наемные шахтеры с оплатой деньгами 6 реалов в день и продуктами на 4 реала. Возможно, что к этому времени многие мелкие владельцы рудников сами превратились в кахчас или рабочих на этих двух выживших предприятиях.

Один из владельцев рудников в Томаве Клименте Фигероа писал, что «там работают только местные, и никто не привлекает работников со стороны». Индейцы действовали в соответствии с принципами «вертикальной» экономики, когда они по три–четыре месяца в году не работали, а выращивали продукты питания. Также сезонными были поставки топлива для машин, транспортные услуги со стороны тех же индейцев. Индейский труд (шахты, транспорт) был жизненно необходим шахтовладельцам, которые, в свою очередь, обеспечивали деньгами общинников для платежа трибута.

«Минералогическое общество Уанчака». В провинции Порко также действовали средние горновладельцы со значительным производством, которые имели большое политическое влияние. Педро Мальпартида тиранически управлял своими рудниками и контролировал всю местность. Ему противостоял горнозаводчик с «современными идеями» Мариано Римирес и его партнеры, создавшие «Минералогическое общество Уанчака» в Томаве, которое в конце века стало самым производительным предприятием по добыче серебра в мире³⁸. Сравнение этих двух предприятий позволит нам лучше понять

³⁶ ANP. PD 917. N 5, 7. Juan Bautista Goytia al Jefe Político de Potosí, San Pablo de Lipez, 31 de marzi 1859.

³⁷ См.: Reglamento General de los Trabajos Mineralógicos y Metalúrgicos de la Sociedad Ancona. Potosí, 1855.

³⁸ Mitre A. Los patriarcas de la plata. Estructura socioeconomica de la mineria boliviana en el siglo XIX. Lima, 1981.

экономическое и политическое поведение предпринимателей, формы капитализации, производственные отношения в первые десятилетия республики.

Мариано Рамирес привнес в горное дело свои познания, полученные им в провинции Чичас. В Уанчаке он установил медные котлы для обогащения руды через «кипячение», а рабочую силу получал по договорам с кураками общин Рио-Бланко. Он создал производство, которое стало процветать уже после его смерти. По его словам, горнорудный район Толапампа (богатые месторождения Пулакайо, Косунья, Муэртос и Урбина) находился в состоянии упадка, когда он начал работать в Уанчаке. Там работал только один испанец, который вложил в дело большую сумму – 3 тыс. песо, но потерпел фиаско и бросил шахту. В 1833 г. Рамирес объединился с чилийскими и боливийскими предпринимателями³⁹, и они вместе купили разорившуюся шахту Уанчака за 550 песо. Так было создано горнорудное «Общество Уанчака». Рудник и завод купили «со всем имуществом, обычаями, крепостными, выпасами, землями, отвалами и прочим», в том числе и с разрушенной часовой, которую восстановили в 1842 г.⁴⁰

Три акционера пополнили свой капитал займами, и в 1837 г. рудник стал работать. Капиталовложения пошли на возведение запруд для подвода воды из ближайших ручьев. Вода приводила в действие колеса двух обогатительных заводов. С 1837 по 1842 г. фабрики производили 6–8 ящиков «грязного» металла в неделю. Были построены четыре печи мощностью в 10 кинталов (1 кинтал = 46 кг). После обжига заготовки помещались в медные котлы для «кипячения» ртутью и амальгамирования чистого металла, который затем снова выжигался, чтобы избавиться от остатков ртути. Там же были печи для производства слитков чистого серебра. Однако эти печи, которые не нуждались в ртути, не могли заменить старый процесс амальгамирования и работали только пару месяцев в году из-за отсутствия топлива (дров).

Вокруг Уанчаки сложились вспомогательные хозяйства, обслуживавшие основное производство. Общинники выращивали и предоставляли лам для перевозки руды из Пулакайо в Уанчаке на обогатительные заводы. Другие индейцы поставляли дрова для печей. Работники прибывали из Потоси, Португалете (Чичас) и других районов. Многие были временными. Рудокопы зарабатывали 6–8 реалов, за более простой труд 2–3 реала. Также нанимались и женщины, собиравшие руду. Массово применялась система долгового найма, выплачивался аванс продуктами и деньгами, за который работник должен был отработать на руднике.

На двух рудниках Пулакайо трудились 148 мужчин и женщин, плюс 163 человека на новых шахтах и 41 – на руднике в Урбине. На обогатительной фабрике работали общинники из Рио-Бланко: кураки присылали по 24 человека, которые сменялись каждые три недели. В день платили по 2 реала куракам и 2 реала работникам. Как отмечал хозяин рудника Рамирес, индейцы страдали от заболеваний, связанных с использованием ртути, и от «металлической алюминиевой пыли», что, по его мнению, можно было «легко вылечить чистой водой и пивом (чичей)». В целом Мариано Рамирес насчитывал в Уанчаке и Пулакайо 600 работников, а в некоторые месяцы (в зависимость

³⁹ AHP. EN 237. ff.179v–186. 27 de julio 1857.

⁴⁰ AHP. EN 272. f.306v. 30 de noviembre, 1833.

ти от сезона) до 800–1000 человек, не считая занятых на транспортировке металла, соли, топлива, плюс 70–80 человек на шахте в Урбине. В Уанчаке был построен поселок, в котором кроме фабрики были магазины, мастерские ремесленников, дома для рабочих.

Рамирес отмечал, что в отличие от других горнорудных центров, у него не было нехватки рабочих, объясняя это хорошей зарплатой и справедливым по ценам авансом продуктами. В результате люди сами шли к нему. Действительно, среди его рабочих были выходцы с разных мест, и он не использовал энганче – систему вербовки рабочих за аванс. У него в отличие от других мест система оплата труда продуктами была выгодна рабочим, так как цены на эти товары были доступны, в то время как чаще хозяева продавали их по завышенным ценам.

В период с 1837 по 1842 г. «Общество Уанчака» произвело 48 213,5 марок серебра, переданных Выкупным банкам в Потоси и Оруро. Главными проблемами производства была дороговизна ртути и цена на топливо. Сам Рамирес выражал надежду на переход к более эффективным методам получения металла, как, например, испробованный в Чили «метод Стивенсона»⁴¹. Вместе с тем Рамирес повторяет общее мнение заводчиков о необходимости наказания «нерадивых» работников и сетует на то, что законы запретили наказание рабочих. Речь идет о Кодексе Санта Круса. Из этого следует, что рабочие знали о своих правах.

К 1856 г. «Общество» произвело серебра более чем на 3 млн песо, заплатив налогов на 800 тыс. песо. Часть акций «Общества» были проданы будущему «патриарху серебра» Анисето Арсе, а стоимость всего капитала оценивались в 150 тыс. песо⁴². На этом закончилась первая фаза развития Уанчаки, когда в рудники вкладывались доходы от самой шахты без привлечения иностранного капитала. Одной из причин успеха предприятия в этот период помимо богатых залежей минерала были правильная политика в отношении рабочей силы, использования местных общинников, транспортировавших минерал на ламах, ну и введенные андалусским металлургом Альваро Алонсо Бардой технические методы с использованием медных котлов⁴³.

«Восточный деспотизм» в Мачакамарке. На рудниках по р. Мильюни применялся старый, сохранившийся с колониальных времен способ амальгамирования серебра (перемешивание ртути с рудой голыми ногами индейцев). В 1842 г. на местных рудниках работали более 500 человек плюс более 200 на заводе по переработке руды. При затратах на производство в 1800 песо в неделю выход металла составил 30 ящиков.

Труд рабочих на этих рудниках оплачивался по сложной системе. Часть зарплаты выдавалась наличными, часть – продуктами и одеждой. Особенность состояла в том, что вторая часть была большей и шла по завышенным ценам. Кроме того, хозяин вычитал из зарплаты расходы на будущие похороны, праздники, свадьбы и прочее. Смены рассчитывались по-старому: митой от восхода до восхода, т.е. полными сутками в забое. Чтобы привлечь

⁴¹ El Restaurador. Sucre. Vol. 65. 1 de julio, 1843.

⁴² AHP. EN 383 ff. 60 (8 de mayo 1857), 76v (12 de junio 1857).

⁴³ Platt T. La alquimia de la modernidad. Los fondos de cobre de Alonso Barba y la Independencia de la metalurgia boliviana (1780–1880) // Población y Sociedad. N 6–7. Tucumán, 1998–1999.

работников, хозяева разрешали им спускаться в забои в субботу и воскресенье в качестве кахча, т.е. пользоваться рудником и оборудованием хозяина на условиях издольщины добытой руды. Затем свою часть рабочие продавали своему же хозяину, получая хорошую добавку к заработку. Мальпартида свидетельствовал, что он тратит на покупку руды у кахчас 2 тыс. песо в неделю⁴⁴. По сравнению с другими горными центрами в Мачакамарке порядки на рудниках были жесткими. Хозяева платили низкие зарплаты, чтобы компенсировать затраты на кахчас, но не могли отказаться от этой системы, так как это было одним из условий, на которые соглашались рабочие. Горнорудные центры конкурировали между собой за привлечение рабочей силы, которой не хватало. Вместе с тем кахчас тормозили накопления в отрасли, мешали капиталовложениям в оборудование.

Провинция Порко в 1850-е годы. Каргуайкольо производило 300 марок в неделю, Сипоро-Мачакамарка – 250, Толапампа – 180. А вот число работников уменьшается в обратном порядке: Толапампа – 1000 человек, Сипоро-Мачакамарка – 671, Каргуайкольо – только 212. Причина – в богатстве руды на этих рудниках. Уанчака (Толапампа) использовала свои 1000 человек не только в добыче, но и на инфраструктурных работах, которые во второй половине века привели к расцвету этого рудника. Был также любопытный случай с одним из рудников в Порко, где работали только 50 кахчас, но при этом они производили по 100 марок серебра в неделю, причем руда была очень богатой. В 1842 г. упоминается мельница по измельчению руды, которую совместно использовали кахчас. Позднее они стали применять методы выплавки металла, восходящие к доиспанскому времени⁴⁵. Это единственный пример такой технологии, что объясняется уникальным составом руды с высоким содержанием металла.

Существовавшая в начале–середине века система добычи и продажи серебра Выкупному банку основывалась на местных ресурсах, что позволяло избегать привлечения иностранного капитала. Среди посредников и добытчиков было немало индейцев, которые выполняли определенную работу, после чего в дело вступали креолы. Использование кахчас позволило решить проблему рабочей силы и обеспечило расцвет отрасли в провинции Липес, в то время как в других районах, где делали ставку на наемную рабочую силу, провалов было гораздо больше.

Как и в колониальную эпоху, большой проблемой оставались цены на ртуть, что определяло технологические ограничения для производства серебра. Ситуация улучшилась с 1850-х годов с началом поставок ртути из Калифорнии. Европейские технологии, которые пытались ввести в 1790-е годы и в 1823 г. и которые были успешно внедрены в Мексике и в Перу, здесь дважды потерпели поражение⁴⁶. Оплата труда иногда производилась продуктами, причем не всегда это было невыгодно рабочим. На Уанчаке работники сами предпочитали такую систему. Речь шла о тканях, как местных, так и

⁴⁴ AHP. PD 693. N 19. 31 de marzo 1851.

⁴⁵ Peele R. A Primitive Smelting Furnace // The School of Mines Quarterly. 1893. N 15. P. 8–10; Van Buren M., Mills B.H. Huayrachinas and Tocacheobos: Traditional Smelting Technology of the Southern Andes // Latin American Antiquity. 2005. Vol. 16. N 1. P. 3–25.

⁴⁶ Есть сообщения о таких попытках в Оруро в 1823 г., сооруженные там барабаны просто взорвались. – El Restaurador. Sucre. Vol. 83. 8 de agosto 1843. Correspondencia.

импортных. А вот в Сипоро было, наоборот: рабочие, в основном индейцы-общинники, были недовольны теми ценами, по которым рассчитывали натуральную выплату. Их ответом была угроза забастовки, которую хотели организовать кураки общин в 1859 г. Работы на рудниках подчинялись календарю сельских работ общинников, которые в свободный от этих работ период шли на своеобразную добровольную миту, чтобы заработать денег для выплаты трибуто. В отличие от свободного рынка труда здесь главной фигурой был курака, глава общины, который в случае с Уанчакой заключал контракт от имени общинников, в том числе и для далеко проживавших индейцев. Зарплата платилась либо напрямую работнику, либо кураке.

Горнозаводчики Потоси интерпретировали свободу найма с ультралиберальных позиций, противились установлениям Горнорудного кодекса Санта Круса (1929), который и был отменен через 7 лет после его принятия. Кодекс Санта Круса защищал права рабочих перед лицом злоупотреблений заводчиков. В 1855 г. в Каргуайкольо выработали трудовой регламент, который впервые был записан на бумаге.

Работать в отрасли без привлечения иностранного капитала оказалось возможным и даже успешным. Одновременно с успехами производства росла контрабанда, особенно возросшая с 1845 г., а со временем она стала всеобъемлющей. Даже после либерализации торговли серебром в 1872 г. работники продолжали требовать части зарплаты в форме добываемого минерала. Также продолжалась практика *кахчас*, которая освещалась традицией и даже религиозными представлениями индейцев о своем праве на сбор металла при определенных условиях и в определенные дни.

Несмотря на все трудности и противоречия развития горнорудного производства в первой половине XIX в., на его относительную стагнацию, отрасль становилась капиталистически организованной, ориентированной на рынок. Постепенные изменения в ней подготовили бурный рост в 60–80-е годы XIX в. производства серебра, так называемый серебряный бум, да и последующей добычи олова в истории горнорудной промышленности Боливии.

После завоевания независимости в Боливии появились два перспективных экспортных товара, которые в глазах современников могли заменить собой серебро. Гуано и хинин стали объектами пристального внимания предпринимателей и государства, видевших в них альтернативу стагнировавшей горной отрасли. Гуано концентрировалось на побережье, а хинную кору собирали в субтропических горах на севере департамента Ла-Пас. Многие годы Боливия оставалась фактическим монополистом в поставках этого ценного продукта на европейские рынки, где был высоким спрос на хинин из-за роста заболеваний малярией. Хина, пришедшая на смену серебру, в 30–40-е годы XIX в., казалось, станет новым Эльдorado. В 20-е годы с экспансией в страны Азии и Африки англичан, страдавших от малярии, спрос на хинин вырос во много раз. Именно в эти годы британская Восточно-индийская компания ввезла в эти страны хинной коры из Южной Америки на 100 тыс. ф. ст.⁴⁷

⁴⁷ Pérez C. D'Orbigny and Bolivia's Chinchona Bark Frontier // *Bolivian Studies*. Vol. VII. 1997. P. 87.

Хининовый бум в Боливии продолжался в 30–40-е годы. В провинциях, где произрастали хинные деревья (*Chinchona*), в период с 1832 по 1846 г. население увеличилось в 4 раза. Местные жители забросили сельское хозяйство, полностью переключившись на сбор хинной коры⁴⁸. На торговле хиной вырос и окреп торговый слой Ла-Паса. Однако монополия Боливии еще до изобретения химического заменителя хины была подорвана ее производством в Перу и в Колумбии. Одновременно снизился спрос в Европе, где удалось провести мелиоративные работы во многих частях континента (север Италии, Англия) и снизить уровень зараженности малярийным комаром. Ожидания боливийцев спасительного воздействия хины на экономику не оправдались, несмотря на вовлечение в эту отрасль больших капиталов.

Боливийское правительство пыталось отрегулировать торговлю хиной. При президенте Х. Балдивиане в 1844 г. была создана особая монополия на торговлю хинином – компания «Пинто и Ко.» Эта фирма принадлежала близким к президенту аргентинцам П.Х. Порталю и Х.Т. Пинто, а также боливийцам И. Уиси, К. Бакарресу и Б. Клавихо. Цель создания монополии состояла в удержании цен от падения и в упрощении взимания государством экспортных пошлин. Появление монопольной группы вызвало протест мелких предпринимателей, а также региональных элит в других районах, недовольных доминированием Ла-Паса. Контроль за компанией со стороны аргентинцев вызывал протест боливийцев, выступавших с националистическими лозунгами возвращения природных богатств в руки патриотов. Экономические интересы, связанные с хиной и серебром, а точнее с контролем за экспортом этих товаров, сыграли существенную роль в политической борьбе в первой половине XIX в.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ТОРГОВЛЯ, ГОРОД

Община и поместья: два антагониста в боливийской деревне

В Боливии в землевладении сосуществовали две системы: крупная частная собственность на землю, ведущая свою родословную от энкомьенд первых лет колонизации, пожалований короны и владений церкви, т.е. в основном креольские поместья и индейские общины-айлью. Х.М. Даленсе утверждал, что в Боливии насчитывалось 5135 частных землевладений и 106 132 земельных участка, числившихся за общинами. Всего в сельской местности проживали около 915 тыс. человек, из них общинников в айлью было 621 648 человек – 70%⁴⁹. Остальные были либо мелкими независимыми землевладельцами, либо колонами (формально безземельными крестья-

© А.А. Щелчков

⁴⁸ *Pérez C. Cascarilleros y comerciantes en cascarilla durante las insurrecciones populistas de Belzu, 1847–1848 // Historia y Cultura. N 24. 1997. La Paz, 1997. P. 87–95.*

⁴⁹ *Dalence J.M. Bosquejo estadístico de Bolivia. La Paz, 1975. P. 210–211.*

Ла-Пас в XIX в.

нами), проживавшими на землях поместий. Внутри общины крестьяне делились на разные категории, отчего зависели их права на землю, на труд других общинников, их обязанности в отношении государства (налоги, трудовые повинности). Помимо полных общинников (*originarios*) существовали категории *agregados* и *forasteros* (пришлые и подселенные), которые селились на землях общины с ее разрешения, получали участок земли, за что были обязаны трудиться как на общих работах, так и помогая при обработке земель полных общинников. По этому внешнему признаку они мало отличались от колонов поместьев⁵⁰.

В первой половине XIX в. это соотношение практически не менялось. В общине наблюдался прирост населения. Число мужчин-налогоплательщиков – глав семейств в общине увеличилось с 85 380 в 1838 г. до 94 939 в 1858 г., – более чем на 10%, а численность колонов в этот же период даже уменьшились с 35 440 глав семейств до 34 219. В 5 департаментах страны в свободных общинах проживали в 1838 г. 70% индейского населения, в 1858 г. – уже 73%⁵¹.

Поместья преобладали в Кочабамбе, частично в Чукисаке и Ларекахе. В первой половине XIX в. в Кочабамбе число индейцев-общинников неук-

⁵⁰ *Gil Montero R.* La construcción de Argentina y Bolivia en los Andes Meridionales. Población, tierra y ambiente en el siglo XIX. Buenos Aires, 2008. P. 168.

⁵¹ *Grieshaber E.P.* Survival of Indian in Nineteenth Century Bolivia: A Regional Comparison // *Journal of latin American Studies*. Vol. 12. Part. 2. November, 1980. P. 225–236; *Klein S.H.* Haciendas and Ayllus, Rural Society in the Bolivian Andes in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. Stanford, 1993. P. 184–185.

лонно снижалось: с 11 067 глав семейств в 1838 г. до 6828 в 1877 г.⁵² В середине века в этом районе на 1045 частных владений приходилось лишь 695 общин.

С 30-х годов XIX в. в экономике началось некоторое оживление, что нашло отражение в возрождении интереса к сельскому хозяйству. В результате роста городов, прежде всего Ла-Паса, капиталовложения в сельскую округу, являвшуюся поставщиком продуктов питания, стали привлекательными. В Ла-Пасе проживало множество землевладельцев, которые в основном были торговцами, чиновниками, лицами свободных профессий. В 80-е годы XIX в. в г. Ла-Пас жили 2304 помещичьи семьи. Большинство (79,3%) владели лишь одним поместьем. Как правило, это были небольшие угодья, включавшие в себя одну или максимум две бывшие родственные общины. Большие латифундии распадались на несколько поместий (асьенд), либо были скотоводческими владениями в малонаселенных районах. 12,4% землевладельцев имели по два поместья, и лишь 1,2% обладали более чем 5 поместьями каждый. Доходы от этих поместий были невелики: от 40 до 2 тыс. песо в год, что соответствовало жалованью среднего чиновника или офицера⁵³. Землевладение было фактором, определявшим кастово-классовую принадлежность собственника.

Во многих районах, например, на Альтиплано, община преобладала или даже была единственной формой организации сельского населения. С завоеванием независимости индейцы-общинники стали первой жертвой либерально-модернизаторских проектов Боливара и Сукре. В 1825 г. индейцы были уравнены в правах с остальными жителями страны, были отменены подушная подать (трибуто), которая воспринималась индейцами как плата за признание прав общины на землю и самоуправление, что исследователь Тристан Плат называл «пактом взаимности», и невмешательство испанского государства во внутренние дела общины-айлью. Боливар предполагал создать на месте индейца-общинника частного землевладельца, свободного от пут «ретроградной и отсталой» организации айлью. Декретировалась продажа пустующих земель, многие из которых рассматривались общинниками как свои резервные и пастбищные угодья, являвшиеся составной частью системы высокогорного хозяйства.

При президенте А. Санта Крус в 1831 г. было окончательно восстановлено трибуто, чем был завершен радикальный эксперимент, реально проводить который еще никто не начинал из-за отсутствия иных средств для финансирования государства. Отныне индейцы могли продавать землю только индейцам-общинникам, плательщикам трибуто. Целью А. Санта Круса было восстановление структуры колониального налогообложения с тем, чтобы обеспечить наполняемость бюджета. В 1839 г. был введен запрет на куплю-продажу земель индейских общин, что создавало некие гарантии сохранения общинного уклада. Таким образом, земля общин выводилась из коммерческого оборота, а институты айлью охранялись законом. В 1844 г. президент

⁵² *Larson B.* Indígenas, élites y estado en la formación de las repúblicas andinas. 1850–1910. Lima, 2002. P. 370.

⁵³ *Klein H.* Haciendas and Ayllus, Rural Society in the Bolivian Andes in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. Stanford, 1993. P. 110, 150–153.

Х. Балывиан (1841–1847) под влиянием аргентинских иммигрантов-уни-тариев издал декрет об эмфитеусисе. Все общинные земли переводились в ранг государственных, а крестьяне-общинники становились простыми временными держателями, арендаторами земли. Это была очередная (после Боливара) попытка либералов провести земельную реформу и ликвидировать главное, по их мнению, препятствие для успешного развития и прогресса – общину. Декрет об эмфитеусисе создавал юридические предпосылки для ликвидации общины и победы частного землевладения в боливийской деревне, чем и воспользовались последующие правительства Боливии начиная с 60-х годов XIX в.

Помимо трибута индейцы-общинники были обязаны работать в городах, поддерживать в порядке и ремонтировать общественные здания, церкви, дороги, мосты, обеспечивать доставку по стране почты. Военные могли требовать у крестьян предоставление жилья, питания, фуража, тканей для униформы, обязывать их переносить грузы и т.д.

Налоговая система, необходимость раз в полгода платить трибuto, заставляла индейцев выходить на рынок в поисках денежных средств. Со времен инков общины не были замкнутыми производственными единицами. Обмен продуктами был хорошо организован в рамках существовавших с древности «федераций» родственных айлью, расположенных в различных климатических зонах.

Общинники, как и поместные крестьяне, являлись активными действующими лицами рынка. Торговая активность села соответствовала возрастающему спросу на продукты сельского хозяйства в городах и горнорудных центрах. Существовала целая сеть крестьянских рынков, которые через ярмарки в крупных городах – Ла-Пасе, Кочабамбе, Потоси, Тарихе были вовлечены в региональную систему торговли. По утверждению ряда исследователей (Т. Платт, А. Митре, Б. Ларсон), с завоеванием независимости региональные торговые связи, объединявшие в одно целое несколько частей соседних государств, еще более укрепились. Центр и юг Боливии (Потоси, Чукисака, Тариха) были теснейшим образом связаны с аргентинским севером, а Ла-Пас являлся частью южноперуанской экономики.

Крестьянское хозяйство было вовлечено в торговлю в рамках региональной системы. Наиболее ярким примером этого были общины северного Потоси, района Чайянты. Там практически не было поместий, а основной экономической единицей оставалась традиционная община–айлью. Чайянта стала крупнейшим поставщиком пшеницы для Боливии и севера Аргентины. Вокруг торговли зерном общинами строилась вся региональная экономика. Крестьяне-общинники, являясь главными поставщиками зерна, были и крупными покупателями городской ремесленной продукции, а также импорта, в том числе и английского сукна⁵⁴. Процветание Чайянты закончилось в 70-е годы с введением свободной торговли.

Активное участие айлью в товарно-денежных отношениях не приводило к разрушению внутриобщинных связей. Община являлась не только и не столько экономическим институтом, сколько гарантом и орудием этнического и экологического выживания индейских народов кечуа и аймара.

⁵⁴ *Identidades andinas y lógicas del campesinado*. Lima, 1986. P. 17.

Торговля: протекционизм и фритредерство

Показателем здоровья народного хозяйства страны была торговля. При всей неразвитости дорог торговля между различными районами страны была интенсивной. Хотя, как утверждал Х.М. Даленсе, сельскохозяйственные продукты потреблялись в той же местности, где и производились, все-таки пшеница и кукуруза Кочабамбы и Чайянты поставлялись в Ла-Пас и Оруро. Тариха снабжала Чичас, Атакаму и Чукисаку. Соль шла во все департаменты из Оруро. Мясо поставлялось из Томины и Асеро. Бени, где животноводство было единственной отраслью, из-за отсутствия дорог не участвовал во внутреннем обмене. Департамент Санта-Крус поставлял сахар всей стране, за исключением Ла-Паса, к которому ближе и доступнее были южноперуанские рынки. Ла-Пас вырос на торговле кокой, выращиваемой в северной части департамента, в Юнгас. Ла-Пас постепенно вытеснил с боливийского рынка коку из Куско.

Согласно Х.М. Даленсе, объем внутренней торговли достигал 45 655 292 песо в год. Для сравнения объем внешней торговли давал лишь одну пятую этой цифры, около 9 млн песо. Большая часть внутренней торговли – 65% (29 844 300 песо) приходилась на сельскохозяйственные товары, а остальное были продукты ремесла и горнорудного дела⁵⁵. Как справедливо отмечают многие исследователи, начало XIX в. было временем переориентации торговой системы на внутренние и региональные рынки, где ведущую позицию занимала сельскохозяйственная и ремесленная продукция. В этот период индейцы становятся важным элементом в системе торговли: развиваются внутренние рынки, возникают многочисленные местные ярмарки⁵⁶.

Боливия была крайне изолированной страной. Она имела свой порт Кобиху на тихоокеанском побережье, однако доступ к нему из внутренних районов был обрезан Кордильерами и пустыней. $\frac{2}{3}$ объема товарооборота шло через тихоокеанские порты Перу, главным образом через Арику, и $\frac{1}{3}$ по атлантическому маршруту через Буэнос-Айрес и далее Тариху⁵⁷. Гораздо ближе к Ла-Пасу и другим городам Альтиплано были перуанские порты. С момента активизации Кобихи после завоевания независимости торговый оборот через этот порт с 1828 по 1832 г. вырос в десять раз, с 80 тыс. песо до 852 тыс.⁵⁸

Стоимость транспортировки импортных товаров была крайне высокой, почти неподъемной. В определенной степени она играла роль протекционистского барьера для ввоза европейских товаров. Так, доставка тонны груза из Европы в Кобиху на боливийское тихоокеанское побережье стоила 21 песо, а вот дистанция из Кобихи до Чукисаки обходилась в 256 песо⁵⁹.

Установленные при Санта Кресе высокие пошлины на импортные ткани не давали ожидаемого эффекта, так как всюду проникающая контрабанда

⁵⁵ Dalence J.M. Op.cit. P. 279.

⁵⁶ Gil Montero R. Op.cit. P. 139.

⁵⁷ Historia de América Latina. Vol. 6. P. 224.

⁵⁸ Jiménez Chávez I.R. Abundancia y carestía: la irrupción de las importaciones y la crisis del comercio interno hacia 1830 // Bosquejo del estado en que se halla la riqueza nacional de Bolivia con sus resultados, presentado al examen de la Nación por un Aldeano hijo de ella. Año 1830 / Coord. de edición A.M. Lema. La Paz, 1994. P. 163.

⁵⁹ Favre L. La Bolivie. Paris, 1853. P. 50.

сводила на нет все усилия правительства. Так, в 1825–1826 гг. на 2 млн песо импортируемых товаров через порт Арику приходилось более 600 тыс. песо контрабанды⁶⁰.

Пришедший на смену А. Санта Крису Х. Балбивиян отменил все специальные тарифы, защищавшие местные ткани – тукуйо. Производство текстиля пришло в полный упадок. Х.М. Даленсе отмечал, что $\frac{2}{3}$ года ткачи не работают, так как им трудно сбывать свой товар из-за конкуренции заморских, в основном, английских, тканей. Он с горечью писал: «Наше фабричное производство вместо прогресса переживает очевидный упадок; ныне не выпускается тканей даже тысячная часть того, что делалось раньше... Боюсь, что скоро будем покупать в Лондоне или Париже пончо и набедренные повязки для того, чтобы прикрыть наготу туземцев»⁶¹.

Импорт составил в 1846 г. 3 772 881 песо, а экспорт 612 767 песо. Дефицит внешней торговли покрывался экспортом серебра и золота на сумму 3 281 114 песо в год. Главными продуктами вывоза были серебро, хинная кора, медь, олово, золото, в меньшей степени шерсть⁶². Импорт «заморских товаров» шел из Англии – около 70% всего ввоза. В 1840 г. Боливия заключила договор о дружбе, торговле и мореплавании с Англией. Этот документ предоставлял массу преимуществ английским купцам, чем те не преминули воспользоваться, буквально заполнив местные рынки своими товарами. Анонимный автор, подписывавшийся Альдеано (Поселенец), в 1830 г. писал: «Свободная торговля иностранными товарами является главным препятствием благополучия страны ...другим препятствием является система налогов»⁶³. Массовый ввоз иностранных товаров и экспорт почти исключительно драгоценных металлов, серебряных монет вел к затуханию и без того слабых очагов производства в городах.

Большую роль в экономической жизни играла региональная торговля. Х.М. Даленсе утверждал, что в 40-х годах около 30% всего импорта в Боливию приходилось на соседей, из них 2% товаров шли из Чили (не принявшей систему «слабого» песо), 7% – из Аргентины и 18% – из Перу⁶⁴. Ла-Пас был важным посредническим центром в торговле между Потоси, Куско и Лимой. В структуре внешней торговли Ла-Паса 50% составляли перуанские товары. Даже такие продукты, как картофель или мясо, имевшиеся в Боливии, ввозились из Перу. Боливия же экспортировала в Перу в основном коку⁶⁵.

В 40-е годы в обществе шла бурная дискуссия между сторонниками свободной торговли (газета «La Época», основанная аргентинскими иммигрантами, унитариями) и протекционизма, самым ярким представителем последних был Х.М. Даленсе, занимавший министерский пост в правительстве А. Санта Круса в 1840–1841 гг., когда принимались самые жесткие меры по защите внутреннего рынка от дешевого импорта. Протекционисты, объеди-

⁶⁰ Pentland J.B. Informe sobre Bolivia, 1826. Potosí, 1975. P. 119–121.

⁶¹ Dalence J.M. Op. cit. P. 325.

⁶² Ibid. P. 268.

⁶³ Bosquejo del estado en que se halla la riqueza nacional de Bolivia con sus Resultados, presentado al examen de la Nación por in Aldeano hijo de ella. Año 1830. La Paz, 1999. P. 49.

⁶⁴ Вместе с «заморскими» товарами объем торговли через юг и север был примерно одинаков – по 1 млн 300 тыс. песо в год (на 1825 г.) – Dalence J.M. Op. cit. P. 268, 279.

⁶⁵ Barragan R. Espacio urbano y dinámica étnica. La Paz en el siglo XIX. La Paz, 1990. P. 41–42.

нявшиеся вокруг газеты «El Eco de Potosí», требовали повышения пошлин и даже запрета ввоза некоторых товаров, оправдывая это надеждой на рост промышленности в Боливии. Их поддерживали мелкие торговцы и ремесленники Ла-Паса, в то время как южные города, связанные с вывозом серебра, а также купцы-оптовики ратовали за фритредерскую политику⁶⁶.

А. Санта Крус выступал за протекционистскую торговую политику. Правительство даже наградило журналистов «El Eco de Potosí» золотой медалью за защиту экономических интересов страны⁶⁷. В русле следования этой политике Боливия отвергла предложения Франции заключить договор о свободной торговле, так как считала себя слишком слабой для противостояния европейским товарам⁶⁸. Протекционистская политика дала толчок развитию внутренней торговли и производству сельскохозяйственных продуктов. Спассти ткацкое ремесло так и не удалось. После отставки А. Санта Круса (1839) и прихода Х. Балывиана к власти (1841) произошло ослабление протекционизма, чему способствовали аргентинские советники президента, унитарии-либералы, нашедшие убежище в Боливии от преследований Росаса. Полностью принципы свободной торговли победили только в 70-е годы XIX в.

Финансы: «слабое» песо (февле) и региональная экономика

Независимая Боливия все первые десятилетия своего существования жила в условиях хронического дефицита бюджета. 95% расходов шли на содержание чиновников и армии. На армию уходило более 70% всех расходов (864 932 песо в 1846 г.)⁶⁹. Боливийские правительства панически боялись брать в долг за границей, опасаясь попасть в финансовую кабалу от европейских государств, и искали внутренние источники финансирования.

Для покрытия дефицита бюджета власти прибегали к принудительным займам у боливийских торговцев и церкви. С целью сэкономить на расходах правительство периодически объявляло о сокращении зарплат чиновникам. В результате недоплаченные суммы формировали часть государственного долга, который предстояло вернуть тем же чиновникам, но с процентами. В 1830 г. было проведено первое такое заимствование. Вместо денег выдавались боны займа. Балывиан распорядился обменять их на государственные облигации, которые обращались наряду с деньгами. Этими облигациями можно было платить налоги. К 1848 г. таких облигаций от невыплат содержания гражданским и военным накопилось на $\frac{1}{3}$ годового бюджета страны⁷⁰.

К хроническому дефициту бюджета добавлялась проблема отрицательного сальдо торгового баланса. По данным Х.М. Даленсе торговый дефицит в период с 1825 по 1830 г. составил 13,60 млн песо, а в 1831–1835 гг. – 14,78 млн

⁶⁶ El Siglo XIX. Bolivia y América Latina. La Paz, 1997. P. 345; Pérez C. Quinine and Caudillos: Manuel Isidoro Belzu and The Cinchona Bark Trade in Bolivia. 1848–1855. Los Angeles, 1998. P. 12–13.

⁶⁷ Rojas C. Historia financiera de Bolivia. La Paz, 1977. P. 172.

⁶⁸ El Siglo XIX. Bolivia y América Latina. P. 343.

⁶⁹ Dalence J.M. Op. cit. P. 319,356.

⁷⁰ Peralta Ruiz V., Irurozqui V.M. Por la concordia, la fusión y el unitarismo. Estado y caudillismo en Bolivia. 1825–1880. Madrid, 2000. P. 68–72.

песо. Происходило сокращение запасов золота и серебра как у государства, так и у частных лиц. Х.М. Даленсе с горечью писал, что в уплату импорта шло все подряд, от богатых украшений храмов до столовой серебряной утвари⁷¹. Вывоз наличной монеты из страны имел крайне негативные последствия для внутренней торговли. Утечка драгоценных металлов в период, когда еще бумажные деньги не вошли в оборот, привела к кризису ликвидности, грозя парализовать все хозяйственные связи и привести к банкротству государства.

Выход был найден правительством А. Санта Круса. 10 октября 1829 г. был издан декрет о «слабом» песо, фебле, о чеканке монет с низким содержанием серебра. Облегченный песо составлял лишь 73,84% от стоимости полноценного песо⁷². Формально обе монеты должны были приниматься по всей стране по номинальной стоимости, что и выполнялось. Старый полноценный песо был предназначен для внешней торговли. Разница в стоимости позволяла государству покрывать дефицит бюджета. В 1840–1844 гг. было отчеканено 40,89% «слабого» песо, что дало 14,7% доходов бюджета, а в 1850–1854 гг. уже выпущено 80,79% от всей денежной массы, что составило 26,47% доходов государства⁷³.

В 30-е годы «слабый» песо составлял 19% всей денежной массы, однако с 40-х годов стал преобладать, в год выпускалось 200–500 тыс. фебле. Выпуск низкопробного песо был решением многих проблем для правительства, но прежде всего развязал узел кризиса ликвидности, парализовавший внутренний рынок страны. Соседи Боливии – аргентинский север и Перу также испытывали нехватку наличной монеты. Чаркас или Горное Перу в колониальную эпоху было поставщиком серебряной монеты для всего региона. После завоевания независимости эта функция регионального монетного двора осталась за Боливией. Везде, за исключением Чили, боливийский «слабый» песо принимался по номинальной стоимости, как и в Боливии. Однако реальная стоимость «слабого» и «сильного» песо разнилась, что вызвало рост цен, но в то же время оживило торговлю и скорость оборота денег. Вокруг Боливии четко оформился региональный рынок, включавший в себя помимо Боливии север Аргентины и юг Перу. Этот рынок существовал и прежде, но с приходом «слабого» песо он оформился в территорию с определенными торгово-финансовыми правилами, отличными от внешнего рынка.

До 40-х годов «слабого» песо было относительно немного в общем объеме денег. После 1840 г., когда фебле становится главной денежной единицей, на все установились две цены – в «слабом» и в твердом песо, которое превратилось в обычный экспортный товар.

Первоначально появление «слабого» песо имело позитивные результаты. Сократился торговый дефицит с 2,95 млн песо в год в период с 1831 по 1835 гг. до 2,27 млн в 1841–1845 гг.⁷⁴ Объем импорта уменьшался, так как он становился дорогим в твердой валюте, а экспорт увеличился и диверси-

⁷¹ Dalence J.M. Op. cit. P. 269–270.

⁷² До 1829 г. 1 песо, как и в колониальный период, весил 10 динаро и 20 грано (1 грано = 48 мг) при пробе 902,77 на 1000. 1 песо состоял из 8 реалов. «Слабый» песо, или фебле продолжал состоять из 8 реалов, но содержание серебра понижалось до 8 динаро, т.е. проба была 666,66 на 1000.

⁷³ El Siglo XIX. Bolivia y América Latina. P. 305–306.

⁷⁴ Ibid. P. 309–313.

фицировался. Фебле наполнил внутренний рынок ликвидной монетой, дал толчок к росту торговли. В 20–50-е годы XIX в. протекционизм и «слабый» песо способствовали возрождению регионального рынка и всей экономики Боливии, которая стала формироваться на местной основе.

Боливийский город во второй четверти XIX века

В Боливии в первой половине XIX в., как и в большинстве стран мира, население в основном проживало в сельской местности, на города приходилось лишь 11% жителей, а грамотных было всего 7%. Для сравнения в Швейцарии в 1850 г. только 6% населения были горожанами, а в Италии лишь 2,5% умели читать и писать⁷⁵. Боливийское городское население в основном проживало в небольших городках (что по-испански называлось *pueblo* или *villa*), в то время как в соседних странах наблюдался бурный рост крупных городов: для сравнения – Сантьяго-де-Чили насчитывал 65 тыс. человек, Лима – 50 тыс., а боливийская столица Сукре – всего лишь 19 тыс.⁷⁶

В первой половине XIX в. среди боливийских городов выделялся прежде всего Ла-Пас, становившийся неформальной столицей Боливии. Если в 1831 г. в нем проживали 30 463 человека, а в 1845 г. – 42 849, то в 1854 г. – уже 68 188⁷⁷. Ла-Пас был в основном торговым городом, но связан с сельской округой, и многие крестьяне-индейцы часто проживали внутри городских стен, формально оставаясь общинниками и плательщиками трибуто, т.е. сельскими жителями. В 1854 г. в городе было 42% метисов и белых, а 58% – индейцы⁷⁸. Примерно такая же картина складывалась в Кочабамбе.

Х.М. Даленсе в своем статистическом исследовании приводит данные по социальному составу населения городов по числу глав семейств, предлагая умножить эти цифры на среднее количество домохозяев – на 4,5. Около 30% населения городов составляли ремесленники. Помещики с семьями были второй по численности группой – 15,6%. Далее шли: домашняя прислуга – 8,9%, около 8% – чиновники, 2% – лица свободных профессий, столько же служители культа⁷⁹. Военные и полиция учету не подлежали, однако их число было сравнимо с чиновниками.

Неизвестный автор экономического памфлета 1830 г. писал, что две трети городского населения так или иначе связаны с ремесленниками⁸⁰. В Ла-Пасе самой многочисленной группой ремесленников были пекари и мясники. В этом городе процветали мастерские серебряных дел (31), плавки металла и кузнецы (94). Стимулом для развития этих ремесел было обслуживание из-

⁷⁵ *Unzueta F.* Periodicos y formación nacional: Bolivia en sus primeros años // *Latin American Research Review*. Vol. 35. N 2. 2000. P. 43.

⁷⁶ *Demèlas M.D.* L'invention politique. Bolivie, Equateur, Pérou au XIX siècle. Paris, 1992. P. 286; *Dalence J.M.* Op. cit. P. 179–180.

⁷⁷ В 1854 г. был проведен самый несовершенный цenz. Его данные следует воспринимать весьма условно.

⁷⁸ *Barragan R.* Op. cit. P. 73–75.

⁷⁹ *Dalence J.M.* Op. cit. P. 206–207.

⁸⁰ *Bosquejo del estado en que se halla la riqueza nacional de Bolivia*. P. 21.

воза и конюшен и в первую очередь военной кавалерии. Производство оружия было поставлено на широкую ногу. В центре Ла-Паса существовала большая пороховая фабрика, где также производили хинин из доставляемой из северной части департамента Ла-Пас хинной коры. Эта фабрика работала до 1858 г., когда она после пожара прекратила свое существование. Помимо этой фабрики в Ла-Пасе насчитывалось 82 мелкие пороховые мастерские.

В Ла-Пасе было сосредоточено мыловарение. Производство мыла достигало огромной суммы – 215 783 песо в год (сопоставимо с $\frac{1}{10}$ доходной части бюджета страны). Традиционные ремесла, сапожное дело (204 мастерские), плотницкое (84), пошив одежды (98), производство местного пива чичи (950) занимали серьезное место в экономике города. Первенство же принадлежало ткацким мастерским. Из 3752 мастерских по всей стране 1120 находились в Ла-Пасе⁸¹.

Местное ткачество (мастерские по обработке шерсти – 3752, а хлопковых тканей – 359) обеспечивало своим производством спрос в провинции среди индейцев и сельских жителей, а также городских чоло. Особой известностью пользовалось грубое полотно – токуйо. Креолы и зажиточные чоло предпочитали английское сукно, в избытке хлынувшее на рынок после обретения независимости. Шерстяные ткани производили в Ла-Пасе, Оруро, Потоси и Чукисаке. На хлопке специализировались Кочабамба, Мохос и Чикитос (тропические и субтропические районы). Ткачество было организовано в сравнительно больших мастерских – обрахес, прототипе мануфактуры, расцветшей в XVIII в. В первой половине XIX в. текстильные обрахес существовали не столько в городах, сколько в сельской местности. В поместьях женский труд эксплуатировался в примитивных ткацких мастерских. По оценке исследователей, в середине века в поместьях работали 100 обрахес⁸². Ткачество было важной статьёй дохода крестьянских хозяйств в таких рыночных регионах, как Кочабамба и Чукисака.

Большинство ремесленников были метисами. Их промежуточное положение между креолами и индейцами, которое давало им дополнительные преимущества (чоло, метисы процветали за счет эксплуатации индейцев,

Чола

⁸¹ Dalence J.M. Op. cit. P. 254–256.

⁸² Mitre A. Los patriarcas de la plata. Estructura socioeconómica de la minería boliviana en el siglo XIX. Lima, 1981. P. 58.

общины), обеспечило им уверенный экономический рост, что создавало альтернативный экономический полюс, своего рода «этническую экономику». Сразу после завоевания независимости посетивший Боливию в 1826 г. английский агент Дж. Пентланд отмечал, что среди метисов есть «много умелых и предприимчивых людей, которые обладают значительным состоянием»⁸³. Креолы видели в ремесленниках, среднем торговом классе, в метисах не только расового противника, но и экономического конкурента. Как утверждает исследовательница Химена Соруко, чоло и метисы оказались более удачливыми и способными к интеграции в рыночную экономику, чем креолы⁸⁴.

По официальной статистике торговая прослойка в городах была незначительной, около 1% населения. Однако в Ла-Пасе многие помещики также занимались торговлей, и таких по переписи Х.М. Даленсе было около 16%⁸⁵. В торговле участвовали практически все слои населения, от индейцев-общинников до креольских аристократов. Статистика не учитывала многочисленных розничных торговцев, подпадавших под категории ремесленник, поденщик или индеец. Если креолам принадлежала вся оптовая внутренняя и внешняя торговля, то розницей занимались в основном метисы и индейцы. Последние монопольно владели торговлей кокой, которую потребляли главным образом сами же индейцы. Отставные военные, число которых сравнимо с числом торговцев, также занимались торговлей. Таким образом, торговый класс составлял значительную долю городского населения⁸⁶. Иностранцев купцов было очень мало, а с 1830 г. был введен запрет иностранцам на розничную торговлю, они могли лишь торговать оптом с боливийскими гражданами. Боливийские торговцы хотели большего и требовали ограничить деятельность иностранцев только портом Кобиха.

Правящий класс Боливии представлял собой разнородные группы креольского населения, проживавших в городах землевладельцев, которые вместе с тем были и военными, чиновниками, судьями, лицами свободных профессий. Три четверти помещиков Ла-Паса владели лишь одним, как правило, небольшим поместьем с числом крестьян от 20 до 200 колонов. Большая же часть землевладельцев занималась торговлей или горнорудным делом.

В основе политической нестабильности в Боливии в XIX в. лежали противоречия и конфликты между элитами различных районов страны. Более аристократичные, сеньориальные Сукре и Кочабамба с трудом могли согласовывать свои интересы с торговым и ремесленным Ла-Пасом. Регионализм, разобщенность одних и тех же социальных групп в различных районах страны делали маловероятным формирование национальных партий. Весь XIX в. проходил на фоне непрекращающейся борьбы за власть между различными группами, представлявшими интересы местных региональных элит. Вместе с тем появилась и тенденция вертикальной структурированности общества, объединения социальных слоев и групп вокруг общих интересов в национальном масштабе.

⁸³ *Pentland J.B.* Op. cit. P. 41.

⁸⁴ *Soruco Sologuren X.* La ciudad de los cholos. Mestizaje y colonialidad en Bolivia, siglos XIX y XX. Lima, 2011. P. 20–31.

⁸⁵ *Dalence J.M.* Op. cit. P. 206–207.

⁸⁶ *Barragan R.* Op. cit. P. 32.

Архаичная и неразвитая социальная структура боливийского общества являлась серьезным тормозом экономического обновления и реформирования всего народного хозяйства. С одной стороны, главные отрасли были далеки от того, чтобы достичь уровня времен колонии, особенно это касается горнодобычи. Страна жила в условиях хронического бюджетного дефицита, а с 40-х годов и инфляции, вызванной бимонетаристской политикой правительства. С другой стороны, положение в экономике было далеко от стагнации, застоя. Возникли новые экспортные отрасли: хина и гуано. Активно развивалась внутренняя торговля, в том числе при участии индейских общин. Иностранный капитал еще долго оставался сторонним и малоактивным наблюдателем в боливийской экономике. Народное хозяйство Боливии в первой половине XIX в. формировалось на внутренней основе при минимальном воздействии извне.

НАРОДНО-КОНСЕРВАТИВНЫЙ ПРОЕКТ.
МАНУЭЛЬ ИСИДОРО БЕЛЬСУ.
1848–1855

В период правления Х. Бальивиана главной проблемой были ухудшавшиеся отношения с Перу. Перуанцы были недовольны чрезмерным выпуском «слабого песо», заполнившего их внутренний рынок и вызвавшего рост цен. Раздражителем в отношениях была конкуренция перуанских производителей хинной коры. 9 ноября 1846 г. перуанское правительство повысило тарифы на транзит боливийской коры через порт Арику. Это ставило боливийских экспортеров в невыгодные условия на внешнем рынке. Ответной мерой Боливии был запрет на экспорт через Перу. Единственным выходом на внешний рынок оставался неудобно расположенный боливийский порт Кобиха¹. В 1847 г. оба государства готовились к войне. Обстановку удалось разрядить договором, подписанным в Арекипе в ноябре 1847 г. Перу отменяла транзитные пошлины на боливийские товары, а Боливия обязалась впредь печатать только полновесный песо².

Серьезной проблемой была также передача частной компании «Х. Пинто и Ко.» монопольного права на экспорт хинной коры. Компания принадлежала аргентинцам, близких Бальивиану. Боливийцы болезненно воспринимали аргентинское засилье в торговле хиной и влияние аргентинских иммигрантов на Х. Бальивиана. Сборщики хины были первыми, кто поддержал антиправительственное восстание военных во главе с Мануэлем Исидоро Бельсу 5 июня 1847 г.³

М.И. Бельсу родился в 1808 г. в небольшом городке у подножия Анд. Имя его отца неизвестно. Осталось лишь предание, что это был торговец арабского происхождения, турок, как его называли. Его мать Мануэла Умерес с малолетним сыном переехала в Ла-Пас, где зарабатывала на жизнь торговлей спичками. Эту страницу родословной Мануэлю Исидоро напоминали всю жизнь презрительной кличкой «спичечник». Мануэла Умерес вышла замуж за мелкого горнопромышленника из Поопо Гаспара Бельсу, который дал свое имя детям Мануэлы. Мальчиком Мануэль Исидоро во время войны за независимость вступил в армию А. Санта Круса в Перу. Присоединившись к войскам патриотов, он принимал участие в знаменитой битве при Сепите. Бельсу отступал вместе с разрозненными отрядами инсургентов и даже попал в плен к роялистам. По малолетству его не наказали, а отправили к матери в Ла-Пас.

После освобождения Верхнего Перу Бельсу присоединился к армии А.Х. Сукре, где стал писарем. Затем встал под командование капитана Сала-

© А.А. Щелчков

¹ Pérez C. Caudillos, comerciantes y el estado nacional en la Bolivia decimonovena // Anuario. Archivo y Biblioteca Nacional de Bolivia. 1999. Sucre, 1999. P. 347.

² Sotomayor Valdés R. Estudio histórico de Bolivia bajo la administración del general D. José María de Achá. Santiago de Chile, 1874. P. 84

³ Подробно о Бельсу см.: Щелчков А.А. Консервативная социальная утопия в Боливии, правление М.И. Бельсу. М., 2005.

верри, будущего президента Перу. Умного и образованного молодого человека быстро заметили. Генерал Гамарра назначил его адъютантом своей жены, знаменитой Франсиски Субьегги, прозванной «Маршалыша» (La Mariscala), внесшей немалый вклад в дело освобождения Перу⁴.

В 1828 г. войска А. Гамарра отправились в поход на Боливию. В составе этой армии был М.И. Бельсу. Во время перехода р. Десагуадеро, отделяющей Боливию от Перу, Бельсу покинул перуанские войска и вернулся в Ла-Пас. На родине он был принят в боливийскую армию. В следующем году (1829), памятуя об участии Бельсу в битве при Сепита, А. Санта Крус, ставший президентом страны, назначил молодого офицера помощником губернатора Кобихи, центра боливийского прибрежного департамента Литораль, а затем направил его служить в Тариху.

В Тарихе М.И. Бельсу сдружился с семьей аргентинского генерала, унитария Хосе Игнасио Горрити, часто посещал их дом, пользовался богатой библиотекой. Пребывание Бельсу в Тарихе сыграло ключевую роль в его интеллектуальном становлении. М.И. Бельсу влюбился в пятнадцатилетнюю дочь генерала Хуану Мануэлу (родилась в 1818 г.)⁵. Она вышла замуж за молодого боливийского офицера.

Х. Балывиан назначил Бельсу префектом Кобихи, но вскоре отозвал его в Ла-Пас, доверив ему командование пограничными войсками у р. Десагуадеро на границе с Перу. В Ла-Пас переехала и его жена Хуана Мануэла с детьми. Однажды в годовщину битвы при Ингави на балу Х. Балывиан, увидев Хуану Мануэлу, страстно влюбился в нее. Президент откомандировал Бельсу на границу к своему батальону, а сам пустился в адюльтер с его женой. Супруга Бельсу ответила ему взаимностью⁶. Бельсу оставил место службы и неожиданно явился в Ла-Пас, где буквально у себя дома застал Балывиана. Семейная жизнь была разрушена навсегда. Жену он отправил в Лиму и более никогда с ней не виделся⁷. В отношении же обидчика осталось лишь чувство ненависти и мести.

Оскорбленный резкостью Бельсу президент разжаловал его в солдаты. В ответ 5 июня 1847 г. Бельсу, подстрекаемый некоторыми депутатами конгресса, поднял неудачное восстание 2-го батальона в Ла-Пасе⁸. Бельсу бежал в Перу, где был гостеприимно принят президентом Рамоном Кастильей, который ненавидел Балывиана и снабдил Бельсу оружием и деньгами.

Недовольство Хосе Балывианом росло. Политика противостояния и войны с Перу была непопулярной. Конгресс в 1847 г. отказался объявить состояние войны. В обществе и в прессе стали активно критиковать конс-

⁴ Именно в «Маршалышу» влюбился С. Боливар, встретив ее в Куско по дороге в Горное Перу.

⁵ Супруга Бельсу, Хуана Мануэла Горрити, вошла в историю как талантливая аргентинская писательница, автор известных и популярных в свое время романов сентиментального и костюмбристского плана.

⁶ *Sanjinés G.A.* El Quijote mestizo (Historia novelada de Belzu y Melgarejo, con el proceso de demagogia y de la dictadura en Bolivia). La Paz, 1951. P. 59.

⁷ Уже когда Бельсу был президентом Боливии, после страшного покушения, которое едва не стоило ему жизни, Хуана Мануэла написала ему письмо, где просила прощения и умоляла разрешить ей приехать. Бельсу отказал, и впредь никогда их контакты не возобновлялись.

⁸ *Cortez M.J.* Ensayo sobre la historia de Bolivia. Sucre, 1861. P. 185.

титущию 1843 г., называя ее военным уставом. К концу 1847 г. наступил кризис власти. После восстаний в Синти, Потоси и Сукре на юге страны была сформирована правительственная хунта во главе с Казими́ро Оланьетой. На севере в Ла-Пасе 17 декабря 1847 г. восстал полковник Ревело в поддержку Бельсу. Несколько дней спустя Бельсу с отрядом в 2 тыс. человек перешел перуанскую границу. Его поддержали Ла-Пас и хинные районы⁹.

Перед лицом всеобщего восстания Бальивиан пытался спасти положение и власть своего клана. Он ушел в отставку, передав власть председателю Государственного совета генералу Э. Гиларту, но сам оставался главнокомандующим армией. Однако восстание ширилось, и Бальивиан был вынужден бежать из страны. После 10 дней бесславного президентства Гиларт бежал из страны. Была сформирована хунта в составе Оланьеты, Веласко и Бельсу, который получил портфель военного министра. Были созваны выборы в конгресс. Многие политики, в том числе и Бельсу, верили в будущность правительства Веласко, в его способность реорганизовать страну. От правительства ждали оздоровления финансов и отмены монополии «Х. Пинто и Ко.». Однако правительство Веласко фактически поддержало монополию, заявив, что ее судьбу решит конгресс. Это вызвало многочисленные восстания в департаменте Ла-Пас.

Бельсу и его сторонники на севере приложили немало усилий, чтобы победить на выборах в конгресс. Однако преобладание получили сторонники Веласко и Оланьеты, которые предлагали резко сократить армию и военные расходы. К августу 1848 г. сформировалась оппозиция со стороны большей части армии и торговых кругов севера, которые видели своим лидером выходца с севера Бельсу.

Конгресс поддержал идею введения свободной торговли хинином, но только со следующего года. Это решение было принято слишком поздно. 3 сентября 1848 г. конгресс, возглавляемый Хосе Марией Линаресом, запретил Бельсу покидать Сукре. В ответ Бельсу ушел с поста военного министра и на следующий день покинул город. Он отправился на север, где поднял восстание против Веласко и конгресса. Его поддержал весь север, особенно хининовые провинции Ла-Паса, так как Бельсу обещал добиваться свободы торговли хиной¹⁰.

Главным новшеством в этой политической смуте было активное участие народа. Не только отряды национальной гвардии, но и простые люди поднимались в городах в поддержку Бельсу. На юге же царил ужас перед нашествием с севера. Бельсу был объявлен воплощением анархии, милитаризма и варварства¹¹. Однако и на юге у Бельсу было много сторонников. 13 октября восстали карабинеры в Сукре. Бельсисты созвали открытое каби́льдо для избрания местных властей. Как писала проправительственная газета «*Anatema nacional*», пришли только «низкие люди», плебс, что свидетельствовало о природе бельсизма¹². Это было первое определение бельсизма как власти, опирающейся на низы.

⁹ Pérez C. The export roots of Bolivian caudillo politics: the Chichona bark boom and Belzu's Jacquerie // *Bolivian Studies*. Vol. VI. N 1. 1996. Akron, 1996. P. 22–23.

¹⁰ Pérez C. Cascarilleros y comerciantes en cascarilla durante las insurrecciones populistas de Belzu, 1847–1848 // *Historia y Cultura*. N 24. 1997. La Paz, 1997. P. 205–206.

¹¹ *Anatema Nacional*. Sucre. N 1. 28.10.1848

¹² *Ibid.* N 6. 03.11.1848

Решающее сражение между бельсистскими войскам и Веласко произошло 6 декабря 1848 г. у Ямпараес. После победы Бельсу пошел на демонстративные либеральные меры. На народном собрании в Ла-Пасе объявили об отмене смертной казни за политические преступления¹³. Бельсу стремился заручиться поддержкой самой влиятельной партии – крусистов. Видные сторонники А. Санта Круса заняли ответственные посты в правительстве. Бельсу назначил А. Санта Круса полномочным послом Боливии в Европе. Были урегулированы отношения с Перу: в 1849 г. был заключен договор о мире и торговле. Надо заметить, что скорее это был договор Кастильи и Бельсу. Как только в Перу к власти приходили враги Кастильи, отношения с Боливией портились.

Одной из первых мер, предпринятых Бельсу, был созыв совещания по проблемам торговли хиной. Бельсу был обязан северу страны и особенно хининовому району своей победой над Веласко. В марте 1849 г. он восстановил свободную торговлю хинной корой, что с огромным энтузиазмом было воспринято в Ла-Пасе¹⁴.

Бальивианисты, веласкисты, линаристы, Оланьета объединились в борьбе с новым лидером страны. Хинная монополия Пинто не теряла надежды вернуть свои позиции. В марте 1849 г. в различных городах страны вспыхнули антибельсистские восстания. Мятежи финансировались компанией Пинто. С невероятным напряжением сил и энергии Бельсу удалось разгромить мятежников.

Становление бельсистского режима (1848–1851)

Придя к власти, Бельсу привлек в свое правительство не только крусистов, но и бальивианистов, так как стремился опереться на элиту Ла-Паса в своей борьбе с Линаресом на юге страны. В период с декабря 1848 по март 1849 г. Бельсу проводил политику примирения с прежними противниками и создания единой проправительственной партии. С этой целью он был готов делить власть с представителями оппозиции.

Линия Бельсу на объединение политических сил натолкнулась на неприятие его правления со стороны креольской элиты. В марте 1849 г. оппозиция, главным образом бальивианисты, организовали восстания и мятежи по всей территории республики. Важные события произошли в Ла-Пасе. Как только Бельсу покинул Ла-Пас, там 12 марта восстали оставшиеся военные. Бельсисты во главе с полковником Пастором Ла-Рива (сводным братом А. Санта Круса) и священником Бласом Техадой мобилизовали народ на борьбу с мятежом¹⁵. Население покинуло город. Дети, женщины, старики, отцы семейств – все ушли из Ла-Паса на Альтиплано и остановились в Эль-Альто, запиравшем долину, где располагался город. Там они, практически безоружные, противостояли мятежникам. Отряды ремесленников создали Рабочую гвардию и разбили армию, подавив восстание ценой жизни 300 человек¹⁶. На следу-

¹³ *Anatema Nacional. Sucre. N 6. 03.11.1848*

¹⁴ *Pérez C. Cascarilleros y comerciantes... P. 208.*

¹⁵ *AGN. 1–9–6 (4).*

¹⁶ *Sotomayor Valdés, R. Op. cit. P. 93.*

ющий день после победы Рабочей гвардии в городе начались грабежи домов не только участников мятежа, но и всех знатных семей. Когда прибыл Бельсу со своими войсками, положение в Ла-Пасе было неконтролируемым. При помощи церкви ему удалось успокоить страсти толпы, чинившей самосуд¹⁷.

После Ла-Паса восстание оппозиции вспыхнуло 17 марта 1849 г. в Кочабамбе. Как только мятежники объявили о смене власти и смещении президента Бельсу, народ набросился на них. После непродолжительных сражений на улицах города лидер восставших был убит, а толпа занялась, как и в Ла-Пасе, грабежом домов аристократии. Впервые антиправительственные мятежи вспыхивали и были подавлены почти без участия со стороны власти¹⁸.

Глава кабинета министров Т. Бальдивьесо приказал префектам в 24 часа составить списки участников мятежей, обнародовать их (для разжигания народного гнева) и конфисковать собственность мятежников¹⁹. Народный террор, поощряемый правительством, сильно подорвал позиции олигархической оппозиции. Однако на этом беспорядки не закончились. Март, апрель и май прошли в маршах и битвах с многочисленными мятежниками: 12 марта – восстание в Потоси, 19 марта Веласко объявился в Тарихе, апрель 1849 г. – заговор Винсендона в Ла-Пасе, май – вторжение с аргентинской территории Линареса и Веласко.

Восстания в марте 1849 г., когда против Бельсу поднялась фактически вся верхушка общества, окончательно подвинуло его на конфронтацию с элитой. Репрессии шли в двух направлениях: с одной стороны, поощряемые властями грабежи домов и имущества «заговорщиков», и с другой, конфискации и принудительные займы. Не без основания подозревая хинную монополию Пинто в поддержке восстаний, 3 апреля 1849 г. правительство распорядилось взыскать с владельцев компании все налоговые долги в 50 тыс. песо, а в случае задержки выплаты применить репрессивные меры конфискации, аресты, высылки из страны. Декрет от 22 марта 1849 г. предписывал конфисковать в пользу государства собственность заговорщиков и их семей в покрытие ущерба от мятежей и восстаний, в которых те принимали участие. Были созданы военные советы, которые судили виновных по законам военного времени, неизменно приговаривая их к расстрелу. Многие были казнены, в том числе и французский гражданин полковник К. Винсендон. Некоторых приговоренных Бельсу все-таки прощал, заменяя расстрел изгнанием. 2 мая войска под предводительством Бельсу вошли в Катагайту на крайнем юге, выдварив за пределы Боливии вторгнувшийся из Аргентины отряд Линареса, завершив умиротворение страны.

Главной опорой Бельсу были армия и народные низы. Отношения армии и Бельсу были не безоблачными. Постоянные восстания оппозиции, в которых часто принимали участие офицеры местных гарнизонов, побудили Бельсу провести чистку командного состава армии. Сделал он это с опорой на Национальную гвардию и народные низы городов²⁰. С приходом к влас-

¹⁷ *Arguedas A. Historia de Bolivia. La plebe en acción. 1848–1857. T. 3. La Paz, 1991. P. 72–74.*

¹⁸ *Solicitud dirigida al Soberano Congreso por el ciudadano Agustín Morales. Chuquisaca, 1850. P. 14.*

¹⁹ ANB. MI. 1849. T. 112. N 11.

²⁰ *San Román V. Belzu y su candidato. Lima, 1855. P. 5.*

ти в конце 1848 г. Бельсу распорядился создать специальную гвардию из ремесленников, которая превратилась в жандармерию режима. Единственными требованиями при вступлении в гвардию были: быть ремесленником или рабочим, не находиться в услужении у зажиточных граждан. Особо прославился своими «подвигами» и преданностью Бельсу батальон Рабочей гвардии Оруро, в состав которой входили рабочие рудников. Именно отряд из Оруро в 200 человек составил ядро бельсистской армии накануне решающих сражений с Веласко в ноябре 1848 г.²¹ Стратегия Бельсу состояла в одновременной опоре на армию и на вооруженных граждан, причем вторые не давали возможности военным рассчитывать на легкую победу в случае попытки переворота.

Мануэль Исидоро Бельсу

Бельсу следил за армией, особенно за гарнизонами, которые возглавляли его потенциальные соперники. Такими мог быть любой генерал или начальник гарнизона крупного города, которого оппозиционеры могли привлечь на свою сторону уговорами или подкупом. К тому же военные были окружены огромным количеством отставных офицеров, всегда недовольных правительством. Отставники часто не получали жалованья, порой находились в отчаянном положении. Эти офицеры почти поголовно были сторонниками оппозиции, обещавшей им решить их проблемы с жалованьем. В своем приказе местным властям в декабре 1849 г. Бельсу писал: «Многие, уволенные в запас, были изгнаны за пороки, коррупцию. Они являются главными распространителями крамолы, мятежей и беспорядков... власти должны жестко подавлять все их выступления»²².

Свою главную задачу президент видел в обеспечении стабильности в стране. Благодаря централизации власти правительству удалось удержать рычаги правления в своих руках. 16 октября 1850 г. Бельсу специальным декретом наделил себя чрезвычайными полномочиями. В январе 1850 г. были учреждены постоянные военные советы для политического контроля за положением в провинциях. Эти же советы должны были, согласно заявлению Бельсу от 1 мая 1851 г., «отбросить в сторону все формальности и упрощенно» судить заговорщиков и бунтарей²³. Фактическим проводником политики Бельсу в провинции стали военные советы, отодвинув на второй план других правительственных чиновников.

²¹ *Anatema nacional*. N 11. 09.11.1848.

²² ANB. MI. 1849–1856. T. 77. N 46. F. 6.

²³ *Morales J.A.* Los primeros cien años de la República de Bolivia. T. 1. La Paz, 1925. P. 420–421.

Событием, резко изменившим политическую ситуацию в стране, было покушение на Бельсу 6 сентября 1850 г. В этот день утром Бельсу в сопровождении председателя Сената М. Лагуна и адъютанта прогуливался в Сукре по бульвару Аламеда. На президента было совершено нападение. Х. Сотомайор и Х. Синьяни тяжело ранили Бельсу. Сопровождавшие президента в страхе бежали. Проезжавшие мимо Бенито Лопес и полковник Агустин Моралес, увидев поверженного президента, пытались добить его, затоптав лошадьми. Синьяни для завершения дела предложил отрезать Бельсу голову, но его остановили другие, посчитав, что тот уже мертв. Нападавшие отправились по городу с кличем «Тиран мертв!». Между тем жители перенесли раненого Бельсу в ближайший дом, а вечером тайно перевезли во дворец. Весть о том, что президент жив, положила конец состоянию нерешительности и страха среди сторонников режима. Участники покушения бежали из страны. Правительство стало активно действовать против оппозиции. Кабинет во главе с военным министром Г. Тельесом принял на себя чрезвычайные полномочия. Самым скандальным был расстрел председателя Сената М. Лагуна, который имел несчастье быть малодушным свидетелем покушения и бежал с места событий. Несмотря на просьбы и протесты даже близкого Бельсу окружения, Лагуна 19 сентября был казнен. Террор, развязанный правительством против оппозиции, фактически ликвидировал всех противников Бельсу.

16 октября 1850 г. Бельсу уже был в состоянии официально вернуть себе полномочия президента. Несмотря на царившее спокойствие, Бельсу продолжил политику преследований и террора против своих противников. В 1851 г. он почувствовал усталость народа от чрезвычайных мер, принятых после покушения в сентябре 1850 г. Настало время нормализации работы всех республиканских институтов власти. 3 мая 1851 г. Бельсу издал декрет о проведении выборов в Учредительное собрание. Он заявил: «Всеим своим сознанием, патриотизмом и силой убеждений желаю покончить с диктатурой, которая, к сожалению, вовлекла нас в плачевное состояние разобщенности и кризиса»²⁴.

На выборах победили сторонники режима и крусисты. 16 июля 1851 г. в бастиионе бельсизма Ла-Пасе состоялось Учредительное собрание. Бельсу заявил о своей отставке с поста президента, демонстративно сложив президентские символы на стол председателя²⁵. После театральных сцен народного возмущения он согласился принять на себя груз власти. После Учредительного собрания власть Бельсу обрела легитимные основания, что способствовало стабилизации обстановки в стране. Вплоть до марта 1853 г. не было зафиксировано ни одного восстания или мятежа оппозиции.

Административные и политические реформы

При открытии заседаний Учредительного собрания 17 июля 1851 г. Бельсу выступил с посланием, в котором объяснил мотивы конституционной реформы. В условиях гражданской войны исполнительная власть действовала фактически с неограниченными полномочиями. Однако, по словам Бельсу,

²⁴ Colección oficial de leyes, decretos, órdenes y resoluciones supremas que se han expedido para el régimen de la República Boliviana. T. 14. Sucre, 1864. P. 205.

²⁵ La Época. N 981. 17.07.1851.

править демократической страной чрезвычайными полномочиями нельзя, и следовательно, нужна новая Конституция, которая добавила бы недостающих полномочий президенту и министрам²⁶. По существу Бельсу предлагал узаконить почти абсолютную власть президента.

20 сентября 1851 г. была принята новая, шестая по счету Конституция – самая либеральная из всех, до сего момента принятых в Боливии. Она декларировала основные гражданские свободы, запрещала цензуру, гарантировала неприкосновенность частной собственности, оговаривая, что государство имеет право на ее отчуждение в интересах общества, но лишь при справедливом возмещении. Новая Конституция отменяла рабство²⁷. По сравнению с предшествующими она сократила срок президентства до 5 лет без права переизбрания, но предоставляла главе государства чрезвычайные полномочия (введение осадного положения без согласия конгресса), право увольнять чиновников и офицеров, а также лишать их жалованья на 3 месяца, объявлять амнистию и прочее²⁸. Конституция запрещала конгрессу вносить поправки, могущие изменить республиканскую форму правления, независимость страны и неизбежность государственной религии – католицизма²⁹. Конституция вводила норму, ограничивавшую возможности узурпации всей власти президентом. Конгресс должен был созываться на свою сессию регулярно в Сукре 6 августа, в день независимости Боливии. Если это не будет сделано, депутаты имели право без санкции исполнительной власти собраться сами в любом месте и в любой день³⁰. Это положение давало некоторую гарантию против возможных диктаторских поползновений правительства и президента.

В соответствии с новой Конституцией Бельсу был избран президентом страны сроком на 5 лет. Принятие Конституции было серьезным шагом в формировании нового режима, в укреплении власти Бельсу. При этом все понимали, что действие Конституции будет эффективным лишь настолько, насколько того пожелает сам президент, а ее долговечность измерялась годами его правления. Даже его брат Франсиско де Паула Бельсу 23 декабря 1851 г. писал генералу О.Ф. Брауну: «Собрание приняло новую Конституцию, которая продержится ровно столько, сколько будет править мой брат. До сего дня так было со всеми»³¹.

Учредительное собрание 2 октября 1851 г. приняло избирательный кодекс. Вводилось тайное голосование в присутствии только членов комиссии и бюллетенями, а не прямой подачей голоса на собрании всех избирателей, что уменьшало возможности для давления и манипулирования. Голосовать можно было в любой точке республики, а не только по месту жительства, для чего было достаточно предъявить сертификат избирателя³². По-прежнему действовали цензовые ограничения. Необходимо было иметь имущество или капитал на сумму не менее 400 песо, а предыдущий закон требовал иметь

²⁶ Mensaje del Presidente constitucional de Bolivia a la Convención Nacional reunida en 1851. La Paz, 1851. P. 3

²⁷ Colección oficial... T. 14. P. 246–248.

²⁸ Ibid. P. 258.

²⁹ Ibid. P. 265.

³⁰ Ibid. P. 251.

³¹ ANB. CB. 1851. F. 745.

³² Colección oficial. T. 14. P. 311.

доход в 200 песо в год, что свидетельствовало о большей демократизации выборов. Дело в том, что множество ремесленников, мелких помещиков и торговцев имели собственность в виде дома, лавки, мастерской, небольшого поместья, которая достигала суммы 400 песо. В то время как каждая ремесленная мастерская, согласно Х.М. Даленсе, производила товаров в среднем на 439 песо в год, доход от деятельности был гораздо меньше³³. И даже огород или небольшой сад оценивался в 200 песо³⁴. Кроме того, статья 10 позволяла включать в число избирателей тех, кто имел «работу, профессию, ремесло или дело, которое давало средства к существованию, но при этом не в услужении или подчинении других лиц»³⁵. Это дополнение сильно расширяло круг лиц, имевших право голоса. Таким образом, число голосовавших резко увеличилось. Если в 1850 г. в Боливии голосовали всего 6427 человек, то через пять лет – в 1855 г. уже 14331³⁶.

До Бельсу гражданство признавалось лишь за креольской верхушкой, а после избирательной реформы 1851 г. социальная база боливийского государства расширилась за счет креольско-метисного населения городов, в основном средних слоев, лиц свободных профессий, чиновников, мелких торговцев и богатых ремесленников. По-прежнему лишались права голоса неграмотные, прислуга, военные и служители культа.

Частью административных реформ правительства Бельсу была кодификация законов. Горнорудный кодекс действовал со времени Санта Круса и был слегка модернизированной версией испанских орденансов Новой Испании и Перу. Современники отмечали: «Наш гражданский кодекс – это плохой перевод кодекса Наполеона»³⁷. А уголовный кодекс остался старым испанским и содержал много «нецивилизованных» мер пресечения и наказания. В результате долгой и не всегда успешной работы была проведена реформа гражданского, уголовного и административного свода законов. Принят новый Военный и Горнорудный кодексы. Также был издан новый, более либеральный закон о печати.

Важнейшей составляющей частью административной реформы были изменения судебной системы. 20 октября 1851 г. был опубликован важный декрет о судьях. Декрет устанавливал верхний лимит судебных издержек в 500 песо, что ограничивало ненасытность судебных чиновников и адвокатов. Главное же достижение этой реформы – введение бесплатного суда для индейцев и бедняков города³⁸. Современники оценивали этот акт не как демагогию и популизм, а именно как защиту обездоленных, а главное, как шаг вперед к реальному равенству перед законом, что было главной идеей Бельсу.

Декрет от 17 ноября 1852 г. запрещал судьям осуществлять свою деятельность в местности, где они родились, или откуда происходила супруга³⁹. Это был чрезвычайно важный декрет, суть которого состояла в разрушении тра-

³³ Dalence J.M. Bosquejo estadístico de Bolivia. La Paz, 1975. P. 254, 268.

³⁴ ALP. PN. 1849–1855. C. 4. f. 18–19.

³⁵ Colección oficial... T. 14. P. 302.

³⁶ Irurozqui Y.M. «A bala, piedra y palo». La construcción de la ciudadanía política en Bolivia, 1826–1952. Sevilla, 2000. P. 233.

³⁷ La Época. N.635. 25.04.1850.

³⁸ Colección oficial ... T. 15. Sucre, 1865. P. 29–30.

³⁹ ABN. MI. 1849–1856. Libro copiadador de circulares a las prefecturas. T. 77. N 46. f. 28.

диционной системы клиентелизма, nepoтизма и фаворитизма на местном уровне. Бельсу стремился создать более современное государство, борясь с регионализмом и традиционной системой личной власти на местах.

Бельсу делал ставку на бюрократию, рассчитывая с ее помощью реализовать свои планы построения сильного государства всеобщего благоденствия. Он также опирался на влиятельные и знатные семейства страны; его друзья и сподвижники, подавляющее большинство которых были представителями боливийской элиты, назначались на все ключевые должности для контроля и проведения в жизнь его административных реформ. Именно при Бельсу многие должности стали значимыми, а бюрократия приобрела большой вес в решении государственных дел, чего не было ранее.

Бельсу искал в церкви союзника. Боливия была одной из первых независимых стран Испанской Америки, урегулировавшей свои отношения с Римом. Посол Боливии в Европе А. Санта Крус, пойдя на серьезные уступки в сфере образования Ватикану, заключил конкордат с папским престолом. Самому Бельсу не нравились эти положения, и он, не желая напрямую выступить против Ватикана, спровоцировал антиклерикальную кампанию в прессе. Несмотря на критику конкордата, в том числе и в правительственной прессе, протестовавшей против ущемления национального суверенитета Боливии и отступления от завоеваний периода президентства А.Х. Сукре⁴⁰, Бельсу настоял на его ратификации Учредительным собранием, что и произошло в Оруро 6 ноября 1851 г. В действительности Бельсу продолжил свою либеральную политику в области образования, а церковь так и не получила контроль над высшей школой.

Экономическая политика правительства М.И. Бельсу

При Бельсу продолжалась тенденция медленного оживления в горной отрасли. В 1849 г. было отчеканено 1 621 536 песо в серебряных монетах⁴¹. В 1850 г. к Потоси добавились Монетные дворы в Оруро и Ла-Пасе, и тогда же производство увеличилось на 200 тыс. песо. Министерство финансов констатировало растущую сдачу концентрата серебра государству⁴². Все же этот небольшой рост контрастировал с достижениями колониального периода. Республиканская Боливия добывала лишь 24% от лучших показателей колониального Верхнего Перу. В 1848–1850 гг. начались крупномасштабные разработки в новом серебродобывающем районе Порко (рудники Каргуаикольо и Мачакамарка). Кульминацией этого процесса было открытие в конце века легендарной шахты Уанчака (Пулакайо)⁴³.

Именно в правление Бельсу открылись и стали функционировать акционерные общества, которые в отличие от своих менее счастливых предшест-

⁴⁰ La Época. N 1053. 15.10.1851.

⁴¹ Bustillo R. Memoria que el Ministro de Hacienda de Bolivia presenta a las Cámaras Constitucionales de 1850. Sucre, 1850. P. 18.

⁴² ANB. M812. N 398. Memoria que el Ministro de Hacienda de Bolivia presenta a las Cámaras Constitucionales. 12.02.1951. P. 20.

⁴³ El Siglo XIX. Bolivia y América Latina / Comps. R. Barragán, D. Cajías, S. Qayum. La Paz, 1996. P. 317, 398.

венников смогли продержаться на рынке в течение нескольких десятилетий. В 1854 г. было организовано общество «Реаль Сокавон де Потоси», успешно проработавшее вплоть до начала XX в. Основателем этого общества был Хосе Авелино Арамайо (будущий магнат горнорудной промышленности), заработавший свой капитал на торговле между Кобихой и Альтиплано. Боливийцы, в основном помещики Кочабамбы и торговцы Ла-Паса, охотно вкладывали свои средства в горное дело, в частности, в перспективном районе Корокоро.

Самой острой проблемой, доставшейся в наследство Бельсу, была ситуация в хинной отрасли. Бельсистские газеты, в частности «La Época», требовали равного доступа всех к хинному богатству, перераспределения прибыли в пользу бедных и государственной казны⁴⁴. После профинансированных монополией Пинто антибельсистских мятежей марта–апреля 1849 г. Бельсу отменил ее и установил свободную торговлю хинином, что имело противоречивые последствия. С одной стороны, Бельсу получил полную поддержку среди большинства населения севера страны. С другой, на практике эффект свободной торговли был негативным. В связи с огромным наплывом хины из Боливии на рынки Перу и Европы цены резко упали. Заготовщики и скупщики хининового сырья требовали вмешательства государства для предотвращения полного обвала рынка и исчезновения самого промысла.

Решение Бельсу состояло в создании подконтрольного государству частного банка, получившего монопольные права на экспорт хинной коры. В январе 1850 г. правительство приняло предложения богатых коммерсантов, землевладельцев и горнозаводчиков братьев Арамайо. С 1 марта того же года начал функционировать Хинный банк под управлением «Арамайо и Ко». Закупочные цены устанавливались государством, при этом в казну отчислялось 40% стоимости. Государство должно было получить в виде налогов на экспорт хины 142 тыс. песо в месяц⁴⁵. Это давало бы 50% всего бюджета страны, что было, конечно же, нереально. Довольны были и сборщики коры, так как цена за кору 1 класса была установлена в 60 песо, в то время как в период свободной торговли она не поднималась выше 18–22 песо. Был создан искусственный спрос на внутреннем рынке, в то время как в Европе цены падали. Было ясно, что банку не хватит капитала, чтобы выкупить все сырье⁴⁶. Пришлось устанавливать квоты на закупки, что сразу же породило многочисленные конфликты. Расчет властей строился на том, что, контролируя торговлю хинином, можно дождаться перелома на рынке и роста цен. Такая схема была бы возможна в 30-е годы, когда боливийская хина была единственным хининосодержащим сырьем, поступающим в Европу. В 40-е годы у Боливии уже были конкуренты в Перу и Колумбии, что собственно и обрушило рынок.

Созданный Банк Арамайо за 4 месяца набрал годовую квоту⁴⁷. В 1850 г. банк скупил 14 тыс. кинталов хинной коры, в то время как квота экспорта

⁴⁴ Pérez C. Quinine and Caudillos: Manuel Isidoro Belzu and the Cinchona Bark Trade 1848–1855. Ph. D. diss. Los Angeles 1988. P. 158.

⁴⁵ La Época. N 584. 07.02.1850.

⁴⁶ Bustillo R. Op. cit. P. 21.

⁴⁷ ANB. M812. N 398. Memoria que el Ministro de Hacienda de Bolivia presenta a las Cámaras Constitucionales. 12.02.1951. P. 11.

составляла только 7 тыс. в год. Огромные деньги были заморожены в запасах этого сырья⁴⁸. Государство продолжало самоубийственную политику хинной монополии, делая ставку на будущий, гипотетический рост цен на мировом рынке. Средств катастрофически не хватало, а количество предлагаемого сырья во много раз превышало возможности банка. Сборщики искали выход в массовой контрабанде, которая еще более обрушила рынок.

К концу 1854 г. Боливия полностью утратила свои позиции на мировом рынке хинина. Это вызвало серьезный экономический и политический кризис в стране. Перед лицом массовых требований введения свободной торговли, либо выкупа всей коры по фиксированной цене правительство искало каких-то промежуточных решений, пытаясь сохранить только что созданную систему. Учитывая тяжелую ситуацию на рынке, оно дало Арамайю отсрочку по налогам за кору на 142 тыс. песо. 27 октября 1850 г. был издан декрет о запрете сбора хинной корки сроком на 3 года⁴⁹. Данное решение вызвало недовольство в провинциях, поставляющих кору, где это было основным занятием местного населения. Медля с решением этой проблемы, Бельсу терял поддержку именно тех, кто привел его к власти в 1848 г.

10 сентября 1851 г. конгресс отменил контракт с Арамайю и ликвидировал банк. Правительство было дискредитировано. Это был удар по бельсистскому ближнему кругу Ла-Паса, вовлеченному в торговлю хинной. Брат президента Ф. Паула де Бельсу, возглавлявший департамент Ла-Паса, принял решение уйти из публичной жизни и уехать из страны⁵⁰. Категорически отказываясь от введения свободной торговли хинной корой, Бельсу принял решение создать полностью государственный Хинный банк. Такой банк возник 13 апреля 1853 г.⁵¹ Деятельность этого банка продлилась недолго. Из-за перепроизводства правительство запретило сбор коры. Запрет продлился до 1857 г. Это был полный крах всей стратегии в хинной отрасли. У последующих правительств не было иного выхода, как возврат к свободной торговле хинной корой, что состоялось в 1858 г. при президенте Линаресе.

Основной ошибкой Бельсу была его вера в чудесную силу хины как мотора развития экономики страны. Он сделал ставку на эту отрасль в тот момент, когда хинный бум уже прошел, а наступивший кризис лишь усугубил финансовые трудности страны. Между тем политика в области хинного промысла являлась показательным примером экономической модели, которую безуспешно пытался воплотить в жизнь Бельсу. Государственный контроль через монополию должен был гарантировать общественные интересы на самом главном этапе – реализации сырья, т.е. при экспорте, обеспечивая тем самым равный доступ к преимуществам внешней торговли для всех производителей, в том числе и мелким.

Главным направлением политики Бельсу в области торговли была ее либерализация внутри страны, отказ от всяческих привилегий и монополий, плюс жесткий контроль над иностранными купцами. Р. Бустильо назвал эту

⁴⁸ Pérez C. Quinine and Caudillos. P.168–169.

⁴⁹ ANB. M812. N 398. Memoria que el Ministro de Hacienda de Bolivia presenta a las Cámaras Constitucionales. 12.02.1951. P. 13.

⁵⁰ ANB. CB. 1852. F. 747.

⁵¹ Rojas C. Historia financiera de Bolivia. La Paz, 1977. P. 164–166.

политику «национализацией торговли»⁵². Речь идет о знаменитом декрете от 7 апреля 1849 г. В нем заявлялось, что «магазины иностранных торговцев, находящиеся внутри страны, стали причиной разорения большей части розничных торговцев». Бельсу приказывал в течение 100 дней закрыть все иностранные магазины в стране и перевезти их в Кобиху, на тихоокеанское побережье. Торговля в розницу могла вестись только боливийцами.

Правительство было озабочено «снижением торговли через Кобиху и падением поступлений от таможи, что не позволяло наполнять расходную часть бюджета»⁵³. Между тем таможня в 1851 г. давала 582 299 песо – более 25% всех бюджетных поступлений казны. Президент констатировал: «Страна не может получать всех выгод от торговли, если сборы и пошлины носят фактически запретительный характер... высокие пошлины создают почву для контрабанды»⁵⁴. Снижение пошлин в 1849 г. было значительным, более чем вдвое по сравнению с временами А. Санта Круса и Х. Балывиана.

В боливийском обществе в первые десятилетия независимого существования страны не прекращались споры между сторонниками протекционизма и фритредерства. Протекционизм Бельсу имел ясно выраженную социальную направленность, должен был защитить ремесло. Видный боливийский историк Р. Савалета Меркадо отмечал, что если Санта Крус, запрещая импорт тканей, заботился о хозяевах обрахес, то Бельсу интересовался судьбой ремесленного производства, он принимал во внимание развитие внутреннего рынка через поддержку производителя-ремесленника⁵⁵. Действительно, по уже упоминавшемуся закону 1849 г. самыми высокими пошлинами облагались готовые товары, одежда, обувь, мебель, посуда и прочие предметы обихода, которые производились в ремесленных мастерских в каждом боливийском городе.

Финансовая и налоговая системы Боливии нуждались в серьезном реформировании. Страна в 40-е – 50-е годы жила в условиях хронического бюджетного дефицита. Сводить концы с концами правительству позволяла двойная денежная система, а именно, одновременный оборот твердого, полноценного песо и «слабого» песо, фебле, с низкой пробой серебра. В период с 1853 по 1856 г. печатается практически только «слабый» песо. В 1850–1854 гг., при Бельсу, 80,79% всех монет в Боливии были фебле, а государство зарабатывало на этом 26,47% всех своих доходов⁵⁶. Первоначально цены не росли, так как импорт оплачивался полноценным песо. Сумма оборота «слабого» песо достигала 13 185 884⁵⁷. Увеличение количества фебле сделало «твердое» песо простым товаром. Правительство предназначало полноценное песо лишь для торговли с Чили, которая считала фебле фальшивой монетой и запретила их оборот в стране.

В 1849 г. с инициативой проведения денежной реформы выступил Рафаэль Бустильо. Он настаивал на необходимости выбрать только один вид денег: либо «твердый», либо «слабый» песо, либо начать чеканить абсолютно

⁵² Bustillo R. Op. cit. P. 32.

⁵³ Colección oficial... T. 13. P. 287.

⁵⁴ Ibid. P. 50.

⁵⁵ Zavaleta Mercado R. Lo nacional-popular en Bolivia. México, 1986. P. 116–117.

⁵⁶ El Siglo XIX. Bolivia y América Latina. P. 306.

⁵⁷ Bustillo R. Op.cit. P. 36–38.

новую монету. Министр предпочитал оставить только фебле, так как «твердого» песо в обороте уже практически не осталось. Проблема состояла в договоре с Перу, согласно которому Боливия обязывалась выпускать монеты лишь высокой пробы, но ничего не говорилось о ее весе. Бустильо предлагал в стоимостном выражении сохранить фебле, но из высокопробного серебра, т.е. новая монета стала бы на 2 реала дешевле старого «твердого» песо. Бустильо заключал: «Только торговля и спрос отрегулируют ее стоимость».

Новое боливийское песо предполагалось чеканить из высокопробного серебра, но новая монета была бы легче по весу и соответствовала бы по стоимости фебле, что позволило бы органически сочетать ее с уже находящимися в обороте деньгами. Боливийские 119 песо равнялись бы 100 чилийским⁵⁸. Реформа позволила бы избежать контрабанды «твердого» песо, спекуляций и квазиинфляции (мер и весов). К сожалению, реформа не была проведена. При Бельсу она была сразу же парализована необходимостью «зарабатывать» на разнице фебле и «твердого» песо, а затем торговое эмбарго Перу вынуждало торговать только через Чили, признававшей лишь «твердое» песо, и их вновь стали чеканить. Таким образом, необходимая реформа была отложена на многие годы.

Протекционизм Бельсу был непоследовательным и слабым, что в сочетании с государственными монополиями дает повод обвинять его в меркантилистском подходе. Между тем политика Бельсу была своеобразным симбиозом меркантилизма и либерализма, становящегося ведущим экономическим течением эпохи. Бельсу проводил политику, руководствуясь принципами общественного интереса или блага. Именно при Бельсу предлагались налоговые и денежные реформы, свидетельствовавшие о желании провести модернизацию экономики Боливии.

Идейные основы бельсизма

Придя к власти в борьбе с другими каудильо, Бельсу всех поразил своими идеями, которые он высказывал на митингах перед народом, в официальных речах и даже в преамбулах и текстах издаваемых им декретов. Президент претендовал на свою идейную программу, которая должна была послужить основой его реформаторской деятельности. В одном из своих первых циркуляров к местным властям 12 января 1849 г. он утверждал, что главным критерием для назначения на административные посты должна стать способность этих людей «провести великую моральную революцию»⁵⁹. Как заявляли бельсистские публицисты, страна погрязла в эгоизме и корысти чиновников (они называли это *empleomanía* – погоня за должностями), в коррупции и карьеризме⁶⁰.

Важнейшей отличительной чертой правления Бельсу было особое внимание властей к религии и церкви. Религия представляла собой важную ценность лишь в сочетании со свободой. Вот два главных базиса идеологии бельсизма. Выступая в Потоси 19 ноября 1853 г., Бельсу провозгласил: «Ре-

⁵⁸ Bustillo R. Op. cit. P. 43.

⁵⁹ Colección oficial... T. 13. P. 7.

⁶⁰ El Porvenir. N 1. 06.07.1850.

лигия и свобода, вот чему мы верны. За нераздельные религию и свободу каждый отдаст 100 жизней, если бы они у него были»⁶¹. Соединение католицизма и либерального эгалитаризма было характерно для бельсизма. По словам Бельсу, его правительство существовало лишь благодаря Небесному покровительству и поддержке трудящихся классов. Бог и простой народ – вот политическое кредо бельсизма.

Бельсу видел божественное предназначение власти в объединении нации, ее различных классов и рас. «Я выше классов», – подчеркивал Бельсу⁶². Он хотел создания сильного правительства, способного прекратить хаос и революцию, обладающего авторитетом в общественном мнении, а главное, приводящего к экономическому прогрессу страны. Бельсу был убежден в необходимости срочных реформ сверху. Он заявлял, что его миссия состояла в «медленном, но неуклонном проведении реформ»⁶³. Реформы в его понимании должны были не только открыть дорогу прогрессу, но и решить социальные проблемы страны, вывести народ из бедности, порочной жизни, темноты и невежества. Обращаясь к конгрессу, Бельсу призывал: «Господа! Проведите необходимые реформы сейчас, если не хотите, чтобы завтра народ свершил свою революцию».

Антиолигархическая риторика стала официальной идеологией режима. Бельсистская пресса постоянно атаковала олигархию и аристократию. «La Época» призывала Бельсу бороться со знатью, которая презирает его как «темного» чоло⁶⁴. Наиболее радикальные бельсисты образовали кружок «Либеральной молодежи», поставившей своей целью борьбу с олигархией. Учитывая существование имущественного ценза, радикалы опасались, что выборы вернут власть аристократии. Они призывали Бельсу отменить выборы, так как он стал президентом в результате «прямого голосования народа»⁶⁵.

При Бельсу основным тезисом пропаганды стало противопоставление бедности народных низов, носителей благородства, достоинства и патриотизма, и богатства паразитических классов, олигархии⁶⁶. Бельсисты наделяли богатство греховностью и порочностью, капиталистический успех приравнивали к грабежу и обману, презирали аристократические привилегии и титулы. Не только старая аристократия, но и новая буржуазия объявлялись носителями порока. Бельсистское государство, по идее радикальных бельсистов, должно было «привести к согласию прав нации и частных интересов»⁶⁷. Обогащение одних вело к обнищанию других – вот, что беспокоило бельсистских публицистов. В их глазах высшей добродетелью было презрение к прибыли, воздержание от участия в капиталистических переговорах. Бельсистская «La Época» подчеркивала: «Генерал Бельсу не торговец, не каскарильеро (торговец хиной. – А.Щ.), не монополист, не акционер и не

⁶¹ Речь Бельсу в изложении Т. Мединасели см.: ANB. Ruck. 507. F. 91.

⁶² Mensaje que el Presidente constitucional de la República presenta al Congreso extraordinario de 1855. Sucre, 1855. P. 7.

⁶³ Mensaje que el Presidente Constitucional de la República Boliviana presenta, al terminar su período, a las Cámaras Legislativas en 1855. Sucre, 1855. P. 12.

⁶⁴ La Época. N 884. 14.03.1851.

⁶⁵ La Verdad desnuda. 26.01.1850.

⁶⁶ La Época. N 894. 21.07.1851.

⁶⁷ La Época. N 470. 06.09.1849.

перекупщик, он не передает национальное достояние на откуп иностранным авантюристам»⁶⁸. Бельсисты заявляли: «Свобода была символом борьбы в прошлом веке, а Бельсу олицетворяет собой в Боливии главный принцип этого века – братство»⁶⁹.

Эгалитарные идеи были широко распространены среди бельсистов. В исторической литературе есть много ссылок на высказывания о частной собственности и богатстве, приписываемых самому Бельсу. На их основании часто делался вывод о взглядах, близких к «утопическому социализму», о влиянии на Бельсу идей Ламенне, Сен-Симона и Прудона. Достоверными эти данные назвать сложно. Одна из самых известных по числу ссылок на нее речей Бельсу, хотя возможно и апокрифических, посвящена бедности и богатству, частной собственности и общинности. Это речь Бельсу 14 марта 1849 г. в Айопайя перед собравшимся народом в период борьбы с мятежами оппозиции. Он говорил или возможно говорил: «Товарищи! Частная собственность есть главный источник большей части преступлений и насилия в Боливии; она – причина постоянной борьбы между боливийцами; она – источник всеобщего эгоизма, того вечного эгоизма, который осуждается общей моралью. Не нужно нам больше собственности, ни собственников, ни наследования! Долой аристократию! Земля для всех! Долой эксплуатацию человека человеком!» И далее: «Друзья! Собственность, по выражению одного великого философа, есть продукт эксплуатации слабого сильным, а общность имущества – сильного слабым. Собственность имеет в своей основе случайность, а общность – разум»⁷⁰. Тема равенства, братства, освобождения народа и низших классов от порабощения аристократией и капиталистами (под ними понимались чаще всего ростовщики-банкиры) была ведущей во многих подлинных выступлениях Бельсу и его сподвижников.

Внимание к нуждам низов, забота об обездоленных и бесправных гражданах страны были лейтмотивом многих публичных выступлений как самого Бельсу, так и его сторонников. Себя Бельсу также причислял к угнетенным классам. Свое правление он рассматривал как восстановление социальной справедливости в отношении народных масс. Бельсу громко произнес, что хочет передать свой пост преемнику, который будет «человеком в пончо и жакете», т.е. из низов. Выступая в Кочабамбе, Бельсу заявил: «Чоло, пока вы умираете от голода и нищеты, ваши угнетатели, которые зовут себя кабальеро, эксплуатируя ваш труд, живут в роскоши»⁷¹. В августе 1855 г., передавая власть генералу Х. Кордобе, Бельсу заявлял: «Я вывел на политическую сцену обездоленные классы, которые восстали из тьмы вековой несправедливости и заняли свое место рядом с нами. Народные массы, объект презрения и жертва политиков, заставили слышать свой голос: именно они подавляли мятежи аристократии. Появление их власти – социальное явление огромной важности. Это вызывает ужас некоторых классов, цепляющихся за свои привилегии»⁷². Президент верил в республику простого народа.

⁶⁸ La Época. N 833. 07.01.1851.

⁶⁹ El Elector. 18.05.1855.

⁷⁰ Morales J.A. Op. cit. P. 396–397.

⁷¹ Arguedas A. Op. cit. P. 81–82.

⁷² Mensaje que el Presidente constitucional de la República Boliviana presenta, al terminar su período, a las Cámaras Legislativas en 1855. P. 4.

Победа принципов равенства и братства, по мнению бельсистов, должна была привести к ликвидации бедности, нищеты, унижения народа. Цель правительства — новые законы, которые создадут справедливое общество без бедности, без рабства и неравенства: «Вам достанется слава стать родоначальниками социалистического принципа равенства, провозглашенного героями дела свободы»⁷³. Бельсизм содержал сильное эгалитарное направление, что не могло не обеспокоить правящие классы.

Оппозиция с первых же дней окрестила Бельсу «вождем плебса», коммунистом и тираном, «врагом свободы, таланта и чести»⁷⁴. На самом деле идеи социализма в очень размытом и общем виде проникали в Боливию в середине XIX в. Социализм стал обыденным, широко известным термином. Бельсисты утверждали, что страна должна управляться по «мандату, который состоит в союзе религии и социализма»⁷⁵. Сам Бельсу имел очень смутное представление об этих новых европейских доктринах, о социализме и коммунизме, но часто говорил о своей цели построения общества, свободного от эксплуатации человека человеком⁷⁶.

Бельсу противопоставлял общинный строй индейцев, как идеальный общественный порядок, и европейский социализм. Именно в общине он видел спасение Боливии от коммунистической заразы⁷⁷. В послании к конгрессу в феврале 1855 г. Бельсу заявлял: «Меня обвиняют в социализме, в подстрекательстве против собственности, в призывах к социальной революции!.. А моя цель — царство согласия и братства»⁷⁸. Несколько месяцев спустя в своем политическом завещании он призывал преемника заботиться об обездоленных классах: «Установите коммунизм справедливости, если не хотите, чтобы народ сам установил политический коммунизм»⁷⁹.

Среди сторонников Бельсу были радикалы, называвшие себя революционерами и социалистами. Под социализмом они понимали социальный прогресс, цивилизацию, отмену смертной казни, реорганизацию (отмену) армии и всеобщее вооружение нации, поддержку слабых и бедных, постоянное обновление общества через социальную революцию⁸⁰. Эти идеи пропагандировали радикальные либералы, называвшие себя социалистами.

Возможно, Бельсу разделял некоторые взгляды социалистов. Его защита народных масс, борьба за равенство, эгалитарная направленность воззрений, безусловно, перекликались с социалистическими идеями. Вместе с тем эти совпадения с утопическим социализмом сосуществовали с глубоко консервативными поступками и убеждениями Бельсу, его религиозностью и стремлением не допустить общественного расслоения и роста социальных

⁷³ La Época. N 1021. 04.09.1851.

⁷⁴ *Olañeta C. Belzu en la historia* // Comercio de Lima. N 3554. Lima, 1851.

⁷⁵ La Época. N 1087. 27.11.1851.

⁷⁶ Mensaje que el Presidente constitucional de la República presenta al Congreso extraordinario de 1855. P. 5.

⁷⁷ ANB. M812. F. 390. Mensaje al Congreso. 1850. P. 9–10.

⁷⁸ Mensaje que el Presidente constitucional de la República presenta al Congreso extraordinario de 1855. P. 6–7.

⁷⁹ Mensaje que el Presidente Constitucional de la República Boliviana presenta, al terminar su período, a las Cámaras Legislativas en 1855. P. 5.

⁸⁰ El Revolucionario. Sucre. N 1. Noviembre de 1855. P. 1–2.

противоречий в развивающейся капиталистической экономике. Его социальный проект был консервативно-утопическим, хотя и с социалистической окраской.

Одним из направлений политики Бельсу было поощрение просвещения, которое рассматривалось как важный элемент укрепления основ национального государства. Уже в январе 1849 г. в одном из своих первых декретов Бельсу заявил, что просвещение будет основой его политики. В период правления Бельсу строилось очень много школ, открывались новые лицеи и институты. В 1851 г. министр образования Хосе Агустин де Ла Тапия в послании к конгрессу писал: «Закон предполагает повсеместное открытие общеобразовательных школ, но пока нам этого не удалось сделать, так как не хватает учителей. В последний год построено много начальных школ в различных городах страны, но учителей для них нет»⁸¹. Правительство ставило перед собой цель введения всеобщего обязательного начального образования, торжественно гарантировало образование для лиц обоих полов на всей территории республики⁸².

Одной из главных забот Бельсу было образование для бедных. «La Época» в 1851 г. писала: «Необходимая и долгожданная мера – дать воспитание и образование пролетариату!»⁸³ Бельсу реорганизовал Колледж искусств и ремесел в Ла-Пасе, который был основан А.Х. Сукре в 1826 г., но закрыт в 1846 г. В 1853 г. такие колледжи были открыты в Кочабамбе и Ла-Пасе. Эти школы «предназначались для бесплатного обучения молодежи из менее зажиточных слоев населения»⁸⁴. Бельсу уделял большое внимание именно ремесленным училищам.

Социальное освобождение и создание справедливого общества всеобщего блага мыслилось бельсизмом только через просвещение всего народа. Бельсу утверждал, что образование сотрет классовые различия, даст подлинное равенство, а главное, превратит трудящиеся классы, пока пребывающие во тьме невежества, в граждан, осознающих всю полноту своих прав и обязанностей. Просвещение для Бельсу было орудием ликвидации эксплуатации человека человеком. «Просвещение, – говорил он, – должно научить жить своим трудом»⁸⁵. Две доблести – труд и образование противопоставлялись паразитическому существованию олигархии, тормозящей прогресс.

Бельсу гордился народной поддержкой своей власти: «Я вывел на политическую сцену обездоленные классы»⁸⁶. Он считал, что самодеятельность масс создает граждан, которые формируют нацию. Посол США в Боливии Дж. Апплетон в июне 1849 г. писал: «Бельсу делает опасную ставку на поддержку чоло и индейцев. Он считает, что именно им должна принадлежать власть в стране»⁸⁷.

⁸¹ La Época. N 995. 02.08.1851.

⁸² Colección oficial... T. 16. Sucre, 1865. P. 26–27.

⁸³ La Época. N 1031. 18.09.1851.

⁸⁴ Colección oficial... T. 16. P. 27.

⁸⁵ Mensaje que el Presidente constitucional de la República presenta al Congreso extraordinario de 1855. P. 5.

⁸⁶ Mensaje que el Presidente constitucional de la República Boliviana presenta, al terminar su período, a las Cámaras Legislativas en 1855. P. 4.

⁸⁷ Shipe S.H. The American legation in Bolivia. 1848–1879. Saint-Luis, 1967. P. 84.

Бельсу делал ставку на свою популярность среди простого народа, плебса городов. Газеты для ремесленников описывали злоупотребления хозяев, от которых страдал пролетариат, обвиняли аристократию в паразитическом образе жизни за счет трудового народа⁸⁸. Газета «El Artesano de La Paz» (1855) утверждала, что равенство может быть достигнуто восхождением каждого пролетария по социальной лестнице через совершенствование в своем ремесле.

Активность прессы и благосклонное отношение властей к городским низам способствовали первым объединениям ремесленников и рабочих в Боливии. 3 января 1852 г. было создано «Общество ремесленников Ла-Паса»⁸⁹ – первое межцеховое объединение, которое объявляло своей целью создание ремесленных школ по подготовке мастеров и контролю за качеством продукции⁹⁰. Инициатива ремесленников совпала с планами правительства по созданию Колледжа ремесел и искусств. 22 мая 1853 г. в Сукре был создан Союз столяров. Правительство утвердило его устав. Фактически это было мютюалистское общество, главная задача которого заключалась в защите и материальной поддержке больных, вдов и сирот ремесленников⁹¹.

Бельсу был народным каудильо, так как его политика имела целью остановить разорение мелких торговцев и ремесленников, неизбежно отступавших перед нашествием иностранных, европейских конкурентов. Каудильизм, в первую очередь в период правления Бельсу, создавал условия социальной мобильности для народных низов, для метисов, в иных условиях неспособных преодолеть расово-классовые барьеры боливийского истеблишмента. Священники, солдаты, офицеры, служащие из метисов получали возможность сделать карьеру при каудильо. Сам Бельсу был примером восхождения метисов к вершинам власти⁹². Во время его президентства немало представителей низов смогли достичь видного общественного положения.

С первых лет своего правления Бельсу установил союзнические отношения с индейцами, которые называли его «Тата Бульсу» – отец Бельсу. Индеец-общинник интересовал Бельсу исключительно как плательщик трибуто. Правительство стремилось упорядочить налоговое обложение крестьян. Главной проблемой был насильственный сбор губернаторами авансов подушной подати, что вызывало возмущение индейцев. По этой причине в марте 1849 г. в Оруро произошло крупное восстание в Умасуйо.

В 1850 г. министр финансов Рафаэль Бустильо выступил с инициативой: «Необходимо улучшить социальное положение индейцев; губернаторы не должны собирать подать, а заниматься политической работой»⁹³. В 1851 г.

⁸⁸ *Unzueta F.* Periódicos y formación nacional: Bolivia en sus primeros años // *Latin American Research Review*. Vol. 35. N 2. 2000. P. 50.

⁸⁹ ALP. PN. 1849–1855. C. 4. f. 112–113.

⁹⁰ Ibid.

⁹¹ *Vázquez-Machicado H.* Glosas sobre la historia económica de Bolivia.: el hacendista don Miguel María de Aguirre (1798–1873). La Paz, 1991. P. 262–263.

⁹² Такие фамилии метисов, как Мельгарехо, Артече или олигарха и президента страны Грегорио Пачеко (1884–1888), вошли в историю страны, представляют поднявшихся на вершину экономической и политической власти метисов. – *Soruco Sologuren X.* La ciudad de los cholos. Mestizaje y colonialidad en Bolivia, siglos XIX y XX. Lima, 2011. P. 41.

⁹³ *Bustillo R.* Op.cit. P. 10–11.

Бустильо предложил создать специальную службу чиновников, которые подчинялись бы казначейству напрямую. По его идее это должно было сэкономить средства казне и ликвидировать злоупотребления, так как губернаторы манипулировали со списками налогоплательщиков и «мертвыми душами»⁹⁴. 17 октября 1853 г. Бельсу издал декрет, в котором призывал самих индейцев пресекать злоупотребления префектов, губернаторов, коррехидоров. Президент приказал читать этот декрет во всех церквях⁹⁵. Фактически он развязал руки индейцам и даже сам призвал их к неповиновению местным властям, что имело весьма печальные последствия и для самого бельсистского режима.

Индейцы занимали незначительное место в политических планах Бельсу. И все-таки в его проекте эгалитарного общества, которое противопоставлялось буржуазному прогрессу, нашлось место и общине. В отличие от Боливара и либералов он не считал общину отжившим и реакционным институтом прошлого, тормозящим развитие сельского хозяйства Боливии. Напротив, он видел в ней спасение от ужасов капитализма и острой классовой борьбы. Министр Бустильо предлагал: «Чтобы доходы (от трибута. — *А.Щ.*) были многочисленными, а их происхождение более законно, необходимо прибегнуть к распределению пустующих или узурпированных государством земель среди безземельных индейцев-общинников агрегандос и янаконов и созданию новых общин»⁹⁶. Правительство Бельсу предлагало передавать индейцам пустующие земли. Р. Бустильо очень четко сформулировал отношение бельсизма к индейской общине-айлью: «Удивительный экономический институт общины должен развиваться и широко распространяться на благо большинства боливийцев, которые находят в ней применение своего труда и которым община обеспечивает средства существования. Община приносит большую пользу государству. Думаю, что если бы во Франции были институты подобного рода, там не было бы безработицы, а народные массы не увлекались бы столь стремительно распространяющимися доктринами социализма»⁹⁷. Защита общины была сигналом для индейцев в том, что у власти в Боливии находится их президент.

Индейцы вняли призыву Бельсу уничтожать заговорщиков и мятежников, где бы те ни находились. По своей инициативе они стали патрулировать границы с Перу с тем, чтобы обеспечить безопасность границ от проникновения отрядов оппозиционеров, укrywшихся в соседнем государстве. В январе 1854 г. бывший председатель конгресса (1848) Линарес при поддержке бандолеро К. Переса, орудовавшего в северных провинциях департамента Ла-Пас, вторгся с небольшим отрядом на территорию Боливии. Индейцы аймара разбили их, при этом им помогали аймара, жившие на перуанской территории. Часть отряда попала в плен к индейцам, которые передали их властям⁹⁸. Индейцы активно поддерживали войска Бельсу во время компаний по подавлению мятежей оппозиции.

Постепенно действия индейцев выходили из-под контроля, чему немало способствовал декрет от 17 октября 1853 г., призывавший пресекать зло-

⁹⁴ La Época. N 999. 08.06.1851.

⁹⁵ Colección oficial... T. 16. P. 128.

⁹⁶ Bustillo R. Op.cit. P. 9.

⁹⁷ Ibid. P. 9–10.

⁹⁸ ABN. MI. 1849–1856. Libro copiadador de circulares a las prefecturas. T. 77. N 46. f. 44.

употребления властей. В марте 1854 г. индейцы-аймара захватили одного врача из Ла-Паса, подозревая в заговоре против Бельсу, казнили его. Бельсу высказал им свое недовольство и отказался принять делегацию аймара. Это не остановило индейцев, и через некоторое время они казнили еще одного подозреваемого в заговоре офицера армии. Возмущение креольского «общества» Ла-Паса было огромным⁹⁹. Чтобы прекратить конфликт, 4 апреля 1854 г. Бельсу объявил всеобщую амнистию. Он не решился на репрессии против индейцев, хотя их действия были очевидно незаконными.

Яркие, зажигательные речи Бельсу о равенстве, о борьбе с аристократией и защите бедных сбивали с толку индейские массы. Повсеместно стали распространяться слухи, что Бельсу вот-вот подпишет декрет о возвращении всех земель поместий общинам. В мае 1855 г., как только стало известно, что Бельсу не останется на посту президента, в Оруро и Ла-Пасе вспыхнули индейские восстания. После передачи власти преемнику Бельсу, генералу Кордобе, индейцы подняли восстание в ряде провинций севера страны. Восстание было подавлено, правда, без обычной в таких случаях жестокости. Использование армии против индейцев положило конец союзу аймара и бельсизма. Преемник Бельсу Х. Кордоба уже не пользовался поддержкой индейцев, что ослабило его режим.

Индейцы никогда не были в центре внимания Бельсу. Он стремился ограничить злоупотребления против них, но не сделал ничего для кардинального улучшения их положения. Его целью было сохранение статус-кво, в том числе и подушной подати с общинников. Надо признать, что и индейцы хотели того же, только самые радикальные их представители мечтали о всеобщем восстановлении общины, что при всей симпатии Бельсу к этому институту было немыслимо.

Внешняя и внутренняя политика бельсизма

Самой большой и влиятельной группировкой в первые годы правления Бельсу были сторонники А. Санта Круса. Крусисты заняли практически все ключевые посты в правительстве и в армии. Да и самого Бельсу считали крусистом. Противниками крусистов и Бельсу были бальвивианисты, в основном представлявшие олигархию севера страны. Другое крыло оппозиции – веласкисты и линаристы были знаменем южной аристократии Чукисаки.

С 1851 г. началось охлаждение в отношениях с крусистами, которые рассчитывали руками Бельсу вернуть к власти Санта Круса. Французский посланник в Боливии Л. Февр в марте 1851 г. отмечал, что в беседах с Бельсу было заметно его раздражение против Санта Круса. Формально Санта Крус порвал отношения с Бельсу в 1853 г. Он перестал быть послом Боливии. Тогда же он предложил свои услуги Эченике, перуанскому президенту, готовившему вторжение в Боливию¹⁰⁰.

⁹⁹ *Calderón Jemio R.* Cuando la población Aymara dejó de apoyar a Belzu // *Estudios bolivianos. Historia y Teoría.* N 8. 1999. La Paz, 1999. P. 80–81.

¹⁰⁰ *Abecia Baldivieso V.* Las relaciones internacionales en la historia de Bolivia. T. 1. La Paz, 1979. P. 561.

Близкие к Бельсу крусисты, в частности, его брат, хотя и надеялись на возврат А. Санта Круса, предпочитали выжидать и не выступать против правительства. Они не потеряли надежды убедить самого Бельсу назначить своим преемником А. Санта Круса. 3 июня 1852 г. из Такны брат президента Ф. де Паула Бельсу писал генералу Ф.О. Брауну: «Вопрос жизни и смерти: мы все должны склонить генерала Санта Круса к решению вернуться в страну; он одним своим именем заставит моего брата завершить свой конституционный срок и законно передать ему власть»¹⁰¹. Однако Бельсу был убежден, что А. Санта Крус готовит переворот.

С упрочением власти в стране Бельсу позволил действовать умеренной оппозиции. Один из лидеров оппозиции Т. Фриас даже предлагал балъивианистам сотрудничать с Бельсу для сохранения порядка, стабильности и установления конституционного строя, что полностью совпадало с целями самого Бельсу. В 1854 г. более плюралистическими стали газеты. Снизился политический контроль власти над прессой¹⁰². Стали формироваться новые политические группы, оппозиционные режиму. Будущий президент Боливии и один из основателей консервативной партии, совсем еще молодой Мариано Баптиста предпринял попытку объединить вокруг себя бывших балъивианистов, не желавших выходить за рамки закона и насильно свергать существующую власть¹⁰³.

Различия между «партиями» в Боливии в первой половине XIX в. были настолько незначительны, что постороннему наблюдателю казалось, что все они одинаковы и отличаются лишь приверженностью тому или иному каудильо. Такого рода явление было характерно не только для Боливии, но и для других латиноамериканских стран. Вместе с тем за каждым политическим лидером стояла определенная региональная группа элиты, те или иные слои креольской верхушки, интересы которой переплетались между собой и часто находились в некоем равновесии в отношении друг друга. А. Санта Крус, Балъивиан, Веласко или Бельсу – все они хотели видеть в бывшей колонии Чаркас единую, сплоченную и сильную нацию. Балъивиан, Веласко, Линарес ограничивали понятие граждан креольской верхушкой, достойной управлять государством. А. Санта Крус также опирался исключительно на знать, его взгляды были узкоэлитарными, аристократическими. Однако в отличие от своих оппонентов он под словом граждан подразумевал всех боливийцев, в том числе и индейцев.

Иное дело – Бельсу. Он также опирался на элиту, пользовался региональными противоречиями в лагере олигархии. Тем не менее его проект был модернизаторским, ибо он не только опирался на поддержку городских средних слоев и народных низов, но и был убежден, что, только превратив их в полноправных граждан, можно построить современное сильное государство.

Само географическое положение Боливии диктовало ее зависимость от своих ближайших соседей. Фундаментальными для страны были взаимоотношения с Перу. Бельсу, придя к власти, принял договор, подписанный в Арекипе 3 ноября 1847 г., по которому Боливия получала свободный транзит

¹⁰¹ ANB. CB. 1852. F. 751. Письмо Ф. де Паула Бельсу – генералу О.Ф. Брауну от 03.06.1852.

¹⁰² *Unzueta F.* Op. cit. P. 49.

¹⁰³ *El amigo de la verdad.* N 21. 01.02.1853.

товаров через порт Арики и обязывалась, в свою очередь, прекратить печатать фебле, слабый песо, обращавшийся не только в Боливии, но и в Перу. В январе 1849 г. правительство Бельсу подписало новый договор с Перу о свободной торговле и мире. Были преданы забвению все старые обиды и претензии, подтверждались положения арекипского договора. Это был период хороших отношений с Перу, закончившийся в 1851 г., когда там к власти пришел Эченике.

Внутриполитическая борьба в Перу между Эченике и Кастильей, другом Бельсу, отразилась на отношениях с Боливией. Эченике выслал своего бывшего патрона Кастилью в Боливию¹⁰⁴. Политики соседних стран активно участвовали в делах друг друга. Бельсу поддерживал Кастилью, а Эченике – врагов Бельсу балывивианистов. Дело дошло до высылки из Боливии перуанского поверенного в делах и консулов. Эченике даже был готов протянуть руку помощи А. Санта Крису для свержения Бельсу¹⁰⁵.

Отношения с Буэнос-Айресом в огромной степени зависели от поддержки оппозиции правительствами соседних стран. При Х. Балывиане Боливия предоставила убежище многим аргентинским унитариям, которые стали близки к власти и фактически управляли страной. Правительство аргентинского диктатора М. Росаса требовало удалить унитариев из пограничных областей, порой угрожая вторжением и аннексией Тарихи¹⁰⁶.

После свержения Балывиана новое правительство, не разрывая связей с унитариями, протянуло руку примирения Росасу. Были отменены все ограничения на торговлю с провинциями Рио-де-Ла-Платы. Теперь Аргентина стала убежищем для потерпевших поражение балывивианистов, веласкистов и линаристов. В июне 1849 г. Бельсу потребовал от Росаса убрать из пограничных Сальты и Жужуя боливийских эмигрантов, которые, по его словам, во время смуты в марте 1849 г. ограбили Монетный двор в Потоси. Бельсу даже пригрозил Росасу торговым эмбарго с Аргентиной. Ответ Росаса был недвусмысленный: он примет полицейские меры против эмигрантов, но ждал ответных мер от Бельсу в отношении унитариев¹⁰⁷. Несмотря на всю кажущуюся дипломатическую уступчивость Росаса, он не собирался идти навстречу Бельсу. Назначение А. Санта Крису послом в Европе вызвало негодование Росаса.

В сентябре 1850 г. после покушения на Бельсу, с началом полосы охлаждения с крусистами, улучшились и отношения с Росасом. В конце 1850 г. унитарии были высланы из Боливии, что сразу же сделало Росаса союзником Бельсу. Улучшение взаимоотношений с Буэнос-Айресом, необходимость чего диктовалась безопасностью южных границ, в немалой степени способствовало охлаждению, а затем и разрыву с крусистской партией. Победа Уркисы и унитариев обеспокоила Бельсу, но Аргентина после свержения Росаса была ослаблена гражданской войной и не представляла серьезной угрозы для Боливии.

¹⁰⁴ См.: История Перу с древнейших времен до конца XX века. М., 2000. С. 223.

¹⁰⁵ ANB. CB. 1853. F. 759.

¹⁰⁶ Archivo General de la Nacion, Argentina (AGN). S.10. C.1. A.9. L.6. Меморандум в МИД Боливии от 28.08.1847.

¹⁰⁷ AGN. S.10. C.1. A.9. L.6. Ответ Росаса на письмо М.И. Бельсу от 09.09.1849.

Другим малоудобным соседом Боливии была Чили. Острота отношений обуславливалась экспансией этой страны в Атакаме, где на боливийской территории обосновывались чилийские поселенцы. В Чили также находили убежище многие политические эмигранты, но поскольку доступ из Чили в Боливию был крайне затруднен из-за географических сложностей (пустыня и неприступные Анды), эта тема мало волновала власти. Бельсу добился приезда чилийского посла в Ла-Пас. Им стал известный писатель Х.Х. Вальехо, который прибыл с инструкциями занять крайне жесткую позицию вплоть до объявления войны. Он отказался обсуждать тему чилийского продвижения в Атакаме, а это было единственное, что интересовало Боливию. В результате Р. Бустильо заявил послу, что Боливия прерывает свои отношения с Чили. В 1854 г. Боливия вновь предприняла попытку найти общий язык со своим несговорчивым соседом. В Сантьяго отправился Х. де Ла Крус Бенаvente, влиятельный деятель режима. Однако его деятельность не принесла никаких результатов¹⁰⁸.

Боливия искала свободных торговых путей на мировой рынок, а также упрочения связей с европейскими странами и США. Самыми успешными были отношения с Ватиканом и Францией, и все благодаря деятельности А. Санта Круса. Отношения с Францией, первоначально омраченные высылкой нескольких французских торговцев, замешанных в политических интригах оппозиции, были стабильно успешными и увенчались заключением торгового договора. Бельсу не заискивал перед европейскими державами и даже, казалось, делал все для того, чтобы испортить с ними отношения. Пока А. Санта Крус в Париже трудился над договором между Боливией и Францией, Бельсу заявлял французскому посланнику в Боливии Л. Февру, что не видит никакой выгоды, ни ценности в этом договоре, так как Боливию ничто не связывает с Францией: торговля ничтожна, а расстояние друг от друга огромно¹⁰⁹. С Испанией отношения складывались более драматично. Бельсу отказался ратифицировать торговый договор с Испанией, так как он был подписан при Бальивиане. Он усмотрел в нем ущерб интересам Боливии¹¹⁰.

Отношения с США были впервые установлены именно при Бельсу. 3 марта 1854 г. американский посланник писал в Вашингтон: «Президент говорил очень открыто и дружески о взаимном интересе Боливии и США, о своем твердом желании и решимости установить более тесные отношения с нами, т.е. с народом США, и лучший способ для этого – навигация по рекам»¹¹¹. Однако уже в сентябре 1854 г. отношения резко испортились из-за вмешательства США в дела Кубы и из-за экспедиции В. Уолкера на мексиканской границе. Бельсу очень ревностно относился к вмешательству иностранцев в дела испано-американских стран, как то было при интервенции Франции на Ла-Плате. Боливия в знак протеста против действий США формально отозвала свою ноту о желании заключить договор о дружбе и торговле. Тем самым отношения были заморожены.

¹⁰⁸ Abecia Baldivieso V. Op. cit. P. 562–564.

¹⁰⁹ ALP. Documentos. Gavetas. N 35. F. 7.

¹¹⁰ Arguedas A. Historia de Bolivia. T. 4. P. 36.

¹¹¹ Diplomatic Correspondence of the United States. Inter-American affairs. 1831–1860. Vol. 2. Washington, 1932. P. 25.

Самой большой внешнеполитической неудачей Бельсу было крайнее обострение отношений с Перу после прихода к власти Эченике. Одна из причин конфликта – финансовая политика Боливии, а именно чеканка фебле, слабого песо. Неполноценная боливийская монета наводнила перуанский рынок, а твердое песо вывозилось за рубеж, что порождало рост цен. 26 марта 1853 г. Госсовет Перу заявил, что Боливия нарушает Арекипский договор, и потребовал возмещения ущерба. Эченике хотел назначить консула в Потоси, где бы тот следил за качеством выпускаемых монет, но Бельсу категорически отказал. В качестве протеста Перу отменило режим свободной торговли через Арику и ввело 40-процентную пошлину на все транзитные товары, следующие в Боливию¹¹².

6 мая 1853 г. Перу выдвинуло ультиматум о смещении министра финансов Р. Бустильо, а также принятии консулов там, где они были ранее, а главное, не печатать фебле. За уже отчеканенные фебле Перу требовало возмещения. 15 мая Боливия отвергла ультиматум. В ответ Перу арестовало всю хинную кору, скопившуюся в перуанских портах. Дело шло к войне, и конгресс санкционировал ее объявление в случае необходимости. Следующим шагом было эмбарго на торговлю с Перу. В июне 1853 г. перуанские войска оккупировали порт Кобиху. Посредничество Чили в конфликте не увенчалось успехом. 30 октября 1853 г. Бельсу во главе боливийских войск перешел границу с Перу. Через 15 дней, так и не встретив перуанской армии, боливийцы вернулись восвояси. Междоусобная война в Перу помешала полномасштабной войне с Боливией.

Боливийская торговля была тесно связана с региональными рынками севера Аргентины и юга Перу. Серьезным испытанием для боливийской внешней торговли был разрыв отношений, а затем эмбарго на торговлю с Перу в 1853 г. С июня 1853 г. вся торговля через Кобиху или перуанскую территорию была прервана. Ответом Бельсу на внешние обстоятельства было его стремление повернуть региональную торговлю на внутренний рынок, чтобы компенсировать ущерб от разрыва связей с Перу. В циркуляре от 25 октября 1853 г. президент призывал торговцев юга страны вести скот на продажу на север, так как его поставки в Боливию из Перу прекратились¹¹³. Бельсу гарантировал протекцию правительства тем помещикам и торговцам, которые погонят скот с юга на север, в Ла-Пас, где его не хватает. Бельсу приказывал освободить этих торговцев от всех пошлин и налогов¹¹⁴.

Конфликт с Перу подтолкнул Бельсу к политике автаркии и форсированной интеграции различных районов страны: власти обещали, что и после отмены эмбарго торговцы получают привилегии в торговле, а конкурентные зарубежные товары будут запрещены к ввозу в Боливию¹¹⁵. Бельсу даже видел многочисленные плюсы в ситуации эмбарго, отмечал рост торговли и производства местных товаров, увеличение занятости¹¹⁶. Автаркия, по его мысли, будет способствовать внутренней интеграции и прогрессу страны.

¹¹² *Abecia Baldovieso V. Op. cit. P. 560.*

¹¹³ *Colección oficial... T. 16. P. 132.*

¹¹⁴ ANB. MI.1849–1856. T. 77. N 46. F. 38.

¹¹⁵ *Ibid. F. 41.*

¹¹⁶ *Ibid. F. 39–40.*

Однако внутренних сил для развития у Боливии было мало, трудности в горнорудной промышленности, перебои с поставками товаров в города перевесили преимущества замкнутого развития. За год изоляции Бельсу мало что удалось сделать. Вездесущая контрабанда и географическая разобщенность страны были непреодолимыми препятствиями в достижении поставленных им целей развития. Местное ремесло не могло полноценно заменить весь импорт.

Президент издавал распоряжения префектам, обязывая их организовывать то или иное производство, как, например, сумок для кожи в Ла-Пасе и Оруро¹¹⁷. Особое внимание уделялось текстильному производству. 20 октября 1853 г. Бельсу распорядился доставлять хлопок из Бени в Кочабамбу, разрешая префекту департамента принуждать торговцев и помещиков к этому и «использовать силу, если понадобится»¹¹⁸. Если верить отчетам правительства, усилия властей увенчались успехом: «Президент во время своих поездок по стране с удовлетворением отмечал, что дороги полны караванов с товарами, направлявшихся с юга на север страны»¹¹⁹. Победа Р. Кастильи над Эченике в гражданской войне в Перу побудила Бельсу 12 декабря 1854 г. отменить эмбарго. Отношения с соседней страной были восстановлены. Это был конец автаркии. Иллюзии Бельсу создать сильную экономику, опирающегося исключительно на местное производство, разбилось о суровую реальность боливийской жизни.

Период с 1851 до конца 1854 г. характеризовался относительным спокойствием. Хотя оппозиция, главным образом линаристы, пытались организовать антиправительственные восстания (в июле 1853 г. в Санта-Круссе, Кобихе, Чайянте – малочисленные города, где события носили периферийный характер; в декабре 1853 г. снова в Санта-Круссе и Ла-Пасе), Бельсу без особого труда удавалось подавить их.

В 1853 г. Бельсу объявил политическую амнистию, но лидеры оппозиции не поверили в его искренность. В апреле 1854 г. правительство вновь объявило об амнистии, но с тем же результатом¹²⁰. Никто не спешил возвращаться в Боливию. В конце 1853 г. в Санта-Круссе возникло антиправительственное движение военных во главе с Г. Пересом и И. Ортисом, которых поддержал полковник М. Мельгарехо. Они подняли на восстание сосланных в этот удаленный департамент оппозиционеров и офицеров запаса, провозгласив Линареса президентом. Восстание было подавлено. В январе 1854 г. М. Мельгарехо был арестован в Кочабамбе, где был приговорен к смерти Военным судом. К Бельсу обратились женщины из богатых семей Кочабамбы и вымолили прощение для самого дикого и жестокого в будущем президента Боливии. Прощение Мельгарехо было роковым решением для Бельсу. Разве мог он предугадать, что ему суждено погибнуть от руки этого вероломного человека. Давая согласие на прощение Мельгарехо, Бельсу пророчески сказал: «Мельгарехо еще станет причиной разрушения страны»¹²¹.

¹¹⁷ Ibid. F. 38.

¹¹⁸ Colección oficial... T. 16. P. 129.

¹¹⁹ ANB. MI.1849–1856. T. 77. N 46. F. 43.

¹²⁰ Ibid. F. 46.

¹²¹ *Felmann Velarde J. Historia de Bolivia T. 2. La bolivianidad semifeudal. Cochabamba, 1981. P. 134.*

В ноябре 1854 г. генерал Х.М. Ача восстал в Потоси против Бельсу, провозгласив себя президентом. Затем во главе своего полка отправился в Кочабамбу, где к нему с небольшим отрядом присоединился М. Мельгарехо. Бельсу отправил в Кочабамбу генерала Х. Кордобу, а сам 20 ноября вступил в «ликующий Оруро, а затем и Потоси, поддержанный всем народом»¹²². В столкновениях с отрядом Ача и Мельгарехо войска Х. Кордобы были близки к поражению, но вновь «плебс», народные массы Кочабамбы буквально разогнали полк Ача, разграбили дом его матери и дома других мятежников. Мятеж Ача был, пожалуй, самым серьезным испытанием для режима Бельсу в этот период.

Правление Кордобы и закат бельсизма

Ослабление репрессий, некоторая демократизация и относительная свобода оппозиции стали прелюдией подготовки президентских выборов 1855 г. Бельсу, несмотря на все опасения его оппонентов, твердо заявил, что не будет менять Конституцию, запрещающую повторное избрание президента, и не станет выдвигать свою кандидатуру на выборах. В своем послании конгрессу в феврале 1855 г. он заявил: «Ничто не заставит меня продолжать выполнять обязанности президента. Это стало для меня невыносимым бременем, со всех точек зрения невыносимым. Да, именно так! Тысячу раз невыносимым!»¹²³. Конгресс был вынужден принять его доводы. Как приговор звучит произнесенная Бельсу и ставшая знаменитой фраза: «В Боливии стало невозможным любое правление»¹²⁴.

Еще 6 августа 1854 г. Бельсу в послании к конгрессу объявил о проведении прямых президентских выборов в 1855 г., как того требовала Конституция. Бельсисты стали выдвигать кандидатуры сподвижников президента. Это были и Р. Бустильо, и генерал Г. Ланса, и генерал Х. Кордоба. Выбор Бельсу пал на зятя — Х. Кордобу.

В октябре 1854 г. А. Санта Крус решил выставить свою кандидатуру на выборах президента. Он искал союза с другими оппозиционерами. «Основой общего договора с ними, — писал А. Санта Крус, — должно быть полное забвение прошлого и искреннее примирение всех партий, за исключением бельсистов, во имя восстановления царства закона в Боливии»¹²⁵. Санта Крус собирался прибыть в Америку в марте-апреле 1855 г. Он рассчитывал опубликовать свою предвыборную программу в январе и обратиться к правительству с заявлением о желании участвовать в выборах. Он был уверен, что его «личное появление на границе Боливии обязательно вызовет всеобщее общественное движение»¹²⁶.

А. Санта Крус так и не добрался до Боливии, но его кандидатура была зарегистрирована на президентских выборах. Ему не удалось создать ан-

¹²² Colección oficial... Т. 16. Р. 330.

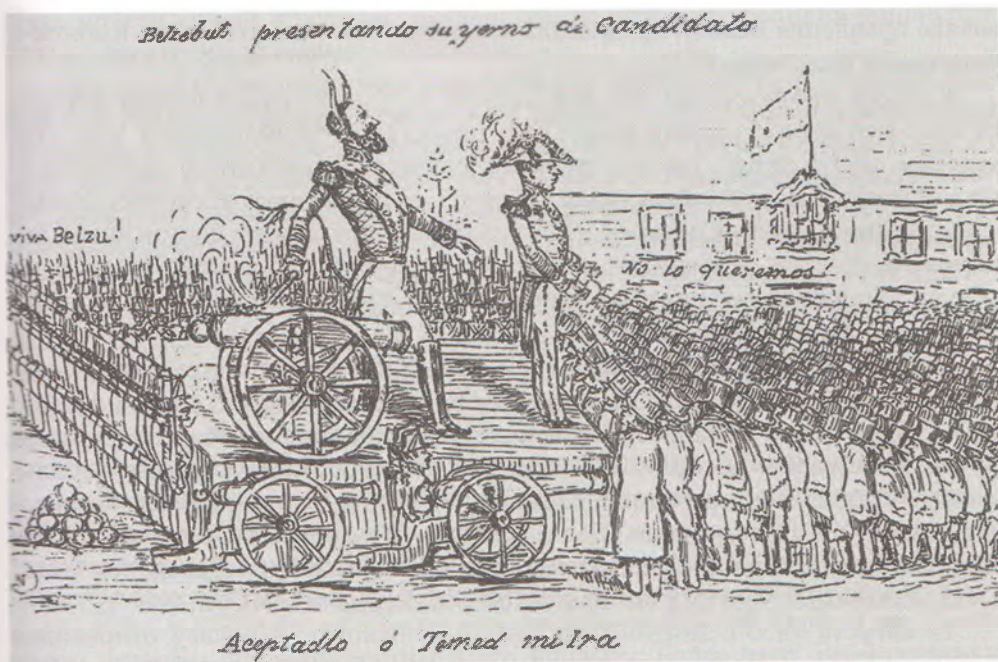
¹²³ Mensaje que el Presidente constitucional de la República presenta al Congreso extraordinario de 1855. P.11.

¹²⁴ Ibid. P. 2.

¹²⁵ ANB. CB. 1854. F. 770.

¹²⁶ Ibid. F. 771.

Карикатура на выборы Х. Кордобы

тибельсистскую коалицию. Линаристы не только отказались от сотрудничества с крусистами, но и предупредили, что будут бороться против него, как и ранее. Бельсисты создали свою предвыборную партию вокруг генерала Х. Кордобы.

Среди бельсистов развернулась дискуссия: каким должен стать новый этап реформирования страны, начатого Бельсу. Некоторые из них утверждали, что необходимо продолжить борьбу с круризмом, который олицетворял клерикализм и феодализм старых колониальных времен¹²⁷. Согласно их идеям, главная задача в ближайшем будущем состоит в «новом социальном устройстве: Бельсу навел порядок в стране, теперь наступило время социальных реформ»¹²⁸. Бельсисты-либералы считали, что необходимо избежать борьбы каудильо, а для этого «надо развивать гражданские институты власти, которые не зависели бы от правителя»¹²⁹. Как левые, так и умеренные бельсисты своей программой и идеями свидетельствовали, что впервые в Боливии появилась не группа сторонников какого-либо каудильо, но национальная партия модернизации страны.

Умеренные бельсисты, к которым принадлежали и Р. Бустильо, и генерал Х. Кордоба, предлагали примирение с антибельсистской оппозицией. Они утверждали, что Кордоба являлся представителем либерализма, выступал против анархии и милитаризма в Боливии¹³⁰. Эта часть бельсистов, как и в

¹²⁷ El Elector. 27.04.1855.

¹²⁸ El Elector. 03.05.1855.

¹²⁹ El Elector. 24.05.1855.

¹³⁰ El Cometa. Sucre. N 4. 25.05.1855.

начале правления Бельсу, предлагала коалиционное правительство в союзе с умеренной оппозицией¹³¹.

Кордобе противостоял ряд кандидатов: А. Санта Крус, в победу которого мало кто верил; правый фланг был представлен Т. Фриасом и Х.М. Линаресом, который был зарегистрирован в качестве кандидата в президенты, хотя еще несколько месяцев назад числился среди главных государственных преступников и врагов режима. «Массовый» избиратель крусистов давно перешел на сторону бельсистов, за них и собирался голосовать. Линарес же получил большую поддержку в Университете и в «образованных», аристократических кругах общества¹³².

Выборы состоялись в июле, а 8 августа 1855 г конгресс утвердил их результаты. Победил генерал Х. Кордоба, получивший 9388 голосов против 4194, поданных за Линареса. Сокрушительное поражение ожидало А. Санта Круса; даже в департаменте Ла-Пас, где его позиции были традиционно сильны, ему удалось получить лишь 18 голосов. Главным же сюрпризом было голосование в Ла-Пасе, родном городе Кордобы. Там победил Линарес¹³³. Хотя шли разговоры о подтасовках, по мнению многих исследователей, это были, возможно, самые честные выборы в истории Боливии в XIX в.

15 августа 1855 г. Кордоба вступил в должность, а Бельсу отправился послом в Европу. На прощание он бросил пренебрежительную фразу: «Оставляю все этому...»¹³⁴. Кордоба унаследовал враждебность олигархии, неприятие бельсизма высшими слоями общества. Ему удалось избавиться от крусистов, снять опасность возврата Санта Круса, которого в феврале 1856 г. аргентинское правительство выслало из приграничных районов, подальше от Боливии¹³⁵. Кордоба искал союза с аристократией. 24 сентября 1855 г. был отменен декрет Бельсу о конфискации имущества за политические преступления.

Х. Кордоба старался найти компромисс с антибельсистами. В результате мог опираться только на армию, так как чоло перестали его поддерживать. Единственное, что он воспринял от своего зятя, это популистские жесты по раздаче городским низам денег и подарков в честь своего дня рождения. Чоло принимали приношения, но все более равнодушно относились к новому правителю. Кордоба не смог решить ни одной проблемы, оставшейся ему в наследство от Бельсу: по-прежнему, офицеры в отставке требовали своего жалования, торговцы хотели свободной торговли, а аристократия укрепления своей власти. Его правительство восстановило алькабалу, налог с продаж времен колониального господства. Кордоба не мог и не хотел править вместе с народными массами, продолжая реформы государства, начатые Бельсу.

¹³¹ El Elector. 18.05.1855.

¹³² ANB. CB. 1855. F.776. Письмо Педро Контрераса – Х.А. Пальсе от 13.05.1855.

¹³³ Redactor de la Cámara de representantes de 1855. N 2. 7 de agosto, 1855. Sucre, 1855. P. 6–8.

¹³⁴ Valencia Vega A. Historia política de Bolivia. T. 4. La Paz, 1986. P. 1059.

¹³⁵ Sotomayor Valdés R. Op. cit. P. 97. Вынужденный покинуть Сальту, А. Санта-Крус остановился в провинции Энтре-Риос, где приобрел несколько поместий. Там он породнился с президентом Аргентины Х.Х. Уркисой, женив своего сына на его дочери. В 1858 г., после прихода к власти Линареса, А. Санта Крус, поздравив его с победой, заявил об окончательном уходе в частную жизнь и вскоре вернулся в Европу, где скончался в 1865 г.

Путь модернизации и реформ государства, по которому Боливия пошла при Бельсу, был прерван в самом его начале.

Уже через месяц после вступления на президентский пост Кордоба должен был заняться подавлением первого мятежа¹³⁶, поднятого сторонниками Линареса. В конце 1856 г. восстание вспыхнуло в Оруро. Однако Кордоба простил всех участников, рассчитывая мягкостью правления завоевать симпатии народа¹³⁷. 8 сентября 1857 г. Линарес появился в Оруро, где был провозглашен временным президентом республики. Военный гарнизон перешел на сторону восставших. Из Оруро Линарес, разбив по дороге отряд правительственных войск, отправился в Кочабамбу, в которую триумфально вступил без всякого сопротивления. Кордоба долго собирал свои силы, и только в конце сентября его войска двинулись к Кочабамбе. В стране свирепствовала эпидемия тифа, а правительство не предпринимало никаких усилий для помощи пострадавшим районам¹³⁸.

В своей последней битве за власть Кордоба попытался возродить старый бельсизм и призвал чоло Кочабамбы разрушить город, где засели его враги. В своем обращении к чоло он говорил: «С этого момента вы становитесь хозяевами жизни и имущества, берите все, что вам нужно. Безжалостно убивайте всех одетых во фрак. Окружите их и никого не выпускайте живым. Кто погибнет в борьбе, их семьи получают содержание»¹³⁹. Однако народные массы остались индифферентны к его призыву. Более того, ремесленники Ла-Паса, в недавнем времени оплот бельсизма, создавали отряды в поддержку Линареса¹⁴⁰. Они не верили в Кордобу как продолжателя дела Бельсу, а благоприятствующий низам режим времен Бельсу был возможен только при власти самого каудильо. Кордоба вернулся к традиционному стилю военных каудильо, и ремесленники предпочитали Линареса, обещавшего гражданское правление и моральное очищение.

Правительственные войска не смогли сломить сопротивление Кочабамбы, и Кордоба отступил. Правда, впоследствии он утверждал, что не хотел использовать артиллерию против народа, чоло, находившимся в осажденном городе¹⁴¹. В Боливии отступление всегда означало поражение. Сразу же восстания вспыхнули по всей стране. После последующих неудач и перехода части правительственных войск к противнику 21 октября Кордоба смирился с поражением и покинул страну¹⁴².

¹³⁶ Первый мятеж против Кордобы поднял бывший министр Бельсу генерал Гонсало Ланса, который перешел на сторону Линареса

¹³⁷ *Sotomayor Valdés R.* Op.cit. P. 100.

¹³⁸ *El Artesano de Sucre.* Sucre. N 4. 27 de diciembre de 1858. P. 1.

¹³⁹ *Cortés M.J.* Op. cit. P. 226.

¹⁴⁰ ANB. MI. 1857. T. 159. N 22.

¹⁴¹ *Manifiesto y programa del presidente constitucional de Bolivia a la Nación.* Anexo. Notas o cuadros de horror. Arequipa, 1858. P. 59.

¹⁴² *Aranzaes N.* Las Revoluciones de Bolivia. La Paz, 1918. P. 176.

«МОРАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И ДИКТАТУРА ЛИНАРЕСА

Хосе Мария Линарес пришел к власти в 1857 г. под лозунгами восстановления законности, борьбы с милитаризмом и каудильизмом. Его сторонники утверждали, что именно он набрал большинство голосов на выборах 1855 г., якобы подтасованных бельсистской властью. Ремесленники, выражая поддержку новому президенту (надо признать, что они это делали в отношении ко всякому новому каудильо), заявляли, что правительство Кордобы было «династическим», нелегитимным¹. И даже те бельсисты, кто продолжал называть себя «революционными социалистами», считали, что приход к власти Линареса положительно скажется на прогрессе страны². Первый кабинет Линареса включал авторитетных и популярных политиков – Томаса Фриаса, Лукаса Мендоса де Ла Тапия, Эваристо Валье. В первые месяцы новая власть пользовалась значительной поддержкой населения.

Линарес был убежден, что Боливия нуждается в революции, которая могла бы полностью трансформировать ее печальную действительность. Если Бельсу искал социальных преобразований, то Линарес, так же как и его предшественник, убежденный, что положение в стране нетерпимо и нуждается в кардинальной перестройке, уповал на моральное очищение и на нравственные основы в политике. Воспитанный на романтической литературе, Линарес верил в возможность «улучшения» человечества через утверждение морали в обществе.

Линарес объявил о «моральной революции», что подразумевало войну всем порокам, разъедавшим боливийское общество: коррупции, паразитизму, беззаконию и каудильизму. Он объявлял своими врагами всех, кто потакал военным каудильо, «бездельникам» чоло, отсталым и неэффективным бюрократам, продажным и циничным церковникам и лицемерным интеллигентам. Сразу после прихода к власти Линарес обрушил на страну поток указов, распоряжений, циркуляров и декретов, направленных на исправление политических основ боливийского государства. Он был убежден, что достичь целей морального обновления можно административной деятельностью, декретами и указаниями, на задумываясь о социальных последствиях и не анализируя эффективность своего законотворчества.

Хотя с приходом к власти Линарес объявил о намерении созвать Учредительное собрание, он не верил в способность креольской элиты принимать необходимые для возрождения страны меры и не спешил выполнять свое обещание. Линарес не верил в возможность возрождения силами самого общества, так как считал его больным сверху донизу, от аристократии до последнего крестьянина.

В марте 1858 г. полковник Мариано Мельгарехо, известный своим непредсказуемым и буйным характером, в свое время восстававший и не раз

© А. А. Щелчков

¹ El Artesano de Sucre. Sucre. N 9. 27 de marzo de 1858. P. 1.

² El Revolucionario. Sucre, N 1. 27 de enero de 1858. P. 1.

против Бельсу и Кордобы, будучи изгнанным из армии за пьянство, попытался поднять восстание в Кочабамбе, но был схвачен и осужден. Линарес, помня о поддержке Мельгарехо «сентябрьской революции 1857 г.», простил его. Вместе с Мельгарехо действовал генерал Агреды. Линарес выслал из страны главных действующих лиц этого заговора. Он тогда написал своей матери: «Небеса избавили нас от Мельгарехо и Агреды, которые всегда будут опасными для страны»³.

После всех этих событий и размышлений о возможностях возрождения страны Линарес утвердился во мнении о необходимости диктатуры, которую провозгласил 31 марта 1858 г. Сам Линарес объяснял это всеобщей просьбой народа, утратившего веру в институты и законы⁴. Линарес подходил к исполнению политической власти с религиозным смирением и убежденностью в своей правоте. Незадолго до прихода к власти в своих частных письмах он высказывался о своей избранности для этой миссии: «Я самый ничтожный из живущих, но Богу угодно избирать самых слабых для исполнения своих замыслов, для Боливии выбор пал на меня»⁵. Линарес верил лишь в себя и не желал делить ответственность и право принятия решения с элитой, с аристократией, погрязшей в пороках и нуждавшейся в насильственном обновлении.

Линарес с презрением относился к таким институтам демократии, как парламент или свободная пресса. Диктатура запретила прессе любое обсуждение действий правительства, и даже просто публикации политического свойства⁶. Все дела по политическим преступлениям изымались из обычного судопроизводства и передавались специальным трибуналам⁷. Целью Линареса было уничтожить всякую политическую активность, являвшуюся в его глазах источником пороков и аморальности в обществе. Линарес честно назвал свое правительство диктатурой, при этом признавал, что все предшествовавшие ему правления мало чем отличались от таковой⁸.

Линарес сократил число государственных служащих, запретил занимать любой пост без предварительного залога и поручительства, что было возвратом к колониальной практике. Те, кто не мог внести залог, теряли свои места. Было также сокращено жалование всех чиновников, в том числе и президента почти вдвое⁹.

Линарес пришел к власти при активной поддержке со стороны отставных военных, которые верили, что именно он сможет решить их экономические проблемы. Они обманулись в своих надеждах. Денег в казне для выплат им

³ *Arana Urioste N.* Linares. Patricio Cristiano. Notas y apuntes, rasgos y perfiles del dictador. Córdoba (Argentina). P. 172.

⁴ *Linares J.M.* Mensaje que dirige el ciudadano José María Linares a la Convención boliviana de 1861. Valparaíso [Chile], 1861. P. 4.

⁵ Цит. по: *Francovich G.* Variedad. La Paz, 1988. P. 216.

⁶ *Sotomayor Valdés R.* Estudio histórico de Bolivia bajo la administración del general D. José María de Achá. Santiago de Chile, 1874. P. 117.

⁷ *Arguedas A.* Historia de Bolivia. T. 4. La Paz, 1989. P. 62.

⁸ *Walker Martínez C.* El Dictador Linares. Biografía. Santiago de Chile, 1877. P. 36.

⁹ Линарес отличался скромностью и аскетичным образом жизни. Однажды, needing средства для элементарного поддержания своего быта, диктатор запросил у министра финансов Т. Фриаса аванс в счет будущего жалования, но получил от того отказ в связи с незапланированностью этого расхода. — *Prudencio R.* Ensayos históricos. La Paz, 1990. P. 27.

пособия не было, и Линарес вернулся к проекту привлечения отставников к производительному труду, который существовал еще при Бальивиане. Предполагалось направлять их на колонизацию земель в тропических районах Амазонки. Линаресу не удалось осуществить этот проект, в частности, из-за сопротивления самих военных¹⁰.

Армия и полиция представлялась Линаресу источником всего вреда и зла в политической жизни страны. В своем обращении к военным он подчеркнул, что времена, когда те ждали премий, званий и привилегий за исполнение своего патриотического долга, закончились. Линарес обещал превратить армию в подлинно республиканский институт, очистив ее от пороков каудильизма¹¹. После прихода к власти он сразу же уволил из армии всех военных, кто оставался верен Кордобе в сентябре 1857 г. Затем он приказал сократить вооруженные силы с 6 тыс до 1200 человек.

Точку зрения на военных Линареса подкрепляли доклады начальников с мест: так, глава полиции Ла-Паса в конце 1857 г. писал, что все подчиненные ленивы и коррумпированы, неспособны следить за порядком в городе. Он просил уволить всех старых полицейских и прислать бывших военных, состоявших ранее в армии Кордобы, так как они более дисциплинированы¹². Линарес решительно взялся за реформу армии и полиции.

Декретом от 2 января 1858 г. были учреждены квалификационные комиссии офицерских кадров, которые аттестовывали офицеров, исходя из их профессиональных качеств, а до прохождения аттестации им сохранялась лишь треть жалованья¹³. Военным запрещалось употреблять алкоголь. Была закрыта Военная академия, а для подготовки профессиональных военных Линарес создал Военный колледж в местечке Мекапака в 20 км от Ла-Паса. В каждой части были созданы начальные школы для обучения чтению и письму неграмотных солдат. Диктатор надеялся просвещением изменить характер боливийских военных институтов. Сокращая армию, Линарес 16 июня 1858 г. издал декрет, направленный на укрепление Гражданской гвардии, которая, по его задумке, ни в чем не уступала бы профессиональным войскам и обязательно должна была формироваться в каждом боливийском городе. В ее состав призывались адвокаты, торговцы, студенты, служащие, собственники и ремесленники¹⁴.

Увольняя сотни служащих и военных, Линарес совсем не заботился о судьбе этих людей, порождая огромную массу недовольных и готовых к восстанию людей. Офицеры, уволенные со службы, получали лишь четвертую часть и без того небольшого жалованья. Уже через год после прихода к власти Линарес стал крайне непопулярным правителем.

Диктатор провел судебную реформу, модернизируя старое испанское судопроизводство. Были введены кассационные инстанции, суды распределены в соответствии с административным делением, установлена подчиненность судов по французскому образцу.

¹⁰ El siglo XIX. Bolivia y América Latina. La Paz, 1996. P. 646.

¹¹ Arana Urioste N. Op. cit. P. 167.

¹² Informe del jefe de policía de La Paz del 03 de diciembre de 1857. – ANB. MI. 1857. T. 159. N 22.

¹³ Linares J.M. Op cit. P. 24.

¹⁴ Sotomayor Valdés R. Op cit. P. 109.

Еще до установления диктатуры 24 декабря 1857 г. Линарес создал Государственный совет из 18 членов, из которых 5 постоянно присутствовали при президенте. Вскоре совет стал состоять только из этих пяти постоянных членов. В результате нового административного управления страна была разделена на 24 губернаторства, напрямую подчинявшиеся президенту. Границы губернаторств совпадали с муниципалитетами. Была усилена власть муниципалитетов, которым передавались практически все мелкие и местные дела, наиболее важные оставались в ведении центрального правительства. В мае 1858 г. муниципалитеты получили право определять свой бюджет, самостоятельно распоряжаться своими средствами, но утрачивали возможность принимать местные косвенные налоги. Линарес видел в муниципалитетах место применения сил активного и нравственного гражданства, наподобие Древнего Рима¹⁵. Губернаторства в сочетании с муниципалитетами напоминали политическое устройство Франции, которое и было для него примером.

Разделение на департаменты, совпадавшие с историческими границами провинций-регионов, казалось Линаресу опасным с точки зрения борьбы региональных элит за самостоятельность, за федерализацию. Линарес был непреклонным сторонником централизации и унитарного государства¹⁶. Создавая губернаторства, президент преследовал цель морализации страны. Он желал неукоснительного исполнения своих распоряжений, стремился избежать бюрократической волокиты и неэффективности государственного аппарата.

Правительство Линареса не препятствовало самоорганизации отдельных слоев городского населения, но допускало это строго в соответствии с традиционными формами сословных объединений. Это касалось и ремесленников, и клира. В июле 1858 г. было создано «Церковное братство», своего рода общество взаимопомощи для бедных священников. Устав «Братства» утверждался правительством¹⁷.

В 1860 г. ремесленники образовали объединение всех цехов в Ла-Пасе — Центральную хунту ремесленников (22 января 1860 г. был принят регламент хунты). Это был союз цехов ремесленников, объединявший только мастеров, в полном подчинении которых оставались их помощники и ученики. В союз не могли вступить не состоявшие в делах ремесленники. Этот орган самоуправления позволял им при согласии правительства освободиться от контроля со стороны полиции, которая ранее следила за соблюдением правил производства, торговли и прочего¹⁸.

Регламент хунты ремесленников являлся своего рода основным законом для данного сословия. Согласно ему они могли проводить внутренние суды, осуществлять контроль за работой, отдыхом и коммерцией. Хунта объявлялась единственным законным представителем всех ремесленников: отдельным ремесленникам запрещалось обращаться к властям напрямую по профессиональным вопросам¹⁹. Предусматривалось создать специально для них Банк сбере-

¹⁵ Walker Martínez C. Op. cit. P. 43.

¹⁶ Prudencio R. Ensayos históricos. La Paz, 1990. P. 28.

¹⁷ Reglamento de la confraternidad eclesiástica, inaugurada el día 19 de Julio de 1858 con autorización del Supremo Gobierno y de la autoridad Diocesana. La Paz, 1858. P. 2–6.

¹⁸ Lora G. Obras Completas. T. XVIII. La Paz, 1996. P. 320–360.

¹⁹ Reglamento de la Junta Central de artesanos de la ciudad de La Paz. La Paz, 1862. P. 2.

жений для сохранения доходов и для взаимной поддержки. Устав был наполнен положениями, восходящими к «старому режиму». В частности, он запрещал ученикам и рабочим переходить из одной мастерской в другую без согласия хунты, что принималось властями, которые гарантировали выполнение этого запрета. Фактически регламент представлял собой закон-соглашение властей и ремесленного сословия. В обращении к властям хунта просила передать ей полную юрисдикцию над своим сословием²⁰. Таким образом регламент ремесленников вполне вписывался в общую консервативно-охранительную политику Линареса, являясь явным атавизмом времен колонии и «старого режима».

Ремесленники претендовали на самостоятельную политическую роль. Достаточно сказать, что создание хунты поддержали своими подписями 433 мастера (как правило, на одного мастера приходилось несколько рабочих и учеников)²¹. Ремесленники были многочисленной городской прослойкой. Главы цехов, среди которых выделялся Эваристо Рейес, стали издавать в Ла-Пасе газету «El Artesano». В этом им помогал один из ярких линарисстов Касими́ро Корраль, сыгравший в будущем большую роль в боливийской истории²².

Главным инструментом морализации общества должно было стать народное просвещение. Диктатор и его министр просвещения Э. Валье объявили о реформе образования по европейскому образцу. Как и во времена Бельсу, приоритетным становилось «промышленное обучение» для ремесленников²³. Были построены новые здания для Колехио искусств в Ла-Пасе и Кочабамбе, правительство заявляло о желании стимулировать образование ремесленников, чоло, плебейских масс городов²⁴. Хунта ремесленников просила правительство создать и финансировать «Центральный дом ремесленников», где бы сосредоточились как обучающие мастерские, так и место отбывания наказаний для ремесленников вместо тюрьмы в привычном для них труде. Одним словом она стремилась получить признание привилегированного положения для своего сословия, закрепить за собой признаваемое правительством право на самоуправление²⁵.

Ремесленники требовали от государства улучшить дело просвещения низов. Газета ремесленников «El Artesano» убеждала своих читателей, что всеобщее избирательное право является безусловным благом, но в условиях Боливии невозможно и даже вредно. Следовательно, просвещение необходимо, чтобы постоянно увеличивалось число избирателей²⁶. Сами главы цехов, понимая необходимость расширения политических прав для своего сословия, записали в устав хунты ремесленников запрет на принятие на работу мастерами учеников, которые не умеют читать и писать, не знают арифметики и азов христианского учения. За неисполнение этого пункта устанавливались высокие штрафы²⁷.

²⁰ Reglamento de la Junta Central de artesanos... P. 29.

²¹ Ibid. P. 19–27.

²² El Artesano. La Paz. N 34. 30 de noviembre de 1857. P. 1.

²³ Walker Martínez C. Op. cit. P. 42.

²⁴ Sotomayor Valdés R. Op. cit. P. 120.

²⁵ Reglamento de la Junta Central de artesanos... P. 4.

²⁶ El Artesano. N 27. 04 de abril de 1857. P. 3.

²⁷ Reglamento de la Junta Central de artesanos... P. 3.

Для улучшения положения в сфере образования были введены экзамены для учителей. Как в школе, так и в Университете было много преподавателей, не имевших никакой квалификации и получавших эти посты за политические заслуги. Многие учителя не смогли пройти экзамены и были уволены. Оставшимся, как и всем служащим, было сокращено жалованье. Улучшение в этой сфере не было достигнуто, а к недовольным правлением диктатора прибавилось немало учителей и университетских преподавателей.

Не избежало гнева диктатора главное «моральное» учреждение общества – церковь. Линарес считал, что после завоевания независимости боливийские церковники погрязли в коррупции и цинизме, превратили служение в доходное дело, источник плотских удовольствий, предали евангелические заповеди. К принятию мер против «коррупции» в церкви Линареса подтолкнуло покушение на него 10 августа 1858 г. в Ла-Пасе. В заговоре состоял священник Хуан Мануэль Порсель, который, несмотря на просьбы епископа, был расстрелян. После этой казни почти повсеместно священники проклинали диктатора. Оппозиция режиму нашла серьезную опору в церкви²⁸. Это подтолкнуло диктатора к решительным мерам по «морализации» церкви. К некоторым священникам, осмелившимся критиковать правительство, были применены репрессивные меры, что вызвало недовольство видных деятелей церкви²⁹.

25 ноября 1859 г. диктатор издал указ о создании в каждом департаменте семинарий, в которых все священники должны были регулярно, четыре месяца в году проходить курсы и послушание, чтобы в них «пробудились евангелические ценности»³⁰. Также он приказал убрать из монастырей прислугу, принуждая богатых монахинь к простой жизни³¹. Невзирая на протесты местных церковников, Линарес приглашал иностранных священников на кафедры в Чукисаке и Санта-Крус. Правительственные газеты, в том числе и выступающие от имени ремесленников, обрушились с резкой критикой на «звергающих в дикость» население невежественных священников. Несмотря на строгую цензуру, процерковные круги выступили с протестом, предлагая

Хосе Мария Линарес

²⁸ Arguedas A. Historia de Bolivia. T. 4. P. 90–91.

²⁹ Будущий архиепископ Мигель Таборга выступил с резким памфлетом против правительственной политики в отношении священнослужителей. – Santos Taborga. Miguel de los, Constatación al último papel que el señor Olañeta ha dado a luz con el título de La religión i las leyes. Sucre, 1859. P. 5.

³⁰ Arana Urioste N. Op. cit. P. 177.

³¹ Linares J.M. Op. cit. P. 11.

своим критикам взглянуть и на правительство и его нравы, а вождей ремесленников обвинили в приверженности коммунизму, атеизму, идеям Сен-Симона, Оуэна и Бабефа, отвергающих собственность³².

Диктатор вызвал оппозицию массы священников, обладавших большим влиянием в народе, а также сопротивление со стороны епископата, рассматривавшего его действия как вмешательство в свои внутренние дела³³. Уже после падения диктатора линаристская газета «El Fenix» писала: «Корпоративный дух церкви сплотил ряды священников, которые представили народу власть врагом религии, хотя диктатор требовал морального поведения от священников из-за своего глубокого уважения к церкви и руководствуясь своей искренней верой»³⁴. Церковь оказалась среди опасных противников Линареса, в то время как тот стремился к возрождению религиозности народа.

Линарес с приходом к власти столкнулся с серьезными финансовыми проблемами: дефицит бюджета, огромный внутренний долг, проблема фебле. Он считал необходимым перейти на десятичную денежную систему, отказавшись от старой испанской, при полном отказе от фебле³⁵. Однако потребности казны в доходах, в том числе и за счет чеканки фебле, делали эту задачу делом далекого будущего. Министр финансов Т. Фриас в 1857 г. заявлял, что отмена фебле приведет к катастрофическим последствиям для бюджета. При Линаресе чеканка фебле достигла 90% производства Монетного двора³⁶.

В августе 1859 г. Т. Фриас провел реформу: Монетный двор стал чеканить монеты с высоким содержанием серебра, но меньшими по весу и равными по стоимости фебле³⁷. Таким образом, Боливия исправляла положение с фебле, исполняя свои международные обязательства не чеканить фактически фальшивую монету с меньшим количеством серебра. Эта реформа решала проблему претензий Перу и Чили к фальсификации монет, которые имели хождение во всех соседних странах, но по существу не вела к унификации денежного обращения, добавив лишь еще одну денежную единицу – «песо Фриаса». При Линаресе впервые боливийское правительство хотело прибегнуть к внешнему заимствованию, точнее к переговорам о займе в миллион фунтов стерлингов. Эти деньги были нужны для реализации проекта расширения р. Десагуадеро и проведения дорог, которые связали бы основные горнорудные центры и боливийское тихоокеанское побережье. Этот проект защищал Авелино Арамайо, активно агитировавший за строительство железных дорог от тихоокеанского побережья к рудникам Потоси³⁸. Однако эти планы не были реализованы.

В декабре 1857 г. Линарес, формируя правительство, создал новое министерство экономики. Даже радикальные, в прошлом бельсистские газеты приветствовали эту инициативу: до этого все правительства были обеспокоены лишь доходами и расходами, не думая об их источниках, об экономических

³² Confraternidad Eclesiástica. Breve exposición que hace la Confraternidad Eclesiástica en defensa de la dignidad parroquial. La Paz, 1859. P. 7–8.

³³ Linares J.M. Op. cit. P. 10.

³⁴ Moreno G.R. Anales de la prensa boliviana. El golpe de estado de 1861. La Paz, 1985. P. 26–27.

³⁵ Linares J.M. Op. cit. P. 33.

³⁶ Mitre A. Los patriarcas de la plata. Estructura socioeconómica de la minería boliviana en el siglo XIX. Lima, 1981. P. 48–54.

³⁷ Sotomayor Valdés R. Op. cit. P. 113–114.

³⁸ Aramayo A. Informe sobre los asuntos de Bolivia en Europa (1876). Pau, 1877. P. 68–69.

потребностях страны и ее развитии³⁹. Безусловно, это был прогрессивный и новый взгляд на управление страной и ее народным хозяйством, хотя президент руководствовался старыми схемами государственного участия времен физиократов колониального времени. При Линаресе отмечался подъем горнорудной отрасли. В этот период боливийские торговцы обратили свои взоры на горную отрасль. В 50-е годы они приобрели самые крупные и производительные рудники страны. Первыми новыми компаниями в этой отрасли, созданными собственно боливийским капиталом, были Компания Уанчака в Потоси, приобретенная в 1856 г. будущим горным магнатом Анисето Арсе, и Реаль Сокавон Потоси, купленная семьей Арамайо. Тогда же, в середине 50-х годов, торговец Грегорио Пачеко приобрел шахты Гвадалупе в Потоси. Так было положено начало крупнейшим состояниям боливийских магнатов горнорудной отрасли, доминировавших в экономике страны многие десятилетия. Новые владельцы, опираясь на собственный капитал, вывели отрасль из застоя, создали привлекательный для иностранного капитала объект для капиталовложений, потоком хлынувших в страну начиная с 70-х годов XIX в.⁴⁰

Горнозаводчикам взамен горных интендантств времен колонии предложили создать Горную палату, ставшую влиятельным органом защиты их интересов. Была либерализована торговля минералами, за исключением серебра, которое по-прежнему скупало государство. В марте 1860 г. боливийское правительство впервые выпустило регламент создания акционерных обществ, создавая таким образом базу законов предпринимательской деятельности.

Линарес, отвечая интересам торговли и горнозаводчиков, отошел от политики протекционизма. Это был поворот к политике свободной торговли, окончательно победившей в 70-е годы. Правительство отказалось от защиты местного ремесленного производства. В июне 1858 г. были снижены ставки пошлин на импортные ткани. По заявлению правительства, запретительные пошлины «лишь усиливали контрабанду, не защищая национальное производство». Также был отменен запрет на внутреннюю торговлю иностранными купцами. Для решения споров в торговле в феврале 1858 г. были образованы специальные коммерческие суды⁴¹.

Введенная при Бельсу монополия на торговлю хиной была окончательно разрушена. Боливийский хинин не мог конкурировать с колумбийским и перуанским, и вскоре его экспорт почти полностью прекратился. В 1857 г. в районе Мехильонеса на побережье были открыты огромные залежи гуано, что вызвало бурное развитие этого региона и прежде всего порта Антофагасты в основном силами чилийского капитала и чилийской же колонизации.

В аграрной сфере правительство Линареса продолжило политику предыдущих правительств, состоящую в защите прав индейских общин. Власти были заинтересованы в сохранении общинного землевладения, поскольку общины были главными плательщиками подушной подати – трибуто, которое в те годы составляло 36% доходной части бюджета. Декретом от 18 января 1858 г. Линарес запретил местным властям и военным использовать и при-

³⁹ El Revolucionario. Sucre. N 8. 11 de enero de 1858. P. 1.

⁴⁰ Арамайо вложил в свою компанию в период с 1854 по 1861 г. 281 тыс. песо, а Пачеко в тот же период – 333 тыс. песо. – Klein H. Historia general de Bolivia. La Paz, 1988. P. 166–170.

⁴¹ Sotomayor Valdés R. Op. cit. P. 111–114.

нуждать к труду индейцев-общинников, иначе как на основании свободного договора и оплаты услуг. Это распоряжение никто никогда не исполнял⁴². Индейцев по-прежнему эксплуатировали и обирали как местные власти, так бело-метисное население городов. Именно при Линаресе впервые в республиканской истории Боливии было жесточайше подавлено крестьянское выступление и устроена резня в Копакабане в районе оз. Титикака⁴³.

Правительство Линареса быстро стало непопулярным. Оппозицию жестко преследовали, но ряды ее ширились. Подняли голову главные оппоненты диктатора – белсысты. 1 ноября 1858 г. бывший президент Кордоба выпустил манифест с программой революции против диктатуры, которую он квалифицировал как тиранию и правление балливианистской олигархии, что напоминало старую риторику Бельсу⁴⁴. Он призывал свергнуть диктатуру, чтобы «обновить административную и правительственную систему в соответствии с современными тенденциями прогресса и социальных потребностей». В качестве программы Кордоба предлагал исполнить народные требования: «немедленный созыв конгресса, реформа конституции, отмена смертной казни как юридического убийства, распространение народного просвещения, отмена военных комиссариатов и чистка государственных служащих»⁴⁵.

Хотя Кордоба в своем воззвании ни разу не упомянул Бельсу, белсысты надеялись на его возвращение из Европы, чтобы возглавить борьбу с Линаресом. 15 октября 1858 г. Бельсу написал большое, на 15 страницах, письмо своим сторонникам в Боливию. Фрагменты этого письма были опубликованы внутри страны некоторыми газетами, ориентированными на ремесленников, среди которых всегда было много белсыстов⁴⁶. А. Аргедас утверждал, что Бельсу сам этого письма не писал, а лишь был его вдохновителем, а подлинным автором являлась его супруга Х.М. Горрити, что нам представляется маловероятным. Нет никаких достоверных фактов общения супругов. Письмо было написано во Франкфурте, а Горрити находилась в Лиме (письмо было переправлено через Буэнос-Айрес, куда Горрити вернулась лишь в 1875 г.). Возможно, кто-то и редактировал письмо, которое предназначалось для прессы. Полностью его так и не опубликовали, но прочитали все. Друзья и сторонники Бельсу были разочарованы, так как их «идол» раскаивался в содеянном, осуждал эксцессы в период своего правления. Так зародились подозрения, что письмо подложное и написано не самим Бельсу. Однако Бельсу никогда публично не признавал свое авторство, но и не отрицал его.

В этом письме Бельсу, как и прежде, презрительно отзывался о боливийских политиках и партиях, жаждущих получить от власти лишь личное обогащение. Он утверждал, что защищал завоевания революции, суть которой состояла в наведении порядка как предпосылки для прогресса страны.

⁴² Platt T. La experiencia andina de liberalismo boliviano entre 1825 y 1900: Raíces de la Rebelión de Chayanta (Potosí) durante el siglo XIX // Resistencia, rebelión y conciencia campesina en los Andes, siglos XVIII al XX / Comp. S. Stern. Lima, 1990. P. 279.

⁴³ Antezana S.A. Estructura agraria en el siglo XIX. Legislación agraria y transformación de la realidad rural de Bolivia. La Paz, 1992. P. 65–68.

⁴⁴ Manifiesto y programa del presidente constitucional de Bolivia a la Nación. Arequipa, 1858. P. 19–20.

⁴⁵ Ibid. P. 17–21.

⁴⁶ El Artesano de Sucre. Sucre. N 5. 06 de enero de 1859. P. 1–4.

Бельсу осуждал диктатуру Линареса, но на призыв вернуться в Боливию и свергнуть диктатора отвечал: «Я знаю, чем руководствуются люди, призывающие меня. Их удалили от власти, так как они оказались слабее... Но если Линарес даст им доходное место... они будут день и ночь толкаться в его приемной». Он с презрением писал о своих бывших соратниках, на них возлагал груз ответственности за ошибки периода его правления. Бельсу жалел, что «жестокое не наказал тех, кто в мою поддержку в печально известные дни марта (1849 г. — *А.Щ.*) дали примеры преступного покушения на личную собственность». Бельсу в этом письме остался верен себе: он укрепился в глубоко пессимистическом взгляде на будущее Боливии, на ее «патологическое состояние неуправляемости»⁴⁷. Его иллюзии построить справедливое общество всеобщего равенства и братства были развеяны суровой действительностью. Боливия не принимала его порыва, а он сам не знал, как превратить свои планы в реальность. Он видел, что его проект для Боливии был всего лишь необоснованной, пустой утопией, а посему не желал более участвовать в политической жизни своей страны⁴⁸.

В конце 1859 г. трудное материальное положение Бельсу в Европе заставило его вернуться в Америку, он поселился в Перу под покровительством своего старого друга президента Р. Кастильи. Самим фактом своего возвращения в Америку он взорвал политическую ситуацию в Боливии. В Перу Бельсу оказался окружен своими преданными сторонниками, и они постепенно вовлекли его в политическую борьбу. В феврале 1859 г. Кордоба обратился с новым воззванием к народу Боливии с призывом бороться против диктатуры Линареса. Он требовал созыва конгресса, который мог бы решить судьбу страны⁴⁹. В ноябре 1859 г. под влиянием сообщений о скором возвращении Бельсу в Потоси произошло восстание бельсистов, активно поддержанных городским плебсом. Мятеж был подавлен, но власть Линареса колебалась.

25 августа 1860 г. один из ярких бельсистов, бывший министр просвещения Х. де Ла Крус Бенаvente выпустил в Такне воззвание к народу. Он призывал вернуть власть Бельсу: «Действуйте как Бельсу! Народ, который представлял идеи, не умирает... Вместо войны будет мир, порядок, работа промышленности, торговля и народное просвещение»⁵⁰. Народ не остался безучастным к бельсистской пропаганде. В сентябре 1860 г. вспыхнуло восстание в Виаче. В окрестностях этого города с криками «Да здравствует Тата Бельсу!» восстали индейцы⁵¹. 15 декабря 1860 г. американский посол Дж. К. Смит так описывал это восстание: «В августе Бельсу из Перу организовал повстанческое движение против нынешнего правительства. Он выдвинулся из Такны в Пуно, к границе с Боливией, где у оз. Титикака обосновался в 60 милях от границы с Боливией. Его сподвижники проникли через границу, подстрекали индейцев к восстаниям, обещая освободить их от старых налогов, если они помогут свергнуть правительство и передать власть Бельсу. Индейцы убили двух боливийских офицеров... Благородные слои общества

⁴⁷ Arguedas A. Historia de Bolivia. T. 4. P. 92–94.

⁴⁸ ANB. CB. 1858. F. 783.

⁴⁹ ANB. M794. F. 145.

⁵⁰ ANB. M794. F. 152.

⁵¹ Arguedas A. Historia de Bolivia. T. 4. P. 156–157.

сплотились вокруг президента Линареса, который сам представляет собой именно образованное белое население страны. Бельсу, увидев, что настроения против него, а правительство нельзя будет свергнуть, распустил свои отряды, и 1 ноября уехал в сторону побережья»⁵².

Боливийское правительство в 1859 г. заключило соглашение с Перу о недопустимости подрывной деятельности на территории соседа. Однако перуанские власти закрывали глаза на деятельность враждебных Линаресу сил, и боливийские правительство разорвало отношения с соседней страной в мае 1860 г. Обе страны были готовы к войне, но вскоре страсти улеглись⁵³. Линарес отвел войска от границы. Торговые отношения возобновились, но дипломатические так и не были восстановлены.

Политика жесткой экономии и безразличие властей к положению средних слоев города и даже части элиты создали широкую оппозицию диктатуре. Хотя сам Линарес давал пример аскетического образа жизни (например, собрания его сподвижников в президентском дворце сравнивали с монашескими бдениями⁵⁴), общество не могло долгое время мириться с нищетой и безразличием правительства. Выражая всеобщее недовольство, К. Оланьета на смертном одре в августе 1860 г. написал письмо Линаресу, в котором призвал того отказаться от диктатуры. Вскоре, 12 сентября 1860 г. в армии был раскрыт бельсистский заговор, а в Виаче восстал эскадрон кавалерии. В армии особенно тяготились правлением диктатора, навязавшим жесткие правила и устав для военных, при этом сократив жалованье, которое к тому же нерегулярно выплачивалось. Линарес не колеблясь пресекал все заговоры и проявления недовольства. Он приказал расстрелять 13 человек по жребию из массы кавалеристов, восставших в Виаче⁵⁵. Однако мятежи и восстания не прекращались. В октябре полковник К. Кеведо с отрядом бельсистов перешел перуанскую границу, но был разбит и схвачен в районе Виачи.

Диктатор стал подозрительным и фактически заперся в президентском дворце. Лишь пользовавшийся его абсолютным доверием Мариано Баптиста посещал его для работы с бумагами. Линарес осознавал свою непопулярность и к тому же страдал тяжелой болезнью, приковавшей его к постели. Он собирался созвать конгресс и передать ему власть⁵⁶. Однако его ближайшие сподвижники, пользовавшиеся его безграничным доверием, не стали ждать. Генералы Руперто Фернандес и Хосе Мария Ача и командующий гарнизоном Ла-Паса Мануэль Антонио Санчес составили заговор. Воспользовавшись болезнью диктатора, они 14 января 1861 г. с опорой на армию совершили переворот.

Линарес был свергнут. Закончился своеобразный консервативный эксперимент, суть которого состояла в восстановлении «старых порядков», унаследованных от колониального режима, и в призыве к боливийцам «жить по средствам». Эта модель предполагала медленный и бесконфликтный рост, улучшение нравов и укрепление традиционных сословий, что должно было укрепить основанную на иерархичности социальную и политическую систему.

⁵² Diplomatic Correspondence of the United States. Wash., 1932. Vol. 2. P. 112–113.

⁵³ Arguedas A. Historia de Bolivia. T. 4. P. 131.

⁵⁴ Придя к власти, Линарес запретил все излишества, включая вино, в обиходе дворца. — Arana Urioste N. Op. cit. P. 165.

⁵⁵ Arguedas A. Histoire Générale de La Bolivie. P. 67.

⁵⁶ Prudencio R. Op. cit. P. 30.

ДИКТАТУРЫ И РЕФОРМЫ 60-х ГОДОВ:

Х.М. АЧА (1861–1864) И М. МЕЛЬГАРЕХО (1864–1871)

14 января 1861 г. президент Линарес был отстранен от власти в результате военного переворота, осуществленного его же приближенными. Был создан Триумvirат, в который вошли министры Руперто Фернандес, генерал Хосе Мария Ача и генерал Мануэль Антонио Санчес. Как отметил А. Аргедас, все члены Триумvirата в политическом плане не отличались какими-либо выдающимися достоинствами¹. Фернандес – мелкий адвокат, аргентинец по материнской линии, получивший боливийское гражданство, честолюбивый политик, стремившийся к власти. Именно его считали главным организатором переворота. Х.М. Ача (1810–1868), выходец из Кочабамбы, с юности посвятил себя военной карьере. Участвовал в битве при Ингави (1841). Был изгнан из страны за участие в переворотах, достиг звания генерала при Линаресе, который назначил его военным министром. М.А. Санчес – генерал, опытный военный, однако накануне выборов временного президента он скоропостижно скончался от тифа.

Триумvirат обратился к народу с воззванием, в котором объяснил причины переворота великими целями возвращения страны к принципам «сентябрьской революции», попранными Линаресом, установившим личную диктатуру². Новые власти обещали созвать Конституционную ассамблею, провести честные выборы президента. 29 января 1861 г. был принят новый избирательный закон. Всем политическим деятелям, изгнанным из страны во время диктатуры Линареса, была объявлена амнистия. Многие из них вернулись в страну, среди них экс-президент и преемник Бельсу Хорхе Кордоба и другие бельсисты. В стране активизировалась политическая жизнь. Только в Ла-Пасе с населением немногим более 40 тыс. человек в течение 1861 г. возникло более 20 газет³.

Правительственный переворот вызвал накал политических страстей и новые разногласия среди верхушки боливийского общества. Внутри самого Триумvirата не было единства. После скоропостижной смерти генерала Санчеса борьба за власть разгорелась между Ача и Фернандесом. Сторонники свергнутого Линареса вскоре создали своего рода партию, получившую название партии «красных» или септембристов в честь переворота сентября 1857 г., приведшего Линареса к власти. Ее лидером стал Адольфо Бальвивиан. «Красные» поддержали Ачу в качестве кандидата.

1 мая 1861 г. открылась Конституционная ассамблея. Ача был избран временным президентом страны. Победа Ача вызвала недовольство Р. Фернандеса, который стал тайно готовить переворот.

17 мая 1861 г. Ача сформировал новое правительство, в которое вошли представители различных политических взглядов. Этими назначениями он

© Л.А. Ивкина

¹ Arguedas A. Historia General de Bolivia. 1809–1921. La Paz, 1967. P. 212.

² Valencia Vega A. Historia Política de Bolivia. Vols. I–V. La Paz, 1984–1986; T. IV. 1986. P. 1135.

³ Arguedas A. Op. cit. P. 214.

хотел подчеркнуть, что стремится к консолидации всего боливийского общества. Р. Фернандес стал министром внутренних дел и юстиции, Рафаэль Бустильо, один из видных боливийских экономистов в правительстве Бельсу — министром финансов, Мануэль Маседонио Салинас, либерал, адвокат, принявший сначала сентябрьскую революцию Линареса, но впоследствии отошедший от него, — министром образования; генерал Мануэль Сагарнага, участник битвы при Ингави и соратник Санта Круса, преследовавшийся в период президентства Бельсу, — военным министром⁴.

Парламент проголосовал за полную амнистию. Большой резонанс имело обращение свергнутого президента Линареса к депутатам парламента, написанное 9 апреля 1861 г. в Вальпараисо (Чили). В нем бывший диктатор пытался оправдать свою политику и критиковал переворот, осуществленный его бывшими соратниками. После жарких дискуссий, разгоревшихся вокруг его послания, сначала было решено принять резолюцию, в которой осуждалась диктатура Линареса и оправдывался переворот 14 января 1861 г., однако в итоге была принята резолюция, в которой переворот, совершенный хунтой, признавался справедливым и законным актом⁵.

5 августа 1861 г. была принята новая, седьмая по счету, Конституция Боливии. Католицизм объявлялся государственной религией, исповедование других религий запрещалось. Конституция гарантировала основные гражданские права, неприкосновенность собственности и жилища. Статья 7 отменяла смертную казнь, за исключением случаев, связанных с предательством родины. Очень важной была статья 10: она не разрешала ни парламенту, ни другим властным структурам предоставлять исполнительной власти чрезвычайные полномочия.

Гражданином Боливии с правом голоса могли стать мужчины старше 21 года, умеющие читать и писать, имеющие собственность или годовую ренту не менее 200 песо. Законодательная власть принадлежала парламенту и Государственному совету в качестве вспомогательного органа. В задачу Госсовета численностью в 15 человек входила подготовка проектов законов. Исполнительная власть принадлежала президенту, избираемому на три года без права повторного переизбрания⁶. Конституция носила довольно демократический, либеральный характер.

Перед правительством Ача стояли две важные задачи: обеспечить внутренний порядок в стране, предотвратить внешнюю агрессию со стороны Перу, грозившего захватить часть департамента Ла-Паса, и урегулировать пограничные проблемы с Чили, претендующей на территорию боливийского Литорала. Войдя в состав правительства, Р. Фернандес не оставлял своих намерений захватить власть. По-прежнему в оппозиции находились бельсисты.

В августе 1861 г. правительство предприняло инспекционную поездку на юг стран. Управлять Ла-Пасом в отсутствие правительства был назначен полковник Пласидо Яньес. С отъездом правительства в городе начали актив-

⁴ *Sotomayor Valdés R.* Estudio histórico de Bolivia bajo la administración del general D. José María de Achá. Santiago, 1874. P. 154–157.

⁵ *Finot E.* Nueva historia de Bolivia. La Paz, 1978. P. 260.

⁶ *Trigo C.F.* Las constituciones de Bolivia. Madrid, 1958. P. 94–99.

но муссироваться слухи о готовившемся якобы заговоре бельсистов с целью свержения Ачи. Под предлогом предотвращения восстания П. Яньес с 29 сентября по 17 октября 1861 г. произвел аресты видных сторонников Бельсу, в том числе бывшего президента Кордобы, брата Бельсу Франсиско де Паула, ряда известных военных. Основная часть заключенных была помещена в университет, в бывшую церковь Лорето, другие – в военных казармах и в городской тюрьме. Оповещенный 5 октября о случившемся Ача, находившийся на тот момент в Потоси, издал указ о введении чрезвычайного положения в Ла-Пасе⁷.

Арест бельсистов вызвал возмущение у горожан, среди которых было много сторонников Бельсу. По городу ползли слухи о готовившемся выступлении с целью освобождения арестованных. В ночь на 23 ноября 1861 г. недалеко от центральной площади раздались выстрелы. Опасаясь, что толпа направится к Лорето, чтобы освободить заключенных, Яньес приказал расстрелять Кордобу, брата Бельсу и других известных бельсистов. Вслед за этим последовал расстрел других заключенных. Число жертв достигло, по разным данным, от 50 до 70 человек⁸.

На следующий день Яньес направил президенту, находившемуся в Сукре, подробное письмо с изложением своей версии событий. Правительство не дало никакой оценки произошедшему, не осудило поступок Яньеса, что дало повод Фернандесу и «красным» предъявить Аче обвинения в убийствах в Лорето. Население Ла-Паса требовало наказания главного виновника – Яньеса. В этой ситуации Ача, понимая, что против него ведутся интриги как внутри правительства, так и среди военных, осуществил ряд перестановок в армии. Ставленник Фернандеса полковник Флорес был отстранен от руководства 1-м батальоном (вместо него был назначен полковник М. Мельгарехо, родственник жены президента), а полковник А. Моралес – от руководства военными силами Сукре⁹. Неожиданно командующий военными силами Оруро полковник Бальса, следуя указаниям Фернандеса, без разрешения правительства направился в Ла-Пас и 15 ноября оказался в городе. 22 ноября 1861 г. прибывший в Ла-Пас главнокомандующий армией С. Авила первым делом освободил оставшихся в живых заключенных и попытался отстранить Бальса от командования 3-м батальоном, но последний отказался повиноваться.

На рассвете 23 ноября 1861 г., месяц спустя после убийств в Лорето, на улицах города развернулось сражение между правительственными войсками и восставшими частями армии под руководством Бальса. В сражении были убиты более 130 человек¹⁰. Победа оказалась на стороне восставших. Многотысячная толпа вооруженных кольями и палками жителей города вначале находилась на стороне Бальсы, а затем, оставив победителей в растерянности, с криками «Голову Яньеса!» устремилась на поиски палача бельсистов. Опасаясь гнева горожан, Яньес пытался убежать по крышам прилегающих к

⁷ René-Moreno G. Matanzas de Yáñez. Anales de la prensa boliviana, 1861–1862. Santiago de Chile, 1886. P. 26.

⁸ Ibid. P. 50–51; O' Connor D' Arlach T. Doña Juana Sánchez. Novela histórica. La Paz, 1918. P. 75.

⁹ Sotomayor Valdés R. Op. cit. P. 220.

¹⁰ Arguedas A. Op. cit. P. 227.

дворцу домов, где его обнаружили и застрелили. Разъяренная толпа растерзала труп, протасив его по улицам города. Так народ отомстил за расстрел бельсистов. Испугавшись взрыва народной ненависти, мятежные военные призвали к восстановлению конституционного порядка. Многие сторонники Бальса перешли на сторону властей, а генерал Г. Перес был назначен военным комендантом Ла-Паса¹¹. Так гнев народа свел на нет попытку военных заговорщиков свергнуть правительство Ача.

По возвращении в конце декабря в Ла-Пас правительство получило известие о восстаниях Фернандеса в Сукре, Моралеса в Потоси и Флореса в Оруро. 30 ноября 1861 г. Фернандес обратился с воззванием к жителям Сукре, провозгласив себя президентом. Когда 5 декабря правительство ввело в Сукре осадное положение, Фернандес, уже осведомленный о поражении Бальса в Ла-Пасе и оказавшись в изоляции, бежал в Аргентину. Бесславно закончились выступления Моралеса в Потоси и Флореса в Оруро¹².

Стремясь успокоить общество, 3 декабря Ача издал указ о назначении пенсии вдовам погибших в Лорето, а их дети получили право на получение бесплатного высшего образования¹³. 11 декабря 1861 г. Ача издал декрет о существенном сокращении численности боливийской армии до 1781 человека¹⁴.

Уже в марте 1862 г. возник очередной заговор, организованный сторонниками Бельсу. 7 марта генерал Мариано Торрелио, полковник Х.М. Агилар подняли мятеж в Сукре. Они захватили гарнизон и арестовали военного коменданта генерала Агреду. 8 марта заговорщики созвали народный комитет и провозгласили Бельсу президентом республики и спасителем Боливии. 11 марта колонна из 400 бельсистов предприняла марш на Потоси. Однако освобожденный ими накануне генерал Агреда, организовав добровольческие отряды города, отправился вдогонку отряду и оказался в Потоси раньше революционеров. 14 марта правительственные войска атаковали отряд бельсистов при Техерия, но вскоре были вынуждены отступить, а сам Агреда заперся в Монетном дворе с сотней солдат. Население города встретило революционеров без особого энтузиазма, тем не менее вскоре сами служащие Монетного двора открыли его двери для бельсистов. Начался грабеж фондов двора.

Для подавления восстания правительство направило генерала Г. Переса, назначив его главнокомандующим военными силами юга. В Кочабамбе, Оруро, Ла-Пасе были созданы отряды гражданской гвардии, в которую вошли студенты, ремесленники, мелкие и средние коммерсанты. В Кочабамбе был создан отряд волонтеров, который возглавил М. Мельгарехо. Страх перед бельсистами сплотил все партии сильнее, чем заявления о «слиянии» партий, которые делал Ача. 4 апреля 1862 г. в сражении при Меса-Верде (Потоси) восставшие были разгромлены¹⁵.

Накануне приближающихся президентских выборов (первая неделя мая) Ача издал декрет о всеобщей амнистии участников событий 23 октября

¹¹ *Irurozqui Victoriano M.* Muerte en el Loreto. Ciudadanía armada y violencia política en Bolivia (1861–1862) // *Revista de Indias*. 2009. Vol. 69. N 249. P. 146.

¹² *René-Moreno G.* Op. cit. P. 78.

¹³ *Irurozqui Victoriano M.* Op. cit. P. 148.

¹⁴ *Arguedas A.* Op. cit. P. 230.

¹⁵ *Sotomayor Valdés R.* Op. cit. P. 237–249.

1861 г. (убийство в Лорето). А 19 апреля амнистировал и бельсисов – участников восстания 7 марта, за исключением самого Бельсу¹⁶. Было снято осадное положение в Сукре и Потоси. На пост президента претендовали три кандидатуры: генерал Ача, генерал Г. Перес и линарист Т. Фриас. Ача получил большинство голосов и победил на выборах: за него проголосовали 10 939 из 16 939 тыс. избирателей¹⁷.

В июне прошли выборы в парламент, и 6 августа он начал свою работу в Сукре. Политические противники Ача предприняли попытку признать президентские выборы недействительными. Предложение было внесено лидерами «партии красных» А. Бальивианом и М. Баптистой. Они утверждали, что конституция запрещает переизбрание президента, а Ача на момент избрания был действующим президентом. Тезис о незаконности избрания Ача стал поводом для будущей смуты¹⁸.

14 августа 1862 г. Ача был приведен к присяге, а уже 18 августа в Ла-Пасе вспыхнуло очередное восстание, организованное генералом Г. Пересом. Его поддержали часть армии, студенческая молодежь, ремесленный люд. Особой активностью отличался адвокат Касимио Корраль, возложивший на себя обязанности префекта Ла-Паса. Была срочно увеличена численность армии. 3 сентября правительство переехало в Оруро, а 8 сентября на помощь правительственным войскам из Кочабамбы прибыла дивизия под командованием Мельгарехо.

Накануне неминуемого столкновения президент, пытаясь предотвратить кровопролитие, направил своего парламентария к Пересу, призывая его сложить оружие и обещая прекратить любые гонения против восставших, а самому Пересу предоставить должность дипломатического представителя в любом иностранном государстве¹⁹. Но Перес отказался принять эти предложения.

15 сентября в местечке Сан-Хуан (в 16 км от Оруро) произошло сражение, в котором правительственные войска нанесли поражение силам восставших. Перес направился в Ла-Пас, где жители города начали возводить баррикады, стремясь оказать сопротивление правительственным войскам. 16 октября 1862 г. правительственные войска, усиленные прибывшими из Тарихи и Оруро войсками под командованием генерала С. Агреды, предприняли атаку, и после 6-часового сражения город был взят.

60-е годы XIX в. ознаменовались оживлением экономической деятельности. В 1858 г. была ликвидирована государственная монополия на добычу и экспорт серебра, убраны таможенные барьеры между различными районами страны, снижены пошлины на импортные товары. Возросший спрос на селитру, гуано и серебро на европейском рынке способствовал оживлению горнорудной промышленности. К 1860 г. добыча серебра находилась в руках новых собственников – Арамайо, Антекера, Арсе, Пачеко, которые активно привлекали иностранный капитал, в основном чилийский и английский.

¹⁶ Ibid. P. 253.

¹⁷ Arguedas A. Op. cit. P. 23.

¹⁸ Щелчков А.А. Боливийский XIX век: история поражений и разочарований // Политическая история Латинской Америки в XIX в. М., 2012. С. 482–483.

¹⁹ Sotomayor Valdés R. Op. cit. P. 269.

Восстанавливались многие серебряные рудники в районе Караколес, в Атакаме, начался медленный процесс модернизации путем внедрения паровой машины и других технических достижений. Новые предприниматели активизировали добычу и экспорт продукции на внешний рынок²⁰. С середины 50-х годов XIX в. (1850–1873) начался неуклонный рост добычи серебра в районе Потоси. В 1855 г. было добыто 2 млн 30 тыс. унций серебра, и его добыча в последующий период постоянно росла, достигнув к 1860 г. 2 млн 271 тыс. унций²¹.

При Ача была предпринята новая попытка наступления на общинное землевладение. 28 февраля 1863 г. был издан декрет о разделе индейской общины и о распродаже пустующих земель с целью поставить сельское хозяйство на капиталистические рельсы и одновременно улучшить состояние национальной казны. Для этого были введены в действие декреты от 1825 и 1831 гг. Индейцы-орихинариос, обрабатывавшие свои наделы в течение десяти лет, получали в собственность по 3 топо (1 топо = 316 кв. м) орошаемых и плодородных и по 6 топо неорошаемых и необработанных земель. Индейцы-форастерос получали по 2 топо орошаемых и по 4 топо неорошаемых земель. Запрещалась купля-продажа этих участков, если индеец-собственник был неграмотным. Оставшаяся часть земель подлежала распродаже²². Учет и оценка всей земли оказались невозможными, поскольку в стране не было специалистов такого профиля²³.

Эта аграрная реформа предполагала превратить индейцев-общинников в независимых собственников с наделом и осуществить распродажу земель общего пользования. Уже через 4 месяца после принятия этого закона 19 июня 1863 г. парламент Боливии отменил его²⁴. 12 сентября 1864 г. был издан декрет, 2 статья которого гласила, что «земли, занятые индейцами под посевы и пастбища, не подлежат измерению и оценке»²⁵.

С целью стабилизации экономической и финансовой ситуации 29 июня 1863 г. была введена десятичная система в денежном обращении. Если раньше в одном песо было 7 реалов, то теперь 100 сентаво²⁶. Исполнительной власти было приказано как можно скорее установить новую систему денежного обращения. Однако этот декрет осуществлялся с большим трудом.

Внешнеполитическая ситуация

Имея границы с пятью сопредельными государствами (Чили, Перу, Аргентина, Парагвай и Бразилия), ни с одним из них у Боливии не было неоспариваемых соседями границ. Наиболее острыми были отношения с Чили. В середине 40-х годов в Литорале были обнаружены залежи гуано, в 1841 г.

²⁰ Klein H.S. Bolivia. The Evolution of a Multi-Ethnic Society. New York; London, 1982. P. 124–128.

²¹ Bonilla H. Un Siglo a la Deriva: Ensayos sobre el Peru, Bolivia y la Guerra. Lima, 1980. P. 135.

²² Sotomayor Valdés R. Op. cit. P. 304–305.

²³ Bonifaz M. La Legislación agrario-indigena. Cochabamba, 1953. P. 150–152; Urquidí A. Las Comunidades Indígenas en Bolivia. La Paz, 1970. P. 61.

²⁴ Ovando-Sanz J.A. Historia Económica de Bolivia. La Paz, 1981. P. 98.

²⁵ Anuario de Disposiciones Administrativas. La Paz, 1864. P. 88–89.

²⁶ Sotomayor Valdés R. Op. cit. P. 324.

в боливийской части пустыни Атакама открыты месторождения селитры, в конце 50-х годов здесь же были найдены богатые залежи меди, серебра и золота, что привлекло в этот район массу чилийских поселенцев. Происходила постепенная «чилинизация» этого района. Чилийские предприниматели при поддержке английского капитала активно устремились в эти незаселенные районы. Чилийский предприниматель Хуан Лопес получил от чилийского правительства лицензию на эксплуатацию и разработку залежей гуано²⁷. Вскоре и другие предприниматели, в частности, Хосе Сантос Осса-и-Вега обосновались в Кобихе, боливийском порту с численностью населения в 600 человек, из которых 200 были боливийцами, 250 чилийцами, а остальные являлись лицами разных национальностей, в основном перуанцами. В течение 1844–1861 гг. из этих районов экспортировано 653 377 т гуано, 124 542 кг серебра, 558 кг золота²⁸.

Проблема неопределенности границ создавала напряженные отношения между двумя государствами. Неоднократные попытки, предпринятые боливийским правительством в 40–50-е годы, определить границу между севером Чили и югом Боливии по р. Саладо, по 26 параллели, не увенчались успехом²⁹. Чили между тем активно осваивала территории к югу от 23° южной широты. С 1842 по 1857 г. она отправила из этого района 116 кораблей, груженных гуано, а с 1857 по 1871 г. – 123³⁰. В 1857 г. чилийцы захватили боливийский порт Мехильонес, направив туда свой корабль «Эсмеральда» для защиты чилийских интересов.

Особой остроты отношения между двумя странами достигли в начале 60-х годов. Чилиец Матиас Торрес, обосновавшийся в порту Кобиха и владевший несколькими разработками селитры южнее Мехильонеса, в октябре 1862 г. был арестован боливийскими властями и предан суду. Вскоре его освободили, но экспроприировали всю собственность, которой он владел в Кобихе, продав его разработки бразильцу Лопесу Гама³¹.

Министр иностранных дел Боливии Р. Бустильо развернул активную деятельность, отстаивая территорию страны. Он потребовал созвать экстренное заседание парламента на первые числа мая 1863 г., чтобы решить вопрос о защите интересов Боливии в этом районе. В Чили был направлен Т. Фриас. В послании президента Ача от 5 мая 1863 г. чрезвычайной ассамблее, в частности, говорилось: «Я приказываю исполнительной власти объявить войну республике Чили в случае, если дипломатические и мирные переговоры не приведут к возвращению узурпированных территорий»³². После долгих дискуссий 31 голосами против 7 был принят проект решения, в котором звучали угрозы в адрес Чили, если не будут приняты меры по «урегулированию пограничного конфликта, удовлетворяющие законным интересам и достоинству страны». Обмен нотами продолжался до 24 февраля 1864 г., когда представитель Боливии в Чили Т. Фриас был отозван.

²⁷ *Espinosa Moraga O.* Bolivia y el Mar (1810–1964). Santiago de Chile, 1965. P. 44.

²⁸ *Ibid.* P. 44, 52.

²⁹ *Sotomayor Valdés R.* Op. cit. P. 310–311; *Encina F.A.* Las Relaciones entre Chile y Bolivia (1841–1963). Santiago de Chile, 1963. P. 40–41.

³⁰ *Encina F.A.* Op. cit. P. 42.

³¹ *Ibid.* P. 42–43; *Espinosa Moraga O.* Op. cit. P. 68–69.

³² Цит. по: *Encina F.A.* Op. cit. P. 43.

В эти же годы Боливия, установив дипломатические связи с Парагваем, Аргентиной и Бразилией, предприняла попытки решить пограничные вопросы и проблемы навигации по рекам, текущим по территориям этих стран. Однако пограничные споры между этими странами и Боливией так и оставались нерешенными. В Парагвай с официальной миссией был направлен Анисето Арсе. В 1863 г. удалось организовать экспедицию в Чако и исследовать правый берег р. Пилькомайо, где было создано боливийское поселение. Более успешно проходили переговоры с Перу, завершившиеся подписанием 5 ноября 1863 г. договора о дружбе между двумя странами. Впоследствии (26 мая и 5 сентября 1864 г.) были подписаны соответственно договоры с Перу о почтовой связи, торговле и таможне³³.

Международные события первой половины 60-х годов всколыхнули оба американских континента. Гражданская война в США (1861–1865), оккупация Испанией Санто-Доминго (1861–1865), экспансионистские устремления Франции, Англии и Испании в Мексике (1861–1867) подвигли Перу выступить с предложением о созыве в Лиме Латиноамериканского конгресса с целью урегулирования пограничных споров и выработки общей политики. 11 января 1864 г. предложение было направлено всем правительствам Латинской Америки. 14 апреля 1864 г. испанской эскадрой был захвачен перуанский о. Чинча. Боливия выступила в защиту прав своего соседа: различные газеты, политические объединения и общественные организации, студенческая молодежь, коллегия адвокатов Боливии участвовали в массовых протестах в защиту Перу. Началась первая Тихоокеанская война (1864–1866) Испании против Перу и Чили. Боливия присоединилась к антииспанской коалиции. Отношения с Чили были временно урегулированы, и Мехильонес оставлен чилийцами, опасавшимися, что Боливия станет союзницей Испании.

14 ноября 1864 г. в Лиме начал работу Латиноамериканский конгресс. В нем приняла участие боливийская делегация. Представитель Боливии Р. Бустильо предложил рассмотреть вопрос о свободном судоходстве по сопредельным рекам не только для флота латиноамериканских стран, но и международного торгового флота³⁴. Однако решить спорные вопросы между латиноамериканскими странами, в том числе между Боливией и Чили, не удалось.

«Мрачное шестилетие». Диктатура Мариано Мельгарехо (1864–1871)

На выборах в конгресс в 1864 г. большинство получила проправительственная группа депутатов, ориентировавшихся на генерала Агреду, ставленника Ача. Партия «красных» провела в парламент несколько своих депутатов, среди них Т. Фриаса, А. Бальивиана, М. Баптисту. Ача с целью умиротворения в стране издал декрет об амнистии всех преследуемых за политические преступления³⁵.

В преддверии президентских выборов, которые должны были состояться в мае 1865 г., развернулась борьба партий и группировок. Партия «красных» стремилась выдвинуть своего руководителя А. Бальивиана. Проправитель-

³³ Anuario de Disposiciones Administrativas. 1864–1865. P. 35–53.

³⁴ Sotomayor Valdés R. Op. cit. P. 373–374.

³⁵ Anuario de Disposiciones Administrativas. 1864. P. 108, 129.

ственные группировки ставили на генерала Агреду. Стремился к власти и М. Мельгарехо, только что получивший звание генерала армии. Значительная часть населения, особенно Ла-Паса, поддерживала кандидатуру Бельсу. 1 октября 1864 г., находясь в Ислайе (Перу), Бельсу опубликовал манифест, в котором откровенно заявил о своем намерении участвовать в предстоящих выборах. Обещая осуществить программу преобразований в стране, он ставил себя в пример, заявляя, что «первый в истории Боливии передал власть другому из уважения к законам и институтам власти в стране»³⁶.

В то время как власти демонстрировали готовность примирения с бельсистской партией, «красные», понимая, что не имеют шансов на победу в президентской гонке, начали готовить насильственный захват власти, вступив в переговоры с Мариано Мельгарехо, от которого надеялись получить поддержку в случае неудачи на выборах. Ача, подозревая Мельгарехо в участии в заговоре, отстранил его от должности военного коменданта Кочабамбы, направив в Санта-Крус. Однако тот отказался подчиниться³⁷.

На рассвете 28 декабря 1864 г. Мельгарехо, подкупив два эскадрона стрелков, инженерный батальон и артиллерию, окружил президентский дворец. Ача с небольшими силами оказался запертым внутри, заняв оборонительную позицию. В такой выжидательной ситуации обе стороны находились в течение нескольких часов. Затем к восставшим вышел парламентарий с посланием от президента. Ача предлагал перемирие до следующего утра, чтобы созвать хунту нотаблей и военных и обсудить сложившуюся ситуацию. Мельгарехо отказался, заявив, что все должно быть решено сегодня же. К 6 часам вечера, уставшие и голодные солдаты открыли двери дворца и прекратили сопротивление. Мельгарехо без единого выстрела вышел победителем. Вскоре в сопровождении небольшой свиты, никем не преследуемый, Ача покинул дворец³⁸. Так закончился практически без жертв и стрельбы очередной государственный переворот, приведший к власти одного из самых противоречивых и трагических правителей в истории Боливии – Мариано Мельгарехо.

«Капитан века», «боливийский Наполеон», «непобедимый солдат Южной Америки», «герой 28 декабря», «романтический тиран», «Дон Кихот-метис», «варвар-каудильо» – так характеризовали личность Мельгарехо его биографы. Некоторые историки сравнивали его с аргентинским Росасом, парагвайским Франсией и другими не менее известными диктаторами Латинской Америки XIX в. Мельгарехо родился 18 апреля 1820 г. в Тарата (Кочабамба). Его отцом был Лоренцо Валенсия (испанский солдат), мать – чола Игнасия Мельгарехо. Воспитывался он матерью и дедом, посещал некоторое время приходскую школу. С детства он отличался твердым характером, вводил среди своих сверстников, рос крепким и сильным.

С 16 лет посвятил себя военной карьере. В битве при Монтенегро (1838) между аргентинцами и боливийцами получил звание сержанта. Ему тогда было 18 лет. Участвовал в битве при Ингави (1841). Не лишенный таланта и военных способностей, Мельгарехо, росший в обстановке предательства, перемен и переворотов, испытал все превратности судьбы, не раз предавал сам, убивал

³⁶ Цит. по: Щелчков А.А. Указ. соч. Р. 483.

³⁷ *Sotomayor Valdés R.* La Legación de Chile en Bolivia desde setiembre de 1867 hasta fines de 1870. Santiago de Chile. Р. 22–23.

³⁸ *Arguedas A.* Op. cit. Р. 246.

ради карьеры и нового воинского звания. В 1849 г. дослужился до полковника, участвовал в военных мятежах против Бельсу, получал прощение и вновь восставал, поддержал Линареса, предав его через два года. Не разбиравшийся ни в политике, ни в экономике, малограмотный человек, алкоголик (очень любил пиво и чичу), он по существу представлял собой личность, вскормленную социальной средой того периода самим боливийским обществом. Он был со всеми своими достоинствами и недостатками символом и воплощением боливийского общества середины XIX в. Мельгарехо — это естественный и логический продукт той социальной реальности, в которой он существовал³⁹.

29 декабря 1864 г. Мельгарехо, отменив Конституцию 1861 г., провозгласил себя временным президентом республики, 13 января распустил Госсовет, 30 января упразднил муниципальные советы, в Кочабамбе ввел специальный новый налог, чтобы обеспечить свою армию⁴⁰. В то же время, стремясь получить поддержку у населения, разрешил проводить запрещенные ранее карнавалы. Устроив во дворце празднество по случаю своего восшествия на «престол», находясь в нетрезвом состоянии, заявил: «Буду управлять в стране, сколько захочу, и любого, кто осмелится помешать, растопчу ногами в центре площади»⁴¹.

Как правило, короля формирует его свита. Режим Мельгарехо стал наиболее адекватным инструментом, с помощью которого боливийская элита, умело использовавшая его недостатки и некомпетентность в политических и экономических вопросах, пыталась реализовать свои цели. Мельгарехо поддерживали элита, сторонники свободной торговли. Среди них были бывшие сподвижники Линареса и Ача: Р. Бустаманте, Хуан де ла Крус Бенавенте, Исаак Тамайо, Хорхе Облитас, Н. Камперо, Мариано Донато Муньос. Последний — амбициозный адвокат, исполнявший при нем обязанности личного секретаря — стал «душой его администрации»⁴². Используя и потворствуя самым порочным чертам диктатора, он управлял страной. В 1865 г. М.Д. Муньос был назначен председателем правительства и министром иностранных дел⁴³.

При Мельгарехо пышно расцвели фаворитизм, nepотизм и откровенное казнокрадство. Как и все недальновидные, тщеславные и честолюбивые люди, диктатор любил лесть. Очень хотел быть похожим на Боливара и Наполеона. Зависимая пресса всячески восхваляла «героя 28 декабря», сравнивая его с Петром Великим и Наполеоном⁴⁴.

Народ не остался безучастным перед столь дерзким захватом власти. Уже в январе — феврале 1865 г. в Кочабамбе, Сукре, Потоси вспыхнуло движение конституционалистов, борющихся за восстановление конституционного порядка. Главными центрами волнений стали Потоси и Тариха. В Потоси антидиктаторское движение конституционалистов возглавил генерал Никанор Флорес. Вскоре к революционным силам этого города присоединились жители Кочабамбы, Сукре, провинций Чичас и Синти.

³⁹ Gómez J.P. Vida, Pasión y muerte del general Mariano Melgarejo. La Paz, 1980. P. 5.

⁴⁰ Anuario de Disposiciones Administrativas. La Paz, 1864–1865. P. 1–2, 5–6, 9–10, 11–12.

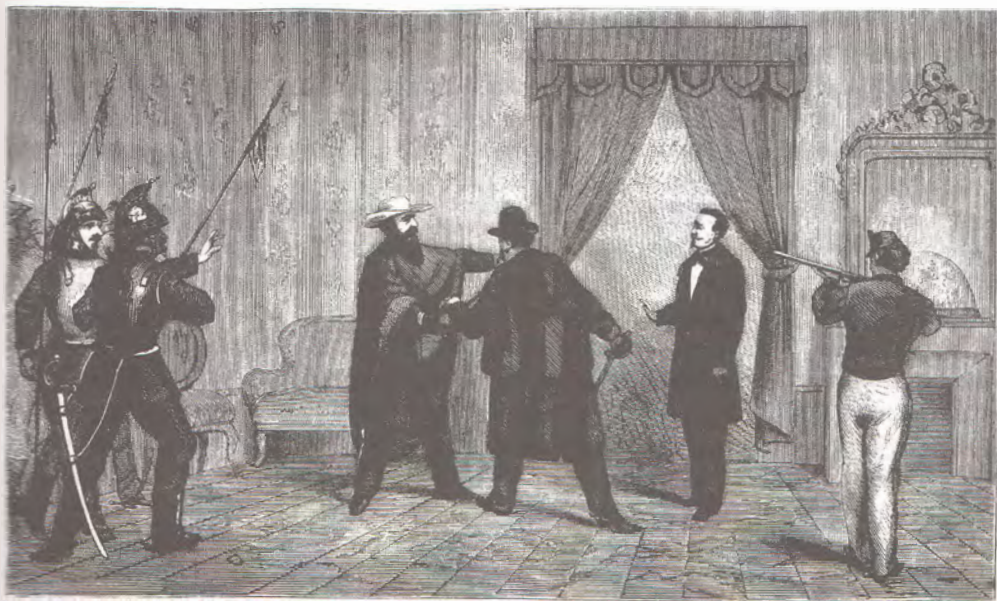
⁴¹ O' Connor D' Arlach T. El General Melgarejo. Hechos y dichos de este Hombre Celebre. La Paz, 1985. P. 29.

⁴² Sotomayor Valdés R. Legación de Chile en Bolivia... P. 30.

⁴³ Valencia Vega A. Op. cit. T. IV. P. 1163–1164.

⁴⁴ O' Connor D' Arlach T. El General Melgarejo... P. 124; Guirnalda Cívica de S.E. el Presidente de Bolivia Jeneral Mariano Melgarejo en el aniversario de su natalicio de 1868. Sucre, 1868. P. 14–15.

Смерть М.И. Бельсу

6 марта Мельгарехо покинул Ла-Пас, направившись на подавление конституционалистов Сукре и Потоси. Воспользовавшись отсутствием правительства, 22 марта его политический противник Бельсу прибыл в Ла-Пас и, горячо встреченный ликующим народом, занял президентский дворец. Узнав об этом, Мельгарехо, находившийся на тот момент в Оруро, тотчас повернул назад. 24 марта на рассвете его отряд подошел к пригороду Ла-Паса. 27-го началась атака на город, однако она не увенчалась успехом. Через три часа боя с горожанами Мельгарехо был полностью разбит. Два правительственных отряда перешли на сторону Бельсу, а остальные разбежались. Мельгарехо остался с небольшим отрядом. Он пытался покончить жизнь самоубийством, однако генерал Камперо отговорил его. Тогда Мельгарехо во главе небольшой кучки преданных ему солдат, прорвавшись сквозь баррикады, направился к дворцу, где находился Бельсу. Его попытался остановить военный из сторонников Бельсу, но один из солдат свиты убил его, и Мельгарехо пошел дальше. Пройдя сквозь безмолвную толпу военных, с бокалами вина отмечавших свою победу, он увидел Бельсу, который, услышав выстрелы и шум голосов, вышел ему навстречу. Тотчас прозвучал выстрел, оборвавший жизнь Бельсу⁴⁵. Затем, выйдя на балкон, Мельгарехо обратился к собравшей внизу толпе: «Бельсу мертв! Да здравствует Мельгарехо!». Тотчас же на его сторону встали ранее покинувшие его солдаты. Через час весь город был в его распоряжении.

В честь кровавой победы над врагом во дворце начались праздничные застолья и гулянья. Молодая боливийка Хуана Санчес пришла во дворец вместе с матерью просить пенсию за своего отца, Луиса Санчеса, убитого в

⁴⁵ Щелчков А.А. Консервативная социальная утопия в Боливии, правление М.И. Бельсу. М., 2005. С. 251.

ноябре 1861 г. вместе с П. Яньесом, и сразу же покорила его сердце. Бросив свою жену, он стал открыто жить с Хуаной Санчес.

С убийством Бельсу выступления против диктатуры не прекратились. Уже весной 1865 г. начались новые волнения на юге страны. В мае 1865 г. Мельгарехо направился подавлять волнения в Сукре, Потоси, Кочабамбе. Вскоре в оставленном им Ла-Пасе вспыхнул мятеж, который возглавил полковник Касто Аргедас. Народный комитет назначил Аргедаса военным комендантом города. 28 мая Мельгарехо, находившийся в этот момент в Оруро, получив сообщение о восстании в Ла-Пасе, повернул назад. Покинув Оруро, он вскоре узнал, что 1 июня восстали жители этого города⁴⁶. 11 июня началось восстание в Кочабамбе, 7 июля – в Потоси. Волнения вспыхнули также в Санта-Круссе и департаменте Бени, где жители потребовали восстановления конституционного порядка. Выступления против диктатуры носили массовый характер.

8 августа Мельгарехо предпринял наступление на Кочабамбу, но когда он подошел к городу, революционеры покинули его, направившись в Потоси и Сукре. Огромную услугу в подавлении вспыхнувших по всей стране восстаний оказали разногласия между региональными лидерами, каждый из которых претендовал на главную роль. Кандидатура Аргедаса в качестве временного президента не устраивала многих, он был признан только в Оруро, Ла-Пасе, Чайянте и Кочабамбе. Воспользовавшись разногласиями среди восставших, 5 сентября 1865 г. Мельгарехо удалось подавить выступление в Потоси. Началось преследование и наказание всех принявших участие в восстании. После трехмесячного отдыха Мельгарехо направился на север страны в Оруро.

24 января 1866 г. правительственные силы вступили в бой с отрядами конституционалистов при Летанияс и одержали решительную победу⁴⁷. Захваченные в плен противники диктатора были заключены в Лорето. Жители города ожидали повторения кровавых событий 23 октября 1861 г. Однако на следующий день Мельгарехо неожиданно отпустил всех заключенных домой⁴⁸. Почти год шла непрерывная борьба против диктатуры, но в этом сражении народ оказался побежденным.

Многие бывшие конституционалисты перешли на сторону диктатора. Расправа с противниками режима, жесткая цензура прессы, страх быть убитыми и расстрелянными свели на нет всю политическую жизнь в стране. 6 декабря 1865 г. был издан указ, вводивший смертную казнь за критику в адрес правительства. В стране воцарилась террористическая диктатура.

Между тем экономическое положение в стране оставалось тяжелым. Дефицит бюджета 1865 г. составлял 368 807 песо⁴⁹. Известный чилийский дипломат и историк Р. Сотомайор Вальдес так описал ситуацию в стране: «следы битв, нищета государственной казны, бездействие благотворительных обществ, закрытые школы, общественные учреждения в состоянии упадка, расстроенные судебные органы, служащие без зарплаты и процветающее беззаконие властей»⁵⁰.

⁴⁶ *Sotomayor Valdés R. Legación de Chile en Bolivia...* P. 38.

⁴⁷ *Gómez J.P. Op. cit.* P. 58.

⁴⁸ *O' Connor D' Arlach T. El General Melgarejo.* P. 43, 44.

⁴⁹ *Anuario de Disposiciones administrativas. 1864.* P. 133–134.

⁵⁰ *Sotomayor Valdés R. Legación de Chile en Bolivia....* P. 86.

Правление Мельгарехо вошло в историю страны бесконтрольным разбазариванием национальной территории и проведением конфискационной, «радикальной» антииндейской аграрной реформы. Историческая ответственность за столь беспринципные методы правления, пренебрежение национальными интересами страны, сыгравшими разрушительную роль во всей последующей истории страны, лежит не только на самом Мельгарехо, но и на его придворной свите, боливийской элите. Мельгарехо защищал интересы и привилегии креольской аристократии, став проводником их идей. Именно боливийской элите принадлежит авторство самых известных «реформ» Мельгарехо.

Стремясь исправить тяжелое состояние национальной казны, будучи вынужденным выплачивать военным денежное довольствие, в январе 1866 г. министр финансов Х. Облитас издал закон о чеканке специальных монет «песо мельгарехо», на которых были выгравированы портрет самого диктатора и его соратника Муньоса. Наряду с уже курсирующим старым фебле появились новые монеты, содержание серебра в которых составляло всего 75% от прежнего фебле, но они были приравнены по номинальной стоимости к полноценному песо⁵¹. Всего было выпущено «песо мельгарехо» на сумму в 10 910 836 песо, в то время как их истинная стоимость составляла 9 034 836⁵². Это негативно отразилось на экономике, еще больше запутав ситуацию с обращением различного типа монет на внутреннем и внешнем рынках. Подобные меры, временно решая проблему дефицита казны, в целом разрушали финансовую систему, так как полноценный песо превратился в обычный экспортный товар и постепенно вымывался из обращения, провоцируя инфляцию и обесценивая накопления местных предпринимателей и торговцев⁵³.

Осознав все последствия столь «некомпетентной реформы», правительство уже в июне 1866 г. прекратило выпуск этой монеты⁵⁴. 11 сентября 1868 г. правительство издало закон о денежной реформе, предпринятой еще при правительстве Ача: замене фебле на монеты высокой пробы. Однако полностью и окончательно изъять из хождения по стране старые деньги представлялось довольно трудной задачей. Вплоть до конца века в Боливии имели хождение несколько денежных знаков, пока сначала полноценный песо, а затем и фебле не были вывезены из страны в счет покрытия импорта как товар, как серебро различной пробы⁵⁵.

Годы правления Мельгарехо были отмечены ускоренными темпами экономического роста. Спрос на гуано, серебро и селитру на мировом рынке вызвал интерес иностранного капитала к району боливийского Литорала, развернулась конкурентная борьба между Францией и Англией за разработку природных ресурсов боливийского побережья. Частные чилийские, английские, французские компании получили концессию на добычу и экспорт гуано в боливийском Литорале. Выросли города Антофагаста и Мехильонес,

⁵¹ *Sotomayor Valdés R.* Legación de Chile en Bolivia... P. 91.

⁵² *Valencia Vega A.* Op. cit. T. IV. P. 1157.

⁵³ См.: *Щелчков А.А.* Боливийский XIX век... P. 486.

⁵⁴ *Anuario de Disposiciones Administrativas.* 1866. P. 26.

⁵⁵ *Platt T.* Estado tributario y librecambio en Potosí. Historia financiera de Bolivia. La Paz, 1977. P. 40–42.

заселенные преимущественно чилийцами и перуанцами. В 1868 г. чилийский предприниматель Х. Сантос Осса при поддержке английской компании «М. Кларк и К^о» получил неограниченные права на разработку боливийских запасов селитры⁵⁶. Иностранные государства осваивали богатейшие залежи селитры, серебра, золота и меди на боливийской территории как через прямые инвестиции, так и через займы. За период с 1865 по 1869 г. Боливия получила три иностранных займа. Из первого займа в 1 млн песо, предоставленного в 1865 г. Перу при посредстве французской компании «Ла Шамбр и К^о», в бюджет страны поступило лишь немногим более 351 тыс. песо⁵⁷.

Разрушительные, губительные концессии, предоставляемые за мизерные предоплаты, попадавшие непосредственно в карман президента, не учитывали насущные интересы страны, лишь временно снижая финансовую напряженность. Бюджетный дефицит в 1871–1872 г. превысил 1 млн 240 тыс. песо⁵⁸.

К 60-м годам XIX в. почти все разработки по добыче серебра и его экспорт находились под контролем боливийских предпринимателей. Именно в этот период в горнорудной промышленности проходит техническое перевооружение. В августе 1866 г. предприниматель А. Авелино Арамайя получил патент на современную технологию добычи и переработки серебряной руды. В эти годы был создан Национальный банк Боливии (с участием чилийского капитала), банк ипотечного кредита, частные Выкупные банки. Стал использоваться газ для освещения улиц, установлена паровая машина для чеканки монет, стоившая правительству 200 тыс. песо.

Как справедливо отметил Г. Клейн, политическая нестабильность, сменяющие друг друга диктаторские, военные режимы не препятствовали этому процессу, а отвечали интересам новой зарождающейся боливийской элиты – «баронов серебра и селитры». Режим Мельгарехо оказался адекватным и необходимым для того времени, с помощью которого реализовывались интересы новой боливийской элиты⁵⁹.

Мельгарехо постоянно искал новые источники финансирования, часто идя на незаконные и невыгодные сделки по продаже недр страны, лишь бы сразу получить наличные деньги. Мельгарехо выдумывал новые налоги, на города и жителей налагались принудительные займы. Так, в 1865 г. Мельгарехо придумал новый налог в 5 песо с каждого жителя для «подтверждения их статуса граждан». Чтобы получить желаемое, он в сопровождении армии «прошелся» по всей стране. В Кочабамбе одно лишь известие о приближении Мельгарехо с войском привело к почти полному исходу жителей из города. Кочабамба собрала 7 тыс. песо с условием немедленного ухода войск⁶⁰. В январе 1865 г. был издан декрет, вводивший с 1 апреля 1865 г. 15-процентный налог на аргентинские товары, проходившие через Тупису; 2 декабря 1865 г. – декрет о введении с января 1866 г. налога в 1 песо за арробу мелассы, используемой для производства алкогольной продукции, в 2 песо за кинталь производимой в стране водки и в 1 песо за кинталь производимого

⁵⁶ Созина С.А. Республика Боливия (1825–1879) // История Латинской Америки. Доколумбова эпоха – 70-е годы XIX века. М., 1991. С. 386–389.

⁵⁷ Sotomayor Valdés R. Legación de Chile en Bolivia... P. 90.

⁵⁸ Ibid. P. 350.

⁵⁹ Klein H.S. Op. cit. P. 126, 134–135.

⁶⁰ Dunkerley J. Orígenes del poder militar. Bolivia, 1879–1935. La Paz, 2003. P. 19.

в стране вина. 6 июня 1866 г. был введен налог на забой крупного рогатого скота: 2 реала за каждого быка или вола и 1 реал за корову; 9 июня этого же года – новый налог в 4 реала за 1 арробу табака, потребляемого в стране⁶¹.

Главной опорой Мельгарехо была армия. Число генералов в армии возросло до 37 при ее численности в 1,5 тыс. человек. Было существенно повышено ее содержание, она пользовалась большими привилегиями. В 1869 г. из 3 632 438 песо расходов бюджета на содержание военных тратилось 2 114 643 песо⁶².

Внешняя политика Мельгарехо

Особенно разрушительной для Боливии была внешняя политика Мельгарехо. В годы его правления страна понесла огромные территориальные потери. При Аче стране удалось избежать открытого военного конфликта с Чили, а затем война с Испанией сделала Боливию союзницей Чили. Придя к власти, Мельгарехо установил тесные дружеские отношения с посланником Чили Вергара Альбано. Последний же, умело используя лесть, на которую был так падок Мельгарехо, и одаривая дорогими украшениями его возлюбленную, сумел добиться существенных уступок от боливийского правительства.

10 августа 1866 г. был подписан договор о границах между Чили и Боливией. Договор фиксировал границу между двумя странами по 24° южной широты. Обе страны делили пополам доходы от добычи гуано и других полезных ископаемых, а также право на их экспорт в районе между 23° и 25° южной широты. Боливия обязана была заселить порт Мехильонес и создать там таможню, через которую должно было проходить все добытое гуано и осуществляться экспорт металлов. Чилийское правительство назначало своего наблюдателя за контролем над таможней. Одновременно и Боливия могла назначить своего наблюдателя над чилийскими таможнями. 4 статья отменяла все экспортные пошлины на продукты, добывавшиеся на территории между 24° и 25° южной широты и экспортировавшиеся или импортировавшиеся через порт Мехильонес. Также не облагались пошлиной ввозившиеся через Мехильонес из Чили в Боливию товары⁶³. В благодарность за столь щедрый подарок Мельгарехо получил звание бригадного генерала чилийской армии, а дипломатический представитель Чили в Боливии Вергара Альбано был назначен министром финансов Боливии.

27 мая 1867 г. был подписан еще один позорный договор, на этот раз между Бразилией и Боливией. Бразильско-боливийские пограничные споры имели давнюю историю, уходящую еще в колониальную эпоху. Попытки решить пограничный вопрос делались неоднократно, последний раз в годы правления Ача в 1863 г., однако без каких-либо конкретных результатов. Согласно подписанному договору значительная часть северной и восточной части страны – район Мотто-Гроссо и правый берег р. Парагвай (более 100 тыс. кв.

⁶¹ Anuario de Disposiciones Administrativas, 1865. P. 5, 6, 108–109; Anuario de Disposiciones Administrativas. 1866. P. 21, 26–27.

⁶² Щелчков А.А. Боливийский XIX век... С. 486–487.

⁶³ Valencia Vega A. Op. cit. T. IV. P. 1158–1159; Encina F.A. Op. cit. P. 46–47.

км) отошли к Бразилии⁶⁴. За подписание договора о границах Мельгарехо был награжден правительством Бразилии орденом Южного Креста, а его возлюбленная Хуана Санчес получила в подарок драгоценные украшения. Договор о границах с Бразилией вызвал гневные протесты со стороны боливийской общественности. Мельгарехо обвиняли в пренебрежении интересами страны, передавшем соседней Бразилии огромные территории.

Пытаясь создать хотя бы видимость конституционного режима, Мельгарехо издал декрет о созыве Конституционной ассамблеи, которая должна была принять новую Конституцию и прежде всего ратифицировать оба договора о границах. Она начала работу летом 1868 г. Принятая на ней Конституция 1868 г. формально носила демократический характер, но отличалась некоторыми новшествами. Претерпела изменения законодательная власть. Вместо одной были созданы две палаты: сенат и палата представителей. Президент избирался теперь сроком на четыре года с правом повторного переизбрания.

Главным недостатком новой Конституции было то, что она, как никакая другая, не исполнялась вовсе. Она служила лишь прикрытием, за которым господствовал авторитарный и ничем не ограниченный режим Мельгарехо. В день ее провозглашения Мельгарехо устроил пышный банкет, на который были приглашены дипломатические представители других стран, все правительство и депутаты парламента, видные военные и знатные жители Ла-Паса. Когда один из присутствующих депутатов поднял тост за новую Конституцию, назвав ее важным документом, свидетельствующим о создании конституционного законного правительства, Мельгарехо в ответ заявил: «Конституция 1861 г., которая была хорошей, лежит у меня в левом кармане, а Конституция 1868 г., которая, может, еще лучше, в правом кармане, но никто, кроме меня, не правит в этой стране» И затем, поглаживая свою бороду, добавил: «Приказы не обсуждаются»⁶⁵. Конституция впоследствии несколько раз отменялась, вновь вводилась и вновь отменялась.

Главной задачей парламента была ратификация скандальных договоров о границах с Чили и Бразилией. При обсуждении вопроса о пограничном договоре между Бразилией и Боливией впервые за время существования диктатуры в стране открыто заявили о себе оппозиционные силы. Некоторые депутаты в знак протеста отказались участвовать в работе парламента, другие вынуждены были даже покинуть страну. Однако декреты были приняты большинством голосов при 13 голосах против⁶⁶.

Аграрная реформа Мельгарехо

Пожалуй, наиболее радикальным «свершением» Мельгарехо стала аграрная реформа, которую пытались в разные этапы независимого существования страны реализовать президенты Боливии, начиная с Боливара. Креольская элита рассматривала индейскую общину главным препятствием на пути развития рыночных отношений в стране. Однако ни одно республиканское

⁶⁴ *Abecía Baldivieso V.* Las relaciones Internacionales en la Historia de Bolivia. La Paz, 1979. T. I. P. 643–649.

⁶⁵ *O' Connor D' Arlach T.* El General Melgarejo. ... P. 122, 123.

⁶⁶ *Sotomayor Valdés R.* Legación de Chile en Bolivia. ... P. 213–214.

правительство не смогло реально уничтожить общинный уклад и заменить его частным землевладением. К 70-м годам XIX в. около 75% боливийских индейцев проживали в общинах и владели землей на основе традиционных норм и старых колониальных законов, признававших самостоятельность индейской общины. Более того, в отличие от поместий численность населения общин выросла с 1838 по 1877 г. на 24%. В то же время численность земельных собственников сократилась на 4%. Налогоплательщики, жившие в небольших поселениях (пуэблос) за пределами общин, составляли меньшинство – менее 2%⁶⁷.

Если в первые десятилетия республиканской истории налог на индейцев (трибута) составлял большую часть доходов государства, то с середины 60-х годов XIX в. баланс изменился в пользу добычи гуано и селитры на побережье и экспорта продукции горнорудной отрасли⁶⁸. По данным, приводимым Х. Овандо Сансом и Г. Клейном, в 1860 г. поступления в бюджет от индейского налога составляли 650 тыс. песо (37%), в 1864 г. – 835 658 песо (38%), в 1865 г. – 693 779 песо (41%), в 1867 г. – 425 557 (17%), в 1868 г. – 367 995 (13%) всех поступлений⁶⁹. Кроме того, увеличивающийся спрос на сельскохозяйственную продукцию (ввиду роста населения городов и горнорудных центров) повышал интерес к сельскому хозяйству со стороны земельной олигархии, что вызвало активную экспансию крупной собственности – асьенды. Креольские землевладельцы требовали ликвидации общинной собственности и превращения ее в частную собственность, объясняя это необходимостью прогресса в сельском хозяйстве.

Суть аграрной реформы Мельгарехо состояла в поглощении индейской общины крупными землевладельцами. Еще при Х. Бальивиане в 1842 г. был принят закон, по которому все общинные земли объявлялись собственностью государства (эмфитеусисом), находящейся во временном пользовании индейцев. Закон этот никогда не был введен в действие, но и не отменялся. Используя этот закон в качестве юридического обоснования своей по сути конфискационной аграрной реформы, боливийская элита начала наступление на общинные земли индейцев⁷⁰.

По закону 20 марта 1866 г. индейцы провозглашались собственниками «государственных земель», т.е. тех участков, которыми они владели на момент издания декрета. Чтобы получить титул собственника, все индейцы должны были выкупить свои участки по цене от 25 до 100 песо. Если они не успевали сделать это в течение 60 дней, их земли выставлялись на публичные торги. При этом они продолжали платить трибута. Для большинства индейцев суммы были чрезвычайно высоки и неподъемны. Закон носил грабительский характер, так как трудно было объяснить, почему они вынуждены были покупать испокон веков принадлежавшие им земли⁷¹.

⁶⁷ *Grieshaber E.* Survival of Indian Communities in Nineteenth Century Bolivia: A Regional Comparison // *Journal of Latin American Studies*. 1980. Vol. 12. Part 2. P. 225, 236.

⁶⁸ *Bonilla H.* Op. cit. P. 126, Cuadro 2.

⁶⁹ *Ovando Sanz J.* El tributo indígena en las finanzas bolivianas del siglo XIX. La Paz, 1986. P. 488–400; *Klein H.S.* Haciendas and Ayllus. Rural Society in the Bolivian Andes in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. Stanford, 1993. P. 114.

⁷⁰ *Щелчков А.А.* Боливийский XIX век. ... P. 489.

⁷¹ *Anuario de Disposiciones Administrativas*, 1866. P. 10–11; *Bonifáz M.* Op. cit. P. 169.

Мариано Мельгарехо

На торгах, где распродавались земли общин, разрешалось расплачиваться не только деньгами, но и различными ценными и долговыми бумагами государства по их номинальной стоимости, которые к этому времени практически ничего не стоили.

13 июня 1866 г. вышел новый указ президента, согласно которому в течение шести месяцев выставлялись на продажу участки земли, принадлежавшие белым и метисам, якобы захватившим и незаконно владевшим ими. Бывшим владельцам ненавязчиво предлагали купить свои участки⁷². В 1870 г. 9 тыс. индейцев района Хесус-де-Мачака лишились своих земель, якобы незаконно захваченных ими и принадлежащих государству, затем распроданных. Все 9 тыс. жителей района в одно мгновение были превращены в безземельных колоннов. Земли, как правило, оказывались в руках но-

вых владельцев, а прежний собственник автоматически превращался в безземельного колона⁷³.

28 сентября 1868 г. Учредительное собрание приняло закон, подтверждавший декрет от 1866 г., который декларировал, что «земли, ранее являвшиеся собственностью индейцев и считавшиеся общинной собственностью, теперь являются собственностью государства». Позднее очередной декрет от 15 декабря 1868 г. вводил новые правила продажи общинных земель, предоставляя аграрным комиссиям широкие полномочия по проведению замера территорий и учета численности проживавших на них индейцев-собственников: срок подтверждения статуса собственника устанавливался в сто дней, по истечении которых местные власти получали право выставлять общинные земли на продажу, превращая бывших собственников в колоннов без земли.

Наиболее богатые аграрные районы страны подверглись грабежу: земли крестьян были спешно распроданы, а индейцы превращались в безземельных и зависимых крестьян. При этом, как правило, на приобретенных крупными земельными собственниками землях полностью сохранялся старый производственный уклад. Впервые в истории страны была предпринята реальная попытка изменить существовавшую веками аграрную структуру страны в угоду крупной земельной собственности и превратить индейского крестьянина в простого колона без земли⁷⁴.

⁷² Anuario de Disposiciones administrativas. 1866. P. 30–31.

⁷³ Antezana Salvatierra A. V. Estructura agraria en el siglo XIX. La Paz, 1992. P. 85–96.

⁷⁴ Ibid. P. 87–89.

1 июня 1868 г. Мельгарехо распорядился покрыть долг государства по зарплате служащим землей общинников, подлежащей распродаже. Массовая распродажа земли привела к резкому падению цен на сельские угодья, земли общин приобретались по цене в 15–20% от их реальной стоимости. В докладе министра финансов в 1870 г. указывалось, что за три года распродажи земли были проданы частным лицам 356 индейских общин и 159 пустующих участков (также принадлежавших общинам). За них было выручено 856 550 песо, из которых только 177 537 – наличными деньгами, а остальное – долговыми бумагами. Только в районе Ла-Паса была уничтожена 321 индейская община⁷⁵. Были изъяты наиболее плодородные земли вблизи городских центров Ла-Паса, Потоси, Кочабамбы. Здесь же значительно снизилась численность индейского населения⁷⁶. Среди покупателей выделялись семьи Мельгарехо и Санчес и других приближенных правителя. Возлюбленная диктатора Хуана Санчес и ее мать стали владелицами 80 поместий в районе Тарако – бывших общин площадью 100 тыс. га и с 3 тыс. крестьян-колонов⁷⁷. А общая стоимость всех земельных владений этой семейки оценивалась в 500 тыс. песо⁷⁸. Приближенный Мельгарехо генерал Антесана завладел самыми богатыми плодородными землями в районе оз. Титикака⁷⁹. Было бы упрощением видеть в Мельгарехо главного зачинщика этих жестких преобразований. Все осуществленные при нем реформы, введение новой денежной единицы, договоры о границах с Чили и Бразилией, антииндейская аграрная реформа, направленная против общинной собственности, не были личным желанием самого диктатора, а отвечали устремлениям креольской элиты, стремившейся начать модернизацию страны и включить ее в систему мирохозяйственных отношений⁸⁰.

Антидиктаторское движение и падение режима Мельгарехо

Безнравственная политика в отношении своего народа вызвала гневные протесты не только крестьян-общинников. К ним присоединились и политические противники Мельгарехо, осудившие столь чудовищную по своим масштабам «продажу» территории страны и воспользовавшиеся протестами народных масс, чтобы свергнуть ненавистного диктатора.

Первые антидиктаторские выступления вспыхнули 17 декабря 1868 г. в Сукре под руководством Мариано Рейеса Кардона, 22 – в Кочабамбе, Потоси, Тарате. В Кочабамбе президентом страны избрали Лукаса Мендосу де Тапию и провозгласили действующей Конституцию 1861 г. 1 января 1869 г. восстание вспыхнуло в Санта-Крус, возглавленное полковником Кастедо. Все выступления вскоре были подавлены⁸¹.

⁷⁵ Ibid. P. 94.

⁷⁶ Grieshaber E. Op. cit. P. 263, 264.

⁷⁷ Arguedas A. Op. cit. P. 288.

⁷⁸ Sotomayor Valdés R. Legación de Chile en Bolivia ... P. 95.

⁷⁹ Arguedas A. Op. cit. P. 288.

⁸⁰ См.: Щелчков А.А. Боливийский XIX век. ... P. 489.

⁸¹ Как отметил боливийский историк Карлос Монтенегро, за шесть лет, в течение которых Мельгарехо находился у власти, произошло 23 восстания и вооруженных выступлений. – Montenegro C. Nacionalismo y Coloniaje. La Paz, 1982. P. 143.

В июле 1870 г. в Оруро собрался конгресс. Мельгарехо вновь был избран президентом республики и 15 августа принес присягу⁸². В состав нового кабинета вошли те же самые личности, которые были у власти и ранее. М. Донато Муњос остался председателем и министром иностранных дел⁸³.

Насильственное отчуждение исконно принадлежавших индейцам общинных земель спровоцировал бурный протест индейского населения. В различных районах началось стихийное движение индейцев против новых владельцев. Особенно серьезное выступление произошло в кантоне Омасуйос (недалеко от Ла-Паса) в июне 1869 г., где более 4 тыс. вооруженных крестьян-индейцев выступили против правительственных сил. Более 300 из них были убиты в сражении, остальные разогнаны. Стихийные и разрозненные на первых порах выступления индейцев вскоре вылились в серьезное протестное движение против диктатуры Мельгарехо. 28 июня 1869 г. вспыхнуло восстание индейцев в Сан-Педро де Тикина. В декабре 1869 г. восстали индейцы в районе Муњекаса и Уаичо, здесь активно действовал К. Корраль и индейский вождь Лусиано Уилька. Правительство направило войска, устроившие кровавую расправу над индейцами. 7 августа 1870 г. произошло столкновение между крестьянами и правительственными силами в Анкораимесе, где свыше 2,6 тыс. индейцев под руководством К. Корраля и других революционеров вступили в бой с силами генерала Н. Рохаса. Как комментировала это событие перуанская газета «La Situación», восставшие мужественно сражались, однако уже через 20 минут боя вынуждены были бежать, преследуемые правительственными войсками индейцы были разогнаны, многие убиты⁸⁴.

Черода восстаний в деревне достигла своей кульминации в ноябре–декабре 1870 г., превратившись во всеобщее народное движение против диктатуры, охватившее и города Боливии. С 20 октября и до 13 декабря 1870 г. вспыхнули очаги восстания в Потоси, Сукре, Ла-Пасе, Санта-Крус, Кочабамбе. В Потоси в октябре 1870 г. восставшие создали временное правительство, в состав которого вошли генерал Н. Камперо, перешедший теперь в лагерь врагов диктатора, Лукас Мендоса де Тапия и генерал Рендон⁸⁵.

В начале ноября 1870 г. Мельгарехо двинул войска на Потоси, оставив в Ла-Пасе командиром гарнизона полковника Илариона Дасу. 28 ноября правительственные войска взяли Потоси штурмом, устроили резню на улицах города. В этой схватке погибли 400 жителей. 24 ноября 1870 г. восстало население Ла-Паса. Антидиктаторская коалиция включала разнородные политические группировки, ремесленный люд, студенческую молодежь и особенно грозную силу – индейцев. Полковник Даса, подкупленный за 10 тыс. песо, собранных всеми жителями города, перешел на сторону восставшего населения и поднял военный мятеж⁸⁶. На следующий день, 25 ноября 1870 г. в город вошли полковник Агустин Моралес и Касими́ро Корраль. Было созда-

⁸² Arguedas A. Historia general de Bolivia. P. 290.

⁸³ Sotomayor Valdés R. Legación de Chile en Bolivia. P. 336.

⁸⁴ Antezana Salvatierra A.V. Op. cit. P. 102–104; Irurozqui M. «La Guerra de civilización». La Participación indígena en la revolución de 1870 en Bolivia // Revista de Indias. 2001. Vol. LXI. N 222. P. 419.

⁸⁵ Sotomayor Valdés R. Legación de Chile en Bolivia. ... P. 351.

⁸⁶ Valencia Vega A. Op. cit. T. IV. P. 1168.

но временное правительство. Моралеса провозгласили верховным вождем революции, а Корраль – военным и политическим лидером.

За несколько дней до этого, 12 ноября 1870 г., Корраль, находясь в Уаичо, издал так называемый «декрет с границы», по существу ставший программным документом революции. Он объявлял незаконными все продажи общинных земель, осуществленные в период правления Мельгарехо⁸⁷. Почти все население страны включилось в антидиктаторское движение.

Бывшие соратники диктатора спешно покидали его. На сторону нового правительства перешли ранее стоявшие на стороне Мельгарехо военные, его поддерживали индейцы из районов Омасуйя, Сикасика, Пакахес, Ингави и Муньекас. К. Корраль активно использовал власть на уровне департамента Ла-Паса, чтобы с помощью местных чиновников, субпрефектов мобилизовать индейцев для борьбы с Мельгарехо. В ноябре 1870 г. он направил субпрефектам провинций циркуляр, в котором приказал создавать в каждой провинции «клубы», которые должны были осуществлять организационную деятельность по материальному обеспечению военных действий против диктаторского режима⁸⁸. Коррехидоры должны были обучать индейцев военному мастерству, создавать из их числа «военные гарнизоны», использовать их в качестве шпионов для слежки за продвижением противника.

10 декабря 1870 г. Корраль направил субпрефектам департамента Ла-Паса циркуляр, в котором приказывал местным властям восстановить старую систему налогообложения общинников. Он требовал срочно довести до сведения самих индейцев, «будь то через чтение приказа, будь то на приходской службе», желание властей восстановить прежний «мир» в деревне⁸⁹.

Антидиктаторское выступление поддержали не только политические противники режима, но и массы индейского населения и жители городов. 21 декабря 1870 г. во время встречи лидера индейцев Лусиано Уилька, называвшего себя «генералом индейцев провинций Севера», с А. Моралесом была достигнута договоренность о совместной борьбе с диктаторским режимом. Около 40 тыс. индейцев включились в борьбу против диктаторского режима⁹⁰.

Тем временем Мельгарехо после подавления восстания в Потоси, не давая войскам отдохнуть, двинул армию на Ла-Пас. Население города начало спешно возводить баррикады и вооружаться. Войска Мельгарехо двигались во враждебном окружении восставших индейцев, не имея времени для отдыха и пополнения запасов продовольствия. Корраль распорядился закрыть все рынки, мобилизовать всех мужчин в возрасте от 15 до 60 лет в национальную гвардию. Он спешно собирал силы индейцев, приказывал коррехидорам «немедленно идти со всеми индейцами, независимо от возраста, для соединения с обороняющимися войсками»⁹¹.

15 января 1871 г. Мельгарехо подошел к городу. Рано утром М. Дона-то Муньос от имени Мельгарехо направил К. Корралю послание, в котором

⁸⁷ *Antezana Salvatierra A.V.* Op. cit. P. 115–116.

⁸⁸ *Irurozqui M.* Op. cit. P. 420–422.

⁸⁹ *Bonifaz M.* Op. cit. P. 207.

⁹⁰ *Antezana S.A.* Op. cit. P. 105.

⁹¹ Цит. по: *Щелчков А.А.* Боливийский XIX век. ... С. 492.

предлагал прекратить сопротивление, обещал амнистировать всех политических противников власти и заявлял, что в течение 10 дней Мельгарехо подаст в отставку, после чего будет созвана чрезвычайная Конституционная ассамблея. К. Корраль в ответ заявил, что весь боливийский народ поднялся против ненавистной диктатуры и готов скорее сжечь дотла Ла-Пас, чем терпеть режим Мельгарехо⁹².

Несмотря на численное преимущество, правительственными силам не удалось сломить революционеров. Отчаянное сопротивление горожан обеспечило победу восставшим. После десятичасового сражения диктатор бежал с немногочисленным отрядом⁹³. Их преследовали индейцы. В районе Ачкалья крестьяне, вооруженные палками и камнями, напали на этот отряд. К границе Перу Мельгарехо дошел только с пятью своими приверженцами. Ему удалось пробраться через границу.

Не имея средств к существованию, он вскоре из Перу перебрался в Чили. Чилийское правительство выплатило ему жалованье дивизионного генерала, на которое тот закупил оружие и попытался вернуться в Боливию, но в Мехильонесе был задержан. Узнав, что Хуана Санчес вместе со своей матерью и братом (женатым, кстати, на его дочери Валентине) осела в Перу, он выехал в Лиму. 23 ноября 1871 г. Мельгарехо направился на встречу к своей возлюбленной, надеясь получить некоторые средства, когда-то переданные им матери Хуаны Санчес, но был холодно встречен ею и ее родственниками. У дверей дома он был убит двумя выстрелами в голову своим зятем Х.А. Санчесом⁹⁴.

---

⁹² O' Connor D' Arlach T. El General Melgarejo... P. 209–213.

⁹³ Ibid. P. 214–219.

⁹⁴ Valencia Vega A. Mariano Melgarejo. Una Tirania surgida de la Feudalidad Boliviana. La Paz, 1982. P. 112–114.

Часть IV

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ И ПЕРЕХОД К ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВЛЕНИЮ. БУМ СЕРЕБРА

Глава 12

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ 70-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

Свержение Мельгарехо было воспринято народом как освобождение, пришедшее с небес. Новое правительство пользовалось массовой поддержкой народа и практически всех политических сил. Огромная популярность была у вождей восстания генерала Агустина Моралеса, полковника Илариона Дасы и лидера городских низов Ла-Паса Касими́ро Корраля.

К. Корраль (1808–1897) был адвокатом, происходил из скромной семьи метисов Ла-Паса. Он активно включился в политику с молодых лет, так как видел в ней средство социального лифта. Желая сблизиться с креольской элитой, вначале карьеры был активным деятелем линаристской, «красной» партии. В 1857 г. он сыграл важную роль в восстании в Ла-Пасе против Кордобы, которое привело к власти Линареса¹. Будучи человеком простого происхождения, метисом по крови, Корраль постоянно сталкивался с презрением и враждебностью со стороны креольской аристократии. Как в свое время М.И. Бельсу презрительно обзывали «спичечник» за то, что его мать торговала спичками, так и Корраля называли «свечником», так как его родители имели скромную свечную лавку в Ла-Пасе. Это же обстоятельство сделало Корраля безусловным лидером простого народа, ремесленников Ла-Паса. Газета ремесленников Кочабамбы «El Artesano» писала: «Он – плебей, скромный и трудолюбивый, и для нас он предпочтительней заносчивой аристократии»². Еще будучи линаристом, т.е. примыкая к партии аристократии, так называемых «красных»³, Корраль защищал право народа на восстание, если правительство нарушает закон или не следует принципам права и справедливости⁴.

© А.А. Щелчков

¹ Guerra M.H. Memoria de los actos políticos y administrativos de la Autoridad Departamental, durante la gloriosa revolución de setiembre. La Paz, 1857. P. 4.

² El Artesano. Cochabamba. N 3. 16 de febrero de 1873. P. 2.

³ Его родной брат был бельсистом и погиб при защите Бельсу от Мельгарехо в 1866 г.

⁴ Violencia y legitimidad política y revoluciones en España y América Latina, 1840 – 1910. Santander, 2004. P. 143.

Вместе с «красными» боролся с правительством Ача, а в первые годы правления Мельгарехо сотрудничал с ним. Однако вскоре перешел в непримиримую оппозицию Мельгарехо, а 1870 г. был самым активным вождем восстания против диктатуры.

В Ла-Пасе Корраль организовал Республиканский клуб. В январе 1871 г. это была самая мощная политическая сила в стране. Такие клубы корралистов возникали не только в Ла-Пасе, но и в других районах департамента. Именно Республиканский клуб создавал отряды Национальной гвардии, противостоящей войскам Мельгарехо при обороне Ла-Паса⁵.

Корраль находился под влиянием европейской мысли, романтического социализма и либерализма. Будучи в иммиграции в Лиме в 60-е годы, Корраль познакомился с трудами европейских социалистов-утопистов. Размышления над проблемами свободы и равенства дали свои плоды: он написал книгу «Доктрина народа», опубликованную в 1871 г. сначала в Лиме, а затем и в Ла-Пасе. Корраль был наследником республиканцев эпохи 1848 г. Наибольшее влияние на него оказали, хотя и вышедшие к тому времени из моды, идеи социал-христианства аббата Р.Ф. Ламенне. Корраль выступал за прочные республиканские принципы политической и общественной жизни. Одним из первых в Боливии он настаивал на равноправном участии женщин в политической жизни⁶. Также он ратовал за гражданское равноправие индейцев, правда, с оговоркой: только грамотных, воспринявших через просвещение догмы демократии и цивилизации.

Формой демократического республиканизма должна была быть муниципализация всей политической жизни. Ссылаясь на Руссо, он утверждал, что суверенитет народа неотчуждаем и непередаваем, но при этом возражал против теорий, предполагавших передачу власти непосредственно народу, называя это властью толпы. Хотя власть делегировалась народом своим избранныкам, суверенитет оставался в самом народе. Отсюда делался вывод о праве народа на революцию. Суверенитет, чтобы быть эффективным, должен осуществляться на самом низком уровне, через ассоциации граждан, т.е. в муниципалитетах и в самоуправляющихся объединениях⁷.

В концепции демократической республики Корраля важнейшее место занимает принцип равенства. Гарантией равенства для Корраля была собственность. «Человек был сотворен для жизни в труде. Труд создает собственность, значит, право собственности – священно и нерушимо». В основе же этого права и всего социального механизма лежит «труд, который стоит над всеми другими общественными достоинствами»⁸.

Целью общества, по мнению Корраля, должна была стать демократическая республика, основанная на свободной ассоциации граждан, связанных между собой трудом, либо знанием, либо службой общинным интересам. Это будет подлинная демократия, «которая исключит всякие классовые различия и иерархию привилегированных и осуждает любое неравенство»⁹. В

⁵ ANB. MI. 1871. T. 193. N 36.

⁶ *Corral C. La Doctrina del Pueblo*. La Paz, 1871. P. 40.

⁷ *Ibid.* P. 17–19.

⁸ *Ibid.* P. 75.

⁹ *Ibid.* P. 22–27.

этой демократической республике, – писал Корраль, – «свобода во всем будет принципом, равенство людей – средством, а братство народов – целью, в этом суть демократии»¹⁰.

Корраль стал всесильным генеральным секретарем правительства, объединив под своим руководством несколько министерств при временном президенте Моралесе. Лозунгом этого правительства стало: «больше свободы, меньше правительства».

Мельгарехо оставил печальное наследство. Страна находилась на грани банкротства. Хотя впоследствии Корраль в обращении к Учредительному собранию доказывал, что восстания индейцев против Мельгарехо были стихийной реакцией на узурпации и грабеж общинных земель¹¹, в действительности это было не так. Корраль приложил немало усилий, используя свои связи с местными лидерами со времен, когда он был секретарем префектуры Ла-Паса, чтобы организовать массовое и повсеместное восстание индейцев. Непосредственной целью было свержение диктатуры и возвращение к республиканскому правлению, а не защита «корпоративных» интересов как общинников. Фактически впервые в республиканской истории Боливии политический переворот произошел успешно во многом благодаря активному участию индейцев, что превращало их в ответственное действующее лицо в последующем политическом развитии¹².

Новое правительство сразу же объявило, что все акты Мельгарехо как правительства узурпатора аннулируются. Это касалось и аграрного законодательства. Было созвано Учредительное собрание, открывшееся в Сукре 18 июня 1871 г. Большинство депутатов принадлежали старой партии конституционалистов, уже разделенной на две фракции – «красных» и корралистов представлявших демократическое крыло. Обе партии считали себя либералами¹³.

Моралес заявил собранию свою отставку, будучи уверен, что она не будет принята и его изберут президентом. Однако с удивлением обнаружил, что «красные» стали обсуждать избрание нового президента, чтобы положить начало здоровой традиции смены власти по закону. Сторонники Моралеса стали подстрекать народ, который собирался в толпы с криками угроз в адрес депутатов. Под давлением улицы участники собрания решили прекратить свои заседания и покинуть столицу. В ситуации политического пата Корралю удалось убедить депутатов возобновить работу, а Моралес формально отозвал свою отставку. Был создан новый кабинет, куда Корраль пригласил таких видные деятелей оппозиции, как Т. Фриаса, Н. Камперо, Л. Мендосу де Ла Тапия. Только после этого 26 июня собрание избрало Моралеса временным президентом.

Собрание должно было удовлетворить главное народное требование – отменить аграрные законы Мельгарехо и ликвидировать их последствия.

¹⁰ Ibid. P. 3.

¹¹ Memoria del departamento de gobierno presentada a la asamblea ordinaria de 1872 por el ministro del ramo ciudadano Casimiro Corral. La Paz, 1872. P. II.

¹² *Irurozqui M.* EL bautismo de la violencia. Indígenas patriotas en la revolución de 1870 en Bolivia // *Identidad, ciudadanía y participación popular desde la Colonia al siglo XX*/ Eds. J. Salmón, G. Delgado La Paz., 2007. P. 132–133.

¹³ *Terrazas Mariano R.* A mis compatriotas. Londres, 1875. P. 6.

В Учредительном собрании и в обществе развернулась дискуссия о будущем сельского хозяйства и формах собственности. Противники возвращения земли указывали на несовместимость общины и частной собственности. Большинство сторонников либеральной реформы выдвигали половинчатое решение. Так, видный политик Мигель Мария Агирре предлагал безвозмездно передать индейцам по 0,5–1 га земли на хозяйство в полную частную собственность, а излишки распродать. «Красные» соглашались с тем, что неизбежно придется передать землю общинам в полную частную собственность, но в ближайшем будущем следует разделить их на индивидуальные участки¹⁴.

Среди боливийских либералов были и те, кто выступал в защиту индейцев. Так, в прошлом бельсист Б. Давалос писал: «Индейцы, единственный производящий класс в стране, несет на своих плечах тяжесть бесправия, налогового бремени, платит за все своей кровью и трудом. Это класс, у которого есть обязанности, но нет прав... Этот класс живет в нищете, эксплуатируемый господами, государством, суевериями церкви»¹⁵.

В 70-е годы среди боливийских либеральных политиков преобладало убеждение, что формирование нации невозможно без включения индейского населения в полноправную гражданскую и политическую жизнь. Видный политик и писатель Ф. Рейес Ортис в опубликованной в 1875 г. повести, посвященной восстанию в Ла-Пасе в 1809 г., вложил в уста своих героев программу о «включении индейцев в будущий новый порядок»¹⁶. Путь к этому для креольских политиков лежал через ассимиляцию и метизацию.

31 июля 1871 г. собрание единогласно приняло закон, аннулировавший все распродажи общинных земель, осуществленные при Мельгарехо. Покупателям возмещалась стоимость в той форме и объеме, в которой они заплатили за землю. Этим актом политики должны были удовлетворить требования индейцев, находившихся в состоянии открытого неповиновения.

Однако цель либералов осталась прежней, что и при Мельгарехо. По сути идея ликвидация общины входила в планы всех креольских политических сил, в том числе и Корраля, представлявшего народно-демократическое крыло боливийских либералов. В своем послании к конгрессу Корраль в 1872 г. заявил: «Правительство желает превратить каждого индейца-общинника в собственника, передав ему земельную собственность со всеми ее атрибутами и правами на разделение, отчуждение и передачу»¹⁷.

Разница с предыдущим правительством состояла лишь в том, что Моралес и Корраль делали ставку на крестьянское хозяйство, а не на экспансию поместья. 1 сентября 1871 г. Корраль издал циркуляр, в котором указывал, что индейцы могли вступать во владение своими старыми участками без

¹⁴ *Antezana S.A.* Estructura agraria en el siglo XIX. Legislación agraria y transformación de la realidad rural de Bolivia. La Paz, 1992. P. 119–121.

¹⁵ *Davalos B.A.* Ligeras consideraciones sobre la actualidad de Bolivia. Salta, 1874. P. 8–9.

¹⁶ Рейес Ортис изложил программу Охранительной хунты, включив в нее положения об участии индейцев в управлении страной. Он предугадал этот факт, который на самом деле имел место в 1809 г., но в момент написания повести был неизвестен, так как эта программа была обнаружена в архиве в конце XIX в. – *Soruco Sologuren X.* La ciudad de los cholos. Mestizaje y colonialidad en Bolivia, siglos XIX y XX. Lima, 2011. P. 58–59.

¹⁷ Memoria del departamento de hacienda e industria ... P. VI.

каких-либо формальностей и бумаг. Главным же пунктом этого документа было указание на будущую аграрную реформу: «Правительство вскоре издаст регламент проведения ревизий земли и ее распределения с тем, чтобы индейцы, наконец, окончательно получили в полную собственность то, чем они сейчас владеют. Правительство признает необходимость дать каждому индейцу-общиннику независимость в распоряжении своей собственностью, для чего будет отменена система общинного владения землей»¹⁸. Возобновление разговоров и планов ликвидации общины для превращения индейцев в полноценных граждан вызвали лишь уныние среди самих индейцев и, как утверждают некоторые исследователи, привели к их самоустранению из политической жизни¹⁹. Так Корраль потерял своего мощного союзника.

Правительство Моралеса продолжило политику свободной торговли и отказа от протекционизма, начатую еще при Линаресе и окончательно принятую при Мельгарехо. Часть ремесленников и торговцев призывали Моралеса вернуться к протекционизму²⁰. Они предложили проект закона, по которому все уже ввезенные в страну товары собирались на специальных складах, а затем распродавались бы по ценам, которые установят совместные комиссии ремесленников и муниципалитета²¹. Так они предлагали уравнивать конкуренцию своей продукции с импортом.

В 1872 г. была отменена монополия на серебро. Монопольный банк Сан-Карлос был закрыт. Отмена монополии на серебро была последней мерой, знаменовавшей полную победу фритредерского курса. 23 февраля 1873 г. горнопромышленники были освобождены от уплаты экспортной пошлины на вывоз слитков серебра²².

Кризис 1871–1873 гг. завершил период стабильного роста в серебродобывающей промышленности. После франко-прусской войны Германия перешла на «золотой стандарт», цены на серебро резко упали, и далее они неуклонно снижались. Особенно резкое падение было отмечено в 80-е годы, а минимальное – накануне Первой мировой войны²³.

Несмотря на падение цен на серебро, горная отрасль переживала подъем. Ухудшение конъюнктуры компенсировалось открытием богатых залежей серебра: рудников в Колькечака и Уанчака, богатых залежей в Караколес²⁴. Росту производства серебра способствовали инвестиции в обогащение металла и в производство, что обеспечило его эффективность и снизило затраты. Технологически горнорудные предприятия Боливии в тот момент отвечали самым передовым достижениям и не отличались от подобных в других странах Америки и мира.

Крупный горнопромышленник Анисето Арсе сумел убедить чилийских магнатов Конча-и-Торо, Доносо, Уидобро вложить свои средства в горную отрасль Боливии. В их совместном предприятии чилийцам принадлежало

¹⁸ *Ovando-Sanz J.A.* Historia económica de Bolivia. La Paz, 1987. P. 219.

¹⁹ *Violencia y legitimidad política...* P. 148.

²⁰ *El Artesano de Sucre.* Sucre. N 6. 22 de agosto de 1872. P. 2.

²¹ *El Revolucionario.* Sucre. N 1. 25 de abril de 1872. P. 4.

²² *Anuario de leyes y supremas disposiciones de 1873.* La Paz, 1874. P. 34.

²³ *Mitre A.* Los patriarcas de la plata. Estructura socioeconómica de la minería boliviana en el siglo XIX. Lima, 1981. P. 26–27.

²⁴ *Ibid.* P. 94.

две трети акций, треть оставалась у Арсе. Чилийцы стали посредниками для английского капитала, который через чилийские компании проникал в боливийскую экономику²⁵.

17 декабря 1872 г. был принят декрет об обмене фебле на новые деньги – боливиано. В оборот вводились бумажные деньги²⁶. Национальный банк Боливии получил полномочия от правительства обменивать все фебле из расчета 90 сентаво боливиано за один фебле в бумажных деньгах, свободно конвертируемых в серебряную монету²⁷.

Новое правительство провозгласило курс на модернизацию Боливии: «Паровые машины и железная дорога являются подлинными двигателями современной цивилизации»²⁸. Одним из шагов в этом направлении было принятие займа на строительство железной дороги в Бени, к рекам бассейна Амазонки. Его предложил еще при Мельгарехо английский авантюрист полковник Джордж Чёрч.

В 1867 г. Чёрч подписал контракт в Нью-Йорке с представителем боливийского правительства К. Кеведо о навигации по р. Мадера и ее притокам. При этом Бразилия должна была построить железную дорогу к речным портам Боливии, что, по мнению самого крупного боливийского предпринимателя эпохи Авелино Арамайо, свидетельствовало об абсурдности и неисполнимости этих задач²⁹. То есть это была чистой воды финансовая афера. В 1868 г. правительство ратифицировало контракт. Чёрч должен был создать с США компанию с капиталом в один миллион песо. Вскоре Чёрч предложил правительству найти заем, чтобы этот проект сдвинуть с мертвой точки. Мельгарехо назначил его полномочным представителем Боливии для оформления займа в 1 млн 700 тыс. ф. ст. в Лондоне, рассчитывая получить часть этих денег для текущих расходов. Этот заем удалось утвердить 18 мая 1871 г. Гарантацией займа становились все доходы страны. Моралес, надеясь на эти деньги, просил собрание поддержать этот заем. 83% займа должна была получить фирма Чёрча, а 17% – боливийское государство³⁰. Ни денег, ни судоходства, ни железной дороги Боливия так и не получила, все досталось Чёрчу. Это была самая скандальная и самая дорогостоящая авантюра в истории Боливии, ее финансовые и политические последствия сказывались на развитии страны и ее положении в мире в течение полувека.

Помимо концессии Чёрчу в те годы рассматривались возможности навигации по р. Парагвай, а главное, о строительстве дорог от этих рек к боливийским городам. В 1874 г. было создано «Прогрессистское общество», ставившее перед собой амбициозные цели строительства дорог между р. Парагвай, Санта-Крусом и Потоси³¹.

²⁵ Браво Кесада К.Г. Структура лабиринта: организация и управление в компании «Корокоро де Боливия» // Латиноамериканский исторический альманах. 2008. № 8. С. 69–87.

²⁶ Mitre A. El monedero de los Andes. Región económica y moneda boliviana en el siglo XIX. La Paz, 1986. P. 99–101.

²⁷ Anuario de leyes y supremas disposiciones de 1873. La Paz, 1874. P. 60.

²⁸ Valencia Vega A. Historia política de Bolivia. Vol. 4. La Paz, 1986. P. 1175.

²⁹ Aramayo A. Informe sobre los asuntos de Bolivia en Europa. Pau, 1877. P. 13–14.

³⁰ Aramayo A. Bolivia y su crédito víctimas de la especulación Church. Sucre, 1874. P. 5.

³¹ Sociedad progresista de Bolivia. Empresa de navegación a vapor, caminos carreteros, colonización, ganadería, agricultura, industria y comercio. Sucre, 1874. P. 6–21.

Аристократия и чоло

Главным вопросом на Учредительном собрании было принятие новой Конституции. Этому предшествовала бурная дискуссия о политическом устройстве. Часть депутатов во главе с Мендосой де Ла Тапией отстаивали федеративную форму республики. Их поддерживали видные деятели «красных» Натаниэль Агирре и Луис Мариано Гусман. Им противостояла часть «красных», которых возглавлял Э. Валье³².

Внутри партии «красных» в 70-е годы формировались идеологические и политические группы, которые в следующее десятилетие превратятся в самостоятельные партии либералов и консерваторов. Именно в эти годы в ходе дискуссий на Учредительном собрании, в прессе, в целом в обществе создаются предпосылки появления клерикального движения защиты прав церкви и традиций, которое образует партию консерваторов. До этого в Боливии церковь оставалась слабым игроком в политике, но под давлением ультрамонтанного курса Ватикана в странах континента происходит мобилизация клерикальных сил³³. В Боливии их представляла влиятельная группа «красных» во главе с М. Баптистой и М. Таборга.

Либералы выступали за федерацию, так как видели в ней не столько удовлетворение региональных амбиций на самоуправление, сколько форму осуществления народовластия, когда граждане больше влияют на принятие решений, чем при унитарной системе, склонной к авторитаризму. Один из публицистов либерального толка Мануэль Мария Алькосер тогда писал: «Федерация – это народное правительство, осуществляемое самим народом,

³² Боливийский историк Х.А. Овандо-Санс утверждает, что федералисты выражали интересы помещичьей олигархии, боявшейся конкуренции за власть с нарождавшейся буржуазией, в то время как позиции унитариев отражали устремления торгово-промышленного капитала. – *Ovando Sanz J.A. La Guerra civil de 1879. La Paz, 1985. P. 11–24.*

³³ *Barnadas J.M. La iglesia católica en Bolivia. La Paz, 1976. P. 95.*

которое ведет к реализации социального прогресса нации при прямом участии ее граждан, исполненных высокой моралью... Именно федерация является тем путем, который ведет человечество к своей конечной цели»³⁴. Другой публицист Федерико Диес де Медина писал, что именно децентрализация федеральной системы может укрепить столь непрочную демократию в Боливии³⁵. Его идеалом политического устройства были США.

Несмотря на то что идеи федерализации Боливии концептуально были близки Корралю, он, исходя из политической целесообразности, поддерживал централистов. Моралес же подозревал сторонников федерализации лишь в том, что те просто хотели лишиться его власти, а посему стал непримиримым противником федерации³⁶. В конце концов федеральная система была отвергнута и оставлена унитарная.

Утвердив унитарную систему, Учредительное собрание ввело в действие Закон о муниципалитетах, принятый еще при президенте Ача в 1861 г., но успешно забытый в последующие годы³⁷. Унитарная система смягчалась усилением полномочий муниципалитетов.

На президентских выборах абсолютное большинство получил Моралес, который был человеком старых каудильистских традиций. Он возвышал военных и мало обращал внимания на закон и институты демократии. В 1872 г. все более проявлялась тенденция к диктатуре.

Был избран конгресс, который собрался в Ла-Пасе. Отношения парламентского большинства и президента были очень натянуты. 25 ноября 1872 г. конгресс должен был закрыть свои заседания. Накануне «красные», руководимые Мариано Баптистой, подняли вопрос о неконституционности действий правительства и нарушении неприкосновенности частной собственности горнорудной фирмы «Аульягуас». Эта фирма многие годы не платила налогов, и Моралес в возмещение этих долгов приказал изъять добытое ею серебро в пользу государства. Хозяева рудников вместо того, чтобы обратиться в суд в случае своего несогласия, прибегли к помощи оппозиционных депутатов в конгрессе. Конфликт депутатов и Моралеса по этому вопросу достиг такой остроты, что в ночь до закрытия конгресса они отвергли закон о бюджете. Корраль попытался склонить Моралеса к примирению с конгрессом. Однако президент уже решил опираться исключительно на силу. Дело шло к установлению диктатуры Моралеса³⁸.

Моралес появился в конгрессе и объявил, что закрывает его, так как депутаты являются предателями, и он устанавливает диктатуру. 26 ноября кабинет в знак протеста ушел в отставку, и Корраль попросил убежища в американском посольстве. 27 ноября 1872 г. Моралес, узнав о заговоре его собственных адъютантов, решил расправиться с ними лично. В потасовке между ними встал родственник президента Ф. Лафайе и, как он утверждал, случайно застрелил Моралеса. Так неожиданно, едва начавшись, закончилась диктатура.

³⁴ *Alcocer M.M.* Breves reflexiones sobre la situación política, moral y administrativa de Bolivia. Cochabamba, 1872. P. 39.

³⁵ *Díez de Medina F.* Breves reflexiones acerca del principio federativo. La Paz, 1871. P. 5.

³⁶ *Reyes Ortiz F.* Historia de cuatro días. La Paz, 1872. P. 4.

³⁷ *Violencia y legitimidad política ...* P. 165–166.

³⁸ *Verdaderas causas del 4 de mayo de 1876.* Sucre, 1882. P. 17.

Как только стало известно о происшедшем, в президентском дворце собрались лидеры «красных» во главе с Т. Фриасом, М. Баптистой и военные. Они решили продлить полномочия распущенного Учредительного собрания, которое должно было выбрать нового президента. У «красных» было большинство депутатов. Корраль понимал, что его сила состоит лишь в поддержке низов. Он отверг это решение и с толпой народа попытался штурмовать казармы, но, встретив сопротивление, отступил и смирился с поражением.

Собрание ввело в действие Конституцию 1861 г., избрало Госсовет во главе с Томасом Фриасом, который был провозглашен временным президентом. Для достижения консенсуса новый президент сохранил кабинет министров во главе с Корралем. Фриас сразу же 29 декабря издал декрет о новых выборах, хотя по Конституции мог продолжать быть президентом до истечения срока полномочий убитого Моралеса как председатель государственного совета³⁹. Кандидатами на пост президента стали К. Корраль, от «красных» А. Балывиан, мельгарехист К. Кеведо. С началом предвыборной кампании «красные» и Фриас настояли, чтобы Корраль ушел в отставку, дабы не влиять на выборы⁴⁰. При этом фаворитом правительства был Балывиан. Иларион Даса, командовавший армией, полностью перешел на сторону партии «красных», обеспечив тем самым нейтрализацию приверженцев Корраля, народных масс Ла-Паса, не участвовавших в своем большинстве в выборах, но могущих повлиять на них своими прямыми, порой насильственными действиями.

Корраль опирался на городские массы Ла-Паса, на «Клуб ремесленников». В феврале 1873 г. он опубликовал программу, которую газета «El Artesano» назвала филантропической, в понятиях того времени социалистической, так как провозгласила защиту угнетенной части народа. Газета подчеркивала, что эта предвыборная программа полностью соответствует взглядам, изложенным в «Доктрине народа».

Корралисты выдвигали лозунг демократической республики, что противопоставлялось власти аристократии в лице Балывиана, исключавшей из политического процесса народные массы, «плебейство городов»⁴¹. Корралисты звали к бельсистским традициям. Они утверждали, что после 1857 г., т.е. после свержения Кордобы, именно Корраль стал выразителем и защитником интересов бедноты, ремесленников и чоло⁴².

Большое место в программе Корраля занимало народное просвещение. «El Artesano» писала: «Прежде чем создавать тюрьмы, мы требуем школ, где наши дети смогут получить необходимые знания, представления о морали, религии, чтобы стать полноправными гражданами». Газета утверждала, что выбор между Корралем и Балывианом – это выбор между демократией и аристократией⁴³. Воззвания корралистов полностью соответствовали тезисам их «Доктрины народа», утверждавшей, что в основе общественной жизни лежат труд и просвещение.

Предвыборная кампания Корраля проходила при открытом давлении со стороны властей, запрещавших какие-либо мероприятия по агитации. Так, в

³⁹ Sanjinés J. Apuntes para la historia de Bolivia bajo la administración de Don Adolfo Ballivián i Don Tomás Frías. Sucre, 1902. P. 21–25.

⁴⁰ Verdaderas causas del 4 de mayo de 1876. P. 20.

⁴¹ El Artesano. La Paz. N 2. 18.02.1873.

⁴² El Artesano. La Paz. 04.03.1873.

⁴³ El Artesano. La Paz. N 3. 21.02.1873.

Оруро префектура предписала корралистскому «Клубу народа» собираться только под надзором специального чиновника, запретила выходить на улицу и выдвигать любые лозунги, кроме прославляющих порядок и мир. За пропаганду в пользу Корраля в городе были арестованы горняк и ремесленники, агитировавшие за эту кандидатуру⁴⁴.

На выборах 5 мая 1873 г. никто не получил абсолютного большинства голосов: Бальивиану достались 6442 голоса, Корралю – 5352, К. Кеведо – 3313. Корраль победил в таких важных городах, как Ла-Пас и Оруро, а Кеведо – в родной Кочабамбе⁴⁵. Конгресс, в котором «красным» принадлежало большинство депутатов, избрал Адольфо Бальивиана президентом страны. Новый президент хотел продемонстрировать примирение ранее враждебных партий. В его кабинет вошли как лидеры партии «красных» – М. Баптиста, Д. Кальво, так и старый бельсист и противник баливианистов Рафаэль Бустильо⁴⁶, который, однако, пользовался репутацией лучшего финансиста страны. Особый вес приобрел Иларион Даса, который обеспечил «красным» благожелательную позицию армии. Бальивиан произвел Дасу в генералы и рассчитывал на его влияние в Ла-Пасе в качестве противовеса силам Корраля, также опиравшегося на ремесленников этого города. Даса превратился в политического арбитра и фактического хозяина положения.

Новый президент многие годы провел в Европе и был убежден в необходимости либеральных реформ. Свою задачу он видел в привлечении иностранного капитала, в том числе и в виде займов, которые следовало направить на строительство железных дорог.

Бальивиан был смертельно болен туберкулезом и пробыл на своем посту менее года. Он скончался 14 января 1874 г. Чувствуя приближение конца, он ушел в отставку, передав власть председателю госсвета Томасу Фриасу, который второй раз стал президентом. Фриас стремился уменьшить влияние военных в политической жизни страны, но был вынужден опираться на таких сильных генералов, как Даса, что вело лишь к усилению влияния армии на его правительство⁴⁷.

При втором президентстве Фриаса конгресс 5 октября 1874 г. принял закон о роспуске общины. Закон устанавливал передачу индейцам-общинникам в полную частную собственность индивидуальных участков, которые те на данный момент занимали. Все остальные земли общины, не поделенные на индивидуальные участки, объявлялись «излишками» и подлежали распродаже на аукционах. Этот же закон запрещал госслужащим принудительно использовать труд индейцев даже для общественных нужд, что было широко распространенной практикой⁴⁸. Хотя подушная подать отменялась одновре-

⁴⁴ Informe de la Prefectura de Oruro del 20 de enero de 1873. – ANB. MI. 1873. T. 198. N 19.

⁴⁵ El Artesano. Cochabamba. N 5. 14 de marzo de 1873. P. 4.

⁴⁶ Anuario de leyes y supremas disposiciones de 1873. P. 72.

⁴⁷ *Irurozqui M.* Procesión revolucionaria en Semana Santa. Ciudadanía armada y represión penal en Bolivia, 1872–1875 // La razón de la fuerza y el fomento del derecho. Conflictos jurisdiccionales, ciudadanía y mediación estatal (Tlaxcala, Bolivia, Norpatagonia, siglo XIX). Madrid, 2011. P. 91.

⁴⁸ Все последующие правительства еще не раз декретировали этот запрет, последний датировался 1945 г., а стал реальностью лишь после Национальной революции 1952 г.

менно с общиной, новый налог на индейцев как по форме взимания, так и по сумме был инкарнацией трибута⁴⁹.

Специальные хунты должны были заняться размежеванием и выдачей титулов (свидетельств) собственности на участки⁵⁰. Цель, декларированная еще Боливаром и уже реализованная с сомнительным результатом Мельгарехо, вновь вставала в повестку дня. Эта цель вела к разрушению всего уникального хозяйственного, культурного и экологического уклада жизни народов аймара и кечуа, ставя под вопрос само их существование как аграрных этносов.

Индейцы активно сопротивлялись проведению размежеваний и ликвидации общин. Кроме того, авторы декрета подрывали мелкое частное землевладение, уже существовавшее вне общины и, как правило, принадлежавшее метисам. Закон объявлял собственностью государства земли, «узурпированные» у общины. Под эту категорию попадали не только распроданные при Мельгарехо общины, но и неоформленные как собственность мелкие участки крестьян-метисов. В результате крестьяне-метисы выступали совместно с общинниками против проведения размежеваний и ревизий общин, чтобы не допустить конфискации своей земли⁵¹.

При Фриасе правительству не удалось начать осуществлять эту реформу, что признавал в 1877 г. министр финансов М. Сальватьерра⁵². Фриас для реализации закона о разрушении общины 24 декабря 1874 г. издал декрет о создании хунт по распределению земли. С момента начала работы этих хунт община утрачивала свой юридический статус⁵³. До этого же община сохранялась в полной мере.

Хотя этот закон во всей его полноте не удалось реализовать, тем не менее в Кочабамбе он стал осуществляться уже в 1878 г., а в других регионах с 1880 г.⁵⁴ Через десятилетие реализация этого закона привела к масштабному наступлению помещичьего хозяйства на общину. Если в те годы три четверти земли находились во владении общин, то через полвека три четверти оказались в руках крупных землевладельцев.

Народные городские движения: восстания корралистов

Политическая обстановка была нестабильной, несмотря на большую популярность Фриаса. Центром возмущения оставался вождь плебейского Ла-Паса Корраль. После поражения на выборах 1873 г. Корраль отказался от предложенного ему поста посла за границей и покинул страну, укрывшись в Перу. Часть его сторонников поддержала правительство, но большинство

⁴⁹ *Gil Montero R.* La construcción de Argentina y Bolivia en los Andes Meridionales. Población, tierra y ambiente en el siglo XIX. – Buenos Aires: Prometeo Libros, 2008. P. 183.

⁵⁰ *Anuario de leyes y supremas disposiciones de 1874.* La Paz, 1875. P. 187–191.

⁵¹ *Platt T.* Estado boliviano y ayllu andino. Tierra y tributo en el Norte de Potosí. Lima, 1982. P. 106–107.

⁵² *Antezana S.A.* Op. cit. P. 135.

⁵³ *Bonifaz M.* La Legislación agrario-indigenal. Cochabamba, 1953. P. 247.

⁵⁴ *Gotkowitz L.* A Revolution for our rights. Indigenous Struggles for Land and Justice in Bolivia, 1880–1952. Durham, 2007. P. 26–27.

во главе с лидером осталось в оппозиции. Корраль отказывался признавать конституционность президентства Фриаса, так как последний был избран председателем госсвета уже после смерти Бальивиана. Фриас занял пост главы государства не для того, чтобы сразу же провести новые выборы, как было во время его первого президентства, а собирался оставаться на посту до завершения срока умершего Бальивиана. Это давало аргументы в пользу неконституционности правительства. Однако в конгрессе у партии Корраля, которая называла себя либерал-сивилистской, было только 9 депутатов, и Фриас был утвержден президентом⁵⁵.

После прихода к власти Бальивиана правительство провело чистку в армии, из нее были уволены 80 офицеров, подозреваемых в симпатиях и связях с корралистской партией. Одновременно были уволены со всех важных чиновных мест все корралисты⁵⁶.

Проблема неконституционности правительства, о чем говорили оппозиционеры, усугублялась дискуссией, возникшей после циркуляра министра Мариано Батписты о правах муниципалитетов. Вместе с проблемой полномочий муниципалитетов возобновилась дискуссия о государственном устройстве, начатая в ходе заседаний Учредительного собрания 1871 г.⁵⁷ Правительство хотело установить свой контроль над финансами местных властей, так как само нуждалось в дополнительных средствах. В конце 1873 – начале 1874 г. правительство и госсвет потребовали от муниципалитетов передачи части их доходов в распоряжение центрального правительства⁵⁸. Этому воспротивились городские советы, в первую очередь Ла-Паса и Кочабамбы, являвшиеся бастионами соответственно корралистов и кеведистов. Правительство отвергало их право на автономию и даже упрекало в желании де-факто приблизиться к федеральной системе⁵⁹.

Корраль и его сторонники всегда выступали за развитие муниципальной автономии. Отвечая им, Баптиста говорил: «Нигде нет такой страны, нет стран с *self-governement*, на что претендуют советы в Ла-Пасе и Кочабамбе»⁶⁰. Баптиста был непосредственным свидетелем Парижской коммуны, о которой много писал для газеты «*El Cruzado*»⁶¹. Впечатления от коммуны были столь сильны, что, как утверждали корралисты, Баптисте всюду и во всех оппонентах мерещились Интернационал и Коммуна⁶².

Вопрос о правах муниципалитетов приобрел столь большую остроту, что вызвал волнения в Ла-Пасе. Говорили о злоупотреблении полномочиями со стороны президента и о возможном роспуске конгресса. Кризис удалось преодолеть лишь после начала обсуждения отношений с Чили, что отвлекло депутатов от спорного вопроса. Однако корралистская партия преследовала цель мобилизации народных масс, оппозиционных правительству. В янва-

⁵⁵ *Verdaderas causas del 4 de mayo de 1876*. Sucre, 1882. P. 33.

⁵⁶ *Aguirre M.M. Manifiesto de la revolucion de enero de 1875 en Cochabamba*. Cochabamba, 1875. P. 19.

⁵⁷ *Irurozqui M. Op. cit.* P. 110.

⁵⁸ *Anuario de leyes y supremas disposiciones de 1874*. P. 7–9.

⁵⁹ *Quijarro A. Algunos datos sobre la Asamblea de 1874*. Sucre, 1875. P. 9.

⁶⁰ *Sanjinés J. Op. cit.* P. 145.

⁶¹ *Guzmán A. Biografía de un orador político*. La Paz, 1957. P. 81.

⁶² *Mendez J. Cuestión municipal en Bolivia*. Lima, 1874. P. 9.

ре 1874 г. сторонники Корраля попытались безуспешно поднять восстание в Ла-Пасе⁶³.

После смерти Бальивиана Корраль решил, что настал момент для захвата власти, и стал искать союзников среди военных. Помимо Корраля большую активность проявлял популярный в Кочабамбе мельгарехист генерал Кентин Кеведо. Совместными действиями их сторонники в конгрессе потребовали отставки Фриаса и созыва новых выборов, но потерпели поражение (29 голосов против 19)⁶⁴. Кеведо заявил, что подчиняется решению большинства. Правительство же, видя активизацию оппозиции в Ла-Пасе, просило Корраль вернуться в страну и занять свое кресло депутата конгресса. Тогда Корраль вернулся в Ла-Пас, который принял его как триумфатора. Его дом превратился в центр общественной жизни.

В конце августа 1874 г. в ряде мест департамента происходили индейские восстания, столкновения между корралистами и сторонниками правительства. Правительство было обеспокоено активностью корралистов и держало вблизи Ла-Паса большой контингент войск⁶⁵. 7 сентября 1874 г. власти потребовали, чтобы он распустил свою охрану и отряды ремесленников, сдал оружие. Это требование вызвало взрыв недовольства, и толпы народа собрались у дома Корраля. Власти же мобилизовали войска, которые взяли штурмом его дом и арестовали Корралья и еще 27 его сторонников⁶⁶.

Для законности ареста Корралья требовалось разрешение конгресса, так как он был депутатом. Одновременно с этим вопросом вновь была начата дискуссия о неконституционности действий правительства в отношении муниципалитетов. Полиция Ла-Паса жаловалась, что не может гарантировать охрану заключенных⁶⁷. Сложный кризис был разрешен объявлением амнистии. Корраль был отпущен, и 8 ноября он уехал в Перу.

30 ноября 1874 г. военные подняли мятеж в Кочабамбе. 22 декабря правительственные войска вошли в город, но 23 декабря военные восстали в Ла-Пасе, провозгласив Кеведо президентом. Как только Кеведо узнал об этом, он из Кочабамбы отправился в Ла-Пас. Народные массы Ла-Паса оставались нейтральными и ждали, что скажет их лидер Корраль.

Корраль же решил поддержать правительство Фриаса. 1 января от имени либерально-сивилистской партии Корраль выпустил манифест в поддержку конституции и законного правительства. Он вновь хотел вернуться в Ла-Пас освободителем от мельгарехистов (Кеведо был приближенным Мельгарехо). Корраль перешел границу и обосновался в Карапате на Титикаке. Там он вступил в переговоры со своими сторонниками, которые считали необходимым поддержать мятеж и сумели убедить в этом своего лидера. Кеведо и Корраль были принципиальными противниками, но первый нуждался в

⁶³ Aranzaes N. Las Revoluciones de Bolivia. La Paz, 1918. P. 289–290.

⁶⁴ Sanjinés J. Op. cit. P. 138.

⁶⁵ Informe de la Prefectura de La Paz del 04 de septiembre de 1874. – ANB. MI. 1874. T. 200. N 27.

⁶⁶ Informe de la Prefectura de La Paz del 08 de septiembre de 1874. – ANB. MI. 1874. T. 200. N 27.

⁶⁷ Informe de la Prefectura de La Paz del 18 de septiembre de 1874. – ANB. MI. 1874. T. 200. N 27.

поддержке народных масс Ла-Паса. Кеведо считал этот союз временным и расправился бы с Корралем в случае победы мятежа⁶⁸.

8 января 1875 г. Корраль и Кеведо создали Директорию, заявив о своем намерении через 15 дней провести всеобщие выборы. Они также пообещали вернуть общинам все земли, узурпированные поместьями. Корраль, как и в 1870 г., рассчитывал на поддержку индейцев, и действительно, в некоторых местах индейцы примкнули к восстанию⁶⁹. На подавление Ла-Паса из Сукре вышли правительственные войска во главе с президентом Фриасом. Войска Директории были разбиты при Чакоме после 25-минутного боя⁷⁰. Даса стал героем этого боя, хотя победа досталась случайно и в основном благодаря несостоятельности противника. Даса даже не отдал ни одного приказа, а его отряд смешал ряды собственных войск неловким маневром.

19 января войска вошли в Ла-Пас, а лидеры восстания бежали в Перу. Отступая к границе, корралисты оставляли много оружия своим сторонникам, обещая вскоре вернуться⁷¹. Несколько офицеров-мятежников были осуждены и расстреляны, также заочно были осуждены Корраль и Кеведо. Перед лицом опасности со стороны Корраля и поддерживавших его народных низов Ла-Паса «торговцы и собственники» стали формировать Городскую гвардию⁷².

Пока Фриас находился в Ла-Пасе, в марте 1875 г. в Кочабамбе вновь начался мятеж в пользу Кеведо. Фриас вышел из Ла-Паса в Кочабамбу. Как только правительственные войска покинули город, народные отряды во главе с корралистами Россини, Москосо и Мендисабалем восстали и осадили президентский дворец, где защищались немногие сторонники Фриаса, в том числе и Мариано Баптиста. Взять дворец не удалось, но во время боя он сгорел. Объясняя причину поражения народа, газеты отмечали, что у восставших почти не было оружия, они были вооружены лишь палками и камнями. Потому и подожгли дворец, чтобы как-то выкурить оттуда защитников власти⁷³. В тех пор президентский дворец в Ла-Пасе называют Кемадо, т.е. погоревший.

Подошедшие к вечеру правительственные войска из Виачи разогнали восставших. Это выступление сразу же называли коммунистическим, попыткой создания коммуны в Ла-Пасе⁷⁴. Противники Корраля обвинили его в желании повторить опыт Парижской коммуны в Боливии⁷⁵.

Газеты писали: «Причина коммуны – в восстании бедняков против тех, кто умеет работать и жить хорошо»⁷⁶. По сообщению газет, во время штурма дворца «погибли 24 защитника и 57 коммунистов»⁷⁷. Хотя «коммунистическим» восстание было только в Ла-Пасе, газеты отмечали, что среди ремесленников Сукре также популярны идеи коммуны и Корраля⁷⁸. После

⁶⁸ Verdaderas causas del 4 de mayo de 1876. P. 36.

⁶⁹ Informe de la Prefectura de la La Paz del 09 de marzo de 1875. – ANB. MI. 1875. T. 202. N 19.

⁷⁰ Sanjinés J. Op. cit. P. 219–220.

⁷¹ Informe de la Prefectura de la La Paz del 05 de febrero de 1875. – ANB. MI. 1875. T. 202. N 19.

⁷² Informe de la Prefectura de la La Paz del 09 de marzo de 1875. – ANB. MI. 1875. T. 202. N 19.

⁷³ La Reforma. La Paz. N 456. 24 de marzo 1875.

⁷⁴ La Reforma. N 460. 02 de abril 1875.

⁷⁵ Reza J.M. «Los procesos políticos» y «La semana magna de 1875 en Cochabamba». Cochabamba, 1875. P. 19

⁷⁶ El Boletín. Sucre. N 23. 31 de marzo 1875.

⁷⁷ La Reforma. N 455. 21 de marzo 1875.

⁷⁸ El Boletín. N 22. 30 de marzo 1875.

Дворец правительства в Ла-Пасе после «коммунистического» восстания

восстания корралистов в Ла-Пасе всякое народное возмущение называли коммунистическим. Самую серьезную опасность представляло «коммунистическое» движение игуалитариев – «Общества равенства» в Санта-Крус, организовавших вооруженное выступление в поддержку Корраля.

7 мая 1876 г. должны были состояться президентские выборы. Генерал Даса выдвинул свою кандидатуру, рассчитывая на поддержку президента Фриаса. Однако тот не только отказал в этом, но и вынудил министра уйти в отставку, чтобы тот не мог повлиять на выборы.

Даса ушел с поста военного министра, но остался командующим армией. Ему противостоял представитель олигархии и партии «красных» Х.М. Сантиваньес, которому благоволили в правительстве. В этих условиях Даса обратился к электоральной базе корралистов, только что потерпевших жестокое поражение во время восстания в Ла-Пасе. Даса, противостоявший аристократической партии «красных», объявлял себя выдвиженцем простого народа⁷⁹. Будучи метисом и выходцем из простого народа Даса заявлял о своем стремлении защитить права ремесленников и городского люда, страдавшего от угнетения и бесправия по вине «красных», олигархии. Он создал специальный полурегулярный полк из ремесленников Ла-Паса, поддерживал недавно созданное «Промышленное общество ремесленников»⁸⁰.

4 мая Даса, не дожидаясь выборов, совершил переворот, сместив Фриаса, и провозгласил себя президентом. Единственным местом, где эти выборы прошли, был Санта-Крус.

Дасе выпала доля стать одним из самых неудачливых правителей Боливии. На него легла ответственность за поражение в Тихоокеанской войне.

⁷⁹ El Obrero. Sucre. N 30. 12 de mayo de 1876.

⁸⁰ Rodríguez García H. La choledad antiestatal. El anarcosindicalismo en el movimiento obrero boliviano, 1912 – 1965. Buenos Aires, 2010. P. 22.

Но еще до ее начала страну постигли большие испытания. В 1877 г. на востоке страны фактически шла гражданская война правительственных войск и игуалитариев Санта-Круса. В 1878 г. на Альтиплано произошло сильное землетрясение, разрушившее много поселков и городов. В этот же год основные аграрные районы страны пострадали от сильнейшей засухи. Во многих городах и в деревне наступил голод. Зерно завозили даже в житницу страны Кочабамбу. В конце января 1879 г. в Кочабамбе от голода умерли 200 человек, а в целом по стране в день умирали 10 человек⁸¹.

Даса был вынужден скорректировать политику свободной торговли серебром. Этого требовали ремесленники, мелкие торговцы, страдавшие от преобладания монополий в серебродобыче. Экономика, по их мнению, страдала от недостатка ликвидности и вывоза серебра из страны⁸². В 1878 г. правительство было вынуждено обязать горнозаводчиков сдавать в Монетный двор Потоси четверть добытого металла⁸³.

Даса, помня о своем опыте при Мельгарехо, а также имитируя Бельсу, создал своего рода преторианскую гвардию, на которую мог бы положиться в случае внутреннего конфликта, в том числе и с военными. Он создал из ремесленников батальон «Колорадос», в котором солдаты получали жалованье офицеров.

«Революция равенства» в Санта-Крусе в 1876 – 1877 годах

Санта-Крус находился в стороне от основных торговых путей, был своеобразным тупиком, задворками Боливии. От столицы страны Санта-Крус отделяли 127 лиг (1 лига = 5,5 км) почти полного бездорожья. Изобилие природных ресурсов и обширность территории контрастировали с малочисленностью населения. С расовой точки зрения население Санта-Круса было однородным. Это был креольский город. Район отличался крайне низким уровнем метисации. Даже в сельской местности преобладали белые, что значительно отличало Санта-Крус от остальной Боливии.

Санта-Крус с окружавшей его сельской местностью представлял собой единое целое, так как большинство его жителей занималось сельским трудом. Вокруг города располагались обширные скотоводческие эстансии, плантации сахарного тростника, посевы кукурузы и риса. Самым большим отличием Санта-Круса было положение в землевладении⁸⁴. Санта-Крус со времен конкисты в качестве «компенсации» за географическую удаленность и пограничное положение получил ряд привилегий. За жителями закреплялась право «обладать всей землей в общей собственности»⁸⁵. В этом регио-

⁸¹ Dunkerley J. Orígenes del poder militar. La Paz, 2003. P. 39.

⁸² Exposición que los artesanos de Sucre dirijen al Supremo gobierno para la suspensión de la ley de 8 de octubre de 1872. Sucre, 1876. P. 2–4.

⁸³ Mitre A. Los patriarcas de la plata... P. 73–74.

⁸⁴ Подробнее см.: Schelchkov A. Andrés Ibáñez y La revolución de la igualdad en Santa Cruz. Santiago de Chile, 2011. P. 20–27.

⁸⁵ Viedma F. Descripción geográfica y estadística de la provincia de Santa Cruz de la Sierra, Buenos Aires, 1836. P. 79.

Жители Санта-Круса

не не существовало проблемы земли, все еще оставалось много свободных угодий.

Во второй половине XIX в. в Санта-Крусе отмечаются серьезные процессы социального расслоения. Массовой становится задолженность фермеров торговцам и крупным собственникам, которые превратились в новых богатых в Санта-Крусе⁸⁶. Многие фермеры закладывали свою собственность, скот, посевы. Местные газеты с беспокойством описывали процесс разорения и вытеснения фермеров из близлежащих районов в дальние зоны, жители города лишались привычной среды обитания⁸⁷.

Рост торговли, победа фритредерства в боливийской политике начиная с 70-х годов привели к серьезным социальным катаклизмам в удаленном Санта-Крусе. Эти процессы, прежде всего рост европейского импорта вели к разорению местных ремесленников, к постепенной эрозии патриархальных устоев в Санта-Крусе, к недовольству народных низов положением дел в стране и в городе. В обстановке кризиса и недовольства на политической арене Санта-Круса появилась фигура Андреса Ибаньеса.

Ибаньес родился в Санта-Крусе 7 февраля 1844 г. в семье местных знатных креолов. На него и его сторонников большое влияние оказала Парижская коммуна с ее проектом социалистического федерализма и муниципальной автономии⁸⁸. Ибаньес проповедовал идеи равенства, децентрализации

⁸⁶ AHDHVM. Caja 163. Fondo notarial Francisco Antonio Montero. 1861. F. 505. P. 17, 18, 35, 36, 39.

⁸⁷ La Estrella del Oriente. Santa-Cruz. 14.03.1864. N 6. P. 1.

⁸⁸ Romero Pittari S. Copetudos y sin chaqueta: la revolución federal de Andrés Ibáñez // Historia y Cultura. 1985. N 5. La Paz, 1985. P. 167–169.

государства, граничащие с анархизмом. Соратник Ибаньеса Карлос Мелкиадес Барбери был поклонником европейской социалистической мысли. Он публиковал в местных газетах подробные изложения идей Фурье, Кабе, Прудона⁸⁹. Барбери в 60-е годы возглавлял газету «La Montaña» (Гора), названную в честь якобинской Горы. Она была предшественницей «Общества равенства».

Во время избирательной кампании в конгресс 1874 г. Ибаньес и Барбери основали «Клуб (Общество) равенства». Лозунгом клуба стал девиз Ибаньеса, выдвинутый во время избирательной кампании: «Мы все равны». Благодаря поддержке ремесленников Ибаньес стал победителем на выборах. За него проголосовало большинство имевших право голоса, а значит, не только ремесленники, но и часть зажиточных креолов⁹⁰.

После выборов на Ибаньеса ополчились местные власти, обвинявшие его в подготовке мятежа. Он был вынужден бежать из города, укрывшись в поместье своего отца, а затем и в окрестных лесах. К нему присоединились 200 его сторонников. Так возникло партизанское движение игуалитариев. Клуб же подвергся гонениям, хотя и не был закрыт. Он поддерживал корралистскую партию.

Во время восстания корралистов в Ла-Пасе в 1875 г. отряд Ибаньеса подошел к Санта-Крусу, намереваясь захватить его силой. Однако в двух сражениях повстанцы были разбиты. В последнем бое у Пасос-де-лос-Поророс часть отряда перешла на сторону противника, что привело к полному разгрому. Ибаньесу чудом удалось скрыться. Уже после этих событий власти стали называть Ибаньеса коммунистом. Газета «El Cometa» писала: «Этот коммунистический клуб под лозунгом свободной ассоциации пытается повторить дела своих единомышленников из Ла-Паса (Корралы. – А.Щ.), хочет установить здесь казарменный режим»⁹¹.

В феврале 1876 г. Фриас объявил амнистию по всем политическим преступлениям и назначил всеобщие выборы на май 1876 г. «Клуб равенства» возобновил свою деятельность. Его ряды стремительно росли: в апреле на собрании в доме Барбери присутствовали 600 человек. Была создана Руководящая хунта Партии Равенства во главе с Барбери и Ибаньесом. Игуалитарии установили новую структуру партии, что было первой в истории Боливии попыткой организовать четкую территориальную систему партийных ячеек. Город был разделен на 4 района, в которых 8 активистов-руководителей (по 2 на район) были обязаны поддерживать связь с членами партии и информировать их о всех решениях Руководящей хунты. Партия приняла новую символику. Белый флаг стал знаменем движения⁹².

На объявленных Фриасом президентских выборах игуалитарии поддержали кандидатуру Дасы. Им импонировали речи Дасы, напоминавшие знаменитые выступления народного каудильо, президента М.И. Бельсу (1848–1855) в поддержку простого народа. В ходе предвыборной борьбы

⁸⁹ La Estrella del Oriente. 11.07.1864. N 16. P. 2–3.

⁹⁰ Щелчков А.А. «Революция равенства» в Санта-Крус, Боливия. (1876–1877) // Латиноамериканский исторический альманах. 2009. № 9. С. 43–76.

⁹¹ El Cometa. Santa-Cruz. 08.05.1876.

⁹² El Estandarte del pueblo. Santa-Cruz. 26.04.1878. N 3. P. 3–4.

игуалитарии попытались сформулировать свою собственную программу, суть которой состояла в демократизации через муниципализацию и децентрализацию власти. В федерализации Боливии они видели гарантию от деспотического диктата центра⁹³.

Уравнительные лозунги игуалитариев провоцировали обвинения в коммунизме. Описавший их движение священник Лара утверждал, что главным тезисом игуалитариев была экспроприация половины имущества у немногих богатых крусеньо (жителей Санта-Круса), чье число не достигало 200 человек, и его раздача многочисленной бедноте. В адрес клуба и Ибаньеса сыпались обвинения в коммунизме⁹⁴.

Когда Даса совершил переворот, известия из столицы не успели прийти в Санта-Крус, и выборы состоялись в назначенный срок. Они принесли сокрушительную победу Дасе, а следовательно, и игуалитариям. Даса получил 1133 голоса против 217, поданных за его соперника кандидата «красных» Х.М. Сантиваньеса⁹⁵.

Казалось бы, Ибаньес и его сторонники должны были рассчитывать на благодарность нового президента. Однако новые назначения скорее свидетельствовали о его враждебности. За Ибаньесом прочно закрепилась репутация коммуниста и федералиста, что отпугивало политиков в центре. Так или иначе, Даса назначил начальниками в Санта-Крус врагов Ибаньеса. Новые власти пошли на закрытие «Клуба равенства» и арестовали его президента Барберри. Ибаньес вновь был вынужден скрываться в лесах.

Однако вскоре он получил письмо от властей, полное лести и предложений о сотрудничестве. Ибаньес вернулся в Санта-Крус, триумфально встреченный его жителями. Через несколько дней, 29 августа его арестовали («во имя безопасности департамента»). Его заковали в кандалы как самого отъявленного бандита и собирались отправить в Ла-Пас на суд. Тюремщики имели приказ: при малейшей опасности или народном волнении немедленно расстрелять заключенного.

1 октября 1876 г. солдаты гарнизона восстали, требуя выплаты жалованья. Военный мятеж перерос в народное восстание. Ибаньес был освобожден, а власти бежали. На следующий день 2 октября собрался городской сход, на который пришли около 700 человек, которые затем подписали манифест «Акт народа», в котором Ибаньесу передавались полномочия управлять департаментом в соответствии с принципами игуалитариев⁹⁶.

3 октября Ибаньес издал обращение к жителям Санта-Круса. Он оправдывал свое решение принять власть над департаментом своей постоянной борьбой с тиранией за права личности. Далее Ибаньес сделал напугавшее всех заявление, ставшее программой всей революции. Он сказал: «Равенство в собственности – вот главное решение народа. Предпримем же усилия, чтобы приблизить это равенство в имуществе и станем самой достойной час-

⁹³ El Demócrata. Santa-Cruz. 04.05.1876. N 6.

⁹⁴ El Estandarte del pueblo. 26.04.1878. N 3. P. 2.

⁹⁵ El Club Constitucional. Santa-Cruz. 12.05.1876. N 4.

⁹⁶ Defensa de la revolución del Doctor Andrés Ibáñez, victimado con sus principales colaboradores, por el General Carlos de Villegas en San Diego de Chiquitos, República de Bolivia. Tacna, 1877. P. 10–12.

тью нашей страны»⁹⁷. Это заявление вызвало ужас у зажиточных горожан. Начался их исход из города.

Главной и требующей немедленного решения проблемой оставались долги государства военным. Именно она стала поводом для восстания 1 октября. Ибаньес раздал практически все свои личные средства. Однако задержка выплат составляла 6 месяцев, а сумма была гигантской для Санта-Круса — 39 тыс. песо. 9 октября 1876 г. Ибаньес созвал народное собрание, на котором предполагалось решить проблему выплаты задолженности армии. В соответствии с убеждением Ибаньеса, что власть должна осуществляться через народное представительство на самом низу, он считал необходимым решать основные вопросы жизни города на общих сходах. Однако по главной проблеме собрание ничего не решило. Тогда, после совещания Ибаньеса со своими сторонниками-игуалитариями было принято решение обратиться к населению с призывом добровольно сдавать деньги на покрытие долгов. Надо отдать должное энтузиазму игуалитариев: в относительно бедном городе удалось получить добровольных взносов на 1500 песо⁹⁸.

У Ибаньеса не было иного способа удовлетворить требования военных, освободивших его из тюрьмы и вручивших ему власть, как прибегнуть к насильственным займам и изъятиям ценностей. Общая сумма конфискаций достигла 48 110 песо⁹⁹. Важно отметить, что большую часть суммы дали откупщики налогов и десятины в счет будущих поступлений, что было широко распространенной практикой в Боливии в те годы. Ибаньес обложил контрибуцией враждебную ему креольскую торговую и скотоводческую верхушку. 8560 песо были получены в виде денежных взысканий от богатых граждан¹⁰⁰.

Эти акции игуалитариев вызвали обвинения в коммунизме. В Боливии Ибаньеса поддержали газеты ремесленников. Остальная пресса зывала к расправе над этим «повтором Коммуны», цитировали фразу Ибаньеса о «равенстве в собственности как главном решении народа». Игуалитарии декларировали борьбу с неравенством и собственностью во имя создания в будущем более достойного общества. Народные массы поддерживали их лозунги против собственности и привилегий. Жители Санта-Круса традиционно считали, что вся земля должна находиться в общем пользовании и болезненно воспринимали нововведения и ограничения капиталистической эпохи, когда частная собственность брала верх над традиционным правом.

В Рождество 1877 г. игуалитарии и солдаты вновь подняли восстание. Была разыграна театральная сцена: солдаты ворвались в дома Ибаньеса и других уважаемых граждан и «силой» привели их на площадь, где была провозглашена Федерация. Восставшие созвали народное собрание, куда помимо игуалитариев «пригласили» аристократов, нотаблей города. Ибаньес говорил не о социальном равенстве и справедливости в распределении богатства,

⁹⁷ Proclama a los habitantes del departamento. Santa-Cruz. 03.10.1876.

⁹⁸ Durán Ribera E., Pinckert J.G. La revolución igualitaria de Andrés Ibáñez. Santa-Cruz, 1988. P. 103.

⁹⁹ Defensa de la revolución del Doctor Andrés Ibáñez... P. 31.

¹⁰⁰ Kramer P. General Carlos de Villegas (estudio histórico-biográfico). La Paz, 1898. P. 107.

что слышали от него ранее, а о забвении правительством интересов восточных земель и вреде унитарной республики. На собрании была образована Высшая хунта Восточного федерального государства (штата). Это был поворотный пункт в движении игуалитариев.

Федерализм Ибаньеса был необычен, ибо являлся лишь комплементарным элементом в эгалитарной программе, переключившийся с федерализмом Прудона. Этот факт был причиной, по которой другие боливийские федералисты отмежевались и даже осудили движение. Главный пропагандист федерализма в Санта-Крус Феликс Леонор Рибера резко осудил революцию Ибаньеса, которая вдохновлялась принципами муниципальной автономии, примером Коммуны и даже анархизма¹⁰¹.

Памятник Андресу Ибаньесу

Для укрепления своей власти в департаменте, где только Чикитания поддерживала федерацию, Ибаньес организовал военную экспедицию во второй по величине город Вальегранде. 27 января отряд Ибаньеса вышел из Санта-Круса. Поход отряда Ибаньеса, состоявшего в основном из преданных ему ремесленников-игуалитариев, был очень успешным. У Самаипаты они разбили местную национальную гвардию и в первых числах февраля заняли Вальегранде. Отпраздновав в занятом городе победу ярким карнавалом, Ибаньес буквально через несколько дней спешно его покинул, получив известие о приближении правительственных войск, во много раз превосходивших игуалитариев. Во главе экспедиции стоял военный министр генерал Карлос де Вильегас.

По возвращении в Санта-Крус через десять дней Ибаньес принял решение перейти к партизанской борьбе. 3 марта он выпустил последнее распоряжение Федеральной хунты об отступлении на восток, а народ созывался на собрание для решения текущих дел на период отхода войск игуалитариев. В тот же день Ибаньес и 300 плохо вооруженных людей покинули город, направившись в сторону бразильской границы. Отступление превратилось в беспорядочное бегство. Войско Ибаньеса таяло на глазах. Не было и речи о переходе к партизанской борьбе. Целью Ибаньеса и его ближайших сторонников было убежище в Бразилии.

9 марта 1877 г. войска Вильегаса вошли в Санта-Крус. Все симпатизировавшие игуалитариям подвергались гонениям. Многих наказывали кнутом,

¹⁰¹ Durán Ribera E., Pinckert J.G. P. 120–127.

высылали из города. Войска преследовали уже безоружных игуалитариев, расстреливали самых активных участников революции. По жестокости и репрессиям подавление революции Ибаньеса является беспрецедентным в боливийской истории XIX в.

Креольская верхушка объявила Ибаньеса коммунистом и требовала расправы над ним и его сторонниками. Он и его ближайшие соратники были схвачены в конце апреля в местечке Сан-Диего вблизи бразильской границы. 1 мая 1877 г. все пленные были расстреляны. Так закончился самый удивительный социальный эксперимент в истории Боливии XIX в.

«Революция равенства» в Санта-Крусе была ответом на разрушение традиционного уклада и ценностей в этом удаленном районе Боливии. Исключительно местные, локальные мотивы, прежде всего противостояние креольской верхушки и широких народных масс сочетались с увлечением молодых крусеньо во главе с Андресом Ибаньесом ставшими тогда популярными социал-христианскими и социалистическими идеями. Борьба с собственностью, за равенство и достойное существование простого народа предполагало возврат к недавнему прошлому, когда вся земля в Санта-Крусе находилась в общем владении, когда не было частной собственности на землю, а бедные не были так бедны, а богатые столь богаты. К социально-политическому конфликту добавилась борьба за федерацию как способ оградить Санта-Крус от разрушающего традиционный уклад жизни фритредерского капитализма. Сепаратизм и федерализм были лишь дополнительным фоном в этом социальном конфликте.

ТИХООКЕАНСКАЯ ВОЙНА. СЕЛИТРА НА ВЕС КРОВИ

С момента обретения независимости испанскими колониями Америки пустыня Атакама мало интересовала и Боливию, и Чили. Никто толком не знал, где заканчивается Чили, а где начинается Боливия. Чилийская Конституция 1833 г. признавала пустыню Атакаму территорией соседней Боливии. Хотя Боливия имела свой порт на побережье – Кобиху, большая часть торговцев и путешествующие пользовались перуанскими портами, в первую очередь Арикой. Ситуация изменилась в 60-е годы с обнаружением на этой территории огромных залежей гуано и селитры. Обе страны сразу же стали претендовать на всю территорию пустыни. Боливия утверждала, что ее территория простирается до 25° южной широты, а Чили требовала границу по 23°.

Противоречия между странами обострились, когда в 1861 г. Чили оккупировала боливийский порт Мехильонес. Боливийский конгресс в 1863 г. даже разрешил президенту Х.М. Ача в случае необходимости объявить войну Чили. Авантюра Испании, которая захватила в 1864 г. перуанские острова Чинчас, а ее флот бомбардировал Вальпараисо, в корне изменила ситуацию. Боливия в знак солидарности присоединилась к антииспанской коалиции.

Помимо селитры и гуано боливийская территория привлекала другими полезными ископаемыми. В 1872 г. были открыты богатые залежи серебра в Караколес. Атакама интересовала как чилийских предпринимателей, тесно связанных с английским капиталом, так и чилийских рабочих, искавших высоких заработков на селитряных копях и в рудниках на севере.

Договор 1866 г., заключенный при диктатуре Мельгарехо, передвигал границу на один градус южной широты на север. Граница устанавливалась по 24°, но все доходы (налоги и пошлины) от добычи гуано, селитры, других минералов на территории между 24° и 23° делились между двумя государствами поровну. В 1872 г. президент А. Моралес склонялся принять чилийское предложение продать территорию до 23° южной широты, но под шквалом критики был вынужден отказаться. В 1874 г. был заключен новый договор с Чили, который подтвердил положения договора 1866 г., добавив положение о неизменности налогообложения чилийских компаний в течение 25 лет.

В условиях падения уровня цен на серебро экспорт селитры представлялся боливийским правителям единственным перспективным источником дохода. Однако богатство Литорала находилось в руках чилийских капиталистов. Обязательство Боливии по договору 1874 г. не увеличивать в течение 25 лет тарифов на экспорт селитры в обмен на признание со стороны Чили границы по 24° южной широты не устранило опасности аннексии всего побережья. К 1878 г. экспорт селитры из боливийского Литорала достиг 28 млн песо, в 14 раз превышая все доходы боливийского государства. Половину поступлений боливийской казны давали налоги на селитру. Правительства Фриаса и Бальивиана понимали значение побережья и подчеркивали необходимость защиты национальных интересов в Литорале. Но этот департамент

давно превратился в чилийскую колонию: в 1876 г. в Антафагасте проживали 4530 чилийцев и только 419 боливийцев, а в 1878 г. население увеличилось до 6554 чилийцев против 1226 боливийцев. Чилийцы были объединены в «Общество Родины», которое обладало реальной властью в Литорале и стало главным поборником аннексии побережья¹.

Экспансия и причины войны лежали на поверхности: побережье географически было более связано с Чили, заселялось и осваивалось чилийцами. Чилийская экономика, капитал и государство нуждались в доступных ресурсах для развития, центр Чили испытывал напряжение сельского перенаселения. Внешняя экспансия Чили по побережью на юг и на север вытекала из всей логики ее развития.

Чили постоянно продвигалась на север и физически, и политически, и юридически. Боливия же шла от одной уступки к другой. Чили по социально-экономическим и демографическим показателям с состоявшейся прочной политической системой была сильнее своих возможных противников – Перу и Боливии. В Перу проживали 2,5 млн человек, в Боливии – 1,3 млн, а в Чили – 2, 25 млн². Однако большинство перуанцев и боливийцев были индейцами, порой даже не говорившими на языке правящего класса, не разделявшими его культурных и социальных идеалов, не желавшими воевать за их интересы, в то время как чилийская нация была более сплоченной, расово однородной. Это была сформировавшаяся современная гражданская нация, что составляло главную силу Чили.

Селитра также лежала в основе противоречий между Чили и Перу. Это было главное богатство региона. Между тем Перу в 1873–1875 гг. ввело государственную монополию на производство и продажу селитры, что жестко ударило по интересам английских и чилийских компаний, работавших на селитряных коях в провинции Тарапака. Чилийцам и англичанам там принадлежало 32% всех предприятий. Пострадавшие от мер перуанского правительства стали главными энтузиастами возможной захватнической войны³. Английские интересы были на стороне Чили, и поддержка со стороны Англии выглядела столь очевидной, что даже госсекретарь США Джеймс Блэйн назвал Тихоокеанскую войну английской войной⁴.

Экспансия Чили на север, ее мощные армия и флот вызывали оправданное беспокойство ее соседей – Перу и Боливии. Обе страны искали союза для противостояния южному соседу. 6 февраля 1873 г. они подписали тайный договор о союзе, к которому рассчитывали подключить Аргентину, у которой тогда был острый территориальный спор с Чили в отношении Патагонии и Магелланова пролива. Это был военный античилийский союз.

В 1878 г. перед лицом финансовых проблем правительство Дасы решило повысить налоги и пошлины на добываемое в стране сырье. 14 февраля был принят закон о дополнительном налоге в 10 сентаво на каждый кинтал (примерно 46 кг) вывезенной селитры. Это затрагивало в первую очередь

¹ *Dunkerley J. Orígenes del poder militar. Bolivia. 1878–1935. La Paz, 2003. P. 33.*

² *Sater W. Andean Tragedy. Fighting the War of the Pacific, 1879 – 1884. Lincoln, 2007. P. 8–12.*

³ История Перу с древнейших времен до конца XX века. М., 2000. С. 237–238.

⁴ *Abecia Baldivieso V. Las relaciones internacionales en la historia de Bolivia. T. 2. La Paz, 1979. P. 12.*

«Антафагастскую селитрянную и железнодорожную компанию», принадлежавшую чилийскому и английскому капиталу⁵. Эта фирма получила массу налоговых и иных привилегий во времена правления Мельгарехо, но после его свержения боливийский парламент аннулировал все акты диктатора, в том числе и касавшиеся этой компании⁶. Чилийские историки придают большое значение налогу в 10 сентаво, перечисляя причины войны, в то время как боливийские подчеркивают его второстепенность, ибо Антафагастская компания даже не была полностью чилийской. Этот налог был поводом и приводным ключом не только кризиса чилийско-боливийских отношений, но и удара по Перу⁷.

Чилийское правительство, ссылаясь на договор 1874 г., добилося от Дасы отмены решения о дополнительном налоге. Чилийцы предложили арбитраж в этом споре (дополнение 1875 г. к договору от 1874 г. предусматривало эту меру в случае разногласий) при условии предварительной отмены закона о дополнительном налоге, так как в этот момент их отношения с Аргентиной также осложнились из-за территориальных споров, и чилийцы не желали идти на решительные меры. 1 февраля 1879 г. Даса принял условия арбитража и подписал декрет, отменявший закон февраля 1878 г., но одновременно разрывавший контракт на концессию с Антафагастской компанией, а собственность копей объявлялась боливийской и подлежала распродаже с публичных торгов для покрытия налогового «долга» компании в 98 тыс песо⁸. 8 февраля 1879 г. чилийцы выдвинули 48-часовой ультиматум для отмены всех этих незаконных, с точки зрения Чили, актов и восстановления статус-кво для начала арбитража. Не получив удовлетворения, чилийский посол покинул Боливию⁹.

12 февраля 1879 г. Чили объявила, что разрывает договор о границе 1874 г., а в заявлении МИД Чили говорилось, что страна возвращает всегда принадлежавшие ей земли, добровольно уступленные Боливии по договору 1866 г.¹⁰

Историк Уильям Сатер обратил внимание на роль чилийско-аргентинского спора по поводу конфликта с Боливией. Дело в том, что Чили пошла на уступки Аргентине. Это было встречено с крайним недовольством общественным мнением в Сантьяго. Президент Пинто не мог уступить в казавшемся незначительным споре с Боливией. Вместе с тем боливийский президент Даса был уверен, что как и в случае с Аргентиной, чилийцы не пойдут на обострение конфликта¹¹.

Накануне военных испытаний Боливия находилась в плачевном состоянии. К хронической финансовой несостоятельности государства добавились невиданные по своим масштабам стихийные бедствия. В 1877–1878 гг. страна пережила страшную засуху, за которой последовал голод и эпидемия

⁵ Компания была создана в 1872, две трети капитала принадлежала чилийцам, треть англичанам.

⁶ Valencia Vega A. Historia política de Bolivia. T. 5. La Paz, 1986. P. 1282.

⁷ Abecia Baldívieso V. Op. cit. T. 2. P. 15–16.

⁸ Oblitas Fernández E. Historia secreta de la Guerra del Pacífico. Sucre, 1983. P. 134.

⁹ Abecia Baldívieso V. Op. cit. T. 2. P. 62.

¹⁰ Caivano T. Historia de la Guerra de América entre Chile, Perú y Bolivia. Florencia, 1883. P. 38.

¹¹ Sater W. Op. cit. P. 40–43.

малярии. Города наполнились нищими из сельской местности, спасавшимися от неминуемой голодной смерти¹². Более того, Боливия катастрофически отставала в своем развитии от соседей: она не имела ни железных дорог, ни телеграфа. Шансов успешно противостоять Чили не было.

В Чили же также сложилась сложная ситуация после нескольких лет неурожаев. Снижение цен на серебро привело к катастрофическому падению добычи на рудниках Караколес. Экспорт меди сократился на 30%, многие рудники закрылись. Тысячи безработных составляли большую проблему, и война представлялась самым простым способом исправить положение. Только селитра продолжала давать стабильные доходы¹³.

14 февраля 1879 г. 2 тыс. чилийских солдат на двух кораблях после предупредительного артиллерийского огня без какого-либо сопротивления заняли порт Антафагасты, где было только 60 боливийских полицейских. Сначала чилийские военные выслали парламентаря с требованием сдачи города, но затем высадились, даже не дожидавшись ответа и возвращения на корабли своего переговорщика¹⁴. Военных с энтузиазмом поддержало чилийское население города. Командующий этими солдатами получил от чилийского военного министерства инструкции, в которых утверждалось, что данная акция имеет целью заставить Боливию уважать положения договора 1874 г.¹⁵ Вряд ли президент Пинто пошел бы на объявление войны соседнему государству только ради защиты интересов одной компании¹⁶. Целью Чили была аннексия всего богатейшего побережья Боливии.

Перу попыталось стать посредником в конфликте, и в Сантьяго отправился на переговоры Хосе Антонио Лавалье. Он предложил Чили вывести войска с боливийского побережья, а спорные вопросы отдать в арбитраж. Чили соглашалась на арбитраж вопроса о принадлежности территории между 24° и 23° южной широты, которая по договору 1866 г. однозначно признавалась боливийской, и только доходы от добычи ископаемых делились между государствами, но отказывалась вывести войска. Кроме того, чилийцы потребовали от Перу объявить о своем безусловном нейтралитете, на что перуанцы попросили время для рассмотрения этого вопроса парламентом.

Даса, выступая в Ла-Пасе, 18 марта объявил о состоянии войны с Чили¹⁷. В Боливии все партии («красные» и демократы Корраля) поддерживали курс на войну. В прессе поднялась волна шовинизма: газеты писали о чилийской армии, состоящей из «пигмеев, проституток и уголовников»¹⁸.

¹² *Querejazu Calvo R.* Guano, salitre, sangre. Historia de Guerra del Pacifico (la participación de Bolivia). La Paz, 1992. P. 215–217.

¹³ *Dunkerley J.* Op. cit. P. 35.

¹⁴ *Peña A. Lillo.* Bolivia prisionero geográfico de América: su reivindicación. La Paz, 1980. P. 148.

¹⁵ *Querejazu Calvo R.* Op. cit. P. 237.

¹⁶ Отметим, что, овладев боливийским побережьем, в сентябре этого же года Чили ввела новый налог в 40 сентаво, а через год увеличило его до 1, 60 песо за каждый кинтал, и Антафагастская компания даже потребовала от правительства соблюдения положений договора компании с боливийским правительством от 1873 г. – *Oblitas Fernández E.* Op. cit. P. 137.

¹⁷ В боливийской историографии преобладает утверждение, что формально Боливия не объявляла войну Чили, а Даса лишь говорил о военном кризисе в Литорале.

¹⁸ *Dunkerley J.* Op. cit. P. 41.

С 1 марта 1879 г. все чилийцы должны были покинуть территорию Боливии, а их недвижимая собственность и предприятия передавались государству. Доходы от рудников и других предприятий, принадлежавших чилийским гражданам, а таких было много в горной отрасли, на время войны шли в государственную казну¹⁹.

Воспользовавшись фактическим отказом Перу немедленно объявить нейтралитет, 5 апреля 1879 г. Чили объявила войну и Боливии, и Перу, заявив, что заняло лишь то, что ему ранее принадлежало, но было добровольно передано Боливии, а теперь оно восстанавливает историческую справедливость²⁰.

Соотношение военных сил было явно в пользу Чили, которая к началу конфликта имела армию в 13 тыс. человек, против 4 тыс. у Перу и 1,5 тыс. у Боливии²¹. Чили и Перу обладали военным флотом. У Боливии была только одна легкая парусная бригаantina «Сукре» и более мелкие суда²². Однако главная проблема Боливии заключалась в отсутствии вооружения. Даже если бы страна мобилизовала значительную армию, ее нечем было вооружить. Нарсисо Камперо, формируя свою дивизию на юге, в Котагаита, закупил оружие, но патроны не соответствовали калибру ружей²³. Перуанские союзники также не могли быстро решить эту проблему Боливии. Даса 27 февраля издал декрет о призыве в национальную гвардию²⁴.

Существенной проблемой армий Перу и Боливии являлось профессиональное состояние офицерского состава. Это были «преторианские» армии, умевшие лишь защищать то одного, то другого каудильо. Причем боливийская армия, по мнению наблюдателей, была даже более боеспособной, чем перуанская²⁵. Правда, это преимущество вытекало отнюдь не из-за обученности или тактического мастерства офицеров. Перуанский консул в Потоси утверждал: «Преимущество боливийской армии перед нашей состоит лишь в том, что в ней больше дисциплины, чем в какой-либо иной армии, так как солдат в Боливии не находится под защитой закона – его командир является полным хозяином его жизни»²⁶.

С самого начала конфликта Перу считало, что Боливия должна возместить ему все расходы на ведение войны, так как первопричиной таковой был боливийско-чилийский конфликт. 15 апреля 1879 г. боливийский посол подписал в Лиме протокол, по которому Боливия обязывалась выставить армию в 12 тыс. человек, а Перу в 8 тыс. Кроме того, Боливии надлежало полностью профинансировать войну, возместив расходы Перу²⁷.

После Антафагасты чилийские войска двинулись далее на север, в конце марта заняли порты Кобиху, Токопилью, Мехильонес и в пустыне Караколес.

¹⁹ Herredia I. La concentración del ejército boliviano en la costa peruana con motivo de la Guerra del Pacífico. Lima, 1945. P. 35.

²⁰ Abecia Baldivieso V. Op. cit. T. 2. P. 73.

²¹ Valencia Vega A. Op. cit. T. 5. P. 1290.

²² Peña A. Lillo. Op. cit. P. 152.

²³ Bonilla H. Bolivia. Los dilemas de su participación en la Guerra del Pacífico (1879–1884) // La Guerra del Pacífico. Aportes para repensar su historia. Vol. II. Lima, 2010. P. 62.

²⁴ Querejazú Calvo R. Op. cit. P. 232.

²⁵ Sater W. Op. cit. P. 53–55.

²⁶ Dunkerley J. Op. cit. P. 44.

²⁷ Querejazú Calvo R. Op. cit. P. 282.

Эдуардо Абароа

Ближайший боливийский отряд в 135 человек находился в Каламе. Солдаты были плохо вооружены, и им противостояли 1500 чилийцев. Боливийцы под командой Ладислао Кабреры решили защищать Каламу и отвергли предложение сдаться. В бою отличился ставший национальным героем Боливии житель Каламы Эдуардо Абароа, который несколько часов защищал мост, ведущий в город, и погиб, отказавшись сдаться. После взятия Каламы весь департамент Литораль был оккупирован чилийскими войсками.

После объявления войны Перу основные цели чилийцев перебазировались с боливийского побережья на юг Перу, также богатый селитрой и гауно. Перуанцы, как и чилийцы стремились стать монополистами на рынке селитры²⁸. Это война велась за селитру. Боливия отошла на второй план. Старая чилийско-перуанская вражда вылилась в полномасштабную войну за ресурсы

и доминирование в регионе. Чилийские интересы поддержал английский капитал, чаще всего действовавший через чилийские фирмы, и цель состояла в занятии всего побережья вплоть до Такны.

Сразу после объявления войны Перу Чили стала искать возможность расколоть перуанско-боливийский военный союз, предлагая Боливии в обмен за предательство перуанские порты Арику, Ило, Мольендо, доступ к которым географически был более удобен для Боливии, чем ее собственное побережье. Даса, в свою очередь, тайно искал контакты с чилийским правительством²⁹. С посредническими миссиями выступили чилийский инженер Хустиниано Сотомайор, работавший в чилийских фирмах в Боливии, и боливийцы Луис Салинас Вега и Габриэль Рене Морено.

К переговорам в качестве ключевого посредника, передавшего формальное письмо чилийских властей Дасе, был привлечен внешне нейтральный, известный боливийский историк Габриэль Рене Морено, проживавший тогда в Сантьяго³⁰. 20 мая 1879 г. Морено получил от министра иностранных дел Чили Доминго Санта-Марии пакет с предложениями, названными «Основы урегулирования». Морено доставил их Дасе в Такну.

Чилийские предложения содержали следующие пункты. Во-первых, Боливия восстанавливает отношения с Чили и объявляет войну Перу. Во-вто-

²⁸ Sater W. Op. cit. P. 39.

²⁹ Querejazu Calvo R. Op. cit. P. 316.

³⁰ Данное тайное поручение Дасы стоило Морено несправедливых обвинений на родине в предательстве. — Moreno G.R. Daza y las bases chilenas de 1879. Sucre, 1881. P. 1–2.

рых, Боливия уступает Чили свое побережье между 23° и 24° южной широты. В-третьих, Боливия в результате войны получит выход к морю за счет перуанских территорий. Чили обещала военную и финансовую помощь, обещавшись не заключать сепаратного мира, пока не будут достигнуты цели Боливии.

Внутри Боливии существовала прочилийская партия, желавшая во что бы то ни стало найти мирное решение конфликта. Это были влиятельные горнопромышленники, связанные с чилийским капиталом. Эту партию возглавлял Анисето Арсе. В Чили также была влиятельная проболивийская партия. Так, видный предприниматель и президент палаты депутатов конгресса Мельчор Конча и Торо был владельцем акций боливийского рудника Уанчака и опасался конфискации своей собственности в случае войны. Он даже предложил 2 млн песо своему правительству, чтобы оно вернулось к статус-кво и уважало границу с Боливией 1874 г.³¹

Даса, хотя и намекал на готовность соглашения с Чили и даже торговался о денежном возмещении со стороны Перу и просил после войны отдать Боливии два перуанских корабля, официально отверг все предложения и, более того, разгласил тайные цели переговоров³². Несмотря на это, сам факт контактов и предложений примирения за счет Перу усилил взаимное недоверие союзников друг другу. Хотя было уже ясно, что главной целью Чили является не Боливия, а Перу, было бы неслыханным коварством предать союзника, который верный своим обязательствам вступил в войну.

Первый этап войны после захвата боливийской территории был морским. Чили, прежде чем перевозить по морю на столь большое расстояние огромную армию, так как по пустыне пройти не представлялось возможным, необходимо было уничтожить перуанский флот. Военные действия на море развернулись между перуанским и чилийским флотами и шли с переменным успехом, что задержало армию вторжения. Однако в конце концов победу на море одержала Чили, которая теперь могла войти в пределы Перу. Потеря флагмана перуанского флота «Уаскара» – факт поражения Перу на море нанесла сильный удар по моральному духу боливийской армии³³. Первоначально Даса придерживался тактики оборонной войны, т.е. защиты боливийского Альтиплано, где боливийцы чувствовали себя уверенно³⁴. С вступлением в войну Перу боливийская армия должна была присоединиться к союзной перуанской армии.

30 апреля отобилизованная боливийская армия числом в 8 тыс. солдат под предводительством президента генерала Илариона Дасы прибыла в Такну (как выразился сам Даса, армия «прилетела» в Такну по призыву Перу, правда, «летела» она 12 дней). Моральный настрой боливийских солдат был низок: они не понимали, почему должны воевать за Перу³⁵. Вплоть до августа армия стояла без дела у Такны, проводя время в парадах, демонстрациях взаимного уважения перуанского и боливийского командования. Кроме

³¹ *Sater W.* Op. cit. P. 38.

³² *Moreno G.R.* Op. cit. P. 5.

³³ *Herredia I.* Op. cit. P. 63.

³⁴ *Querejazú Calvo R.* Op. cit. P. 280.

³⁵ *Bonilla H.* Op. cit. P. 62–63.

Боливийские офицеры времен Тихоокеанской войны

того, большая часть войск не имела соответствующего вооружения, ожидая прибытия закупленного оружия и боеприпасов³⁶. Боливийцы отказались от транспортировки по морю из Арики в Икике для обороны города, так как опасались атаки чилийского флота³⁷. Армия стояла в удалении от района боевых действий, ожидая пока противник сам прибудет к Арике.

Боливийский план состоял также в наступлении на «южном фронте», в Атакаме. В Потоси из добровольцев была создана 3-тысячная Пятая дивизия под командой Нарсисо Камперо, которая должна была вторгнуться на территорию боливийского Литорала. Цель дивизии состояла в освобождении Каламы. Им противостояли серьезные силы противника в 1400 человек, который пытался проникнуть далее на восток, в глубь боливийской территории. В ноябре чилийцы взяли Канчас-Бланкас, непосредственно угрожая руднику Уанчака и далее Потоси и Сукре. Чилийцам удалось добиться поддержки местных индейцев, которым объявили об отмене подушной подати – трибута. 12 ноября 1879 г. чилийский отряд у Канчас-Бланкас был разбит боливийскими войсками³⁸. Это положило конец попыткам чилийцев проникнуть в глубь боливийской территории.

³⁶ *Birbuet España M.* Recuerdos de la Campaña de 1879 (manuscrito inédito). La Paz, 1986. P. 30–31.

³⁷ *Herredia I.* Op. cit. P. 53–60.

³⁸ *Peña A. Lillo.* Op. cit. P. 169–171.

3 декабря боливийцы дошли до Чиу-чиу на территории Атакамы. Занимавший поселок чилийский отряд отошел. Целью боливийского отряда была Калама. На пути к ней боливийцы разбили 6 декабря при местечке Тамбильо небольшой отряд чилийцев, захватив 19 пленных и некоторое вооружение, на следующий день заняли Сан-Педро-де-Атакама. Чилийцы избегали столкновений, но боливийцы не могли долго продержаться в пустыне без подкреплений и снабжения. Войска покинули Атакаму и вернулись на Альтипано. Таким образом, дивизия генерала Нарсисо Камперо так и не нашла противника в пустыне³⁹.

2 ноября экспедиционный чилийский корпус в 10 тыс. человек высадился в порту Писагуа, который защищали 900 человек, в основном боливийские солдаты, но после 8-часового боя они были разбиты. Боливийцы храбро и умело сражались против в десять раз превосходившего противника; по словам командира перуанцев, они воевали «с бесстрашием и спокойствием», а «флибустьеры Америки (чилийцы) получили кровавый урок». Потери боливийского батальона «Виктория» составили 298 убитых из всего 498 солдат⁴⁰.

Перуанцы под предводительством генерала Буэндии и боливийцы под командой Дасы должны были встретить противника у Сан-Франсиско, а другая перуанская армия под командой президента Прадо по договоренности с Дасой также намеревалась отправиться на юг к Икике.

14 ноября Даса со своими войсками числом свыше 3 тыс. человек дошел до Камаронес. Армия была в чудовищном состоянии: Даса перед походом разрешил солдатам взять с собой алкоголь вместо воды, и после нескольких дней в пустыне дезертирство стало массовым⁴¹. 16 ноября на военном совете он принял решение прекратить движение и отступить на север. Даса телеграфировал Прадо, что армия отказывается продолжать поход и возвращается в Такну. Сам Даса объяснял свое неожиданное решение тем, что перуанцы не доставили обещанных артиллерию, снаряды, воду, питание⁴². Известия об отступлении боливийцев деморализовали войска Буэндии, так как теперь расстояние между ними были в два дня пути. Даса в принципе не хотел вести военную компанию в Перу, он считал правильным дать бой в боливийских горах и ударить по чилийцам на юге в районе Каламы⁴³.

Отряд перуанских войск под командой генерала Буэндия потерпел поражение в небольших стычках в Долорес и Сан-Франсиско, после чего разделился на группы и утратил единое командование. Армия фактически развалилась, не дав сражения. Хаос и развал союзных армий так описал участник боя: «Мы, как и все, покинули поле боя, без командиров, не зная куда идти, хотя и не утратив порядка... Играли и играли сбор, перуанцы собрались сами по себе, а боливийцы не реагировали, так как в отрядах не было командиров. Все были уверены, что они бежали первыми и оставили нас на произвол судьбы... Позорное и постыдное бегство при Сан-Франсиско полностью на

³⁹ *Miranda Castañón E.* Éramos una bola perdida en el desierto. Tres ensayos en relación a la Guerra del Pacífico y a las relaciones boliviano-chilenas. La Paz, 2005. P. 36–39.

⁴⁰ *Sater W.* Op. cit. P. 175.

⁴¹ *Dunkerley J.* Op. cit. P. 50.

⁴² *Sater W.* Op. cit. P. 182.

⁴³ *Abecia Baldivieso V.* Op. cit. T. 2. P. 94–95.

совести наших командиров». В беспорядочном отступлении часть солдат, покинутых офицерами, решили возвращаться в Такну, а некоторые направились напрямик в Боливию⁴⁴.

Перуанцы посчитали поведение Дасы предательским и трусливым. Генерал Буэндия считал причиной своего поражения отступление боливийцев от Камаронес⁴⁵. При этом боливийцы упрекали перуанцев в том, что они дали бой малым отрядам превосходящим силам противника, вместо того чтобы отступить совместно к Такне. И так не существовавшее доверие между союзниками было подорвано, а взаимные упреки стали повседневностью.

В этих обстоятельствах гарнизон Икике покинул город, чтобы присоединиться к дезорганизованным союзным войскам. Тем не менее слабым, плохо вооруженным отрядам Буэндия, без артиллерии и кавалерии, удалось у Тарапака одержать первую победу над чилийцами, после чего перуанцы отошли к Арике.

После захвата Икике Чили стала контролировать экспорт перуанской селитры, который не прекращался, несмотря на военные действия. Перу лишилось важнейшего источника доходов для финансирования войны. Для Чили Тарапака была стратегической целью всей войны.

Пока шли малоуспешные военные действия в Тарапаке, в Лиме 23 декабря после неожиданного отъезда в Европу президента Мануэля Прадо власть перешла к Николасу Пьероле. Боливийцы также занялись внутренними склоками. В армии помимо батальона «Колорадос», преданного Дасе, росла оппозиция к президенту, особенно в так называемом Легионе, составленном из добровольцев, исключительно из выходцев из высших слоев. Именно Легион под командой полковника Элиодоро Камачо стал центром армейской оппозиции Дасе⁴⁶. Отступление от Камаронес ему дорого стоило. Его положение во внутренней политике не было прочным. Еще в сентябре 1879 г. в Кочабамбе произошел мятеж, который не имел успеха. Бегство от Камаронеса было воспринято в Боливии как унижение и национальное бесчестие. В Ла-Пасе чоло кричали военным «Viva Chile!»⁴⁷, а в Такне солдаты тренировались в стрельбе по портрету Дасы⁴⁸.

В Такне 27 декабря 1879 г. Элиодоро Камачо сместил Дасу⁴⁹. Камачо обвинил Дасу в желании покинуть театр боевых действий в Перу и вернуться с армией в Боливию, где его власть была под угрозой, а затем готовиться к вторжению на боливийское побережье, оккупированное чилийцами⁵⁰. Переворот в Такне совпал с восстанием против Дасы внутри Боливии, где президентом был провозглашен генерал Нарсисо Камперо, который объявил о выборах в Учредительное собрание для решения дальнейшей судьбы влас-

⁴⁴ *Birbuet España M.* Op. cit. 1879. P. 68–74.

⁴⁵ *Oblitas Fernández E.* Op. cit. P. 215.

⁴⁶ *Dunkerley J.* Op. cit. P. 43.

⁴⁷ «Да здравствует Чили!»

⁴⁸ *Sater W.* Op. cit. P. 207.

⁴⁹ Дасы не было в Такне, он направлялся в Арику на поезде, а преданный ему полк «Колорадос» был заранее отправлен без оружия на реку для стирки одежды, и он не смог повлиять на ход событий.

⁵⁰ *Dunkerley J.* Op. cit. P. 51.

ти⁵¹. Затем он выехал в действующую армию в Такну. С ним прибыли 5 тыс. солдат Пятой дивизии, сформированной на юге страны. Таким образом, число войск союзников достигло 12 тыс. человек.

Даса попытался вернуться в Боливию, чтобы побороться за власть, опираясь на преданный ему батальон «Колорадос», но этому воспрепятствовали перуанские власти, и тогда бывший президент уехал в Европу⁵². Перуанцам была не к чему гражданская междоусобица в союзной стране в условиях войны. Пьерола выразил свое удовлетворение происшедшими у союзников переменами, ибо перуанцы подозревали Дасу в желании выйти из союза⁵³.

Идея Дасы покинуть перуанское побережье, вернуть армию в Боливию и атаковать чилийцев в Каламе и Антафагасте вызывала у перуанцев подозрения, что Боливия может покинуть Перу. После свержения Дасы Камачо и Камперо строго стояли на стороне союза с Перу, а вся армия была собрана в Такне. Общественное мнение Боливии обвиняло Дасу и в позорном отступлении от Камаронес, и в поражении при Сан-Франсиско, и в возможном сговоре с Чили. Камперо и Камачо были популярны, и на них возлагались большие надежды. Между тем стратегия Камперо мало чем отличалась от планов Дасы. Как объяснял сам Камперо, условия пустыни делали невозможным какое-либо наступление, обрекали армию стоять у Такны и ожидать, пока противник не подготовится, не накопит силы и не нападет на нее. Кроме того, по признанию того же Камперо, союзники практически не имели разведки и не знали о намерениях и движениях противника⁵⁴. Таким образом, стратегическая инициатива полностью была уступлена чилийским войскам, чем те и воспользовались.

В Такне и Арике сконцентрировались войска союзников в 12 тыс солдат. Чилийцы же в Тарапака увеличили свои силы до 22 тыс. человек. Их целью был захват Лимы, что могло победно завершить войну. Для кампании против Лимы следовало разбить армии союзников в Арике – Такне. 8 февраля 1880 г. чилийцы сконцентрировали у Писагуа всю свою армию. Их целью был разгром союзной армии.

26 мая 1880 г. на плоскогорье Альто-де-ла-Альянса состоялось решающее сражение: несмотря на четырехчасовое сопротивление, союзники были разбиты почти вдвое превосходящими силами противника. Потери союзников ранеными и убитыми составили 3,1 тыс. человек, чилийцев – 2,3 тыс.⁵⁵. Такну заполнили разбитые и дезорганизованные войска, ее оборона была невозможной, и союзники решили отступать. По словам Камперо, от боливийской армии удалось спасти одну тысячу человек и две пушки. Фактически армии более не существовало⁵⁶. Боливийцы отступили в свои пределы и

⁵¹ Собрание осудило Дасу как предателя, потребовало возбудить дела о предательстве родины против Морено, Салинаса Веги, являвшихся посредниками в переговорах с Чили, но они были оправданы. Даса вернулся в Боливию в 1894 г. и в первый же день был убит.

⁵² *Querejazú Calvo R.* Op. cit. P. 372.

⁵³ *Abecia Baldivieso V.* Op. cit. T. 2. P. 114.

⁵⁴ Informe del General Narciso Campero ante la Convención Nacional de Bolivia, como jeneral en jefe del ejército aliado. (sesión secreta del 13 de junio de 1880). La Paz, 1880. P. 7–9.

⁵⁵ Политическая история стран Латинской Америки в XIX веке. М., 2012. P. 534.

⁵⁶ Informe del General Narciso Campero... P. 23.

Битва при Альто-де-ла-Альянса

более в войне не принимали участия. Военные действия переместились в глубь Перу и шли с неизменным успехом на стороне Чили. Боливия с этого момента превратилась в пассивного зрителя. То, чего долго добивалась Чили на дипломатическом поприще – вывести Боливию из войны, удалось достичь в одном сражении.

Вернувшиеся в Ла-Пас после поражения войска были холодно встречены народом, но Камперо стал героем, ибо решительно действовал в отличие от Даса. Он стал бригадным генералом и был избран конституционным президентом страны⁵⁷.

Союзники все еще надеялись собрать новые силы, чтобы разбить Чили. 11 июня 1880 г. представители Перу и Боливии П.Х. Кальдерон и М. Террасас подписали протокол о создании единого федеративного государства Соединенные штаты Перу и Боливии. Будущее общее государство строилось на федеративных принципах, причем будущие штаты объединяли как часть боливийской, так и перуанской территории, например, объединялись в единый штат Такна и Оруро, Тарапака и Потоси, Бени и Ла-Монтанья⁵⁸. Президентом единого государства должен был стать президент Перу, а вице-президентом – его боливийский коллега. В Перу Пьерола предложил Госсовету принять договор. В Боливии отношение к договору было неоднозначным, так как страна чувствовала свою подчиненную роль в союзе. Фактическое превращение Боливии в федерацию поддерживали федералисты, вскоре составившие основу Либеральной партии⁵⁹. Учредительное собрание приняло подписанный протокол к сведению, но окончательное решение оставило для

⁵⁷ *Bonilla H. Op. cit. P. 64.*

⁵⁸ *Abecia Baldivieso V. Op. cit. T. 2. P. 122.*

⁵⁹ *Dunkerley J. Op. cit. P. 54.*

всенародного голосования. Вскоре Боливии уже не с кем было объединяться, столица Перу была оккупирована, в стране не было единого центра⁶⁰.

6 августа 1880 г. США предложили свое посредничество для окончания войны. Соединенные Штаты Америки категорически осуждали аннексионистские претензии Чили⁶¹. Все стороны приняли предложение, но Чили выдвинула столь неприемлемые условия, что ни Перу, ни Боливия не могли с ними согласиться. В ходе переговоров Чили вновь предприняла попытку вывести Боливию из войны, обещая ей выход к морю за счет Перу. Чили прежде всего хотела сепаратного перемирия с Боливией. Мариано Баптиста, представлявший Боливию на переговорах, ответил отказом, хотя сам лично в отличие от президента Камперо не принадлежал к «партии войны».

17 января 1881 г. пала Лима, и война была перенесена во внутренние районы. Пьерола прибыл в Ла-Пас, где договаривался с Камперо о совместных операциях против чилийцев. 7 июня оба государства подписали договор о ликвидации границ, таможенных пошлин, создании торгового союза. Однако реальность диктовала иное⁶². В декабре 1882 г. Камперо пообещал послать отряд в тысячу человек к Арекипе, ставшей оплотом сопротивления на юге Перу. Однако войска дошли только до границы. Боливийцы не захотели рисковать своими небольшими силами на случай чилийского вторжения в Боливию⁶³.

Казалось, что полная победа Чили в войне обеспечивала ей самые выгодные условия мира. В конце 1880 г. начались переговоры между Боливией и Чили в Такне со все той же повесткой дня со стороны победителя. Чили предлагала будущую поддержку в передаче Арики и Такны Боливии, свободный транзит товаров через чилийские порты, строительство железной дороги между побережьем и Альтиплано – практически все то, кроме Арики и Такны, что войдет в мирный договор 1904 г. Чилийский представитель Эусебио Лильо получил полномочия для подписания перемирия, а вот Баптиста, вновь ведущий переговоры, так и не дождался таковых от Камперо. Баптиста, как и Камперо, опасался одностороннего перемирия с Чили, так как в этом случае Боливия не смогла бы контролировать договоренности между нею и Перу. Переговоры ничем не кончились. А опасения Баптисты полностью оправдались и без подписания перемирия. Перу пошло на одностороннее подписание мира с Чили, а Боливия оказалась ни с чем.

Внутри Боливии Камперо подавил оппозицию прочилийской «партии мира», которую возглавлял вице-президент Анисето Арсе, крупный горно-промышленник, связанный с чилийским капиталом. В январе 1881 г. правительство запретило какие-либо публикации против войны и союза с Перу. В марте 1881 г. Арсе выслали из страны. В своем манифесте в этой связи он писал: «Перу – это нация без крови, без чести и без искренних чувств, ее цель – лишь добиться преимущества над Чили»⁶⁴.

⁶⁰ *Chaupis Torres J.* Perú, Bolivia y Nicolás de Piérola en la Guerra del Pacífico // *la Guerra del Pacífico. Aportes para repensar su historia*. Vol. II. P. 87.

⁶¹ *Los Estados Unidos y el conflicto del Pacífico. Nueva faz en la cuestión según la opinión norteamericana*. Buenos Aires, 1882. P. 3.

⁶² *Abecia Baldivieso V.* Op. cit. T. 2. P. 133–140.

⁶³ *Bonilla H.* Op. cit. P. 62.

⁶⁴ Цит. по: *Bonilla H.* Op. cit. P. 68–69.

Однако все военные приготовления Камперо показали невозможность дальнейшей борьбы и подтвердили резоны «пацифистов». Армия фактически не существовала: после поражения при Альто-де-Ла-Альянсе солдаты по возвращении в Боливию разбрелись по своим домам, прихватив вооружение и амуницию⁶⁵.

После опустошительной войны сформированное чилийцами правительство Перу подписало 20 октября 1883 г. мирный договор в Анконе, признав все завоевания чилийцев, уступив им провинцию Тарапака, а Такна и Арика должны были оставаться под оккупацией в течение 10 лет, а затем их судьбу надлежало решить плебисциту. Это был сепаратный мир, совершенно не принимавший во внимание интересы Боливии.

После выхода Перу из войны и сепаратного мира Боливия под угрозой чилийского вторжения 4 апреля 1884 г. подписала с Чили договор о бессрочном перемирии, оставляя во власти Чили свое побережье. Для Боливии результаты войны были национальной катастрофой: страна лишилась суверенного выхода к морю, утратила богатейшие запасы полезных ископаемых, которые были и остаются (в те годы там еще не были обнаружены самые крупные в мире залежи меди) основой благосостояния и процветания Чили. Боливия понесла страшное моральное поражение, породившее национальный пессимизм и комплекс неполноценности многих поколений боливийцев.

---

⁶⁵ Dunkerley J. Op. cit. P. 56.

ПРАВЛЕНИЕ КОНСЕРВАТОРОВ: ВЫБОРЫ И ДЕМОКРАТИЯ. 1880–1899

Период после окончания Тихоокеанской войны (1879–1881 гг.) до начала «Федеральной революции» 1899 г. был временем господства консерваторов. Именно в этот период, по мнению большинства историков и, в частности, Герберта Клейна, завершилась «эпоха военных каудильо и окончательно утвердилась современная парламентская культура при ограниченном политическом участии и преобладании у власти гражданских политиков»¹.

Боливия и Перу потерпели сокрушительное поражение от Чили в Тихоокеанской войне, что привело к потере Боливией всего своего побережья. Однако в то время эта военная катастрофа не воспринималась как тяжелейшая трагедия. Общество восприняло ее как возможность окончательно решить те проблемы, которые сдерживали прогресс нации и обозначить новые ориентиры развития². Военное поражение породило гражданскую дискуссию о будущем конституционном устройстве страны.

Одновременно развернулись политические дебаты между «партией войны», выступавшей за ее продолжение, и сторонниками прекращения войны, которых стали называться пацифистами или антиперуанцами.

В стане пацифистов были шахтовладельцы, коммерсанты, связанные с чилийской экономикой, среди них Грегорио Пачеко и Анисето Арсе. Последний владел акциями компании «Уанчака», большая часть которых принадлежала чилийцам. За этой компанией стоял британский капитал. Через Арсе чилийцы вкладывали крупные инвестиции в рудники Корокоро и Оруро, а также участвовали в реорганизации компании Колькечака, в которую входили некоторые компании Пачеко на юге страны³. Эта группа была заинтересована в экономической модернизации добычи серебра и в прямом доступе к власти для гарантий своих доходов и инвестиций. Особое место в их планах занимало железнодорожное строительство.

С середины XIX в. в добыче серебра начался процесс реорганизации и капитализации производственного процесса, оснащения этой отрасли более современной техникой, консолидации многочисленных горнодобывающих компаний и освобождения от государственного контроля над производством серебра и чеканкой монет⁴. Серебродобыча, освобожденная от монопольной опеки государства в 70-е годы, переживала подъем. В период с 1875 по 1890 г.

© М. Ируроски

¹ Klein H. Historia general de Bolivia. La Paz, 1982. P. 182–188.

² Irurizqui M. Un mar de sangre para renacer. Bolivia y la Guerra del Pacífico // Aportes para repensar la Guerra del Pacífico. 1879–1883 / Comp. J. Chaupis, M. Colán, E. Rosario, H.A. Salazar. Vol. II. Lima, 2010. P. 11–56.

³ В 1879 г. чилийские представители вышли из состава советов этих компаний, когда Даса экспроприировал шахты в Корокоро и в Оруро и конфисковал все чилийские акции Уанчака. – Dunkerley J. Orígenes del poder militar. La Paz, 2003. P. 34–37.

⁴ Закон от 8 октября 1872 г., аннулировавший госмонополию на продажу слитков серебра, и декрет 1873 г., запретивший чеканку слабой, низкопробной монеты (фебле), способствовали возрождению этой отрасли. В 1878 г. был запрещен экспорт серебряной монеты; декрет также обязывал шахтовладельцев четверть добываемого серебра передавать в Монетный двор.

Боливия производила 10% всего мирового серебра⁵. Горнопромышленники провели техническую модернизацию многих рудников, создали большие горные центры. Подавляющее большинство предпринимателей были боливийцами. Иностранный капитал принимал минимальное участие в обновлении производства. Боливийские рудники уже в 60–70-е годы достигли мирового уровня как в технологическом, так и в производственном оснащении. Потребности роста подталкивали предпринимателей к поиску источников капиталовложений. Они обращались к чилийским и европейским капиталам, которые охотно шли в эту отрасль⁶.

Связанные с английским и чилийским (последний чаще всего играл роль посредника британских компаний) капиталом, боливийские горнопромышленники составили основу «пацифистской» партии, требовавшей скорейшего окончания войны и урегулирования отношений с Чили⁷. Состояние войны с Чили делало невозможным финансирование серебродобычи. А между тем именно в эти годы отмечалось неуклонное падение цен на серебро, что вынуждало горнопромышленников расширять производство, вводить технологические новшества, чтобы ростом производства компенсировать потери, связанные со снижением цен.

Развитие технологического процесса в 60–70-е годы, требовавшее все больших капиталовложений, дало возможность чилийским и европейским предпринимателям проникнуть в горнодобывающую отрасль страны. Владельцы, акционеры и поставщики, стремившиеся ликвидировать государственную монополию на экспорт и обязательные внутренние закупки серебра, вскоре превратились в мощную постоянную группу давления. С падением цен на серебро на мировом рынке⁸ владельцы были вынуждены, постоянно снижая его себестоимость и повышая производительность, одновременно инвестировать значительные капиталы на техническое перевооружение производства, развитие электроэнергетики и транспорта. Жизненно важным было железнодорожное строительство, чтобы соединить горнорудные центры и тихоокеанские порты⁹. Сделать это было возможно лишь с урегулированием отношений с Чили.

Продолжение войны грозило серьезными осложнениями в торговле, финансировании, так как часть боливийского капитала была тесно связана с чилийскими партнерами. Необходимо было и стабильное правительство как предпосылка восстановления торговых и финансовых связей для развития горной отрасли. Мир с Чили был важен не только для обеспечения личного обогащения, но и как главный фактор на пути укрепления национального

⁵ *Mitre A.* Los patriarcas de la plata. Estructura socioeconómica de la minería boliviana en el siglo XIX. Lima, 1981. P. 37.

⁶ *Klein H.* Op. cit. P. 190.

⁷ *Martínez A.* Una página para la historia del Partido Constitucional. La Paz, 1884. P. 6–9.

⁸ Месторождение в Уанчака, расположенное в Оруро, главным акционером которой являлся Анисето Арсе, давало $\frac{2}{3}$ всей добычи серебра в период 1870–1899 гг. Производство серебра составляло в 1879 г. 30% национального дохода. По мере снижения потребности в серебре на мировом рынке соответственно сократилась и его доля в национальном доходе. В 1894 г. она составляла 25,5%, в 1898 г. – 17,8%, в 1899 г. – 15,4%. Соответственно падала и стоимость унции серебра: с 60 пенсов в 1872 г. до 28 пенсов – в 1897 г.

⁹ Путь каравана лам из Потоси на побережье занимал 31 день, и 40 кг груза обходились в 23 песо, что невероятно удорожало продукцию рудников. – *Mitre A.* Op. cit. P. 159.

процветания, основанного на модернизации страны. Пацифисты стремились как можно скорее разрешить конфликт с Чили, надеясь получить компенсацию за потерю своих территорий в Литорале, которую можно было бы вложить в строительство железных дорог¹⁰.

Магнаты серебра стали напрямую участвовать в политике, выдвинув лозунг «Прогресс и порядок». Пацифисты, или филочилиейцы стали основателями трех политических партий – Демократической, Национальной и Конституционной, под руководством соответственно Грегорио Пачеко, Анисето Арсе и Мариано Баптисты. Впоследствии, на выборах 1892 г., они объединились в Консервативную партию.

Сторонники продолжения войны представляли собой разнородные элементы боливийской элиты, которые также являлись владельцами предприятий горной отрасли, но их коммерческие интересы были связаны с южной частью Перу. Представителем этой группы был Авелино Арамайо, стремившийся укрепить торговые связи с Перу и Аргентиной¹¹. Большинство членов группы выступали за продолжение войны. Особенно видным среди них был Нарсисо Камперо¹².

Стремление военных к продолжению войны не ограничивалось корпоративными интересами. Здесь политическую роль играли военные. Существовавшая конституционная культура в течение всего XIX в. предполагала институционализацию народного суверенитета через политическое насилие, символом которого был вооруженный гражданин¹³, в связи с чем занятие военными постов во власти не означало существование военного режима. Это были представительные органы, иногда под руководством военных, которые, придя к власти, проходили процесс демилитаризации. Военные претендовали на сохранение своего места в политике, а война увеличивала их шансы на это.

Античилийская «партия войны» во главе с генералом Элиодоро Камачо образовала Либеральную партию. И «партию мира», и «партию войны» ждало большое разочарование после подписания в 1883 г. Анконского мира между Чили и Перу, где были полностью проигнорированы интересы Боливии. На следующий год Боливия и Чили заключили бессрочное перемирие, война была закончена и формально. Боливии предстояло заняться внутренним переустройством.

Различия между партиями, возникшими после окончания Тихоокеанской войны, не имели жесткие идеологические различия, так как все партии по существу выражали динамичную конкуренцию между элитами. Партии

¹⁰ Позднее лидер Либеральной партии генерал Исмаэль Монтез, подписывая Договор о мире с Чили в 1904 г., предпочел окончательное урегулирование конфликта с Чили в обмен на инвестиции в железнодорожное строительство. – Klein H. Orígenes de la Revolución Nacional Boliviana. La crisis de la Generación del Chaco. La Paz, 1987. P. 47–49.

¹¹ Costa Du Rels A. Félix Avelino Aramayo y su época, 1846–1929. Buenos Aires, 1942; Crespo A. Los Aramayo de Chichas. Tres generaciones de mineros bolivianos. Barcelona, 1981.

¹² Ramallo M. Rasgos biográficos para la historia del general Narciso Campero. Tarija, 1913; Bernardo Trigo B. Campero y Arce. Tarija, 1952.

¹³ Irurozqui M. Los hombres chacales en armas. Militarización y criminalización indígenas en la Revolución Federal de 1899 / La mirada esquiva. Reflexiones históricas sobre la interacción del Estado y la ciudadanía en los Andes (Bolivia, Ecuador y Perú), siglo XIX / Ed. M. Irurozqui. Madrid, 2005. P. 285–320.

представляли собой незавершенные объединения, находящиеся в постоянной трансформации. Элитарность этих партий вовсе не означала, что остальное население оставалось вне политической борьбы. Партии создавались как «структуры политического действия, опиравшиеся на систему личных взаимоотношений, которые только укреплялись в результате практики выборов»¹⁴.

Правительство национального согласия в годы войны

27 декабря 1879 г. в Такне (Перу) военные во главе с генералом Элиодоро Камачо свергли президента Дасу. Их действия были поддержаны войсками генерала Нарсисо Камперо внутри Боливии. 14 января 1880 г. власть была передана временной хунте, которая назначила выборы в Учредительное собрание.

25 мая 1880 г. собралось Учредительное собрание. Была принята новая конституция, в основе которой лежал основной закон 1878 г., но с некоторыми более либеральными поправками. 30 мая собрание избрало президентом генерала Нарсисо Камперо. Вице-президентами стали Анисето Арсе и Белисарио Салинас, оба из партии филочилийцев. После окончания срока их мандатов следующие выборы (1884) должны были пройти с прямым всеобщим голосованием, «в которых не должно принимать участия прежнее правительство, для того чтобы был соблюден принцип чередования власти»¹⁵. Филочилийцы предлагали соглашение с Чили на основе предложений чилийского правительства, доставленных Дасе в Такну в 1879 г. известным боливийским историком Габриэлем Рене Морено. Сторонники продолжения войны, в том числе и Камперо, призывали возродить Перуанско-боливийскую конфедерацию времен Санта Круса. 11 июня 1880 г. в Лиме перуанский президент Пьерола и Камперо даже подписали протокол о создании в будущем Перуанско-боливийских Соединенных Штатов¹⁶.

Камперо пользовался популярностью и авторитетом в армии. Ему оказали поддержку и пацифисты, поскольку он способствовал восстановлению парламента, хотя был сторонником продолжения войны, но все-таки считался более умеренным, чем Камачо. Главной задачей Камперо было добиться стабильности, необходимой для перехода республики от демократии военных каудильо к демократии избирателей. Камперо назначил кабинет примирения, в который вошли либерал Натаниэль Агирре, пацифист Арсе, хотя это не означало, что Камперо пошел на уступки тем, кто требовал заключения мира. Камперо проводил политику защиты страны и выступал за возрождение пе-

¹⁴ *Sábato H.* La reacción de América: la construcción de las repúblicas en el siglo XIX // Europa, América y el mundo: tiempos históricos/ Comps. R. Chartier, A. Feros. Madrid, 2006.

¹⁵ *Vidaurre E.* El presidente Daza. La Paz, 1975; *Durán A.* Inconstitucionalidad de la elección del Señor Arce. La Paz, 1884. P. 2.

¹⁶ Верный своим намерениям продолжать войну, Нарсисо Камперо предложил перуанскому президенту Н. Пьероле подписать договор о создании Перуанско-боливийских соединенных штатов, возрождая идею Конфедерации, существовавшей в 1835–1839 гг. Однако смещение Пьеролы чилийскими войсками не позволило осуществить это проект.

руанско-боливийской конфедерации, что способствовало его политическому союзу с федералистами, позднее вошедшими в Либеральную партию¹⁷.

В июне 1881 г. вновь открывшееся Учредительное собрание приняло сторону «партии войны». Камперо стал готовить новую армию, закупать оружие для продолжения войны. Поражение Перу не оставило Боливии шансов. Провал Камперо в создании новой армии лишь усилил аргументы сторонников немедленного мира с Чили.

Пока война шла в Перу, правительство реорганизовало суды и издало законы о горной добыче. С целью определения возможных путей наземного и речного сообщения между департаментом Тариха и Парагваем под руководством и при поддержке правительства начались исследования рек Пилкомайо и Пилайя в Гран-Чако, предпринятые Жюлем Крево¹⁸ и боливийским ученым Даниэлем Кампосом.

Вплоть до 1883 г. проблема продолжения войны была центральным политическим вопросом. Пацифисты признавали и поддерживали режим Камперо, но продолжали выступать против войны. В ответ Камперо наложил ограничения на прессу и в конце 1881 г. отправил в изгнание вице-президента Арсе¹⁹.

В отсутствие Арсе партию пацифистов возглавил Мариано Баптиста. В новом, избранном в 1882 г., конгрессе позиции этой группы укрепились, возросло и их влияние на переговоры с Чили. В октябре 1883 г. в результате разногласий в «партии войны»²⁰ возникла новая группа, единственное отличие которой от пацифистов состояло в том, как следовало вести переговоры с Чили. Эта группа, в которую вошел Камперо и которая контролировала исполнительную власть, выступала за продолжение войны только потому, что не была согласна с теми темпами, с какими пацифисты пытались решить проблему мира с Чили. Камперо понимал, что страна не может вести настоящую войну с Чили, что сближало его позицию с пацифистами. В то же время более радикальные сторонники продолжения войны Элиодоро Камачо, Хулио Мендес, Росендо Гутьеррес и Натаньель Агирре обвиняли пацифистов в отсутствии национальной гордости и даже в предательстве интересов родины²¹.

Камперо должен был окончательно определиться в вопросе о войне и мире. По его мнению, необходимо было начать переговоры о перемирии, что позволило бы сохранить внутривнутриполитический баланс между двумя непримиримыми партиями. Перемирие не устроило ни одну из партий. Боливия, потеряв все побережье, должна была выплатить 40% компенсации за военные расходы Чили, рефинансировать кредит 1867 г. и возвратить все кон-

¹⁷ *Alcocer J.M.* El pueblo y las facciones o la verdadera causa de todos nuestros males. Cochabamba, 1872.

¹⁸ 24 декабря 1881 г. Крево направился из Буэноса-Айреса в Тариху, чтобы спуститься по реке Пилькомайо, но был убит индейцами гуарани-тоба.

¹⁹ *Mensaje del Presidente Constitucional de Bolivia General Narciso Campero a la Convención Nacional de 1881.* La Paz, 1881. P. 8.

²⁰ El manifiesto de Don Aniceto Arce ante su propia conciencia y ante la conciencia de los pueblos de Bolivia, de América y de Europa. Sucre, 1881. P. 5–8.

²¹ *Roberto Querejazu R.* Guano, salitre, sangre. Historia de la Guerra del Pacífico. La Paz, 1979. P. 677–699.

фискованное имущество, а получила лишь свободу торговли через Арику. Недовольство этим соглашением усугубляло сложную внутреннюю ситуацию: расходы на армию вынуждали правительство закрыть многие школы и не выплачивать пенсии, забрать в бюджет муниципальные фонды, объявить об отсрочке по погашению государственного долга внутри страны. Все это заставило военных осознать необходимость реформ. Протестовали и пацифисты, в основном горнопромышленники, которые были возмущены введением налога в размере 9,7% на экспорт серебра²².

Укрепление партий после войны привело к появлению интереса к политике, в частности, ремесленников, которые надеялись, что завоевание ими избирательных прав будет иметь положительные последствия для положения их класса. В той степени, в которой партии нуждались в поддержке ремесленников, менялась и их стратегия. Когда 12 марта 1880 г. в Ла-Пасе полковники Сильва и Гуачалья пытались осуществить покушение на генерала Камперо, хунты ремесленников выступили в поддержку правительства, в ответ на обещания президента смягчить муниципальную реформу 1874 г., которая хотя и не отменила «систему представительства через цеховые союзы рабочего класса», в то же время разрешала свободно заниматься любым трудом, что разрушало основной принцип цеховой корпорации – монополию на производство и продажу определенных товаров. Эта реформа давала муниципалитетам право даровать титул мастера автономным ремесленникам, не считаясь с мнением цеха²³.

Поддержка властями цехов способствовала созданию иных ассоциаций ремесленников, выросло число мютюэлистских обществ взаимопомощи, выступавших за «прогресс и благосостояние, моральное и материальное совершенствование народа»²⁴. Возникшие при поддержке властей, они вскоре превратились в самостоятельные ассоциации ремесленников, в которых росло самосознание этого сословия, претендовавшего на активную роль в обществе²⁵.

19 июля 1885 г. епископ Роке выступил инициатором создания католического «Общества благоденствия Винсенте де Поль», одним из членов которого являлся генерал Пруденсио Фермин. Позже генерал способствовал созданию Рабочей федерации Ла-Паса. 24 июня 1883 г. в Ла-Пасе возникло «Общество взаимопомощи Сан-Хосе» под эгидой Демократической партии; 30 октября 1885 г. – «Общество работников Эль-Порвенир и Ирис-де-Пас»; 17 июня 1888 г. – «Общество сапожников Святого Криспина».

31 мая 1885 г. в Сукре было создано «Общества труда», в 1887 г. – «Общество взаимопомощи рабочих», печатным органом которого стала газета «El Eco Obrero». В Потоси 2 октября 1898 г. было основано «Общество взаимопомощи 25 мая»; 21 июля 1898 г. – «Союз трудящихся». Особое значение приобрело «Общество работников Эль-Порвенир», возникшее 30 ноября

²² Dunkerley J. Op. cit. P. 43–44.

²³ La Razón. La Paz. 28 de enero de 1883. P. 2.

²⁴ Los artesanos de La Paz. El Comercio. La Paz. 29 de abril de 1901; El Comercio. La Paz. 12 de junio de 1883.

²⁵ Butrón Untiveros D. La festividad de Nuestra Señora de La Paz, Alacitas y los artesanos (1825–1900). La Paz, 1990. P. 61.

1884 г. Это общество конфликтовало с религиозными братствами, руководимыми иезуитами, которые обвиняли ремесленников в «социализме»²⁶. Большая часть этих обществ появилась в связи с избирательными клубами различных партий, и действовали они в логике избирательных кампаний²⁷.

В конце XIX в. от ремесленников стали выдвигаться независимые кандидатуры на должности в муниципалитетах, тем самым опровергались социальные предрассудки по поводу того, что «класс ремесленников хотел управлять, а сам еще не дорос даже, чтобы быть управляемым»²⁸. Ремесленники стремились не только избирать, но и быть избираемыми. Это заставило партии поменять свою риторику в борьбе за их голоса: их политика сводилась в основном к призывам добиваться соответствующего цензовому закону уровня дохода и образования и обещанию принимать законы, помогающие низам получать образование. Политические партии рассматривали ремесленников как младших партнеров в избирательной борьбе, при этом лидеров цехов больше всего волновала проблема конкуренции с внецеховыми ремесленниками.

Партии и выборы. 1884–1899

В 1884 г. были назначены выборы, в которых уже не было безусловных фаворитов правительства, военных каудильо. Впервые это были выборы, на которых кандидаты представляли уже сформировавшиеся партии, а не группы поддержки отдельных каудильо.

«Партия мира», ставшая Конституционалистской, наследница «красных», выдвинула своим кандидатом Мариано Баптисту, которого затем сменил владелец рудника «Уанчака» Анисето Арсе. На выборы эта партия шла под лозунгом «Не хотим более военных!», указывая не только на катастрофические результаты правления военных каудильо, но и намекая на вождя либералов генерала Камачо²⁹. Антимилитаризм в кампании Арсе имел антиперуанский оттенок, предполагал скорейшее заключение мира с Чили. Антимилитаризм консерваторов отвечал стремлению элиты перекрыть этот канал социальной мобильности для низших классов, укрепив кастовый характер государства, ибо при военных каудильо через инструменты насилия «плебейские слои» могли достигать высших государственных постов или оказывать существенное влияние на политику³⁰.

Вернувшийся в политику Касими́ро Корраль, пользовавшийся большой поддержкой низов, создал Демократическую партию, которая пошла на союз с горнопромышленниками, ставившими своей целью ускоренную модернизацию общества и создание современной инфраструктуры, способной обеспечить экономический прогресс. Демократы, или как их еще называли «сцивилистская партия», поддерживали кандидатуру владельца богатого рудника

²⁶ Lora G. Historia del movimiento obrero boliviano. 1906–1923. La Paz; Cochabamba, 1969. P. 411–416.

²⁷ Baptista M. Obras completas. La cuestión Social. La Paz, 1932. P. 39–43, 57.

²⁸ Los debates. La Paz. 27 de noviembre de 1899.

²⁹ Condorco Morales R. Aniceto Arce. Artífice de la extensión de la revolución industrial en Bolivia. La Paz, 1985. P. 5317

³⁰ El siglo XIX. Bolivia y América Latina. La Paz, 1996. P. 684–685.

«Гвадалупе» Грегорио Пачеко. Партия Пачеко–Корраля, с одной стороны, противостояла «пацифистам», говорила на одном языке с «партией войны», но с другой, выступала как противница любого участия военных в политике, так как либералов возглавлял генерал Камачо, которого поддерживало большинство в армии³¹. Пачеко выступал за экономический прогресс, т.е. говорил примерно тоже самое, что и Арсе, но отказывался рвать союз с Перу. Он выражал опасение, как и Арсе, что Чили, передав Боливии Такну и Арику, «навверняка попросит за свой щедрый жест наши богатые провинции Липес и Порко»³².

«Партия войны», уже ставшая Либеральной, провозгласила своим кандидатом генерала Элиодоро Камачо. За исключением либералов, остальные кандидаты были гражданскими политиками. Еще до общенациональных выборов в декабре 1883 г. прошли муниципальные, на которых победили демократы. Муниципалитеты контролировали избирательные комиссии на местах, что давало определенное преимущество демократам на последовавших выборах президента³³.

После того как проблема войны была решена в пользу мира, расхождения между Арсе и Пачеко благоприятствовали сближению между первым и Либеральной партией Камачо. В июле 1883 г. состоялись их переговоры в Пари и Оруро. Арсе подчеркнул важность союза между партиями, так как это позволило бы снизить влияние Демократической партии Корраля³⁴ на ремесленников³⁵. Арсе предложил взять на себя руководство обеими партиями и в случае своей победы на выборах передать власть в стране первому вице-президенту³⁶. Но Камачо отказался принимать его условия и союз между ним, Арсе и Баптистой не состоялся. На выборах 1884 г. были выдвинуты три кандидатуры: от Конституционной, Демократической и Либеральной партий.

На выборах Пачеко получил 11 760 голосов, Арсе – 10 263, Камачо – 8 202. Так как никто не получил 50%, все трое могли претендовать на избрание конгрессом. Большинство получили либералы – 30 мест, в то время как конституционалисты – 24, а демократы – 22. Первоначально Корраль от демократов и Хулио Мендес от либералов заключили союз между партиями. Однако Баптиста переубедил демократов, у которых верховодили горнопромышленники. Пачеко и Арсе легко нашли общий язык, и чтобы не допустить победы либералов, Баптиста от имени конституционалистов и Корраль от имени демократов заключили союз³⁷. Они договорились поддержать на выбо-

³¹ *Martínez A.* Una página para la historia del Partido Constitucional. La Paz, 1884. P. 12–13.

³² *El siglo XIX. Bolivia y América Latina.* P. 687. Подозрения боливийцев в адрес чилийских захватнических аппетитов имели основание. 22 мая 1882 г. чилийское правительство издало секретный декрет об изучении экономического потенциала сельского хозяйства и рудников не только оккупированного побережья, но и остававшихся под контролем Боливии провинций Липес и Суд-Чичас. – *Mitre A.* Op. cit. P. 165.

³³ *Martínez A.* Op. cit. P. 72–73.

³⁴ Archivo del Ministerio de Asuntos Exteriores (AMAE). Sección Política. La Paz, 21 de noviembre de 1883.

³⁵ Archivo de La Paz (ALP). Carta de Aniceto Arce a Ovidio Suárez. Sucre, 18 de mayo de 1883.

³⁶ *Condarco Morales R.* Op. cit. P. 449–511.

³⁷ Сторонники Арсе утверждали, что не было никакого пакта, а Арсе просто снял свою кандидатуру в пользу Пачеко без всяких условий. – *Ibid.* P. 552–554.

ра президента республики Пачеко при условии выдвижения на следующих выборах Арсе³⁸. Все чиновные места и политические посты делились между демократами и конституционалистами. Со временем большинство демократов перешли к консерваторам³⁹. 1 сентября 1884 г. конгресс избрал Грегорио Пачеко президентом.

Новым явлением в политической жизни стал фактор денег. Когда либералы обвиняли Арсе и Пачеко в прямом подкупе избирателей, их ответ прозвучал так: деньги используются не для «покупки совести», а для того, чтобы осуществить необходимые национальные реформы и модернизировать политику Боливии⁴⁰. Новыми формами финансирования избирательных кампаний было создание выборных клубов и газет конкурирующими сторонами, формирование института избиратель-

Анисето Арсе

ных агентов-посредников, использование рекламы и листовок⁴¹, прямой денежный подкуп, развлекательные программы, подарки сторонникам. Историк Р. Кондарко Моралес подсчитал, что избирательная кампания 1884 г. обошлась Арсе и Пачеко примерно в 810 тыс. боливиано, в то время как Либеральная партия израсходовала треть этой суммы. В то время как Арсе и Пачеко тратили свои личные средства⁴², избирательная кампания Камачо проходила отчасти при финансовой поддержке правительства. Острая конкуренция в избирательных кампаниях обеспечила политическую стабильность в той мере, в какой проигравший признавал победу другой партии законной и не стремился к насильственному свержению власти.

Избирательные кампании, став стабилизирующим элементом общественной жизни, были усилены партийными союзами. Несостоявшийся союз Либеральной и Конституционной партий объяснялся тем, что первая искала кандидата, который мог бы оплатить расходы на ее избирательную кампанию, а вторая стремилась усилить свое влияние на провинциальном уровне. Предвыборный союз Конституционной партии с Демократической был нацелен на то, чтобы не только изолировать либералов, но и обеспечить

³⁸ El Constitucional. Cochabamba. 18 de abril de 1884.

³⁹ Camacho E. Exposición que dirige a sus conciudadanos el jefe del Partido Liberal general Elio-doro Camacho. Puno (Perú), 1889. P. 72.

⁴⁰ Condarco Morales R. Op. cit. P. 518–520.

⁴¹ Ibid. P. 508–509.

⁴² На 31 мая 1871 г. Анисето Арсе владел 32,3% (1941) акций крупнейшей горнорудной компании Уанчака, а 15 мая 1886 г. у него осталось только 9,5% (570). Грегорио Пачеко в октябре 1879 г. имел 271 акцию Уанчаки, а в мае 1886 г. у него осталось только 156. – Condarco Morales R. Op. cit. P. 523.

их провал на выборах 1888 г. С этой целью была выбрана стратегия заигрывания с ними: предлагать им союз и никогда его не заключать, что в итоге сводило предвыборную борьбу к участию двух партий. Союз Конституционной и Демократической партий в 1884, 1888 и 1892 гг. и преобразование Конституционной партии в Консервативную в 1896 г. свели политическую борьбу к альтернативе: либо либералы, либо консерваторы.

Стремясь расширить и укрепить свой суверенитет на востоке страны, президент Пачеко продолжил политику освоения этих территорий, в частности, в декабре 1883 г. туда были посланы экспедиции Артуро Товара, в июле 1885 г. — Антонио Ваки Диеса, в январе 1886 г. — Генри Н. Расби и в июле 1886 г. — Эдуардо Идиакеса и Карлоса Браво. Успешное исследование Кристианом Суаресом Арана района Чако в 1884 г. позволило установить связи между провинциями Кордильера и Чикитос. Здесь возник новый район колонизации, а также установлено паромное сообщение по р. Пилкомайо.

Для поощрения колонизации президент издал указ о создании пограничного поселения Пуэрто-Пачеко в верховьях р. Парагвай, что позволило установить прямую связь с Гран-Чако. Были решены и международные проблемы. 4 апреля 1884 г. в Вальпараисо был подписан пакт о перемирии, который восстановил торговые отношения с Чили; в апреле 1886 г. — договор о границах с Перу, закончились переговоры о военных долгах. Был также подписан договор с Парагваем об установлении границы с Боливией. В столице было введено электрическое освещение, установлена телеграфная связь между крупными городами и важными горнодобывающими районами. Боливия стала членом Международного почтового союза.

25 января 1888 г. Пачеко издал указ о проведении выборов, которые должны были состояться в первое воскресенье мая. 30 января в Сукре прошло совещание представителей Национальной (ранее Конституционной) и Демократической партий по поводу соглашения, подписанного в 1884 г., согласно которому кандидатура Анисето Арсе должна была быть выдвинута на пост президента, а кандидатуры Хосе Мануэля дель Карпио и Серапио Рейеса Ортиса соответственно на посты первого и второго вице-президентов. Ранее, в декабре 1887 г. лидер либералов Камачо предложил Арсе вступить в предвыборный альянс. 24 февраля 1888 г. в Парии состоялась встреча представителей обеих партий⁴³. Либералы предложили разделение власти: если консерваторы побеждают на президентских выборах, то либералы получают пост первого вице-президента, или наоборот. Причем президент после двух лет правления должен был уйти в отставку в пользу вице-президента. В этом случае обе партии выдвигали совместные кандидатуры. Арсе отказался от этого предложения, так как был уверен в контроле за выборами в свою пользу. Стороны лишь формально заявили о недопустимости насилия и подкупа избирателей⁴⁴.

В ответ Камачо пригрозил устроить переворот, если демократы и конституционалисты помешают его победе. Основываясь на показаниях либерала

⁴³ Анисето Арсе сопровождали Эметерио Кано и Северо Фернандес Алонсо, а Элиодоро Камачо — Рубен Диас де Медина и Николас Акоста.

⁴⁴ Protocolo de las conferencias de Paria. Oruro, 1888. P. 15–16.

Агустина Итуррича, историк Рамиро Кондарко Моралес пришел к выводу, что конференция в Парии была только либеральной уловкой, чтобы заманить и арестовать Арсе и его коллег и начать с помощью полка артиллерии в Оруро восстание. План этот не состоялся, так как президент Пачеко был осведомлен об этом и принял меры предосторожности, выведя накануне из Парии артиллерию. Президент, передав исполнительную власть вице-президенту Мариано Баптисте, вместе с военным министром Ладислао Кабрерой Герра покинул Сукре⁴⁵.

Вполне возможно, что выводы, сделанные Кондарко по поводу заговора либералов достоверны, но вместе с тем они также могли служить для дискредитации оппонента, что совершенно естественно в любой избирательной борьбе. Достоверно лишь то, что пресса создала политический скандал, а Камачо потребовал от Генерального прокурора возбуждения уголовного дела против авторов всех публикаций, которые приписывали ему попытку вооруженного восстания против конституционного режима.

Консерваторы использовали эту шумиху в прессе, чтобы оправдать увольнение должностных лиц, поддерживавших либералов, а также вооружение своих сторонников. Когда президент возглавил командование армией, Камачо обвинил правительство в попытке давления на избирателей. Накануне выборов в город были введены войска. Победа досталась консерваторам: за полностью контролируемых властями выборах за Арсе проголосовали 25 396 человек, а за Камачо – лишь 7 183⁴⁶.

Камачо протестовал против прямого давления правительства на избирателей, против широко используемого Арсе подкупа во время голосования, стал угрожать бойкотом выборов со стороны либералов⁴⁷, отметив, что стоит перед трудным выбором: или терпеть злоупотребления правительства, или поднять восстание против «порочной и коррупционной власти»⁴⁸.

В Либеральной партии по вопросу о возможном вооруженном выступлении не было единства. Это особенно проявилось, когда после победы Арсе Камачо представил в конгресс проект об отмене результатов выборов, однако не получил поддержки даже большинства своих коллег. Такое поведение однопартийцев вынудило его заявить, что если депутаты «не решаются на противоправные действия... то было бы намного лучше, если бы они воздержались и от участия в работе парламента»⁴⁹.

Разочаровавшись в легальных методах борьбы за власть, 8 сентября 1888 г. либералы подняли военный мятеж в Сукре. Заявляя о принципиальном неприятии переворотов, вождь либералов Камачо тогда говорил: «Правительства-узурпаторы – нелегитимны»⁵⁰. Во главе военной группы либера-

⁴⁵ *Condarco Morales R.* Op. cit. P. 605–607.

⁴⁶ Более низкий результат Камачо по сравнению с 1884 г. объясняется отчасти ошибками в избирательной тактике либералов: в Санта-Круссе они бойкотировали выборы, и таким образом партия не досчиталась более тысячи голосов.

⁴⁷ ALP. Copiador de Eliodoro Camacho. Carta de Eliodoro Camacho a Felipe Escalier. La Paz, 8 de mayo de 1888.

⁴⁸ ALP. Copiador de carta de Eliodoro Camacho. Carta de Eliodoro Camacho a Fidel Aranibar. La Paz, 11 de mayo de 1888; *Camacho E.* Op. cit. P. 42–45.

⁴⁹ ALP. Copiador de Eliodoro Camacho. Carta de Eliodoro Camacho a Ricardo Mujía. La Paz, 17 de agosto de 1888.

⁵⁰ *Camacho E.* Op. cit. P. 68.

лов были будущие вожди партии Хосе Мануэль Пандо и Исмаэль Монте. Покушение на президента не удалось, и Арсе бежал в Кочабамбу, где собрал преданные войска и у Потоси разгромил мятежников. Восстание либералов было активно поддержано ремесленниками, городскими низами, что очень напугало элиту. Либералов приравнивали к якобинцам⁵¹. Силовая попытка либералов прийти к власти провалилась.

12 декабря 1889 г. Арсе издал декрет о реорганизации вооруженных сил. Он провел чистку армии, изгнав из ее рядов всех симпатизирующих либералам. Тогда же либералы отказались от стратегии на вооруженный приход к власти и вернулись к борьбе в рамках закона и выборов⁵². Либеральные лидеры Камачо, Белисарио Салинас, Хосе Мануэль Пандо и многие другие были изгнаны из парламента, который стал теперь состоять из представителей одной партии

Консерваторы подчинили свою политику интересам главного сектора экономики – горной промышленности. Еще во время предвыборной кампании 1887 г. Арсе заявлял, что «приложит все усилия, в том числе предоставив свое личное состояние, во имя создания условий для роста промышленности»⁵³. Для ее успешного развития следовало создать современную транспортную и производственную инфраструктуру и в первую очередь железные дороги, способные связать основные горнорудные центры с портами для обеспечения экспорта минералов. Главной целью Арсе было строительство железных дорог, прежде всего между его рудниками в Уанчаке, Оруро и побережьем. С 1888 г. в Боливии велось активное железнодорожное строительство. Горные центры Оруро, Уйюни (этот город был основан в 1888 г. как железнодорожный центр, причем предполагалось назвать его именем президента Арсе, но тот отказался⁵⁴), Липес были связаны дорогами с ближайшими портами на побережье Антафагастой, Арикой и Мольендо. Либералы противились строительству дорог к чилийским портам, так как считали, что они облегчат чилийскую экспансию⁵⁵.

Создание транспортной инфраструктуры, ориентированной на экспорт, дало мощный толчок развитию городов Ла-Пас, Оруро, Потоси и Кочабамбы, обслуживавших горную отрасль. В 1890 г. первый поезд прибыл в Уйюни. Арсе, оценивая главное достижение своего правительства, в послании конгрессу подчеркивал, что «создание дорожной сети обеспечило связь страны с иностранными рынками»⁵⁶. Арсе было чем гордиться, так как первая железная дорога была построена на деньги его личного предприятия Уанчаки. После открытия дороги за пять лет экспорт минералов вырос на 87%⁵⁷.

Во время правления Арсе была разработана серия законодательных актов о развитии востока страны, в том числе и касающихся производства каучука, одним из бенефициантов которого был лидер либералов Хосе Мануэль Пандо. В декабре 1889 г. были созданы Восточный банк Боливии, Южный банк

⁵¹ *Baptista M. Obras completas. La cuestión social. T. III. La Paz, 1932. P. 319.*

⁵² *Dunkerley J. Op. cit. P. 66.*

⁵³ *Aniceto Arce a sus electores. Sucre, 1887. P. 5.*

⁵⁴ *Condarco Morales R. Op. cit. P. 661.*

⁵⁵ *Paz L. Biografía de D. Mariano Baptista. Buenos Aines. 1908. P. 322.*

⁵⁶ *Mensaje del Presidente de la República de Bolivia doctor don Aniceto Arce. Oruro, 1892. P. 2.*

⁵⁷ *Mitre A. Op. cit. P. 169.*

и банк Колькечака, несколько позже Ипотечный банк Юга. В 1890 г. был принят закон о банковской деятельности. Телеграф соединил Боливию через Пуно и Мольендо с внешним миром. Декрет от 31 октября 1889 г. о свободе импорта продуктов животноводства и земледелия, технического оборудования должен был способствовать модернизации сельского хозяйства.

Значительный толчок для развития получило сельское хозяйство благодаря росту спроса на свою продукцию в бурно развивающихся городах и горнорудных центрах. Этот период называют «золотым» временем для крупных хозяйств – асьенд. Вновь земля стала представлять большую ценность, и крупные землевладельцы методично вытесняли общину, захватывая правдой и неправдой земли индейцев⁵⁸.

В эти два десятилетия правления консерваторов аграрная политика определялась теми тенденциями, которые были заложены в законе о роспуске общины 1874 г. Учредительное собрание 1880 г. посвятило немало заседаний решению аграрного вопроса. После длительных дебатов 1 октября 1880 г. был принят новый закон о роспуске общины. Он подтверждал основные положения закона 1874 г., но предписывал обязательный раздел общин при уплате очень высокой пошлины за выдачу свидетельства о собственности. Последующий декрет от 1 декабря 1880 г. устанавливал, что в случае нежелания или сопротивления индейцев разделу земли чиновники могли распродавать ее на публичных аукционах, практически так же, как и во времена Мельгарехо⁵⁹. Фактически это положение давало в руки местных властей легальный инструмент распродажи общинных земель в пользу помещиков. С этого момента крупные землевладельцы неуклонно захватывали земли общин. Если на 1871 г. поместья занимали 25% сельских земель, то в конце правления Консервативной партии их доля выросла до 50%⁶⁰.

Новое наступление на общинное землевладение вызвало упорное сопротивление крестьян, подчас выливавшееся в восстания, что заставило власти создать легальные механизмы, дающие крестьянам возможность защитить общину. Они могли инициировать признание «нераздельности» собственности той или иной общины, хотя оставалось много способов воспрепятствовать этому, например, желание одного члена общины для ее раздела. В октябре 1885 г. индейские старшины (*apoderados*) Опуро, Ла-Паса и Потоси обратились в сенат страны с просьбой прекратить разделы общин и не увеличивать налоги. Не получив никакого ответа от властей, индейцы стали собираться по ночам у городов, что напоминало индейские восстания прошлого. Эта акция старшин дала начало движению отстаивания прав общин через суды, при этом они опирались на документы колониальной эпохи. С этой целью общины посылали своих представителей в архивы Лимы и Буэнос-Айреса. Однако результаты легальной борьбы индейцев были крайне незначительны. Из 7 616 распроданных общин в период с 1881 по 1920 г. только 24 были возвращены индейцам в судебном порядке⁶¹. В 1886 г. в по-

⁵⁸ Klein H. *Historia general de Bolivia*. La Paz, 1988. P. 193.

⁵⁹ Bonifaz M. *La Legislación agrario-indigenal*. Cochabamba, 1953. P. 274–278.

⁶⁰ Antezana S.A. *Estructura agraria en el siglo XIX. Legislación agraria y taemsformaeiõn de la realidad rural de Bolina*. La Paz, 1992. P. 201.

⁶¹ Larson B. *Trials of National Making. Liberalism, Race, and Ethnicity in the Andes, 1810–1910*. Cambridge, 2004. P. 222.

мощь чиновникам в деревни были посланы воинские части. В 1895–1896 гг. сопротивление крестьян на Альтиплано переросло в большое восстание, подавленное войсками.

Либеральная партия, исходя из принципиальных соображений, так же как и консерваторы, считала необходимым разрушение общины. Камачо в 1880 г. выступил в поддержку этой аграрной политики. Однако, оказавшись в оппозиции, либералы изменили свою позицию. Они стали выступать за гарантии общинному землевладению, за возвращение земель их исконным владельцам – индейцам⁶². Такой поворот в политике либералов привел к союзу с индейскими лидерами, таковым был Пабло Сарате, сыгравший впоследствии решающую роль во время «Федеральной революции».

На протяжении всего XIX в. существовала постоянная связь между борьбой партий и движениями индейцев, способствуя таким образом все большему участию индейцев в решении национальных проблем. Штаб Либеральной партии в 1887 г. находился в Колькечаке, что позволяло агитировать и среди индейцев. Результатом деятельности либералов в этом районе было восстание индейцев в 1888–1889 гг. в Чайянте. Индейцы поддерживали либеральные лозунги и выступили в поддержку лидера либералов Хосе Мануэля Пандо, который сумел увидеть будущий потенциал народного участия. Либералы стали работать над созданием своей базы поддержки среди индейцев, предлагая новые законы о налогообложении индейцев, помогая общинам консультациями в их юридических спорах⁶³.

На выборах 1892 г. повторилась ситуация 1884 г. Пачеко и бывшие демократы решили самостоятельно идти на выборы, не соглашаясь с авторитарным стилем правления Арсе и с выдвижением кандидатуры клерикала Мариано Баптиста на пост президента. В октябре 1891 г. демократы предложили предвыборный союз либералам и даже объединение партий. 4 октября 1891 г. они приняли совместный манифест о консолидации сил в борьбе против растущих «каудилистских тенденций» господствующей партии. Пачеко сразу же заявил, что готов уступить первое место в этом союзе либералам⁶⁴. Демократы предлагали выдвинуть единого кандидата. Либералы не могли простить демократам союза с консерваторами 1884 г. Камачо говорил о психологических препятствиях для союза партий⁶⁵. Либералы не верили искренности демократов. В то же время они недооценивали их силу, считая, что у Пачеко нет ни партии, ни поддержки⁶⁶.

Камачо провел консультации с руководством Либеральной партии о возможном союзе с демократами, но заявил о необходимости совместной кандидатуры, которая будет противостоять Баптисте, чтобы «альянс не пре-

⁶² *Irurozqui M.* Elites en litigio. La venta de tierras de comunidad en Bolivia, 1880–1899. Lima, 1993. P. 10.

⁶³ *Platt T.* La experiencia andina de liberalismo boliviano entre 1825 y 1900: Raíces de la Rebelión de Chayanta (Potosí) durante el siglo XIX // Resistencia, rebelión y conciencia campesina en los Andes, siglos XVIII al XX / Comp. S. Stern. Lima, 1990. P. 291–296.

⁶⁴ Manifiesto democrático-liberal. Sucre, 1891. P. 8.

⁶⁵ Ibid. P. 21.

⁶⁶ Ibid. P. 217

вратился всего лишь в договор о намерениях»⁶⁷. Пачеко не сделал никакого официального предложения, но, судя по комментариям прессы, ожидалось, что Камачо откажется от руководства партией и станет единым кандидатом, возглавив руководство обеих партий⁶⁸. Чтобы избежать бедствий гражданской войны, оппозиция должна была объединиться и противодействовать победе официальной кандидатуры.

В январе 1892 г. в местечке Чальпата около Оруро вновь состоялись переговоры либералов и демократов. Каждая партия шла на выборы со своим кандидатом, при последующей взаимной поддержке на случай выборов в конгрессе. Камачо не отрицал важность союза между партиями против официального насилия. Зная о существующих разногласиях в Демократической партии между «либеральными» демократами и демократами, верными Пакту 1884 г. с консерваторами, он принял участие в совещании в Чальпата. Несмотря на то что этот союз не состоялся, либералы получили поддержку «либеральных» демократов, выступив с ними единым фронтом против остальных демократов и консерваторов.

Во время выборов число жалоб со стороны либералов о злоупотреблениях властей возросло. Либералы заявляли, что власти фальсифицируют уголовные дела против их лидеров, которые якобы организуют заговоры. Все это делалось для введения чрезвычайного положения в некоторых провинциях, чтобы силой исправить списки избирателей. Происходили акты насилия против либералов и их сторонников в день выборов.

В результате этого давления либералы бойкотировали выборы в Потоси, Синти, Инкисиви, Ирупане, Сикасике, Асеро, Томине и в других провинциях, в то время как там, где они все-таки проголосовали, например, в Оруро, Куэнке, Кауполикане, Муньекас, Кочабамбе, Бени, Порко и Омасуйос, результаты выборов показали, что официальные данные свидетельствовали о победе правительственного кандидата, что существенно расходилось с показателями либералов на прошлых выборах. Либералы обвинили кандидата на пост первого вице-президента Северо Фернандеса Алонсо в том, что его агент в Оруро покупал голоса демократов, сотрудничавших с либералами. Они сделали достоянием общественности документ, в котором Конституционная партия в случае своей победы обещала предоставить места в правительстве некоторым демократам и либералам, если те признают результаты выборов, так как «подкуп практикуется всеми партиями»⁶⁹.

Выборы 1892 г. повторили безнадежный для либералов сценарий. Во время предвыборной кампании кандидат консерваторов Баптиста неустанно говорил об опасности для порядка и религии масонских тайных лож, чьими легальными представителями были атеисты либералы⁷⁰. Баптиста получил 17 005 из 31 403 голосов, Камачо – 10 607 и Пачеко – 3755. Президента дол-

⁶⁷ ALP. Copiador de Eliodoro Camacho. Cartas de Eliodoro Camacho a Gregorio Pacheco. La Paz, 30 de octubre de 1891; La Paz, 16 de octubre de 1891.

⁶⁸ El Día. 1891. N. 826. Sucre.

⁶⁹ Manifiesto que dirigen a la Nación sus representantes. Cochabamba, 1892. P. 1–36; A la opinión pública de Bolivia. Puno, 1892. P. 1–11; *Baptista M.* Mensaje del presidente de la república de Bolivia señor Mariano Baptista. La Paz, 1893. P. 5.

⁷⁰ *Guzmán A. Baptista.* Biografía de un orador político. La Paz, 1957. P. 132.

жен был избрать конгресс, а либералам и демократам удалось провести значительное число депутатов.

Демократы, состоявшие в союзе с либералами, отказались пойти на соглашение с консерваторами. У союза было большинство только в нижней палате, но не в сенате. Таким образом, они не могли провести в президенты своего кандидата, делали невозможным безболезненное избрание Баптисты. Их тактика состояла в оспаривании результатов выборов в тех округах, где власти нагло сфальсифицировали результаты голосования⁷¹. В ответ на требования объявить выборы недействительными правительство, узнав о концентрации вооруженных оппозиционеров в районе Оруро, обвинило либералов в стремлении организовать заговор⁷². 5 августа 1892 г. Арсе ввел осадное положение и выслал либеральных депутатов, получив консервативное большинство в конгрессе. Президентом был избран Мариано Баптиста. Оппозиция назвала действия правительства государственным переворотом.

Баптиста, как и Арсе, правил практически в условиях осадного положения. Суды постоянно закрывали и штрафовали оппозиционные газеты. Особенно раздражала либералов религиозная, клерикальная риторика консерваторов⁷³. На словах Баптиста призывал смягчить жесткую политику в отношении либералов. Он считал, что если привлечь либералов в правительство, то они сразу же изменят свое поведение⁷⁴. Он был сторонником соглашения с либералами и создания более стабильной двухпартийной системы без радикальных изменений существующей системы и, главное, без ущерба для доминирования олигархии Юга.

Кандидатом консерваторов на следующий срок должен был стать горно-промышленник Северо Фернандес Алонсо. Он был сторонником «слияния» с умеренными либералами. Однако этой идее противостояли Арсе и Баптиста. В этой связи в августе в партии возник внутренний кризис и раскол. 28 августа 1895 г. был сформирован Центральный директорат консерваторов, который должен был решить спорные темы и выдвинуть кандидатуры вице-президентов. Главой его стал Арсе. Конфликт был острым. Фернандес Алонсо писал в письме своему соратнику Хулио Сесару Вальдесу: «Арсе и Баптиста действуют лицемерно и предательски. Они рассматривают Боливию как свой феодальный удел... мы должны им дать понять, что нас большинство, и мы сможем двигать далее дело слияния и национального согласия»⁷⁵. За Фернандесом Алонсо стояло большинство депутатов конгресса. К октябрю 1895 г. кризис был преодолен. Директорат консерваторов принял резолюцию, отвергавшую слияние. Фернандес Алонсо должен был смириться с удалением из партии своих приверженцев и главных активистов слияния⁷⁶. Консерваторы не хотели делить власть ни с кем.

⁷¹ *Camacho E.* A sus compatriotas (Con motivo del golpe de Estado de 5 de agosto de 1892). Buenos Aires, 1892. P. 6–7.

⁷² *Bolivia. Anuario de Leyes y Supremas disposiciones de 1892.* La Paz, 1893. P. 85.

⁷³ *Viscarra E.* La administración del Excelentísimo Sr. Baptista. Cochabamba, 1897. P. 10–15.

⁷⁴ *Mensaje del Presidente de la República de Bolivia señor Mariano Baptista.* Sucre, 1894. P. 5–6.

⁷⁵ Письмо С. Фернандеса Алонсо – Х.С. Вальдесу от 18 сентября 1895 г. – Archivo de La Paz (ALP). Fondo Julio Cesar Valdés (JCV). Caja 3 (C.3). D. 6.

⁷⁶ Письмо С. Фернандеса Алонсо – Х.С. Вальдесу от 23 октября 1895 г. – ALP. JCV. C. 3. D. 6.

Либералы жестко противостояли властям. На выборах в конгресс в 1894 г. оппозиция предпочла бойкот. Это заставило власть пойти на уступки, обещая оппозиции честные выборы. Действия правительства накануне выборов привели к некоторому успокоению общественных настроений, породили у либералов надежду на возможность легальной победы. В некоторых особо скандальных с точки зрения фальсификации выборов местах правительство согласилось проверить избирательные списки под контролем со стороны оппозиции⁷⁷. 7 апреля 1895 г. Баптиста издал циркуляр местным властям с запретом вмешательства в избирательный процесс на стороне одного из кандидатов. В случае таких нарушений правительство угрожало чиновникам увольнением и, главное, проведением повторных выборов. Либералы поддерживали политику правительства, а консерваторы, наоборот, даже пригрозили отказать правительству в поддержке⁷⁸. Однако действительность показала, что консерваторы не собирались уступать власть.

На деле во время выборов вновь были использованы все методы насилия и фальсификаций, что были уже опробованы в прежние времена. Как описывали либералы, в Чайянте (Потоси) правительственный кандидат вызвал войска. «Накануне дня голосования солдаты заняли все подступы к участку голосования, не допуская к нему нарушителей порядка и фальсификаторов, которыми объявили либералов». А в Клисе (Кочабамба), где было всего 200 человек, имевших право голоса, за правительственного кандидата было подано 1562 голоса⁷⁹.

9 октября 1894 г. политический совет Либеральной партии, отстранив Камачо от руководства партией, избрал нового лидера – Хосе Мануэля Пандо, одновременно выдвинув его кандидатуру на пост президента страны. Пандо выразил свою приверженность конституционному режиму, основанному на избирательном праве, выступил за невмешательство армии в политику и участие всех партий в работе парламента с целью сохранения внутреннего порядка⁸⁰.

Кандидат от Консервативной партии Северо Фернандес Алонсо также выступал за сохранение внутреннего порядка. Однако на выборах 1896 г. вновь повторились те же события и обвинения, что и на предыдущих. В предвыборной атмосфере 1896 г. появился новый элемент в политической борьбе – индейцы. В мае 1896 г. произошли восстания в Умале, Каламарке, Пукарани и других местах на Альтиплано. Индейцы протестовали против распродажи их земель и наступления поместий на общину. Новым явлением были политические лозунги в поддержку Пандо и либералов⁸¹. Именно тогда

⁷⁷ Memoria presentada por el Ministro de Gobierno y Justicia Dr. Macedonio D. Medina al Congreso ordinario de 1896. Sucre, 1896. P. 8.

⁷⁸ Memoria presentada por el Ministro de Gobierno y Justicia Dr. Macedonio D. Medina al Congreso ordinario de 1896. Anexos. P. 3.

⁷⁹ La diputación de Chayanta. Informe en derecho que presenta la oveja llamada «Partido Liberal» en 1898. Sucre, 1898. P. 7, 29.

⁸⁰ Crespo L. El mayor general don José Manuel Pando. T. 1. La Paz, 1889. P. 24; Archivo La Paz (Далее: ALP). Copiador de José Manuel Pando. Carta de José Manuel Pando a Fernando E. Guachalla. Pará, 21 de diciembre de 1894.

⁸¹ Condarco Morales R. Zarate, el Temible Willka. Historia de la rebelión indígena de 1899. La Paz, 1965. P. 57–58.

сложился союз индейцев и либералов. В 1895 и 1896 гг. индейцы аймара выступали с лозунгом «Да здравствует Тата Пандо!», что явилось прелюдией к событиям 1899 г. Восстания индейцев были жестоко подавлены.

Если Камачо, потерпев поражение на выборах, не стремился стать президентом страны с помощью вооруженного переворота⁸², то его преемник Пандо был готов к этому. Алонсо получил 18 тыс. голосов против 15 тыс., поданных за Пандо. Такой небольшой разрыв между кандидатами свидетельствовал об относительной чистоте выборов. 18 августа 1896 г. ставший президентом Фернандес Алонсо начал осуществлять политику примирения с оппозицией.

Если Фернандес Алонсо считал необходимым пойти на уступки либералам и даже создать единую с ними партию, то Пандо в отличие от Камачо был готов отойти от принципов легальной борьбы за власть и попытаться свергнуть консерваторов силой. Пандо был категорически против всяких попыток сближения с консерваторами и создания общей партии⁸³.

Спустя год, на муниципальных выборах вновь происходили столкновения между консерваторами и либералами. Победа либералов в большинстве районов республики вынудила правительство вернуться к практике запугивания, а либералы склонялись перейти к революционным методам борьбы, как к «естественному и священному способу самообороны»⁸⁴.

Правительства Баптисты и Фернандеса Алонсо продолжили политику своих предшественников по расширению дорог и колонизации востока. В 1893 г. экспедиция во главе с Пандо исследовала тропические районы севера страны – 400 кв. км в районе Бени, а в 1894 г. – пограничные боливийско-перуанские территории в районе р. Мадре-де-Диос. Между 1890 и 1892 гг. итальянец Луиджи Бальзан обследовал регион Бени. Были созданы новые школы и учреждения искусств и ремесел под руководством католического Ордена салезианцев; в 1892 г. основаны университеты в Оруро и Потоси и инженерная школа в Сукре. 18 мая 1895 г. был подписан временный договор о признании чилийского суверенитета над Антофагастой; тогда же были подписаны договор о границе с Аргентиной в районе Пуна-де-Атакама, протокол с Парагваем о разграничении в Чако и договоры с Бразилией и Перу о границах.

Между тем в экономике страны произошли большие перемены. Цены на серебро за десятилетие с 1890 по 1900 г. упали на 50%, а мировое производство увеличилось в два раза. При этом производство в Боливии практически стагнировало⁸⁵. Серебро перестало играть ведущую роль в доходах страны. Это было время каучукового бума. Если в 1890 г. сумма от пошлин на экспорт каучука составляла лишь 2% дохода казны, то в 1902 г. – 36%⁸⁶. Серебро уступало место новым продуктам экспорта – каучуку и олову.

⁸² *Campero I.S. Estadistas bolivianos. Severo Fernández Alonso. La Paz, 1895. P. 13; Rendón J.M., Aldunate J.V. Constitucionalidad de Bolivia. Antofagasta, 1896.*

⁸³ *Paz L. Op. cit. P. 482–483.*

⁸⁴ *La diputación de Chayanta. Informe de derecho que presenta la oveja llamada «Partido Liberal» en 1898. La Paz, 1898. P. 28–34.*

⁸⁵ *Mitre A. Op. cit. P. 27–29.*

⁸⁶ *Dunkerley J. Op. cit. P. 90.*

Многие серебряные рудники истощились, а в горной отрасли появились мощные капиталисты, разрабатывавшие залежи олова, спрос на которое на мировом рынке был на подъеме. Боливия стала главным производителем олова в мире. Консерваторы были тесно связаны с южными серебродобытчиками, закрывая доступ к власти новым промышленникам, в основном работавшим на севере с центром в Ла-Пасе. Эти новые магнаты связывали свою судьбу с либералами, заключили с ними союз во имя отстранения южной олигархии от власти. Подъем оловодобывающего сектора был столь быстрым, что серебродобывающие промышленники не успели перестроиться и перенаправить свои капиталы в новый сектор. Они перестали быть «капитанами прогресса», уступив это место новым промышленникам. Однако в отличие от «магнатов серебра» новые капиталисты не желали напрямую участвовать в политике, уступая эту роль партиям. Кризис серебра не вызвал конфликта между разными группами горнопромышленниками, так как многие серебродобытчики, как, например, Арамайо, также имели интересы в производстве олова.

Начавшийся политический кризис отражал неспособность правящей элиты сохранять единство рядов и безболезненно перейти к новому экономическому этапу, что привело к политическим катаклизмам. В политической сфере произошли изменения в позиции либералов. Годы преследований привели партию к антиолигархическим лозунгам, к апелляции к простому народу и защите интересов индейцев и городских низов⁸⁷. Либералы превратились в народную партию.

---

⁸⁷ El siglo XIX. Bolivia y América Latina. P. 688.

Часть V

ГОСПОДСТВО ЛИБЕРАЛОВ. «ЭПОХА ОЛОВА»

Глава 15

«ФЕДЕРАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ». 1898–1899

Сила Либеральной партии стала очевидной в 1897 г., когда на муниципальных выборах она получила большинство во всех крупных городах, за исключением Ла-Паса, где фальсификации результатов достигли колоссальных масштабов. Либералы опротестовали и добились признания своей победы в Ла-Пасе. Уступая либералам, правительство, тем не менее, приняло суровые меры именно в Ла-Пасе. Было объявлено «осадное положение» без указания ни временных, ни территориальных рамок для департамента Ла-Пас, что вызвало «удивление и недовольство даже в рядах правительственной партии»¹. Эта политика Чукисаки вызывала региональное недовольство в Ла-Пасе.

Накануне промежуточных выборов в конгресс в мае 1898 г. либералы в знак протеста против постоянных фальсификаций решили не участвовать в голосовании. В Ла-Пасе «осадное положение» не было снято. Местные власти отказывались регистрировать избирателей-либералов под разными предлогами. Либералы заявляли: «Бандитизм властей сделал невозможным участие партии в выборах в мае, здесь нет закона и справедливости»². В партии нарастали революционные настроения. В обращении к министерству внутренних дел Директорат партии заявлял, что после такого избирательного опыта надежды на изменение политики при президенте Фернандесе Алонсо полностью исчезли³. 10 октября 1898 г. в Сукре прошел съезд Либеральной партии, на котором победили сторонники насильственных действий. Либералы признавали право народа на восстание против деспотического правления⁴. Бастионом либералов был север страны, в первую очередь Ла-Пас.

В октябре 1898 г. президент Северо Фернандес Алонсо для успокоения севера решил временно переехать в Ла-Пас. В ответ депутаты от Чукисаки

© А.А. Щелчков

¹ Президиум Директората Либеральной партии – министру М. Пинилья от 8 марта 1898 г. – ANB. MI. Partido Liberal. 1898. T. 298. N 19.

² Президиум Директората Либеральной партии – министру М. Пинилья от 2 апреля 1898 г. – Ibid.

³ Президиум Директората Либеральной партии – министру М. Пинилья от 8 марта 1898 г. – Ibid.

⁴ Salinas Mariaca R. Vida y Muerte de Pando. La Paz, 1978. P. 67.

31 октября 1898 г. предложили проект закона «о постоянном местонахождении» конгресса и правительства⁵. Консервативный депутат от Ла-Паса Макарио Пинилья предложил закрепить нахождение конгресса в Ла-Пасе, но в условиях противостояния с депутатами юга в качестве компромисса выдвинул предложение переезда законодательной власти в Кочабамбу⁶. В ответ представители Ла-Паса внесли в конгресс проект закона о федерализации страны, которая превращалась в Боливийский Федеральный Союз⁷. Надо признать, что с самого основания Либеральной партии в ней преобладали сторонники федерализации, в которой они видели гарантию демократии и самоуправления по примеру США⁸.

Лозунги федерализации соответствовали настроениям части боливийской элиты, в основном региональной, желавшей демократизации управления, реформы жесткой централизованной государственной модели, в которой все рычаги власти находились в руках южной олигархии. Экономический подъем севера и других регионов создавал предпосылки перераспределения власти, сконцентрированной на юге. Ла-Пас давал львиную долю налогов, собираемых правительством, и считал, что Сукре несправедливо перераспределяет доходы в свою пользу.

Используя лозунги федерализма, либералы стремились привлечь самые широкие слои населения, а не только местную элиту. Они обращались к метисам-ремесленникам, к индейцам, обещая последним возвращение общинных земель, критиковали южную прочилийскую олигархию. На этом этапе либералы-федералисты противостояли аристократической Консервативной партии, объединяя вокруг себя самые широкие слои населения⁹. Тогда либералы были народной партией.

Закон о столице был принят, а федерализацию даже не стали рассматривать. Депутатам от Чукисаки удалось привлечь на свою сторону представителей Санта-Круса и Тарихи, передав им часть территории собственного департамента, а депутатам от Бени пообещали северную часть Ла-Паса. Чтобы избежать давления со стороны улицы, депутаты Ла-Паса предложили немедленно перенести все заседания в Кочабамбу и там рассмотреть все проблемные вопросы, но большинство 9 ноября отвергло это предложение¹⁰. Министр Макарио Пинилья, представитель Ла-Паса, советовал президенту наложить вето на закон о столице, но тот подписал его. Отныне правительство не могло менять местонахождение, как оно делало ранее. В знак протеста Пинилья ушел в отставку.

⁵ Официальной столицей Боливии являлся (и остается таковой по сей день) г. Сукре, хотя многие правительства работали в Ла-Пасе или периодически пребывали то в одном, то в другом городе. Из консервативных правительств Пачеко и Баптиста практически все время работали в Ла-Пасе, только Арсе оставался в Сукре.

⁶ *Irurozqui M.* La armonía de las desigualdades. Elites y conflictos de poder en Bolivia, 1880 – 1920. Cusco, 1994. P. 107.

⁷ *Ponce Sanjinés C., Montaña Durán A.M.* La Revolución Federal de 1898–1899. Su cruento desenlace y la frustración ideológica. La Paz, 1999. P. 33–34.

⁸ *Manifiesto que el jefe del Partido Liberal dirige a sus conciudadanos.* Sucre, 1885. P. VIII.

⁹ *Mendieta P.* Entre la alianza y la confrontación: Pablo Zárate Willka y la rebelión indígena de 1899 en Bolivia. La Paz, 2010. P. 32–33.

¹⁰ *Díez de Medina E., Crespo L.S.* La revolución federal. Su origen y desarrollo. La Paz, 1899. P. XIV.

Депутаты и сенаторы от Ла-Паса покинули конгресс и уехали в Ла-Пас. Дело шло к гражданской войне двух регионов страны. Лидеры либералов сенатор от Чукисаки Хосе Мануэль Пандо и Э. Вильясон, незадолго до этого приглашенный в правительство на пост министра иностранных дел, 1 декабря встретились с Алонсо и его ближайшими соратниками. После взаимных упреков Алонсо пообещал проведение честных выборов в 1900 г. и смягчить закон о столице, который смогут изменить депутаты следующих созывов. Алонсо подчеркивал, что его целью всегда было слияние двух партий во имя общих интересов. Пандо пообещал уговорить Ла-Пас искать компромисс и не идти на разрыв с правительством, заверял, что не поддержит восстание¹¹. С этим он и уехал в Ла-Пас. Пандо действительно не поддерживал федерализм Ла-Паса, а во время обсуждения этого вопроса в конгрессе отмалчивался. Однако события поставили его во главе одной из борющихся сторон¹².

Региональный конфликт между Ла-Пасом и Сукре уходил корнями в прошлое, а не был результатом борьбы либералов и консерваторов или противостояния магнатов олова и серебра. Ла-Пас был крупнейшим торговым и промышленным центром страны, в 1900 г. там проживали 60 тыс. человек, а Сукре оставался сеньориальным, аристократическим, университетским городом, местом пребывания горнопромышленников юга, Потоси, Порко, Липес и многочисленных землевладельцев-помещиков. Ла-Пас считал себя обделенным в распределении власти, был убежден, что Сукре живет за счет севера. В 1898 г. Ла-Пас внес в казну налогов на 515 712 боливиано, а получил от центра только 94 тыс. Сукре же отдавал 185 325 боливиано, но получал 377 914¹³. Другие департаменты, прежде всего такой ключевой, как Кочабамба, более симпатизировали Ла-Пасу, а не центру.

6 ноября 1898 г. на народном собрании в Ла-Пасе либерал Фернандо Элой Гуачалья¹⁴ провозгласил цель – федерализация Боливии¹⁵. Народ потребовал созвать Чрезвычайный конгресс для принятия закона о федерации. 13 ноября был образован Федеральный комитет во главе с Гуачальей, в который вошли как либералы, так и консерваторы, по шесть человек от каждой партии. В своей речи в комитете Гуачалья заявил, что на ближайших муниципальных

¹¹ *Soria Galvarro R.* Últimos días del gobierno Alonso. Reportaje para la historia. Potosí, 1919. P. 27–31.

¹² Существует мнение некоторых исследователей, что Пандо был готов возглавить восстание чукисакецев (он был сенатором от Чукисаки), если бы Алонсо наложил вето на закон о столице. При подписании закона восстал Ла-Пас и Пандо возглавил это восстание. Единственной целью Пандо было любое восстание для свержения Алонсо и прихода Либеральной партии к власти. – *Condarco Morales R.* Zarate, el Temible Willka. Historia de la rebelión indígena de 1899. La Paz, 1965. P. 126.

¹³ *Dunkerley J.* Orígenes del poder militar. La Paz, 2003. P. 92.

¹⁴ Ф.Э. Гуачалья был одним из тех членов Либеральной партии, на кого персонально обрушилась репрессивная машина консерваторов. Он был избран сенатором от Ла-Паса, но его полномочия были аннулированы. Он как журналист и депутат выдворялся из страны.

¹⁵ Любопытно, что федералисты Ла-Паса в 1898 г. объявили своим знаменем белый флаг, который был также символом федерализма Андреса Ибаньеса в Санта-Круссе в 1876–1877 гг., даже упоминались жертвы и кровь, пролитая в Санта-Круссе игуалитариями за федерацию. – *Boletín Oficial.* La Paz, 1898. N 2. 16.12. P. 1.

выборах обе партии выдвинут единый список во имя общих интересов федерализации страны¹⁶.

Префект департамента Серапио Рейес Ортис не терял надежды на компромисс с центральной властью, представителем которой был сам, но при этом поддержал выступление в Ла-Пасе. 6 декабря 1898 г. он направил телеграмму президенту, в которой условием умиротворения называл принятие депутатами манифеста с обещанием отмены закона о столице, созыв конгресса в Оруро и начало конституционной реформы, что должно было повернуть события в мирное русло¹⁷. Однако умеренная позиция префекта не устраивала большинство в Федеральном комитете. Уже 7 декабря Федеральный комитет собрался на совещание и принял заявление, которое направил президенту Алонсо, с требованием созвать в Оруро Чрезвычайный конгресс для изменений в конституции¹⁸.

Консерваторы Пинилья и Рейес Ортис убедили гарнизон принять сторону восставших. 12 декабря была создана Правительственная хунта в составе префекта Рейеса Ортиса, лидера либералов Пандо и бывшего министра Пинильи, секретарем хунты стал Гуачалья. Таким образом, двое из троих членов хунты были консерваторами. И консерваторы, и либералы Ла-Паса объединились против диктатора юга, а федерализм был идеологическим оправданием союза двух партий севера. К тому же федерализм не так отпугивал другие регионы страны, не готовые поменять централизм Сукре на диктат Ла-Паса. Выступление в Ла-Пасе с самого начала носило отпечаток регионалистского восстания.

Народ в Ла-Пасе с энтузиазмом поддержал восстание, удалось быстро сформировать большую гражданскую гвардию. Основу этого ополчения составили ремесленники и рабочий люд города. Современник событий писал: «Молодежь и самоотверженные ремесленники Ла-Паса шли на бой, распевая патриотические гимны, готовые к жертвам во имя родины!»¹⁹ За оружием послали в Перу. В начале января 1899 г. большое количество оружия, способного вооружить армию в 2500 человек, прибыло на границу с Боливией²⁰.

Узнав о событиях в Ла-Пасе, правительство объявило поход на усмирение «обнаглевших индейцев» севера (так презрительно южане называли жителей Ла-Паса)²¹. Президент лично возглавил поход армии на север, за свой счет создал и вооружил целый батальон из шахтеров своего рудника²². В Чукисаке также отмечался региональный патриотизм и энтузиазм при записи в добровольцы. Среди них было немало либералов из Сукре, руководствовавшихся исключительно региональным патриотизмом и готовых вести войну против своих же однопартийцев с севера. С обеих сторон разрывалась пропагандистская истерия ненависти южан к северянам и наоборот. Газеты федералистов писали: «В Чукисаке повсюду распространяется ненависть к Ла-Пасу, раздаются призывы к армии, к своим детям и мужьям убивать,

¹⁶ ALP. JCV. 1898. C. 2. D. 3.

¹⁷ Diez de Medina E., Crespo L.S. Op. cit. P. XXII–XXIII.

¹⁸ Ponce Sanginés C., Montaña Durán A.M. Op. cit. P. 58–59.

¹⁹ Ascarrunz M. La Revolución Liberal de Bolivia y sus héroes. Barcelona, 1899. P. 51.

²⁰ Boletín Oficial. La Paz. N 17. 1899. 05.01. P. 2.

²¹ Valencia Vega A. Historia política de Bolivia. T. V. La Paz, 1986. P. 1380.

²² Ponce Sanginés C., Montaña Durán A.M. Op. cit. P. 67.

уничтожать все что только возможно, чтобы стереть Ла-Пас с лица земли»²³. Войска юга преодолели 593 км пешим маршем через горы, поднявшись на холмное Альтиплано. Это был период дождей, что вконец вымотало армию.

19 декабря 1898 г. правительственные войска, которые стали называться конституционалистскими, достигли Оруро. Но для начала следовало дать армии отдохнуть и наладить снабжение во враждебном окружении. У правительства было 3 тыс. солдат, 14 пушек и 4 пулемета Максим. Но большинство военных были северянами, из Ла-Паса. Им Алонсо не доверял и поручил лишь охрану тыла, что ослабило правительственную армию. 6 января армия Алонсо находилась в 47 км от Ла-Паса. Президент намеревался предпринять артиллерийскую бомбардировку города с тем, чтобы залить свинцом этот город. Однако конституционалисты повернули назад к Виаче, так как получили известия, что из Перу идет партия оружия. Там они думали перехватить оружие, предназначенное для федералов. Эта новость запоздала: оружие было в Ла-Пас именно 6 января, сместив баланс сил в пользу федералистов.

Либералы призвали население Ла-Паса встать на защиту города, стали строить баррикады на улицах. Пандо обратился к индейцам аймара за помощью, обещая вернуть земли общинам. Положение индейцев, особенно на Альтиплано, было отчаянным: наступление на общинные земли со стороны белых, метисов и даже богатых индейцев усилилось. С помощью подкупа, подлога и прямого насилия общины захватывались частными владельцами, а усилия *apoderados* (так называемых уполномоченных) не давали желаемого результата. Индейцы через *apoderados* вступили в контакт с либералами, которые с демагогическими и популистскими целями включили в свою программу требование возврата земли общинникам. С началом восстания либералов их поддержка со стороны индейцев была предпринята²⁴.

Либералы говорили индейцам, что идет война «аристократии против чоло и индейцев». В Ла-Пасе даже собирали средства для вдов убитых правительственным войсками индейцев²⁵. В январе 1899 г. хунта Ла-Паса издала распоряжение устроить судебный процесс над армией Алонсо за убийства и грабежи индейцев²⁶.

Пресса федералистов описывала жестокости армии Алонсо, объясняя этим восстание индейцев. Газеты писали: «Чтобы избежать обвинений и определить ответственность, мы должны подчеркнуть, что действия индейцев на Альтиплано вызваны лишь грабежом и насилием со стороны армии вторжения унитаристов»²⁷. Что бы федералы ни говорили о своей непричастности к выступлениям крестьян, на самом деле агенты либералов сыграли главную роль в мобилизации индейцев против правительственной армии. Хунта в Ла-Пасе призвала индейцев к восстанию и сопротивлению наступающим войскам Алонсо. С середины декабря либералы и прежде всего Пандо стали договариваться с индейскими вождями о поддержке. Индейцы имели свои резоны для восстания, но поводом для него послужила гражданская война.

²³ Boletín Oficial. Número extraordinario. 11.01.1899. P. 1.

²⁴ *Mendieta P. Op. cit.* P. 160.

²⁵ Kollasuyo. N 63. La Paz, 1946. P. 196.

²⁶ Boletín Oficial. N 30. 1899. 3.02. P. 1–2.

²⁷ Boletín Oficial. N 23. 1899. 23.01. P. 1.

Знаменательно, что восстание распространилось лишь на те районы, куда пришли войска конституционалистов. Это объясняется лишь целенаправленной работой либералов²⁸.

Когда армия конституционалистов в 3 тыс. человек подошла к Ла-Пасу, там ее встретили 5 тыс. вооруженных индейцев. Они покидали свои деревни при подходе армии, лишая ее провизии, угоняя скот и даже сжигая поля. Пандо организовал партизанские отряды в районе расположения армии правительства, которая чувствовала себя окруженной со всех сторон. В течение января 1899 г. отдельные отряды Ла-Паса под командованием Исмаэля Монтеса и Пандо вступали в схватки с правительственными войсками. Самой серьезной победой федералистов был захват индейцами 22 января 1899 г. обоза с оружием, шедшего к Виаче, где стоял Алонсо²⁹.

Индийское восстание достигло глобальных масштабов. Во главе армии индейцев встал Пабло Сарате, принявший традиционный титул вождей аймара Вилька. Он происходил из Сикасики, которая стала центром восстания. Сарате был грамотным индейцем-уполномоченным, в предыдущие годы занимавшийся составлением петиций и жалоб индейцев в различных районах страны, решавший проблемы размежевания между крестьянами, поместьями и общинами. Он был своего рода представитель мира аймара перед креольским государством. При посредничестве *apoderados* в предыдущие десятилетия формировался союз крестьян-индейцев и городских политических групп, в первую очередь либералов, которые в те годы представляли как «народная» партия, противостоящая аристократии консерваторов. Либералы нуждались в союзе с индейцами и цинично, демагогично поддерживали требования возврата земель общинам, что полностью противоречило их доктрине и социал-дарвинистским убеждениям³⁰.

Сарате пользовался огромным авторитетом среди крестьян Альтиплано, а политически был связан с либералами, с Пандо. Целью всех индейских движений XIX в. было восстановление «пакта взаимности», как его называл английский историк Тристан Платт, в рамках которого государство не вмешивалось в дела общины и не ограничивало ее права на обмен на выплату индейцами трибута, подушной подати. Однако ожесточенная гражданская война между креолами привела к радикализации целей индейцев, желавших расширения параметров «пакта взаимности» вплоть до создания собственной автономии – республики индейцев внутри боливийского государства.

Либералы пытались ограничить восстание индейцев борьбой с конституционалистами. Пандо прилагал усилия к формированию из индейцев дисциплинированных военных отрядов, хотел добиться реального подчинения восставших «либеральному» командованию. В январе в Корокоро отряд конституционалистов, шедший в поисках продовольствия, был окружен и разбит индейцами. «Утром 22 января орды индейцев, среди которых было много шахтеров и простолюдин города, вооруженные палками и камнями, напали на солдат... В результате были убиты 28 человек, многие ранены... Дома и магазины богатых горожан были разграблены.... С этого дня город

²⁸ Condarco Morales R. Op. cit. P. 177–178.

²⁹ Boletín Oficial. N 23. 1899. 23.01. P. 3.

³⁰ Mendieta P. Op. cit. P. 158.

находится во власти двух тысяч индейцев, готовых в любой момент грабить и убивать», – так писал в Ла-Пас субпрефект Корокоро³¹. Следует подчеркнуть, что к индейцам присоединялись не только горняки – те же индейцы, но и городские низы, в основном метисы, а участие последних придавало восстанию социальный характер, хотя с расовым оттенком. Часто метисы и даже белые признавали власть индейцев и начинали носить характерную для последних одежду.

Бесконтрольные действия индейцев, известия о кровавых расправах над белыми и метисами в Айоайо, Корокоро и других местах отпугивали от либералов другие регионы страны, в чьей поддержке крайне нуждались революционеры Ла-Паса для обеспечения успеха в гражданской войне³². Пресса Ла-Паса оправдывала кровавые расправы индейцев над солдатами армии Алонсо, умалчивая о насилии против белых и метисов местных городов. Газеты живописали жестокости армии: «Систематическая резня индейцев вызвала, что естественно, ужасную реакцию. Индейцы увидели угрозу своей чести, собственности, самой жизни и подняли восстание в свою защиту. Сначала одни убивали, расстреливали целыми группами, грабили, насиловали женщин, а потом другие жестоко и кроваво мстили»³³.

Участие в гражданской войне на стороне либералов индейцы рассматривали как возможность изменить свое плачевное положение в республике. Восстание Вильки переросло рамки вспомогательной операции федералистов, превратившись в полномасштабную расовую войну против всех креолов и метисов. Под лозунгами поддержки либералов и Пандо крестьяне воевали не только с консерваторами, но и сводили счеты со своими врагами на местах, разоряли и грабили небольшие города и поместья в своей округе. Либералам и лично Пандо никогда не удавалось подчинить своих союзников единому командованию³⁴. В действительности на Альтиплано шли две войны: гражданская либералов и консерваторов и индейско-крестьянская, расовая.

28 февраля крестьянские отряды уничтожили в местечке Мооса батальон армии либералов. Здесь насилие и эксплуатация со стороны властей и бело-метисного населения городков в отношении индейцев были особенно тяжелыми. Этот район, провинция Инкисиви, был бастионом либеральной партии. Старый лидер либералов Э. Камачо был родом из этих мест. После начала гражданской войны жители организовали отряд «Пандо». Из Инкисиви он должен был идти на помощь либералам Кочабамбы. Остановившись в Мооса, солдаты по обыкновению совершили ряд насильственных действий, конфисковали имущество и продовольствие у местных жителей.

Индейцы, узнав о безобразиях солдат, введенные в заблуждение белыми жителями Моосы, которые действовали из соображений местной политики, не разобрались в принадлежности этих солдат и решили покончить с ними. Они окружили и разоружили батальон. Когда же либералы стали убеждать их, что они союзники, и начали кричать здравицы Пандо, индейцы ответили,

³¹ ALP. JCV. 1899. C. 2. D. 8.

³² *Condarco Morales R.* Op. cit. P. 250–251.

³³ Boletín Oficial. N 32. 1899. 06.02. P. 1.

³⁴ *Larson B.* Trials of National Making. Liberalism, Race, and Ethnicity in the Andes, 1810–1910. Cambridge, 2004. P. 234.

что не признают никакого Пандо, что их лидер Вилька. Все плененные военные – 120 человек были убиты. После ужасных сцен массовой резни, сопровождавшейся ритуальным каннибализмом, террор индейцев распространился на всю местную округу, на всех белых и метисов, которым было предписано впредь одеваться как индейцы³⁵.

Индейская война и ее размах привел в ужас самих либералов, готовых пойти на соглашение с консерваторами для подавления восстания. Сразу после Моосы 4 марта Пандо обратился с письмом к Алонсо, в котором он писал: «Боливия пойдет ко дну: индейцы ведут свою войну против белых, набирают силу. Только наши объединенные силы смогут подавить это восстание»³⁶.

Отряды Вильки осадили Оруро. Один из командиров федеральной армии Исмаэль Монтес писал в военном отчете: «Индейцы вступили в эту войну, но вскоре стали вести свою собственную войну... Они осадили Оруро, вызывая ужас у населения... Было необходимо нейтрализовать их, призвав других индейцев из тех районов, где они все еще демонстрировали подчинение начальству. Полковник Пандо должен был лично отправиться в Умалу³⁷, где местные индейцы отличались высокой моралью и покорностью, но главное – были заинтересованы в защите Оруро, через который проходили все их торговые операции и где находились все их склады и магазины коки... Удалось собрать три тысячи индейцев, которые прибыли к Оруро и встали щитом перед ордами Вильки»³⁸. Как и в былые времена креолы использовали внутренние противоречия и старую вражду между различными индейскими группами для достижения своих целей руками самих же индейцев.

Войска конституционалистов больше всех страдали от нападений индейцев и их отказа предоставлять провиант военным. Дело дошло до того, что солдаты южан, не разбираясь, уничтожали целые деревни, попадавшиеся им

Серрате Вилька

³⁵ *Mendieta P.* Iglesia, mundo rural y política: Jacinto Escobar párroco de Mohoza y su participación en la masacre de 1899 // *Estudios Bolivianos*. N 8. 1999. La Paz, 1999. P. 146–148.

³⁶ *Soria Galvarro R.* Op. cit. P. 169.

³⁷ Пандо вынужденно отправился в Умалу, где местные индейцы отказывались подчиняться Вильке, которого они выгнали из своего района. Пандо рассчитывал на их силу в противовес отрядам Вильки.

³⁸ *Ascarrunz M.* Op. cit. P. 62.

по пути. Тот же Монтес так описывал поход армии Алонсо от Парии к Оруро в апреле 1899 г.: «Кавалерийский отряд охраны Алонсо сначала выгнал из домов индейцев, которые жили в Парии, а затем безжалостно набросился на них, оставив страшную картину поля, усеянного трупами»³⁹.

Вилька создал собственную индейскую администрацию в освобожденных районах. Он издавал декреты об уничтожении частной собственности, разрушении всех построек в поместьях, о суде над врагами индейцев. Индейцы рассчитывали, что после победы либералов им за их участие в войне будет возвращена общинная земля, узурпированная поместьями⁴⁰. Вилька был защитником культурной социально-экономической автономии и плюрализма в рамках республиканского строя. Он был тесно связан с Либеральной партией и оставался верен союзу с ней, осуждая все расовые эксцессы своих соплеменников в Моосе, никогда не заявлял о тотальной войне с белыми и метисами, хотя индейские массы именно этим и руководствовались. Когда в пылу войны насилие с обеих сторон усилилось и стали часто поступать сообщения о жестоких нападениях на не индейцев, после событий в Моосе, 28 марта Вилька (возможно по просьбе Пандо) издал обращение, приказав читать его во всех городах и поселках страны. В нем говорилось: «Индейцы должны уважать белых и, наоборот, ибо у нас, у индейцев такая же кровь. Все мы – дети Боливии должны любить друг друга как братья... При нарушении этого распоряжения штрафовать от 100 до 200 боливиано, или наказывать тюрьмой сроком от 3 до 4 лет, или общественными работами, или 300 палочными ударами»⁴¹. Вилька и его сподвижники рассчитывали, что после гражданской войны и победы федералистов индейцы получат автономию, а он сам будет «президентом индейской родины»⁴².

Либералы, поддержанные в других департаментах, вполне могли рассчитывать на уступки Алонсо. 4 марта 1899 г. Пандо направил предложение Алонсо созвать Учредительное собрание для разрешения политического кризиса. Для обеспечения честных выборов Алонсо должен был уйти в отставку и передать власть главе Верховного суда⁴³. Алонсо отказался покинуть пост. Переговоры были прерваны, и стороны стали готовиться к решающему бою. 25 марта либералы взяли верх в важнейшем департаменте – Кочабамбе, где первое восстание либералов 14 марта потерпело поражение. Префект Кочабамбы Р. Сория Гальваро капитулировал и передал город либералам после кровавых сражений войск консерваторов и индейцев по дороге из Оруро в Кочабамбу⁴⁴. Это известие произвело самое тягостное впечатление на штаб Алонсо, в котором стали царить пораженческие настроения⁴⁵. Положение войск Алонсо было тяжелым: усилилось дезертирство, не хватало продуктов питания, в Оруро царил «настоящий голод»⁴⁶.

³⁹ Ibid. P. 64.

⁴⁰ Condarco Morales R. Op. cit. P. 268.

⁴¹ Mendieta P. Entre la alianza y la confrontación... P. 183.

⁴² Condarco Morales R. Op. cit. P. 278.

⁴³ Boletín Oficial. N 56. 11.03.1899. P. 2.

⁴⁴ Mendieta P. Entre la alianza y la confrontación... P. 181.

⁴⁵ Soria Galvarro R. Op. cit. P. 62–63.

⁴⁶ Boletín Oficial. N 63. 20.03.1899. P. 2.

10 апреля 1899 г. Пандо разбил правительственную армию у Крусеро де Копакабана, на пути из Парии в Оруро. Индейские отряды не принимали непосредственного участия в сражении, но окружали со всех сторон войска конституционалистов, нападая на них при малейшей возможности⁴⁷. При бегстве солдат конституционалистов на юг индейцы нападали и убивали отступавших. Фернандес Алонсо во время сражения оставался в Оруро, а затем бежал в Чили. 12 апреля либералы взяли верх в Сукре. Победа либералов была полная по всей стране. Гражданская война закончилась.

После победы над конституционалистами Пандо направил телеграмму Э. Вильясону: «Индейцы должны вернуться к своим очагам без каких-либо эксцессов. Необходимо пресекать все попытки неповиновения»⁴⁸. Еще в январе, после получения оружия, когда в Ла-Пасе стали более уверены в своих силах, появилось распоряжение правительства с призывом к индейцам «возвращаться к своему повседневному труду»⁴⁹. После победы при Крусеро 11 апреля Пандо торжественно вступил в Оруро, на следующий день индейцы Вильки также прошествовали по городу, а сам индейский предводитель вместе с Пандо разместился во дворце префекта. Там Пандо призвал индейцев вернуться к своим обычным занятиям. Одновременно из ряда районов Каракольо, Инкисиви поступали известия о нападениях индейцев на креольско-метисные города.

Особенно тяжелая ситуация сложилась в районе Пеньяс. Там, узнав о разгроме конституционалистов, индейцы объявили о создании собственного государства и правительства. Во главе его встал местный индейский лидер Хуан Леро. Индейское правительство Леро постановило, во-первых, разрушить и сжечь все строения, принадлежащие частным лицам – белым и метисам, во-вторых, провести суд над всеми врагами индейцев, в-третьих, уничтожить всех белых и метисов. 12–13 апреля в Пеньяс произошла кровавая оргия, жертвами которой пали и либералы, и консерваторы, все белые, попавшиеся в руки восставших. Индейцы Пеньяс считали, что действовали в соответствии с посланиями Вильки. В Пеньяс приходили послания от индейцев других районов о признании правительства Леро и о готовности выслать туда свои отряды поддержки, а также желании разрушить железные дороги⁵⁰. Только в конце апреля войска заняли Пеньяс и арестовали всех лидеров восставших.

«Индейское правительство» в Пеньяс отражало стремление индейцев-общинников добиться самоуправления и автономии в рамках федерального устройства Боливии. Лозунги федерализации страны, выдвинутые либералами, интерпретировались индейцами как призыв к установлению своего собственного автономного управления в индейских районах⁵¹.

Власти понимали, что успокоение может наступить только после того, как все лидеры восставших будут арестованы. В конце апреля среди горожан стали распространяться слухи о грядущем походе Вильки на Ла-Пас.

⁴⁷ Boletín Oficial. N 77. 11.04.1899. P. 1.

⁴⁸ Condarco Morales R. Op. cit. P. 356.

⁴⁹ Boletín Oficial. N 23. 23.01.1899. P. 4.

⁵⁰ Condarco Morales R. Op. cit. P. 361–363.

⁵¹ Mendieta P. Entre la alianza y la confrontación... P. 233.

Тогда же Вилька и 288 других индейских вождей были захвачены, брошены в застенки по обвинению в организации убийств в Пеньяс и в Моосе. Затем их предали суду, осудили и казнили⁵². И все-таки восстание принесло временное облегчение индейцам. Активная распродажа земли общин (особенно большое число общин было распродано в 1881–1885 гг.) прекратилась, новое наступление на общинное землевладение началось только в 1905 г.⁵³

Формально власть оставалась у хунты, в которой большинство составляли консерваторы. Сразу же после битвы при Крусеро хунта 14 апреля объявила Ла-Пас столицей страны. Предвидя возражения Пандо, хунта направила ему телеграмму: «Хотя мы уважаем ваше мнение, но исполняем наш святой долг, объявляя Ла-Пас столицей страны, а Учредительное собрание подтвердит наши действия»⁵⁴. Реальная власть была не у хунты, а у Пандо, командовавшего армией. Пандо настоял на немедленном введении полной свободы слова и заявил о гарантиях честных выборов. 14 апреля Пандо направил телеграмму местным властям, приказывая сохранять старую систему управления до последующих решений. Ни о каком немедленном введении федерализации речи не шло. Затем Пандо ушел в отставку с поста в хунте, что привело к политическому кризису.

Если консерваторы – члены хунты подчеркивали значение достижения региональных целей, переноса столицы в Ла-Пас, то Пандо добивался прихода к власти своей партии. Это выявилось во время обмена телеграммами между хунтой и Пандо после его отставки⁵⁵. Хунта понимала, что ее власть без Пандо иллюзорна, и тогда 17 апреля она заявила о сложении полномочий. Объясняя этот шаг, хунта подчеркнула, что причиной является нежелание Пандо оставаться ее членом, а также отсутствием согласия по вопросу будущего устройства государства, унитарного или федерального⁵⁶.

Секретарь хунты либерал Ф.Э. Гуачалья пытался уговаривать Пандо вернуться в состав хунты, но также настаивал на включение в новое правительство представителей консерваторов Ла-Паса, поддержавших «федеральную революцию»⁵⁷. 18 апреля состоялись переговоры Монтеса и Пандо, с одной стороны, и хунты, Э. Камачо, с другой. Пандо заявил: если будет перенесена столица и введен федеральный режим, против этого выступят Сукре, Тариха, Санта-Крус, и новая гражданская война неизбежна. Чтобы избежать этого, необходимо не предпринимать ничего до созыва Учредительного собрания. В результате двухдневных переговоров хунта вернулась к исполнению своих функций, назначила новый кабинет министров и согласилась оставить спорные вопросы о столице и федерации до созыва Учредительного собрания⁵⁸.

⁵² Было несколько процессов: по делу восстания в Пеньяс Вильку оправдали, но затем во время транспортировки на другой процесс он был убит, как объявили власти, при попытке к бегству.

⁵³ Klein H. *Haciendas and Ayllus, Rural Society in the Bolivian Andes in the Eighteenth and Nineteenth Centuries*. Stanford, 1993. P. 156.

⁵⁴ ALP. Caja José Manuel Pando (JMP). 1899. N 9. P. 1.

⁵⁵ ALP. JMP. 1899. N 9. P. 5–7.

⁵⁶ Ibid. P. 9.

⁵⁷ Ibid. P. 13.

⁵⁸ Ibid. P. 21–24.

20 октября 1899 г. в Оруро открылось Учредительное собрание. Хунта передала власть собранию, которое избрало Пандо президентом. Собрание должно было определить политическую систему страны. Многих сторонников федерализма ждало разочарование, когда один из лидеров либералов, имевший репутацию твердого федералиста, Э. Вильясон удивил своих сподвижников заявлением: «Не стоит расшатывать здание Боливии немедленным введением федерального режима»⁵⁹.

Депутатами были представлены несколько проектов федеральной конституции. Большинство опиралось на основной закон 1880 г., но предусматривало значительную децентрализацию управления и налоговых сборов. Собрание не стало их рассматривать на пленарных заседаниях и отправило в конституционную комиссию⁶⁰. Последовавшие затем предложения принять решение о федеральном режиме, а затем передать в комиссию поручение о разработке конституции неизменно отвергались собранием⁶¹.

Конституционная комиссия представила два проекта – федеральный и унитарный. Большинство в комиссии проголосовало за федерацию: «Необходимо немедленное введение федерального режима в республике... За это высказались на народных собраниях жители Оруро, Ла-Паса, Тарихи, Кочабамбы и других районов... Федерализм был и остается центральным пунктом программы боливийского либерализма, поэтому его надо осуществить, иначе получается, что это был лишь пустой лозунг, зовущий на борьбу в момент войны и не более». Важным замечанием сторонников федерализации было положение о правах индейцев, которые при унитарном государстве вообще не имеют шансов быть услышанными и получить участие в управлении своими делами⁶². Целый месяц шли дискуссии, пока Пандо ни предложил отложить до лучших времен решение этого вопроса. Он оказывал влияние на депутатов и добился своего. Либералы забыли о лозунгах федерализма, была введена в действие Конституция 1880 г., за что Пандо похвалил депутатов собрания в своей речи при закрытии сессий⁶³.

При федерализации страны победа либералов была бы обесценена, так как во многих регионах к власти вернулись бы консерваторы, а южная олигархия постепенно могла восстановить свои позиции. Для укрепления сво-

Мануэль Пандо

⁵⁹ La Convención de 1899. Revista parlamentaria de Bolivia. Oruro, 1899. N 5. 18.11.1899. P. 61.

⁶⁰ La Convención de 1899. N 5. 18.11.1899. P. 63.

⁶¹ La Convención de 1899. N 6. 22.11.1899. P. 81.

⁶² La Convención de 1899. N 7. 26.11.1899. P. 87–88.

⁶³ La Convención de 1899. N 14. 25.01.1900. P. 208.

их завоеваний либералам больше подходила унитарная система правления. Они предали забвению свои программные принципы, во имя которых – федерализм, республиканизм, автономия индейцев – за ними пошли городские низы, ремесленники и крестьяне-индейцы. В Либеральной партии произошел раскол: в августе 1899 г. часть либералов и поверженные консерваторы объединились в «Либеральный союз», а верные сторонники федерализма образовали отдельную фракцию «пуритан». Преобладание получила политика примирения и объединения с консерваторами⁶⁴. В результате «федеральной революции» произошло реструктурирование олигархического режима.

Приход либералов к власти внешне не привел к кардинальным изменениям в государственной системе, на смену одной доминирующей партии пришла другая. Однако режим правления Либеральной партии расширял социальную базу креольского государства. Либералы опирались не только на горнопромышленников юга и помещиков, а увеличивали свою базу за счет других социальных слоев, прежде всего среднего класса, ремесленников, мелких горнопромышленников, различных региональных элит.

«Федеральная революция» и индейское движение были кульминацией процессов и противоречий, накапливавшихся на протяжении всего XIX в. Крестьянская война и массовое народное движение метисов и креолов 1898–1899 гг. имели корни в многочисленных восстаниях индейцев и городских низов в течение всего периода со времени провозглашения независимости⁶⁵. Радикализм и широта индейского движения приостановили на некоторое время наступление на общину, что позволило ей сохраниться вплоть до аграрной реформы 1953 г.

---

⁶⁴ *Irurozqui M.* La armonía de las desigualdades. Elites y conflictos de poder en Bolivia. 1880–1920. Cusco, 1994. P. 125–127.

⁶⁵ *Platt T.* La experiencia andina de liberalismo boliviano entre 1825 y 1900: Raíces de la Rebelión de Chayanta (Potosí) durante el siglo XIX // Resistencia, rebelión y conciencia campesina en los Andes, siglos XVIII al XX / Comp. S. Stern. Lima, 1990. P. 261.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ. 1900–1920

С приходом к власти либералов стабилизировалось политическое положение, наступил внутренний мир. Это создало необходимые условия для модернизации страны, основой которой стал бурный экономический рост. К XX в. Боливия пришла с населением в 1,8 млн человек и площадью в 1,8 млн кв. км. На сельское население приходилось 75%, на городское – 25%¹.

На рубеже XIX–XX вв. в боливийской экономике произошли важные перемены, обусловленные как внешними, так и внутренними причинами. Начавшаяся в странах Западной Европы и в США вторая промышленная революция привела к появлению новых отраслей в тяжелой, легкой и пищевой промышленности, в которых стало широко использоваться олово. В результате металл, добывавшийся вместе с серебром и не пользовавшийся значительным спросом, сразу же приобрел большую ценность. В 1899 г. котировка олова на мировом рынке впервые превысила 100 ф. ст. за тонну, и с этого времени начали расти спрос и цена на него, что вызвало увеличение мировой добычи. В 1900 г. она превысила 90 тыс. т, а в 1904 г. достигла 100 тыс. т. В дальнейшем, за исключением отдельных лет, добыча олова не опускалась ниже 90 тыс. т, а цена на него – 100 ф. ст.² Боливия располагала богатейшими запасами олова. В 1890-е годы были открыты его новые месторождения в Потоси, Оруро, Ла-Пасе и Кочабамбе.

Оловодобывающая промышленность быстро превратилась в наиболее развитую отрасль национальной экономики: ее отличал высокий технический уровень и большая производительность рудников. Так, на руднике Катави была построена самая большая в мире горно-обоганительная фабрика, где действовали самые мощные в Южной Америке компрессоры и дизельные моторы, производилось и потреблялось более 30 тыс. кВт электроэнергии, больше, чем во всей остальной Боливии³.

Боливийское олово внесло важный вклад в обеспечение этим металлом мирового рынка. Уже в 1899 г. страна экспортировала 9979 т, что вдвое превышало показатель предыдущего года. В 1901 г. экспорт превысил 10 тыс. т и больше не опускался ниже этого уровня⁴. Соответственно росла и боливийская доля в мировой добыче: в 1900 г. – 10,7%, в 1920 г. – 23,7%. Боливия превратилась во второго в мире производителя олова после Малайи⁵.

Оловянный бум вызвал рост внешней торговли, изменив как ее состав, так и объем. Все добытое олово предназначалось на экспорт. В 1900–1920 гг. его стоимость выросла почти в 10 раз, с 14,6 млн боливиано до 112,6 млн.

© В.П. Казаков

¹ Городскими считались центры с населением свыше 200 человек, сельские – менее 200. – Censo General de la Población de la República de Bolivia. T. I. Cochabamba, 1973. P. 11, 13, 15.

² Peñaloza Cordero L. Nueva historia económica de Bolivia. Vol. 1–6. Vol. 6. La Paz; Cochabamba, 1985. P. 9.

³ Klein H. Bolivia: The Evolution of a Multi-Ethnic society. Oxford, 1982. P. 150; Almaraz Paz S. El Poder y la Caída: El estano en la Historia de Bolivia. La Paz, 1969. P. 21–22.

⁴ Peñaloza Cordero L. Op. cit. Vol. 6. P. 10.

⁵ CEPAL. Analisis y proyecciones del desarrollo económico de Bolivia. Mexico, 1958–1959. P. 8.

Олово превратилось в главный экспортный товар Боливии, основу ее экономики, заменив в этом качестве серебро. Если в 1900 г. на олово приходилось 24% боливийского экспорта, а на серебро 36,6%, то в 1920 г. доля олова поднялась до 72%, а серебра опустилась до 10,3%⁶.

В целом внешняя торговля за этот период выросла в пять раз. В течение всего этого времени страна имела положительный торговый баланс, а в 1915–1920 гг. значительное положительное сальдо, вызванные огромным спросом на сырье и ограниченным импортом в результате Первой мировой войны⁷.

До начала войны главными покупателями боливийской руды были Великобритания, Германия и Голландия. Импорт состоял в основном из шерстяных и хлопчатобумажных тканей, различных видов одежды и продуктов питания, а также машин и шел из Бельгии, Германии, Великобритании и США.

Боливийская экономика окончательно сложилась как моноэкспортная и интегрировалась в мировую в качестве поставщика сырья для цветной металлургии западноевропейских стран и США. Олово вывозилось в концентратах и выплавлялось за границей.

Горнорудная промышленность как по характеру своей продукции, так и из-за тесных связей с мировым рынком была ориентирована вовне, представляя собой по существу анклав. Такое положение главной отрасли национальной экономики препятствовало ее сбалансированному развитию. Горнорудная промышленность не только не стала двигателем, локомотивом внутреннего развития, но само ее развитие основывалось на общей отсталости страны. Секрет боливийского процветания объяснялся сочетанием самой передовой технологии на горнорудных предприятиях с самой низкой зарплатой в мире ее рабочих, на уровне выживания.

Влияние горнорудной промышленности на общеэкономическое развитие страны также уменьшалось из-за поведения владельцев горнорудных предприятий, которые ограничивались необходимыми инвестициями, увозя из страны все остальные доходы. Это сводило к нулю ее влияние на формирование капиталов в других отраслях.

Положение могла поправить политика государства по созданию налоговой системы, которая стимулировала бы сбережения и частные инвестиции в базовые предприятия. Но боливийское правительство проводило прямо противоположную политику, установив крайне низкий налог, не превышавший 6%, на экспорт продукции горнорудной промышленности. В 1900–1913 гг. государство получило в виде налогов лишь 12% от стоимости экспорта руды⁸.

Хотя возрождение горнорудной промышленности произошло на основе национального капитала, в конце XIX в. начались иностранные инвестиции, что было обусловлено растущим спросом на боливийские минералы на мировом рынке. До начала массовой добычи олова присутствие иностранного капитала не было значительным.

Положение кардинально изменилось с наступлением оловянного бума. Добыча олова потребовала значительно больших капиталовложений в машины

⁶ Bieber L.E. Las relaciones económicas de Bolivia con Alemania. Berlin, 1984. P. 20.

⁷ Ibid. P. 79.

⁸ Peñaloza Cordero L. Op. cit. Vol. 6. P. 66.

и технологии, чем добыча серебра, из-за большого количества необходимой руды. На пике добычи серебра в Уанчака количество добытого серебра никогда не превышало 400 т в год, тогда как добыча олова в богатейшей шахте Ла-Сальвадора достигала 9 тыс. т. Для финансирования таких объемов добычи национального капитала оказалось недостаточно и начался приток иностранных инвестиций. С 1907 по 1917 г. в Боливии было создано 10 иностранных компаний, в том числе «Ла Пас, Майнинг К^о», «Юнайтед Коркоропоппер Майнс», «Голд Майнс», «Боливиан голд Филдс К^о». В 1913 г. прямые инвестиции США составили 10 млн долл., а Великобритании – 2,099 млн. Вместе с тем доля Боливии в латиноамериканских инвестициях этих стран оставалась по-прежнему незначительной – 0,8% и 0,04% соответственно⁹. У Боливии появилась задолженность, которой не было до 1908 г.

Иностранный капитал использовался и в национальных корпорациях. Симон И. Патиньо, крупнейший производитель олова в стране, опирался на английский и американский капитал для финансирования своих предприятий. В компаниях другого оловянного магната Феликса Авелино Арамайо доля иностранного капитала также была значительной¹⁰.

Изолированный рост горнорудной промышленности, ориентированный на внешний рынок, обрекал остальную экономику на отсталость. Это касалось прежде всего сельского хозяйства. За редким исключением, земли Альтиплано и долин продолжали обрабатываться теми же орудиями труда, что и в колониальную эпоху.

Важным экспортным продуктом на рубеже веков был каучук, который приобрел значение с конца XIX в. в результате растущего спроса на него на мировом рынке с открытием процесса вулканизации. Однако с началом роста добычи олова и после уступки территории Акре в пользу Бразилии, а затем из-за конкуренции с аналогичной продукцией Юго-Восточной Азии его доля в боливийском экспорте упала с 49% в 1899 г. до 12% во втором десятилетии XX в.¹¹

С развитием горнорудной промышленности, особенно с ростом добычи олова, железнодорожный транспорт приобрел жизненно важное значение. До 1889 г. в Боливии не было железных дорог. В 1920 г. протяженность рельсовых путей достигла 1791 км и еще 371 км строился¹². Рост железнодорожной сети стал возможен благодаря притоку капиталов из трех источников: средств от экспорта; компенсаций, которые Бразилия и Чили выплатили Боливии по договорам 1903 и 1904 гг., а также иностранных займов. Как и в других латиноамериканских странах, строительство железных дорог преследовало цель обеспечить транспортировку сырья в порты отгрузки.

Открытие железных дорог к тихоокеанскому побережью оказало большое влияние на внешнюю торговлю страны, позволив значительно сократить продолжительность перевозок и увеличить объем экспорта. Через порты Антофагаста, Арика и Мольендо вывозились минералы не только из департа-

⁹ Cueva J.M. de. Bolivia: imperialismo y oligarquía. La Paz, 1983. P. 49, 52.

¹⁰ Langer E.D. Economic change and rural resistance in Southern Bolivia. 1880–1930. Stanford, 1989. P. 32–33.

¹¹ Bieber L.E. Op. cit. P. 33.

¹² Department of overseas trade. Report on the Finance, trade and production of Bolivia. L., 1928. P. 11.

ментов Ла-Пас и Оруро, но также с севера департамента Потоси и его южной части, экспорт которой ранее был ориентирован на аргентинский порт Росарио. В свою очередь, почти весь сбор каучука стал также экспортироваться через чилийские и перуанские порты. К 1910 г. 70% боливийской внешней торговли шли через порт Антофагаста¹³.

Железные дороги разрушили региональные экономики и торговые связи, сложившиеся в колониальные времена и основывавшиеся на снабжении рудников местными продуктами питания. С появлением железных дорог стало дешевле покупать импортные товары. Кочабамба, Тариха, северное Потоси и Чукисака – традиционные производители пшеницы были неспособны конкурировать с иностранным, прежде всего чилийским зерном.

Импорт шел не только из Чили и Перу, но и из Аргентины, которая начала экономическую экспансию в Южную Боливию. По мере строительства железных дорог на севере Аргентины и улучшением связей Буэнос-Айреса с внутренними провинциями, периферийные районы Боливии, такие, как Тариха, Чако и даже Санта-Крус, попали в орбиту экономического влияния Аргентины. В первые десятилетия XX в. они имели более тесные экономические связи с Аргентиной, чем с остальной Боливией, на их рынках господствовали аргентинские и европейские товары.

Годы мира и экономического роста способствовали росту городов, городского населения. Особенно вырос Ла-Пас: с 70 тыс. в 1900 г. до 115 тыс. в 1920 г. Рост населения наблюдался также в других городах: Оруро, Сукре, Кочабамба. Началась модернизация городского хозяйства: были проложены мощеные улицы и проведен полный спектр общественных работ для приведения боливийских городов к стандартам XX в. Вместе с этим появились первые фабричные предприятия легкой и пищевой промышленности: ткацкие и обувные фабрики, кожевенные, сигаретные, спичечные, картонные, а также пивные заводы¹⁴.

В целом обрабатывающая промышленность находилась в зачаточном состоянии. В ней было занято лишь 8% экономически активного населения, половину из которых составляли ремесленники¹⁵.

Падение добычи серебра и развитие оловодобывающей промышленности привели к перемещению экономического центра страны с юга на более динамичный север, в Ла-Пас. Этому благоприятствовало как географическое положение города, так и построенная железнодорожная сеть, обеспечившая ему легкий доступ к тихоокеанскому побережью. Ла-Пас стал коммерческим центром страны. Роль Ла-Паса как фактической столицы и относительно легкая связь с внешним миром сделали его местопребыванием штаб-квартир многих оловянных компаний.

Оловянный бум отодвинул Потоси на периферийные позиции в горно-рудной экономике. Тесно связанный с Потоси Сукре разделил его судьбу. Ко второму десятилетию XX в. гегемония Ла-Паса в национальной политике и экономике была полной, а Сукре утратил свое значение.

Большинство предпринимателей Сукре, столь успешно возродивших традиционную добычу серебра, так и не перешли к добыче олова. В их пред-

¹³ Bieber L.E. Op. cit. P. 50.

¹⁴ Department of overseas trade. Report on the Finance, trade and production of Bolivia. P. 8–9.

¹⁵ CEPAL. Analisis y proyecciones del desarrollo económico de Bolivia. P. 114–119.

Ла-Пас в начале XX в.

ставлении оно не шло ни в какое сравнение с более ценным и аристократическим серебром. Кроме того, для противодействия падению цен на серебро были произведены значительные инвестиции с целью улучшения его добычи как раз перед крахом отрасли, и она уже не смогла перейти к добыче олова.

Исключение составляло семейство Арамайо. Оно стало единственным, сумевшим успешно перейти от серебра к оловодобыче. Так называемые «бароны олова» Патињо и Арамайо олицетворяли новую горнорудную элиту, которая заняла господствующие позиции в общественно-экономической жизни страны.

«Вторая республика»

С приходом к власти либералов произошли изменения в структуре политической власти. Новая элита отличалась от прежних магнатов серебра как по своей социальной основе, так и по политическому поведению. Если последние играли активную политическую роль, непосредственно участвуя в управлении страной, четверо из них были президентами, а другие тесно связанными с существовавшими политическими партиями, то «бароны олова» устранились от прямого участия в политической жизни. Это объяснялось самим характером их бизнеса: масштабы производства, тесная связь с иностранным промышленным и финансовым капиталом, деперсонализация и иностранный менеджмент новых компаний делали невозможным и даже разрушительным их прямое участие в боливийской политической жизни.

Ярким примером нового типа предпринимателя был Патиньо. В 1897 г. он стал собственником богатейшего рудника Ла-Сальвадора. Скупив ряд британских и чилийских фирм, он основал в Оруро собственный торговый банк и приступил к инвестициям в европейские оловоплавильные заводы, приобретя в 1912 г. английский завод фирмы «Вильямс Харви К°». Для управления своей империей он переселился в Париж и стал более европейским, чем боливийским капиталистом¹⁶.

С заменой серебра оловом интересы, связанные с горнорудной промышленностью, стали более многообразными и сложными. Усилились конкурентная борьба между шахтовладельцами, столкновение интересов между севером и югом, начался раздел сфер влияния между крупнейшими компаниями. Все это не могло не отразиться на политической сфере.

Отныне политическая власть не осуществлялась непосредственно горнорудными магнатами. Они оставили политику специалистам, которые эффективно защищали их интересы. Видимое неучастие магнатов в политике с лихвой компенсировалось деятельностью их представителей в государственном аппарате. В то же время оно уводило их от критики. Риск для Патиньо и Арамайо сократился до минимума, они не были в правительстве, но обладали реальной властью.

Проведение политики было отдано в руки профессионалов из верхушки городского среднего класса и местной провинциальной землевладельческой элиты. Эти группы политиков, состоявшие из адвокатов, экономистов и советников, получили в Боливии название «роска».

Пришедшая к власти Либеральная партия стремилась организовать государственные институты в соответствии с классическими традициями либерализма, которые считались незыблемыми основами прогресса. Она хотела претворить в жизнь республиканский идеал, провозглашенный, но не осуществленный в стране. Образцом для нее являлась политическая модель США.

Боливийский либерализм провозглашал необходимость мира и порядка, освященного законом, как необходимое условие для прогресса. Либералы ратовали за медленные и постепенные реформы в соответствии с условиями страны на основе «философских принципов науки», когда их необходимость будет признана большинством нации. Они выступали как против избытка власти, которую они называли тиранией, так и против злоупотреблений свободой, против анархии.

Убежденные сторонники свободной рыночной экономики, они, тем не менее, не отрицали роли государства как организатора экономического развития. Хотя все они разделяли веру в демократические символы и конституционное правление, на практике же оставались приверженцами кастовой системы и олигархического правления.

Одним из первых шагов победивших либералов стал отказ от лозунга федерализма. В октябре 1899 г. генерал Х.М. Пандо занял президентское кресло. Либералы оставили в силе унитарную Конституцию 1880 г. Для лидеров либералов лозунг федерализма являлся средством добиться политических изменений, предложением для свержения власти консерваторов. Отвечая тем ли-

¹⁶ Klein H. Parties and political change in Bolivia. 1880–1952. London, 1971. P. 35.

бералам, которые настаивали на принятии федеральной системы правления, Пандо заявил: «Я не являюсь тем, кто не знает выгод этого принципа, и окажу ему честь в подходящий момент, когда Боливия решит свои международные проблемы, которыми прежде всего должны заниматься ее сыны без всякого различия, так как они должны быть поставлены прежде внутренних»¹⁷.

По мнению либералов, Боливия была не готова к установлению нового режима. Результатом преждевременного введения федерализма стало бы восстановление каудильистских форм власти, превращение палат конгресса в «семейные камарильи», которые одобряли бы власть диктатора. В свою очередь, такое развитие событий привело бы к общественно-политической нестабильности в стране. По мнению одного из лидеров либералов Исмаэля Монтеса, правительство должно принимать во внимание среду, традиции, обычаи и степень образованности народа, которым управляет, и в своей политике соотносываться с его способностями и потребностями.

Отказ от федерализма привел к расколу Либеральной партии на два крыла: официальное и так называемых «пуритан», которые остались на позициях федерализма. Последние, однако, не имели серьезного влияния. Поражение федералистской тенденции не было случайным, принимая во внимание особенности страны: ее экономическую и географическую разобщенность.

Отныне обновление страны шло при централистской гегемонии элиты Ла-Паса. Г. Сукре сохранил статус официальной столицы. Здесь размещался Верховный суд, а Ла-Пас превратился в фактическую столицу республики с местопребыванием правительства. Под лозунгом «ни победителей, ни побежденных» Либеральная партия пошла на компромисс с поверженными консерваторами, многие из которых поменяли политическую ориентацию в пользу либерализма. Либеральная партия стремилась представить себя выразителем интересов всего общества, утверждая, что «ее знамя покрывает всех боливийцев без различия политических цветов».

Пандо получил в наследство от консерваторов серьезный международный конфликт: бразильское проникновение в район Акре приняло угрожающие размеры. Этот предамазонский район на северо-востоке Боливии был богат каучуком, цены на который все время росли. Расположенный на границе с Бразилией, он привлек большое количество бразильских сборщиков и торговцев каучуком, которые не признавали боливийский суверенитет над этой территорией. Несмотря на ее важность, Боливия долгое время мало обращала на нее внимание. Лишь последнее консервативное правительство в целях остановить бразильское продвижение в 1899 г. построило Пуэрто-Алонсо на р. Акре и приступило к сбору пошлин от торговли каучуком, которая до этого не облагалась налогом. Одновременно был издан декрет о свободном судоходстве по рекам Акре, Пурус и Яку. Последняя мера наносила ущерб бразильской речной торговле, и в ответ Бразилия запретила перевозку боливийских грузов в своих водах.

Под давлением бразильского правительства Боливия отменила декрет. Однако вскоре бразильские поселенцы захватили Пуэрто-Алонсо и провозгласили «независимое государство Акре, Пуруса и Яки». Для подавления се-

---

¹⁷ *Irurozqui M.* La armonia de las desigualdades. Elites y conflictos de poder en Bolivia. 1880–1920. Cusco, 1994. P. 118.

паратистского движения боливийское правительство направило три военные экспедиции. Последняя во главе с Монтесом заставила мятежников сложить оружие и в начале 1901 г. восстановила над Акре боливийский суверенитет. В ответ Бразилия запретила перевозку боливийского каучука по своим рекам.

В начале 1901 г. боливийское правительство в стремлении сохранить суверенитет над этой территорией подписало договор с американской компанией под названием «Боливийский синдикат» для эксплуатации и колонизации Акре. По условиям контракта синдикат получал территорию в 13 тыс. кв. км сроком на 30 лет. Прибыли синдиката освобождались от налогообложения. Он получал исключительное право покупать земли и сдавать их в аренду. Ему передавалось монопольное право судоходства по рекам, а также разрешалось иметь собственную полицию.

Такое решение вопроса не устраивало бразильское правительство, которое содействовало второму восстанию в Акре в августе 1902 г. Сбросив маску, Бразилия действовала открыто: в Акре было послано 8 тыс. солдат; с Боливией были разорваны дипломатические отношения и ей был закрыт проход по Амазонке. Бразилия потребовала расторжения контракта с «Боливийским синдикатом».

Бразилия квалифицировала контракт с «Боливийским синдикатом» как «чудовищный, подобный концессиям в Африке». В ответ боливийский МИД ответил, что Боливия имеет законное право на этот район. Тем не менее Бразилия добилась, чтобы «Боливийский синдикат» передал ей свои права. Бесполезными оказались протесты боливийского правительства. Посланные для подавления восстания немногочисленные войска под командованием самого Пандо были бессильны перед бразильской армией. С целью избежать углубления конфликта Боливия оказалась вынуждена 17 ноября 1903 г. подписать договор в Петрополисе, по которому она отказалась в пользу Бразилии от территории Акре площадью 187 838 кв. км за 2,5 млн ф. ст., которые предназначались для строительства железных дорог для связи между двумя странами¹⁸.

Урегулирование отношений с Бразилией совпало с началом президентской кампании 1904 г. Подходил к концу президентский срок Пандо, и он готовился вручить власть своему преемнику от Либеральной партии. Но партия не была едина. Если Пандо оказывал прямую поддержку Монтесу, то «пуритане» выступали против правительственного вмешательства в выборы и поддерживали кандидатуру Л.П. Веласко.

Несмотря на оппозицию «пуритан», победил Монтес. Конгресс утвердил результаты выборов, и в дальнейшем Либеральная партия не имела оппозиции. В стране сложилась не характерная для нее ситуация: Либеральная партия правила без организованной оппозиции, после окончания федеральной войны и вплоть до 1920 г. не было попыток государственного переворота. Невиданный до этого рекорд в боливийской истории.

Главной фигурой либерального режима был Исмаэль Монтес. Монтес родился в 1861 г. в Ла-Пасе в семье профессионального военного. В юности

¹⁸ *Albecia Baldivieso V.* Las relaciones internacionales en la historia de Bolivia. La Paz; Cochabamba. 1974. P. 332; *Cusicanque J.E.* Historia diplomática de Bolivia. T. 2. La Paz, 1982. P. 308–310.

во время Тихоокеанской войны он вступил в армию и дослужился до капитана. С окончанием войны Монтес вернулся к гражданской жизни, стал преуспевающим юристом, получил кафедру гражданского права в университете Ла-Паса.

Монтес являлся бесспорным лидером Либеральной партии и играл ведущую роль в федеральной войне, будучи вторым лицом после Пандо в военном командовании. Национальный конгресс присвоил ему звание генерала. В правительстве Пандо он занимал пост военного министра. Способный, человек быстрых решений и немедленных действий, Монтес чрезвычайно нетерпимо относился к любой критике и оппозиции.

Первая большая проблема, с которой пришлось столкнуться правительству Монтеса, – отсутствие окончательного мирного урегулирования с Чили, которое упиралось в проблему побережья, выхода Боливии к океану. Монтес полностью пересмотрел позицию Либеральной партии, которая долгое время выступала за возвращение тихоокеанского побережья.

Свое президентство Монтес начал со скорейшего урегулирования пограничных вопросов с Чили. Позицию Монтеса разделяли Пандо и другие видные либералы. Важность договора с Чили Пандо объяснял необходимостью освободиться «от отвратительного перемирия, из-за которого у нас нет порта, а также таможенной свободы»¹⁹. Горнорудные магнаты были заинтересованы в решении спорных вопросов с Чили для беспрепятственного экспорта боливийских минералов через чилийские порты.

Переговоры с Чили протекали в неблагоприятной для Боливии международной обстановке, когда Чили урегулировала территориальные споры с Аргентиной и Перу. Боливия уже не могла играть на их противоречиях, использовать угрозу союза с одной из них в качестве козыря на переговорах с Чили.

Позиция Чили была непреклонной в отношении побережья. Когда боливийский министр иностранных дел Э. Вильясон направил чилийскому правительству ноту, в которой суммировались все отрицательные для Боливии последствия потери побережья, чилийский министр Кенинг ответил следующим образом: «Что побережье богато и стоит много миллионов, это мы знаем. Поэтому оно нас и интересует. Если бы оно ничего не стоило, у нас не было бы интереса его сохранить. Наше право проистекает из победы, этого высшего закона наций. Чили оккупировала побережье и присвоила его на том же

Исмаэль Монтес

¹⁹ Albeicia Baldivieso V. Op. cit. P. 347.

основании, на каком Германия аннексировала Эльзас и Лотарингию, на том же основании, на каком Соединенные Штаты завладели Пуэрто-Рико²⁰.

Несмотря на оскорбительный характер меморандума Кёнинга, Монтес спрятал гордость и продолжил переговоры, оправдывая их тем, что растущей торговле Боливии мешают старые соглашения, которые давали Чили контроль над боливийскими таможенными. Монтес считал, что любой договор, каким бы тяжелым он ни был, стоит того, чтобы восстановить контроль над своей экономикой.

На этой основе в октябре 1904 г. был заключен боливийско-чилийский мирный договор: Боливия уступала Чили свой суверенитет над побережьем; получала 300 тыс. ф. ст. компенсации, а также обязательство чилийского правительства построить железную дорогу Арика – Ла-Пас и его согласие гарантировать инвестиции в строительство железных дорог на боливийском Альтиплано. Помимо этого Боливии было предоставлено право свободного, беспошлинного транзита своих товаров через чилийские порты²¹.

Условия договора встретили повсеместное неприятие в стране. Однако Монтес добился утверждения договора. В палате депутатов он получил 37 голосов против 20. В сенате голоса разделились поровну – 5 на 5. Оправдывая договор, Монтес заявил в конгрессе: «Правительство полагает, что Боливия может жить и развиваться с большим или меньшим количеством километров территории»²². Такой «географический реализм» преследовал цель любой ценой урегулировать пограничную проблему и создать сеть железных дорог.

Деньги, полученные от Бразилии и Чили, правительство Монтеса использовало для развития инфраструктуры. В 1906 г. оно подписало контракт с консорциумом «Шпейер и К^о» и «Нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк» для строительства железных дорог.

Созданное с этой целью акционерное общество «Боливиан рейлуэй К^о» получило права монопольного и беспошлинного ввоза в течение 30 лет строительных материалов и техники и освобождалось от налогообложения всех построенных дорог. Боливийское правительство не имело права вести переговоры с другими компаниями. Для финансирования работ были выпущены гарантированные правительством закладные облигации первой серии сроком на 20 лет на сумму 3,75 млн ф. ст., которые оставались у компании, а также на 2,75 млн второй серии на 25 лет, предназначавшиеся боливийскому государству. Путем манипуляций с тарифами компания показывала столь малые доходы, что государство было вынуждено покрывать большую часть гарантий, не получив ничего от второй серии²³.

Контракт Шпейера оказался слишком дорогим и невыгодным для страны. В 1908 г. на сессии конгресса оспаривались условия контракта, говорилось, что в нем отсутствуют реальные гарантии для Боливии, что он означает передачу железных дорог в частные руки. Тем не менее сторонники Монтеса добились его одобрения. В своей значительной части контракт был

²⁰ *Céspedes A.* El dictador suicida. 40 años de historia de Bolivia. Santiago de Chile, 1956. P. 21.

²¹ *Albecia Baldovino V.* Op. cit. P. 346.

²² *Ibid.* P. 355.

²³ *March M.A.* The bankers in Bolivia. A Study in American Foreign Investment. New York, 1929. P. 73–78.

выполнен, соединив железнодорожным сообщением главные города – Потоси, Сукре, Кочабамба, Оруро, Ла-Пас друг с другом и с портами Арикой и Антофагастой. Монтес стал инициатором строительства железной дороги в Гуаки на берегу оз. Титикака для соединения с перуанской сетью. В целом построенные железные дороги способствовали ликвидации изоляции и преодолению регионализма, широко открыли страну мировому рынку.

Свержение консерваторов не привело к позитивным изменениям в развитии сельского хозяйства. В 1910 г. Международное бюро американских государств отмечало: «Что касается Боливии, то несмотря на плодородие ее плато, плоскогорья и огромные богатства, содержащиеся на восточных склонах гор, ее сельское хозяйство очень отсталое, страна редко заселена и имеет недостаточные пути сообщения и производство, что едва удовлетворяет свои потребности». Из 4 млн га пригодной для обработки земли обрабатывалась лишь половина²⁴.

Продолжалась экспансия латифундий, отчуждение, продажа и присвоение земель индейских общин. В ноябре 1900 г. правительство Пандо издало закон о продолжении ревизий индейских земель, которые были механизмом превращения общинных земель в частную собственность²⁵. Применение закона вызвало сопротивление индейцев, и власти вынуждены были посылать войска для их усмирения. В отношении государственных земель правительственным декретом была образована Национальная территория колоний.

Аграрный вопрос трактовался либералами не как социально-экономическая, а как техническая проблема. По их мнению, аграрный кризис стал результатом традиционной системы земледелия индейцев, а не системы их эксплуатации в асьендах. Созданное министерство сельского хозяйства ограничивалось агротехническими мерами, которые при всей их важности не решали проблем. Декретом 1905 г. была образована Хунта по развитию земледелия и скотоводства на базе «передовых асьенд». Но они не дали ожидаемых результатов.

Главным объектом аграрной политики Монтеса стали государственные земли. Он вдохновлялся идеей привлечения иностранных колонистов для заселения восточной части страны. Правительство выделило 8 зон для колонизации общей площадью в 270 600 кв. км. Главным механизмом образования латифундий на востоке страны стал закон о неводеланных землях от 26 октября 1905 г.

Отчуждаемая земля приобреталась не на аукционе, а по символической цене 10 сентаво за 1 тыс. га с обязательством поселить одну семью на каждую тысячу га. Но даже это требование не было выполнено. По признанию преемника Монтеса на президентском посту Э. Вильясона, «компании не привезли ни одной семьи, о которой было бы известно правительству».

Заявленная Монтесом необходимость иммиграции в Боливию для «прогресса земледелия и развития национальной промышленности» не получила развития как в ряде соседних стран. Созданная в 1907 г. первая колония с населением в девять человек стала и последней.

²⁴ Antezana A.S. Los liberales y el problema agrario de Bolivia (1899–1920). La Paz, 1991. P. 20–21.

²⁵ Bonifaz M. Legislacion agrario-indigenal. Cochabamba, 1953. P. 89–490.

Правительство Вильясона официально признало, что закон 1905 г. препятствует заселению страны и увеличению сельскохозяйственного производства. Оно обратилось к конгрессу с предложением аннулировать его и заменить другим, который дал бы правительству право контролировать куплю–продажу государственной земли с целью ее заселения и обработки. Однако конгресс отказался рассматривать это предложение.

Отрицательные последствия аграрного законодательства для развития сельского хозяйства признал и Монтес в годы второго президентства. В одном из посланий конгрессу он заявил, что все аграрное законодательство 1866–1905 гг. способствовало лишь расхищению национального достояния, что страна не может больше продолжать проводить прежнюю политику, что необходимо принять новую, запретив продажу государственных земель впредь до одобрения окончательного плана колонизации²⁶.

Принятый в сентябре 1915 г. закон прекратил продажу невозделанных земель по всей стране. Вместе с тем он гарантировал права собственников на уже приобретенные земли и дал им отсрочку до 1920 г., чтобы выполнить требование закона 1905 г. о заселении. Но как раз этого они не собирались выполнять, требуя заменить его налогом. Монтес, идя им навстречу и в противоречии с собственными словами о расхищении национального достояния, просил конгресс удовлетворить это требование²⁷.

Для либералов проблема индейцев сводилась к вопросу их просвещения и образования. Таким путем предполагалось получить, по словам президента Вильясона, «миллионы жителей с большой производственной способностью», которые занимались бы земледелием и скотоводством», «людей практичных, искусных в сельских работах, помощников во всяком производстве». В 1911 г. президентским декретом учреждается школа для подготовки учителей для индейцев. Предполагалось обучать их навыкам ручного труда без отрыва от обычных занятий²⁸.

Противоречивое влияние на положение индейцев оказал закон о почтовой службе 1911 г. С одной стороны, он освобождал индейцев от несения почтовой повинности. С другой, касался собственности и налогообложения общинных земель. Налоговая реформа предусматривала изъятие не имеющих документов на собственность общинных земель, которые объявлялись государственной собственностью и подлежали продаже с торгов. Таким путем продолжалась политика захвата общинных земель, поскольку не все общины имели эти документы²⁹.

Вместе с тем из-за постоянного сопротивления индейцев правительство Вильясона запретило рассматривать общинные земли в департаментах Ла-Пас и Кочабамба как невозделанные и их продажу³⁰.

Введение в 1907 г. всеобщей воинской повинности преследовало цель интеграции индейцев в боливийское общество. Обосновывая принятые законы, Монтес сказал, что «демократическая система нуждается во всех, без различия расы или класса, чтобы отдать свою кровь в служении нации»³¹.

²⁶ Antezana A.S. Op. cit. P. 111–118.

²⁷ Ibid. P. 200–206.

²⁸ Ibid. P. 183–184.

²⁹ Bonifaz M. Op. cit. P. 494–495.

³⁰ Antezana A.S. Op. cit. P. 191, 193.

³¹ Dunkerley J. Orígenes del poder militar. Bolivia, 1879–1935. La Paz, 2003. P. 119.

Обязательная воинская служба распространялась на всех мужчин в возрасте от 19 до 49 лет, включая индейское население с обязательным изучением солдатами-индейцами испанского языка. Для подготовки офицеров были приглашены военные миссии из Германии и Франции³². Во главе немецкой миссии стоял генерал Ганс Кундт, сыгравший впоследствии важную роль в строительстве боливийской армии.

Реформы также охватили и другие области общественной жизни: с перерывом в несколько лет были введены гражданский брак и светское школьное образование. Последнее позволило создать систему начального образования в городах, дав городским массам возможность учиться.

Подводя итоги своего президентства, Монтес в послании конгрессу говорил: «Я начал перестройку Боливии путем строительства сети железных дорог. Я поднял национальную культуру, открыв свободные и широкие горизонты народному образованию, через которое началась эмансипация индейцев. Я создал национальный кредит, из армии сделал то, чем она должна быть: стражем интересов и институтов республики внутри и вне ее границ. Я жду окончательного приговора истории»³³.

На президентском посту Монтеса должен был сменить Ф.Э. Гуачалья, последний из членов либерального триумvirата времен «Федеральной революции», но он умер за несколько дней до инаугурации. Конгресс продлил Монтесу срок полномочий на один год. В 1909 г. президентом стал ставленник Монтеса Элиодоро Вильясон (1909–1913).

Президентство Вильясона стало промежуточным между двумя сроками Монтеса и отличалось от последнего относительным спокойствием во внутривнутриполитической жизни, совпав по времени с периодом экономического процветания. Рост правительственных доходов позволил Вильясону продолжить начатую Монтесом программу общественных работ и даже составить бездефицитный бюджет на 1912 г. – в первый и последний раз за все время либеральных правительств. В 1910 г. на основе иностранных займов был создан Банк боливийской нации с капиталом в 2 млн ф. ст. Однако правительству Вильясона не удалось заставить частные банки отказаться от права денежной эмиссии.

Начало второго президентства Монтеса ознаменовалось ухудшением экономического положения и обострением внутривнутриполитической ситуации. К этому времени в результате проводимой либеральными правительствами политики модернизации наметились важные социальные сдвиги: началось складывание рабочего класса.

Начало рабочего движения

С ростом горнорудной промышленности и первых фабричных предприятий в городах появился новый тип наемного работника – индустриальный рабочий. Однако его становление приняло затяжной и противоречивый характер. Отличительной чертой складывания боливийского рабочего класса

³² Walle P. Bolivia, its people and its resources, its railways, mines and rubber-forests. London, 1925. P. 100–105.

³³ Cespedes A. Op. cit. P. 34.

было отсутствие в его рядах иммигрантов. В отличие от своих более передовых соседей в Боливии эволюция рабочего движения носила медленный и запоздалый характер, что объяснялось слабым промышленным развитием, преобладанием ремесленных, полукустарных предприятий. Многие рабочие рассматривали свое пребывание в рядах рабочего класса как временное, переходящее явление. Такие надежды рабочих имели под собой основание, обусловленное уровнем экономического развития Боливии. Успешная работа на мелких полукустарных предприятиях, в ремесленных мастерских зависела от квалификации работника, его инструментов и небольшого капитала. Все это он мог заработать. Поэтому квалифицированный рабочий стремился скопить денег и открыть собственную мастерскую.

До начала XX столетия в Боливии отсутствовали профсоюзы. Несколько существовавших рабочих организаций были или ремесленными гильдиями или обществами взаимопомощи, влияние которых не распространялось дальше тех немногих рабочих, которых они объединяли. Рабочая печать ограничивалась нерегулярными и ограниченными изданиями. Следствием всего этого стало относительно позднее проникновение в рабочее движение анархистских, синдикалистских и социалистических идей.

Объединение ремесленников проходило под знаком взаимопомощи и просвещения. Мютюалистские организации нашли благоприятную почву для своего возникновения. В 1905 г. рабочие типографий Ла-Паса организовали первый профсоюз – Национальный совет печатников. Его возглавил владелец типографии «La Prensa» Х. Кальдерон и ученый, публицист Л. Креспо. Оба они были членами Либеральной партии, которая стремилась взять под свой контроль рабочие организации и использовать их в своих целях.

В 1908 г. на базе профсоюза печатников Кальдерон организовал Рабочую федерацию Ла-Паса, объединившую наряду с ремесленниками мелких владельцев типографий, превратившихся в собственников или стремившимися ими стать в скором будущем.

Федерация носила мютюалистский характер, являлась организацией взаимопомощи. Как и подобные объединения ремесленников в XIX в., одной из целей она провозглашала повышение морального и культурного уровня ее членов. Для обучения рабочих предлагалось организовать профессионально-техническую школу. Организация стремилась к улучшению условий труда рабочего класса «в пределах своих возможностей и средствами, которые разрешает закон»³⁴. Федерация провозгласила невмешательство в политическую и религиозную жизнь. Вместе с тем в ее уставе было записано требование празднования 1 Мая.

Рабочая федерация Ла-Паса стала опорой Либеральной партии, и не случайно ее почетными президентами в разные годы избирались видные либералы, в том числе президент Монтес. Либералы использовали рабочих в борьбе со своими политическими противниками. Так, Монтес в противовес кандидатуре своего политического противника Баутисты Сааведры добился избрания Кальдерона депутатом конгресса.

³⁴ Lora G. Historia del movimiento obrero boliviano. 1906–1923. La Paz; Cochabamba, 1969. P. 99.

Кальдерон по праву считается пионером социального законодательства Боливии. Рабочий-печатник, затем владелец типографии, он, став депутатом, выступил за принятие закона о защите прав рабочих, одновременно ратуя за развитие гармонических отношений между хозяевами и рабочими. Кальдерон считал, что в южноамериканских странах не существует борьбы труда с капиталом, поскольку предложение значительно превышает спрос, и что необходимо бороться с иностранным засильем в промышленности, для чего правительство должно обеспечить национальному капиталу равные условия в конкурентной борьбе с иностранным. Его предложение законопроекта о компенсации рабочим за несчастные случаи на производстве не было даже рассмотрено конгрессом. Лишившись поддержки Либеральной партии, Кальдерон не был переизбран в конгресс.

В 1904 г., еще до появления Рабочей федерации Ла-Паса, группа демократической интеллигенции во главе с М.Л. Уркистой и М.П. Гутьерресом организовала «Общество Агустино Аспиасу» – по имени мыслителя, левого либерала, который в 1870 гг. сумел завоевать доверие ремесленников в борьбе с Мельгарехо. Общество провозгласило себя наследником его идей, его члены называли себя «радикальными социалистами» и издавали пропагандистский листок «для чтения народом». В уставе общества указывалось на две цели в его деятельности: радикально-социалистическая пропаганда и изучение боливийской действительности, ее истории, богатства и территории.

«Общество Агустино Аспиасу» стало первой попыткой боливийских левых интеллектуалов, испытавших определенное влияние социалистических идей, установить связи с трудящимися. Несомненной заслугой общества была пропаганда среди рабочих значения 1 Мая как дня международной пролетарской солидарности. Впервые 1 Мая отметили трудящиеся Ла-Паса в 1906 г.

«Общество Агустино Аспиасу» повлияло также на возникновение Радикальной партии. Радикальная партия во главе с писателем и поэтом Франц Тамайо, объединившая разнородные элементы от консерваторов до социал-реформистов, оппозиционных либерализму, претендовала на влияние в рабочей среде. В издававшейся радикалами газете «El Figaro» имела рабочая страница. Газета призывала рабочих голосовать на выборах за кандидатов-радикалов, которые позиционировали себя в конгрессе как защитники интересов рабочих. Они выступали против принятия закона о налоге на зарплату, мотивируя это тем, что зарплата рабочих не соответствует жизненному уровню. В 1913 г. радикалы создали Рабочую радикальную лигу во главе с Тамайо и М. Элио, которая, однако, просуществовала недолго.

Во втором десятилетии XX в. на боливийское рабочее движение начали оказывать влияние идеи анархизма и в меньшей степени социализма. Они пришли в Боливию с опозданием по сравнению с соседними Чили и Аргентиной. Если в последних их распространение шло через массовую европейскую иммиграцию, то в Боливию их принесли трудовые мигранты. Тысячи боливийских рабочих в поисках лучшей доли уезжали на заработки в Чили. Вернувшись на родину, многие из них затем оседали в горнорудных поселках³⁵.

³⁵ Родригес Гарсия У. Анархизм в боливийских Андах в первой половине XX века // Латино-американский исторический альманах 2014. № 14. С. 249.

Важным моментом в становлении профсоюзного движения было создание в 1912 г. передовыми группами ремесленников Ла-Паса Интернациональной рабочей федерации (ФОИ). Несмотря на то что в федерации еще существовали мютюалистские организации, она расширила рамки своей деятельности, выдвинув требования, характерные для современных профсоюзов. ФОИ ставила задачу освобождения трудящихся из-под влияния либералов и создания независимой от буржуазных партий классовой организации рабочих. Издававшаяся федерацией газета «Defensa del obrero» вела кампанию за 8-часовой рабочий день, став первой рабочей газетой Боливии. В целом ФОИ занимала анархо-синдикалистские позиции, хотя существовали и другие идейно-политические течения.

Следующим важным шагом в организации рабочих в профсоюзы стало создание в 1918 г. членами ФОИ Рабочей федерации труда (ФОТ), которая объединяла горняков, железнодорожников и другие отряды рабочего класса и вскоре стала одним из главных рабочих центров страны.

Первый общенациональный профцентр был создан в 1918 г. железнодорожниками – Железнодорожная федерация Оруро, которая выступала организатором забастовок. Важнейшая из них – общенациональная забастовка железнодорожников в 1920 г. была подавлена силой.

Железнодорожники способствовали организации Лиги рабочих и служащих рудников. В 1914, 1918 и 1919 гг. горняки провели забастовки с требованием увеличения заработной платы и обеспечения безопасности труда, которые были подавлены властями³⁶.

Это были первые шаги в организации рабочего движения, и они оказали влияние на политическое положение в стране.

Кризис правления Либеральной партии

Начало второго президентства Монтеса ознаменовалось усилением экономической и политической напряженности в стране. В результате мирового экономического кризиса 1913 г. упали цены на основные товары боливийского экспорта. К внешнеэкономическим прибавились внутренние трудности: неурожаи 1913, 1914 гг. в результате плохих погодных условий. Несмотря на неблагоприятную экономическую ситуацию, Монтес решил осуществить банковскую реформу, отложенную его предшественником. Суть ее заключалась в предоставлении Национальному банку, находившемуся под государственным контролем, монополии на денежную эмиссию, что дало бы правительству возможность контроля над денежным обращением.

Реформа устанавливала конвертируемость банковских билетов, предоставляя исключительное право их выпуска Национальному банку. Частные банки лишались права денежной эмиссии, которую использовали не для финансирования реального сектора экономики, а для получения процентов от предоставляемых в кредит эмитируемых билетов.

³⁶ Lora G. Op. cit. P. 63–65, 163–168, 178–183, 200, 408; Rodríguez Ostría G. El socavón y el sindicato : Ensayos históricos sobre los trabajadores mineros. Siglos XIX–XX. Quito, 1999. P. 63; Rodríguez García H. La choledad antiestatal : el anarcosindicalismo en el movimiento obrero boliviano. Buenos Aires, 2010. P. 23–32.

Несмотря на то что закон предоставлял банкам сроки и гарантии для сбора и уничтожения билетов, они саботировали его. Частные банки стали ограничивать кредит. Пострадавшие от реформы банкиры развернули антиправительственную кампанию в прессе. В знак протеста против закона два из трех действовавших в Боливии иностранных банков прекратили свои операции.

Оппозиция банковских кругов встретила поддержку у политических противников Монтеса. При поддержке банков ряд политиков-диссидентов стали встречаться с целью организации оппозиционной партии. Среди оппозиционных деятелей выделялся адвокат Баутиста Сааведра, в прошлом бывший министром образования в правительстве Монтеса. Ортодоксальный либерал, он получил известность защитой индейцев, обвиняемых в бойне в Моосе во время «Федеральной революции» в 1899 г. У Сааведры были тесные контакты с ведущими деятелями старой Консервативной партии и группой либералов-пуритан. Они объединились в оппозиции Монтесу.

Лидером этой оппозиции стал крупный землевладелец из Кочабамбы сенатор Д. Саламанка. Первоначально Саламанка был связан с Либеральной партией, но не присоединился ни к монтистам, ни к пуританам, возглавив в конгрессе оппозицию договору с Чили и контракту Шпейера. Саламанка считался выдающимся парламентским оратором своего времени и был известен защитой конституционного правления и первоначальных принципов Либеральной партии, сформулированных ее основателем Камачо.

Призыв Саламанки организовать новую партию – Республиканский союз (Республиканскую партию) – встретил поддержку у всех оппозиционных сил. Причины такого единодушия носили экономический характер и были напрямую связаны с банковской реформой. Сам Саламанка объяснил это следующим образом: «Страна, которая терпела узурпацию своих суверенных прав и безразлично наблюдала коррупцию своих институтов, не могла с тем же спокойствием терпеть ущерб своим экономическим интересам. Такова причина возникновения нашей партии»³⁷.

В основу программы Республиканской партии легли, однако, не экономические, а политические требования, что объяснялось ее разнородным составом, необходимостью примирить интересы консерваторов и пуритан, приведя их к общему знаменателю. Этому как нельзя лучше отвечал лозунг: «Защита нации против наступления власти». Такая неопределенность программных целей республиканцев дала повод Монтесу определять новую партию как «конгломерат изменников, отступников без гражданского сознания и доктрины»³⁸.

Столь стремительное возникновение широкого оппозиционного движения вызвало беспокойство Либеральной партии. Впервые за 15 лет правления у нее появился серьезный соперник, реально претендующий на власть. Положение осложнялось особенностями характера Монтеса, который рассматривал любую оппозицию как личное оскорбление. В преддверии созыва съезда республиканцев правительство Монтеса объявило осадное положение, выслало 40 деятелей оппозиции и закрыло 13 оппозиционных газет.

³⁷ Klein H. Op. cit. P. 47.

³⁸ Cespedes A. Op. cit. P. 39.

Несмотря на надежды Монтеса такими мерами сокрушить оппозицию, Республиканская партия не исчезла. Оправившись от первоначального шока, местные комитеты оказали поддержку лидерам, и после отмены осадного положения республиканцы под руководством Саламанки провели в январе 1915 г. в Оруро свой съезд, на котором было оформлено создание партии и принята программа.

Республиканская партия объединила остатки Консервативной партии и либералов-пуритан, включая генерала Пандо, перешедшего в оппозицию к Монтесу. В своей программе республиканцы выступали за свободные выборы, независимый парламент и свободную от влияния исполнительной власти судебную систему. Программа также включала требования местной автономии и децентрализации правительственной власти. Она во многом напоминала первоначальную программу Либеральной партии, разработанную Камачо. Как и он, республиканцы видели ключ к обновлению власти в свободных выборах – «основе демократических, республиканских институтов». Согласно программе, «свободные выборы позволяют большинству прийти к власти и являются средством воспитания народа в демократическом духе».

Помимо политических вопросов правительство Монтеса подвергалось критике за опасную и рискованную экономическую политику, заключавшуюся в проведении банковской реформы. Программа содержала параграф, призывающий к проведению законодательных реформ в социальной области и противодействию иностранному капиталу. Что касается социального законодательства, то предлагалось принять законы по зарплате, жилью и несчастным случаям на производстве, а также по защите детства. Специальная защита предусматривалась для «индейской расы и принадлежащей ей земли»³⁹.

Критика правительства Монтеса велась с последовательно либеральных позиций. Сааведра, подчеркивая банкротство официального либерализма, говорил: «Что меньше всего между нами, так это свободы. Нет свободы промышленности, собраний, слова и печати». Саламанка комментировал требование свободных выборов в следующих словах: «Необходимо отметить, что избирательная борьба не ведется между двумя или более партиями на почве свободы и равенства, которые позволяют оценить их демократический потенциал. Нет, к сожалению, борьба ведется оппозиционной партией против всех сил и влияния существующего правительства. Мы знаем в Боливии, что администрация представляет собой огромную власть. Могущественный централизм поставил всех под одно руководство, которое служит интересам правящей группы»⁴⁰.

С восстановлением двухпартийной системы вернулось и насилие на выборах. Этому благоприятствовали особенности избирательной системы в стране. Избирательными правами пользовалось меньшинство населения: существовал имущественный ценз и требование грамотности, т.е. избиратели были белые и метисы из высшего и среднего класса, а также верхушка ремесленников и торговцев-чоло, женщины избирательных прав не имели. Выборы носили открытый характер и проходили на центральной площади

³⁹ *Cornejo A.S. Programas politicas de Bolivia. Cochabamba, 1949. P. 71–81.*

⁴⁰ *Gomez E. Bautista Saavedra. La Paz, 1975. P. 71.*

каждого города. Таким образом, правящая партия могла воспрепятствовать избирателям вход на площадь, а представителям оппозиции участвовать в избирательных комиссиях. Имея такую возможность, либералы широко прибегали к насилию и запугиванию избирателей.

Обе партии имели собственные клубы, задачей которых была организация массовых демонстраций во время избирательных кампаний и недопущение соперников на избирательные участки. Каждые выборы сопровождались настоящими битвами между сторонниками либералов и республиканцев и между последними и полицией, в результате чего были убитые и раненые.

Не добившись ликвидации Республиканской партии в зародыше и оказавшись перед лицом внешнеэкономических трудностей, вызванных мировой войной, Монтес отложил дату вступления в действие банковской реформы. Но к счастью для правительства начавшаяся депрессия быстро сменилась ростом боливийского экспорта в Англию и США. Монтес вновь оказался во главе процветающей страны. Казалось, что либералам удалось устранить главный, экономический фактор появления Республиканской партии, и они теперь легко могут удержаться у власти, несмотря на некоторые успехи оппозиции на муниципальных выборах в 1915 г. и избрания ряда их лидеров в конгресс.

В октябре 1916 г. республиканцы провели свой второй съезд. Главным в повестке дня съезда, как и во всей национальной политической жизни, были президентские выборы 1917 г. В качестве кандидата от Либеральной партии Монтес выдвинул банкира Х. Гутьерреса Герру. В свою очередь, республиканцы остановили свой выбор на крупном помещике и враче Х.М. Эскальере, представлявшем традиционную элиту юга страны. Эскальер позиционировался ими как независимый кандидат, который, по мысли республиканцев, был способен привлечь широкий спектр голосов. Несмотря на все усилия республиканцев, победил Гутьеррес Герра.

В этих условиях убийство генерала Пандо в июне 1917 г. стало прекрасным поводом вызвать общественное возмущение в стране, принимая во внимание популярность бывшего президента, героя Тихоокеанской войны и войны в Акре. Это казалось многообещающим ходом в политической борьбе, и республиканцы постарались его максимально использовать.

На собравшемся в августе 1917 г. Национальном конгрессе Республиканская партия обвинила Монтеса в политической ответственности за это преступление, хотя, как выяснилось, убийство Пандо не носило политического характера. В декабре 1917 г. перед отъездом в Европу Монтес предстал перед конгрессом. Бывший президент заявил, «что ничто не обязывало его явиться на заседание, но он уважает институты страны и потому пришел»⁴¹. Депутаты оппозиции обвиняли Монтеса «в нарушении прав; в подрыве фундаментальных основ народного суверенитета; в расхищении общественных денег; в тратах, превышающих бюджет»⁴².

⁴¹ Rojas C. El doctor Montes y la política liberal. La Paz, 1918. P. 269.

⁴² Acusación contra el Ex-Presidente de Bolivia ciudadano Ismael Montes. Buenos Aires, 1918. P. 5–12.

Монтес отверг все обвинения и переадресовал их республиканцам, уподобив новую партию старой консервативной. «Это та же самая партия, которая правила до 1898 г. ... И теперь эти люди говорят о свободных выборах, свободах и гарантиях»⁴³. Демократические свободы и прогресс, согласно Монтесу, пришли в страну с либеральным режимом. Сам Монтес лишь выполнял программу своей партии и всю жизнь служил стране.

Пока Монтес защищал себя и свою политику, за стенами конгресса шли вооруженные столкновения республиканцев с войсками, в результате которых было много убитых и раненых. Власти закрыли газету оппозиции «La Razón» и выслали Сааведру из страны. В знак протеста фракция республиканцев покинула заседания конгресса. При голосовании лишь четыре депутата поддержали обвинения против Монтеса. После этой истории Монтес окончательно ушел из политики.

Правительство Гутьерреса Герры пошло на уступки оппозиции. В начале 1918 г. оно заключило с Республиканской партией ряд межпартийных пактов, обещало провести свободные выборы. Эти соглашения были выполнены либералами, и в мае 1918 г. выборы в конгресс стали самыми свободными из всех, в которых участвовали республиканцы. Несмотря на столь благоприятные условия, оппозиция получила лишь 10 мест в конгрессе. Такие незначительные результаты свидетельствовали, что Республиканская партия все еще не могла стать партией большинства.

Для привлечения общественного мнения на свою сторону республиканцы вновь подняли проблему побережья, требуя, чтобы Чили вернула Антофагасту. Либералы, не желая идти на конфликт с Чили, и в то же время не в состоянии игнорировать вопрос выхода Боливии к морю, потребовали Арику, судьбу которой вместе с Такной еще предстояло решить Чили и Перу. Такая политика либералов получила название «прагматичной». МИД Боливии официально поставил перед Лигой Наций вопрос о возвращении Арики, вызвав тем самым протесты Перу. Одновременно президент пригласил оппозицию в правительство. Был образован коалиционный кабинет, куда наряду с либералами вошли радикалы и республиканцы.

Когда казалось, что Гутьеррес Герра успешно решил проблему с оппозицией, в самой Либеральной партии произошел раскол. Причиной стал конфликт правительства с Патињо. Еще в 1912 г. Патињо приобрел монопольные права на импорт спиртного. В 1918 г. он попросил правительство продлить контракт, и в разгар переговоров, когда срок монополии истек, ввез 80 тыс. ящиков спиртного. Власти расценили это как контрабанду и оштрафовали магната на 1,6 млн боливиано. И хотя Патињо выиграл дело в Верховном суде, он перешел в оппозицию к правительству.

Его доверенное лицо в Боливии А. Лойаса постарался расколоть Либеральную партию. В конце 1918 г. в конгрессе появилась оппозиционная группа либералов, которую стали называть патињистской. Без ясно выраженной программы группа сенаторов во главе с Х. Антесаной требовала чистоты либеральных принципов, но на практике пыталась лишить парламентской поддержки правительство Гутьерреса Герры. С этой целью в конце 1919 г. она поставила вопрос о доверии кабинету и после жарких дебатов вынудила

⁴³ Rojas C. Op. cit. P. 278–279.

его уйти в отставку. Это был первый случай за 20 лет правления либералов. По словам министра финансов Х.Л. Техады Сорсано, правительство пало «не из-за нарушения конституции или законов, а из-за 80 тыс. ящиков алкоголя, ввезенных контрабандой»⁴⁴.

Наряду с расколом в рядах Либеральной партии начались разногласия среди республиканцев. Саламанка, не согласный с позицией партии по вопросу о побережье, ушел в отставку с поста главы партии. Руководство перешло в руки Сааведры.

Перед Республиканской партией все острее вставал вопрос: что делать дальше. Все попытки прийти к власти законным путем закончились провалом. Хотя партия постоянно принимала участие во всех выборах, независимо от их результатов, такая политика стала осознаваться многими республиканцами как тупиковая.

Новый подход наметился, когда в феврале 1920 г. Эскальер и Сааведра встретились в Оруро, чтобы обсудить дальнейшую стратегию партии. Сааведра и его сторонники требовали или готовиться к насильственному свержению либералов, или распустить партию. Он убедил Эскальера, что необходимо действовать. В главных городах приступили к созданию «революционных комитетов» для подготовки переворота.

Между тем действия правительства убеждали республиканцев в правильности принятого решения. 1 марта 1920 г. сторонники либералов при молчаливой поддержке правительства разгромили редакцию «La Razón» под предлогом, что газета «сеет раздоры». В ответ на это Республиканская партия объявила о неучастии в выборах в конгресс в мае 1920 г. Однако фракция Саламанки отказалась принять это решение, и комитеты республиканцев в Оруро и Потоси выдвинули полный список кандидатов, включая Саламанку, который был против насильственных действий. Он считал и открыто говорил, что «Республиканская партия создана не для свержения правительства путем переворота, а для его сдерживания посредством закона»⁴⁵. Несмотря на оппозицию Саламанки, курс на восстание и свержение правительства остался неизменным.

Несмотря на зревший заговор, правительство было твердо убеждено, что Республиканская партия никогда не осмелится на переворот. Либералы верили в прочность собственных позиций после 20 лет пребывания у власти. Они были убеждены в верности армии, которую Монтес превратил в профессиональный институт и которая, по их мнению, была психологически неспособна

Симон Патиньо

⁴⁴ Klein H. Op. cit. P. 58.

⁴⁵ Gomez E. Op. cit. P. 73.

свергнуть конституционное правительство. К тому же положение в самой Республиканской партии казалось исключало возможность восстания. Власти рассматривали отсутствие единства среди республиканцев, выразившееся в неподчинении руководству партии комитетов в Оруро и Потоси, как начало раскола в лагере оппозиции.

Надежды правительства на прочность своих позиций не соответствовали действительности. Послевоенная депрессия грозила разрушить экономическое благополучие страны: стремительно рос государственный долг, казна была пуста и нечем было платить военным и чиновникам. Новым фактором в общественно-политической жизни стала забастовочная борьба трудящихся. Все это усиливало политическую напряженность, подрывало позиции правительства, от которого начали отворачиваться его недавние сторонники.

КРИЗИС ЛИБЕРАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ И НАЧАЛО РЕФОРМ В 20-е ГОДЫ XX ВЕКА

Первая треть XX в. ознаменовалась бурным экономическим развитием страны. После краткого периода послевоенного кризиса на 20-е годы XX в. приходится бум сырья на мировом рынке. В период с 1921 по 1927 г. боливийский экспорт, состоящий исключительно из сырья, увеличился вдвое – с 67 млн долл. до 127 млн¹. К 1925 г. в добычу олова было вложено около 70 млн долл. Боливийская экономика формировалась как моноэкспортная, ориентированная на горнодобывающую промышленность. 70% всего экспорта страны составляла оловосодержащая руда². США потребляли 60% мирового производства олова и представляли собой огромный рынок для боливийского сырья.

Минеральные ресурсы страны контролировали местные и иностранные монополии, самыми крупными из которых были компании боливийцев С. Патиньо, К. Арамайо, а также американские фирмы В.Р. Грейс и Гуггенхейм Бразерс. В 20-е годы к ним прибавилась компания М. Хохшильда, выросшая из посреднического предприятия по скупке руды на мелких шахтах. Только рудники С. Патиньо давали 42% боливийского олова, что составляло 11% мирового производства этого металла.

Большинство боливийских мелких и средних горнопромышленников так и не смогли ни развить производственные технологии, ни построить систему сбыта или переработки, которая позволила бы им хозяйствовать независимо от трех гигантов, – «баронов олова» Патиньо, Арамайо и Хохшильда. В Боливии накануне Второй мировой войны было относительно большое число мелких горнозаводчиков (они владели 1150 рудниками). Они не могли конкурировать с монополиями и тем более стать основой формирования класса местных предпринимателей, заинтересованных в подъеме других отраслей экономики, в силу своей неспособности создать накопления, которые привели бы к диверсификации и индустриальному развитию Боливии.

Вся боливийская руда вывозилась для окончательной промышленной переработки в Англию, а во время Первой мировой войны и в США. В 20-е годы Патиньо выкупил большую часть акций оловоплавильного завода «Уильямс Харвей» в Ливерпуле, куда шла обогащенная руда из Боливии. В результате он сосредоточил в своих руках не только половину оловодобычи страны, но и контролировал переработку боливийской руды за рубежом³.

В горнорудной промышленности были заняты 27 340 человек (1924 г.), или 10% всего экономически активного населения страны.⁴ Оловодобывающая промышленность отличалась от остальных отраслей экономики своей передовой технической оснащенностью. Современники отмечали высокий

© А.А. Щелчков

¹ Bolivia en el siglo XX. La formación de la Bolivia contemporánea. La Paz, 1999. P. 225.

² Lopez Rivas E. Esquema de historia económica de Bolivia. Oruro, 1955. P. 12–49.

³ Almaraz S. El poder y la caída: El estaño en la historia de Bolivia. La Paz, 1980. P. 125–128.

⁴ Lofstrom W. Attitudes of an Industrial Pressure Group in Latin America: The «Asociación de Industriales Mineros de Bolivia», 1925–1935. Cornell, 1968. P. 5–8.

технико-производственный уровень крупнейших рудников, например, Караколес давал 300–400 т руды в день.

Главной задачей банковско-финансовой системы страны было обслуживание экспортных отраслей, обеспечение их финансовой и кредитной поддержкой за рубежом. Национальный банк Боливии контролировался Патињо через принадлежавший ему Торговый банк⁵. Проведенная в 1928 г. банковская реформа упорядочила финансы, укрепив позиции государства: был образован Центральный банк, регулировавший обращение и поддерживавший обменный курс боливиано, что было жизненно важно для экспортных отраслей.

В 20-е годы в Боливии усилились позиции иностранного капитала. За десять лет, с 1919 по 1929 г. иностранные инвестиции в Боливии выросли в два раза – с 22 млн долл. до 44 млн, что составило лишь 4% всех капиталовложений в регионе, но для размера местной экономики это были значительные суммы⁶.

В середине 20-х годов произошла формальная интернационализация местных горнорудных гигантов Патињо и Арамайо. Когда в 1923 г. правительство Б. Сааведры увеличило в два раза налогообложение национальных оловодобывающих корпораций, оставив без изменения налоговый режим для иностранного капитала, Патињо и Арамайо весьма оригинальным способом вывели свои предприятия из-под действия этого закона. В 1924 г. Патињо зарегистрировал свое предприятие в штате Делавар в США, купив там несколько заброшенных рудников и продав часть акций американским гражданам. Арамайо превратил свою компанию в швейцарскую фирму. Таким образом оловодобывающие монополии и *de jure* перестали представлять национальный капитал.

Иностранный капитал занимал монопольное положение в нефтедобыче. С 1920 г. начинается период широкого привлечения иностранного капитала в экономику Боливии как в форме государственных займов, так и частных капиталовложений. В 20-е годы американские компании установили полный контроль над нефтяными богатствами Боливии. С 1922 г. «Стандард Ойл» перекупила у «Ричмонд Леверинг» концессию в 1 млн га сроком на 55 лет, тем самым фактически монополизировав добычу нефти в Боливии. «Стандард Ойл» обязалась вложить 50 млн долл. в добычу нефти, построить нефтеперерабатывающий завод и через два года уже поставлять нефтепродукты на внутренний рынок. Однако ни одно из этих важных условий выполнено не было.

Главной тенденцией первой трети XX в. было вытеснение американскими компаниями своих английских конкурентов из боливийской экономики. К 1929 г. по сравнению с 1913 г. капиталовложения и торговля США и Англии в Боливии увеличились на 470,65% и 15,97%, составив 133 383 250 и 12 512 000 долл. соответственно⁷. Усилилась зависимость боливийского государства от внешнего финансирования. Если в 1908 г. Боливия не имела внешнего долга, то к февралю 1927 г. ее обязательства перед иностранными кредиторами, в основном из США, достигли 40 млн долл.⁸ Боливийское государство брало в долг как для железнодорожного строительства, так и для

⁵ Céspedes A. El dictador suicida. 40 años de historia de Bolivia. Santiago de Chile, 1956. P. 36–38.

⁶ Bolivia en el siglo XX. P. 156.

⁷ Cueva J.M. Bolivia: imperialismo y oligarquía. La Paz, 1983. P. 49.

⁸ Marsh M.A. The bankers in Bolivia. A study in American foreign investment. New York, 1928. P. 90.

содержания государственного аппарата. Многие займы были кабальными и малоэффективными. Например, по условиям печально известного «займа Николаус» 1922 г. Боливия в качестве гарантий предоставила в распоряжение кредитора все налоговые и таможенные поступления страны⁹. На обслуживание государственного долга уходило около трети всей расходной части бюджета¹⁰.

Несмотря на гипертрофию экспортных отраслей, приводившую к серьезным потерям и деформации структуры народного хозяйства, рост горнодобычи все же способствовал развитию промышленной и транспортной инфраструктуры, росту городов. В городах Ла-Пас, Кочабамба, Оруро расширялось ремесленное, кустарное производство, появились фабрики легкой и пищевой промышленности.

В первые два десятилетия XX в. число жителей городов увеличилось в 1,5–2 раза, в то время как все население страны в этот же промежуток времени выросло лишь на треть. В городах, особенно в мелких и средних, преобладало ремесленное производство. Даже в 40-е годы число ремесленников (кустарей) и фабричных рабочих было примерно одинаковым¹¹. В крупных центрах – Ла-Пасе, Кочабамбе, Оруро число промышленных рабочих было относительно велико.

Для успешного функционирования ориентированной на внешний рынок экономики была построена сеть железных дорог, связавших тихоокеанское побережье и центры горнодобычи. Многие города получили мощный импульс к развитию за счет строительства, а затем и обслуживания всей инфраструктуры железнодорожного хозяйства. Такие центры, как Ла-Пас и Оруро, буквально переживали экономический бум. Железнодорожники, строители, рабочие и техники, занятые в таких новых отраслях, как электроэнергетика, городской транспорт, стали играть важную роль в жизни общества. Так, например, население Оруро, города, являвшегося важным железнодорожным узлом и центром горнорудной промышленности, в период с 1920 по 1925 г. выросло вдвое за счет появления новых социальных и профессиональных групп. Именно в этом городе впервые в Боливии были проведены полная электрификация, телефон, вымощены улицы для автомобильного транспорта.

Подавляющее большинство населения Боливии проживало в сельской местности. Главной характеристикой боливийского сельского хозяйства было господство крупной земельной собственности, латифундии. В помещичьих хозяйствах обрабатывалось лишь 2% учтенной, пригодной для обработки земли¹². По-прежнему сильные позиции сохраняли индейские общины, в которых по переписи 1900 г. проживало 32% сельского населения¹³.

⁹ Этот один из самых позорных займов в истории Боливии поставил под контроль американского капитала всю банковскую систему страны. Президент Сааведра пошел на кабальные условия из-за глубокого бюджетного кризиса, когда доходы казны вследствие послевоенного спада, прежде всего в сырьевых отраслях, упали с 30,4 млн боливиано до 0,23 млн. Именно потребность увеличить доходы бюджета заставила Сааведру увеличить налоги на оловодобывающие компании в 1922 г. – *Dunkerley J. Orígenes del poder militar. Bolivia, 1879 – 1935. La Paz, 2003. P. 156–157.*

¹⁰ *Estadística boliviana. Análisis numerio del presupuesto nacional. Años 1911–1931. La Paz, 1933. P. 80.*

¹¹ *Klein H.S. Historia general de Bolivia. La Paz, 1988. P. 231.*

¹² *Калужская Т.Г. Боливия. Тенденции социально-экономического развития. М., 1979. С. 33–34.*

¹³ *McBridge G. The agrarian indian communities of highland of Bolivia. New York, 1921. P. 1.*

Формально в Боливии сосуществовали два типа хозяйств: асьенда, или поместье и мелкая крестьянская усадьба. Кроме них еще оставались индейские общины, являвшиеся коллективными собственниками земли. Характерной чертой боливийского сельского хозяйства была система колоната и связанная с ней система латифундия – минифундия.

Многие латифундии, принадлежавшие одному лицу, состояли из нескольких асьенд или усадеб. Латифундии не являлись крупными хозяйствами в собственном смысле слова, так как основывались на эксплуатации крестьянской общины. По данным ряда исследователей, в период, предшествовавший аграрной реформе 1953 г., участки колонов занимали 73–86% земли асьенды, в то время как за самим землевладельцем оставалось лишь 14–27%¹⁴. Система колоната заключалась в том, что крестьяне, или колоны, имея небольшой участок – минифундию, служили землевладельцу бесплатной рабочей силой, должны были отдавать ему часть своего продукта в качестве натуральной ренты.

Помимо этих обязанностей крестьяне выполняли ряд повинностей, «личные услуги» (понгеахе для мужчин и митанахе для женщин). Это касалось работ по дому, доставки продуктов на рынок и помещику в город. Повинности демонстрировали личную зависимость крестьянина от землевладельца, который в ответ на признание таковой и выполнение «услуг» был обязан регулярно устраивать праздники и коллективные пиршества в соответствии с общинными традициями¹⁵. Паразитический характер крупного землевладения, неизменным атрибутом которого было преобладание минифундий крестьян, обусловил тот факт, что крупное землевладение в Боливии, за редким исключением, оказалось неспособным к трансформации в капиталистическое предприятие.

В городах и в провинциальных поселках проживали множество мелких помещиков, владевших одной – двумя усадьбами, дававшими относительно небольшой доход. Являясь такими землевладельцами средней руки, большинство помещиков занимали посты в местных органах власти, были адвокатами, военными, священниками, составляли так называемый традиционный средний класс. Такая двойственность в их социальном статусе была отличительной чертой боливийского общества. Именно традиционные средние слои были массовой социальной опорой правления олигархии.

Латифундизм не ограничивался рамками отношений крестьянин–земледелец, а создавал целый комплекс общественных связей и зависимостей, который включал в себя и несельскохозяйственное население, городские власти. Латифундизм подчинял себе все сферы жизни общества, создавал замкнутую систему, где все было направлено на эксплуатацию сельских тружеников. Латифундии в силу своей хозяйственной замкнутости и консерватизма сковывали рост производительных сил, ограничивали экономические связи города и деревни, в конечном счете были препятствием на пути развития экономики.

¹⁴ Carter W. The Aymara Communities and the Bolivian Agrarian Reform. Gainesville, 1964. P. 71; Albó X. Achacachi: Medio siglo de lucha campesina. La Paz, 1979. P. 32; Heath D., Erasmus C.J., Beuchler H.C. Land Reform and Social Revolution in Bolivia. New York, 1969. P. 176.

¹⁵ Heydt-Coca M. Die Bolivianische Revolution von 1952. Eine Analyse unter besonderer Berücksichtigung des Agrarsektors. Köln, 1982. S. 97–100.

В первой трети XX в. Боливия оставалась страной, экономика которой представляла собой несколько разнородных по своим социальным и технологическим характеристикам миров. Боливии как единого хозяйственного пространства не существовало. Передовая горнорудная промышленность, развивавшаяся исключительно в рамках анклава, соседствовала с едва наметившимся фабричным производством в городах, где господствующие позиции по-прежнему занимало кустарное, ремесленное хозяйство. Вся финансовая, транспортная и производственная инфраструктура была сориентирована на обслуживание горнорудного сектора экономики. Анклавная экономика экспортных отраслей и слабо развитый капиталистический сектор городов буквально тонули в окружавшем их в прямом и переносном смысле море архаического сельского хозяйства. Господство латифундий, наличие огромного количества докапиталистических пережитков в деревне обуславливали узость внутреннего рынка, представляли собой серьезный барьер в формировании единого народнохозяйственного комплекса.

Политическое и социальное развитие Боливии

Внешне политическая система Боливии выглядела как двухпартийная, хотя наряду с основными, очень похожими друг на друга противниками – Либеральной и Республиканской партиями существовали мелкие, как правило, недолговечные партии. Кроме того, существовала также и полуполигальная оппозиция: тайные ложи, составлявшие важную часть боливийского гражданского общества. Во время правления либералов многие ведущие политические лидеры, верхушка правящих кругов входили в масонские ложи. Ложи либералов подчинялись главным ложам в Чили. Во время республиканского переворота 1920 г. античилийские и антимасонские настроения оппозиции привели к запрещению ряда лож и разгрому масонского храма. Этим движением руководили клерикалы-республиканцы Д. Саламанка и Х.М. Эскальер.

Тем не менее и при республиканцах ложи остались влиятельными организациями. В ложах формировалась оппозиция, пока еще не способная организовать общенациональное политическое движение. Они были своеобразным политическим университетом для будущих политических и идейных лидеров страны. В них находили себе применение «младшие сыновья» политической элиты, не имевшие прямого доступа к власти – студенты и военные.

С одной стороны, ложи являлись частью аппарата правящей элиты, обеспечивая косвенное включение специфических, непостоянных социальных групп (студенты, младшие офицеры, начинающие политики и т. п.) в политическую систему. С другой, они расшатывали систему, поскольку становились базой оппозиции.

Экономический подъем начала века позволил магнатам олова поделить свои доходы с традиционным средним классом, точнее, его верхушкой. Прямо или косвенно «бароны олова» поддерживали целую армию адвокатов, чиновников, журналистов, партийных деятелей. Эта сравнительно многочисленная, избранная прослойка вошла в боливийскую политическую жизнь под именем «роска», которая была частью правящего класса, опорой

олигархического правления. Непосредственно осуществляя политическую и экономическую власть в стране, она была «самодержавной»¹⁶. Роска — это верхушка среднего класса, обеспечившая «баронам олова» лояльность и поддержку всего бело-метисного городского населения.

В середине 20-х годов «бароны олова» увидели необходимость создания механизма контроля над своими «меньшими братьями», мелкими и средними горнопромышленниками. В 1925 г. была создана Ассоциация горнопромышленников Боливии, куда вошли 47 различных фирм и компаний. Тем самым Патиньо, Арамайо, Хохшильд создали эффективный механизм политического и экономического подчинения мелких промышленников. Но «бароны» достигали и другой цели: был создан орган давления на правительство и на все общество, что обеспечивало принятие политических и социальных решений в интересах монополий¹⁷.

К 20-м годам либеральный режим находился в состоянии кризиса, вызванного противоречиями между антидемократизмом, кастовой ограниченностью олигархического правления и новой расстановкой общественных сил. Бурное экономическое развитие начала века привело к росту и укреплению мелкой буржуазии, «новых средних» слоев города, к появлению значительного отряда рабочего класса.

В обществе росли оппозиционные настроения. Недовольные объединились в 1914 г. с Республиканской партией, в которой наряду с представителями мелкой буржуазии, ремесленников, ориентировавшихся на Баутисту Сааведру (1870–1939), выдвигавшего программу умеренных реформ, существовало правое крыло, состоявшее из недовольных монопольным правлением либералов, реваншистски настроенных помещиков, клерикалов во главе с Даниэлем Саламанкой (1868–1935) и консерваторов во главе с Х.М. Эскальером. Объединяющими лозунгами этих двух разных течений Республиканской партии были честные выборы и активная внешняя политика, направленная на возвращение захваченного Чили в результате Тихоокеанской войны (1879–1883) побережья. Республиканцы не были единой партией, а скорее представляли собой союз оппозиционных либералам сил¹⁸.

В 1920 г. реваншистские настроения подогревались последствиями инициативы Монтеза, бывшего тогда послом во Франции, предложившего Лиге Наций передать Боливии спорный район Такны–Арики, все еще остававшийся под чилийской оккупацией. Это предложение вызвало антиболивийские беспорядки в Лиме и в ответ погромы перуанских торговцев в Ла-Пасе. Общественное мнение разделилось на «практиков», поддерживавших претензии Боливии на перуанское в прошлом побережье в районе Арики, и тех, кто требовал возвращения собственно боливийского побережья. К последним принадлежал лидер республиканцев Сааведра.

Правоклерикальное крыло республиканцев, во главе которого стояли видные политики Д. Саламанка, А. Итурральде, Х.М. Эскальер были недовольны зако-

¹⁶ *Sandoval Rodriguez I.* Nacionalismo en Bolivia. Ensayo histórico-político. La Paz, 1970. P. 75–76.

¹⁷ *Lofstrim W.L.* Op. cit. P. 23–25.

¹⁸ Три лидера республиканцев представляли различные регионы страны: Сааведра был несомненным вождем плебса Ла-Паса, Саламанка представлял сеньориальную Кочабамбу, а Х.М. Эскальер — старую элиту юга страны. — *Dunkerley J.* Op. cit. P. 154.

нами либералов о введении гражданского брака, о веротерпимости, их политикой секуляризации. Войниственная, реваншистская программа возврата тихоокеанского побережья, морально-политическое укрепление государства через честные выборы, агрессивная внешняя политика стали главным козырем их лидера Саламанки. Навязчивые идеи самоутверждения нации через победоносную войну роковым образом приведут в будущем Саламанку к развязыванию вооруженного конфликта с Парагваем в Чако.

Бесспорным лидером «плебейского» крыла республиканцев был талантливый журналист, адвокат Баутиста Сааведра. Его поддерживали мелкая буржуазия, ремесленники, самые широкие народные массы Ла-Паса. Сааведра выдвигал инклюзивную программу умеренных реформ государства, в результате которых должно было произойти перераспределение власти в пользу средних слоев города.

Послевоенный мировой экономический кризис способствовал активизации оппозиции. Ухудшение экономического положения в первую очередь ударило по городским низам. Забастовки на рудниках в апреле 1918 г., октябре и ноябре 1919 г. внесли новый элемент в политическую жизнь Боливии, поставив на повестку дня «рабочий вопрос». Требования рабочих, в том числе о 8-часовом рабочем дне и принятии социальных законов вошли в программу сааведристского крыла республиканцев.

В условиях кризиса Сааведра, имевший большое влияние среди среднего и низшего офицерства, решился на государственный переворот. Он планировался как классический военный путч, во главе которого стояли военные, которые сыграют важную политическую роль в следующие двадцать лет, такие как Карлос Бланко Галиндо, Давид Торо. Однако Сааведра придал ведущую роль своим гражданским сторонникам, и военные сыграли важную, но второстепенную роль. 12 июля 1920 г. республиканцы осуществили переворот в Ла-Пасе. Начало восстанию положили действия республиканцев во главе с Эрнандо Силесом в Оруро. Военные и «республиканская гвардия»¹⁹ свергли

Баутиста Сааведра

¹⁹ «Республиканская гвардия» была создана Сааведрой из его сторонников, в основном ремесленников и народных низов Ла-Паса, в противовес либеральной «белой гвардии», — вооруженному формированию правящей партии.

президента либерала Х. Гутьерреса Герру. Генералитет под давлением основной массы офицеров поддержал новое правительство²⁰. Переворот был практически бескровным: в Ла-Пасе был убит один человек (глава полиции), а в Сукре в столкновениях погибли 12 человек²¹. Соратники Сааведры по Республиканской партии обвинили его в попытке захватить не только власть, но лидерство в партии, опираясь на вооруженные отряды ремесленников Ла-Паса²².

Переворот 1920 г., так же как и «федеральная революция» 1899 г., имел целью разрешить кризис внутри правящего блока, сделать очередной шаг в сторону расширения социальной базы креольского государства за счет включения в систему представительства и принятия решений средних слоев. Среди республиканцев была и часть креольской верхушки, активно участвовавшая в «федеральной революции», но затем обманутая в своих ожиданиях элитистской политикой либералов. В определенной степени события 1920 г. уходили корнями в наследие революции 1899 г.

Сааведра обещал военным место в правительственной хунте, но не выполнил своего обещания. Членами хунты стали Сааведра, Эскальер и Хосе Мануэль Рамирес. Сааведра мог не бояться армии, так как опирался на отряды ремесленников и рабочих Ла-Паса. В хунту не был включен Саламанка, что с первых шагов нового правительства означало внутренний конфликт в стане «революционеров». Военные, особенно участвовавшие в перевороте, такие как Бланко Галиндо, были отстранены даже от руководства армией. На пост начальника Генштаба был назначен вернувшийся из Европы бывший глава немецкой военной миссии генерал Ганс Кундт²³.

В первые месяцы после переворота Сааведра освободился от своих, ставших неудобными союзников – правого крыла партии во главе с Саламанкой и Эскальером, хотя последних активно поддерживали посольства Англии и США²⁴. 25 декабря 1920 г. в Ла-Пасе собрался вновь избранный конгресс. Правые, сторонники Саламанки, настаивали на всенародном избрании президента, а сааведристы, имевшие большинство, собирались избрать президента в конгрессе. В знак протеста меньшинство республиканцев покинуло собрание, и Сааведра был избран президентом²⁵. Саламанка отправился в Кочабамбу и там заявил о разрыве с Сааведрой и создании новой Подлинной республиканской партии, которая провела свой учредительный съезд в Оруро в октябре 1921 г.

Власть Сааведры опиралась на «республиканскую гвардию» – военизированные отряды, состоявшие из ремесленников, рабочих, мелких собственни-

²⁰ Papers relating to the foreign relations of United States. 1920. Vol. 1. Wash., 1935. P. 375 (Далее FRUS).

²¹ Gómez E. Bautista Saavedra. La Paz, 1975. P. 112–115.

²² Irurizqui V.M. Partidos políticos y golpe de estado en Bolivia. La política nacional-popular de Bautista Saavedra, 1921–1925 // Revista de Indias. 1994. Vol. LIV. N 200. P. 137.

²³ Кундт вернулся из Германии, недовольный политическим развитием своей страны. Он был одним из командующих антикоммунистическими отрядами добровольцев Фрайкор, участвовал в Капповском путче 1920 г. – Brockmann R. El general y sus Presidentes. Vida y tiempos de Hans Kundt, Ernst Röhm y siete presidentes de Bolivia, 1911 – 1939. La Paz, 2012. P. 171 (номера страниц даются по электронной версии книги).

²⁴ FRUS. 1920. Vol. 1. Wash., 1935. P. 375–378.

²⁵ Gómez E. Op. cit. P. 131–132.

ков, студентов. К середине 1921 г. эта гвардия была не только лучше вооружена по сравнению с регулярными войсками, но и контролировала все арсеналы. Офицерам и рядовым гвардии платили больше, чем армейским. Гвардия могла подавить любое выступление военных, что и происходило, например, в 1925 г. при волнениях в некоторых частях, грозивших переворотом²⁶.

Все важнейшие решения проводились через конвенты или съезды республиканцев, на которых при безусловном верховенстве мнения лидера партии представители низовых местных организаций, в основной своей массе состоявшие из ремесленников и мелких буржуа, имели возможность влиять на действия власти. Съезды партии, «гвардия» были органами не только поддержки, но и давления на правительство, подталкивавшими своих лидеров к проведению реформистской политики в интересах среднего класса и городских низов.

Рабочие лидеры-республиканцы в сентябре 1920 г. организовали свою партию, которая стала секцией правящей²⁷. Эта партия, названная Социалистической рабочей, во главе которой стояли профсоюзные лидеры Э. Сальвадьерра и Х.М. Ордоньес, а также депутат конгресса Рикардо Соруко, имела свои отделения в Оруро и Уйюни. В 1921 г. СРП провела свой съезд в Оруро, где приняла программу, в которой отразились радикализм левого крыла республиканцев и сильное влияние синдикализма²⁸. Однако вскоре эта партия исчезла с политической арены, так как Сааведра перестал видеть в ней необходимость, а лидеры этой партии впоследствии сблизились с марксистами и анархо-синдикалистами.

В первой четверти XX в. в Боливии впервые возникает организованное рабочее движение. В 1912 г. радикальные ремесленники создали в Ла-Пасе Международную рабочую федерацию (FOI). В 1918 г. часть членов этой организации вышли из нее и основали Рабочую федерацию труда (FOT), которая играла ведущую роль в рабочем движении до середины 30-х годов. В нее входили союзы рабочих, шахтеров, железнодорожников, ремесленники. Сначала в ней преобладали анархисты, но со временем важные позиции завоевали марксисты²⁹. Среди рабочих лидеров выделялись Луис Кусиканки, Домитила Пареха, Ромуло Чумасеро.

Особым этапом в развитии рабочего движения, свидетельствовавшим о политической и социальной зрелости профсоюзов, об их готовности играть важную роль в политической жизни страны, был Второй³⁰ рабочий конгресс, прошедший в Ла-Пасе 26 августа 1925 г. На конгрессе присутствовали делегаты от союзов различных городов и шахтерских центров. Наряду с анархистами среди делегатов было много сторонников марксизма. Председателем конгресса был избран Ромуло Чумасеро, прославившийся созданием вечерних школ для рабочих. Генеральным секретарем стал организатор конгресса,

²⁶ *Dunkerley J.* Op. cit. P. 160–161.

²⁷ *Irurozqui V.M.* Op. cit. P. 146.

²⁸ *Klein H.S.* Parties and Political Change in Bolivia, 1880–1952. London, 1971. P. 70–72.

²⁹ *Rodríguez García H.* La choledad antiestatal. El anarcosindicalismo en el novimiento obrero boliviano. 1912–1965. Buenos Aires, 2010. P. 31.

³⁰ Первый по почину железнодорожников состоялся в 1921 г. в Оруро. Он не имел серьезных последствий для рабочего движения, хотя положил начало регулярному созыву рабочих конгрессов.

рабочий лидер и основатель первых коммунистических ячеек Карлос Мендоса Мамани. Конгрессу выразила свою полную солидарность Университетская федерация³¹.

Правительства республиканцев по-разному реагировали на деятельность профсоюзов и в целом на рабочее движение в городах и на рудниках. Городские профсоюзы, как правило, в своих акциях добивались побед или уступок со стороны правительства и хозяев. Так было в феврале 1922 г., когда прошла первая успешная всеобщая забастовка в Ла-Пасе. Многие требования Рабочей федерации труда Ла-Паса вошли в программу Республиканской партии. Рабочее законодательство Сааведры опиралось на требования городских профсоюзов.

Иная ситуация складывалась на рудниках. Там профсоюзы преследовались, а выступления рабочих жестоко подавлялись. В 1923 г. забастовка рабочих рудника Унсии была подавлена войсками. Правительство послало в Унсию четыре полка. В результате устроенной бойни сотни рабочих были убиты³². Оловянные рудники были нервом экономики страны, они принадлежали подлинным властителям страны. Политика подавления и изоляции рабочих-горняков проводилась до кризисных 30-х годов, когда массовые увольнения на рудниках привели в города тысячи безработных. Тогда же изменилась и общая рабочая политика правящих кругов. В 20-е годы часть страны, которая находилась за пределами городов, казалось, не существовала. Во всяком случае она была призвана лишь для того, чтобы оплачивать своей кровью экономическое процветание элиты.

Репрессии сочетались с политикой социального маневрирования: первые при Б. Сааведре было принято трудовое законодательство. В январе 1924 г. был опубликован ряд законов о продолжительности рабочего дня, о компенсациях при несчастных случаях и травмах на производстве, о порядке увольнения.

В 20-е годы произошли важные внешнеполитические события, определившие судьбу проблемы выхода Боливии к морю. Республиканцы пришли к власти, выдвигая лозунг возвращения тихоокеанского побережья. По Анконскому договору с Перу (1883) Чили должна была провести референдум на территории оккупированных перуанских провинций Такна и Арика по вопросу их самоопределения. Чили не проводила референдум, и ситуация была далека от урегулирования.

В ноябре 1920 г. Боливия обратилась в Лигу Наций с требованием пересмотреть несправедливый договор с Чили 1904 г., ей было отказано. В июле 1922 г. в Вашингтоне Перу и Чили подписали протокол о проведении плебисцита и о привлечении в качестве третьей стороны США.

В Боливии рассчитывали на получение выхода к морю будь то за счет Чили, будь то за счет Перу. Внутри страны антиперуанская пропаганда вылилась в антиперуанские манифестации и погромы. К 1926 г. отношения с Чили резко ухудшились, на границе происходили многочисленные инциденты. Однако на перуанской их было больше. Боливийские военные разрабатывали

³¹ Lora G. Historia del movimiento obrero boliviano. 1923–1933. La Paz, 1970. P. 14.

³² Ponce Garcia J., Shanley T., Cisneros A. Breve historia del sindicalismo boliviano. La Paz, 1968. P. 14–16.

планы вторжения в Пуно и далее к Мольендо, что всерьез было воспринято перуанским диктатором Легия. Хотя перуанская армия вдвое превосходила боливийскую, последняя была неплохо вооружена и обучена. Перуанской армии стоило бы больших усилий направить в этот район все свои силы³³. Боливия на тот момент представляла угрозу и для Перу, и для Чили.

В 1926 г. государственный секретарь США Ф. Келлогг направил этим странам меморандум с предложением передать Боливии большую часть спорной территории³⁴. Однако усилия Боливии, даже поддержанные США, не увенчались успехом. По заключенному в 1929 г. дополнению к Анконскому договору Такна была возвращена Перу. Чили обязалась не менять статус-кво на побережье без согласия Перу.

Президентство Эрнандо Силеса. Возникновение националистического движения

Правление Сааведры все более приобретало черты авторитарной диктатуры. Возникавшие внутривластные осложнения разрешались действиями «республиканской гвардии» и верного президенту армейского командования во главе с Кундтом. Страна фактически все время жила в условиях осадного положения, а оппозиционные газеты подвергались гонениям. В 1924 г. в Санта-Круссе произошло восстание «подлинных республиканцев», потребовавших автономии и даже угрожавших отделиться и войти в состав Бразилии. За пределами Ла-Паса сааведристская партия была слаба, и на местах, в первую очередь в удаленном Санта-Круссе, существовало убеждение в пренебрежении правительством интересами провинций. Сааведре удалось уговорить руководителей восстания отступить без применения силы, но общая обстановка складывалась тревожной для правителя.

Сам президент вынашивал планы сохранить личный контроль над правительством и по окончании своего конституционного срока, т.е. после 1925 г. Был ясен и механизм сохранения власти в руках Сааведры: через Республиканскую партию и «республиканскую гвардию». Необходимо было найти подходящую кандидатуру на пост президента, который был бы настолько политически слаб и зависим, что стал бы простой марионеткой в руках экс-президента, но при этом сохранялась бы видимость легитимной смены власти. Выбор пал на не имевшего политического веса министра образования Хосе Габино Вильянуэву. Кандидатом в вице-президенты был предложен Абдон Сааведра, родной брат главы государства.

Выборы состоялись 2 мая 1925 г. Как и ожидалось, победил проправительственный кандидат. Его вступление в должность должно было состояться 6 августа 1925 г., что совпадало с празднованием 100-летия независимости Боливии. Накануне инаугурации Вильянуэва дал интервью оппозиционной газете «La Patria» (Оруро), в котором заявил о своем намерении привлечь в новый кабинет деятелей Подлинной республиканской и Либеральной партий, покончив тем самым с противостоянием в обществе, характерным для

³³ Dunkerley J. Op. cit. P. 180.

³⁴ Pinochet de la Barra O. Chile y Bolivia: ¡Hasta cuándo! Santiago de Chile, 2004. P. 42.

предыдущего периода. Незадачливое интервью вызвало ярость Сааведры, который не побоялся международного скандала ввиду присутствия в Ла-Пасе многочисленных иностранных делегаций, съехавшихся на празднование столетия республики, и решил не допустить вступления в должность Вильянуэвы.

Конгресс аннулировал результаты голосования, найдя формальные нарушения в период предвыборной кампании, и назначил председателя парламента Фелипе Гусмана временным президентом, который провел новые выборы 1 декабря 1925 г. Хотя скандала избежать не удалось, видимость конституционной законности была соблюдена, и Б. Сааведра мог исправить ошибку с выбором преемника. Весь период временного президентства Гусмана страна жила в состоянии военного положения.

Нового кандидата в президенты, а им стал находившийся до этого в опале один из лидеров республиканского переворота 1920 г. Эрнандо Силес, предложил Совет Республиканской партии. Сааведра был вынужден принять эту кандидатуру, так как Силес был популярен среди молодых офицеров, от имени которых генерал Кундт заявил Сааведре о поддержке армией опального политика. Кандидатом в вице-президенты вновь стал Абдон Сааведра.

На выборах 1 декабря 1925 г. Эрнандо Силес при бойкоте выборов другими партиями на безальтернативной основе получил 70 612 голосов из 75 549 возможных и стал президентом Боливии. Помня скандал с предыдущим кандидатом, Сааведра решил застраховаться, заставив Силеса подписать декларацию, в которой тот обязался назначать членов кабинета с одобрения партии и ее лидера, не вступать в союз с оппозиционными группами и деятелями³⁵. По идее Сааведры, новый президент должен был стать лишь формальным прикрытием продолжения авторитарного правления республиканского «каудильо».

Сааведре было суждено ошибиться дважды. Силес не стал послушным орудием в его руках. Ему достаточно быстро удалось освободиться от опеки бывшего президента и его брата. Он привлек к сотрудничеству оппозиционных деятелей, нарушив тем самым подписанные им «кондиции». Эти действия спровоцировали разрыв с Сааведрой, находившемся в тот момент в Европе. Окончательная точка в противостоянии с экс-президентом была поставлена в марте 1926 г., когда Абдон Сааведра выехал из Боливии с официальным визитом в ряд стран региона, однако возвратиться ему уже не разрешили³⁶.

Силес продолжил политику постепенных реформ. В период его президентства продолжалось активное железнодорожное строительство; была завершена дорога, связавшая Потоси и Сукре, Аточу и Вильясон. Для завершения строительства правительство прибегало к внешнему финансированию. Вырос дефицит бюджета, что требовало наведения порядка в государственных финансах и модернизации банковской системы.

³⁵ *Valencia Vega A. Historia política de Bolivia. Vol. 6. La Paz, 1987. P. 1660.*

³⁶ Поводом к этому послужил скандал с его въездом в США, где на таможене в чемодане одного из сопровождавших его нашли наркотики. В Боливии тут же развернулась кампания за запрет на возвращение Абдона Сааведры в страну, чем и воспользовался Силес.

Банковское дело в Боливии сосредотачивалось в нескольких частных банках, деятельность которых слабо контролировалась государством. Для проведения банковской и налоговой реформы Силес пригласил в Боливию группу экспертов во главе с американцем Э.В. Кеммерером, проводившим аналогичные преобразования в Чили, Мексике, Колумбии и на Филиппинах. По рекомендациям миссии Кеммерера была проведена реформа денежного обращения. По закону от 11 июля 1928 г. был создан Центральный банк с особыми полномочиями и исключительным правом эмиссии³⁷.

Правительство Силеса предприняло шаги, ограничивавшие иностранное присутствие в Боливии. Декретом от 29 июня 1927 г. была проведена экспроприация железных дорог. Однако под давлением могущественных экономических кругов он был вынужден отменить этот декрет уже через полгода. Следуя логике экономического национализма, Э. Силес издал в апреле 1930 г. новый закон о корпорациях, по которому все иностранные компании на территории Боливии должны были зарегистрироваться как местные, боливийские, независимые от своих центров и подчиняться только боливийским законам. Этот декрет не был исполнен, так как вскоре Силес был свергнут³⁸.

Силес стремился сделать государство более независимым от «баронов олова», хотя и избегал прямого конфликта с ними. Пробой сил стал созданный 1 октября 1928 г. конгресс горнорудной промышленности. На нем Ассоциация горнопромышленников предложила свой проект государственной политики, заключавшийся в неуклонном следовании принципам невмешательства властей в экономическую жизнь. Проект закона о контроле государства над деятельностью монополий, предложенный близким к правительству либералом Касто Рохасом, был отвергнут делегатами конгресса. Правительству не удалось добиться принятия хотя бы компромиссных решений, которые позволили бы усилить контроль государства над экспортными отраслями. Монополии не простили такого «наглого», как им казалось, наступления на их привилегии. Патиньо стал поддерживать врагов Силеса.

Силес старался демонтировать доставшуюся ему в наследство систему власти Б. Сааведры. По декрету от 1 марта 1926 г. военным запрещалось занимать должности префектов и субпрефектов, что, по его идее, должно было упрочить гражданские основы государственной власти и исключить участие армии в политической жизни³⁹. В мае 1927 г. военизированная «республиканская гвардия» была распущена. Силес поручил провести расформирование «гвардии» Давиду Торо, который пользовался его особым доверием. Именно тогда началась политическая карьера этого военного.

Одновременно Силес проводил политику укрепления армии ввиду нарастания напряженности в отношениях с Парагваем в спорном районе Северного Чако. Уже через полгода после прихода к власти Силес одобрил закупки вооружений для армии на 3 млн ф. ст. В реальности было потрачено в два раза меньше, а вооруженные силы получили 50 тыс. ружей, 850 пулеметов,

³⁷ *Iniguez E.* Apuntes históricos del banco Central de Bolivia e instituciones conexas. La Paz, 1982. P. 57–92.

³⁸ *Lofstrom W.* Op. cit. P. 120.

³⁹ *Diaz Michicao P.* Historia de Bolivia. Guzmán, Siles, Blanco Galindo, 1925–1931. La Paz, 1955. P. 41–42.

сотню пушек, самолеты и другое снаряжение. Никогда до того боливийская армия не имела такого оснащения⁴⁰.

После разгона «республиканской гвардии» в 1927 г. начинается новый этап правления Силеса. В течение первого года его президентства он опирался на коалицию «подлинных республиканцев» и республиканцев-сааведристов, не пошедших на разрыв с действующим президентом, несмотря на проклятия со стороны лидера партии. Накануне выборов в конгресс в мае 1927 г. Силес решил создать собственную партию.

В конце 1926 г. Силес пригласил к себе на совещание группу молодых интеллектуалов, исповедовавших модные тогда ортегианские идеи обновления нации. О существовании группы Силес узнал от лидера нонконформистской молодежи Энрике Бальдивьесо, входившего в круг доверенных лиц президента. В совещании участвовали сам Э. Бальдивьесо, Умберто Пальса, Висенте Лейтон, Виктор Альберто Сарачо, Ф. Камперо Альварес и другие. Тогда же было решено создать новую партию поддержки Э. Силеса.

29 декабря 1926 г. в доме Сарачо, где собрался цвет интеллектуальной молодежи Ла-Паса, была создана Националистическая партия. В народе ее чаще называли силистской, ибо была очевидна прямая связь с президентом и его курсом. В состав партии вошли молодые люди, впоследствии сыгравшие выдающуюся роль в истории Боливии. Это были лучшие представители политической элиты Боливии в XX в. Бунтарская молодежь с энтузиазмом восприняла призыв Силеса стать партией реформ⁴¹.

11 января 1927 г. была опубликована программа партии, в которой выдвигались требования принятия трудового кодекса, аграрного законодательства, реорганизации финансово-банковской системы, налоговой реформы, создания эффективного образования, признания университетской автономии. Во главе партии стоял Рафаэль Таборга, горнопромышленник, выступавший от имени мелких и средних предпринимателей. Новая партия предлагала поставить под контроль государства деятельность горнорудных монополий с тем, чтобы обеспечить выживание мелких и средних шахтовладельцев⁴².

Националисты или силисты были первой политической группой, заострившей внимание на необходимости диверсификации экономики. Один из лидеров нового движения К. Салинас Арамайо говорил: «Все наши частные и общественные состояния зависят от горнорудной промышленности. Мы зависим от олова, серебра или меди, малейшее падение цен драматически сказывается на нашей жизни. Однако рудные запасы, как и всякие сырьевые, когда-нибудь да кончаются, и я спрашиваю: что будет с Боливией, когда закончится олово или резко упадут на него цены?.. Мы должны искать более верные источники богатства»⁴³. В диверсификации экономики националисты видели выход из порочного круга отсталости и зависимости.

⁴⁰ Brockmann R. El general y sus Presidentes. Vida y tiempos de Hans Kundt, Erbst Röhm y Siete presidentes de Bolivia. 1911–1939. La Paz, 2012. P. 281–282 (нумерация страниц дается по электронной версии).

⁴¹ Stefanoni P. Los inconformistas del Centenario. Intelectuales, socialismo y nación en una Bolivia en crisis (1925–1939). Tesis de Doctorado, Facultad de Filosofía y letras, Universidad de Buenos Aires, 2014. P. 77–82.

⁴² Frontaura Argandoña M. La revolución boliviana. La Paz, 1974. P. 53.

⁴³ Arze Aguirre R.D. Carlos Salinas Aramayo: un destino inconcluso, 1901–1944. La Paz, 1995. P. 83.

Радикальное крыло националистов во главе с Э. Бальдивьесо, У. Пальсой и А. Сеспедесом настаивало на более решительной программе действий. Они предлагали выступить со своего рода антилиберальным социалистическим манифестом «национального возрождения». Однако умеренное большинство во главе с Таборгой, опираясь на мнение президента Силеса, отвергли все радикальные предложения и даже отказались от предложенного названия партии. Вместо националистической партия стала называться «Национальный союз». Однако общеупотребительным осталось первоначальное название – Националистическая партия⁴⁴.

Принятая программа партии в своей политической части предлагала провести конституционную реформу. Планировался отказ от традиционного парламентаризма и основ представительной демократии. Предлагалось разрешить профсоюзам иметь своих представителей в парламенте. В качестве примера и теоретического обоснования реформы служили ставшие модными идеи «функциональной демократии». Ввиду сопротивления умеренного крыла партии в ее программу не вошли самые радикальные идеи преобразования государственного устройства. Единственным достижением левого крыла был пункт о представительстве профсоюзов. Силисты, кроме того, искали союза с рабочим движением. Включение профсоюзов в институты политического управления общества было одной из стратегических задач левого крыла партии, которое со временем станет базой формирования боливийского национал-реформизма.

Националистическая партия представляла собой довольно разношерстную группу, единую лишь в поддержке Силеса. Если Силес при всех симпатиях к Бальдивьесо и радикальной молодежи предпочитал умеренных деятелей новой партии, то крайние радикалы нашли поддержку у министра внутренних дел Гильермо Вискара, поклонника Муссолини, пытавшегося создать по типу чернорубашечников военизированный сектор в новой партии под руководством К. Ансе Тапия.

На годы президентства Силеса приходится возникновение левого и социалистического движения. В первые годы президентства важным союзником Э. Силеса стало студенческое движение. Правительство также искало поддержку рабочего движения. На Третий рабочий конгресс в Оруро в 1927 г. правительство направило министра Ф. Ваку Чавеса, который выступил с приветственным словом⁴⁵.

Отношения Силеса с левыми резко испортились после разгона демонстрации оппозиции в Ла-Пасе 4 мая 1927 г. Доминирующие позиции в студенческом движении завоевали марксисты. Под руководством молодых марксистов Хосе Антонио Арсе и Рикардо Анайя в 1928 г. на первом съезде студентов страны была образована Университетская федерация Боливии (ФУБ). Центральными требованиями программы ФУБ стали университетская автономия, национализация рудников и нефтедобычи, проведение аграрной реформы⁴⁶.

В 1929 г. ставший видным левым политиком Х.А. Арсе выдвинул идею создания Конфедерации рабочих республик Тихоокеанского региона – Перу,

⁴⁴ Céspedes A. El dictador suicida. 40 años de historia de Bolivia. Santiago de Chile, 1956. P. 84–85.

⁴⁵ Lora G. Op. cit. P. 23.

⁴⁶ Arze J.A. Sociología marxista. Oruro, 1963. P. IV–V.

Чили, Боливии (КРОП) как регионального объединения рабочих партий и прообраз будущего рабочего государства. Эта идея нашла поддержку в коммунистических группах.

Арсе рассматривал КРОП как воспроизведение ленинского лозунга Соединенных Штатов Европы применительно к индейским андским странам. К 1931 г. КРОП в Боливии оформилась в небольшую конспиративную группу. Южноамериканское бюро Коминтерна решительно осудило КРОП, объявив ее «националистической» и «антипролетарской» организацией. Бюро призвало коммунистов бороться с этой «мелкобуржуазной партией». В письме Бюро от 21 мая 1932 г. указывалось: «КРОП – это боливийская АПРА». В ответ из Ла-Паса писали, что КРОП нашла поддержку в коммунистических организациях Оруро, Потоси, Кочабамбы⁴⁷. По требованию бюро Арсе был исключен из компартии, но, тем не менее, продолжал демонстрировать лояльность по отношению к СССР. Арсе поплатился за идею КРОП: Коминтерн подверг его остракизму, а боливийские националисты обвинили в отсутствии патриотизма.

В конце 20-х годов небольшая группа марксистов во главе с Карлосом Мендоса Мамани создала так называемую Подпольную коммунистическую партию, которая поддерживала тесные контакты с Коминтерном. Ввиду своей малочисленности и «идейной слабости» Коминтерн так и не санкционировал создание национальной компартии как полноправной секции Интернационала⁴⁸.

Важную роль в левом движении Боливии в эти годы играл писатель Тристан Мароф (настоящее имя Густаво Наварро)⁴⁹. Он был неоспоримым лидером боливийских левых. В те годы он пропагандировал свою главную идею о том, что коммунизм являлся единственно возможным решением национальных проблем Латинской Америки. Ему принадлежало авторство лозунга, ставшего общенациональным: «Земля – индейцам, рудники – государству». От Марофа левые ждали создания мощной социалистической партии.

В 1927 г. Мароф вместе с Ромуло Чумасеро создал в Сукре Социалистическую партию, в которую вошли Роберто Инохоса, Дик Ампуэро, Абраам Вальдес, Энрике Г. Лоса, Энрике Сальватьерра. Партия провозглашала борьбу за социалистическое государство, за экономическое равенство и освобождение индейцев⁵⁰.

Р. Чумасеро писал из Сукре своему соратнику по рабочему движению, одному из лидеров анархистов Ла-Паса Луису Кусиканки: «Эта партия антипарламентарная и антиполитическая. И если мы ее так называли, это не для того, чтобы получить депутатов в конгрессе, а для разрушения опоры буржуазии, у нашей партии исключительно либертарные [анархистские] цели»⁵¹.

⁴⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 122. Д. 4. Л. 5–7.

⁴⁸ Официально признанная Москвой компартия была образована в 1950 г. на основе левого крылалевой революционной партии (ПИР), созданной Х.А. Арсе в 1940 г. Подробно о коммунистическом движении в Боливии и взаимоотношениях с Коминтерном см. – *Щелчков А.А.* К созданию компартии в Боливии // *Латинская Америка.* 1996. № 5. С. 39–55.

⁴⁹ Подробнее о Т. Марофе см.: *Щелчков А.А.* У истоков боливийского социализма: судьба Тристана Марофа // *Новая и новейшая история.* 2000. № 5. С. 45–60.

⁵⁰ *El Socialista. Sucre.* N 1. 18 de enero de 1927. P. 3–5.

⁵¹ Цит. по: *Rodríguez García H.* Op. cit. P. 67.

Когда в 1927 г. Т. Мароф и Р. Инохоса были арестованы и высланы из страны, эта партия прекратила свое существование.

В сентябре 1927 г. Инохоса публикует в буэнос-айресовской газете «La Crítica» свою «Программу минимум» созданной им небольшой группы единомышленников – «Революционной молодежи Боливии». В этом документе нашли отражение самые радикальные революционные идеи своего времени. Самыми крайними революционными требованиями были национализация горнорудной отрасли, экспроприация крупной промышленности, железных дорог и телеграфа государством. В качестве переходного шага предлагалось передать государству на первом этапе 52% акций всех предприятий⁵². Инохоса сформировал в Аргентине сплоченную революционную группу, готовую перейти к вооруженным действиям, что показали события в Вильясоне в 1930 г.

В июле 1927 г. была создана Рабочая партия, переименованная затем в Лабористскую партию, которая провозгласила себя марксистской. В партии образовалось значительное и влиятельное коммунистическое ядро. Эта партия, хотя и не получившая признания со стороны международного коммунистического движения, завоевала значительное влияние в рабочих центрах Оруро и Ла-Пасе. Лабористы к концу 20-х годов сильно потеснили проправительственные профсоюзы и партии в рабочем движении. Националисты жаловались, что рабочие массово покидают их партию и переходят к лабористам⁵³.

Численный рост рабочего класса в эти годы обуславливался общим экономическим подъемом. В 20-е годы забастовки, трудовые конфликты, протесты происходили редко. Профсоюзное движение укреплялось за счет вовлечения новых секторов рабочего класса и приобрело большой политический вес. Это был период мирного роста профсоюзов, что происходило на фоне благоприятной экономической конъюнктуры и терпимой позиции правительства Силеса, которое рассчитывало получить в их лице своих союзников. Правительство не препятствовало расширению и росту профсоюзного движения. Удавалось регулярно проводить общенациональные рабочие съезды, на которых сторонники главных соперничавших политических тенденций стремились получить преимущество в руководстве общенациональных органов.

Уже в 1925 г. на Втором национальном конгрессе образовалась сильная марксистская группа, которая смогла повести за собой большинство представителей профсоюзов. Тогда же ими была создана Профсоюзная рабочая федерация (ФОС). На Третьем национальном конгрессе трудящихся, собравшемся под председательством Р. Чумасеро в Оруро в 1927 г., марксисты вновь преобладали среди делегатов. Мароф и Чумасеро представляли Социалистическую партию Сукре. Их влияние способствовало победе марксистов на этом конгрессе⁵⁴, что дало основание Коминтерну рекомендовать создать единый профцентр Боливии под контролем коммунистов. Комин-

⁵² Archivo Histórico Genaro Estrada. Secretaría de Relaciones Exteriores. México. 1927. Roberto Hinojosa. Reseñas y recortes de la prensa. F. 21, l.26, exp. 108.

⁵³ Carta al Presidente Hernando Siles del 27 de marzo de 1929. – ANB. Presidencia. Correspondencia. 1929. PG 6617.

⁵⁴ El Socialista. Sucre. N 12. 22 de abril de 1927. P. 1–2.

терн даже планировал в конце 1927 г. образование компартии⁵⁵. На конгрессе 1927 г. марксисты создали общенациональную Конфедерацию труда Боливии (СТБ). Коммунисты во главе с Моисесом Альваресом и Карлосом Мендосой Мамани заняли все руководящие посты в новой конфедерации, что вызвало недовольство базовых профсоюзных объединений. Когда в январе 1929 г. вновь собрался Общенациональный рабочий конгресс, анархо-синдикалистская ФОТ отказалась принять в нем участие, что привело к глубокому кризису СТБ.

СТБ так и осталась верхушечным образованием, мало влиявшим на положение дел в рабочем движении. После 1927 г., т.е. после так называемой «коммунистической узурпации» и образования чисто марксистской ФОС, дело профсоюзного объединения было фактически разрушено. В августе 1927 г. анархисты, разочарованные развалом движения в рамках ФОТ, создали Местную рабочую федерацию (*Federación Obrera Local* – ФОЛ), а социалисты остались в ФОТ. Анархисты вплоть до войны в Чако, до 1932 г., доминировали в рабочем движении⁵⁶. В каждом департаменте страны, в отдельных районах доминировала та или иная местная федерация, лишь формально входившая в ФОТ или ФОЛ.

Такая ситуация вполне устраивала правительство Силеса, предпочитавшего контролировать действия рабочих профсоюзов через местные власти. В мае 1929 г. националисты Силеса создали Националистический рабочий центр, в который вошел профсоюз печатников. Однако большого влияния в профсоюзах, несмотря на поддержку властей, ему завоевать не удалось⁵⁷.

В аграрном вопросе и Силес, и Сааведра придерживались старых либеральных принципов невмешательства в дела собственности. По их взглядам, индейская община была главным тормозом развития сельского хозяйства. Они являлись убежденными сторонниками расистского проекта аграрного развития страны, исключающего выживание индейцев кечуа и аймара как самобытных крестьянских народов. Ни Сааведра, ни Силес не рассматривали, даже как гипотетическую, возможность аграрных преобразований.

Крестьянские выступления против злоупотреблений помещиков и местных властей подавлялись армией и полицией с удивительной жестокостью и бесчеловечностью. В марте 1921 г. восстание в Хесус-де-Мачака началось как взрыв возмущения крестьян злоупотреблениями и преступлениями против жизни и имущества индейцев со стороны местного коррехидора. Затем оно охватило общины и поместья в департаменте Ла-Пас, на Альтиплано и даже в Юнгас, лозунгами которых вновь стали требования ликвидации «личных услуг» крестьян и возвращения земли общинам. Это движение было похоже на восстание Вильки, им руководили традиционные вожди – хилакаты под руководством бывшего солдата Марселино Льянки⁵⁸. Ответом властей были лишь жесточайшие репрессии. 116 человек были убиты, а дома крестьян сожжены.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 28. С. 44.

⁵⁶ Lora G. Op. cit. P. 62–64.

⁵⁷ Carta a Enrique Baldivieso del 13 de mayo del 1929. – ANB. Presidencia. Correspondencia. 1929. PG 6617.

⁵⁸ Antezana L. Masacres y levantamientos campesinos en la historia de Bolivia (1850–1975). La Paz, 1994. P. 63–77.

Так же поступило и правительство Силеса с крестьянами Чайянта в 1927 г. Оба восстания носили типичные черты восстаний андских крестьян, в мотивациях которых сочетались и конкретный протест против несправедливости местных помещиков, властей и расовая, цивилизационная борьба против мира белого человека, полное отрицание европейца и его ценностей.

Вместе с тем в восстании в Чайянта в 1927 г., поводом к которому послужили злоупотребления властей и помещиков против общин при строительстве железной дороги Сукре–Потоси, проявились некоторые детали, свидетельствовавшие о новом этапе борьбы индейского крестьянства. Левые политики попытались использовать восстание в своих пропагандистских целях. В частности, местные помещики обращали внимание властей на то, что один из членов коммунистических кружков Рикардо Даса распространял среди крестьян измышления, что он якобы нашел в архивах документы, свидетельствовавшие о незаконности владения помещиками бывшими общинными землями в Чайянта. Затем полиция обвинила левых политиков во главе с Т. Марофом в провоцировании восстания подрывными призывами к переделу земли и в коммунистической агитации⁵⁹. После подавления восстания полиция арестовала рабочего лидера Ромуло Чумасеро, обвинив Третий рабочий конгресс, который тот возглавил, в подготовке индейского движения в Чайянте⁶⁰.

В антикоммунистической истерии, развернутой правительством, фигурировала фальшивка «письма Бухарина», которую через русских белоэмигрантов получило боливийское посольство в Париже. В этом письме, сфабрикованном людьми Патиньо, Марофу давались указания на организацию восстаний в Боливии и обещалась помощь в миллион франков⁶¹.

Силес все же сделал первый шаг навстречу индейскому крестьянству. Однако он разделял широко распространенное мнение, что будет достаточным просвещение индейцев, которое сможет приобщить их к ценностям европейской цивилизации. Испанизация и европеизация деревни, исчезновение индейского самобытного хозяйственно-культурного элемента должны были решить индейскую, а значит и аграрную проблему.

В 1926 г. был создан Педагогический институт по подготовке сельских учителей. Этот курс правительства поддержала церковь, организовав «Крестовый поход за индейца», целью которого объявлялось создание системы начального образования в деревне. Не без основания левые молодежные организации, в том числе ФУБ, охарактеризовали эту акцию как попытку поставить просвещение индейского населения на службу клерикализму и латифундизму. 18 апреля 1926 г. студенты под лозунгами «Долой клерикализм! Долой гамонализм!»⁶² разогнали шествие этого «Крестового похода» в Ла-Пасе. Аграрную проблему было невозможно решить никакими просветительскими акциями.

Разразившийся в 1929 г. мировой экономический кризис серьезно повлиял на политическую ситуацию в Боливии. Реформы буксовали, политическая

⁵⁹ Montes Ruiz F. Mascara de piedra. Simbolismo y personalidad ayamara en la historia. La Paz, 1984. P. 338–341.

⁶⁰ Rodríguez García H. Op. cit. P. 66.

⁶¹ Dunkerley J. Op. cit. P. 176.

⁶² Гамоналами в андских странах называют помещиков-латифундистов.

поддержка правительства таяла на глазах. Правительство Силеса демонстрировало свою экономическую беспомощность перед лицом кризиса. Президент опирался исключительно на силу. Все политические партии и группы, за исключением слабой и малочисленной Националистической партии, перешли в оппозицию к Силесу.

Националисты представляли собой лишь зародыш будущей партии. К тому же сильный контроль со стороны правительства и в первую очередь министра внутренних дел Г. Вискарра ограничивал самостоятельность партии, что отразилось на ее влиянии в обществе и способности к борьбе. Умеренность ее лидеров отталкивала радикально мыслящую молодежь. Как правильно охарактеризовал эту партию писатель Альсидес Аргедас, в ней «появились новые имена и люди, но никогда не проявлялся новый дух»⁶³.

Большое влияние в кабинете министров приобрел Г. Вискарра. С одобрения Силеса он установил полицейский режим, ввел цензуру. Постоянно объявлялось осадное положение в столице и других городах. Были высланы лидеры оппозиции, как правые, так и левые. По стране прокатилась волна арестов, около 250 человек оказались в тюрьмах по политическим мотивам. Силес попытался привлечь армию на свою сторону, введя в правительство подполковника Давида Торо, пользовавшегося его доверием. Прямая ставка на вооруженные силы подлила масла в огонь недовольства, вызвав дополнительные протесты, да и генералитет не одобрял репрессий против либеральной оппозиции.

Приближались очередные президентские выборы. Срок полномочий Силеса заканчивался в 1930 г. Однако президент считал, что его реформы лишь начались, и их следует продолжать. Не видя в Националистической партии лидера, способного победить на выборах, Силес принял решение сохранить свою власть даже ценой нарушения Конституции. Переизбрание на второй срок по закону было невозможным. Для сохранения видимости легальности 28 мая 1930 г. Силес ушел в отставку с поста президента, передав свои полномочия, снова в нарушение Конституции, совету министров, а не вице-президенту, что оппозиция расценила как государственный переворот. По идее Силеса, совет министров должен был подготовить выборы в Учредительное собрание, которое, в свою очередь, внесло бы изменения в текст Конституции, разрешающие избрание президента на второй срок.

В ответ на противозаконные действия президента оппозиция, забыв прежние обиды и разногласия, объединилась в единый антиправительственный блок, в котором роль ударной силы отводилась студенческим организациям. Патиño, обеспокоенный реформистскими планами Силеса и желавший в период кризиса видеть во главе правительства проолигархические политические силы, оказал финансовую поддержку противникам президента.

Левые группировки, наблюдая за развитием политических событий, считали, что страна находится на грани революционного кризиса. Группа Роберто Инохосы в Аргентине стала готовить вооруженное восстание. Инохоса установил связь с некоторыми социалистами и синдикалистами в Боливии, рассчитывая на их поддержку с момента выступления. Ключевой фигурой в

⁶³ *Crespo Rodas A. Hernando Siles. El poder y su angustia. La Paz, 1985. P. 159.*

его связях с боливийскими левыми был профсоюзный лидер и депутат конгресса Э. Лоса, с энтузиазмом откликнувшийся на планы Инохосы⁶⁴.

Инохоса сумел убедить своих товарищей в Аргентине, что внутри Боливии все готово для вооруженного выступления, и при первом же воззвании к народу студенческие, рабочие организации и военные в различных департаментах готовы поддержать революцию. Утром 16 июля 1930 г. группа из 50 человек, возглавляемых Инохосой, атаковала пограничный пункт и таможенно на аргентинско-боливийской границе и заняла приграничный городок Вильясон. Было торжественно объявлено начало рабоче-крестьянской социалистической революции в Боливии. Революционеры заявили о подготовке марша на Ла-Пас. Инохоса был провозглашен временным президентом республики.

Был опубликован «Манифест к народу», провозглашались национализация рудников, промышленности, железных дорог. Новым элементом программы было положение об отказе выплаты внешнего долга, а также аннулирование всех частных задолженностей граждан перед государством и отмена налогов. Решение аграрного вопроса Инохоса видел не в переделе крупных и средних хозяйств, а в огосударствлении земли⁶⁵.

Революция в Вильясоне не встретила поддержки внутри страны. Инохоса убеждал своих соратников, совершенно сознательно обманывая их, что рабочие объявили революционную политическую забастовку, а крестьяне-индейцы вышли из повиновения, и страна находится в состоянии всеобщего восстания⁶⁶. Вскоре после коротких вооруженных стычек с отрядом Инохосы сначала в Салитре, затем в Толина, Мохо и Туписе правительственные отряды без особых усилий освободили Вильясон. Инохоса и его товарищи бежали за границу. Власти арестовали некоторых сторонников революции, в том числе и депутата Э. Лоса, который занимал пост секретаря Революционного комитета Вильясона⁶⁷.

Левые организации в Боливии в своем большинстве не поддержали революцию в Вильясоне. Более того, в августе 1930 г. Четвертый Рабочий конгресс под давлением марксистского крыла осудил действия Инохосы в Вильясоне. Анархисты во главе с Х. Моисесом также отмежевались от событий в Вильясоне, осудили действия Инохосы, хотя и разделяли большинство пунктов программы этой революции⁶⁸. Коммунисты сразу же заклеили действия Инохосы как мелкобуржуазный авантюризм. Единственным, кто поддержал попытку революции в Вильясоне, был видный политик континентального масштаба, основатель перуанской АПРА В.Р. Айя де ла Торре.

Одновременно, но не в связи с «революцией» Инохосы, в Ла-Пасе с 12 июня 1930 г. беспрерывно шли студенческие волнения. 22 июня восстали

⁶⁴ Lorini I. El movimiento socialista «embrionario» en Bolivia, 1920–1939: entre nuevas ideas y residuos de la sociedad tradicional. La Paz, 1994. P. 194–195.

⁶⁵ Hinojosa R. La revolución de Villazón. La Paz, 1944. P.25–26.

⁶⁶ Lora G. Op. cit. P. 255.

⁶⁷ Р. Инохоса бежал сначала в Аргентину, а затем в Уругвай. С 1932 г. находился в Мексике, где занимался эхидальной реформой Карденаса в Комарке Лагуна. В Мексике познакомился и сдружился с Л. Троцким. В 1944 г. вернулся в Боливию при президенте Г. Вильярроэле. – Подробнее см.: Щелчков А.А. Роберто Инохоса: пламенный революционер или «креольский Геббельс» // Латиноамериканский исторический альманах. 2007. № 7. С. 69–96.

⁶⁸ Lorini I. Op. cit. P. 114.

кадеты Военного колледжа в Ла-Пасе. Д. Торо направил против них полк Ингави, а Кундт пригрозил авиабомбардировкой Ла-Паса. 23 июня были арестованы лидеры анархистской ФОЛ, которых подозревали в сотрудничестве с Инохосой и со студенческим движением. В ответ ФОЛ присоединилась к начинавшемуся восстанию против Силеса.

24 июня восстали военные в Оруро. Перед лицом волнений Кундт, обманув надежды Силеса, отказался исполнить свою угрозу бомбардировки, заявил об отставке и укрылся в немецком посольстве. Лишь Д. Торо с небольшой группой военных до конца оставался верен Силесу, пытаясь переломить ситуацию: с помощью пулеметов и пушек они три дня защищали президентский дворец. 25 июня Э. Силес был свергнут. Только вокруг президентского дворца было 500 убитых⁶⁹. Восставшие разгромили дома экс-президента, Д. Торо, Р. Таборга и других сподвижников Силеса. Д. Торо укрылся в чилийском, а Силес в бразильском посольстве, а затем покинул страну, выехав в Чили.

Со свержением Силеса потерпели поражение попытки умеренных реформ. Реформизм Силеса был не более радикален, чем у Сааведры, но именно Силес впервые использовал национализм как политическое знамя. При этом он не был националистом по убеждениям. Силес уже в большей степени, нежели Сааведра, терял поддержку традиционной политической элиты. Он обратился к новым политическим силам, провозгласив отход от либерализма, что свидетельствовало о начале нового этапа истории, главной характеристикой которого был нарастающий кризис гражданского общества и государства.

Реформизм Силеса оставался умеренным и половинчатым, ибо не затрагивал основ экономической жизни, а был направлен лишь на укрепление обветшавшей политической системы. Исторически еще не появились достаточно мощные социальные силы, способные не только поставить перед всем обществом задачи коренных преобразований, но и провести их в жизнь. Еще сильна была вера в незыблемость либеральных принципов управления экономикой, в магическую силу мирового рынка как единственного инструмента хозяйственного прогресса. Нужны были потрясения экономического кризиса и войны в Чако, чтобы окончательно оформились политические силы, осознававшие необходимость и неизбежность реформ во имя консолидации нации, преодоления порочного круга зависимости и отсталости. Силес остался в рамках либерального реформаторства, фактически он замыкал целую историческую эпоху, начатую в конце XIX в. проведением фундаментальных преобразований, направленных на модернизацию архаичных структур боливийского государства и экономики.

---

⁶⁹ *Rodríguez García H. Op. cit. P. 101.*

Часть VI

ОРГАНИЧЕСКИЙ КРИЗИС ОЛИГАРХИЧЕСКОГО РЕЖИМА. ДРАМАТИЧЕСКИЕ 30–40-е ГОДЫ XX ВЕКА

Глава 18

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС. ВОЙНА В ЧАКО

Начавшийся с краха на нью-йоркской бирже в октябре 1929 г. мировой экономический кризис не замедлил самым тяжелым образом обрушиться на страны периферии. Падение цен на олово¹ вызвало глубочайший спад в горнорудной промышленности Боливии. Добыча олова сократилась с 47 069 т руды в 1929 г. до 20 920 т в 1932 г.² Падение добычи других металлов было еще более драматичным: например, в 1932 г. в Боливии было добыто висмута только 1% от уровня 1900 г.³

Уже в ноябре 1929 г. горнопромышленники призвали правительство прийти на помощь отрасли. В декабре 1929 г. министерство финансов издало распоряжение о 50-процентном снижении налогов оловодобывающим компаниям, а также освободило их от каких-либо ограничений в вопросах минимального размера заработной платы трудящихся⁴. Однако эти меры не могли спасти отрасль от депрессии.

Патиньо в полной мере воспользовался бумом 20-х годов для расширения и модернизации добычи олова. Созданный им комплекс Катави–Сигло ХХ стал самым производительным и эффективным предприятием в Боливии. К 1929 г. рудники Патиньо давали 60% боливийского олова, $\frac{3}{4}$ которого приходилось на Сигло ХХ. Он же контролировал металлургические заводы в Ливерпуле, перерабатывавшие боливийскую руду. Когда наступил кризис, Патиньо был одним из инициаторов создания в январе 1930 г. «Картеля олова» или «Комитета олова», в который вошли представители Нигерии, Малайи и голландской Ост-Индии. Во главе комитета оказался Симон Патиньо. Комитет устанавливал квоты на производство олова, которые внутри Боливии распределялись правительством совместно с «Ассоциацией горнопромышленников», также контролируемой Патиньо.

© А.А. Щелчков

¹ Цены на олово упали с 203,9 ф. ст. за т в 1929 г. до 142 – в 1930 г. и до 97,6 ф. ст. – в 1932 г., т.е. более чем вдвое. – *Valencia Vega A. El pensamiento político en Bolivia. La Paz, 1973. P. 239.*

² *Lopez Rivas E. Esquema de historia económica de Bolivia. Oruro, 1955. P. 83.*

³ *Lofstrom W. Attitudes of an Industrial Pressure Group in Latin America: The «Asociación de Industriales Mineros de Bolivia», 1925–1935. Cornell, 1968. P. 58.*

⁴ *Ibid. P. 62.*

Благодаря умелой политике Патиньо удалось достичь того, что Боливия, находясь в самых невыгодных по сравнению со своими конкурентами условиях из-за высокой себестоимости добываемой руды, оказалась отчасти в привилегированном положении. Патиньо добился, чтобы за основу ограничений был принят уровень производства 1929 г., что означало для его компании незначительное сокращение производства.

В отличие от Малайи или Нигерии сокращение производства и экспорта в Боливии затрагивало такую деликатную сторону вопроса, как распределение квот между «баронами олова» и мелкими и средними производителями. Боливийское правительство было вынуждено закрывать глаза на нарушения своих обязательств по ограничению производства. Между тем сверхквотируемый экспорт со стороны средних и мелких шахтовладельцев составил в 1931 г. — 748 т, в 1932 г. — уже 1502 т.

Хотя президент Даниэль Саламанка 25 июля 1932 г. по требованию Комитета по олову издал декрет, предусматривавший целый комплекс мероприятий по сокращению производства, реально повлиять на поведение мелких и средних горнопромышленников не удавалось, и проблема была решена лишь увеличением квот и временным ростом в отрасли в целом. Свою пассивность в этом вопросе Саламанка так объяснял в письме к Патиньо: «Это возбуждение среди мелких производителей в Потоси будет лишь увеличиваться, так как цены на олово стали расти. Невозможно удовлетворить всех на свете, они не прекратят яростно нападать на соглашения, ограничивающие производство. Я убежден, что будет крайне трудно, если ни невозможно, избежать пересмотра соглашения». Правительству удалось преодолеть эту опасную тенденцию, лишь увеличив квоту для мелких рудников с 16,8% в 1931 г. до 22,3% в 1932 г.⁵

Кризис привел к усилению монополистической структуры оловодобывающей промышленности. Разорилась фирма Гуггенхейм, ее рудники были скуплены в 1933 г. Арамайо по очень низким ценам. М. Хохшильд, который специализировался на операциях по купле-продаже продукции мелких и средних рудников, к 1929 г. контролировал 80% экспорта немонополизированного сектора промышленности. Хохшильд активно сопротивлялся картеллизации отрасли, так как понимал, что это повлечет за собой контроль Патиньо над всей оловодобычей. Конфликт Патиньо и Хохшильда по поводу распределения квот на производство олова вовлекал в борьбу массу мелких и средних шахтовладельцев, контроль над которыми был затруднен, а Боливия постоянно числилась в нарушителях соглашения по олову.

Несмотря на хаотическое состояние мирового хозяйства, боливийское правительство продолжало поддерживать золотой курс свободно конвертируемого боливиано. Золотой запас страны сократился с июля 1929 по сентябрь 1931 г. на 57%⁶. Утечка капитала поставила страну на грань банкротства. 23 сентября 1931 г. конференция латиноамериканских банков в Лиме, в которой принимала участие Боливия, постановила отказаться от золотого

⁵ Hillman J. Bolivia and the International Tin Cartel, 1931–1941 // Journal of Latin American Studies. Cambridge. Vol. 20. Part. 1. May 1988. P. 96–97.

⁶ Míguez E. Apuntes históricos del banco Central de Bolivia e instituciones conexas. La Paz, 1982. P. 93–94.

стандарта и ввести новую систему обменных курсов национальных валют с тем, чтобы прекратить вывоз капитала из стран региона⁷.

Кризис драматически отразился на государственных финансах. Доходы от налогов на экспорт минералов снизились по сравнению с 1929 г. вдвое в 1930 г. и вчетверо в 1931 г.⁸ Кризис в оловодобывающей промышленности уменьшил поступления валюты в страну, что сократило возможности импорта продуктов питания. В результате подскочили цены на продовольственные товары. В городах разорялась основная масса мелких собственников и предпринимателей.

Экономический кризис имел большие социальные последствия. Только на предприятиях Патиньо количество занятых сократилось с 6688 человек в 1929 г. до 2064 в 1932 г.⁹ Социальное брожение, недовольство правящими кругами охватило самые широкие слои общества.

Одной из ярких черт развития Боливии второй половины 30-х годов стала масштабная урбанизация. После войны в Чако (1932–1935) города наводнили демобилизованные солдаты и их семьи, в основном метисы, жители маленьких провинциальных городков и крестьяне-индейцы. Население Ла-Паса и Кочабамбы за один 1936 г. увеличилось на 30%¹⁰. Вместе с тем спрос нового городского населения на предметы легкой и пищевой промышленности способствовал значительному росту производства в этих отраслях. Так, в Ла-Пасе в 1935 г. было 35 крупных и средних предприятий, а в 1945 г. – уже 173, на которых работали 7890 человек. 69% всех этих предприятий относились к легкой и пищевой промышленности¹¹. Та же картина наблюдалась и в Кочабамбе, где в 30–40-е годы возникло 37 новых промышленных предприятий, большинство которых потребляло сырье местной сельской округи. В Кочабамбе в 1938 г. предприниматели основали промышленную палату, ставшую рупором местной буржуазии.

Урбанизация привела к появлению новых социальных групп городского населения, активно включившихся в политическую борьбу. Стала заметной фигура промышленного рабочего, ранее терявшегося в массе ремесленников. По данным на 1936 г. возросло число фабрично-заводских рабочих – до 5% экономически активного населения; временные и сезонные рабочие составляли около 7%. В добывающей промышленности постоянно было занято около 2% экономически активного населения. Вместе с тем эта отрасль давала более 20% ВВП страны. К 30-м годам резко сократилась доля ремесленного и кустарного производства: в этом секторе экономики было занято лишь 0,1% граждан.

Следует подчеркнуть, что именно после кризиса 30-х годов возникли новые отрасли, развилась инфраструктура городов, что свидетельствовало о качественных изменениях структуры боливийского капитализма. Экономичес-

⁷ Это произошло три дня спустя после принятия такого же решения Великобританией.

⁸ *Estadística boliviana. Análisis numerio del presupuesto nacional. Años 1911–1931.* La Paz, 1933. P. 55.

⁹ *Peñalosa Cordero L. Nueva historia económica de Bolivia. Bolivia en el siglo XX. Vol.3.* La Paz, 1987. P. 202.

¹⁰ *Klein H S. David Toro and the establishment of «Military Socialists» in Bolivia // Hispanic American Historical Review.* 1972. Vol. 14. N 1. P. 41.

¹¹ *Schoop W. Ciudades bolivianas.* La Paz, 1981. P. 60–61.

ческие перемены несли с собой серьезные социальные трансформации в обществе, в его структуре, в первую очередь в составе средних слоев. По данным на 1936 г., городское население распределялось следующим образом: городские собственники – 2%, торговцы и банковские служащие – 3%, лица свободных профессий – 1,5%, «непроизводительные классы» (в том числе студенты) – 8%. Эти группы населения с некоторой долей приближения относятся к средним слоям. В сумме это около 15% населения страны, т.е. половина всех городских жителей. Именно эта категория граждан оказывала решающее влияние на социально-политическую жизнь в стране. К средним слоям по уровню дохода и по социальной ориентации примыкали рабочие, занятые на транспорте, в сфере связи, в типографиях – около 1% населения.

Многочисленными стали и новые средние слои, обслуживавшие экономические потребности современного города с его промышленностью и транспортной инфраструктурой. Именно 30-е годы позволяют говорить о преобладании «новых средних слоев», их численном перевесе и социальной инициативе, подавлявшей «старые», традиционные городские элиты. Показательно увеличение количества лиц свободных профессий, рост числа «новых профессионалов» и постепенное исчезновение традиционных «докторов». Так, за полвека при значительном, более чем вдвое, приросте городского населения, число адвокатов, «законников», так называемых «докторов» уменьшилось на 6%, священников – на 50%, а вот прирост врачей составил 50%, инженеров – 310%, а учителей – колоссальную цифру в 1158%¹².

Эту тенденцию подтверждает рост числа лиц, имевших право голоса. Если в 1904 г. было 43 тыс. избирателей, а в 1926 г. – около 70 тыс, то в 1930 г. – уже 450 тыс. Безусловно, голосовало меньше граждан, но выборная статистика фиксирует всех, кто имел это право¹³. Речь идет в основном о представителях среднего класса, если не считать высшие слои общества. Именно эти социальные слои были «новичками» и главными действующими лицами политической жизни в Боливии в 30-е годы.

Глубокие перемены в социально-экономической структуре боливийского общества свидетельствовали о новом этапе его эволюции. Новые потребности экономики и общества вступали в противоречие с архаичной политической системой, давили на старое государство, что вызвало глубокий кризис гражданского общества и постепенный развал старого политического режима. Олигархическое государство переживало глубокий органический кризис.

Правительство Д. Саламанки. Война в Чако

В июле 1930 г. к власти в Боливии пришла хунта во главе с генералом Карлосом Бланко Галиндо, заявившим, что главной целью нового правительства являются возвращение к конституционной законности и проведе-

¹² Klein H.S. *Parties and Political Change in Bolivia, 1880–1952*. London, 1971. P. 393.

¹³ По переписи 1900 г. в Боливии было 217 тыс. грамотных (в том числе женщин, не имевших избирательных прав). – *Síntesis estadística y geográfica de la República de Bolivia*. Vol. 2. La Paz, 1903. P. 34. Перепись 1950 г. дает цифры в 708 тыс. человек. – *Censo demográfico*. 1950. La Paz, 1973. P. 114.

ние свободных выборов. Хунта представляла собой блок оппозиционных Эрнанду Силесу традиционных партий. Фактическим главой правительства был лидер небольшой, но влиятельной Радикальной партии Даниэль Санчес Бустаманте, который в союзе с либералами и «подлинными республиканцами» осуществил реставрацию либерального режима и провел быструю передачу власти гражданским политикам. Откровенная поддержка переворота «баронами олова» дала основания прозвать его в народе «платиньистской революцией».

Хунта пришла к власти в самый тяжелый период мирового кризиса, когда резко сократились доходы государства, а экономика переживала невиданный спад. Санчес Бустаманте в соответствии со своими убеждениями делал все возможное для минимизации социальных последствий, за что был критикуем либеральной прессой, требовавшей сокращения социальных расходов. Правительство предприняло масштабные меры, чтобы сократить последствия увольнений на рудниках, переселяя шахтеров в другие районы страны, выплачивая им пособия¹⁴. Экономические проблемы ждали своего решения от нового правительства.

Политический кризис был преодолен выдвижением на пост президента кандидатуры лидера «подлинных республиканцев» Даниэля Саламанки. На выборах, состоявшихся 4 января 1931 г., Саламанка получил 32 282 голоса, а баллотировавшиеся на пост вице-президента либерал Х.Л. Техада Сорсано и Б. Сааведра – 24 039 и 9608, соответственно¹⁵. Саламанке шел 61 год, когда он стал первым лицом в боливийском государстве. Блестящий оратор и опытный политик, Саламанка был убежденным консерваторм, защитником старой креольской Боливии. Он был патриотом страны, которая существовала лишь в его воображении. Для него Боливия была страной цивилизованного испаноязычного белого меньшинства. Для старой, «креольской» Боливии он был «человеком-символом», символом олигархического государства и роскоши, и от успеха его правления зависело выживание самого этого государства.

Саламанка считал, что главной проблемой страны являлся отнюдь не экономический кризис, а политический радикализм и коммунистический экстремизм. В первую очередь новый президент направил свой главный удар против рабочего движения, так как укрепившиеся в годы президентства Силеса профсоюзы стали представлять реальную силу, угрожающую полити-

Даниэль Саламанка

¹⁴ Dunkerley J. Orígenes del poder militar, Bolivia. 1878–1935. La Paz, 2003. P. 196–197.

¹⁵ На выборах в конгресс партия Саламанки «Подлинные республиканцы» получила 19 мест против 38 у либералов и 5 у сааведристов.

ческой стабильности. Лишения и страдания трудящихся от экономического кризиса подталкивали профсоюзы к решительным действиям. Еще при Силесе 10 февраля 1930 г. по инициативе анархистской ФОЛ была проведена всеобщая забастовка с требованиями восьмичасового рабочего дня и повышения зарплаты.

Активное участие ФОЛ в свержении Силеса придало силу профсоюзному движению. С 6 по 10 августа 1930 г. в Оруро был проведен Третий общенациональный рабочий конгресс. Накануне, 2 июля, власти были потрясены невиданной для этого города 10-тысячной демонстрацией рабочих. На этом конгрессе еще раз подтвердилась нарастающая враждебность анархистов и социалистов-марксистов, которые еще в 1929 г. провели свой рабочий конгресс, который не признавало большинство союзов на местах. В Оруро социалисты с шумом покинули конгресс в знак протеста против диктата анархистского большинства и антисталинских заявлений конгресса. На конгрессе была создана анархо-синдикалистская Рабочая региональная конфедерация Боливии (CORB – КОРБ), в которую вошли ФОЛ и многочисленная ФОТ Оруро.

Новая конфигурация в профсоюзном движении имела недолгую жизнь. КОРБ и ФОЛ оказались в центре антирабочей политики нового правительства Саламанки, который считал анархистов своими главными идейными врагами. В январе 1931 г. в Ла-Пасе сразу же после избрания Саламанки прогремели взрывы, которые были приписаны анархистам. В сентябре группа вооруженных анархистов напала на казармы в Ла-Пасе. В течение 1931 г. постоянно полиция разоблачала заговоры и подрывные акции анархистов. Сами активисты ФОЛ признавали, что ведут подготовку «социальной революции»¹⁶.

Столкнувшись с забастовкой телеграфистов, правительство не только подавило ее, но и распустило отраслевой профсоюз. После многочисленных акций и заговоров анархистов правительство запретило профсоюзы, входящие в ФОЛ. В августе–сентябре 1931 г. в Оруро и Потоси проходили забастовки и демонстрации трудящихся, протестующих против тяжелых условий жизни. В ответ власти арестовали профсоюзных лидеров рабочего Р. Чумасеро, Л. Сальватьерра, Х. Моисеса, студентов-коммунистов А. Арратия, А. Вильяльпандо. В Ла-Пасе прошли демонстрации солидарности с арестованными. Правительство усилило репрессии, арестовав организаторов этих акций, профсоюзы фактически оказались обезглавленными¹⁷.

Довершил полный разгром рабочего движения декрет Саламанки, запретивший в ноябре 1932 г. всякую профсоюзную деятельность¹⁸. В январе 1932 г. министр внутренних дел, один из самых консервативных деятелей «подлинных республиканцев» Луис Кальво предложил принять Закон об общественной безопасности, ограничивавший основные права и свободы. В ответ мощные манифестации возмущенных студентов, интеллигенции,

¹⁶ *Rodríguez García H.* La choledad antiestatal. El anarcosindicalismo en el movimiento obrero boliviano, 1912–1965. Buenos Aires, 2010. P. 122.

¹⁷ *Lorini I.* El movimiento socialista «embrionario» en Bolivia, 1920–1939: entre nuevas ideas y residuos de la sociedad tradicional. La Paz, 1994. P. 114–117.

¹⁸ *Alvarez España W.* Memorias del primer ministro obrero: historia del movimiento sindical y político boliviano, 1916–1952. La Paz, 1986. P. 49.

средних слоев, поддержанные ФОТ и ФОЛ, впервые выступившие совместно, вынудили правительство дезавуировать эту инициативу¹⁹.

В начале 30-х годов Боливия переживала глубочайший финансовый кризис. В 1930 г. дефицит бюджета составил 36%, а в следующем году уже 50%. Министр финансов Д. Канелас не видел другого выхода кроме отказа от выплаты внешнего долга и отмены конвертируемости боливиано с введением принудительного курса обмена, что было крайне невыгодно экспортерам, прежде всего горнорудным монополиям. Планам Канеласа воспротивились союзники по правительственной коалиции – либералы.

Либеральная партия во главе с бывшим президентом И. Монтесом, возглавлявшем тогда Центральный банк, строго придерживалась принципов свободной конвертируемости валюты. Под давлением монополий и конгресса Саламанка провел перестановки в кабинете: с марта 1932 г. Д. Канелас был выведен из правительства, в котором три портфеля получили либералы.

Хотя лозунгом Саламанки была ставшая крылатой фраза «Не трогайте олово!», катастрофическое положение финансов в конце концов заставило его 11 мая 1932 г. принять закон, по которому экспортеры обязывались сдавать в казну 65% валюты, выручаемой от продажи металла, получая взамен эквивалент в боливиано по официальному (заниженному) курсу. К таким радикальным мерам Саламанку толкала логика военного противостояния с Парагваем.

Самой серьезной проблемой боливийского правительства были отношения с Парагваем. Оба соседних государства оспаривали свое право на территорию области Чако. Конфликт с Парагваем из-за этой территории превратился во внешнеполитическую проблему в начале XX в., когда парагвайцы в 1900 г. построили первые форты в Чако – Патрия и Гальпон. Боливия в 1906 г. ответила основанием фортов Гуачалья и Бальивиан на р. Пилкомайо. В 1907 г. страны договорились о прекращении продвижения в Чако (протокол Пинилья–Солер 12 января 1907 г.). Однако договоренности не выполнялись²⁰. Освоение Чако парагвайцами резко усилилось в 20-е годы.

Боливийское присутствие чувствовалось только в самых северных районах Чако, прилегающих к Санта-Крусу и Камири, плюс форты по р. Пилкомайо, в то время как Парагвай осуществлял успешное экономическое освоение спорных территорий к северу от р. Парагвай. Претензии же Боливии распространялись на все Чако, вплоть до р. Парагвай. Обе страны строили в Чако небольшие форты, где размещали гарнизоны. Параллельно шла подготовка к более масштабному военному противостоянию.

Спорные вопросы между Парагваем и Боливией обсуждались в течение 1927–1928 гг. дипломатами обеих стран при посредничестве Аргентины. Боливия была готова доверить спор арбитражу третьей стороны, но Парагвай жестко держался требований статус-кво, т.е. приостановки всякого военного продвижения, в то время как гражданское освоение Чако с его стороны шло быстрыми темпами.

22 апреля 1927 г. Боливия и Парагвай подписали так называемый протокол Гутьерреса – Диаса Леона, по которому соглашались на созыв конфе-

¹⁹ Diaz Michicao P. Historia de Bolivia. Salamanca, la guerra del Chaco, Tejada Sorzano, 1931–1936. La Paz, 1955. P. 56–61.

²⁰ Кораблева Л.Ю. Чакская война (1932–1935). Дипломатическая история боливийско-парагвайского конфликта. М., 2013. С. 27.

ренции для решения спорных вопросов под эгидой Аргентины. 29 сентября 1927 г. в Буэнос-Айресе начались боливийско-парагвайские переговоры, на которых ни одна из сторон не собиралась уступать.

Внутри Боливии партия войны набирала силу. Силес всеми силами старался избежать конфликта, в то время как оппозиция во главе с Саламанкой вызвала к силовым методам решения спора. Тогда Саламанка так объяснял свою воинственную позицию: «Как мужчины, согрешив, во имя спасения своей души должны подвергнуть себя испытанию огнем, так и страны, как наша, совершившие немало политических ошибок, должны пройти испытание огнем, что в нашем случае есть не что иное, как конфликт с Парагваем»²¹.

Ситуация обострилась после 5 декабря 1928 г., когда парагвайские подразделения захватили и сожгли боливийский форт Вангвардия. Перед лицом открытой агрессии Силес отозвал посла из Асунсьона и принял решение нанести адекватный удар по парагвайскому форту Гальпон (нападение на парагвайский форт было отбито). 8 декабря из Боливии был выслан парагвайский посол. Волна шовинизма захлестнула страну. Даже бойскауты потребовали мобилизовать их на фронт²². Под аплодисменты шовинистически настроенной прессы находившийся тогда в оппозиции Саламанка требовал объявления войны, ибо был абсолютно уверен в превосходстве сил Боливии и легкой победе. Повинуясь требованиям общественного мнения и учитывая, что войскам не удалось захватить Гальпон, Силес приказал взять удаленный парагвайский форт Бокерон. Бои у других фортов не дали результатов, и все атаки боливийцев были отбиты²³. Бокерон был взят, что праздновалось как огромная победа: только в Ла-Пасе на улицы вышли 40–50 тыс человек.

Несмотря на воинственную риторику и агрессивные заявления, Силес был убежден в неспособности и неготовности страны вести войну в Чако. Судя по всему, Парагвай также еще не был готов к открытому военному конфликту. 3 января 1929 г. Боливия и Парагвай подписали в Вашингтоне протокол об арбитраже и международной мирной конференции с приглашением США, Мексики, Колумбии, Уругвая и Кубы. «Комиссия нейтралов» добилась подписания сторонами соглашения, восстановившего статус-кво до нападения на Вангвардию, причем парагвайцы должны были восстановить разрушенные укрепления этого форта²⁴.

Силес понимал необходимость военных приготовлений, пригласив вновь Ганса Кундта вернуться в Боливию. Вместе с Кундтом приехали и немецкие инструкторы, опытные офицеры, прошедшие школу Первой мировой войны²⁵. Немецкая военная миссия много сделала для профессиональной

²¹ Dunkerley J. Op. cit. P. 207.

²² Brockmann R. El general y sus Presidentes. Vida y tiempos de Hans Kundt, Ernst Rohm y siete presidentes de Bolivia, 1911–1939. La Paz, 2012. P. 325.

²³ Oroza Daza J. Conflicto boliviano-paraguayo. Buenos Aires (s.d), 1929. P. 64.

²⁴ Diaz Michicao P. Op. cit. P. 88.

²⁵ Кундт представлял не только профессионализм военной традиции Германии, но и торгово-коммерческие интересы крупных немецких компаний, заинтересованных в проникновении на боливийский рынок. Интересы Круппа, Маузера, «Фарбен И.Г.» не были безразличны немецкой военной миссии, являвшейся коммерческим представителем нескольких промышленных групп Германии. – Nunn F.M. Yesterday's soldiers. European military professionalism in South America, 1890–1940. London, 1983. P. 103–128.

подготовки боливийских военных. Любопытно, что в миссию входил известный нацист, вождь штурмовиков Эрнст Рём²⁶.

Ястребы во главе с Саламанкой видели в войне лучший способ морально-политического укрепления государства. Победа в войне означала преодоление общественного кризиса через демонстрацию моральной силы и эффективности правящей элиты. Силес понимал бесперспективность этой политической стратегии. Война, по его мнению, вела к национальной катастрофе²⁷.

Приход к власти в Ла-Пасе партии войны во главе с Саламанкой перечеркнул все дипломатические усилия предыдущих лет. Правящие круги как Боливии, так и Парагвая страдали комплексом неполноценности по отношению к своим более удачливым соседям – Чили и Аргентине, сумевшим нанести им военные поражения, масштабы и катастрофические последствия которых оказали огромное влияние на историческую память многих поколений вплоть до сегодняшнего дня. Тяжелое внутреннее положение, органический кризис олигархического государства толкали правящие круги Боливии к легкой, победоносной войне с более слабым, как казалось, противником.

Шовинизм, военная истерия стали единственным способом достижения консенсуса в обществе, находящегося в глубоком экономическом и морально-политическом кризисе. Шовинистическая пропаганда захватила практически все вовлеченные в политику социальные слои, в том числе и недавно оппозиционных Саламанке левых и националистов. Лишь небольшие анархистские группы, как и до начала войны, вели пацифистскую, антивоенную пропаганду. Однако поддержки в общественном мнении они не находили²⁸. Против каких-либо мирных переговоров с Парагваем выступили все: «бароны олова», помещицы аристократия, средние слои²⁹.

Саламанка поручил боливийскому консулу в Гамбурге Умберто Васкесу Мачикадо отправиться в Севилью и найти в колониальных архивах документы, подтверждающие претензии Боливии на Чако. Боливия искала юридическое обоснование своих претензий³⁰. В мае 1931 г. был принят «План проникновения и военного занятия Чако», имевший целью упредить Парагвай и максимально продвинуться в Чако. Саламанка отстаивал план закрепления позиций в Чако через объединение трех различных зон в этом районе, где

²⁶ Э. Рём служил в боливийской армии до 1930 г., участвовал в конфликте у форта Вангуардия. Во время переворота 1930 г. вместе с Кундтом попросил убежища в немецком посольстве. Вернулся в Германию по просьбе Гитлера в ноябре 1930 г. В Германии поддерживал связи с боливийским посольством, дружил со многими сотрудниками представительства Боливии в Берлине. Оставил в Боливии многих поклонников национал-социалистических идей, особенно среди военных.

²⁷ *Crespo Rodas A.* Hernando Siles. El poder y su angustia. La Paz, 1985. P. 256–265.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 53. Л. 79. Левые антивоенные группы, так называемые «пораженцы», нашли поддержку за границей, в то время как внутри страны они были полностью разгромлены, их лидеры высланы, а некоторые даже расстреляны. В 1933 г. в Монтевидео был проведен большой антивоенный конгресс. – *Stefanoni P.* Los inconformistas del Centenario. Intelectuales, socialismo y nación en una Bolivia en crisis (1925–1939). Tesis de Doctorado, Facultad de Filosofía y letras. Universidad de Buenos Aires, 2014. P. 174.

²⁹ Foreign relations. 1933. Vol. V. P. 1–6.

³⁰ *Abecia Baldivieso V.* Las relaciones internacionales en la historia de Bolivia. T. II. La Paz, 1979. P. 525.

уже существовали боливийские форты, строительство дорог с тем, чтобы остановить активное и успешное освоение региона парагвайцами. Для финансирования этого плана правительство получило «патриотический» заем у Патиньо в 50 тыс. ф ст. За год было построено 1200 км грунтовых дорог и 30 новых фортов.

Используя мелкий пограничный инцидент, в июле 1931 г. Саламанка разорвал отношения с Парагваем. Надо было «просто выиграть войну», не зная ни географических, ни климатических особенностей района боевых действий, не имея малейшего представления о силе и возможностях противника. Более того, Саламанка не осознавал масштабов войны, ни способности самой Боливии выдержать ее.

Между тем при посредничестве «нейтралов» продолжались переговоры об урегулировании конфликта и заключении пакта о ненападении. Боливия затягивала переговоры. Парагвайский дипломат Висенте Риварола в середине октября 1931 г. так описал позицию своих оппонентов: «Боливийцы готовились прийти на конференцию по пакту о ненападении в Вашингтоне с новыми позициями в Чако, чтобы навязать их в качестве новых условий для определения линий разграничения и оккупации ее войск... Все подчинялось некоему хорошо согласованному дипломатическому и военному плану»³¹.

В октябре 1931 г. стороны договорились начать переговоры о пакте о ненападении, которые и начались в Вашингтоне 11 ноября 1931 г. Боливия была готова подписать такой документ, но он должен был содержать заявление о незыблемости прав Боливии на весь спорный район в Чако. Парагвайская позиция была, в свою очередь, неприемлема для Боливии, и после пяти месяцев работы переговоры зашли в тупик. Дальнейшие переговоры были прерваны после инцидента в Чако в июле 1932 г.

6 июля 1932 г. боливийские летчики обнаружили в Чако большое неизвестное им озеро. 14 июля 1932 г. по приказу из Ла-Паса боливийский отряд напал на парагвайский пост у лагуны Питиангута, или Чукисака (так называлось обнаруженное летчиками озеро). Вскоре парагвайцы выбили оттуда боливийцев. Известие о столкновениях в Чако вызвало массовые манифестации в Ла-Пасе. Шовинистический угар захватил все политические партии и группы. Даже Националистическая партия, неизменно следовавшая за тезисом Силеса о пагубности политики войны для Боливии и ранее стоявшая на миротворческих позициях, поддержала курс на войну.

18 июля 1932 г. Саламанка с балкона президентского дворца произнес перед демонстрантами зажигательную речь, фактически объявив войну Парагваю. В этот же день полиция схватила несколько человек, попытавшихся взорвать арсенал. Это были анархисты, рассчитывавшие таким образом поднять восстание в столице. Правительство использовало этот повод для масштабных репрессий, арестов всех деятелей левого фланга.

30 июля 1932 г. видные политики и интеллектуалы, как из правительственного лагеря, например, А. Аргедас, Р. Хайме Фрейре, Ф. Тамайо, так и оппозиционные деятели К. Монтенегро, Э. Бальдивьесо, Х. Родас Эгино, В. Мендоса Лопес – все те, кто спустя несколько лет обвиняли Д. Саламанку чуть ли не в предательстве и продажности нефтяным интересам «Стандард Ойл»,

³¹ Цит. по: *Кораблева Л.Ю.* Указ. соч. С. 127–128.

Патриотическая демонстрация в Ла-Пасе

подписали воззвание, в котором полностью солидаризировались с действиями правительства и, естественно, обвинили Парагвай в разжигании войны³².

В ответ на бои у Питиантуты Саламанка приказал военным захватить парагвайские форты Бокерон, Корралес, Осорио. Боливийские военные считали, что страна пока не готова к войне, но Саламанка настаивал на начале военных действий. Первоначально боливийцы захватили форты Толедо, Бокерон, Корралес, фактически дойдя до р. Парагвай. Так как Аргентина и Чили встали на сторону Парагвая, Саламанка телеграфировал Генеральному штабу: «Учитывая тяжелую международную ситуацию, предпочитаю остановить наступление, но при этом быть готовыми продолжить его. Ввиду возможного контрнаступления противника разработать план сопротивления до прибытия подкреплений. На вас лежит обязанность защиты национальной чести»³³.

Боливийцы были убеждены в своем экономическом и военном превосходстве над противником. Веру в свою армию в них укрепили немецкие военные советники и командиры во главе с генералом Кундтом, служившие с 10-х годов XX в. в боливийской армии. Сам Кундт всегда подчеркивал превосходство боливийского солдата над всеми противниками: «Боливийский солдат совершенен, индеец послушен и исполнитель. Он отзывчив на хорошее обращение и не гнушается тяжелой работой. Он лучший после немецкого солдата пехотинец в мире»³⁴.

³² Klein H.S. Parties and Political Change in Bolivia. P. 154.

³³ Pereira Fiorilo J. Historia secreta de la guerra del Chaco. Bolivia frente a Paraguay y Argentina. T. 1. La Paz, 1999. P. 78.

³⁴ Brockmann R. Op. cit. P. 239.

Между тем в боливийской армии были большие проблемы: в одном подразделении могли находиться люди, не понимавшие язык друг друга. Известный политик и идеолог-индеанист Лусиано Тапия так описывал состояние роты, в которой он сам служил: «Культурное угнетение было многообразным: так была группа ребят, которые говорили только на кечуа, они не понимали ни по-испански, ни аймара. Из-за того, что они не говорили по-испански, они находились в полной изоляции и страдали от нападков всех других групп. Им досталась лишь старая, рваная форма, никто на них не обращал внимания.... И это помимо того, что всякий индеец был ниже своего городского сослуживца»³⁵. И вот такая армия, где половина личного состава не только не понимала целей войны, но и не могла понимать приказов офицеров, была обречена на сложный военный поход, чреватый поражением.

На момент фактического начала военных действий в Чако боливийская армия состояла из 6418 человек, из которых в этом районе находилось лишь 1200. Парагвайцы могли им противопоставить лишь 3759 человек³⁶.

1 августа парагвайцы объявили всеобщую мобилизацию, и за 36 дней им удалось поставить под ружье 16 тыс. человек. Боливийская же мобилизация шла крайне медленно, и парагвайцы получили большое численное преимущество в районе боевых действий, находившимся в непосредственной близости от их основной территории. 9 сентября 1932 г. с линии «Остров Пой» началось парагвайское контрнаступление с 6 тыс. солдат на Бокерон, который был стратегически важной точкой во всей системе обороны внутренних парагвайских районов. Боливийцы располагали только 900 солдатами. 29 сентября боливийцы в Бокероне капитулировали.

Дезорганизованные боливийские войска потерпели поражение по всему фронту. Бокерон был оставлен. В надежде исправить положение военное командование было передано генералу Г. Кундту³⁷. Парагвайцы после Бокерона начали наступление на север и запад, боливийцы в беспорядке отступали. 23 октября их войска под командованием полковника Энрике Пеньяранды оставили и сожгли свой форт Арсе, затем форты Алиута и Сааведра. Только у форта «7 км» после трехдневных атак парагвайцев 7 и 10 ноября их наступление было остановлено.

В декабре 1932 г. Кундт прибыл в войска. Он самоуверенно заявлял, что ему достаточно 3 тыс. солдат, чтобы взять Асунсьон³⁸. Началось контрнаступление от форта «7 км» в глубь Чако. Кундт сосредоточил войска у форта Нанава, где разгорелось кровопролитное сражение. В июле 1933 г. боливийское наступление на Нанаву закончилось полным крахом. Умелым маневром парагвайские войска разбили наступающих и окружили часть боливийской армии. В сражениях у Нанавы и при последовавшем отступлении боливийская армия понесла три четверти всех своих потерь за время войны: 10 тыс. человек были взяты в плен, 28 тыс. – убиты или пропали без вести. Это был полный провал стратегии Кундта.

³⁵ Tapia L. Ukhamawa Jakawisaxa (Asi es nuestra vida). Autobiografía de un aymara. La Paz, 1994. P. 166.

³⁶ Brockmann R. Op. cit. P. 547–548.

³⁷ Klein H. Historia general de Bolivia. La Paz, 1988. P. 236.

³⁸ Dunkerley J. Op. cit. P. 207.

После поражения при Нанава в обществе усилились антивоенные настроения. Для всех стало очевидным бездарное ведение кампании военными, большинство населения плохо понимало цели войны. Правительство столкнулось с непреодолимыми трудностями финансирования военных действий. В связи с невозможностью внешних заимствований, прежде всего ввиду отказа Боливии оплачивать уже существовавший долг, оставались лишь два источника: внутренние принудительные займы и увеличение налогов на экспорт, что и было предпринято начиная с 1934 г. к общему недовольству горнодобытчиков. «Бароны олова» были вынуждены предоставлять правительству огромные займы.

Патиньо, больше всех говоривший о своей готовности до последнего поддерживать сражающуюся родину, на самом деле был напрямую замешан в поставках вооружений противнику. Французская фирма Шнейдер–Крезо, частично принадлежавшая Патиньо, получила огромные прибыли, в обход международных санкций продавая оружие и Боливии, и Парагваю³⁹.

С началом войны впервые появились обвинения нефтяных концернов «Роял Датч Шелл» и «Стандард Ойл» в провоцировании и тайной поддержке войны. В 1934 г. американский сенатор Хью Лонг обвинил «Стандард Ойл» в разжигании войны в Чако во имя получения дополнительных концессий у боливийского правительства. Эти обвинения были с энтузиазмом подхвачены парагвайцами, которые стали обвинять Боливию в проведении империалистической линии американской монополии. Боливийцы не были оригинальны, обвинив Парагвай в марионеточной политике в пользу «аргентинского империализма», мечтающего захватить нефтеносный район Камири⁴⁰. Левые же всегда обвиняли в провоцировании войны нефтяные монополии⁴¹.

Вслед за военными катастрофами шовинистический угар сменился на пораженческие настроения. Уже после разгрома у Бокерона в Ла-Пасе прошли демонстрации против правительства и некомпетентных военных. Саламанка демонстративно заявил о желании уйти в отставку, но в такой тяжелый момент никто не хотел принять на себя ответственность, и его уговорили остаться в президентском кресле. На оппозиционные группы и газеты обрушились жестокие репрессии. Из страны были высланы многие политики и журналисты⁴².

Главной силой оппозиции правительству стала Националистическая партия. В 1933 г. она опубликовала обращение к гражданам страны, в котором обвиняла правительство в бездарном ведении войны, грозящей неминуемой катастрофой. Авторами этого документа были вставшие во главе партии К. Ромеро, У. Пальса, К. Салинас Арамайо⁴³. Это были представители нового поколения политиков, ставившие перед собой цель радикальных реформ. Среди них выделялись Карлос Монтенегро и Аугусто Сеспедес, прославившиеся своими статьями и репортажами с фронта, публикуемыми в «El Universal». Замечательные по литературной форме, глубокие, эмоциональ-

³⁹ The Hemisphere. New York. Vol. 2. N 8. 23 August 1940. P. 8.

⁴⁰ Dunkerley J. Op. cit. P. 216.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 495. Он.122. Д. 4. Л. 6.

⁴² Knudson J. Bolivia: Press and Revolution, 1932–1964. Lanham, MD, 1986. P. 12.

⁴³ Diaz Michicao P. Op. cit. P. 178.

Боливийская часть в Чако

ные статьи Сеспедеса, ставшие основой его книги «Кровь метисов», раскрывали обществу глубину национального унижения и позора поражения в войне. Неизбежно поднимался вопрос о виновниках катастрофы.

Радикализация настроений в обществе коснулась и недавних союзников Саламанки – сааведристов. Их орган «La República» с 1932 г. возглавил П. Сильвети Арсе, человек радикальных левонационалистических взглядов. В июле 1932 г. «La República» выдвинула лозунг для всех оппозиционных сил: «В Боливии можно быть либо с роскош, либо выступать против нее»⁴⁴.

Нарастало недовольство в армии. Во время боев у Нанавы массовым явлением стало дезертирство. Чтобы поднять национальный дух в армии, Кундт был заменен Энрике Пеньярандой. В январе 1933 г. у Нанавы восстало несколько соединений, оставивших позиции и требовавших отправки в тыл. В апреле 1934 г. восстали кадеты Военного колледжа. Кадетов удалось уговорить сдать оружие.

⁴⁴ Knudson J. Op. cit. P. 10.

В июле 1934 г. Саламанка объявил, что очередные президентские выборы состоятся в срок, т. е. 11 ноября 1934 г. Выборы прошли при полном контроле со стороны исполнительной власти, в условиях цензуры и военного положения. Либеральная и сааведристская партии бойкотировали выборы в знак протеста против отсутствия элементарных свобод и демократических гарантий. Президентом был избран известный поэт и писатель Франц Тамайо. В этих выборах приняли участие лишь 17 354 гражданина, т. е. около 20% всех имевших право голоса.

Между тем военная обстановка в Чако складывалась не в пользу Боливии. Смена Кундта на Пеньяранду не изменила положения. В сентябре 1933 г. парагвайские войска под руководством генерала Х.Ф. Эстигаррибия начали мощное наступление. Они выиграли сражения при Кампо-Гранде и Посо-Фаворито. В октябре в битве при Кампо-Виа парагвайцы окружили и пленили 6300 солдат. Полковнику Пеньяранде удалось вырваться из окружения с 2500 человек. Неся огромные потери, главным образом от болезней, отсутствия воды и непривычного климата, боливийская армия отступала до предгорий Анд. Разгром кампании Кундта привел к фактическому уничтожению старой боливийской армии. Пришлось создавать новую.

Одной из важнейших и, как оказалось, непреодолимых проблем боливийской армии были трудности снабжения и подхода резервов. Если парагвайцам, чтобы добраться до района боевых действий, было необходимо проехать 500 км, из которых 400 по железной дороге и воде, то для боливийцев эта дистанция составляла 1000 км, а ее преодоление занимало 15 дней⁴⁵.

Уход из фортов на р. Пилкомайо в ноябре 1934 г. был использован Саламанкой как повод для отставки пользовавшегося большим авторитетом в армии Пеньяранды. Недовольство Саламанкой, царившее во всех слоях общества, а также кризис отношений с генералитетом привели к его аресту военными 27 ноября 1934 г. в Вильямонтесе, куда тот прибыл для смещения Пеньяранды.

Главой заговора и инициатором свержения Саламанки был его давний враг, начальник Генштаба полковник Давид Торо. Ключевую роль в перевороте сыграл молодой тридцатилетний майор Херман Буш. Он был овеян славой героя войны, и его слово было высшим авторитетом для солдат и офицеров. Без содействия Буша переворот был бы невозможен. И командование армии, и Генштаб, т. е. Пеньяранда и Торо все более впадали в зависимость от этого молодого офицера, которому было суждено сыграть ключевую роль в истории Боливии в этот период.

Военные отказались признать права Тамайо на пост президента. Армия настояла, чтобы президентские полномочия перешли к вице-президенту, либералу Х.Л. Техаде Сорсано. Кроме того, в отличие от презиравшего военных Д. Саламанки, Х.Л. Техада Сорсано заигрывал с ними, восхваляя их подвиги в прессе и в официальных выступлениях.

На фронте парагвайцы по-прежнему наступали. В ноябре боливийцы потерпели очередное тяжелое поражение в битве за форт Эль-Кармен. Их потери составили 2,5 тыс. убитых и 4 тыс. пленных. Вся линия обороны по

⁴⁵ Dunkerley J. Op. cit. P. 206.

р. Пилкомайо была обрушена. Боливийцы оставили все форты на юге, чтобы в начале 1934 г. создать прочную линию обороны по фортам Бальивиан, Магариньос.

Тем временем парагвайские войска подошли к предгорьям Анд, к местам нефтедобычи Чарагуа, Камири. Парагвайцы оказались в том же положении, что и боливийцы в начале войны: в незнакомой и враждебной местности, оторванные от тыла и источников снабжения, с растянутыми и слабыми коммуникациями. Боливийские отряды под командованием Буша успешно применяли партизанскую тактику борьбы.

В январе–марте фронт стабилизировался по линии Вильямонтес–Камири–Ньянкорайнса. 6 февраля 1935 г. у Ньянкорайнса началось последнее парагвайское наступление, которые быстро выдохлось, и 9 марта по всей линии фронта победа досталась боливийцам. Только на севере им удалось продвинуться к Вильямонтесу и захватить 17 апреля 1935 г. Чарагуа, которую вскоре удалось отбить. Угроза нависала теперь не только над Санта-Крусом, но и над центром страны – Чукисакой.

19 апреля 1935 г. боливийские войска перешли в контрнаступление, обратили в бегство противника, перешли р. Пилкомайо и вновь заняли Санта-Фе и Посо-Бланко. В конце мая 1934 г. у балки Стронхест впервые удалось окружить и принудить к сдаче большой отряд парагвайцев в 1000 человек. Развить свой успех боливийцам не удалось. На фронте было достигнуто тактическое равновесие.

В течение трех лет войны дипломатия работала над урегулированием конфликта. Первоначально эти усилия исходили от соседних стран и США, но после объявления Парагваем войны Боливии 10 мая 1933 г. к урегулированию подключилась Лига Наций, устав которой был ратифицирован обеими странами. После объявления войны Парагваем Боливия в соответствии с уставом Лиги обратилась 21 июля 1932 г. с требованием объявить своего противника «агрессором». Лига Наций создала специальную «Комиссию трех» для наблюдения за конфликтом.

Лига Наций потребовала от сторон заключить перемирие, что устраивало парагвайцев благодаря их успехам на фронте. Боливия отвергла это предложение, так как считала необходимым предварительно договориться об условиях арбитража. Затем обе воюющие стороны обратились в Лигу Наций с просьбой передать полномочия по урегулированию конфликта «группе АБСП» (Аргентине, Бразилии, Чили и Перу), но безуспешно. Парагвай с 1933 г. рассчитывал на полную военную победу над Боливией, поэтому не стремился к урегулированию конфликта⁴⁶.

Лига Наций рекомендовала ввести эмбарго на поставки оружия, что особенно пугало боливийское правительство, зависящее от поставок из-за границы. Разработанные Лигой Наций принципы урегулирования в декабре 1934 г. были приняты Боливией, но отвергнуты Парагваем, который не хотел утратить все свои военные победы в Чако. В результате в качестве репрессивной меры против Парагвая эмбарго на поставки вооружений были сняты с Боливии. Решение же по конфликту было отложено до Ассамблеи Лиги (май 1935 г.). 18 мая 1935 г. Боливия и Парагвай приняли услуги посредни-

⁴⁶ Кораблева Л.Ю. Указ. соч. С. 178–187.

Карта территориального спора в Чачо

ческой группы стран АБСП, Уругвая и США и согласились послать своих делегатов на мирную конференцию в Буэнос-Айрес⁴⁷.

27 мая 1935 г. начались мирные переговоры в Буэнос-Айресе. 12 июня 1935 г. вступил в силу протокол о прекращении огня. По этому документу прекращались все военные действия в Чачо с 14 июня 1935 г. В течение 90 дней должны были быть проведены демобилизация обеих армий, прекращение военных закупок, создание нейтральной военной комиссии для контроля за выполнением протокола. Решение всех остальных вопросов было возложено на мирную конференцию, которая открылась в Буэнос-Айресе

⁴⁷ Кораблева Л.Ю. Вмешательство Лиги Наций в урегулирование боливийско-парагвайского конфликта 1929–1938 гг // Латиноамериканский исторический альманах. 2000. № 1. М. 2000. С. 150.

1 июля 1935 г. В ней приняли участие представители Боливии, Парагвая, Аргентины, Бразилии, Чили, Перу, Уругвая и США⁴⁸.

Новая граница была установлена арбитражем, созданным в соответствии с мирным договором, подписанным 21 июля 1938 г. Боливия должна была уступить 240 тыс. кв. км, т.е. две трети спорной территории Северного Чако. 23 января 1938 г. Чакская мирная конференция завершила свою работу.

Итог войны был удручающим. Боливия проиграла войну, приведшую к огромным материальным потерям. Боливия в течение войны мобилизовала 200 тыс. человек, Парагвай – 150 тыс. На фронте погибли 50 тыс. боливийцев, т.е. 2% населения страны, что сравнимо с европейскими потерями в Первой мировой войне. Парагвай потерял 40 тыс. В плену оказались 25 тыс. боливийских солдат и 2,5 тыс. парагвайских.

Военная кампания в Чако выявила все недостатки и слабости боливийского государства. Если ранее о необходимости реформ и кардинальных преобразований в жизни нации говорили лишь передовые политики и интеллектуалы, то после войны осознание этого императива проникало в самые широкие слои общества. Инертность и даже преступное равнодушие правящих кругов к судьбе страны, ввергнутой ими в пропасть военной катастрофы, лишали их в глазах общества права на дальнейшее политическое лидерство. Наступил период возникновения новых политических движений и лидеров, способных предложить альтернативу обанкротившейся системе управления экономикой и обществом. Борьба развернулась вокруг выбора пути дальнейшего развития. Этот поиск характеризовал период, наступивший после окончания войны в Чако.

---

⁴⁸ Кораблева Л.Ю. Чакская война. С. 198–199.

ВОЕННО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ.
1936–1939

После свержения Д. Саламанки в ноябре 1934 г. главой государства стал вице-президент либерал Х.Л. Техада Сорсано. Новое правительство должно было решить тяжелые проблемы в экономике. Государственный долг достигал гигантской суммы в 250 млн ф. ст., что в десять раз превышало годовой бюджет страны. Бюджетный дефицит в 1935 г. достиг 136 млн боливиано, или 71% всех расходов. По сравнению с 1931 г. индекс цен по основным товарам вырос более чем в два раза¹.

Начиная с 1934 г. экспортные налоги, прежде всего на олово, увеличились вдвое. Был установлен заниженный курс боливиано для части экспортной выручки. Правительство (т.е. государство, бюджет) все более зависело от положения в горнорудной промышленности, а следовательно, и от взаимоотношений с «баронами олова». В июне 1935 г. мелкие и средние горнопромышленники создали свою «Ассоциацию» в противовес существовавшей, контролируемой «баронами олова».

Новый кабинет ослабил цензуру и объявил 20 февраля 1935 г. всеобщую амнистию, что позволило политэмигрантам вернуться в страну. Все эти меры увеличили доверие к президенту, и конгресс продлил его полномочия до августа 1936 г. Выборы были назначены сначала на октябрь 1935 г., а затем были перенесены на май 1936 г.

В последний год войны в крупнейших городах Боливии возникло множество левых и националистических групп, именовавших себя социалистическими. Сторонники индоамериканизма (апризма) Х. Суасо Куэнка, Л. Итурральде Чинель, Виктор Андраде, Вальтер Гевара Арсе и Эрнан Силес Суасо² – все в будущем видные государственные деятели и идеологи боливийского национал-реформизма – в июле 1935 г. основали полуподпольную группу «Бета Гамма», аббревиатура которой означала заглавные буквы испанских слов «Bolivia Grande» – Великая Боливия.

Целью «Бета Гаммы» объявлялось создание социалистического государства в Боливии, в котором будет достигнуто единение рабочего класса, крестьянства и средних слоев³. Внутри «Бета Гаммы» сформировалось леворадикальное крыло во главе с Х. Агирре Гайнсборгом, который только вернулся из Чили, где участвовал в организации троцкистской партии. В качестве программной цели «нового социалистического движения» он объявлял строительство «государства профсоюзов»⁴.

© А.А. Щелчков

¹ Gallego Margaleff F.J. Los orígenes del reformismo militar en América Latina: la gestión de David Toro en Bolivia. Barcelona, 1991. P. 34–35, 83.

² Эрнан Силес Саусо – побочный сын президента Эрнандо Силеса, в будущем один из лидеров боливийского национал-реформизма, трижды становился президентом Боливии (1952, 1956 – 1960, 1982–1984).

³ Valencia Vega A. Historia política de Bolivia. Vol. 6. La Paz, 1988. P. 1808–1809.

⁴ Ultima Hora. La Paz. 04 de noviembre de 1935.

С окончанием военных действий в октябре 1935 г. Националистическая партия провела свой съезд в Ла-Пасе, на котором было объявлено о слиянии с группой «Социалистическая ячейка», образованной в августе 1935 г.⁵ Партия приняла название этой группы. Во время съезда националистов К. Монтенегро, желавший подчеркнуть антилиберальную направленность партии, настоял на «социалистическом» названии новой партии⁶.

Многие бывшие члены Националистической партии, ветераны войны в Чако образовывали небольшие политические группы, неизменно именовавшиеся социалистическими. Самыми крупными были Социалистическая партия Э. Бальдивесо и «Национальная ассоциация ветеранов социалистов» – АНДЕС⁷. Эти так называемые социалистические группы, Социалистическая партия, «Социалистическая ячейка», группы АНДЕС, «Боливия», ряд студенческих и профсоюзных организаций объединились в Социалистическую конфедерацию (КС), принявшую в декабре 1935 г. программу «Социалистического действия». Социалисты в качестве своих программных установок выдвигали требования «постепенной национализации рудников, нефти, железных дорог и банков», ставили вопрос о необходимости раздела латифундий и просвещения индейцев. КС рассматривала валютные поступления от экспорта минералов как единственный источник индустриализации экономики страны⁸.

Политическая программа социалистов предлагала реформу государственного устройства, в основе которой лежали принципы «прогрессивной функциональной демократии», способной ликвидировать классовую борьбу во имя общенациональных интересов⁹. Под антиолигархическими и антилиберальными знаменами социалистам удалось объединить самые пестрые политические организации – от марксистов и сторонников индоамериканизма перуанской АПРА до праворадикальных деятелей, симпатизировавших фашизму.

30 января 1936 г. «Бета Гамма» объявила о присоединении к КС, а в марте 1936 г. был проведен объединительный съезд и создана Социалистическая партия (ПС). Возглавили ПС бывшие активисты Националистической партии Э. Бальдивесо, К. Монтенегро, Х. Тамайо (члены КС), Л. Итурральде Чинель (от «Бета Гамма»), Моисес Альварес (от рабочих профсоюзов – ФОТ).

Социализм для Э. Бальдивесо, Х. Тамайо, Л. Итурральде Чинеля и других, называвших себя социалистами, представлялся такой экономической и политической системой, в которой главной ценностью и вместе с тем решающей силой было бы государство. Речь шла о строительстве государственного капитализма в экономике, о формировании корпоративистской социальной системы. Их лозунгом была социальная справедливость и преодоление классовой борьбы, понимаемых как огосударствление всех сторон жизни общества, в частности профсоюзов и политических партий. Свою модель

⁵ El Diario. La Paz. 08 de octubre de 1935.

⁶ Céspedes A. El dictador suicida. 40 años de historia de Bolivia. Santiago de Chile, 1956. P. 147.

⁷ По-испански означает Анды, а также аббревиатуру «Национальной ассоциации социалистов-ветеранов войны» (Asociación nacional de ex-combatientes socialistas).

⁸ Lorini I. El movimiento socialista «embrionario» en Bolivia, 1920–1939: entre nuevas ideas y residuos de la sociedad tradicional. La Paz, P. 204.

⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 122. Д. 4. Л. 12.

демократии они называли «функциональной»: по их мнению, в управлении страной должны участвовать только «производящие классы», т.е. предприниматели, рабочие и т.д., организованные по корпоративному принципу.

Крайне левые политики не могли согласиться с поглощением их большой Соппартией. Х. Агирре Гайнсборг, справедливо усматривая в этом объединении окончательный политический выбор «Бета Гамма» в пользу национал-реформизма и антилиберального радикализма профашистского толка, покинул со своими сторонниками ее ряды. Они объединились с небольшой марксистской группой «Новый путь», руководимой рабочим лидером Максом Португалем, образовав «Левый социалистический блок» и объявив себя пролетарской партией.

Троцкизм в Боливии связан с именами Тристан Марофа и Хосе Агирре Гайнсборга. Во время Чакской войны, в 1934 г., Мароф создал в Аргентине марксистскую группу «Тупак Амару». В декабре 1934 г. она объединилась с «Боливийской левой» Х. Агирре Гайнсборга, а в июле 1935 г. в Кордобе (Аргентина) состоялся съезд этих групп, образовавших Революционную рабочую партию (ПОР) во главе с Марофом. Партия провозгласила себя марксистско-ленинской.

Х. Агирре Гайнсборг вернулся из эмиграции в Боливию в конце 1935 г. и стал работать над тем, чтобы ПОР под тем или иным именем превратилась в массовую пролетарскую партию внутри страны¹⁰. Прокоминтерновские коммунисты стали создавать «региональные комитеты левых», которые четыре года спустя объединились в партию. Среди комитетов в провинциях выделялись влиятельный, фактически доминировавший в городе Народный фронт Потоси, марксистские группы «Блок Авансе» в Оруро и «Антауара» в Сукре¹¹.

Наряду с новыми левыми партиями на главную роль в «социалистической» оппозиции претендовала также Республиканская партия Баутисты Сааведры, который, желая подчеркнуть свой разрыв со старой политической системой, поменял название партии на Республиканско-социалистическую (ПРС). Новая программа партии предлагала провести умеренные социально-экономические реформы, а также реорганизацию государства на корпоративистских началах¹². Эволюция Сааведры к идеям корпоративизма оживила партию. В поисках поддержки нового поколения политиков Сааведра протянул руку сотрудничества своим главным конкурентам – социалистам¹³. 4 февраля 1936 г. был заключен союзнический пакт, ставший основой заговора против правительства Техады Сорсано.

С окончанием войны возродилось рабочее движение¹⁴. 27 ноября 1935 г. была восстановлена старая ФОТ Ла-Паса, разгромленная в период войны в Чако. Еще ранее, 11 июля 1935 г. воссоздана старая анархистская ФОЛ¹⁵.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 122. Д. 4. Л. 12–13.

¹¹ Щелчков А.А. К созданию компартии в Боливии. // Латинская Америка. 1996. № 5. С. 39–55.

¹² Gomez E. Bautista Saavedra. La Paz, 1975. P. 297.

¹³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 122. Д. 4. Л. 12.

¹⁴ Rodriguez Ostria G. El Socavón y el sindicato. Ensayos históricos sobre los trabajadores mineros. Siglo XIX–XX. La Paz, 1991. P. 98.

¹⁵ Lorini I. Op. cit. P. 122.

В марте 1936 г. в Ла-Пасе прошла всеобщая забастовка, грозившая перерасти в рабочее восстание. Забастовка проходила по инициативе и под руководством профсоюза печатников во главе с Вальдо Альваресом. Рабочие действовали в высшей степени организованно и дисциплинированно. Ла-Пас фактически перешел в руки забастовщиков, организовавших собственную полицию для поддержания порядка. Бессильное перед размахом движения правительство потребовало от военных навести порядок в столице, но они в резкой форме отказались применить силу против рабочих. Союз политической оппозиции, рабочего движения и армии состоялся именно во время забастовки марта 1936 г.

Армия за годы войны приобрела огромное политическое влияние. Несмотря на фактическое окончание войны, Генштаб во главе с Давидом Торо сопротивлялся планам Техады Сорсано по скорейшему восстановлению конституционной законности, выходу из чрезвычайного положения и возобновлению функционирования в полном объеме республиканских институтов власти.

За годы войны в офицерском составе армии произошли существенные изменения. Прошедшая через мобилизацию, потери и пополнение офицерства за счет различных классов общества армия предстала социально обновленным организмом, в рамках которого представители средних слоев могли достичь до вершин иерархии и власти. Большинство офицеров испытали во время войны горькое чувство разочарования в высшем командовании армии, были возмущены бездарным правлением олигархических политиков, приведших страну к национальной катастрофе.

Широкое распространение среди военных получили антидемократические, авторитарные идеи переустройства страны. Исчезла вера в способность гражданских политиков эффективно управлять страной. Еще во время войны, 2 мая 1934 г. в одном из лагерей для военнопленных в Парагвае офицеры-патриоты создали тайную ложу РАДЕПА (*Razon de la Patria* – разум родины). Во главе ложи стояли молодые офицеры Элиас Бельмонте и Гуальберто Вильярроэль. Программа глубоко законспирированной ложи содержала требования защиты национальных интересов, борьбы за моральное и духовное освобождение страны. РАДЕПА отказывалась от прямой борьбы за власть, предполагая лишь тайно содействовать своим союзникам в осуществлении поставленных целей¹⁶. Особенностью РАДЕПА была ее конспиративность, возведенная в абсолют, что выдержало испытание временем. О ее существовании стало известно лишь после свержения Г. Вильярроэля в 1946 г., когда достоянием гласности стали тайные документы ложи, найденные в президентском дворце. РАДЕПА и другие военные тайные организации поддерживали левые политические группы, прежде всего социалистов.

В сентябре 1935 г. был создан Легион ветеранов (ЛЕК), объединивший в своих рядах демобилизованных солдат и офицеров. Действующие офицеры также входили в эту организацию. Легион возглавили фронтовые герои полковник Б. Бильбао Риоха и подполковник Херман Буш.

Самым популярным человеком в стране был 30-тилетний подполковник Херман Буш, на счету которого было единственное успешное боливийское

¹⁶ *Belmonte Pabón E. RADEPA: sombras y refulgencias del pasado. La Paz, 1994. P. 33–43.*

контрнаступление у Камири в 1935 г. Народ прозвал его «Чакский тигр». Х. Буш родился в 1904 г. в семье немецкого иммигранта, женатого на боливийке. Во время переворота, свергнувшего Э. Силеса в 1930 г., он во главе личной охраны президента был последним, кто сложил оружие, за что поплатился ссылкой в Раборе, отдаленный гарнизон в тропиках. С началом войны в Чако оказался в действующей армии. На фронте прославился своей отчаянной храбростью. 15 августа 1935 г. был назначен командующим кавалерийской бригадой. Во время наступления у Камири использовал тактику партизанской войны, искусным маневрированием сумел остановить натиск противника, а затем перейти в контрнаступление.

Буш был искренним и пылким патриотом. Поражение в войне воспринял как личную трагедию. Его вспыльчивый и непреклонный характер более всего импонировал офицерской массе, ветеранам, да и большинству боливийцев, уставших от бесконечного политиканства. Вместе с тем Буш был слишком молод и политически наивен. Самым опытным, политически искушенным человеком в армии был Давид Торо, возглавлявший Генеральный штаб. Торо и Буш прекрасно дополняли друг друга. В этом союзе роль первой скрипки исполнял более опытный Торо. Однако главным его козырем оставался младший сподвижник Буш и шедшие за ним армейские и ветеранские массы.

С марта по май 1936 г. по всей стране не прекращались забастовки рабочих. Власть, оставленная армией на произвол судьбы, не могла контролировать ситуацию за пределами президентского дворца. К маю 1936 г. обстановка в стране накалилась настолько, что без решительного вмешательства военных в пользу одной из противостоящих сторон мог наступить политический хаос.

В марте 1936 г. Торо вступил в переговоры с левыми организациями о формировании «революционной» коалиции для свержения Техады Сорсано и недопущения победы на предстоявших 31 мая выборах традиционных политических партий¹⁷.

9 мая 1936 г. в Ла-Пасе началась забастовка типографских рабочих. Их требования сводились к повышению зарплаты, но вскоре забастовка переросла в политическую и с 10 мая стала всеобщей: не работал транспорт, пикеты профсоюзов препятствовали любому движению на улицах города. В своем дневнике писатель Альсидес Аргедас так описывал положение в городе: «Забастовка повсюду. Все магазины закрыты, улицы пусты. Нет машин, никто не осмеливается вывести свой автомобиль на улицу, боясь, что его разобьет толпа»¹⁸. С 12 мая забастовочный комитет решил организовать «профсоюзную полицию»: общественный порядок в Ла-Пасе поддерживали рабочие-дружинники.

12 мая президент Техада Сорсано созвал в президентском дворце «собрание нотаблей». В своем выступлении он нарисовал печальную картину финансового краха и политического тупика. 7 мая президент получил от Буша письмо, в котором тот под честное слово офицера заверял, что ни одно подразделение не собирается восставать¹⁹. 12 мая рабочие лидеры во главе с

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп.122. Д. 122. Л. 12.

¹⁸ Archivo Nacional de Bolivia (ANB). Diario de Alcides Arguedas. T.7. P. 228.

¹⁹ Письмо Х. Буша – Х.Л. Техада Сорсано от 7 мая 1936 г. – ANB. PG.1936. С. 12. Т. 143 (PG7542).

В. Альваресом встретились с Бушем, который заверил пришедших к нему профсоюзных руководителей в том, что армия не станет применять силу против рабочих. Более того, он заявил о своей солидарности с борьбой забастовщиков²⁰.

После нескольких дней бездействия 16 мая Техада Сорсано издал декрет о введении военного положения в государственных учреждениях и службах, объявил о мобилизации всех служащих. Президент обратился к Бушу с просьбой восстановить общественный порядок силой. В ответ по приказу Х. Буша в три часа ночи два офицера прибыли к дому Техады Сорсано, объявили ему, что он арестован, и потребовали подписать заявление об отставке и передаче власти революционной хунте²¹.

Смена власти прошла мирно. В своей первой речи 17 мая 1936 г., говоря о целях нового правительства, Буш подчеркнул, что речь идет о создании принципиально нового общественного и политического строя в стране. Было объявлено об установлении режима «государственного социализма». Буш заявил: «Мы ориентируем нацию на государственный социализм, умеренный и постепенный. Мы отвергаем восстания и заговоры. Наша цель — установить в Боливии режим социальной справедливости»²². Народ в Боливии окрестил этот режим «военным социализмом».

Буш сформировал хунту, или революционный комитет из республиканцев-социалистов (сааведристов) и социалистов. Сразу же был определен временный характер этого состава хунты. Буш был намерен передать власть Давиду Торо, который по возвращению из Чако мог бы приступить к формированию нового правительства.

Переворот произошел на фоне всеобщей забастовки в Ла-Пасе и при активной поддержке со стороны рабочего класса. В утро переворота площадь перед президентским дворцом наполнилась вооруженными отрядами рабочих²³. Это было новым элементом в расстановке сил. В тот же день в 10 утра по просьбе рабочих лидеров Буш прибыл на профсоюзную ассамблею, собравшуюся в Муниципальном театре Ла-Паса. В своем кратком выступлении перед рабочими лидерами он пообещал профсоюзам гарантировать участие их представителей в новом правительстве²⁴.

На следующий день после переворота рабочие лидеры перешли к более решительным действиям. 18 мая прошла мощная манифестация, во время которой рабочие захватили здание муниципалитета Ла-Паса и водрузили на нем красное знамя. Мэрия города объявлялась «Народным домом», был принят акт о создании «Функционального совета коммуны Ла-Паса», основанного на профсоюзном представительстве.

В «Народном доме» 19 мая была созвана Генеральная ассамблея трудящихся, на которой был выдвинут в правительство лидер печатников Вальдо

²⁰ *Alvarez W. Memorias del primer ministro obrero: historia del movimiento sindical y político boliviano 1916–1952. La Paz, 1986. P. 88.*

²¹ *Gallego Margaleff F.J. Op. cit. P. 88–89.*

²² Цит. по: *Valencia Vega A. Op. cit. P. 1749.*

²³ ANB. *Diario de Alcides Arguedas. T. 7. P. 230.*

²⁴ *Archivo Histórico Genaro Estrada. Secretaría de Relaciones Exteriores (SRE) México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1936. Informe de 8 de octubre de 1936. 27–29 – 13. f. 45.*

Альварес²⁵. Впервые за всю историю Боливии представитель профсоюзов получил министерский портфель в правительстве. В тот же день забастовка в соответствии с соглашением между ФОТ и хунтой прекратилась. Среди рабочих царила эйфория победы.

20 мая 1936 г. Торо прибыл в Ла-Пас. Прежде чем занять пост президента, Торо потребовал от армейского командования заявления, подписанного не только командующим генералом Э. Пеньярандой, но и всеми высшими офицерами о безусловной поддержке вооруженными силами его администрации²⁶. Новый состав хунты, сформированный Торо, практически повторял революционный комитет, пришедший к власти 17 мая. Однако было заметно усиление социалистов и военных в ущерб сааведристам.

23 мая 1936 г. во время инаугурации нового кабинета Торо заявил, что предстоит провести в жизнь реформы, которые позволили бы сориентировать экономику на «чисто социалистические стандарты». А лидер социалистов Энрике Бальдивьесо утверждал, что главная цель переворота – это свержение либерального режима и что речь идет «не о полном социализме, так как страна еще нуждается в иностранном капитале»²⁷. В официальный оборот было введено обращение «товарищ». Новое правительство объявило всеобщую амнистию и отменило осадное положение.

26 мая хунта опубликовала Программу минимум из 52 пунктов. Авторство программы принадлежало Э. Бальдивьесо. В этом документе говорилось о различиях между хищническим и «хорошим», прогрессивным капиталом, который необходимо защищать²⁸. Из программы исчезло требование социалистов национализации горнорудной промышленности и аграрной реформы. Намерения хунты стали значительно умеренней, нежели заявления лидеров движения накануне переворота.

Программа минимум ставила задачу пересмотра системы налогообложения, но главное – предусматривала передачу части акций государству с тем, чтобы вместо частных монополий появились смешанные компании с решающим участием государства. В планах хунты долгосрочной перспективой развития горнорудной отрасли была ее постепенная национализация через получение государством решающего голоса в управлении предприятий. Предполагалось создать Горнорудный банк, который должен был стать государственным агентом с монопольными правами на продажу минералов за рубеж.

Давид Торо

²⁵ Alvarez W. Op. cit. P. 94–95.

²⁶ Toro R.D. Mi actuación en la Guerra del Chaco. La Paz, 1941. P. 262–263.

²⁷ El Diario. 24.05.1936.

²⁸ Gallego Margaleff F.J. Op. cit. P. 98.

Одним из главных пунктов программы был пересмотр контракта со «Стандард Ойл» и создание национальной нефтедобывающей отрасли. Дело «Стандард Ойл» связывалось с расследованием экономической и политической ответственности лиц и компаний за развязывание войны в Чако. Заявление правительства о необходимости «способствовать разделу непроизводительных латифундий» было дополнено оговоркой, что данная политика должна проводиться постепенно и осторожно.

Одним из пунктов программы были реформы государственного и общественного устройства страны на «социалистических принципах». Базисом реформы должна была стать обязательная синдикализация и огосударствление профсоюзов²⁹.

При всей кажущейся умеренности и ограниченности Программы минимум она была подлинным революционным разрывом со всей прошлой практикой в экономике и в сфере государственного строительства. Суть программы можно свести к формуле: всемерное усиление государства.

Для реализации программы были созданы новые министерства: труда, горнорудной промышленности, нефти, сельского хозяйства. При Министерстве просвещения появился департамент по крестьянским делам. Перед Министерством труда была поставлена цель – разработать новое трудовое законодательство и провести синдикализацию. Первым министром труда стал рабочий, в прошлом член компартии Вальдо Альварес, его заместителем, правда на очень короткое время, – Хосе Агирре Гайнсборг³⁰. На пост юридического советника был приглашен вернувшийся из эмиграции известный марксист Хосе Антонио Арсе. Привлекая левых в правительство, военные рассчитывали на более тесный союз с рабочим движением.

В начале июня 1936 г. правительство переживало внутренний кризис. Б. Сааведра пытался давить на хунту, прибегая к традиционным методам мобилизации чоло, городских низов Ла-Паса: были организованы демонстрации, митинги, собрания сторонников республиканцев-социалистов. В эти дни численность ПРС резко выросла, что вызывало беспокойство союзников по правительству. Острые критики Сааведры в адрес хунты было направлено против Министерства труда и поддерживавших Вальдо Альвареса социалистов.

Ответные действия военных на фронду Сааведры были стремительными и решительными. 21 июня 1936 г. Буш фактически осуществил новый переворот: он распустил хунту и потребовал от Торо сформировать «чисто» военное правительство. Буш обратился к нации с манифестом, в котором заявил, что армия опирается исключительно на ветеранов и рабочее движение³¹.

Была проведена реорганизация правительства. Буш выразил свою полную поддержку Торо, которому предоставлялась полная свобода в формировании новой хунты³². Из кабинета министров были удалены социалисты и сааведристы. Несмотря на резкие заявления военных, социалисты и их рупор газета «La Calle» поддержали Буша: «Мы считаем необходимым предоста-

²⁹ См.: Щелчков А.А. Режим «государственного социализма» в Боливии. 1936–1939 гг. М., 2001.

³⁰ Alvarez W. Op. cit. P. 98.

³¹ El Diario. 27.07.1936.

³² Papers relating to the Foreign relations, of United states (FRUS). Washington, 1936. P. 236.

вить социалистической армии все поле для маневра, что позволит военным до конца исполнить свой долг... Мы согласны с жестоким и откровенным использованием власти и силы, чуждой лицемерию и законности старой демократии»³³. 22 июня Б. Сааведра был арестован, а затем депортирован. В правительстве сохранили свои посты социалист Ф. Камперо, лидер рабочих профсоюзов В. Альварес, оставшийся на посту министра труда. С формированием в июне 1936 г. «однородного» военно-социалистического правительства Торо смог приступить к реформам, направленным на упрочение режима «государственного социализма».

Одной из первоочередных задач правительства были обеспечение населения продуктами первой необходимости и сдерживание скачкообразного роста цен. Для борьбы с ростом цен 19 августа 1936 г. были созданы комитеты борьбы со спекуляцией. Декрет от 20 июня 1936 г. запрещал устанавливать торговые надбавки на предметы народного потребления выше 12%³⁴. Правительство ввело карточную систему и фиксированные цены на продукты питания, что нашло большую поддержку среди народных масс, но одновременно привело к дефициту товаров на рынке. Как логический результат этих действий правительства возник черный рынок. Левая пресса призвала «расстреливать спекулянтов, как это делают в СССР с врагами народа»³⁵.

Запретительные меры и драконовские постановления не могли ликвидировать черный рынок, ставший всеохватывающим. Помещики, поставщики сельскохозяйственной продукции припрятавали продовольствие, чтобы не продавать его по низким фиксированным ценам. Правительство в сентябре 1936 г. стало всерьез планировать армейские операции по поиску укрываемого продовольствия в поместьях и общинах³⁶.

В июне 1936 г. были созданы «дома обеспечения» – сеть государственных магазинов, призванных заменить собой частную торговлю товарами первой необходимости. Соцпартия приветствовала создание государственных магазинов, так как видела в этом осуществление «социалистической» экономической программы хунты, в которой важное место занимала идея «государства-предпринимателя». Напротив, эта мера вызвала шквал критики со стороны правых газет и партий, увидевших в них угрозу свободе торговли и частному предпринимательству³⁷.

В течение всего года, пока Торо находился у власти, экономическое положение только ухудшалось. Экономические эксперты Торо предложили установить дифференцированные курсы обмена валют и льготный режим для импортеров продовольствия, что могло бы сдерживать рост цен. Экспортеры были вынуждены продавать часть валюты государству по заниженному курсу. Импортеры продовольствия могли покупать «дешевую» валюту, что, по идее военных, должно было сдерживать рост на розничном рынке.

Для поддержки мелких и средних горновладельцев в январе 1937 г. был создан Горнорудный банк, скупавший у них минералы³⁸. Ассоциация горно-

³³ Gallego Margaleff F.J. Op. cit. P. 108.

³⁴ Anuario administrativo de 1936. Vol. 1. La Paz, 1937. P. 1028.

³⁵ La Calle. 14.10.1936.

³⁶ El Diario. 12.09.1936.

³⁷ El Diario. 13.05.1937.

³⁸ El Diario. 08.04.1937.

промышленников отказалась прислать своего представителя в Совет администрации банка, выражая тем самым несогласие с проводимой политикой государственного вмешательства в сферу торговли рудой³⁹.

Надежды на стабилизацию финансового положения связывались с возможным улучшением конъюнктуры на мировом рынке олова⁴⁰. Боливия оставалась членом Комитета олова, который связывал ее определенными обязательствами по ограничению производства и экспорта.

В конце 1936 г. появился новый фактор в политике в отношении олова: США начали создавать стратегические запасы сырья. Боливийцы ухватились за это обстоятельство и стали вести переговоры с США о поставках руды, что могло разрушить всю систему контроля над рынком олова, созданную Комитетом. В ноябре 1936 г. Торо встретился с послом США в Боливии. Он повел разговор о поставках олова в США по межправительственному соглашению и о строительстве там оловоплавильного завода, специально ориентированного на боливийскую руду. Торо заявил послу, что действует с согласия Арамайо, и Боливия хотела бы иметь гарантии со стороны США в случае конфликта с Патињо⁴¹. США с большим интересом отнеслись к предложениям Боливии и расширили рамки переговоров, предполагая подписать большое торговое соглашение.

Торо согласовывал свою экономическую политику с Арамайо, у которого были серьезные трения с Патињо по вопросу распределения квот. Патињо контролировал оловоплавильное производство в Англии, а Арамайо, мощь которого выросла за годы мирового кризиса, был заинтересован в переориентации потока боливийского олова на США. В этом вопросе его интересы совпадали с устремлениями мелких и средних шахтовладельцев, желавших побыстрее покончить с ограничениями Комитета олова за счет прямых поставок руды в США.

С начала 1937 г. началось некоторое оживление рынка: выросли цены с 228 ф. ст. за тонну в январе до 301 в марте 1937 г. и увеличился спрос на олово, что позволило комитету ослабить ограничения производства⁴². И хотя американцы настаивали на скорейшем заключении торгового договора, по которому соглашались на строительство оловоплавильного завода в США, для боливийцев этот сюжет утратил свою привлекательность в связи с новой, более благоприятной ситуацией на рынке. Переговоры так ничем и не окончились.

Идеология режима «государственного социализма» и политическая реформа

Главный идеологический тезис нового режима состоял в «укреплении государства», его освобождении от доминирования олигархии. На первой пресс-конференции в президентском дворце 21 мая 1936 г. Д. Торо заявил: «Идеология армии не отличается от взглядов левых партий. Армия желает

³⁹ Отчет Министерства горнорудной и нефтяной промышленности от 24 октября 1936 г. – ANB. PG.1936. C.12. T.127 (PG7250).

⁴⁰ El Diario. 01.09.1936.

⁴¹ FRUS. 1936. P. 237–238.

⁴² Hillman J. Bolivia and the International Tin Cartel, 1931–1941 // Journal of Latin American Studies. Cambridge. Vol. 20. Part. 1. May, 1988. P. 102–104.

создать правительство социальной справедливости, режим, который положит конец старым методам и старой политической системе. Наша задача — это социалистическое действие, это государственный социализм, который мы осуществим совместно с левыми партиями»⁴³.

Торо, излагая принципы нового экономического строя, утверждал: «Государственный социализм основывается на принципах государства-предпринимателя, государства, которое возьмет на себя осуществление той деятельности, которая в руках частного предпринимателя не выполняла свою социальную функцию»⁴⁴. Ставшая рупором режима газета «La Calle» на своих страницах утверждала, что на данном этапе в Боливии следует строить государственный капитализм, который является лишь первым этапом социалистической организации общества⁴⁵.

Боливийский «государственный социализм» предполагал решительный отказ от демократии и ее основополагающих свобод. Политической целью реформы должна была стать так называемая функциональная демократия, отказ от классической системы парламентского представительства и ее замена корпоративным строем.

Большое влияние на идеологию «государственного социализма» оказали итальянский фашизм и германский национал-социализм, провозглашавшие приоритет нации над личностью и классами. Министр обороны Оскар Москосо заявлял, что правительство должно руководствоваться национал-социалистической доктриной. В октябре 1936 г. он создал Национал-социалистический легион ветеранов Чако. Эта организация оказывала серьезное влияние на политику режима.

23 октября 1936 г. подполковник Г. Вискаппа опубликовал в «La Calle» редакционную статью «Наш боливийский национал-социалистический путь», в которой прославлял политический строй Германии и Италии. Он утверждал, что национал-социалистическая система — «это единственный режим правления, который дает гарантии прогресса и общественного благосостояния»⁴⁶. В марте 1937 г. мексиканский посол пригласил для беседы видных деятелей режима Х. Пас Камперо, Ф. Камперо Альвареса, Э. Финота, которые постарались изложить ему принципы «государственного социализма». Они заявляли, что демолиберализм изжил себя и что боливийский режим движется в том же направлении, что и национал-социализм в Германии и фашизм в Италии⁴⁷.

Самоназвание режима как социалистического было не только данью моде, но и убеждением его создателей, что он призван заменить дискредитировавший себя демолиберальный строй, да и сам капитализм. В этом антирыночном, антикапиталистическом порыве слились в единое движение как левые силы, так и правые, профашистские. Антилиберализм и логика антирыночной, этатистской политики делали рабочее движение естественным союзником режима, а также вели к такому реформированию государствен-

⁴³ Boullon Barreto G. Bolivia Republica Socialista. La Paz, 1936. P. 28.

⁴⁴ Gallego Margaleff F.J. Op. cit. P. 138.

⁴⁵ La Calle. 01.12.1936.

⁴⁶ La Calle. 23.10.1936.

⁴⁷ SRE. México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1937. Informe de 30 de mayo de 1937. 31 — 25—3.

но-политического устройства, которое превратило бы профсоюзы в основу функционирования новой системы власти.

Предполагаемая политическая реформа затрагивала высшие органы государственной власти, судебную систему и местное самоуправление. 14 августа 1936 г. Торо отменил выборы мэров, которых отныне назначало центральное правительство, а депутаты в муниципальные собрания впредь должны были не избираться населением, а назначаться пропорционально Торговой, Промышленной палатами, Коллегией адвокатов, профсоюзами медиков, инженеров, обществом сельских собственников и Рабочей федерацией⁴⁸.

Политическая реформа должна была ликвидировать парламентскую демократию. Не личность, не гражданин объявлялись основой «функциональной демократии», а некие народные классы и профессиональные группы. С этой целью хунта издала декреты об обязательной синдикализации и о всеобщей трудовой повинности.

Декрет о трудовой повинности был предложен Министерством труда и подписан Д.Торо 6 июля 1936 г. Боливия провозглашалась «республикой трудящихся», следовательно, все были обязаны работать. Государство получало право принудительно привлекать «на работы» безработных и так называемые паразитические классы. Предприниматели должны были сообщать в Министерство труда о своих потребностях в рабочей силе, а органы власти были обязаны поставлять соответствующих рабочих и специалистов.

Всем боливийцам предписывалось обзавестись трудовыми книжками, которые становились важнейшим документом гражданской дееспособности⁴⁹. За выполнением декрета наблюдало новое полицейское подразделение – специальная трудовая инспекция, проводившая регистрацию безработных, формировавшая и направлявшая к месту выполнения повинности «бригады трудящихся в соответствии с запросами горнорудных, торговых, промышленных и прочих предприятий». Газеты сообщали о задержаниях лиц, не имевших трудовой книжки и являвшихся безработными, которых временно арестовывали и содержали под стражей до определения будущего места работы⁵⁰.

Хотя в своих отчетах президенту В. Альварес рапортовал об успехах в реализации декрета⁵¹, эффект от него был минимальным. Государство не имело ни средств, ни возможности на данном этапе обеспечить работой всех безработных.

Поскольку рабочее движение должно было стать основой политической системы, Министерство труда приступило к организации новых, подконтрольных государству, профсоюзных структур. Инструментом управления синдикализированным обществом должны были стать созданные по инициативе Х.А. Арсе Постоянные национальные ассамблеи профсоюзных организаций (АНПОС). Формально объявлялось, что в задачу ассамблеи входит контроль за деятельностью Министерства труда со стороны рабочих организаций и подготовка общенационального конгресса, на котором плани-

⁴⁸ El Diario. 25.10.1936.

⁴⁹ Проект декрета о трудовой повинности. – ANB. PG. 1936. С. 12. Т. 127 (PG7250).

⁵⁰ La Calle. 03.10.1936.

⁵¹ Отчет В. Альвареса от 2 октября 1936 г. – ANB. PG. 1936. С.12. Т. 127 (PG7250).

ровалось создание единого профцентра. В АНПОС вошли представители всех профсоюзных объединений, в том числе ФОТ и ФОЛ. Министр труда раз в неделю выступал перед собранием рабочих представителей с отчетом о своей деятельности. Желая подчеркнуть новое институциональное место АНПОС в политической системе «государственного социализма», В. Альварес запросил разрешения Д.Торо предоставить в распоряжение новой структуры помещение Сената⁵². Разрешение было получено и, к ужасу правых политиков, в Сенате стали заседать рабочие лидеры.

Неофициальный статус АНПОС 4 июля 1936 г. был изменен декретом хунты, превратившем их в новый орган власти. Декрет устанавливал схему образования новых профсоюзов. На предприятиях по профессиональному признаку создавались комитеты, которые затем объединялись в общенациональные союзы, встраиваемые в единую отраслевую структуру АНПОС. Руководство АНПОС назначалось Министерством труда. АНПОС должна была стать своеобразным синдикалистским предпарламентом, который, в свою очередь, делегировал бы своих полномочных делегатов в общенациональный парламент.

Важным элементом строительства новой политической системы была обязательная синдикализация, декретированная 19 августа 1936 г.: «Все боливийцы, будь то мужчины или женщины, в той или иной мере участвующие в производстве, распределении и пользовании общественным богатством, обязаны объединиться в профсоюзы, деятельность которых должна регулироваться единым профсоюзным уставом». Каждый гражданин получал профсоюзный билет, который, как предполагалось, заменял иные документы дееспособности, необходимые для участия в избирательном процессе⁵³.

Профсоюзы были двух типов: работодателей (патрональные) и наемных работников. Закон предусматривал создание смешанных комиссий хозяев и работников для решения спорных вопросов.

Декрет вызвал большие трения внутри правительства; были предложены два проекта декрета и профсоюзного устава. Первый вышел из Министерства труда. Его авторами были марксисты Х.А. Арсе и Р. Анайя. Их идея сводилась к созданию «профсоюзного, рабочего государства». Несколько иное содержание обрела обязательная синдикализация в интерпретации министра внутренних дел подполковника Хулио Виера, который видел в этом акте шаг на пути строительства корпоративного государства по примеру итальянского фашизма. Реальное осуществление декрета обуславливалось принятием профсоюзного устава, вокруг которого развернулась борьба между левым синдикализмом, представленным В. Альваресом, и правым корпоративизмом, олицетворением которого был министр Х. Виера. Дискуссия вокруг этого вопроса длилась вплоть до ухода В. Альвареса из правительства в конце 1936 г.

Д. Торо рассматривал обязательную синдикализацию в качестве инструмента для установления контроля над рабочим движением. Целью режима была интеграция рабочего движения в политическую систему через огосу-

⁵² Письмо В. Альвареса – Д. Торо от 1 июля 1936 г. – ANB. PG. 1936. С. 12. Т. 127 (PG7250).

⁵³ Отчет Министерства труда за второе полугодие 1936 г. – ANB. PG. 1936. С. 12. Т. 127 (PG7250).

дарствление профсоюзов, которые заменили бы собой политические партии. Провозглашавшиеся военными-социалистами доктринальные цели создания «функциональной демократии» обретали реальные черты именно посредством всеобщей синдикализации.

Профсоюзные круги с одобрением восприняли декрет о синдикализации. Согласно сентябрьскому 1936 г. отчету Министерства труда, в среднем в месяц выдавалось около 3 тыс. профсоюзных билетов. В течение первого месяца действия декрета министерство регистрировало примерно 12 профсоюзов в неделю, что свидетельствовало о серьезной организационной работе, принятой левым руководством Министерства труда⁵⁴.

Для осуществления широкомасштабной политической реформы хунта 1 октября 1936 г. сформировала конституционную комиссию, в которую вошли не только сторонники «государственного социализма» Х. Пас Камперо, Х.М. Салинас, В. Мендоса Лопес (глава комиссии), но и представители традиционных политических сил, не разделявшие новаторские идеи государственного устройства военных-социалистов.

Несмотря на широкий политический спектр состава комиссии, правительство сразу же четко сориентировало ее работу. В ноябре 1936 г. Д. Торо заявил, что Учредительное собрание будет создано в соответствии с новыми политическими принципами, т.е. половина депутатов от профсоюзов, половина – посредством всеобщих выборов⁵⁵. Учредительное собрание, по мысли Д. Торо, не будет заниматься избранием президента, а лишь выработает новую конституцию, по которой впоследствии пройдут выборы новых органов власти⁵⁶. В начале 1937 г. комиссия, возглавляемая В. Мендосой Лопесом, создала проект нового «функционального» парламента. Предполагалось создать конгресс на базе смешанной синдикалистско-партийной системы⁵⁷.

Рабочие профсоюзы использовали распоряжение об обязательной синдикализации в своих интересах. Повсеместно возникали новые профсоюзы. 28 сентября 1936 г. ФОТ и ФОЛ подписали соглашение о единстве действий и образовали Единый широкий профсоюзный фронт (ФУСА), в рамках которого организации-члены сохраняли автономию и независимость. Непосредственной задачей ФУСА была подготовка объединительного общенационального съезда профсоюзов⁵⁸.

В ноябре 1936 г. в Оруро прошел общенациональный, объединительный профсоюзный съезд, на котором были представлены 213 профсоюзных организаций⁵⁹. Была образована Профсоюзная конфедерация трудящихся Боливии (ССТБ).

Съезд принял программу, представлявшую собой петицию требований к хунте. В экономической части документа следует выделить радикальные предложения: о передаче государству 40% прибыли горнорудной промышленности (о национализации монополий даже не упоминали), об отмене концессий «Стандард Ойл», о проведении форсированной индустриализа-

⁵⁴ Отчет В.Альвареса от 2 октября 1936 г. – ANB. PG. 1936. С. 12. Т. 127. (PG7250).

⁵⁵ El Diario. 03.11.1936.

⁵⁶ La Calle. 27.12.1936.

⁵⁷ El Diario. 30.01.1937.

⁵⁸ La Calle. 25.10.1936.

⁵⁹ La Calle. 15.11.1936.

ции при активной хозяйственной роли государства. ССТБ призывала левые партии и организации образовать Народный фронт⁶⁰.

Во время проведения рабочего конгресса произошла сенсация: рабочие делегаты отказали в доверии В. Альваресу. Тем самым конгресс выражал неодобрение проектам реорганизации профдвижения, которые вынашивало правительство. В. Альварес ушел в отставку, рассчитывая, что на этот пост будет назначен другой рабочий лидер – Габриэль Моисес, получивший большинство голосов на конгрессе⁶¹.

Д. Торо, получив слишком мощную и строптивую ССТБ и понимая, что Г. Моисес слишком левый для его правительства, отказался от услуг профсоюзных лидеров и назначил на пост министра труда Х. Пас Камперо, известного главным образом тем, что он являлся адвокатом горнопромышленника Арамайо. При вступлении в должность 29 января 1937 г. новый министр труда заявил: «Являясь антагонистическими факторами производства, труд и капитал все же выполняют одну социальную функцию, а посему оба нуждаются в гарантиях»⁶². При новом министре труда изменилась вся политика правительства в рабочем вопросе. Были преданы забвению планы всеобщей синдикализации.

Союз военных и рабочих организаций лежал в основе действий режима в период с мая по декабрь 1936 г. Этот союз обуславливал принятие ряда радикальных мер в политической и социальной сферах. Охлаждение отношений Торо и профсоюзов в начале 1937 г. полностью не разрушило этот союз, но отодвинуло рабочее движение на второй план. Первые полгода существования режима «государственного социализма» были самым радикальным периодом в политической реформе.

В первом после реорганизации хунты в июне 1936 г. кабинете ключевые министерские портфели получили деятели, заявлявшие о стремлении установить «авторитарно-социалистический» режим, образцом которого для них были Италия и Германия. Министр Х. Виера сразу же дал понять традиционным партиям, что не видит никакой возможности сотрудничества с ними.

Но военных устраивали и не все левые. Раскол в Социалистической партии на левое и правое крыло произошел в сентябре 1936 г., когда Торо с молчаливого согласия «La Calle» провел «чистку страны от экстремистов слева». 16 сентября 1936 г. Торо издал декрет о запрете коммунистической деятельности и идеологии. Многие левые деятели, в основном интеллигенты, были изгнаны из страны или сосланы в отдаленные провинции. Признанные лидеры левых Х. Агирре Гайнсборг и Х.А. Арсе были вынуждены попросить политическое убежище в мексиканском посольстве, а затем депортированы в Чили⁶³.

Разрыв с левыми марксистскими группами, а затем охлаждение в отношениях с социалистами создали политическую пустоту, которую правительство стремилось заполнить созданием официозной партии или движения. Под непосредственным наблюдением со стороны Министерства внутренних дел 23 декабря 1936 г. был создан Боливийский народный фронт (ФПБ). В него

⁶⁰ Delgado Gonzalez T. 100 años de lucha obrera en Bolivia. La Paz, 1984. P. 109.

⁶¹ La Calle. 03.12.1936.

⁶² El Diario. 20.01.1937.

⁶³ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1936. Informe de 25 septiembre de 1936. 27 – 29 – 13.

вошли ветеранский союз АНДЕС, Социалистическая партия, Конфедерация трудящихся (ССТБ), марксистские группы «Авансе» и Социалистический студенческий университет. Новое объединение заявило о своей поддержке «социалистических принципов» правительства Д. Торо⁶⁴.

Следующей идеей министра Хулио Виера было образование Партии государственного социализма (ПСЕ). Чиновники разъезжали по стране и организовывали филиалы новой партии, к которой с готовностью примкнули социалисты и военные. 7 апреля 1937 г. она была создана. В нее вошли многочисленные мелкие социалистические организации⁶⁵. Членство в ПСЕ было фактически обязательным для государственных служащих и военных. Почетным председателем ПСЕ стал сам Д. Торо⁶⁶.

Создание ПСЕ было чисто бюрократической акцией, и факт ее существования не изменил расстановки политических сил. Когда в годовщину «майской революции» в Ла-Пасе состоялся парад кадров ПСЕ, правительство было неприятно поражено малочисленностью демонстрации, так как, не считая оркестра, по улицам города прошло не более 100 человек⁶⁷.

ПСЕ провозглашала своей целью установление в Боливии корпоративного «государственного социализма», основанного на принципах «функциональной демократии». Правительство рассчитывало в недалеком будущем перейти на однопартийную систему, распустив все политические партии и движения, кроме ПСЕ, которая была бы логическим шагом в строительстве социалистической вертикали: профсоюзы – партия – государство.

В поиске новых союзников Д. Торо пошел на контакт с традиционными политиками, в первую очередь с созданной Арамайо Централистской партией. Эта партия представляла собой не столько последний оплот консервативных традиционных сил, сколько была выражением умеренных реформистских устремлений отдельных групп олигархии, согласных на некоторые преобразования в политической и социальной сфере во имя сохранения своего всевластия в стране. Торо назначил представителя централистов Ф. Гутьерреса Граньера на важнейший пост министра финансов.

В октябре 1936 г. в Боливию прибыла итальянская миссия для обучения полиции страны. Делегацию в Риме торжественно провожал граф Чиано, который призвал «посланцев» нести в Новый Свет «откровение» фашизма. Связи Боливии с германским нацистским режимом носили сердечный характер. Полковник Х. Санхинес, назначенный Д. Торо послом в Германии, на вручении верительных грамот Гитлеру 12 ноября 1936 г. говорил: «Мы в Боливии с восхищением наблюдаем за поступью национал-социалистической Германии, ибо сами идем тем же путем строительства национального социализма, программу которого наша страна выстрадала в ходе тяжелой войны в Чако. Особенно мы приветствуем политическую концепцию гитлеровского режима, противостоящего разрушительной и анархизирующей тенденции советского коммунизма»⁶⁸.

⁶⁴ La Calle. 27.12.1936.

⁶⁵ El Diario. 08.04.1937.

⁶⁶ Постановление ПСЕ от 20 апреля 1937 г. – ANB. PG. 1937. С. 13. Т. 152 (PG7211).

⁶⁷ El Diario. 17.05.1937.

⁶⁸ MIN. RR. EE. 1936–1937. Alem. 1 – R – 14, f. 128.

Экспроприация «Стандард Ойл»

Благодаря стараниям марксистской и левонационалистической пропаганды общественное мнение Боливии укрепилося в убеждении, что главными виновниками войны в Чако были международные нефтедобывающие корпорации. Версия, объяснявшая причины войны интересами нефтедобывающих монополий, была эффективной и казалась очень убедительной.

Олигархия ни разу не выступила в защиту «Стандард Ойл». Боливийская элита нашла в американской компании своего рода «козла отпущения» за поражение в войне. При этом «Стандард Ойл» действовала настолько вызывающе и высокомерно по отношению к боливийскому государству, цинично нарушая его законы, что санкции против нее были единодушно поддержаны всем обществом.

Еще при правительстве Техады Сорсано против «Стандард Ойл» был начат судебный процесс по обвинениям в подлоге документов и в умышленном обмане боливийского государства. Обнаружилось, что еще в 20-е годы компания, заявляя об отсутствии добычи, не только получала нефть, но и тайно экспортировала ее, ничего не платя в боливийскую казну. Было доказано, что в результате этого мошенничества американская компания обманула боливийское государство на сумму в 26,5 млн боливиано⁶⁹.

Левонационалистические группы, социалисты, среди которых наибольшую активность проявляли «Союз защиты нефти», созданный Карлосом Монтенегро, и газета «La Calle», требовали национализации «Стандард Ойл»⁷⁰. Именно нефть представлялась панацеей от экономических бед и отсталости во всех сферах народного хозяйства. Мощное давление социалистов и однозначное настроение всего общества побудили Торо пойти на решительные действия.

10 июля 1936 г. были аннулированы все нефтяные концессии, на которых не велась добыча или поиск нефти. Из 225 осталось лишь 6, их территория сократилась с 13 млн до 380 тыс. га⁷¹. К концу 1936 г. намерения правительства окончательно определились. 21 декабря 1936 г. была создана государственная нефтекомпания — ИПФБ (Yacimientos Petrolíferos Fiscales Bolivianos). Решительный натиск военных на американскую компанию поддерживали не только «La Calle», социалисты и профсоюзы, но и правые политики, в том числе и «бароны олова», например, Арамайо⁷².

Поистине историческим актом Торо стало решение от 13 марта 1937 г. об экспроприации собственности «Стандард Ойл». Правительство Боливии, ссылаясь на нарушения компанией налогового законодательства, умышленный подлог финансовых документов и контрабанду, объявляло потерявшими силу все концессии. Собственность компании на территории Боливии переходила в пользу государства. Все действовавшие скважины и нефтеперерабатывающие предприятия передавались ИПФБ.

⁶⁹ Valencia Vega A. Op. cit. Vol. 6. P. 1762.

⁷⁰ Montenegro C. Frente al derecho de Estado el oro de la Standard Oil. La Paz, 1938. P. 72.

⁷¹ Klein H.S. German Busch and the era of «Military Socialist» in Bolivia // HAHN. 1965. Vol. 47. N 2. P. 43–44.

⁷² Almaraz S. El poder y la caída: El estanco en la historia de Bolivia. La Paz, 1980. P. 84.

Это была первая в истории континента экспроприация иностранной собственности в нефтяной отрасли. При всей националистической риторике речь шла лишь об утверждении приоритета боливийских законов перед лицом наглого и беззастенчивого обмана со стороны частной компании. США осудили «излишний» радикализм действий военного правительства.

Госдепартамент США стал развивать идею об участии в этой акции пронацистских политиков, намекая на «руку» Германии в «деле “Стандард Ойл”». «La Calle» и социалисты, такие, как К. Монтенегро, А. Сеспедес, Д. Фионини, бывшие вдохновителями экспроприации нефти, объявлялись агентами Гитлера и Муссолини, врагами демократии и США.

После экспроприации «Стандард Ойл» положение правительства Торо укрепилось. Перед лицом внешнего врага все бывшие критики правительства слева сплотились вокруг хунты. Дело «Стандард Ойл» и образование первого крупного государственного предприятия в добывающих отраслях стало главным свершением правительства Д. Торо.

Аграрный эксперимент «военных социалистов» в Клизе (Кочабамба)

Придя к власти, военные-социалисты создали комиссию по аграрной реформе и запрету бесплатных трудовых повинностей крестьян – понгеахе⁷³. В пропагандистских документах хунты по аграрному вопросу заявлялось: «Освобождение крестьянства – это экономическая проблема. Заниматься его просветительским аспектом – это делать лишь один шаг на длинном пути полного освобождения крестьян. Главное – индеец должен получить землю»⁷⁴. Признание самой проблемы перераспределения земли было огромным шагом вперед по сравнению с предыдущими годами, когда решение аграрного вопроса виделось исключительно через полную ликвидацию общины и испанизацию индейского населения.

Первым мероприятием военных в индейском вопросе стала поддержка движения просвещения, начатого учителями-энтузиастами в конце 20-х – начале 30-х годов. К 1937 г. в Боливии насчитывалось уже 16 индейских школ. Военные объявили 2 августа – день годовщины образования школы-айлью в Варисата (департамент Ла-Пас) «днем индейца»⁷⁵. Декрет от 9 августа 1936 г. обязывал всех помещиков создавать школы для крестьянских детей в своих владениях.

При военных-социалистах дело просвещения индейцев из общественной инициативы превратилось в общегосударственную политику. В декабре 1936 г. была создана Генеральная дирекция индейского и крестьянского просвещения, которую возглавил лидер движения просвещения индейцев, основатель школы в Варисате Элисардо Перес. В районе Сан-Андрес-де-Мачака,

⁷³ El Diario. 01.10.1936.

⁷⁴ Gallego Margaleff F.J. Un caso del populismo militar latinoamericano: la gestión de David Toro en Bolivia (1936–1937) // Ibero-Amerikanisches Archiv. Vol.14. N 4. 1988. S. 496.

⁷⁵ Bonifaz M. Legiscación agraria-indigenal. Cochabamba, 1953. P. 509. Именно 2 августа 1953 г. В. Пас Эстенсоро подписал декрет об аграрной реформе, что должно было символизировать преемственность Национальной революции и военных-социалистов.

недалеко от Варисаты образовалась целая федерация школ-айлью, объединившая 6 соседних общин⁷⁶.

В ноябре 1936 г. в Ла-Пасе состоялся Первый конгресс директоров индейских школ. Торо в приветственном слове конгрессу сказал: «Я, как и все, понимаю, что речь идет не о пустых речах или социалистических теориях, а о проблеме индейца, которая прежде всего является экономической, а уж потом она может рассматриваться с точки зрения просвещения... Главное – это земля, ибо индеец больше всего на свете любит свою землю»⁷⁷.

В Кочабамбе военные-социалисты предприняли первые попытки реформирования сельского хозяйства. Особо благоприятные климатические условия «вечной весны» привели к большой концентрации крестьянского населения, к преобладанию в Кочабамбе мелких и средних хозяйств. Здесь особенно чувствовался земельный голод.

Типичным районом Кочабамбы была долина Клисы. Там находилось поместье, принадлежавшее монастырю Св.Клары с 1715 г. В начале 30-х годов XX в. монастырь передал некоторые свои участки крестьянам-арендаторам. Затем монахи сдали все поместье вместе с крестьянами в аренду третьему лицу. Как и следовало ожидать, эксплуатация помещиком-арендатором крестьянских хозяйств была чрезвычайно жесткой, из-за чего в октябре 1935 г. в поместье вспыхнуло восстание, во главе которого оказались ветераны Чакской войны братья Дельгадильо. Восставших поддержали жители городка Клиса, где проживало много ветеранов войны. Они свели крестьян с адвокатом, известным марксистом Эдуардо Арсе Лоурейро, который организовал подпольный крестьянский профсоюз, формальным прикрытием которого стала созданная им сельская школа.

Крестьяне Санта-Клары требовали ликвидации субаренды и передачи им участков в длительную аренду без посредников. В августе 1936 г. крестьяне отправились в Ла-Пас, где с помощью Э. Арсе Лоурейро встретились с министром труда В. Альваресом. Им даже удалось удостоиться аудиенции президента Д. Торо, на которого этот визит произвел огромное впечатление⁷⁸.

Результатом активной деятельности индеанистов, поддержавших требования крестьян, стала министерская резолюция от 5 ноября 1936 г., утвердившая прямую аренду земли у монастыря, исключавшая посредников. Профсоюз, «используя кооперативную систему производства», брал на себя «техническую и административную ответственность» перед властями и собственником. При гарантиях со стороны правительства крестьянский профсоюз заключил контракт с монастырем. В соответствии с декретом об обязательной синдикализации и на основании министерской резолюции колонны организовали «Профсоюзную сельскохозяйственную ферму Клиса».

Особенность этого распоряжения состояла в том, что земля передавалась в аренду не каждому крестьянину в отдельности, а профсоюзу. Такое новшество соответствовало идейным и политическим установкам «госу-

⁷⁶ Письмо крестьян – Д. Торо от 18 февраля 1937 г. – ANB. PG. 1937. С. 13. Т. 152 (PG7211). В. 927.

⁷⁷ La Calle. 06.11.1936.

⁷⁸ Dandler H.J. Sindicalismo campesino en Bolivia. Cambios estructurales en Ucureña. 1935–1952. Cochabamba, 1983. P. 68–71.

дарственного социализма». Левые приветствовали передачу земли крестьянскому профсоюзу в Клизе, видя в этом начало социализации деревни. «La Calle» называла эксперимент в Клизе переходной моделью к национализации большей части земли в стране⁷⁹.

Эксперимент в Клизе и последовавшие за ним мероприятия были прорывом в аграрной политике боливийского государства. Вместе с тем политика военных-социалистов в аграрном вопросе не вышла за рамки локального и ограниченного эксперимента, оставаясь по сути патерналистской и все еще консервативной. Огромная заслуга военных-социалистов состояла в том, что задачи аграрного реформирования были переведены в практическое русло.

Период правления Д. Торо отличался непрерывным поиском и экспериментом во всех сферах экономики и политики. Военные-социалисты пришли к власти без определенного плана действий, да и общество, их гражданские политические союзники не могли им предложить ничего целостного и эффективного. Осознание необходимости проведения реформ толкало их к принятию решений порой непродуманных, порой казавшихся импровизацией и экспериментом.

Новый этап «государственного социализма»: правление Х. Буша

К середине 1937 г. правительство Давида Торо все более теряло поддержку в обществе. Экономическая ситуация была просто отчаянной. Рост цен за год правления Торо составил в среднем 200%. Если в 1935 г. экспорт олова давал сумму в 7 327 816 ф. ст., то в 1936 г. было продано минерала лишь на 4 961 660 ф.⁸⁰ Финансовый голод покрывался широкомасштабной эмиссией, что привело к падению курса боливиано, появлению черного рынка, расцвету спекуляций и в конечном итоге к дезорганизации банковской системы. В июле 1937 г. профсоюзы провели две всеобщие забастовки против правительства и его политики⁸¹.

В июне 1937 г. вокруг Хермана Буша сложился мощный политический союз, главную силу которого составляли военные и Легион ветеранов Чако, требовавших смещения Торо. Временный поверенный в делах США в Боливии 9 июля 1937 г. писал госсекретарю: «Мне сообщили о соглашении между группой молодых офицеров во главе с Бушем и национальной федерацией ветеранов о свержении хунты. Они договорились передать власть Пеньяранде. Возможно, Буш возглавит временное правительство». Заговор поддерживал Патиньо⁸².

13 июля 1937 г. в Генштабе состоялось совещание офицеров, на котором было принято решение сместить Торо. Возглавить новую хунту должен был Энрике Пеньяранда⁸³. План действий заговорщиков пришлось скорректировать, так как Торо неожиданно созвал совещание с Пеньярандой и Бушем.

⁷⁹ La Calle. 27.10.1937.

⁸⁰ Gallego Margaleff F.J. Los orígenes del reformismo militar... P. 145–146.

⁸¹ Antezana L. Busch. A las FF. AA. de Bolivia. La Paz, 1965. P. 7.

⁸² Foreign relations, 1937. P. 249.

⁸³ El Diario. 14.07.1937.

Торо обладал удивительной способностью к убеждению своих оппонентов и умел добиваться нужного компромиссного решения. Примиренные с Торо Буш и Пеньяранда для сохранения видимости единодушия армии решили запросить все гарнизоны страны о доверии правительству Торо⁸⁴. Против этого восстало все окружение Буша и Пеньяранды, буквально заставив их под угрозой неповиновения немедленно отправить в отставку Торо. В этих обстоятельствах смущенный Пеньяранда отказался принять власть, и Буш под восторженные крики и аплодисменты офицеров был вынужден возглавить переворот. Торо был отправлен под домашний арест, а президентом стал Буш⁸⁵.

Бушу было всего 33 года, когда судьба привела его на высший государственный пост страны. Важные посты в новом кабинете заняли близкие Бушу офицеры. Среди них следует отметить называвших себя национал-социалистами Элиаса Бельмонте и Сесара Меначо. Первый, уже снискавший себе славу самого агрессивного и почти неистового националиста, был назначен начальником полиции Ла-Паса.

В своей речи при принятии присяги кабинета Буш сумел и повторить главные идейные постулаты «государственного социализма», и обрадовать традиционных политиков намеками на намерение вернуться к «нормальному конституционному правлению»⁸⁶. Многие заговорили о «смене вех», о переходе от «романтического социализма» к «радикальному национализму»⁸⁷. 17 июля 1937 г. Буш опубликовал манифест, в котором заявил о стремлении создать «Новую Боливию», где будет царить «гармония двух главных факторов жизни народа – труда и капитала»⁸⁸.

Буш в вопросах финансовой и экономической политики полностью доверился людям Патиньо, которые заняли все ключевые посты в кабинете министров. Первое, что сделал новый министр финансов Ф. Гутьеррес Граньер, было сокращение социальных расходов и, главное, отмена субсидий продовольственным магазинам, которые помогали удерживать цены от слишком быстрого роста, но вместе с тем породили массу злоупотреблений и спекуляции⁸⁹. Субсидии были серьезной поддержкой беднейших слоев населения и бедствующего среднего класса в период кризиса.

Ситуация ухудшилась в январе 1938 г. Новое падение цен на олово вызвало катастрофическую девальвацию боливиано и скачок инфляции. Падение поступлений от экспорта привело к острой нехватке валюты для импорта продовольствия и предметов первой необходимости. В начале 1938 г. за несколько недель местная валюта обесценилась вдвое. Общий индекс цен с 1936 по 1939 г. вырос в три раза⁹⁰. В правительстве возобладали те, кто видел в горнорудных монополиях единственный источник получения столь

⁸⁴ *Belmonte Pabón E.* Op. cit., P. 164–175.

⁸⁵ *El Diario.* 14. 07.1937.

⁸⁶ *El Diario.* 15.07.1937.

⁸⁷ SRE. México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 31 de enero de 1938. 30 – 3 – 15.

⁸⁸ *El Diario.* 20.07.1937.

⁸⁹ *Ibid.*

⁹⁰ *Gallego Margaleff F.J.* Ejército, nacionalismo y reformismo en América Latina: la gestión de Germán Busch en Bolivia. Barcelona, 1992. P. 126–127.

необходимой для оздоровления финансов валюты. Националисты предлагали установить режим полной передачи государству вырученной от экспорта минералов валюты по фиксированному заниженному курсу.

Экономические трудности требовали принятия срочных мер, а политическое положение – большей определенности. 22 ноября 1937 г. Буш объявил о намерении провести в марте 1938 г. выборы в Учредительное собрание, которое должно было выработать новую конституцию в соответствии с принципами «государственного социализма» и «функциональной демократии», а также избрать нового президента и вице-президента.

В конце 30-х годов в Боливии стали возникать праворадикальные организации. В августе 1937 г. в Кочабамбе была создана праворадикальная партия Боливийское националистическое действие во главе с К. Пуэнте Ла Серной. Вскоре это движение слилось с Боливийской социалистической фалангой (ФСБ), возглавляемой молодым политиком Оскаром Унсагой де Ла Вега. Фаланга была создана в Сантьяго-де-Чили 15 августа 1937 г. боливийскими студентами по примеру одноименной чилийской партии. Ее лидеру Унсаге был лишь 21 год. ФСБ исповедовала корпоративистские принципы «консервативного, католического социализма». Фалангисты выступали как против буржуазного либерализма, так и против марксистского материализма.

ФСБ критиковала засилье иностранного капитала, призывала к созданию общества справедливости и интегрального (целостного) решения общественных проблем на основе религии и иерархии. В программе принципов ФСБ провозглашалось: «Все боливийцы обязаны трудиться и производить. Труд и производство должны служить всему сообществу граждан... Индеец является основой нации. Аграрная реформа должна дать ему экономическую свободу, а просвещение – человеческое достоинство»⁹¹. Фаланга пользовалась большим влиянием среди молодежи, студенчества. Унсага считал, что время политических действий фаланги еще не наступило.

Кроме ФСБ из среды ветеранов выделилась новая пронацистская организация «Железная звезда», к которой примыкали многие члены правительства, в частности полковник Сесар Меначо, ставший в августе 1937 г. министром внутренних дел, а также министр Дионисио Фиоанини, считавшийся инициатором экспроприации «Стандард Ойл». Все они слыли сторонниками установления тоталитарного режима в Боливии. Да и сам Буш не скрывал своего восхищения «обновлением и омоложением» Германии и Италии.

Противовесом «профашистскому» влиянию был Габриэль Госалвес, руководитель саavedристов. Став министром внутренних дел в 1938 г., Г. Госалвес прекратил контракты с итальянской полицейской миссией, что вызвало недовольство профашистски настроенных членов кабинета. Он пользовался большим влиянием на президента. Противостояние профашистских и демократических сил в его кабинете было одной из характерных черт правительства Буша, что объясняет резкие virажы в политике.

В ноябре 1937 г. министром сельского хозяйства стал неистовый антисемит и, как он сам себя называл, национал-социалист полковник Вальтер Мендес. Несмотря на свой казался бы второстепенный пост, В. Мендес занимался чисто политическими вопросами, в том числе и внешнеполитичес-

⁹¹ *Sanjinés Ávila R. Únzaga: la voz de los inocentes. T. 1. (s. l). Bolivia, 2013. P. 82–83.*

кими. Он подготовил антиеврейский иммиграционный закон, который устанавливал обязательную регистрацию евреев в полиции, а также контроль за хозяйственной деятельностью еврейских иммигрантов, которым разрешалось заниматься лишь сельскохозяйственным производством в новых колонизируемых тропических районах страны⁹². Буш сразу же подписал проект закона, который затем пришлось срочно отменять под давлением общества и дипломатов⁹³.

В преддверии выборов власти рассчитывали на активное участие в них рабочих профсоюзов. В октябре 1937 г. ССТБ провела в Оруро свой съезд. Однако бойкот со стороны ФОТ и ФОЛ превратил конгресс в незначительное совещание красных профсоюзных лидеров, не представлявших большинства рабочих организаций Боливии.

Вслед за рабочим съездом марксистских профсоюзов 27 ноября 1937 г. в Ла-Пасе те же самые лидеры организовали Рабочую партию, главной целью которой было участие в выборах в Учредительное собрание. Во главе этой группы стояли Вальдо Альварес, Эдуардо Арсе Лоурейро, Х. Ордоньес. Военные постарались нейтрализовать левых и добились вхождения новой партии в созданный в феврале 1938 г. проправительственный избирательный блок на выборах в Учредительное собрание.

При всем своем предубеждении и неприязни к марксистам и коммунистам Буш не отверг с порога сотрудничество с ССТБ. Один из руководителей конфедерации Педро Вака даже получил пост субпрефекта важного г. Пуэрто-Акоста, несмотря на бурные протесты его консервативных в своей массе жителей⁹⁴. Местные власти, возглавляемые «рабочими» чиновниками (например, Р. Пералес в Оруро или Э.Г. Лоса в Пулакайо), более успешно решали социальные вопросы, в том числе и возникавшие трудовые конфликты⁹⁵. Таким образом, формировался властный блок на местах, когда государственные посты передавались профсоюзным или левым лидерам, обеспечивавшим социальный мир в особо проблемных районах.

Именно при Буше были заложены основы союза национал-реформистов и синдикалистов. Объектом особого внимания политиков стали горнорудные рабочие – именно тот отряд рабочего класса, который в силу географических особенностей расположения предприятий этой отрасли, а также социально-расового состава и происхождения находился вне традиционного гражданского общества и политической системы. Выбор Буша в пользу союза с профсоюзами горняков обеспечил ему мощную социальную опору.

Главной политической темой оставались выборы в Учредительное собрание. Предвыборную кампанию взял под свой контроль министр внутренних дел С. Меначо. Он провел успешные переговоры с политическими лидерами, призывая их к укреплению антиолигархического единства, и 18 февраля 1938 г. было объявлено о создании Единого социалистического фронта (FUS–ФУС). В его состав вошли: Легион ветеранов, ССТБ и ее филиал Ра-

⁹² El Diario. 19.03.1938.

⁹³ SRE. México. Legación en Bolivia. Informes políticos suplementarios. 1938. Informe de 3 de marzo de 1938. 30 – 3 – 16.

⁹⁴ Докладная записка в МВД от 19 ноября 1937 г. – ANB.PG. 1937. С. 13. Т. 158. (PG7240). В.2164.

⁹⁵ Rodríguez Ostria G. Op. cit. P. 103.

бочая партия, коммунистический Народный фронт Потоси, профсоюзная конфедерация железнодорожников, социалисты, Партия государственного социализма, антиперсоналистская фракция Республиканско-социалистической партии во главе с Габриэлем Госалвесом. Х. Буш приветствовал создание фронта и утвердил состав его руководящих органов⁹⁶. Члены фронта договорились о паритетном распределении завоеванных мест в Учредительном собрании.

Ветераны, синдикалисты и республиканцы-социалисты пользовались преобладающим влиянием в блоке, оттеснив в невыгодные округа всех остальных союзников. Много мест в списке ФУС получили крайне левые, марксисты или коммунисты, причем по наиболее выигрышным округам: Р. Анайя и В. Гевара Арсе в Кочабамбе, А. Арратия и П. Вака в Потоси, А. Эчасу от Сукре и В. Альварес от Ла-Паса⁹⁷. Левый индеанист К. Мединасели был выдвинут Народным фронтом Потоси кандидатом в сенаторы.

13 марта 1938 г. состоялись выборы в Учредительное собрание. Несмотря на опасения в подтасовке результатов голосования, выборы прошли на удивление честно и демократично, что признавали зарубежные дипломаты⁹⁸, вполне традиционно, с одной лишь разницей: к ним кроме партий были допущены и профсоюзы.

Учредительное собрание. Май – октябрь 1938 года

Результаты выборов отразили новое соотношение политических сил в обществе. В большинстве округов победили кандидаты от ФУС⁹⁹. Из 80 депутатов 24 представляли профсоюзы. К профсоюзному ядру примыкали другие левые марксистские и националистические депутаты излевой группы Кочабамбы и Народного фронта Потоси, объединившиеся в «Рабочий сектор». Социалисты, прошедшие в собрание, группировавшие вокруг А. Сеспедеса, В. Пас Эстенсоро, впоследствии образовали Независимую социалистическую партию, выступавшую в союзе с «Рабочим сектором».

Им противостоял правоцентристский блок депутатов, в основном от Республиканско-социалистической партии. Ядро правого крыла собрания состояло из депутатов Санта-Круса и Бени. Это были земляки Буша, чем они пользовались, оказывая давление на президента.

Открытие собрания 26 мая 1938 г. ознаменовалось скандалом. Левые депутаты «Рабочего сектора» отказались принести клятву верности народу и стране перед Распятием и Евангелием, заявив, что будут руководствоваться в своей деятельности лишь идеалами «социальной справедливости».

Первым пунктом в повестке дня было избрание конституционного президента и вице-президента страны. Почти единогласно (при трех воздержав-

⁹⁶ Письмо Х. Буша – ФУС от 23 февраля 1938 г. – ANB.PG. 1938. С. 14. Т. 190. (PG6872). В. 342.

⁹⁷ Письмо ФУС – Х. Бушу от 12 февраля 1938 г. – ANB.PG. 1938. С. 14. Т. 190. (PG6872).

⁹⁸ SRE. México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 5 de abril de 1938. 30 – 3 – 15.

⁹⁹ El Diario. 15. 03.1938.

шихся) депутаты избрали Хермана Буша конституционным президентом Боливии. Энрике Бальдивьесо стал вице-президентом.

Первое заседание завершилось большой программной речью Бальдивьесо, который от имени «социалистического» правительства обрисовал направления и цели работы Учредительного собрания. «Впервые в парламент Боливии избраны подлинные представители трудящихся классов. Они оставили свои фабрики и рудники, чтобы участвовать в управлении государством». К острым животрепещущим проблемам, без разрешения которых невозможен ни экономический, ни социальный, ни культурный прогресс нации, относились, по его мнению, аграрный вопрос, индустриализация и защита национального капитала перед лицом империализма¹⁰⁰.

После избрания президентом Буш обновил свой кабинет. Его возглавил капитан Элиас Бельмонте. Он был членом тайной ложи РАДЕПА. Как и большинство членов ложи, Бельмонте считал себя приверженцем национал-социалистической идеологии.

В Учредительном собрании шла дискуссия о принципах, на которых должна была строиться будущая конституция. Правительственный проект включал ту часть либеральной Конституции 1880 г., которая касалась прав и свобод граждан, но по новому формулировал социально-экономические основы государства. Помимо проекта правительства были предложения учредить однопалатный парламент и кардинально пересмотреть многие доктринальные положения права, в том числе касающиеся частной собственности¹⁰¹. По мнению депутатов «Рабочего сектора», новая Конституция должна была быть «чисто социалистической»¹⁰².

Проект однопалатного «функционального» парламента был отвергнут, как и многие другие «экстремистские» предложения. После длительной дискуссии победил правительственный проект. Суть его сформулировал депутат от ПРС Монтельяно: «Будет сохранена Конституция 1880 г. с изменением тех положений, которые относятся к экономическому строю и вопросам собственности, трудовому законодательству и крестьянско-аграрной проблеме. В этой реформе состоит наша историческая задача»¹⁰³. По вопросам прерогатив государства и прав собственности разгорелась жаркая дискуссия. Положения проекта основного закона по этим темам опирались на принципы «социального конституционализма».

Право собственности и ее неприкосновенность гарантировались лишь в том случае, если она выполняла свою «социальную функцию», т.е. служила не только интересам отдельных лиц или классов, а всему обществу. Виктор Пас Эстенсоро так объяснял нововведения: «Мы признаем право собственности, принимаем принцип ее неприкосновенности; мы не хотим ее обобществления, но обуславливаем гарантии права собственности выполнением ею социальной функции, т.е. владелец богатств должен будет осуществлять деятельность не только для своей пользы, но и на благо коллектива»¹⁰⁴. Это

¹⁰⁰ Redactor de la Convención Nacional de 1938. La Paz, 1938. T. 1. P. 85–86.

¹⁰¹ Ibid. P. 332–340.

¹⁰² Ibid. P. 129.

¹⁰³ Ibid. T. 2. P. 398.

¹⁰⁴ Ibid. P. 525.

был краеугольный камень построения всего нового здания боливийского общества: были созданы законодательные и концептуальные предпосылки радикального реформирования экономики и социальных отношений, в основе которого предполагалась решающая роль государства во всех сферах жизни страны.

Новая Конституция принимала принципы государственного дирижизма в экономической сфере. Статья 108 указывала: «Государство обладает полным правом посредством закона регулировать промышленность и торговлю, когда того требуют общественная необходимость и национальная безопасность». Там указывалось: «Это вмешательство может осуществляться в форме контроля, стимулирования или прямого управления»¹⁰⁵. Статья 107 закрепляла исключительное право государства распоряжаться недрами, природными богатствами страны¹⁰⁶.

Принципиальные конституционные, основополагающие формулировки, принятые собранием, закладывали фундамент будущих социально-экономических реформ. Идеи «социального конституционализма», включавшие в себя ограничение права частной собственности и предполагавшие конкретную социальную ответственность государства за благосостояние своих граждан, были алгоритмом реформирования всех сторон жизни общества.

Учредительное собрание обратилось также к аграрно-крестьянскому вопросу благодаря депутатам левого крыла Вальтеру Геваре Арсе и Альфредо Арратии. Гевара Арсе был поборником ликвидации латифундий на основе преобразования поместий в коллективные хозяйства. Он считал, что парцелляция земли будет шагом назад в развитии, откатом к «первоначальной фазе либерального капитализма»¹⁰⁷. Эти идеи Гевары Арсе не нашли поддержки не только у либералов и республиканцев-социалистов, но и у левых¹⁰⁸.

Даже сподвижники и единомышленники Вальтера Гевары Арсе, в том числе Виктор Пас Эстенсоро, не поддержали его предложения. Национал-реформисты, заявляя о необходимости реформы в деревне, соглашались принять идею экспроприации земельной собственности лишь в рамках конституционной концепции социальной функции частной собственности. Экспроприация принималась в отношении непродуктивных латифундий при условии предварительного возмещения стоимости поместья. Более того, они предлагали направить усилия по подъему сельского хозяйства в русло колонизации пустующих земель востока страны¹⁰⁹. Итог обсуждения был неутешителен для депутатов–сторонников решительного реформирования аграрных отношений.

Геваре Арсе и его сподвижникам все же удалось провести часть своих идей. В последний день работы собрания по предложению Т. Дельгадо была принята статья 165, по которой индейская община признавалась субъектом права, за ней закреплялся статус юридического лица¹¹⁰. Это означало конец

¹⁰⁵ Anuario Administrativo (Далее: AA). La Paz, 1938. Т. 3. P. 1471.

¹⁰⁶ Ibid. P. 1470.

¹⁰⁷ Redactor. 1938. Т. 2. P. 535.

¹⁰⁸ Ibid. P. 562–563.

¹⁰⁹ Ibid. P. 540–541.

¹¹⁰ La Calle. 30.10.1938.

либерального аграрного законодательства, отрицавшего корпоративные права общины на землю.

Новая Конституция осветила авторитетом основного закона «социальную ответственность» государства за всех членов общества. Государство принимало на себя ответственность за поддержание минимального уровня заработной платы. Социальный вопрос в Конституции трактовался в рамках сотрудничества труда и капитала при контролирующей роли государства¹¹¹. Провозглашалось приоритетное развитие кооперативного движения в сельском хозяйстве и промышленности как альтернативы эксплуатации человека человеком.

В августе 1938 г. собрание ратифицировало мирный договор с Парагваем. Несмотря на подписание перемирия и осознания двумя конфликтующими странами бесперспективности продолжения войны, переговоры в Буэнос-Айресе шли с трудом, а напряжение на линии разъединения сил оставалось значительным. Парагвай требовал уступки нефтеносных районов, с чем не могла согласиться Боливия. В течение 1937 и в начале 1938 г. напряжение было особенно велико, порой казалось, что военные действия вот-вот будут возобновлены. Эти обстоятельства заставляли боливийцев держать наготове сильную армию и не снижать военные расходы. С подписанием мира 21 июля 1938 г. была поставлена точка в конфликте с Парагваем.

30 октября после многомесячных обсуждений Учредительное собрание, наконец, приняло новую Конституцию. На церемонии закрытия Учредительного собрания вице-президент Бальдивьесо изложил основные положения своего видения национальной революции или «государственного социализма». Он отверг традиционную демократию, находившуюся на службе привилегированных классов и иностранных угнетателей. Бальдивьесо особо подчеркнул, что целью режима является «умеренное и демократическое завоевание социализма»¹¹².

Новый режим в Боливии представлялся военным-социалистам националистической экономической системой, в рамках которой будет прекращено ограбление богатств страны олигархией и империализмом, ликвидирована классовая борьба и раскол общества. Лидеры «государственного социализма» во главу угла своих политических воззрений ставили принципиальное неприятие либеральной демократии, сделавшей возможным господство олигархии в их стране.

Диктатура Хермана Буша и конец режима военных-социалистов

В эти годы в левом движении происходят важные процессы организации и размежевания. На крайнем левом фланге выделилась троцкистская Революционная рабочая партия (ПОР). В октябре 1938 г. на 2-й конференции партии ее лидеры Тристан Мароф и Хосе Агирре Гайнсборг выступили с дискуссией по принципиальным вопросам революции в Боливии. Тогда произошел разрыв марофистов с троцкистской ПОР. Т. Мароф увел за собой большинс-

¹¹¹ AA.1938. Т. 3. Р. 1472

¹¹² El Diario. 01.11.1938.

тво и создал в ноябре 1938 г. Социалистическую рабочую партию Боливии (ПСОБ). С ним ушли ведущие деятели ПОР: Э. Арсе Лоурейро, А. Валенсия Вега, А. Мендес Лопес. ПОР же после смерти Х. Агирре Гайнсборга практически прекратила свое существование и возродилась лишь в 1939 г. во главе с Гильермо Лорой и Томасом Уарки (Оскар Баррьентос).

В манифесте ПСОБ говорилось: «Единственная возможность освобождения Боливии – это установление социалистической экономики и защита национального достояния с опорой на народ и армию». ПСОБ заявляла о политическом плюрализме как принципе строительства новой партии: предлагалось сформировать конфедерацию социалистических партий и групп, которые приглашались присоединиться к ПСОБ. Создание ПСОБ поддерживали также левые националисты. Среди подписавших манифест партии следует упомянуть В. Гевару Арсе, А. Мендосу Лопеса, рабочего лидера и депутата собрания Р. Вильяррозля Клауре¹¹³. К ПСОБ присоединился основатель школы-айлью в Варисата учитель Элисардо Перес. Индеанистская и националистическая составляющая ПСОБ была важной частью марофизма, в котором сочетались индеанизм и отдельные положения марксизма. Первоначально ПСОБ имела большой успех. По свидетельству мексиканского посла в Боливии, партия Марофа превосходила своей численностью и влиянием все новые партии¹¹⁴.

Помимо марофистов на антиолигархическом фланге выделялось течение «революционных националистов» – боливийская разновидность национал-реформизма. Его идеологи К. Монтенегро, А. Сеспедес, В. Гевара Арсе, В. Пас Эстенсоро заявляли о своей приверженности индеанизму, индоамериканизму АПРА и даже марксизму. На новое поколение боливийских политиков огромное влияние оказал индоамериканизм перуанской АПРА. Один из ее идеологов Мануэль А. Сеоане в 1927 г. посетил Боливию и написал книгу «Левый взгляд на Боливию». В ней остро ставились вопросы национализации оловодобывающей промышленности и проведения аграрной реформы. Многие апристские тезисы были восприняты и вошли в идейный арсенал «революционного национализма».

К. Монтенегро и разделяющие его идеи социалисты выступали с позиции агрессивного национализма и подавления «эгоистических интересов» личности во имя высших интересов нации. Демократия виделась им лишь препятствием в движении к величию Боливии. Их идеалом стали авторитарные методы управления, подчинение масс, подавление либеральных свобод.

К. Монтенегро сформулировал концепцию «национальной революции». Он утверждал, что в Боливии со времени колонии существует два противоположных полюса – «нация» и «антинация». Эту терминологию (антинация или антиродина, *antipatria*) К. Монтенегро заимствовал у испанских фалангистов, которые, в свою очередь, переняли ее у немецких нацистов. С завоеванием независимости страны нация (народ) осталась подавленной антинацией (олигархией)¹¹⁵. Между олигархией и империализмом ставился знак равенства.

¹¹³ La Calle. 06.11.1938.

¹¹⁴ SRE. México. Legación en Bolivia. Informes políticos suplementarios. 1938. Informe de 30 de noviembre de 1938. 30 – 3 – 16.

¹¹⁵ Montenegro C. Nacionalismo y coloniaje. La Paz, 1979. P. 71, 82.

«Национальная революция», согласно его концепции, носит лишь политический, а не социальный характер, ибо речь идет об освобождении всей нации, а не отдельного класса, от внешнего, колониального угнетения. Олигархия превратилась в «сверхгосударство», подчинив себе подлинное государство, узурпировав его суверенитет. Для К. Монтенегро революция заключалась в восстановлении суверенитета нации, отстранении олигархии от власти, решении антиимпериалистических задач. К. Монтенегро считал пролетариат передовым руководителем нации, однако лишенным будущего, если он не придет к слиянию с другими классами. По мнению К. Монтенегро, олигархия разобщила народ, ввергла его в пучину классовой борьбы. Отсюда тезис о том, что «олигархия мешает единству народа».

К. Монтенегро и А. Сеспедес в своих журналистских, исторических и литературных работах, их сподвижники формулировали основные принципы революционного национализма. В конце 1938 г. группа депутатов левого сектора Учредительного собрания во главе В. Пас Эстенсоро, В. Гевара Арсе, А. Сеспедесом, поддержанные «La Calle», объявили об образовании Независимой социалистической партии (ПСИ)¹¹⁶. В лице этой партии возникло ядро, вокруг которого началось формирование политического движения «революционного национализма» – боливийской разновидности национал-реформизма.

Традиционные партии 22 марта 1939 г. объединились в блок «Конкордансия» (Согласие). Манифест блока требовал возвращения военных в казармы и передачи власти гражданским политикам¹¹⁷. Оживление либерально-консервативной оппозиции вызвало ярость Буша, отказывавшегося признавать право традиционных партий на участие в политической жизни страны. Политическое противостояние с традиционными партиями компенсировалось «сердечными» отношениями с Патиньо и его приближенными. Пропатиньистскому окружению президента удалось добиться смещения с поста министра финансов реформиста Висенте Мендоса Лопеса. В марте 1939 г. его место занял человек «баронов олова» Сантьяго Шульце¹¹⁸. Ключевой экономической пост вновь оказался в руках патиньистской партии.

Хотя олигархии удалось поставить своего человека на ключевой пост в кабинете, ориентация Буша на радикальное решение стоящих перед страной экономических и социальных проблем путем установления «тоталитарного режима» осталась неизменной. 9 апреля 1939 г. он встретился с германским послом Вендлером, с которым консультировался о возможностях «моральной и материальной поддержки Германией» Боливии в случае установления тоталитарного антикоммунистического режима. Германский посол, безусловно, приветствовал планы Буша, однако Берлин ответил, что не рекомендует связывать переход к тоталитарным формам правления с поддержкой Германии¹¹⁹. Немцы предложили только услуги своих политических советников.

Внешняя политика режима отличалась крайней противоречивостью. Своего рода экзаменом во внутренней и внешней политике режима «госу-

¹¹⁶ Klein H.S. *Parties and Political Change in Bolivia, 1880–1952*. Cambridge, 1971. P. 302.

¹¹⁷ La Calle. 14.03.1939.

¹¹⁸ El Diario. 01.04.1939.

¹¹⁹ Blasier C. *The United States, Germany and the Bolivian revolutionaries (1941 – 1946)* // *Hispanic American Historical Review*. Vol. 52. February, 1972. N 1. P. 28.

дарственного социализма» стало отношение к гражданской войне в Испании. Консервативные политики демонстрировали свою поддержку и солидарность с франкистами. Рабочие и левые организации безоговорочно встали на защиту дела республиканцев.

В октябре 1936 г. в Мадриде был убит боливийский посол. Ухватившись за этот инцидент, итальянский посланник в Боливии использовал все свое влияние, в основном в среде пылких поклонников Муссолини из числа боливийских военных и членов кабинета, чтобы добиться разрыва Боливии с Испанской республикой и признания Франко. Однако даже в этих обстоятельствах итальянцам не удалось достичь своей цели. Торо не хотел создавать внешнеполитических осложнений для своей страны в споре, исход которого был еще далеко не ясен¹²⁰.

Правительство Буша продолжило линию Торо. При всех симпатиях видных деятелей правительства, да и самого Буша к союзникам франкизма – германскому и итальянскому фашизму Боливия не поддержала Франко. Клерикализм и откровенный консерватизм франкизма отталкивал от него боливийских военных-социалистов. Если национал-социализм и фашизм выглядели в их глазах революционными антилиберальными националистическими движениями, близкими по духу самим военным-социалистам, то Франко ассоциировался со «старым режимом» и олигархией. Рупор режима газета «La Calle» при всем своем «антиинтернационализме» и антикоммунизме до конца войны активно поддерживала испанских республиканцев¹²¹.

Однако боливийское правительство сочло необходимым присоединиться к череде признаний Франко большинством латиноамериканских государств в феврале 1939 г., когда исход гражданской войны был уже решен.

Оборотной стороной внешнеполитического курса режима были демонстративные пронацистские акции МИД. Дело доходило до позорных акций официальных властей. Так, в 1938 г. МИД издал распоряжение о запрете еврейской иммиграции в Боливию. Ровно через день хунта отменила это распоряжение МИД, а затем даже заявила о поощрении еврейской иммиграции для колонизации востока страны¹²².

Антисемитским актом выглядели и неуклюжие действия боливийского МИД, протестовавшего против предоставления Парагваем права поселения на спорной территории в Чако 15 тыс. австрийским евреям. Дело заключалось в недопустимости распоряжаться территорией, принадлежность которой Парагваю еще не была подтверждена международными соглашениями. Боливия официально обратилась к Германии с просьбой воспрепятствовать еврейской эмиграции из Австрии в Парагвай. Обращение было выдержано в пронацистских тонах и воспринималось как акт солидарности с антисемитской политикой Германии¹²³. Лишь открытие страны для неограниченной еврейской иммиграции сняло напряженность вокруг Боливии, не без основания подозреваемой в прогерманском внешнеполитическом и идеологическом

¹²⁰ SRE. México. Legación en Bolivia. 1936. *Rebelion en España*. Informe de 19 de agosto 1936. III – 767 – 2, f. 1.

¹²¹ Knudson J. *Bolivia: Press and Revolution, 1932–1964*. New York, 1986. P.60 – 61.

¹²² SRE. México. Legación en Bolivia. *Informes políticos reglamentarios*. 1938. Informe de 18 mayo de 1938. 30 – 3 – 15.

¹²³ MIN. RREE. 1937–1938. Alem. 1 – R – 15. ff. 31–32.

курсе. В июне 1939 г. Министерство иммиграции вновь ввело ограничения на въезд в страну евреев, выделив квоту в 250 человек в месяц¹²⁴.

Антисемитизм проник в боливийское националистическое движение, олицетворявшееся газетой «La Calle» и социалистами, благодаря тесным связям с германскими нацистами. В «La Calle» с антисемитскими статьями выступал К. Монтенегро, для которого символом еврейского проникновения в Боливию был один из «баронов олова» Хохшильд. Антисемитизм стал составной частью идейного багажа боливийского национал-реформизма в 30–40-е годы. Впоследствии это нашло отражение в «Программе принципов МНР», в которой разоблачались «анти-национальные происки международного еврейства»¹²⁵.

Буш был не удовлетворен результатами своего правления. В апреле возникли серьезные проблемы со снабжением продовольствием. Практически полностью прекратились поставки мяса¹²⁶. Правительство оказалось неспособным противостоять обстоятельствам. В марте–апреле 1939 г. обсуждались пути коренного изменения ситуации через установление тоталитарного режима, который смог бы покончить с «разрушительным» политиканством и коррупцией. По убеждению Буша, обновление нации, ее омоложение могли произойти лишь благодаря силе и энергии правителя.

24 апреля 1939 г., ко всеобщему удивлению, Буш объявил об установлении диктатуры. Он обратился к нации с манифестом, в котором объяснял свой шаг разочарованием в эффективности общественной администрации, погрязшей в коррупции, обвинил правящие круги, чиновничество, прессу, партии в аморальном отношении к собственной стране¹²⁷. Буш призывал страну к «омоложению», построению нового общества, свободного от правоолигархической реакции и левого экстремизма¹²⁸. Конгресс был официально распущен, а предстоящие выборы откладывались на неопределенное время.

Левые в своем большинстве осудили переворот. В оппозиции к диктатуре оказались и самые верные союзники режима военных-социалистов, газета «La Calle», бывшие социалисты. 1 мая 1939 г. А. Сеспедес, Ф. Эгино Савалья, В. Пас Эстенсоро, В. Гевара Арсе, К. Мединасели и другие опубликовали манифест, в котором наряду с протестом против диктатуры все же оставляли

Херман Буш

¹²⁴ La Calle. 27.06.1939.

¹²⁵ Lora G. ¿Fue revolucionario Carlos Montenegro? La Paz, 1987. P. 48–49.

¹²⁶ La Calle. 04.04.1939.

¹²⁷ El Diario. 25.04.1939.

¹²⁸ Ibid.

открытой дверь для сотрудничества с Х. Бушем¹²⁹. В ответ «La Calle» была временно закрыта. Через 20 дней газета возобновила свои публикации, хотя на этот раз уже под цензурным контролем. В правоконсервативном лагере царили большое беспокойство и страх перед грядущими переменами.

Главная идея диктатуры могла быть сформулирована следующим образом: «Новая Боливия» – это страна, свободная от индивидуального эгоизма и коррупции. В рамках идейно-морального очищения и обновления главная роль отводилась просвещению и воспитанию народа. Одной из первых акций диктатуры было принятие нового «Кодекса просвещения».

24 мая 1939 г. был опубликован «Трудовой кодекс», который начал разрабатываться еще при Д. Торо его министром труда и лидером профсоюза печатников В. Альваресом. Свод социальных законов получил название «Кодекс Буша», хотя с полным правом мог бы именоваться и кодексом Альвареса. Закон признавал право на объединение в профсоюзы, гарантировал «фуэро», т.е. неприкосновенность профсоюзных лидеров, запрет на их увольнение или перевод на другие участки работы¹³⁰. Вводились коллективные договоры, ежегодный оплачиваемый отпуск, компенсация за увечья на производстве, льготное продовольственное обеспечение через специальные лавки за счет предприятия и т.п.

Ближайшее окружение Буша, его министр финансов С. Шульце внушали ему мысль, что единственная возможность выйти из экономического тупика – это полное доверие и поддержка Патиньо и других «баронов». Однако бюджетная дыра была столь велика, что 15 мая 1939 г. был введен 25-процентный налог от валютной прибыли компаний. Увеличение налога сопровождалось отменой обязательной сдачи валюты, получаемой от экспорта, чего давно желали горнорудные компании¹³¹. Несмотря на отмену обязательной передачи валюты государству, величина налога была так высока по сравнению с предыдущими годами, что оба декрета были восприняты в штыки, а единый обменный курс угрожал всплеском инфляции.

К. Монтенегро, В. Пас Эстенсоро, Ф. Поу Монт и другие левые националисты убеждали президента в несправедливости и пагубности для страны промонополистического курса, к которому подталкивали его советники. Публичное признание самого Шульце, что декрет не только согласован по всем параметрам с монополиями, но и составлен в их интересах, вызвало ярость Буша, и он отправил министра в отставку. Главным изменением в кабинете стало назначение на пост министра финансов реформиста Ф. Поу Монта, которому поручили разработать новый декрет о налоговой реформе. 25 мая Буш отменил декреты, подготовленные Шульце, которые он охарактеризовал как наносящие вред государству¹³².

Ф. Поу Монт подготовил несколько декретов, которые означали начало глубоких реформ в главной отрасли боливийской экономики. 7 июня 1939 г. Буш подписал их. Главным был декрет о 100-процентной сдаче государству

¹²⁹ Antezana L. Op. cit. P. 26.

¹³⁰ Ponce García J., Stanley T., Cisneros A. Breve historia del sindicalismo boliviano. La Paz, 1968. P. 23.

¹³¹ La Calle. 20.05.1939.

¹³² La Calle. 26.05.1938.

валюты, вырученной от экспорта минералов. Декрет устанавливал централизованный и абсолютный контроль государства над валютными поступлениями, при этом сохранялся выгодный государству дифференцированный обменный курс национальной валюты¹³³. Нарушители декрета наказывались ни больше, ни меньше как смертной казнью.

Другим декретом было проведено огосударствление созданного при Д. Торо в 1936 г. Горнорудного банка, главной задачей которого объявлялось кредитование и стимулирование мелких и средних шахтовладельцев, что, по мысли авторов закона, должно было привести к диверсификации в этой отрасли экономики. Председателем Горнорудного банка был назначен В. Пас Эстенсоро, ставший к этому времени одним из признанных лидеров националистов. Директором банка стал считавшийся марксистом, но давно уже присоединившийся к националистам или, как они сами себя называли, «революционным националистам», В. Гевара Арсе.

Ф. Поу Монт сформулировал цели реформы: «Декреты ставят задачу укрепления национальной экономики за счет поступлений валюты, получаемой от экспорта. Нужно прекратить отток капитала из страны»¹³⁴. Национал-реформисты видели в этом декрете орудие новой политики диверсификации и индустриализации страны, где главным действующим лицом было бы государство, получавшее источник накоплений, образуемых в экспортных отраслях.

Декрет вызвал панику среди магнатов и проолигархических кругов. Из Сантьяго-де-Чили в Ла-Пас срочно прилетел Маурисио Хохшильд. 9 июня 1939 г. многочисленная делегация горнопромышленников тщетно добивалась приема в президентском дворце. Однако дальше приемной их не пустили, Буш отказался принять представителей монополий.

10 июня Буш обратился по радио к нации и объявил о принятом решении. Он призвал народ и армию поддержать его реформы: «Будут говорить, что мое правительство революционно. Да, граждане, я желаю революции, результатом которой будет то, что Боливия, наконец, воспользуется своими богатствами»¹³⁵. Действия Буша поддержали все левые и националистические силы. Недавно еще фрондировавшая «La Calle» вновь стала главным защитником правительства. Декрет вызвал подъем народного энтузиазма. 15 июня в Ла-Пасе прошла невиданная по своим масштабам демонстрация в поддержку президента. Манифестация проходила вечером, и когда Буш вышел на балкон президентского дворца, чтобы сказать речь народу, на электростанции произошла авария и площадь погрузилась в темноту. Митинг продолжался при свете свечей, отчего слова Буша воспринимались особо торжественно. Х. Буш провозгласил восстановление суверенитета страны над ее богатствами. Он призвал всю нацию, капиталистов и трудящихся к совместной работе по строительству новой Боливии: «Пришел час самопожертвования, и мы все должны быть готовы к этому во имя родины»¹³⁶.

Решительное настроение президента длилось недолго, и он вернулся к любимому им методу примирения враждебных сторон. Уволенный министр

¹³³ La Calle. 10.06.1939.

¹³⁴ Ibid.

¹³⁵ Valencia Vega A. Op. cit. P. 1785.

¹³⁶ La Calle. 16.06. 1939.

финансов Ф. Гутьеррес Граньер¹³⁷ был переведен управляющим Горнорудного банка, в то время как официальные руководители банка, председатель В. Пас Эстенсоро и директор В. Гевара Арсе остались без реальных полномочий¹³⁸. Буш все еще надеялся привлечь монополии к патриотическому делу подъема страны. 27 июня он послал большое письмо Патиньо, в котором, взывая к патриотическим чувствам самого известного боливийца, приглашал к активному участию в подъеме экономики, ее диверсификации и индустриализации¹³⁹.

В ответном письме Патиньо жаловался на тяжелое финансовое положение и отсутствие средств. После ответа магната у Буша не осталось никаких иллюзий в отношении «баронов». Буш был разочарован, раздосадован и подавлен. Нарастанию психологического кризиса у диктатора способствовало дело другого «барона олова» – Хохшильда.

В ответ на декрет и несмотря на грозные предостережения властей Хохшильд объявил локаут на своих рудниках. Его фирма давно вызывала град нападков со стороны националистических организаций. Хохшильд стал олицетворением всевозможных «зол» и прегрешений. Здесь было и еврейское происхождение, и его посредническая торговая специализация, дававшая ему «славу» грабителя мелких и средних производителей, и постоянные разоблачения в подкупе чиновников и использовании государственных средств во благо фирмы.

После опубликования декрета Хохшильд провел опрос среди мелких и средних шахтовладельцев, главным пунктом которого был вопрос: кому вы отдаете предпочтение при продаже вашей продукции, фирме Хохшильда или Горнорудному банку? Ответ был не в пользу государства. Опираясь на эти данные, Хохшильд в полемическом запале направил Бушу резкое письмо: «Ваш декрет разрушает не только доверие горнорудного сектора, но и всеобщее доверие к правительству страны... Вы явно не знаете реального положения рабочих отрасли. Наше предприятие постоянно повышает уровень жизни своих рабочих, улучшая их питание и жилище. Большинство этих рабочих – индейцы. Сравните их хижины в деревнях и наши поселки. Сравните их скудную пищу, состоящую из кукурузы и коки, с мясом и овощами, получаемыми ими на руднике»¹⁴⁰. Письмо вызвало ярость диктатора. Вслед за этим обнаружился подлог в документах, представляемых Хохшильдом налоговым органам.

3 июля Буш вызвал магната и после бурной беседы приказал арестовать его и нескольких других горнопромышленников, обвиненных в нарушении декрета. 5 июля 1939 г. Буш созвал кабинет министров для обсуждения дела Хохшильда. В присутствии обвиняемых Буш сразу же поставил единственный вопрос: «Господа! Мое главное желание – это освобождение страны от

¹³⁷ В этот период Ф. Гутьеррес Граньер входил в близкий «баронам олова» круг политиков и стойко защищал их интересы. Опыт работы в правительстве Х. Буша, последующая история страны привели его в лагерь антиолигархической, националистической революции. – *Almaraz S. El poder y la caída: El estaño en la historia de Bolivia. La Paz, 1980. P. 85.*

¹³⁸ *Klein H.S. Op. cit. P. 181.*

¹³⁹ *Sandoval Rodriguez I. Nacionalismo en Bolivia. Ensayo histórico-político. La Paz, 1970. P. 169–170.*

¹⁴⁰ *Crespo A. Los Aramayo de Chichas. Tres generaciones de mineros bolivianos. Barcelona, 1981. P. 325.*

социальной, политической и экономической прострации. Я хочу, чтобы Боливия почувствовала себя свободной и суверенной страной. Я требую смертной казни для Маурисио Хохшильда, главного автора пассивного сопротивления декрету. Никаких мягких мер. Я издаю декреты для их исполнения»¹⁴¹. Присутствовали все министры, и они утвердили приговор всем обвиняемым. Казнь была назначена на следующее утро.

Хотя министры утвердили приговор, они принялись уговаривать Буша помиловать осужденных. Их главным защитником был Бальдивьесо, понимавший абсурдность действий президента и кошмар смертного приговора¹⁴². Пугали возможными обвинениями в антисемитизме и нацизме, осложнениями с Аргентиной, гражданином которой был Хохшильд. Дело дошло до предложений выкупа жизни магната за 25 млн боливиано. За Хохшильда вступились и военные. Под общим давлением Буш отменил свой приказ о расстреле. Было решено обнародовать на следующий день приказ о смертной казни Хохшильда, а через день декрет о помиловании¹⁴³.

Неудача в переговорах с Патињо и провал «кавалерийской атаки» на монополии привели к глубокому душевному кризису президента. Буш стал мало интересоваться политическими событиями. Последней значимой акцией было принятие 3 августа 1939 г. подготовленного министрами-реформаторами декрета о национализации Центрального банка, который до этого момента был смешанным банком двойного назначения: коммерческим и эмиссионным. Государство получало эффективный инструмент контроля над банковской системой.

В августе стало очевидным кризисное состояние диктатуры. Реформы не давали результатов, цели и средства были неопределенны, а сам Буш оказался в политической изоляции. Президент впал в депрессию, отошел от повседневного управления страной, потерял всякий интерес к событиям. Он проводил все время дома, в кругу семьи. Жил он очень скромно в своем доме в районе Мирафлорес, где рядом с ним обитали его родственники, служившие при нем адъютантами. Трагические события ночи 23 августа произошли среди своих, не считая солдата караула, приставленного к дому. В ту ночь при весьма темных обстоятельствах президент Буш свел счеты с жизнью.

История его самоубийства запутана. Многие обвиняли олигархию в устранении Буша, и в частности генерала Карлоса Кинтанилью. Для таких подозрений были основания. В глаза бросались такие факты, как оперативность, с какой Кинтанилья уже в 6 утра провел заседание кабинета министров, на котором объявил о своем решении занять президентский пост. Вице-президент Бальдивьесо был отстранен от власти. Последнего поддерживали лишь пронацистская группа «Железная звезда» и левая Студенческая федерация¹⁴⁴. Безуспешно левые попытались воссоздать союз социалистов и военных образца 1936 г. с опорой на генерала Энрике Пеньяранду. Реальная власть была у Кинтанильи. Бальдивьесо был вынужден смириться.

¹⁴¹ *Díaz Machicao P. Historia de Bolivia*. Toro, Busch, Quintanilla, 1936–1940. La Paz, 1952. P. 105.

¹⁴² ANB. *Diario de Alcides Arguedas*. T. 9. P. 31.

¹⁴³ *Céspedes A. El dictador suicida. 40 años de historia de Bolivia*. Santiago de Chile, 1956. P. 206.

¹⁴⁴ Левые и националисты выдвинули формулу передачи власти Э. Бальдивьесо и генералу Э. Пеньяранде, считавшемуся соратником и единомышленником Х. Буша. – *Archivo de La Paz. Miscelánea. LML. C. 11, legajo.1. FUB. Agosto 1939.*

Первоначально Кинтанилья заявил, что будет продолжать дело Буша и даже оставил его кабинет министров. Но вскоре к власти вернулись старые политики, связанные с олигархией, такие как министр С. Шульце. Были обещаны всеобщие выборы и возвращение к «нормальному» правлению на основе традиционных партий. Это был конец режима «государственного социализма», а также прекращение всех реформ националистического толка. Декреты 7 июня 1939 г. были отменены.

«Буш, – писал Р. Савалета Меркадо, – без сомнения, самая яркая и сильная по своей исторической мощи фигура в истории Боливии этого века. Он герой армии, которая чувствовала себя побежденной... Для Боливии Буш – это чистый герой, даже его ошибки и путаница в идеях – это недостатки самой нации. Буш был тем, чем тогда была Боливия, он выбрал максимальное слияние с родиной и предпочел смерть»¹⁴⁵.

Смерть диктатора привела к концу режима. Отсутствие четкой программы преобразований, которая могла бы претендовать на поддержку общества, объединив его вокруг национально значимых целей, постоянное, порой неудачное экспериментирование с неизбежными откатами и корректировками курса, непоследовательность в выполнении принятых решений ослабляли режим и в конце концов привели к столь беспомощному краху.

---

¹⁴⁵ *Zavaleta Mercado R. La formación de la conciencia nacional. La Paz, 1990. P. 60–61.*

ПРЕДДВЕРИЕ РЕВОЛЮЦИИ: НАЦИОНАЛИЗМ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ. 40-е ГОДЫ XX ВЕКА

С падением режима военных-социалистов к власти вернулась олигархия. Генерал Карлос Кинтанилья оставил в качестве действующей Конституцию 1938 г., что было компромиссом с буржуазно-реформистскими силами. В то же время немедленно был отменен декрет о сдаче валюты государству, а затем ликвидирован всякий контроль за поступлениями валюты от экспорта.

Традиционные, олигархические партии, республиканцы и либералы, напуганные реформистскими экспериментами «военного социализма», объединились в предвыборный союз «Конкордансия» (Согласие) и выдвинули единого кандидата на пост президента на выборах 10 марта 1940 г. Им стал популярный генерал Энрике Пеньяранда. Единого кандидата отказались поддерживать лишь левые, марксистские группы, выдвинувшие Хосе Антонио Арсе.

Генерал Пеньяранда был избран президентом. Арсе получил 11 тыс. голосов против 64 тыс., поданных за генерала, завоевав абсолютное большинство в рабочих центрах Оруро, Потоси, Туписа. На параллельных выборах в конгресс половину мест получили «социалисты» и сторонники Х.А. Арсе. Однако после провала в конце марта 1940 г. заговора военных и социалистов, пытавшихся восстановить режим «государственного социализма», многие депутаты конгресса были арестованы или сосланы на о. Коати, что позволило Пеньяранде получить парламент с консервативным большинством. Была полностью восстановлена власть олигархии.

На левом фланге происходило организационное оформление новых больших партий. Если троцкисты из ПОР и марофисты из ПСОБ представляли небольшие группы, то марксисты просоветского направления стремились создать массовую партию. Полемика марксистов Х.А. Арсе и Р. Анайи с Т. Марофом и троцкистами ускорила созданиелевой революционной партии (ПИР). Ее образованию предшествовала деятельность различных марксистских групп, среди которых следует выделить Фронт боливийской левой, созданный Х.А. Арсе в эмиграции в 1939 г., Конференцию левых, созданную в Кочабамбе в июне 1939 г. Р. Анайя, а также влиятельную Университетскую федерацию. 23–26 июля 1940 г. на конгрессе левых сил в Оруро была создана ПИР. Во главе партии стояли крупные политические и общественные деятели, философы, экономисты Х.А. Арсе, Р. Анайя, А. Мендисабаль, А. Вильяльпандо. И ПОР, и ПИР сделали немало для мобилизации масс в преддверии революции 1952 г.

ПИР провозгласила себя марксистской партией. Ее программа ставила своей целью эволюционный путь к социализму. Это была партия либерального марксизма, первая массовая партия, опиравшаяся на рабочих, ремесленников, крестьянских лидеров и молодежь из средних слоев. Она настойчивее всех говорила об аграрной реформе, выступала за ликвидацию непроизводительной, феодальной латифундии, об уничтожении «рабства» индейцев, о превращении общин в кооперативы¹. Также партия требовала национализа-

© М. Кахиас

¹ Cornejo A. Programas políticos de Bolivia. Cochabamba, 1949. P. 213–266.

Хосе Антонио Арсе

ции олова, что было частью программы ее лидеров, когда они основывали еще в 1928 г. Студенческую федерацию.

Вслед за ПИР на основе различных объединений «революционных националистов», поддерживавших правительства Д. Торо и Х. Буша и группировавшихся вокруг газеты «Ла Калье», 25 января 1941 г. возникла национал-реформистская партия Националистическое революционное движение (*Movimiento nacionalista revolucionario* – МНР)². Лидерами новой партии были представители так называемой «старой гвардии» национализма К. Монтенегро и А. Сеспедес и вышедшие из левого движения В. Пас Эстенсоро, В. Гевара Арсе, Э. Силес Суасо. 18 сентября 1941 г. Виктор Пас Эстенсоро был избран главой МНР.

Идеологи боливийского «революционного национализма» К. Монте-

негро и А. Сеспедес в своих исторических работах сформулировали идеи, положенные в основу концепции «национальной революции». Согласно К. Монтенегро, «национальная революция» носит сугубо политический характер, ибо речь идет об освобождении всей нации от внешнего, колониального угнетения³. Практические требования программы МНР не шли дальше реформ, проведенных Х. Бушем. Хосе Куадрос Кирога⁴ написал программу партии «Основы и принципы непосредственного действия».

Наиболее полно доктрина МНР была сформулирована Вальтером Геварой Арсе в его предвыборном манифесте «К выборщикам Айюпайе» (1946). Программа МНР рассматривала будущую революцию как поликлассовую, антиолигархическую и антиимпериалистическую, в которой пролетариат будет играть ведущую роль, но сможет пожертвовать своими узкими классовыми интересами во имя общенациональных целей. «Национальная революция, – писал В. Гевара Арсе, – объединяет все демократические или “национальные” классы общества, от нарождающейся буржуазии, которая борется за свое развитие, до служащих, среднего класса, рабочих и крестьян-индейцев»⁵.

Среди оппозиционеров выделялась Партия объединенных социалистов, являвшаяся осколком бывших социалистических групп времен Торо и Буша. Возглавлял ее Карлос Салинас Арамайо. Эта партия пользовалась большим влиянием у среднего класса больших городов.

В стране также действовали многочисленные тайные военные ложи, самой значительной среди которых была РАДЕПА (Разум Родины), созданная в

² Сама МНР считает дату своего создания 7 июня 1942 г.

³ *Montenegro C. Nacionalismo y coloniaje*. La Paz, 1979. P. 71–82.

⁴ В 30-е годы он входил в группу Х.А. Арсе, был активистом компартии, но был исключен из ее рядов вместе с Арсе эmissаром Коминтерна в 1932 г.

⁵ *Cornejo A. Op. cit.* P. 171.

1934 г. пленными боливийцами в Парагвае⁶. В нее входили такие видные фигуры, как Элиас Бельмонте, Гуальберто Вильярроэль, Кlemente Инофунтес. Другими ложами были «Железная звезда» (1939) и пришедшая ей на смену «Ассоциация Маршал Андрес де Санта Крус», из которых вышли будущие видные деятели МНР Виктор Андраде и Эрнан Силес Суасо.

В 1939 г. была создана Боливийская социалистическая фаланга (ФСБ), которую возглавил Оскар Унсага де ла Вега. Это была партия молодежи из среднего класса. До 1952 г. ФСБ так и не смогла стать массовой партией, хотя ее костяк отличался активностью и дисциплиной.

При правительстве Пеньяранды оппозиция была представлена не множеством небольших партий левого и националистического толка, как в предыдущие годы, а растущими и влиятельными партиями ПИР и МНР, с которыми власти должны были считаться. В июне 1941 г. Пеньяранда вручил портфель министра экономики лидеру МНР Виктору Пасу Эстенсоро, который через неделю ушел в отставку из-за невозможности работать в полностью проолигархическом правительстве. МНР перешла в оппозицию правительству.

С началом Второй мировой войны, несмотря на благоприятную экономическую конъюнктуру, горнорудная промышленность так и не преодолела состояния застоя. Правительство Пеньяранды под давлением США «в знак солидарности» с антигитлеровской коалицией обязалась продавать США олово по ценам значительно ниже мировых⁷. Чтобы побудить Боливию к скорейшему разрыву с Германией, британская разведка сфабриковала дело о прогерманском «заговоре Бельмонте»⁸. МНР объявили причастной к заговору, ее лидеров выслали в удаленные районы страны, газета «Ла Калье» была закрыта. Посол Германии Вендлер был объявлен персоной нон грата. 7 апреля 1943 г. Боливия объявила войну державам «оси».

В октябре 1941 г. прошла всеобщая забастовка в Ла-Пасе, жестоко подавленная правительством. Всякое выступление против существующего режима рассматривалось как пронацистский заговор и безжалостно подавлялось. В 1942 г. был отменен 8-часовой рабочий день. Свой вклад в борьбу с фашизмом Боливия оплачивала низкими ценами на стратегическое сырье, которое поставлялось в США. Любые социальные требования и протесты трудящихся рассматривались как пронацистские акции.

На выборах в конгресс в мае 1942 г. традиционные политические партии потеряли поддержку средних слоев, составлявших основную массу избирателей. Либералы довольствовались 14%, республиканско-социалистическая партия (сааведристы) – 15,5% и подлинные республиканцы – 7,95%. Среди оппозиционных партий наибольшее количество голосов получили объеди-

⁶ О самом существовании ложи стало известно только в 1946 г.

⁷ Боливия получала только 60% мировой цены. – *Lopez Rivas E. Esquema de historia económica de Bolivia. Oruro, 1955. P. 142.*

⁸ Член РАДЕПА Элиас Бельмонте был откровенным сторонником национал-социализма. В 1938 г. он был министром в правительстве Х. Буша. Его имя было определенно замешано в деле о нацистском путче в Германии в 1923 г., когда боливийское посольство в Берлине, где он состоял военным аташе, превратилось в один из тайных центров нацистского заговора. – *Brienen M.W. The Liberal Crisis and military Socialism in Bolivia. Leiden, 1996 (n.p.). P. 49.*

ненные социалисты Салинаса Арамайо – 13,46%, ПИР же завоевала почти 10%, а МНР – 6,35%⁹.

13 декабря 1942 г. армия расстреляла мирную демонстрацию горняков Катави, требовавших повышения зарплаты. 21 декабря 1942 г. новые столкновения рабочих Катави с армейскими подразделениями привели к варварскому избиению горняков и их семей. В то время как ПИР ограничилась запросом министрам внутренних дел и обороны, МНР потребовала отставки президента и его кабинета. Решительная позиция МНР в «деле Катави» обеспечила ей стратегически важную поддержку рабочих профсоюзов.

После кризиса, связанного с «делом Катави», 16 сентября 1943 г. Пеньяранда предложил создать правительство национального единства, в которое вошли как все старые традиционные партии, так и социалисты Салинаса Арамайо.

Правительство Пеньяранды, теряя опору в обществе, к концу 1943 г. оказалось перед лицом мощного оппозиционного блока, куда входили МНР, патриотически настроенные военные, рабочие профсоюзы. Наибольшая опасность для правительства исходила от тайной ложи РАДЕПА. Ее лидер Гуальберто Вильярроэль договорился с Виктором Андраде (затем вступил в МНР), главой праворадикальной организации «Железная звезда», о создании подпольной «Ассоциации Маршал Андрес де Санта-Крус». Задачей новой тайной ложи было свержение правительства Пеньяранды, борьба с либералами и левыми, установление националистического режима в Боливии¹⁰. Заговорщики заключили союз с МНР. Главным обвинением в адрес Пеньяранды была продажа боливийских природных богатств американскому империализму (речь шла об особых ценах на сырье как вкладе Боливии в борьбу союзников против держав «оси»).

20 декабря 1943 г., в годовщину расстрела рабочих в Катави, военные из РАДЕПА в союзе с МНР осуществили государственный переворот. Во главе военно-гражданской хунты встал 35-летний майор Гуальберто Вильярроэль. В новое правительство вошли военные из РАДЕПА и лидеры МНР В. Пас Эстенсоро, К. Монтенегро, А. Сеспедес.

Правительство Вильярроэля столкнулось с международной изоляцией. Единственным государством, сразу же признавшим новое правительство, была Аргентина. В первом же меморандуме хунты, написанном В. Пас Эстенсоро, подчеркивалась верность Боливии союзническим обязательствам и выдвигалось требование повышения цен на олово. США отказали новому правительству в признании, объявив хунту пронацистской. Особенным нападкам госдепартамента подвергалась МНР. В феврале 1944 г. Г. Вильярроэль вывел из правительства К. Монтенегро и А. Сеспедеса, антиамериканизм которых был широко известен¹¹. Был уволен глава кабинета откровенно прогерманский военный, майор Альберто Таборга. 22 июня 1944 г. правительс-

⁹ *Arze Aguirre R.D.* Carlos Salinas Aramayo: un destino inconcluso, 1901 – 1944. La Paz, 1995. P. 199.

¹⁰ *Lorini I.* El Nacionalismo en Bolivia de la pre y posguerra del Chaco (1910–1945). La Paz, 2006. P. 176.

¹¹ К. Монтенегро и А. Сеспедес скомпрометировали себя в глазах США пронацистскими, антисemitскими публикациями в «La Calle» и своим активным участием в экспроприации «Стандарт Ойл».

тво Г. Вильярроэля было признано США. Симпатии правительства Г. Вильярроэля к державам «оси» были очевидны, но конъюнктура складывалась не в их пользу. 18 апреля 1945 г. Боливия и СССР установили дипломатические отношения.

Вернувшийся в Боливию Роберто Инохоса¹² пользовался большим доверием Вильярроэля, и ему была поручена пропагандистская работа. Он попытался создать проправительственную партию, которая смогла бы стать альтернативой МНР. Инохоса защищал режим со страниц созданной им газеты «Сумбре», которая, по словам Г. Лоры «не пользовалась никаким влиянием в жаркой борьбе за власть»¹³. Однако Инохоса неутомимо работал, писал статьи, вел передачи на государственном радио. За присущие ему красноречие и страстность враги правительства Вильярроэля, считавшегося прогерманским, прозвали его «креольским Геббельсом». Признавая его заслуги, военные назначили Инохосу руководителем Управления прессы, пропаганды и информации, которое тот превратил в настоящее министерство пропаганды, в худшем смысле этого слова.

Отныне Инохоса повсюду утверждал свой новый тезис: военные вместе с рабочими, индейцами и студентами являлись главными носителями революционного сознания и ведущей силой великих революционных преобразований в стране. Сам себя он называл латиноамериканским националистом: «Мы являемся латиноамериканскими националистами, так как политико-экономические порядки в наших странах обязывают нас встать на защиту суверенитета и национальной независимости»¹⁴.

Инохоса агитировал за принятие аграрной реформы по мексиканскому образцу. Против этого резко выступил в конгрессе один из идейных отцов индеанизма Франц Тамайо, который утверждал, что одной из самых больших ошибок мексиканской революции была эхидальная аграрная реформа. По поручению военных в соответствии со своим мексиканским опытом Инохоса предпринял попытки создать проправительственные рабочую конфедерацию, партию и даже впервые в истории страны созвать Индейский конгресс.

Инохоса намеревался копировать в Боливии мексиканскую политическую систему, в центре которой находилась бы Партия (типа Партии мексиканской революции), в рамках которой действовали бы крестьянский и рабочий сектора в виде профсоюзной конфедерации или в форме регулярно созываемых конгрессов. В мае 1944 г. военные, заинтересованные в уменьшении политического влияния своих союзников из МНР, выделили Инохосе деньги для создания Партии боливийской революции, которая даже по названию имитировала мексиканский образец. В программе новой партии декларировалась цель: «решительное разрушение существовавшего социального неравенства

¹² Инохоса, известный лидер Социалистической республики, провозглашенной им в 1930 г. в Вильясоне, во второй половине 30-х годов находился в Мексике, где сотрудничал с правительством Ласаро Карденаса. — Щелчков А.А. Роберто Инохоса: пламенный революционер или «креольский Геббельс»? // Латиноамериканский исторический альманах. 2007. № 7. С. 69–96.

¹³ Lora G. Historia del movimiento obrero boliviano. Vol. 2. La Paz, 1969. P. 261.

¹⁴ Hinojosa R. La revolución de Villazón. La Paz, 1944. P. 32.

в Боливии, когда меньшинство обладает политической и экономической монополией, угнетает пролетариат, крестьянство и народ в целом»¹⁵.

Одновременно Инохоса попытался создать рабочую конфедерацию, которая могла бы составить конкуренцию Профсоюзной конфедерации трудящихся (ССТБ), контролировавшийся ПИР, находившейся в жесткой оппозиции к «пронацистскому» правительству Вильярроэля. Инохосе удалось создать Рабочий комитет будущей конфедерации во главе с профсоюзным лидером К. Мур Кинтеросом, который был членом ПИР, но поддерживал правительство Вильярроэля¹⁶.

Марофистская ПСОБ, где было сильно троцкистское крыло, находилась в оппозиции режиму, за что ее лидер Тристан Мароф поплатился арестом и высылкой, а партия без него быстро утратила свое влияние. Троцкистская ПОР смогла отмежеваться как от правительства, так и от оппозиции во главе с ПИР. Эта партия сделала ставку на усиление своего влияния среди рабочих профсоюзов, прежде всего горняков.

Новое правительство с первых шагов стремилось привлечь на свою сторону рабочие профсоюзы, пообещав улучшить жизнь горняков за счет средств, получаемых от повышения цен на олово¹⁷. 7 февраля 1944 г. был принят закон о профсоюзных правах: запрещалось увольнять и переводить на другие должности профсоюзных руководителей¹⁸. Входящая в новое правительство МНР укрепила сложившийся во время «дела Катави» союз с профсоюзами горняков.

Расправа над горняками в Катави была сильным катализатором консолидации профсоюзного движения горняков. 10–12 июня 1944 г. на съезде в Уануни была создана Федерация горняков Боливии (ФСТМБ), объединившая в своих рядах 60 тыс. человек. На съезд были приглашены президент Г. Вильярроэль, министр труда правительства. Федерацию возглавили связанные с МНР анархо-синдикалисты Хуан Лечин Окендо и Марио Торрес. Марксистская ССТБ категорически отказалась признать этот съезд горняков, в котором, действительно, участвовали только проправительственные профсоюзы. Лечин сблизился с троцкистами, в частности с Гильермо Лорой, который стал его советником.

Отношения новой федерации с правительством были союзническими. После съезда ФСТМБ ее лидер Х. Лечин обратился с письмом к Вильярроэлю, в котором выдвинул лишь требование немедленного введения в действие февральского декрета о «профсоюзном фуэро», т.е. запрете увольнять профсоюзных лидеров. Другими требованиями были малозначительные просьбы об отставке полицейского начальника Ла-Паса, «особо отличившегося» при подавлении забастовок¹⁹.

Связи с правительственной партией были использованы Х. Лечином для укрепления новой федерации. Так возник новый тип синдикализма – «лечинизм», суть которого заключалась в союзе рабочего движения и национал-

¹⁵ Lora G. Historia del movimiento obrero boliviano. 1933–1952. Vol.4. La Paz, 1980. P. 417.

¹⁶ Abecia López V. 7 Políticos Bolivianos. La Paz, 1986. P. 106.

¹⁷ Foreign Relations. 1943. Vol. 5. P. 537.

¹⁸ Lora G. Historia del movimiento obrero boliviano. 1933–1952. Vol. 4. P. 415.

¹⁹ ANB. MP. 1944. MP 466. Письмо Х. Лечина – Г. Вильярроэлю от 21 июля 1944 г.

реформизма при посредничестве профбюрократии. Поддержка МНР новой федерации обеспечила ей стратегически важный союз с горнорудным пролетариатом. Национал-реформизм (в Боливии – «революционный национализм») предполагал решить «рабочий вопрос» посредством огосударствления профсоюзов, слияния профбюрократии с государственным аппаратом, а не через интеграцию рабочего класса и его организации в гражданское общество. Суть рабочей политики «революционного национализма» состояла в построении вертикали профсоюзы – партия МНР – государство. Союз национал-реформизма и профсоюзов, а также их победа на выборах 1944 г. способствовали тому, что в январе 1945 г. МНР вернулась в правительство Вильярроэля.

В 1943–1944 гг. в основных сельских районах Боливии крестьянство прибегло к новым формам борьбы: повсеместно проводились забастовки «опущенных рук». Крестьяне отказывались выполнять повинности в пользу помещиков. В Кочабамбе формировались крестьянские профсоюзы. Одним из требований крестьян, выдвигаемых во время забастовок «опущенных рук» в Кильяколько, Тапакари, Виача, был созыв Индейского конгресса²⁰.

Индейский комитет во главе с Луисом Рамосом Кеведо просил правительство провести Четвертый конгресс индейцев. Этот вполне лояльный властям комитет выступал с очень умеренных позиций: отрицал свою причастность к организации забастовок, заявлял о соблюдении прав помещиков, землевладельцев, просил лишь о соблюдении законов и прав крестьян²¹. Эти индейские лидеры стремились получить поддержку правительства Вильярроэля, ожидая от него «благоденствий».

Событием, имевшим большие политические последствия, стал организованный военными в Ла-Пасе Индейский конгресс 10–15 мая 1945 г. Первое в истории собрание, на котором индейцы напрямую говорили с властями, произвело большое впечатление на общество и имело важное символическое значение.

Около 1500 делегатов, в том числе 150 женщин, представлявших все районы страны, заполнили Луна-парк в Ла-Пасе. Националистическая газета «La Calle» писала: «Мы переживаем момент преодоления унижений индейцев. Здесь рождается новое положение, униженный и оскорбленный индеец приблизился к жизненному центру нации, где рождается новый творческий дух революции»²². Конгресс собрался в обстановке массовых забастовок колонов в поместьях. Сам факт быстрого сбора представителей деревни со всей страны говорил об устойчивой сети взаимоотношений индейского населения²³. В Ла-Пас, который тогда насчитывал 250 тыс. жителей, вместе с делегатами прибыли около 50 тыс. индейцев, что создавало серьезные опасения с точки зрения безопасности, не считая гуманитарных (например, санитарных) проблем. Это событие произвело большое впечатление на креольско-метисный город.

²⁰ Historia política de los campesinos latinoamericanos. Vol.3. México, 1985. P. 165–166.

²¹ ANB. MP. 1944. MP 473. Индейский комитет – Президенту Г. Вильярроэлю от 8 сентября 1944 г.

²² La Calle. 10. 5. 1945.

²³ Gotkowitz L. La revolución antes de la Revolución. Luchas indígenas por tierra y justicia en Bolivia. 1880–1952, La Paz, 2011. P. 261.

На конгрессе от имени МНР выступил Эрнан Силес Суасо, присутствовал министр финансов Виктор Пас Эстенсоро. Результатом работы конгресса стали так называемые майские декреты Г. Вильярроэля, отменившие наиболее одиозные формы эксплуатации и угнетения индейцев: многочисленные бесплатные отработки, личные услуги – понгеахе и митанахе²⁴. Выступая перед делегатами Индейского конгресса, Вильярроэль заявил: «Когда вы вернетесь домой, я вам поручаю как лидерам и касикам следить за работой и сохранением мира, я вас считаю своими личными представителями в этой работе»²⁵. Главным же итогом Индейского конгресса было зарождение общенационального организованного крестьянского движения.

Г. Вильярроэль пришел к власти под лозунгами антиолигархической, антиимпериалистической «национальной революции». Однако ни МНР, ни военные не пошли на открытый конфликт с горнорудными монополиями. В. Пас Эстенсоро заявлял: «МНР не против национализации олова, но в данный момент это невозможно технически»²⁶. Г. Вильярроэль и его министр финансов В. Пас Эстенсоро провели модернизацию налоговой системы и реорганизацию банковской службы, в результате чего государство контролировало все валютные операции. В 1945 г. был подготовлен первый план экономического развития страны.

Правительство Вильярроэля осуществляло экономические меры, которые символизировали стремление к экономической независимости, ограничению всевластия «баронов олова». В 1945 г. был принят закон о выдаче кредитов мелким и средним горнорудным предприятиям без гарантий и залогов, достаточным условием признавалось согласие со стороны рабочих и служащих предприятий. Горнорудный банк активно протестовал и просил Вильярроэля не подписывать закон. Также предпринимались усилия для создания металлургии, выплавки олова в Боливии, для чего выделялись государственные ресурсы для закупки оборудования за границей²⁷.

Созданная Инохосой проправительственная партия провалилась на выборах в конгресс в 1946 г. Военные поддержали кандидатуру Инохосы в его борьбе с одним из лидеров союзной им партии МНР М. Фронтаура Аргондоньей за кресло депутата от Потоси. Инохоса, несмотря на агрессивную и затратную предвыборную агитацию, проиграл выборы²⁸. Провал проекта проправительственной партии на этих выборах стал очевидным для всех. Политические образцы, импортированные Инохосой из Мексики, не прижились в Боливии, где еще не созрели условия для радикальных преобразований мексиканского типа.

Политическое положение правительства Вильярроэля осложнялось из-за враждебных отношений с ПИР. Вильярроэль не останавливался перед жестокими мерами в отношении оппозиции. Офицеры из РАДЕПА Хосе Эгино и Хосе Эскобар возглавили боливийскую полицию, отвечали за безопасность в правительстве, и именно с ними ассоциировалась политика репрессий, о

²⁴ Bonifaz M. Legislación agraria-indigenal. Cochabamba, 1953. P. 520–524.

²⁵ Gotkowitz L. Op. cit. P. 261.

²⁶ Foreign Relations. 1943. Vol. 5. P. 543.

²⁷ ANB. MP. 1945. PG 6479.

²⁸ Frontaura Argondoña M. La revolución boliviana. La Paz, 1974. P. 132.

которой без устали говорили проолигархические силы, формировавшие общественное мнение. Многие члены ПИР были арестованы и сосланы. На Х.А. Арсе было совершено покушение, и он был серьезно ранен.

18 ноября 1944 г. в Оруро произошло восстание оппозиционеров при поддержке некоторых военных. По плану заговорщиков их движение должно было распространиться на всю страну. Выступление потерпело поражение, а 19 ноября, воспользовавшись обстоятельствами, в Чусипата военные расстреляли видных деятелей консервативной оппозиции, в том числе сенаторов Л. Кальво и К. Салинаса. Перед лицом террора ПИР перешла к борьбе с военными и МНР как с «фашистами». Вместе с консервативными и правыми партиями ПИР образовала Антифашистский демократический фронт (ФДА), пользовавшийся поддержкой США.

Традиционные политические партии под воздействием радикализации народных масс и под влиянием мировых событий значительно изменили свои программы, дополнив их привлекательными лозунгами национализации рудников и аграрной реформы. Декларация ФДА практически полностью повторяла программу ПИР²⁹. На этом фоне мнимого полевения традиционных партий правительство Вильярроэля, дискредитировав себя политическими убийствами, теряло поддержку демократических элементов города. ПИР создала мощную силу, выступавшую против тирании военных; ядро оппозиции составляли широкие народные массы, студенчество, городские низы. При этом следует признать, что рабочие массы, профсоюзы оставались нейтральными в острой политической борьбе оппозиции и правительства.

Ситуация в стране резко осложнилась в 1946 г.: политическая изоляция военных, плюс агрессивность оппозиции, объединившей в единый фронт как левые, так и правые партии, были явными симптомами наступающего кризиса. Первым его проявлением стала провалившаяся попытка государственного переворота 13 июня 1946 г. В ответ на это выступление оппозиции военные заняли редакцию и типографию правой газеты «La Razón». Новым главным редактором был назначен Инохоса, и в течение следующей недели, вплоть до исторического дня 21 июня 1946 г., эта ведущая газета выходила под его редакцией³⁰.

В июне 1946 г. стало очевидным, что ситуация в стране выходит из-под контроля военных. Оппозиция находилась в состоянии открытого восстания, а правительство лишь демонстрировало свое бессилие предотвратить переворот. День 21 июня вошел в историю Боливии как самый драматический из ее эпизодов, омраченных невероятной жестокостью и варварством.

Агитация оппозиции привела к подъему народного движения со сложным социальным составом (во главе движения шли студенты и школьные учителя, члены ПИР). 21 июля 1946 г. стало известно, что армия не будет вмешиваться в события, и тогда толпы народа решительно двинулись на президентский дворец. Вильярроэль был захвачен во дворце, его выбросили с балкона, а затем повесили на площади Мурильо. Его ближайшие помощ-

²⁹ Cornejo A. Op. cit. P. 343–354.

³⁰ Abecía López V. Op. cit. P. 109.

Площадь Мурильо в Ла-Пасе с повешенным президентом Г. Вильярроэлем

ники, в том числе Р. Инохоса, были убиты, а их тела повешены на площади Мурильо перед президентским дворцом³¹.

После свержения Вильярроэля образовалось временное правительство в составе ПИР и олигархических партий. Его возглавил Нестор Гильен, а затем председатель Верховного суда Ла-Паса Томас Монхе. Большинство членов ПИР, народные массы, шедшие за ФДА, верили в его революционную программу. Для них выступление против военных было действительно «антифашистской, демократической революцией», в то время как олигархические политики говорили о «революции реставрации». В действительности это был контрреволюционный переворот, вернувший к власти роску.

Систематические преследования обрушились на МНР, на ПОР и профсоюзы, лидеры МНР были арестованы, высланы, заключены в тюрьмы. Однако вскоре после восстановления правления олигархии Вильярроэль обрел образ мученика национального возрождения, МНР стала партией всего народа.

Деятельность реформистских правительств Д. Торо, Х. Буша и Г. Вильярроэля была направлена на поиск компромисса с горнорудно-помещичьей

³¹ Через два месяца, 27 сентября 1946 г. возбужденные рассказами о кровавых репрессиях времен Вильярроэля толпа напала на тюрьму Сан-Педро, в которой содержались бывшие деятели режима, линчевали бывших начальников полиции Х. Эскобара и Х. Эгино, а их тела повесили на площади Мурильо.

олигархией. Эта линия соответствовала политике национал-реформистской партии МНР. Олигархия, опираясь на поддержку США, отвергала любое соглашение с реформистскими силами. Свержение Г. Вильярроэля в 1946 г. означало провал последней попытки компромисса.

«Кровавое шестилетие» олигархической реакции. Нарастание революционного кризиса

Боливия вступила во вторую половину XX в. страной с крайне деформированной экономикой, отягощенной нерешенными глубокими социальными и политическими проблемами, корни которых уходили не только в прошлый век, но и в колониальную эпоху. Боливия оставалась крайне отсталой страной. По таким показателям, как уровень грамотности населения (31% в 1950 г. по сравнению с 17% в 1900 г.) и средняя продолжительность жизни (40 лет в 1950 г. по сравнению с 26 годами в 1900 г.), несмотря на очевидный за полвека прогресс, страна безнадежно отставала от своих соседей. По сравнению с 1900 г. городское население страны увеличилось более чем вдвое, составив 22,8% от общего числа жителей.

Как и в начале века, Боливия оставалась по преимуществу аграрной страной, большинство населения которой составляли индейские народы кечуа и аймара³². В деревне господствовали традиционные латифундии: 8% собственников контролировали 95,11% всей земли. За полтора века независимого существования страны – с 1825 г. до середины XX в. число индейских общин сократилось с 11 тыс. до 3799³³, что свидетельствовало о непрекращающейся экспансии помещичьего землевладения за счет узурпации земли, принадлежавшей индейским народам, – кечуа и аймара. Являясь аграрной страной, Боливия, тем не менее, зависела от ввоза продовольствия, составлявшего около 20% всего импорта. Причиной тому была техническая отсталость и давящая развитие производительных сил архаичная социальная структура деревни.

Экономика Боливии отличалась гипертрофированным развитием горно-рудной промышленности, главным образом оловодобычи, полностью ориентированной на внешний рынок. В горнорудном секторе было занято лишь 3,22% населения, между тем эта отрасль давала 96,29% всего экспорта³⁴. Практически вся горнорудная промышленность страны контролировалась тремя монополиями, так называемыми «баронами олова» Патиньо, Арамайо, Хохшильдом. Союз помещиков-латифундистов и «баронов олова» составлял основу господствующего класса. Между ними не возникало никаких серьезных противоречий, так как имел место симбиоз анклавного экспортного сектора и отсталого сельского хозяйства.

³² Согласно переписи 1950 г. в Боливии проживали 2 704 405 человек, из них кечуа – 987 695, аймара – 664 228, т.е. индейцы составляли более половины населения страны. – Censo demográfico. 1950. La Paz, 1952. P. 102.

³³ Dunkerley J. Rebelión en las venas. La lucha política en Bolivia 1952–1982. La Paz, 2003. – P. 44.

³⁴ El libro blanco de la Independencia económica de Bolivia. La Paz, 1952. P. 42; Censo demográfico. 1950. P. 142.

К середине века экономика и прежде всего горнорудная промышленность вступили в полосу непреодолимых трудностей. Все свидетельствовало об упадке отрасли и о необходимости кардинального реформирования народного хозяйства и самого общества. Цены на олово неуклонно снижались, росли нереализованные запасы руды, достигшие в 1950 г. рекордного уровня в 118 200 т³⁵. Упадок добычи олова отразился на всей экономике. Стремительно рос внешний долг: только с 1946 по 1950 г. он увеличился с 130 млн до 147 млн долл. Накопленные за годы положительной конъюнктуры, сложившейся во время Второй мировой войны, ресурсы были полностью растрочены: государственные резервы в 1946 г. составляли 34 млн 328 тыс. долл., а к 1952 г. равнялись нулю. К 50-м годам потенциал развития страны на прежней основе был исчерпан. Характер экономики и общественный строй пришли в острое противоречие с национальными интересами, препятствуя модернизации общества. Страна находилась в социально-экономическом тупике, выход из которого был лишь в радикальных революционных преобразованиях всех сфер жизни.

В результате народного восстания против правительства Г. Вильярроэля в 1946 г. к власти в Боливии под лозунгом борьбы с пронацистским режимом пришел союз правых проолигархических партий и марксистской ПИР (Партия Революционной Лево́й – *Partido de Izquierda Revolucionaria*)³⁶. ПИР придерживалась тезиса о прогрессивном капитализме США, рассматривала свою борьбу с национализмом МНР и Вильярроэля как часть мировой битвы с фашизмом и нацизмом. США поддержали переворот, характеризуя МНР (как и ее союзников – перонистов в Аргентине) как партию «типично тоталитарную, нацифашистскую, откровенно антисемитскую»³⁷.

Первоначально, обладая всей полнотой власти и непререкаемым авторитетом в обществе и руководствуясь лозунгами «национального единства» и проведения буржуазно-демократических реформ в союзе с «прогрессивной буржуазией», ПИР добровольно передала все ключевые посты правым партиям, оставив за собой лишь те, что непосредственно были связаны с социальными вопросами. Фактически ПИР отводилась роль прикрытия олигархической реакции. В январе 1947 г. ПИР покрыла себя позором расстрела шахтерских демонстраций и репрессий против рабочих профсоюзов в Потоси, где префектом департамента и шефом полиции были видные руководители этой партии.

В январе 1947 г. состоялись президентские и парламентские выборы. Антифашистский фронт не сохранил единства. МНР не смогла участвовать в президентских выборах, но выступила на парламентских. ПОР совместно с ФСТМБ создали Единый пролетарский фронт. С минимальной разницей голосов победил Э. Эрсог (Партия республиканцев-социалистов – ПУРС). Ему противостоял блок правой Либеральной партии и марксистской ПИР с кандидатурами Фернандо Гуачальей и Гильермо Фрнаковичем. В конгрессе ПУРС получила 90 мест, ПИР – 28, МНР – 25 и либералы – 22 места³⁸.

³⁵ *López Rivas E. Esquema de la historia económica de Bolivia. Oruro, 1955. P.176–179.*

³⁶ См.: История Латинской Америки. 1918–1945. М., 1999. С. 273.

³⁷ *Dunkerley J. Rebelión en las venas. La Paz, 2003. P. 57.*

³⁸ *La Razón. 14 de diciembre de 1947.*

Несмотря на поражение, либералы и ПИР были приглашены в новое правительство. «Левым» достались портфели министров труда и общественных работ. «Левые» министры были призваны успокоить рабочее движение. Они же сделали самую грязную работу: санкционировали массовые увольнения шахтеров в мае 1947 г. После всех этих предательств вес и влияние ПИР стали неуклонно падать, и правые партии более не нуждались в обанкротившихся союзниках. В сентябре 1947 г. ПИР была изгнана из правительства.

МНР, особенно депутаты Херман Лема, Эдгар Нуньес Вела, Аугусто Фернандес вели активную деятельность по защите демократических свобод, и интересов народных масс, что укрепляло авторитет партии. На выборах 1947 г. впервые в парламент прошли троцкисты из Шахтерского парламентского блока: Хуан Лечин Окендо стал сенатором от Оруро, Луис Мендивиль от Потоси. Также они провели шесть депутатов, в число которых входили такие видные политики и синдикалисты как Марио Торрес, Гильермо Лора и др. Троцкисты активно использовали парламентскую трибуну, не отказываясь от тактики «прямого действия масс».

В Потоси 14 декабря состоялись муниципальные выборы. МНР победила, а также добилась хороших результатов в Санта-Круссе и Тарихе. В Оруро победителями были ПИР и ПУРС, в остальных городах победа досталась в основном ПУРС. На выборах радикальная оппозиция имела мало шансов, и поэтому она переориентировалась в пользу «улицы» и непарламентской борьбы.

Несмотря на приход к власти после антивильярроэлистского восстания, осуждая предшествующий режим как «профашистский», олигархическое правительство Эрсога не спешило отменять индейские декреты мая 1945 г. Эрсог предполагал осуществлять умеренный реформистский курс. Префекты направляли на места строгие указания добиваться выполнения этих декретов. Однако, убежденные в своей безнаказанности после расправы с Вильярроэлем, помещики игнорировали распоряжения правительства. Более того, уже в августе 1946 г. они восстановили старые порядки, заявляя: «Президент умер... теперь все поменялось»³⁹.

Для крестьян со сменой власти стал сразу очевидным возврат к старым порядкам. Один из участников Индейского конгресса вспоминал: «Когда погиб президент Вильярроэль, для нас, крестьян, побывавших на индейском конгрессе в Ла-Пасе, пришли новые страдания и гонения от помещиков... Крестьяне уходили со своих земель ... а в других поместьях их не принимали, и они гибли от голода. Нам все отказывали, узнав, что мы участвовали в конгрессе»⁴⁰. Большое значение имели символические вещи. Если Вильярроэль отменил запрет появляться индейцам на центральной площади Мурильо в столице, то новые власти восстановили старые расистские порядки.

Повсеместно помещики жаловались на отказ крестьян исполнять свои обязанности. В большинстве мест падение Вильярроэля было воспринято крестьянами как очередная трагедия. Однако в наиболее политизированных

³⁹ Gotkowitz L. A Revolution for our rights. Indigenous Struggles for Land and Justice in Bolivia, 1880–1952. Durham, 2007. P. 235–239.

⁴⁰ Dandler J. Sindicalismo campesino en Bolivia. Cambios estructurales en Ucureña, 1935–1952. Cochabamba, 1983. P. 175–176.

районах, например, в Клисе (Кочабамба), крестьяне ориентировались на «красных», на ПИР. В Клисе падение Вильярроэля приветствовалось крестьянами, а на здании муниципалитета было даже вывешено красное знамя⁴¹. Крестьяне в этом районе ожидали освобождения именно от марксистов ПИР. Однако их иллюзии вскоре были рассеяны проолигархическими действиями правительства с участием ПИР.

В феврале 1947 г. в Айопайе (Кочабамба) произошли восстания помещичьих крестьян, направленные против местных землевладельцев и чиновников, сборщиков налогов. Начавшись 5 февраля 1947 г. разрушением поместья и убийством помещика, восстание распространилось на все прилегавшие районы. Всего в нем участвовали до 10 тыс. крестьян. Во главе восставших стояли индейские лидеры, алькальды, до этого ходатайствовавшие от имени крестьян перед властями в Ла-Пасе, Иларион Грахеда и Антонио Рамос⁴². Отряды Грахеды дошли до Оуру, где поднялись местные индейцы. Грахеда и его ближайшие сподвижники были схвачены властями, но восстание на этом не прекратилось⁴³. Его поддержали общенациональные крестьянские лидеры, выдвинувшиеся в период проведения Индейского конгресса 1945 г., Антонио Альварес Мамани и Франсиско Чипана Рамос (был председателем Индейского конгресса). Требования восставших полностью совпадали с высказанными на заседаниях Индейского конгресса, и главным был возврат всех земель общины⁴⁴.

Важным требованием крестьян было просвещение и строительство школ для индейцев. Движение за просвещение индейцев, начатое еще в 30-е годы учителями-индеанистами Э. Пересом и другими, поддержали индейские лидеры. В 1937 в Боливии было только 16 сельских объединений школ с 4200 учениками при 2 млн индейского населения⁴⁵, а в 1946 г. в Центральное объединение школ Укуреньи входила 41 школа, где работали 62 учителя и было 2100 учеников. Пришедшие после 1946 г. к власти проолигархические силы систематически бойкотировали дела просвещения и ничего не делали в сфере образования в деревне.

Вслед за Кочабамбой восстание распространилось на Альтиплано. Там крестьянские отряды наводили ужас на местную округу и даже совершили нападение на поезд, следующий в направлении Арика – Ла-Пас. Восстания не имели общего центра или лидера. На борьбу поднимались общинники и крестьяне поместий, но не объединялись в большие отряды или армии. Однако размах движения был сравним с самыми крупными крестьянскими войнами XVIII–XIX вв.

Власти обвинили МНР и профсоюз горняков ФСТМБ в организации восстания. В департаменте Ла-Пас крестьянское движение развивалось с тесным контакте с рабочими профсоюзами, причем с оппозиционными к Вильярроэлю. Еще в мае 1946 г. анархистская ФОЛ сделала ставку на расширение

⁴¹ Dandler J., Torrico J. El Congreso Nacional Indígena de 1945 en Bolivia y la rebelión de Ayopaya (1947) // Resistencia, rebelión y conciencia campesina en los Andes, siglos XVIII al XX / Comp. S. Stern. Lima, 1990. P. 343.

⁴² Choque Canqui R. Historia de una lucha desigual. Los contenidos ideológicos y políticos de las rebeliones indígenas de Pre-Revolución Nacional. La Paz, 2005. P. 122–123.

⁴³ Суд над более 100 крестьянскими лидерами проходил в Кочабамбе вплоть до 1952 г.

⁴⁴ Gotkowitz L. Op. cit. P. 242.

⁴⁵ Albó X., Barnadas J. La cara campesina de nuestra historia. La Paz, 1984. P. 10.

своих рядов за счет помещичьих (не общинников) крестьян-индейцев департамента Ла-Пас. В ФОЛ состояло немало рабочих, недавно переехавших из деревень в город и не утративших тесных связей с крестьянами⁴⁶. В декабре 1946 г. лидеры крестьян, входившие в ФОЛ, образовали Аграрную федерацию департамента (ФАД), которая заключила пакт солидарности с рабочими профсоюзами. Для ФОЛ в тот момент активность в деревне стала приоритетной задачей⁴⁷. Например, ФОЛ Кочабамбы назначила своего постоянного представителя для координации действий с крестьянами Укуреньи⁴⁸. Фактически ФАД была частью ФОЛ. Выросли связи крестьян с оппозиционными партиями ПОР и МНР, в то время как ПИР утратила свои позиции.

В 1947 г., когда в Кочабамбе происходили восстания крестьян, в Ла-Пасе ФАД организовала забастовки «опущенных рук», протестуя против невыполнения декретов 1945 г. и несоблюдения рабочего законодательства в деревне. Эти забастовки начались в Оруро, а затем распространились по всему Альтиплано. В своем манифесте от 4 февраля 1947 г. ФАД требовала исполнения уже существующих законов, создания бесплатных школ для крестьянских детей, пресечения незаконных репрессий против крестьян и их профсоюзов со стороны помещиков и местных властей. Вопрос о земле не поднимался⁴⁹. Эти забастовки встретили организованное сопротивление со стороны помещиков, формировавших собственные вооруженные отряды, так называемые патриотические легионы, для подавления движения крестьян. Обстановка насилия царила в сельской местности важнейших и самых населенных департаментов страны, в Кочабамбе и в Ла-Пасе⁵⁰.

В этой связи президент Эрсог заявил, что это «самое тяжелое индейское восстание в нашей истории»⁵¹. Для подавления крестьянского движения Эрсог воспользовался решениями Индейского конгресса о создании специальной аграрной полиции, которую хорошо вооружили, придав ей даже силы авиации. На помощь этой полиции правительство призвало добровольцев из «Легионеров июля» – отрядов, созданных правыми во время восстания против Вильярроэля⁵². Эти отряды обрушили репрессии на забастовщиков и восставших, выселяя «зачинщиков», также по декретам Вильярроэля, в специальные «государственные поместья» на востоке страны. Многие погибли от болезней и голода, среди них лидер ФАД Марсело Киспе. ФАД и ФОЛ призывали к солидарности с крестьянами, к борьбе за «землю и свободу»⁵³. ФАД и ФОЛ противостояли не только правительству, но и другим левым

⁴⁶ *Rivera Cusicanqui S.* «Oprimidos pero no vencidos». Luchas del campesinado aymara y q'hechwa 1900–1980. La Paz, 1986. P. 72.

⁴⁷ *Rodríguez García H.* La choledad antiestatal. El anarcosindicalismo en el movimiento obrero boliviano, 1912–1965. Buenos Aires, 2010. P. 218.

⁴⁸ *Albó X., Barnadas J.* Op. cit. P. 22.

⁴⁹ *Rodríguez García H.* Op. cit. P. 222.

⁵⁰ *Gotkowitz L.* Op. cit. P. 249–252.

⁵¹ *Rivera Cusicanqui S.* Apuntes para una historia de las luchas campesinas en Bolivia // Historia política de los campesinos latinoamericanos. Vol. 3 / Coord. González Casanova P. México, 1985. P. 170.

⁵² *Antezana E.L., Romero Bedregal H.* Historia de los sindicatos campesinos: un proceso de integración nacional en Bolivia. La Paz, 1973. P. 155.

⁵³ *Rodríguez García H.* Op. cit. P. 233–235.

партиям и профсоюзам, где преобладали реформисты МНР и марксисты ПОР и ПИР.

После разгрома крестьянских выступлений 1947 г. ФАД не смогла восстановить свои позиции. Преобладающее влияние завоевали группы под руководством Альвареса Мамани, ориентирующиеся на МНР, которая стремилась заполучить поддержку индейцев. Еще при Вильярроэле во время предвыборной кампании МНР удалось мобилизовать 3 тыс. индейцев в поддержку В. Пас Эстенсоро, что вызвало шок среди горожан-креолов⁵⁴.

Хотя крестьянские восстания были подавлены, а на союзников индейцев в профсоюзах, на ФОЛ, обрушились жестокие репрессии, правящие круги были вынуждены заявить о необходимости преобразований в деревне. Правительство Эрсога пообещало представить конгрессу «проект закона о реформе национального аграрного режима», суть которой состояла бы в преобразовании общин в производственные кооперативы. ПИР в парламенте призвала к разработке аграрной реформы и созданию Института аграрной реформы. Все эти инициативы были положены под сукно⁵⁵.

Только МНР и троцкистская ПОР оставались в оппозиции олигархическому режиму. Бастионом этих партий была Федерация горняков (ФСТМБ), самый организованный и боевой отряд рабочего класса Боливии. Городские фабричные профсоюзы создали свою Конфедерацию фабричных рабочих (CSTFB – ССТФБ) только в 1950 г. после мощных забастовок в городах.

В ноябре 1946 г. в горняцком поселке Пулакайо состоялся съезд ФСТМБ, на котором была принята программа действий – знаменитые «Тезисы Пулакайо». Этот документ был написан лидером ПОР Гильермо Лорой. «Тезисы» провозглашали цель: осуществление буржуазно-демократической революции при гегемонии пролетариата в союзе с крестьянством и средними слоями⁵⁶. «Тезисы» выдвигали не только стратегические цели, но и непосредственные требования трудящихся: минимальная заработная плата, коллективные договоры, занятие рудников в случае локаутов, рабочий контроль и вооружение рабочих. Это была программа, которая в течение всего шестилетия была главным лозунгом рабочего движения.

Главой ФСТМБ был избран Хуан Лечин, считавшийся лидером рабочего крыла МНР, выступавшего в тесном союзе с троцкистами. ФСТМБ отвергла тактику классовых союзов в понимании ПИР и выступала за объединение всех антиолигархических сил вокруг рабочего движения. Разгромленная после 1946 г. МНР смогла говорить с профсоюзами на их языке – языке «Тезисов Пулакайо». Она предлагала объединить все «национальные», т.е. антиолигархические силы, признавая ведущую роль рабочего класса, который, однако, во имя национальных целей должен был отказаться от своих классовых интересов. МНР поддержала «Тезисы Пулакайо» как свою собственную программу, обеспечив себе тем самым мощную поддержку в лице горнорудного пролетариата⁵⁷.

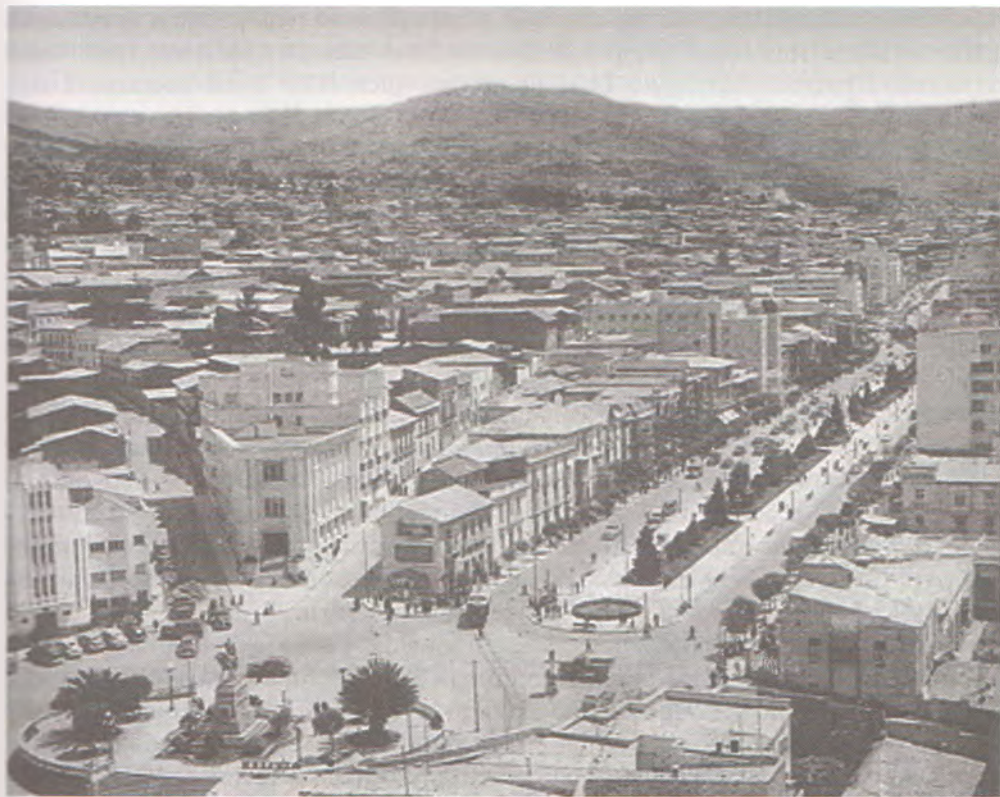
⁵⁴ El Diario. 11 de febrero de 1946.

⁵⁵ Antezana E. L., Romero Bedregal H. Op. cit. P. 181–182.

⁵⁶ Cornejo A. Op. cit. P. 315–318.

⁵⁷ Mitchell C. The Legacy of Populism in Bolivia. From the MNR to Military Rule. New York, 1977. P. 29.

Ла-Пас в конце 40-х годов

После свержения Вильярроэля все попытки ПИР и правительства вытеснить ПОР и МНР из профсоюзов окончились неудачей. Съезд ФСТМБ в Колкири в 1947 г. подтвердил верность «Тезисам Пулакайо». На съезде присутствовал министр труда и член ПИР Альфредо Мендисабаль. Его попытки наладить сотрудничество с профсоюзами горняков провалились, самого министра чуть было не избili делегаты съезда, а их позицию выразил Лечин: «Мы выбираем путь классовой борьбы и отвергаем соглашательство с правительством»⁵⁸.

Оппозиция МНР реакционному режиму сделала эту партию самой популярной среди рабочих: началось массовое вступление в нее шахтеров⁵⁹. Хотя пришедшее к власти в 1946 г. правительство признавало профсоюзные свободы, «Тезисы Пулакайо» стали поводом для обвинений лидеров ФСТМБ в «подрывной деятельности» и «коммунизме».

15 ноября 1946 г. правительство поддержало владельцев рудников, которые обвиняли профсоюзы в негибкой политике и в угрозе производству, что привело к посылке армии в горнорудные центры, к репрессиям против рабочих. Первые серьезные столкновения между властями и рабочими произошли в Потоси в январе 1947 г., когда на шахтах вспыхнула забастовка с

⁵⁸ Lora G. Historia del movimiento obrero boliviano. 1933–1952. Vol. 4. P. 440.

⁵⁹ Valencia Vega A. Historia política de Bolivia. T. VII. La Paz, 1988. P. 2079.

требованиями повышения заработной платы. Стачка переросла в восстание, рабочие захватили город, взорвали динамитные шашки в административных зданиях. Префект Абелардо Вильяльпандо, член ПИР стал проводить мобилизацию населения для защиты от рабочих, раздавая оружие горожанам. Одновременно он обратился к правительству с просьбой о военной помощи. После трех дней боев с армией рабочие потерпели поражение. На них обрушились жесточайшие репрессии.

С начала 1947 г. горнорудные компании провели серию локаутов, что привело к массовым увольнениям горняков, ужесточению дисциплины. Эти действия спровоцировали острые трудовые конфликты в Колкири, Оплоке, Сан-Хосе, Морококале и других рудниках. Самый крупный из них произошел в Катави, на шахтах Патиньо, где профсоюз потребовал повышения зарплаты. Хозяева отказались, хотя и начали переговоры, которые ни к чему не привели. Правительство объявило в районе рудника чрезвычайное положение и ввело войска. Несколько месяцев конфликт оставался без решения, и в августе 1947 г. рабочие объявили всеобщую забастовку. В ответ администрация предложила уволить 7 тыс. человек с хорошим возмещением, а затем набрать новый состав, чтобы исключить «агитаторов». ФСТМБ поддержала борьбу Катави и объявила о забастовке солидарности.

В сентябре городские профсоюзы провели забастовку солидарности с горняками, организовав Координационный комитет профсоюзов, входящих в ССТБ. Нажим на рабочих и репрессии вынудили рабочих принять условия хозяев. В результате 27 сентября сотни «неблагонадежных» рабочих были уволены. Это было серьезным поражением профсоюза Катави и ФСТМБ, но тактика властей дала лишь кратковременную передышку для хозяев.

МНР активно работала среди профсоюзных лидеров. Идеологи МНР использовали марксистскую терминологию, рассуждали об этапах движения к социализму. Лидер партии Виктор Пас Эстенсоро и один из ее идеологов Вальтер Гевара Арсе вышли из марксистских кружков 20-х годов, считали себя приверженцами исторического материализма. В основе их построений лежала «концепция этапов», в своем законченном виде изложенная в программном документе МНР – манифесте «К выборщикам Айюпая» В. Гевары Арсе (1946). Там говорилось, что поскольку в Боливии нет объективных условий для социалистической революции ввиду ее полуколониальной отсталости и зависимости от империализма, а буржуазия неспособна к самостоятельным действиям, то будущая революция будет носить национальный, поликлассовый характер при решающей роли рабочего класса, крестьянства и средних слоев. Эти положения мало отличались от «Тезисов Пулакайо». Вывод же был другим: результатом революции должна была стать не рабоче-крестьянская республика, а построение национального государства социальной справедливости. Главное для МНР – это борьба с олигархией и освобождение государства от ее гнета.

Однако даже в условиях подполья и радикализации политической ситуации в стране лидеры МНР не определяли своей позиции по главным проблемам революционной повестки дня. Без ответа оставались вопросы о позиции партии в аграрном вопросе. Что касается горнорудной промышленности, то путаница была еще большей. В. Пас Эстенсоро прислал из эмиграции пись-

мо, в котором осуждал как экстремизм требование национализации олова, но как только оно стало известно, он отказался от него⁶⁰.

Идеологи МНР считали пролетариат передовым отрядом нации, однако лишенным будущего, если он не сольется с другими классами. Единство народа и всех угнетенных классов, включая рабочих, будет обретено только в Национальной революции, в которой рабочий класс, как ее ведущая сила, будет бороться за общенациональные цели – гармоничное развитие экономики и социальную справедливость. МНР в конце 40-х годов превратилась в партию рабочего класса, но ее руководство оставалось на позициях национал-реформизма. После разгрома партии в 1946 г. несмотря на то, что большинство лидеров были в эмиграции, базовые ячейки и департаментальные команды партии сохранились и даже укрепились на местах. Лидер партии Виктор Пас Эстенсоро из Аргентины вел большую пропагандистскую работу, его тексты, статьи, брошюры широко ходили в народе.

В одном из своих посланий из эмиграции Пас Эстенсоро писал: «МНР состоит из средних слоев, горнорудного и фабричного пролетариата, защищает интересы крестьянства, действует в интересах этих классов, которые являются большинством населения, являются собственно Боливией... Мы хотим создать новый общественный строй, который будет служить большинству народа, улучшению его положения»⁶¹. Другие лидеры МНР – Эрнан Силес Суасо, Ньюфло Чавес Ортис, Вальтер Гевара Арсе, Херман Монрой Блок, Аугусто Сеспедес, Адриан Барренечеа – накопили большой политический опыт подполья, стали более сплоченной и зрелой группой. Однако главная роль борца и героя этого периода досталась Хуану Лечину, который был лицом МНР в горняцких профсоюзах, обеспечив партии массовую поддержку. Так в течение шестилетия МНР смогла сформировать «союз классов», представлявших «нацию», способную свергнуть «антинацию» – олигархию.

В первые месяцы 1949 г. экономический кризис вызвал широкое движение протеста, особенно в Ла-Пасе. Беспорядки и волнения в городе держали Эрсога практически в осаде в своем дворце. Вся надежда властей была на приближавшиеся выборы, которые могли канализировать политическую борьбу. Чтобы добиться большего контроля над политической ситуацией, 20 февраля 1949 г. власти запретили все собрания и шествия.

Сближение МНР и рабочего движения позволило партии не только восстановить свои ряды, но и стать самой мощной политической силой в стране. На частичных выборах в конгресс 1 мая 1949 г. МНР завоевала 3 мандата от Ла-Паса⁶². В столице начались демонстрации в поддержку партии, все еще находившейся на полулегальном положении. В результате столкновений с полицией погибли 8 человек. 2 мая произошли новые волнения. В Оруро во время волнений были убиты 11 и ранены 48 человек.

Правительство не справлялось с ситуацией. Президент Эрсог в связи с болезнью неожиданно передал всю полноту власти вице-президенту Мамерто

⁶⁰ *Moller Paciari E.* El Dios desnudo de mi conciencia revolucionaria (Autobiografía y Revolución Nacional). La Paz, 2001. P. 40.

⁶¹ *Victor Paz Estenssoro.* Proceso y sentencia contra la oligarquía bolivina. Buenos Aires, 1948.

⁶² ПУРС получил 28 депутатов, МНР – 9, ПИР – 5, либералы – 2 и ПОР – 1.

Урриолаготия, который представлял жесткое крыло военных, требовавших силой подавить оппозицию.

Была арестована и выслана из страны большая часть депутатов-троцкистов, в том числе Х. Лечин, а несколько депутатов МНР были лишены неприкосновенности. Эти действия вызвали новый взрыв возмущения. В ответ на репрессии против рабочих лидеров шахтеры рудника «Сигло XX» в Катави захватили в заложники иностранных техников, заявив, что отпустят их только после возвращения в страну своих лидеров-депутатов. 30 мая двоих американцев шахтеры казнили. Выступления шахтеров удалось подавить лишь в конце мая 1949 г. после бомбардировки с воздуха и штурма «Сигло XX» армией. Затем последовали массовые увольнения рабочих.

18 мая в Ла-Пасе рабочие, разгневанные отказом вести переговоры о повышении заработной платы и арестом профсоюзных лидеров и левых депутатов, захватили несколько районов города, в том числе Вилья-Виктория. Восставшие возвели баррикады, заняли несколько полицейских участков и даже разобрали рельсы проходившей там железной дороги. Армия два дня при поддержке авиации не могла одолеть рабочий район, и только 22 мая профсоюзы прекратили всеобщую забастовку, и рабочие оставили баррикады⁶³.

ФСТМБ фактически действовала из подполья, а Лечин смог вернуться в страну и руководил профсоюзами. Продолжали созываться съезды профсоюзов, последний перед революцией состоялся в Мильюни в 1951. На всех съездах рабочие подтверждали свою принципиальную приверженность революционной программе, принятой в Пулакайо. Одним из пунктов этой программы было вооружение рабочего класса, что, казалось, стало главной задачей для обеспечения победы революции.

Любые протестные действия горняков правительство называло «подрывными» акциями, так как эта отрасль давала более 70% всей валюты, получаемой страной. Горняки же стали той силой, с которой считалось правительство и которая шла в авангарде всех народных движений.

Власти недооценивали возросшую силу МНР, в том числе электоральную, что проявилось на выборах 1951 г. В обстановке роста популярности партии, после восстания на руднике «Сигло XX» руководство МНР сочло подходящим момент для начала вооруженного восстания. 31 мая 1949 г. группа членов МНР предприняла неудачную попытку вооруженного вторжения с территории Аргентины в районе Вильясона. Вожди отряда Аугусто Сеспедес, Хосе Куадрос Кирога и Луис Пеньялоса были схвачены. После провала этой экспедиции МНР стала готовить восстание в столице и главных городах страны. Было решено, что 27 августа заговорщики по всей стране получат телеграмму – сигнал для их одновременного выступления. Однако заговор был раскрыт, и 26 августа в Ла-Пасе прошли аресты активистов партии. Тем не менее восстания вспыхнули в других городах, вошедшие в историю как «гражданская война 1949 г.». В Санта-Круссе была сформирована Революционная хунта, главой которой был провозглашен Виктор Пас Эстенсоро.

Правительство объявило в стране осадное положение, не колеблясь, применило армию и даже прибегло к бомбардировке городов Ла-Пас и Кочабамбу. 2 сентября 1949 г. после кровопролитных боев армия заняла восставшую

⁶³ По официальным данным было 13 убитых и 112 раненых.

Кочабамбу, 4 сентября – Сукре и Потоси. 16 сентября пал Санта-Крус, где Революционная хунта прекратила свою деятельность. МНР потерпела военное, но не политическое поражение. Популярность партии и ее лидеров росла с каждым днем.

После подавления вооруженной борьбы МНР в 1949 г., являвшейся по преимуществу столкновениями партийных, гражданских отрядов и армии, центр тяжести социально-политической напряженности переместился в рабочие и горнорудные районы, профсоюзы превратились в бастион антиолигархического сопротивления. В июле 1950 г. профсоюзам, находившимся под контролем МНР и ПОР, удалось организовать всеобщую забастовку, которая была жестко подавлена войсками. Забастовка в Ла-Пасе переросла в рабочее восстание, центром которого были баррикадные бои в районе Вилья-Виктория, ставшее прелюдией апрельской революции 1952 г. Пробой сил для МНР и правых партий должны были стать президентские выборы в 1951 г.

Обострение социально-политической ситуации и радикализация рабочего движения подтолкнули левые партии к объединению своих усилий и созданию координационных органов. ПИР, МНР и лечинисты, которых поддерживали троцкисты, создали «Левый рабочий, профсоюзный и партийный комитет» (КОСПИ). Объединительные тенденции привели к созданию Четырехпартийного комитета (формально названного Единым антиимпериалистическим фронтом) в составе МНР, только что созданной компартии⁶⁴, ПИР и ПОР⁶⁵.

В феврале 1951 г. левые и центристы в МНР на своем пятом съезде настояли на самостоятельном участии партии в выборах с кандидатурой В. Паса Эстенсоро. Первоначально кандидатом в вице-президенты должен был стать Хуан Лечин, но когда он нелегально въехал в страну, 3 марта был арестован и выслан в Чили. Его место занял Эрнан Силес Суасо. Сам Виктор Пас оставался в эмиграции в Аргентине. В марте прошли акции протеста, голодовки, организованные женскими организациями МНР, женами и матерями арестованных, за освобождение политических заключенных из МНР⁶⁶. Правительство уступило и выпустило активистов МНР из тюрем, но 6 апреля отменило свое собственное решение о возвращении в страну Пас Эстенсоро, так как боялось волнений при встрече лидера МНР.

Главным соперником МНР был лидер республиканцев-социалистов Габриэль Госалвес, умеренный реформатор, в прошлом соратник президента Х. Буша, глава ряда правительств при военных-социалистах в 30-е годы.

После ожесточенной предвыборной борьбы, которая велась в неравных условиях по отношению к МНР, 6 мая 1951 г. В. Пас Эстенсоро получил 54 129 голосов (42,99%), в то время как его главный оппонент Г. Госалвес – 40 381 (32%), третье место досталось Б. Бильбао Риохе от Фаланги – 13 259 (10,5%), а кандидат от ПИР Х.А. Арсе занял последнее место с 5170 голосами (4%)⁶⁷. Так как ни один из кандидатов не набрал абсолютного большинства, судьбу президентского поста должен был решить конгресс. Маневры пра-

⁶⁴ Компартия была создана в январе 1950 г. молодежью ПИР, порвавшей со старой партией.

⁶⁵ *Moller Pacieri E.* Op. cit. P. 41.

⁶⁶ *Gueiler Tejada L.* La mujer y la revolución. La Paz, 1983. P. 50.

⁶⁷ *Mesa Хисберт К.* Президентское правление в Боливии. М., 2006. С. 152–153.

вых партий, направленные на подготовку голосования в пользу Г. Гosalвесы, были разрушены принципиальной позицией последнего, отказавшегося принять власть, по праву принадлежавшую МНР.

В обстановке политического пата, стараясь любыми способами не допустить националистов к власти, правящая верхушка пошла на инсценировку государственного переворота. 16 мая 1951 г. действующий президент М. Урриолоагития сам сверг себя, передав власть военной хунте во главе с генералом У. Бальивианом, и для убедительности сразу же покинул страну.

После «гражданской войны 1949 г.» и переворота 1951 г. оппозиции не оставалось иного выхода, как насильственное свержение военной диктатуры. Хунта лишь демонстрировала крайнюю степень развала всей системы власти и кризиса государства.

В преддверии революции внутри МНР происходили процессы радикализации и размежевания левого и консервативного крыла. 15 декабря 1951 г. был создан Левый сектор МНР во главе с профсоюзным лидером Х. Лечинем. Против левых, тесно сотрудничавших с коммунистами и троцкистами, яростно выступили правые деятели партии. Они, в частности второе лицо в партии за границей Р. Отасо, обвинили В. Пас Эстенсоро в левом уклоне. Появились сообщения, что местные организации МНР отказываются признавать лидерство В. Пас Эстенсоро, которого считали коммунистом⁶⁸. Внутренняя борьба в МНР закончилась торжеством центристов во главе с В. Пас Эстенсоро, кровно заинтересованных в союзе с рабочим, левым крылом партии.

В условиях конфронтации с хунтой МНР стойко эволюционировала влево. Хотя партия отмежевывалась, как могла, от связей с коммунистами и троцкистами, была вынуждена признавать, что они массово вступают в ее ряды. В своем специальном обращении Политический комитет партии 1 февраля 1952 г. заявлял: «МНР является левым националистическим движением, цель которого – окончательное освобождение нашей страны. Мы – антиимпериалистическое движение, борющееся за преодоление полуколониальной зависимости страны... но мы против коммунистического проникновения в наши ряды»⁶⁹. Открещиваясь от связей с коммунистами, МНР отдавала дань господствующим в обществе настроениям, порожденным как психологической обстановкой холодной войны, так и тем фактом, что в сознании большинства боливийцев коммунисты прочно ассоциировались с ПИР, главным действующим лицом переворота 1946 г. и убийства Вильярроэля. На практике же МНР активно сотрудничала в профсоюзах и с коммунистами⁷⁰, и с троцкистами.

Политический кризис в Боливии протекал на фоне ухудшавшегося с каждым днем экономического положения. Мировые цены на олово продолжали снижаться, поступлений валюты от экспорта не хватало для покрытия самых элементарных потребностей в импорте продовольствия. Даже проолигархи-

⁶⁸ Archivo Nacional de Bolivia (ANB). Fondo Walter Guevarra Arze (FWGA). 1 – DOC. OP. Caja (C.) H. Documentación del MNR. 1952. Заявление регионального командо Оруро.

⁶⁹ ANB. FWGA. 1 – DOC. OP. C.H. Documentación del MNR. 1952. Обращение к членам партии от 1 февраля 1952 г.

⁷⁰ На выборах 1951 г. компартия поддержала кандидатуру В. Пас Эстенсоро.

ческое правительство М. Урриолагоития 11 августа 1950 г. было вынуждено издать декрет о 100-процентной сдаче государству валюты от экспорта. Однако монополии, игнорируя реальное положение страны, в знак протеста приостановили весь экспорт. Боливия оказалась на грани финансового коллапса. 30 октября 1950 г. правительство отменило эту меру⁷¹. Для всего общества была очевидной необходимость радикального решения проблемы господства горнорудных монополий.

Экономический кризис особо ощущался в городах. Рост стоимости жизни, нехватка продуктов питания, спекуляции и черный рынок вызвали всеобщее недовольство. В феврале–марте 1952 г. проходили постоянные демонстрации протеста, вспыхивали стихийные возмущения населения против катастрофического положения в экономике. Репрессии правительства против МНР, газетная истерика о союзе с коммунистами не помогали правительству в сдерживании политического движения оппозиции.

Для выработки рекомендаций по выходу из тяжелого экономического кризиса в Боливию в 1949 г. прибыла комиссия экспертов ООН во главе с Х. Кинлисайдом. Доклад комиссии рисовал безрадостную картину полного развала народного хозяйства страны. Ее рекомендации сводились к банальным пожеланиям совершенствования законодательства и привлечения иностранных инвестиций. Политическая составляющая доклада была унижительной и неприемлемой для Боливии, ибо предлагала международный контроль за действиями боливийских государственных деятелей. В октябре 1951 г. глава хунты У. Балывиан подписал рекомендации комиссии. МНР выступила с резким осуждением договора: «Миссия Кинлисайда анализирует боливийскую действительность с позиций колониального чиновника». По мнению В. Пас Эстенсоро, главной задачей государства являлось ускорение прохождения страной исторических этапов экономического развития, которые уже прошли передовые страны, стимулирование роста таких отраслей, как металлургия, а не только увеличение экспорта руды⁷².

Глубочайший кризис олигархического государства, вступивший в свою заключительную стадию после фарсового переворота 1951 г., стал важнейшим элементом революционной ситуации, сложившейся в Боливии в конце 1951–1952 гг. К кризису государственной власти, буквальным олицетворением которого была беспомощная и бездарная военная хунта, добавилась неспособность и нежелание правящей элиты к каким-либо серьезным изменениям в экономической политике. Такое сочетание не сулило ничего иного, как развал страны и угрозу реальной утраты суверенитета. Вопрос стоял о национальном выживании Боливии. Только радикальные, революционные преобразования могли спасти страну и боливийский народ. Уже в конце XX в. Виктор Пас Эстенсоро признавал, что если бы МНР пришла к власти в результате выборов 1951 г., тогда преобразования не носили бы столь радикального и революционного характера, как то случилось после апреля 1952 г.⁷³ Фронтальное противостояние олигархической власти оппозиции во главе с МНР толкало последнюю к более революционной политике.

⁷¹ El Libro blanco... P. 62–63.

⁷² Bedregal G. Victor Paz Estenssoro, el político. Un semblanza crítica. México, 1999. P. 346.

⁷³ Ascarrunz Rodríguez E. La palabra de Paz. Un hombre, un siglo. La Paz, 2008. P. 186.

Часть VII

НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Одно из важнейших событий латиноамериканской истории XX в. – Боливийская революция 1952–1953 гг. – выделяется из ряда революционных процессов на континенте своим своеобразием, глубиной социальных потрясений, активным участием народных масс.

Глава 21

АПРЕЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1952 года. НАЧАЛО НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В первые месяцы 1952 г. на фоне назревающей экономической катастрофы активизировались все оппозиционные военной диктатуре силы, в первую очередь МНР и праворадикальная Боливийская социалистическая фаланга (ФСБ). В конце марта 1952 г. МНР создала Революционный комитет, в который вошли Эрнан Силес Суасо, Хуан Лечин, Уго Робертс, Адриан Барренчеа – представители как левого, так и правого крыла партии. Комитет заключил пакт с главой кабинета министров, шефом карабинеров генералом А. Селеме¹ о свержении хунты и создании военно-гражданского правительства. Речь шла о втором издании правительства военных и МНР времен Г. Вильярроэля. МНР вела переговоры с Селеме, не зная, что ФСБ также заключила с ним союз².

О заговоре был проинформирован командующий армией генерал Торрес Ортис, который своим нейтралитетом должен был способствовать успеху переворота. План МНР предусматривал восстание по всей стране в случае, если выступление в столице потерпит неудачу. В начале апреля Селеме сконцентрировал в Ла-Пасе 2500 карабинеров под предлогом курсов по переподготовке. Выступление было намечено на 12 апреля. Однако 8 апреля глава хунты У. Бальивиан узнал о заговоре и объявил о реорганизации кабинета министров, в результате которого ключевая фигура переворота Селеме терял свой пост. Заговорщики решили выступить немедленно, в ночь на 9 апреля.

© А.А. Щелчков

¹ Под командой тогда еще капитана Селеме во время Чакской войны проходил службу Виктор Пас Эстенсоро. С тех пор между ними были хорошие, дружеские отношения, В. Пас был крестным его сына.

² *Sanjinés Ávila R. Unzaga: la voz de los inocentes. T. 1 (s. I). Bolivia, 2013. P. 261.*

Апрельское восстание 1952 г.

Рано утром группа членов МНР и карабинеры захватили президентский дворец. По радио было объявлено, что хунта свергнута, а генерал Селеме, опираясь на МНР, часть армии и карабинеров, возглавил революцию. Активистам МНР раздали около 4,5 тыс ружей. На огромном митинге в поддержку МНР и революции выступили Лечин, призвавший к немедленной национализации горнорудной промышленности, и Силес, пообещавший провести новые выборы³. Видя доминирование МНР, фалангисты отказались от активного участия в перевороте.

В середине дня стало ясно, что армия не осталась нейтральной, а Торрес Ортис перебрался в Эль-Альто для командования войсками. Командующий играл свою партию: он не защищал власть хунты во главе с Балывианом, а сам хотел захватить власть, отказываясь признавать главой революции Селеме. Военные выбили революционеров из правительственных зданий, но в поддержку революции поднялось практически все население. Создавались рабочие отряды, строились баррикады. Войска контролировали лишь отдельные районы города, территории вокруг Генштаба и Военного колледжа. Основная масса войск находилась в пригороде столицы Эль-Альто, возвышавшемся на плато над Ла-Пасом, откуда велась артиллерийская бомбардировка города, раскинувшегося внизу в ущелье. Мексиканский посол, находившийся в непосредственной близости от места боев, так описывал

³ *Cajias L. Juan Lechin. Historia de una leyenda. La Paz, 1994. P. 157.*

события 9 апреля: «В течение дня все время слышна перестрелка, канонада пушек, пулеметов по всему городу, особенно в Мирафлоресе, где находится Генштаб. С балкона посольства было видно, как по склонам гор спускаются группы бойцов МНР для наступления на Генштаб. У них были огромные потери от огня пулеметов и минометов, стрелявших из Генштаба»⁴.

Селеме при посредничестве церкви предложил Торресу Ортису создать новую хунту, но тот считал себя хозяином положения и отказался от этого. Войска с прибывшим подкреплением из Виачи начали наступление на город, но были остановлены в рабочем районе Вилья-Виктория. Уверенный в поражении восстания, Селеме укрылся в посольстве Чили. Штабом МНР стал университет. 10 апреля борьба продолжилась. Повстанцы по-прежнему не отступали от баррикад, а войска атаковали со стороны Эль-Альто. К 10 утра ситуация стала критической из-за нехватки у восставших оружия и боеприпасов. В это время подоспели шахтеры с рудника Мильюни, которые ударили по войскам с тыла у Эль-Альто и захватили склады оружия. В Оруро (в 200 км от Ла-Паса) шахтеры смогли блокировать крупные силы военных, предназначенные для отправки на помощь армии в Ла-Пас. Помощь шахтеров кардинально изменила ситуацию, наступил перелом: войска обратились в бегство или сдавались⁵. Однако внутри города бои продолжались вокруг Генштаба, Министерства обороны, Военного колледжа, стадиона им. Эрнандо Силеса. 11 апреля бои возобновились, несмотря на начало переговоров между МНР и Торресом Ортисом при посредничестве папского нунция. К этому времени стало известно, что глава свергнутой хунты Бальивиан улетел в Чили.

В Оруро МНР и командующий округом в согласии с Селеме заняли префектуру и отправили людей на рудники для мобилизации горняков в поддержку революции. Когда же командующему в Оруро сообщили, что Селеме укрылся в посольстве, а революция в Ла-Пасе потерпела поражение, военные повернули оружие против восставших. В Оруро произошли кровопролитные сражения с рабочими отрядами, которые полностью разгромили два полка, взяв пленными всех офицеров и 500 солдат⁶. В Кочабамбе группа Вальтера Гевары Арсе захватила префектуру, но вскоре туда прибыли военные, и они заключили «джентельменское соглашение»: если в Ла-Пасе побеждает революция, военные удалятся в казармы, ну а если наоборот, отряд МНР исчезает со сцены⁷. Судьба революции решалась на улицах Ла-Паса.

В середине дня Силес принял фактическую капитуляцию военных в местечке Лаха, на Альтиплано, недалеко от Ла-Паса. Торрес Ортис ехал на переговоры, но опоздал на пару часов, и к этому времени (к 14.00 11 апреля) последние очаги сопротивления военных были подавлены. Силес подписал с военными пакт, предусматривавший согласование действий нового правительства с командующим армией⁸. Силес должен был возглавить новую хун-

⁴ SRE. AHGE. Embajada de México en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1952. F-III, 1-1259, exp. – 7. Отчет от 5 мая 1952 г.

⁵ El Diario. La Paz. 11.04.1952.

⁶ ANB. FWGA. 1-DOC.OP. C.17. Documentación del MNR. 1952. Телеграмма из Оруро от 11 апреля 1952 г.

⁷ Sanjinés Ávila R. Op. cit. T. 1. P. 274.

⁸ Bedregal G. Victor Paz Estenssoro, el político. Una semblanza crítica. México, 1999. P. 367.

ту и назначить выборы через пять месяцев. Когда же выяснились масштабы тотального, невосполнимого разгрома армии, которая фактически перестала существовать, а командующий не имел даже полноценного взвода, ни о пакте в Лахе, ни о Торресе Ортисе более никто не вспоминал.

Победа народа была полной и неоспоримой. Выступая на митинге победителей, Хуан Лечин назвал революцию подлинно народной. Рабочие районы – бастионы сопротивления стали называть Лечинградом, по аналогии с Ленинградом. Мексиканский посол с восхищением писал о высоком моральном духе революционеров: в течение всех трех дней баррикадных боев не было отмечено ни одного случая мародерства, воровства или иных преступлений. Город и население понесли тяжелые потери. «Мало осталось домов, которые не пострадали от пуль и снарядов»⁹. Насчитывались сотни раненых и убитых¹⁰.

Оказавшись перед лицом абсолютной победы, лидеры МНР должны были овладеть ситуацией и сформировать органы власти. Только на первый взгляд эта задача сводилась к формированию правительства и местных органов власти. На деле старое государство фактически лежало в руинах. Реальной силой было лишь рабочее ополчение и профсоюзы. Даже сама партия МНР – триумфатор революции только выходила из подполья и не могла предложить стране никакой структурирующей власть системы. Это понимал лидер восстания Эрнан Силес Суасо. В своем первом обращении к народу главной задачей МНР он назвал восстановление государства, создание новых структур, способных осуществить реальные преобразования в обществе. Он призвал к спокойствию и восстановлению порядка¹¹.

В первый день победы, 11 апреля в президентском дворце собралась верхушка МНР для решения главного вопроса – о правительстве и власти. На совещании под председательством Э. Силеса были представлены все фракции партии: от консерваторов до левых. С этого момента именно левые, представленные Х. Лечином, Р. Мендесой Техадой и А. Франко Гуачальей, действовали как особая партия, осознававшая свою силу, опиравшуюся на вооруженный народ. Когда после длительной дискуссии большинство не пожелало немедленно заявить о предстоящих национализации горнорудной промышленности и аграрной реформе, Х. Лечин пригрозил продолжить вооруженную борьбу уже против правых в МНР и покинул заседание. Силес вернул левых и предложил Х. Лечину самому назначить министров, которые представляли бы рабочий класс¹². Именно в этот момент родилась формула так называемого «соправления» (*co-gobierno*), когда часть министров назначали профсоюзы. Фактически возникло коалиционное правительство в рамках одной партии МНР. Власть правительства в данный момент опиралась на вооруженные отряды рабочего ополчения, подчинявшегося левому сектору партии. Соправление было пирровой победой левого сектора, игравшего всегда подчиненную роль в правительстве МНР.

⁹ SRE. Embajada de México en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1952. F–III, l–1259, ехр. – 7. Отчет от 5 мая 1952 г.

¹⁰ Данные о жертвах событий апреля очень разнятся: от 2000 убитых и 10 тыс. раненых по всей стране (*Bedregal G.* Op. cit. P. 367) до 552 убитых и 787 раненых в Ла-Пасе, 87 убитых и 238 раненых в Опуро (*El Diario.* La Paz. 25.04.1952).

¹¹ *El Diario.* La Paz. 11.04.1952.

¹² *Cajías L.* Op. cit. P. 164.

Левым и центру удалось добиться принятия решения о признании результатов выборов 1951 г. без проведения новых, что означало передачу власти Виктору Пасу Эстенсоро, лидеру МНР, которого левые считали марксистом и революционером. Виктор Пас в отличие от Силеса делал ставку на сотрудничество с левыми, за которыми была реальная сила и контроль над ополчением.

Радикализация революции.

Апрель – ноябрь 1952 года

15 апреля Пас был встречен в аэропорту Эль-Альто многотысячной толпой, восторженно приветствовавшей его на всем протяжении пути к президентскому дворцу. Его сопровождали плакаты: «МНР – это народ», «Национализация рудников», «Аграрная реформа», «Добро пожаловать Отец всех бедняков». Апофеозом дня была его первая речь перед жителями столицы. Он начал ее словами на аймара: «Всем будет много хлеба». В. Пас призвал к сдержанности, чтобы остановить насилие и месть. В ответ услышал крики «долой евреев». Пас же заявил, что в революции все найдут место – и боливийцы, и иностранцы, и евреи. Он сразу же мог почувствовать высокий градус национализма и ксенофобии масс¹³. Он заявил, что приоритетом его правительства будут национализация горнорудных монополий, аграрная реформа, введение плановой экономики, диверсификация народного хозяйства¹⁴.

Пас не стал менять состав правительства. Между тем с его приездом влияние левых усилилось. Реальная власть оставалась в их руках, с чем президент должен был считаться. Ополченцы категорически отказывались сдавать оружие. Их отряды разыскивали и арестовывали военных по всей стране, в столице проходили манифестации против лозунга МНР «Забудем и простим», требовали суда над деятелями старого режима¹⁵. Первомайская вооруженная демонстрация в Ла-Пасе в поддержку МНР, но более Лечина и национализации, показала, кто реально владеет ситуацией. В задачу Паса входило вернуть процесс в русло «легальности», заставить работать разрушенные республиканские институты. Чтобы остановить стихийные процессы над военными, 8 мая был издан указ об отставке большинства офицеров и о начале судебного преследования 11 генералов и 25 других высших чинов армии¹⁶.

Правительство, не видя перспектив в реанимации старых институтов власти, предприняло попытку создать новую систему управления. В первую очередь необходимо было укрепить саму партию МНР. После апреля 1952 г. повсеместно образовывались партийные организации, команды МНР, фактически заместившие собой государственные органы. Префекты, коррехидоры должны были согласовывать с командо все мельчайшие детали предпринимаемых действий. Численность партии резко выросла. Кроме МНР, других партий не было заметно. Параллельно шел процесс институционализации рабочего движения, его бюрократизации и подчинения партийным интере-

¹³ Dunkerley J. *Rebelión en las venas*. La Paz, 2003. P. 70–71.

¹⁴ Bedregal G. *Op. cit.* P. 377–378.

¹⁵ SRE. AHGE. Embajada de México en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1952. F–III, 1–1259, exp. – 7. Отчет от 5 июня 1952 г.

¹⁶ Última Hora. La Paz. 12.05.1952.

сам. Добиться этого можно было лишь на пути масштабных уступок левому сектору.

Левые понимали, что их сила в рабочем ополчении, и отказывались поддерживать планы восстановления армии и старого государственного аппарата. Выступая в мае 1952 г. в Уануни, Х. Лечин заявил: «Борьба не закончена. Уничтожение армии – это большая победа. Мы не должны позволить восстановить армию»¹⁷. Левые рассчитывали на углубление революции и доверяли Лечину и Пасу, которого считали революционером и марксистом, противостоящим правому крылу в МНР¹⁸. Лечин утверждал, что «революция является народной, а посему ни пролетарской, ни буржуазной», и призывал к сотрудничеству с Пасом в достижении главных целей – национализации и аграрной реформы¹⁹.

Хуан Лечин Окендо

После того как в первые же дни правые отвергли предложения рабочих министров перейти к прямому действию против монополии и призвать рабочих занять рудники, левые поняли необходимость создания органа давления на партию и правительство²⁰. Им стал созданный 17 апреля 1952 г. Боливийский рабочий центр (СОВ – КОБ), единый профцентр, объединивший все профсоюзы страны. Во главе КОБ встал Хуан Лечин, признанный вождем левых в МНР и лидер федерации горняков ФСТМБ.

Левые из МНР создали КОБ совместно с коммунистами и троцкистами, которые приветствовали образование единого профцентра как альтернативного органа власти. Они считали, что тем самым воспроизводится ситуация двоевластия подобного ленинской формуле 1917 г. Лидер горняков Ф. Эскобар утверждал, что «боливийский совет сильнее русского», так как армия и госаппарат уничтожены революцией. И троцкисты, и коммунисты предложили лозунг «Вся власть КОБ!»²¹. Х. Лечин находился под влиянием троцкистов. Их тезисом было перерастание революции из демократической в социалистическую. Троцкистская ПОР практиковала тактику «энтризма», вхождения своих членов в правящую МНР: Э. Мольер, Э. Айяла Меркадо стали крупными функционерами. Эта тактика была рекомендована 2 конг-

¹⁷ SRE. AHGE. Embajada de México en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1952. F-III, 1-1259, exp.-7. Отчет от 5 мая 1952 г.

¹⁸ Даже по прошествии многих лет, в 90-е годы Виктор Пас заявлял: «Марксизм – это основной метод познания такой страны, как наша». – *Bedregal G.* Op. cit. P. 383.

¹⁹ *Cajías L.* Op. cit. P. 179.

²⁰ *Franco Guachalla A.* Así nació la Central Obrera Boliviana. La Paz, 1997. P. 29–31.

²¹ *Antezana E.L.* Historia secreta del Movimiento Nacionalista Revolucionario. T. 8. La Paz, 1992. P. 2138–2140.

рессом IV Интернационала в 1948 г. и подтверждена в феврале 1952 г. Международным секретариатом троцкистов²².

Активное участие троцкистов во всех политических процессах было неоднозначным. С одной стороны, они способствовали радикализации рабочего движения и левого сектора в МНР, который в тот исторический момент был преимущественно троцкистским. А с другой, тактикой «энтризма» троцкизм ослабил влияние своей партии, отказался от активной роли в политическом процессе, фактически подчинился национал-реформизму. Как удачно выразился крупнейший историк Р. Савалета Меркадо, троцкисты в Боливии всегда были подобием «Армии спасения» левых сил, с набором правильных лозунгов они ничего не предпринимали для их реализации²³.

Х. Лечин стал единственной гарантией удержания КОБ в русле политики МНР. Он потребовал для себя решающего голоса в правительстве, а 29 апреля 1952 г. заявил об отставке. В прошении на имя президента он писал: «Хотелось бы превратить Министерство горнорудной промышленности и нефтедобычи не в обычный и рутинный орган, а в министерство, которое эффективно содействует проведению экономических и политических акций, без чего революция потеряет свой смысл»²⁴. Лечин де-факто стал вторым человеком в правительстве, укрепляя тем самым сложившуюся формулу соправления, как действительное двоевластие. Благодаря Лечину и формуле соправления, это двоевластие, оставаясь хрупким и ненадежным равновесием сил, вело не к конфронтации и соперничеству, а к подчинению КОБ политике МНР.

Соправление МНР–КОБ мыслилось не только как двоевластие, но и как зародыш народовластия. КОБ фактически был единственным легитимным представителем всего народа, ибо синдикализация охватила все социальные слои, а все профобъединения вошли в Боливийский рабочий центр. Формально считалось, что КОБ назначал пять министров, т.е. почти половину. Ключевыми были министерства горнорудной промышленности и нефти, возглавляемое самим Лечином, и по крестьянским делам, главой которого был представитель левого крыла партии Ньюфло Чавес Ортис. Проводниками политики этих министерств скорее были профсоюзы, а не чиновники самих ведомств. Кроме того, КОБ получал право назначать кандидатуру будущего вице-президента, сопровождавшего на выборах кандидата в президенты, выдвигаемого МНР.

²² Троцкисты активно участвовали в апрельском восстании. Во время этих событий лидер ПОР Гильермо Лора находился в Париже на совещании IV Интернационала и по возвращении осудил своих товарищей за то, что они пошли за буржуазными националистами и не отстаивали свою руководящую роль в восстании. Тогда произошел раскол среди троцкистов в их отношении к Национальной революции и МНР. Часть ПОР, следуя тактике энтризма, впервые выдвинутой французскими троцкистами в Алжире, вошла в МНР, часть во главе с Лорой осталась на ортодоксальных «оберристских» позициях. Более 18 руководителей ПОР во главе с Э. Мольтером, Э. Айялой Меркадо, Х. Саласаром Мостахо вступили в МНР, в то время как Г. Лора осудил эту тактику. – *Moller Pacieri E. El Dios desnudo de mi conciencia revolucionaria (Autobiografía y Revolución Nacional)*. – La Paz, Plural, 2001. P. 42–48.

²³ *Zavaleta Mercado R. La formación de la conciencia nacional*. La Paz, 1990. P.89.

²⁴ ANB. Ministerio de Presidencia (MP). Ministerio de asuntos campesinos (MAC). 1952. C. 71, libro (I) 4. Tomo (T) 765. (PG 6850). Заявление Х. Лечина – В. Пас Эстенсоро от 29 апреля 1952 г.

Левые синдикалисты и троцкисты призывали не дожидаться решений правительства и переходить к прямым действиям, занятию и управлению шахтами. Уже в апреле рудник Сан-Хосе управлялся рабочими²⁵. Власти жаловались, что рабочие готовы к немедленному осуществлению рабочего контроля²⁶. Почти повсеместно профсоюзы и чиновники, назначенные левыми, жестко контролировали предпринимателей, заставляя их полностью выполнять все социальные постановления правительства. В случае сопротивления воле профсоюзов они угрожали, а порой приводили угрозы в действие занятием фабрик, экспроприацией де-факто собственности, изгнанием хозяев из городов. Министерство труда и канцелярия президента были переполнены жалобами от предпринимателей с мест²⁷. Однако правительство мало что могло противопоставить этому движению снизу, устанавливавшему народовластные институты, главным образом профсоюзы с властными полномочиями, опиравшиеся на вооруженные массы. Ввиду острой нехватки продовольствия и расцвета черного рынка повсюду самоорганизовывались «комитеты обеспечения продовольствием», которые явочным порядком вводили тотальный контроль за ценами и распределением²⁸. В рабочих районах полномочия профсоюзов было особо ощутимо. Во избежание конфликтов с чиновниками левые в МНР, «рабочие министерства», выходя за пределы своей компетенции, напрямую назначали на властные должности лидеров профсоюзов, которым было проще контролировать ситуацию, проводя на местах линию партии (читай левого сектора)²⁹. В этот период революции, вплоть до национализации горнорудной промышленности, главной характеристикой политической ситуации было преобладание народовластных элементов в принятии решений, гегемония масс и рабочих организаций.

В МНР не было единого мнения о судьбе оловодобывающих компаний. Правые и частично центр ссылались на неблагоприятный внешний фактор, зависимость от рынков сбыта в США, который мог закрыться для Боливии в случае национализации, предлагали не спешить с решением. Для левых, Лечина, национализация была принципиальным вопросом всей революции. Судьба любого правительства была бы перечеркнута в случае отказа от этой цели революции. В. Пас Эстенсоро делал противоречивые заявления в отношении проблемы горнорудной промышленности. С одной стороны, левые причисляли его к последовательным сторонникам национализации³⁰. А с другой, он заявлял американцам, что эта тема подлежит изучению и не является обязательной частью его программы³¹. 13 мая 1952 г. была создана комиссия по выработке декрета о национализации, в состав которой вошли

²⁵ El Diario. 24.04.1952.

²⁶ ANB. MP. Ministerio del Gobierno (MG).1952. C.71, l.6. t. 761 (PG 6854). F. 7191.

²⁷ ANB. MP. Oficios varios (OV).1952. C.70, t.757 (PG 6849); ANB. MP. Ministerio de Trabajo (MT). C.71, l.8, t. 767.

²⁸ Bolivia en el siglo XX. La formación de la Bolivia contemporánea. La Paz, 1999. P. 434.

²⁹ ANB. MP. MAC.1952. C.71, libro (l) 4. Tomo (T) 765. (PG 6850). Письмо Министерства горнорудной промышленности и нефти генеральному секретарю президента республики от 4 декабря 1952 г.

³⁰ SRE. AHGE. Embajada de México en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1952. F-III, l- 1259, exp. – 7. Отчет от 10 июля 1952 г.

³¹ Dunkerley J. Op. cit. P. 84–85.

представители министерств и профсоюзов. Судя по ее составу, решение в пользу национализации было предрешено. Оставалось определить ее формы и последовательность.

Во избежание бегства капитала 2 июля 1952 г. был издан декрет о государственной монополии на экспорт минералов, а Горнорудный банк стал единственным получателем валюты от экспорта³². Правые в МНР (Л. Пеньялоса, У. Робертс) надеялись, что на этом правительство остановится. У. Робертс поддержал предложение Патиньо вместо национализации передать государству 50% акций компаний. Однако такое соблазнительное для МНР предложение было бы самоубийственным для правительства В. Паса, левые и рабочее ополчение сместили бы любую власть, осмелившуюся пойти на соглашение с «баронами олова».

2 октября 1952 г. была создана государственная Горнорудная компания (КОМИБОЛ), готовая управлять всем имуществом ожидавших национализации предприятий. 9 октября был опубликован отчет комиссии о национализации. Ее выводы были неутешительны для монополий: рекомендации комиссии должны были стать основой декрета. Комиссия, выражая мнение правительства, предлагала выплатить возмещение бывшим владельцам, что должно было успокоить США и создать предпосылки для переговоров по урегулированию вопросов сбыта. Левые и профсоюзы категорически выступили против какого-либо возмещения монополиям³³.

ПОР и компартия обладали серьезным влиянием в КОБ, представляя группу давления слева на проправительственное большинство в профсоюзах. Компартия договорилась о консолидированной позиции с троцкистами, но затем генеральный секретарь коммунистов Серхио Альмарас Пас, проводивший линию на союз с МНР (вскоре он покинул КПБ и перешел в МНР), при решительном голосовании в КОБ дал указание коммунистам поддержать МНР в вопросе о возмещении монополиям³⁴.

Другой проблемой было требование введения рабочего контроля на национализированных предприятиях и соправления в их администрации. КОБ объявил о всеобщей мобилизации профсоюзов и ополчения в поддержку своей линии. Для левых национализация была не простым техническим актом передачи собственности государству, а первым шагом к построению общества переходного типа. Некоторые профсоюзы и команды МНР, находившиеся под контролем левых, требовали не ограничиваться национализацией монополий, предлагая провести обобществление всех средств производства в духе народного капитализма, передав в руки рабочих до 49% акций, оставив 51% в собственности государства³⁵. В заявлении КОБ 22 октября 1952 г. рабочие лидеры заявляли: «Национализация рудников не достигнет своей цели, если производственные и общественные отношения не изменятся»³⁶. Национализация – это не просто огосударствление, а введение режима об-

³² El libro blanco de la Independencia económica de Bolivia. P. 9–10.

³³ La Nación. La Paz. 24.10.1952.

³⁴ Moller Pacieri E. Op. cit. P. 45.

³⁵ ANB. MP. 1952. C.70, t. 758 (PG 7039). Письмо МНР Льяльягуа – В. Пас Эстенсоро от 17 октября 1952 г.

³⁶ ANB. MP. OV.1952. C.70, t. 757 (PG 6849). Обращение КОБ к В. Пас Эстенсоро от 22 октября 1952 г.

ственного производства нового типа, где решающая роль принадлежит рабочему контролю с правом вето.

Проблема рабочего контроля расколола МНР. Практически все руководство партии было против, но Лечин настоял на своем. Спорить с ним было небезопасно, когда за его спиной стояло несколько десятков тысяч вооруженных ополченцев. МНР приняла сам принцип, но оспаривала у КОБ его позиции о реальном механизме осуществления контроля. КОБ, исходя из своих программных установок на создание новых производственных отношений, предлагал прямой, коллективный контроль посредством специальных комитетов³⁷. Лечин усматривал в праве вето главную гарантию движения революции вперед³⁸.

Правительство, уступив в вопросе вето, добилось согласия КОБ на осуществление рабочего контроля по принципу соправления. Контролю подлежали все финансовые, административные, но не технические вопросы. В руководство КОМИБОЛ правительство по своему выбору назначало двух «рабочих» директоров из списка, предлагаемого профсоюзами. Из пяти директоров двое были рабочими контролерами с правом вето.

31 октября 1952 г. в горнорудном поселке Катави, где в 1942 г. были расстреляны десятки протестовавших рабочих, В. Пас Эстенсоро при стечении тысячных толп народа подписал декрет о национализации собственности «баронов олова» Патиньо, Арамайо, Хохшильда. Национализация не затрагивала не только многочисленных (около 2000) мелких и средних шахтовладельцев, но и такие крупные иностранные компании, как В.Р. Грейс. Декрет предусматривал возмещение бывшим собственникам, частично в долларах, частично в боливиано (которые быстро обесценивались), но с удержанием вкладов компаний за рубежом, а также с вычетом задолженности перед государством и по социальным обязательствам, которые не выполнялись многие годы. Согласно декрету, выплаты возмещения производились из специального фонда, куда направлялось 2% от суммы продажи минералов³⁹.

Декрет устанавливал рабочий контроль с правом вето, что было большой победой рабочего движения. Левые считали, что новая система управления приведет к социализации собственности, к коллективизму и солидарности, к рождению нового общественного строя в Боливии. В этот исторический для Боливии день Х. Лечин сказал: «Рабочий контроль и рабочее участие — это признание новых производственных отношений. Рабочий контроль полностью изменит систему производства: от капитализма мы перейдем к производству на благо коллектива»⁴⁰. Национализация, установление рабочего контроля с правом вето являлось самым радикальным достижением революции, кульминацией ее восходящей линии развития.

Боливия национализировала отрасль в ее самый убыточный период. В какой-то степени эта мера была экономически нерациональной, но политической и социально неизбежной. Горнорудная промышленность еще долгие годы

³⁷ ANB. MP. OV.1952. C.70, t. 757 (PG 6849). Обращение КОБ к В. Пас Эстенсоро от 22 октября 1952 г.

³⁸ Lazarte R.J. Movimiento obrero y procesos políticos en Bolivia (Historia de la C.O.B. 1952–1987). La Paz, 1989. P. 168.

³⁹ El libro blanco... P. 101.

⁴⁰ Ibid. P. 141.

оставалась единственным источником внутреннего накопления для развития других отраслей народного хозяйства.

Завоевания рабочего класса, рабочий контроль и соправление стали тестом на зрелость и последовательность революции. Рабочее движение находилось перед альтернативой: либо углубление революции, движение вперед к ее дальнейшей радикализации, либо постепенный откат, пассивное участие в политике МНР, стремившейся к сворачиванию народной фазы революции. Левая часть КОБ, главным образом близкие к троцкистам и компартии деятели осознавали эту дилемму дальнейшей судьбы революции.

В конце 1952 г. КОБ пережил внутренний кризис, в основе которого лежала борьба двух тенденций в рабочем движении – революционной и национал-реформистской, бюрократической. В связи с реорганизацией кабинета министров широко обсуждались перспективы участия «рабочих» министров в правительстве. Крайне левые в интересах углубления революции настаивали на разрыве соправления, выходе из правительства, что означало бы конфронтацию с МНР⁴¹. Кроме того, левые требовали введения дополнительных министров – представителей КОБ⁴². Эта линия левого крыла в КОБ не отвечала настроениям масс, веривших МНР и лично В. Пас и не желавших конфронтации в обществе. Большинство в КОБ поддержало продолжение курса на соправление. Профсоюзы шли за Х. Лечином, проводившим политику союза с центристами в МНР. Он видел главную задачу в отстаивании завоеваний революции и в отпоре попыткам реакционного реванша.

Все более КОБ превращался в бюрократическую машину, подчиненную МНР. Профбюрократия составляла 14,5% состава исполкома КОБ. Представители средних слоев, лиц свободных профессий, ремесленников, торговцев – 25%. Собственно рабочих в исполкоме было 45%⁴³. Профбюрократия обрастала привилегиями, отдалялась от базовых организаций. В эти годы КОБ стал частью государственного аппарата, что было главным препятствием не только в углублении революции, но в демократизации жизни боливийского общества.

В результате апрельского восстания государственный аппарат полностью развалился. Вакуум заполнили вооруженные массы и профсоюзы. МНР должна была восстановить функционирование госаппарта. В конце мая 1952 г. В. Пас Эстенсоро в циркуляре своим министрам указывал, что «два месяца спустя после победы в апреле нам даже не удалось восстановить работу государственного аппарата», без чего невозможна нормальная деятельность правительства⁴⁴. Для восстановления политического контроля над страной, в условиях диффузии, децентрализации власти, МНР приступила к реанимации органов власти через свои местные организации, в наименьшей степени зависимые от профсоюзов и ополчения.

⁴¹ Lazarte R.J. Op. cit. P. 123.

⁴² ANB. MP. MAC.1952. C.71, l. 4., T. 765 (PG 6850). Министерство горнорудной промышленности и нефти – Секретариату президента республики от 18 декабря 1952 г.; от 20 декабря 1952 г.

⁴³ Mitchell C. The Legacy of Populism in Bolivia. From the MNR to Military Rule. New York, 1977. P. 48.

⁴⁴ ANB. MP. MAC.1952. C.71, l. 4., T. 765 (PG 6850). Циркуляр от 29 мая 1952 г.

Виктор Пас выступает на митинге

Политическая реформа состояла в построении однопартийного «революционного» режима. При подавляющей поддержке масс эта задача была вполне осуществима. 21 июля 1952 г. был издан декрет о всеобщем избирательном праве, отменявшем препятствия цензовой демократии предыдущей эпохи, когда избирателями могли быть только грамотные граждане, имеющие минимальный годовой доход в 200 песо. МНР могла более не беспокоиться о результатах выборов: крестьянство и городские низы безусловно были на ее стороне. В первые месяцы после победы в рядах МНР шла дискуссия о будущем политическом устройстве: вновь вернулись к теориям «функциональной системы» власти при пропорциональном от каждого класса представительстве, боливийскому варианту «советов» вместо традиционного парламентаризма⁴⁵. Казалось, что жаркие дискуссии 30-х годов вновь вернулись в политическую жизнь страны. Однако руководство МНР, памятуя о нервной реакции США на всякие эксперименты, связанные с прошлым, где соседствовали симпатии фашизму и сотрудничество с коммунистами, отказалась от всех этих проектов и заявило о своей приверженности идеалам демократии и парламентаризма. Декрет о всеобщем избирательном праве должен был прекратить все дискуссии по этому поводу⁴⁶.

⁴⁵ SRE. Embajada de México en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1952. F-III, 1-1259, exp.-7. Отчет от 10 июля 1952 г.

⁴⁶ Не только традиционные партии (республиканцы и либералы) выступили против этого декрета, но и троцкистская ПОР предлагала ввести дифференцированное право голоса в зависимости от классового происхождения, чтобы обеспечить гегемонию рабочего класса. — Moller Pacieri E. Op. cit. P. 117.

МНР организовала чистку госаппарата. Активную роль в становлении однопартийного режима, в обновлении госаппарата сыграли профсоюзы и созданные при МНР общественные организации, такие как женские команды — так называемые «барсолы» (по имени Марии Барсолы, легендарной женщины из горняцкого поселка Катави, застреленной военными, когда она возглавляла демонстрацию рабочих). Вместе с тем МНР стремилась создать однопартийную систему, когда чиновников назначали бы партийные команды⁴⁷. Местные организации требовали: «Необходимо, чтобы в провинции революцию проводили в жизнь люди, связанные с МНР»⁴⁸. Инициаторами этой линии были местные организации МНР, в которых преобладал левый сектор, например, Оруро или Кочабамбы.

Съезд провинциальных команд МНР департамента Кочабамбы постановил: «Действия властей должны согласовываться с партийной организацией, а чиновники должны отчитываться и оцениваться в своей деятельности в партийных комитетах»⁴⁹. Бастион левых, команда в Оруро, потребовал от правительства, чтобы местного префекта — главу администрации назначали бы с представления партийной организации города⁵⁰.

Для формирования однопартийного режима МНР нуждалась в хорошо организованной структуре своей собственной партии. Однако в партии не удалось создать единую и эффективную систему базовых организаций. Так называемые «зональные команды» или районные комитеты формировались по территориальному принципу, в них преобладали представители средних слоев. В рабочих же районах действовали «специальные команды», находящиеся вне юрисдикции территориальных органов партии и полностью контролируемые профлидерами⁵¹. В этом была ахиллесова пята партии, навсегда оставшейся лишь союзом различных политических и общественных групп.

В первые годы революции такое разделение сфер влияния было выгодно как правым и центру, так и левым. Левые полностью доминировали в профсоюзах, а правые и центр в большинстве территориальных команд. Однако между профсоюзами и местными командами возникали частые конфликты из-за признания представительства МНР на местах. Особенно это остро ощущалось в сельской местности в первый год революции, когда вновь созданные крестьянские профсоюзы претендовали также на создание своего команд МНР и сталкивались порой с уже существовавшим командом в местных городках⁵². Выживаемость однопартийного режима в этих условиях полностью зависела от сохранения союза различных фракций в МНР и их способности к компромиссу.

⁴⁷ ANB. MP. MG.1952. C.71, l.6. t. 761 (PG 6854). Письмо в администрацию президента от 01 сентября 1952 г.

⁴⁸ ANB. MP. MG.1952. C.71, l.6. t. 761 (PG 6854). Письмо в Министерство внутренних дел от 02 июля 1952 г.

⁴⁹ ANB. FWGA. 1—DOC.OP. C.17. Documentación del MNR. 1952. Постановление съезда МНР Кочабамбы, 26 декабря 1952 г.

⁵⁰ ANB. MP. MG.1952. C.71, l.6. t. 761 (PG 6854). Письмо С. Барриос — В. Пасу Эстенсоро от 21 августа 1952 г.

⁵¹ Mitchell C. Op. cit. P.42—43.

⁵² ANB. MP. MAC.1952. C.71, libro (I) 4. Tomo (T) 765 (PG 6850). Телеграмма крестьянских профсоюзов Камарго — Х. Лечину от 26 декабря 1952 г.

Постепенно создавался репрессивный аппарат нового режима. Парторганизации требовали и добивались назначения политических комиссаров в полицию для контроля за ее деятельностью⁵³. Впоследствии возникла политическая полиция – «Политический контроль», обрушившая жестокие репрессии на оппозицию, в первую очередь на представителей старых, олигархических партий, студентов, бывших военных. На счету этой организации создание концлагерей, незаконные аресты, убийства. Новшеством в репрессиях было создание своеобразных «народных» тюрем на рудниках (первые такие лагеря были созданы на рудниках Корокоро и Унсии), где арестованные содержались в нечеловеческих условиях, их охраняли рабочие-ополченцы, не подчинявшиеся никакому закону, кроме «революционной» целесообразности⁵⁴. Самый мрачный лагерь Карауара-де-Карангас оппозиционеры даже сравнивали с нацистскими лагерями смерти⁵⁵. Деятельность «Политического контроля» одна из самых мрачных страниц Национальной революции.

В октябре 1952 г. пал последний бастион старого режима – судебная система. Был обновлен состав Верховного суда, куда были назначены исключительно партийные функционеры МНР⁵⁶. Там, где во главе провинциальных властей оказались представители правого крыла МНР, как, например, в префектуре Кочабамбы во главе с Х. Вера Тапия, старым судьям предлагалось вступить в партию, и никаких чисток не было⁵⁷. В других же местах, где верховодили левые, например, в Оруро, чистка судов была самой радикальной. Судьи увольнялись, а на их место приходили профсоюзные и партийные деятели⁵⁸. Принадлежность к МНР обуславливала назначение на официальные должности.

В самой партии к сентябрю – октябрю 1952 г. резко обострились отношения между правым крылом и левыми. Главным пунктом противоречий были вопросы национализации, всевластия профсоюзов, ополчения и проблема восстановления армии. Оплотом правых был муниципалитет Ла-Паса во главе с Х. Риосом Гамаррой. Лидерами этого крыла были У. Робертс, А. Кандия, Л. Пеньялоса. Они резко выступали против национализации олова и сотрудничества с профсоюзами, не доверяли центру и В. Пасу, которого считали коммунистом⁵⁹.

Правые пытались мобилизовать свои силы и добиться преобладающего влияния в партии. Однако без поддержки президентского дворца, самого В. Паса или главы его администрации Л. Техады Мендоса, представлявшего левый сектор, их попытки добиться главенства в партии были обречены на провал. Правые развернули яростную кампанию в прессе против Лечина и КОБ. Особенно усердствовала газета «La Marcha», официальный орган пар-

⁵³ ANB. FWGA. 1-DOC.OP. C.17. Documentación del MNR. 1952. Постановление съезда МНР в Кочабамбе от 28 декабря 1952 г.

⁵⁴ Bedregal G. Op. cit. P. 441.

⁵⁵ Sanjinés Ávila R. Op. cit. T. 1. P. 350.

⁵⁶ ANB. MP. MG.1952. C.71, l.6. t. 761 (PG 6854). Письмо МВД – администрации президента республики от 25 октября 1952 г.

⁵⁷ Ibid. Телеграмма от 09 октября 1952 г.

⁵⁸ Ibid. Письмо Верховного суда округа Оруро в администрацию президента республики от 24 декабря 1952 г.

⁵⁹ Malloy J. Bolivia: the uncompleted revolution. Pittsburgh, 1970. P. 220.

Виктор Пас Эстенсоро

тии, возглавляемая Р. Мурильо Алиага, антикоммунистом, питавшем личную неприязнь к Лечину и Ньюфло Чавесу. Порой противоборство достигало таких масштабов, что левый сектор и вверенные ему министерства обращались к авторитету президента⁶⁰. В этой борьбе В. Пас первоначально придерживался нейтралитета, пока страсти не вылились почти в открытую борьбу в октябре 1952 г. накануне проведения национализации оловодобывающих компаний.

30 октября 1952 г. при подписании акта о национализации Х. Лечин открыто обвинил правых в МНР в саботаже и контрреволюционной деятельности. Некоторые парторганизации, близкие левым и умеренным, потребовали распустить группы правых в МНР⁶¹. В. Пас должен был сделать свой выбор: после национализации его естественными союзниками были КОБ и левый сектор. С 18 октября

была закрыта «La Marcha», рупор правого сектора. Сразу же после подписания декрета В. Пас провел реорганизацию кабинета министров, уволив представителей правых У. Робертса, Ф. Кальеха и С. Алиага. Хотя в правительство был назначен близкий им по взглядам Х. Вера Тапия, бывший до этого префектом Кочабамбы, у правых практически не осталось рычагов давления на правительство.

На инаугурации нового кабинета В. Пас обозначил новые задачи революции: консолидация национализированной отрасли, политическая реформа и, главное, аграрная реформа. Именно аграрная реформа была последней каплей для правого крыла в МНР. Правые стали готовить переворот с целью смещения В. Паса, Х. Лечина и всех левых. Лечин чувствовал наступление правых и понимал, что единственным его козырем являлось ополчение. Однако наряду с рабочими отрядами уже появилась грозная сила крестьянского ополчения, особенно в Кочабамбе. Во главе крестьянской федерации Кочабамбы находился Синфоросо Ривас, верный Лечину, но в то же время близкий к префектуре Кочабамбы, где безраздельно господствовали правые. Желая перестраховаться, 2 января 1953 г. Лечин провел маленький переворот в крестьянской федерации Кочабамбы, настояв на замене Риваса на крайне левом Хосе Рохаса, находившегося под влиянием троцкистов, лидеры которых Э. Чакон и К. Монтаньо заняли руководящие посты в федерации⁶². Его выбор оказался своевременным, что показали события 6 января.

⁶⁰ ANB. MP. 1952. С. 70, т. 759 (PG7028). Заявление Министерства горнорудной промышленности и нефти от 10 июля 1952 г.

⁶¹ ANB. FWGA. 1-DOC.OP. С. 17. Documentación del MNR. 1952. Заявление командо Кочабамбы от 28 декабря 1952 г.

⁶² Gordillo J.M. Campesinos revolucionarios en Bolivia. Identidad, territorio y sexualidad en el Valle Alto de Cochabamba. 1952–1964. La Paz, 2000. P. 59.

В этот день группа сторонников правых, возглавляемая Луисом Пеньялосой, блокировала Виктора Паса в президентском дворце. Одновременно был арестован Ньюфло Чавес. Однако Лечина и Техаду Мендоса заговорщики дома не застали. Лечин же призвал рабочее ополчение к мобилизации, что не оставляло никаких шансов для заговорщиков, которые были арестованы сохранившим верность президенту его адъютантом полковником Г. Ольмосом⁶³. Продемонстрированная мощь рабочего ополчения вновь поставила В. Паса в зависимость от левого сектора и Х. Лечина, с которым пришлось проводить консультации по составу нового кабинета и по вопросам предстоящего съезда МНР⁶⁴.

31 января 1953 г. открылся VI съезд МНР. Правые были разгромлены и удалены из партии накануне. КОБ и левый сектор демонстрировали свою мощь и влияние на правительство. Все говорило о том, что партия, ряды которой увеличились за счет рабочих, студентов, средних слоев, примет радикальную программу углубления революции. Однако спад самого революционного натиска народных масс, самоуспокоенность лидеров КОБ привела к укреплению центра, сплотившегося вокруг В. Паса. До VI съезда оставалось неясным будущее направление революции, после него стало очевидным, что МНР не выйдет за рамки национал-реформистской программы, при этом левой альтернативы предложено не было.

Укрепление центра и лично В. Паса многие левые расценили как собственную победу, между тем VI съезд окончательно поставил финальную точку в надеждах на полевение МНР, ее превращение в народно-демократическую, рабочую партию. Разгром правых хотя и был победой левых, реальная власть оказалась в руках прагматиков, умеренных реформистов, для которых историческая задача состояла в экономическом развитии, в индустриализации и модернизации. В. Пас считал, что у Боливии нет другого выбора, как модернизация в рамках капиталистического развития. По его убеждению, во имя диверсификации и индустриализации, во имя развития можно было «пожертвовать поэзией», революционными завоеваниями народа, социальной справедливостью и прочими идеалами равенства и всеобщего благосостояния, которые могли быть достигнуты в будущем. Р. Савалета Меркадо писал: «У Пас Эстенсоро было столь сильным убеждение в отсталости страны, в непреодолимой, оскорбительной и даже агрессивной отсталости, что заставляло его отказываться от каких-либо сомнительных, но великих мыслей и планов. Он предпочитал лишь возможное, даже ценой отказа от чего-то ценного и значительного»⁶⁵.

На VI съезде центр сформулировал официальную доктрину революции. Гевара Арсе подготовил предложения к программе МНР, которые развивали его старые идеи «национальной революции», изложенные еще в 40-е годы и ставшие официальной доктриной партии. Он утверждал: «Мы хотели не политическую и не социальную революцию, а экономическую»⁶⁶. МНР, по мнению В. Гевары, так же как большевики в 1917 г. в России, диалектически применяла марксистский метод в условиях полукOLONиальной страны, где

⁶³ Antezana E.L. Op. cit. P. 2220–2221.

⁶⁴ Cajías L Op. cit. P. 175.

⁶⁵ Zavaleta Mercado R. Consideraciones generales sobre la historia de Bolivia. (1932–1971) // América Latina: historia de medio siglo. Vol. 1. México, 1982. P. 105.

⁶⁶ Malloy J. Op. cit. P.170.

буржуазная революция еще не выполнила своих основных задач. В. Гевара подчеркивал, что «революционный национализм» – это не теория, а практическое решение конкретных задач, это непосредственное действие в преобразовании отсталой зависимой страны⁶⁷. Главная же цель МНР, которой подчинены все остальные, в том числе и аграрная реформа, состояла в создании национального капитализма, способного обеспечить модернизацию страны⁶⁸.

Одной из первостепенных задач МНР в этот период была консолидация власти партийной бюрократии, усиление государства и преодоление стихийного народовластия, возникшего в ходе первых месяцев революции. Для этого были на лицо все предпосылки: спад рабочего движения, укрепление позиций руководства МНР. Ключевой элемент этого курса – воссоздание армии. Формально армию никто не распускал, ее просто не стало. Уже 12 апреля Э. Силес Суасо восстановил на действующей службе офицеров, ранее уволенных из армии за их симпатии к МНР, а также было создано новое командование вооруженных сил. Впрочем, это были символические меры. Единственное, на что реально осмелилось правительство, так это воссоздание полка охраны президента, целью которого было поддержание общественного порядка в столице совместно с ополчением и карабинерами⁶⁹. В те дни В. Пас говорил: «Армия получила сильный удар, который станет ей полезным уроком, но без армии нет государства... нужна новая народная армия»⁷⁰. Правительство хотело освободиться от зависимости от ополчения и КОБ: ему была нужна сильная армия.

Диаметрально противоположную позицию занимали КОБ и левый сектор МНР. В мае 1952 г. в Уануни Лечин заявил, что не позволит восстановить армию, разгром которой явился главным достижением рабочего класса и залогом успеха революции. Это заявление вызвало бурю возмущения в правительстве, речь Лечина квалифицировали подрывной и недостойной члена кабинета министров⁷¹. Однако решительный тон левых заставил правительство немного притормозить действия по восстановлению структуры военных институтов. Позиция КОБ была непреклонной: замена армии на рабочее ополчение.

На аргументы о необходимости защиты суверенитета страны перед лицом внешних угроз левые отвечали тезисом о народном ополчении как самой эффективной армии в революционной войне. Позиции КОБ в этом споре были гораздо сильнее, чем у правительства. После апреля оружие, арсеналы были захвачены профсоюзами и находились под контролем КОБ, в основном ФСТМБ. Ополчение продолжало расти и после первых месяцев революции: не хватало оружия для всех. Возникали все новые отряды, присившие вооружения⁷².

Попытки восстановить управленческую структуру армии вызывали даже вооруженное сопротивление левых. В августе 1952 г. Революционный комитет

⁶⁷ ANB. FWGA. 1–DOC.OP. C. 16. P. 101.

⁶⁸ Ibid. P. 101–102.

⁶⁹ ANB. MP. Ministerio de Defensa Nacional (MDN). 1952. C. 71, l. 5, T. 770 (PG7033). Ministerское распоряжение от 28 апреля 1952 г.

⁷⁰ El Diario. 15.05.1952

⁷¹ SRE. AHGE. Embajada de México en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1952. F–III. 1–1259, exp.–7. Отчет от 5 июня 1952 г.

⁷² ANB. MP. 1952. C. 70, t. 758 (PG7039). Письмо Л. Романа Паса – В. Пас Эстенсоро от 9 октября 1952 г.

Оруро отказался пустить в город присланных из Ла-Паса военных, угрожая вооруженным противодействием. То же самое происходило в других городах, например, в Потоси. Высшие деятели МНР должны были ездить в конфликтные точки, уговаривать рабочих не противодействовать мерам правительства⁷³.

Вплоть до конца 1952 г. КОБ не соглашался на компромисс с правительством по восстановлению армии. В конце октября 1952 г. на церемонии подписания акта о национализации горнорудных монополий Х. Лечин продолжал утверждать: «Роска⁷⁴ стремится воссоздать армию, на счету которой тысячи убитых рабочих... Мы – за пролетарскую армию. Защита революции в наших руках. Только рабочее ополчение есть лучшая гарантия развития и возрождения страны. Мы сами будем защищать страну и поддерживать общественный порядок, ибо это право мы завоевали на баррикадах с оружием в руках»⁷⁵. КОБ блокировал все меры по возрождению армии.

После октября 1952 г. революционная волна пошла на спад, и правительству удалось склонить левый сектор к компромиссу по военному вопросу. Лишним аргументом в пользу создания новой армии были условия, поставленные США для продолжения покупки боливийского олова. Одним из этих условий было воссоздание армии с минимальной численностью в 5 тыс. человек⁷⁶. Еще в мае 1952 г. США отказывались признавать правительство МНР без обещания с его стороны восстановить армию. Соппротивление КОБ этим планам делало их бесперспективными. Тогда США перешло к экономическому давлению, и левый сектор сдался.

Формулой компромисса была так называемая «производящая армия рабочих и крестьян». На деле под руководством американских военных возрождалась армия, воспитываемая в неоколониалистском духе. Лишь реально ощущаемый спад революции и утрата своих позиций левыми позволили В. Пасу, несмотря на резкие протесты КОБ, в январе 1953 г. вновь открыть Военный колледж, что было, по выражению Р. Савалета Меркадо, сигналом окончательной утраты рабочим классом контроля над политическим процессом и перехода гегемонии к бюрократии МНР⁷⁷. Как позднее вспоминал В. Пас, восстановление армии было необходимым актом для укрепления власти МНР, освобождения правительства от диктата профсоюзов⁷⁸.

Аграрный этап революции

С начала 1953 г. главным вопросом всей общественно-политической жизни Боливии становится аграрная проблема. Сразу после победы апрельского восстания, 12 апреля было создано Министерство по крестьянским делам (МКД), которое возглавил «рабочий министр», один из лидеров левого

⁷³ SRE. ANGE. Embajada de México en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1952. F–III, 1–1259, exp. – 7. Отчет от 4 сентября 1952 г.

⁷⁴ Роска – презрительный синоним олигархии.

⁷⁵ El Libro blanco... P. 142–143.

⁷⁶ SRE. ANGE. Embajada de México en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1952. F–III, 1–1259, exp. – 7. Отчет от 3 января 1952 г.

⁷⁷ Zavaleta Mercado R. Clases sociales y conocimiento. La Paz, 1988. P. 31.

⁷⁸ Bedregal G. Op. cit. P. 463.

сектора Ньюфло Чавес Ортис. Официально это министерство было призвано лишь провести в жизнь декреты Вильярроэля, а не аграрную реформу⁷⁹. 16 мая министерство ограничилось заявлением, что аграрная проблема будет изучена и решена постепенно, без излишней спешки⁸⁰. 22 мая правительство определило объем функций и компетенции министерства, ни слова не упомянув о подготовке аграрной реформы⁸¹.

Умеренный реформизм МНР в аграрном вопросе был обусловлен относительным спокойствием в деревне в первые месяцы революции и ограниченным характером требований крестьянских общин, отдельных лидеров и организаций, существовавших еще до апрельского восстания. Это положение контрастировало с революционным подъемом в городах. Однако спокойствие было обманчивым: уже в конце 40-х годов забастовки, волнения и восстания крестьян стали обычным явлением, почти нормой⁸². Деревня представляла собой готовый к взрыву вулкан.

На первом этапе революции большую активность проявляли традиционные организации крестьянства, общины, союзы касиков. Сохранившиеся общины направляли в правительство петиции с требованиями возвращения земель, незаконно захваченных помещиками на протяжении XIX и XX вв. В обращении к президенту касики общин из всех департаментов страны просили издать законы о возвращении земель в соответствии с документами колониального периода, признававшими за общинами неотчуждаемые земельные угодья, впоследствии узурпированные помещиками-креолами⁸³.

Правительство должно было реагировать на требования экспроприации отдельных латифундий, принадлежавших видным деятелям свергнутого режима или открытым противникам МНР⁸⁴. В июле 1952 г. правительство провело первые экспроприации латифундий: по декрету от 1 июля поместья Мурумамани и Ласарайя в районе Ачакачи (Ла-Пас) были переданы крестьянам, при этом часть собственности осталась у помещика⁸⁵. Этот декрет был своего рода программой МНР и пробой сил перед выработкой закона об аграрной реформе.

В первые месяцы революции, в апреле–мае 1952 г. от имени крестьянства действовали организации, более связанные с КОБ или МНР, а не с настоящим движением в деревне. В КОБ крестьян представляли А. Альварес Мамани, Г. Апаса, возглавлявшие еще до революции Аграрную федерацию, на деле же они не были связаны с действительным крестьянским движением. Ни КОБ, ни МНР не видели иной альтернативы этим деятелям, так как лишь в июне – июле 1952 г. стихийно, а также при поддержке городских рабочих активистов стали возникать первые сельские профсоюзы в Кочабамбе.

⁷⁹ Gotkowitz L. A Revolution for our rights. Indigenous Struggles for Land and Justice in Bolivia, 1880–1952. Durham, 2007. P. 270.

⁸⁰ Ultima Hora. 16.04.1952.

⁸¹ Antezana E.L., Romero Bedregal H. Historia de los sindicatos campesinos: un proceso de integración nacional en Bolivia. La Paz, 1973. P. 207.

⁸² Gotkowitz L. Op. cit. P. 284–285.

⁸³ ANB. MP. 1952. C. 70, t. 759 (PG7028). Обращение касиков от 19 августа 1952 г.

⁸⁴ ANB. MP. 1952. C. 70, t. 758 (PG7039). Обращение регионального командо МНР Чапаре от 10 июня 1952 г.

⁸⁵ Albo J. Achacachi: medio siglo de lucha campesina. La Paz, 1979. P. 28.

Особенностью крестьянского движения в Боливии в 50-е годы была массовая синдикализация деревни. Профсоюзы колонов существовали в некоторых местах и до революции, но после апреля 1952 г. этот процесс приобрел всеобщий характер. То, что именно профсоюз стал основной формой организации крестьянства, было не случайно, поскольку отвечало как глубоким общинным традициям, так и анархо-синдикалистским взглядам рабочих-активистов, принимавших участие в синдикализации деревни. Профсоюзы заменяли собой все местные власти.

Левые в МНР и КОБ видели в крестьянстве своего естественного союзника. Уже с апреля левые пытаются организовать крестьянское движение. Министерство Н. Чавеса делало все для того, чтобы крестьянские профсоюзы подчинялись КОБ, чтобы крестьянское ополчение, возникавшее вместе с профсоюзами, копируя своих городских братьев, входило бы в единое рабоче-крестьянское ополчение⁸⁶.

Центром движения была Кочабамба, где сформировались два центра: один в Клисе во главе с Синфоросо Ривасом, ставленником Лечина, и второй – в Укуренье, где преобладало троцкистское влияние, а лидером был Хосе Рохас. Между двумя центрами помимо принципиальных расхождений в отношении пути решения аграрного вопроса возникла вражда лидеров Х. Рохаса и С. Риваса. Клиса следовала в русле политики и указаний министерства, заявляя о своей готовности спокойно ожидать решения властей о будущем деревни. Укуренья руководствовалась лозунгами немедленной крестьянской революции, полной ликвидации помещичьей собственности и «черного передела».

Одновременно с созданием профсоюзов формировались вооруженные отряды крестьян, наводившие ужас не только на помещиков, но и на белометисные городки. В ряде мест профсоюзы в обязательном порядке призывали в эти отряды молодежь, вооружая их и обучая в специальных лагерях⁸⁷. Повсеместно возникали сильные региональные крестьянские армии. Образование профсоюзов, как правило, сопровождалось немедленным восстанием крестьян и изгнанием помещиков⁸⁸. Наблюдатели описывали хаос, беспорядки в сельской местности, приходили ежедневные сообщения об убийствах помещиков, мажордомов, о разрушениях и разграблениях поместий⁸⁹. Это было преддверие всеобщего крестьянского восстания.

Различные фракции в МНР пытались поставить под свой контроль отдельные крестьянские профсоюзы, привлечь на свою сторону их лидеров. Левый сектор контролировал профцентр в Клисе и С. Риваса, в то время как правые через префектуру Кочабамбы пытались создать собственные крестьянские профсоюзы. В других районах страны ситуация была сходной. Так, в июле 1952 г. правая фракция МНР «Националистический авангард» обра-

⁸⁶ SRE. AHGE. Embajada de México en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1952. F–III, I–1259, exp.–7. Отчет от 5 июня 1952 г.

⁸⁷ ANB. MP. MAC.1952. С. 71, I. 4, Т. 765 (PG 6850). Письмо профсоюзов Чукисаки от 9 августа 1952 г.

⁸⁸ ANB. MP. MAC.1952. С. 71, I. 4, Т. 765 (PG 6850). Сообщение из Лос Андес от 30 мая 1952 г.

⁸⁹ SRE. AHGE. Embajada de México en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1952. F–III, I–1259, exp.–7. Отчет от 3 декабря 1952 г.

зовала специальное командо в Айо-Айо с тем, чтобы немедленно «начать работу по созданию индейских организаций во всех общинах и поместьях», стремясь превратить регион в свою политическую вотчину⁹⁰. Левые же рассылали своих эмиссаров в уже созданные профсоюзы, свергая ставленников правых фракций, укрепляя контроль над профсоюзами в деревне. Так, в одной из многочисленных жалоб в правительство указывалось: «Представитель КОБ подстрекает крестьян не работать на собственника, призывает разделить его землю, воссоздавать общины, а при случае и убивать сопротивляющихся помещиков»⁹¹.

Объединительные организационные усилия КОБ и Министерства по крестьянским делам привели к образованию 6 августа 1952 г. в Сипе-Сипе Федерации крестьян Кочабамбы (ФСТСС). Федерация, во главе которой был поставлен представителем Клисис С. Ривас, объявила себя единственным законным представителем крестьян Кочабамбы. Однако Укуренья отказалась войти в ФСТСС. Х. Рохас требовал немедленного передела земли и изгнания помещиков. В Кочабамбе очень четко определились два направления в развитии аграрной политики революции: умеренное, реформистское, представленное объединением в Клисе, и революционное, радикальное, выразителем которого был центр в Укуренья с Х. Рохасом во главе.

Маловнятная позиция МНР, да и КОБ, в аграрном вопросе грозила вывести весь процесс из-под контроля правительства. После национализации горнорудной промышленности центральным вопросом революции стал аграрный. При подписании акта о национализации В. Пас Эстенсоро в своей речи особо подчеркнул, что закон об аграрной реформе будет следующим актом его правительства.

В ноябре – декабре 1952 г. повсеместно крестьяне переходили в наступление, не ожидая выполнения обещаний властей. В ноябре в Коломи (рядом с г. Кочабамба) произошло крупное восстание крестьян, ставшее рубежом в развитии крестьянского движения, впервые показавшего свою способность действовать независимо от городских политиков как слева, так и справа, а также продемонстрировавшего высокую степень организации и координации⁹². Восстание произвело огромное впечатление на городских жителей, в непосредственной близости от второго по величине города страны наблюдавших становление прямой крестьянской власти в округе с изгнанием помещиков и всех не индейцев.

В декабре крестьянское движение охватило практически все районы страны. Возникли крупные объединения крестьянских профсоюзов в масштабе кантона, провинции, департамента. Движение постепенно преодолевало свою местную ограниченность, наметилась тенденция к единству в борьбе за аграрную реформу.

Главным очагом напряжения в деревне оставалась Кочабамба. К декабрю 1952 г. ФСТСС под руководством С. Риваса выдвинула более радикальную по сравнению с августовской программу, что свидетельствовало об углуб-

⁹⁰ ANB. MP. MAC. 1952. С. 71, l. 4. Т. 765. (PG 6850). Сообщение от 3 июля 1952 г.

⁹¹ ANB. MP. 1952. С. 70, t. 758 (PG 7039). Жалоба Сельского профсоюза Короико – В. Пасу Эстенсоро от 3 декабря 1952 г.

⁹² Gordillo J.M. Op. cit. P. 51–57.

лении революционного процесса в деревне, ослаблении влияния правого крыла МНР, с одной стороны, и поиске компромисса с лидером Укуреньи Х. Рохасом, выступавшим за полную экспроприацию всех латифундий без выплаты возмещения, с другой.

Министерство по крестьянским делам и КОБ стремились к умиротворению в деревне, к прекращению волнений и восстаний, прибегая порой к прямым полицейским репрессиям. И КОБ, и левый сектор МНР, и правительство были едины в желании добиться спокойствия в деревне: агитаторы, в основном от ПОР, арестовывались и высылались⁹³. Вместе с тем Н. Чавес обещал в ближайшей перспективе создать комиссию по аграрной реформе.

В ноябре 1952 г. правительство и КОБ предприняли общие усилия по созданию профсоюзов крестьян, контролируемых сверху. 3 декабря 1952 г. при участии Индеанистского института и МКД в Ла-Пасе была образована Аграрная федерация департамента Ла-Пас (ФАД), в руководство которой были избраны ставленники властей Х. Сеспедес, Г. Апаса⁹⁴.

К концу 1952 г. разногласия внутри МНР между правыми, с одной стороны, и левыми и центром, с другой, приобрели непреодолимый характер. В условиях угрозы внутренней уособицы внутри МНР Х. Лечина резко изменил свою политику в отношении крестьянского движения, перейдя к поддержке самого радикального крыла крестьян Кочабамбы. С помощью Лечина в ФСТСС был отстранен всегда лояльный С. Ривас. 2 января к руководству федерации пришли лидеры Укуреньи во главе с Х. Рохасом и Э. Чаконом. Январский провал правых в МНР и чистка местных организаций от сторонников Л. Пеньялосы и У. Робертса вызвали дальнейшую радикализацию крестьянского движения. 20 января 1953 г. правительство объявило об образовании комиссии по аграрной реформе. Текст декрета о создании комиссии был составлен в довольно решительных выражениях, в частности, говорилось, что империализм «укрепил позиции феодалов-латифундистов и несет ответственность за унижение боливийских крестьян»⁹⁵. Комиссия должна была решить судьбу землевладения, определить, в каких формах будет протекать процесс перераспределения, а также каковы перспективы развития сельского хозяйства. Причиной столь решительного тона декрета было временное усиление левых в МНР после поражения правых. В январе 1953 г. МНР окончательно высказалась за проведение аграрной реформы; состав же комиссии был назван лишь в марте, а приступила она к работе только в апреле 1953 г.

После образования комиссии умиротворение так и не наступило. В Кочабамбе Х. Рохас и Э. Чакон издали приказ расстреливать сопротивляющихся помещиков и прямо перейти к переделу земли. Префект Кочабамбы был бессилен и умолял Х. Лечина и Н. Чавеса остановить крестьян⁹⁶. КОБ и Лечина предпочли не вмешиваться. Однако ситуация была настолько критической, что требовалось вооруженное вмешательство властей, чтобы предотвратить резню в Кочабамбе. После провала правых в январе МНР более не нужда-

⁹³ ANB. MP. MAC.1952. С. 71, л. 4, Т. 765 (PG 6850). Письмо Р. Мендеса Техады – Н. Чавесу от 9 декабря 1952 г.

⁹⁴ El Diario. 03.12.1952.

⁹⁵ Bonifaz M. Legislación agrario-indigenal. Cochabamba, 1953. P. 558.

⁹⁶ Gordillo J.M. Op. cit. P. 56.

Крестьянское ополчение Кочабамбы

лась в радикальной поддержке со стороны Х. Рохаса, и 26 января сторонники С. Риваса при поддержке КОБ и правительства вернулись к руководству ФСТСС, изгнав силой Х. Рохаса и членов ПОР. Через несколько дней, 30 января полиция арестовала радикальных вождей крестьян Х. Рохаса, К. Монтанья и других. В ответ крестьяне вошли в Кочабамбу и напали на полицейский штаб. Власти были растеряны, контроль над департаментом был полностью утрачен. После вмешательства и личного присутствия Х. Лечина, Н. Чавеса и министра внутренних дел Ф. Фортунa, уговаривавших крестьян покинуть город, конфликт удалось погасить. Крестьянских лидеров освободили, но предательство Х. Лечина и других левых превратило Х. Рохаса в его противника.

В Кочабамбе, в сельской местности к марту 1953 г. фактически не осталось ни одного помещика. Вслед за изгнанием администраторов и собственников крестьяне приступали к переделу земель⁹⁷. У властей, выступавших с осуждением захватов и переделов земли, не было реальной силы, способной сдерживать борьбу крестьян против помещиков.

С января по апрель 1953 г. спорадические восстания вылились в своеобразную «крестьянскую революцию», когда крестьяне добились ликвидации де-факто помещичьего землевладения, провели свою крестьянскую реформу. Центрами движения были Кочабамба, север Потоси, район оз. Титикака. В борьбу включалось крестьянство других районов страны – Чукисаки.

⁹⁷ El Diario. 14.03.1953.

Юнгас. Повсюду содержание крестьянского движения составляла борьба за землю. Профсоюз стал основной формой организации крестьянства, принял на себя функции органа местной власти.

Власть крестьянских вождей Кочабамбы опиралась на вооруженное ополчение, превосходившее по своему числу все полицейские силы страны. Перед лицом этой силы Министерство по крестьянским делам, как это уже было в декабре 1952 г. с организацией проправительственных профсоюзов, сделало ставку на создание в противовес Кочабамбе подчиненных властям крестьянских полков на Альтиплано.

Первый крестьянский полк был создан в кантоне Каламарка в конце марта 1953 г. Полку было присуждено имя Г. Вильярроэля; его численность составляла 1200 человек. Командирами были назначены Г. Апаса и Н. Чавес⁹⁸. Министерство при сотрудничестве с лидерами ФАД организовало несколько таких полков на Альтиплано. По свидетельству Г. Апаса, 9 апреля 1953 г. в Ла-Пасе в параде по случаю годовщины революции участвовали 16 крестьянских полков общей численностью 110 тыс. человек⁹⁹. Это была мощная вооруженная сила, подчинявшаяся Министерству по крестьянским делам. Созданием крестьянских полков на Альтиплано лидеры МНР стремились предотвратить ситуацию, подобную сложившейся в Кочабамбе.

В годовщину апрельского восстания в Ла-Пасе к работе приступила комиссия по аграрной реформе. В комиссию, возглавляемую вице-президентом страны Э. Силесом Суасо, вошли «марксисты», бывшие члены ПИР Артуро Уркиди, Эдуардо Арсе Лоурейро, троцкист, бывший член ПОР Эрнесто Айяла Меркадо, представители левого крыла МНР Сенон Баррьентос Мамани, Уго Лопес. В комиссию также были включены технические эксперты ООН Эдмундо Флорес, Картер Гудрих, Р. Роджер. Глава комиссии Э. Силес в своем выступлении, посвященном будущему закону об аграрной реформе, сказал: «Мы разрушим все формы рабства, наша цель – увеличение производства. Крестьяне должны знать, что мы не допустим анархии в сельском хозяйстве. Саботаж помещиков приведет лишь к немедленной передаче земли крестьянам без компенсации. Мелкие и средние землевладельцы найдут в реформе наилучшие возможности для прогресса... Битва, которую мы начинаем, уничтожит не только латифундистов, но и всех угнетателей»¹⁰⁰.

30 апреля 1953 г. были опубликованы два декрета: о сельских профсоюзах и о поместьях в Укуренье. Первым декретом профсоюзы обязывались обеспечить сбор урожая в поместьях, на них возлагалась ответственность за непрерывность производства¹⁰¹. Декрет об Укуренье передавал землю помещий колонам¹⁰². Этот декрет поставил движение в Укуренье вне общенациональной политики, признавая его исключительность. Правительство стремилось изолировать революционную Укуренью от остальной страны. Руководство МНР рассчитывало, что после умиротворения в Укуренье будет

⁹⁸ El Diario. 20.03.1953.

⁹⁹ El Diario. 9.04.1953.

¹⁰⁰ El Diario. 10.04.1953.

¹⁰¹ La reforma agraria en América Latina. Problemas y casos concretos. México, 1974. P. 188.

¹⁰² Dandler J. Sindicalismo campesino en Bolivia. Cochabamba, 1983. P. 186–193.

легче осуществить свою программу умеренных аграрных преобразований в общенациональном масштабе.

Апрельские декреты 1953 г. восстанавливали в деревне систему колоната, обязывали профсоюзы следить за выполнением всех крестьянских повинностей. Утверждалось, что эта мера имеет целью обеспечить непрерывность сельскохозяйственного производства до выработки законодательства по новому землеустройству. На деле же эти декреты создавали для правительства юридическую основу подавления крестьянского движения, находившегося вне контроля МНР. Умеренные в МНР были недовольны апрельскими декретами, они настаивали на пресечении агитации в деревне и на предоставлении гарантий собственникам поместий¹⁰³.

С принятием апрельских декретов и началом работы комиссии по аграрной реформе МНР удалось частично успокоить крестьянство в районах наибольшего подъема борьбы за землю, прежде всего в Укуренье. В апреле – мае 1953 г. правительство уже контролировало большинство крестьянских организаций, начался спад движения.

В результате «крестьянской революции» в районах особо активной борьбы за землю передел земли стал фактом, что не могли игнорировать в МНР. Для всех было очевидным, что полное успокоение в сельской местности может наступить лишь после узаконения завоеваний крестьянства. В июне 1953 г., фактически накануне опубликования закона об аграрной реформе, МНР и КОБ удалось общими усилиями объединить под своим руководством враждебные крестьянские группировки Кочабамбы. 14–15 июня 1953 г. состоялся 1 съезд крестьян Кочабамбы, на котором под сильным нажимом правительства и КОБ было избрано руководство, в состав которого вошли и Х. Рохас, и С. Ривас, а члены ПОР К. Монтаньо и Э. Чакон были изгнаны и высланы из департамента. Делегаты съезда выступали за «национализацию земли, за передачу крестьянам всей помещичьей собственности». Фактически это была программа левого крыла МНР и КОБ. На съезде резкой критике была подвергнута работа комиссии по аграрной реформе и апрельские декреты правительства¹⁰⁴.

К концу июня 1953 г. обстановка в Кочабамбе вновь резко накалилась. 23 июня 1953 г. полицией Ла-Паса был раскрыт контрреволюционный заговор во главе с полковником Р. Лоайса¹⁰⁵. КОБ объявил о мобилизации рабочего ополчения. В воззвании КОБ все крестьянские профсоюзы в стране обязывались в случае переворота немедленно занять и поделить среди крестьян все помещичьи земли¹⁰⁶. 30 июня крестьяне Укуреньи в поисках склада оружия заговорщиков двинулись походом на Тарату, оплот фалангистов. Жители Тараты несколько дней держали оборону, пока город не был взят штурмом и разграблен крестьянами¹⁰⁷. Также в Вила-Вила шли упорные бои крестьян с жителями городка. В результате этих событий со множеством жертв положение жителей небольших городков становилось невыносимым.

¹⁰³ Antezana E.L., Romero Bedregal H. Op. cit. P. 256–257.

¹⁰⁴ Gordillo J.M. Op. cit. P. 69.

¹⁰⁵ Tiempo. Cochabamba. 13.07.1953.

¹⁰⁶ El Diario. 25.06.1953.

¹⁰⁷ Antezana E. L., Romero Bedregal H.. Op. cit. Anexo. P. 19–20.

Стал массовым их исход в крупные города. Только срочное издание закона об аграрной реформе могло стабилизировать положение, ввести процесс перемен в деревне в легальное русло, прекратить крестьянскую революцию.

Накануне опубликования закона об аграрной реформе особенно усилилась дискуссия об ее характере и направленности. КОБ посвятил этому специальные заседания в июне 1953 г. В КОБ было представлено четыре проекта реформы. От имени правительственной комиссии выступил член исполкома МНР Лопес Авила. Он предложил принять предложение об экспроприации латифундий и перераспределении земли с компенсацией бонами в течение 25 лет. Его поддержал Н. Чавес, добавив лишь требование национализации земли. Другой проект представил Э. Мольер (троцкист), предложивший провести национализацию земли, конфисковать всю помещичью собственность и перераспределить землю среди крестьян без какого-либо возмещения помещикам¹⁰⁸.

Компартия представила свой проект реформы, в основу которого были положены тезисы V Национальной конференции КПБ, проведенной в июне 1953 г. Эти тезисы копировали китайский земельный закон и были мало применимы в боливийских условиях. На позицию партии большое влияние оказали взгляды С. Альмараса Паса, бывшего тогда генеральным секретарем, который, как и представители левого крыла МНР, видел в китайской реформе пример решения аграрной проблемы в странах, переживающих период «национальной революции»¹⁰⁹.

На совещании в КОБ после долгих дискуссий были приняты предложения Лопеса Авилы: экспроприация латифундий с возмещением бонами в течение 25 лет. Резолюцию КОБ написали Ньюфло Чавес от МНР и Эдвин Мольер от ПОР. Позиции левых в МНР и троцкистов в тот момент совпадали по многим вопросам¹¹⁰. КОБ оказывал серьезное давление на правительственную комиссию, членам которой даже такая умеренная формула казалась слишком «радикальной и несвоевременной»¹¹¹. После этого совещания в конце июля 1953 г. КОБ принял постановление, в котором выдвигалось требование «национализировать землю и передать ее безвозмездно тем, кто ее обрабатывает». Кроме того, вдохновляясь схемой самоуправления, КОБ предлагал создать органы рабоче-крестьянского контроля за осуществлением реформы¹¹².

Правительственная комиссия работала всего 90 дней. До самого дня опубликования декрета его содержание скрывалось от общественности. Заседания комиссии проходили при закрытых дверях. Правительство В. Пас Эстенсоро стремилось избежать давления со стороны КОБ, левых партий и крестьянского движения, выступавших за радикальные преобразования в деревне.

Тридцать лет спустя член комиссии Н. Чавес Ортис вспоминал: «Э. Силес считал, что достаточно передать в собственность крестьянской семьи индивидуальный участок – сайяню. В. Гевара Арсе стремился во что бы

¹⁰⁸ Alexander R. The Bolivian National Revolution. New Brunswick, 1958. P. 62–63.

¹⁰⁹ Canelas A. Mito y realidad de la reforma agraria en Bolivia. La Paz, 1966. P. 138–139.

¹¹⁰ Moller Pacieri E. Op. cit. P. 47.

¹¹¹ Urquidí A. Feodalismo en América y la reforma agraria boliviana. Cochabamba, 1966. P. 234–236

¹¹² El Diario. 24.07.1953.

то ни стало сохранить земли поместья, сведя ее размеры к средней собственности. В свою очередь, член комиссии, марксист и член ПИР А. Уркиди предлагал смешанный коллективно-индивидуальный тип собственности, в то время как другой член комиссии, троцкист Э. Айяла Меркадо стоял за полную коллективизацию»¹¹³.

Преобладавшие в комиссии реформисты во главе с Э. Силесом, поддержанные В. Пасом, цель реформы видели в том, чтобы на месте полуфеодальной латифундии возникло высокопродуктивное среднее и крупное капиталистическое предприятие. МНР была вынуждена уступить давлению КОБ: была принята компромиссная формула – экспроприация с возмещением бо-нами по кадастровой стоимости в течение 25 лет¹¹⁴.

Накануне опубликования декрета об аграрной реформе 27 июля 1953 г. в Ла-Пасе Министерство по крестьянским делам провело национальную крестьянскую конференцию, на которой была создана Национальная крестьянская конфедерация Боливии (СНТСБ). Конференция проходила под лозунгом поддержки правительства МНР. В руководство СНТСБ были избраны правительственные ставленники, умеренные крестьянские лидеры во главе с С. Ривасом, а также функционеры министерства¹¹⁵.

На следующий день после съезда СНТСБ, 28 июля 1953 г., комиссия предоставила В. Пасу окончательный текст декрета об аграрной реформе. На пресс-конференции Э. Силес заявил, что аграрная реформа имеет своей целью «предоставить землю и свободу крестьянам»¹¹⁶. Было объявлено, что декрет будет подписан в Укуренье 2 августа, в День индейца. В Укуренье собралось около 200 тыс человек, треть которых была вооружена. Крестьяне демонстрировали прекрасную дисциплину, терпеливо ожидая президента республики и членов его кабинета¹¹⁷.

2 августа 1953 г. в Укуренье состоялась церемония подписания декрета об аграрной реформе. Зачитанный текст декрета был переведен на кечуа и аймара. В своей речи перед крестьянами В. Пас Эстенсоро сказал: «Сегодня стало возможным превратить мечту в действительность: крестьяне стали хозяевами земли, которую они обрабатывают и более не чувствуют гнета латифундий. Все это – благодаря партии МНР, возглавляющей борьбу всего народа Боливии»¹¹⁸.

Первые статьи декрета объявляли, что суверенитет на землю, недра и воды принадлежит боливийской нации. Право на владение землей обуславливалось выполнением «социальной функции»¹¹⁹. Все необрабатываемые земли за пределами городов объявлялись собственностью государства. Статья 12 провозглашала: «Государство не признает латифундию – эксплуатируемое архаичными методами крупное землевладение, в котором сохранилось феодальное угнетение»¹²⁰.

¹¹³ Historia Boliviana. Revista semestral. Vol. 1–2. Cochabamba, 1985. P. 22.

¹¹⁴ El Diario. 25.07.1953.

¹¹⁵ Antezana E. L., Romero Bedregal H. Op. cit. P. 277–278.

¹¹⁶ El Diario. 29.07.1953.

¹¹⁷ El Diario. 30.07.1953.

¹¹⁸ El Diario. 9.04.1954.

¹¹⁹ La Revolución Nacional a través de sus decretos más importantes. La Paz, 1955. P. 47.

¹²⁰ Ibid. P. 49.

Декрет устанавливал несколько видов собственности – государственную, частную, кооперативную, общинную. Частное землевладение, согласно закону, могло существовать в трех основных формах: мелкая собственность (обрабатывалась только семьей крестьянина), средняя (использование наемного труда и техники), сельскохозяйственное предприятие (крупное землевладение, характеризующееся широкомасштабными капиталовложениями, наемной рабочей силой и современной агротехникой).

Декрет устанавливал максимальные размеры для всех трех типов хозяйств с учетом географических и климатических особенностей различных сельскохозяйственных зон. На Альтиплано и Пуно мелкое крестьянское хозяйство могло варьироваться от 10 до 35 га, в районе долин с учетом суходола или орошаемой земли – от 3 до 30 га, в субтропическом районе – от 10 до 80 га. Максимальные размеры мелкокрестьянского землевладения должны были, по мнению законодателей, создать рентабельное, товарное хозяйство. Однако эти намерения были слишком оторваны от реального положения дел в деревне, где преобладающей формой крестьянского землевладения была минифундия.

Максимальные размеры для среднего землевладения на Альтиплано устанавливались 80–300 га, в районе долин – 24–150 га, в субтропиках – 150–600 га, для тропических равнин (восток) – 500 га. Согласно декрету даже при самых минимальных размерах наемной рабочей силы и техники большинство помещиков могло сохранить значительные земельные площади.

Латифундия могла избежать экспроприации, если ее квалифицировали как сельскохозяйственное предприятие. В районе оз. Титикака его размеры могли достигать 400 га, на Альтиплано 800 га, в долинах от 230 до 600 га, в тропиках до 2 тыс га¹²¹. Законодательное закрепление в декрете различных форм среднего и крупного помещичьего землевладения отражало стремление МНР к умеренной капиталистической модернизации латифундий, создавало возможность сохранения в послереформенной деревне крупных хозяйств бывших латифундистов. Однако результаты «крестьянской революции» полностью обесценивали эти положения: поместья уже были поделены, а возвращение прежних хозяев нелегально. На деле реформа лишь закрепила реально сложившееся положение вещей.

Одной из самых важных частей декрета были положения о порядке компенсации латифундистам и распределения их земель. Объявлялось, что все подлежащие экспроприации латифундии компенсируются по кадастровой стоимости 2-процентными бонами в течение 25 лет. Крестьяне возмещали стоимость полученных при разделе поместья земель. Девальвация боливиано и инфляция послереволюционных лет полностью обесценили номинальную стоимость поместий, компенсация потеряла всякий смысл, и помещики не получили ничего.

Крестьяне объявлялись собственниками занимаемых земель. Кроме того, они имели право на дотацию из помещичьей запашки. Предпочтение при наделении землей получили колоны. Излишки земли предоставлялись всем желающим горожанам, рабочим, горнякам. Любой крестьянин мог получить 50 га на востоке страны. Огромное значение придавалось колонизации тропических равнин на востоке страны.

¹²¹ La Revolución Nacional a través de sus decretos más importantes. P. 50–51.

Для осуществления реформы создавалась Национальная служба по аграрной реформе, которая выносила окончательные решения о судьбе тех или иных поместий, рассматривая при этом каждый конкретный случай отдельно. Признавалось участие крестьянских профсоюзов в осуществлении аграрной реформы¹²². Несмотря на допущение контроля снизу и передачу инициативы в руки крестьянских организаций, декрет предусматривал крайне сложный процесс оформления документов на владение землей.

Аграрная реформа – это последний акт боливийской революции, ее логический финал. Революция на нисходящей линии – с октября 1952 по август 1953 г. развивалась исключительно как крестьянская, аграрная. Ее особенность состояла в том, что аграрный и народно-демократический, радикальный этапы не совпали хронологически. Пока шли самые радикальные преобразования, движения масс были стихийными, имели антикапиталистическую направленность, деревня еще не проснулась. Когда же стал очевидным спад революции в городах, началась аграрная революция, а рабочий класс и революционно настроенные слои города остались нейтральны и, скорее, отчужденно восприняли крестьянские восстания, что можно объяснить вековым расово-культурным антагонизмом между бело-метисной и индейской Боливией. Несовпадение целей и мотивов, а также временное расхождение между городским и сельским революционным движением повлияло на динамику процесса преобразований, ослабило напор и привело к свертыванию самой революции.

За годы революции экономика Боливии, проходя через радикальные социальные и политические преобразования, оказалась в состоянии кризиса и внутренней перестройки. За несколько месяцев 1952 г. рост стоимости жизни побил все рекорды. К ноябрю цены выросли вдвое на официальном рынке, достигнув астрономических цифр на «черном». Дефицит продуктов и дороговизна больно ударила не только по рабочим и беднейшим слоям, но и по среднему классу. Лишь политическая мобилизация революционных масс помогла заглушить растущее недовольство текущей экономической ситуацией. Прошедший в декабре съезд парторганизации МНР Кочабамбы высказался за создание государственных магазинов для беднейших слоев и карточной системы как единственного способа решить острейшую социальную проблему массового обнищания народа и нехватки предметов первой необходимости¹²³.

Активные политические компании против спекулянтов не меняли положения в лучшую сторону. В 1952–1956 гг. инфляция составила 900%. Увеличение зарплаты рабочим, декретируемое правительством и КОБ, не соответствовало возможностям предприятий, особенно мелких и средних, которые постоянно просили отсрочки у правительства¹²⁴. Многие предприятия закрывались, в том числе и в горнорудной отрасли. Процветали финансовые спекуляции: под видом покупки валюты для импорта продовольствия масса фиктивных фирм занимались перепродажей валюты на «черном рынке»¹²⁵.

¹²² La Revolución Nacional a través de sus decretos más importantes. P. 72.

¹²³ ANB. FWGA. 1–DOC.OP. C.17. Documentación del MNR. 1952. Решение МНР Кочабамбы от 28 декабря 1952 г.

¹²⁴ ANB. MP. OV.1952. C.70, t. 757 (PG 6849). Письмо Торговой палаты в администрацию президента от 4 декабря 1952 г.

¹²⁵ ANB. MP. OV.1952. C. 70, t. 757 (PG 6849). Ассоциация торговцев и промышленников – В. Пас Эстенсоро от 7 ноября 1952 г.

Инфляция и девальвация национальной валюты больно ударила не только по низам, но и фактически уничтожила часть господствующего класса: помещиков, рантье, средние слои. Кроме того, спекулятивные операции в этот инфляционный период дали шанс возникновению новой буржуазии, связанной с государством, ставшем главным регулятором валютно-финансовых отношений. Роль государства в формировании нового класса предпринимателей становилась решающей. Поощрение государством новой буржуазии имело различные формы. Кредиты, выданные государством предпринимателям, чаще всего не возвращались: со временем сумма этих кредитов достигла размеров ВВП¹²⁶. Источником средств была КОМИБОЛ: только в 1953–1956 гг. в результате искусственно заниженных тарифов государство перераспределяло более 35% стоимости, произведенной КОМИБОЛ¹²⁷. Кредитование стало вестись через Центральный банк: в 1951 г. через ЦБ проходило только 22% кредитов промышленности, а в 1953 уже 89%. За период с 1952 по 1956 г. предпринимателям через кредиты было передано 50,5 млн долл.¹²⁸

За исключением горнорудной промышленности, где существовали серьезные опасения поглощения КОМИБОЛ средних и мелких шахтовладельцев¹²⁹, основная масса предпринимателей ожидала извлечь выгоды от активного вмешательства государства в экономическую жизнь. Помимо поддержки национального капитала стратегической линией правительства было создание государственного сектора.

Главным инструментом формирования госсектора стала Боливийская корпорация развития (СБФ), созданная еще в 1942 г. Во главе корпорации стоял последовательный сторонник активного государственного вмешательства в экономику, видный экономист А. Гумусио Рейес. Огромные средства стали вкладываться в транспортную и производственную инфраструктуру. Только в период президентства В. Пас Эстенсоро (1952–1956) СБФ создала предприятий на сумму в 15 млн долл.¹³⁰

Идеологи МНР так определяли цели экономической стратегии: развитие промышленности и создание «контролируемой экономики, гарантирующей безопасность страны»¹³¹. По идее МНР, государство должно обеспечить успех этапа накопления капитала. Вместе с тем помимо экономического роста участие государства в хозяйственной жизни должно было обеспечить социальную справедливость, достойное существование человека, гарантировать участие рабочих в управлении предприятий¹³². Этатизм в экономике не означал, что государство собирается полностью вытеснить частную инициативу. В 1954 г. министр экономики успокаивал предпринимателей: создаваемые государственные предприятия в будущем будут передаваться в частные руки через акционирование, трансформироваться в кооперативы и смешанные

¹²⁶ Bolivia en el siglo XX. La formación de la Bolivia contemporánea. La Paz, 1999. P. 176.

¹²⁷ Боливия: тенденции экономического и социально-политического развития. М., 1990. С. 27.

¹²⁸ Historia boliviana. N 2/2. 1982. P. 134

¹²⁹ ANB. MP. OV.1952. C.70, t. 757 (PG 6849). Ассоциация мелких и средних горнопромышленников от 30 октября 1952 г.

¹³⁰ Historia boliviana. N 2/2. 1982. P. 131

¹³¹ ANB. FWGA. 1–DOC.OP. C.16. P. 119–120.

¹³² ANB. FWGA. 1–DOC.OP. C.16. P. 120.

общества¹³³. Идеологи МНР предполагали создание такой модели экономики, где ведущие позиции занимали бы различные формы обобществленной собственности, государственной, кооперативной, смешанной до той поры, пока не возникнет сильный национальный частный капитал. Для буржуазии в годы революции было до конца не ясно, является ли партия МНР партией буржуазного развития. Перипетии революции давали слишком много противоречивых поводов сомневаться в этом.

Усиление государства в экономике, проходившее под лозунгом обретения подлинной независимости и антиимпериализма, вело к усилению уязвимости народного хозяйства страны от внешних факторов. В первый год революции государственный долг вырос на 10%¹³⁴. При низких ценах на основной боливийский экспорт – олово у МНР не было другой альтернативы, как обратиться к иностранной помощи, которую могли оказать только США, заинтересованные в боливийском олове, но готовые покупать его при определенных политических гарантиях со стороны МНР. В условиях, когда главные производители олова – Малайзия и Индонезия находились в районе активного влияния коммунистического Китая, угрожавшего поставкам этого минерала на рынок, Боливия могла стать единственным стабильным поставщиком олова в США.

Первыми иностранными государствами, признавшими правительство МНР, были перонистская Аргентина, левонационалистическая Гватемала и франкистская Испания. США медлили с признанием целый месяц. Они считали В. Гевару Арсе, Х. Лечина, Н. Чавеса коммунистами и требовали их ухода из правительства¹³⁵. Однако послу Боливии в США В. Андраде удалось убедить госдепартамент в обратном, и 2 июня дипотношения были восстановлены в полном объеме. Вслед за США последовали и остальные латиноамериканские страны.

При конъюнктуре начала 50-х годов революция в Боливии не представлялась США серьезной угрозой, в то время их более беспокоили Аргентина и Бразилия. А вот соседи Боливии Чили и Перу серьезно встревожились после событий в апреле 1952 г., опасаясь эффекта домино и разрастания революции на их страны. Чили настраивала США против МНР, называя ее перонистской, и особенно опасалась примера национализации рудников. Перуанский диктатор Одриа настойчиво призывал США резко выступить против революционной Боливии, где у власти, по его мнению, находились коммунисты и перонисты. Перуанский диктатор не без основания опасался переноса крестьянской революции из Боливии на территории родственных индейских народов в Перу¹³⁶.

В. Пас умело использовал угрозу радикализации рабочего движения как аргумент в переговорах с США, для которых не оставалось иной альтернативы как правительство МНР. США еще до революции имели тайные контакты с лидером МНР Э. Силесом: глава технической миссии ООН Картер Гудрих рекомендовал правительству США сотрудничество с МНР¹³⁷. Со свертыва-

¹³³ *Historia boliviana*. N 2/2. 1982. P. 131.

¹³⁴ *Lopez Rivas E. Esquema de historia económica de Bolivia*. Oruro, 1955. P. 195.

¹³⁵ SRE. Embajada de México en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1952. F–III, 1–1259, exp.–7.

¹³⁶ *Bedregal G. Op. cit.* P. 402–403.

¹³⁷ *Blasier C. The Hovering Giant. U. S. responses to revolutionary change in Latin America*. 1910–1985. Pittsburgh, 1985. P. 130.

нием самой революции США более спокойно взирали на режим МНР. Одним из условий полномасштабной помощи с их стороны было восстановление армии. Последним аккордом революции, знаменовавшим ее финал, был декрет от 12 октября 1953 г. о создании новых вооруженных сил. Хотя декрет указывал, что в офицерские училища «следует принимать только представителей средних слоев, рабочих и крестьян»¹³⁸, МНР делала выбор между рабочим ополчением и профессиональной армией в пользу второй.

В конце 1953 г. состоялся визит в Боливию Милтона Эйзенхауэра, брата президента США, а затем и заместителя госсекретаря Х. Холланда. Именно тогда в обмен на политические гарантии и проамериканскую ориентацию Боливии была предложена массивная экономическая помощь, в которой так нуждалась страна. Уже в конце 1953 г. была предоставлена помощь продовольствием на 5 млн долл. и предметов первой необходимости на 4 млн долл.¹³⁹ В последующие годы помощь США стала решающим экономическим фактором развития Боливии: в период с 1954 по 1956 г. страна получила 60 млн долл., а к 1961 г. уже 200 млн¹⁴⁰. В условиях экономического спада (в среднем 2,3% в год) помощь спасла страну от финансового краха и возможного социального взрыва с перспективой радикализации революционно-го процесса.

Широкомасштабная помощь США пришлась на период отката революции, ее завершения. Конец 1953 г. уже характеризовался свертыванием революционного движения масс и институционализацией режима МНР. В ноябре 1953 г. произошли события, которые показали изменение соотношения сил в рамках революционного союза. 9 ноября 1953 г. фалангисты предприняли попытку свержения МНР: в Кочабамбе был арестован Х. Лечин, а город перешел под контроль мятежников. В Ла-Пасе фалангисты захватили министров Аугусто Куадроса и Хосе Фельмана Веларде. Однако планы арестовать президента Паса провалились¹⁴¹. Восстание фаланги было подавлено крестьянским ополчением, в то время как рабочие отряды оставались пассивными. В госаппарате и в армии прошла очередная чистка, а политические противники режима, прежде всего фалангисты, подверглись жестоким репрессиям. Именно крестьянское ополчение было силой, на которую могло рассчитывать руководство МНР, противопоставляя его рабочим отрядам КОБ.

В 1953 г. революция завершилась, ее завоевания были прочны, а сложившийся политический режим пользовался мощной общественной поддержкой. Революция была поистине национальной, освободительной, ибо объединяла большинство народа, практически все слои и классы общества единой целью – преодоления, снятия внешних препятствий для модернизации и развития. Революция создала новое общество, произведя масштабное перераспределение собственности и богатства. Общество стало более эгалитарным. Ведущей силой революционных процессов был рабочий класс, и в этом смысле революция была пролетарской, демократической и народной по форме и характеру, но буржуазной по целям и задачам. В этом состоял ее

¹³⁸ La Revolución Nacional a través de sus decretos más importantes. P. 36

¹³⁹ Blasier C. Op. cit.. P. 88.

¹⁴⁰ Mitchell C. Op. cit. P. 56.

¹⁴¹ Sanjinés Ávila R. Op. cit. T. 1. P. 333.

парадокс: сочетание антикапиталистических, антисистемных элементов при общей буржуазно-демократической направленности движения.

Революция в своем развитии прошла два этапа. В первый год революции, с апреля по октябрь – ноябрь 1952 г., т.е. с момента победы восставшего народа в апреле до исторического акта о национализации горнорудной промышленности, революция развивалась по восходящей линии. Именно в этот период в боливийском революционном процессе особо проявились антикапиталистические, антисистемные черты, которые позволяют нам говорить о народной, демократической революции нового типа. Боливийская революция стремилась к разрушению буржуазии как класса, к установлению народовластия и прямой демократии вооруженного народа. Вслед за народно-демократическим этапом, главной характеристикой которого была явная, преобладающая гегемония народных масс, наступил период революционного спада, т.е. нисходящей линии развития революции.

С конца 1952 по август 1953 г., в условиях спада рабочего движения и успокоения в городах, на первый план выходит аграрный вопрос. Крестьянская революция радикально разрешила аграрный вопрос, предрешив тем самым содержание декрета об аграрной реформе 2 августа 1953 г., а также практику его реализации. При всем размахе и глубине революционного движения крестьянства в этот период уже была очевидной преобладающая буржуазно-демократическая направленность революции. С принятием декрета об аграрной реформе наступило умиротворение деревни. Революция выполнила все поставленные перед ней задачи.

Аграрная реформа фактически тоже была антисистемной, но она так и не смогла разрушить самую «ретроградную и реакционную», с точки зрения буржуазного прогресса, форму организации производства и жизни крестьян – индейскую общину – айлью. Более того, под видом синдиката, профсоюза, община сохранилась. Парадокс состоял в том, что пролетарская форма организации, профсоюз заменили по форме, но не по существу такой же антибуржуазный по своей направленности институт – общину, создав непреодолимые препятствия для развития капитализма в боливийской деревне, а между тем это было главной целью буржуазных реформаторов из МНР.

Национализация монополий олова фактически уничтожила единственно реально существовавшую буржуазию. Диктатура профсоюзов, право вето, соправление серьезно подрывали основы капиталистической модернизации, к чему стремилась МНР. Однако революции не хватило силы для углубления процесса трансформации общества, не удалось перейти ту границу, когда антисистемный, антикапиталистический, разрушающий элемент стал бы преобладающим. Политическая гегемония осталась у реформистов МНР, которым удалось свернуть революцию. В результате революции возникло корпоративно-патерналистское государство, в основе политической структуры которого лежало разделение власти между партбюрократией МНР и профбюрократией КОБ.

Глава 22

РЕЖИМ «НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ».

1954–1964

После 1953 г. начался период сворачивания многих революционных завоеваний. Строился авторитарный однопартийный режим, опиравшийся на гегемонию партии МНР и ее идеологию надклассовой, национально ориентированной власти. Один из идеологов МНР Гильермо Бедрегаль, определяя характер боливийской революции, подчеркивал, что она является ни в коем случае не пролетарской, а национальной, подобной движениям самоопределения бедных и отсталых стран, главной задачей которых являлось завоевание экономической независимости. Пропагандисты МНР характеризовали режим «национальной революции» как «союз трудящихся классов»¹, а революцию представляли делом трудящихся города и деревни, рабочих, крестьян и средних слоев, интересы которых представляла единственная национальная партия МНР².

По заявлениям идеологов МНР, именно эта партия олицетворяла сотрудничество различных классов. МНР проповедовала классовое сотрудничество во имя национальных интересов, считала себя партией рабочего класса, опиравшейся на мощные, огосударствленные профсоюзы. Р. Савалета Меркадо отмечал, что «национальное единство, строительство национального государства понималось исключительно как создание национальной буржуазии», национального капитализма³.

Еще до революции и особенно во время нее МНР была своеобразным общедемократическим фронтом, объединяющем в своих рядах различные политические группы и структуры – от женских и молодежных групп до профсоюзов и идеологически враждебных квазипартий, секторов. Самым сильным сектором был левый, опиравшийся на руководство КОБ во главе с Хуаном Лечинем, в котором одновременно имели большой вес оппозиционные партии коммунистов и троцкистов. Стабильность режима определяла способность верхушки партии находить тонкий баланс интересов партийной и профсоюзной бюрократии, равновесие правых и левых в руководстве МНР и страны. Суть самого режима «национальной революции» состояла в союзе порой противостоящих сил, профсоюзов, ополчения, бюрократии, предпринимательских кругов. Такой однопартийный режим мог существовать только при создании институциональных механизмов компромисса. Боливийский режим не смог создать долговременную структуру взаимодействия различных секторов и групп влияния, поэтому был обречен на период нестабильности и возможной дезинтеграции.

МНР пользовалась полной монополией власти, частью которой был КОБ. Первый съезд КОБ в октябре 1954 г., принявший «идеологическую програм-

© А.А. Щелчков

¹ *Bedregal G.* La Revolución Boliviana, sus realidades y perspectivas dentro del ciclo de la liberación de los pueblos latinoamericanos. La Paz, 1962. P. 65.

² *Paz Estenssoro V.* Mensaje al pueblo. La Paz, 1954. P. 37.

³ *Zavaleta Mercado R.* Consideraciones generales sobre la historia de Bolivia (1932–1971) // *América Latina: historia de medio siglo.* Vol. 1. México, 1982. P. 102.

му» боливийского синдикализма, осудил коммунизм и СССР. Авторство программы КОБ принадлежало видным троцкистам-энтристам Э. Мольеру, Э. Айяле Меркадо и перуанскому троцкисту Агусто Барсельи. Троцкисты по-прежнему оказывали решительное влияние на боливийский синдикализм⁴.

Хотя съезд продолжал декларировать «стратегическую линию революционного марксизма», выбором рабочего класса Боливии объявлялась национальная революция под руководством МНР и КОБ. КОБ рассматривал сопряжение и рабочее ополчение главными гарантми завоеваний революции. Последним всполохом революции были требования «открытых кабиљдо», т.е. формы прямого народовластия и рабочего контроля над алькальдами – мэрами городов. Эти предложения остались на бумаге⁵.

КОБ заявлял, что рабочие и крестьянские конгрессы «являются подлинными народными парламентами», но отвергал идею двоевластия и своей трансформации в «совет». КОБ должен был остаться исключительно профсоюзом и заниматься экономическими, а не политическими вопросами⁶. Рабочее движение более не претендовало на самостоятельную роль, отдавая политическую инициативу в руки профбюрократии и партийной верхушки МНР. Не могли ввести в заблуждение и демонстративные заявления Лечина об отставке в феврале 1954 г., впоследствии дезавуированные верхушкой МНР. Левый сектор, КОБ и Лечин полностью признали лидерство центристов в МНР и предпочли интегрироваться вместе с самим режимом. О Лечине и левом секторе справедливо писал Р. Савалета Меркадо: «Лечин стал эффективным орудием рабочего класса в его диалоге с мелкой буржуазией, но с другой стороны, нет сомнения, что рабочий класс, в свою очередь, превратился в орудие Лечина для собственного выживания перед лицом мелкой буржуазии, у которой был свой герой, своя парадигма, олицетворяемая Пасом Эстенсоро, этим образцовым бюрократом современного типа»⁷.

Одной из важнейших реформ, предпринятых первым правительством МНР, была ликвидация неграмотности и преобразования в сфере просвещения. В середине 1954 г. была создана комиссия по реформе системы образования во главе с бывшим лидером ПИР Хосе Антонио Арсе. 20 января 1955 г. В. Пас торжественно подписал Кодекс просвещения. Правительство заявляло, что оно, будучи «властью рабочих, крестьян, средних слоев, мелкой буржуазии и представителей прогрессивной буржуазии», будет проводить политику в области просвещения в интересах этих классов, т.е. образование в Боливии будет общенародным, бесплатным и обязательным, а по содержанию «национальным, революционным, антиимпериалистическим»⁸. За время правления МНР дело просвещения и ликвидации неграмотности достигла больших успехов. В 1951 г. в 2907 школах обучался 64 131 ученик, а в 1964 г. уже в 7152 школах – 243 859⁹.

⁴ Moller Pacieri E. El Dios desnudo de mi conciencia revolucionaria. La Paz, 2001. P. 49.

⁵ Lazarte R.J. Movimiento obrero y procesos políticos en Bolivia (Historia de la C.O.B. 1952–1987). La Paz, 1989. P. 22–24.

⁶ Dunkerley J. Rebelión en las venas. La Paz, 2003. P. 108.

⁷ Zavaleta Mercado R. Op. cit. P. 102.

⁸ Antezana E.L. Historia secreta del Movimiento Nacionalista Revolucionario. T. 8. La Paz, 1992. P. 2291–2292.

⁹ Trigo O'Connor d'Arlach E. Conversaciones con Víctor Paz Estenssoro. La Paz, 1999. P. 115.

МНР последовательно проводила политические «зачистки» во всех сферах жизни, ликвидируя малейшие признаки оппозиции. В 1955 г. МНР, опираясь на отряды КОБ, осуществила так называемую «университетскую революцию»: силой сместила ректоров в университетах, большинство которых принадлежали ПИР, отменив университетскую автономию и назначив партийных ректоров. Ударным отрядом этой «революции» стало левое крыло МНР во главе с Лечином. Руками левых МНР ликвидировала марксистскую оппозицию интеллигенции, мешавшую ей в формировании однопартийного режима¹⁰.

«Стабилизация».

Президентство Эрнана Силеса Суасо

Правительство В. Паса балансировало между различными влиятельными фракциями в партии и профсоюзами. В МНР каждый сектор, группа опирались на отдельные профсоюзы, или даже на влиятельных крестьянских каудильо – местных вождей. Внутрипартийная борьба часто приводила к «малым» гражданским войнам в сельской местности, как, например, вооруженные конфликты между Ачакачи и Варисата на Альтиплано, в непосредственной близости от Ла-Паса. В этих войнах на стороне одной или другой крестьянской армии принимали участие местные военные гарнизоны¹¹. В Кочабамбе дело дошло до широкомасштабной войны, за которой стояло соперничество различных фракций МНР в борьбе за власть, стремившихся заручиться поддержкой крестьянского ополчения. Главной задачей МНР была консолидация власти и ликвидация «революционного» режима, когда местные лидеры крестьян или рабочих были высшим авторитетом в отдельных районах, фактически не подчинявшиеся центральному правительству.

В январе 1956 г. накануне президентских выборов МНР оказалась на грани раскола. КОБ первоначально предложил В. Пасу вновь избраться на второй срок, что было вполне возможно, учитывая силу МНР и возможность изменить конституцию, но тот считал, что следовало преодолеть беспорядок и хаос революционных лет через восстановление легальной передачи власти, уважая закон, запрещавший переизбрание президента на второй срок¹².

В. Пас предпочитал союз центра с рабочим, левым сектором, отказавшись от союза с правыми во главе с В. Геварой. Первоначально В. Пас предложил Лечину стать единым кандидатом от МНР, но внутри аппарата партии было столь сильное противодействие, что левые должны были уступить. Правые утверждали, что за спиной Лечина стоят коммунисты и троцкисты, а этого не потерпят США, и для революции наступят тяжелые времена. Лечин, несмотря на поддержку КОБ и левого сектора, сам отказался от предложения Паса и договорился с Э. Силесом Суасо о его кандидатуре¹³.

¹⁰ *Moller Pacieri E.* Op. cit. P. 51.

¹¹ *Albo J.* Achacachi: medio siglo de lucha campesina. La Paz, 1979. P. 52.

¹² *Gordillo J.M.* Campesinos revolucionarios en Bolivia. Identidad, territorio y sexualidad en el Valle Alto de Cochabamba. 1952–1964. La Paz, 2000. P. 91.

¹³ Лечин пообещал Силесу, что КОБ не будет проводить забастовок против правительства и что левый сектор МНР в конгрессе присягнет на верность Силесу. – *Moller Pacieri E.* Op. cit. P. 53.

В январе 1956 г. состоялся VII съезд МНР, на котором должна была быть озвучена программа будущего. И левые, и правые рассчитывали склонить большинство на свою сторону. В. Пас в своей речи заявил: «Современный этап развития характеризуется революционным строительством. Необходимо изменить программу партии в соответствии с новыми условиями. По какому пути мы пойдем в деле революционного строительства? По социалистическому? В рамках капиталистической системы? Или при сочетании обеих систем? Надеюсь на вашу мудрость в этом выборе»¹⁴. Победила тактика центра, самого В. Паса, который сумел повести за собой большинство левых и правых. Было провозглашено строительство национального государства, сочетание в экономике элементов различных систем и укладов.

Кандидатом в президенты был выдвинут умеренный Э. Силес Суасо, а на пост вице-президента предложен левый Н. Чавес Ортис. Главой кабинета Силеса станет также представитель левого сектора Р. Мендес Техада. Хотя казалось, что на съезде вновь победила левоцентристская коалиция, Э. Силес уже в своих первых речах высказывался за наведение порядка, проводил идею о невозможности развития без финансовой помощи США¹⁵.

Накануне выборов, в марте 1956 г., правительство объявило о политической амнистии, что позволило оппозиционерам выйти из тюрем и вернуться из эмиграции. Оппозиция режиму МНР объединилась вокруг Фаланги (ФСБ), позиции которой усилились из-за недовольства средних слоев города, особенно пострадавших от инфляции и социальных реформ. Еще в марте 1954 г. в Сантьяго-де-Чили между республиканцами-социалистами, либералами и Фалангой был подписан коалиционный «Пакт Сантьяго», объединивший эти партии в борьбе с режимом МНР¹⁶. Фаланга была особо влиятельной среди традиционных средних слоев, бывших помещиков, целой армии служащих, обслуживавших в свое время интересы горнорудной олигархии. Их влияние на принятие политических решений ослабло, они были недовольны всевластием профсоюзов и потерей политической монополии после избирательной реформы. Аграрная реформа разрушила благосостояние помещиков, проживавших в своем большинстве в городах. Рост влияния Фаланги стал очевидным по результатам выборов.

Президентские выборы состоялись 17 июня 1956 г. Впервые в истории страны в выборах участвовали индейцы-крестьяне. Это были первые выборы при всеобщем избирательном праве. Если в 1951 г. в выборах приняли участие 125 339 человек, то в 1956 г. — 1 109 047. Участие крестьян обеспечило триумфальные для МНР результаты: 786 720 (83%) голосов избирателей. Однако в городах МНР получила только 58%. Фаланга, занявшая второе место по стране (130 494 голоса), победила почти во всех городах, за исключением столицы. Третье место заняла компартия с 12 273 голоса.

Правительство Силеса должно было найти решение тяжелых экономических проблем страны. Продукты первой необходимости нормировались карточной системой. Из-за наличия нескольких курсов обмена процветали черный рынок и валютные спекуляции. Резервы центрального банка упали

¹⁴ Antezana E.L.. Op. cit. T. 8. P. 2308.

¹⁵ El Diario. 04 de febrero. 1956.

¹⁶ Sanjinés Ávila R. Únzaga: la voz de los inocentes. T. 2. (s. I). Bolivia, 2013. P. 393.

до мизерной цифры в 1,2 млн долл. Рост стоимости жизни достиг неприемлемых параметров: если за 100 принять индекс цен 1931 г., то в 1952 г. — 7036, а в 1955 г. уже 52 627, но еще через несколько месяцев, в марте 1956 г. — 86 010¹⁷. В этих обстоятельствах любая экономическая политика не могла быть успешной без финансовой стабилизации.

Производство олова неуклонно падало: с 31 712 т в 1950 г. до 20 542 т в 1960 г.¹⁸ Резко возросли затраты КОМИБОЛ на зарплату рабочих. Правительство использовало государственную КОМИБОЛ для решения проблемы занятости (число рабочих на рудниках увеличилось с 24 тыс. в 1951 г. до 36 тыс. в 1956 г.), что снижало рентабельность корпорации¹⁹. Цены на олово на мировом рынке падали, что было связано с масштабными распродажами стратегических запасов минералов США²⁰.

Революция в деревне привела к снижению товарного производства сельского хозяйства. Силес обещал завершить перераспределение земли в собственность крестьян к декабрю 1957 г., что не было выполнено. МНР стремилась как можно быстрее преодолеть период революционных преобразований собственности в деревне и перейти к этапу роста производства. Программа Силеса предусматривала финансовую поддержку и кредит средним хозяйствам, владевшим более 4 га земли. Цель правительства состояла в увеличении поставок продовольствия на внутренний рынок. Однако с 1954 по 1962 г. сельским производителям было предоставлено лишь 9 тыс. кредитов²¹.

С приходом к власти Э. Силес Суасо заявил о своей решимости проводить «либеральную» политику в отношении частных предпринимателей²², которая не была поворотом вправо по его личной инициативе. Его правительство проводило консолидированную линию МНР, выработанную в последний год правления В. Паса, чьим последним декретом было распоряжение о создании комиссии по стабилизации, что было с одобрением встречено широкими слоями населения.

24 августа 1956 г. был создан Национальный совет экономической стабилизации, в котором ведущую роль играли представители Международного валютного фонда и частных американских банков. В задачу этого совета входило выработать основные направления экономической политики. Американское посольство одобряло или отвергало кандидатуры членов комиссии, предлагаемых правительством Силеса²³. МНР приняла «План экономической стабилизации», основанный на рекомендациях «миссии Эдера» МВФ. Ее суть состояла в поддержании валютного курса боливиано, в сокращении государственных расходов, в замораживании заработной платы и свертывании социальных программ, увольнении части рабочих на национализированных рудниках²⁴. Этот план пре-

¹⁷ *Dunkerley J.* Op. cit. P. 118.

¹⁸ *Puhle H.J.* Tradición y política de reformas en Bolivia. Santiago de Chile, 1972. P. 16.

¹⁹ *Bedregal G.* Victor Paz Estenssoro, el político. Una semblanza crítica. México, 1999. P. 417.

²⁰ *Paz Estenssoro V.* Mensaje al H. Congreso Nacional. 1962. La Paz, 1962. P. 12.

²¹ *Eder G.J.* Inflation and Development in Latin America. A Case History of Inflation and Stabilization in Bolivia. Michigan, 1968. P. 534.

²² El Diario. 14 de agosto, 1956.

²³ *Dunkerley J.* Op. cit. P. 119.

²⁴ *Malloy J.M.* El MNR boliviano: estudio de un movimiento popular nacionalista en América Latina. Pittsburgh, 1970. P. 85.

дусматривал финансовую помощь в 25 млн долл., из которых 17,5 млн предоставляли США, а остальное – МВФ. Чтобы убедить профсоюзы принять меры правительства, Силес пошел на такие экстравагантные меры, как голодовка²⁵.

При Силесе был принят новый «Нефтяной кодекс», открывший страну для иностранных монополий в ущерб созданной еще в 30-е годы государственной ИПФБ. Этот кодекс прозвали «Кодекс Девенпорта», по названию адвокатской конторы в Нью-Йорке, которая фактически написала этот закон. Это происходило на фоне значительных успехов ИПФБ, которая смогла только в Камири увеличить производство нефти с 1,58 млн баррелей в 1953 г. до 2,8 в 1954. По новому кодексу иностранный капитал получил доступ к перспективным месторождениям. Постепенно в руках иностранных компаний оказалось в десять раз больше месторождений, чем у ИПФБ. Затем, с открытием запасов газа, государство обнаружило большие недостатки кодекса, который был составлен только для нефти, и компании не платили налогов за добычу газа²⁶.

Жесткая, ортодоксальная монетарная политика правительства Силеса позволила оздоровить финансы. Благодаря принятым мерам экономии и бюджетной дисциплины удалось обуздать инфляцию, а обменный курс боливийского песо поддерживался стабильным в течение последующих десяти лет²⁷. Выросли поступления от экспорта, значительно увеличились валютные резервы²⁸. Вместе с тем либерализация внешней торговли и отсутствие дешевых кредитов привело к сокращению текстильного производства на 30% уже в 1956 г., а производства хлопка на 90%. Меры жесткой экономии больно ударили по благосостоянию населения, особенно занятого в государственном секторе, в национализированных отраслях.

Сильно пострадали горняки национализированных рудников. Зарплата была заморожена, а цены в специальных магазинах при рудниках повышены, так как отменялись субсидии. Если 1 кг мяса стоил в этих магазинах 23,9 боливиано, то на свободном рынке – 800, 1 кг муки в лавках рудника – 8,7 боливиано, на рынке – 760²⁹.

Политика уступок правым и курс на получение американской помощи любой ценой³⁰, за неимением иной возможности для стабилизации и развития экономики, вели к острой конфронтации с рабочим движением, прежде всего с Федерацией горняков (ФСТМБ), являвшейся ударным отрядом КОБ. В мае 1957 г. на съезде ФСТМБ протестные, боевые настроения горняков вышли на поверхность, и лидерам профсоюза Лечину и Марио Торресу стоило большого труда предотвратить принятие резолюции о разрыве с правительством, которую предложили троцкисты³¹.

²⁵ El Diario. 24 de agosto. 1956.

²⁶ Bolivia en el siglo XX. La formacion de la Bolivia contemporánea. La Paz, 1999. P. 250–252.

²⁷ Statistical yearbook. New York, 1966. P. 578–591.

²⁸ Banco central de Bolivia. Memoria anual. Gestión 1964. La Paz, 1965. P. 133.

²⁹ Dunkerley J. Op. cit. P. 120.

³⁰ Финансовая помощь США стала жизненно необходимой, в 1957 г. она составляла треть всех государственных доходов.

³¹ Mitchell C. The Legacy of Populism in Bolivia. From the MNR to Military Rule. New York, 1977. P. 68.

В 1957 г. состоялся Второй общенациональный съезд КОБ. Правительство сделало все, чтобы внести раскол в рабочее движение. Силес был убежден, что профсоюзное руководство должно было подчиняться решениям партии. Препятствием на этом пути были Лечин и другие левые³². На съезде были представлены два отчетных доклада и две политические программы на будущее. Левым в Исполкоме КОБ противостояла группа проправительственных лидеров во главе с К. Понсе Санхинесом и А. Франко Гуачальей, которым удалось оставить Лечина в меньшинстве. Лечин заявил об отставке.

Это был самый серьезный политический кризис режима после 1952 г. Политический комитет МНР отправил срочную телеграмму в Лондон В. Пасу, призывая его срочно вернуться в Боливию для разрешения кризиса. Силес пригрозил уйти в отставку, если КОБ и Лечин не примут условия «Плана стабилизации». КОБ объявил о всеобщей забастовке, но правительству ценой некоторых уступок (были снижены цены на некоторые продукты первой необходимости) удалось вернуть профсоюзы за стол переговоров, в результате которых забастовка была отменена³³. Левые в КОБ потерпели серьезное поражение. Компартия в данной ситуации поддержала правительство, выступив против забастовки.

Проправительственный сектор, «силлисты», заявил о разрыве с КОБ. В числе раскольников, называвших себя «обновленцами» (*reestructuradores*), были федерации железнодорожников, строителей, печатников и нефтяников. Коммунисты также оказались в стане противников левого крыла КОБ³⁴. В результате КОБ вступил в полосу пассивного наблюдения за событиями, в то время как горняки ушли в оппозицию властям. Забастовки и вооруженные столкновения между различными фракциями в профсоюзах потрясали страну. Раскол КОБ удалось преодолеть уже в ноябре 1957 г., но ценой уступок «революционного блока», который принял «декларацию единства», понимая, что у него недостаточно сил для свержения правительства Силеса.

Правительство предприняло усилия, чтобы к «обновленческому» крылу профсоюзов присоединились крестьянские союзы Кочабамбы, где фактически действовали целые независимые крестьянские армии. В Кочабамбе в тот момент местная крестьянская федерация находилась под контролем левых. С приходом к власти Силес назначил (при согласии КОБ) министром по крестьянским делам бывшего помещика Висенте Альвареса Плату, который во время своего министерского служения постоянно конфликтовал с крестьянскими федерациями, находившимися под контролем левого сектора и Лечина, прежде всего в Ачакачи. Альварес Плата пытался заполучить крестьянскую поддержку для «обновленцев», но встретил сопротивление большинства федераций. Давление крестьянских профсоюзов на правительство привело к отставке министра, на место которого был назначен каудильо Укуреньи, одного из самых беспокойных регионов Кочабамбы, Хосе Рохас³⁵.

³² *Cajías L. Juan Lechín. Historia de una leyenda. La Paz, 1994. P. 196.*

³³ *Lazarte R.J. Op. cit. P. 137–138.*

³⁴ *Dunkerley J. Op. cit. P. 122–123.*

³⁵ *Rivera Cusicanqui S. «Oprimidos pero no vencidos». Luchas del campesinado aymara y qhechwa 1900–1980. La Paz, 1986. P. 99.*

Успех политики стабилизации Силеса обязан политической поддержке средних слоев городов, сильно страдавших от инфляции в предыдущий период, а также крестьянства, которое ничего не потеряло в ходе политики финансового оздоровления, так как не получало никаких экономических субсидий, было ориентировано на полную хозяйственную автаркию и прямой хозяйственный обмен. В результате конфликта с рабочими профсоюзами Э. Силес, особенно после назначения Рохаса министром, стал опираться на крестьянское ополчение, ставшее мощным противовесом КОБ. Крестьянские вожди поддержали Э. Силеса³⁶. Опираясь на эту силу, Э. Силес пошел на ликвидацию одного из главных политических завоеваний революции – соправления. В июне 1957 г. «рабочие министры» были уволены. А затем в отставку ушел вице-президент Н. Чавес³⁷.

Расколом в «революционном» блоке МНР–КОБ решила воспользоваться Фаланга, предпринявшая 19 апреля 1959 г. попытку переворота³⁸. ФСБ заключила союз с полицейскими и военными начальниками, которые затем ее предали и остались либо нейтральными, либо выступили на стороне правительства. Все запланированные акции – захват телеграфа, казарм, правительственных зданий – провалились. Удалось лишь занять правительственную радиостанцию Ильимани, но вскоре солдаты своими выстрелами вывели антенны из строя, и радио замолчало. Основную «работу» по подавлению восстания выполнили ополченцы МНР.

Репрессии правительства носили масштабный характер. Многие фалангисты отправились в концлагеря или в изгнание. При загадочных обстоятельствах погиб глава Фаланги О. Унсага де Ла Вега³⁹.

Второе президентство В. Паса Эстенсоро

Перед выборами 1960 г. внутри МНР развернулась борьба между правым и левоцентристским крылом по будущей кандидатуре на пост президента. Силес не возражал против прихода к власти Лечина. Однако США дали понять, что этот вариант для них неприемлем. Тогда Силес и Лечин приняли компромиссный вариант – возвращение В. Паса⁴⁰.

Левые и центристы объединились вокруг В. Паса, который вернулся в Боливию после дипломатической миссии в Европе. По словам В. Паса, он принял решение вернуться в Боливию и претендовать на новый президентский срок после визита к нему в Лондон, где он был послом, Х. Лечина и А. Фортуна Санхинеса (последний представлял центристов в МНР), которые убедили его в необходимости возглавить политический процесс перед угрозой раскола и реванша правых сил, в том числе и внутри партии⁴¹.

³⁶ El Diario. 30 de diciembre. 1956.

³⁷ Mitchell C. Op. cit. P. 56.

³⁸ В мае 1958 г. фалангисты во главе с Марио Гутьерресом подняли мятеж в Санта-Круссе, который был быстро подавлен правительством.

³⁹ Правительство и специальная комиссия ОАГ заявили о самоубийстве лидера Фаланги, а присутствовавшие в момент смерти его соратники, находясь в эмиграции в Чили, утверждали, что его убили ополченцы. *Sanjinés Ávila R.* Op. cit. T. 1. P. 18.

⁴⁰ Klein H.S. Bolivia: the Evolution of a Multi-Ethnic Society. New York; 1982. P. 243.

⁴¹ Trigo O'Connor d'Arlach E. Op. cit. P. 107.

Правые надеялись на выдвижение министра внутренних дел В. Гевара Арсе. Обе группировки, одна пользуясь партийными структурами, другая – правительственным аппаратом, пытались привлечь на свою сторону различные влиятельные силы, как, например, крестьянское ополчение и профсоюзы. Результатом такого рода агитации стала фактическая война (так называемая *Champa Guerra*) между крестьянскими отрядами в Кочабамбе, длившаяся с 1959 по 1963 г.⁴²

Накануне очередных выборов президента в 1960 г. в МНР произошел раскол. Правое крыло во главе с В. Геварой Арсе образовало свою партию: Подлинную революционную (*Partido revolucionario auténtico* – ПРА). Если ранее объединение в МНР различных, порой антагонистических групп, представляло силу партии, имевшей в своих рядах представителей практически всех слоев общества, то неспособность руководства найти компромисс и выход из партии целых фракций сделало МНР очень слабой и структурно атомизированной организацией, неспособной укрепить своим авторитетом режим власти.

Отдельные сектора стали действовать самостоятельно, мало обращая внимание на центральное руководство. Из МНР выделились такие сектора, как военный, «старых революционеров», «социалистов» во главе с Агиларом Пеньярьетой, «непримиримых» с Ньюфло Чавесом и Силесом Суасо и самый многочисленный «левый» Хуана Лечина. Практически все сектора проводили собственные съезды, разрабатывали свои уставы и программы. Верховный лидер партии В. Пас в одном из своих выступлений, посвященных положению в МНР, 7 апреля 1963 г. подчеркивал, что одной из самых серьезных проблем партии является рост внутренних противоречий и внутренняя борьба антагонистических группировок⁴³.

На выборах 1960 г. за ПРА проголосовали 139 тыс. человек. Победа же досталась кандидату от МНР В. Пасу, выступавшему в союзе с левым сектором. Он получил 750 тыс. голосов. Кандидатом в вице-президенты был Х. Лечин. Было восстановлено соправление, и в рабочем движении возродилась надежда возврата к революционной практике первого президентства В. Паса.

Однако В. Пас не стал опираться на партию, пытаясь найти консенсус среди ее многочисленных фракций, не стал делать выбор в пользу влиятельных политиков, лидеров секторов. Он дистанцировался от всех группировок, создал правительство молодых технократов, сделал кабинет министров независимым от внутрипартийной борьбы⁴⁴.

В. Пас дополнил политику финансовой стабилизации Силеса, угрожавшую застоєм в экономике, стратегией развития и инвестиций. Он заявлял о сохранении в целом линии предыдущего правительства на макроэкономическую стабильность, но считал необходимым за счет привлечения иностранных инвестиций, в основном американских, придать новый импульс развитию. Одним из первых актов, которые отвечали новому курсу МНР, был «закон об инвестициях» от 16 декабря 1960 г., дававший многочисленные гарантии и привилегии иностранному капиталу во всех отраслях, кроме гор-

⁴² Gordillo J.M. Op. cit. P. 117–128.

⁴³ Mitchell C. Op. cit. P. 88.

⁴⁴ Beyond the revolution. Bolivia since 1952 / Eds. R. Thorn, J. Malloy. Pittsburgh, 1971. P. 140–141.

норудной и нефтяной. В. Пас обещал добиться высоких темпов роста, делая ставку на частное предпринимательство и новые отрасли, возникавшие на востоке страны⁴⁵. Однако результаты были сравнительно небольшими.

В. Пас утверждал, что перед боливийской революцией стояли «три великие цели»: разрушение феодализма в деревне, антиимпериализм и преодоление отсталости. Две первые задачи выполнены аграрной реформой и национализацией горнорудных монополий, остались лишь борьба с отсталостью и экономический прогресс. Этой третьей «великой цели» МНР подчиняла всю свою стратегию. В. Пас был убежден, что социальные противоречия будут решены в ходе выполнения задач экономического развития⁴⁶.

В 1962 г. был принят «Десятилетний план развития», предусматривавший стимулирование частных инвестиций, в том числе в сельское хозяйство на колонизируемых землях востока страны. Целью планирования политики из МНР провозгласили «сосуществование рыночного механизма с рациональным вмешательством государства» в определенные сферы и отрасли экономики⁴⁷. Государству отводилась решающая регулирующая роль, а также строительство производственной и транспортной инфраструктуры⁴⁸. Большую часть средств для масштабных инфраструктурных проектов Боливия должна была получить от иностранных и международных финансовых институтов, в первую очередь от МАБР и МАР, которые контролировали их выполнение⁴⁹.

Стратегия развития МНР состояла не только в создании новых секторов в экономике и в поддержке традиционных отраслей, но и в формировании нового класса боливийской буржуазии, предпринимателей, тесно связанных с государством, а точнее, с партийной, профсоюзной, государственной бюрократией. Как справедливо писал Р. Савалета Меркадо, именно бюрократия МНР «сделала возможной консолидацию буржуазии, осознание ею себя как класса»⁵⁰.

В оздоровлении нуждалась горнорудная промышленность. КОМИБОЛ была главным источником финансирования государственных программ развития. Большинство средств изымалось из КОМИБОЛ через систему двойных курсов валюты, что было скрытым налогом на эту отрасль, который достигал 50% всей выручки⁵¹. Правительство стремилось привлечь иностранный капитал в отрасль: был разработан «Трехсторонний план» – соглашение между КОМИБОЛ, Межамериканским банком и банками ФРГ, по которому устанавливался фактический контроль иностранного капитала над горнорудной промышленностью, что было технически малоэффективно при сохранении рабочего контроля и соправления⁵². Проникновение иностранного капитала в стратегические отрасли происходило как в форме прямых инвестиций и

⁴⁵ Política del Gobierno. Respuesta a las resoluciones del 3-er Congreso Nacional de Trabajadores de Bolivia. La Paz, 1963. P. 20.

⁴⁶ Paz Estenssoro V. La Revolución boliviana. La Paz, 1964. P. 58.

⁴⁷ Exposiciones sobre el desarrollo. La Paz, 1963. P. 53.

⁴⁸ Gumucio Reyes A. Condiciones básicas para el desarrollo de Bolivia. La Paz, 1962. P. 45–66.

⁴⁹ Avances en la ejecución inicial del plan del desarrollo. Wash., 1963. P. 18–34.

⁵⁰ Zavaleta Mercado R. El proletariado minero en Bolivia // Revista mexicana de sociología. 1978. N 2. P. 527.

⁵¹ Bolivia en el siglo XX. P. 233.

⁵² Puhle H.J. Op. cit. P. 17.

концессий, так и через смешанные общества. Высокорентабельный рудник «Матильде» был преобразован в смешанное предприятие, контроль за которым перешел к иностранным партнерам⁵³. Огромные концессии были предоставлены нефтяным компаниям и в первую очередь «Боливиан Галф Ко»⁵⁴.

Правительство В. Паса проводило курс на модернизацию инфраструктуры, как необходимой предпосылки экономического прогресса. Государственная Боливийская корпорация развития (СФБ) строила ряд объектов производственной инфраструктуры на востоке страны: нефтепроводы, дороги, электростанции. В конце 50-х – начале 60-х годов правительство тратило на инфраструктурные проекты 8–10% бюджетных расходов⁵⁵. В их реализации оно следовало рекомендациям специалистов из Экономической комиссии для Латинской Америки ООН.

Политика МНР в 60-е годы ориентировалась на провозглашенный США курс «Союза ради прогресса» как альтернативу революционного развития континента. Правительство Дж. Кеннеди стремилось представить Боливию в качестве страны-образца для всей Латинской Америки в осуществлении программы «Союза», примера «мирно регулируемой революции». Принимая в октябре 1963 г. В. Паса в Белом доме, президент Кеннеди заявил: «То, что вы делаете в своей стране, это то, что мы желаем и для всей Латинской Америки».

МНР с энтузиазмом приняла новую политику США, поддержанную другими странами региона в Хартии Пунта-дель-Эсте⁵⁶. За четыре года (1961–1964) Боливия получила от США 250 млн долл. помощи и 23 млн в виде займов по линии Межамериканского банка развития (МАБР)⁵⁷. В Боливии активно действовали межамериканские службы, созданные в рамках «Союза ради прогресса»: «комитет 9-ти», «комитет ad-hoc по Боливии», вмешивавшиеся в проведение экономической политики правительства.

Лечин старался преодолеть недоверие американцев. Он не только поддерживал их новую политику в Латинской Америке, но и «поучаствовал» в холодной войне. Он съездил на Тайвань. Вопреки настроениям в КОБ согласился на «Трехсторонний план» и даже на ликвидацию самоуправления. Но США занимали непримиримую позицию и требовали от В. Паса разрыва с левыми⁵⁸.

Растущая зависимость МНР от США выразилась в противоречивом декрете от 22 августа 1963 г. о регулировании импорта. По этому акту все импортеры должны были утверждать в Министерстве экономики номенклатуру товаров, разрешенных для ввоза. На практике министерство давало разрешение только для американских товаров, несмотря на то что это вело к росту цен внутри страны⁵⁹.

Главным в политической стратегии В. Паса было завершение формирования национал-реформистского государства и ликвидация самых радикальных завоеваний революции 1952–1953 гг., а именно, огромной автономии рабочего

⁵³ *Paz Estenssoro V. Mensaje al H. Congreso Nacional. P. 21.*

⁵⁴ *Bolivia en el siglo XX. P. 250–253.*

⁵⁵ *Wilkie J.W. The Bolivian Revolution and US aid since 1952. Los Angeles, 1969. P. 72.*

⁵⁶ *Paz Estenssoro V. Mensaje al H. Congreso Nacional. P. 8–9.*

⁵⁷ *Mitchell C. Op. cit. P. 85.*

⁵⁸ *Klein H.S. Op. cit. P. 244.*

⁵⁹ *Ramos Sánchez P. Las políticas económicas aplicadas en Bolivia, 1952–1987 // Bolivia hacia el 2000. Desafíos y opciones. Caracas, 1989. P. 262.*

Вооруженное ополчение рудника Катави

и крестьянского движений. Речь шла о восстановлении конституционного порядка и о ликвидации хаоса и анархии в деревне и всевластия профсоюзов в городах и горнорудных центрах. С этой целью правительство провело ряд административных реформ, в том числе налоговую и судебную.

В. Пас понимал, что для успеха экономической политики необходимы восстановление управляемости страны, ликвидация власти местных каудильо, прежде всего в деревне. Он не стал подавлять эти очаги революционной самодеятельности, а натравливал одних лидеров на других. Те, в свою очередь, искали союза с правительством, жертвуя своей автономией. Чтобы замирить разгоравшиеся местные войны крестьянских каудильо, В. Пас использовал армию, которая стала гарантом стабильности в деревне. В Санта-Крусе он также использовал одного лидера (Рубена Хулио) против другого, более независимого (Сандовалья Морона), а чтобы погасить противостояние, которое сам поджигал, объявил осадное положение и установил правительственный контроль, который приветствовали все противоборствующие стороны⁶⁰. В. Пасу удалось укрепить унитарные основы управления Боливии.

В 1961 г. была принята новая Конституция, закрепившая все завоевания революции, в том числе аграрную реформу и право государства на национализацию во имя интересов большинства. В качестве основы политической системы провозглашались принципы социальной справедливости, покровительства и защиты труда. Впервые в Конституции было закреплено положение о планировании в экономике с оговоркой, что в рамках планомерного развития частная инициатива стимулируется и подчиняется интересам государства, если это способствует совершенствованию структуры народного

⁶⁰ Malloy J.M. Op. cit. P. 84.

хозяйства⁶¹. Порывая со всей исторической традицией, В. Пас добился включения в Конституцию новой нормы – права президента и вице-президента переизбираться на второй срок.

В первые два года правления В. Паса удавалось достигать взаимопонимания с профсоюзами. Лечин поддержал «Трехсторонний план», хотя он предусматривал ликвидацию рабочего контроля⁶². На третьем съезде КОБ в мае 1962 г. Х. Лечин смог консолидировать вокруг своей группы все профсоюзы, преодолев раскол периода Силеса. Съезд поддержал стратегию правительства В. Паса, состоявшую в ускоренном развитии страны с опорой на американскую помощь⁶³. Вместе с тем КОБ решительно поддержал кубинскую революцию и осудил империалистическое вмешательство в дела стран региона.

Однако уже во время съезда КОБ произошел инцидент, который положил начало конфронтации правительства и рабочего движения, все более выходявшего из-под контроля МНР. Власти арестовали по уголовному обвинению профсоюзного лидера, коммуниста Ф. Эскобара. В ответ горняки Катави взяли в заложники комиссию КОМИБОЛ во главе с Г. Бедрегалем. Хотя конфликт удалось быстро урегулировать, власти объявили о необходимости «положить конец профсоюзной анархии»⁶⁴.

Подлинный кризис отношений МНР с профсоюзами начался в мае 1963 г., когда Федерация горнорудных рабочих (ФСТМБ) объявила о разрыве с КОМИБОЛ, обвинив ее в проведении антирабочего курса. Позицию горняков поддержал КОБ, назвав линию правительства «антирабочей» и провозгласив независимость профсоюзов от МНР⁶⁵. ФСТМБ объявила забастовку на руднике в Катави, в последующем к ней присоединились другие предприятия. Однако КОБ отменил это решение. КОМИБОЛ же заявил об увольнении более тысячи рабочих в Катави, и чтобы окончательно сломить сопротивление профсоюзов, опиравшихся на рабочее ополчение, к руднику двинулись проправительственные отряды крестьянского ополчения. В конце июля 1963 г. у Ирупаны произошли первые вооруженные стычки рабочих и крестьянских отрядов, в которых погибли шесть человек. Затем крестьяне установили блокаду Катави⁶⁶. На этом фоне поражения горняков 3 августа правительство отменило соправление и рабочий контроль с правом вето.

10 августа в Катави была объявлена забастовка. Проблема Катави состояла в том, что именно на этом руднике должны были пройти самые болезненные сокращения персонала по «Трехстороннему плану». В тот же день лидеры КОБ встретились с В. Пасом. Они пытались добиться компромисса: пожертвовать Катави во имя восстановления соправления⁶⁷. Правительство чувствовало свою силу и не желало уступать. 29 августа шахтеры прекратили забастовку, приняв «Трехсторонний план».

⁶¹ Constitución Política del Estado. Sancionada por el H. Congreso nacional Extraordinario de 1961. La Paz, 1962. P. 11–60.

⁶² Cajas L. Op. cit. P. 210.

⁶³ Lechin Oquendo J. Discurso inaugural del secretario ejecutivo del COB. III Congreso Nacional de Trabajadores. La Paz, 1962. P. 94–95.

⁶⁴ Paz Estenssoro V. Mensaje al H. Congreso Nacional. P. 80–87.

⁶⁵ El Diario. 28 de mayo. 1963.

⁶⁶ El Diario. 30 de julio. 1963.

⁶⁷ El Diario. 10–13 de agosto. 1963.

В декабре 1963 г. в Колкири собрался съезд Федерации горняков (ФСТМБ), который принял радикальную программу «Тезисы Колкири». Правительство объявлялось антинародным и проимпериалистическим. «Тезисы» призывали уничтожить армию, ставшую орудием реакционной политики МНР. Причем предполагалось разбить ее в открытой вооруженной борьбе как в апреле 1952 г. Вместо дискредитировавшего себя соправления ФСТМБ выдвигала лозунг рабочего самоуправления на государственных предприятиях⁶⁸. Понимая, что необходимо нейтрализовать радикальную ФСТМБ, 5 декабря правительство инициировало создание параллельного «Рабочего центра – Революционного единства» (КОБУР), заявившего о своем противостоянии лечинистскому КОБ. В новый Рабочий центр вошли бывшие «обновленцы» времен Силеса, железнодорожники и строители.

В декабре 1963 г. В. Пас вывел из кабинета трех министров, связанных с левым сектором⁶⁹. Новыми министрами, в том числе и по крестьянским делам были назначены двое военных⁷⁰. Правительство было крайне обеспокоено решениями конгресса в Колкири и решило дать бой рабочим профсоюзам⁷¹. 6 декабря власти, нарушая декларируемую неприкосновенность профлидеров, арестовали лидеров горняков Ф. Эскобара и И. Пиментеля (коммуниста и троцкиста), обвиняемых в убийстве управляющего рудника Катави в 1959 г. В ответ шахтеры Катави захватили в заложники четверых американских граждан, что дало повод США активно вмешаться в конфликт, которые побуждали В. Паса к вооруженному выступлению против профсоюзов⁷². В район Катави были введены войска. Для подавления забастовки горняков военные организовали поход крестьянского ополчения⁷³.

В свою очередь, КОБ объявил о всеобщей мобилизации трудящихся, военные же не желали напрямую участвовать в репрессиях против горняков. При посредничестве церкви конфликт был завершён освобождением заложников и выводом войск. Профлидерам Эскобару и Пиментелю обещали беспристрастный суд. Лечин назвал эти события «малой гражданской войной»⁷⁴. Конфликт в Катави показал, что противостоящие стороны находятся в состоянии «критического» равновесия, ни одна из сторон не способна уничтожить своего противника, но, главное, он свидетельствовал, что режим, порожденный национальной революцией, переживал стадию дезинтеграции.

Кризис режима МНР

Несмотря на благоприятный экономический фон, правительству В. Паса не удалось консолидировать общество. Потеряв поддержку рабочих профсоюзов, МНР быстро превратилась в конгломерат враждующих фракций и секторов, каждый из которых опирался на отдельных каудильо, вождей крес-

⁶⁸ Lora G. Documentos políticos de Bolivia. La Paz, 1971. P. 400–402.

⁶⁹ El Diario. 6.12.1963.

⁷⁰ El Diario. 7.12.1963.

⁷¹ Bedregal G. Víctor Paz Estenssoro, el político. P. 314.

⁷² El Diario. 10.12.1963.

⁷³ El Diario. 12.12.1963.

⁷⁴ El Diario. 17.12.1963.

тьянского ополчения. Малые гражданские войны между сторонниками различных кандидатов на пост президента дополнились столкновениями между отрядами, поддерживавшими различных кандидатов на пост вице-президента от той же самой МНР⁷⁵.

Построенная в ходе революции политическая модель, в основе которой лежала однопартийная система с огосударствленными профсоюзами, мощной бюрократией и активным социальным маневрированием, переживала кризис. Диктатура МНР фактически повисла в воздухе. С хаосом и политической неразберихой в деревне могли справиться только военные. Важным шагом в этом направлении было восстановление армии, декретированное 24 июля 1953 г. Вооруженные силы были единственным инструментом, способным остановить крестьянские междоусобья и гарантировать политическую стабильность.

К 60-м годам аграрные преобразования в деревне приобрели необратимый характер: были экспроприированы 5942 поместья, перераспределены около 5 млн га земли⁷⁶. После революции крестьянин, мелкий собственник, имеющий хозяйство до 5 га, стал преобладающей фигурой в сельском хозяйстве (80–90% всех собственников)⁷⁷. Несмотря на хаос в деревне в послереволюционный период реформа привела не к сокращению, что обычно наблюдается во время аграрных преобразований, а наоборот, к резкому расширению обрабатываемых площадей (в целом по стране к 1964 г. на 114%, а в густонаселенных департаментах Кочабамба и Чукисака на 165 и 158%, соответственно)⁷⁸. В этот же период времени после реформы во много раз возросло участие крестьянских хозяйств на рынке. По расчетам американских исследователей, покупки крестьян за деньги увеличились в четыре раза, в то время как прямой обмен продуктами в стоимостном выражении слегка снизился⁷⁹.

Крестьяне по всей стране образовали профсоюзы, которые порой являлись лишь иным обликом традиционной общины. Профсоюз играл огромную роль в осуществлении реформы: фактически это был орган перераспределения земли. Профсоюз также решал все вопросы внутренней жизни: регулировал куплю – продажу земли, переход собственности по наследству и пр. Профсоюзы крестьян и их объединения полностью сместили местные власти, коррехидоров, субпрефектов. Профлидеры, местные каудильо заменили судебные власти, мировых судей, имели право налагать штрафы в сумме до 500 боливиано.

Крестьянские лидеры, такие, как Х. Рохас, Т. Салас, стали абсолютными властителями в своих районах. Под их командованием стояли целые крестьянские армии. Постепенно из защитников завоеваний «крестьянской революции» они превратились в полуфеодалных князьков, выторговывавших у правительства привилегии, погрязли в коррупции, в спекуляциях валютой и льготными кредитами⁸⁰.

⁷⁵ Albo J. Op. cit. P. 92.

⁷⁶ García R.A. Diez años de reforma agraria en Bolivia (1953–1963). La Paz, 1963. P.133.

⁷⁷ Canelas A. Mito y realidad de la reforma agraria en Bolivia. La Paz, 1966. P. 219–224.

⁷⁸ Wilkie J.W. Measuring Land Reform. Los Angeles: 1974. P. 43.

⁷⁹ Clark R. Reforma agraria en Bolivia. México, 1974. P. 198.

⁸⁰ Heydt-Coca M. Die bolivianische Revolution von 1952. Eine Analyse unter besonderer Berücksichtigung des Agrarsektors. Köln, 1982. S. 179.

Власть МНР в деревне была лишь номинальной. Хотя крестьянские объединения формально входили в КОБ, ни профцентр, ни МНР не могли обеспечить полного контроля в сельской местности. Взаимодействовали с крестьянами прежде всего военные. В 50-е–60-е годы МНР проводила широкомасштабную политику сельской колонизации востока страны. Отправка крестьянских семей на восток первоначально проходила в форме полувоенных добровольческих соединений⁸¹. С середины 50-х годов армия становится главным участником программ сельскохозяйственного развития. Военные создавали «аграрные полки», батальоны, направляемые в различные районы страны для помощи крестьянам⁸². В 1955 г. была сформирована Сельская армия колонизации, положившая начало «Гражданской миссии армии». Фактически крестьянские профсоюзы стали подчиняться командованию армии.

Крестьянские каудильо достигали высших политических постов: в марте 1959 г. Х. Рохас из Укуреньи был назначен министром. Тогда же впервые крестьянское ополчение было использовано для подавления выступлений рабочих. 3 тыс. вооруженных крестьян из Укуреньи были привезены в Оруро для подавления забастовки⁸³. В июне 1959 г. для подавления восстания Фаланги в Санта-Крусе было создано объединенное командование армии и крестьянского ополчения⁸⁴. Конфликт между Клисой и Укуреньей, переросший в малую войну, в 1959 г. удалось прекратить только после ввода туда войск. С 1959 г. портфель министра по крестьянским делам доверялся не профлидерам, как ранее, а военным⁸⁵. Правительство для обуздания внутренних войн крестьянских лидеров создавало в некоторых районах так называемые зоны командования (COMANZONAS), где власть осуществлялась исключительно военными⁸⁶.

В программе МНР на 1960–1964 гг. «Гражданской миссии армии» отводилось значительное место в социально-экономической политике⁸⁷. В деревне военные фактически были единственными представителями власти. В августе 1961 г. крестьянское ополчение было подчинено военным в качестве «резервных сил»⁸⁸.

В 1960 г. в Аргентине состоялось совещание представителей Вооруженных сил стран континента, на котором обсуждалась программа «Гражданской миссии». Ее инициатором был полковник Санхинес Гоития, выпускник военного колледжа в Вест-Поинте, впоследствии разоблаченный как агент ЦРУ⁸⁹. Новая боливийская армия была восстановлена на деньги США и при помощи инструкторов и советников из Пентагона. Дело дошло до обсуждения в конгрессе проблемы подчинения армии Боливии Пентагону, столь

⁸¹ El Diario. 07 de mayo. 1955.

⁸² El Diario. 03 de noviembre. 1955.

⁸³ Canelas A. Op. cit. P. 200.

⁸⁴ Siles Zuazo H. Mensaje al H. Congreso Nacional. 6 de agosto de 1959. La Paz, 1959. P. 116–117.

⁸⁵ Albo J. Op. cit. P. 66.

⁸⁶ Puhle H.J. Op. cit. P. 73.

⁸⁷ MNR. Programa del gobierno. 1960–1964. La Paz, 1960. P. 118.

⁸⁸ Magill J.H. Labor unions and political socialization: a case study of Bolivian workers. New York. 1974. P. 31.

⁸⁹ Almaraz Paz S. Requiem para una república. La Paz, 1966. P. 25.

откровенен был диктат американцев⁹⁰. Тесный союз боливийской армии с США выдвинул на политическую сцену новых военных, прямо или косвенно связанных с Пентагоном и игравших роль проамериканской группы давления на правительство МНР.

Среди военных выделялся Р. Баррьентос Ортуньо. Именно он представлял Боливию на совещании военных в Аргентине в 1960 г., когда выступил как активный сторонник американского плана «Гражданской миссии», директором которой стал Санхинес Гоития. С 1960 г. «Гражданская миссия» финансировалась Пентагоном и полностью контролировалась ЦРУ. В 1962 г. был принят «Пятилетний план вооруженных сил» в рамках «Гражданской миссии», на три четверти финансируемый США⁹¹. Подобное положение привело к полному подчинению политики МНР в деревне диктату военных, а в конечном счете США.

Военные настаивали на ускорении проведения аграрной реформы, что вызывало естественные симпатии со стороны крестьянства. В феврале 1964 г. был издан декрет об участии вооруженных сил в проведении аграрной реформы. Создавались производственные сельские батальоны, помогавшие крестьянам⁹². Высшие военные чины и представители посольства США, а нередко и сам посол Хендерсон, торжественно открывали в сельской местности школы, мосты, дороги, построенные армией на американские деньги⁹³. К 1964 г. крестьянство более поддерживало военных, нежели МНР.

Внутри крестьянского движения не было единства в поддержку МНР. 6 марта 1963 г. состоялся Второй крестьянский конгресс в Санта-Крус. На этом съезде произошел раскол крестьянской конфедерации СНТСБ. Конфедерация провозгласила В. Паса своим кандидатом в президенты, начав таким образом предвыборную кампанию 1964 г. Делегаты, ориентирующиеся на левый сектор в МНР, покинули съезд и провели свой собственный в Кильякольо в Кочабамбе. Оппозиционный крестьянский съезд потребовал отменить планы правительства о введении нового налога на землю⁹⁴. Правительству удалось заменить руководителей, преданных левому сектору и Лечину в местных крестьянских федерациях. Самая влиятельная федерация, находившаяся под воздействием левых, в Ачакачи в 1963 г. изгнала лечинистов, своих старых лидеров Т. Саласа и Вила-Сако⁹⁵.

Среди политиков и интеллектуалов, рассматривавших крестьян-индейцев главным революционным классом боливийской революции, появилось разочарование в идеологии и политике МНР. В 1962 г. была создана Индейская партия кечуа и аймара (ПИАК) во главе с одним из будущих идеологов радикального индеанизма Фаусто Рейнагой. Однако крестьянское профсоюзное движение по-прежнему ориентировалось на МНР, хотя появление партии Рейнаги было первым признаком «развода» между крестьянством и «революционным национализмом».

⁹⁰ Actuaciones parlamentarias del Ministerio de la defensa nacional. Sr. Juan Luis Guitierrez Granier en los años 1961–1962. La Paz, 1963. P. 5–17.

⁹¹ Ibid. P. 154.

⁹² Ayala Mercado G. Compilación de leyes sociales de Bolivia. 1957–1965. Cochabamba, 1966. P. 206.

⁹³ El Diario. 29 de junio. 1964.

⁹⁴ El Diario. 12–13 de marzo. 1963.

⁹⁵ Albo J. Op. cit. P. 14.

В условиях нового раскола в крестьянской конфедерации только военные могли гарантировать лояльность главных крестьянских каудильо властям. Военные были гарантией «правильного» голосования крестьянства на выборах 1964 г. Р. Баррьентос был провозглашен кандидатом в вице-президенты республики на массовом крестьянском митинге в Кочабамбе 24 июля 1963 г.⁹⁶ Армия демонстрировала, что за ее кандидатом стоят крестьянские отряды и самые многочисленные избиратели.

В городах МНР стремительно теряла сторонников. На выборах в конгресс в 1962 г. в Оруро МНР стала лишь второй партией, уступив Фаланге, немного опередив ПРА⁹⁷. В июне 1963 г. весь правый фланг оппозиции (либералы, республиканцы, Фаланга, ПРА) объединился в предвыборный блок Народный боливийский альянс (АПБ)⁹⁸.

С началом кампании по переизбранию В. Паса президентом страна вступила в период политической конфронтации. Левые в МНР сплотились вокруг фигуры Х. Лечина. Его кандидатуру на пост президента выдвинули 6 декабря горняки на своем съезде в Колкири⁹⁹.

17–28 января 1964 г. IX съезд МНР принял новую программу, которая должна была стать предвыборной платформой переизбрания В. Паса. На съезде левый сектор во главе с Х. Лечином, который демонстративно покинул заседания, был исключен из партии. Вслед за Лечином из партии вышли 30 тыс. членов. Левый сектор назначил свой собственный съезд на 2–5 марта 1964 г. и сформировал свою Левую революционно-националистическую партию (ПРИН), программа которой сочетала как старые тезисы МНР ее «революционного периода», так и троцкистские, обреристские установки. В руководстве партии были такие видные деятели «революционного периода» МНР, как Х. Лечин, Р. Мендес Техада, бывший троцкист Э. Мольер. ПРИН предлагала провести реформу избирательного законодательства, которое могло бы гарантировать пролетариату преобладание в конгрессе в стране, где большинство граждан были крестьянами¹⁰⁰.

МНР переживала период активной дезинтеграции. В. Пас управлял, опираясь на группу молодых политиков и технократов, игнорируя старых партийных лидеров, большинство которых оказались в оппозиции¹⁰¹.

КОБ перешел в открытую оппозицию режиму. В рабочем движении усилились позиции компартии, представитель которой Симон Рейес впервые стал реальным соперником Х. Лечина на выборах руководства КОБ. В левых партиях и профсоюзах под влиянием кубинской революции усилились радикальные настроения.

На съезде МНР в январе решался также вопрос о кандидате в вице-президенты от партии. Партийная бюрократия выдвигала правую руку В. Паса Федерико Фортуна, но другой сильной кандидатурой был Рене Баррьентос. Съезд проголосовал за Фортуна, но борьба на этом не прекратилась. 25 февраля 1964 г. на Баррьентоса было совершено «таинственное», не совсем

⁹⁶ El Diario. 24 de julio. 1963.

⁹⁷ Ultima Hora. 09 de junio. 1962.

⁹⁸ El Diario. 02 de julio. 1963.

⁹⁹ El Diario. 06 de diciembre. 1963.

¹⁰⁰ Moller Pacieri E. Op. cit. P. 118.

¹⁰¹ Malloy J.M. Op. cit. P. 84.

ясное по обстоятельствам покушение, после которого он был доставлен в военный госпиталь в зоне Панамского канала¹⁰². Вся правая пресса прославляла Баррьентоса как национального героя, обвиняя правительство в попустительстве террористам. 4 марта Фортун отказался от участия в выборах, а Баррьентос стал кандидатом в вице-президенты от МНР¹⁰³.

Оппозиция пыталась сплотить свои силы. Объединение правой оппозиции – АПБ приняло решение о бойкоте выборов. В середине мая в Ла-Пасе правая и левая оппозиции провели Национальный конгресс народа. Их объединяла одна цель – свержение В. Паса. Лидер республиканцев, превратившихся в микропартию, бывший президент Э. Эрсог на этом собрании заявил: «Остается одно, единственно возможное решение – власть в свои руки должна взять армия»¹⁰⁴.

Накануне выборов 31 мая 1964 г. Лечин и Силес объявили голодовку на руднике Сан-Хосе, протестуя против переизбрания В. Паса¹⁰⁵. На выборах за В. Паса и Р. Баррьентоса проголосовали 75% избирателей. Помимо МНР в выборах приняли участие Боливийский антикоммунистический фронт и Национальный гражданский союз, получившие единицы голосов¹⁰⁶. Компартия присоединилась к бойкоту выборов.

В сентябре 1964 г. кризис власти МНР достиг своей кульминации. 21 сентября было объявлено осадное положение в ответ на очередное покушение на Баррьентоса, а лидеры оппозиции, в том числе и Э. Силес Суасо, выступивший против переизбрания В. Паса, были высланы из страны¹⁰⁷. В. Пас лавировал, вновь заговорили о восстановлении соправления, рабочего контроля и даже начали переговоры с Лечином (была создана комиссия, куда вошли Лечин и Р. Савалета Меркадо – самый молодой министр в правительстве)¹⁰⁸. Пас затягивал с разрывом отношений с Кубой после решения ОАГ, несмотря на жесткое давление США и армии. Лишь в августе 1964 г. отношения с ней были прерваны накануне такого же шага со стороны Чили и Бразилии.

В октябре 1964 г. в городах проходили мощные демонстрации протеста рабочего класса, студенчества, интеллигенции. Правые силы требовали политической стабильности, решительного подавления левых партий и профсоюзов. Пас пошел на уступки и 24 октября отменил цензуру, в страну вернулся Силес Суасо, который призвал армию стать спасителем нации¹⁰⁹.

За жесткий курс выступали США, после гибели Дж. Кеннеди отошедшие от политики «Союза ради прогресса». Хотя посол Хендерсон поддерживал В. Паса, он все же был недоволен его мягкой политикой в отношении профсоюзов. Со сменой руководства в Белом доме в 1963 г. США предпочитали иметь дело с жесткими политиками, а в Боливии лучшими партнерами им представлялись военные. В. Пас лавировал между профсоюзами и армией, за которой стояли США. В конце октября он обвинил коммунистов в разжи-

¹⁰² El Diario. 26 de febrero. 1964.

¹⁰³ Ultima Hora. 05 de marzo. 1964.

¹⁰⁴ Bedregal G. Víctor Paz Estenssoro, el político. P. 535.

¹⁰⁵ Ultima Hora. 29 de mayo. 1964.

¹⁰⁶ El Diario. 01 de junio. 1964.

¹⁰⁷ Ultima Hora. 21 de septiembre de 1964.

¹⁰⁸ Ultima Hora. 03 de septiembre de 1964.

¹⁰⁹ El Diario. 25 de septiembre de 1964.

гании кризиса, разорвал дипломатические отношения с ЧССР. 29 октября 1964 г. власти расстреляли демонстрацию в Оруро, а Баррьентос выступил с протестом, осуждая использование армии против народа. Его разрыв и конфликт с В. Пасом стал открытым. В ноябре 1964 г. Баррьентос поднял мятеж против В. Паса. Его поддержали США. К власти пришла военная хунта, отстранившая МНР от руководства страной.

Процесс, начатый 9 апреля 1952 г., закончился переворотом 1964 г. Государственная модель партии МНР оказалась непрочной. Партийно-профсоюзная бюрократия не смогла обеспечить стабильное развитие и политический консенсус. Система должна была, по мнению правящих групп, быть реформирована военными и технократами, которым предстояло ликвидировать «революционный занос влево». Как справедливо отмечал английский историк Дж. Дункерлей, партия МНР, получившая власть в результате революции, в отличие от революций в Мексике, на Кубе и в Никарагуа, не смогла контролировать рабочее, профсоюзное движение, имевшее глубокие политические корни в левых, марксистских партиях и группах в предшествующий период¹¹⁰. К 1964 г. стало ясно, что правящий блок был неспособен контролировать рабочее движение иначе как через подавление и политическое насилие. Приход военных и наступление реакции стали неизбежными.

---

¹¹⁰ Dunkerley J. Op. cit. P. 117.

Глава 23

ВОЕННЫЕ В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ.

1964–1982

Свержение МНР 4 ноября 1964 г. военной хунтой во главе с вице-президентом генералом Рене Баррьентосом Ортуньо и командующим вооруженными силами генералом Альфредо Овандо Кандия произошло при поддержке гражданских групп и политических партий¹. Надпартийная роль и инициативное выступление армии свидетельствовали о неспособности гражданского общества обеспечить легитимность политических решений в условиях поляризации общественных сил и вакуума, оставленного после развала единой партии МНР. Параллельно это было реакцией на рост противоречий внутри самой армии, в которой сосуществовали националистические силы, сторонники МНР, левые и правые.

Военная хунта во главе с Р. Баррьентосом и А. Овандо Кандия объявила о «революции реставрации». Была отменена Конституция 1961 г. и восстановлена «дореволюционная» 1945 г., но с сохранением актов о национализации горнорудной промышленности, об аграрной реформе и всеобщем избирательном праве. Военные объявили о преемственности с Национальной революцией, но при восстановлении демократии и законности, попранных в последние годы правления МНР. Р. Баррьентос заявлял: «Мы сделаем хорошо то, что МНР сделала плохо»².

Практически все партии, кроме коммунистов³ и троцкистов, поддержали переворот. 8 ноября 1964 г. все, от левых лечинистов и прокитайской компартии до старой либеральной партии и профашистской фаланги, объединились в «Революционный комитет народа», в программе которого сочетались требования административной реформы государственных компаний и приватизации с лозунгами восстановления рабочего контроля⁴. Военные поддерживали требования комитета и, ссылаясь на политическое согласие с партиями, провели разоружение ополченцев различных партий⁵. Однако главные силы – крестьяне и горняки оружие армии не сдали.

Профсоюзы и в первую очередь горняки (ФСТМБ) одобрили переворот и хунту⁶. Р. Баррьентос часто выезжал в шахтерские поселки, выступал перед рабочими, уговаривал добровольно распустить ополчение и сдать оружие. Первое время военные даже обещали восстановить рабочий контроль⁷. Была восстановлена комиссия по рабочему контролю, но без права вето. Баррьентоса, прибывшего в шахтерские поселки, тепло приветствовали рабочие и

© Г. Родригес Острия, Ю. Торрес

¹ Оппозиция (все партии, кроме официальной МНР) объединилась под лозунгом: «Кто угодно, кроме Виктора Паса». Активную позицию занимали студенческие организации, а на востоке страны в Санта-Крус фалангисты перешли к партизанской борьбе с режимом.

² *Chrinos Soto E. Drama, riesgo y futuro de Bolivia*. Lima, 1965. P. 19.

³ В компартии к этому времени произошел раскол на промосковскую и пропекинскую партии.

⁴ *El Diario*. 08 de noviembre de 1964.

⁵ *El Diario*. 11 de noviembre de 1964.

⁶ *Ultima Hora*. 6 de noviembre. 1964.

⁷ *El Diario*. 13 de noviembre. 1964.

Рене Баррьентос Ортуньо

даже крайне левые лидеры, такие как Пиментель (троцкист)⁸. Однако уже в феврале 1965 г. в отношениях с профсоюзами назрел кризис: хунта издала декрет об установлении социального перемирия, запретила забастовки, а все конфликты должны были решаться в Министерстве труда⁹. Следующий удар по профсоюзам был нанесен в мае – августе 1965 г.

Конфликт, дошедший до состояния гражданской войны с шахтерами, был спровоцирован высылкой из страны в мае 1965 г. Х. Лечина. В ответ 18 мая 1965 г. ФСТМБ объявила всеобщую забастовку. Р. Баррьентос направил на рудники войска, поддержанные крестьянским ополчением. Было введено осадное положение и запрещена деятельность КОБ. Правительство смогло разбить единство профсоюзов, подписав пакт с рядом федераций¹⁰.

Р. Баррьентос пообещал уничтожить профсоюзную анархию и лечинизм¹¹. КОБ из подполья призвал рабочих к вооруженному восстанию против «военно-фашистской клики»¹². Хунте удалось быстро подавить выступления в городах. Героическое сопротивление шахтеров продолжалось до 25 мая. Горняцкие поселки Вилоколо, Сан-Хосе, Колкири были залиты кровью рабочих. Несмотря на победу, военным не удалось полностью уничтожить рабочее движение: КОБ пошел на «почетную» капитуляцию, добившись вывода войск из шахтерских поселков. Поражение рабочих в мае 1965 г. позволило хунте принять антирабочие законы о профсоюзах, провести снижение зарплаты шахтерам КОМИБОЛ. Профсоюзы должны были подчиняться

⁸ El Diario. 23 de noviembre. 1964.

⁹ Ayala Mercado G. Compilación de las leyes sociales de Bolivia. 1957–1965. Cochabamba, 1966. P. 102.

¹⁰ Barrios Villa G. Historia sindical de Bolivia. Oruro, 1966. P. 179–180.

¹¹ Barrientos Ortuño R. Nada, ni nadie podrá apartarnos de nuestro sagrado deber. La Paz, 1965. P. 18–22.

¹² Lora G. Documentos políticos de Bolivia. La Paz, 1971. P. 408–410.

Армия направляется на рудники

Министерству труда и строиться по цеховому принципу, фактически запрещались забастовки¹³.

Завершил конструкцию военной диктатуры Р. Баррьентоса закон о государственной безопасности от 8 сентября 1965 г. Этот закон опирался на широко распространенную в странах континента реакционную, антикоммунистическую доктрину национальной безопасности и внутренней войны. Особенностью боливийской разновидности этой доктрины было органическое включение в нее национал-реформизма, обогащенного модными тогда идеями христианской демократии. Эта эклектическая идейная смесь, названная «боливианидад» или боливийской сущностью, стала официальной идеологией режима. Претендуя на продолжение дела Национальной революции, военные делали акцент на прямую преемственность с военными-националистами Х. Бушем и Г. Вильярроэлем¹⁴. Постепенно из официального дискурса исчезли такие понятия революционного периода, как социальное освобождение, экономическая независимость и антиимпериализм, на замену им пришли внутренняя стабильность, интегральное развитие, моральная революция, борьба за выход к морю¹⁵. Из идейного наследия МНР были восприняты индеанизм, национализм, надклассовое социальное единство нации, ведущая роль государства как верховного арбитра¹⁶. Однако идеологически ближе всего «реставраторы» были к фалангистам.

¹³ Ayala Mercado G. Op. cit. P. 224–227.

¹⁴ Barrientos Ortuño R. Voluntad revolucionaria de libertad y desarrollo. La Paz, 1966.

¹⁵ Llosa J.A. René Barrientos Ortuño. Paladín de la bolivianidad. La Paz, 1966. P. 281.

¹⁶ Barrientos Ortuño R., Ovando Candia A. La segunda república. Sucre, 1965. P. 6.

Режим опирался на военно-крестьянские пакты, на союз между крестьянскими каудильо и военными. Р. Баррьентос ускорил проведение аграрной реформы, облегчил процедуру выдачи документов о собственности на землю, продолжил программу «Гражданской миссии армии». Это укрепило союз Баррьентоса и крестьянства. Даже не во всем согласная с ним армия должна была учитывать, что за президентом стоят сотни тысяч крестьянских ополченцев.

Баррьентос ушел с поста члена хунты, чтобы участвовать в выборах президента в 1966 г. Для политической завесы безальтернативных выборов был создан проправительственный блок партий. Изначально фавориты режима Христианско-демократическая партия и Народное христианское движение стали основой коалиции, в которую привлекли все партии, образовавшие в январе 1966 г. Фронт боливийской революции, поддержавший кандидатуру Баррьентоса на выборах¹⁷.

На выборах Баррьентос получил 64% голосов, став абсолютным победителем в сельских районах. Уже как конституционный президент он укрепил систему военно-крестьянских пактов. Крестьяне видели в государстве защитника их интересов и завоеваний аграрной реформы, полностью поддерживали то правительство, которое гарантировало им статус-кво в деревне. Власти, в свою очередь, одаривали всеми благами «профсоюзных крестьянских лидеров», которых сами же и назначали, даровали им места в парламенте и в исполнительной власти в центре и на местах.

Сельская местность была под полным контролем. США благосклонно относились к новому режиму, поддерживали его финансово и политически. Баррьентос открыл двери армии для военной миссии США, разрешил американцам свободно проводить разведывательные и иные операции на территории Боливии¹⁸.

Баррьентос представлял консервативную часть армии, которая руководствовалась «доктриной национальной безопасности», разработанной США для военных и правоавторитарных режимов в регионе. Боливийские офицеры проходили обучение в «Школе Америк» в Форте Гулик в зоне Панамского канала, где усваивали положения о геополитическом влиянии США в Боливии.

В рамках холодной войны основной задачей Баррьентоса и армии было сдерживание «внутреннего врага», т.е. рабочего движения, левых партий, которые и были реальными противниками, поэтому их следовало уничтожить. Антипрофсоюзные и антикоммунистические репрессии были основной линией политики Баррьентоса. В период его правления ряд профсоюзных руководителей были арестованы, высланы, а радикальные лидеры Федерико Эскобар из маоистской компартии и синдикалист-троцкист Исаак Камачо были убиты, соответственно, в 1966 и 1967 гг.

Баррьентос отошел от популистской политики революционного национализма МНР, удовлетворявшей требования профсоюзов и народных масс. Он установил жесткий бюджетный режим, заморозил зарплаты на государс-

¹⁷ El Diario. 23 de enero. 1966.

¹⁸ Lavaud J.-P. El embrollo Boliviano. Turbulencias Sociales y Desplazamientos Políticos, 1952–1982. La Paz, 1998.

твенных предприятиях. Объявив о реорганизации национализированной горнорудной промышленности, правительство понизило зарплаты рабочих и арестовало рабочих лидеров, ставя своей целью полностью исключить влияние профсоюзов на политическую жизнь в стране. Полностью подконтрольный конгресс принимал жесткие антирабочие законы. Среди депутатов редкие голоса, как, например, молодого политика Марсело Кироги Санта Круса, вскоре создавшего свою социалистическую партию, протестовали против произвола и репрессий военного режима.

При Баррьентосе началась политика денационализации добычи природных ресурсов, прежде всего нефтегазового комплекса. Баррьентос благоприятствовал экспансии в стране американской нефтяной корпорации «Галф ойл Ко.», который был предоставлен особый налоговый режим с большими скидками, были выделены концессии на тысячи га для разведки и добычи нефти и газа. Преимущества этой американской компании ослабляли позиции государственной ИПФБ, созданной в 1938 г. Вскоре «Галф ойл Ко.» стала добывать больше нефти и газа, чем ИПФБ.

Эту политику передачи природных богатств иностранным компаниям дополнили новые законы, которые регулировали капиталовложения в горнорудную промышленность, а также вводили новые, более либеральные правила при получении концессий для добычи минералов. Баррьентос не решился передать национализированные рудники частному капиталу, но создавал условия для иностранных капиталовложений в эту отрасль, что ставило под вопрос само существование государственного сектора в горнорудной промышленности. Между тем при отсутствии средств и технологического обновления государственный сектор находился в критическом положении. В рамках своей новой политики правительство передало в аренду иностранцам один из самых богатых медных рудников «Матильде», а также отвалы минерала государственной шахты Катави по очень низкой цене¹⁹.

Это был поворот к режиму либеральной экономики, к ставке на частный сектор, противостоящий этатистской и националистической модели, созданной после революции 1952 г. Новая политика, помноженная на репрессии и нарушения прав человека, вызвала народное недовольство. Группы националистически настроенных интеллектуалов, профсоюзы, левомарксистские (троцкисты и коммунисты) и националистические партии решительно встали против «проимпериалистической» политики. Баррьентос пользовался поддержкой крестьян и средних слоев, в то время как самым слабым местом были студенческие организации, которыми руководили демохристианские группы, а также профсоюзы учителей.

После 1966 г. левонационалистические и центристские группы в армии, в том числе и сопредседатель хунты в 1965 г. генерал А. Овандо, были отстранены от реальной власти. Установление личной диктатуры, полностью идущей в фарватере политики США, возродили оппозиционные настроения в армии, где сформировалась влиятельная группа левонационалистических высших офицеров. На радикализацию их взглядов парадоксально повлияла герилья Эрнесто Че Гевары в 1967 г.

¹⁹ Rodas Morales H. Marcelo Quiroga Santa Cruz. El Socialismo vivido. T. II. Bolivia, 1969–1997. La Paz, 2008.

Че прибыл в Боливию с Кубы (хотя полный маршрут его неизвестен) 3 или 4 ноября. Затем в страну приехали 17 кубинцев, обладавших большим военным опытом. Вместе с боливийцами и перуанцами отряд Че достигал сотни человек, не считая Тамары Бунке, она же Таня, единственной женщины. Появление Че Гевары было частью плана экспорта революции, разработанного самим Че и Фиделем Кастро, целью которого было создание многих фронтов борьбы с империализмом, чтобы снизить давление США на Кубу. Их подход отличался от позиций компартий региона, которые заявляли о буржуазно-демократической стадии революции в национальных рамках одной страны, а не об общеконтинентальной революции.

В марте 1967 г. в районе Ньянкауасу, на юге Боливии, в зоне проживания индейцев ава-гуарани, появился интернациональный партизанский отряд во главе с героем кубинской революции, аргентинцем Эрнесто Че Геварой. Че Гевара не думал о социалистической революции, которая должна была бы произойти в Боливии, а в соответствии со своими интернационалистскими убеждениями строил военный план повстанческой борьбы для всей южной части Латинской Америки и прежде всего для Аргентины, его родины. Герилья, начатая в центре континента, по мысли Гевары, должна была стать второй войной за независимость и охватить все соседние страны. Он отдавал предпочтение вооруженной борьбе сельской герильи, но не смог убедить в этом местных левых, которые традиционно ориентировались на городскую среду, на рабочие профсоюзы. Повстанцы, в своем большинстве иностранцы, рассчитывали на поддержку боливийского крестьянства, на восстания рабочих в городах и горнорудных центрах. Гевара питал надежду на помощь боливийской компартии.

Однако КПБ, ослабленная расколом на прокитайскую и просоветскую партии, не могла оказать серьезной помощи. К тому же Гевара отводил боливийцам вспомогательную роль, что глубоко ранило их национальные чувства. Для КПБ герилья как форма борьбы хотя и не отрицалась, но и не являлась главной. После конференции «Триконтиненталья» в Гаване в январе 1966 г. компартии региона отказались от герильи как основного пути революции. Прокитайская же компартия после «установочного» пленума Албанской компартии в 1967 г. осудила «кастризм» и герилью²⁰. Гевара так и не дождался помощи от боливийских коммунистов, с которыми поддерживал тесный контакт, что впоследствии дало повод обвинить компартию в предательстве и в невыполнении обещания присоединиться к его отряду, хотя такого лидеры КПБ не давали ни Че Геваре, ни кубинцам²¹.

Крестьянство не только не пошло за революционерами, но и активно участвовало в подавлении герильи. В дневнике Че Гевары есть рассказ о том, как недоумевали крестьяне от «странных» речей революционеров, объяснявших им антиимпериалистические цели своей борьбы²². Хотя отряд Гевары находился в районе, не затронутом аграрной реформой, где господствовали помещичьи хозяйства, идеи национальной революции витали в воздухе, и

²⁰ Gott R. Guerrilla movements in Latin America. L., 1973. P. 19–21.

²¹ Rodriguez Ostria G. Tamara, Laura, Tania. Un misterio en la guerrilla del Che. Barcelona, 2011.

²² Che Guevara E. Escritos y discursos. T. 3. La Havana, 1977. P. 197.

крестьяне верили боливийским политикам и военным, видели в них своих защитников.

Отряд Че Гевары обосновался в удаленном и изолированном районе, но был обнаружен армией. Партизаны были вынуждены начать военные действия 23 ноября 1967 г., еще не будучи готовы к этому. После первых успешных атак на неподготовленные и плохо вооруженные армейские части герилья с июня 1968 г. вступила в период поражений. Появление Гевары в Боливии вызвало беспокойство США. В борьбу с герильей включились также военные соседних стран, Аргентины и Бразилии. Агенты Пентагона и ЦРУ фактически командовали антиповстанческими операциями. Баррьентос объявил о всеобщей мобилизации и двинул в район Ньянкауасу крестьянские отряды из Кочабамбы. Туда же были переброшены спецподразделения «рейнджеров» под командой боливийских офицеров, прошедших специальную подготовку.

Че Гевара, с приступами астмы, изолированный и без связи со своими сторонниками в городах, отступал без определенного маршрута через боливийские горы, пока не попал в плен 8 октября 1968 г. близ поселка Игера. По приказу Баррьентоса он был расстрелян в час дня 9 октября.

Баррьентос вышел победителем герильи и обрушился с репрессиями на рабочее и студенческое движение. В июне 1967 г. армия устроила бойню в горнорудном поселке «Сигло XX – Катави», где в праздник Иоанна Крестителя собрались рабочие лидеры для обсуждения позиции шахтеров в отношении герильи. В ночь на 24 июня военные открыли огонь по мирно празднующему населению в рабочем поселке. Десятки людей были убиты. Это массовое убийство вошло в историю как «резня в ночь св. Иоанна».

Репрессии и шовинистический пропагандистский угар парализовали силы рабочего движения. Хотя казалось, что позиции Баррьентоса укрепились, дни его правительства не могли продлиться долго, так как в обществе пробудились горняки, студенты, средние слои, воспринявшие антиимпериалистические настроения.

История с Че Геварой, первоначально казавшаяся столь далекой от реального влияния на боливийскую действительность, имела серьезные последствия именно для этой страны. Для всех стала очевидной «колонизация» армии Боливии американскими советниками и агентами ЦРУ. Смерть Че Гевары способствовала пробуждению и радикализации прежде всего студентов, как симпатизировавших марксизму, так и демохристианам²³. В стране вновь ожили националистические, антиимпериалистические настроения, в том числе и в армии. Опасаясь собственной армии, Баррьентос делал ставку на поддержку крестьянских каудильо, на так называемые «военно-крестьянские пакты», для укрепления которых он бесконечно разъезжал по стране, встречаясь с крестьянскими лидерами. Во время одной из таких поездок – 27 апреля 1969 г. его вертолет разбился, президент погиб. К власти пришел вице-президент А. Силес Салинас. На июль 1970 г. были назначены всеобщие выборы.

Военное командование во главе с генералом А. Овандо Кандия, не дожидаясь выборов, 26 сентября 1969 г. отстранило президента от власти. Хотя

²³ *Rodriguez Ostria G. Sin tiempo para las palabras. La otra guerrilla guevarista en Bolivia. Cochabamba, 2006.*

имя генерала Овандо прочно ассоциировалось с антирабочими акциями правительства Баррьентоса, состав нового кабинета министров знаменовал резкий поворот назад, к традициям Национальной революции. В первый кабинет Овандо вошли молодые интеллектуалы и политики, выдвинувшиеся в ходе студенческого движения конца 60-х годов: ярый сторонник национализации нефтяной промышленности М. Кирога Санта Крус, молодежь из МНР М. Баптиста Гумусио, А. Санчес де Лосада. В первые же дни были отменены все акты и законы, ограничивавшие профсоюзы и политические партии и прежде всего Закон о государственной безопасности²⁴.

В опубликованном после переворота программном документе – «Революционном мандате национальных вооруженных сил» говорилось о возрождении национально-революционного развития как третьего пути между капитализмом и социализмом²⁵. Фактически провозглашался возврат к режиму Национальной революции, но без МНР. Националистический экономический курс был подтвержден отменой Нефтяного кодекса, являвшегося объектом самой острой критики левых, 17 октября 1969 г. была национализирована американская компания «Галф Ойл». Компания, поддерживаемая госдепартаментом США, добилась отмены предоставления займов Боливии Мировым банком и организовала блокаду продажи боливийской нефти, которую, к счастью, игнорировала Аргентина, что позволило ИПФБ смягчить ситуацию. Решение о национализации придало правительству революционный образ. Доверие к Овандо со стороны рабочих и левых организаций возросло.

Демократическая оттепель, как называли трудящиеся этот короткий период, завершившийся в августе 1971 г., была процессом, в котором сочетались надежды на большие перемены, глубокий кризис государства, профсоюзов и политических действий рабочих²⁶.

Военные-реформисты

Военная революция «сверху» была скептически воспринята профсоюзами и марксистскими партиями. Левые радикалы, последователи идей Че Гевары, решили перейти к вооруженной борьбе. В июле 1970 г. в районе Теопонте в 150 км от Ла-Паса началась герилья, организованная членами Армии национального освобождения (*Ejército de Liberación Nacional-ELN*), политической организации, созданной 25 марта 1967 г. в Боливии Че Геварой. Боливийская ELN полностью, без какого бы то ни было критического анализа, приняла теорию «очага», фокизм (теория партизанского очага как генератора революции), что означало непосредственную преемственность с героическим периодом, связанным с именем Че. Она считала себя военной организацией авангардного типа, предназначенной для ведения партизанской войны в сельской местности. Отличие боливийской ELN от герильи Че состояло в том, что она ставила перед собой цель завоевания власти в Боливии. Ее проект приобрел четкие национальные черты, хотя и не отказывался

²⁴ *Lazarte J.* Movimiento obrero y procesos políticos en Bolivia (Historia de la C.O.B. 1952–1987). La Paz, 1989. P. 114.

²⁵ *Шульговский А. Ф.* Армия и политика в Латинской Америке. М., 1979. С. 379.

²⁶ *Lazarte J.* Op. cit. P. 49.

от континентальных целей борьбы. Боливийцами были и ее лидеры: сначала «Инти» Передо, а затем после смерти Инти 9 сентября 1969 г. его брат «Чато». Большинство бойцов также были боливийцами.

После завершения обучения на Кубе в апреле 1969 г. повстанцы направились в Боливию через Чили. Их поддерживали и обеспечивали проход члены Социалистической партии, которые содержали конспиративные квартиры. После Сантьяго, Антофагасты и Каламы будущие партизаны, прибывшие с Кубы, перешли границу и тайно с оружием передвигались по территории Боливии. Члены городской сети ELN переправили их в Ла-Пас.

Район, выбранный для операции на севере Ла-Паса, был тот самый, который в 1966 г. исследовал французский леворадикал и теоретик фокизма Режи Дебре, когда он искал подходящее место для начала герильи Че Гевары. Дебре рекомендовал именно этот район. Че Гевара высоко оценивал его политическое и географическое значение, однако по неизвестным причинам решил действовать на юге Боливии. Новые лидеры герильи, учитывая все эти обстоятельства, решили воспользоваться документацией, собранной в свое время Дебре. Будущие бойцы могли ознакомиться с ней в подготовительном лагере в Баракоа на Кубе. В начале 1969 г. они провели новую разведку в регионе, оценили его с политической, социальной и географической точек зрения, приняв решение, которое должно было подчеркивать преемственность с 1967 г.

Между июлем и сентябрем 1969 г. по начавшейся герилье были нанесены серьезные удары. Обыски, аресты и убийства лидеров поставили под вопрос само ее существование. Особенно тяжелой была потеря командующего штабом «Инти» Передо в Ла-Пасе 9 сентября 1969 г. В определенный момент из-за провалов в Боливии, а возможно, под давлением СССР кубинцы вышли из этой операции. Однако герилья после понесенных утрат смогла восстановиться за счет привлечения к борьбе студентов и представителей средних слоев, многие из которых происходили из демохристианских кругов, молодежи, ушедшей из Христианско-демократической партии и таких религиозных организаций, как Марианская конгрегация и Католическая студенческая молодежь.

Утром 19 июля 1970 г. они начали вооруженные действия в районе Теопонте. Ядро герильи составляли 67 бойцов, в своем большинстве (80%) боливийцы. Командовал ими Освальдо «Чато» Передо, младший брат «Коко» и «Инти», бойцов отряда Че Гевары в Ньянкауасу. Это выступление обернулось полным провалом. За сто дней армия и голод полностью уничтожили отряд. Из 67 бойцов выжили только 9, в том числе и «Чато» Передо. 5 ноября 1970 г. они вернулись в Чили, где уже у власти было левое правительство Сальвадора Альенде²⁷.

В новых обстоятельствах рабочее движение возродилось, при Овандо появилась возможность политической и профсоюзной реорганизации, что стало основой будущих событий. «Казалось бы, разрушенный Боливийский рабочий центр – КОБ восстал из пепла и вновь претендовал на власть и реставрацию 1952 г.»²⁸. Рабочее движение зримо укрепляло свои позиции и

²⁷ *Родригес Острия Г.* Цикл партизанской борьбы в Боливии в 1963–1970 гг. Преемственность и различия // *Латиноамериканский исторический альманах*. М. 2012. № 12. С. 196–198.

²⁸ *Alcázar J.L., Baldivia J.* Bolivia, otra lección para América. México, 1973. P. 90.

Инти Передо

влияние в секторах общества, ранее не примыкавших к нему, став отдельным полюсом, сравнимым с государственной машиной, претендуя на общенациональную гегемонию.

Радикализация общества была бы невозможной без герильи в Ньянкауасу и Теопонте²⁹, которые изменили взаимоотношения между армией и гражданским обществом, привели к крутому идеологическому перевороту внутри самих вооруженных сил. В армии укрепилась группировка во главе с генералом Хуаном Хосе Торресом, который все более сближался с левыми.

Со своей стороны КОБ стал самокритично оценивать свою роль в революции 1952 г. В мае 1970 г. после долгих лет полуподпольного существования КОБ созвал свой IV конгресс, на котором при преобладающем влиянии троцкистов были приняты так называемые «Социалистические тезисы». Впервые КОБ заявлял о своей борьбе за взятие власти пролетариатом, за социалистическую перспективу, противостоящую госкапитализму, за освобождение от империалистического господства. КОБ декларировал свою цель: «осуществить антиимпериалистическую народную революцию, бороться за социализм через завоевание собственного правительства». Несмотря на жесткую критику со стороны коммунистов, Хуан Лечин вновь был избран главой КОБ³⁰. В новых обстоятельствах КОБ отказывался от сотрудничества с правительством с целью добиться перерастания революции в пролетарскую, социалистическую³¹.

Между тем Овандо, вынужденный подавить герилью, проводил все более правую политическую линию. КОБ же восстанавливал свои позиции и действовал уже не как обычный профсоюз, выдвигая требования повышения зарплат, улучшения экономического положения, а активно участвуя в политической жизни, включился в борьбу за власть. В университетах проходили свои «революции», и студенты превратились в важный фактор политики, встав на сторону рабочих профсоюзов и заявляя о своей поддержке борьбы за социализм.

²⁹ Герилья произвела коренные изменения в настроениях средних слоев, привела к пересмотру позиций боливийских левых сил. Видный боливийский социолог Рене Савалета Меркадо утверждал, что главным результатом герильи был разрыв изоляции, в которой находились левые силы.

³⁰ Bolivia, hoy / Coord. Rene Zavaleta Mercado. México, 1983. P. 205.

³¹ Одним из требований КОБ было освобождение Режи Дебре, осужденного за участие в герилье Че Гевары.

Правые силы и в армии, и в гражданском обществе при открытой поддержке США предпринимали шаги, чтобы остановить народный подъем. Не имея прочной опоры в рабочем движении и левых партиях, находясь под прессингом правых в армии, Овандо чисто бонапартистскими методами управления не мог долго продержаться у власти. 4 октября 1970 г. вспыхнул правый мятеж во главе с генералом Рохелио Мирандой. Военные обещали вернуться к конституционному правлению, объявить амнистию³². Среди всеобщей путаницы, при апатии самого Овандо, у которого накануне скончался сын, военные решили ночью 5 октября провести опрос офицеров столичного гарнизона. Большинство офицеров высказались за отставку правительства. Одновременно с генералом Х.Х. Торресом встретились рабочий лидер Ф. Эскобар (ПОР) и студенческий руководитель Х. Ласарте, которые гарантировали ему поддержку народных организаций в установлении левонационалистического режима³³. 6 октября Овандо заявил о своей отставке. Х.Х. Торрес отказался признать власть Миранды и, опираясь на ВВС, склонил других военачальников поддержать его кандидатуру. Миранда был вынужден отступить перед лицом раскола в вооруженных силах и всеобщей забастовки, объявленной КОБ и поддержанной всеми левыми партиями, в том числе и коммунистами, призывавшими защитить революционное правительство Х.Х. Торреса.

7 октября Торрес стал президентом. Объясняя причины противодействия правому перевороту, он заявил: «Основная цель переворота состояла в том, чтобы прервать реализацию стратегической программы развития и экономического освобождения Боливии»³⁴. При президенте Торресе КОБ через свой Политический комитет³⁵ получил в свои руки, по крайней мере временно, реальную власть в форме революционного правительства.

Все это стало возможным благодаря действиям левых военных и народа, готовых встать на борьбу с правым переворотом Миранды. От них же зависела судьба левого военного правительства, опиравшегося на народное движение. Союз левых и военных был основой этого процесса³⁶.

Народная ассамблея. Прелюдия революции?

Новое правительство сразу же предприняло антиимпериалистические, националистические акции: был разорван контракт о концессии иностранному капиталу богатейшего рудника «Матильде», из Боливии были высланы все добровольцы американского «Корпуса мира», выпущен на свободу Режи

³² Prescencia. La Paz. 05.10.1970.

³³ Lazarte J. Op. cit. P. 146.

³⁴ Mensaje de Torres // El Diario. La Paz. 07.10.1970.

³⁵ Политический комитет пытался создать единство рабочих, студенческих и крестьянских профсоюзов с включением в него ряда политических левых партий, как марксистских, так и националистических.

³⁶ Как утверждал Р. Савалета Меркадо, применять слово союз не отражает ситуацию, так как не было двух сторон, а был односторонний акт власти, которую удерживал Торрес, поддерживавший левых, но левые ему ответили тем же, стихийно поддержав его в одностороннем порядке, не имея никаких гарантий, ни обязательств с его стороны. – Zavaleta Mercado R. El poder dual en América Latina. Estudios de Bolivia y Chile. Cochabamba, 1974. P. 185.

Хуан Хосе Торрес среди крестьян

Дебре, консервативная газета «El Diario» была передана в управление самих сотрудников газеты. В октябре 1970 г. правительство, вдохновляемое идеями развития плановой экономики по рецептам ЭКЛА (Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки), опубликовало долгосрочную программу преобразований под названием «Социально-экономическая стратегия национального развития на 1971–1991 годы». План строился на идее доминирующей роли государства в экономическом развитии с опорой на внутренние, а не на внешние источники накопления, ставил задачи проведения ускоренной индустриализации и диверсификации. Предусматривалось широкое привлечение трудящихся к управлению производством через самоуправление и сотрудничество на предприятиях³⁷.

Торрес, придя к власти, предложил КОБ возрождение соправления времен Национальной революции. Хотя КОБ отказался, новые попытки правого переворота в январе 1971 г. заставили профсоюзы поставить вопрос о взятии власти в новой плоскости: было решено приступить к созданию параллельных органов власти. Все 9 месяцев президентства Торреса прошли в постоянных спорах и конфликтах между Торресом, КОБ и левыми партиями. Коммунисты были разделены на две партии – просоветскую и прокитайскую и не могли найти общий язык с троцкистами Революционной рабочей партии (ПОР), не прекращались споры с новыми партиями – Левым революционным движением (МИР), Социалистической партией-1 (ПС-1) М. Кироги Санта Круса,

³⁷ Калужская Т.Г. Боливия: тенденции социально-экономического развития. М., 1979. С. 83.

вышедших из рядов Христианско-демократической молодежи и взявших на вооружение идеи континентальной революции, антиимпериализма и повстанческой партизанской борьбы. Революционный блок был далек от единства.

Торрес пришел к власти при благоприятной внешней конъюнктуре, когда в Чили правили левые силы во главе с Сальвадором Альенде, в Перу был прогрессивный военный режим Веласко Альварадо. Но в стране была сложная ситуация, происходила поляризация политических сил. Боливийская буржуазия при поддержке со стороны США делала ставку на армию. Народное же движение постоянно радикализировалось и не принимало политику союза с иностранным капиталом как перспективу развития.

Прогрессивная часть армии критиковала зависимость Боливии, считала империализм главным врагом страны. Защита национальных интересов была положена в основу их идеологии. В программном документе правительства Торреса – «Революционном мандате Вооруженных сил нации» ставилась задача «обеспечить суверенитет нации над источниками производства страны и с этой целью вернуть естественные богатства, отчужденные у нации на условиях, приносящих ущерб национальным интересам»³⁸. Эта антиимпериалистическая позиция Торреса делала его правительство левым. И это при том, что Торрес всегда принадлежал к консерваторам в армии и был одним из тех, кто принимал решение о казни Че Гевары. С приходом к власти Торрес предстает уже как левый реформист. В первые же дни своего правления он заявил: «Мое правительство будет проводить революционную и националистическую политику, будет бороться за национальное освобождение»³⁹.

Такой политический кульбит президента привел к расколу и бурным дискуссиям в армии, которые начались еще при правительстве Овандо. После герильи Че Гевары произошла вторая партизанская война в Теопонте в июле – ноябре 1971 г., которую Овандо безжалостно подавил, санкционировав убийство более полусотни партизан, которые были захвачены в плен.

Герилья Че Гевары не только повлияла на боливийских левых, особенно на молодежь, студентов, но и нашла отклик в среде вооруженных сил. Среди военных отмечалась резкая поляризация на тех, кто разделял антикоммунистическую доктрину армии, насаждаемую США, и на тех, кто повернулся к народному движению и левым партиям. Эта вторая группа военных еще при Овандо смогла добиться таких патриотических, националистически мотивированных актов, как изгнание из страны нефтяной американской компании «Gulf Oil».

С началом революционного подъема одним из требований боливийских левых, ориентировавшихся на марксистско-ленинскую теорию перерастания буржуазной революции в социалистическую через двоевластие и на создание «советов», было превращение Народной ассамблеи в орган параллельной власти. Воззрения левых в ассамблее более соответствовали марксистской традиции, чем «фокизму», теории партизанского очага, ибо исходили из их исторического опыта, они верили в силы профсоюзного движения, в массовое движение в городах. Идеи ассамблеи были поддержаны КОБ.

³⁸ Barrios R. Nacionalismo militar boliviano. Elementos para la reformulación estratégica // Nueva Sociedad. Enero-febrero de 1986. N 81. P. 36–45.

³⁹ Presencia. La Paz. 27 de octubre de 1970.

Торрес рассматривал ассамблею как возможный путь преобразования государства, хотя в первые дни правительство колебалось и ссылалось на то, что «для этого пока еще нет общественных условий». Требование созыва ассамблеи было поддержано рабочими профсоюзами и революционными студентами. Под давлением левых Торрес все более склонялся к созыву Народной ассамблеи как выходу из ситуации. Такое решение свидетельствовало о сдвиге с позиций национализма, декларируемого в первые дни правительства, к социализму, чему способствовал также съезд КОБ в мае 1970 г., принявший социалистическую программу.

Как случилось, что Торрес от «борьбы с коммунизмом» перешел на сторону своих идеологических противников. Троцкистский теоретик и историк Гильермо Лора объяснял эту метаморфозу Торреса тем, что он представлял собой отражение настроений самой армии, ставшей реакционно-консервативной силой. Внутри нее раскол был очевидным. Борьба шла не только внутри армии, но и в обществе: выбор стоял между демократией и разрывом с господствующей экономической моделью зависимого капитализма и охранительным, авторитарным, антикоммунистическим режимом.

Приход к власти «военных прогрессистов» породил мечты и утопии в рядах боливийских левых, сделавших ставку на Торреса. Однако президент делал противоречивые шаги. С одной стороны, была созвана Народная ассамблея, которая могла представлять некоторый риск для его режима. А с другой, он тут же ограничил ее полномочия и задачи: «не может быть никаких формально властных отношений между правительством и Народной ассамблеей, так как последняя не предусмотрена конституцией, отношения с ней будут складываться по мере того, как она начнет работать»⁴⁰. Консерваторы восприняли ассамблею в штыки, создали ситуацию хаоса внутри нее и вокруг, обвиняя ее членов в экстремизме. Правительство и ассамблею обвиняли в коммунизме, что станет главным аргументом в мобилизации военных против режима.

Открывшаяся 1 мая 1971 г. в Ла-Пасе Народная ассамблея заседала в здании конгресса, что символически означало разрыв с парламентской демократией и республиканскими институтами, их замену прямым народовластием. В ее состав вошли делегаты рабочих профсоюзов и политических партий, считавших себя революционными. Крестьянское присутствие на ассамблее было минимальным. Ее председателем стал лидер КОБ Хуан Лечин.

Ассамблея провозгласила себя антиимпериалистическим революционным фронтом, ставящим своей целью национальное освобождение и построение социализма⁴¹. Вместе с тем ассамблея максимально проявила различия целей военных националистов, считавших себя наследниками этатистского, популистского проекта Национальной революции 1952 г., и радикальных левых, представлявших средние слои и рабочий класс, которые были намерены идти своим особым путем к социализму. Левые считали главным нанести поражение националистическому реформизму и «американскому империализму с его внутренними агентами».

⁴⁰ Presencia. La Paz. 24 de abril de 1970.

⁴¹ Bolivia, hoy. P. 206.

Споры внутри ассамблеи затрагивали широкую гамму вопросов как стратегии революции, так и политической повседневности, конъюнктуры, взаимоотношений с армией и органами власти. Там возникла дискуссия о рабочем соуправлении, т.е. об участии рабочих организаций в правительстве и администрации государственных предприятий. Этому вопросу большое значение придавал Торрес, который рассчитывал тем самым обеспечить участие рабочих профсоюзов в преобразованиях и надеялся, что это соответствует устремлениям самих трудящихся.

Реакция правых в армии на деятельность ассамблеи была решительной, свержение правительства не следовало долго ждать. Правительство попыталось действовать совместно с рабочим движением, чтобы предотвратить контрреволюционные действия военных. Однако опасность справа привела не только к углублению противоречий между ассамблеей и правительством Торреса, но и внутри левых партий, которые расходились в своей оценке режима.

Торрес воспринимал ассамблею как инструмент сближения позиций правительства и левых партий, профсоюзов. Постепенно менялась тональность выступлений Торреса, который от национализма переходил на революционную риторику, стремился сделать левых своим безусловным союзником. Это «идеологическое» сближение позволило военному правительству Торреса иметь в лице рабочих профсоюзов своих главных защитников, вместо того, чтобы бороться с ними. Такой мощный союзник, как рабочее движение, был очень важен с учетом раскола в армии и усиления консервативных сил среди военных. Перед лицом опасности переворота правых Народная ассамблея сделала заявление в прессе: «Президиум Народной ассамблеи объявляет чрезвычайное положение для всех народных сил страны и заявляет, что в случае попытки переворота будет объявлена всеобщая забастовка трудящихся, которые сразу же приступят к занятию всех предприятий страны»⁴².

Внутри Народной ассамблеи сформировались два блока, предлагавших свой сценарий дальнейшего развития событий. Речь шла о двух фронтах. Первый – внутренняя борьба между профсоюзами и левыми партиями. второй – между Народной ассамблеей и «буржуазной властью армии»⁴³. Внутри ассамблеи основной конфликт разгорался вокруг борьбы различных партий и групп за влияние на рабочие профсоюзы, представляющие реальную силу. Пресса так описывала это противостояние: «Пролетариат, представленный блоком профсоюзов фабричных рабочих и горняков, придерживался позиции, состоящей в том, что ассамблея не должна была определять метод политической борьбы (т.е. предпочитать какую-то конкретную политическую партию. – *Авт.*), так как революция будет свершаться пролетариатом, а не партиями»⁴⁴. При этом идеологически ассамблея формулировала свою задачу и социалистическое будущее: «Мы не можем разделять какую-то отдельную идею или идеологию, так как Народная ассамблея является широким антиимпериалистическим фронтом, в который входят все революционные

⁴² Los Tiempos. La Paz. 16.julio de 1971.

⁴³ Zavaleta Mercado R. Cincuenta años de historia. Cochabamba, 1987. P. 129.

⁴⁴ Presencia. La Paz. 23 de julio de 1971.

Заседание Народной ассамблеи

партии, борющиеся за обновление социально-экономической системы, за взятие власти и строительство социализма»⁴⁵.

Общее настроение на ассамблее было не в пользу существовавших политических партий, не принимался тезис о необходимости «единой рабочей партии». Уже по прошествии этих событий левые считали самой большой ошибкой именно отсутствие политической партии, без которой рабочий класс не может победить. Ни коммунисты, ни троцкисты не смогли возглавить революционный процесс и преодолеть обреристские настроения, не смогли претендовать на представительство рабочего класса. Отчасти это объяснялось резкими и бесконечными внутренними спорами различных левых партий и групп, выступавших с непримиримых идеологических позиций.

Другой важной чертой ассамблеи было отторжение крестьянства, так как в рабочих профсоюзах и левых партиях существовало убеждение, что только рабочий класс является авангардом и должен руководить другими классами и слоями⁴⁶. В 1971 г. крестьянство стояло особняком в этом процессе, ориентировалось на своих каудильо, связанных с военными. Независимый крестьянский синдикализм еще не появился, до этого оставалось целое десятилетие. Ассамблея в определенном смысле проходила во враждебном окружении.

Индийское крестьянство было минимально представлено в Народной ассамблее⁴⁷. Из 218 делегатов только 23 были крестьянами, 52 можно считать

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Strengers J. La Asamblea Popular. Bolivia, 1971. La Paz, 1991.

⁴⁷ См.: La Izquierda en el Poder. O cuando los gobiernos progresistas lidian con lo popular en Bolivia (1943–2011) / Coord. Y.F. Torrez. Cochabamba, 2013.

представителями средних слоев, 152 – рабочими. Из упомянутых 23 крестьян ни об одном нельзя сказать, что они кого-то представляли⁴⁸. Главными темами дискуссий в Народной ассамблее были проблемы рабочего класса, собственности: рабочее соуправление в КОМИБОЛ, создание Рабочего университета, проблемы национализации⁴⁹. В деревне же по-прежнему доминировала система военно-крестьянских пактов, изначально сориентированных против левых сил.

Ассамблея претендовала на второй после президента полюс власти в стране, что должно было стать предпосылкой развития революции в смысле ее перерастания в социалистическую. Так по крайней мере мечтали левые интеллектуалы марксистского толка. Ассамблея представлялась как зародыш будущего пролетарского государства, противостоящего армии и государству, рожденным в процессе Национальной революции 1952 г.⁵⁰

В ходе работы ассамблеи активизировались крайне левые, считавшие, что пришло время революции и решительных действий. Они требовали изгнания из Боливии представителей ЦРУ и ФБР. При этом Торрес отвечал на это молчанием, что трактовалось как согласие с радикалами. Этот процесс уже не на шутку обеспокоил консервативные круги в армии, видевшие в правительстве и в ассамблее пришествие социализма в Боливию. Правые объединялись под националистическими лозунгами времен МНР. Газета «Presencia» писала: «Накануне открытия заседаний Народной ассамблеи ходили слухи о скором и насильственном установлении коммунистического режима в Боливии, о занятии рабочими фабрик, сельских поместий и городских домов собственников. Слухи были столь невероятны, что в них стали верить те, кто сами эти слухи выдумывал»⁵¹. Поляризация общественных сил делала неизбежным выбор – либо поддержка перехода к социализму⁵², либо разгром «социалистической утопии» через правый военный переворот. Ассамблея стала главной силой поддержки Торреса, который терял свои позиции внутри армии. Военные готовили переворот.

После изгнания из ассамблеи членов МНР эта партия открыто заявила о своем неприятии эксперимента с народовластием и левого правительства Торреса. Сам факт существования ассамблеи крайне обеспокоил правые и центристские партии, прежде всего МНР. Преодолевая старинную неприязнь и вражду, МНР и Фаланга заключили союз против правительства Торреса и совместно с правыми военными стали готовить контрреволюционный пере-

⁴⁸ Hurtado J. El Katarismo. La Paz, Hisbol, 1986.

⁴⁹ Sirengers J. La Asamblea Popular. Bolivia, 1971. La Paz, 1991.

⁵⁰ Zavaleta Mercado R. El poder dual en América Latina. P. 129.

⁵¹ Presencia. La Paz. 4 julio de 1971.

⁵² Одна из радикальных тенденций внутри Народной ассамблеи была представлена Оскаром Саморой, или, как его звали, команданте Роландо, который был руководителем Союза бедных крестьян Боливии (УКАПО) и секретарем прокитайской Марксистско-ленинской коммунистической партии. Он заявил: «Народная ассамблея должна стать инструментом борьбы рабочего класса и революционных сил за завоевание власти. Народная ассамблея должна стать инструментом достижения не только тактических, но и стратегических целей для установления социализма, при котором рабочий класс в качестве революционного авангарда поведет за собой самый многочисленный класс страны – крестьянство. Мы должны быть готовы к вооруженной борьбе для завоевания социалистического государства». – Presencia. 30 de junio de 1971.

ворот. Во главе заговора стояли Н. Чавес Ортис, генерал Ириарте в Санта-Круссе и майор У. Кайоха в Ла-Пасе. Однако в результате несчастного случая майор Кайоха, центральная фигура заговора, уступил лидерство полковнику Уго Бансеру Суаресу. Заговор поддерживали США.

Военный мятеж при поддержке МНР и Фаланги начался 19 августа 1971 г. в Санта-Круссе. В Ла-Пасе левые встретили мятежников отчаянным вооруженным сопротивлением. 20 августа сторонники правительства все еще сражались на улицах города. После кровавого боя 21 августа Торрес был свергнут. Поражение Торреса было следствием неудачной попытки вернуться в эпоху Национальной революции, но в условиях, когда армия претендовала на роль арбитра, а рабочий класс уже не был готов слепо идти за военно-бюрократическим аппаратом, обеспечивая ему мощную социальную поддержку. «Бонапартистское» лавирование между левыми, рабочим движением и правыми в армии лишь на короткое время обеспечили власть Торреса. Сложившаяся к 70-м годам национальная буржуазия нуждалась в консервативном и сильном правительстве. В результате переворота к власти пришла правая коалиция военных, МНР и Фаланги, образовавших Националистический народный фронт, который возглавил У. Бансер.

Правые военные режимы. 1971–1982

Новая коалиция провозгласила свою приверженность принципам революционного национализма, классового мира и согласия. Его лозунгом были «Мир, Труд, Порядок». Надежды политиков, в частности МНР, на восстановление умеренного гражданского режима не оправдались. Опираясь на поддержку США и особенно военного режима Бразилии, У. Бансер установил жесткую диктатуру, обрушив репрессии не только на левых, но и против своих недавних союзников. Летом 1972 г. правительство решило одним радикальным шагом решить все проблемы бунтующих студентов: на два года закрыло все университеты страны. В марте 1973 г. был восстановлен реакционный «Закон о национальной безопасности». В преддверии назначенных на 1975 г. всеобщих выборов Бансер решил установить военную диктатуру, ликвидировав даже видимость демократии. В 1974 г. была запрещена деятельность всех политических партий и профсоюзов, в том числе и МНР, а их лидеры высланы из страны⁵³.

Укреплению позиций Бансера способствовала благоприятная экономическая конъюнктура: резкий скачок цен на минеральное сырье на мировых рынках. Увеличение валюты и наличие свободных и дешевых капиталов на внешнем рынке заимствования, вызванные мощным притоком нефтедолларов в банки США, позволили военному правительству предпринять масштабные экономические проекты. Хотя экономика в период с 1971 по 1977 г. росла в среднем на 5,86% в год, производство горнорудной отрасли – основы боливийской экономики в десятилетие 1970 – 1980 гг. увеличилось лишь на 0,8%, что предвещало будущий масштабный кризис, так как такой низкой рост происходил при самых высоких ценах на сырье на мировых рынках. Тенденции роста не были всеобщими: добыча нефти, например, упала на 7,7%⁵⁴.

⁵³ Калужская Т.Г. Указ. соч. С. 92.

⁵⁴ Ramos Sánchez P. Siete años de economía boliviana. La Paz, 1980. P. 194.

Много вкладывалось в создание современной транспортной инфраструктуры, особенно в родном департаменте Бансера и центре новой агроиндустрии Санта-Крус. Строились дороги, аэропорты, фабрики по переработке сырья, как, например, печально известный гигант, маслозавод в Вильямонтесе, так никогда и не заработавший на полную мощность из-за отсутствия сырья⁵⁵. В результате преференций для агроиндустрии и масштабного кредитования со стороны государства в Санта-Крус активно развивалось товарное сельское хозяйство. Так, в период с 1970 по 1975 г. плантации хлопка выросли с 10,6 тыс. га до 50 тыс. га.

Хотя правительство Бансера проводило политику в интересах новой, сформировавшейся после 1952 г. буржуазии, оно не отошло от основных параметров национал-реформистской экономической модели с преобладающей ролью госсектора. Военные в отличие от других подобных режимов на континенте в эти годы не пошли по пути проведения неолиберальной экономической политики, а сохранили стратегию МНР на усиление роли государства в экономике и на поддержку местного капитала через перевод прибыли госпредприятий в частный сектор посредством банковских кредитов⁵⁶.

Предпринимательский класс, признавая ведущую роль государства в этой модели развития, начиная с 70-х годов XX в. стал осознавать общность интересов и смог сформировать единый, монолитный блок, оказывавший мощное влияние на власть. Центром влияния был Санта-Крус. Предприниматели стали раздумывать над созданием собственной политической партии, чего не было после революции 1952 г.

Впечатляющий рост государственного сектора в эти годы был возможен только за счет внешних заимствований. Внешний долг Боливии увеличился с 645 млн долл. в 1972 г. до 2555 млн в 1979 г.⁵⁷ В этом не было ничего предосудительного, в долг было выгодно брать, пока его обслуживание не стало превышать прирост цен на экспорт. За годы диктатуры, с 1972 по 1978 г., расходы государственного бюджета увеличились почти в пять раз⁵⁸. Однако ситуация резко изменилась в 1978 г., когда упали цены на сырье, а кредиты стали менее доступны. К 1982 г. долг достиг 3328 млн долл., в четыре раза превысив стоимость всего экспорта Боливии за год.

К концу 70-х годов политическое положение Бансера уже было не таким прочным, как в начале правления. Военно-крестьянские пакты рухнули в одночасье в 1974 г., когда впервые армия устроила кровавую бойню крестьян в Толата (район Кочабамбы), протестовавших против введения дополнительных налогов. В том же году прошли активные выступления студентов.

Важным фактором коррозии и падения военного режима была новая политика США в регионе. Администрация Дж. Картера декларировала принцип соблюдения прав человека в качестве основы своей внешней политики. Хотя Бансера по-прежнему поддерживали бразильские военные, США давили сильнее. В условиях начинавшегося долгового кризиса Бансер попытался уйти, сохранив устои диктатуры.

⁵⁵ Bolivia en el siglo XX. La Paz, 1999. P. 81.

⁵⁶ Dunkerley J. Political suicide in Latin America and other essays. L., 1992. P.185.

⁵⁷ Bolivia en el siglo XX. P.179.

⁵⁸ Ramos Sánchez P. Op. cit. P. 194–195.

Уго Бансер Суарес

В июне 1976 г. мощные выступления шахтеров ознаменовали восстановление рабочего движения. В конце 1977 г. четыре женщины из горнорудного поселка объявили голодную забастовку, протестуя против репрессий, арестов, ссылок, запретов и требуя восстановления демократии. Незначительное событие породило мощное движение солидарности во всех районах страны. Демонстрации протеста проходили повсеместно. Под давлением внешних и внутренних факторов Бансер был вынужден объявить всеобщую политическую амнистию, которая позволила левым политикам и синдикалистам вернуться в страну.

Между 1975 и 1978 гг. Бансер вел переговоры с чилийским диктатором Пиночетом о выходе к морю, что придавало ему определенную популярность среди населения. Рассматривались различные варианты – от анклава до коридора в районе Арики. Однако

чилийцы требовали огромных компенсационных территориальных уступок со стороны Боливии, и переговоры, начавшиеся как беспрецедентный прорыв, бесславно закончились. Боливия вновь разорвала дипломатические отношения с Чили. Этот провал в столь остром для боливийцев вопросе нанес большой удар по популярности Бансера.

В начале 1978 г. были легализованы политические партии и профсоюзы, назначены президентские выборы, на которых режим выдвинул своего кандидата генерала Х. Переду Асбуна. 9 июля 1978 г. на откровенно сфальсифицированных выборах (за него было подано больше голосов, чем существовало выборщиков) победил официальный кандидат. На этих выборах реальным победителем был Демократический и народный союз (Unidad Democrática y Popular – УДП), в который входили Левое националистическое революционное движение (МНРИ) одного из основателей и лидеров Национальной революции 1952 г. Эрнана Силеса Суасо, промосковская компартия Боливии, а также Левое революционное движение (МИР), возникшее в период революционного подъема 1970–1971 гг.

Фарс с выборами был настолько очевиден, что вызвал массовые протесты в стране, но главное – США отказались признать их. Избирательный трибунал назначил новые выборы, но Переда Асбун отказался подчиниться. В июле 1978 г. в Санта-Крус вспыхнул мятеж, военные настаивали на немедленной передаче власти Переде Асбуну. Бансер был вынужден уступить и ушел в отставку. Новый президент создал правительство из военных и представителей Фаланги. Ухудшавшееся экономическое положение и всеобщая оппозиция к правительству сделали его президентство недолговечным: 24 но-

Переворот Натуша Буша

ября 1978 г. его сверг генерал-конституционалист Давид Падиля. На 1979 г. были назначены новые выборы.

В июле состоялись всеобщие выборы. В них участвовали три главных блока. Левые силы выступали единым фронтом УДП в составе Левого МНР (МНРИ) во главе с Э. Силесом Суасо, компартией и Левым революционным движением (МИР), созданным радикальными левыми студенческими и демохристианскими группами в 70-е годы. Центр был представлен МНР, выдвинувшей кандидатуру В. Пас Эстенсоро, а правая партия Националистическое демократическое действие (АДН) выступала во главе с Бансером. На левом фланге возникла Социалистическая партия, возглавляемая амбициозным и талантливым политиком Марсело Кирогой Санта Крусом. Никто из кандидатов не набрал необходимого абсолютного большинства, а конгресс долго не мог договориться о поддержке набравшего относительное большинство Э. Силеса, опередившего В. Паса на сотые доли процента. В результате компромисса временным президентом на 1 год до проведения новых выборов был избран председатель Сената В. Гевара Арсе.

Крайне нестабильное политическое положение усложнялось нараставшим экономическим кризисом. 1 ноября 1979 г. полковник А. Натуш Буш (дальний родственник легендарного президента-националиста Х. Буша) осуществил государственный переворот. А. Натуш выступил с путаной программой, смутившей даже некоторых левых политиков. С одной стороны, он явно стремился к националистическому авторитарному, диктаторскому режиму, что дало повод оппонентам обвинить его в фашизме. С другой, он предложил

Марсело Кирога Санта Крус

ду одержал левый блок партий УДП. Э. Силес Суасо получил 38,74% голосов, в то время как его противники МНР и АДН, соответственно, 20,15% и 16,8%. Однако большинство было относительным, и вновь конгресс должен был утвердить нового президента. Все многочисленные выборы этих лет показали, что партии левоцентристского направления получали в сумме 50% голосов, так же как и правоцентристы. Страна была разделена на две почти равные и непримиримые части.

Перед лицом угрозы прихода к власти «почти» коммунистического блока самые оголтелые реакционные военные во главе с генералом Л. Гарсией Месой 17 июля 1980 г. совершили государственный переворот. Во время переворота был расстрелян один из самых популярных левых политиков, вышедший на четвертое место на выборах, – М. Кирога Санта Крус. Желая показать свою непреклонность в борьбе с профсоюзами, военные приказали снести здание КОБ в центре Ла-Паса.

Военное правительство провозгласило «Национальную реконструкцию», запретило профсоюзы, партии, ликвидировало автономию университетов, отменило все политические и гражданские свободы. 15 января 1981 г. агенты службы безопасности расстреляли 8 руководителей подполья партии МИР, захватив их во время совещания по организации протестов против экономической политики правительства. Это хладнокровное убийство вызвало массовые протесты за рубежом, что еще более изолировало правительство Гарсии Месы.

национализировать всю горнорудную промышленность, в том числе и средние предприятия, обещал резко повысить зарплату рабочим⁵⁹. Пока Натуш рассуждал о новой политике, его подчиненные делали то, чему их обучили американские инструкторы: наводили «порядок» на улицах, расстреливая демонстрации и просто толпы людей в Ла-Пасе. КОБ объявил всеобщую стачку и мобилизацию на борьбу с путчем. После нескольких дней кровавых столкновений А. Натуш был вынужден покинуть президентский дворец.

Конгресс вновь выбрал временно-го главу государства – Лидию Гейлер Техаду, первую женщину-президента в истории Боливии. Краткое правление Л. Гейлер проходило на фоне нарастающего экономического кризиса и политической нестабильности, главным фактором которой оставались путчистские настроения высшего офицерства. На выборах 1980 г. убедительную побе-

⁵⁹ Bolivia, hoy. P. 20.

Террористическая военная диктатура была тесно связана с наркоторговлей. Полковник Л. Арсе Гомес⁶⁰, открыто занимавшийся торговлей кокаином, стал министром внутренних дел. Переворот финансировался наркобароном Р. Суаресом. Это было первое наркоправительство в Латинской Америке.

Переворот активно поддерживался военным режимом Аргентины: военных инструктировали аргентинские специалисты по «антиподрывной» и «антикоммунистической» деятельности. Диктатура нашла поддержку у германских и итальянских неофашистов. На службу режиму были призваны нашедшие пристанище в Южной Америке нацистские преступники, самой известной фигурой среди которых был «палач Лиона» Клаус Барбье.

Связи военных с наркоторговлей брали свое начало в период правления Бансера. Взрывной рост спроса на кокаин в США в 70-е годы привел к вовлечению Боливии в полномасштабную наркоторговлю. Именно в период 1976–1981 гг. крестьяне района Юнгас перестали выращивать традиционные культуры и полностью переключились на коку, площади под которой выросли с 15 600 га до 55 тыс. га⁶¹. После объявления администрацией Никсона в 1972 г. непримиримой войны наркотикам США пристально следили за развитием событий в странах – производителях коки.

Установление в Боливии террористического наркорезима вызвал крайне негативное отношение США. Дж. Картер разорвал дипотношения с Боливией, поставив условием их возобновления восстановление демократии. 1 марта 1981 г. на американском телевидении прошла программа, в которой разоблачались связи Арсе Гомеса с наркоторговлей. США усиливали давление на диктатуру. 26 апреля 1981 г. Арсе Гомес был отправлен в отставку.

С приходом в Белый дом Р. Рейгана с его антикоммунистической риторикой и поворотом вправо во внешней политике, особенно в Центральной Америке, ожидаемого облегчения для режима Гарсии Месы не наступило. Боливия оказалась изолированной, без источников кредитования, и именно тогда страна сорвалась в гиперинфляцию.

Главной опорой режима – армией многие были недовольны. 11 мая 1981 г. подполковник Эмилио Ланса восстал против Гарсии Месы, в июле генералы Луис Аньес и Умберто Кайоха, уставшие от коррупции и nepотизма режима, подняли против него восстание⁶². Все эти попытки переворота не удались, но 3 августа 1981 г. вновь Аньес вместе с Альберто Натушем Бушем (тем самым путчистом 1979 г.) вновь подняли мятеж в Санта-Крус. На этот раз успешно.

Понимая невозможность дальнейшего существования такого режима, хунта генералов 4 августа 1981 г. сместила Гарсию Месу. Но и эти военные подозревались и не без оснований в связях с наркокартелями. Через месяц, 4 сентября 1981 г. хунта была смещена генералом Сельсо Торрелио, пообещавшим вести борьбу с наркотрафиком. В ноябре США восстановили дипот-

⁶⁰ Впоследствии Л. Арсе Гомес был осужден за наркоторговлю, отбывает наказание в тюрьме Мемфиса, США.

⁶¹ United States and Latin America: the new agenda. L., 1999. P. 185–186.

⁶² Dunkerley J. Rebelión en las venas, La lucha política en Bolivia 1952–1982. La Paz, 1987. P. 270–284.

ношения. Послом США направили Эдвина Корра, который сыграл важную роль в восстановлении демократии.

В течение полугода политическая ситуация находилась в состоянии пата, ни одна из сторон не решалась на конфронтацию, в то время как экономический кризис обрушился прежде всего на трудящихся, на народные массы. В начале марта 1982 г. при нарастании протеста студенческие организации и политические партии стали восстанавливать свои структуры. 26 марта 1982 г. в Кочабамбе прошла массовая манифестация рабочих и студентов, которая была разогнана с применением оружия, трое демонстрантов были убиты, 15 ранены⁶³. Президент генерал Торрелио потерял контроль над событиями. 7 мая власти были вынуждены отменить комендантский час (после 22 месяцев действия), а 26 мая была объявлена амнистия и легализованы политические партии и профсоюзы. Начался переходный период к демократии.

Вышедшие из подполья партии развернули дискуссию о политическом будущем. С июля стала преобладать точка зрения, что первым шагом для восстановления демократии должен быть созыв конгресса, избранного в 1980 г. Он изберет президента и вице-президента, исходя из результатов выборов 17 июля 1980 г. Не все политические силы легко пошли на это решение, но уступили, так как по всей стране прокатились «голодные марши», экономическая ситуация была близка к коллапсу.

Между тем военные не собирались отдавать власть. 15 июля генерал Торрелио заявил о проведении новых выборов 24 июля 1983 г.⁶⁴ Не все партии приветствовали это решение, так как многих не устраивал возможный новый расклад сил в конгрессе. МИР больше всех защищала вариант созыва конгресса 1980 г., так как опасалась, что на новых выборах УДП может поменять кандидатуру в вице-президенты, убрав лидера МИР Хайме Паса Самору.

Военные хотели стать гарантами перехода к демократии с тем, чтобы «отмыть» свой образ, окончательно испорченный в период наркоправления Гарсии Месы. 19 июля 1982 г. они сменили президента, новым правителем стал генерал Гидо Вильдосо. Стали преобладать требования созвать конгресс 1980 г. и уважать результаты последних президентских выборов. 7 сентября МИР, входившая в УДП, провела массовый марш под лозунгом «Голод не может ждать». КОБ также поддерживал идею возврата к 1980 г. и провел подлинную демонстрацию своей силы на улицах Ла-Паса 17 сентября, объявив о всеобщей и бессрочной забастовке, пока страна не вернется к конституционному правлению⁶⁵.

Страна находилась на грани пропасти: экономика в руинах, финансы опустошены, климатическая аномалия, известная как «Эль Ниньо», вызвала жесточайшую засуху, поставившую деревню на грань голода. Процветала лишь наркоторговля. 5 октября 1982 г. под давлением КОБ и с согласия политических партий был восстановлен конгресс 1980 г., а 10 октября Эрнан Суасо как президент и Хайме Пас Самора как вице-президент принесли клятву верности Конституции. Так завершился длительный период военных диктатур, была восстановлена демократия.

⁶³ Los Tiempos. Cochabamba. 27 de marzo de 1982.

⁶⁴ Los Tiempos. 16 de julio de 1982.

⁶⁵ Presencia. La Paz. 6 de octubre de 1982.

Часть VIII

БОЛИВИЯ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Глава 24

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ. 1982–2000

Левонационалистическое правительство Эрнана Силеса Суасо: заключительный этап кризиса национал-реформистской модели развития в Боливии

В условиях глобального кризиса Э. Силес Суасо и его союзникам предлагалось взять власть в свои руки. Ни Силес, ни КПБ не соглашались на условия, предложенные военными, а требовали новых выборов, не без основания рассчитывая получить абсолютное большинство, в том числе и в конгрессе. Однако лидер МИР Х. Пас Самора, бывший кандидатом в вице-президенты от УДП, настоял на принятии власти, аргументируя это тем, что «голод не ждет». Завоеванная демократия казалась очень слабой и зыбкой, что заставило Силеса принять президентский пост.

В новое правительство УДП вошли министры, представлявшие МНРИ Силеса, МИР и компартию. Появление министров-коммунистов первоначально вызвало негативную реакцию в Вашингтоне, но вскоре их прагматический и технократический подход успокоил возможных оппонентов, даже рейгановскую администрацию, сохранившую позитивные отношения с Боливией. Единство УДН продержалось недолго: представители МИР, в основном министры экономического блока, в январе 1983 г. вышли из правительства. МИР фактически перешел в оппозицию, исходя из сугубо демагогических соображений, заботясь о следующих выборах. КПБ осталась в кабинете, где сильной фигурой стал коммунист Х. Гребе, экономист, учившийся в ГДР, предпочитавший ортодоксальные технократические и даже монетаристские рецепты. Фактически кабинет министров был союзом КПБ и технократов¹.

УДП придерживалась концепции смешанной экономики при ведущей роли государства. Для стабилизации финансового положения еще единое правительство УДП с подачи миристских министров в ноябре 1982 г. при-

© А.А. Щелчков

¹ Dunkerley J., Morales R. The crisis in Bolivia // New Left Review. L. N 155. January–February, 1986. P. 102.

Вступление в должность президента Эрнана Силеса Суасо

няло самое катастрофическое для своего будущего решение о «дедолларизации» экономики. Суть этой меры состояла в обязательном переводе всех долларовых вкладов в банках в песо по курсу 145 песо за доллар и в последующем запрете текущих операций в долларах. Желая усилить национальную валюту и снизить инфляционный напор на песо, правительство на деле нанесло смертельный удар по всей финансовой системе, вынудило большую часть экономики уйти в тень. Более того, через два дня после перевода счетов в песо кабинет девальвировал национальную валюту на 30%². Деньги из банков изымались, процветал черный рынок. «Дедолларизация» разорила средний класс, поставила на грань полного краха средний и мелкий бизнес, дезорганизовала всю банковскую систему. Сами же инициаторы столь спорной меры – миристы через два месяца покинули кабинет и блок УДП, оставив пожинать плоды своей политики бывшим союзникам.

Силес и КПБ верили доводам МВФ, что пунктуальное выполнение долговых обязательств откроет Боливии новые источники внешнего финансирования. Эти надежды не оправдались, а рынки капитала закрылись для Боливии. УДП шесть раз выдвигал различные планы стабилизации. И МНРИ, и КПБ предлагали исключительно монетаристские ортодоксальные меры: сокращение расходов, ограничение эмиссии, пересмотр цен госпредприятий и пр.³ Однако давление КОБ было столь велико, что неизменно правительство отступало, увеличивая расходы и усиливая спираль инфляции.

Понимая, что отношения с КОБ будут определять степень управляемости страной, и желая разделить с профсоюзами ответственность за политику

² Dunkerley J. Political suicide in Latin America and other essays. L., 1992. P. 191.

³ Bolivia en el siglo XX. La Paz, 1999. P. 183.

левого правительства, Силес предложил Лечину «соправление» по примеру 50-х годов. Лечин же потребовал для КОБ 50% плюс один голос в правительстве⁴. Этого не позволили бы ни УДП, ни конгресс. В ответ на стабилизационные планы кабинета 9 августа 1983 г. КОБ разработал и предложил свой собственный «Чрезвычайный социально-экономический план». Правительство ответило, что несмотря на совпадение многих положений программы со взглядами кабинета, глубина кризиса не позволяет перейти к столь радикальным мерам. КОБ прервал переговоры. Лечин потребовал начать реализацию плана как условие возврата к переговорам. Это был тупик.

Волна забастовок, протестов, блокад дорог крестьянами захлестнула страну. Состояние хаоса и неуправляемости было результатом конфликта КОБ и правительства. В период правления УДП, в 1982–1985 гг., зарегистрировано 1800 конфликтов: забастовок, демонстраций, маршей, 18 крупных блокад дорог⁵. Любопытно, что особо непримиримую позицию занимал профсоюз Центрального банка, подменивший собой президента страны и министра финансов. Служащие приняли решение не выполнять никаких правительственных распоряжений, если в их основе будут лежать какие-либо соглашения с МВФ⁶.

Начало 80-х годов ознаменовалось мощным массовым индейским движением под названием катаризм⁷. К концу 70-х годов в рамках единого крестьянского движения выделилось два течения: одно, с узко культурно-этнологическим подходом, сформировавшее Индейское движение Тупак Катари (МИТКА), которое возглавили Констинтино Лима, Лусиано Тапия, другое – революционно-демократическое, представленное Революционным движением Тупак Катари (МРТК) во главе с Хенаро Флоресом, Макабео Чилой и Виктором Уго Карденасом.

Крайние индеанисты, такие как, например, Фаусто Рейнага⁸ и его Индейская партия, считали, что освобождение индейцев должно быть достигнуто

⁴ Ibañez Rojo E. The UDP Government and the Crisis of the Bolivian Left (1982–1985) // Journal of Latin American Studies. N 32. 2000. P. 187.

⁵ Dunkerley J. Op. cit. P. 203.

⁶ Trigo O'Connor d'Arlach E. Conversaciones con Víctor Paz Estenssoro. La Paz, 1999. P. 153.

⁷ Катаризм – от имени Тупак Катари, вождя крупнейшего индейского восстания XVIII в. Движение возникло в 60-е годы в среде интеллектуалов-индеанистов как «Движение 15 ноября», «Центр крестьянской пропаганды и координации – МИНКА» (минка – форма общинной взаимопомощи у аймара), а в 1971 г. был образован Крестьянский центр Тупак Катари. В 1973 г. эти организации выпустили «Манифест Тиауанаку», в котором впервые ставились задачи национально-экономического освобождения индейцев в союзе с рабочим классом и беднейшими средними слоями. В 1977 г. был опубликован второй «Манифест Тиауанаку», который ясно определил место крестьянской организации – рядом с демократическими, левыми силами. – См.: Щелчков А.А. Идеинная борьба в современном крестьянском движении Боливии // Латинская Америка: вопросы идеологии и политической мысли. М., 1991. С.49–58.

⁸ За Фаусто Рейнагой закрепилась противоречивая репутация: он побывал в различных политических лагерях, от троцкистов до крайне правых при военных диктатурах. Его индеанистские идеи захватывали многих, прежде всего политиков индейского происхождения, таких, как Лусиано Тапия. Однако, имея своим идейным предшественником Рейнагу, катаристы отмежевались от него, прежде всего из-за сотрудничества Рейнаги с режимом Бансера и официальной Крестьянской конфедерацией, придерживавшейся политики военно-крестьянских пактов. – Tapia L. Ukhamawa Jakawisaxa (Así es nuestra vida). Autobiografía de un aymara. La Paz, 1994. P. 350–351.

движением самих индейцев, отрицали возможность союзов как с правыми, так и левыми партиями с бело-метисными руководителями, так называемыми q'aras. Для Рейнаги «индейская революция» должна состоять в завоевании власти индейцами и восстановлении древнего индейского социализма⁹.

Рейнага и его сподвижники, такие как Константино Лима, говорили об индейской власти, о новом Тауантинсуйю, об инкском социализме с учетом технического прогресса, когда все государство превращалось в одну большую общину – айлью¹⁰. Их лозунгом было: «ни с q'ara, ни с misti» (ни с белыми, ни с метисами), что стало причиной расхождения и последующего разрыва двух лидеров индеанизма Константино Лимы и Лусиано Тапии, стоявших у истоков политического индеанизма¹¹.

Катаристы же рассматривали себя как часть общенационального движения за социальное освобождение, за «включенность» индейского населения в новое мультикультурное общество Боливии. Эта группа была связана с партией МИР, что не устраивало индеанистов, стремившихся к полной политической независимости своего движения. «Твердые» индеанисты обвиняли катаристов во «внутреннем колониализме» и отказе от истинно индейских целей возвращения земли Кольясуйю ее исконным жителям¹².

В 1979 г. при активном участии катаристов, которым удалось с помощью политиков из МИР изолировать индеанистов из МИТКА, вместо старой крестьянской конфедерации, поддерживавшей все военные диктатуры в рамках «военно-крестьянских пактов», была образована Единая конфедерация крестьян Боливии (КСУТСБ) во главе с Хенаро Флоресом, которая вошла в КОБ. МИТКА провела свой альтернативный конгресс в Пакахес в апреле 1978 г., на котором приняла программу «Индейское правительство»¹³. Однако преобладание в индейском движении получили катаристы.

В июне 1983 г. состоялся II конгресс КСУТСБ. Большое влияние в катаризме приобрело левое крыло, тесно связанное с профсоюзами и левыми партиями. Характеризуя крестьянский синдикализм, политическая платформа, принятая на II конгрессе КСУТСБ, определила его как «революционный, ибо мы боремся за власть трудящихся, крестьян, шахтеров, рабочих и других угнетенных, за наше освобождение от всех форм капиталистической эксплуатации и колониального угнетения, за справедливое общество без эксплуататоров и эксплуатируемых»¹⁴.

Выступая на конгрессе катаристов, Хенаро Флорес заявил: «Крестьянам не нужна никакая партия... Наша борьба направлена на прямое участие в

⁹ Pacheco D. El indianismo y los indios contemporáneos en Bolivia. La Paz, 1992. P. 37.

¹⁰ Katarismo-Indeanismo ante la izquierda y la derecha // Willka. Revista anual. El Alto. N 5. 2011. P. 153–154.

¹¹ Tapia L. Op. cit. P. 352–353.

¹² Katarismo-Indeanismo ante la izquierda.... P. 46–47.

¹³ В этой программе заявлялось, что «в Боливии вся индейская нация является пролетариатом, в том числе и все крестьяне, которых КОБ называет мелкой буржуазией, и тот же КОБ копирует формы чужого социализма, который противостоит Общинному Социализму Индейской нации, воистину научному социализму, основы которого прошли проверку тысячелетий». – Pacheco D. Op. cit. P. 63.

¹⁴ Rivera Cusicanqui S. Oprimidos pero no vencidos. Luchas del campesinado aymara y quechua. La Paz, 1986. P. 200.

управлении государством через соправление КОБ в правительстве УДП»¹⁵. Фактически катаристы заявляли о верности союзу с рабочими профсоюзами и о желании не разрушать существующее креольское государство, а встраиваться в его политическую структуру. КСУТСБ прочно связала себя с КОБ и его политической судьбой.

Результатом эволюции катаризма влево было принятие «Политических тезисов» КСУТСБ в октябре 1983 г. и проекта Основного аграрного закона в январе 1984 г. В этих документах идеология катаризма как концепция крестьянского социализма получила наиболее полное изложение. Преодолевая антигородской, сугубо индеанистский подход, катаристы заявили о неприятии конфронтации между индейцами и белыми. «Мы хотим жить свободными, – говорится в “Политических тезисах”, – в обществе без эксплуатации и угнетения, в многонациональном государстве, развивающем нашу культуру и подлинные национальные формы управления»¹⁶.

Первым шагом в осуществлении программы катаристов было бы принятие проекта нового закона об аграрной реформе. Созванный по инициативе КСУТСБ 16–20 января 1984 г. в Кочабамбе Национальный конгресс по аграрной реформе принял крестьянский проект Основного аграрного закона, переданного в середине 1984 г. правительству на рассмотрение. Авторами проекта были катаристы Х. Флорес, В.У. Карденас, левые националисты и индеанисты И. Сандоваль, Х. Альбо и С. Ривера¹⁷. Катаристский закон предусматривал построение децентрализованного и самоуправленческого государства, опирающегося на объединения ассоциативного труда и профсоюзы, которым предполагалось играть роль новых органов власти¹⁸. Это был проект на будущее, декларация принципов.

УДП не справлялся с постоянно меняющейся социально-политической обстановкой в городе и деревне. Экономика катилась под откос. 12 апреля 1984 г. УДП предложил самую серьезную программу стабилизации. КОБ ответил всеобщей забастовкой, блокадой дорог, голодовками и маршами. Профсоюзы требовали 400-процентного повышения зарплаты¹⁹. На самом деле, зарплата, несмотря на ее индексацию, постоянно снижалась из-за гиперинфляции. Если в ноябре 1982 г. минимальная зарплата составляла 42 долл., то через год уже 33, а в ноябре 1984 г. только 20²⁰. С середины 1984 г. КОБ открыто перешел в оппозицию к УДП, что привело к гиперинфляции, хаосу и социальной дезинтеграции. Фактически все участники конфликта – и КОБ, и УДП потеряли контроль над ситуацией.

В самом КОБ происходили процессы распада. В июле 1984 г. профсоюзное руководство впервые столкнулось с неподчинением базовых организаций, которые не поддерживали призыв к всеобщей стачке. Все большим влиянием пользовались стихийно возникавшие региональные и гражданские комитеты, а также хунты жителей, которые представляли собой серьезного конкурента КОБ в представительстве народа. Однако руководство КОБ

¹⁵ Hurtado J. El Katarismo. La Paz, 1986. P. 211–212.

¹⁶ Rivera Cusicanqui S. Op. cit. P. 187.

¹⁷ Historia boliviana. N V/1–2. Cochabamba, 1985. P. 21.

¹⁸ Ley agraria fundamental. La Paz. 1984. P. 17.

¹⁹ Ibáñez Rojo E. Op. cit. P. 192–193.

²⁰ Dunkerley J. Op. cit. P. 191.

не делало выводов и продолжало линию на революционную конфронтацию с УДП.

В сентябре 1984 г. на VI съезде КОБ поставил задачу немедленного формирования «революционного правительства» для проведения в жизнь «Чрезвычайного социально-экономического плана», принятого еще в 1983 г. На съезде победили левые радикалы, создавшие блок «Единого революционного руководства» в составе проалбанских коммунистов, лечинистов, левой фракции МИР, троцкистов и катаристов²¹. Компартия (просоветская) потеряла все руководящие позиции в КОБ.

Между тем общественное мнение, пресса обвиняли в хаосе именно профсоюзы, под давлением которых правительство шло на уступки, раскручивая спираль инфляции. Когда в мае 1984 г. кабинет принял требования КОБ, цены вновь взлетели. Товары исчезли из магазинов. Это был коллапс официальной экономики. Сбор налогов упал с 9% ВВП в 1980 г. до 1,3% в 1985 г. Уже в конце 1983 г. было ясно, что Боливия на краю пропасти: ВВП упал на 6%, дефицит бюджета составил 8% ВВП. Без доступа к внешним займам государственный дефицит покрывался за счет эмиссии. Инфляция к началу 1985 г. достигла 14 тыс.% в год²².

Крах правительства УДП был полным. Досрочному уходу Силеса и роспуску УДП предшествовал скандал, связанный с «делом Отасо», в значительной мере ускоривший отставку президента. В 1984 г. Рафаэль Отасо, один из основателей МНР, ближайший сподвижник Силеса, занимавший пост президента Совета по борьбе с наркоторговлей, признался, что в июне 1983 г. по поручению Силеса вел переговоры с наркобароном Р.Суаресом о предоставлении последним займа в 1 млрд долл. для решения текущих экономических проблем страны. Более того, Р. Отасо также назвал имена ряда депутатов от УДП, связанных с наркобаронами. 7 сентября 1984 г. Силес уволил Отасо, объявив его психически больным. Однако дело зашло слишком далеко, и конгресс готовил импичмент президента. В этих условиях власть перешла бы к председателю Сената, правому деятелю МНР Х. Гаррету, чего Силес не хотел допустить. 18 сентября конгресс потребовал приостановить действие мандата Силеса на время расследования «дела Отасо»²³. Посол США Эдвин Карр поддержал Силеса, так как опасался, что резкая смена правительства приведет к краху боливийской демократии и станет ширмой захвата власти наркобаронами. В результате компромисса с оппозицией Силес объявил о досрочных выборах в 1985 г.

Это был конец УДП, которая официально самораспустилась в декабре 1984 г. Провал этого эксперимента фатально отразился на судьбе левых партий. Партия МИР, ответственная за самые ошибочные экономические акции правительства УДП, находясь в оппозиции, не выдержала испытаний и раскололась: за социал-демократическим, либеральным крылом во главе с Х. Пас Саморой, амбициозным и харизматическим лидером, пошла большая часть партии. Левые создали две группы: одна, «МИР – Свободная Боливия»,

²¹ Lazarte J. Movimiento obrero y procesos políticos en Bolivia (Historia de la C.O.B. 1952–1987). La Paz, 1989. P. 152–153.

²² Dunkerley J. Op. cit. P. 191.

²³ United States and Latin America: the new agenda. London, 1999. P. 191.

близкая к КПБ, во главе с Аранибаром собрала все самые интеллектуальные кадры старой МИР; другая – синдикалисты во главе с В. Дельгадильо объединила всех левых антикоммунистов и профлидеров в «МИР–Массы».

Катаристы в марте 1985 г. создали свою политическую партию Революционное движение освобождения Тупак Катарти (МРТКЛ) во главе с Хенаро Флоресом. Они пошли на выборы со своим собственным кандидатом в президенты В.У. Карденасом.

Компартия также не пережила кризиса УДП. Старое руководство даже после провала левого блока продолжало говорить о Народном фронте в духе коминтерновских установок. В августе 1984 г. с партией порвала молодежная организация, а в феврале 1985 г. на V съезде из нее вышла группа радикальных левых во главе с Р. Барренечеа. Влияние компартии как в обществе в целом, так и в профсоюзах практически сошло на нет. Крах УДП был также концом всех старых левых партий Боливии.

После выхода КПБ из правительства в нем остались технократы, которые пытались остановить гиперинфляцию чисто монетаристской политикой и либерализацией цен. В феврале 1985 г. правительство провело очередную девальвацию и разрешило поднять цены на основные товары народного потребления. Положение рабочих масс, особенно шахтеров, было отчаянным: на рудниках не осталось ни продовольствия, ни средств на его закупку по новым ценам²⁴. КОБ принял решение о прямых действиях: призвал к самоорганизации масс, созданию народных комитетов на местах и параллельной власти. 4 марта 1985 г. Ла-Пас наводнили 12 тыс. вооруженных динамитом шахтеров. 7 марта КОБ объявил всеобщую забастовку и блокаду дорог крестьянами. Жизнь страны была парализована.

20 марта после двухнедельного хаоса и паралича власти военные предложили Силесу навести порядок и разблокировать дороги. После вмешательства военных Лечин подал в отставку, а забастовка стала сворачиваться самими рабочими. Хотя в апреле – мае 1985 г. правительство пошло на некоторые уступки КОБ – вновь была увеличена зарплата за счет ограничения выплат по внешнему долгу²⁵, это было крупнейшее поражение рабочего движения. После трех лет катастрофического правления левых революционное давление синдикалистов на правительство без попыток взятия власти и ответственности уже не встречало поддержки народных масс.

1985 год – это пик кризиса национал-реформистской модели развития. До этого года политика всех без исключения правительств была направлена на строительство государственного капитализма. Государство постоянно инвестировало в экономику, что в 70–80-е годы составляло 15–16% от ВВП, причем из них в 70-е годы 6,5% за счет внутренних ресурсов, а в 80-е – уже 20,5%. Главным источником финансирования был внешний долг. Получаемые долговые деньги тратились нерационально. Самые известные примеры провальных многомиллионных проектов – это металлургические заводы в Карачипампа (в него было вложено 200 млн долл.) и в Ла-Палька, которые так и не начали работать из-за отсутствия сырья.

²⁴ Lazarte J. Op. cit. P. 153.

²⁵ Dunkerley J. Op. cit. P. 192.

Долг использовался для покрытия государственного дефицита, который, в свою очередь, возникал из-за необходимости финансировать госпредприятия. Дефицит рос в геометрической прогрессии: в 1979 г. он составил 4,9% от ВВП, в 1982 г. – 22,3%, а в 1984 г. – 30,6%. Боливия занимала первое место в Латинской Америке по количеству занятых в государственном секторе. В 70-е – 80-е годы число рабочих КОМИБОЛ увеличилось с 23 700 до 26 500 человек, а себестоимость продукции за 10 лет выросла на 45%. На зарплату государственным рабочим и служащим тратилось 10% ВВП (большие цифры в регионе давала только Куба)²⁶.

Однако начиная с 1979 г. получать внешние кредиты стало труднее. Рост дефицита бюджета, огромный груз малоэффективного, нерентабельного государственного сектора вызвали к жизни гиперинфляцию с ее разрушающими для экономики и общества последствиями. Катастрофический, со многих точек зрения, период правления УДП ознаменовал финальный, кризисный этап государственной и общественно-экономической модели, созданной после Национальной революции. Пришли в упадок и стали абсолютно неэффективными как идеологемы «революционного национализма», так и инструменты управления обществом с сильными, почти государственными профсоюзами, мощным государственным сектором в экономике. Предстояла радикальная смена парадигмы развития, что почувствовали все ведущие политические силы страны, прежде всего главное действующее лицо 1952 г. партия МНР, провозгласившая курс на неолиберальную экономическую политику и укрепление либерально-демократического, представительного республиканского режима.

Боливия в 90-е годы: новая либеральная революция

14 июля 1985 г. состоялись всеобщие выборы. Относительное большинство – 28,56% получил Бансер (АДН), за ним шел В. Пас (МНР) – 26,47%, и мирист Х. Пас Самора – 8,84%. Левым досталось не более 2,2%. Однако в конгрессе у МНР было больше мест, чем у АДН. В. Пас склонил партию Силеса и миристов к поддержке более близкой им МНР, нежели крайне правой АДН²⁷. Впервые за всю историю Боливии конгресс избрал президентом вышедшего на второе место по числу голосов кандидата. 6 августа 1985 г. В. Пас в четвертый раз вступил в должность президента республики.

29 августа 1985 г. был опубликован исторический декрет 21060, объявивший о введении «новой экономической политики» (нэп). Речь шла о кардинальном реформировании боливийского общества на принципах неолиберализма. В своем послании к нации Виктор Пас, описывая катастрофическое положение в стране, заявил: «Боливия умирает»²⁸. Президент указал: «Падение ВВП в предыдущие годы является беспрецедентным в нашей истории: в 1981 г. он упал на 4,1%, в 1982 г. – на 11,1%, в 1983 г. – 10,1%, в 1985 г. оценивается

²⁶ Bolivia en el siglo XX. P. 176–188.

²⁷ Trigo O'Connor d'Arlach E. Op. cit. P. 153.

²⁸ Ascarrunz Rodríguez E. La palabra de Paz. Un hombre, un siglo. La Paz, 2008. P. 24.

в 7,3%». Гиперинфляция достигла рекордных цифр, без преодоления которой было невозможно говорить о какой-либо экономической стратегии. В качестве анекдота президент Пас сообщил, что цена печатания новых банкнот превышала их номинальную стоимость²⁹. Единственным выходом из положения представлялась неолиберальная экономическая политика с шоковой терапией.

Идейными отцами нэпа были профессор Гарварда Джеффри Сакс и один из лидеров МНР, председатель Сената Гонсало Санчес де Лосада, возглавивший комиссию по экономическому реформированию в августе 1985 г. Первоначально Дж. Сакс предложил свою программу АДН, но после избрания Виктора Паса МНР полностью приняла ее³⁰. Декрет вводил свободный режим внешней торговли, снижал пошлины и сборы, снимал все ограничения трудового законодательства, полностью замораживал государственные расходы, ограничивал дефицит бюджета, который отныне практически полностью финансировался за счет продажи газа в Аргентину и Бразилию³¹.

При УДП страна пережила травму гиперинфляции и политической неуправляемости. Теперь народу предстояло пережить еще одну – шоковой терапии. Социальные издержки декрета были огромны. Только за первый год его действия зарплата сократилась фактически вдвое, около 10% занятых в госсекторе потеряли работу. Только в сельской местности без работы остались 25 тыс. учителей³². Как и следовало ожидать, нэп вызвал ожесточенное сопротивление со стороны профсоюзов. После опубликования декрета Лечин назвал его «пиночетасо» и призвал к 48-часовой забастовке. Правительство просило перемирие на 1 год, а забастовка была объявлена незаконной. 10 сентября власти заявили, что пойдут на переговоры с КОБ только после окончания забастовки. Военные решительно поддержали В. Паса, а крестьянские организации остались нейтральными. К 16 сентября забастовка стала затухать, заработали банки, учреждения, школы. Чувствуя усталость населения, Лечин предпринял неофициальные контакты с МНР, что было расценено как слабость. Ответом было требование о капитуляции³³.

Для радикализации движения протеста КОБ призвал к массовым голодовкам. 19 сентября было объявлено осадное положение, профлидеры, в том числе и Лечин, были арестованы и депортированы в удаленные районы страны. КОБ ушел в подполье, а забастовка прекратилась. Только горняки продолжали стачку, но теперь главным требованием было освобождение рабочих лидеров и отмена осадного положения. Марш 10 тыс. шахтеров на Ла-Пас был остановлен армией³⁴. Конфликт завершился фактической капитуляцией КОБ, прекратившим забастовку 2 октября 1985 г.

²⁹ Цит по: *Mayorga Ugarte J.A.* Gonismo. Discurso y poder. La Paz, 2007. P. 112.

³⁰ Впоследствии эту программу практически полностью приняли К.С. Менем в Аргентине и К.А. Перес в Венесуэле, а бразильские газеты призывали пригласить министра финансов Боливии Хуана Кариагу, чтобы тот предложил их стране такую же политику борьбы с инфляцией.

³¹ ИПФБ давала в 1983 г. 12,7% поступлений в бюджет, а в 1986 г. эта цифра уже составляла 56,7%. – *Dunkerley J.* Op. cit. P. 213.

³² Ibid. P. 212.

³³ *Lazarte J.* Op. cit. P. 153.

³⁴ *La lucha del sindicalismo revolucionario. 1984–1987. De de traición udepista a la dominación oligárquica.* Informe del CEN de la COB. Santa Cruz, 1987. P. 48–49.

В октябре 1985 г. катастрофически упали цены на олово³⁵. Правительство объявило о массовых увольнениях в КОМИБОЛ. Фактически речь шла о ликвидации оловодобывающих рудников. В течение года после октября 1985 г. была уволена 21 тыс. из 27 тыс. рабочих КОМИБОЛ. Это был ее конец. Но также это был конец организованного рабочего движения, ударным отрядом которого всегда были горняки. В ноябре профсоюзы уже соглашались на все уступки, в том числе на отмену всех льгот, воскресных дней, лишь бы остановить закрытие шахт³⁶. С ноября 1985 г. правительство могло игнорировать как КОБ, так и все рабочие профсоюзы. Одна из задач неолиберальной революции – разрушение профсоюзного движения и двоевластия с КОБ – была выполнена.

Неолиберальные реформы активно поддерживали предприниматели так называемой «средней горнорудной промышленности», частных рудников, в отличие от КОМИБОЛ показывавших пример эффективности. Все правительства после 1964 г. принимали законы, благоприятствовавшие частной горнорудной промышленности, постоянно уменьшая налоговую нагрузку на их предприятия³⁷. В 70-е годы происходила концентрация капитала и укрупнение предприятий, поглощение мелких более крупными и успешными. В 80–90-е годы на рынке доминировали три крупные частные горнорудные корпорации – IMCO, EMUSA, COMSUR (ее главным акционером был Г. Санчес де Лосада, министр планирования в правительстве В. Паса). Этот сектор экономики более других преуспел в годы нэпа, распространил свое влияние на новые отрасли, вкладывая средства и скупая банки, сельскохозяйственные предприятия на востоке страны. Эти предприниматели были главной политической опорой и бенефициарами неолиберальной политики в 90-е годы.

В. Пас, да и все последующие правительства, неуклонно проводили политику на углубление реформ неолиберального толка. В первые годы была достигнута финансовая стабилизация, обуздана инфляция. В отличие от Силеса В. Пас не собирался полностью платить внешние долги. Частные банки получали выплаты крайне малыми порциями. Часть долга боливийское правительство скупало по дешевке, так как боливийские бумаги стоили на рынке 8–10% номинала³⁸. Финансовые рынки отреагировали позитивно на изменения в Боливии, и правительство сумело этим воспользоваться. Боливия добилась частичного списания внешнего долга в 1988 г. и в 1992 г., а затем и по программе HIPC («Бедные страны с высокой задолженностью») в 1998 г.

Если нэп означал радикальную структурную перестройку экономики, то «Пакт во имя демократии», заключенный 15 октября 1985 г. между МНР и АДП, стал основой политической реформы, исключив из системы принятия решений армию и профсоюзы. Ведущие политические силы соглашались ограничиться партийно-электоральной борьбой, укрепляя формальные институты представительной демократии и роль в них политических партий. Это был поворот от режима соглашений между политиками, профсоюзами

³⁵ Олово заменили продукты новых технологий, его потребление в мире резко сократилось.

³⁶ Lazarte J. Op. cit. P. 171.

³⁷ Доля налогов этого сектора в доходах государства уменьшилась с 27,9% в 70-е годы до 0,5% в 1986–1987 гг. – Mayorga Ugarte J.A. Op. cit. P. 70.

³⁸ Trigo O'Connor d'Arlach E. Op. cit. P. 157.

и военными к системе выборов и политических, межпартийных союзов и договоренностей, когда легитимацией власти могли быть лишь выборы и формальные процедуры.

В правление Паса старые политические кадры МНР со своими клиентелскими связями оказались на периферии, реальная власть была в руках новых технократов, ярчайшим представителем которых был Санчес де Лосада³⁹. Пас решительно проводил новую политику и поддерживал новое поколение руководителей МНР, предложив на президентских выборах 1989 г. Санчеса де Лосада кандидатом от партии. Реальное отсутствие власти и влияния на принятие решений старых лидеров различных групп МНР способствовало закату «революционного национализма» и реформатированию самой партии как политического инструмента неолиберальных технократов и предпринимательских кругов.

Начиная с 1985 г. все правительства проводили активную и очень инициативную политику либерализации экономики и реформирования политической системы, что сделало из Боливии одну из динамично развивающихся стран континента. В 1986 г. была проведена реформа внешней торговли: установлена единая импортная пошлина в 20%; в марте 1986 г. – успешная налоговая реформа, ставшая рубежом, с которого начались позитивные сдвиги в частном секторе; в 1986–1988 гг. – децентрализация крупных государственных компаний, в том числе и КОМИБОЛ. Это был первый шаг к приватизации.

Правительство Гонсало Санчеса де Лосада⁴⁰ (1993–1997) под именем «капитализации» фактически осуществило приватизацию госпредприятий: было проведено акционирование, причем вырученный от продажи акций капитал, а также государственная их доля передавались в Пенсионный фонд. Гражданам же выдавались пенсионные бонусы (*bonasol*), которые обеспечили каждому боливийцу старше 21 года пожизненную ренту по старости в будущем. Таким образом, Г. Санчес де Лосада избавил государство от груза пенсионного обеспечения и ввел накопительную систему пенсий. КОМИБОЛ распродала свои шахты и стала лишь координатором добычи. Национальная авиакомпания ЛАБ была продана бразильской ВАСП. Телефоны, связь, железные дороги были полностью приватизированы. Началась распродажа ИПФБ.

В период 1986–1998 гг. в горнорудную отрасль было вложено 615 млн долл. частного капитала, что позволило ее диверсифицировать и модернизировать. Если в 1980 г. 71% производства отрасли составляли олово, вольфрам и алюминий, то в 1998 г. 81% – цинк, золото и серебро. В 1980 г. КОМИБОЛ давала 63% всего горнорудного производства, а в 1998 г. 94% производилось в частном секторе⁴¹. В нефтяной отрасли приватизация шла медленнее. В 1997 г. на месте государственной монополии ИПФБ появились три частные компании. Нелиберализованной осталась только земля. К 1997 г. в частных руках практически находилась вся экономика: крупнейшие пред-

³⁹ *Mayorga Ugarte J.A.* Op. cit. P. 88–91.

⁴⁰ Неолиберальная трансформация МНР была названа «гонизмом» по аббревиатуре «Gonnie» от английского варианта имени президента Гонсало Санчеса де Лосады, который многие годы провел в США и даже по-испански говорил с некоторым английским акцентом.

⁴¹ *Bolivia en el siglo XX.* P. 237.

приятия, инфраструктура, связь, транспорт, водоснабжение, газ, нефть, горнорудная промышленность.

Радикальные, но постепенные реформы имели весьма позитивные результаты. В первые годы нэпа продолжался спад – около 3%, затем, в конце 80-х годов начался медленный рост – 2–3% в год. Дефицит валюты во многом был решен за счет так называемого «долларового окна» для наркодолларов, что значительно укрепило банки⁴². Инфляция упала до 10% в год в 1987 г. и до 7% в 1996 г. Начиная с 1986 г. происходило оживление промышленности. По данным Всемирного банка, в период с 1987 по 1998 г. экономический рост составил в среднем 4,1% в год⁴³. Резко вырос уровень сбора налогов – до 17,5% от ВВП в 1988 г.⁴⁴ Внешний долг Боливии сократился в абсолютных и относительных цифрах: если в 1987 г. он составил 99,61% ВВП, то в 1996 г. – 60,7%⁴⁵.

Однако со временем, к концу 90-х – началу 2000-х годов потенциал роста в рамках неолиберализма был исчерпан, все отчетливее были видны кризисные явления. Экономическая модернизация, начатая гонизмом с принятием закона о капитализации, по выражению исследователя этого периода Х.А. Майорга, «с предпринимателями, которые умели лишь растаскивать бюджетное финансирование, с уничтоженным рабочим классом, претендовала на возрождение экономики с опорой на иностранные капиталовложения, а на самом деле привела к вывозу капитала и ввела народное хозяйство в стоячие воды экономического застоя»⁴⁶.

Социальные последствия были тяжелы для большинства населения страны. На треть сократилось душевое потребление продовольствие⁴⁷. Безработица достигла 11–15%. В 1988 г. только треть боливийцев получали более 100 долл. в месяц, в то время как 25% имели зарплату ниже 20 долл.⁴⁸ Тяжелые социальные последствия либеральных реформ заложили мину замедленного действия под всю систему, основанную на неолиберальной ортодоксии, что выразилось в общественных потрясениях середины первого десятилетия 2000-х годов.

Неолиберальная политика сплотила правящий класс, консолидировала представляющие его ведущие политические силы. Впервые за многие годы между различными партиями был достигнут консенсус по большинству социально-экономических и политических вопросов.

Правительство и его союзники обвиняли в кризисе и инфляции времен УДП рабочее движение, КОБ, левых. Им удалось с помощью телевидения, прессы повернуть общественное мнение против КОБ и левых партий, маргинализировав их в политической жизни страны. Правда, это удалось не сразу. В первый год действия новой экономической политики КОБ удалось про-

⁴² Dunkerley J. Op. cit. P. 213.

⁴³ Bareda M. De la democracia pactada al proceso constituyente: ¿Hacia un nuevo modelo de gobernabilidad en Bolivia?// Bolivia. Fin de un ciclo y nuevas perspectivas políticas (1993–2003) / Ed. Pilar Domingo. Barcelona, 2006. P. 71.

⁴⁴ Dunkerley J. Op. cit. P. 188.

⁴⁵ Bolivia en el siglo XX. P. 188.

⁴⁶ Mayorga Ugarte J.A. Op. cit. P. 22.

⁴⁷ Латинская Америка 80-х годов. Андские страны: актуальные проблемы и тенденции развития. М., 1988. С. 178.

⁴⁸ Dunkerley J. Op. cit. P. 250.

вести мощную акцию протеста: в июле 1986 г. был организован «народный референдум» по экономической политике и по вопросу привлечения армии США к борьбе с наркоторговлей. В нем приняли участие 1 млн 428 тыс. человек, из которых 898 тыс. высказались против политики В. Паса⁴⁹. Крайне левые, связанные с перуанским движением «Сендеро Луминосо», организовали в 1988 г. Вооруженные силы Сарате Уильки и в декабре 1988 г. убили перуанского морского атташе в Ла-Пасе, трех мармонских миссионеров, чем пытались спровоцировать репрессии в армии в сельской местности. Однако аймара Боливии, в отличие от кусканских кечуа, были резко негативно настроены к деятельности сендеристов, которых в Боливии постигла неудача.

Политическая смерть традиционных левых в 90-е годы вызвала к жизни новые антисистемные течения, опиравшиеся на индейское движение и новые левые группы городских интеллектуалов. Протест возникал в неожиданных, нетрадиционных для Боливии слоях населения, например, среди индейцев востока страны. В 1990 г. прошел марш индейцев тропических регионов с востока страны на столицу Ла-Пас. Этот «Марш за территорию и достоинство» выдвигал требования самоуправления, закрепления территории за туземными народами, призывал власти созвать учредительное собрание. Результатом этого марша было создание таких индейских организаций, как Индейский центр народов боливийского востока (СИДОР – CIDOR)⁵⁰.

В индейских организациях аймара и кечуа, среди катаристов не было единства, что привело к расколу. Начиная с 1988 г. КСУТСБ вступила в полосу упадка. Ее лидеров обвинили в воровстве фондов профсоюза. КСУТСБ не смогла конкурировать с новыми организациями левых индеанистов – Низовое крестьянское движение (Movimiento Campesino de Base) и Ось патриотической конвергенции (ЕСП–ЕСР).

Часть катаристов создала этнически сориентированный Национальный комитет айлью и маркас Кольясуйю (КОНАМАК – CONAMAQ). Другие во главе с основателем катаристского движения Виктором Уго Карденасом⁵¹ пошли на сотрудничество с неолиберальными партиями, приняв их версию мультикультурализма.

В то время как катаристы во главе с В.У. Карденасом сотрудничали с либеральными партиями, часть радикальных индеанистов во главе с Фелипе Киспе, «Эль Мальку», с 1984 г. сделало ставку на вооруженную борьбу. Было создано подпольное движение «Красных айлью», преобразованное в 1989 г. в Партизанскую армию Тупак Катари (ЕХТК – ЕГТК). В 1986 г. индеанисты встречают нового союзника среди левой городской интеллигенции – марксистскую группу Альваро Гарсии Линеры, будущего вице-президента страны, которая после поражений рабочего движения в эти годы ищет нового субъекта революции в лице индейского крестьянства. Совместными усилиями они готовят вооруженную борьбу⁵².

⁴⁹ Ibid. P. 234. КОБ приводит иные данные – 1 390 425 проголосовавших против. – *La lucha del sindicalismo revolucionario. 1984–1987...* P. 47.

⁵⁰ *Zegada M.T. Los nuevos contornos de la izquierda boliviana // Tinkazos. Revista boliviana de ciencias sociales. PIEB. N 31. 2012. P. 127.*

⁵¹ Его избрал Г. Санчес де Лосада (МНР) в 1993 г. в качестве вице-президента республики.

⁵² *Stefanoni P. «Qué hacer con los indios...». Y otros traumas irresueltos de la colonialidad. La Paz, 2010. P. 112.*

14 ноября 1990 г. ЕХТК провела свой съезд в Чакалтайя, на котором присутствовали почти 200 человек. Было принято решение начать вооруженную борьбу 21 июня, в день начала андского нового года. В июне – июле 1991 г. были проведены подрывы линий электропередачи и другие акции. Полиции удалось быстро арестовать Фелипе Киспе (вышел на свободу только в 1997 г.) и Гарсию Линеру. После ареста на вопрос журналистов о целях восстания Ф. Киспе заявил: «Я не хочу, чтобы моя дочь была вашей прислугой»⁵³. После выхода из тюрьмы Киспе возглавил крестьянскую конфедерацию при поддержке молодого лидера кокалерос (крестьян, выращивавших коку) Эво Моралеса. Киспе был инициатором блокад дорог и других акций. В ноябре 2000 г. он создал свою политическую партию Индейское движение Пачакути (МИП), которое провозглашало своей целью разрушение креольского государства и строительство нового на основе индейской общинности⁵⁴.

Эти радикалы-индеанисты создали политическую организацию, принявшую законные методы борьбы, – «Ассамблею суверенитета народов». Сначала им удалось провести успешные местные избирательные кампании в Кочабамбе, а в 1997 г. они завоевали четыре мандата в конгрессе. Одним из этих депутатов был лидер профсоюза производителей коки Эво Моралес Айма, вскоре ставший ведущим политиком страны. В начале же 90-х годов общественный вес этих организаций был невелик.

МНР на выборы 1989 г. шла с кандидатурой идеолога и главного вдохновителя нэпа Санчеса де Лосада. Виктор Пас поддержал его, несмотря на оппозицию «старой гвардии» МНР, обратившейся к президенту с открытым письмом 16 мая 1988 г. Одним из упреков к правительству и новому стилю, чьим олицетворением был Санчес де Лосада, было небрежение к партийным кадрам, к партийной бюрократии, не получившей достаточного количества мест в государственной администрации⁵⁵. Несмотря на оппозицию таких «исторических» лидеров МНР, как Ньюфло Чавес Ортис, Гильермо Бедрегаль, и других, съезд партии в сентябре 1988 г. поддержал Санчеса де Лосаду.

В качестве кандидатуры на пост вице-президента Санчес де Лосада избрал Вальтера Гевару Арсе (вернулся в МНР в 1988 г. после выхода из нее в 1960 г.), который был одним из основателей партии, но противостоял «старой гвардии». Гевара Арсе должен был символизировать преемственность истории и политики МНР.

Несмотря на очевидное недовольство населения экономическим положением, левым так и не удалось добиться каких-либо успехов на выборах 1989 г. Левые в сумме получили только около 10% голосов. Первым по числу поданных за него голосов стал Г. Санчес де Лосада (23,07%), затем шел Бансер (22,07%) и потом уже мирист Х. Пас Самора (19,64%). МИР фактически была единственной оппозиционной нэпу партией и представлялась левой социал-демократической альтернативой МНР и АДН. Она шла в союзе с проалбанской компартией. Однако в преддверии победы МНР Х. Пас Самора

⁵³ Katarismo-Indeanismo ante la izquierda... P. 65.

⁵⁴ Лозунгом МИП было «индеанизировать белых», что по сути означало «индеанизацию» боливийского национализма и популизма.

⁵⁵ *Mayorga Ugarte J.A.* Op. cit. P. 105.

заклучил соглашение с правой АДН, в результате которого стал избранным президентом Боливии. В ответ МИР должна была поддержать Бансера на следующих выборах. Хотя он не стал развивать реформы, начатые В. Пасом, но также не выполнил своего главного обещания – отменить декрет 21060. В целом все параметры нэпа сохранились.

Основным политическим явлением выборов конца 80-х годов было возникновение неопопулистских движений. Манипуляции с партийными союзами в конгрессе при выборах президента вызвали недоверие избирателей к самой системе: в 1985 г. президентом стал кандидат, занявший второе, а в 1989 г. – третье место. К тому же по главным вопросам жизни страны ведущие партии – левоцентристская МИР, МНР и правая АДН – все меньше отличались друг от друга.

В Боливии складывалась система управляемости, основанная на пактах и коалициях политических партий, порой с противоположными политическими программами и идеологической основой. Эта система внешне выглядела как абсолютно беспринципная и элитистская. Вместе с тем она усиливала роль парламента в рамках президентской республики. Боливийская конституция предусматривала избрание президента конгрессом из кандидатов, набравших наибольшее количество голосов в случае, если ни один из них при прямом голосовании не получил абсолютного большинства. Этот факт, учитывая, что ни один из кандидатов в эти годы не получал 50%, превращал конгресс в важный орган формирования верховной власти. Данная ситуация позволила некоторым исследователям определить эту систему как «парламентско-президентскую»⁵⁶. Она была более гибкой, способной на решение внутривполитических конфликтов через договоренности и пакты, что выгодно отличало боливийскую систему от других президентских режимов в регионе.

«Демократия пактов», с одной стороны, укрепляла демократическую процедуру как таковую, а с другой, вела к дискредитации системы партий. Логичной реакцией на размывание отличий политических партий и их программ друг от друга был рост внесистемных движений, отвечавших на чувства недовольства широких масс народа профанацией политической борьбы партиями, действия которых по заключению беспринципных союзов и коалиций исключали влияние электората на выбор власти.

Оппозиционные настроения выразились в успехе новых популистских партий – КОНДЕПА («Совесть родины») во главе с журналистом Карлосом Паленке и УСС (Гражданский союз солидарности) с его лидером, предпринимателем Максом Фернандесом. Эти движения получили самую мощную поддержку в крупных городах, особенно в Ла-Пасе. Важным фактором в росте их популярности явилось переселение тысяч семей шахтеров из горнорудных поселков после закрытия шахт КОМИБОЛ в крупные города, что привело, например, к резкому росту бедных маргинализированных пригородов, таких как Эль-Альто в Ла-Пасе.

На муниципальных выборах в 1987 г. в Ла-Пасе победил лидер КОНДЕПА Карлос Паленке Авилес. Он был ярким радио- и тележурналистом, эпатировавшим публику своим фольклорным, псевдонародным стилем. К. Паленке создал образ представителя новых городских айма, маргинали-

⁵⁶ Bareda M. Op. cit. P. 65–69.

зированных и бесправных жителей пригородов. Паленке использовал маркетинговые технологии телепасторов-пятидесятников для создания массовой поддержки своей партии, у которой не было ни рациональной программы, ни политической стратегии⁵⁷. Паленке присвоил ставшие в предыдущие годы популярными символы катаристского движения, исторические имена, знамена, лозунги.

Паленке дополняла «кума» Ремедиос Лоса, типичная чола, представительница метисных низов боливийских городов. Она первая в истории вошла в конгресс в качестве депутата в костюме чола. Пустая и демагогическая, но расово сориентированная программа в совокупности с удачным образом индейца-чола обеспечили К. Паленке и КОНДЕПА уверенную победу в Ла-Пасе на всеобщих выборах 1989 г. КОНДЕПА заняла первое место – 121 024 голоса, против 82 524, поданных за АДН, ставшей второй. Однако провинция и деревня голосовали традиционно, суммарно снизив впечатляющий результат КОНДЕПА. Отсутствие какой-либо программы превратили эту партию в персонаж многочисленных фарсов: ее депутаты откровенно торговали своими голосами, примыкая то к одной, то к другой группировке⁵⁸. Надо признать, что демонстративная беспринципность ее лидеров мало влияла на ее популярность, что было признаком общего кризиса партийной и парламентской системы в Боливии.

В 1993 г. на выборах вновь победила МНР. В прошлом левая МИР пошла на выборы в союзе с правой АДН Бансера в предвыборном блоке «Патриотическое согласие». Участие МИР сослужило дурную службу Бансеру, на которого распространилась непопулярность предыдущего правительства МИР. Президентом стал Гонсало Санчес де Лосада, один из творцов нэпа, крупнейший предприниматель (владелец горнорудной компании «Комсур»). МНР пришла к власти в коалиции с левыми партиями «МИР–Свободная Боливия», катаристами из МРТКЛ и популистами из УСС.

Санчес де Лосада впервые применил новые избирательные технологии. В будущем президент страны Карлос Меса отмечал: «Усовершенствованная избирательная стратегия основывалась на четкой методике опросов и специальных посланиях, не имевших аналогов в прошлом»⁵⁹. Впервые вице-президентом стал индеец Виктор Уго Карденас, один из основателей и идеологов катаристского движения. МНР вновь стояла во главе широкой левоцентристской реформистской коалиции, и благодаря этому ей удалось в 1993–1997 гг. провести, пожалуй, самые радикальные после 1952 г. политическое и социально-экономическое преобразования.

Именно при Г. Санчесе де Лосада МНР окончательно распростилась со своим историческим и идеологическим грузом – с национал-реформизмом. Движение к партии реформ нового типа, начатое во время последнего президентства В. Паса, завершилось при Г. Санчесе де Лосада. МНР стала партией модернизации, обеспечив себе тем самым политическое долголетие. Санчес де Лосада предложил «План для всех», в котором декларировалась политика

⁵⁷ *Stefanoni P.* Op. cit. P. 121.

⁵⁸ *Dunkerley J.* Op. cit. P. 240–241.

⁵⁹ *Меса Хусберт К.* Президентское правление в Боливии: между силой и законом. М., 2006. С. 183.

борьбы с бедностью, проект создания пенсионной реформы, финансируемой ресурсами приватизации, которую стыдливо назвали «капитализацией». Большое внимание правительство уделяло народному образованию. На нужды просвещения впервые за всю историю Боливии в 1995 г. было направлено 4,5% ВВП⁶⁰.

Помимо приватизации («капитализации»), пенсионной и образовательных реформ Г. Санчес де Лосада предпринял масштабные политические преобразования государственного устройства, разрушив двухсотлетнюю традицию централистского унитарного государства, в чем его предшественники видели гарантию целостности Боливии.

В 1994 г. были внесены изменения в конституцию. Боливия впервые провозглашалась «мультиэтническим и плюракультурным» государством, был продлен срок президентских полномочий до пяти лет, в системе формирования конгресса вместо партийно-представительной перешли к смешанной — половина депутатов избиралась по партийным спискам, а половина по одномандатным округам. Было сокращено количество центральных министерств и ведомств: к 1997 г. их осталось всего 10.

Поистине революционным шагом можно назвать реформу внутреннего управления. В 1994 г. был принят «закон народного участия», в основе которого лежала децентрализация управления и финансирования; в 1995 г. — закон об административной децентрализации. Муниципалитеты стали главными получателями финансовых ресурсов. Большая часть расходов теперь распределялись 311 муниципалитетами. Широкую автономию получили все муниципальные образования, но особенно это почувствовали сельские, составлявшие большинство, что обеспечило высокую степень автономии индейских общин и вообще означало огромный прогресс в движении к самоуправлению индейских народов. С 1994 г. сельским муниципалитетам выделялось на 500% больше финансовых ресурсов⁶¹. Индейские муниципалитеты стали играть большую роль в политике, индейцы получили новый инструмент влияния, что должно было интегрировать их в неолиберальную модель развития, не подвергая опасности доминирование старых элит.

Как замечал крупный английский специалист по истории Боливии Дж. Дункерлей, закон о народном участии был столь революционен в области государственного устройства, что по своим последствиям может быть сравним с реформами вице-короля Толедо в XVI в., реформами Бурбонов в XVIII в., с завоеванием независимости и Национальной революцией 1952–1953 гг.⁶² Закон народного участия дал опыт «самоуправления» и реализации суверенитета ранее исключенных из политической жизни групп, фактически привел к активизации общественной и политической деятельности там, где до сих пор царили традиционные схемы взаимодействия. Этот закон во многом подготовил бурные события первых лет XXI в.: войну за воду 2000 г., войны за газ и пр.

Заслуга Санчеса де Лосада состоит в том, что он смог дополнить неолиберальные экономические реформы политическими преобразованиями,

⁶⁰ *Stefanoni P.* Op. cit. P. 119.

⁶¹ *Bolivia en el siglo XX.* P. 87.

⁶² *Dunkerley J.* Pachakuti en Bolivia (2008–2010). Diario personal // *Bolivian Studies Journal.* Pittsburgh. Vol. 15–17. 2008–2010. P. 38.

реально укрепившими гражданское общество в Боливии. В результате этих реформ произошел демонтаж корпоративно-патерналистского государства, созданного революцией 1952 – 1953 гг. и партией МНР, в котором ведущую роль играли корпорации: КОБ, крестьянские каудильо, военные, бюрократия МНР. На смену ему пришло государство, строящееся на формально демократических принципах, где главную роль стали играть политические партии и их союзы, значение которых выросло с проведением регулярных и честных выборов.

На очередных выборах 1997 г. МНР решила выдвинуть кандидата, исходя из опросов общественного мнения. Им стал министр юстиции Рене Блаттман, который пользовался большой популярностью благодаря успешной судебной реформе. В декабре 1996 г. по опросам он опережал своего ближайшего соперника Бансера (34% против 14%). Однако Блаттман в январе 1997 г. неожиданно отказался от участия в выборах, и МНР выдвинула непопулярного министра Х.К. Дурана. Вновь выставил свою кандидатуру Х. Пас Самора, которого обвиняли в связях с наркокартелями.

В июне 1997 г. на выборах победил Бансер (умер в 2001 г.), набравший лишь 22,26% голосов против 18,2% за МНР. МИР получала 16,77%. Однако третьей партией стала КОНДЕПА, а в пятерку призеров голосования с 16,11% вошел «брат близнец» КОНДЕПЫ, популистский УСС. Это было их последнее триумфальное выступление на выборах. Дело в том, что Макс Фернандес погиб в авиакатастрофе в ноябре 1995 г., а новый лидер УСС не был так популярен, а Карлос Паленке умер в марте 1997 г.⁶³ Память об этих харизматических лидерах сыграла свою роль на выборах июня 1997 г., но к следующим их партии фактически исчезли.

Бывший диктатор получил власть в результате всенародных выборов, он стал демократом и ревнителем формального выполнения Конституции. В конце 90-х годов боливийская модель демократии значительно укрепилась. Стали более чистыми и прозрачными выборы. В 1999 г. был принят закон о политических партиях (вступил в силу в 2001 г.), регламентирующий не только их деятельность, но и условия внутренней демократии. Он предписывал более открытую формальную процедуру внутренних партийных выборов. Закон позволял членам партии жаловаться на нарушения внутренней демократии, что подрывало основы вождизма в партиях⁶⁴.

С приходом к власти АДН сделало главный упор на опережающие темпы роста, особенно с опорой на восточные департаменты страны. Лозунгом Бансера была ликвидация бедности через обеспечение высоких, не менее 7% в год, темпов экономического роста. Однако в конце 90-х годов вновь упали цены на сырье, и латиноамериканские экономики вошли в полосу депрессии. Боливийской экономике удалось сохранить рост вплоть до начала широкомасштабного кризиса в Аргентине – одной из основных потребителей боливийского газа⁶⁵.

⁶³ Меса Хисберт К. Указ. соч. С. 188.

⁶⁴ Lazarte J. ¿Son necesarios aún los partidos políticos? La alternativa de las agrupaciones ciudadanas y de Pueblos indígenas // Bolivia. Fin de un ciclo... P. 98–99.

⁶⁵ Постепенно в 2000-е годы Бразилия заняла первое место среди покупателей боливийского газа.

В конце века среди главных проблем оставалась наркоторговля, которая в период управления УДП была единственной процветающей отраслью экономики. За 1982–1985 гг. площади под кокой удвоились. В результате Боливия вышла на второе место по производству коки в мире, поставляя 15% всего кокаина, потребляемого в США. Кока давала 20% всего производства сельского хозяйства. Наркодоллары служили серьезной подпиткой экономике в трудные годы, однако влияние наркокартелей содержало огромную опасность самому существованию не только демократии, но и боливийского государства. Это прекрасно понимал В. Пас, который пошел на максимальное сотрудничество с США в этом вопросе, вплоть до допущения американских военных на территорию Боливии. Миссия США по борьбе с наркотиками была второй по величине в Латинской Америке.

В. Пас предложил Трехлетний план, суть которого состояла в постепенной замене коки другими культурами и в уничтожении существовавших посадок. Однако кока давала прибыль в четыре раза больше, чем авокадо или цитрусовые (это при низких ценах конца 80-х годов, а при высоких пропорция достигала 19 к 1)⁶⁶. С 1986 г. США стали оценивать (сертифицировать) страны Латинской Америки по выполнению последними двухсторонних соглашений, а с 1988 г. еще и конвенции ООН по борьбе с наркоторговлей. В 1987 г. Боливия не получила такой сертификации, и ей угрожали санкции. С 1988 г. ей с трудом удалось получить сертификацию. Боливии с ее слабой экономикой не так просто тратить деньги на борьбу с могущественными наркоторговцами и решать социальные проблемы районов выращивания коки. Беднейшая страна региона Боливия тратила на борьбу с наркоторговлей в расчете на душу населения больше, чем самая богатая страна мира – США⁶⁷.

Перед уходом с президентского поста В. Пас дал много обещаний американцам, а выполнять их пришлось Х. Пас Саморе, в том числе о форсировании военного давления на выращивающие коку регионы. В 1990 г. Боливия подписала Венскую конвенцию ООН и согласилась на экстрадицию в США наркоторговцев. При Х. Пасе Саморе правительство столкнулось не только с сопротивлением наркобаронов, но и крестьянских профсоюзов из районов выращивания коки. До 1989 г. коку легально можно было выращивать везде, после – только в Юнгас. Многие уволенные шахтеры переселились в Юнгас, где занялись выращиванием коки. Там образовались мощные боевые профсоюзы, ставшие самым радикальным отрядом рабочего движения в Боливии. В выращивании коки было занято 240 тыс. человек, из них в производстве кокаина – 45 тыс. На действия властей крестьянские профсоюзы ответили блокадами дорог, маршами протеста, голодовками⁶⁸. В июле–ноябре 1990 г. крестьянские профсоюзы провели блокады дорог, парализовав департаменты Ла-Пас и Кочабамбу, и заявили об образовании военных комитетов для защиты от репрессий армии. Вполне реальной становилась опасность «колумбизации» страны, разрастание неконтролируемого насилия. Правительство

⁶⁶ Dunkerley J. Op. cit. P. 225.

⁶⁷ United States and Latin America: the new agenda. P. 188–189.

⁶⁸ La lucha del sindicalismo revolucionario. 1984–1987. Santa Cruz, 1987. P. 57.

пошло на уступки и в августе 1990 г. подписало соглашение с профсоюзами, пообещав воспрепятствовать милитаризации борьбы с наркоторговлей.

В эти годы в отношениях с США иные темы, кроме наркоторговли, не обсуждались. Боливия интересовала США исключительно с точки зрения прекращения поставок кокаина. В феврале 1991 г. по требованию США были уволены несколько министров, в том числе внутренних дел, подозреваемый в связях с наркобаронами. Только тогда помощь США возобновилась. Х. Пас Самора под давлением США, с одной стороны, и крестьянских профсоюзов, с другой, выдвинул 6-летний план замены коки на другие культуры. Стоимость этого плана оценивалась в 1,8 млрд долл. Однако США предпочитали более дешевое для себя военное решение⁶⁹.

Со сменой власти в Ла-Пасе в 1994 г. разразился огромный скандал: стали достоянием гласности связи МИР и Х. Паса Саморы с наркобароном И. Чаваррия, финансировавшим избирательную кампанию миристов в 1989 г. США включили экс-президента Боливии в «черный список» и запретили ему въезд в США. После всех безуспешных попыток боливийской дипломатии найти взаимоприемлемое решение проблемы коки правительство Г. Санчеса де Лосада (1993–1997) разработало новый план – «Нулевой вариант», суть которого состояла в экономическом, а не военном решении проблемы⁷⁰. В основе – краткосрочная «шоковая» программа: национализация, передача государству всей земли в районе выращивания коки с последующим устройством там либо экологического природного национального парка, либо промышленной зоны. Крестьяне в этом случае переселялись и получали наделы в других районах страны, где кока не растет. Стоимость этого проекта достигала 1 млрд долл., причем США должны были повысить квоты Боливии в экспорте сахара, хлопка, сои, чтобы обеспечить сбыт для новых аграрных районов. США остались равнодушны и к этому плану, а Г. Санчес де Лосада под угрозой десертификации Боливии был вынужден согласиться на использование военных.

С приходом АДН к власти Бансер выдвинул очередной план «За достоинство», предполагавший уничтожение 38 тыс. га коки. Боливия соглашалась оплатить 15% от необходимых 952 млн долл. В середине декабря 1997 г. как жест доброй воли правительство уничтожило 7 тыс. га коки. Однако вместо поддержки США, к удивлению, сократили на 70% финансирование Боливии, что было результатом бюрократической волокиты и борьбы между ведомствами в США⁷¹. В марте–апреле 1999 г. производители коки – крестьянские профсоюзы провели мощные акции протеста: блокады дорог в Ла-Пасе и Кочабамбе.

Одной из стратегических целей всех неолиберальных правительств начиная с 1985 г. являлось изменение экономической структуры страны, а именно сосредоточить развитие народного хозяйства вокруг новых отраслей, вместо горнорудной экспортной специализации ориентироваться на газодобычу, деревообработку и на поощрение сельскохозяйственного предпринимательс-

⁶⁹ United States and Latin America: the new agenda. P. 195.

⁷⁰ Одним из авторов этой инициативы был Дж. Сакс.

⁷¹ United States and Latin America: the new agenda. P. 198–200.

тва⁷². В 1986 г. доля агробизнеса в экспорте поднялась до 16%, а к концу 90-х годов до 400 млн долл. в год, что составило треть всего экспорта⁷³. После издания в 1985 г. декрета о новой экономической политике агробизнес получил новый импульс для своего роста. Усилилась специализация хозяйств в выращивании технических культур, таких как соя, хлопок, подсолнечник. Только под соей площади выросли с 1100 га в 1972 г. до 513 190 га в 1997 г. Экспорт древесины давал в конце 90-х годов около 80 млн долл. в год, или 6% всего экспорта. В поисках альтернативных источников экспорта в условиях полного краха горнорудной промышленности в 80-е годы боливийское правительство стимулировало добычу в тропических районах востока страны дикого каштана, известного в мире как бразильский орех (*Bertholletia excelsa*). Экспорт этой культуры давал порядка 30 млн долл. в год⁷⁴.

90-е годы привнесли серьезные качественные изменения в политику государства в отношении индейских народов. После принятия в 1994 г. фундаментального для дальнейшего политического развития страны «закона народного участия», суть которого заключалась в децентрализации, муниципализации власти в стране, возникла принципиально иная ситуация в индейском вопросе. Эти новшества позволяли крестьянским и общинным организациям оказывать серьезное влияние на распределение финансовых ресурсов, ибо принятие решений было перенесено на места. Этим законом община была признана юридическим лицом, ей был предоставлен статус муниципального образования. В октябре 1996 г. был принят закон о Национальном институте по аграрной реформе, который окрестили второй аграрной реформой в Боливии. Согласно этому закону признана неотчуждаемой и неделимой мелкая крестьянская земельная собственность, крестьяне-индейцы были освобождены от налогов, но главное, земли общин были окончательно признаны неотчуждаемыми, неделимыми и коллективными. Этот закон, по мнению экономистов, ставит серьезные препятствия на пути развития рынка земельной собственности в традиционных районах, делает невозможной капитализацию сельского хозяйства на Альтиплано и в долинах, консервирует статус-кво. И вместе с тем он обеспечивает выживание кечуа и аймара как самобытных крестьянских народов.

Конституция 1994 г. в 1 статье определяла, что Боливия является «многонациональным и мультикультурным» обществом. Статья 171 конституции признала полное внутреннее самоуправление общины. В 1990 г. Боливия одна из первых ратифицировала соглашение 169 Международной организации труда о туземных народах, которое включает в себе международные гарантии сохранения самобытной культуры и образа жизни индейских народов.

Индейские организации в 90-е годы начинают играть важную роль в политике. Старые партии переживали упадок. Несмотря на проведение политики союзов, им не удастся занять подобающее место в публичной политике.

⁷² Perspectiva. La Paz. N 13. Diciembre.1985. P. 26–27.

⁷³ Zeballos H. Agricultura y desarrollo económico. La Paz, 1988. P. 318; Bolivia en el siglo XX. P. 282.

⁷⁴ Bolivia en el siglo XX. P. 283.

Важной чертой этого периода был рост различных неправительственных организаций (НПО–ONG), которые полностью заменили собой левые партии в профсоюзах и народных движениях. В этих условиях бывшие радикальные катаристы, опиравшиеся на союзы производителей коки во главе с Эво Моралесом, искали форму организации, которая могла бы объединить различные народные движения, прежде всего индейские, для политического представительства. Так, ими была поставлена задача создания «политического инструмента» для антисистемных, антинеолиберальных движений.

Движение профсоюзов сборщиков коки в Чапаре, возглавляемое Эво Моралесом, приобрело особую силу в годы правления Бансера, когда власти под давлением США проводили политику полного запрета на этот промысел. Сила движения Моралеса первоначально питалась именно протестом сборщиков коки.

В 1999 г. Э. Моралес создал «Политический инструмент народного суверенитета» (IPSP – ИПСП). Высшая избирательная комиссия отказалась зарегистрировать ее на выборах, и тогда Моралес «взял взаймы» название формально признанной партии МАС, которую возглавлял левый политик Аньес Педраса. Это была левосоциалистическая фракция, отколовшаяся от Фаланги. В будущем партия Моралеса стала именоваться МАС-ИПСП, хотя по сути никогда партией она так и стала, объединяя в своих рядах самые разнообразные левые, антикапиталистические и индеанистские, националистические силы.

Недовольство населения экономической и социальной политикой обратилось против традиционных партий. Главной характеристикой рубежа веков было очевидное и растущее отчуждение большинства боливийцев, основных социальных групп от политической представительной и партийной системы. Их уже не устраивали механизмы партийного представительства и своего соучастия через политические партии, а желание создать иную систему, более коллективистскую, более связанную с различными профессиональными, культурными и иными социальными корпорациями, вырабатывающими общую политику через механизмы прямого народовластия и диалога, что не могла предложить неолиберальная модель, где доминировали интересы господствующих групп и капитала. Такой площадкой общественного диалога неожиданно стала партия МАС именно потому, что собственно партией не являлась. МАС представляла собой гибкую горизонтальную сетевого типа организацию, ставшую своего рода союзом различных групп и слоев на самом базовом уровне⁷⁵.

---

⁷⁵ *Tapia L.* La dinámica de la ciudadanía en la reforma del Estado y la sociedad civil // Bolivia. Fin de un ciclo... P. 182.

**ЭРА ЭВО МОРАЛЕСА
И НОВЫЙ АНТИЛИБЕРАЛИЗМ В ХХІ ВЕКЕ.
2000–2014**

Боливия вступала в ХХІ в. с политической системой и экономикой, демонстрировавших после полутора десятилетий либеральных реформ опасные признаки застоя. Если рыночные реформы в экономике и демократизация либерально-мультикультуралистского типа в политике первоначально привели к длительному периоду стабильности, что внешне выразилось в восстановлении управляемости, в 2000-е годы государство вновь оказалось под давлением гражданского общества в лице многочисленных и влиятельных территориальных и профсоюзных ассоциаций. После значительных усилий направить общественно-политическую жизнь в рамки либерально-демократических институтов политика вновь вернулась на улицы, вызвав целый ряд социальных конфликтов, которые серьезно подорвали легитимность так называемой «демократии пактов», установленной с 1985 г.

Этот кризис создал благоприятную обстановку, чтобы антилиберальные идеи, имеющие в Боливии давнюю традицию, вновь стали актуальными при большой социальной поддержке и возникли новые политические проекты, способные отобрать голоса у традиционных партий, таких как МНР, АДН, МИР. В 2000-е годы мы видим кризис даже новых партий, возникших в 90-е годы, таких как неопопулистская КОНДЕПА («Совость родины») Карлоса Паленке и УСС (Гражданско-солидарный союз) М. Фернандеса¹. Эти две партии полностью исчезли с политической сцены со смертью их лидеров. На место старых партий пришли новые движения, сумевшие значительно увеличить свой электоральный вес. Среди них МАС (Движение к социализму) Эво Моралеса, НФР (Новая республиканская сила) бывшего военного Манфреда Рейеса Вилья и МИП (Индийское движение Пачакути) Фелипе Киспе.

Правительство бывшего диктатора Уго Бансера, сумевшего вернуться к власти демократическим путем в 1997 г. с помощью союза с НФР, МИР, КОНДЕПА и УСС², уже было переходным от «демократии пактов», когда ни одна партия не могла набрать необходимого большинства, к новому состоянию политической жизни 2000-х годов, сочетавшей кризис в верхах и мощные массовые движения внизу, что в конце концов привело к смене элит с середины первого десятилетия века.

По выражению историка и бывшего президента страны Карлоса Месы Хисберта, Боливия в апреле 2000 г. во время так называемой «войны за воду» пережила настоящий разрыв отношений между обществом и государством, которое утратило возможность контролировать и поддерживать конститу-

© П. Стефанони

¹ *Alenada Mary S. CONDEPA y UCS, ¿fin del populismo? // Opiniones y Análisis. Fundación Hanns Seidel-Fundemos. N 57. 2002.*

² На выборах Бансер получил 22,3%, Хуан Карлос Дуран (МРН) – 18,2%, Ремедиос Лоса (КОНДЕПА) – 17,2%, Хайме Пас Самора (МИР) – 16,8%, а Иво Кульхис (УСС) – 16,1%.

ционный порядок, уравнивать противоборствующие силы³. Это было началом периода трансформаций, приведших в власти в стране первого президента индейца Эво Моралеса Айму.

Последний этап «демократии пактов»

В 1999 г. при правительстве Уго Бансера началась эксплуатация газопровода Боливия–Бразилия, являвшегося самой большой инвестицией за весь XX в., обеспечивавшего ежедневную транспортировку 850 тыс. кубометров газа. Строительство было начато при Санчесе де Лосаде и должно было означать начало процесса включения Боливии в мировую экономику в момент, когда горнорудная отрасль переживала период упадка из-за падения цен на ее продукцию, в то время как благодаря газу страна становилась важным игроком энергетического рынка. Эти изменения отразились на внутренней политической географии: рудники располагаются в западной части страны (самой населенной и представляющей основу боливийской идентичности как андской нации), газовые месторождения находятся на юге и востоке, что пробудило в 2000-е годы в этих регионах мощное движение за автономию, поменяв политическую повестку дня.

Несмотря на объявленную Бансером политику национального диалога, общественные конфликты вновь стали определять боливийскую политическую жизнь. Один из них был связан с политикой уничтожения коки. «План достоинство» предполагал полную ликвидацию производства коки для наркотиков в течение пяти лет. Удалось уничтожить 25 тыс. га. Ценой этого исторического достижения было ожесточение борьбы в районах выращивания коки и так называемая «война за коку», которую возглавил Эво Моралес, который был профсоюзным лидером кокалерос (тех, кто выращивал коку). Моралес перебрался в Чапаре (основная зона производства коки) в 80-е годы. В 1997 г. он был избран в конгресс от небольшой политической группы, которая объединяла некоторые сектора крестьянства и старых левых политиков, но которая приняла название Движение к социализму – политический инструмент суверенитета народов (МАС-ИПСЦ – *Movimiento al Socialismo-Instrumento Político por la Soberanía de los Pueblos*)⁴. Конфликт вокруг коки привел к такому уровню насилия, что правительство даже обвиняло крестьянские организации в планировании создать подпольную Армию национального освобождения Чапаре для борьбы за сохранение коки⁵. Эти обвинения правительства были большим преувеличением, но правдой было то, что многие годы на собраниях крестьян часто слышались при-

³ Mesa Gisbert C. Historia de Bolivia. Octava edición. La Paz, 2012. P. 664.

⁴ Первоначально эта группа называлась Ассамблея за суверенитет народов (АСП), но позднее, после раскола между ее лидерами Эво Моралесом и Алехо Велисом была создана группа Политический инструмент суверенитета народов (ИПСЦ), которая для участия в выборах воспользовалась уже зарегистрированной партией Движение к социализму (МАС). – Komadina J., Geoffroy C. El poder del movimiento político. Estrategias, tramas organizativas e identidad del MAS en Cochabamba (1999–2005). La Paz, 2007. P. 25; Zuazo M. ¿Cómo nació el MAS? La ruralización de la política en Bolivia. La Paz, 2009; Do Alto H., Stefanoni P. Nous serons de millions. Evo Morales et la gauche au pouvoir en Bolivie. Paris, 2008.

⁵ Rocha J.C. Banzer estudia en secreto estado de sitio por violencia // IPS. 21.04.1998.

звывы перейти к вооруженной борьбе и самообороне от отрядов по ликвидации коки.

Закон 1008, принятый в 1988 г., устанавливал, что государство сохранит максимум 12 тыс. га плантаций коки в традиционных районах ее выращивания, в то время как все новые плантации должны быть уничтожены (теоретически добровольно, при соответствующей денежной компенсации крестьянам). Предлагаемые крестьянам компенсации были непривлекательны, и ликвидация плантаций проходила с использованием силы. Так как тот же закон запрещал использовать авиацию и гербициды, то задача ликвидации плантаций возлагалась на солдат, которые вручную выкорчевывали кусты коки, одновременно сдерживая сопротивление крестьян. В этом районе буквально происходили бои с местными жителями, которые блокировали дороги, устраивали марши и волнения. Во главе этого сопротивления стоял Эво Моралес, который превратился в общенационального политика. Кокалерос превратили коку в символ борьбы с империализмом, а точнее с США, в символ тысячелетней борьбы индейцев за свое освобождение, перехватив все старые лозунги левых, встав во главе борьбы с либеральной политикой властей.

Хотя правительство Бансера продвинулось в реализации реформы институтов власти, предусмотренных Конституцией 1994 г., таких как Конституционный суд, Институт защитников народа, Совет судей, этого было недостаточно для восстановления государственной власти и сохранения социального мира. Разоблачения коррупции затронули самого президента и его окружение (речь шла о злоупотреблениях при покупке президентского самолета, о воровстве фондов, выделенных на ликвидацию последствий землетрясения в Кочабамбе, и др.⁶). Это снизило эффект от его усилий по улучшению качества государственных институтов. При этом в экономике происходили негативные процессы. Хотя правительство критиковало процесс «капитализации», начатый при Санчесе де Лосада, оно само осуществило приватизацию нескольких предприятий, например, нефтеперегонных заводов, оловоплавильного завода Винто.

Возвращение «боливийской улицы»

Кульминационным моментом растущего недовольства и развала политических союзов стала «война за воду» в Кочабамбе в апреле 2000 г.⁷ Конфликт в Кочабамбе начался с приватизации муниципального водоснабжающего предприятия Семапа, которое оказалось в руках транснациональной фирмы

⁶ Одним из самых резонансных случаев было дело итальянца Марино Диодато, задержанного в ходе операций американской антинаркотической службы ДЕА. Диодато был женат на племяннице Бансера. Он создал сеть подпольных казино, нелегально торговал оружием и пр. Судья, которая приговорила его к 10 годам тюрьмы (затем он бежал из заключения), была убита в 2004 г.

⁷ В 2000 г. журнал «Furtune» писал: «Суммы, задействованные в этом бизнесе, достигают 400 млрд долларов в год, то есть 40% нефтяных доходов или треть объема другого глобального бизнеса, фармакологии». – Цит. по: Kruse T. La 'Guerra del Agua' en Cochabamba, Bolivia: terrenos complejos, convergencias nuevas // Sindicatos y nuevos movimientos sociales en América Latina / Comp. Garza Toledo E. Buenos Aires, 2005. P. 125.

Демонстрации во время «войны за воду»

«Бектель» (Bechtel)⁸. Эта приватизация была результатом условий, поставленных МВФ, Мировым банком, Межамериканским банком развития для получения международного финансирования. Случай с водой затрагивал очень чувствительную для Боливии тему. Вода здесь является не только материальным ресурсом, но и культурно-политическим элементом жизни людей: доступ к воде определяет неравенство в обществе⁹. Чтобы противостоять хронической нехватке воды в пригородах и в сельских районах, семейные хозяйства, общины, профсоюзы и прочие объединения с давних времен создали свою систему распределения воды, вступая в противоречие с государством или предприятиями этой сферы. Поэтому приватизация, меркантилизация этой сферы были ударом по обычаям и традициям, вызывали страх перед возможным отчуждением частной фирмой тех сооружений, которые были созданы коллективными усилиями и которые не были формализованы в смысле собственности¹⁰.

Приватизация Семапы в 1999 г. была попыткой «разрешить проблему воды» в рамках рыночных отношений и приватизации всех сторон жизни,

⁸ Это влиятельная американская фирма, президент которой Джордж Шульц занимал пост государственного секретаря в администрации Рейгана. Советник фирмы Гаспар Вайнберг был секретарем по обороне, вице-президент Бектеля И.В. Кеннет Дэвис занимал пост заместителя секретаря по энергетике американской администрации.

⁹ Исследование этой проблемы для Эль-Альто сделано Франком Пупё. — *Poupeau F. Las fronteras de la metropolización. Desigualdades de acceso al agua e indicadores de pobreza en La Paz // Tinkazos. Vol. 12. N 27. La Paz. 2009.*

¹⁰ *Kruse T. Op. cit. P. 135.*

а также, наконец, завершить давно начатый мегапроект снабжения воды из Мисикунни. Выбор для реализации этой программы пал на фирму «Воды Тунари», контролируемую «Бектель» совместно с испанской «Abengoa Servicios Urbanos».

Приватизация повлекла за собой рост тарифов (между 50% и 250%), что, естественно, вызвало недовольство бедного в своей массе населения и совпало с беспокойством местных крестьян за судьбу местных малых компаний, дающих воду для ирригации, так как закон распространял концессию «Воды Тунари» на сельскую округу. В начале 2000 г. возникло массовое сельско-городское движение, сплотившееся вокруг организации «Координация защиты воды и жизни». Движение также опиралось на «Федерацию крестьян поливных полей», созданную в 1997 г., которую возглавлял Омар Фернандес¹¹.

После подписания контракта по воде, несмотря на протесты, Бансер заявил, что привык к этой музыке (протестам), однако он даже не мог предположить, насколько серьезными будут их последствия несколько месяцев спустя. 11 января 2000 г. началась блокада города Кочабамбы, организованная «Координацией». Несколько попыток переговоров лишь дали временные передышки. 4 февраля произошло «мирное взятие» города. Насилие со стороны властей, которые пытались предотвратить это «взятие», превратило эту акцию в открытое, вплоть до военного, противостояние. Центральная площадь, защищаемая военными, к которой пробивались демонстранты, превратилась в подобие Бастилии, символ репрессий, которые лишь увеличивали протестные акции. 5 февраля военные не смогли сдержать толпу, которая победно ворвалась на площадь. Затем последовало «народное голосование», на котором собравшийся народ высказался против приватизации: в этом голосовании «Координация» смогла привлечь порядка 31% от всех голосовавших на муниципальных выборах декабря 1999 г., из которых 95% были против приватизации¹². Так как власти не реагировали на народное мнение в апреле 2000 г., началась так называемая «окончательная битва» за изгнание компании.

Вновь были предприняты попытки переговоров, когда, казалось, протест угасает из-за усталости протестующих, но правительство арестовало переговорщиков со стороны «Координации». Этот шаг стал спичкой, зажегшей большой пожар, который так и не удалось потушить, пока не были удовлетворены требования протестующих. Ответом было осадное положение, аресты, высылки руководителей в разные районы страны. Возмущение действиями властей и их враньем, что контракт уже пересмотрен, было столь велико, что никто этого не ожидал. Молодежь из бедных районов, в том числе и маргиналы, начали «войну за воду» всеми средствами. Город погрузился в атмосферу насилия. За два дня полицейские и военные силы были разбиты народными отрядами. Цель протеста была достигнута: конец контракта с Бектелем и отмена закона о воде.

¹¹ *De la Fuente M.* La guerra del agua en Cochabamba. Crónica de una dolorosa victoria, Documento de trabajo. Cochabamba, 2000. Индеец из самого бедного района Кочабамбы Фернандес получил экономическое образование в Университете и защитил диссертацию по теме обеспечения водой своего родного департамента. – *Kruse T.* Op. cit. P. 151.

¹² *Kruse T.* Op. cit. P. 148.

Во время «войны за воду» была сформулирована позиция большинства в отношении приватизации – сохранение нерыночного характера коммунальных служб. На этой основе сформировался блок сил в городе и деревне, недовольных существующей системой власти. Эти были не только народные низы, но и средние слои города, интеллигенция. Важной составляющей этого блока были кокалерос Эво Моралеса.

К движению в Кочабамбе присоединились полицейские Ла-Паса, которые требовали повышения жалованья. Чуть позже, в сентябре того же года, индейцы аймара под руководством Фелипе Киспе (Мальку¹³), который тогда был исполнительным секретарем КСУТСБ, стали проводить массовые акции, которые включали блокаду Ла-Паса, что сильно взволновало население города, боявшегося всеобщего индейского восстания¹⁴. Аймара Альтиплано и кокалерос Чапаре совместно организовали ряд блокад дорог, которые привели к нехватке продовольствия, к гигантским экономическим потерям. Их требованиями были отмена Закона о воде и изменение Закона о Национальном институте Аграрной реформы (1990).

Эффективность блокад дорог в Ла-Пасе, которые повторились в 2001 г., мобилизовала массы индейцев-аймара на Альтиплано, а Киспе представлялся как продолжатель дела Тупак Катари, который также блокировал Ла-Пас в 1781 г.¹⁵ Киспе говорил с Бансером «как президент (индейцев) с президентом (белых)». Его требованием были переговоры министров с региональными лидерами аймара, что имело огромный политический и символический эффект.

Левые интеллектуалы, объединенные в группе «Коммуна», расценили «войну за воду» и блокады городов индейцами как «возвращение плебейской Боливии». Новый тип социального протеста уводил его с фабрик или рудников на улицы городов, где действующие лица этого движения не соответствовали привычным классовым дефинициям левых сил. Не случайно, что «Координация» в Кочабамбе заявила об опоре на «простой трудящийся народ», ибо конфликт не сводился к привычной борьбе труда и капитала. Этот тип конфликта новые левые назвали «политикой жизненных потребностей». Параллельно стали выдвигаться требования созыва Учредительного собрания, что было озвучено на «Марше за народный суверенитет, за территорию и природные ресурсы», организованном в 2002 г. несколькими индейскими и городскими общественными организациями.

Эти конфликты ослабили правительство Бансера, который в августе 2001 г. по причине тяжелой, неизлечимой болезни передал власть своему вице-президенту Хорхе «Тито» Кирогге. Этот политик считался технократом. Он пытался модернизировать старую партию Бансера, а потому был в конфликте

¹³ Мальку – титул древних правителей аймара.

¹⁴ Киспе был одним из родоначальников катаристского движения в 80-е годы, участвовал в Партизанской армии Тупак Катари (ЕХТК), за что провел пять лет в тюрьме. После освобождения закончил Университет в Ла-Пасе по специальности история. Он является автором книги «Tupak Katari vive y vuelve... sarajo». (La Paz, 2007).

¹⁵ «Эпицентром всех битв» было Ачакачи на берегах оз. Титикака. «В Ачакачи мы разрушили все органы государственной власти, здесь нет больше судий, полиции, префектов и суб-префектов. Нет ничего неиндейского», – заявлял Киспе. – *Cúneo M. Bolivia: Felipe Quispe. El último Mallku // El Viejo Topo. N 284, septiembre de 2011. P. 55.*

с «динозаврами» – ветеранами партии. В период правления Кироги был подписан торговый договор с США, известный как «Андский договор о развитии торговли и уничтожении наркотиков», упрощавший боливийский экспорт в США при определенных условиях, за которыми должно было следить американское посольство в Боливии. Одновременно резко выросло военное присутствие в районах выращивания коки, что придало новый импульс «войне коки» и связанными с ней социальными конфликтами в этих районах.

Следующие годы были ознаменованы полноценным кризисом. На президентских выборах 2002 г. бансеровская партия АДН потерпела поражение, а победа досталась Санчесу де Лосаде, получившему лишь 22,5% голосов, что делало его легитимность ущербной. Старые способы «демократии пактов» оказались неэффективными в условиях дискредитации самих партий и роста общественного недовольства. Кроме того, лидер кокалерос Эво Моралес получил чуть меньше победителя – 20,9%.

Также на этих выборах появились новые политические фигуры: Манфред Рейес Вилья от НФР предстал как правый популист, заняв место традиционных правых партий. Однако грязная медийная война, которую развернули публицисты команды Санчеса де Лосады, а именно выявленные ими связи Рейеса Вильи с корейской сектой Мунов, а также тайные съемки его особняка в Кочабамбе, где при страшной засухе того года обильно поливались цветы и прочее, уничтожили все возможные его претензии на президентское кресло, хотя тот и занял третье место, чуть-чуть уступив первым двум.

Эво Моралес был кандидатом от МАС-ИПСР, партии, созданной в 1995 г. как политическое крыло крестьянского профсоюзного движения. Пользуясь законами децентрализации, принятыми в 90-е годы, МАС-ИПСР успела завоевать ряд мэрий в сельских районах, а сам Моралес в 1997 г. прошел в конгресс от округа Чапаре. В 2002 г. Моралес был изгнан из конгресса и смог превратить этот факт в знамя борьбы с системой. Он был обвинен в подстрекательстве кокалерос к сопротивлению властям и столкновениям с силами порядка в Сакабе, где двое военных были захвачены, их пытали и казнили. После этого конгресс лишил Моралеса полномочий. При этом посол США Мануэль Роча пригрозил Боливии санкциями, если этот «наркоторговец» не будет изгнан из конгресса. Моралес превратился в символ изгнанного индейца и «борца с империей». Несмотря на свою популярность, мало кто ожидал, что этот малообразованный индеец, которого посольство США называло не иначе, как «наркоторговцем», окажется в одном шаге от победы на президентских выборах. Система зашаталась, но парламентский союз с другими партиями обеспечил Санчесу де Лосаде победу, хотя, как показало время, ненадолго.

МАС-ИПСР: новые действующие лица

Еще в 1995 г. крестьянский конгресс, проходивший под лозунгом «Земля и Территория», принял «Тезисы о Политическом инструменте», дав начало сложной политической конструкции, выраставшей из структур крестьянского синдикализма. Эта организация получила название Ассамблея за суверенитет народов (АСП). Ее ядром были кокалерос Чапаре, крестьянские профсоюзы из колонизируемых районов (их стали называть межкультура-

листские общины), крестьяне из Кочабамбы и Национальная конфедерация женщин-крестьянок Боливии «Бартолина Сиса»¹⁶.

Это была своеобразная партия, которая строила свою идеологию на индееанистском дискурсе, на лозунгах «500 лет сопротивления» (речь шла об отказе празднования проходившего тогда юбилея 500-летия открытия Америки). Идеологические рамки и практика новой партии были укоренены в исторической традиции боливийского синдикализма, о чем еще писал Рене Савалета Меркадо: народные слои в Боливии участвуют в политике через профсоюзы¹⁷. Если в 40-е годы горняки приняли под троцкистским влиянием «Тезисы Пулакайо» как выражение представительства рабочего класса, то теперь крестьяне делали то же самое, но в иной обстановке: они противостояли гегемонии неолиберализма при поражении КОБ. Как и горняки в 40–50-е годы кокалерос стали считаться авангардом народного движения. В конце концов именно они встали на переднюю линию борьбы против государства и ее силовых органов¹⁸.

После кризиса рабочего движения голоса левым приходили из сельских районов. В 90-е годы за левых голосовали в бедных, сельских муниципиях, где высок уровень неграмотности, нет системы здравоохранения и базовой инфраструктуры. Левые силы были представлены в самых бедных и отсталых районах Боливии¹⁹. В этот период отмечается усиление позиций «Движения Свободная Боливия» (МБЛ – ранее откололась от МИР) на Севере Потоси и в центре Чукисаки (район крестьян кечуа) через НПО Политехнического института Томаса Катари, к чему следует добавить активность сельских учителей, поддерживавших левых. Случай с МБЛ иллюстрирует трансформацию новых левых в движение НПО. Растущее влияние новых НПО на профсоюзное движение отразилось в их ведущей роли в создании организаций индейского крестьянства, таких как Конфедерация индейских народов Боливии (CIDOB) на востоке страны и Национальный совет Марка Колясуйо (CONAMAQ) на западе страны²⁰.

Присутствие кокалерос в протестном движении дало левым профсоюзную и электоральную базу. Они продемонстрировали солидарную позицию в противостоянии государственным репрессиям, встав на место горняков. При этом не надо забывать, что речь идет о мелких земельных собственниках, отличающихся определенной социальной мобильностью, которые эволюционировали к левым, так как считали их противниками «империи» (США), от политики которой они страдали²¹. Избирательная комиссия отказала в ре-

¹⁶ Позднее переименованная в Национальную конфедерацию женщин-крестьянок индейских народов Боливии «Бартолина Сиса».

¹⁷ Zavaleta Mercado R. Forma clase y forma multitud en el proletariado minero en Bolivia// Bolivia Hoy / Comp. Zavaleta R. México, 1983.

¹⁸ Komadina J., Geoffroy C. El poder del movimiento político. Estrategias, tramas organizativas e identidad del MAS en Cochabamba (1999–2005). La Paz, 2007. P. 38.

¹⁹ Romero Ballivián S. Geografía electoral de Bolivia. La Paz, 2003.

²⁰ Об этих организациях см.: García Linera A., Chávez M., Costas P. Sociología de los movimientos sociales en Bolivia. La Paz, 2004.

²¹ Это объясняет также голосование за МИР при президенте Хайме Пасе Саморе (1989–1993), который проводил «дипломатию коки», направленную на исключение коки из запрещенного списка ООН. Эта политика вела к осложнениям с США, которые в качестве наказания Боливии лишили виз руководителей страны.

гистрации АСП на выборах 2000 г., но тогда в них участвовало Индейское движение Пачакути (МИП) Фелипе Киспе.

С усилением репрессий в процессе уничтожения коки происходило сплочение кокалерос вокруг левых. Относительное успокоение в период Паса Саморы (1989–1993) по сравнению с «жесткой» линией Виктора Пас Эстенсоро (1985–1989) привело к снижению электоральной активности кокалерос, когда тот же Эво Моралес был кандидатом в депутаты от левой «Оси конвергенции» и получил даже меньше голосов, чем в 1989 г. «Объединенные левые». В 1997 г. с возобновлением под диктовку США политики уничтожения коки возродилось и профсоюзное движение кокалерос. Крестьяне долин Кочабамбы под руководством Алехо Велиса и Романа Лоайса и кокалерос Эво Моралеса стали социальной базой нового левого националистического движения с индеанистским окрасом. Помимо Кочабамбы движение имело некоторое влияние в районе Юнгас Ла-Паса.

В 1997 г. Моралесу удалось избраться в конгресс, он получил 61,8% голосов по одномандатному округу, где преобладали кокалерос. Там же по партийным спискам «Объединенные левые» получили 80%. Однако люди голосовали не по идеологическим пристрастиям, а стремились направить представителей кокалерос в конгресс: главными действующими лицами предвыборной кампании были их профсоюзы, а не партии²². На этих выборах произошло дистанцирование между Моралесом и Велисом, который обвинял первого в сговоре с Пасом Саморой²³. После разрыва с Велисом в 1999 г. Моралес создал ИПСП, который принял участие в выборах под «вывеской» МАС (Движение к социализму).

Сегодня ряд руководителей претендует на авторство идеи создания «политического инструмента» (один из них Филемон Эскобар, пришедший в движение из горняцких профсоюзов, а в тот момент являвшийся советником «Координации шести федераций кокалерос Кочабамбы»). Однако решающим было влияние ряда НПО, связанных с программой «Огонь». Руководителем этого проекта был будущий министр иностранных дел Боливии Давид Чокеуанка, организовавший ряд курсов и крестьянских конгрессов, которые позволили подключить к движению крестьянские профсоюзы и индейские группы других районов страны, что превратило Эво Моралеса в общенационального лидера, ставшего известным также за рубежом.

Успех МАС-ИПСП на выборах имел дополнительный эффект: его сторонники отказались от идеи вооруженной борьбы, поверив в возможность электоральной победы. Также ушел на второй план антикапиталистический дискурс «старых левых», уступив место антинеолиберальной программе, прежде всего критике приватизации и разоблачению господства транснацио-

²² Romero Ballivián S. Op. cit.

²³ «Нечто интересное произошло в 1997 г., от чего мы разошлись с Эво Моралесом, который встретился с Пасом Саморой, Филемоном Эскобаром, Рафаэлем Пуэнте и Хуаном де ла Крусом. Они решили голосовать друг за друга, хотя я был кандидатом от политического инструмента. Проблема была в том, что их договоренности носили секретный характер и предусматривали голосование за Паса Самору как президента республики, а за Эво как депутата, а Велис оказывался вне игры». – Véliz, hombre de campo que busca superar derrota del 97 // Los Tiempos. Cochabamba. 27.11.2009. Пас Самора подтвердил, что такое событие имело место.

нальных корпораций и «империи». Дискурс новой левой включал в себя индейский вопрос в духе деколонизации и культурного возрождения индейских народов. Во главе МАС Моралес распространил свое влияние на Альтиплано, где стал отбирать голоса у МИП Фелипе Киспе, который ориентировался исключительно на аймара Альтиплано.

МАС стала распространять свое влияние на города. Однако корпоративная идея «политического инструмента», т.е. представительства определенных слоев населения (Эво Моралес говорил: «Там, где профсоюзные организации работают хорошо, там нет необходимости отдельно иметь МАС»²⁴), показывала свою ограниченность: в городах проживало 60% населения страны, и их симпатии следовало завоевать, а они не были организованы в левые профсоюзы. Из необходимости заполучить симпатии этого населения возникает городское ответвление МАС, которое унаследовало электоральную базу КОНДЕПА и УСС, прежде всего используя уличных торговцев как мощную структуру мобилизации своих сторонников в городах. Кроме того, было необходимо привлечь известные фигуры из среднего класса, ослабить индейско-крестьянскую направленность своего дискурса, чтобы привлечь городских избирателей, что проявилось на муниципальных выборах 2004 г.

МАС рассматривал себя как особую партию без членства (членом партии можно было себя считать только через профсоюзы), но противоречие между концепцией партии профсоюзов и общенациональной партии гегемонии попытались разрешить появлением «приглашенного знакового лица». Так, на муниципальных выборах 2004 г. писатель Гонсало Лема стал кандидатом на пост мэра Кочабамбы, а экс-ректор столичного университета Пабло Рамос был выдвинут МАС на пост главы Ла-Паса. Хотя ни один из них не был избран, что демонстрировало пока еще слабые позиции МАС в больших городах, но 18,5% голосов, полученных МАС, делало эту группу первой силой в стране. Более того, «партия кокалерос» впервые действовала как городская и сельская партия, претендующая объединить крестьян, интеллигенцию, трудящихся. Лема получил 29,4% голосов, что контрастировало с 0,9% той же МАС в 1999 г. Все это произвело парадоксальный эффект: например, в парламенте эти знаковые лица, приглашенные в движение из средних слоев, стали доминировать во фракции МАС, хотя ее большинство составляли крестьяне. В сельской местности МАС стала главной силой: например, получила 52% муниципальных советников в департаменте Кочабамба²⁵, что дало повод говорить об «окружении» крупных городов в соответствии с макистской теорией, при этом, что эта стратегия состояла в использовании социальной мобилизации, в том числе в виде насильственных действий, в ходе выборов, т.е. власть рождала не винтовка, а подсчет голосов.

Без партийной структуры (национальное руководство МАС всегда было неспособно сдерживать внутренние идейные и политические расхождения в партии) своими успехами партия была обязана «сателлитной» структуре, в которой парламентская фракция, общественные организации или городс-

²⁴ *Stefanoni P.* El nacionalismo indígena como identidad política: la emergencia del MAS-IPSP (1995–2003) // *La política en movimiento. Identidades y experiencias de organización en América Latina* / Comp. Bettina Levy y Natalia Gianatelli. Buenos Aires, 2008. P. 351.

²⁵ *Komadina J., Geoffroy C.* Op. cit. P. 70.

кие ячейки МАС были связаны между собой через Эво Моралеса, который превратился в арбитра между столь различными секторами «политического инструмента».

Движение МАС к власти в своей социологической основе опиралось на результаты аграрной реформы 1953 г.: возникновение массы мелких сельских собственников и формирование особой революционно-синдикалистской политической культуры. Также нельзя упускать из вида важное политическое изменение 90-х годов – принятие Закона о политическом участии и введение одномандатных округов наряду с партийными списками на выборах в конгресс²⁶. Индейско-крестьянское возрождение было результатом сочетания ряда политических действий, институциональных реформ, идеологического переоформления старых народных представлений о борьбе и справедливости и стратегического использования национальной и международной политической конъюнктуры. Сложные взаимоотношения общества и государства, неожиданные преимущества в результате некоторых неолиберальных реформ, таких как закон о народном участии, которые первоначально индее- нисты отвергали, привели к пробуждению нечто нового, но которое было национальной традицией, отвергающей колониальный характер государства, восходящей к восстанию Тупак Катари в 1782 г.

Невозможно четко дать определение идеологии МАС. Мы предлагаем рассматривать ее как новое издание народного национализма, в котором сложившаяся структура синдикализма сочеталась с усилением этнической идентификации, претендовала на политическую инклюзивность низших социальных слоев. В этом смысле МАС-ИПСП смогла занять место старой МНР, которая практически исчезла с политической сцены.

Альваро Гарсия Линера и группа «Коммуна»

Для понимания изменений, произошедших в Боливии в 2000-е годы, необходимо остановиться на процессах в среде интеллигенции. В начале десятилетия небольшая группа интеллектуалов Альваро Гарсия Линера, Рауль Прада Алькореса, Ракель Гутьеррес Агилар, Луис Тапия и Оскар Вега организовали неформальную дискуссионную группу «Свободная школа критической мысли Коммуна», в рамках которой еженедельно проводились общественные дебаты, публиковались книги и брошюры по политической конъюнктуре. Цель «Коммуны» была четко сформулирована: политико-теоретическое обоснование необходимых перемен в боливийском обществе при упадке тех политических сил, которые ставили в центр своей идеологии пролетариат, и при возникновении новых внеклассовых, массовых форм коллективных действий, которые призывали по-новому рассмотреть социополитическую действительность страны, а также предложить новые формы поли-

²⁶ Закон о народном участии (1994) имел своей целью расширить демократию через выборность населением мэров, в том числе и мелких поселений, что благоприятствовало МАС, которая выигрывала все сельские алькальдии (муниципии). Одномандатные округа позволили самому Эво Моралесу получить кресло в конгрессе от округа Чапаре, в противном случае он вряд ли в тот момент получил бы большинство во всех департаментах.

тических действий со стороны левых сил. Идейними основами дискуссии в этой группе были разные теоретические труды – от известного боливийского социолога-марксиста Рене Савалеты Меркадо до критического марксизма и французской критической социологии и философии Пьера Бурдьё, Жака Рансьера, итальянского автономизма Антонио Негри и современной социологии коллективного действия. Некоторые члены группы были последователями Жюль Делеза и Феликса Гуаттарри²⁷. Сильвия Ривера и Россана Барраган осуществили переводы постколониальных авторов Индии и опубликовали дебаты вокруг этих теоретиков, что имело большой резонанс в Боливии²⁸.

Не случайно, что первая книга «Коммуны» «Возвращение плебейской Боливии»²⁹ была посвящена «войне за воду». Такие статьи этой книги, как «Конец рабочего класса в XX в.» или «Массы в политике жизненных потребностей», были направлены на поиск новых социальных субъектов, на которые должна быть направлена стратегия новых левых, которые стремились соединиться с индейско-крестьянскими силами в лице МАС или МИП. Они заявляли о цели восстановления общинной и прямой демократии, противостоящей либеральной модели демократии, говорили о приверженности освободительным идеям, возникшим в мире после падения Берлинской стены.

Гарсия Линера и его тогдашняя жена мексиканка Ракель Гутьеррес Агилар вместе с Фелипе Киспе создали в начале 90-х годов Партизанскую армию Тупак Катари, за что пять лет провели в тюрьме – с 1992 по 1997 г.³⁰ Целью Гарсии Линеры и Гутьеррес Агилар было создание новых идеологических основ для радикальных левых, противостоящих классическим течениям марксизма, которые в Боливии были представлены троцкистами, марксистами-ленинистами (КПБ), маоистами, последователями Че Гевары, опираясь на отрицание этатизма, на принципы самоуправления, прямой демократии. Новые левые упрекали других левых в желании «довершить буржуазную революцию» 1952 г.³¹

²⁷ *Stefanoni P., Ramírez F., Svampa M.* Las vías de la emancipación. Conversaciones con Álvaro García Linera. México, 2009; *Fornillo B.* Intelectuales en la era katarista // *Debatir Bolivia. Perspectivas de un proceso de descolonización* / Eds. M. Svampa, P. Stefanoni, B. Fornillo. Buenos Aires, 2010.

²⁸ *Debates Post Coloniales: Una introducción a los estudios de la subalternidad* / Comp. S. Rivera Cusicanqui, R. Barragán. La Paz, 1997.

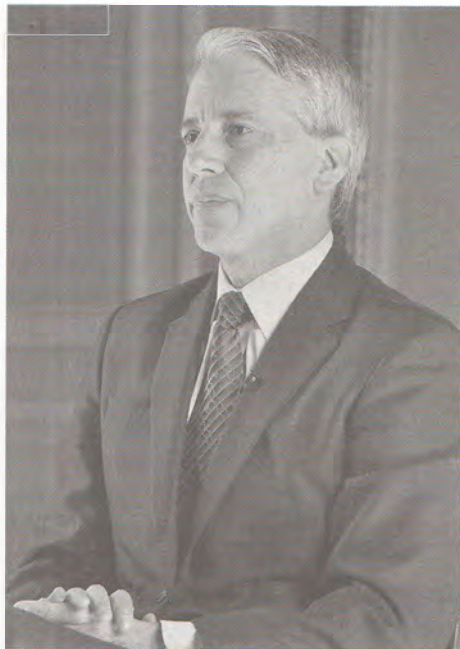
²⁹ *García Linera A., Gutiérrez R., Prada R., Tapia L.* El retorno de la Bolivia plebeya. La Paz, 2000.

³⁰ Гарсия Линера так описывал свою идейно-политическую эволюцию: «Я поехал за границу и продолжил свои занятия математикой, но был увлечен также историческими и социальными теориями. Когда я находился в Мексике, на меня большое влияние оказали партизанские движения в Центральной Америке, в Сальвадоре, хотя в Боливии я был больше сторонник рабочего синдикализма, а также индеанизма, катаризма на основе движений 1979 г. Я стал рассматривать свои теоретические изыскания сквозь призму событий в Центральной Америке, т.е. перешел от чисто философской и абстрактной мысли в духе изучений “Капитала”, диалектики Гегеля, Канта к более практическим идеям. Стал читать ленинские работы, чтобы лучше разобраться в искусстве политики. Это было в 80-е годы. После учебы вернулся в Боливию, но уже с новым взглядом на политическое действие». – *Stefanoni P., Ramírez F., Svampa M.* Op. cit. P. 9.

³¹ *Qhantat-Wara Wara [Raquel Gutiérrez Aguilar],* Contra el reformismo: Crítica al «estatismo» y al «populismo» pequeño burgués / Ed. Ofensiva Roja. 1989.

В тюрьме Гарсия Линера увлекся социологией и, выйдя на свободу, стал видным политическим аналитиком в средствах массовой информации, а также своего рода советником крестьянских организаций. Одна из его статей, которая лучше всего иллюстрирует его взгляды в то время, называлась «Профсоюз, массы и община» (2001). В этой публикации также участвовал Фелипе Киспе, который именно в этот год организовал самые крупные блокады дорог индейцами вокруг Ла-Паса³². Луис Тапия и Рауль Прада пришли в группу из академической среды, хотя и были связаны с левыми и общественными движениями. Оскар Вега занимался издательским делом. Они рассматривали себя как «интеллектуалы-переводчики» между аграрно-индейским и городским миром; в тот момент еще трудно было понять будущую политическую композицию, которая возникала через собрания, встречи в самых удаленных регионах страны, в сотнях километров от больших городов³³.

Альваро Гарсия Линера

В своих публикациях и выступлениях в средствах массовой информации «Коммуна» смогла укоренить свой взгляд на события, что позднее составило основу формирования нового левого дискурса, хотя политическая судьба привела Гарсию Линеру к отходу от первоначального автономизма на более этатистские позиции, особенно после занятия вице-президентского поста в 2006 г., когда он стал ссылаться на Ленина и Робеспьера и даже называть себя «последним якобинцем».

Из деревни в город

Новые формы социальной борьбы и появление движения Эво Моралеса, казалось, вели к аграризации политики³⁴. Альтернативное празднование 500-летия открытия Америки в 1992 г. превратилось в международное явление, которое выдвинуло на первый план индейский вопрос. В Боливии этот вопрос получил дополнительное звучание после проведения в 2001 г. переписи населения, по которой 62% боливийцев считали себя потомками одного

³² *García Linera Á.* Sindicato, multitud y comunidad. Movimientos sociales y autonomía política en Bolivia // *Álvaro García Linera, Felipe Quispe, Raquel Gutiérrez, Raúl Prada y Luis Tapia.* Tiempos de rebelión. La Paz, 2001.

³³ Среди членов группы «Коммуна» было много тех, чье мнение представляло Боливию в работах социологов других стран. Их мнение стало преобладающим в международной интеллектуальной среде.

³⁴ *Zuazo M.* ¿Cómo nació el MAS? la ruralización de la política en Bolivia. La Paz, 2008.

из индейских народов страны, в большинстве своем кечуа и аймара³⁵. Новая политическая сила (МАС и МИП) претендовала на создание новой легитимности на «индейско-народной» основе, отрицающей «исключающее» народоздание государства, построенное после 1825 г. Та же перепись показала, что Санта-Крус в результате развития агропромышленного комплекса будет претендовать на ведущую политическую роль, так как в регионе было сосредоточено 30% ВВП страны. Став важным экономическим центром, Санта-Крус превратился в привлекательный для внутренней миграции регион, что увеличивало его политический вес. Агропромышленная буржуазия Санта-Круса подняла знамя региональной автономии, чтобы защититься от угрозы наступления нового индеанистского левого движения.

В 2002 г. идеологический климат полностью изменился. Если американский акцент у Санчеса де Лосады, который много лет прожил в США, во время его первого мандата представлялся как нечто позитивное, как символ модернизма и связей с внешним миром, на новом этапе то же самое стало символизировать подчиненность «империи», идейный колониализм. Мало помогло «Гони», как прозвали в народе Санчеса де Лосаду, назначение вице-президентом известного историка и тележурналиста Карлоса Месу Хисберта, который, в свою очередь, назначил Луле Кахиас возглавить кампанию против коррупции³⁶. Процесс капитализации 90-х годов (приватизации) дискредитировал себя утратой контроля над природными ресурсами. Если в первом правительстве в 90-е годы многие левые интеллектуалы поддерживали его, привлеченные идеями мультикультурализма и децентрализации, то второе президентство, полученное лишь благодаря чуть более 20% голосов, представало как открытый, жесткий и антинародный неолиберализм, являющийся причиной всех несчастий страны. Как и все его предшественники, президент попытался создать мегакоалицию, в которую вошли и бывший президент Хайме Пас Самора (1989–1993) и позднее правая НФР.

Санчес де Лосада попытался создать успешный образ своего первого правления, вернув пенсионные bonosol, которые отменил Бансер, и организовав Единую страховку материнства и детства (Seguro Único Materno Infantil – SUMI), что было важной мерой, учитывая низкий санитарный уровень и высокую детскую смертность.

Одной из крупных проблем был бюджетный дефицит, который заставил правительство в феврале 2003 г. принять непопулярные меры: налог на зарплату, который затронул 20% трудящихся, имел целью сохранить старые цены на бензин (повышение этих цен было альтернативным решением). Эта мера вызвала всеобщую оппозицию. Волнения в полиции, поддержанные учащимися и учителями средних школ во главе с левыми партиями и троцкистами, были началом восстания. Эти события, известные как «Черный

³⁵ Перепись показала отход от этническо-расового подхода и дала основание говорить об индейцах как о «народе/нации», что исключало промежуточную категорию метисов. – Lavand J.-P., Lestage J., Lestage F. Contar a los indígenas: Bolivia, México, EE.UU // Tinkazos. La Paz. N 13, 2002.

³⁶ Это создало конфликт между Месой и Санчесом де Лосада, так как Кахиас раскрыла систему использования солдат на работах в пользу частных лиц, которую покрывал министр обороны. Меса потребовал отставки министра обороны Фредди Теодоровича, но президент отказался уволить министра.

февраль», привели к использованию армии против полиции, было 30 убитых и множество раненых. Все это сопровождалось грабежами и нападениями на предприятия, связанные с политиками, или которые просто считались «капиталистическими». Несколько общественных зданий были разграблены и сожжены, такая судьба постигла и штабы партий МНР и МИР.

Затем после некоторого промежуточного периода правительственная коалиция была расширена за счет НФР, но конфликты возобновились в октябре 2002 г., уже побуждаемые острой полемикой вокруг главного ресурса страны – газа. Санчес де Лосада вновь вернулся к своему старому проекту экспортировать газ в США через чилийские порты, но при этом продолжить переговоры с Чили о боливийском порте на побережье. Чилийский президент Рикардо Лагос предложил Боливии создать свой порт, но без суверенитета³⁷. Смесь античилийского национализма и антилиберализма (вернулась идея бедной, ограбленной страны, нищего на золотом троне полезных ископаемых) попала в благодатную среду народного возмущения, которое переросло в одно из самых больших народных восстаний в боливийской истории.

В сентябре 2003 г. ситуация стала выходить из-под контроля, взорвавшись из-за незначительного эпизода. Киспе объявил о блокаде дорог, требуя освобождения крестьянина Эдвина Уампо, обвиненного в организации самосуда одного вора в деревне. Параллельно кокалерос Юнгас начали серию протестов со своими требованиями, а жители Эль-Альто, пригорода Ла-Паса, восстали против муниципального налога, который ввела мэрия. Министр обороны Карлос Санчес Берсаин решил вывезти из Сораты группу туристов, которая застряла там из-за блокады дорог, организованной Киспе. В результате этого решения было убито пять крестьян и один полицейский.

Все это вместе с моральным и экономическим возмущением, причиной которого было среди прочего тяжелое положение в народном хозяйстве, вылилось в разрастание протеста, который стал всеобщим. Всенародный характер движения контрастировал с существованием мегакоалиции, созданной правительством. Все это дискредитировало политические партии, стоящие у власти. К этому добавлялось недовольство планами экспортировать газ через чилийские порты.

Действия правительства, направленные на обеспечение Ла-Паса бензином, и снятие блокады города с помощью армии привели к усугублению ситуации, уже находившейся на грани революционного взрыва. Итогом акции по деблокированию Ла-Паса были боевые столкновения военных с протестантами в Эль-Альто, вошедшие в историю как «война за газ». 12 октября погибли 27 граждан. Список убитых пополнялся и далее, до 67 жертв. Рост числа погибших вовлек в конфликт средние слои города.

Вице-президент Меса порвал с Санчесом де Лосада. Десятки пикетов голодовки в Ла-Пасе требовали только отставки главы государства. Мало кто помнил об античилийских лозунгах в отношении газа, единственной целью стала отставка президента, которого называли не иначе как убийца. Жители Эль-Альто устраивали массовые манифестации в Ла-Пасе, главным их лозунгом были слова: «Сейчас да! Гражданская война!». Этот лозунг отражал ту атмосферу, в которой жила страна в те дни. Санчес де Лосада и Санчес

³⁷ Mesa Gisbert C. Op. cit. P. 681.

Берсаин на вертолете направились в аэропорт и покинули страну, вылетев в США через Санта-Крус. Этот день, 17 октября, позднее при президенте Эво Моралесе был объявлен «Днем национального достоинства».

«Война за воду» уже показала новую социальную и политическую реальность в стране в 2000-е годы. Эль-Альто в конце 70-х годов становится самостоятельным городом, который благодаря миграции из деревень в короткое время вырос до 900 тыс. жителей. Это был самый сложный социальный комплекс городских и негородских проблем. За фасадом внешне очень бедного города, являющегося воротами Ла-Паса (в Эль-Альто находится аэропорт Ла-Паса), скрывается экономически очень динамичный город, где выросла промышленность (текстиль, мебельные фабрики и пр.), где постоянно проводится гигантская ярмарка, на которой ведется различная торговая деятельность, в том числе и неформального сектора экономики, связанного с контрабандой³⁸. В 90-е годы КОНДЕПА и Паленке были «хозяевами» электората Эль-Альто, но «война за газ» изменила настроения в этом городе: теперь быть горожанином Эль-Альто означало быть частью восставшего народа, а через некоторое время Эво Моралес станет там лидером большинства.

Если «война за воду» только начала процесс изменения соотношения сил, то «война за газ» полностью разрушила систему «демократии пактов», сложившуюся с 1985 г., и нанесла мощный удар по вере в свободный рынок. Антилиберализм (у этих настроений в стране есть сильная и старая традиция) вновь стал главной идеей, но его носители были другими. Хотя горняки снова появлялись в Ла-Пасе с шашками динамита, что возрождало старую мистику народной борьбы, а КОБ даже организовал всеобщую забастовку, лидерство было уже у других. В авангарде шли индейские, крестьянские организации.

Вице-президент Меса Хисберт, порвав с Санчесом де Лосада из-за репрессий, пользовался народной поддержкой, которая позволила ему занять президентский пост. Однако у Месы не было своей партии, а МНР (верная свергнутому Санчесу де Лосада) считала его своим врагом. МАС Эво Моралеса также была в оппозиции. Они контролировали конгресс. Большой митинг в Эль-Альто подтвердил поддержку Хисберту, но сделал ему предупреждение-послание: народ будет поддерживать его, если он будет выполнять «повестку дня октября», т.е. проведет национализацию нефти и газа, созывает Учредительное собрание. В противном случае его ждет переиздание «войны за газ».

Накануне больших перемен

Без политической опоры в виде партии Меса попытался провести курс реформ, предложил новый закон о нефтегазовом секторе, прямые выборы губернаторов (до этого их назначали президенты), созыв Учредительного собрания, но его умеренный стиль не соответствовал новой политической ситуации. 18 июля 2004 г. Меса созвал референдум о возвращении газовой отрасли государству и о стратегии «газ за море» в отношении Чили.

³⁸ О подъеме этой народной экономики см.: *Tassi N., Medeiros C., Rodríguez-Carmona A., Ferrufino G.* Hacer plata sin plata. El desborde de los comerciantes populares en Bolivia. La Paz, 2013.

Его администрация столкнулась с автономистскими требованиями Санта-Круса (с буржуазией этого региона отношения нового президента не сложились, тот называл ее не иначе как «провинциальная элита») и с требованиями национализации газа, которые оставались главными, прежде всего в Эль-Альто. Этот в основном индейский город выстроил собственную героическую историю, восходящую к времени «войны за газ». Его жители ощутили себя защитниками всей нации, а сам город, стихийно строящийся на Альтиплано, стал символом повстанческого духа, унаследованного от традиций восстаний народа аймара.

Верхушка Санта-Круса, со своей стороны, воспользовалась ростом цены на дизельное топливо на 23% в декабре 2004 г. как поводом для выступлений против президента. В январе 2005 г. огромный митинг в центре Санта-Круса потребовал автономии для региона. Одновременно Эль-Альто вновь жестко требовал национализации нефти и газа, вернулся к лозунгу 2003 г. «Эль-Альто восстал и никогда не встанет на колени!»

Меса попытался вступить в прямой диалог с гражданами, разъясняя по телевидению свою позицию в отношении требований различных групп. 6 марта 2005 г. после объявления Эво Моралесом блокады дорог Меса представил конгрессу свою отставку, чтобы надавить на главную оппозиционную силу, МАС. 8 марта состоялась проправительственная манифестация в его поддержку, названная «маршем белых платков». Хотя популярность Месы в Ла-Пасе была очень высока, около 80% (44% в Санта-Кресе), это не придавало силы его правительству и не влияло на принятие решений по удовлетворению требований других секторов общества.

«Мы не хотим его отставки, мы хотим национализации!» – под этим лозунгом прошел марш, напоминающий «войну за газ». Отличие от 2003 г. состояло в том, что Меса пообещал, что, пока он президент, не будет ни репрессий, ни убитых, и выполнил это обещание. «Предпочитаю оплатить это тем, что на правительство смотрят как на бессильное (что субъективно), чем раскручивать спираль насилия», – заявил Меса в Сукре 24 мая 2005 г.³⁹, когда все дороги к Ла-Пасу были вновь заблокированы, а Эль-Альто находился в состоянии постоянной мобилизации. Так же как и два года назад жители Эль-Альто перекрыли все подступы к Ла-Пасу, вырыли траншеи вокруг нефтехранилища, чтобы не допустить поставки топлива в город. Кокалерос Юнгас, гуарани Тарихи и крестьянские организации Кочабамбы объедини-

Карлос Меса Хисберт

³⁹ *Stefanoni P.* La Paz quedó paralizada, la guerra no // Página. N 12. 25 de mayo de 2005.

лись для давления на правительство с требованиями национализации нефти и газа и созыва Учредительного собрания. Конфликт приобрел общенациональный масштаб.

Партия МАС Эво Моралеса предлагала объединить вопросы автономии, т. е. требования Санта-Круса, и так называемую «повестку дня октября», что вывело эту партию из крайне левого фланга, способствовало привлечению большего числа сторонников. В те дни МАС предлагала «легкую» национализацию: принять закон о перераспределении доходов – 50% компаниям, 50% государству. Однако отказ Меса подписать (он не воспользовался правом вето) закон о нефти и газе, уже принятый конгрессом, был сильным ударом по его популярности, которую до того момента он еще сохранял.

Председатель сената Ормандо Вака Диес поспешил сам 17 мая 2005 г. подписать этот закон, рассчитывая, что тем самым станет претендентом на будущее президентство, так как Меса уже дважды представлял свою отставку. Конгресс уже не мог проводить спокойные заседания «без угрозы динамитом над головами», как заявил один из депутатов. Многие политики стали требовать закрытия заседаний конгресса из-за невозможности его нормальной работы, но Меса отказался. Президентский декрет о созыве Учредительного собрания и о референдуме об автономии на 16 октября 2005 г. не смог успокоить страсти, и президент оказался в состоянии «свободного падения». Стали преобладать требования досрочных выборов.

6 мая 2005 г. Меса все же ушел в отставку, и началась политическая борьба за кресло президента. Меса поручил председателям сената и палаты депутатов Ваке Диес и Марио Коссио перейти к решению этой проблемы. Народные протесты сделали невозможными надежды этих председателей стать временными президентами страны. Лишь в ста метрах от Дома Свободы⁴⁰ в Сукре, где заседал конгресс, стояли горняки, вооруженные динамитом, контролируя решения депутатов. Президентом стал почти неизвестный человек, что было гарантией мирного восприятия этой новости, председатель Верховного суда Эдуардо Родригес Вельтце, главной задачей которого было проведение новых президентских выборов. После вступления в должность нового президента были прекращены все блокады дорог, и в один миг страна успокоилась. Эво Моралес и МАС занялись новыми выборами, надеясь получить в избирательных урнах результат накопившегося негодования народа против системы.

Родригес Вельтце должен был лишь гарантировать мирную передачу власти избранному президенту. Однако вскоре обнаружился скандальный факт, санкционированный его администрацией: тайно были переданы США несколько китайских ракет HN-5. Этот факт был обнародован Эво Моралесом, что увеличило его популярность среди националистов⁴¹. Также возникла дискуссия вокруг распределения депутатских мест по округам в связи с демографическими изменениями в соответствии с последней переписью

⁴⁰ Здание парламента в Сукре, где была провозглашена независимость Боливии.

⁴¹ Это переносные ракеты, которые США считали опасными, так как могли быть использованы предполагаемыми террористическими группами.

Инаугурация Эво Моралеса в Тиауанако

2001 г.⁴² Всеобщие (президентские и парламентские) выборы были назначены на 18 декабря 2005 г. Также впервые префекты департаментов должны были быть выбраны избирателями напрямую.

Предвыборная кампания проходила главным образом между двумя кандидатами на президентское кресло во дворце Кемадо. Это были бывший президент Хорхе Кирога, который создал новую партию «Социально-демократическая власть» (Poder Democrático Social (PODEMOS – ПОДЕМОС⁴³), и лидер кокалерос Эво Моралес Айма. Кирога апеллировал к страхам боливийцев перед приходом к власти радикалов во главе с Моралесом, который призывал страну избрать путь перемен. Своим вице-президентом Моралес выбрал Альваро Гарсия Линера, уже известного тогда аналитика и интеллектуала⁴⁴. Для многих избирателей из среднего класса он представлял «человека, который знает, что делать», что и было избрано одним из лозунгов его кампании, в которой он шел вторым лицом вместе с антисистемным индейским лидером, который не мог похвастаться административным опытом или хорошим образованием. Однако этот союз народного лидера и интеллектуала был очень привлекательным по сравнению с дискредитировавшим себя традиционным политическим классом, продолжавшим риторику старых споров либералов и консерваторов. Однако с началом кампании результат был отнюдь не очевиден.

Выборы 18 декабря 2005 г. были поворотным моментом в современной боливийской истории: невиданные ранее 53,7% голосов (с 60-х годов никто не

⁴² Несмотря на сопротивление департаментов, уменьшавших свое представительство, Санта-Крус получил дополнительно 3 депутатских места, Кочабамба – 1, а Оруро потерял 1, Ла-Пас – 2, Потоси – 1 депутатское место.

⁴³ Podemos по-испански означает «мы можем».

⁴⁴ *Stefanoni P., Ramírez F., Svampa M. Op. cit.*

получал ничего подобного) получил индеец аймара, крестьянин и вождь кокалерос Эво Моралес, более того, абсолютное большинство гарантировало ему власть без каких-либо межпартийных союзов и компромиссов. Старая и когда-то мощная партия МНР, которую представлял на выборах кандидат с японскими корнями Мичиаки Нагатани, смогла получить лишь 6,5% голосов. Таким результатом был завершён период либеральных реформ, начатый приходом к власти МНР в 1985 г. Левые силы возвращались к власти, но это были другие левые, представлявшие народно-индейское крыло, завоевавшее свою победу, начиная с деревни и покорив большие города, где часть так называемых белых впервые решилась проголосовать за аймара на главный пост страны.

МАС победила также на выборах губернаторов трех департаментов (Чукисака, Оруро, Потоси), что демонстрировало пока слабое влияние партии, несмотря на рост личной популярности Моралеса. Санта-Крус, Тариха, Бени и Пандо остались в руках правых, что впервые получило название «полумесяца» оппозиции⁴⁵.

«Культурная и демократическая революция»

21 января 2006 г., за день до вступления в должность, Эво Моралес провел церемонию на руинах Тиауанаку, что должно было символизировать начало новой эры для индейских народов Боливии. Новый президент представлял глубинную Боливию. Эво Моралес родился в департаменте Оруро, был пастухом лам, в начале 80-х перебрался в район производства коки Чапаре, где началась его карьера профсоюзного лидера вначале как секретаря по спорту, чему немало способствовали его успехи в футболе.

В Тиауанаку под ледяным ветром Альтиплано и палящим солнцем, на фоне заснеженных гор Эво Моралес, одетый в стиле доколумбовой андской культуры, предстал как духовный лидер индейских народов Америки. Он заявил, что Боливия в свою республиканскую эпоху жила в условиях апартеида, подобного южноафриканскому, а также пообещал идти путем, проложенным Эрнесто Че Геварой. На следующий день он принес клятву президента в конгрессе. Так начался процесс, названный «культурной и демократической революцией», который предполагал пересмотр всех основ, на которых базировалась республика с момента обретения независимости в 1825 г.

Распределение министерских портфелей отразило различные идеологические предпочтения, а также жизненный путь их обладателей, представлявших политический проект во главе с Моралесом. Так, например, Министерство иностранных дел досталось Давиду Чокеуанке, индейцу-аймара, который в молодости прошел через кадровую школу кубинской компартии и даже поддерживал отношения с ливийским лидером Мауамаром Каддафи и обладал большим влиянием среди своих соплеменников аймара Альтиплано района Ла-Паса⁴⁶. Портфель стратегического Министерства внутренних дел получил бывший военный, социолог Хуан Рамон Кинтана, а Минис-

⁴⁵ Расположение этих департаментов напоминало полумесяц вокруг западных и центральных департаментов Боливии.

⁴⁶ См. интервью с ним: *Svampa M., Stefanoni P., Fornillo B.* Balance y perspectivas. Intelectuales en el primer gobierno de Evo Morales. La Paz, 2011.

терство юстиции возглавила бывшая прислуга Касимира Родригес. Все они должны были символизировать процесс деколонизации. Было даже создано вице-министерство по деколонизации, при котором, в свою очередь, появился департамент депатриархализации. Министерство финансов и экономики досталось экономисту с репутацией технократа Луису Арсе Катакора, который до этого работал в Центральном банке. Индеец-аймара социолог, марксист Феликс Патци стал министром просвещения. Лидер горнорудных кооперативов Вальтер Вильярроэль был избран на пост министра горной промышленности, а ветеран левых националистов Андрес Солис Рада (последователь аргентинского левого националиста Хорхе Абелардо Рамоса)⁴⁷ возглавил Министерство нефти и газа.

Таким образом, была сделана попытка сохранить общественно-политический союз, приведший Моралеса к власти путем сочетания народного национализма, индеанизма, наследия традиционных левых, прошедших через кризис, вызванный процессами, последовавшими после падения Берлинской стены, а также влияния постколониальных теорий и концепций начала XXI в.

Новый президент заявил, что будет проводить в жизнь «повестку дня октября» с акцентом на два главных акта: национализация нефти и газа и созыв Учредительного собрания. В своих речах, проектах, новых символах правительство возродило старый националистическо-народный дискурс, по которому нация противопоставлялась антинации, а предыдущее правление объявлялось пережитком «старого режима».

1 мая 2006 г., в День трудящихся, армия заняла все газовые и нефтяные предприятия, чтобы снять все сомнения, что национализация Моралеса будет настоящей. Эта демонстрация силы имела значение, так как речь шла о пересмотре контрактов с частными транснациональными компаниями, а не об их изгнании, как того требовали самые радикальные группы, которые следовало нейтрализовать такими показательными акциями. Президент в каске старой государственной ИПФБ лично участвовал в занятии Сан-Альберто, где нефть добывала бразильская Петробраз.

В своей речи Моралес заявил, что считает незаконными контракты о совместном риске, подписанные между государством и нефтяными компаниями, так как их в свое время не утверждал конгресс, а подписантов этих контрактов объявил «предателями родины», «передавшими стратегическую отрасль страны иностранцам, нарушив суверенитет и оскорбив национальное достоинство». Кроме того, он добавил, что «Боливия была первой страной континента, национализировавшей нефть [в 1937 г.], сегодня мы это делаем в третий и последний раз». Изданный им декрет № 28701, посвященный «Героям Чако» в память о войне с Парагваем (1932–1935), восстановил «собственность, владение и абсолютный полный контроль» государства над добычей нефти и газа.

Компании должны были передавать государству весь производимый ими продукт, который далее продавала уже государственная корпорация ИПФБ,

⁴⁷ Хорхе Абелардо Рамос (1921–1994) был идеологом так называемой «Национальной левой», предлагал сочетать национализм и марксизм, поддерживал перонизм. Солис Рада был близок этому движению, приобретшему большое влияние в странах региона. Находился в эмиграции в Аргентине в 60–70-е годы.

Национализация нефтегазовой промышленности

она же устанавливала условия продажи на внутреннем рынке и определяла объемы, цены, страны экспорта. Был установлен срок в 180 дней для подписания компаниями новых контрактов в рамках новых правил. Главным новшеством этих контрактов были налоги, сильно выросшие, особенно для крупнейших добытчиков. С этого дня каждое 1 мая Моралес что-то национализировал: телефонные компании, металлургические, газопроводные, электрические и др. В этом мае 2006 г. опросы дали Моралесу 80% поддержки и одобрения.

Отличие экономической ситуации, с которой левые столкнулись в 80-е годы, состояло в том, что Моралес пришел к власти в обстоятельствах благоприятной внешней конъюнктуры. Национализация нефти и газа, точнее пересмотр контрактов с компаниями в рамках новой националистической экономической политики, давшей большие дополнительные доходы, позволил наращивать государственные расходы и капиталовложения. Правительство МАС сочетало монетарную и налоговую ортодоксию с антирыночными мерами⁴⁸. Иными словами, речь шла о популистской политике при сохранении бюджетного равновесия (нельзя забывать, что над боливийцами до сих довлел травмирующая память о гиперинфляции 80-х годов). Все это позволило Моралесу сменить хронический (часто опасный) бюджетный дефицит в неизвестный в последние полвека профицит. Рост экономики между 2006 г. и 2010 г. достиг 4,6% в год, хотя экономисты указывали на низкий уровень частных инвестиций в экономику. Однако за рамками споров о макроэкономике все признают, что благоприятные обстоятельства позволили Моралесу проводить активную социальную политику, что поддерживало его популярность⁴⁹.

⁴⁸ Morales J.A. La política económica boliviana. 1982–2010. La Paz, 2012. P. 280.

⁴⁹ Molina F. ¿Por qué Evo Morales sigue siendo popular? // Nueva Sociedad. N 245. Mayo–junio de 2013. P. 4–14.

За одно десятилетие экспорт вырос с 2 до 10 млрд долл., валютные резервы страны – до 14 млрд долл. (достигнув 50% ВВП), расходы бюджета – с 6 млрд до 20 млрд. Государственные инвестиции за пять лет выросли в шесть раз⁵⁰. Все это вызвало похвалы международных финансовых институтов МВФ и Мирового банка.

Основные экспортные товары Боливии – это сырье, газ, руды и соя. В период 2011–2012 гг. Боливия экспортировала главным образом в семь стран – Бразилия, Аргентина, США, Перу, Япония, Колумбия и Южная Корея⁵¹, а импортировала прежде всего дизельное топливо.

Хотя Боливия Эво Моралеса входит в «радикальный» блок латиноамериканских государств, ее экономическая политика одобрялась МВФ и Мировым банком, «CNN деньги» даже наградила Боливию золотой медалью за ее курс⁵². Министр экономики Луис Арсе Катакора дольше всех региональных министров пребывал на своем посту: он входил в правительство с 2006 г. Ему принадлежат слова: можно проводить «социалистическую политику, но при макроэкономическом равновесии»⁵³. Стабильность привела к боливианизации вкладов и кредитных портфелей в банках, что было новостью для традиционно нестабильной и долларизированной экономики⁵⁴. «Стабильное макроэкономическое развитие и проведение активной социальной политики в середине первого десятилетия XXI в. способствовали тому, что Боливии удалось утроить доходы на душу населения и сократить уровень бедности», – так констатирует доклад МВФ. Хотя ясно, что Боливия воспользовалась конъюнктурой высоких цен на сырье, МВФ подчеркивал, что боливийские власти следили за соответствием внешних расчетов и внутренних счетов. Эта политика позволила увеличить золотовалютные резервы до 50% ВВП, что превратило Боливию в страну, способную выдержать внешнее давление или кризис.

Боливийская экономика выросла на 6,5% в 2013 г., что является самым большим ростом за последние 30 лет. В последние годы увеличилась инфляция, но властям удалось удержать ее грамотной монетарной политикой, увеличив ставки рефинансирования, предпринятыми мерами по дополнительному наполнению продовольственного рынка, что дало хорошие результаты. Несмотря на перспективы роста государственных расходов, МВФ утверждает, что государственный долг продолжит сокращаться: в 2013 г. он снизился до 32,5% от ВВП против 40% в 2009 г., что является показателем работы программы по ликвидации задолженности страны⁵⁵. Боливийский институт внешней торговли указывал в начале 2014 г., что Боливия в 2013 г. достигла

⁵⁰ Ibid. P. 7.

⁵¹ Instituto Boliviano de Comercio Exterior (IBCE). – <http://ibce.org.bo/documentos/informacion-mercado/2011-2012/>

⁵² См.: <http://www.youtube.com/watch?v=CzedtOM5NOo>

⁵³ William Neuman. Turnabout in Bolivia as Economy Rises From Instability // New York Times. 16.2.2014.

⁵⁴ Arce Catacora: Bolivianización de créditos en Bolivia llega al 82% // Economía boliviana. 13.11.2013; René Quenallata. La bolivianización alcanza al 76 por ciento de las transacciones // Opinión. Cochabamba. 6.01.2013.

⁵⁵ FMI destaca crecimiento de Bolivia con superávit fiscal y comercial // Infobae. Buenos Aires. 10.02.2014.

Эво Моралес и В.В. Путин в Кремле

исторических максимумов в экспорте и импорте. Однако «прошедший год показал, что страна вступила в фазу спада, связанного с концом эффекта постоянного роста цен на сырье и началом нового цикла в мировой экономике, что приведет к резкому сокращению экспорта минералов»⁵⁶. Задачи индустриализации, создание новых государственных предприятий пока не были осуществлены и не смогли изменить производственную структуру экономики и ее зависимость от экспорта сырья⁵⁷.

Экономический национализм сочетался с антиимпериалистической линией на международной арене, что означало смену традиционных для Боливии внешних ориентиров. Противостоя США и ее политике во время борьбы за коку, Моралес остался верен антиамериканским убеждениям. Боливия вступила в Боливарианский Альянс Нашей Америки (АЛЬБА), пошла на сближение со странами, противостоящими США, такими как Иран⁵⁸, и более тесно сотрудничала с Кубой. Как никакой другой боливийский лидер Эво Моралес стал глобальной фигурой через активные связи с Социальным форумом Порту-Алегри и с другими антиглобалистскими движениями, такими как «Крестьянский путь».

Особо чувствительной темой, которой Моралес активно занимался, был спор с Чили о выходе Боливии к морю. Этот вопрос всегда присутствовал в международной политике страны. Моралес сделал вопрос выхода к морю знаменем своей администрации. Каждое 23 марта боливийцы отмечают День моря в честь героя войны с Чили Эдуардо Абароа. Потерю моря боливийцы связыва-

⁵⁶ José Luis Landívar Bowles. IBCE: Decálogo de sugerencias para mejorar la economía boliviana. 21.01.2014. – <http://ibce.org.bo>

⁵⁷ Об официальной точке зрения о новых государственных предприятиях см.: García Linera Á. Las empresas del Estado. Patrimonio colectivo del pueblo boliviano. La Paz, 2013.

⁵⁸ Иранский президент М. Ахмадинежад трижды посетил Ла-Пас.

ют с экономической отсталостью своей страны. Мирный договор 1904 г. лишил Боливию выхода к морю в обмен на финансовые компенсации⁵⁹.

В течение всего XX в. Боливия не забывала о проблеме выхода к морю. Ближе всего приблизился к решению этой проблемы Уго Бансер в период своей диктатуры, когда он 8 февраля 1975 г. в пограничном местечке Чаранья договорился с А. Пиночетом восстановить дипломатические отношения и начать переговоры по морской проблеме. Чили склонялась передать коридор к побережью, для чего на основании договора 1929 г. требовалось согласие Перу. Однако переговоры зашли в тупик, и дипотношения были вновь разорваны.

Новое сближение произошло вновь при Бансере, но уже как избранном президенте, а в Чили президентом был социалист Рикардо Лагос. Стороны искали новые формулы решения проблемы. Боливия к этому времени превратилась в газодобывающую страну и обсуждала строительство фабрики по сжижению газа для дальнейшего экспорта в США. Для этого Чили предложила Боливии 600 тыс. га на 99 лет для создания специальной экономической зоны экспорта сжиженного газа⁶⁰. Переговоры, продолженные Санчесом де Лосада, закончились неудачей, при этом стали поводом для «войны за газ» в 2003 г. и последующего свержения президента. Затем плебисцит о газе в 2004 г. в период правления Карлоса Месы установил, что Боливия не будет экспортировать газ в Чили, пока не решен вопрос о море.

С приходом к власти Моралес развил «личную» дипломатию с чилийским президентом Мишель Бачилет. Была установлена повестка дня двухсторонних отношений из 13 пунктов, которые включали вопрос о выходе к морю. Казалось, что диалог идет благодаря идейной близости двух президентов. Проходили встречи министров обороны, министров иностранных дел, военных, которые прежде всего должны были создать атмосферу доверия между столь долго враждовавшими странами. В рамках «народной дипломатии» проводились различные мероприятия, на которых чилийские радикальные левые, правда, мало влиятельные в политике, поддерживали лозунг «море для Боливии».

В конце президентского срока Бачилет проявилась ограниченность этой дипломатии «индейца и женщины», как представителей тех групп, которые были всегда исключены из большой политики. С приходом правых к власти в Чили в 2010 г. и победой Себастьяна Пиньеры на президентских выборах переговоры о море вернулись на нулевой уровень, при этом усугубились конфликты по поводу использования воды р. Силала, которая берет исток в Боливии и часть которой используется в Чили. Двусторонние отношения существенно ухудшились. Ввиду патового состояния переговоров боливийский президент решил изменить стратегию и представил иск к Чили в Гаагский международный трибунал.

Хотя в декабре 2013 г. Бачилет одержала уверенную победу на выборах президента Чили, отношения с Боливией уже не могли вернуться к прошло-

⁵⁹ Cfr. Brockman R. *Tan lejos del mar. Bolivia entre Chile, Perú y Paraguay en la década extraviada (1919–1929)*. La Paz, 2012.

⁶⁰ Fernández Saavedra G. *Bolivia y Chile. Callejón sin salida // Ensayos de política exterior*. La Paz, 2014.

му взаимопониманию. Боливия теперь связана своим иском, а Моралес призвал всех послов сделать все возможное для международной поддержки боливийской позиции⁶¹.

Создание Многонационального государства

Вторым главным требованием «повестки дня октября» был созыв Учредительного собрания, которое, по словам вице-президента Альваро Гарсии Линеры, должно было стать «сценой для заключения нового общественного договора». 2 июля 2005 г. прошли выборы 255 членов Учредительного собрания, а также был проведен референдум об автономии департаментов. МАС получила почти 51% против 15%, отданных за главную оппозиционную силу ПОДЕМОС, т.е. у МАС было 137 мест в собрании, а у ПОДЕМОС только 60. Остальные места достались небольшим партиям и группам. Референдум должен был определить, считают ли боливийцы необходимым сохранение унитарной системы или создание автономий. Правительство призвало проголосовать против автономий, заявляя, что они выгодны лишь «олигархии» Санта-Круса, которую обвиняли в сепаратизме. Ответ на этот вопрос отразил электоральную географию разделенной на восток и запад страны: андский запад, традиционно ассоциируемый с горной промышленностью, и восток тропических равнин с развитой агроиндустрией. Против проголосовали Ла-Пас, Оруро, Потоси, Кочабамба и Чукисака, «за» – Санта-Крус, Тариха, Бени и Пандо.

Учредительное собрание проходило в обстановке острой конфронтации. Закон о его созыве устанавливал, что заседания будут проходить в официальной столице страны Сукре. Заседания с самого начала стали подлинными сражениями, в которых отразились острые социальные, этнические и региональные противоречия, которые переживала страна. В результате в течение месяцев не удавалось принять новую Конституцию.

Первый конфликт возник из-за числа голосов, необходимых для принятия формулировок статей Конституции. Закон предписывал две трети голосов, но правительственная партия считала, что достаточно половины плюс один голос. Такое расхождение привело к ряду голодных забастовок оппозиции. Самая острая ситуация возникла из-за предложений одного из делегатов Санта-Круса о постоянном пребывании правительства в столице, в г. Сукре, что возвращало страну к главному вопросу гражданской войны 1899 г. МАС отказалось даже обсуждать этот вопрос, не захотело открывать этот ящик Пандоры боливийской политики. Предложение делегатов Санта-Круса вызвало целую волну возмущения, столкновений, сцен насилия и беспорядков, которые парализовали заседания. Толпы жителей Сукре окружили собрание, а в Ла-Пасе по призыву мэрии, которую контролировало в тот момент союзное правительству «Движение без страха» (MCM – Movimiento sin Miedo), прошла массовая мобилизация горожан, и сотни тысяч людей перед мэрией Эль-Альто скандировали: «Правительство не переедет!» В ответ в Санта-Крусе

⁶¹ *Mealla L.* Evo pide usar todos los escenarios para explicar la demanda del mar // *La Razón*. La Paz. 07 de enero de 2014.

15 декабря 2006 г. состоялся «Кабильдо миллиона»⁶² в поддержку автономии и против правительства Моралеса. Так начиналось правление МАС.

В Санта-Круссе «Гражданский комитет за Санта-Крус» организовал выступления за автономию департамента. В середине 2000-х годов восток представлял собой самый динамично развивающийся район, где бурно росли агроиндустрия, находились офисы всех нефте- и газодобывающих компаний. Элита Санта-Крусса смогла объединить лозунгом автономии также департаменты Тариха (где находится основная добыча газа), Бени (главный скотоводческий регион) и Пандо в Амазонии. С требованием перевода правительства в Сукре Чукисака становилась союзником оппозиционных департаментов, автономистского «полумесца».

Конфликт вокруг Учредительного собрания и борьба за автономию усиливали друг друга. Чтобы избежать окружения места заседания, в ноябре 2007 г. текст Конституции был принят в другом здании, в военных казармах в Сукре. Но это не остановило протестов в Сукре: 23–25 ноября 2007 г. была сделана попытка взять штурмом казармы, что заставило делегатов буквально бежать, но были погибшие среди атакующих⁶³. Собрание было переведено в Оруро под охрану вооруженных горняков, и в декабре 2007 г. текст Конституции был полностью проголосован в отсутствие большинства оппозиционных делегатов. В 2008 г. страна вступала с острым конфликтом власти и оппозиции по вопросам Конституции и автономии.

Битва за автономию

Частью стратегии «полумесца» за автономию была организация в мае – июне 2008 г. местных, не признаваемых центральной властью референдумов в Санта-Круссе, Тарихе, Бени и Пандо. Правительство позволило провести эти референдумы, хотя и отказалось признать их легитимность. Голосовали за местные автономистские уставы. Везде победили автономисты. И тут начались проблемы: что делать с этими результатами. Центральное правительство контролировало все ресурсы и финансы, могло заморозить все фонды властей департаментов. Губернаторы Рубен Костас (Санта-Крус), Марио Коссио (Тариха) и Леопольдо Фернандес (Пандо) смогли привлечь на свою сторону Манфреда Рейеса Вилью из Кочабамбы, где у Эво Моралеса была большая поддержка, особенно в сельских районах⁶⁴. Вскоре к ним присоединилась новая губернатор Чукисаки Савина Куэльяр, из индейцев, но оппозиционная Моралесу.

Автономизм Санта-Крусса был формой сепаратизма, которым умело управляли из посольства США. Хорватское происхождение лидера Гражданского комитета Санта-Крусса Бранко Маринковича было поводом для шумной

⁶² Кабильдо – городской совет в Латинской Америке и Испании.

⁶³ Schavelzon S. El nacimiento del Estado plurinacional de Bolivia. Etnografías de una asamblea constituyente. La Paz, 2013.

⁶⁴ В январе 2007 г. на центральной площади г. Кочабамбы прошли столкновения между проправительственными крестьянами и городской молодежью, сторонниками автономии, с печальными результатами: трое убитых. После этих событий усилилось противостояние город–деревня, а оппозиция Моралесу в городах увеличилась.

Выступления сепаратистов в Санта-Крус

кампании правительства против элиты востока, которая якобы хотела сделать в Боливии то же самое, что в Югославии.

Чтобы вывести ситуацию из тупика, правительство перехватило предложение провести референдум о доверии всем властям, что первоначально исходило от правых в парламенте и экс-президента Хорхе Кироги. 10 августа 2008 г. боливийский президент получил 67% голосов в свою пользу, что полностью сняло всякие разговоры о непопулярности Моралеса. Также в референдуме голосовалось доверие губернаторам. Четверо из «полумесяца» получили поддержку избирателей, но губернаторы Ла-Паса и Кочабамбы, также из оппозиционного лагеря, потеряли свои посты⁶⁵. Опасаясь, что Моралес, опираясь на свои 67%, пойдет ва-банк, автономисты предприняли авантюру, которая уничтожила весь их политический капитал. Боевые группы Молодежного союза Санта-Круса захватили общественные здания во всех городах «полумесяца». В ряде случаев захваты сопровождались грабежами и разгромом помещений. Правительство обвинило местные власти и эти группы в попытке переворота против Эво Моралеса. Насилие достигло особого размаха в амазонском департаменте Пандо, где столкновения между

⁶⁵ Манфред Рейес Вилья и Хосе Луис Паредес в свое время получили свои посты, так как поддержали Моралеса. Их попытка союза с автономистами Санта-Круса была причиной их поражения.

сторонниками Моралеса и губернатора Фернандеса вошли в историю как «резня в Порвенир»⁶⁶.

Стратегия правительства состояла в том, чтобы, используя события в Пандо, ударить по самому слабому члену «полумесяца». Правительство объявило осадное положение (до сего момента Эво Моралес избегал пользоваться этой репрессивной мерой, ассоциируемой со старым режимом), и 16 сентября молниеносной полицейской операцией губернатор Фернандес был арестован и перевезен в Ла-Пас. Параллельно Моралес принял невиданные в боливийской истории меры: из страны был выслан посол США Филип Гольдберг, обвиненный в поддержке заговора против правительства. Его объявили персоной нон-грата.

Часть элиты Санта-Круса продолжила свою линию на дестабилизацию. Для этого в страну прибыл любопытный персонаж Эдуардо Росса (у него венгерская фамилия Rozsa – Рожа, но в Боливии читается по правилам испанской фонетики) Флорес, в задачу которого входило создание вооруженных антиправительственных групп. Он был боливийским евреем венгерского происхождения⁶⁷. Начиная свою карьеру в качестве журналиста на Балканах и неожиданно возглавив группу вооруженных наемников, сражавшихся на стороне хорватов (он получил звание полковника Хорватской армии) во время войны в Югославии. Там он присоединился к ультраклерикальной католической организации Опус Деи, позднее – к венгерским экстремистам в Трансильвании, боровшимся за отделение от Румынии и присоединение к Венгрии. При этом он все более втягивался в контакты с радикальными исламистами. Весь этот странный букет в одном человеке оказался в Боливии в момент острого кризиса.

Россу в Боливии финансировали местные предпринимательские и властные круги, что скомпрометировало местную элиту, связанную с таким темным и авантюрным типом. Все его действия в Боливии контролировались боливийской службой безопасности, что дало правительству множество фактов противоправных действий властей Санта-Круса. 16 апреля 2009 г. Россу нашли мертвым в гостинице «Лас Америкас», предположительно его убили полицейские, связанные с местными элитами. После его смерти журналист Карлос Вальверде обвинил правительство в убийстве Россы⁶⁸.

Дело Россы было преобразовано в «дело о терроризме», в котором в той или иной мере оказались замешаны все руководители автономистов. Это дело и биография Россы прибавили аргументы правительству, обвинявшему автономистов в том, что они «хотят разделить Боливию по югославскому сценарию». Некоторые деятели, среди них Бранко Маринкович, бежали из страны, чтобы избежать судебного преследования. Так же поступил губернатор Тарихи Косси, эмигрировав в Парагвай. Фернандес сидел в тюрьме в Ла-Пасе. Автономисты были повержены.

⁶⁶ *Stefanoni P.* Masacre de campesinos en Bolivia: Los mataban como a chanchos // Clarín. Buenos Aires. 21 de septiembre de 2008.

⁶⁷ После прихода к власти У. Бансера в 1972 г. его семья, связанная с коммунистами, покинула Боливию. Эдуардо Росса учился в школе в Будапеште, затем он оказался в Москве, где, по его заявлениям, учился в школе КГБ, потом в университете в Венгрии, был видным деятелем местного комсомола, сотрудничал со службой безопасности ВНР.

⁶⁸ *Valverde C.* ¡Maten a Rózsá! El rompecabezas de una conspiración. Santa Cruz de la Sierra, 2012.

Новый этап – новая гегемония

После ослабления напряженности с автономистским «полумесяцем» правительство решило ускорить процесс с принятием новой Конституции, которая не была введена в действие после спорного принятия ее текста в Оруро. С этой целью были проведены переговоры с оппозицией, и некоторые самые спорные формулировки были изменены⁶⁹. Новый Основной закон претендовал на расширение политических, социальных, индивидуальных и коллективных прав, вводил новые положения, которые придавали государству «многонациональный и общинный» характер, признавал права «36 индейских наций», из которых состояла Боливия (язык каждой из этих наций становился официальным в районе обитания этих народов, и государственные служащие были обязаны говорить на одном из этих языков).

Отделение церкви от государства, возможность переизбрания президента на второй срок, введение референдума о доверии или отзыве президента, губернаторов, мэров городов по инициативе граждан – вот те немногие из новшеств новой Конституции. Безусловно, одно из важнейших изменений состояло в замене унитарного государства на новое государство автономий, под которыми понимались автономии департаментов и индейских народов. Индейцы получали право избирать свои местные власти «в соответствии с обычаями и традициями», признавались общинные суды, чья юрисдикция ограничивалась «индейцами–общинниками–крестьянами», но решения которых признавались всеми органами власти. Новая Конституция устанавливала, что судьи Верховного суда и Конституционного суда избираются всенародным голосованием из кандидатов, предварительно одобренных многонациональной законодательной ассамблеей (конгрессом)⁷⁰.

Союз крестьянских организаций «Пакт единства» так выражал свое понимание многонационального государства: «Это новая модель политической организации для деколонизации наших наций и народов во имя воссоздания и укрепления нашей традиции территориальной автономии. Для создания и консолидации многонационального государства необходимы принципы юридического плюрализма, единство, взаимодополняемость, взаимопомощь, равенство, солидарность, морально-этические принципы, которые помогут покончить со всеми типами коррупции» («Предложение для новой политической конституции государства»). Конституция объявляла государственной собственностью все природные ресурсы, а любую приватизацию стратегических ресурсов страны – предательством родины.

Новый конституционный текст был принят 61% голосов на референдуме 25 февраля 2009 г., что составило прочную основу легитимности нового многонационального государства, которое позиционировалось как альтернатива республике. Для Эво Моралеса это был очередной референдум о поддержке народом его политики.

⁶⁹ Парламентская оппозиция, ориентировавшаяся на Хорхе Кирогу, и регионалистская оппозиция расходились в вопросах стратегии противостояния Моралесу, что способствовало успеху правительственной линии.

⁷⁰ 16 октября 2011 г. прошли выборы: голоса, поданные против всех и недействительные, превысили действительные бюллетени. Это был протест против манипуляции выборами правительством: граждане должны были выбрать между кандидатами, которым было запрещено вести предвыборную кампанию.

По сути речь шла о конституционном тексте, который создавал условия для сосуществования в экономике государственного, частного и общинного укладов. Таковую экономическую модель вице-президент Альваро Гарсия Линера назвал «андским капитализмом»⁷¹. Гарсия Линера является одним из идеологов процесса перемен. Он сам перешел с позиций, когда делал ставку на укрепление общественных движений в противовес государству, к более «государственнической» точке зрения, рассматривая теперь государство как выражение коллективной воли: «Впервые за многие века правительство думает о строительстве государства в веберовском и гегельянском смысле этого понятия, как представителя воли и всеобщих интересов общества»⁷².

Исходя из этих идей, неудивительно, что концепция индейских автономий в тексте конституции часто вступает в противоречие, без шансов получить преобладание, с якобинским централизаторским подходом Гарсии Линеры–Моралеса по строительству «интегрального (целостного) государства»⁷³.

С вводом в действие Основного закона Моралес созвал новые президентские выборы 6 декабря 2009 г., на которых он мог представить свою кандидатуру, так как Конституция теперь предусматривала переизбрание президента.

Результаты выборов показали полное преобладание МАС перед оппозицией: Эво Моралес – Альваро Гарсия Линера (кандидаты на пост президента и вице-президента) получили 64,22% голосов против 26,46%, отданных за Манфреда Рейеса Вилья–Леопольдо Фернандеса (последний вел кампанию из тюрьмы, где ждал суда за «резню в Порвенир»). Одновременно правительство организовало новый референдум об автономии. На Учредительном собрании правительственное большинство приняло формулу режима автономий, хотя и с меньшими полномочиями, чем тогда требовал Санта-Крус. Теперь правительство призывало проголосовать за автономию в этой интерпретации новой Конституции, а автономисты Санта-Круса выступили против, так как считали эту формулу слишком централистской.

⁷¹ «Думаю, что концепция андско-амазонского капитализма прошла пробу временем, я считаю эту концепцию теоретически честной и объясняющей, что происходит сегодня. Эта концепция не делает уступок идеалистическому радикализму в духе Джеймса Петраса, с помощью которого пытались интерпретировать текущий процесс, так как рассматривает возможность перемен в Боливии не просто исходя из желания или воли политиков. Социализм нельзя построить с помощью декретов или стремлений, он строится на основе реальных сдвигов в обществе. То, что сегодня происходит в Боливии, это особенный характер развития в рамках общего капиталистического строя. Боливия, с точки зрения марксиста, – капиталистическая страна, но не полностью, и это ее преимущество. Эта особенность местного капитализма состоит в том, что он сочетает формальное и реальное определение того, что мы называем андско-амазонским капитализмом. Возможно, это разочарует идеалистов, но это верная концепция и честная, которая проверена дискуссиями и опытом. Это не то, что кто-то хочет видеть, или наша цель, а то, что потребности перемен и освобождения боливийского общества указывает на это состояние, на необходимость вывести из равновесия капиталистические и некапиталистические уклады, укрепив некапиталистические, чтобы они со временем сами породили процесс большего обобществления (коммунитаризации), что позволит говорить о посткапитализме. Постнеолиберализм – это форма капитализма, но мы думаем, что он содержит комплекс общественных сил и структур, способных создать посткапиталистический базис». – *Stefanoni P., Ramírez F., Svampa M.* Op. cit. P. 75–76.

⁷² *Stefanoni P., Ramírez F., Svampa M.* Op. cit. P. 68.

⁷³ См.: *García Linera A.* Del Estado aparente al Estado integral. La construcción democrática del socialismo comunitario // *Discursos & Ponencias del Vicepresidente del Estado Plurinacional de Bolivia*, 2010. – <http://www.vicepresidencia.gob.bo/IMG>

На выборах в конгресс МАС получил две трети голосов, что теперь позволяло не обращать внимания на оппозицию и самостоятельно принимать конституционные законы, необходимые для трансформации страны в духе новой Конституции. Новый строй укреплялся, проходя теперь через этап симбиоза политического национализма и экономического этатизма, но при невиданном ранее участии новых, ранее исключенных из политической жизни действующих лиц, народных низов. В эти годы правительство сталкивалось с трудностями роста, или, как выразился вице-президент, с «креативными напряжениями, порождаемыми революцией»⁷⁴. Среди этих трудностей выделялись следующие:

– проблемы возникали в отношениях между государством и общественными организациями, и это в стране, где государство всегда было слабым, а общество – сильным, с учетом также прочных традиций корпоративной культуры, особенно если государство позиционирует себя представителем «общественных движений»;

– проблемы противоречий между экоиндеанистской концепцией развития, противостоящей десаррольистскому проекту, между так называемой теорией «жить хорошо» (*sumaj qamaña*), с одной стороны, и десаррольистскими тенденциями, разделяемыми большинством в правительстве. Сам президент выступил с модернизаторскими инициативами (прежде всего в области строительства инфраструктуры), ставшими символами достижений его правительства. Он даже назвал некоторые экологические НПО агентами империализма, стремящимися затормозить развитие страны. При этом сохраняется верность индеанистскому дискурсу о защите Матери Земли.

Между тем Моралес начал «экспансию» на восток. Ему удалось усилить политические позиции правительства в этом регионе Боливии, укрепив тем самым свою общенациональную гегемонию и разрушив автономистский «полумесяц». Был принят целый пакет законов, развивающий и укрепляющий новую Конституцию и новый политический строй, но уже без «автономистского врага». Часть общественных конфликтов переместились с востока на запад страны, где обострились старые проблемы и вскрылись накопленные трудности.

В 2010 г. закончились провалом попытки Моралеса ликвидировать государственные субсидии на дизельное топливо и бензин. Рост цен на топливо вызвал мощную общественную реакцию, которая вынудила Моралеса отменить принятое решение. Президент заявил, что он «правит, подчиняясь». Несмотря на то что его правительство является, пожалуй, самым сильным в последние годы, общественные конфликты не исчезли, а взрывы протестных петард на улицах Ла-Паса остаются обычным явлением.

Расширение социальной политики

Социальная политика была осью курса правительства, объясняющая популярность и силу Эво Моралеса. Главными ее достижениями было перераспределение сверхдоходов от нефти и газа в пользу большинства. В первую очередь это программа бонов, которые получают дети, старики и беремен-

⁷⁴ García Linera Á. Las tensiones creativas de la revolución. La quinta fase del proceso de cambio. La Paz, 2011.

ные женщины. В стране, где большая часть населения занята в неформальной экономике или в сельском хозяйстве, одной из самых незащищенных групп населения являются старики, не имеющие пенсий. Правительство расширило программу Боносоль, созданную еще в 90-е годы при Санчесе де Лосаде, включив в нее всех достигших 60 лет, назвав теперь «Рентой достоинства». Выплачивалась она не раз в год, как раньше, а ежемесячно. Сумма этой пенсии в первое президентство Моралеса составляла 200 боливиано (30 долл. США).

Новый пенсионный закон сократил пенсионный возраст и сохранил накопительную систему, которая теперь административировалась государством, а не частными компаниями. Все эти социальные блага и реформы проводились в рамках «честной» макроэкономической политики, относительно низкой инфляции и умеренного роста зарплат.

Для детей правительство создало широко рекламируемый «Бонус Хуансито Пинто⁷⁵». Этот бонус в 30 долл. в год выплачивается всем учащимся государственных начальных школ при условии, что школьники регулярно посещают занятия. Хотя речь идет о низких суммах выплат, впечатление от него было большим, особенно в сельских районах. Затем был создан бонус им. Хуаны Асурдуй (известной партизанки времен войны за независимость) для беременных женщин в 50 боливиано (7 долл.), которые выдавались лишь при прохождении обследования (максимум четыре раза) в женских консультациях. К этому добавлялись 120 боливиано (17 долл.) за послеродовой период под контролем врачей, 125 боливиано за прохождение медицинского обследования новорожденных до 2 лет. Цель этих бонусов состояла в понижении уровня детской смертности. Также в рамках АЛББА в Боливию приехали работать сотни кубинских медиков, проводилась программа «Миссия Милагро» (Чудо) для бесплатных операций глазных болезней, что имело большой отклик среди населения. Дополнительно действовала «Программа ликвидации недоедания», направленная на решение одной из серьезных проблем Боливии – детское недоедание, особенно в самых бедных районах страны. Эти меры и программы дали возможность снизить крайнюю бедность в городах с 24% до 14%, а в сельской местности с 63% до 43%.

В сельской местности правительство стало вводить страхование крестьянских хозяйств против естественных рисков, а в 2006 г. был принят «Тариф Достоинство», по которому для малоимущих слоев населения была введена скидка в 25% на электроэнергию. Была начата кампания за ликвидацию безграмотности по кубинской программе «Да, я могу», по завершении которой было объявлено о победе грамотности в Боливии.

Правительство Эво Моралеса углубило политику распределения земли крестьянам через «общинное возрождение» по закону о реформе 1996 г.: земля стала передаваться коллективным владельцам из крестьян и индейцев, но не аграрным предприятиям. Уход из правительства в 2009 г. влиятельного вице-министра земли Алахандро Альмараса свидетельствовал о переходе к более крестьянской, а не общинной линии в аграрном вопросе. В действительности существует серьезное отличие в позициях индейцев равнинных районов (представленных объединением «Общинные земли») и горной час-

⁷⁵ Хуан Пинто – 12-летний мальчик, барабанщик боливийской армии, погибший во время Тихоокеанской войны.

ти страны, где преобладают мелкое частное землевладение, минифундии. Организации крестьян горной части обвиняли равнинных крестьян в том, что они являются «индейскими помещиками», так как владеют большими земельными угодьями в малонаселенных районах, оправдывая это сохранением уклада жизни своих предков.

Правительство в отношении политически разбитой элиты Санта-Круса стало осуществлять линию «экспансии на восток». Особенно успешной она была в Пандо, где проправительственные силы смогли победить на выборах губернатора и мэра Кобихи, столицы департамента, но это были люди, перешедшие на сторону МАС из оппозиции.

В случае с Санта-Крусом можно наблюдать сближение правительства и групп предпринимателей через Торгово-промышленную палату региона. Если до 2009 г. Эво Моралес посещал Санта-Крус почти полуподпольно, порой вынужденный терпеть манифестантов, обстреливавших его отель из петард, в 2013 г. бизнес-элита пригласила его открыть ЭКСПОКРУС, промышленную ярмарку, являющуюся символом мощи местной буржуазии, а предприниматели организовали ему приветственный банкет.

Вместе с тем одним из самых громких конфликтов нового этапа правления Моралеса была попытка построить шоссе по индейской территории Национального парка Исиборо Секуре (TIPNIS – ТИПНИС). Эта дорога делила пополам зону, которая была объявлена Национальным парком в 1964 г. и индейской территорией в 1990 г. Индейские организации резко воспротивились этим планам, развернули агитацию и среди городских слоев в свою поддержку. Их поддерживали многие, одни, исходя из искренних экологических убеждений, другие – лишь бы ослабить правительство.

Цель проекта правительства состояла в геостратегической реконфигурации страны; дорога должна была связать Бени с западными районами, ослабив зависимость региона от Санта-Круса, разрушив помещичье-латифундистскую власть в районе Амазонии. Вице-президент Альваро Гарсия Линера обвинил НПО в разжигании конфликта, чтобы помешать укреплению государства во всех районах Боливии⁷⁶. Главное, что впервые проявилось в этом конфликте: индейские организации востока противостояли проекту «индейского правительства», и более того, при президенте, который заявлял о верности делу Матери Земли, но в социоэкологическом конфликте встал на сторону национал-десарролистского крыла правительства. Конфликт проявил внутренние противоречия в правящем блоке⁷⁷.

Одной из сложных проблем было содержание категории индейцев. Из разных интерпретаций этого понятия возникали политически неоднозначные ситуации. Опись населения, проведенная 21 ноября 2012 г., результаты которой были опубликованы в 2013 г., дала парадоксальные данные. Удивительно и необъяснимо, учитывая, что Боливия управлялась «индейским правительством», что доля населения старше 15 лет, которая идентифицировала себя с индейскими народами (этнотами), снизилась по сравнению с переписью 2001 г. с 62% до 42%.

⁷⁶ *García Linera A.* Geopolítica de la Amazonía. Poder hacendal-patrimonial y acumulación capitalista. La Paz, 2012.

⁷⁷ См.: *Stefanoni P.* Algunas claves del conflicto del TIPNIS. – <http://www.rebellion.org/noticia.php?id=136703> (Обращение 2.10.2011)

Либералы и националисты заявили, что это своего рода «мечь метисов», так как все, кто имеют кровную связь с индейцами, одновременно считают себя метисами, следовательно, нужно не многонациональное государство, а возврат к метисной республике. Оппозиционные индеанисты-катаристы спекулировали в духе теории заговоров: якобы МАС «является антииндейским» движением и заинтересован в уменьшении числа индейского населения, чтобы развивать свой «колониалистский-националистический» проект, а дело ТИПНИС яркий тому пример. Другая интерпретация связывала это с «увеличением среднего класса», с урбанизацией страны (обо этом говорил даже Эво Моралес).

Однако нельзя отбрасывать простого объяснения: вопрос анкеты задан по-разному. В 2012 г. анкета переписи спрашивала: являясь боливийцем, принадлежите ли вы к какой-либо индейско-крестьянской нации или народности? Да или Нет? К кому? (и прилагался список 36 народов). В то время как в 2001 г. вопрос ставился по-другому: Считаете ли вы себя связанным с одним из следующих индейских народов. Варианты ответа: кечуа, аймара, гуарани, чикитано, мохеньо, др. или ни с каким.

Новая Конституция ввела понятие «индеец-туземец-крестьянин» (ИОС – Indígena-originario-campesino) как арифметическое решение сложных взаимосвязей различных этнико-социальных идентичностей. Многие крестьяне, принявшие это определение, не считали себя индейцами, хотя в зависимости от обстоятельств могли называть себя индейцами. Правительство Эво Моралеса было более крестьянским, чем индейским, так как произошло «окрестьянивание» индейцев, что создавало границы между сельскими и городскими индейцами при том, что большинство населения уже проживало в городах. Чтобы получить 62% в ходе переписи, было необходимо создать понятие индейца более размытое, чтобы включить в него и городских, и сельских индейцев, бедных и богатых, предпринимателей и трудящихся. Такое обобщение понятия индеец потеряло свое значение с введением формулы ИОС, которая ограничивала этот термин сельскими жителями.

Надо сказать, что популярность и гегемония Эво Моралеса основывается именно на его нечистой, неполной «индейскости», на его синдикалистском прошлом, что отражает саму суть народной Боливии, сотканной из лоскутков различных укладов, где сосуществуют многие формы народной культуры от доисторических традиций и до современной городской поп-культуры.

Третий президентский срок

В условиях благоприятной макроэкономической ситуации (рост ВВП на 6,5% в 2013 г. с низким уровнем безработицы и инфляции, при больших доходах от экспорта) Эво Моралес решил выдвинуться на третий президентский срок, хотя по Конституции 2009 г. переизбрание допускалось только один раз. Оппозиция тогда ввела переходную статью, согласно которой первый срок по старой Конституции также засчитывается как первый срок. Но правительству удалось внести изменения через Конституционный суд. Аргументы состояли в том, что боливийская политическая система была радикально изменена, а Моралес пошел на досрочные выборы с принятием Многонациональной Конституции. Этому решению способствовал раскол оппозиции, представ-

Эво Моралес держит в руках модель первого боливийского спутника

ленной левоцентристским Движением без страха (МСМ – Movimiento sin Miedo) во главе с Хуаном дель Гранадо, партией, правившей в Ла-Пасе, предпринимателем Самуэлем Дорией Мединой (бывшим министром и бывшим депутатом Учредительного собрания), который хотел избавиться от клейма неолиберала и правого деятеля, губернатором Санта-Круса Рубеном Костасом, возглавлявшим партию «Los Verdes» (Зеленые)⁷⁸, который также стремился предстать в облике защитника «социал-демократии», а также на самом правом фланге бывшим президентом Хорхе «Тито» Кирогой.

В декабре 2013 г. Моралес, используя огромные ресурсы, которые получила страна в результате роста цен на нефть и газ и нового подъема горной промышленности, добился выполнения одного из своих обещаний второго срока: на орбиту был запущен первый боливийский спутник. За несколько дней до конца 2013 г. Эво Моралес посетил Китай, где и произошел запуск первого в истории боливийского спутника связи «Тупак Катари». Этим жестом президент-индеец давал начало предвыборной кампании третьего срока для выборов 2014 г., представ как «индеец-модернизатор». Перед запуском спутника, созданного китайской корпорацией «Великая стена», стоимостью 300 млн долл. Моралес создал Боливийское космическое агентство, которое послало 64 инженера для обучения в Китай.

Выведя спутник на геостационарную орбиту, китайцы передали Боливии контроль за спутником, который назван именем вождя индейцев-аймара, возглавлявшего крупнейшее восстание против испанских колониальных властей. Спутник должен расширить допуск в Интернет и покрытие телефонами всех районов страны, прежде всего сельских. Запуск спутника транслиро-

⁷⁸ Это аббревиатура испанских слов Verdad, Democracia social, что в переводе означает: правда, социальная демократия, хотя выражение los verdes переводится как «зеленые», по цвету знамени Санта-Круса.

вался на гигантских экранах на площади Мурильо в Ла-Пасе. Моралес также обещал построить подвесную дорогу, соединяющую Ла-Пас и Эль-Альто, продолжить работы по модернизации инфраструктуры страны, чтобы исполнилась мечта президента и его движения: крестьяне пасут лам на склонах своих гор и говорят по сотовому телефону со своими родственниками, эмигрировавшими в Аргентину и Испанию.

12 октября 2014 г. Моралес получил широкую поддержку на выборах, получив 61,36% голосов против 24,23%, отданных за Дориа Медину (Демократическое единство)⁷⁹. Движение к социализму (МАС) вновь подтвердило, что Ла-Пас остается бастионом правящей партии (68% голосов), и впервые победило в Санта-Крус, собрав около 50% голосов. Так, синяя волна (цвета МАС) накрыла восемь из девяти департаментов, только в Бени, в Амазонии, партия проиграла выборы. Эво Моралес ожидал получить 70%, так как его поддержал ранее оппозиционный восток страны. Предприниматели Санта-Круса пошли на сближение с правительством, зарыв топор войны 2008 г. Однако с удачей на востоке контрастировал некоторый спад на западе, где не удалось повторить успех 2009 г., когда в некоторых районах за Эво голосовали 80% избирателей, которые таким образом выступали против олигархии Санта-Круса.

Гегемония Эво уже не основывалась на революционном подъеме, а объяснялась достижениями его правительства. Эти выборы продемонстрировали изменения, происшедшие в стране. На страницах прессы Эво перестал быть «деревенщиной», превратившись в «ответственного лидера», «умелого управленца». Теперь его все хвалили за предсказуемость, ответственность, честность. Так, в 2014 г. иностранные журналисты прибыли в Ла-Пас не для того, чтобы описывать раскол страны, а чтобы понять, почему «антикапиталистическое» правительство заслужило похвал МВФ, «New York Times», CNN, а предприниматели Санта-Круса перестали противостоять правительству.

Новый этап окончания политического противостояния подтвердил эти перемены во время голосования: победа МАС в Санта-Крусе, выход на второе место после Эво представителя правоцентристов, который убеждал избирателей, что сохранит все хорошее, сделанное МАС, и не собирается восстанавливать старый порядок⁸⁰. Новым элементом на политической арене было согласие бывших президентов страны Карлоса Месы и Эдуардо Родригеса Вельтце принять предложение Эво Моралеса возглавить представительство Боливии в Международном суде в Гааге по делу о выходе к морю⁸¹.

⁷⁹ Órgano Electoral Plurinacional, resultados oficiales // http://www.oep.org.bo/img/INFORME_ASAMBLEA_LEG_PLURINACIONAL_SC_v3.pdf

⁸⁰ Molina F. La oposición boliviana, entre la «política de la fe» y la «política del escepticismo» // Nueva Sociedad. N 254. Noviembre–diciembre de 2014.

⁸¹ Во время президентства М. Бачилет в Чили в результате успешных переговоров с Боливией была выработана «Повестка дня из 13 пунктов». Однако затем отношения резко испортились после прихода в Чили к власти правых сил во главе с Себастьяном Пиньерой, и тогда Боливия решила обратиться в Международный суд в Гааге для решения проблемы выхода к морю. – Molina S. Disputa marítima o cuadratura del círculo. Los vaivenes del conflicto boliviano-chileno // Nueva Sociedad. N 256. Marzo–abril 2015.

Избирательный бюллетень на выборах 2014 г.

Более сложными стали результаты местных выборов. Так, несмотря на гегемонию в прошлом, MAC в Ла-Пасе в марте 2015 г. потерпело поражение как в департаменте, так и в городах Ла-Пас и Эль-Альто⁸², а также в большинстве столиц департаментов. Конечно, эти результаты нельзя экстраполировать на расстановку сил в общеполитическом плане. MAC не завоевало славы способного управленца на местах, а мотивы голосования на общенациональных и местных выборах были различны. Все это показывает, что имя Эво Моралеса уже не может давать победу на всех уровнях, хотя сам Эво стал символом и главным мотором процесса преобразований в стране.

* * *

Правительство Моралеса занимает второе место по продолжительности во всей боливийской истории, первое пока у Андреса де Санта Круса (1829–1839). За годы своего правления Моралес попытался дать жизнь проекту антилиберального государства, что было решительным разрывом с прошлым, сравнимым с Национальной революцией 1952 г. Цель Моралеса – это

⁸² Губернатором Ла-Паса стал бывший министр Моралеса, перешедший в оппозицию, Феликс Патци («Партия третья система»). В Эль-Альто победила молодая политик Соледад Чапелтон из партии Национальное единство Дории Медины, мэром Ла-Паса был избран Луис Равилья из партии Sol.bo, которая возникла из «Движения без страха», утратившего право участия в выборах (получив меньше 3% голосов на выборах 2014 г.).

проведение политики экономического развития и социального включения в этот процесс как можно более широких слоев населения. Хотя его критики утверждают, что не было проведено структурных реформ, а страна по-прежнему зависит от доходов, которые дает экспорт сырья.

Несмотря на неоднозначные результаты правления в различных сферах, политический процесс, начатый в 2005 г., означал глубокие изменения в самоощущении боливийцев своей собственной страны. В эти годы произошла смена политических и общественных действующих лиц, заметны результаты усилившейся социальной мобильности, изменений этносоциальных иерархий и отношений к власти в процессе строительства боливийского государства-нации. Эта глава, как и вся история, остается незавершенной.

Часть IX

КУЛЬТУРА И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА БОЛИВИИ

Глава 26

КУЛЬТУРА БОЛИВИИ

Один из крупнейших современных культурологов, североамериканский этнолог Лесли Уайт писал: «Человек уникален: он единственный из живых видов обладает культурой. Под культурой мы понимаем внетелесный временной континуум предметов и явлений, который возникает из способности человека к символизации. Говоря более определенно и конкретно, культура состоит из орудий труда, приспособлений, утвари, одежды, украшений, обычаев, институтов, верований, обрядов, игр, языка, произведений искусства и т. д.»¹. Исходя из этого определения, совершим экскурс в боливийскую культуру и рассмотрим ее основные этапы от седой древности страны Кольясуйю и до наших дней.

Культура любой страны начинается с мифов. Миф, как коллективная память народа, важнейший элемент для реконструкции далекого прошлого. Один из них, рассказывающий об истории сотворения Боливии, дошел до наших дней. «В самые древние времена земля была погружена во тьму. Потом из озера под названием Кольясуйю (оз. Титикака в современной Боливии) возник бог Кон-Тики Виракоча, который привел с собой нескольких людей. Потом... создал Солнце (Инти), Луну и звезды, чтобы осветить мир. От Инти происходит Великий Инка, император Тауантинсуйю». Из больших скал Виракоча создал новых людей, в том числе женщин, которые уже были беременны. Потом разослал людей на все стороны света. При себе он оставил мужчину и женщину, которые обитали в Куско, «центре мира»².

Благодаря мифам мы имеем некоторую информацию и о территориях, занимаемых впоследствии империей инков. Причем практически все мифы, в которых упоминается только Перу, имели и самое непосредственное отношение к Боливии, называвшейся в течение всей колониальной эпохи Верхним Перу. Инкский миф о потопах гласил:

«Некогда был период, называвшийся Пачачама, когда человечество стало жестоким, диким и кровожадным. Люди творили все, что им вздумается, и ничего не боя-

© Е.А. Ларин

¹ Уайт Лесли. Избранное: Эволюция культуры. М., 2004. С. 51.

² Бирлайн Джон Френсис. Параллельная мифология. М., 1996. С. 78.

лись. Они были так заняты войнами и воровством, что совершенно забыли о богах. Единственной частью земли, не затронутой упадком, оставались высокие Анды.

На нагорьях Перу жили два праведных брата-пастуха. Однажды они заметили, что их ламы как-то странно себя ведут. Ламы перестали есть и ночи напролет печально глядели на звезды. Когда братья спросили у лам, что происходит, те ответили, что звезды сказали им о приближении великого наводнения, которое уничтожит все живое на земле.

Братья со своими семьями решили укрыться в пещерах самых высоких гор. Они взяли с собой стада, вошли в пещеру, и начался дождь. Он продолжался много месяцев. Глядя вниз с горы, братья понимали, что ламы правы: весь мир погибал. Братья слышали крики несчастных, умиравших внизу. Горы же волшебным образом становились все выше и выше, по мере того как поднималась вода. И все же через некоторое время воды стали плескаться у самого входа в пещеру. Но тогда горы сделались еще выше.

Однажды братья увидели, что дождь прекратился и воды отхлынули. Инти, солнечный бог, появился на небесах и улыбнулся, и вся вода испарилась. Пища, которой запаслись братья, как раз подходила к концу; братья выглянули вниз и увидели, что земля высохла. Горы снова уменьшились до первоначальной высоты, и пастухи со своими семьями спустились вниз и возродили человечество.

С тех пор люди по-прежнему живут повсеместно; ламы же никак не могут забыть о потопах и предпочитают селиться в нагорьях³.

Цивилизация инков существовала с 1200 до 1532 г. Обожествление Солнца – явление, распространенное во многих уголках земного шара, но инки превзошли в этом все племена и народы, назвав себя «сыновьями Солнца». Изображение светила в виде золотого диска с человеческим лицом служило предметом официального культа. С именем Солнца связаны и две наиболее известные легенды об основании империи инков.

Когда-то из оз. Титикака вышли супруги (они же – брат и сестра) Манко Капак и Мама Окльо. От своего отца Солнца они получили волшебный золотой жезл. Этот жезл должен был указать им, где следует основать город и страну. Долгими и трудными были их поиски. Жезл не реагировал ни на горы, ни на долины, но в один прекрасный день на холме Уананкауэ он вдруг ушел в землю. Так и возникла столица империи инков Куско.

Другая легенда рассказывает о том, как из пещеры, имевшей четыре окна, вышли четыре пары мужчин и женщин. Мужчины были братьями Айар. Все они решили идти за Солнцем. Трудности неведомого пути не пугали их, так же как и сражения с воинственными племенами, встреченными по дороге. Однако после очередной битвы уцелели лишь Айар Манко и его жена Мама Окльо; остальные или погибли, или превратились в камни. Эта единственная пара дошла до Куско (что означает «пуп» или «сердце») и там основала империю.

Оз. Титикака непосредственно связано с рождением Солнца. Индейцы-аймара, жившие с глубокой древности в окрестностях этого озера, верили в то, что бог-творец Виракоча, или Тонапа, появился на земле из храмов озера и создал Солнце и другие небесные светила. Виракоча – загадочный «белый» бог – высокий, сильный, одетый во все белое. Он решителен и всемогущ. Когда этот бог появился в Андах впервые, люди встретили его весьма враж-

³ Бирлайн Джон Френсис. Указ. соч. С. 141.

дебно, и, чтобы его признали богом, ему пришлось даже призвать с неба огонь и «зажечь гору», отсюда, видимо, и происходит другая интерпретация имени Виракочи – Лавовое озеро. Не случайно храм Виракочи находился у подножия потухшего вулкана, в долине Уилькамайо.

Весьма почитался также бог огня Пачакамак, заново оживлявший все, что было создано, а затем погибло по тем или иным причинам. Среди инкских богов первой величины выделяются Часка (Венера), Чукуилья (богиня молнии), Ильяна (бог грома), Пачамама (богиня плодородия), Килья (богиня Луны, сестра и жена Солнца, покровительница замужних женщин) и Кон (бог шума).

Верховный Инка (император) признавался потомком Солнца. Примечательно, что в состав императорской семьи помимо жен и детей официально входил и Верховный Жрец (Вильяк Уму). Тем самым подчеркивалось божественное происхождение последнего.

Инкский календарный год строился по аграрно-религиозному принципу. Он начинался в декабре с одного из самых важных праздников – Капак Райми. Шестой месяц (май) посвящался кукурузе и славился традиционным праздником Айморайем. В следующем месяце инки с большим размахом чествовали своего самого важного бога – Солнце. В день праздника Инти Райми солнечные лучи собирались вогнутым зеркалом, и с его помощью зажигался священный огонь. Фактически в солнечные тона были окрашены все праздники инков. В сентябре отмечался праздник урожая Ситуа, когда чествовали Луну и Койю – жену-королеву, главную из многочисленных жен Верховного Инки. Это были дни очищения. До блеска отмывались улицы и дома, толпы людей с идолами и мумиями предков собирались около храмов и умоляли богов избавить их от всех болезней, от всех напастей, причиненных землей, ветром, радугой.

Религиозные представления находили отображение и в названии месяцев: Капак Райми – праздник императора (декабрь); Самай Килья – месяц отдыха (январь); Койя Райми – праздник «королевы» (сентябрь) и т. д. Очень необычным, по крайней мере на современный взгляд, был Айя Маркай Килья – месяц извлечения из могил усопших (ноябрь). В эти дни останки умерших извлекались на поверхность. Их наряжали в лучшие одежды, черепа украшали перьями и вместе с предназначавшимися им едой и напитками представляли в самых людных местах. Повсюду звучали песни, водились хороводы, так как инки считали, что вместе с ними пляшут и поют их предки. Затем останки клали на носилки и носили из дома в дом. В конце этих ритуальных торжеств, прежде чем снова предать мертвых земле, в погребения знатных усопших ставили золотые и серебряные блюда с пищей, а в могилы простого люда – посуду посромнее.

Инки считали, что после смерти у каждого человека будет своя судьба – добродетельные окажутся вместе с Солнцем на небе, где их ждет изобилие и жизнь, практически не отличающаяся от земной. Грешники же попадут под землю, в преисподнюю, где голодно, холодно и нет ничего, кроме камней. А те молодые люди, которым выпала высокая честь принести себя в жертву Солнцу ради благополучия всех, естественно, принадлежат к самым добродетельным. Они, защитив своих соплеменников от дьявольских сил, попадают прямо в царство Солнца.

В своих космогонических представлениях инки отводили главное место творцу всего сущего – Виракоче, который создал вселенную из воды, земли и огня. Мир инки делили на три уровня: верхний (Ханан пача), средний (Кай пача) и нижний (Уку пача). Первый – это не что иное, как небеса, второй – мир людей, животных и растений, третий – преисподняя, куда отправляются умершие и где находятся те, кто должен родиться.

Верховный Инка являлся своего рода посредником между Ханан пачей и Кай пачей. Его считали бессмертным, и даже перестав существовать физически, Верховный Инка не умирал, продолжая оказывать влияние на жизнь людей.

В отличие от других индейских религий и культур инки не имели концепции периодического обновления мира, хотя и верили, что потоп, уничтожив одно поколение людей («диких людей»), подготовил почву для появления другого поколения – «воинов».

Инкам были присущи обожествление зверей, птиц, растений и поклонение некоторым пресмыкающимся и земноводным. В число священных животных входили лиса, медведь, пума, кондор, голубь, сокол, змея, жаба и др. Имелся в инкской мифологии и образ дьявола – олицетворение всего того, что презирилось инками. Дьявол-Супай во всем старался противостоять богам и стремился причинить как можно больше вреда людям. И конечно же, он мешал выполнять главные заветы, по которым жили инки: «ама суа» – «не воруй», «ама льюлья» – «не бездельничай» и «ама келья» – «не лги». Но что мог предпринять даже самый искушенный дьявол против такого великого бога, как Инти-Солнце!

Тиауанако

Тиауанако – духовный и политический центр андской цивилизации. Это самый высокогорный на земле религиозный центр древнего мира и поселение боливийских индейцев, расположенное на высоте 3820 м. Люди жили в нем вплоть до IX в. и внезапно покинули по неизвестным до сих пор причинам. Любопытно, что раньше селение находилось на берегу оз. Титикака, однако затем вода отступила примерно на 15–16 км, при том глубина озера увеличилась на 240 м. Тем не менее в водах озера сохранилось достаточное количество материальных свидетельств далекого прошлого. Исследования, проведенные в 2001 г. итальянскими археологами в глубинах Титикаки, показали, что на его дне находится огромный храм площадью 200 м на 49 м, а также терраса для выращивания сельскохозяйственных культур, дорога и стена длиной в 790 м. Судя по всему, эти находки далеко не последние⁴.

Неподалеку от Тиауанако находится другой культовый центр – Пума Пунку. Его история и значение пока порождают больше вопросов, нежели ответов. И, наверное, самый главный вопрос, который появляется при анализе всех древнейших цивилизаций на планете: каким образом люди в те далекие времена перемещали на большие расстояния, на 10–12 км, огромные каменные глыбы весом от 30 до 130 т, как это имело место в Пума Пунку?

⁴ Спенсер Джон и Энн. Мистические и священные города мира. М., 2004. С. 342.

Прибывшие в Тиауанако в XII в. инки были поражены великолепием этого города, его массивными каменными стенами, огромными статуями богов. В строительстве города впервые использовался металл. Впечатляла пирамида Акапана, высота которой составляла 15 м, а длина одной из сторон ее основания – 152 м⁵. Пирамида подчеркивала сакральную связь Тиауанако с верховной властью и с богами. Впрочем, политические функции этого центра ставятся под сомнение отдельными исследователями. Украшение города – сохранившиеся до сих пор «Ворота Солнца» – выдающееся произведение древней архитектуры.

До сих пор остается дискуссионным вопрос о дате основания Тиауанако. Хронологический диапазон его существования от 300 г. н.э. по радиоуглеродному методу определения времени до смелой и оригинальной по своей научной значимости гипотезы австрийца Артура Познанского (1873–1946), переехавшего в конце XIX в. в Боливию. Он считал, что данный центр был создан в конце последнего оледенения, т.е. примерно в 15–12 тысячелетии до н.э. При этом, исходя из того, что оледенение не коснулось экваториальных районов Американского континента, он определял дату основания Тиауанако – 15 тысячелетие до н.э.⁶ Одним из его главных аргументов является наличие среди различных изображений, вырезанных на «Воротах Солнца», изображения токсодонта, млекопитающего, вымершего около 11 тыс. лет назад⁷.

Идеи Познанского нашли отражение в его книге «Предисторическая Метрополия Южной Америки», опубликованной в 1914 г. В 1945 г. эта книга была переиздана на английском языке под названием «Тиауанако – колыбель американского человека». Познанский считал, что город был уничтожен природным катаклизмом около 10 тысячелетия до н.э. Различные источники, фиксирующие земные катастрофы, подтверждают этот вывод. Действительно, в XI тысячелетии до н.э. в районе Тиауанако имели место землетрясение, извержение вулкана и наводнение. Именно мощные водяные потоки, на взгляд Познанского, и уничтожили Тиауанако. Правда, в целом его гипотеза о далекой древности этого центра, как и версия аргентинского археолога Ф. Амехино о том, что Новый Свет являлся одним из центров появления первого человека на Земле, возникшая в то же самое время, имеет немного сторонников в научном мире. Тем не менее трудно не согласиться с Познанским в том, что Тиауанако был одним из самых древних городов Нового Света, а порой может даже и весьма значимым, что подтверждают дошедшие до наших дней различного рода архитектурные свидетельства той эпохи, о которых говорилось выше. Его влияние, согласно археологическим данным, распространялось на обширные территории, занимаемые сегодня Боливией, Чили и северо-западной Аргентиной.

Помимо архитектуры в Кольясуйю была развита резьба по камню, о чем свидетельствуют выбитые на «Воротах Солнца» изображения многочисленных видов местной фауны. Исполнительское мастерство резчиков по камню подтверждает оценки хронистов XVI–XVII вв. и о высоком уровне древних живописцев. Важнейшим элементом культуры Кольясуйю была поэзия. та-

⁵ Спенсер Джон и Энн. Указ. соч. С. 341.

⁶ Коттрелл М. Белые божества инков. М., 2002. С. 113.

⁷ Джеймс П., Торп Н. Тайны древних цивилизаций / Пер. с англ. М., 2001. С. 241.

кие ее жанры, как гимны – песнопения *хайльи*, «исторические песни *таки*, элегическая *уанка*, лирические *арави*»⁸. Религиозные мифы и легенды, произведения исторического эпоса и со сказочными сюжетами представляли прозу. В целом культура Кольясуйю органично входила в многоликую андскую культуру, типологическое единство которой неоднократно подчеркивал знаменитый перуанский археолог Хулио С. Тельо.

Культура и образование в колониальную эпоху

Начало тридцатых годов XVI в. отмечено в истории андских стран, в том числе и Боливии, крупнейшим цивилизационным разрывом, связанным с испанской конкистой. Она привела к глубоким переменам во всех сферах жизни. Одной из главных, доминирующих тенденций стало стремление конкистадоров к насильственному обновлению религиозных верований и многих элементов культуры. Складывание целостной цивилизационной общности в Новом Свете – сложный этносоциальный и историко-культурный процесс. В конце XX в. об этом очень точно написал выдающийся колумбийский историк Х. Арсиньегас.

«Участники конкисты жестоки, жаждут подвига, кровавы, скромного происхождения и даже простодушны... Испанец индейца не слышит, не понимает. Он его подавляет. В конце концов он не знает, что аборигены думают, что чувствуют, о чем мечтают. Он считает индейца зверем, сомневается, есть ли у него душа, но уверен, что тот, подобно животному, имеет свою стоимость и поэтому относится к нему как к животному: эксплуатирует его, убивает. Действуя таким образом, нельзя постичь внутренний мир ни одного человека, тем более молчаливого и загадочного индейца, удивительно странного для недавно прибывших на континент людей. Индеец же, наоборот, отнюдь не нуждается в посредниках, чтобы открыть душу европейца. Европейец разговаривает даже локтями, не скрывает ни своих амбиций, ни своих замыслов. Испанец прибыл из Старого Света, где жизнь в 1500-х годах развивалась значительно быстрее, где исторический опыт богаче и разнообразнее. Его история была сложнее, контакты плодотворнее. Все это определяет и слова, и поступки испанца, а индеец вдоволь может анализировать его. В свою очередь, индеец то немногое, что он имеет, прячет каждый раз все глубже и глубже, а то многое, что знает, концентрирует в своей душе и закрывает ее наглухо».

Подобный диалог «глухих» продолжался весь XVI в. В следующем столетии ситуация существенно меняется, в первую очередь в том плане, что теперь креолы наряду с индейцами связывают свою судьбу и будущее своих детей прежде всего с Американским континентом. Первые давно уже не ставят превыше всего ценности «матери-родины», вторые, образно говоря, перестали быть ацтеками, инками, чибча-муисками, перейдя на основании испанских законов в категорию «индейцев». Все они, по словам Арсиньегаса, становятся детьми новых обстоятельств. Несмотря на вопиющее социальное неравенство, тех и других в какой-то мере сближают общая религия и общий язык⁹.

⁸ Культура Латинской Америки. Энциклопедия. М., 2000. С. 2002.

⁹ Arciniegas G. Este pueblo de América. México, 1945. P. 103–104.

Эти процессы, связанные с ломкой традиционных ценностей индейцев и их логическим противостоянием, нашли отражение в исследовании английского антрополога Оливии Харрис «Время в религиозности аймара: бог и инка». Справедливости ради следует отметить, что ее реконструкция индейских образов опиралась как на документы XVI в., так и на современные социологические опросы индейского населения Боливии, той его части, которая на протяжении веков сохраняла интерес к национальной истории и стала своеобразной хранилищем ее фольклора и исторического эпоса.

Вторжение европейцев, казавшееся многим на Американском континенте приближением апокалипсического финала, заставило индейцев попытаться оценить свое прошлое, настоящее и будущее. Эти оценки вначале связывались с солнцем. Первые люди на земле, которых на этой земле называли чупьпас, жили в полутьме. Светившее им солнце теперь называют луной. Как только возшло настоящее солнце, люди лишились сил¹⁰. В чем же причина таких неожиданных перемен: в колоссальной ли мощности нового светила или в необузданной фантазии чупьпас? Прежде всего в символике всего того, что индейцы связывали с солнцем, преклоняясь перед его необъяснимым всемогуществом и посвящая ему свои самые глубокие религиозные чувства.

Теперь, увидев чудеса европейского оружия и закованных в латы конкистадоров, индейцы начали создавать образ мира, в основе которого лежали не традиционные, а новые для него формы и реалии. Например, некоторые считали, что в будущем люди будут иметь крылья, что их станет в корне отличать от сегодняшних людей, которые ходят по земле, и от прошлых, которые находятся под землей. Появился новый взгляд и на проблему питания и драгоценных металлов. Во времена чупьпас человек мог беспрепятственно пользоваться едой, одеждой, золотом и серебром. В настоящее время люди должны трудиться, обрабатывать землю и добывать металлы, а в будущем «новое человечество» не будет обрабатывать ничего, так как все необходимое оно сможет купить за деньги¹¹.

Правда, О. Харрис считает такую точку зрения «одной из», причем далеко не определяющей. В основном же, на ее взгляд, большинство индейцев склонялось к двум вариантам: или к возврату прошлого в его неизменном состоянии, или к синтезу прошлого и настоящего, что в конечном итоге и подтвердилось.

Неожиданным оказался образ Инки: «Король Инка умер, когда возшло солнце. У него были рога...»¹². В этой фразе читателя могут озадачить прежде всего «рога» Инки. Речь идет о рогах быка, или дьявола, или это – рога, украшавшие античных героев? – ставит вопрос автор и оставляет его без ответа. Видимо, истину надо искать прежде всего в индейской мифологии и в индейском фольклоре. Рога у мексиканских индейцев, например, – символ здоровья и счастья. Рогатая ящерица является эмблемой штата Техас. В то же время в андских широтах, в частности в Перу, такая фраза как «salir, o irse,

¹⁰ Harris Olivia. El Tiempo en la religiosidad aymara: Dios y el Inca // Iglesia, religion y sociedad en la historia latinoamericana (1492 – 1945). Congreso VIII de Asociaciación de Historiadores Latinoamericanistas de Europa. Seged, 1989. T. 2. P. 207.

¹¹ Ibid. P. 209.

¹² Ibid. P. 215.

por un sueno» (уйти, или удалиться из-за рога) означает неудачное завершение какого-либо начинания. По всей вероятности, такой исход и имелся в виду в этой информации.

Тема «Инка во времени» естественно не была закрыта данным эпизодом. Это всего лишь одна из версий. Автор считает, что наиболее распространенным представлением у индейцев является убежденность в том, что Инка был значительно старше народа чульпас, и что он жил уже тогда, когда «возник наш мир», и что именно благодаря ему возникло солнце (*tata suvirana puriyi*), и что он был крещен в реке (*riy inca ria awila umacata bautisatavi siva*). Некоторые индейские предания полагают, что после того как солнце уничтожило всех чульпас, именно Инка вновь воссоздал их и определил их место под солнцем. Инки настолько дорожили своей уникальностью, что сын Инки, наследник престола, обязан был жениться на своей сестре ради чистоты крови¹³.

Индейцы отводили Инке важное место в формировании культуры, подчеркивая огромную разницу в характере предкультурной и культурной эпох. Инка стал культивировать маис и пшеницу и научил этому индейцев. В наибольшей степени Инка проявил себя в строительстве зданий, различных платформ и оросительных каналов, демонстрируя большую силу и находчивость в передвижении огромных каменных глыб. Он также метал тяжелые камни с помощью пращи.

В данном исследовании говорится и о том, что Инка умел писать, используя для этого перья кур¹⁴. К сожалению, Оливия Харрис не сообщает о каком письме идет речь. Проблема письменности инков в течение нескольких веков сводилась в мировой историографии главным образом к узелковому письму – кипу. Один из крупнейших европейских знатоков инкской истории и культуры чешский историк Милослав Стингл, оспаривая правомерность такой трактовки, писал: «Древнеперуанское кипу было великолепным средством учета и статистики. Оно оправдало себя в народном хозяйстве, административной и хозяйственной жизни империи. Оно также было и прекрасным, оригинальным мнемотехническим пособием. И все же его никак нельзя считать подлинным видом письменности. Вот почему вряд ли правомерно переводить кечуанское слово “кипу” с помощью весьма распространенного эквивалента “узелковое письмо”»¹⁵.

А можно ли говорить о каком-то другом виде письменности? – задает вопрос Стингл и дает ответ в виде трех версий: «Во-первых, можно коротко сказать: “Да, они знали письменность”. Или столь же логично: “Нет, они не знали письменности”. Однако возможен и третий, менее привычный ответ: “Инкам была известна письменность, однако она очень сильно отличалась от того, что привыкли считать письменностью первые европейцы, прибывшие в Америку. Просто-напросто европейцы не сумели распознать, понять письменность перуанских индейцев”»¹⁶. И добавим от себя: «а по всей вероятности и жителей Колясуй».

¹³ Valcarcel Daniel. Historia de la educación incáica. Lima, 1961. T. 1. P. 72.

¹⁴ Harris Olivia. Op. cit. T. 2. P. 216.

¹⁵ Стингл М. Государство инков. Слава и смерть «сыновей солнца». М., 1986. С.188.

¹⁶ Ibid.

Одной из форм такой письменности, на взгляд Стингла, была пиктографическая письменность, «рисованная история» наподобие ацтекских и майяских кодексов. По свидетельству известного хрониста Сармьенто де Гамбоа, отличавшегося от многих своих коллег исключительной точностью и принципиальностью при подборке фактов, в национальном храме империи Кориكانче по приказу инки Пачакути были размещены большие полотна в золотых рамах. На них и была воссоздана значительная часть истории инков. По требованию того же инки «рисованная история» охранялась с особой тщательностью, однако во время завоевания Перу испанцами были уничтожены эти бесценные свидетельства культуры андских народов.

Эти свидетельства не убедили научное сообщество, и до 1970 г. «официальной» точкой зрения ученого мира было убеждение, что цивилизация инков не имела другой формы письменности, кроме узелкового письма – кипу. В 1970 г. в Лиме состоялся XXXIX международный конгресс американистов, на котором германский ученый Томас Бартель подтвердил наличие в древнем Перу письменности¹⁷.

По мнению Стингла, о существовании традиционной формы письма свидетельствует наличие специального слова на кечуа для его обозначения – «килька» («келька») и производных от него слов «писарь» – «килькамайок» и писать – «кильканги»¹⁸. Подобное письмо чаще всего реализовывалось на тканях. Наибольший вклад в исследование этой письменности внесла перуанская исследовательница Виктория де ла Хара, установившая, что на тканях андских индейцев чаще всего повторяются 16 основных знаков. Она впервые высказала идею, что эти изображения являются знаками письменности. В дальнейшем данная идея стала отправной в исследованиях Томаса Бартеля, сумевшего с помощью упомянутых знаков прочесть на так называемом «плаще» Виракочи имя этого бога-творца¹⁹.

Первоначально многие из отмеченных выше аспектов культурной жизни осуществлялись в столице империи Куско, которая была подлинным центром империи. Крупнейший перуанский хронист Инка Гарсиласо де ла Вега (1539–1616) привел в своем труде «Подлинные комментарии инков» описание этого города испанским хронистом Педро де Сьеса де Леоном: «сколько в этом городе живет людей, выходцев из других городов и территорий: индейцы из Чили, Пасто, Каньярес, Чачапойяс, Гуанкас, Кольяс!.. Они хранят традиции своих отцов, обрабатывают землю. И хотя их всех вместе *сто тысяч* (выделено мною. – Е.Л.), их легко можно отличить друг от друга по специальной метке на голове»²⁰. Таким образом, мы можем констатировать исторический факт постоянной сопричастности боливийских индейцев, индейцев кольяс, со всеми свершениями в культурной жизни империи, а следовательно, и возможном использовании ими всех новаций в этой области и на земле своих предков.

¹⁷ Подробнее см.: *Hernán Horna. La Indianidad antes de la Independencia Latinoamericana*. Uppsala, 1999, P. 65–68.

¹⁸ Стингл М. Указ. соч. С. 189.

¹⁹ Там же. С. 190.

²⁰ *Inca Garcilaso de la Vega. Comentarios reales de los Incas*. Biblioteca Ayacucho. Boleíta, 1976. T. 2. P. 104.

В Куско имелся специальный район – Йача Уаси, где находились дома знаний, иногда именовавшиеся школами. Там проживали мыслители и учителя. По традиции их называли амаута – философ и барáуек – поэт. Все они были очень уважаемы Верховными Инками и известны во всей империи. У них было много учеников, в основном королевских кровей²¹.

Главной особенностью историко-культурного синтеза в вице-королевстве Перу в колониальную эпоху явилось то, что духовная жизнь общества теперь определялась как европейскими, так и автохтонными ценностями. Они реализовывались и преумножались в народной культуре индейцев. Среди них сохранившийся в их сознании «миф о Пачакути», символизирующий собой движущееся по кругу время, бесконечную повторяемость всех форм во Вселенной, в том числе и в таком ее проявлении, как человеческое бытие. Согласно этому мифу, два раза в тысячелетие, каждые 500 лет, Пачакути приходит на землю, и тогда все вещи возвращаются к бывшему перед прошлым приходом порядку.

Нашествие испанцев на их землю олицетворялось в сознании индейцев с очередным явлением Пачакути, а созданный на этот раз якобы по его воле «миф наоборот» рассматривался ими некоторое время как закономерный результат его очередного визита. Теперь индейцы с нетерпением ожидали в своих широтах появление белого Бога Виракочи. Как ни вспомнить в этой связи аналогичную реакцию индейцев Новой Испании и ожидание новой встречи с Кецалькоатлем.

В плену у этой иллюзии оказались и известные хронисты. Сьеса де Леон, Поло де Ондегардо и Хосе де Акоста называли испанцев детьми неба, божественными людьми, виракочами. Еще более неожидан был вывод Гуамана Помы де Айялы, назвавшего европейцев предками инков. Такая реакция стала весьма благоприятной для проведения испанцами своей культурной политики и евангелизации индейцев. Тем не менее многие из сложившихся традиций оставались неизменными. Населению прежнего Колясуйо удалось сохранить свой язык, присущую ему самобытность, обычаи и хозяйственный уклад.

Проблемы транскulturации в наибольшей степени проявились в системе образования. Английскому ученому Филипу Бэгби, автору одного из самых авторитетных исследований по проблемам цивилизаций «Культура и история», принадлежит весьма оригинальное определение цивилизации, с которым трудно не согласиться – «цивилизация – это культура в городах». Если исходить из этого критерия, то цивилизационный синтез начальной фазы развития Верхнего Перу на базе слияния европейских и автохтонных историко-культурных ценностей приходится на XVI в. начиная с тридцатых годов. В этот период в Верхнем Перу была основана целая серия городов: Чаркас (Сукре) – 1538 г., Потоси (1545), Ла-Пас (1548), Кочабамба и Тариха (1574), Санта-Крус (1595). Больше того, в XVII в. Потоси был самым большим городом на Американском континенте по количеству населения – 114 тыс. человек²².

²¹ Ibid. P. 106, 107.

²² *Henríquez Ureña Pedro. Historia de la cultura en la América hispánica. La Habana, 1977. P. 39.*

В этом же веке Испания начинает реализовывать в Новом Свете свою фактически «культурную революцию», выражавшуюся в создании школ, колледжей и университетов. Этот перечень следует расширить за счет семинарий, а также колледжей для касиков, т.е. для индейской знати. Доминирующим языком стал испанский, хотя в некоторых колледжах, а тем более университетах преподавание велось на латинском языке, а в отдельных школах — на индейских языках. В 1624 г. в Чаркас орденом иезуитов был основан Университет Сан Франсиско Хавьера. Он стал одним из старейших в Испанской Америке и больше чем на столетие опередил появление первого университета в России.

Первоначально в университете действовали факультеты теологии, юриспруденции, канонического права и искусств, где одним из основных предметов была философия. Он курировался испанским университетом г. Саламанки, который был в то время одним из лучших в Европе. В учебном процессе уделялось большое внимание изучению кечуа и аймара. Принцип «для аборигена лучшая латынь — его родной язык» неукоснительно выполнялся. Во всех городах были созданы колледжи для юношей, главной задачей которых была их подготовка в университет и для работы в начальных школах, а в г. Кочабамбе и г. Чукисаке — для девушек, осваивавших «религию и домашнее хозяйство». В школах учили читать, писать, петь, изучать азы грамматики, служить мессу на испанском языке, петь в сопровождении органа. Чаще всего школы существовали при монастырях. Имелась и такая форма обучения, когда отец какого-либо семейства заключал договор с учителем, к которому дети приходили на дом и обучались там. В XVI в. школы в основном были платные. Бесплатное начальное образование стало осуществляться с начала XVII в.

В процессе колонизации Нового Света (прежде всего в начальный период) трудно разрешимой проблемой для испанцев был языковой барьер. С ним столкнулись все европейцы, но в наиболее трудном положении оказались преподаватели всех уровней обучения и священнослужители в ходе эвангелизации индейцев. Поэтому подготовка билингвовых словарей и грамматик стала одной из самых первоочередных задач. В вице-королевстве Перу уже в 1560 г. она была частично решена. В течение этого года вышли две книги монаха ордена доминиканцев Доминго де Санто Томаса «Грамматика, или Искусство основного языка индейцев королевства Перу» и «Лексикон, или Словарь основного языка Перу, именуемого кичуа».

В 1607 г. свой вклад в освоение кечуа внесли иезуиты. Книга члена этого Ордена Диего Гонсалеса Ольгина, видимо, для придания ей особой значимости имела название почти на половину титульного листа — «Грамматика и новое искусство основного языка всего Перу, именуемого кичуа, или языка Инки, дополненная всем тем, чего ей не хватало от времени и от грамматики». Через год в Лиме был опубликован его же «Словарь основного языка кечуа, или Язык Инки».

Стоит также отметить издание в 1612 г. словаря языка аймара, автором которого был иезуит Лудовико Бертонио. Вскоре были изданы словари юнга, мочика и других индейских языков вице-королевства Перу.

Литературное творчество в Верхнем Перу в XVI–XVII вв. развивалось в основном за счет приезжих европейцев, что было по существу обычным

явлением для многих испанских владений в Новом Свете. Ряд европейцев будет впоследствии признан основателями национальных литератур в некоторых странах Латинской Америки, как, например, испанцы Берналь Диас дель Кастильо в Мексике и Алонсо Эрсилья-и-Суньига в Чили. Первой яркой фигурой в этом ряду в Верхнем Перу следует назвать португальского поэта, переводчика произведений Петрарки и Камознша на испанский язык Энрике Гарсеса. В Андах он оказался в 1547 г. и большую часть своего пребывания провел в Верхнем Перу. В 1558 г. открыл в вице-королевстве Перу новое месторождение ртути. Его высоко ценили также как специалиста по организации металлургического производства, однако в наибольшей степени он проявил себя на поэтической стезе. Его переводы Петрарки на испанский язык были первыми в Испанской Америке²³ и положили начало влиянию итальянской поэзии на литературу и культуру Нового Света. Сам Сервантес высоко оценивал не только мастерство перевода Гарсеса, но и его собственные поэтические опыты²⁴. Важное значение для развития боливийской литературы имело и творчество испанских литераторов. В XVII в. там успешно работали монахи из Толедо Дьего де Мендоса, написавший «Хронику провинции Сан Антонио де Чаркас» и севильский поэт Луис де Рибера.

Среди местной интеллигенции следует выделить поэта из Потоси Хуана Собрино и его же земляка историка Бартоломе́ Арсанса Орсуа-и-Велу, опубликовавшего в XVIII столетии свой труд «История имперского города Потоси». Этому центру горнорудной промышленности всей Испанской Америки повезло больше других в Верхнем Перу в отношении внимания хронистов, что неудивительно: долгое время он был для испанской короны, образно говоря, «курицей, несшей золотые яйца». Арсанс писал свою работу в период между 1705 и 1736 гг., когда Потоси оказался в полном упадке, что отнюдь не умаляет достоинств автора, ведь он решил воссоздать всю колониальную, «имперскую», историю города.

Достоинством данного труда является то, что он уже не может считаться хроникой, традиционной формой освещения истории в процессе нескольких веков в Новом Свете, а скорее, предтечей первых исследовательских работ. При подготовке своей «Истории» Арсанс использовал труды Антонио де ла Каланчи, Инки Гарсиласо де ла Веги, Хосе де Акосты, Хуана де Кастьяноса, Франсиско де Кеведо, Гонсало де Ильескаса, Гаспара де Вильяррозля, Маркоса де Гудалахары и др. Помимо свидетельств предшествующих авторов и современников Арсанс использовал в качестве доказательств и свой личный опыт («я видел это своими собственными глазами»). Кроме того, среди его источников оказались наблюдения тех, кто постоянно общался с ним и также являлся свидетелем каких-то событий («они меня уверяли, что это видели»)²⁵. С точки зрения классических канонов историографии, у Арсанса имел место даже избыток малозначительных фактов, который, прав-

²³ Crítica y descolonización. El sujeto colonial en la cultura latinoamericana. Bermúdez – Gallegos M. Diálogos entre texto y contexto: la poesía de Enrique Garcés y sus cartas al virrey. Caracas, 1992. P. 336.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid. P. 493–494.

да, приветствуется в постмодернистской историографии и даже имеет свой собственный термин – «рассказывающая иллюзия» («illusion referencial»).

Определенная «иллюзорность», однако, не помешала автору коснуться целого ряда важных проблем: становления нового характера отношений в Потоси в колониальную эпоху, город и креолы, формирование нового мышления, появление новых символов. Одной из проблем, привлечших внимание автора, стала педерастия, появившаяся в селении Анкоанко, недалеко от Чукьяго (Chuquiago), в зоне оз. Титикака. Католическая церковь отреагировала на это явление отказом обращать индейцев в христианство, оставив там одного священника, который затем покинул Анкоанко. Когда через некоторое время этот падре решил возвратиться в селение, то не увидел его. На месте поселка возникло два маленьких болотца. Мужчины за свой садомский грех были превращены в рыб. Из жителей Анкоанко удалось спастись только десятилетней девочке, названной церковью Пресвятой девой Марией²⁶.

В этом сюжете нашла отражение специфика формирования нового андского мышления (в данном случае Верхнего Перу). Трансформация грехопавших мужеложников в рыб и характер произошедшего около оз. Титикака вполне соответствовали мифологии Колясуйо, где многое определялось волей богов, связанных с водами этого озера. Вместе с тем появилась и новая важнейшая тенденция – проблема евангелизации покоренного населения.

Исключительно важен пассаж и с появлением Пресвятой девы Марии, которая становится своеобразным символом новых трансформаций. Индейская девочка, выжившая после разрушения всего поселка, теперь, обретя новый универсальный образ, олицетворяет собой новую жизнь и должна убедить всех с помощью этого нового имиджа в значимости всего происходящего.

Культура независимой Боливии в XIX веке

Развитие латиноамериканской литературы в XIX в. характеризовалось рядом новых тенденций в области прозы. В предыдущие три столетия в литературах испанских владений Нового Света доминировала поэзия и практически отсутствовал роман. Роман обрел в Латинской Америке право гражданства в первой половине XIX в., в период эпохи романтизма. Она породила такие направления, как исторический роман и особенно костюмбристские и традиционалистские сочинения, отдававшие дань историческим традициям и местному колориту. Эти жанры, особенно два последних, нашли отражение в творчестве боливийских писателей Висенте Г. Кесады, Натаниэля Агирре и Эуфроньо Вискаarra.

Родоначальником боливийского романа является Н. Агирре (1842–1888). Будучи активным и известным политиком, министром, членом национального парламента, он успешно сочетал политическую деятельность с литературным творчеством. Написанный им в конце жизни роман «Хуан де ла Роса» (1885) с подзаголовком «Воспоминания последнего солдата войны за независимость» стал произведением континентального масштаба. Агир-

²⁶ Critica y descolonización... P. 502, 503.

ре был и ярким поэтом. Его перу, в частности, принадлежит поэма «Кубе» («A Cuba»), пронизанная восхищением и солидарностью с борьбой кубинского народа за независимость. В творчестве писателя важное место занимала и драматургия – пьесы «Пророки и мученики» (1865) и «Месть героя» (1869) об освободительной борьбе Перу и Мексики.

Если главный труд Агирре можно классифицировать как исторический роман, то произведения Линдауры Ансоатеги де Камперо «Huallparrimachi», «Нервная женщина» и «Осторожно, ревность» – произведения костюмбристского характера из серии «как живет мой народ».

На поэтической стезе выделялся Рикардо Хосе Бустаменте (1821 – 1884), один из первых поэтов-романтиков в Латинской Америке. В его поэзии нашли отражение «вечные» темы: любовь, семья, религия, природа и отдельные явления сугубо боливийской экзотики. Среди его наиболее известных произведений стихотворения, посвященные дочери Анхелике, композиция, относящаяся ко временам борьбы Испании против арабского завоевания, «Прощание араба с еврейкой после падения Гранады», и «Героическая песнь» – гимн г. Ла-Пас, в котором фактически началась война за независимость Латинской Америки.

Росендо Вильялобос (1859–1940) занимает в боливийской литературе видное место не только благодаря своей поэзии, но и как хороший знаток и в какой-то степени теоретик стихосложения. Наиболее значимые поэтические сборники поэта: «Перелетные птицы» (1889), «Воспоминания сердца» (1890), «Ocios crueles» («Жестокие досуги», 1897), «На пути к забвению» (1907). В арсенале Вильялобоса имелись работы и в области литературной критики.

Предвестницей так называемой «женской поэзии» в Боливии была Адела Самудио (1854 – 1928). Кроме того, известный боливийский литературный критик Аугусто Гусман считал ее и основоположницей боливийского рассказа и сравнивал со знаменитой английской писательницей Элизабет Гаскелл «по стилю и глубокому проникновению в женскую душу»²⁷.

В середине XIX в. начал складываться **боливийский национальный театр**. Первоначально он существенно уступал индейскому театру XVI–XVIII вв. Низкий литературный уровень текстов спектаклей, отсутствие профессионально подготовленных актеров, естественные ошибки периода становления, а главное разрыв исторических традиций, вызванных длительными процессами политической нестабильности, предопределили кризисный период этого важнейшего вида искусства. Основателем национального театра стал поэт-романтик Феликс Рейес Ортис (1828–1883). Открывала первый сезон (1857) написанная им сатирическая пьеса «История одной постановки». Во второй половине XIX в. сформировалась большая группа драматургов (Бенхамин Ленс, Давид Берриос, Каролина Фрейре де Хаймес, Риккардо Мухиа и др.), среди которых, к сожалению для боливийской культуры, не было ни одного подающего большие надежды. Пришлось прибегать к постановке произведений Н. Агирре, соответствовавших практически всем критериям времени.

²⁷ Florea Angel. Narrativa hispanoamericana 1816–1981. Siglo XXI editores. México, 1981. Vol. 2. P. 55.

Конец XIX – начало XX в. – важный период становления музыкальной культуры в стране. В конце столетия в Ла-Пасе было создано «Общество Гайдн», призванное популяризировать в стране классическую музыку. В начале XX в. основаны Военная музыкальная школа (1904) и Национальная консерватория (1908). Выпадающая из этой хронологии, но исключительно важная дата – 1938 г., год создания Национального симфонического оркестра.

Важнейшим компонентом музыкальной культуры Боливии является народная музыка. Музыкально-поэтический фольклор кечуа и аймара в значительной степени дошел до наших дней в своей первозданности и сегодня наряду с памятниками архитектуры напоминает об уникальной древности Кольясуйо и о великой истории инков. Отечественные специалисты по истории древней музыки кечуа и аймара В.Р. Доценко и П.А. Пичугин считают, что между этими музыкально-поэтическими стилями есть существенная разница: музыка аймара «более сурова, сдержана по своему мелодическому облику, ритмически более строга и единообразна, проникнута ярко выраженным пантеистическим мироощущением, и в ней более весом удельный вес чисто инструментальных форм, в то время как музыка кечуа по преимуществу лирическая, эмоционально открытая и, как правило, опирается на поэтический текст, т.е. является прежде всего вокальной музыкой»²⁸.

Часть индейских песен также восходят к седой древности, к инкским священным гимнам хайльи. Также доиспанского происхождения большая часть индейских танцев Боливии. Таким образом, музыкальное искусство Боливии не только облагораживает, но и просвещает, открывает как важнейший исторический источник далекий мир древних кольяс: их ритмы, танцевальные па, характер отношений мужчины и женщины.

Боливийское изобразительное искусство прошло сложный путь становления. В колониальный период во многом были утрачены те бесспорные достижения, которыми могли гордиться индейцы Тиауанаку. В составе вице-королевства Перу и вице-королевства Рио де ла Плата Верхнее Перу чаще всего оказывалось на положении забытой богом провинции. В XVI в. редкие контакты с представителями европейской культуры болезненно сказывались на возможностях развития живописи и скульптуры. Ситуация во многом изменилась, когда в конце XVI – начале XVII в. в регионе нахождения Боливии и Парагвая появились иезуиты. Именно иезуит-итальянец Бернардо Битти, оказавшийся в районе оз. Титикака с иезуитской миссией в середине 80-х годов XVI в., считается родоначальником боливийской живописи. Со временем сложились две художественные школы, имевшие в вице-королевстве Перу самое непосредственное отношение к Верхнему Перу и располагавшиеся в Потоси и Куско.

Как правило, художники, скульпторы и архитекторы Испанской Америки имели огромную практику в колониальный период. Она заключалась в создании и украшении католических церквей и монастырей, официальных зданий и дворцов, домов высших колониальных чиновников и клириков, а также персональных портретов многих из них. Именно в этом прежде всего заключался прикладной характер отмеченных выше видов искусства. Некоторые из этих произведений отличались высоким уровнем исполнения, поз-

---

²⁸ Культура Латинской Америки. Энциклопедия. С. 210.

волившим их создателям увековечить свое имя в истории культуры. Среди них отметим художников Хуана Эспиносу де лос Монтероса (Куско, XVII в.) и Мельчора Переса де Ольгина (1665 – 1724), которого отдельные критики считают учеником Бартоломе Естебана Мурильо и одним из самых выдающихся художников Боливии.

Весьма своеобразные метаморфозы претерпела в колониальный период боливийская скульптура. Сохранившаяся со времен Тиауанаку традиционная форма резьбы по дереву – ретабло испытало сильное влияние метисного барокко. Всесторонне анализировавшая процессы художественного обновления в Боливии в колониальную и современную эпохи отечественный исследователь Н.А. Шелешнева-Солодовникова отмечала следующим образом характер влияния метисного барокко: «Порталы церквей и частных домов... изобилуют резьбой, в которой соединены христианская, индейская, а подчас и мусульманская символика, геометрический и растительный орнаменты, антропоморфные фигуры. Круглая скульптура встречалась в оформлении фасадов редко (статуя архангела Михаила работы Кондори на портале церкви Сан Лоренсо, Потоси). Деревянные круглые статуи делались в основном для религиозных процессий во время католических праздников»²⁹.

Век независимости привнес в национальную живопись и скульптуру костюмбризм и академизм. Каждое из этих течений, исходя из их универсальности, вкупе с индихенизмом стало необходимой фазой для развития национальной культуры. В конце XIX в. в стране появились в этой сфере искусства свои лидеры-художники: Хосе Гарсия Месса, Авелино Ногалес и С. Итурральде, поставившие на профессиональной основе вопрос о формировании национальной живописи и скульптуры.

Индихенизм и модернизм: новые тенденции в развитии культуры

В двадцатое столетие латиноамериканское общество вступило, существенно укрепив свою духовную независимость. В науке, в различных сферах культуры появились собственные ученые, мыслители, общенациональные лидеры. В творчестве постепенно исчезало и сошло на нет подражание некоторым далеко не лучшим образцам испанской культуры, порой имевшее место в колониальную эпоху и в период становления независимых государств. Конечно, речь идет только о бесплодной имитации, органическое же влияние этой богатейшей культуры и в XX в. оказалось весьма плодотворным. Не случайно, говоря об основных составляющих своего творчества, известный перуанский поэт Хосе Сантос Чокано (1875–1934) объединил их в краткую, но весьма выразительную формулу: испанская кровь и инкская пульсация.

В XIX в. было положено начало поискам национальных корней в духовной сфере всех стран Иberoамерики. Новое столетие придало еще больший импульс этому процессу.

Течение индихенизм получило название от испанского слова *indígena* (индеец). Основная задача этого течения состояла в том, чтобы пересмотреть

²⁹ Культура Латинской Америки. Энциклопедия. С. 209.

реть сложившиеся в историографии стереотипы, связанные с недооценкой роли древних индейских культур и самих индейцев в истории Американского континента. Оно получило распространение в странах с высоким процентом индейского населения (Перу, Боливия, Эквадор, Мексика, Гватемала), особенно в первых двух.

Выдающийся латиноамериканский мыслитель Хосе Карлос Мариатеги (1894–1930) всесторонне изучил эту проблему в своем труде «Семь очерков истолкования перуанской действительности» (1928). Он считал ее центральной и для понимания исторической эволюции Перу, и для анализа национальной истории в XX в., видя корни этого явления прежде всего в экономике, в системе землевладения. Главный вывод Мариатеги о том, что без изменения системы землевладения невозможно улучшить жизнь индейцев, оказал большое влияние на интеллигенцию различных политических пристрастий. Да и как можно было остаться равнодушным и не подписаться под такими словами: «В земле счастье индейца. Он лелеет ее как молодую супругу. Он убежден, что “жизнь начинается на земле” и кончается в ней. Поэтому индеец может быть безразличен ко всему, но только не к владению землей, которую он с религиозным трепетом обрабатывает и оплодотворяет своими руками и дыханием». В XX в. индихенистское направление стало одним из важнейших и в боливийской прозе. Его характерными чертами являются патриотизм, гуманизм, горячее стремление развеять миф о физической и умственной неполноценности индейцев и создать подлинный образ тех, чьи гены насчитывают на боливийской земле родословную в несколько тысяч лет.

Вопросы возрождения традиционных ценностей индейской культуры и морали, защиты индейских языков, индейской самобытности, возрождения утраченных со временем некоторых принципов ведения общинного хозяйства и укрепления общины в современных условиях были главными в многочисленных петициях индейских организаций различных стран в 80–90-е годы XX в., в период, когда в Латинской Америке отмечались и во многом пересматривались последствия путешествий Х. Колумба в Новый Свет. Они нашли и продолжают находить отражение в истории, философии, искусстве, в трудах по экономике, в общественной мысли латиноамериканских стран.

В боливийской литературе проблемы индихенизма заняли важное место в поэтическом творчестве и в публицистике Франса Тамайо (1879–1956). Долгие годы он жил затворником в Андах и даже получил прозвище «колдун Анд». В трудных условиях высокогорья этот талантливый публицист с восхищением наблюдал за повседневной жизнью индейцев, преклоняясь перед их умением преодолевать все жизненные проблемы. Тема земли и тема индейца – центральные в работах Тамайо. Больше того, он часто вспоминал слова Х. Марти: «Пока не встанет во весь рост индеец, не появится уверенной походки у Америки».

Главная книга Тамайо-публициста «Создание национальной педагогики» (1910) – пятьдесят пять статей на извечную для любой страны тему о характере национального образования. Глубоко проанализировав эту работу, отечественный литературовед А.Ф. Кофман пришел, в частности, к следующим выводам: «Тамайо доказывает, что индейца...учить нечему и незачем его приобщать к ценностям цивилизации, ибо у него есть своя шкала цен-

ностей, необходимо только пробудить его подавленную расовую энергию, вернуть ему личную, господскую гордость, которая позже перейдет в гордость национальную... и установить культ силы во всех его формах». Что же касается креолов, утративших свою расовую энергию, то им остается только полностью отказаться от своего испанского духовного наследия, воспринять индейские ценности и влиться в индейскую расу. «Для белого остается единственный выбор: либо погибнуть, либо скрещиваться»³⁰. Таким образом, Тамайо предрекал индейцам предназначение высшей расы. В «энергии расы» он видел ключ ко всем земным метаморфозам.

Важнейшим звеном индихенистской прозы стал роман боливийского прозаика и историка Альсидеса Аргедаса (1879–1946) «Бронзовая раса» (1919), признанный наиболее значимым произведением этого направления. По существу автор писал его в течение всей своей творческой жизни. В 1904 г. появился первый вариант под названием «Wata Wara» (индейское имя одной из главных героинь). В 1919 г. роман получил название «Бронзовая раса», а в 1944 г. автор окончательно вручил обновленную рукопись одному из издательств, теперь уже «для суда вечности». А. Аргедас также профессионально работал в социологии – «Больной народ» (1909) и в истории: в 1929 г. вышел последний 5 том его «Истории Боливии».

В «Бронзовой расе» автор фактически возвратился к одной из центральных проблем XVI–XVII вв. в гуманитарных публикациях в Испании и Испанской Америке – «легенде о добром и злом индейце». Аргедас отмечал, что с того времени почти ничего не изменилось, особенно в повседневной действительности, в отношениях между индейцами и белыми крупными собственниками – «хозяевами жизни» в сельской местности. В романе их олицетворял владелец асьенды Пабло Пантоха. Для него индеец продолжал оставаться лицемером, ханжой, вором, обманщиком. Он и жесток, и мститель, и покорен³¹.

Автор понимает: все беды индейца кроются в земле, которой у него нет и, по убеждению Аргедаса, не будет. Что же делать индейцу? Посягнуть с оружием в руках на «священное право собственности» на когда-то отнятую у индейцев землю? По мнению писателя, это не реально. Он не предлагает никаких вариантов. Его книга ценна прежде всего тем, что он преклоняется перед индейцем, перед величием его вклада в национальную историю и культуру. Именно миллионы безымянных представителей этой бронзовой расы из века в век кровью и потом создавали свой уникальный мир, осваивая заоблачные высоты Анд. И теперь, когда он создан, когда Боливия стала независимым государством, индеец оказывается в ней изгоем. В этой экспрессии вся сила романа – протеста Альсидеса Аргедаса.

Модернизм в Боливии был менее популярен, чем в других странах Латинской Америки, хотя его зарождение в местной литературе совпало с аналогичными процессами в других литературах континента. Последнее обстоятельство было во многом связано с личностью Рикардо Хаймеса Фрейре (1868–1933), основоположника первых модернистских работ в стране. Бу-

³⁰ История литератур Латинской Америки. Конец XIX – начало XX века (1880–1910). М., 1994. Т. 3. С.451.

³¹ *Rodríguez L. J. Hermenêvtica y praxis del indigenismo. México, 1980. P. 65.*

дучи близким другом Рубена Дарио, он подолгу жил в Аргентине. В 1894 г. они основали в Буэнос-Айресе журнал «*Revista de América*». Именно от Дарио Фрейре «заразился» модернизмом, а затем привез эту литературную «новинку» в Боливию.

Хаймес Фрейре был известен в Боливии не только как журналист и поэт, но и как один из министров боливийского правительства. И все-таки поэзия оказалась наиболее яркой стороной его дарования и самым весомым аргументом его общественного и профессионального признания. Последнее исходило от мэтров латиноамериканской поэзии Р. Дарио и Л. Лугонеса, высоко оценивших сборники его стихотворений соответственно «*Castalia bárbara*» (1897) и «*Los sueños son vida*» (1917). Среди публикаций Хаймеса Фрейре есть и труд по теории стихосложения «Законы кастильского стихосложения» (1912). Этот талантливый лирик оказал значительное влияние на целый ряд поэтов Боливии. Среди них: Мануэль Мариа Пинто (1871 – 1940), автор сборников «Стихотворения» (1891), «Слова» (1899), «*Viridiario*» (1899); Карлос Пеньяранда (1883 – 1921) – «Песни жизни» (1919); Грегорио Рейнольдс (1882–1941) – «*El cofre de Psiquis*» («Душевный сундучок»). Его поэзия отличалась особой эротической направленностью. В ней женщина олицетворяла собой начало и конец всего сущего.

Наиболее яркой фигурой на модернистской поэтической ниве был упоминавшийся выше Франс Тамайо. Поэтическое творчество Тамайо многогранно. Выделяются пять основных поэтических блоков: «Прометеида, или Океаниды» (1917), «*Scopas*» (1939), «Новые рубаи» (1928), «*Scherzos*» (1932) и «Греческие эпиграммы» (1946). Все эти сборники – свидетельство блестящей эрудиции поэта, освоения им эллинистического и ближневосточного сегмента мировой поэзии, широчайшего творческого кругозора. В не меньшей степени Тамайо освоил и боливийский фольклор, опубликовав в 1905 г. подготовленный им сборник «Поговорки», а в 1922 г. – «Новые поговорки».

Некоторые критики утверждают, что называть его поэзию модернистской можно чисто условно, только из-за совпадения хронологии (Раймундо Ласко). В основе его поэзии, утверждают они, лежали чисто индихенистские мотивы, связанные с идеями мессианства и расовой исключительности индейцев и безусловной апологетикой в отношении коренного населения Боливии. Другие, как, например, А.Ф. Кофман, называют главное поэтическое произведение Тамайо поэму «Прометеида, или Океаниды» (1917) одним «из самых представительных произведений испаноамериканского модернизма»³².

Каждый из этих аргументов имеет право на жизнь и по-своему точен. Латиноамериканская культура XIX – начала XX в. искала свое «я», стремясь сохранить присущую ей самобытность и одновременно максимально использовать европейские культурные ценности. Модернизм, поставивший вопрос о сломе всех устоявшихся в искусстве традиций, более болезненно воспринимался в Новом Свете, нежели в Европе, ведь отказ от традиций в Латинской Америке по существу означал отказ от собственной самобытности. Процесс смены традиций, смены парадигм в развитии латиноамериканской культуры и искусства был достаточно осторожен и требовал обязательного сохранения национальной специфики и региональных особенностей.

³² История литератур Латинской Америки... Т. 3. С. 458.

Эти нюансы были отражены и в указанной выше поэме Ф. Тамайо. В то же время она не избежала и влияния модернистского новаторства, тем самым аккумулировав в себе характерные черты латиноамериканской поэзии данного периода.

Важным фактором 20 – 30-х годов стало появление различных литературных групп и объединений. Важнейшей из них стала группа из Потоси «Подвиг Барбары». Ее известность определялась прежде всего тем, что в ней начинал свою деятельность родоначальник современного критицизма в Боливии Карлос Мединацелли (Medinacelli), наиболее известным произведением которого является роман «Chaskanahui» («Мечтательные глаза»), и лучший из авторов серии о боливийском чоло того периода Диас Вильямиль, автор новеллы «Девушка его глаз».

Среди творческих объединений выделялось основанное в 1922 г. литературно-научное общество «Атенео молодежи». Его возникновение стало неким осознанным протестом молодых, порой начинающих деятелей искусства, против многолетних «академических» устоев в различных направлениях культурной жизни, в частности в театре. Особое значение имело создание на этой основе «Женского Атенея», одной из первых организаций подобного рода в Латинской Америке. «Атенеи молодежи» просуществовал несколько десятилетий, трансформировавшись в «Боливийское общество театральных авторов». Во главу угла своей деятельности новый творческий союз поставил стремление к показу на сценах национальных театров спектаклей, раскрывающих социальные и моральные проблемы истории и повседневности³³.

Одной из оригинальных идей боливийской культуры является концепция мистики земли. Она была предложена в 30-е годы XX в. Гильермо Франковичем. В 1939 г. в Ла-Пасе стал выходить журнал «Колясуйо», призванный отображать духовную суть боливийской нации, публиковать статьи и материалы, представляющие важнейшие идеи духовного национализма, индихенизма, характеризующие основные аргументы и понятия мистики земли. Основателем журнала был профессор истории искусств Университета Сан-Андрес в Ла-Пасе Роберто Пруденсио, считавший главным критерием значимости журнала «чувство страны»³⁴. Мистика земли стала популярным течением среди историков, литераторов, социологов, о ней охотно рассуждают философы. Это определение, несмотря на краткость, весьма объемно, необыкновенно точно и удивительно талантливо. Мистика земли – это душа индейца, мир его предков и сегодняшняя жизнь, быт, пронизанный многовековыми традициями, это пот и кровь и вечная надежда, опьяняющая жителя Анд.

Новые горизонты боливийской культуры

Боливийская революция 1952 г. – важнейшее социально-политическое явление национальной истории. Всесторонний анализ и характеристика этого события представлены в соответствующих главах. Мы же отметим тот факт, что одним из последствий революции стало принятие закона о рефор-

³³ См.: Bolivia a country study. Wash., 1987. P. 201.

³⁴ Ibid. P. 203.

ме образования в стране от 20 января 1955 г. Закон признавал образование «высшей функцией государства», свидетельствовал о его универсальном, обязательном и бесплатном характере, признавалась свобода религиозного и светского образования. Всемирная история богата подобного рода законами и конституциями, которые обещают множество вариантов решения различных проблем, не реализуя чаще всего данных обещаний. Примерно то же самое имело место и с этим законом об образовании, который стал своеобразной национальной мечтой, в разной степени осуществлявшейся в последние полвека.

В начале XXI в. Боливия обладает достаточно широкой базой высшего образования. В стране действуют восемь государственных университетов (в Ла-Пасе, Кочабамбе, Сукре, Оруро, Потоси, Санта-Крус, Тарихе и Тринидаде) и два частных, в которых обучаются около 112 тыс. студентов. Крупнейший из них – университет Сан-Андрес в Ла-Пасе (37,1 тыс. студентов)³⁵. Важнейшей проблемой университетского образования остается повышение профессионального качества всех выпускаемых специалистов и прежде всего инженерно-технического персонала. Естественно, что характер образования во многом зависит от общего уровня национальной культуры, от ее важнейших достижений в развитии литературы и искусства, от сложившегося интеллектуального климата в стране и, безусловно, от внимания правительства ко всем этим вопросам. В 2000-х годах вместе с избранием президентом страны Эво Моралеса и вице-президентом А. Гарсия Линера развитие образования и культуры стало одним из приоритетных направлений в деятельности правительства.

Своей политикой в этой области боливийские лидеры доказали бесспорность и эффективность одного из важнейших завещаний великого аргентинца Доминго Фаустино Сармьенто: «демократия – это школы». В 2000-е годы в Боливии были кардинально решены проблемы образования. В настоящее время базовое начальное образование является обязательным и бесплатным. Им охвачены все дети страны от 6 до 14 лет.

Это выдающееся достижение реализуется на фоне органичного развития культуры, в которой национальные традиции в наибольшей степени проявляются в живописи, литературе, музыке, танцах, в фольклорной сфере. В стране действуют: Национальный музей искусства, Высшая школа изящных искусств (1928), Национальная академия истории (1929), Центр археологических исследований, Боливийский индейнистский институт, Национальный институт по исследованию фольклора, Боливийский киноинститут (1943), Общество деятелей театра и кино (1949) – все в Ла-Пасе. Национальная библиотека и Национальный архив – в Сукре. Высоко развито театральное искусство. С начала 70-х годов работает широкая сеть национального телевидения.

Двадцатое столетие и начало нового тысячелетия оказались весьма плодотворными в литературе и практически во всех видах искусств. К уже

³⁵ В двух последних разделах: «Индианизм и модернизм» и «Новые горизонты развития боливийской культуры» частично использованы данные интернет-ресурсов: www.krugosvet.ru/enc/strany.mira/BOLIVIA.html2 page=0,5; bolivianos.nu/culture/literature/index.htm; terravision.ru

упомянутым выше талантливым писателям, поэтам, художникам и композиторам нельзя не добавить и целый ряд других имен, прославивших боливийскую культуру.

Основателем боливийской национальной музыки был Эдуардо Каба (1890–1953) – композитор, дирижер, директор Национальной консерватории. Столь же значима деятельность Хосе Марии Веласко Майданы, возглавлявшего Национальный симфонический оркестр. Оба этих ярких музыканта всячески пропагандировали индихенистскую музыкальную культуру. Из современных композиторов наиболее популярны неутомимый собиратель фольклора Антонио Гонсалес Браво, а также Симеон Ронкаль и Умберто Вискара Монхе.

В изобразительном искусстве весьма значимо творчество Сесилио Гусмана де Рохаса (1900–1950), основателя индихенизма в боливийской живописи. В течение ряда лет он был директором Академии художеств и сумел подготовить целую плеяду боливийских художников.

С 1950 г. в Боливии появилось несколько мастеров-муралистов. Среди них выделялся М. Аландиа Пантоха, осуществивший роспись стен во Дворце правительства в Ла-Пасе. Кроме того, в этой области творили: Роберто Сердеро, Вальтер Салон Ромеро и Мелькиадес Эхидо. Так же как и у мексиканских муралистов, творчество которых повлияло на боливийскую настенную живопись, основная тематика отмеченных выше мастеров зиждилась на сугубо индихенистских сюжетах, социальных проблемах и национально-освободительных процессах боливийской истории.

В национальной живописи, пожалуй, в наибольшей степени отразились почти все новые стили, появившиеся в Европе в эпоху модернизма. Одним из них была абстрактная живопись. В этом направлении доминировали: Мария Луиса Пачеко, успешно трансформировавшая древнюю историю боливийцев в главные объекты своих композиций («Тиауанаку», «Альтиплано»), Армандо Пачеко и Энрике Арноль. В скульптуре, где в основном преобладают индихенистские мотивы, бесспорным лидером была Марина Нуньес дель Прадо (1916–1995).

В боливийской истории XX столетия важное место заняла Чакская война 1932–1935 гг., которая своим болевым рубцом навсегда останется в памяти народа. В литературе возникнет посвященное этой войне целое направление, так называемое «Поколение Чако», ярким представителем которого станет писатель Аугусто Сеспедес (1904–1997). Он был на войне журналистом, написал девять рассказов. Один из них – «Колодец», по грустно-саркастическому выражению Анхеля Флореса, автора Антологии латиноамериканской литературы, «был лучшим из всего того, что принесла Чакская война»³⁶. Эти рассказы в 1936 г. вместе с воспоминаниями ветерана данной войны Марьяно Латорре были объединены в одну книгу «Кровь метисов». В 1946 г. увидит свет его единственный роман «Металл дьявола» о жизни «короля олова», «виртуального хозяина Боливии» (оба определения А. Сеспедеса) Симона Патиньо.

Во второй половине 30-х и в 40-е годы талантливый писатель и журналист становится не менее значимым политиком. Избирается депутатом

³⁶ Florea Angel. Op. cit. Vol. 3. P. 361.

конгресса от Социалистической партии родного города Кочабамба. Будучи близким другом Пас Эстенсоро, в 1953 г. возвращается в Боливию из Аргентины, где находился в политической ссылке. В том же году назначается послом Боливии в Ватикан. Он проживет еще почти полвека, однако мерилом его личной славы по-прежнему будет «Кровь метисов» и этот казавшийся бесконечным 50-метровый колодец, прорытый боливийскими солдатами и... оказавшийся безводным.

Хесус Лара (1904–1980) также прошел через горнило Чакской войны, однако прослыл прежде всего как большой знаток быта, фольклора и истории индейцев, что и стало главным содержанием его произведений. Один из его романов – «Мужество» в 1966 г. вышел на русском языке в СССР. Ярким явлением не только боливийской, но и латиноамериканской литературы стала серия его романов о жизни и традициях индейцев – «Сурути», «Янауна», «Наша кровь», принесших международную славу писателю.

Большой вклад в национальную культуру внес Гильермо Франкович (1901–1990). Известный философ и драматург, ректор Университета Сан-Франсиско-Хавьер в Сукре, академик Боливийской академии языка, региональный директор ЮНЕСКО в Гаване, автор ряда крупных философских трудов: «Боливийское мышление в XX в.» (1956), «Философия Боливии» (1945), «Экзистенциальная философия Мартина Хайдеггера» (1946) и др. Среди написанных им пьес следует отметить «Монаха из Потоси» (1983). Его великая формула «мистика земли» будет вечно царствовать не только в гуманитарных науках, но и в боливийском искусстве.

Культура как синтез коллективного опыта народа сыграла важнейшую роль в становлении боливийской общности. Синтез духовных ценностей цивилизации инков и испанской колониальной империи в Новом Свете вплоть до наших дней сохраняет свою непреходящую значимость. Практически все тенденции интеллектуального развития, присущие в колониальную эпоху Испании (философские, теологические, литературные, в области архитектуры и живописи и т. д.), имели свои аналоги и своеобразную трансформацию в Боливии и в конечном счете легли в основу развития ее культуры, науки и образования. Однако в этом процессе определяющей, доминирующей частью синтеза оказалась индейская культура, сохранившая свое влияние во многих важнейших направлениях национальной культуры и искусства.

Вопросы возрождения традиционных ценностей индейской культуры и морали, защиты индейских языков, индейской самобытности, возрождения утраченных со временем некоторых принципов ведения общинного хозяйства и укрепления общины в современных условиях были главными в многочисленных петициях индейских организаций различных стран, в том числе и Боливии, в 80–90-е годы XX в., в период, когда в Латинской Америке отмечались и во многом пересматривались последствия путешествий Х. Колумба в Новый Свет. Они нашли и продолжают находить отражение в истории, философии, искусстве, в трудах по экономике, в общественной мысли латиноамериканских стран.

БОЛИВИЙСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В XIX–XX ВЕКАХ

В Верхнем Перу, в Чукисаке находился один из старейших университетов Нового Света Сан-Хавьер. Именно в Чукисаке, которую герой войны за независимость генерал Миллер назвал «перуанским Оксфордом», в начале XIX в. учились такие выдающиеся деятели движения освобождения Америки, как Мариано Морено, Хосе Бернардо Монтеагудо, Х.Х. Кастельи, Х. Суданьес. Классик боливийской историографии Габриель Рене-Морено писал: «Учиться в Чукисаке, расположенной в 600 лиг от столицы вице-королевства, означало получить патент на мудрость, но главное – это было личным крестовым походом для каждого, желавшего получить современное знание»¹.

На рубеже XVIII и XIX столетий в Верхнем Перу жили и творили замечательные мыслители, принадлежавшие испаноамериканскому просвещению. Результатом их творчества были работы по истории, быту, географии и природе края. Среди них выделяется чешский естествоиспытатель Тадео Хаенке, подробно описавший провинцию Чаркас. Значение его деятельности велико, так как у него были ученики и он объединил ученых в Кочабамбе, среди которых был интендант провинции Франсиско де Виедма – его перу принадлежит подробный очерк о провинции и истории каждого города региона со времен конкисты до конца XVIII в.² Автором подобного труда о Потоси и его минеральных богатствах является Хуан дель Пино Манрике.

Политическим и общественным событием в жизни Верхнего Перу стала полемика между двумя крупными чиновниками испанской колониальной администрации – Педро Висенте Каньете-и-Домингесе (1754–1816) и Викториано де Вильява (1747–1802). Каньете опубликовал в 1802 г. «Историко-хронологическое описание основания Буэнос-Айреса». В своих исторических и политических работах, особенно в «Консультативно-апологетическом письме», он яростно защищал абсолютизм и права короны, критикуя всякие попытки реформ. Его лозунгом было «никаких новшеств в нашей системе»³.

Ему противостоял королевский прокурор Чаркас В. де Вильява. В 1797 г. он написал книгу «Заметки о реформе Испании без изменения монархического правления и религии», ставшей ответом на ультраконсервативные тезисы Каньете. Эта работа была издана в Буэнос-Айресе только в 1822 г. В рукописном же виде она была хорошо известна образованным людям. Вильява был поклонником испанских просветителей, одним из первых, кто осудил испанское завоевание Америки, положив начало «черной легенде» и о конкисте⁴. Работы В. де Вильява отражали революционное брожение и широкое

© А.А. Щелчков

¹ *Prudencio R.* Ensayos históricos. La Paz, 1990. P. 32.

² *Viedma F. de.* Descripción geográfica y estadística de la Provincia de Santa Cruz de la Sierra. Buenos Aires, 1836.

³ *Condarco Morales R.* Grandeza y soledad de Moreno. Esbozo bio-bibliográfico. La Paz, 1971. P. 184.

⁴ *Just Lleó E.* Comienzo de la independencia en el Alto Perú: los sucesos de Chuquisaca, 1809. Sucre, 1994. P. 342–343.

распространение просветительных, либеральных взглядов в Верхнем Перу. Спор Каньете и Вильява отражал климат революционного кризиса, в котором роль университетского центра в Чукисаке высоко оценивалась как современниками, так и историками войны за независимость. Революционный дух Чукисаки воспринял и первый боливийский историк, выдающийся деятель периода войны за независимость на Ла-Плате Висенте Пасос Канки.

Висенте Пасос Канки – «экстравагантный и талантливый индеец»⁵

Висенте Пасос Канки (1779–1852) родился в Сорате, недалеко от Ла-Паса. Он происходил из индейской аристократии аймара, обладавшей значительными привилегиями в испанской колониальной империи. Имя его было Висенте Пасос Сильва. Историк Чарльз Арнаде предполагает, что его отец погиб во время восстания Тупак Амару⁶. Его воспитание легло на плечи его матери, которая и научила его языку аймара, на котором он свободно говорил и писал. Когда ему исполнилось 14 лет, его отправили учить испанский язык в Ла-Пас, где он впоследствии поступил в местную семинарию Сан-Франсиско.

В 1797 г. В. Пасос поступил на факультет теологии в Университет Куско, где проучился 7 лет. Затем продолжил образование в университете Чукисаки. Годы жизни и учебы в Чукисаке сыграли решающую роль в формировании его взглядов. Именно в Чукисаке В. Пасос полностью погрузился в бурный поток идей Просвещения и Французской революции. Позднее в своих воспоминаниях он писал: «В Чукисаке повсюду читали Вольтера, также увлеченно и свободно, как и парижане»⁷. В. Пасос увлекся идеями Т. Пейна. Под псевдонимом Ансельмо Натейн он перевел на испанский язык его «Здравый смысл». Возможно, это был первый перевод Пэйна на испанский.

После поражения восстания в Ла-Пасе в 1809 г. и жестокой расправы над его руководителями В. Пасос решил переехать в Буэнос-Айрес. Более в Верхнее Перу, в Боливию он никогда не вернулся. Майскую революцию 1810 г. в Буэнос-Айресе В. Пасос принял с восторгом. Под руководством своего друга Мариано Морено он сотрудничал в радикальной «La Gaceta», вокруг которой объединились лучшие силы испаноамериканской революции: Монтеагудо, Фунес, Эррера, чилиец Камило Энрикес. После смерти Мариано Морено В. Пасос перешел работать в другую радикальную газету «El Censor»⁸. О его статьях Бартоломе Митре в своей «Истории Бельграно» писал: «Есть статьи в газетах, которые стоят целой книги; и его статьи были таковыми»⁹.

Радикализм В. Пасоса, как и его сподвижников, привел к аресту и высылке в Европу при правительстве К. Сааведры в 1812 г. После падения Сааведры он вернулся из Лондона в Аргентину. Из Европы он приехал уже

⁵ Его так называл Г.Р. Морено. – *Finot E. Historia de la literatura boliviana*. México, 1942. P. 93.

⁶ *Arnade Ch. Vicente Pazos Kanki y la Florida Española // Anuario. Archivo y biblioteca nacionales de Bolivia*. Sucre, 2001. P. 397.

⁷ *Harwood Bowman C. Vicente Pazos Kanki*. La Paz, 1975. P. 38.

⁸ *Otero G.A. Figuras de la cultura boliviana*. T. 2. La Paz, 1992. P. 15.

⁹ Цит. по: *Pazos Kanki V. Memorias histórico políticas*. La Paz, 1978. P. IX.

другим человеком. Он снял с себя священнический сан, женился и даже сменил имя, вычеркнув фамилию Сильва, заменив ее на индейскую Канки. Теперь его звали Висенте Пасос Канки. С собой он привез печатный станок, приобретенный в Лондоне. В 1816 г. он основал газету «La Crónica Argentina», в которой опубликовал сделанный им перевод на аймара «Декларации независимости» Ла-Платы, принятой на конгрессе в Тукумане 9 июля 1816 г.¹⁰

В 1817 г. он был вновь выдворен из Аргентины. На этот раз его путь лежал на север Америки, в Балтимор и Филадельфию, где он стал видной фигурой в местном политическом обществе, познакомившись с политическими эмигрантами из Европы. Бунтарь из Верхнего Перу подружился с Жозефом Бонапартом, бывшим испанским королем¹¹. В США, вдали от политических баталий аргентинской революции он написал свою первую большую историческую работу «Письма об Объединенных провинциях Южной Америки, направленные Генри Клею», переведенную на английский язык и опубликованную в 1819 г. Эта небольшая книжка сделала его знаменитым в мировом масштабе, а Нью-Йоркское историческое общество избрало его своим почетным членом. Она была переведена на французский язык и опубликована в «L'art de verifier les dates». Даже российский посол в Вашингтоне П.И. Полетика переслал перевод императору Александру I¹². В этой первой исторической работе В. Пасос описал ход политической и военной борьбы на Ла-Плате после Майской революции 1810 г. В ней он выступал против сепаратизма и национализма Парагвая и Уругвая, призывая к объединению в рамках единого независимого государства всех частей бывшего вице-королевства Ла-Плата. Не менее категорически он полемизировал с монархическими проектами для Аргентины¹³.

Из Северной Америки В. Пасос попытался попасть в Буэнос-Айрес через Монтевидео, но был там арестован бразильскими властями и препровожден в тюрьму Рио-де-Жанейро. После освобождения он переехал в Лиссабон. Путешествовал по Франции, Испании и Португалии, затем окончательно осел в Лондоне, где уже была большая испаноамериканская колония. Правительство Перуанско-боливийской конфедерации А. де Санта Круса назначило его генеральным консулом в Лондоне. В 1825 г. в Париже он издал «Краткую историю Соединенных Штатов Америки», подписавшись под ней: «написано по-испански индейцем из города Ла-Пас»¹⁴, а в 1829 г. он издал в Лондоне свой перевод Евангелия от Луки на аймара.

В Лондоне в 1834 г. В. Пасос опубликовал свою главную работу «Историко-политические воспоминания». К сожалению, в Боливии эта книга увидела свет только в 1939 г. В этом произведении В. Пасос, которому тогда было 50 лет, предстает уже консервативным политиком, сторонником охранитель-

¹⁰ Ibid. P. 18.

¹¹ Arnade Ch. Op. cit. P. 397.

¹² Pazos Kanki V. Op. cit. P. V.

¹³ Letters on the United Provinces of South America. Addressed to the Hon. Henry Clay. N.Y., 1819.

¹⁴ Vazquez Machicado H. Los plagios de Pazos Kanki y de otros grandes escritores. La Paz, 1991. P. 17.

ных идей, верным сыном католической церкви. За эту работу Г.Р. Морено назвал его «гениальным аймара»¹⁵.

В «Воспоминаниях» В. Пасос идеализировал инкское общество, а конкисту называл сущим «наказанием Божиим», ибо она представляла собой череду преступлений и жестокостей¹⁶. Корысть и авантюризм характеризовали испанских конкистадоров: «только золото, и ничто иное было тем электрическим импульсом, которое давало жизнь душам этих авантюристов»¹⁷.

Война за независимость, революция на Ла-Плате имели, по его убеждению, имели тот же характер, что французская и испанская революции, ибо речь шла о правах монарха и народа, о независимости родины и свободе граждан. И в этом они отличались от США, где свобода уже была, а нужно было только получить внешнюю независимость. В этой работе В. Пасос, противореча духу своих «Писем» 1819 г., отстаивал право Боливии на независимость от метрополии и старого центра вице-королевства Буэнос-Айреса¹⁸.

В. Пасос считал, что гарантии прогресса новых государств лежат не в экономической, а в политической области. Контроль общества за властью может осуществляться только через суды и прессу, которые, по его мнению, были главной движущей силой прогресса. Также важно просвещение народа, освобожденное от схоластики старой испанской школы. В экономической же сфере прогресс для его родной Боливии был обусловлен не только необходимостью строительства дорог, удобных портов, налаживания связей с внешним миром, но и освобождением труда, ликвидацией пережитков колониального периода, подушной подати индейцев. «Только свободный труд может создавать прибыль и общественное богатство», – утверждал В. Пасос¹⁹.

«Воспоминания» В. Пасоса – блестящий исторический очерк, содержащий глубокие размышления о революции в Испанской Америке и о будущем независимых государств. Некоторые историки обвиняют его в плагиате. На самом деле часть работы В. Пасоса, касающаяся испанской истории, текстуально близка к работе виконта Мартиньяка «Исторический очерк об испанской революции и об интервенции 1823 г.»²⁰. Однако та часть книги, где В. Пасос говорит об инкском обществе, о революции на Ла-Плате, где он дает глубоко индивидуальные оценки событий, в которых сам принимал участие, явно принадлежит его перу и составляет главную ценность всей работы.

За год до смерти, в 1851 г. В. Пасос покинул Лондон и вернулся в Буэнос-Айрес. В 1852 г. в полнейшей бедности и всеми оставленный он скончался в аргентинской столице. В. Пасос был выдающейся личностью. Он был первым историком-индейцем и первым историком-боливийцем. Некоторые исследователи считают его предшественником индеанизма²¹. Б. Митре дал ему такую характеристику: «Пасос Канки имел эксцентричный характер...

¹⁵ *Pazos Kanki V. Op. cit. P. 1.*

¹⁶ *Ibid. P. 64.*

¹⁷ *Ibid. P. 100.*

¹⁸ *Ibid. P. 127–128.*

¹⁹ *Ibid. P. 129–130.*

²⁰ *Vazquez Machicado H. Op. cit. P. 28; Arnade C.W. The Historiography of Colonial and Modern Bolivia // Hispanic American Historical Review. Vol. XLII. N 3. 1962. Durham, 1962. P. 339.*

²¹ *Arnade C.W. The Historiography of Colonial and Modern Bolivia // Hispanic American Historical Review. Vol. XLII. N 3. 1962. Durham, 1962. P. 339.*

поражал своеобразными и неординарными суждениями, хорошим образованием, активным умом, во всем виделась начитанность и глубина»²². Для боливийской культуры В. Пасос Канки является символом новой Боливии, где индеец становится первым писателем, первым историком, мыслителем новой эпохи независимого государства.

Зарождение боливийской исторической науки

Большим вкладом в боливийскую мысль стали деятельность и работы иностранцев, известных путешественников. Значительным событием в жизни Боливии было посещение страны в 1832 г. экспедицией французского натуралиста Альсида Д'Орбиньи (1802–1857). По возвращении во Францию Д'Орбиньи создал обширный труд «Путешествие по Южной Америке». Он не только описал природу, географию, геологию, флору и фауну Боливии, но и быт, жизненный уклад, политическую и социальную систему²³. Он был принят президентом Санта Крусом, который дал ему разрешительные грамоты, требовавшие наибольшего содействия со стороны местных властей. В своем труде Д'Орбиньи большое место отвел доколумбовой истории региона, оставил подробное описание, зарисовки археологических находок, руин Тиауанаку. Главным же результатом миссии Д'Орбиньи было огромное влияние на боливийскую общественную и научную мысль пропагандируемого им рационализма и естественно-научных методов исследования не только природы, но и общества²⁴.

Д'Орбиньи вывез во Францию огромную коллекцию предметов, рисунков и даже исторических рукописей. В частности, он полностью изъясил все документы монастыря Сан-Хавьер в Чикитос – важнейший источник по истории иезуитов в Южной Америке. Г.Р. Морено считал, что Д'Орбиньи поступил правильно, так как иначе они были бы утрачены для потомков²⁵. Д'Орбиньи оказал большое влияние на всех первых историков, экономистов, литераторов, таких как Х.М. Даленсе, Н. Антело и даже на Габриэля Рене-Морено²⁶. Его влияние в Боливии сравнимо со знаменитой экспедицией Гумбольдта в Южную Америку.

В отличие от своих соседей по континенту в Боливии первые исторические работы появились относительно поздно. Только в конце 40-х годов XIX в. боливийские авторы обратились к анализу своего прошлого. Первые историки М.М. Уркульо, М. Санчес де Веласко, Х.Х. Кортес и другие принадлежали к «мемориальному» направлению. Идеи Бентама, Дестюта-де-Траси, романтические увлечения Шатобрианом, традиционализм Бональда и Ж. де Местра оказали решающее влияние на их подход к истории. Не менее

²² Цит. по: *Vazquez Machicado H. Op. cit. P. 16.*

²³ *D'Orbigny A. Voyage dans les deux Amériques, augmenté de renseignements exacts jusqu'en 1853 sur les différents états du Nouveau monde. Paris, 1853.*

²⁴ *Albaracín Millán J. Orígenes del pensamiento social contemporáneo de Bolivia. La Paz, 1976. P. 24.*

²⁵ *Barnadas J. Gabriel René Moreno (1836–1908). Drama y gloria de un boliviano. La Paz, 1988. P. 79.*

²⁶ *Albaracín Millán J. Op. cit. P. 24.*

популярным был эклектицизм В. Кузена. Его «Курс истории моральной революции XVIII в.» был переведен писателем и журналистом Педро Террасасом (1810–1877) и опубликован в 1845 г.²⁷

Самым первым произведением на тему исторических исследований в Боливии была анонимная статья о методологии истории в «*Iris de La Paz*» в 1833 г. Эта работа декларировала необходимость изучения и анализа тенденций и фактов истории, которые влияли на поведение и решения людей и конкретных исторических персонажей. Автор статьи заявлял о своем неприятии материализма и руссоизма, приветствуя между тем революцию освобождения и осуждая феодальный колониальный режим Испании²⁸. В 1852 г. в Кочабамбе стал выходить первый литературно-исторический журнал, в котором публиковали свои статьи такие пионеры исторического знания в Боливии, как Х.М. Кортес. Это был период зарождения боливийской исторической науки.

Первым выдающимся боливийским ученым континентального уровня был Хосе Мария Даленсе (1782–1852). Крупный политический деятель, занимавший посты министра (1832), председателя Верховного суда (1842), Совета по статистике (1845), он осуществил первую в истории Боливии перепись населения и самое глубокое исследование боливийского общества середины XIX в. В 1848 г. он написал свой знаменитый «Статистический очерк Боливии», опубликованный лишь в 1851 г. Фактически это первое социологическое исследование в Боливии. Часть книги Даленсе посвящена политической системе и ее истории²⁹. Даленсе считал, что анализ общественного устройства и историческое исследование должны основываться на статистическом методе. Будучи поклонником французского экономиста времен империи Ш. Ганиля, проповедовал протекционизм в экономической политике государства. Даленсе создал не только блестящий экономико-статистический очерк Боливии в первой половине XIX в., но и предложил научный социально-политический анализ национальной действительности³⁰.

Кто же был первым, создавшим первую историческую работу в независимой Боливии? Одни исследователи считали таковым Хосе Марию Уркульо, опубликовавшего в 1855 г. свою работу о войне за независимость³¹. Другие называли Мануэля Санчеса де Веласко, который написал в 1848 г. первую историю независимой Боливии, хотя и не издал ее, но многие были знакомы с рукописью (напечатана только в 1938 г.)³². Однако еще до этих работ в 1840 г. появилась небольшая книга «Исторические воспоминания о политической революции за независимость Америки 16 июля 1809 г. в Ла-Пасе и о последующих событиях до 20 февраля 1810 г.». Известным историком Хосе Росендо Гутьерресом авторство этой работы было приписано Томасу Котере, а Мануэль Мария Пинто утверждал, что она принадлежит

²⁷ Arnade C.W. Op. cit. P. 198.

²⁸ Mesa de J., Gisbert T., Mesa Gisbert C.D. Historia de Bolivia. La Paz, 2003. P. 471.

²⁹ Dalence J.M. Bosquejo estadístico de Bolivia. La Paz, 1975. P. 29–176.

³⁰ Wittman T. Reflexiones sobre las ideas económicas de José María Dalence. Potosí, 1967. P. 9–10.

³¹ Arnade C.W. Op. cit. P. 241.

³² Finot E. Op. cit. P. 203–204; Abecia Baldovieso V. Historiografía boliviana. La Paz, 1973. P. 217–218.

перу испанца Хулиана Антонио Кастильо. Предисловие³³ к ней написал священник и профессор теологии Хосе Мануэль Лоса (1799–1862). Лоса был директором первой публичной библиотеки в Ла-Пасе, основателем газеты «*Iris de La Paz*», где в 1833 г., как уже упоминалось, появилась первая статья по исторической проблематике. Возможно, ее авторство также принадлежало ему. Лоса написал апологетические биографии отцов независимости Боливара и Сукре³⁴. Текст этих брошюр был изложен архаичным, почти барочным стилем.

Юрист и политик Мануэль Мария Уркульо (1785–1856) является одним из первых боливийских историков. В 1855 г. Уркульо, подписавшись «Патриоты», выпустил книгу «Заметки по истории революции в Верхнем Перу, ныне Боливии». Для него история – это подробный рассказ о битвах, восстаниях и подвигах. Целью же своей книги он ставил «обелить некоторые имена (т.е. самого себя. – *А.Щ.*), которые общественное мнение обвиняет во всех грехах, а также очистить имя свободы и родины»³⁵. Уркульо предварил свой рассказ о войне за независимость, или о пятнадцатилетней войне, как ее называли в Боливии, подробной картиной колониального управления Испании в Южной Америке. Он подчеркивал огромное значение для расшатывания устоев колониального режима восстания Тупак Амару 1781 г. Начало же войны за независимость Уркульо датировал войной англичан за Буэнос-Айрес. События в Чукисаке в 1809 г., по его мнению, носили локальный характер и ни в коем случае не были революционными. Это движение не ставило и не могло еще ставить своей целью независимость от Испании. Восстание в Ла-Пасе 1809 г. уже было направлено против монархии и Испании, что означало начало континентальной революции³⁶. Текст автора сопровождался обширными приложениями документов.

Многие последующие историки критиковали Уркульо за ошибки и неточности, коими изобилует его текст. Однако следующему поколению историков эта работа служила источником, на нее непременно должны были делать ссылку все историки XIX в. Его книга, действительно, является первым объемным и профессиональным исследованием боливийской истории XIX в.

Другой автор, оспаривающий пальму первенства среди пионеров боливийской исторической науки, Мануэль Санчес де Веласко (1784–1864) написал в 1848 г. исторические мемуары, охватившие период с 1808 по 1848 г. Однако им было не суждено увидеть свет до 1938 г., когда появилась четырехсотстраничная книга «Воспоминания по истории Боливии»³⁷. М. Санчес

³³ Так как историки не находили рукопись документа, многие исследователи (прежде всего Хавьер Мендоса и Валентин Абесия) склонялись к версии апокрифа, сфабрикованного Х.М. Лосой. Однако уже в начале XXI в. была обнаружена рукопись этого документа, а авторство (оспариваемое частью ученых) приписывается Кристину Диес де Медине. – *Reescrituras de la Independencia. Actores y territorios en tensión* / Eds. R. Barragán, M.L. Soux, A.M. Seoane, P. Mendieta, R. Asebey, R. Mamani. La Paz, 2012. P. 54.

³⁴ [*Loza J.M.*] *Memorias biográficas del Gran Mariscal de Ayacucho Antonio José Sucre, primer Presidente de Bolivia*. La Paz, 1854.

³⁵ *Apuntes para la historia de la revolución del Alto-Perú, hoy Bolivia. Por unos patriotas*. Sucre, 1855. P. II.

³⁶ *Ibid.* P. 34–40.

³⁷ *Sanchez de Velasco M. Memorias para la historia de Bolivia. Desde el año 1808 a 1848*. Sucre, 1938.

де Веласко был успешным политиком, практически при всех правительствах занимал важные государственные посты: депутат, председатель Верховного суда Кочабамбы, префект, председатель Сената, министр. Он не был яркой личностью и удовлетворял любых правителей. Как писал о нем Г. Рене Морено: «Родился, женился, составил завещание, умер – вот и вся биография»³⁸.

Книга Санчеса де Веласко представляет собой хронологию событий без критики и отвлеченных рассуждений, что сам автор считал достоинством работы. Новым словом в трактовке войны за независимость для той эпохи была его оценка ее первого этапа. Он считал, что борьба между патриотами и роялистами началась как гражданская война, так как противники, с одной стороны, Кастельи и Монтеагудо, а с другой, испанская администрация в Верхнем Перу одинаково выступали за монархию и за верность метрополии. Разница состояла лишь в том, что аргентинцы декларировали верность Фердинанду VII, а испанцы в Перу выступали на стороне французов или соглашались на передачу колоний под португальскую корону. Провал экспедиции патриотов во главе с Кастельи в Верхнем Перу он объяснял жестокостью и антиклерикальными эксцессами революционеров, которые настроили народ в пользу сохранения испанского режима. Этим собственно и объяснялось им позднее освобождение Боливии от колониального режима³⁹.

Хотя работа Санчеса де Веласко не была издана, с ней были знакомы многие историки. В частности, Мануэль Хосе Кортес (1811–1865) упоминал о ней в своем «Очерке истории Боливии», опубликованном в 1861 г.⁴⁰ Эта книга описывала события от войны за независимость до падения правительства Хорхе Кордобы в 1857 г. Кортес был поклонником В. Кузена, критиковал материализм и атеизм Гольбаха, рационализм Руссо и Дестюта-де-Траси. Он сознательно отказывался от изучения колониальной истории. Ему принадлежит ставший широко распространенным в боливийской историографии XIX в. тезис: «рабство не имеет истории». Он исходил из тезиса Гегеля, что угнетенные народы не имеют собственной истории. Кортес считал, что история Испанской Америки в период колонии являлась не чем иным, как историей Испании, поэтому он начинал свое изложение с событий войны за независимость, обходя молчанием ее предпосылки и причины⁴¹. Г. Рене-Морено писал об этом тезисе Кортеса: «Это – элегантная фраза, за которой скрываются неверные мысли»⁴². И тем не менее на долгое время под влиянием этой работы Кортеса из сферы интереса боливийских историков полностью исчезла конкиста и колониальная эпоха.

Кортес написал очень партийную историю. Он был крайне враждебен М.И. Бельсу за его заигрывания с плебсом. Все беды страны Кортес усматривал в господстве милитаризма и каудильизма. Он писал: «Одни причины наших несчастий проистекают из колониального прошлого, а другие возникли уже после независимости. Нам нужно ликвидировать причины, производящие анархию и угнетение, к чему, кажется, приговорены все испано-

³⁸ *Abecia Baldivieso V. Op. cit. P. 217.*

³⁹ *Finot E. Op. cit. P. 204–205.*

⁴⁰ *Cortes M.J. Ensayo sobre la historia de Bolivia. Sucre, 1861.*

⁴¹ *Finot E. Op. cit. P. 206–207.*

⁴² *Abecia Baldivieso V. Op. cit. P. 230.*

американские республики». Независимость, по его мнению, лишь первый шаг к трансформации американских обществ в направлении европейских образцов. Созданные в результате революции освобождения новые институты «обязательно изменят и общественную жизнь»⁴³.

Для Кортеса история была учителем, преподающим урок морали, указывающим направление прогресса и поступательного развития общества. В 1855 г. Кортес опубликовал «Очерк прогресса Испаноамерики». В нем он предстает очень тенденциозным памфлетистом. Однако если оставить в стороне весь антибельсистский пафос, то эта работа представляет собой добротное социологическое исследование. Крупнейший боливийский философ и историк XX в. Гильермо Франкович считал эту работу выдающейся и недооцененной современниками⁴⁴.

К первому поколению историков принадлежал политик и дипломат Хосе Мария Сантиваньес (1815–1893). Его главная работа посвящена истории клана Бальивиана, в частности, биографии и правлению Адольфо Бальивиана⁴⁵. Эта книга была апологией креольской аристократии, власти просвещенного меньшинства. После своей дипломатической миссии в Чили в 1864 г. он выпустил брошюру «Боливия и Чили. Вопрос границы», в которой спорил с чилийским историком М.Л. Амунатеги об исторических правах обеих стран на тихоокеанское побережье.

Висенте Бальивиан-и-Рохас (1810–1891) является незаслуженно забытым историком и библиографом. Племянник президента Х. Бальивиана учился в Европе, в Лондоне жил у В. Пасоса Канки, от которого перенял страсть к истории. Стал собирать документы и книги, относящиеся к истории своей семьи. Ему принадлежит первенство в публикации исторических документов. Он задумал амбициозный проект многотомного издания документов по колониальной истории, однако увидеть свет было суждено только первому тому. В 1872 г. в Париже он опубликовал дневники своего прадеда Х.С. де Сегурола во время осады Ла-Паса отрядами Тупак Катари в 1871–1872 гг., а также «Анналы Потоси» с основания города до 1702 г. В. Бальивиан-и-Рохас сетовал, что масса документов, которые собирались долгие годы, погибли во время грабежа дома Бальивианов 12 марта 1849 г. толпой, подстрекаемой бельсистским правительством⁴⁶.

К первому поколению боливийских историков принадлежали Хуан Рамон Муньос Кабрера (1819–1869), Луис Мариано Гусман (1820–1886). Их работы, в большей степени принадлежащие к беллетристике, были весьма поверхностными исследованиями. Главная работа Муньоса Кабреры «Пятнадцатилетняя война в Верхнем Перу» охватывает события войны за независимость в ее первый период, с 1809 по 1813 г.⁴⁷ В отличие от Уркульо,

⁴³ Cortes M.J. Op. cit. P. 229–231.

⁴⁴ Condarco Morales R. Historia de la ciencia en Bolivia. La Paz, 1978. P. 255.

⁴⁵ Santiváñez J.M. Rasgos biográficos de Adolfo Ballivián. Santiago de Chile, 1878.

⁴⁶ Ballivian y Roxas V. Archivo boliviano. Colección de documentos relativos a la historia de Bolivia durante la época colonial con un catálogo de obras impresas y de manuscritos que tratan de esa parte de la América meridional. T.1. Paris, 1872. P.VIII.

⁴⁷ Muñoz Cabrera J.R. La guerra de quince años en el Alto-Perú, o sea Fastos políticos y militares de Bolivia. Santiago de Chile, 1867.

Муньос Кабрера привлек массу документов, в основном аргентинских, что делает его работу более достоверной и профессионально состоявшейся.

Луис Мариано Гусман Альдунате был известным писателем и подвижником народного просвещения. Всю свою жизнь он посвятил делу образования, возглавляя Лицей в Кочабамбе. Г. Рене-Морено охарактеризовал его как «человека уважаемого, выдающегося и подлинного»⁴⁸. Его перу принадлежит первый учебник по истории Боливии – «Краткий учебный курс истории Боливии». В предисловии к учебнику Л.М. Гусман сетовал, что в Боливии студенты лучше знают всемирную историю, чем свою собственную, отечественную. Большая часть этой работы была посвящена войне за независимость⁴⁹.

Все первые историки от Лосы, Уркульо до Кортеса и Муньоса Кабреры разделяли романтический подход к истории, придерживались эклектических взглядов на исторический процесс. Все они восхваляли подвиги героев войны за независимость, уделяя особое внимание первым на континенте антиколониальным восстаниям в Чукисаке и Ла-Пасе в 1809 г., подчеркивая первенство Боливии в борьбе за независимость. Боливийский философ и историк XX в. Роберто Пруденсио назвал Уркульо, Кортеса, Санчеса-де-Веласко «Геродотами Боливии»⁵⁰.

Эмеретио Вильямиль Рада и его «Эдем»

Самый оригинальный писатель и исследователь боливийской истории Эмеретио Вильямиль Рада (1804–1880) занимает совершенно особое место в боливийском XIX в. Вильямиль Рада родился в Сорате в 1804 г. Его отец известный политический деятель Ильдефонсо Вильямиль был поклонником энциклопедистов, французского Просвещения. В 1826 г. Ла-Пас посетил лорд Берхинг, изучавший местную филологию и этнографию. Он стал наставником юного Эмеретио, привив ему любовь к языкам и истории⁵¹. Сопровождая англичанина, Вильямиль Рада отправился в Европу, где пробыл 10 лет, совершенствуя свое образование. В 1836 г. он вернулся в Боливию, привезя с собой большую библиотеку по истории и филологии. В Ла-Пасе стал преподавать литературу в местной семинарии.

Поддавшись повальной моде тех лет, в 1845 г. Вильямиль Рада отправился в Калифорнию, мечтая найти свою золотую жилу. Из Калифорнии он переехал в Мексику все таким же бедняком, как и в начале своей авантюры. Здесь он познакомился с протестантским пастором, который убедил его поехать с ним в Австралию. Там Вильямиль Рада провел годы, полные лишений. С большим трудом ему удалось вернуться в Америку в 1856 г. Оказавшись на родине, он включился в политическую борьбу, был избран депутатом и даже в 1857 г. стал председателем Палаты депутатов. С приходом к власти Х.М. Линареса в 1857 г. вновь был вынужден эмигрировать. Вернулся на ро-

⁴⁸ *Barnadas J.* Diccionario histórico de Bolivia. Vol. I. Sucre, 2002. P. 995.

⁴⁹ *Guzmán L.M.* Breve resumen de las lecciones de la historia de Bolivia. Cochabamba, 1870. P. 1–2.

⁵⁰ *Prudencio R.* Ensayo histórico. La Paz, 1990. P. 37.

⁵¹ *Otero G.A.* Op. cit. T. 2. P. 50.

дину только в 1861 г. Вновь занялся политической деятельностью. Был назначен в состав делегации на переговорах с Бразилией о границе. Так он оказался в Рио-де-Жанейро. Однажды, бросившись в океан, покончил с собой. Удивительная биография неординарного человека.

Не менее экстраординарна судьба его книг. Он написал 4 тома «Системы американской первобытности» (*El Sistema de la primitividad americana*), но не успел опубликовать этот огромный труд. Главной же его работой стала «Язык Адама и человек из Тиауанако» (*La Lengua de Adán y el hombre de Tiguapaco*). Его земляк из Сораты, журналист и интеллектуал Николас Акоста решил опубликовать выдержки из этой книги помимо воли автора и тем самым спас ее: все рукописи Вильямиля Рады погибли при пожаре президентского дворца в Ла-Пасе 20 марта 1875 г.

Главный тезис книги Вильямиля Рады состоит в том, что первый человек на земле происходил из Америки, а точнее из Тиауанако. Доказательством этого тезиса было его убеждение, что Америка – самая древняя часть мира: и геологическая структура, и природное наполнение, флора и фауна ни на что не похожи, они ниоткуда не пришли, следовательно, это свидетельствовало об их изначальности. Отсюда и вышли первые люди⁵². Вильямиль Рада полагал, что человеческая раса через Тихий океан и Берингов пролив распространилась по всему миру.

Вильямиль Рада находил подтверждение своей гипотезе в сравнительной антропологии и лингвистике. Он скрупулезно сравнивал языки, мифы и легенды андских народов, прежде всего аймара и Древних Греции, Египта, Индии. Повсюду находил следы аймара. Он писал: «Кровь андского человека с его первоязыком распространилась по всем земным пределам, она наполняет вены всех матерей мира»⁵³. Более того, если прародина человечества – Анды, то Адамов рай – самое прекрасное место в этом регионе – возлюбленная автором Сората.

Вильямиль Рада был убежденным сторонником креационистской теории. В своем труде он создал космическую картину мира и его эволюции, утверждая Божественный акт творения на земле Анд. Он пытался примирить экспериментальную науку, филологию и антропологию, трактуемую в весьма своеобразном ключе, и веру в Божественное происхождение мира. В результате он поместил Эдем в Сорату, Адама сделал своим земляком. В качестве непререкаемого авторитета в подкрепление своей гипотезе он приводил папскую буллу 1512 г., признававшую индейцев потомками Адама и Евы⁵⁴.

Главным же аргументом в пользу своих измышлений Вильямиль Рада приводил данные своего сравнительного анализа структуры и лексики аймара и всех языков мира. Он писал: «Изучение языка увело нас в глубь веков, к Адаму. Это новая фаза истории человечества»⁵⁵. Филология, по его мнению, являлась важнейшим методом познания истории человечества. Сравнивая языки, он «обнаружил единство системы формирования корней, предлогов,

⁵² *Villamil de Rada E. La lengua de Adán y el hombre de Tiguapaco. La Paz, 1939. P. XXII.*

⁵³ *Ibid. P. 215.*

⁵⁴ *Ibid. P. XXIII.*

⁵⁵ *Ibid. P. 234.*

слов, имен». Аймара представлялся ему протоязыком, прародителем всех языков мира, следовательно, Адам и Ева говорили на аймара⁵⁶.

Вильямиль Рада с первого взгляда кажется смешным и нелепым. И действительно, некоторые его сравнения, например, языка аймара с древнееврейским, вызывают улыбку⁵⁷. Однако значение его труда в том, что он был первым, кто предложил использовать метод лингвистической аналогии в исторических исследованиях. Самое главное его достижение – это радикально-революционное для тех лет отношение к доколумбовой истории и индейской культуре. Недаром в XX в. он стал вдохновителем боливийского национализма и индеанизма⁵⁸. Его работа действительно обладает глубоким националистическим чувством, он окружил свою родину религиозным почитанием прародительницы человечества.

Как справедливо отмечал исследователь его творчества Густаво Адольфо Отеро, Вильямиль Рада «чувствовал Боливию как проблему, решение которой находилось в области культуры и цивилизации, ее можно было постичь лишь через его личный опыт, полученный в результате бесконечных путешествий и знакомства с различными частями мира, т.е. он хотел, чтобы через Боливию проходила история Европы и всего мира»⁵⁹. Он превращал Новый Свет в Старый, отрицал европоцентризм и эгоизм цивилизованных народов. Он был первым боливийцем, кто перестал стыдиться своего прошлого и завидовать европейцам. В этом его огромная историческая заслуга, по достоинству оцененная лишь столетие спустя. Недаром видный боливийский мыслитель XX в. Карлос Мединасели назвал его «человеком эпохи ренессанса»⁶⁰.

Романтики-костюмбристы и традиционалисты

Наряду с формированием профессиональной историографии с середины XIX в. в Боливии получило развитие литературно-историческое направление, близкое к костюмбризму. Родоначальником и непревзойденным мастером этого течения был писатель, политик и историк Натаниэль Агирре (1843–1888). Агирре испытал огромное влияние европейского романтизма, а его кумиром был Вальтер Скотт. В 1885 г. Агирре опубликовал свой самый известный исторический роман «Хуан де ла Роса. Воспоминания последнего солдата независимости»⁶¹. По словам известного испанского литературоведа М. Менендеса-и-Пелайо, «это лучший американский роман XIX века»⁶². Помимо своего знаменитого романа Агирре писал исторические работы, в основном биографии. В 1874 г. он опубликовал работу о герое войны за независимость генерале Франсиско Бурдетте О'Конноре. В 1883 г. вышла аполо-

⁵⁶ Villamil de Rada E. Op. cit. P. 194.

⁵⁷ Ibid. P. XXX.

⁵⁸ Arnade C.W. Op. cit. P. 340.

⁵⁹ Otero G.A. Op. cit. T. 2. P. 58.

⁶⁰ Medinaceli C. Páginas de vida. Potosí, 1955. P. 122.

⁶¹ В последние годы появились работы историков, утверждавших, что авторство этого произведения принадлежит участнику войны за независимость Хуану Альтамиру Калатайюду, подписавшему его псевдонимом Хуан де ла Роса. – Antezana L., Antezana A. ¡Viva la Patria! ¡Muera el Rey! La Paz, 2012. P. 85–86.

⁶² Цит. по: Barnadas J. Diccionario histórico de Bolivia. Vol. 1. P. 73.

гетическая книга о Боливаре⁶³. Наиболее известная его историческая работа, в которой он попытался профессионально подойти к предмету, была книга «Боливия в Тихоокеанской войне» (1882). В ней Агирре проанализировал причины войны и ее ход. Прекрасный писатель Агирре как историк не преуспел, а его работы были быстро забыты.

Ярким историком, влюбленным в свой родной город Потоси, был Модесто Омисте (1840–1898). Он был основателем и председателем Литературно-научного общества города. В 1875 г. Омисте опубликовал свою первую брошюру «История Боливии», предназначенную для начальных школ. В 1879 г. он ее расширил и предложил для использования в школах по всей стране. Однако правительство запретило ее печатать, так как в книге содержалось много критических строк в отношении деятельности властей последних лет⁶⁴.

Главная же его работа, плод труда многих лет – это пятитомные «Хроники Потоси» (опубликована в 1893–1896 гг.). Это блестящая работа по истории экономики, культуры, социальной жизни Потоси от основания города. Книги содержат богатый фактический, порой уникальный статистический материал по горнорудному делу, подробную историю Монетного двора⁶⁵. В этих томах собраны рассказы, поэзия, театральные пьесы, относящиеся к истории города. Омисте всю свою жизнь собирал книги и рукописи по истории Потоси. К сожалению, после его смерти родственники распродали их, а рукописи ушли как оберточная бумага.

Популярным писателем-историком, постоянно переиздаваемым вплоть до сегодняшнего дня, был Томас О'Коннор Д'Арлач (1853–1932). Он был очень плодовитым историком-популяризатором. Его излюбленной темой был период правления Мельгарехо. В 1890 г. он опубликовал «Дела и слова Мельгарехо», а в 1889 г. – исследование-роман о любовнице диктатора «Донья Хуана Санчес». Известна также его работа «Президенты Боливии», (1912). Его книги трудно охарактеризовать однозначно: это и не романы, и не история, а скорее занимательные рассказы, набор исторических анекдотов. Как ни странно, именно это качество и сделало их очень долго живущими.

Известный писатель-прозаик, один из последних боливийских романтиков Хулио Сесар Вальдес (1862–1918) также отдал дань историческому жанру. Он пытался писать небольшие, но претендующие на историческую объективность и профессионализм работы: «Хуан Баутиста Сагарнага, первый мученик независимости», «История Ла-Паса» о восстании 1809 г. Единственной крупной исторической работой была лишенная всякого объективизма, полная эмоций книга об отношениях Чили и Боливии и проблемах выхода к морю⁶⁶.

Традиционалистское направление в историографии, близкое политическому консерватизму, сформировалось вокруг «Литературного католического

⁶³ Aguirre N. El Libertador. Compendio histórico de la vida de Simón Bolívar. La Paz, 1973.

⁶⁴ Abecia Baldivieso V. Op. cit. P. 334.

⁶⁵ Omiste M. Crónicas potosinas. Notas históricas, estadísticas, biográficas y políticas. T.1. Potosí, 1891. P. 204–205.

⁶⁶ Valdés J.C. Bolivia y Chile. Antecedentes históricos. Discusión diplomática. Estado actual de la cuestión. Santiago de Chile, 1900.

общества», созданного в Сукре Мариано Баптистой и архиепископом Мигелем де лос Сантосом Таборга в 1851 г. в ответ на появление антирелигиозного, либерального общества⁶⁷. В эту группу вошли священники и студенты факультета теологии Университета.

Мигель де лос Сантос Таборга (1833–1905) написал немало исторических работ. Среди них выделяются «Неизданные документы по истории Боливии», «Представления о 25 мая», работы по колониальной истории и войне за независимость «Дела епископов и архиепископов Чаркас», «Историческое исследование тройной миссии Гойенече», об индейских древностях «Тиауанаку»⁶⁸. Во всех этих произведениях он резко критиковал работы Кортеса, Санчеса де Веласко за их отрицание испанского наследия, обещал написать общую работу по истории Боливии, в которой представил бы взвешенные оценки и колониального прошлого, и войны за независимость. Выполнить это обещание он так и не смог.

В конце жизни Таборга потратил много сил на борьбу с новым, опасным, как ему казалось, материалистическим веянием – позитивизмом. В своей полемичной и ультрамонтанной работе «Позитивизм, его ошибки и лживые доктрины» он обрушился с проклятиями на атеизм и материализм позитивизма, обвиняя последний в том, что он ставит знак равенства между человеком и животным⁶⁹.

Соратником Таборги был видный боливийский политик, президент страны, интересный публицист и историк Мариано Баптиста (1832–1907). Баптиста выступал против наступления эволюционизма, дарвинизма и атеизма. Он протестовал против увлечения европейскими материалистическими теориями. В трактовке боливийской истории опирался на работу Кортеса, поддерживая его вывод об усталости народа от насилия и хаоса, о необходимости восстановления власти просвещенного меньшинства⁷⁰.

Воинственный католицизм и аристократическая исключительность отразились в его исторических работах «Дон Даниэль Кальво» (1881), «Дон Томас Фриас» (1884). Если в первой он еще признавал значение романтизма Гюго, Расина, Корнеля, Шатобриана исключительно в духе религиозного возрождения, то в работе о Фриасе считал единственно правильной клерикально-охранительную политику подчинения общества и власти церкви⁷¹.

Боливийские консерваторы-традиционалисты не смогли стать доминирующей группой в общественной мысли и историографии. Они медленно эволюционировали к позитивизму и либерализму, против которых так рьяно выступали Баптиста и Таборга. В конце XIX в. их отличие от господствовавшего тогда позитивизма состояло лишь в политическом отношении к католической церкви. Методологически и концептуально консерваторы приняли основные положения либерально-позитивистской идеологии.

⁶⁷ Щелчков А.А. Консервативная социальная утопия в Боливии: правление М.И. Бельсу (1848–1855). М., 2005. С.211.

⁶⁸ Finot E. Op. cit. P. 223.

⁶⁹ Abecia Baldivieso V. Op. cit. P. 253.

⁷⁰ Baptista M. Obras completas. «El Hombre, el político, el amigo». La Paz, 1932. P. 124–130.

⁷¹ Ibid. P. 241–280, 324.

Триумф позитивизма

Как и в других странах Латинской Америки, в конце XIX и вплоть до первой четверти XX в. философский и политический либерализм (позитивизм) завоевал доминирующее положение в Боливии на рубеже веков. В этот период позитивизм был прогрессивным явлением в общественной мысли. Идеи Конта, Тэна, Ренана стали очень популярными, их книгами зачитывалась боливийская образованная публика.

Труды выдающегося боливийского историка Габриэля Рене-Морено (1836–1908) являются, по выражению К. Мединасели, «достоянием не только Боливии, но и всего континента». Историческое наследие Морено входит в золотой фонд латиноамериканской исторической мысли.

Морено родился в удаленном районе Боливии, в столице самого восточного департамента, в г. Санта-Крус в семье местных аристократов. В 1851 г. молодой Габриэль Рене-Морено переехал в Сукре, где пять лет учился сначала в Колехио Хунин, а затем в Университете. В 1856 г. Морено покинул Боливию, поступив на юридический факультет чилийского университета в Сантьяго. Там Морено попал в гущу интеллектуальной жизни, познакомился и сдружился с выдающимися чилийскими историками и писателями Э. Барросом Араной, братьями Блест Гана, В. Летельером и Педро Монтом. Морено начинает собирать книги и рукописи по истории Боливии. К концу жизни его коллекция была лучшей из всех известных в Боливии⁷².

Морено начал публиковать свои работы в очень раннем возрасте. Ему было 22 года, когда он написал «Исследование колониального периода в Верхнем Перу, Алонсо де Альварадо»⁷³. Морено с большим скептицизмом относился к тезису Кортеса о том, что не следует изучать колониальный период. Влияние чилийской историографии было решающим, а она в большей степени изучала именно колониальный период. В центре его внимания была политическая и социальная история Боливии. В 1877 г. в «*Revista Chilena*» Морено опубликовал большую и имевшую резонанс в профессиональной среде статью «Мита в Потоси в 1795 г.». В этой работе он привлек много новых, ранее неизвестных документов. В ответ на книгу Х.М. Сантиваньеса о Бальивиане в 1884 г. он опубликовал работу «Генерал Бальивиан»⁷⁴. В этих статьях и книгах Морено предстает как уже сформировавшийся историк.

В своем профессиональном становлении Морено прошел путь от романтизма середины века до убежденного последователя позитивизма. В молодости он увлеченно читал Ламартина, Сю, Гизо, Х.Х. де Мору. На его творчество оказали большое влияние французские традиционалисты Ж. де Местр и Бональд, а также расистские идеи Габино. Он увлеченно изучал идеи испанских неосхоластов, прежде всего Хайме Бальмеса. Однако его любимыми авторами стали Конт, Спенсер, Ранке, Гизо, Мишле, Карлейль и просветители XVIII в.

⁷² Морено подарил свои книги Национальной библиотеке в Сукре. Этот фонд и поныне является одним из самых замечательных и ценных в этой библиотеке.

⁷³ *Abecia Baldivieso V. Op. cit. P. 299.*

⁷⁴ *Finot E. Op. cit. P. 218.*

Морено считал историю учительницей жизни, а свою задачу видел в открытии «просвещающей правды». Для него главное действующее лицо истории не личность, как бы велика она ни была, а общество. В этом тезисе он опирался на авторитет Конта⁷⁵. При этом Морено протестовал против тенденции позитивистов рассматривать историю как совокупность природных, естественно-физических явлений. Морено придавал большое значение субъективному фактору, личности самого историка, подчеркивая индивидуализацию исследования, трансформировавшего исторический факт сквозь призму личного восприятия. Именно личность историка, по его мнению, придавала смысл любому исследованию и извлекала урок из прошлого⁷⁶. Фактически Морено приближался к экзистенциализму. Он писал: «Историк должен показать правду фактов через свое воображение и умение почувствовать эпоху, т.е. должен иметь дар воспроизвести, воскресить для нас прошлое»⁷⁷. Морено был не только высокопрофессиональным историком, но и прекрасным писателем, стилистом. Кроме того, все его работы социологичны.

Под влиянием идей Габино и Спенсера Морено укрепился в своих реаксистских предубеждениях против индейцев. Он считал, что «мозг индейца и метиса на клеточном уровне неспособен понимать республиканские ценности, свободу во всем величии этих идей, неспособен к проявлению гражданственности»⁷⁸. Именно в недостатках туземной расы Морено видел причины отсталости и многих политических бед страны: каудильизм и политиканство.

Первой крупной публикацией Морено стала серия работ, объединенных под общим заглавием «Анналы боливийской прессы». В 1886 г. появилась объемная работа «Резня Яньеса», посвященная массовому истреблению лидеров бельсистской партии во главе с экс-президентом Х. Кордобой в Ла-Пасе в 1861 г. по приказанию полковника Яньеса. Эта книга стала событием для боливийской историографии, получившей образец научного исследования, написанного мастером художественного слова. Морено использовал огромное количество источников, в том числе и устные свидетельства очевидцев и политических деятелей этой эпохи – Рафаэля Бустильо, Х. де ла Крус Бенаvente, Руперто Фернандеса⁷⁹. Морено продемонстрировал свою приверженность к двум фундаментальным принципам: огромное уважение к источникам и эффективность «здоровой эклектики» как метода⁸⁰.

Главная работа Морено, практически его шедевр «Последние колониальные дни в Верхнем Перу», вышла сначала в «*Anales de la Universidad*» в Сантьяго, а затем была издана там же отдельными томами: первый – в 1896 г., второй – в 1898 г. Над этой книгой Морено трудился более 25 лет. Морено декларировал, что его метод – это «систематическое и эстетическое приближение к изучаемой эпохе»⁸¹. В этом исследовании Морено создал многогран-

⁷⁵ Barnadas J. Gabriel René Moreno (1836–1908). P.137.

⁷⁶ Abecia Baldivieso V. Op. cit. P. 310.

⁷⁷ Цит. по: Condarco Morales R. Op. cit. P. 308.

⁷⁸ Kollasuyo. N 64. 1946. La Paz. 1946. P. 265.

⁷⁹ Moreno G.R. Matanzas de Yáñez. 1861–1862. Santiago de Chile, 1886.

⁸⁰ Barnadas J.M. Gabriel René Moreno (1836–1908). P. 128.

⁸¹ Ibid. P. 123.

ный образ боливийского общества накануне войны за независимость⁸². Об этой книге Г.А. Отеро писал: «Работа имеет подлинно историческое значение, ибо сумела создать достоверную картину эпохи через последовательное изложение событий, в портретах персонажей, в акварельных по свежести набросках нравов и обычаев, в живой эмоции, полной света и радости; от этих страниц исходит биение человеческого сердца»⁸³.

Морено внес большой вклад в изучение войны за независимость. Его новаторство в интерпретации многих явлений неоспоримо. Именно Морено первым отметил значение хунты в Монтевидео в 1808 г. в подготовке политической почвы для восстания на Ла-Плате. Он подчеркивал роль иезуитского государства и изгнания ордена в формировании условий и предпосылок отделения Америки от Испании. «Тот факт, – убежден Морено, – что восстания произошли повсеместно почти одновременно, говорит о том, что с научной точностью можно говорить о социологическом явлении»⁸⁴.

Наследие Морено включает в себя большой объем публикаций библиографических справочников. Первый Морено опубликовал в 1879 г. – восьмьсотстраничный том под названием «Боливийская библиотека», написанный по образцу аналогичной перуанской книги, изданной в Лиме М.Ф. Пас Сольданом. Самой крупной, непревзойденной по мастерству библиографической работой Морено была книга «Боливийская библиотека. Каталог архива Мохос и Чикитос» (1888). Это не только сборник публикаций, документов с комментариями, но и исследование истории региона в период от изгнания иезуитов и до конца XIX в.

Морено продолжал много работать и в последние годы жизни. Один из поздних его трудов – «Очерк общей библиографии периодики Боливии» вышел в свет в 1905 г. в Сантьяго. Также он увлекся темой взаимоотношений между Боливией и ее соседями – Аргентиной и Перу. Так появились книги «Боливия и Аргентина» (1901) и два тома «Боливия и Перу» (1901–1905). Главный тезис этих книг – патриотизм является препятствием для объективного исторического исследования⁸⁵. Морено всегда был вне общей для историографии континента тенденции создания героических патриотических мифов и поиска национальной души.

Если левый индеанист К. Мединасели причислял Морено к «американским цивилизаторам», которые, по их убеждению, своими книгами физически, телесно противостояли варварству, и ставил его имя в один ряд с Сармьенто, Гонсалесом Прадой, Марти⁸⁶, то другие, как, например, основатель индеанизма Франц Тамайо, называли его «главным клеветником на Боливию». Тот же Мединасели тонко отмечал внутреннюю трагедию Морено, обреченного, по его словам, «на одиночество агонизирующей Испании на индейском ландшафте Америки». Морено по существу не боливец, а испанец, поэтому «он никогда не смог понять своей родины, а она никогда не хотела его принять»⁸⁷. При всей эмоциональности сторонников и противников Морено

⁸² *Moreno G.R. Últimos días coloniales en el Alto-Perú. Vol.1 Santiago de Chile, 1896.*

⁸³ *Otero G.A. Op. cit. T. 2. P. 94.*

⁸⁴ *Moreno G.R. Estudios históricos y literarios. La Paz, 1983. P. 77.*

⁸⁵ *Arnade C.W. Op. cit. P. 347.*

⁸⁶ *Moreno G.R. Estudios históricos. P. 8.*

⁸⁷ *Barnadas J.M. Gabriel René Moreno (1836–1908). P. 11–15.*

и его почитатели, и его критики признают, что до него в Боливии не было профессиональных историков-исследователей, а после – достаточно упомянуть таких авторов, как Валентин Абесия, Луис Пас, М.Р. Паредес, Альберто Гутьеррес⁸⁸. На наш взгляд, следует согласиться со словами К. Мединасели: «Габриэль Рене-Морено больше всего сделал для нашей культуры. Его труды из золота высшей пробы, и их только сейчас начинают оценивать по достоинству»⁸⁹.

В последней четверти XIX в. в Боливии стали создаваться библиотеки и архивы, необходимые как воздух для развития национальной исторической науки. В 1883 г. президент Нарсисо Камперо (1879–1884) издал декрет о создании Национального архива. Его первым директором стал выдающийся деятель Эрнст Рюк (1833–1909). После Г. Рене-Морено он – самая крупная фигура в боливийской исторической науке XIX в.

Рюк родился в Германии, в молодости слышал массу увлекательных рассказов о Боливии от своего дяди, героя войны за независимость, близкого друга А. де Санта Круса, генерала Отто Филиппа Брауна. Рюк приехал в Боливию в 1854 г., женился на аристократке из Сукре и навсегда остался в этой стране, ставшей ему второй родиной. Рюк неутомимо собирал документы по истории Боливии. По сей день коллекция Рюка – одна из лучших в архиве. Рюк разделял постулаты позитивизма, видел свою задачу в накоплении позитивного знания, в сборе и систематизации документов, источников по истории Боливии.

В конце XIX в. в стране возникли общества, поставившие своей целью пропаганду позитивизма. В 1887 г. в Сукре Валентин Абесия основал Географическое и историческое общество «Сукре», посвятившее свою деятельность борьбе с клерикализмом и распространению идей позитивной философии. В 1900 г. Мануэль Висенте Бальивиан (1848–1921) создал в Ла-Пасе Географическое общество, в которое входили многие историки, географы и писатели. Общество выпускало периодические издания, брошюры и книги своих членов. М.В. Бальивиан был блестящим организатором научно-популярной работы, энтузиастом изучения боливийской истории, географии, этнографии, стимулировал изучение инкской истории боливийскими учеными.

В начале XX в. было образовано либеральное Общество им. Агустина Аспиасу, посвятившее себя пропаганде идей Конта и Спенсера⁹⁰. Историки и литераторы, считавшие себя сторонниками континентализма, создали кружковое движение «Свободные слова». Именно из этой группы вышел один из самых известных боливийских историков первой половины XX в. Альсидес Аргедас. Главным пропагандистом позитивизма в Боливии был Бенхамин Фернандес (1832–1891), за свое упорство и энтузиазм в распространении этой доктрины получивший прозвище «боливийский Конт».

Журналист, политик и историк Хосе Росендо Гутьеррес (1840–1883) был страстным собирателем документов по колониальному периоду, составив большую коллекцию, которую затем передал в Университет Ла-Паса.

⁸⁸ Ibid. P. 118.

⁸⁹ Medinaceli C. Op. cit. P. 3–4.

⁹⁰ Albaracín Millán J. El Gran debate. Positivismismo e irracionalismo en el estudio de la sociedad boliviana. La Paz, 1978. P.25.

В 1879 г. он опубликовал «Документы по древней истории Боливии». В этот сборник он включил важные и интересные материалы, относящиеся к осаде индейцами Ла-Паса и Куско во время восстания Тупак Амару 1780–1781 гг. Особенно интересны дневники военных, защищавших Ла-Пас⁹¹. Х.Р. Гутьеррес, так же как и Г. Рене-Морено, исследовал восстание 1809 г. в Ла-Пасе, с которого по традиции датировал начало войны за независимость. Если бы не звезда Г. Рене-Морено, затмившая всех остальных боливийских историков конца века, то Х.Р. Гутьеррес получил бы гораздо большее признание. В 1945 г. Боливийская академия истории приписала ему авторство довольно известной книги «Создание Боливии», вышедшей в свет под именем С. Пинильи⁹².

Равновеликой Х.Р. Гутьерресу фигурой был крупный историк Валентин Абесия (1846–1910). Врач по образованию, он увлекался историей и оставил немало прекрасных работ. В. Абесия дважды избирался ректором Университета в Сукре, попытался демократизировать высшее образование в Боливии. Его считают предшественником университетской автономии. Активно пропагандировал идеи Конта, по поводу чего вел публичную полемику все с тем же М. Таборгой. Опубликовал работу «Замечания по “Истории Боливии” Мигеля де лос Сантоса Таборги». Исследовал колониальный период и восстания 1809 г. В 1896 г. опубликовал «Доклады вице-короля Абаскаля о 25 мая и 16 июля 1809 г.». Ему трудам были свойственны фундаментальность и уважение к первоисточнику.

В. Абесия считал себя соратником Г. Рене-Морено. Собирал документы по истории Верхнего Перу, которые издал в 1899 г. в сборнике «Дополнения к Боливийской библиотеке Габриэля Рене-Морено». Лучшая его работа была опубликована уже после его смерти. Речь идет о книге «История Чукисаки», в которой дана панорама истории города от его основания до начала XX в.⁹³ Скрупулезный исследователь В. Абесия сопровождал свои тексты обширными приложениями документов. Он пользовался высочайшим авторитетом среди историков, а его работы не утратили своей ценности и по сей день.

Крупным историком конца XIX в. был рано ушедший из жизни Педро Крамер (1869–1899). Ученик А. Аспиасу и один из основателей Географического общества Ла-Паса, Крамер был очень продуктивным историком, ему принадлежат серьезные исследовательские работы по частным вопросам и обобщающие труды. В круг его интересов входила доколумбовая история: прежде всего Тиауанаку. Он задумал восьмитомную «Историю Боливии», но успел написать только первый том. Его перу принадлежат биографические работы о Тадео Хаенке, о своем учителе А. Аспиасу. Совместно с М.В. Бальивианом издал труды Т. Хаенке. Крамер придавал большое значение трудам этого чешского натуралиста конца XVIII в., привнесшего дух просвещения в Чаркас⁹⁴.

⁹¹ Finot E. Op. cit. P. 210.

⁹² С. Пинилья был известным историком того же времени. — Barnadas J. Diccionario histórico de Bolivia. Vol. 2. Sucre, 2002. P. 986.

⁹³ Abecia V. Historia de Chuquisaca. Sucre, 1939.

⁹⁴ Haenke T. Escritos precedidos de algunos apuntes para su biografía y acompañados de varios documentos ilustrativos por M.V. Ballivian y Pedro Kramer. La Paz, 1898. P. I – XXXVII.

В 1894 г. Крамер издал «Историю Боливии (краткий очерк)». Молодой и амбициозный историк взялся за эту работу, по его словам, из-за неудовлетворенности трудами Кортеса, Омисте и других своих предшественников. По его мнению, в боливийской историографии не было работ, которые бы руководствовались научными категориями⁹⁵. Крамер заявлял, что проблема состоит в методологии истории. Он считал, что «история должна опираться на географию, филологию, антропологию, социологию и другие науки». Крамер писал: «История – это не только перечень фактов, изолированных деяний властителей, смертей монархов, побед и поражений в битвах или в дворцовых переворотах; история, опирающаяся на философию, исследует подлинные причины, влияющие на прогресс или отставание наций, на силу одних или слабость других государств; история сегодня – это наука, которая изучает составные части общества, враждебность рас, борьбу каст и племен, антагонизм правителей и трудящихся, влияние климата, языка и институтов. Историю делает синтез усилий всего человечества во всем его многообразии»⁹⁶.

Одной из его последних работ была биография генерала Карлоса Вильегаса. Помимо описания жизни генерала, искусно вписанного в общий исторический контекст боливийской истории, в этом блестящем труде содержится обширный материал, относящийся к движению «игуалитариев» в Санта-Крус под руководством Андреса Ибаньеса⁹⁷. Несмотря на короткую жизнь, вклад Крамера в историографию был значительным. Хотя некоторые исследователи язвительно характеризовали его творчество как смесь французского интеллектуализма и боливийского провинциализма⁹⁸, следует признать, что Крамер методологически и предметно по многим историческим сюжетам опередил своих коллег на несколько десятилетий.

На рубеже веков признанным историком был Луис Пас Арсе (1854–1928). Наиболее значительная его работа – это история Университета в Сукре, которой он претендовал дополнить исследования Г. Рене-Морено и проанализировать роль Университета в подготовке кадров «революции освобождения» на Ла-Плате⁹⁹. В 1908 г. опубликовал объемную апологетическую биографию Мариано Баптисты, в которой защищал его консервативно-охранительную политику¹⁰⁰. Его перу принадлежит одна из лучших работ по колониальному периоду – двухтомный труд «История Верхнего Перу, ныне Боливии» (1919). Работы Л. Паса написаны в духе книг Морено с желанием объективно представить все стороны исторического процесса, не давая при этом ни негативных, ни позитивных оценок.

Тема каудильизма находилась в центре внимания Альберто Гутьерреса (1862–1927). Для него история была не только наукой или даже не столько наукой, сколько искусством. Он считал необходимым сочетание докумен-

⁹⁵ *Kramer P. Historia de Bolivia. (Compendio). La Paz, 1894. P. 291–292.*

⁹⁶ *Ibid. P. 2.*

⁹⁷ *Kramer P. General Carlos de Villegas (estudio histórico-biográfico). La Paz, 1898. P. 32–121.*

⁹⁸ *Arnade C.W. Op. cit. P. 353.*

⁹⁹ *Paz L. La Universidad mayor real y pontifica de San Francisco Xavier de la capital de los Charcas. Apuntes para su historia. Sucre, 1914. P. 6–7.*

¹⁰⁰ *Paz L. El gran tribuno. Biografía de Don Mariano Baptista. Cuadros históricos y parlamentarias de Bolivia. Buenos Aires, 1908.*

тальной подлинности исследования и художественной выразительности, что помогало достигать наиболее адекватного воспроизведения прошлого. Он был поклонником Томаса Маколея и Гастона Буассье¹⁰¹. В 1916 г. опубликовал большую книгу «Мельгарехизм до и после Мельгарехо», явившуюся по сути исследованием причин господства военных и каудильо в политической жизни Боливии. Для А. Гутьерреса история Боливии представляла собой арену борьбы невежественного милитаризма и демократических тенденций.

Пример, поданный Г. Рене-Морено по каталогизации публикаций, посвященных истории Боливии, привел к появлению библиографических сборников. Луис Салинас Вака (1856–1916), побуждаемый указом президента М. Баптиста, в период своей работы в посольстве в Испании составил каталог документов в испанских архивах, относящихся к Верхнему Перу¹⁰². В результате работы в архивах Испании и Британского музея в Лондоне он выпустил каталог документов по проблемам границ Боливии¹⁰³. Предисловие к обоим работам написал М.В. Бальивиан.

Библиографические справочники составлял видный эрудит и журналист Николас Акоста (1844–1893). Его главная работа – «Заметки к библиографии периодики города Ла-Пас» (1876). Фактически это полный каталог газет, листовок XIX в. Акоста также написал несколько исторических биографий, в том числе и об Эмеретио Вильямиле Раде, чья работа была спасена благодаря ему. Он был увлеченным собирателем книг, рукописей и к концу жизни создал прекрасную библиотеку, которую впоследствии купил Гарвардский университет (США)¹⁰⁴.

Толчок историческим исследованиям дали мероприятия по подготовке празднования столетия войны за независимость и создания республики Боливия в середине 20-х годов XX в. В этой связи следует выделить труды военного историка Мигеля Рамальо, который впервые в своей работе «Партизаны в войне за независимость» (1919 г.) исследовал значение отрядов Мануэля Падильо в ходе борьбы с испанским господством.

В 1920 г. (второе, дополненное издание 1916 г.) увидела свет двухтомная работа Агустина Итурричи «История Боливии при администрации маршала Андреса де Санта Крус», в которой была сделана первая попытка ревизии патриотических мифов о войне за независимость, в частности, пересмотрен образ национального героя Педро Доминго Мурильо, лидера восстания в Ла-Пасе в 1809 г. Итуррича был первым, кто заявил о предательстве Мурильо, о его сговоре с роялистами, что разрушало устоявшийся национальный миф о мучениках борьбы за независимость¹⁰⁵ и положило начало долгой полемике в историографии на эту тему, способствовало критике источников, поиску новых документов.

¹⁰¹ Otero G.A. Op. cit. T. III. P. 73–76.

¹⁰² Salinas Vaca L. Catálogo general de Archivos; o sea Documentos relativos a Bolivia encontrados en el Archivo General de Indias y en el de la Real Academia de la Historia. La Paz, 1889. P. 2.

¹⁰³ Comisión especial de los límites. Catálogo de los documentos concernientes a la historia geográfica de Bolivia, reunidos en las investigaciones practicadas en diferentes archivos y remitidos al Ministerio de Relaciones Exteriores. 1886–1889. La Paz, 1889.

¹⁰⁴ Abecia Baldivieso V. Op. cit. P. 271.

¹⁰⁵ Iturricha A. Historia de Bolivia bajo administración del mariscal Andrés Santa Cruz. Sucre, 1920.

Блестящим историком-самоучкой был поэт Мануэль Мария Пинто (1871–1942), перу которого принадлежит важная работа, до сего дня не утратившая своего значения, «Революция независимости Ла-Паса», изданная в Буэнос-Айресе в 1909 г. В ней впервые в научный оборот были введены архивные документы по данной тематике, находящиеся в Буэнос-Айресе. Он в своих выводах опирался на исторический опыт борьбы комунерос, колониальных кабильдо за свои права и привилегии, считая восстание в Ла-Пасе 1809 г. «революцией кабильдо», т.е. традиционной формой протеста в испанской монархии¹⁰⁶. Его работа предвосхитила аргументы ревизионистской школы.

Позитивизм и так называемый историцизм обнаружили значительную живучесть, и в первой половине XX в. многие историки по-прежнему отдавали должное этой методологии и идеологии. Ригоберто Паредес (1870–1952) был одним из таких историков. Он был очень плодотворным ученым, обладавшим писательским талантом и огромной эрудицией, особенно в области фольклора, местных обычаев, легенд. Его перу принадлежат работы о народных обычаях, мифах, а также политические биографии президентов Х. Балывиана и М. Мельгарехо.

Паредес разделял доминировавший тогда социал-дарвинистский подход к индейскому миру и истории индейских народов. Однако сам он был потомком индейской знати и гордился этим, отсюда его любовь и чуткое отношение к индейскому культурному наследию. Паредес обличал «дегенерацию» индейцев, но вину за это возлагал на эксплуататоров и конкистадоров, среди которых на первое место ставил не белых, креолов, а метисов, которые воплощали недостатки обеих рас¹⁰⁷. Этот взгляд Паредеса разделяли такие мыслители XX в., как Франц Тамайо, что противоречило основной идее боливийского национализма, видевшего в метисах основу боливийской нации.

Маркос Бельтран Авила (1881–1977) был одним из последних историков «старой» позитивистской школы. Ему принадлежит первенство в новой постановке проблемы завоевания Боливией независимости. В своих работах он развенчал миф о Боливаре как создателе независимой Боливии, доказывал, что тот был категорически против самостоятельности страны. Он утверждал, что независимость формировалась в партизанском движении после 1815 г. Работы Авилы до сих пор являются актуальными.

Кризис либерально-позитивистской идеологии и историография

Боливийская историческая наука вступала в XX в. при полном господстве либерально-позитивистской идеологии, либерализма и социал-дарвинизма. В то время как в соседних странах позитивизм переживал кризис под давлением модернизма, неокантинства и марксизма, в Боливии эти новые идейные веяния будут ощутимы только в 20-е годы XX в.

¹⁰⁶ Reescrituras de la Independencia. Actores y territorios en tensión. La Paz, 2012. P. 63–65.

¹⁰⁷ Thomsom S. La cuestión india en Bolivia a principios de siglo: el caso de Rigoberto Paredes // Autodeterminación. Las Paz. N 4. Diciembre 1987 – abril 1988. P. 99.

Либерально-позитивистские концепции не давали ответа на волновавшие боливийскую интеллигенцию вопросы. Главным было отношение к истории собственной страны, к культурно-исторической самобытности и неповторимости латиноамериканских стран. Внутри либерализма стали возникать течения, отходившие от основных постулатов позитивизма в анализе национальных реалий. Среди таких «белых ворон» были выдающиеся писатели и мыслители Боливии: Альсидес Аргедас, Франц Тамайо, И. Пруденсио Бустильо, Хайме Мендоса. Их работы не были поняты современниками. Книги А. Аргедаса «Общая история Боливии», «Каудильо-варвары» и другие вызвали возмущение и протест, Ф. Тамайо вовсе не был понят, и его работы не удостоились внимания публики. Идеи Тамайо должны были подождать два десятилетия, чтобы стать предметом жарких дискуссий. Книги И. Пруденсио Бустильо мало кто покупал. Между тем именно эти философы и литераторы подготовили концептуальный кризис либерализма и позитивизма. Они были предвестниками индеанизма и национализма в Боливии 20–30-х годов.

Хайме Мендоса (1874–1939), создатель философского направления так называемой «мистики земли», в начале века обратился к теме индейца и окружающего его жизненного пространства. Он исходил из чисто позитивистских взглядов о влиянии среды обитания на человеческую жизнедеятельность, но в отличие от господствовавшего тогда преклонения перед Европой и западной цивилизацией воспевал индейца и природу Альтиплано. Мендоса утверждал прямую зависимость исторической судьбы народа от ее географического положения, природы, ландшафта и климата.

Он был мистическим пессимистом; созерцая жизнь своей страны, восторгался и печалился одновременно. Он писал о Боливии: «Это печаль, ставшая землей»¹⁰⁸. Мендоса спорил с теми, кто объявлял Боливию «географическим» казусом. Он заявлял о своей вере в страну и ее жителей, подтверждая это примерами величия истории и культуры древних народов кечуа и аймара. Мендоса был одним из первых, кто решительно отошел от европоцентристского понимания исторического процесса.

В 30-е годы Х. Мендоса в своих последних работах сформулировал основы телуризма или, как он называл свою теорию, «мистики земли». Х. Мендоса развивал идею «незаконченности», молодости боливийской нации, формирование которой еще далеко от своего завершения¹⁰⁹. Наследие Мендосы сказывалось в работах историков националистического и индеанистского направлений.

Его перу принадлежали интересные исторические исследования «Университет в Чаркас и революционные идеи» (1924), «Фигуры прошлого» (1926). Война в Чако пробудила в нем интерес к истории этого региона, он написал несколько работ по этой теме: «Чако во времена конкисты», «Боливия и Парагвай», «Трагедия Чако».

Индеец как главное действующее лицо национальной действительности был в центре внимания Альсидеса Аргедаса (1879–1946). Он дебютировал на литературном поприще рассказами «Вата-Вата» и «Писагуа», в которых сразу проявился его интерес к самобытной культуре индейских народов и к

¹⁰⁸ Mendoza J. El macizo boliviano. La Paz, 1978. P. 7.

¹⁰⁹ Ibid. P. 167.

исторической тематике. В 1909 г. вышла наделавшая много шума его книга «Больной народ». Она имела общеинтерконтинентальный резонанс и была благожелательно воспринята интеллигенцией за пределами Боливии. Выдающийся уругвайский мыслитель Хосе Энрике Родо писал автору после прочтения этой книги: «То зло, которое так открыто и честно Вы описываете, свойственно не только Боливии, оно присуще в большей или меньшей степени всей Ибероамерике... Вы называете свою книгу “Больной народ”, а я бы назвал ее “Народ-ребенок”»¹¹⁰.

В этом социокультурологическом эссе Аргедас рассматривал три основные темы: психология расы, политическая практика и историческая судьба Боливии. Аргедас подчеркивал, что Боливия – это прежде всего индейская страна. Однако жалость, сострадание и протест против жестокости общества в отношении индейца сочетались с признанием лишь негативной роли индейских народов в истории страны. В его описании индеец предстает пассивным, жалким существом, в котором нет ни желаний, ни страстей¹¹¹. Впрочем, метис был для него во сто крат хуже индейца. Метис, чоло, – активный участник политической жизни, которую Аргедас ненавидит и презирает. Для него чоло – это воплощение лени, варварства, алкоголизма и прочих пороков.

В своем многотомном труде «История Боливии» Аргедас обрушился на чоло, эгоизм и низкие страсти толпы, плебса. В истории Боливии он видит лишь торжество варварства и деградацию образованных классов. «История Боливии» Аргедаса – это многотомная хроника преступлений и низостей чоло, толпы, главной опоры власти тиранов и военных диктаторов. Аргедас показал стране, что ее отсталость и «варварство» были вызваны не внешними условиями, а были следствием внутренних дефектов, падения морали и отсутствия благородных устремлений в обществе.

Поступательный ход всемирной истории Аргедас противопоставлял боливийской действительности. Он ставил свою страну за рамки общечеловеческого прогресса и цивилизации. Аргедас стремился показать, что того прогресса, о котором говорят позитивисты, в Боливии нет, скорее есть патологическая обреченность расы и страны.

Аргедас был убежден, что для перемен в жизни Боливии, для всеохватывающей реформы достаточно его моральных назиданий. Он так выразил свое понимание истории: «История – это мораль в действии»¹¹². Не будучи пессимистом по своим взглядам и оставаясь континентальным и либералом, Аргедас нанес самый ощутимый удар по идее прогресса, по позитивистскому историческому оптимизму. Вполне заслуженно его считают основателем боливийского индеанизма¹¹³. При этом следует отметить, что все позднейшие представители индеанизма как справа, так и слева считали Аргедаса своим самым главным идейным врагом.

Одновременно с Аргедасом принципы индеанизма сформулировал Франц Тамайя, который не оставил исторических произведений, но его работы и идеи

¹¹⁰ Arguedas A. Pueblo enfermo. La Paz, 1992. P. V.

¹¹¹ Ibid. P. 39–43.

¹¹² Abecia Baldivieso V. Op. cit. P. 379.

¹¹³ См.: Щелчков А.А. Режим «государственного социализма» в Боливии, 1936–1939. М., 2001. С. 65–96.

создали основу боливийского индеанизма и национал-реформизма, хотя сам Тамайо был убежденным противником политического национализма в Боливии.

Если сочинения Аргедаса вызвали негодование и протест «образованной» публики, то вышедшее в свет в 1910 г. собрание статей Франца Тамайо (1878–1956), объединенное в книгу под названием «Создание национальной педагогики», было едва замечено и удостоилось нескольких равнодушных рецензий. Однако уже через десять лет его идеи повсеместно завладели умами молодежи, стали главной темой дискуссий в философских и политических кружках и клубах. А еще через 20 лет эту книгу уже называли «Евангелием» боливийского национализма и индеанизма¹¹⁴.

Для Тамайо главное богатство Боливии – это индеец: «По своей жизнестойкости, по своему непревзойденному энергетическому безусловному превосходству, по своей крови индейская раса, кажется, предназначена к тому, чтобы выжить и остаться в истории»¹¹⁵. Тамайо возводил индейца в ранг высшей расы, которая должна стать биологической основой формирования боливийской нации. Основными принципами национальной жизни он объявлял силу, энергию, волю и национальный эгоизм.

Тамайо отвергал позитивистское понимание законов общественной жизни: он противопоставлял науке интуицию, разуму – энергию и жертву. Тамайо писал: «Нужно создать новые общественные и экономические критерии для перестройки нации, которая таковой еще и не является, нужно создать, как говорил Ницше, шкалу новых ценностей, более гуманных, более рациональных, более понятных, более эгоистических с точки зрения нации»¹¹⁶. Тамайо выступил против либерального демократизма, интеллектуализма и позитивистского универсализма, чему он противопоставил волюнтаризм и радикальный индеанизм.

Безусловно, Тамайо внес огромный вклад в преодоление европоцентризма и позитивизма в боливийской общественной мысли. Даже его абстрактная мессианская проповедь была всего лишь перевернутой социал-дарвинистской, позитивистской схемой: на место белого он просто поставил индейца¹¹⁷. Подлинная заслуга Тамайо заключалась в том, что он выступил против «идейной иностранщины», против «идеологической колонизации», обращался к теме земли, к индейцу. Аргедас и Тамайо своими работами, порой помимо своей воли, подрывали господствующие позиции позитивизма в общественных науках, в историографии.

Под знаменем национализма и индеанизма

В 20-е годы социализм и марксизм вызвали большой интерес среди молодежи, особенно среди студенчества. Хотя в дальнейшем студенчество почти поголовно увлеклось идеями Шпенглера, Кайзерлинга, Тамайо, марксизм за-

¹¹⁴ В 1944 г. «Создание национальной педагогики» Тамайо было переиздано военно-националистическим правительством Г. Вильярроэля, объявившим автора книги основоположником идей «революционного национализма».

¹¹⁵ *Tamayo F.* Creación de la pedagogía nacional. La Paz, 1991. P. 91.

¹¹⁶ *Reinaga F.* Franz Tamayo y la revolución boliviana. La Paz, 1957. P. 134.

¹¹⁷ *Zavaleta Mercado R.* Lo nacional-popular en Bolivia. México, 1986. P. 212–214.

воевал себе многочисленных сторонников. Кроме того, в Боливии марксизм переплетался с индеанистскими идеями. Такого рода эклектический симбиоз представлял собой «марофизм».

Яркий писатель и памфлетист Тристан Мароф (настоящая фамилия Густаво А. Наварро) родился в Сукре в 1898 г. Когда ему было 25 лет, он попал в Европу. Яркий, ироничный памфлетист левой ориентации привлек к себе внимание Анри Барбюса и Ромена Ролана, активно пропагандировавших коммунизм и русскую революцию. Дружба с А. Барбюсом, который писал вступительные статьи к книгам Марофа, способствовала переориентации его идейных поисков от латиноамериканского модернизма к марксизму и коммунизму.

Первой книгой Марофа, имевшей общеинтерконтинентальный резонанс, была «Справедливость Инки», изданная в Брюсселе в 1926 г. В этой книге он писал: «Американский континент – это континент, созданный для социализма, который даст на его почве самый плодотворный результат»¹¹⁸. И больше всех подходит для социализма Боливия, потому что основная масса населения – индейцы, сохраняющие в своей исторической памяти и в общинной организации основы инкского коммунизма. Мароф сформулировал исторический лозунг «землю – индейцам, рудники – государству».

В 1935 г. Мароф издал в Буэнос-Айресе имевшую большую популярность в Боливии и других странах континента книгу «Трагедия Альтиплано». В ней Мароф сформулировал задачи антиимпериалистической, антифеодальной революции, главными движущимися силами которой должны были стать рабочие и крестьяне-индейцы, революции, направленной против касты белых эксплуататоров, наследников испанских конкистадоров, а также против империализма. Мароф этой книгой дал начало левому индеанизму, искавшему пункты соприкосновения и синтеза с марксизмом.

В 30-е годы, после войны в Чако, в политических и интеллектуальных кругах Боливии видную роль играл университетский профессор истории Роберто Пруденсио (1908–1975). В 1939 г. он основал журнал «Кольясуйо», превратившийся в трибуну национализма и индеанизма. Впоследствии стал видной фигурой национал-реформистской партии МНР. В 1928 г. Пруденсио опубликовал «Новую концепцию жизни», своего рода антилиберальный, антирационалистический манифест. Размышляя над судьбой своей страны, он пришел к убеждению, что «чувство» земли, география, пейзаж формируют человека и общество¹¹⁹. На Роберто Пруденсио большое влияние оказал ревизионизм, прежде всего аргентинский. Его небольшие, но блестящие работы, посвященные войне за независимость, истории XIX в., содержат неординарные мысли, предлагают оригинальный взгляд на те или иные события¹²⁰.

В середине 30-х годов наряду с Р. Пруденсио крупным теоретиком теуризма становится Умберто Пальса (1900–1975). В 1936 г. он публикует книгу «Пересмотр нашего исторического прошлого», а после выхода в свет в 1939 г. работы «Человек как метод» он становится лидером нового философского направления, которое полностью вытеснило позитивизм из науки и интеллектуальной жизни.

¹¹⁸ *Marof T. La justicia del Inca. Bruselas, 1926. P. 14–15.*

¹¹⁹ *Albarracín Millán J. Sociología indígena y antropología telurista. La Paz, 1982. Vol. IV. P. 28.*

¹²⁰ *Prudencio R. Ensayos históricos. La Paz, 1990.*

Главная идея Пальсы состояла в абсолютизации «духа земли» как носителя географического императива, воздействующего на индивид и общество и обуславливающего форму и образ жизни человека. Он ставил в центр внимания человека как выразителя духа земли, телуристических сил. Его идея «человека как метода» исходила из концепции «человека-космоса» немецкого философа Шелера, для которого человек был мерой и олицетворением вселенной. Вслед за Тамайо, Мендосой и Кайзерлингом он видел в земле «космическую энергию», без которой человек неспособен познать свой мир и душу¹²¹.

Пальса ставил главный вопрос, волновавший его сограждан: что значит быть боливийцем? И в поиске ответа на этот вопрос он обращался к раскрытию феномена национальной культуры. Культура для него – это переход от хаоса и беспорядка к особенному, индивидуальному (самобытному) и гармоничному (с окружающей средой). Он принял как аксиому идею Шпенглера о конце Европы и призвал к поиску самобытных основ жизни боливийского народа.

Для Пальсы нет универсальной культуры, как и нет универсального гуманизма или универсального человека. Каждый человек и культура – социо-географичны. Индоамериканский человек по-своему чувствует и думает. Этот человек немыслим вне его связи с землей. Как и Тамайо, Пальса считал индейца наиболее связанным с землей индивидом и социумом¹²². Следовательно, для обретения собственного «я» боливийцы должны обратиться к духу Анд и к «космической энергии» индейской расы.

В ответ на историографические концепции Аргедаса Федерико Авила (1904–1973) в своей работе «Очерки интерпретации и исторической критики» предложил пересмотреть национальное прошлое, что для него означало не только написать новую историю, но и найти «национальный дух», который был утрачен в прошлом, но который составляет основу нации¹²³. Авила предложил свою периодизацию развития боливийской историографии, высшей стадией которой было для него появление «андской историографии», связанной с именами Тамайо и Мендосы¹²⁴.

Работы телуристов были окончательным разрывом интеллектуальной элиты с либерально-позитивистским прошлым. Они преодолевали глубоко укоренившийся европоцентризм как в теории, так и в общественной и политической жизни. Практические выводы идеологов нового поколения боливийских политиков были разнообразны: отталкиваясь от идей телуристов, многие эволюционировали к индеанизму и «революционному национализму».

Индеанизм появился как реакция на модернизм, необходимость приблизиться к реалиям национальной жизни. Хотя индеанизм как самостоятельное идейное направление возник в 20-е годы, лишь период после окончания войны в Чако это течение общественной мысли стало играть заметную роль. Вслед за Ф. Тамайо индеанисты видели в кечуа и аймара биологическую основу нации, призывали к изучению индейской культуры.

¹²¹ Albarracín Millán J. Sociología indigenal y antropología telurista. P. 87–91.

¹²² Francovich G. El pensamiento boliviano en el siglo XX. La Paz, 1985. P. 126–129.

¹²³ Ávila F. La revisión de nuestra historia. Ensayo de revisión y críticas histórica. La Paz, 1936. P. 112–113.

¹²⁴ Francovich G. Op. cit. P. 131–132.

В первой половине века большой толчок развитию индеанистских идей дали исторические и антропологические работы поселившегося в Боливии австрийского инженера Артуро Познанского (1873–1946), увлеченного археологией Тиауанако. В 1930 г. он создал Боливийское археологическое общество. Познанский утверждал, что Тиауанако, которое он противопоставлял Мачу Пикчу, открытой в 1911 г., а инков – аймара, является свидетельством великого прошлого аймара. Он подчеркивал, что жители Тиауанако были высшей расой, и аймара сохраняли генокод этой расы, а посему их ожидало великое будущее¹²⁵. Познанский сделал немало, чтобы превратить Тиауанако в символ национального величия. Его вклад в научное исследование Тиауанако состоит не в его идеях и концепциях, которые не выдержали испытания временем и профессиональной критики, а в привлечении интереса археологов и антропологов к этой тематике.

Индеанизм был положен в основу новых влиятельных политических течений: революционного национализма и разнообразных течений боливийского марксизма и социализма. Карлос Монтенегро, Аугусто Сеспедес заложили основы историографической концепции национализма. Монтенегро в работе «Национализм и колониализм» дал целостную картину развития боливийского общества в период после завоевания независимости. В основе его концепции лежала идея, что в Боливии со времени колонии существуют два противоположных полюса – «нация» и «антинация».

Карлос Монтенегро рассматривал ключевое событие боливийской истории – войну за независимость как освободительный процесс, в котором руководящую роль играли креолы и метисы (нация, народ), в котором были заложены основы и современной борьбы за национальное освобождение¹²⁶. С завоеванием независимости страны нация (народ) осталась подавленной антинацией (олигархией)¹²⁷.

Монтенегро утверждал, что олигархия пыталась привить на боливийской почве европейское правосознание, которое, однако, не соответствовало местным, автохтонным, «подлинно национальным» принципам жизни. Он отрицал возможность применения в Боливии каких-либо европейских доктрин и концепций общественного устройства. Монтенегро писал: «Либеральная идеология, к которой прибегал режим, идеология исключительно европейская; она была навязана народу, являлась одним из проявлений иностранного господства»¹²⁸.

После Национальной революции 1952 г. доминирующей идеологией становится «революционный национализм», олицетворенный партией МНР. Преобладают исследования истории революции, народных движений, идеологии национализма. Здесь следует упомянуть работы Л. Пеньялосы, Л. Антесаны Эргеты, Г. Бедрегалья, к сожалению, страдающих идеологической и партийной ангажированностью.

¹²⁵ Stefanoni P. «Qué hacer con los indios...» y otros traumas irresueltos de la colonialidad. La Paz, 2010. P. 83–85.

¹²⁶ Reescrituras de la Independencia. P. 18.

¹²⁷ Montenegro C. Nacionalismo y coloniaje. La Paz, 1979. P. 71, 82.

¹²⁸ Ibid. P. 191.

Боливийская историография во второй половине XX века

Несмотря на очевидное преодоление либерально-позитивистской идеологии в общественной мысли и политике, в научной среде по-прежнему большинство историков исповедовали принципы историцизма и позитивизма. Многие историки испытали влияние марксизма, новых исторических школ, таких как ревизионизм, но в своих работах в основном оставались верны старым принципам, позитивизму. Хотя улучшилась критика источников, больше внимания уделялось архивным документам, в работе большинства авторов преобладала описательность.

Крупным историком данного типа был Умберто Васкес Мачикадо (1904–1957), перу которого принадлежит множество небольших работ на различные частные темы национальной истории. Его отличала научная честность, тщательное отношение к фактам, работа с первичными документами. Его взгляды, в соответствии с влиянием эпохи, отличались некоторым экономическим детерминизмом, а периодизация истории Боливии имела явно выраженный экономический характер: эпохе доминирования кины приходит время селитры, которую сменяют каучук и серебро, а затем наступает эра олова¹²⁹. Не утратили актуальности некоторые его труды, такие как «Дипломатия Боливии при дворе Исабеллы II»¹³⁰, или его тенденциозная работа «Плагиат Пасоса Канки», в которой он обвинял первого боливийца-индейца, деятеля войны за независимость Висенте Пасоса Канки, написавшего работу о революции в Южной Америке и борьбе колоний с Испанией, в заимствовании части текста у испанских авторов¹³¹.

Плодотворным и глубоким автором был Энрике Финот (1891–1952). Его «История боливийской литературы» (1942) затрагивала не только художественную литературу, но и была первым общим историографическим очерком. В своей следующей работе «Новая история Боливии» политическую и социально-экономическую историю он дополнил культурой, яркими проявлениями художественной жизни, которой придавал большое значение в формировании национальной самобытности. Оставаясь позитивистом, Финот большое внимание уделял социально-экономическим факторам, которым отдавал предпочтение перед событиями политической жизни. В полном противоречии с либеральной ортодоксией, верность которой декларировал, он считал, что индейский вопрос невозможно решить посредством развития просвещения, оставляя нетронутым главную проблему – землевладение¹³². Многие либеральные историки не могли игнорировать идейные влияния инденизма и марксизма.

Марксизм постепенно занял очень важное место в боливийской исторической науке, которое было заметным вплоть до конца XX в. Внутри марксизма самым плодотворным было троцкистское направление. Многие молодые боливийские историки отдали дань увлечения троцкизмом, хотя впоследствии отказались от идеологизации своих исторических исследований (пос-

¹²⁹ *Abecia Baldivieso V.* Op. cit. P. 413.

¹³⁰ *Vazquez Machicado H.* La diplomacia boliviana en la corte de Isabel II. La Paz, 1941.

¹³¹ *Vazquez Machicado H.* Los plagios de Pazos Kanki y de otros grandes escritores. La Paz, 1991.

¹³² *Abecia Baldivieso V.* Op. cit. P. 416.

ле революции 1952 г. многие вступили в партию МНР, восприняв терминологию «революционного национализма», и отошли от троцкизма). Среди боливийских историков XX в. особое место занимает блестящий ученый и политик Гильермо Лора, автор многотомной «Истории рабочего движения в Боливии». Не меньшей величиной был очень плодотворный историк, также троцкист Алипио Валенсия Вега, которому принадлежат многочисленные монографии на многие сюжеты боливийской истории. Многотомная «Политическая история Боливии» была обобщающей работой, венчавшей все его творчество.

Марксисты просоветского направления, как, например, Х. Овандо Санс, вписывали социальные процессы в формационную схему смены феодализма капитализмом, рассматривали период первоначального накопления, феодальных пережитков в деревне в духе европоцентристских моделей аграрной реформы. По существу такой подход (как троцкистский, так и просоветских марксистов) был проявлением неокOLONиалистского сознания.

История как профессиональное призвание, как научная отрасль появляется в Боливии не ранее 60-х годов XX в. Только с 1966 г. в университетах (в Ла-Пасе, UMSA) появляется такая специальность, как история. С этого момента мы можем говорить о появлении профессиональных историков, а в предыдущую эпоху историками были ученые-самоучки, журналисты, писатели, политические деятели, дипломаты (что несколько не уменьшает ценности их выводов и изложения материала, хотя такие «детали», как корректное цитирование, ссылки и прочее, многими игнорировались). Их методологической основой продолжал оставаться позитивизм и историцизм, а также примыкавший к ним марксизм различных модификаций.

Ревизионизм не имел такого значения в боливийской историографии, как в соседних странах – Аргентине и Чили. В Боливии большим влиянием пользовались революционные идеи, а ревизионизм как альтернатива либерализму и позитивизму не представлял собой привлекательную идеологическую модель. Надо сказать, что через полвека, в конце XX в., очищенный от консервативного идеологического влияния ревизионизм, его можно назвать неоревизионизмом, приобрел большое влияние в противостоянии неолиберализму и постмодернизму.

Тогда же происходит становление архивного дела, превращение Национального архива Боливии под руководством выдающегося архивиста и историка Гуннара Мендосы Лосы в крупнейший научный центр. Благодаря усилиям его группы Национальный архив добился признания как один из лучших в Южной Америке по своей организации и каталогизации материалов, что также способствовало расцвету исторических исследований в последующие годы. Библиографические и архивные исследования проводил Х. Барнадас (каталонец по происхождению), также занимавшийся индейскими и церковными проблемами.

Огромное влияние на становление профессиональной исторической науки оказали американские антропологи и социологи, много работавшие в Боливии в области аграрных отношений. Расцвет этой сферы культурной и социальной антропологии в боливианистике США приходится на 60–70-е годы. Результатом их прямого контакта с боливийскими историками было увлечение многих исследователей структурализмом, методами социальной

антропологии. В те же годы работы американских историков Херберта Клейна, Чарльза Арнаде, Уильяма Лофстрома пробудили интерес боливийских историков к исследованию старых тем, но с обращением к архивным источникам, к поиску новых документов, способствовали пересмотру многих традиционных концепций.

Так, под их влиянием появились новые исследования войны за независимость и первого этапа формирования национального государства в XIX в. Хосе Луис Рока развивал идеи, высказанные в американских работах о протонационализме движения за независимость¹³³. Работы Рене Арсе были новаторскими, так как отвергали традиционную версию войны за независимость, выделяли в освободительном движении индейское течение, которое имело свой собственный общественно-исторический проект в этой борьбе¹³⁴. Позднее эта тема нашла свое развитие в работах историков-индеанистов, самым крупным из которых был Роберто Чоке. Он полностью отказался от парадигмы, довлевшей как у левых, так и правых, рассмотрения войны за независимость как борьбы против испанского колониализма и абсолютизма, как прогрессивного акта, давшего жизнь боливийскому государству. Он задался вопросом: а что этот процесс создания национального государства принес индейцам. Р. Чоке противопоставлял креольско-метисное движение индейскому, а войну за независимость – восстанию Тупак Катари 1780–1783 гг., так как независимость оказалась враждебна индейским народам и ничего им не дала¹³⁵.

Начало 70-х годов характеризовалось революционными изменениями в исторической науке. Во всем мире, и в Латинской Америке не в последнюю очередь, огромное значение имели события «мировой революции» 1968 г., способствовавшие развороту многих ученых в сторону нео- или постмарксизма, структурализма, к поиску синтеза достижений «школы Анналов» и марксизма. В Боливии к этим факторам следует добавить влияние событий Ньянкусасу (геррилья Че Гевары), левонационалистический эксперимент Х.Х. Торреса и следовавшие за ними годы военной диктатуры. Многие представители интеллигенции стали приверженцами левых идей. Именно в эти годы Рене Савалета Меркадо, Марсело Кирога Санта Крус разрабатывают новую левую альтернативу в общественной науке, не смыкавшуюся во многом с традиционными левыми историками-марксистами различных направлений.

Выдающимся марксистом-гетеродоксом был социолог и историк Рене Савалета Меркадо (1937–1984). Начиная свою деятельность в рядах МНР как самый молодой министр правительства В. Паса Эстенсоро в 1964 г., после драматического революционного опыта 1970–1971 гг. Савалета Меркадо покинул ряды МНР и вскоре вступил в компартию. В период реакции 70-х годов Савалета был вынужден покинуть страну, нашел убежище сначала в Чили, а затем в Мексике, где преподавал в Национальном университете. В 70-е годы он пишет свои популярные работы – «Двоевластие в Латинской Америке»¹³⁶

¹³³ Roca J.L. Ni con Lima ni con Buenos Aires. La formación de un Estado nacional en Charcas. La Paz, 2007.

¹³⁴ Arze Aguirre R. Participación popular en la independencia de Bolivia. La Paz, 1979.

¹³⁵ Choque Canqui R. Situación social y económica de los revolucionarios del 16 de julio de 1809 en La Paz. La Paz, 2008.

¹³⁶ Zavaleta Mercado R. El poder dual en América Latina. México, 1974.

и другие. Фундаментальным трудом Савалеты Меркадо стала его наиболее известная работа «Национально-народное начало в Боливии»¹³⁷, опубликованная в 1986 г., уже после смерти Савалеты. В 1984 г. Савалета тяжело заболел и вскоре умер.

Один из тезисов Савалеты состоит в том, что в Боливии история являлась сценой противостояния гражданского общества и государства, а рабочий класс в лице профсоюзов воплощал все гражданское общество, армия была собственно государством как аппарат насилия. Поэтому вся современная история Боливии представляла собой борьбу армии и рабочего класса. Для Савалеты рабочий класс переставал быть одной из общественных групп или классов, а превращался в стратегическую основу организации всего общества¹³⁸.

Национальное освобождение Боливии виделось ему в преодолении «сеньориального» наследия: он называл его «сеньориальный парадокс», который заключался в том, что узкий правящий слой («сеньоры»), возникший в Боливии в эпоху конкисты, обладал способностью приспосабливаться к новым историческим условиям и охранять себя в качестве господствующего класса, несмотря на конъюнктурные поражения и даже катастрофы с его узкокастовой точки зрения¹³⁹. Савалета писал: «Боливия всегда была страной сеньоров, и очень долго ни левые, ни правые не могли даже думать о том, что это может измениться». Даже революция 1952 г., по мнению Савалеты, в конце концов закончилась победой неоолигархических элементов. Савалета Меркадо при описании боливийского общества использовал термин «лоскутная формация», поскольку в Боливии сосуществовали различные экономические, социальные и культурные уклады, часто очень слабо связанные между собой. Работы Савалеты Меркадо оказали значительное влияние на новое поколение боливийских политиков и интеллектуалов¹⁴⁰.

В 70-е годы наибольшую популярность, как и в других странах континента, приобретает «теория зависимости», которая в Боливии с энтузиазмом была воспринята марксистскими и левонационалистическими исследователями. Среди таких авторов следует назвать П. Рамосу Санчеса, Х.М. де ла Куэва. Последователи этого метода успешно работали в последующие годы, оставив значительные труды по экономической истории, — А. Антесана, Л. Пеньялоса Кордеро. В историографии преобладали исследования военных режимов, олигархических групп и империалистического проникновения.

Тогда же в противовес ставшему традиционным националистическому направлению (революционному национализму) возникают два направления: одно индеанистское и второе регионалистское, прежде всего в исследованиях районов востока страны, Санта-Круса, обладавшего большой расовой, культурной спецификой. Историки этого направления изучали особенности движения за независимость в Санта-Крусе, местные выступления за автономию региона, как, например, «революцию равенства» А. Ибаньеса 1876–

¹³⁷ Zavaleta Mercado R. Lo nacional-popular en Bolivia.

¹³⁸ El pensamiento de Zavaleta Mercado. La Paz, 1989. P. 53.

¹³⁹ Bolivia hoy / Coord. R. Zavaleta Mercado. México, 1983. P. 50.

¹⁴⁰ Шишков А.С. Революция 1952 г., рабочий класс и особенности истории Боливии в творчестве Рене Савалеты Меркадо // Латинамериканский исторический альманах. № 13. 2013. С. 297–302.

1877 гг., говорили о формировании отдельной «нации камба¹⁴¹». Это работы таких историков, как У. Васкес Мичикао, П. Молина, Э. Санабрия Фернандес, И. Сандоваль Родригес,

В 80-е – 90-е годы на континенте и в Боливии возникает интерес к истории «исключенных» (*excluyentes*) социальных, расовых групп и слоев. В Боливии в центре внимания многих исследователей оказались городские низы, шахтеры и, главное, индейское крестьянство. Наибольшего успеха удалось достичь исследователям индейских культур. Многие из них часто были связаны с политическим индеанизмом, катаризмом, с такими общественными институтами, как CIPCA (*Centro de Información y promoción del campesinado* – Центр информации и развития крестьянства). Большую роль в изучении крестьянства и новых подходов к истории индейских народов сыграла созданная в 1983 г. Группа устной андской истории (*Taller de Historia Oral Andina* – ТНОА). Речь идет о таких известных ученых, как Сильвия Ривера Кусиканки (основательница ТНОА), Хавьер Альбо, С. Уртадо, Х.М. Гордильо, Роберто Чоке Канки.

Новое академическое поколение историков представляет такой многогранный и плодотворный ученый, как Густаво Родригес Острия, перу которого принадлежит фундаментальная работа по формированию рабочего класса в горнорудной отрасли «Профсоюз и рудник»¹⁴². Он также является автором междисциплинарных исследований, например, посвященных роли пива – чичи в социокультурном и экономическом развитии региона Кочабамбы¹⁴³. В 2000-е годы в центре его внимания – партизанская борьба в стране в 60–70-е годы XX в., герилья под руководством Э. Че Гевары¹⁴⁴.

В 90-е годы на континенте большое влияние приобретают постмодернистские, постструктуралистские подходы к истории. Безусловно, эти тенденции имели иностранное происхождение, импульс к их распространению исходил из мировых центров гуманитарного знания, из Европы и США. Новые тенденции в науке имели широкое распространение в таких странах, как Мексика, Бразилия, Чили, где многие боливийские историки нового поколения получали образование или проходили стажировки по стипендиям различных фондов. Как утверждал бразильский специалист по методологии истории Ж. Малерба, латиноамериканская историография в конце XX в. отставала примерно на два десятилетия от тематических, теоретических и эпистемологических изменений, произошедших в крупных мировых центрах, откуда заимствовались историографические модели¹⁴⁵. Боливия следовала им с еще большим запаздыванием, но по тем же направлениям, что и остальные страны региона. Важное место в этом процессе проникновения новой европейской и североамериканской исторической науки заняли такие

¹⁴¹ Camba – народное название жителей Санта-Круса и востока страны.

¹⁴² *Rodríguez Ostria G.* El socavón y el sindicato. Ensayos históricos sobre los trabajadores mineros. Siglos XIX–XX. La Paz, 1991.

¹⁴³ *Rodríguez O.G., Solares S.H.* Sociedad oligárquica, chicha y cultura popular ensayo histórico sobre la identidad regional. Cochabamba, 1990.

¹⁴⁴ *Rodríguez Ostria G.* Цикл партизанской борьбы в Боливии в 1963–1970 гг. Преемственность и различия // Латиноамериканский исторический альманах. № 12. М., 2012. С. 186–200.

¹⁴⁵ *Малерба Ж.* История в Латинской Америке: Очерк историографической критики. М., 2011. С. 89–90.

научные институты, как CLACSO, Centro de estudios Regionales andinos B. De las Casas в Куско и Французский Андский институт в Лиме.

Взросший интерес к постмодернизму на рубеже столетий был обусловлен общим духовным и социально-культурным кризисом начала 2000-х годов, когда неолиберальная система в Боливии вступила в период упадка и в некоторой степени морального кризиса в обществе. Эту тенденцию в Боливии удалось достаточно быстро преодолеть после начала «революции Эво Моралеса», поставившей в повестку дня новые культурно-исторические перспективы, отвергавшие неолиберальную парадигму. Тем не менее постструктурализм привел к появлению новой истории, новых эпистемологических подходов. Стала преобладать микроистория, отдельные изолированные сферы исследований, разрушавшие единое историческое познание на отдельные «истории культуры», распадавшейся на самостоятельные истории: истории женщин, истории индейцев, истории стариков, истории уголовного мира, истории низов, различных субкультур и рас. Этот подход расчленял общество на различные и невзаимосвязанные субкультуры, в том числе и региональные истории, разрушая целостность исторического познания. Это направление получило название «новой истории культуры», которое противопоставлялось до того времени доминировавшей социальной и экономической истории. В рамках этой тенденции главной становится дихотомия общества по линии противопоставления модерности и традиции. Предлагалось полностью отказаться от исследования колониализма, империализма, зависимости, эти понятия превращались в историческую топонимику, но не более. Как отмечали идеологи постмодернизма, термины «вроде левый и правый, базис и надстройка, производство и воспроизводство, материализм и идеализм» стали «почти бесполезными и могут использоваться разве что для сохранения предрассудков»¹⁴⁶.

Постструктурализм на определенном этапе, особенно в конце 90-х годов, сделал немало для отрицания устоявшихся догм и линейных подходов к истории страны, которые восходили либо к национал-реформистской, либо к марксистской традиции (именно в той форме, которая была свойственна троцкистам и просоветским марксистам). Он был важен как оружие против стереотипов и очень продуктивен, но привел к разрушению целостного понимания истории, к неоправданной фрагментации исторических исследований. В Боливии этот процесс в полной мере проявился уже после 2000 г.

Многие самые успешные историки этого периода пытались совместить в различных комбинациях постмодернизм и марксизм (Р. Барраган). На преодолении увлечений постструктурализмом и парадигм традиционного (догматического) марксизма появилось новое поколение боливийских историков, во многом возвращавшихся к постулатам «школы Анналов» и английского неомарксизма, «новых левых» (особенно популярными были работы англичан Э. Хобсбаума, П. Андерсена, Э. Томпсона, английских латиноамериканистов и специалистов по истории Боливии Дж. Дюнкерлея, Т. Платта). Среди тем, занявших важное место в историографии, было изучение элит (также получившее импульс от исследований испанского историка М. Ируроски Викто-

¹⁴⁶ Андерсон П. Истоки постмодернизма. М., 2011. С. 15.

риано). Среди трудов новых историков выделяются работы Россаны Барраган, Роберто Лаура, Беатрис Россельс, Клары Бельтран, Химены Соруко.

Наряду с «новой культурной историей» в эти годы появляется так называемая «новая политическая история», которая почти исключительно посвятила себя изучению «представительства», «коллективного воображаемого», «исторической памяти». Большое влияние на боливийских историков оказали европейские коллеги, такие как М. Ируроски, М.Д. Демелас, которые работали в тесном сотрудничестве с боливийскими учеными. Темы демократии, политического гражданства, представительства, гражданских праздников, ритуалов и т.п. вытесняют все прочие темы политической истории. В рамках «новой политической истории» Россана Барраган разрабатывала темы территориального представительства, «пактового государства», практику и дискурс гражданства, положение исключенных из политической системы, индейцев, женщин. Формированием современной практики гражданства, трансформацией от подданного «старого режима» к гражданину эпохи модерности занималась другая представительница этого течения – Мария Луиса Соукс.

На современном этапе происходит бурное развитие боливийской исторической науки, растет число исследователей, стала нормой работа в архивах, разрабатывается местная и региональная тематика, издаются многочисленные научные журналы: «Estudios bolivianos», «Tinkazos», «Historia y Cultura», «Anuario del ABNB» и другие. Регулярно проводятся научные конгрессы Ассоциации боливийских исследований, на которые собираются десятки ученых не только из Боливии, но и из других стран мира. Боливийская историческая наука переживает период подъема и творческих успехов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Общие работы

- Боливия: тенденции экономического и социально-политического развития. М., 1990.
- Калуужская Т.Г. Боливия. Тенденции социально-экономического развития. М.: Наука, 1979.
- Меса Хисберт К. Президентское правление в Боливии: между силой и законом. М.: ИЛА РАН, 2006.
- Abadie-Aicardi R.F. Economía y sociedad de Bolivia en el siglo XX. El antiguo régimen. Montevideo: Rio de la Plata, 1966.
- Abecia Baldivieso V. Breve historia de Bolivia. Caracas, 1985.
- Abecia Baldivieso V. Historiografía boliviana. La Paz: Editorial Juventud, 1973.
- Abecia Baldivieso V. Las relaciones internacionales en la historia de Bolivia. T. 1–2. La Paz: Amigos de los libros, 1979.
- Abecia V. Historia de Chuquisaca. Sucre, 1939.
- Abercrombie T. Caminos de la memoria y del poder. Etnografía e historia en una comunidad andina. La Paz: IFEA, 2006.
- Arguedas A. Historia General de Bolivia. 1809–1921. La Paz: Ed. Puerta del Sol, 1967.
- Arnade C.W. The Historiography of Colonial and Modern Bolivia // Hispanic American Historical Review. Vol. XLII. N 3, 1962. Durham, 1962.
- Assadourian C.S., Bonilla H., Mitre A., Platt T. Minería y espacio económico en los Andes. Siglos XVI–XX. Lima, 1980.
- Ávila F. La revisión de nuestra historia. Ensayo de revisión y críticas histórica. La Paz: 1936.
- Barnadas J. La iglesia católica en Bolivia. La Paz: Juventud, 1976.
- Barnadas J. Diccionario histórico de Bolivia. Sucre: Ed. Grupo de Estudios Históricos, 2002.
- Barragán R. Asambleas Constituyentes. Ciudadanía y elecciones, convenciones y debates (1825–1971). La Paz: Muela del Diablo Editores, 2006.
- Bieber L.E. Empresarios mineros en el siglo XIX: bases para su caracterización social. Cochabamba: IESE, 1980.
- Bonifaz M. Legislación agrario-indígena. Cochabamba: Impr. Universitaria, 1933.
- Choque Canqui R. Historia de una lucha desigual. Los contenidos ideológicos y políticos de las rebeliones indígenas de Pre-Revolución Nacional. La Paz: UNIIH-Pakaxa, 2005.
- Choque Canqui R. Jesús de Machaca: la marka rebelde. Cinco siglos de historia. La Paz: Plural Editores, 2003.
- Condarco Morales R. Historia de la ciencia en Bolivia. Historia del saber y la ciencia en Bolivia. La Paz, 1978.
- Crespo A. Los Aramayo de Chichas. Tres generaciones de mineros bolivianos. Barcelona: Ed. Blume, 1981.
- Cusicanque J.E. Historia diplomática de Bolivia. T. 1–2. La Paz: Unidas, 1982.
- Dunkerley J. Orígenes del poder militar, Bolivia 1878–1935. La Paz: Plural, 2003.
- El siglo XIX. Bolivia y América Latina /Barragán, Rossana, Dora Cajías y Seemin Qayum (comp.) La Paz: Muela del Diablo Editores, 1997.
- Escobari Cusicanqui J. Historia diplomática de Bolivia. Lima, 1975.
- Fellman Velarde J. Historia de Bolivia T.1–2. La Paz; Cochabamba, 1968, 1981.

- Finot E.* Nueva Historia de Bolivia. (Ensayo de Interpretación Sociológica). La Paz: Librería Editorial «Juventud», 1989.
- Finot E.* Historia de la literatura boliviana. México, 1942.
- Flores Galindo A.* Buscando a un Inca: identidad y utopía en los Andes. Lima: Instituto de Apoyo Agrario, 1987.
- Gisbert T.* Iconografía y mitos indígenas en el Arte. La Paz: Fundación BHN, 1980.
- Gotkowitz L. A.* Revolution for our rights. Indigenous Struggles for Land and Justice in Bolivia, 1880–1952. Durham: Duke University Press, 2007.
- Gumucio Baptista M.* Historia contemporánea de Bolivia. 1930–1978. La Paz, 1978.
- Historia del pueblo chiriguano / Isabel Combés (compilación, introducción y notas). La Paz: Plural, 2007.
- Identidad, ciudadanía y participación popular desde la Colonia al siglo XX/ Salmón J., Delgado G. (edit.). La Paz: Plural, 2007.
- Identidades andinas y lógicas del campesinado. Lima, 1986.
- Irurozqui V.M.* «A bala, piedra y palo». La construcción de la ciudadanía política en Bolivia, 1826–1952. Sevilla, 2000.
- Klein H.S.* Parties and Political Change in Bolivia, 1880–1952. London: Cambridge University Press, 1971.
- Klein H.* A Concise History of Bolivia. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Klein H.* Haciendas and Ayllus. Stanford: Stanford University Press, 1993.
- Klein H.* Historia general de Bolivia. La Paz: Juventud, 1988.
- Klein H.S.* Bolivia. The Evolution of a Multi-Ethnic Society. New York; London: Oxford Univ. Press, 1982
- Klein H.S.* Haciendas and Ayllus. Rural Society in the Bolivian Andes in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. Stanford: Ed. Stanford Univ. Press, 1993.
- Klein H.S.* Historia general de Bolivia. La Paz: Juventud, 1988.
- Kramer P.* Historia de Bolivia (Compendio). La Paz, 1894.
- La participación indígena en los mercados surandinos. Estrategias y reproducción social. Siglos XVI–XX. La Paz: CERES, 1987.
- La participación indígena en los mercados surandinos / Harris O., Larson B., Tandeter E., (comps). La Paz: Centro de Estudios de la Realidad Económica y Social, 1987.
- Langer E.D.* Economic change and rural resistance in Southern Bolivia. 1880–1930. Stanford. Stanford univ. press, 1989.
- Larson B.* Colonialism and Agrarian Transformation in Bolivia. Cochabamba, 1500–1900. Princeton: Princeton University Press, 1988.
- Lopez Rivas E.* Esquema de historia económica de Bolivia. Oruro: Universitaria, 1955.
- Mesa J., Gisbert T., Mesa Gisbert C.* Historia de Bolivia. La Paz: Gisbert, 2003.
- Mesa J., Gisbert T., Mesa Gisbert C.* Historia de Bolivia. La Paz: Editorial Gisbert, 1997.
- Montenegro C.* Nacionalismo y Colonización. La Paz: Ed.: Los Amigos del Libro, 1982.
- Montes Ruiz F.* Mascaras de piedra. Simbolismo y personalidad aymara en la historia. La Paz: Quipus, 1984.
- Murra J.* El mundo andino: población, medio ambiente y economía, Lima: IEP, 2002.
- Otero A.G.* Figuras de la cultura boliviana. La Paz, 1992.
- Ovando-Sanz J.A.* Historia Económica de Bolivia. La Paz: Ed.: «Juventud», 1981.
- Peñaloza Cordero L.* Nueva historia económica de Bolivia. Vol. 1–6. La Paz; Cochabamba: «Los amigos del libro», 1985.
- Pinto Herrera H.* Bolivia, tierra y población, 1844–1939. Lima, 1978.
- Platt T.* Estado boliviano y ayllu andino. Tierra y tributo en el norte de Potosí. Lima: IEP, 1982.
- Prudencio R.* Ensayos históricos. La Paz, 1990.
- Querajazu Calvo R.* Bolivia y los Ingleses (1825–1948). La Paz: Editorial «Los Amigos del Libro», 1973.
- Querajazu Calvo R.* Chuquisaca, 1539–1825. Sucre: Imprenta Universitaria, 1987.
- Raíces de América: el mundo Aymara / Albó X. (comp.). Madrid: Alianza Editorial, 1988.
- Rasnake R.* Domination and Resistance. Authority and Power Among an Andean People. Durham: Duke University Press, 1988.
- René-Moreno G.* Biblioteca Peruana. Notas Bibliográficas inéditas. La Paz: Fundación Humberto Vázquez-Machicado, 1996.

- Resistance, Rebellion, and Consciousness in the Andean Peasant World, 18th to 20th Centuries / Steve Stern (ed.). Madison: University of Wisconsin Press, 1987.
- Resistencia, rebelión y conciencia campesina en los Andes, siglos XVIII al XX / Stern S. (compilador). Lima: IEP, 1990.
- Roca J.L. Economía y Sociedad en el Oriente Boliviano (siglos XVI–XX). Santa Cruz: Oriente, 2001.
- Rodríguez G. El regionalismo cochabambino, siglos XIX–XX. Conceptos y estudios de las elites regionales. Cochabamba: CERES-ILDIS, 1991.
- Rodríguez Ostria G. El socavón y el sindicato: Ensayos históricos sobre los trabajadores mineros. Siglos XIX–XX. Quito: Ildis, 1999.
- Rojas C. Historia financiera de Bolivia. La Paz: UMSA, 1977.
- Saignes T. Los Andes Orientales, historia de un olvido. La Paz: CERES-IFEA, 1985.
- Sánchez Albornoz N. Indios y tributos en el Alto Perú. Lima: IEP, 1978.
- Sandoval Rodríguez I. Historia de Santa Cruz (desarrollo histórico social). Santa Cruz de la Sierra: Sirena, 2003.
- Schoop W. Ciudades bolivianas. La Paz: Los Amigos del Libro, 1981.
- Soruco Sologuren X. La ciudad de los cholos. Mestizaje y colonialidad en Bolivia, siglos XIX y XX. Lima: IFEA, 2011.
- Trigo C.F. Las constituciones de Bolivia. Madrid: Instituto de Estudios Políticos, 1958.
- Vaca Díez H. Pensamiento constitucional boliviano. 1826–1995. La Paz, 1998.
- Valencia Vega A. Historia Política de Bolivia. Vol. 1–7. La Paz: Ed. Juventud, 1984–1988.
- Valencia Vega A. El pensamiento político en Bolivia. La Paz: Juventud, 1973.
- Vázquez Machicado H. Manual de Historia de Bolivia. La Paz: Ed. Libreros Editores, 1958.
- Zavaleta Mercado R. Cincuenta años de historia. Cochabamba: Los Amigos del Libro, 1987.
- Zavaleta Mercado R. Clases sociales y conocimiento. La Paz, 1988.
- Zavaleta Mercado R. Lo nacional-popular en Bolivia. México: Siglo XXI, 1986.
- Zavaleta Mercado R. La formación de la conciencia nacional. La Paz, 1990.

Доколумбовый период

- Башилов В.А. Древние цивилизации Перу и Боливии. М.: Наука, 1972.
- Березкин Ю.Е. Инки. Исторический опыт империи. Л.: Наука, 1991.
- Березкин Ю.Е. Мифы заселяют Америку. Ареальное распределение фольклорных мотивов и ранние миграции в Новый Свет. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2007.
- Березкин Ю.Е. Между общиной и государством. Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике. СПб.: Наука, 2013.
- Якушенко С.Н. Семиотический анализ духовной культуры аймара. Изд-во Астраханского государственного педагогического университета. 2001.
- Aldenderfer M.S. Montane Foragers. Asana and the South-Central Andean Archaic. Iowa City: University of Iowa Press, 1998.
- Aldenderfer M., Craig N.M., Speakman R.J., Popelka-Filcoff R. Four-thousand-year-old gold artifacts from the Lake Titicaca basin, southern Peru // PNAS. 105 (13). 2008.
- Arkush E. War, chronology and causality in the Titicaca Basin // Latin American Antiquity. 2008. 19(4). P. 339–373.
- Arkush E. Pukaras de los Collas: guerra y poder regional en la cuenca norte del Titicaca durante el Periodo Intermedio Tardío // Andes. 2009.7. P. 463–479.
- Augustyniak S. Dating the Tiwanaku state // Revista Chungara. 2004. 36 (1). P. 19–35.
- Bauer B.S. The Development of the Inca State. Austin: University of Texas Press, 1992.
- Berenguer J.R. Tiwanaku. Señores del Lago Sagrado. Santiago: Museo Chileno de Arte Precolombino, 2000.
- Bouysse-Cassagne T. Urco and uma: Aymara concepts of space // Anthropological History of Andean Politics. Cambridge etc.: Cambridge University Press. 1986. P. 201–227.
- Calandra H.A., Salceda S.A. Amazonia boliviana: arqueología de los Llanos de Mojos // Acta amazónica. 2004. 34 (2). P. 155–163.

- Covey R.A. How the Incas Built their Heartland. State Formation and the Innovation of Imperial Strategies in the Sacred Valley, Peru. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2009.
- D'Altroy T. Provincial power in the Inca Empire. Washington; London: Smithsonian Institution Press, 1992.
- Eriksen L. Nature and Culture in Prehistoric Amazonia. Ph.D. thesis. Lund: Lund University, 2011.
- Helsley A.M. A review of the astronomical interpretations of the Tiwanaku Gate of the Sun // Andean Perspective (Austin) 1987. 5. P. 10–15.
- Isbell W.H. Mummies and Mortuary Monuments: a Postprocessual Prehistory of Central Andean Social Organization. Austin: University of Texas Press, 1997.
- Kolata A.L. The technology and organization of agricultural production in the Tiwanaki state // Latin American Antiquity 1991. 2 (2). P. 99–125.
- Korpisaari A., Pärssinen M. Pariti. The Ceremonial Tiwanaku Pottery of an Island in Lake Titicaca. Helsinki: Finnish Academy of Science and Letters, 2011.
- Langlie B. A paleoethnobotanical analysis of three Formative period Wankarani sites located in the department of Oruro, Bolivia. Electronic Theses and Dissertations. Paper 529. St. Louis: Washington University at St. Louis, 2011.
- Lathrap D.W. The Upper Amazon. New York: Praeger, 1970.
- Tiwanaku and its Hinterland. Washington: Smithsonian Institution Press, 2003.
- Mac Bain Chapin H. The Bandelier archaeological collections from Pelechuco and Charassani, Bolivia. Rosario (Argentina). P. Imprenta de Universidad Nacional de Litoral, 1961.
- Machicado Murillo E.P. Las tumbas de la península de Taraco. Trayectorias de cambio en prácticas funerarias durante la transición entre el Formativo Temprano y el Formativo Medio. La Paz: Universidad Mayor de San Andrés. Tesis de Licenciatura, 2009.
- Manzanilla L., Woodard E. Restos humanos asociados a la pirámide de Acapana (Tiwanaku, Bolivia) // Latin American Antiquity 1990. 1 (2). P. 133–149.
- McAndrews T.L. Wankarani Settlement Systems in Evolutionary Perspective. Pittsburgh: University of Pittsburgh, 2005.
- Nordenskiöld E. Archäologische Forschungen im Bolivianischen Flachlande // Zeitschrift für Ethnologie 1910. 42. P. 806–822.
- Olsen Bruhns K. Ancient South America. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Pärssinen M. Tawantinsuyu. The Inca State and Its Political Organization. Helsinki: Societas Historica Finlandiae, 1992.
- Ponce Sanginés C. Arqueología de Lukurmata. Vol. 1. Investigaciones arqueológicas en un asentamiento urbano de la cultura Tiwanaku. La Paz: Universidad de Chicago, Instituto nacional de arqueología de Bolivia, 1989.
- Posnansky A. Tihuanacu, the Cradle of American Man. Vol. 1–4. La Paz: Minister of Education, 1945–1954.
- Quilter J. The Moche of Ancient Peru. Media and Messages. Cambridge: Peabody Museum Press, 2010.
- Rydén S. The Erland Nordenskiöld Archaeological Collection from Mizque Valley, Bolivia. Göteborg: Etnografiska Museet, 1956.
- Stanish C. Ancient Titicaca. The Evolution of Complex Society in Southern Peru and Northern Bolivia. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2003.
- Trigo Rodríguez D., Hidalgo Rocabado R. Elementos rituales en Huari y Tiwanaku: los vasos-pie y su relación con el corte de pies en ritos // Arqueología y arte rupestre, Julio 2010. P. 93–110.
- Villanueva C.J.E. Las escudillas del rasgo 1 en la Isla de Pariti: Interpretación y consideraciones desde un enfoque iconográfico // Chachapuma: Revista de Arqueología Boliviana. 2007.1. P. 53–63.
- Zick M. Die Rätselhaften Vorfahren der Inka. Stuttgart: Theiss, 2011. 160 S.
- Zuidema T. La Civilisation Inca au Cuzco. Paris: Presses Universitaires de France, 1986.

Колониальный период

Cozina C.A. Тупак Амару – великий индейский повстанец. 1738–1781. М., 1979.

Andrade Padilla C. La rebelión de Tomás Katari. Sucre: CIPRES, 1994.

Arze Quiroga E. Historia de Bolivia. Fases del proceso hispanoamericano: orígenes de la sociedad boliviana en el siglo XVI. La Paz; Cochabamba: Amigos del Libro, 1967.

- Assadourian C.S.* Sistema de la economía colonial: mercado interno, regiones y espacio económico. Lima: IEP, 1982.
- Bakewell P.* Mineros de la montaña roja. El trabajo de los indios en Potosí, 1545–1650. Madrid: Alianza Editorial, 1989.
- Barnadas J.M.* Charcas, orígenes históricos de una sociedad colonial. La Paz: Centro de Investigación y Promoción del Campesinado, 1973.
- Barnadas J.M.* Es muy sencillo: llámenle Charcas. La Paz: Librería Editorial «Juventud», 1989.
- Barragán R.* Españoles patricios y españoles europeos: conflictos intra-elites e identidades en la ciudad de La Paz en vísperas de la independencia 1770–1809 // Entre la retórica y la insurgencia: las ideas y los movimientos sociales en los Andes, siglo XVIII / Charles Walker (ed.). Cusco: Centro Bartolomé de las Casas, 1995.
- Bouysse-Cassagne T.* La identidad aymara. Aproximación histórica (siglo XV – siglo XVI). La Paz: IFEA, 1987.
- Bridikhina E.* Los misterios de la urbe: enredos políticos y económicos en La Plata y Potosí // La construcción de lo urbano en Potosí y La Plata, siglos XVI y XVII / Andrés Eichmann y Marcela Inch (comp). Sucre: Archivo y Biblioteca Nacionales de Bolivia, 2008.
- Bridikhina E.* Theatrum Mundi. Entramados del poder en Charcas colonial. La Paz: Plural, 2007.
- Cajías de la Vega F.* Oruro 1781: Sublevación de indios y rebelión criolla. 2 Vols. Lima: IFEA, 2004.
- Cañete y Domínguez P.V.* Guía histórica, geográfica, física, política, civil y legal de gobierno e intendencia de la provincia de Potosí, 1787. Potosí, 1952.
- Carvajal R.* La ruta de Alonso de Mendoza y la cuádruple entrada de 1538 a los Abiscas, Chunchos, Mojos y Chiriguanaes, Carabaya-Chuquiabo 1520–1570. La Paz: UMSA, 2009.
- Cook Noble D.* Demographic collapse, Indian Peru, 1520–1620. New York: Cambridge University Press, 1981.
- Crespo A.* La guerra entre vicuñas y vascongados (Potosí, 1622–1625). Sucre: Universidad Andina Simón Bolívar, 1956.
- Crespo A.* La mita de Potosí. Fragmentos de la patria. Doce estudios sobre la historia de Bolivia. La Paz: Plural, 2010.
- Del Río M.* Etnicidad, territorialidad y colonialismo en los Andes. Tradición y cambio entre los Soras de los siglos XVI y XVII. La Paz: IFEA, 2005.
- Draper L.* Arzobispos, canónigos y sacerdotes: interacción entre valores religiosos y sociales del clero de Charcas del siglo XVII. Sucre: Archivo-biblioteca Arquidiocesanos «Monseñor Taborga», 2000.
- Escobari de Querejazu L.* Caciques, yanaconas y extravagantes. La sociedad Colonial en Charcas, s. XVI–XVIII. La Paz: Plural, 2005.
- Fisher J.R.* Silver Mines and Silver Miners in Colonial Peru, 1776–1824. Liverpool, 1977.
- García Recio J.M.* Análisis de una sociedad de la frontera: Santa Cruz de la Sierra en los siglos XVI–XVII. Sevilla: Diputación de Sevilla, 1988.
- González Casanovas I.* Las dudas de la Corona. La política de repartimientos para la minería de Potosí (1680–1732). Madrid: CSIC, 2000.
- Gutiérrez L.* Negros, indios y españoles en los Andes orientales. Reinventando el olvido de Mizque colonial, 1550–1782. La Paz: Plural, 2009.
- Haenke T.* Escritos precedidos de algunos apuntes para su biografía y acompañados de varios documentos ilustrativos por M.V. Ballivian y Pedro Kramer. La Paz, 1898.
- La participación indígena en los mercados surandinos. Estrategias y reproducción social. Siglos XVI–XX. La Paz: CERES, 1987.
- López Beltrán C.* Estructura económica de una sociedad colonial: Charcas en el siglo XVII. La Paz: CERES, 1988.
- Luis Capoche y la historia de Potosí, 1545–1585. Prólogo de Gunnar Mendoza. Sucre: Archivo Nacional de Bolivia, 1959.
- Lynch J.* Spanish Colonial Administration, 1782–1810: The Intendant System in the Viceroyalty of the Rio de la Plata. Londres: Athlone, 1958.
- Medinaceli X., Mendieta P.* De indias a doñas. Mujeres de la elite indígena en Cochabamba, siglos XVI–XVII. La Paz: Subsecretaría de Asuntos de Género, Bolivia, 1997.
- Medinaceli X.* Sariri. Los llameros y la construcción de la sociedad colonial. La Paz: Plural, 2010.

- Mendoza G.* Guerra entre vascongados y otras naciones de Potosí. Documentos del Archivo Nacional de Bolivia (1622–1641). Potosí: Cuadernos de la Cultura Boliviana, 1954.
- Mina y metalurgia en los Andes del Sur desde la época prehispánica hasta el siglo XVII / Pablo Cruz y Jean-Joinville Vacher (coord.). Sucre: IFEA, 2008.
- O'Phelan Godoy S.* La gran rebelión en los Andes: de Túpac Amaru a Túpac Catari. Cusco: Centro Bartolomé de las Casas, 1995.
- O'Phelan Godoy S.* Un siglo de rebeliones anticoloniales. Perú y Bolivia, 1700–1778. Cusco: Centro Bartolomé de las Casas, 1988.
- Platt T., Bouysse-Cassagne T., Harris O., Saignes T.* Qaraqara – Charka. Mallku, Inka y Rey en la provincia de Charcas (siglos XV–XVII). La Paz: Plural, 2006.
- Pleitos y riqueza. Los caciques andinos en Potosí del siglo XVII. Transcripción y estudios del expediente de Don Diego Chambilla contra los bienes de su administrador / Medinacelli X., Inch M. (Coords.) Sucre: Archivo y Biblioteca Nacionales de Bolivia, 2010.
- Presta A.M.* Encomienda, familia y negocios en Charcas colonial. Los encomenderos de La Plata, 1550–1600, Lima: IEP, 2000.
- Robins N.A.* Genocide and Millennialism in Upper Peru. The Great Rebellion of 1780–1782. Westport: Praeger, 2002.
- Saignes T.* Capoche, Potosí y la coca: el consumo popular de estimulantes en el siglo XVII // Revista de Indias (Madrid). N XLVIII/182–183, 1988.
- Serulnikov S.* Conflictos sociales e insurgencia en el mundo colonial andino. El norte de Potosí, siglo XVIII. Buenos Aires: Fondo de Cultura Económica, 2006.
- Serulnikov S.* Las proezas de la Ciudad y su Ilustre Ayuntamiento: Simbolismo político y política urbana en Charcas a fines del siglo XVIII // Latin American Research Review. Vol. 43. N 3. 2008.
- Tandeter E.* Coacción y mercado. La minería de la plata en el Potosí colonial, 1692–1826. Cusco: Centro Bartolomé de las Casas, 1992.
- Thomson S.* Cuando sólo reinasen los indios. La política aymara en la era de la insurgencia. Muela de Diablo Editores, 2006.
- Valle de Siles M.E.* La rebelión de Túpac Catari, 1781–1782. La Paz: Editorial Don Bosco, 1990.
- Viedma F. de.* Descripción geográfica y estadística de la Provincia de Santa Cruz de la Sierra. Buenos Aires, 1836.
- Vilar P.* Oro y Moneda en la Historia (1450–1920). Barcelona: Ariel, 1974.
- Wachtel N.* El regreso de los antepasados. Los indios urus de Bolivia, del siglo XX al XVI. Ensayo de historia regresiva. México: FCE, 2001.

Война за независимость и создание Боливии

- Альперович М.С.* Испанская Америка в борьбе за независимость. М., 1971.
- Альперович М.С., Слезкин Л.Ю.* История Латинской Америки (с древнейших времен до начала XX века). М., 1981.
- Боливар С.* Избранные произведения. 1812–1830. М.: Наука, 1983.
- Линч Дж.* Революция в Испанской Америке, 1808–1826. М., 1979.
- Пинтос Ф.Р.* Классовая борьба в Горном Перу в период войны за независимость // Новая и новейшая история. 1967. № 1.
- Подвиг Симона Боливара. М., 1982.
- Симон Боливар: история и современность. М., 1985.
- Щелчков А.А.* Война за независимость Верхнего Перу (Боливия) // Война за независимость Латинской Америки. М.: Наука, 2011. С. 258–302.
- Щелчков А.А.* Восстания в Верхнем Перу в 1809 году. К 200-летию начала Войны за независимость в Испанской Америке // Новая и новейшая история. 2009. № 4. С. 42–58.
- [Loza J.M.] Memorias biográficas del Gran Mariscal de Ayacucho Antonio José Sucre, primer Presidente de Bolivia. La Paz, 1854.
- Abecia Baldivieso V.* La «genial hipocresía» de Don Pedro Domingo Murillo. La Paz, 1978.
- Actas de la Diputación provincial de La Paz desde 1-ro de julio de 1822 hasta 31 de enero de 1824. La Paz: Impr. de La Tribuna, 1880.

- Aguirre N.* El Libertador. Compendio histórico de la vida de Simón Bolívar. La Paz, 1973.
- Aillon Soria E.* Vida, pasión y negocios. El propietario de la viña San Pedro Mártir, Idalecio González de Socasa (1755–1820), Potosí y Cinti a fines de la colonia y en la guerra de la independencia. Sucre: ABNB, 2009.
- Álvarez de Arenales J.A.* Memoria histórica sobre las operaciones e incidencias de la división libertadora. Buenos Aires, 1832.
- Antezana L., Antezana A.* ¡Viva la Patria! ¡Muera el Rey! La Paz: Plural, 2012.
- Apuntes para la historia de la revolución del Alto-Perú, hoy Bolivia. Por unos patriotas. Sucre, 1855.
- Araujo Subieta M.* Tres importantes documentos sobre el guerrillero Miguel Betanzos // Anuario. N 17. 2011. Archivo y biblioteca nacionales de Bolivia. Sucre, 2011.
- Archivo general de la República Argentina. Período de la Independencia. Año 1810. T. I. Buenos Aires, 1894.
- Arnade Ch.* Vicente Pazos Kanki y la Florida Española // Anuario. Archivo y biblioteca nacionales de Bolivia. Sucre, 2001.
- Arze Aguirre R.* Participación popular en la independencia de Bolivia. La Paz, 1979.
- Arze Quiroga E.* Bolivia. El proceso de la lucha inicial por la independencia. La insurrección de Cochabamba, 1808–1815. La Paz, 1998.
- British consular reports on the trade and politics of Latin America. 1824–1826. London, 1940.
- Camba A.* Memorias para la historia de las armas españolas en el Perú. T. 1. Madrid. 1846.
- Choque Canqui R.* Situación social y económica de los revolucionarios del 16 de julio de 1809 en La Paz. La Paz: Gobierno Municipal de La Paz, 2008.
- Crespo A., Arze Aguirre R., Romero F.B., Money M.* La vida cotidiana en La Paz durante la Guerra de la independencia. 1800–1825. La Paz, 1975.
- Demélas M.-D.* Nacimiento de la guerra de guerrilla. El diario de José Santos Vargas (1814–1825). La Paz, 2007.
- Documentos para la historia de la Revolución de 1809. Vol. III. La Paz, 1954.
- El Gran Mariscal de Ayacucho en sus propias palabras. Compilación de fragmentos de cartas y otros escritos del General Antonio José de Sucre, primer presidente de Bolivia. Sucre, 2008.
- Gantier J.* Doña Juana Azurduy de Padilla. La Paz, 1973.
- Harwood Bowman C.* Vicente Pazos Kanki. La Paz, 1975.
- Just Lleó E.* Comienzo de la independencia en el Alto Perú: los sucesos de Chuquisaca, 1809. Sucre, 1994.
- Lecuna V.* Documentos referentes a la creación de Bolivia. Caracas: Comercio, 1924.
- Lofstrom W.* The Promise and Problem of Reform: Attempted Social and economic Change in the First Years of Bolivian Independence. Ithaca, 1972.
- Lofstrom W.L.* La presidencia de Sucre en Bolivia. Caracas, 1987.
- Memorias históricas de la revolución política del día 16 de julio del año 1809 en la ciudad de La Paz por la independencia de América y de los sucesos posteriores hasta el 20 de febrero de 1810. La Paz, 1840.
- Muñoz Cabrera J.R.* La guerra de quince años en el Alto-Perú, o sea Fastos políticos y militares de Bolivia. Santiago de Chile, 1867.
- Omiste M.* Memoria histórica sobre los acontecimientos políticos ocurridos en Potosí, en 1812. Potosí: Tip. Municipal, 1879.
- Pazos Kanki V.* Memorias histórico políticas. La Paz, 1978.
- Pezuela J.* Memorias de Gobierno. Sevilla, 1947.
- Reescrituras de la Independencia. Actores y territorios en tensión / Barragán R., Soux M.L., Seoane A.M., Mendieta P., Asebey R., Mamani R. La Paz: Plural, 2012.
- Roca J.L.* Ni con Lima ni con Buenos Aires. La formación de un Estado nacional en Charcas. La Paz, 2007.
- Sanchez de Velasco M.* Memorias para la historia de Bolivia. Desde el año 1808 a 1848. Sucre, 1938.
- Siles Salinas J.* La Independencia de Bolivia. Madrid, 1992.
- Suárez Saavedra F.* El héroe de mayo. Biografía de Jaime Zudáñez. Sucre, 2009.
- Subieta Sagárnaga L.* Bolívar y Bolivia. Potosí, 1975.
- Sucre y la organización de la República de Bolivia en 1825. Sucre, 1998.

- Tandeter E.* Crisis in Upper Peru, 1800–1805 // *Hispanic American Historical Review*. Vol. 71. N 1. 1991.
- Una independencia, muchos caminos. El caso de Bolivia (1808–1826). Castelló de la Plana, 2008.
- Valda Martínez E.A.* Potosí durante la Independencia de Charcas, 1810–1817. Potosí, 1989.
- Valencia Vega A.* José Antonio Medina. El sacerdote de la revolución liberal en el Alto Perú. La Paz, 1978.
- Vázquez Machicado H.* Los plagios de Pazos Kanki y de otros grandes escritores. La Paz, 1991.
- Vázquez Machicado H.* Orígenes de la nacionalidad boliviana. La Paz, 1975.
- Ventura y desventura de la ciudad de La Paz después de Julio de 1809 / Selección y prólogo de Mariano Baptista Gumucio. La Paz: Gobierno Municipal de La Paz, 2009.

История XIX века

- Браво Кесада К.Г.* Структура лабиринта: организация и управление в компании «Корокоро де Боливия» // *Латиноамериканский исторический альманах*. № 8. 2008.
- Созина С.А.* Республика Боливия (1825–1879) // *История Латинской Америки*. Доколумбова эпоха – 70-е годы XIX века. М.: Наука, 1991.
- Щелчков А.А.* Стагнация или развитие: латиноамериканский город после войны за независимость (первая половина XIX века) // *Новая и новейшая история*. № 6. 2007. С. 51–68.
- Щелчков А.А.* «Революция равенства» в Санта-Крус, Боливия (1876–1877) // *Латиноамериканский исторический альманах*. 2009. № 9. С. 43–76.
- Щелчков А.А.* Консервативная социальная утопия в Боливии, правление М.И. Бельсу. М.: ИВИ РАН, 2005.
- Щелчков А.А.* Боливийская общественная и историческая мысль // *История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI–XIX вв.* М.: Наука, 2010. С. 340–377.
- Щелчков А.А.* Боливийский XIX век: история поражений и разочарований // *Политическая история стран Латинской Америки в XIX в.* М.: Наука, 2012. С. 464–520.
- Aguirre M.M.* Manifiesto de la revolucion de enero de 1875 en Cochabamba. Cochabamba: Impr. de Gutierrez, 1875.
- Alcocer M.M.* Breves reflexiones sobre la situación política, moral y administrativa de Bolivia. Cochabamba, 1872.
- Antezana A.S.* Estructura agraria en el siglo XIX. Legislación agraria y transformación de la realidad rural de Bolivia. La Paz: CID, 1992.
- Antezana A.S.* Los liberales y el problema agrario de Bolivia (1899–1920). La Paz: CID, 1991.
- Aportes para repensar la Guerra del Pacífico 1879–1883 / Chaupis J., Colán M., Rosario E., Salazar H.A. (comp.). Vol. II. Lima: Universidad Mayor de San Marcos, 2010.
- Aramayo A.* Informe sobre los asuntos de Bolivia en Europa (1876). Pau, 1877.
- Aramayo F.A.* Bolivia y su crédito víctimas de la especulación Church. Sucre, 1874.
- Arana Urioste N.* Linares. Patricio Cristiano. Notas y apuntes, rasgos y perfiles del dictador. Córdoba (Argentina), s.n.
- Aranzaes N.* Las Revoluciones de Bolivia. La Paz, 1918.
- Arguedas A.* Historia de Bolivia. T. 1–5. La Paz: Juventud, 1989–1992.
- Arnade C.W.* The Emergence of the Republic of Bolivia. New York, 1973.
- Ascarrunz M.* La Revolución Liberal de Bolivia y sus héroes. Barcelona, 1899.
- Aspiazú A.* Día magno de La Paz. La Paz, 1871.
- Baldivieso A.* Manifestación popular de Potosí. Sucre, 1850.
- Baptista M.* Obras completas. La Paz, 1932.
- Barnadas J.M.* Gabriel René Moreno (1836–1908). Drama y gloria de un boliviano. La Paz, 1988.
- Bernardo Trigo B.* Campero y Arce. Tarija: Universitaria, 1952.
- Bonilla H.* Un Siglo a la Deriva: Ensayos sobre el Perú, Bolivia y la Guerra. Lima: Ed. EIP, 1980.
- Bosquejo del estado en que se halla la riqueza nacional de Bolivia con sus resultados, presentado al examen de la Nación por un Aldeano hijo de ella. Año 1830 / Coordinadora de edición Lema A.M. La Paz: Plural, 1994.

- Calderón Jemio R.* Cuando la población Aymara dejó de apoyar a Belzu // Estudios bolivianos. Historia y Teoría. 1999. N 8. La Paz, 1999.
- Camacho E.* Exposición que dirige a sus conciudadanos el jefe del Partido Liberal general Eliodoro Camacho. Puno (Perú), 1889.
- Campero I.S.* Estadistas bolivianos. Severo Fernández Alonso. La Paz: Imp. La Revolución, 1895.
- Campero N.* Recuerdos del regreso de Europa a Bolivia y retiro a Tacna del General Narciso Campero en el año 1865. Paris, 1874.
- Candia Y.* Los indios de Bolivia, 1825–1881 // Seminario de Historia Rural Andina. Lima, 1993.
- Carrasco M.* José Ballivián. 1805–1852. Buenos Aires: Hachette, 1960.
- Condarco Morales R.* Aniceto Arce. Artífice de la extensión de la revolución industrial en Bolivia. La Paz: Ed. Ameridindia, 1985.
- Condarco Morales R.* Grandeza y soledad de Moreno. Esbozo bio-bibliográfico. La Paz, 1971.
- Condarco Morales R.* Zarate, el Temible Willka. Historia de la rebelión indígena de 1899. La Paz, 1965.
- Corral C.* La Doctrina del Pueblo. La Paz, 1871.
- Cortez M.J.* Ensayo sobre la historia de Bolivia. Sucre, 1861.
- Costa Du Rels A.* Félix Avelino Aramayo y su época, 1846–1929. Buenos Aires: Domingo Vial Co., 1942.
- Crespo A.* Los exilados bolivianos (siglo XIX). La Paz, 1997.
- Crespo A.* Manuel Isidoro Belzu, historia de una caudillo. La Paz, 1980.
- Crespo A.* Santa Cruz. El Condor Indio. México, 1944.
- D'Orbingy A.* Viajes por América del sur. Madrid, 1958.
- Dalence J.M.* Bosquejo estadístico de Bolivia. La Paz, 1975.
- Defensa de la revolución del Doctor Andrés Ibáñez, victimado con sus principales colaboradores, por el General Carlos de Villegas en San Diego de Chiquitos, República de Bolivia. Tacna, 1877.
- Demélas M.D.* L'invention politique. Bolivie, Equateur, Pérou au XIX siècle. Paris: Editions Recherches sur les Civilisations, 1992.
- Díaz Michicao P.* Melgarejo. La Paz, 1980.
- Díez de Medina E., Crespo L.S.* La revolución federal. Su origen y desarrollo. La Paz, 1899.
- Dunkerley J.* Reassessing Caudillismo in Bolivia, 1825–79 // Bulletin of Latin American Research. 1. N 1. October 1981.
- Durán A.* Inconstitucionalidad de la elección del Señor Arce. La Paz: El Deber, 1884.
- Durán de Lazo de la Vega F.* Juana Manuela Gorriti, su palabra y sus silencios. La Paz, 1997.
- Durán Ribera E., Pinckert J.G.* La revolución igualitaria de Andrés Ibáñez. Santa Cruz, 1988.
- El Jral. D.* Pedro Blanco y los sucesos políticos de 1828. Cochabamba, 1871.
- El Mariscal Braun a través de su epistolario (Antología). Cochabamba, 1998.
- El Siglo XIX. Bolivia y América Latina / Barragán R., Cajías D., Qayum S. (comps.) La Paz: IFEA, Muela del Diablo Editores, 1997.
- Encina F.A.* Las Relaciones entre Chile y Bolivia (1841–1963). Santiago de Chile: Editorial Nascimento, 1963.
- Frontaura Argandoña M.* La Confederación Perú-Boliviana, el mariscal Santa Cruz y la Santa Sede. La Paz: Banco Central de Bolivia, 1977.
- Gantier J.* Casimiro Olañeta. La Paz, 1965.
- Gil Montero R.* La construcción de Argentina y Bolivia en los Andes Meridionales. Población, tierra y ambiente en el siglo XIX. Buenos Aires: Prometeo Libros, 2008.
- Goicochea A.* Documentos sobre el sector urbano en Bolivia, 1756–1877. Lima, 1979.
- Gómez J.P.* Apuntes biográficos del General Melgarejo. Lima, 1872.
- Grieshaber E.P.* Survival of the Indian Communities in Nineteenth-Century Bolivia: a Regional Comparison // Journal of Latin American Studies. N 12. P. 2. November, 1980. P. 233–269.
- Irurozqui M.* «La Guerra de Civilización». La Participación indígena en la revolución de 1870 en Bolivia // Revista de Indias. 2001. Vol. LXI. N 222.
- Irurozqui M.* Elites en litigio. La venta de tierras de comunidad en Bolivia, 1880–1899. Lima, 1993.
- Irurozqui M.* La armonía de las desigualdades. Elites y conflictos de poder en Bolivia. 1880–1920. Cusco. Bartolome de Las Casas, 1994.

- Iturricha A.* Historia de Bolivia bajo administración del mariscal Andrés Santa Cruz. Sucre: Imprenta boliviana, 1920.
- Jiménez R., Pinto H.* Minería en Bolivia. 1826–1848 (Documentos). Lima, 1979.
- Kramer P.* General Carlos de Villegas (estudio histórico-biográfico). La Paz, 1898.
- La vida y obra del mariscal Andrés Santa Cruz. La Paz: Municipalidad de La Paz, 1976.
- Langer E.D., Hames G.I.* Commerce and Credit on the Periphery: Tarija Merchants, 1830–1914 // *Hispanic American Historical Review*. Vol. 74. N 2. May 1994.
- Larson B.* Indígenas, elites y estado en la formación de las repúblicas andinas. 1850–1910. Lima, 2002.
- Lofstrom W.* Cobija y el litoral boliviano. Visto por los ojos extranjeros. 1825–1880. La Paz, 1991.
- Mamani Condori C.B.* Taraqu. 1866–1835. Masacre, guerra y «Renovación» de la biografía de Eduardo L. Nina Qhispi. La Paz, 1991
- Martínez A.* Una página para la historia del Partido Constitucional. La Paz, 1884.
- Mendieta P.* Entre la alianza y la confrontación: Pablo Zárate Willka y la rebelión indígena de 1899 en Bolivia. La Paz: Plural, 2010.
- Mitre A.* Bajo el cielo de estaño: fulgor y ocaso del metal en Bolivia. La Paz, 1993.
- Mitre A.* El monedero de los Andes. Región económica y moneda boliviana en el siglo XIX. La Paz: Hisbol, 1986.
- Mitre A.* Los patriarcas de la plata. Estructura socioeconómica de la minería boliviana en el siglo XIX. Lima: Instituto de Estudios Peruanos, 1981.
- Molina Céspedes T.* Belzu. Quién lo mató? Cochabamba, 2001.
- Morales J.A.* Los primeros cien años de la república de Bolivia. La Paz: Empresa Editora Veglia & Edelman, 1925.
- Moreno G.R.* Casimiro Olañeta (Esbozo de biografía). La Paz, 1975.
- Moreno G.R.* Anales de la prensa boliviana. El golpe de estado de 1861. La Paz, 1985.
- Moreno G.R.* Estudios históricos y literarios. La Paz, 1983.
- Moreno G.R.* Matanzas de Yañez. Anales de la prensa boliviana. 1861–1862. Santiago de Chile: Ed. Imprenta Cervantes, 1886.
- Moreno G.R.* Últimos días coloniales en el Alto-Perú. Santiago de Chile, 1896.
- O'Connor D'Arslach T.* El General Melgarejo. Hechos y dichos de este Hombre Celebre. La Paz: Ed. «Juventud», 1985
- O'Connor D'Arslach T.* Doña Juana Sánchez. Novela histórica. La Paz: Ed. Herma nos Libreros, 1918.
- Omiste M.* Crónicas potosinas. Notas históricas, estadísticas, biografías y políticas. Potosí, 1891.
- Oposición en Bolivia a la Confederación Perú-Boliviana / Querejazu Calvo R. (comp.). Sucre; Excmo: Corte Suprema de Justicia de la Nación, 1996.
- Ortiz Mesa L.J.* Poder y sociedad en Los Andes: Manuel Isidoro Belzu, un caudillo popular, Bolivia, 1848–1855 // *Anuario Colombiano. Historia, Sociedad, Cultura*. 1995. N 22.
- Ovando Sanz J.* El tributo indígena en las finanzas bolivianas del siglo XIX. La Paz: Ed. Imprenta del Comité Ejecutivo de la Univ. De Bolivia, 1986.
- Ovando Sanz J.A.* La Guerra civil de 1879. La Paz, 1985.
- Ovando Sanz J.A.* El Tributo Indígena en las Finanzas Bolivianas del Siglo XIX. La Paz, Bolivia: Comité Ejecutivo de la Universidad Boliviana, 1985.
- Parkerson P.T.* Andrés de Santa Cruz y la Confederación Perú-Boliviana 1835–1839. La Paz: Librería Editorial Juventud, 1984.
- Paz L.* El gran tribuno. Biografía de Don Mariano Baptista. Cuadros históricos y parlamentarias de Bolivia. Buenos Aires, 1908.
- Paz L.* La Universidad mayor real y pontificia de San Francisco Xavier de la capital de los Charcas. Apuntes para su historia. Sucre, 1914.
- Pentland J.B.* Informe sobre Bolivia, 1827. Potosí, 1975.
- Peralta Ruiz V., Irurizqui M.* Por la concordia, la fusión y el unitarismo. Estado y caudillismo en Bolivia, 1825–1880. Madrid: CSIC, 2000.
- Pérez C.* Quinine and Caudillos: Manuel Isidoro Belzu and the Cinchona Bark Trade, 1848–1855. Ph.D. diss., Los Angeles: University of California, 1998.
- Pinto Herrera H.* Contribución indígena en Bolivia, 1829–1911: documentos. Lima, 1979.
- Platt T.* Estado boliviano y ayllu andino. Tierra y tributo en el Norte de Potosí. Lima, 1982.
- Platt T.* Estado tributario y librecambio en Potosí (siglo XIX). Mercado indígena, proyecto proteccionista y lucha de ideologías monetarias. La Paz: Hisbol, 1986.

- Ponce Sanjinés C., Montaña Durán A.M.* La Revolución Federal de 1898–1899. Su cruento desenlace y la frustración ideológica. La Paz, 1999.
- Quijarro A.* Algunos datos sobre la Asamblea de 1874. Sucre: Impr. de la Libertad, 1875.
- Quiroz Chueca F.* Diezmos del Alto Perú. I – Chuquisaca (Ss. XVII–XIX). Lima, 1984
- Ramallo M.* Rasgos biográficos para la historia del general Narciso Campero. Tarija: Imp. J. Adolfo León, 1913.
- Reinaga F.* Belzu. Precursor de la Revolución Nacional. La Paz, 1953.
- Reyes Ortiz F.* Historia de cuatro días. La Paz, 1872.
- Roberto Querejazu R.* Guano, salitre, sangre. Historia de la Guerra del Pacífico. La Paz: Los amigos del libro, 1979.
- Romero Pittari S.* Copetudos y sin chaqueta: la revolución federal de Andrés Ibáñez // Historia y Cultura. 1985. N 5. La Paz, 1985.
- Rosendo Gutierrez J.* Rasgos Biograficos del General José Ballivián. La Paz: Editorial Artística Otero y Calderno, 1948.
- Saavedra B.* El Ayllu. Estudios sociológicos. Proceso Mohosa. La Paz, 1971.
- Salinas Mariaca R.* Vida y Muerte de Pando. La Paz: Última Hora, 1978.
- Sanjinés J.* Apuntes para la historia de Bolivia bajo la administración de Don Adolfo Ballivián i Don Tomás Frías. Sucre, 1902.
- Santa Cruz A.* El general Santa Cruz explica su conducta pública y los móviles de su política en la presidencia de Bolivia y en el Protectorado de la Confederación Perú-Boliviana. Quito, 1840.
- Santiváñez J.M.* Rasgos biográficos de Adolfo Ballivián. Santiago de Chile, 1878.
- Santos Torgora M.* Contestación al último papel que el señor Olañeta ha dado a luz con el título de La religión i las leyes. Sucre: Impr. de Beeche, 1859.
- Schelchkov A.* Andrés Ibáñez y La revolución de la igualdad en Santa Cruz. Santiago de Chile: USACH, 2011.
- Schelchkov A.* La utopía social conservadora en Bolivia. El gobierno de Manuel Isidoro Belzu. 1848–1855. La Paz: Plural, 2011.
- Shipe S.H.* The American legation in Bolivia. 1848–1879. Saint-Luis, 1967.
- Soria Galvarro R.* Últimos días del gobierno Alonso. Reportaje para la historia. Potosí, 1919.
- Sotomayor Valdés R.* Estudio histórico de Bolivia bajo la administración del general D. José María de Achá. Santiago: Ed. Imprenta Andrés Bello, 1874.
- Sotomayor Valdés R.* La Legación de Chile en Bolivia desde setiembre de 1867 hasta fines de 1870. Santiago de Chile: Ed. Imprenta Chile, 1872.
- Soux M.L.* El complejo proceso hacia la independencia de Charcas (1808–1826). Guerra, ciudadanía, conflictos locales y participación indígena en Oruro. La Paz: Plural, 2010.
- Unzueta F.* Periódicos y formación nacional: Bolivia en sus primeros años // Latin American Research Review. Vol. 35. N 2. 2000.
- Valencia Vega A.* Manuel Isidoro Belzu. Sueño con la «utopía» de la liberación de indios y mestizos. La Paz, 1981.
- Valencia Vega A.* Mariano Melgarejo. Una Tiranía surgida de la Feudalidad Boliviana. La Paz: Ed. «Juventud», 1982.
- Vázquez Michicao H.* La diplomacia boliviana en la corte de Isabel II. La Paz, 1941.
- Verdaderas causas del 4 de mayo de 1876. Sucre, 1882.
- Vidaurre E.* El presidente Daza. La Paz: Unidas, 1975.
- Viscarra E.* La administración del Excelentísimo Sr. Baptista. Cochabamba, 1897.
- Walker Matínez C.* El dictador Linares. Biografía. Santiago de Chile, 1877.
- Wittman T.* Reflexiones sobre las ideas económicas de José María Dalence. Potosí, 1967.

История XX века

- Кораблева Л.Ю.* Вмешательство Лиги Наций в урегулирование боливийско-парагвайского конфликта 1929–1938 гг. // Латиноамериканский исторический альманах. № 1. 2000. М.: ИВИ РАН, 2000.
- Кораблева Л.Ю.* Чакская война (1932–1935). Дипломатическая история боливийско-парагвайского конфликта. М.: ИВИ РАН, 2013.

- Родригес Острия Г.* Цикл партизанской борьбы в Боливии в 1963–1970 гг. Преемственность и различия // *Латиноамериканский исторический альманах*. № 12. М.: ИВИ РАН, 2012.
- Сагин Г.З.* Боливия. Очерк новейшей истории. М., 1976.
- Шульговский А.Ф.* Армия и политика в Латинской Америке. М.: ИЛА, 1979.
- Щелчков А.А.* У истоков боливийского социализма: судьба Тристана Марофа // *Новая и новейшая история*. 2000. № 5. С. 45–60.
- Щелчков А.А.* К созданию компартии в Боливии // *Латинская Америка*. 1996. № 5. С. 39–55.
- Щелчков А.А.* Режим «государственного социализма» в Боливии. 1936–1939 гг. М.: ИВИ РАН, 2001.
- Щелчков А.А.* Роберто Инохоса: пламенный революционер или «креольский Геббельс»? // *Латиноамериканский исторический альманах*. 2007. № 7. С. 69–96.
- Щелчков А.А.* К 50-летию юбилею Боливийской революции 1952–1953 гг.: проблемы типологии и периодизации // *Латиноамериканский исторический альманах*. 2003. № 4.
- Щелчков А.А.* Боливия и нацистская Германия накануне Второй мировой войны // *Латинская Америка*. 2005. № 11.
- Abecia López V.* 7 Políticos Bolivianos. La Paz: Urquiza, 1986.
- Acusación contra el Ex-Presidente de Bolivia* ciudadano Ismael Montes. Buenos Aires: Emilio Spinelli, 1918.
- Albaracín Millán J.* Orígenes del pensamiento social contemporáneo de Bolivia. La Paz, 1976.
- Albarracín Millán J.* El poder minero en la administración liberal. La Paz, 1972.
- Albarracín Millán J.* Sociología indígena y antropología telurista. La Paz, 1982.
- Albo J.* Achacachi: medio siglo de lucha campesina. La Paz: CIPCA, 1979.
- Alexander R.* The Bolivian National Revolution. New Brunswick, 1958.
- Almaraz Paz S.* Petroleo: soberanía o dependencia. Cochabamba, 1958.
- Almaraz Paz S.* Requiem para una república. La Paz: Amigos de los libros, 1966.
- Almaraz S.* El poder y la caída: El estafío en la historia de Bolivia. La Paz: Los Amigos del Libro, 1980.
- Alvarez España W.* Memorias del primer ministro obrero: historia del movimiento sindical y político boliviano, 1916–1952. La Paz: Inca, 1986.
- Anaya R.* Nacionalización de las minas de Bolivia. Cochabamba, 1952.
- Antezana E.L.* Historia secreta del Movimiento Nacionalista Revolucionario. La Paz: Juventud, 1992.
- Antezana E.L., Romero Bedregal H.* Historia de los sindicatos campesinos: un proceso de integración nacional en Bolivia. La Paz: CNRA, 1973.
- Antezana L.* Busch. A las FF.AA. de Bolivia. La Paz, 1965.
- Antezana L.* Masacres y levantamientos campesinos en la historia de Bolivia (1850–1975). La Paz: Juventud, 1994.
- Arze Aguirre R.D.* Carlos Salinas Aramayo: un destino inconcluso, 1901–1944. La Paz: Latina, 1995.
- Arze J.A.* Sociología marxista. Oruro: Universidad Técnica, 1963.
- Arze Quiroga E.* Documentos para una historia de la guerra del Chaco, seleccionados del Archivo de Daniel Salamanca. Vol. 1–3. La Paz, 1960.
- Arze R.* Guerra y conflictos sociales. El caso rural boliviano durante el conflicto del Chaco. La Paz, 1988.
- Ascarrunz Rodríguez E.* La palabra de Paz. Un hombre, un siglo. La Paz: Plural, 2008.
- Ayala Mercado G.* Compilación de leyes sociales de Bolivia. 1957–1965. Cochabamba, 1966.
- Baptista Gumucio M.* Atrevamonos a ser bolivianos. Vida y Epistolario de Carlos Medinaceli. La Paz, 1984.
- Baptista Gumucio M.* Yo fui el orgullo. Vida y pensamiento de Franz Tamayo. La Paz, 1983.
- Barcelli A.* Medio siglo de luchas sindicales revolucionarias en Bolivia. La Paz, 1957.
- Barragán R.* Espacio urbano y dinámica étnica. La Paz en el siglo XIX. La Paz: Hisbol, 1990;
- Barrios Villa G.* Historia sindical de Bolivia. Oruro, 1966.
- Bedregal G.* La Revolución Boliviana, sus realidades y perspectivas dentro del ciclo de la liberación de los pueblos latinoamericanos. La Paz: Dirección Nacional de Informaciones de la Presidencia de la República, 1962.
- Bedregal G.* Victor Paz Estenssoro, el político. Una semblanza crítica. México: FCE, 1999.

- Belmonte Pabón E.* RADEPA: sombras y refulgencias del pasado. La Paz: Ale, 1994.
- Benavides J.* Historia de la moneda en Bolivia. Potosí, 1972.
- Beyond the revolution. Bolivia since 1952 / Thorn R., Malloy J. (Eds.). Pittsburgh: University of Pittsburgh, 1971.
- Bieber L.E.* Las relaciones económicas de Bolivia con Alemania. Berlin: Colloquim verlag, 1984.
- Blasier C.* The Hovering Giant. U.S. responses to revolutionary change in Latin America. 1910–1985. Pittsburgh, 1985.
- Blasier C.* The United States, Germany and the Bolivian revolutionaries (1941–1946) // *Hispanic American Historical Review*. Vol. 52. February, 1972. N 1.
- Bolivia en el siglo XX. La formación de la Bolivia contemporánea. La Paz: Edobol, 1999.
- Bolivia hacia el 2000. Desafíos y opciones. Caracas: Nueva Sociedad, 1989.
- Bolivia, hoy / Rene Zavaleta Mercado coord. México: Siglo XXI, 1983.
- Bolivia. Fin de un ciclo y nuevas perspectivas políticas (1993–2003) / Pilar Domingo (ed.). Barcelona: Bellaterra, 2006.
- Boullon Barreto G.* Bolivia República Socialista. La Paz, 1936.
- Brienen M.W.* The Liberal Crisis and military Socialism in Bolivia. Leiden, 1996 (n.p.).
- Brockman R.* Tan lejos del mar. Bolivia entre Chile, Perú y Paraguay en la década extraviada (1919–1929), Plural, La Paz, 2012.
- Brockmann R.* El general y sus Presidentes. Vida y tiempos de Hans Kundt, Ernst Rohm y siete presidentes de Bolivia, 1911–1939. La Paz: Plural, 2012.
- Cajías L.* Juan Lechin. Historia de una leyenda. La Paz: Los Amigos del Libro, 1994.
- Canelas A.* Mito y realidad de la reforma agraria en Bolivia. La Paz, 1966.
- Carrasco B.* Hernando Siles. La Paz, 1961.
- Carter W.* The Aymara Communities and the Bolivian Agrarian Reform. Gainsville: University of Florida Press, 1964.
- Céspedes A.* El dictador suicida. 40 años de historia de Bolivia. Santiago de Chile: Universitaria, 1956.
- Chen Charpentier J.* El reformismo military boliviano entre 1935 y 1952 y su interrelación con el MNR, 1942–1952. México, 1972.
- Choque R.* La masacre de Jesús de Machaca. La Paz, 1986.
- Chrinós Soto E.* Drama, riesgo y futuro de Bolivia. Lima, 1965.
- Clark R.* Reforma agraria en Bolivia. México, 1974.
- Condarco Morales R.* Franz Tamayo. El Pensador. La Paz, 1989.
- Cornejo A.* Programas políticos de Bolivia. Cochabamba, 1949.
- Crespo Rodas A.* Hernando Siles. El poder y su angustia. La Paz: Siglo, 1985.
- Cueva J.M.* Bolivia: imperialismo y oligarquía. La Paz: Roalva, 1983.
- Dandler H.J.* Sindicalismo campesino en Bolivia. Cambios estructurales en Ucureña. 1935–1952. Cochabamba, 1983.
- Delgado Gonzalez T.* 100 años de lucha obrera en Bolivia. La Paz, 1984.
- Diaz Machicao P.* Historia de Bolivia. Peñaranda, 1940–1943. La Paz: Gisbert, 1958.
- Diaz Machicao P.* Historia de Bolivia. Toro, Busch, Quintanilla, 1936–1940. La Paz: Gisbert, 1957.
- Diaz Michicao P.* Historia de Bolivia. Guzmán, Siles, Blanco Galindo, 1925–1931. La Paz: Gisbert, 1955.
- Diaz Michicao P.* Historia de Bolivia. Salamanca, la guerra del Chaco, Tejada Sorzano, 1931–1936. La Paz: Gisbert, 1955.
- Diez de Medina F.* Pachakuti y otras páginas polémicas. La Paz, 1948.
- Do Alto H., Stefanoni P.* Nous serons de millions. Evo Morales et la gauche au pouvoir en Bolivie. Paris: Raisons d'agir, 2008.
- Drake P.* The Money Doctor in the Andes. Durham, 1989.
- Dunkerley J.* Pachakuti en Bolivia (2008–2010). Diario personal // *Bolivian Studies Journal*. Pittsburgh. Vol. 15–17. 2008–2010.
- Dunkerley J.* Political Suicide in Latin America and Other Essays. London, 1992.
- Dunkerley J.* Rebelión en las venas. La lucha política en Bolivia, 1952–1982. La Paz, 2003.
- Dunkerley J., Morales R.* The crisis in Bolivia // *New Left Review*. N 155. January–February, 1986. London, 1986.

- Eder G.J.* Inflation and Development in Latin America. A Case History of Inflation and Stabilization in Bolivia. Michigan: University, 1968.
- El libro blanco de la Independencia económica de Bolivia. La Paz, 1952.
- Elio T.G.* La paz del Chaco: una decisión política. La Paz, 1988.
- Ferrufino Llach C.* Tamayo y el hombre boliviano. La Paz, 1987.
- Fionini Banzer D.* Misión cumplida. Santa Cruz, 1991.
- Franco Guachalla A.* Así nació la Central Obrera Boliviana. La Paz, 1997.
- Francovich G.* El pensamiento boliviano en el siglo XX. La Paz, 1985.
- Francovich G.* Variedad. La Paz: Juventud, 1988.
- Frontaura Argandoña M.* La revolución boliviana. La Paz: Los Amigos del Libro, 1974.
- Gallego Margaleff F.J.* Ejército, nacionalismo y reformismo en América Latina: la gestión de Germán Busch en Bolivia. Barcelona: PPU, 1992.
- Gallego Margaleff F.J.* Los orígenes del reformismo militar en América Latina: la gestión de David Toro en Bolivia. Barcelona: PPU, 1991.
- Gallo C.* Taxes and state power: political instability in Bolivia. 1900–1950. Philadelphia, 1991.
- García Linera Á.* Las tensiones creativas de la revolución. La quinta fase del proceso de cambio, Vicepresidencia del Estado Plurinacional de Bolivia. La Paz, 2011.
- García Linera A., Chávez M., Costas P.* Sociología de los movimientos sociales en Bolivia. La Paz: Plural, 2004.
- García Linera Á., Gutiérrez R., Prada R., Tapia L.* El retorno de la Bolivia plebeya. La Paz: Muela del Diablo, 2000.
- García R.A.* Diez años de reforma agraria en Bolivia (1953–1963). La Paz, 1963.
- Gómez A.* Anarquismo y anarcosindicalismo en América Latina. Barcelona, 1980.
- Gómez D'Angelo W.* La minería en el desarrollo económico de Bolivia, 1900–1920. La Paz, 1978.
- Gómez E.* Bautista Saavedra. La Paz: Bibl. de sesquicentenario, 1975.
- Gordillo J.M.* Campesinos revolucionarios en Bolivia. Identidad, territorio y sexualidad en el Valle Alto de Cochabamba. 1952–1964. La Paz, 2000.
- Gumucio Reyes A.* Condiciones básicas para el desarrollo de Bolivia. La Paz, 1962.
- Heath D., Erasmus C.J., Beuchler H.C.* Land Reform and Social Revolution in Bolivia. New York: Praeger Publ., 1969.
- Heydt-Coca M.* Die Bolivianische Revolution von 1952. Eine Analys unter besonderer Berücksichtigung des Agrarsektors. Köln: Pahl-Rugenstein Verlag, 1982.
- Hillman J.* Bolivia and the International Tin Cartel, 1931–1941 // Journal of Latin American Studies. Cambridge. Vol. 20. Part. 1. May, 1988.
- Hinojosa R.* La revolución de Villazón. La Paz: El Universal, 1944.
- Hobson H.A.* Economic conditions in Bolivia. London, 1931.
- Hurtado J.* El Katarismo. La Paz: Hisbol, 1986.
- Ibañez Rojo E.* The UDP Government and the Crisis of the Bolivian Left (1982 — 1985) // Journal of Latin American Studies. 2000. N 32.
- Justo L.* Bolivia: la revolución derrotada. Cochabamba, 1967.
- Katarismo-Indeanismo ante la izquierda y la derecha // Willka. Revista anual. N 5. El Alto. 2011.
- Klein H.* Orígenes de la Revolución Nacional Boliviana. La crisis de la Generación del Chaco. La Paz: Juventud, 1987.
- Knudson J.* Bolivia: Press and Revolution, 1932–1964. Lanham, MD: University Press of America, 1986.
- Komadina J., Geoffroy C.* El poder del movimiento político. Estrategias, tramas organizativas e identidad del MAS en Cochabamba (1999–2005). La Paz: UMSS DiCyT-CESU/PIEB, 2007.
- La Izquierda en el Poder o cuando los gobiernos progresistas lidian con lo popular en Bolivia (1943–2011) / Torrez Y.F. (Coord.) Cochabamba: Quipus, 2013.
- La lucha del sindicalismo revolucionario. 1984–1987. De de traición udepista a la dominación oligárquica. Informe del CEN de la COB. Santa Cruz, 1987.
- La Revolución Nacional a través de sus decretos más importantes. La Paz: E. Burillo, 1955.
- Lavaud J.-P.* El embrollo Boliviano. Turbulencias Sociales y Desplazamientos Políticos, 1952–1982. La Paz: HISBOL, 1998.
- Lazarte R.J.* Movimiento obrero y procesos políticos en Bolivia. (Historia de la C.O.B. 1952–1987). La Paz: EDOBOL, 1989.
- Lehm Z., Rivera S.* Los artesanos libertarios y la ética del trabajo. La Paz: THOA, 1988.

- Lehman K.D.* Bolivia and the United States: a Limited Partnership. Athens (Georgia), 1999.
- Libro blanco de la Independencia económica de Bolivia. La Paz, 1952.
- Llosa J.A.* René Barrientos Ortuño. Paladín de la bolivianidad. La Paz, 1966.
- Lofstrom W.* Attitudes of an Industrial Pressure Group in Latin America: The «Asociación de Industriales Mineros de Bolivia», 1925–1935. Cornell: University Press, 1968.
- Lora G.* ¿Fué revolucionario Carlos Montenegro? La Paz, 1987.
- Lora G.* Documentos políticos de Bolivia. La Paz, 1970.
- Lora G.* Historia de los partidos políticos de Bolivia. La Paz, 1987.
- Lora G.* Historia del movimiento obrero boliviano. Vol. 1–3. La Paz: Los Amigos de los Libros, 1969–1970.
- Lorini I.* El movimiento socialista «embrionario» en Bolivia, 1920–1939: entre nuevas ideas y residuos de la sociedad tradicional. La Paz: Los Amigos del Libro, 1994.
- Lorini I.* El Nacionalismo en Bolivia de la pre y posguerra del Chaco (1910–1945). La Paz: Plural, 2006.
- Magill J.H.* Labor unions and political socialization: a case study of Bolivian workers. New York: Praeger Publishers, 1974.
- Malloy J.* Bolivia: the uncompleted revolution. Pittsburgh, 1970.
- Malloy J.M.* El MNR boliviano: estudio de un movimiento popular nacionalista en América Latina. Pittsburgh: University of Pittsburgh, 1970.
- Mariaca E.* Mito y realidad del petróleo boliviano. La Paz, 1966. P. 54.
- Marof T.* Ensayos y crítica. Revoluciones bolivianas, guerras internacionales y escritos. La Paz, 1961.
- Marof T.* La justicia del Inca. Bruselas, 1926.
- Marof T.* La tragedia del Altiplano. Buenos Aires, 1935.
- Marsh M.A.* The bankers in Bolivia. A study in American foreign investment. New York: Vanguard Press, 1928.
- Mayorga Ugarte J.A.* Gonismo. Discurso y poder. La Paz: Plural, 2007.
- McBridge G.* The agrarian indian communities of highland of Bolivia. New York: Oxford University press, 1921.
- McEwen W.* Changing rural society. A study of communities in Bolivia. New York, 1975.
- Medinaceli C.* Estudios críticos. La Paz, 1969.
- Medinaceli C.* Páginas de vida. Potosí, 1955.
- Medinaceli X.* Alterando la rutina: mujeres en las ciudades de Bolivia. 1920–1930. La Paz, 1989.
- Mendoza J.* El macizo boliviano. La Paz, 1978.
- Mitchell C.* The Legacy of Populism in Bolivia. From the MNR to Military Rule. New York, 1977.
- Moller Pacieri E.* El Dios desnudo de mi conciencia revolucionaria (Autobiografía y Revolución Nacional). La Paz: Plural, 2001.
- Montenegro C.* El desconocido. La Paz, 1979.
- Montenegro C.* Frente al derecho de Estado el oro de la Standard Oil. La Paz, 1938.
- Morales J.A.* La política económica boliviana, 1982–2010. La Paz: Plural, 2012.
- Natale R.* Revolución agraria en Bolivia. Cochabamba, 1953.
- Nunn F.M.* Yesterday's soldiers. European military professionalism in South America, 1890–1940. London: University of Nebraska Press, 1983.
- Oroza Daza J.* Conflicto boliviano-paraguayo. Buenos Aires (s.d.), 1929.
- Otero G.A.* Memorias de Gustavo Adolfo Otero. La Paz, 1977.
- Pacheco D.* El indianismo y los indios contemporáneos en Bolivia. La Paz: Hisbol, 1992.
- Peñaloza L.* Historia del Movimiento Nacionalista Revolucionario, 1941–1952. La Paz, 1963.
- Pensamiento de Zavaleta Mercado. Cochabamba, 1989.
- Pereira Fiorilo J.* Historia secreta de la guerra del Chaco. Bolivia frente a Paraguay y Argentina. T. 1. La Paz: Creativa gráfica, 1999.
- Pérez E.* Warisata. La escuela-ayllu. La Paz, 1962
- Pinochet de la Barra O.* Chile y Bolivia: ¡Hasta cuándo! Santiago de Chile: LOM, 2004.
- Ponce Garcia J., Shanley T., Cisneros A.* Breve historia del sindicalismo boliviano. La Paz: IBEAS, 1968.
- Poupeau F.* Las fronteras de la metropolización. Desigualdades de acceso al agua e indicadores de pobreza en La Paz // Tinkazos. Vol. 12. N 27. La Paz, 2009.

- Puhle H.J.* Tradición y política de reformas en Bolivia. Santiago de Chile: Instituto Latinoamericano de Investigaciones Sociales, 1972.
- Querejazu Calvo R.* Masamaclay: historia política, diplomática y militar de la guerra del Chaco. La Paz, 1975.
- Ramos Sanchez P.* Democracia boliviana: sus defensores y sus enemigos. La Paz, 1979
- Ramos Sánchez P.* Siete años de economía boliviana. La Paz: UMSA, 1980.
- Reinaga F.* Franz Tamayo y la revolución boliviana. La Paz, 1957.
- Rivera Cusicanqui S.* «Oprimidos pero no vencidos». Luchas del campesinado aymara y quechwa 1900–1980. La Paz: Hisbol, 1986.
- Rodas Morales H.* Marcelo Quiroga Santa Cruz. El Socialismo vivido. T. II. Bolivia, 1969–1997. La Paz: Plural, 2008.
- Rodríguez García H.* La choledad antiestatal. El anarcosindicalismo en el movimiento obrero boliviano, 1912–1965. Buenos Aires: Libros Anarres, 2010.
- Rodríguez Ostria G.* Sin tiempo para las palabras. La otra guerrilla guevarista en Bolivia. Cochabamba: Ed. Kipus, 2006.
- Rodríguez Ostria G.* Tamara, Laura, Tania. Un misterio en la guerrilla del Che. Barcelona: RBA, 2011.
- Rojas C.* El doctor Montes y la política liberal. La Paz: Bolivia, 1918.
- Romero Ballivián S.* Geografía electoral de Bolivia. La Paz: Fundemos, 2003.
- Salamanca D.* Documentos para una historia de la Guerra del Chaco. Vol. 1–4. La Paz, 1951–1974.
- Sandoval Rodríguez I.* Nacionalismo en Bolivia. Ensayo histórico-político. La Paz: Burillo, 1970.
- Sanjinés Ávila R.* Únzaga: la voz de los inocentes. T. 1–2. (s.l.). Bolivia, 2013.
- Saracho Calderón J.C.* Una ráfaga en la historia de la guerra del Chaco. Potosí, 1980.
- Schavelzon S.* El nacimiento del Estado plurinacional de Bolivia. Etnografías de una asamblea constituyente. La Paz: Clacso- Plural, 2013.
- Setaro R.M.* Secretos de Estado Mayor. Buenos Aires, 1936.
- Stefanoni P.* «Qué hacer con los indios...». Y otros traumas irresueltos de la colonialidad. La Paz: Plural, 2010.
- Stefanoni P., Ramírez F., Svampa M.* Las vías de la emancipación. Conversaciones con Álvaro García Linera. México: Ocean Sur, 2009.
- Strengers J.* La Asamblea Popular. Bolivia, 1971. La Paz: SIDIS, 1991.
- Taborga A.* Boquerón. Diario de compañía. La Paz, 1956.
- Tamayo F.* Creación de la pedagogía nacional. La Paz, 1991.
- Tapia L.* Ukhama-wa Jakawisaxa (Así es nuestra vida). Autobiografía de un aymara. La Paz: Hisbol, 1994.
- Tassi N., Medeiros C., Rodríguez-Carmona A., Ferrufino G.* Hacer plata sin plata. El desborde de los comerciantes populares en Bolivia. La Paz: PIEB, 2013.
- Toro R.D.* Mi actuación en la Guerra del Chaco. La Paz, 1941.
- Trigo O'Connor d'Arlach E.* Conversaciones con Víctor Paz Estenssoro. La Paz: Comunicaciones El País, 1999.
- United States and Latin America: the new agenda. London, 1999.
- Urquidí A.* Feudalismo en América y la reforma agraria boliviana. Cochabamba, 1966.
- Urquidí A.* Las Comunidades Indígenas en Bolivia. La Paz: Ed. Los Amigos del Libro, 1970.
- Valdés J.C.* Bolivia y Chile. Antecedentes históricos. Discusión diplomática. Estado actual de la cuestión. Santiago de Chile, 1900.
- Valverde C.* ¡Maten a Rózsa! El rompecabezas de una conspiración. Santa Cruz de la Sierra: El País, 2012.
- Walle P.* Bolivia, its people and its resources its railways, mines and rubber-forests. London: Univin, 1925.
- Wilkie J.W.* The Bolivian Revolution and US aid since 1952. Los Angeles: UCLA, 1969.
- Zavaleta Mercado R.* El poder dual en América Latina. Estudios de Bolivia y Chile. Cochabamba: Los amigos del Libro, 1974.
- Zook D.H.* The conduct of the Chaco War. New York: Brookman, 1960.
- Zuazo M.* ¿Cómo nació el MAS? La ruralización de la política en Bolivia. La Paz: Friedrich Ebert Stiftung, 2009.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абароа Э. 308, 592
Абаскаль П. 124, 127, 131, 134, 136, 137, 649
Абелардо Рамос Х. 589
Абесия В. 637, 648, 649
Авила М.Б. 652
Авила С. 261
Авила Ф. 657
Агилар-и-Убальде 122
Агилар Х.М. 262
Агилера Ф.Х. 146, 156, 157
Агирре Гайнсборг Х. 411, 413, 418, 425, 437, 438
Агирре М.М. 167, 178, 284
Агирре Н. 287, 320, 321, 620, 621, 642, 643
Агреда С. 249, 262, 263, 266, 267
Айя де ла Торре В.Р. 391
Айяла Меркадо Э. 475, 476, 493, 496, 504
Акоста Н. 326, 641, 651
Акоста Х. 617, 619
Аландия Пантоха М. 629
Александр I 633
Алиага 121
Алиага С. 484
Альбо Х. 551, 663
Альварado А. 645
Альварес Ареналес Х.А. 118, 119, 138, 139, 141, 143, 145, 147, 153, 165
Альварес Мамани А. 460, 462, 488
Альварес Плата В. 509
Альварес Эспанья В. 414, 416–419, 422–425, 429, 433, 434, 442
Альварес М. 388, 412
Альдеано 162, 163, 211
Альенде С. 531, 535
Альконтара Ф.М. де 49
Алькосер М.М. 287
Альмарас Пас К. 478, 495
Альмарас А. 601
Альмарго Д. 46–50, 53
Альтамирано Д.Ф. 105
Амехино Ф. 612
Ампузэро Д. 386
Амунатеги М.Л. 639
Анайя А. де 51
Анайя Р. 385, 423, 434, 447
Андраде В. 411, 449, 450, 500
Андресен П. 664
Ансе Тапия К. 385
Ансоатеги де Камперо Л. 621
Ансурес П. де 48, 52
Антело Н. 635
Антесана А. 662
Антесана М. 135, 144
Антесана Х. 368
Антесана Эргета Л. 658
Аньес Педраса Д. 568
Аньес Л. 545
Апаса Г. 488, 491, 493
Апплетон Д. 235
Арамайо Ф.А. 351, 353, 354, 371, 372, 376, 384, 384, 420, 426, 427, 457, 479
Арамайо Х.А. 197, 200, 228, 229, 254, 255, 263, 272, 286, 319, 335
Аранибар А. 553
Аргедас А. 141, 144, 256, 259, 390, 402, 415, 625, 648, 653–655, 657
Аргедас К. 270
Арнаде Ч. 143, 155, 632, 661
Арноль Э. 629
Арратия А. 398, 434, 436
Арсанса Орсуа-и-Велу Б. 619
Арсе А. 197, 203, 255, 263, 266, 285, 286, 309, 315, 317–321, 323–330, 332, 337
Арсе Гомес Л. 545
Арсе и Арсе Х.А. 385, 386, 418, 422, 423, 425, 447, 448, 455, 467, 504
Арсе Катакора Л. 589, 591
Арсе Лоурейро Э. 429, 433, 438, 493
Арсе Р.Д. 131, 134, 661
Арсе Э. 128, 129, 133, 135, 138, 144
Арсиньегас Х. 613
Артече М. 197, 236
Аспиасу А. 363, 648, 649
Ассадуриан С. 80, 82
Асурдуй де Падилья Х. 146, 601

- Атауальпа 46, 49, 117
 Аток Сапа 50, 51
 Ахмадинеджад М. 592
 Ача Х.М. 244, 258–263, 268, 271, 273, 282, 288, 303
 Бабеф Г. 254
 Бакаррес К. 206
 Бальдивьесо Т. 222
 Бальдивьесо Э. 384, 385, 402, 412, 417, 435, 437, 445
 Бальзан Л. 334
 Бальвиан-и-Рохас В. 639, 648, 649, 651
 Бальвиан А. 259, 263, 266, 289, 290, 292, 293, 303, 639
 Бальвиан У. 468–472
 Бальвиан Х. 140, 181, 187–193, 206, 209, 211, 212, 218–221, 230, 239–241, 250, 256, 275, 639, 645, 652
 Балькарсе Гонсалес А. 129, 130
 Бальмес Х. 645
 Бальса К. 261, 262
 Банделье А. 31
 Бансер Суарес У. 540–543, 545, 549, 554, 561, 562, 564, 566, 568–571, 573 575, 582, 593, 597
 Баптиста Гумусио М. 530
 Баптиста М. 239, 258, 263, 266, 287–289, 292, 294, 315, 319, 321, 323, 324, 327, 330–334, 337, 644, 650, 651
 Барба де Падилья С. 53
 Барбери К.М. 298, 299
 Барбье К. 545
 Барбюс А. 656
 Барда А.А. 203
 Барраган Р. 110, 580, 664, 665
 Барренечеа А. 465, 470
 Барренечеа Р. 553
 Баррос Арана Э. 645
 Баррьентос Мамани С. 493
 Баррьентос Ортуньо Р. 519–527, 529, 530
 Барсельи А. 504
 Барсола М. 482
 Бартель Т. 616
 Бачилет М. 593, 605
 Бедойя Э. 175
 Бедрегаль Г. 503, 515, 560, 658
 Бейквелл П. 74
 Бельграно М. 135–138, 141, 146, 149, 632
 Бельмонте Э. 414, 431, 435, 449
 Бельсу М.И. 6, 193, 199, 218–249, 252, 255, 256–263, 267–270, 281, 296, 298, 638, 644
 Бельсу Г. 218
 Бельсу Ф. де П. 225, 229, 239, 261
 Бельтран К. 665
 Беналькаса С. 46
 Бентам И. 173, 635
 Березкин Ю.Е. 10, 11, 682
 Бермудес П. 175
 Бернабе Мадеро Х. 163
 Берриос Д. 621
 Бертонио Л. 618
 Бильбао Риоха Б. 414, 467
 Битти Б. 622
 Бланко Галиндо К. 377, 378, 396
 Бланко Энкалада М. 185, 186
 Бланко М. 138
 Бланко П. 139, 166, 167, 168
 Блаттман Р. 564
 Блейн Д. 304
 Боливар С. 150, 153–156, 158–161, 163–166, 168, 169, 181, 194, 208, 209, 219, 268, 274, 291, 637, 643, 652
 Бональд Л.Г. 635, 645
 Бонапарт Жозеф (Хосе I) 633
 Браво К. 326
 Браун О.Ф. 181, 186, 225, 239, 648
 Бридихина Е.В. 10, 682
 Бродель Ф. 74
 Буасье Г. 651
 Бульнес М. 186, 187
 Бунке Т. (Таня) 528
 Бурбоны 68, 86, 87, 91, 99, 108, 111, 112, 114, 127, 155, 563
 Бурдет О'Коннор Ф. 157, 158, 181, 642
 Бурдые П. 580
 Бустаманте Р.Х. 268, 621
 Бустильо Р. 229, 230, 231, 236, 237, 241, 242, 244, 245, 260, 265, 266, 290, 646
 Бухарин Н. 389
 Буш Х. 407, 408, 414–416, 418, 430–437, 439–446, 448, 449, 456, 467, 525, 543
 Буэндиа Х. 311, 312
 Буэно Б. 126
 Бэгби Филипп 617
 Вайнберг Г. 572
 Вака де Кастро К. 49, 50
 Вака Диес А. 326
 Вака Диес О. 586
 Вака Чавес Ф. 385
 Вака П. 433, 434
 Валенсия Вега А. 438, 660
 Валенсия Л. 267
 Валера Б. 85
 Валеро М. 91
 Вальверде К. 597
 Вальдес А. 386
 Вальдес Х. 150, 153, 155, 156
 Вальдес Х.С. 332, 643
 Валье Э. 248, 252, 287
 Вальехо Х.Х. 241
 Варнес И. 138, 139, 143, 146, 147
 Васкес де Урреа 51
 Васкес Мачикадо У. 401, 659, 663

- Вега О. 579, 581
 Веласко Альварado X. 535
 Веласко Майдана X.M. 629
 Веласко Л. де 53
 Веласко Л.П. 356
 Веласко X.M. 166–170, 179–181, 184, 187, 188, 193, 220–223, 239
 Велис А. 570, 577
 Вендлер Э. 439, 449
 Вера Тапия Х. 483, 484
 Вергара Альбано А. 273
 Виеда Ф. 91, 631
 Виера Х. 423, 425, 426
 Вилар П. 78
 Вильдосо Г. 546
 Вильегас К. де 301, 650
 Вилька Ума 47
 Вильява де В. 631, 632
 Вильялобос Р. 621
 Вильяльпандо А. 447, 464
 Вильямиль Рада Э. 640–642, 651
 Вильямиль И. 640
 Вильянуэва Г. 382
 Вильяррозль Клауре Р. 438
 Вильяррозль Гаспар 619
 Вильяррозль Гуальберто 391, 414, 438, 449–463, 468, 470, 488, 493, 525, 655
 Вильяррозль Д.Х. де 52, 60
 Вильяррозль В. 589
 Вильясон Э. 338, 345, 347, 357, 359–361
 Винсендон К. 222
 Вискара Монхе У. 629
 Вискара Г. 385, 390, 421
 Вискара Э. 620
 Вихиль Ф. 185
 Вольтер Ф.М. 113, 632

 Габино Ж.А. 645, 646
 Габсбурги 67, 114
 Гамарра А. 153, 154, 166–168, 174–176, 186–188, 219
 Гандарильяс Х.Д. 148
 Ганиль III. 635
 Гаррет Х. 552
 Гарсес Э. 619
 Гарсия де Кастро 61
 Гарсия Линера А. 7, 559, 560, 579–581, 587, 594, 599, 602, 628
 Гарсия Меса Л. 544–546
 Гарсия Месса Х. 623
 Гарсия Писарро Р. 116–120
 Гарсия Ресио X.M. 59
 Гарсия Руис де Орельяна 53
 Гаскелл Э. 621
 Гастос П. де 51
 Геббельс Й. 451
 Гевара Че Э. 527–532, 535, 580, 588, 661, 663
 Гевара Арсе В. 411, 434, 436, 438, 439, 441, 443, 444, 448, 464, 465, 472, 485, 486, 495, 500, 505, 511, 543, 560
 Гегель Г.В. 580
 Гейлер Техада Л. 544
 Герра Ф.Х. 113
 Гизо Ф. 645
 Гиларт Э. 193, 220
 Гильен Н. 456
 Гитлер А. 401, 426, 428
 Годой М. 114
 Гойсенече X.M. 115–120, 123–126, 131, 133–136, 138, 144, 644
 Голдберг Ф. 597
 Гольбах П.А. 638
 Гомес Санчес Э. 177
 Гонсалес Браво А. 629
 Гонсалес Ольгин Д. 618
 Гонсалес Прада М. 647
 Гордильо X.M. 663
 Горрити де Бельсу X.M. 219, 256
 Горрити Х.И. 219
 Госалвес Г. 432, 434, 467, 468
 Гранадо дель Х. 604
 Гранерос М. 126
 Грахеда И. 460
 Гребе Х. 547
 Григорио XVI, папа 184
 Гуатарри Ф. 580
 Гуачалья Ф.Э. 338, 339, 346, 361
 Гудрих К. 493, 500
 Гумес М. 142, 143
 Гумбольдт В. 635
 Гумусно Рейес А. 499
 Гусман Альдунате Л.М. 639, 640
 Гусман де Рохас С. 629
 Гусман А. 621
 Гусман Мариано 287
 Гусман Мартин 49
 Гусман Мельчор 128
 Гусман Ф. 382
 Гутьеррес Агилар Р. 579, 580
 Гутьеррес Герра Х. 367, 368, 378
 Гутьеррес Граньер Ф. 426, 431, 444
 Гутьеррес де Лафуэнте А. 174
 Гутьеррес А. 648, 650
 Гутьеррес М.П. 363
 Гутьеррес Х.Р. 321, 636, 648, 649
 Гюго В. 644

 Д'Орбиньи А. 195, 635
 Давалос Б. 284
 Давила Т. 120, 121
 Даленсе X.M. 194, 196, 197, 210–214, 216, 226, 635, 636
 Дарио Р. 626
 Даса И. 278, 289, 290, 294–296, 298, 299, 304–309, 311–314, 317, 320, 389

- Дебре Р. 531, 532, 534
 Делез Ж. 580
 Дельгадильо В. 553
 Дельгадо Т. 436
 Демелас М.Д. 665
 Дестют де Траси А. 635, 638
 Диас Вильямиль А. 627
 Диас дель Кастильо Б. 619
 Дидро Д. 113
 Диес де Медина К. 637
 Диес де Медина Р. 326
 Диес де Медина Ф.Т. 110, 288
 Диодато М. 571
 Дория Медина С. 604–606
 Доценко В.Р. 622
 Дуран Х.К. 564
 Дэвис К. 572
 Дюнкерлей Д. 522, 563, 664

 Ибаньес А. 297–302, 338, 650, 662
 Ивкина Л.А. 10, 682, 685
 Идиакес Э. 326
 Ильекас де Г. 619
 Индабуру Х.П. 121, 123, 125
 Инка Гарсиласо де ла Вега 84, 616, 619
 Инофунтес К. 449
 Инохоса Р. 386, 390–392, 451, 452, 454–456
 Инфанте Ф. 163, 166, 167
 Иррисари А.Х. 185
 Ируроски Викторiano М. 10, 664, 665
 Исабелла II 659
 Итурральде Чинель Л. 411, 412
 Итурральде А. 376
 Итурральде С. 623
 Итуррича А. 651

 Каба Э. 629
 Кабе Э. 298
 Кабельо де Бальбоа М. 84
 Кабрера Герра Л. 308, 327
 Кадафи М. 588
 Казаков В.П. 10, 682
 Кайзерлинг Г. 655, 657
 Кайоха У. 540, 545
 Каланча А. 619
 Калатайюд Х.А. 91, 642
 Калаумана Х.Б. 168
 Кальво Д. 290, 644
 Кальво Л. 398, 455
 Кальво М.Э. 157, 178, 179, 181–183, 187, 290
 Кальдерон П.Х. 314
 Кальдерон Х. 362, 363
 Кальеха Ф. 484
 Камарго Х.В. 143, 144
 Камачо И. 526
 Камачо Э. 312, 313, 319–321, 323–328, 330, 331, 334, 342, 346, 365, 366

 Камба А. 134, 138, 140, 146, 148, 155
 Камперо Альварес Ф. 384, 419, 421
 Камперо Н. 268, 269, 278, 283, 307, 310–316, 319–322, 648
 Кампос Д. 321
 Кандия А. 483
 Кандия П. де 48, 51
 Канелас Д. 399
 Кано Э. 326
 Кант И. 580
 Кантерак Х. 151, 153
 Каньете-и-Домингес П.В. 631, 632
 Каньете, маркиз де 61
 Карденас Б. 138
 Карденас В.У. 549, 551, 553, 559, 562
 Карденас Л. 391, 451
 Кариага Х. 555
 Карл (Карлос) III 67, 87, 91, 109
 Карл (Карлос) IV 114, 115
 Карл I 47, 50
 Карлейль Т. 645
 Карлота Хоакина, инфанта 115, 116
 Карпио Х.М. 326
 Карр Э. 552
 Картер Д. 541, 545
 Касерес Х.М. 128, 134, 144
 Кастиельи Х.Х. 129–133, 137, 139, 144, 147, 631, 638
 Кастильянос Х. 619
 Кастильо А. 637
 Кастилья Р. 219, 221, 240, 243, 257
 Кастро Ф. 528
 Катакора Б. 121, 126
 Катари Т. 97, 99, 576
 Хахиас де ла Вега Ф. 107
 Хахиас Л. 582
 Хахияс М. 10, 682, 686
 Кеведо К. 258, 286, 289, 290, 293, 294
 Кеведо Ф. 619
 Келлогг Ф. 381
 Кеммерер Э.В. 383
 Кеннеди Д. 513
 Кесада В.Г. 620
 Кинлисайд Х. 469
 Кинтанилья К. 445–447
 Кирога «Тито» Х. 574, 575, 587, 596, 598, 604
 Кирога Санта Крус М. 527, 530, 534, 543, 544, 661
 Кирос А. 175
 Кирос К. 200
 Кискис 47
 Киспе М. 461
 Киспе Ф. (Эль Мальку) 559, 560, 569, 574, 577, 578, 580, 581, 583
 Клавихо Б. 206
 Клей Г. 633

Клейн Г. 80, 89, 272, 275, 317, 661
 Колке Х. 83
 Колумб Х. 624, 630
 Кондарко Моралес Р. 325, 327
 Констан Б. 173
 Конт О. 645, 646, 648, 649
 Конча и Торо М. 309
 Кордоба Х. 129, 233, 238, 244–250, 256, 257,
 259, 261, 281, 289, 638, 646
 Корнель П. 644
 Корраль К. 252, 278–285, 288 294, 306, 323,
 324, 403
 Кортес М.Х. 635, 636, 638, 640, 644, 645,
 650
 Коссио М. 586, 595
 Костас Р. 595, 604
 Котера Т. 636
 Кофман А.Ф. 624, 626
 Крамер П. 649
 Крево Д. 321
 Креспо Л. 362
 Крус де ла Х. 577
 Куадрос Кирога Х. 448, 466
 Куадрос А. 501
 Кузен В. 635
 Кундт Г. 361, 378, 382, 392, 400, 401, 403,
 404, 406, 407
 Куру Окльо 49
 Кусиканки Л. 379, 386
 Куэва де ла Х.М. 662
 Куэльяр С. 595

 Ла Гаска 57, 58
 Ла Крус Бенавенте Х. 241, 257, 268, 646
 Ла Палата герцог де 65, 76, 77
 Ла Санта Р. де 120
 Ла Серна Х. де 151, 153–156, 432
 Ла Тапия Х.А. 235,
 Ла-Рива П. 221
 Лавалье Х.А. 306
 Лагос Р. 583, 593
 Лагуна М. 224
 Ладрон де Гевара Д. 103
 Ламартин А. 645
 Ламенне Р.Ф. 233, 282
 Ланса Гарсия Г. 121, 126
 Ланса Гарсия М.В. 121, 124–126
 Ланса Гонсало 244, 247,
 Ланса Х.М. 149, 150, 153–156, 159, 162,
 166
 Ланса Э. 545
 Лара Х. 630
 Ларин Е.А. 10, 682, 685
 Ларсон Б. 209
 Лас Касас Б. 50, 61
 Ласарте Х. 533
 Лассо Р. 626
 Латорре М. 629

Лаура Р. 665
 Лауренсич Минелли Л. 85
 Лафайе Ф. 288
 Легия А. 381
 Лейтон В. 384
 Лема Г. 578
 Лема Х. 459
 Ленс Б. 621
 Леро Х. 345
 Летельер В. 645
 Лечин Окендо Х. 452, 459, 462, 463, 465–
 467, 470, 471, 473–477, 479, 480, 482–
 487, 489, 491, 492, 500, 501, 503–505,
 508–511, 513, 515, 516, 519–521, 523,
 524, 532, 536, 549, 552, 553, 555
 Лильо Э. 315
 Лима К. 549, 550
 Линарес Х.М. 220, 221, 222, 229, 237, 239,
 243, 246–260, 268, 281, 285, 640, 685
 Линч Д. 114
 Линье С. 117, 123, 129
 Лира Э. 138, 147, 148, 149
 Лоайса А. 368
 Лоайса Р. 494, 577
 Лоайса Х. де 61
 Лонг Х. 405
 Лопес Авила У. 493, 495
 Лопес Б. 224
 Лопес С. 163
 Лопес Х. 265
 Лора Г. 438, 451, 452, 459, 462, 477, 536,
 660
 Лоса Р. 562
 Лоса Х.М. 637, 640
 Лоса Э.Г. 386, 390, 391, 433
 Лофстром У. 661
 Лугонес Л. 626
 Лупа Ф. 99
 Льянки М. 388

 Майорга Х.А. 558
 Маклей Т. 651
 Малерба Ж. 663
 Мальпартида П. 201, 204
 Манклова граф де 77
 Манко Инка 46–51, 84
 Манрике Ф. 75
 Мансера маркиз де 79
 Мансо А. 51
 Мариатеги Х.К. 624
 Маринкович Б. 595, 597
 Мароф Т. (Наварро Г.) 386, 387, 389, 413,
 437, 438, 447, 452, 656
 Марти Х. 624, 647
 Мартин де Алькантара Ф. 46, 49
 Мартинес Пастрана А. 75
 Мартиньяк Ж.-Б. 634
 Медина Х.А. 117, 121, 123, 125, 126

- Мединасели К. 434, 441, 627, 642, 645–648
 Мединасели Т. 232
 Мельгарехо М. 191, 197, 236, 243, 244, 248, 249, 259, 261–263, 266–286, 291, 296, 303, 305, 329, 643, 651, 652
 Меначо С. 431–433
 Мендес Техада Р. 473, 491, 506, 507, 520
 Мендес В. 432
 Мендес Х. 321, 324
 Мендивиль Л. 459
 Мендиета П. 164
 Мендисабаль А. 447, 463
 Мендисабаль Х.М. 181
 Мендоса де ла Тапия Л. 248, 277, 278, 283, 287
 Мендоса Лопес А. 438
 Мендоса Лопес В. 402, 424, 438, 439
 Мендоса Лоса Г. 660
 Мендоса Мамани К. 380, 386, 388
 Мендоса А. 53
 Мендоса Д. 619
 Мендоса Д. де 619
 Мендоса П. де 47
 Мендоса Хавьер 637
 Мендоса Хайме 653, 657
 Менем К. 555
 Менендес-и-Пелайо М. 642
 Меса Хисберт К. 562, 569, 582, 584–586, 593, 605
 Местр де Ж. 635, 645
 Мирабо О.Г. 113
 Миранда Р. 533
 Митре А. 209
 Митре Б. 141, 143, 192, 632, 634
 Мичел М. 120
 Мишле Ж. 645
 Моисес Х.Г. 391, 398, 425
 Молина П. 663
 Мольер Э. 475–477, 495, 504, 520
 Монрой Блок Х. 465
 Монтаньо К. 484, 492, 494
 Монтеагудо Б. 117, 118, 120, 130, 631, 632, 638
 Монтельяно У. 435
 Монтенегро К. 277, 402, 405, 412, 427, 428, 438, 439, 441, 442, 448, 450, 658
 Монтес И. 319, 328, 341, 343, 344, 346, 355–362, 364–369, 376, 399
 Монтескье Ш.Л. 113
 Монтт П. 645
 Монхе Т. 456
 Мора Х.Х. 183, 184, 645
 Моралес А. 224, 261, 262, 278, 279, 281, 283–286, 288, 289, 303
 Моралес Айма Э. 7, 10, 560, 568–571, 574, 575, 577–579, 581, 584–606, 628, 664
 Морено Г.Р. 108, 112, 120, 308, 631–635, 638–640, 645–651
 Морено М. 631, 632
 Морроне А. 10, 683
 Москосо О. 421
 Мохо и Франколи М.Б. 116–118, 129, 136, 137
 Муньекас И. 140, 143, 144, 153
 Муньос Донато М. 268, 271, 278, 279
 Муньос Кабрера Х.Р. 639, 640
 Мур Кинтерос К. 452
 Мурильо Алиага Р. 484
 Мурильо Б.Э. 623
 Мурильо П.Д. 121–127, 455, 456, 459, 605, 651
 Мурра Д.В. 39
 Муруа М. 84
 Муsscолини Б. 385, 428, 440
 Мухия Р. 621
 Нагатани М. 588
 Наполеон I Бонапарт 115, 226, 268
 Натуш Буш А. 543–545
 Негри А. 580
 Никсон Р. 545
 Ногалес А. 623
 Норденшельд Э. 32, 33
 Нуньес Вела Б. 50
 Нуньес Вела Э. 459
 Нуньес де Бальбоа В. 46
 Нуньес дель Прадо М. 629
 Ньето В. 119, 120, 127–129
 Ньето Д. 175, 186, 187
 О'Коннор Д'Арач Т. 643
 Облитас Х. 268, 271
 Овандо Кандия А. 523, 527, 529–533, 535
 Овандо Санс Х. 275, 287, 660
 Овьедо Г. де 51
 Оланьета К. 156–160, 165, 166, 168, 181, 220, 221, 258
 Оланьета П.А. 153–158
 Олива А. 84
 Оливарес герцог де 78
 Ольмос Г. 485
 Омисте М. 642, 650
 Ондегардо П. 617
 Орбегосо Л.Х. де 175–177, 185–187
 Ордоньес Х.М. 379, 433
 Ордоньо де Агирре 53
 Ортис Савальос И. 160, 173
 Ортис И. 243
 Осорио Х. де 53
 Отасо Р. 468, 552
 Отеро Г.А. 642, 646
 Оуэн Р. 254
 Падиля Д. 543

Падилья М.А. 141, 143–146, 651
Падилья П. 145
Паленке Авилес К. 561, 564, 569, 584
Пальса У. 8, 384, 385, 405, 656, 657
Пандо Х.М. 328, 330, 333, 334, 338–347,
354–357, 359, 366, 367
Паредес М.Р. 648, 652
Паредес Х.Л. 596
Пареха Д. 379
Пас Арсе Л. 648, 650
Пас Камперо Х. 421, 424, 425
Пас Самора Х. 546, 547, 552, 554, 560, 564–
566, 569, 576, 577, 582
Пас Сольдан М.Ф. 647
Пас Эстенсоро В. 428, 434–436, 438, 439,
441–444, 448–450, 454, 462, 464–470,
474–487, 490, 495–499, 501, 504–507,
509–516, 519–523, 543, 554–557, 559–
561, 565, 577, 630, 661
Пас О. 111
Пас Х.М. 137, 141
Пасос Канки В. 113, 191, 632–635, 639, 659
Патиньо С. 197, 351, 353, 354, 368, 369, 371,
372, 376, 383, 389, 390, 393–395, 402,
405, 420, 430, 431, 439, 442, 444, 445,
457, 464, 478, 479, 629
Патиньо Х. 121
Патци Ф. 589, 606
Пауля 47
Пачакути (Пачакутек) Инка 36, 43, 84, 560,
569, 577, 616, 617
Пачеко А. 629
Пачеко Г. 197, 236, 255, 263, 317, 319, 324–
327, 330, 331, 337
Пейн Т. 632
Пентланд Д.Б. 164, 196, 198, 216
Пеньялоса Кордеро Л. 662
Пеньялоса Л. 466, 478, 483, 485, 491, 658
Пеньяранда К. 626
Пеньяранда Э. 404, 406, 407, 417, 430, 431,
445, 447, 449, 450
Перальта Руис В. 10, 168, 683
Переда Асбун Х. 542
Передо Г. (Инти) 530, 531
Передо О. (Чато) 530
Передо Р. (Коко) 530
Перес де Ольгин М. 70, 623
Перес де Урдиненеа Х.М. 166, 168
Перес Г. 243, 262, 263
Перес К. 10, 237, 683
Перес К.А. 555
Перес Э. 428, 438, 460
Перуасьен Д. 195
Песуэла Х. 138, 139, 141, 144, 148, 149, 153,
155
Петр I Великий 268
Петрарка Ф. 619

Петрас Д. 599
Пиментель И. 516, 524
Пинилья М. 336, 337, 339, 399, 649
Пино Манрике Х. 91, 631
Пиночет Угарте А. 542, 593
Пинто А. 305, 306
Пинто М.М. 626, 636, 652
Пинто Х. 601
Пиньера С. 593, 605
Писарро Г. 46–50, 52, 57, 60
Писарро Ф. 46–49, 52, 57
Писарро Х. 47, 48
Писарро Э. 48, 49
Пичугин П.А. 622
Платт Т. 10, 56, 100, 143, 196, 208, 209, 341,
664
Познанский А. 21, 23, 612, 658
Полетика П.И. 633
Пома де Айяла Г. 84, 85, 617
Понсе Санхинес К. 20, 25, 509
Порсель Х.М. 253
Порталес Д. 184
Порталь П.Х. 206
Поу Монт Ф. 442, 443
Прада Алькореса Р. 579, 581
Прадо М. 311, 312
Преста А.М. 10, 683, 684
Прието Х.Х. 184
Пруденсио Бустильо И. 653
Пруденсио Р. 627, 640, 656
Прудон П.Ж. 233, 298, 301
Пумакагуа М. 134, 135, 140, 144
Пупё Ф. 572
Путин В.В. 592
Пуэнте Ла Серна К. 432
Пуэнте Р. 577
Пьеррола Н. 312–315, 320
Пэн Т. 113
Равилья Л. 606
Рамальо М. 651
Рамирес Мануэль 378
Рамирес Мариано 140, 151, 201–203
Рамирес Х.М. 378
Рамон Кинтана Х. 588
Рамос Кеведо Л. 453
Рамос Санчес П. 578, 662
Рамос А. 460
Рамос М.Л. 10
Ранке Л. 645
Рансьер Ж. 580
Расби Г. 326
Расин Ж. 644
Рейган Р. 545, 572
Рейес Вилья М. 569, 575, 595, 596, 599
Рейес Кардона М. 277
Рейес Ортис С. 326, 339
Рейес Ортис Ф. 284, 621

- Рейес С. 520
 Рейес Э. 252
 Рейнага Ф. 519, 549, 550
 Рейналь Г.Т.Ф. 113
 Рейнольдс Г. 626
 Рем Э. 401
 Ренан Э. 645
 Рендон Ф. 278
 Рибера де Л. 619
 Рибера Ф.Л. 301
 Риварола В. 402
 Ривас С. 484, 489–492, 494, 496
 Ривера Кусиканки С. 83, 551, 580, 663
 Ривера Ф. 128, 132, 133
 Риго Р. 157, 163
 Риос Гамарра Х. 483
 Робертс У. 470, 478, 483, 484, 491
 Родас Эгино В. 402
 Родас М. 53
 Роджер Р. 493
 Родо Х.Э. 654
 Родригес Вельтце Э. 586, 605
 Родригес Карраско 91
 Родригес Магариньо М. 191
 Родригес Острия Г. 10, 663
 Родригес К. 589
 Родригес С. 159
 Рока Х.Л. 155, 661
 Ролан Р. 656
 Ромеро К. 405
 Рондо Х. 140, 141, 143–145, 147, 150
 Ронкаль С. 629
 Росас Х.М. 186, 190, 192, 212, 240, 267
 Росса Флорес Э. 597
 Россельс Б. 665
 Рокас К. 189, 383
 Рокас Н. 278
 Рокас Х. 484, 489–492, 494, 509, 510, 517, 518
 Роча М. 575
 Руджеро Р. 75, 76, 80
 Руссо Ж.Ж. 113, 282, 638
 Рюк Э. 648

 Сааведра А. 381, 382
 Сааведра Б. 362, 365, 366, 368, 369, 372, 373, 376–383, 388, 392, 397, 413, 418, 419
 Сааведра К. 632
 Сааведра Х. де 47
 Савалета Меркадо Р. 9, 230, 446, 476, 485, 487, 503, 504, 512, 521, 532, 533, 576, 580, 661, 662
 Сагарнага М. 260
 Сагарнага Х.Б. 121, 125, 126, 643
 Сайри Тулак 50
 Сакс Д. 555
 Салаверри Ф.С. 175, 176, 184, 218

 Саламанка Д. 365, 366, 369, 375–378, 394, 396–403, 406, 407, 411
 Салас Т. 517, 519
 Саласар Мостахо Х. 476
 Саласар Э. де 51
 Салинас Арамайо К. 384, 405, 448, 450, 455
 Салинас Вака Л. 651
 Салинас Вега Л. 308, 313
 Салинас Б. 320, 328
 Салинас М.М. 260
 Салинас Х.М. 424
 Салон Ромеро В. 629
 Сальватьерра М. 291
 Сальватьерра Э. 379, 386, 398
 Самбрана Д. 200
 Самора О. 539
 Самудио А. 621
 Сан Мартин Т. 60
 Сан-Мартин Х. де – 150, 151, 153, 154, 157, 168
 Санабрия Фернандес Э. 663
 Сандоваль Родригес И. 551, 663
 Санс Ф.П. 99, 118, 123, 129
 Санта Крус и Вильявисенсио Х. де 168
 Санта Крус и Калаумана А. де 140, 144, 153, 158–160, 165, 167–179, 181–191, 196, 199, 205, 208, 211–213, 218, 219, 221, 226, 227, 230, 238–241, 244, 246, 320, 449, 550, 606, 633, 635, 648, 651
 Санта Крус Пачакути Х. 84
 Санта Мария Д. 308
 Сантиваньес Х.М. 295, 299, 639, 645
 Санто Томас Д. 618
 Сантос Варгас Х. 142, 143, 147–150
 Сантос Оса-и Вега Х. 265, 272
 Сантос Чокано Х. 623
 Санхинес Гоития Х. 518, 519
 Санхинес Х. 427
 Санчес Берсаин К. 583, 584
 Санчес Бустаманте Д. 397
 Санчес де Веласко М. 635–638, 644
 Санчес де Лосада Г. 530, 555–557, 559, 560, 562, 563, 566, 570, 571, 582–584, 593, 601
 Санчес Л. 269
 Санчес М.А. 258, 259
 Санчес Х. 269, 270, 274, 277, 280, 643
 Сарате (Вилька Ужасный) П. 330, 341–346, 388, 559
 Сарате Х.И. 141, 145, 147, 149
 Сарачо В.А. 384
 Сармьенто Д.Ф. 628, 647
 Сатер У. 305
 Сегура П. де 53
 Сегурола С. 110, 639
 Селеме А. 470–472
 Селиванова И.П. 10, 683
 Сен-Симон А. 233, 254

- Сентено М.М. 159
 Сенье Т. 84
 Сеоане М.А. 438
 Сервантес М. 619
 Сердеро Р. 629
 Серрано Х.М. 139, 159, 181
 Серульников С. 10, 683
 Сеспедес А. 385, 405, 406, 428, 434, 438, 439, 441, 448, 450, 465, 466, 629, 658
 Сеспедес Х. 491
 Силес Салинас А. 529
 Силес Салинас Х. 155
 Силес Суасо Э. 411, 448, 449, 454, 465, 467, 470, 471, 473, 474, 486, 493, 495, 496, 500, 505–511, 515, 516, 521, 529, 542–544, 546–549, 552–554, 556
 Силес Э. 377, 381–390, 392, 397, 398, 400–402, 411, 415, 472
 Сильвети Арсе П. 406
 Синьяни Х. 224
 Сиса Б. 101, 576
 Сиснерос П. 123
 Скотт В. 642
 Смит К. 257
 Собрино Х. 619
 Солис Рада А. 589
 Сория Гальваро Р. 344
 Соруко Р. 379
 Соруко Х. 216, 665
 Сото Э. де 46
 Сотомайор Вальдес Р. 270
 Сотомайор Х. 224, 308
 Соукс М.Л. 151, 665
 Спенсер Д. 645, 646, 648
 Стефанони П. 10, 683
 Стингл М. 615, 616
 Суарес Арана К. 326
 Суарес Р. 552
 Суарес Ф. 114
 Суасо Куэнка Х. 411
 Субьеха Ф. 219
 Суданьес М. 117, 120
 Суданьес Х. 117 120, 139
 Сукре Х.А. 150, 153, 154–158, 160, 162–164, 166, 167, 169, 208, 218, 227, 235
 Съеса де Леон П. 616, 617
 Сю Э. 645

 Таборга де лос Сантос М. 153, 287, 644, 649
 Таборга А. 450
 Таборга Р. 384, 385, 392
 Тамайо И. 268
 Тамайо Ф. 363, 402, 407, 451, 624–627, 647, 652–655, 657
 Тамайо Х. 412
 Тандетер Э. 87, 90, 93
 Тапия Л. 404, 549, 550, 579, 581
 Тариха Ф. де 53

 Тельес Г. 224
 Тельо Х.С. 613
 Теодорович Ф. 582
 Террасас М. 314
 Террасас П. 635
 Тесанос Пинто Х. 190, 192, 206, 218, 220–222, 228
 Техада Мендоса Л. 483, 485
 Техада Сорсано Х.Л. 369, 397, 407, 411, 413–416, 427
 Техада Б. 221
 Тисо Юпанки 49
 Титичока М.В. 128, 134, 144
 Титу Куси Юпанки 51
 Товар А. 326
 Толедо Ф. 51–53, 58–63, 65, 66, 71, 73, 74, 76, 84, 93, 95, 563
 Томпсон Э. 664
 Томсон С. 100, 142
 Топо Инка 43
 Торо Д. 378, 383, 392, 407, 414, 415, 417–420, 422–431, 440, 442, 443, 448, 456
 Торрелио М. 262
 Торрелио С. 545, 546
 Торрес Ортис У. 470–473
 Торрес Марио 452, 459, 508
 Торрес Матиас 265
 Торрес Х.Х. 532–537, 539, 540, 661
 Торрес Ю. 10, 686
 Торрико А.М. 178, 181
 Тристан Д.П. 130, 133, 136
 Троцкий Л.Д. 392
 Тупак Амару 51, 97
 Тупак Амару II (Хосе Габриэль Кондорканки) 97, 98, 100–103, 107, 108, 112, 134, 413, 632, 637, 649
 Тупак Катари (Хулиан Апаса) 97, 100–102, 110, 122, 134, 144, 549, 553, 559, 574, 576, 579, 580, 604, 637, 639, 661
 Тупак Уальпа 46
 Тэн И. 645

 Уайна Капак 46, 52
 Уайнакиль Г. 83
 Уайт Л. 608
 Уальяпа Д. 52, 60
 Уампо Э. 583
 Уарки Т. (Баррьентос О.) 438
 Уаскар 46
 Уилька Л. 278
 Уиси И. 206
 Уле М. 21
 Умерес М. 218
 Унсага де ла Вега О. 432, 449, 510
 Уолкер В. 241
 Уркиди А. 493, 496
 Уркиса М.Л. 363
 Уркиса Х.Х. 240, 246

Уркульо Х.М. 157, 158, 635–637, 639, 640
Урриолагоития М. 466, 468, 469
Уртадо де Абьерто 51
Уртадо де Мендоса 51
Уртадо С. 663

Фахардо С. 147–149
Февр Л. 238, 241
Фельман Веларде Х. 501
Фердинанд VII 115, 117, 118, 121, 123, 127,
136, 140, 142, 184, 638
Фернандес Алонсо С. 326, 331–334, 336,
338–345
Фернандес А. 459
Фернандес Б. 648
Фернандес И. 189
Фернандес Л. 595, 599
Фернандес М.Д. 561, 564, 569
Фернандес О. 573
Фернандес Р. 258–262, 646
Фигереди Ингакольо Ф. 123
Фигероа К. 201
Фигероа Х.А. 121, 126
Филипп IV 78
Филипп V 115
Финот Э. 421, 659
Фиоанини Д. 428, 432
Флорес А. 629
Флорес И. 91
Флорес Н. 261, 262, 268
Флорес Х.Х. 192
Флорес Хенаро 549–551, 553
Флорес Э. 493
Фортун Санхинес А. 510
Фортун Ф. 492, 520, 521
Франко Гуачалья А. 458, 473, 509
Франко Ф. 440
Франкович Г. 458, 627, 630, 639, 659
Франсия П.Г. 267
Фрейре де Хаймес К. 621
Фрейре Хаймес Р. 402, 621, 625, 626
Фрейре Р. 185
Фриас Т. 239, 246, 248, 249, 254, 263, 265,
266, 283, 289–295, 298, 303, 644
Фронтаура Аргондонья М. 454
Фунес Г. 632
Фурье Ш. 298
Фуэнтес Л. де 53

Хаен А. 126
Хаенке Т. 631, 649, 650
Хайдеггер М. 630
Хара де ла В. 616
Харрис О. 614, 615
Хендерсон Д. 519, 521
Херальдино А. 162
Хименес (Пичитанка) М. 126
Хинтон Уилсон Б. 187
Хисберт Т. 84

Хобсбаум Э. 664
Хохланд Х. 501
Хохшильд М. 371, 372, 394, 441, 443–445,
457, 479
Хулио Р. 514

Чаваррия И. 566
Чавес Ортис Н. 465, 476, 484, 485, 488–493,
495, 500, 506, 510, 511, 540, 560
Чавес Н. 51, 52, 59
Чакон Э. 484, 491, 494
Чамбия Д. 83
Чапетон С. 606
Черч Д. 286
Чиано Г. 426
Чила М. 549
Чинчерос 135
Чинчилья Х.М. 147–149
Чинчон вице-король 79
Чипана Рамос Ф. 460
Чоке Канки Р. 83, 122, 661, 663
Чокеуанка 135
Чокеуанка Д. 588
Чубарьян А.О. 10
Чумасеро Р. 379, 386, 389, 398

Шатобриан Ф.Р. 635, 644
Шелер М. 657
Шелешнева-Солодовникова Н.А. 623
Шпенглер О. 655, 657
Шульц Д. 572
Шульце С. 439, 442, 446

Щелчков А.А. 10, 683

Эганья М. 185, 187
Эгино Савалья Ф. 441
Эгино Х. 454, 456
Эдер Д. 507
Эйзенхауэр М. 501
Элио М. 363
Энрикес К. 632
Энрикес Х.М. 159
Эррера Р. 181, 185
Эрсилья А. 619
Эрсог Э. 458, 459, 461, 462, 465, 521
Эскальер Х.М. 367, 369, 375, 376, 378
Эскобар Федерико 515, 516, 526, 533
Эскобар Филемон 577
Эскобар Х. 454, 456
Эспиноса де лос Монтерос Х. 623
Эстигаррибия Х.Б. 407
Эхидо М. 629
Эчасу А. 434
Эченике Х.Р. 238, 240, 242, 243

Янгуас Перес Ф. 123, 125
Яньес К. 190
Яньес П. 260, 261, 270, 646

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Березкин Юрий Евгеньевич – доктор исторических наук, сотрудник Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, профессор факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Автор многочисленных монографий, в том числе: «Инки. Исторический опыт империи» (1991); «Между общиной и государством. Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике» (2013).

Бридрихина Евгения Викторовна – профессор Университета Сан-Андрес в Ла-Пасе, Боливия, выпускник Донецкого университета (Украина), доктор наук (Комплутенский университет Мадрида, Испания), специалист по колониальному периоду, автор монографий: «Sin temor a Dios ni a justicia real. Control social en Charcas a fines del siglo XVIII» (2001); «Theatrum mundi: entramados del poder colonial» (2007).

Ивкина Людмила Андреевна – кандидат исторических наук, сотрудник Института всеобщей истории РАН. Специалист по истории стран Латинской Америки, автор монографии «Десятилетняя война за независимость на Кубе» (2007).

Ируроски Викторiano Марта – исследователь Высшего совета научных исследований (CSIC) Испании, доктор наук (Комплутенский университет Мадрида, Испания), автор многочисленных работ по истории Боливии XIX в., в том числе: «La armonía de las desigualdades. Elites y conflictos de poder en Bolivia, 1880–1920» (1994); «“A bala, piedra y palo”. La construcción de la ciudadanía política en Bolivia, 1826–1952» (2000); «La ciudadanía en debate en América Latina. Discusiones historiográficas y una propuesta teórica sobre el valor público de la infracción electoral» (2005).

Казаков Владимир Петрович – доктор исторических наук, сотрудник Института всеобщей истории РАН, специалист по истории стран Латинской Америки, автор монографий: «Политическая история Аргентины XX века» (2007), «Радикалы в истории Аргентины» (2008).

Кахиас Магдалена – заслуженный профессор Университета Сан-Андрес Ла-Паса (Боливия), исследователь Института изучения Боливии, член Боливийской академии истории, доктор наук (Колехио де Мичоакан, Мексика). Автор работ по истории Боливии XX в., по истории рабочего движения, среди ее работ выделяется монография «El Poder de la Memoria. La mina de Huanuni en el contexto de la historia de la minería y del movimiento minero boliviano: 1900–2010» (2012).

Ларин Евгений Александрович – доктор исторических наук, профессор, сотрудник Института всеобщей истории РАН. Специалист по истории стран Латинской Америки, автор работ: «Куба конца XVIII – первой трети XIX века» (1989); «Всеобщая история. Латиноамериканская цивилизация» (2007); «Политическая история Кубы XX века» (2007).

Морроне Ариэль – доктор наук, доцент Университета Буэнос-Айреса, сотрудник Института аргентинской истории им. Э. Равиньяни, автор работ по истории колониального периода и XIX в.: «Parentesco, autoridad cacical y subordinación al orden. Una revisión teórica e histórica de la política rosista hacia las parcialidades “amigas” de la región pampeana» (2009); «Tras los pasos del mitayo: la sacralización del espacio en los corregimientos de Pacajes y Omasuyos (1570–1650)» (2015).

Перальта Руис Виктор – исследователь Высшего совета научных исследований (CSIC) Испании, специалист по истории Боливии и Перу, автор монографий: «La independencia y la cultura política peruana 1808–1821» (2010); «Patrones, clientes y amigos. El poder burocrático indiano en la España del siglo XVIII» (2006); «En defensa de la autoridad. Política y cultura bajo el gobierno del virrey Abascal. Perú 1806–1816» (2002).

Перес Карлос – профессор Университета штата Калифорния – Фресно (США), доктор наук (Университет Калифорнии – УКЛА, США). Специалист по боливийской истории XIX в., автор монографии «Quinine and Caudillos: Manuel Isidoro Belzu and the Cinchona Bark Trade, 1848–1855» (1998).

Платт Тристан – почетный профессор истории и антропологии Университета Сэнт-Андрюс, Шотландия, член Боливийской академии истории, профессор Севильского университета (Испания). Автор многочисленных работ по истории Боливии, среди которых выделяются: «Estado boliviano y Ayllu andino. Tierra y tributo en el Norte de Potosí» (1982); «Qaraqara-Charka. Mallku, Inka y Rey en la Provincia de Charcas» (2006).

Преста Ана Мария – профессор Университета Буэнос-Айреса, доктор наук (Университет штата Огайо, США), редактор журнала «Surandino Monográfico». Специалист по доколумбовой и раннеколониальной истории, автор монографических исследований: «Espacio, Etnias, Frontera. Atenuaciones Políticas en el Sur del Tawantinsuyu» (1995); «Encomienda, Familia y Negocios en Charcas Colonial. Los Encomenderos de La Plata, 1550–1600» (2000).

Родригес Острия Густаво – профессор Университета Сан-Симон в Кочабамбе, Боливия. Автор более 15 монографий по истории Боливии, в том числе: «Teoponte la otra guerrilla guevarista en Bolivia» (2000); «Tamara, Laura, Tania. Un misterio en la guerrilla del Che» (2012); «Capitalismo modernización y resistencia popular en Bolivia» (2014).

Селиванова Ирина Валентиновна – кандидат исторических наук, сотрудник Института всеобщей истории РАН, специалист по колониальной истории стран Латинской Америки.

Серульников Серхио – директор аспирантуры Университета Сан-Андрес в Буэнос-Айресе, Аргентина. Доктор наук (Университет штата Нью-Йорк, США). В 1999–2006 гг. профессор Бостон Колледж. Автор работ по колониальной истории, среди которых выделяются: «Subverting Colonial Authority. Challenges to Spanish Rule in Eighteenth-Century Southern Andes» (2003); «Revolution in the Andes. The Era of Túpac Amaru» (2013).

Стефанони Пабло – доктор наук (Университет Буэнос-Айреса, Аргентина), главный редактор журнала «Nueva Sociedad», специалист по современной истории Боливии, автор ряда монографий, в том числе: «Los inconformistas del Centenario. Intelectuales, socialismo y nación en una Bolivia en crisis (1925–1939)» (2015).

Щелчков Андрей Аркадьевич – доктор исторических наук, сотрудник Института всеобщей истории РАН, специалист по истории стран Латинской Америки, автор монографий: «Режим “государственного социализма” в Боливии. 1936–1939» (2001); «Консервативная социальная утопия в Боливии, правление Бельсу» (2005); «Война за независимость Чили» (2010); «Andrés Ibáñez y La revolución de la igualdad en Santa Cruz» (2011); «Либеральная революция и Плебейская республика в Колумбии. 1849–1854» (2012).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

<i>А. Гарсия Линера</i>	5
-------------------------------	---

Введение	8
-----------------------	---

Часть I

Чаркас с древнейших времен до обретения независимости

Глава 1	
Южные Анды в доиспанский период	
<i>Ю.Е. Березкин</i>	11

Демографические процессы в период между Тиауанако и Туантинсуйо	
<i>А.М. Преста, А. Морроне</i>	41

Глава 2	
Испанское завоевание	
<i>И.В. Селиванова</i>	46

Глава 3	
Колониальный Чаркас в XVI–XVII веках	
<i>Е.В. Бридрихина</i>	54

Глава 4	
Верхнее Перу в XVIII веке. Экономика, политика, общество	
<i>С. Серульников</i>	87

Часть II

Война за независимость и создание Боливии

Глава 5	
Война за независимость Верхнего Перу	
<i>А.А. Щелчков</i>	112

Глава 6	
Правление Андреса де Санта Круса и Перуанско-боливийская конфедерация. 1829–1839	
<i>В. Перальта Руис</i>	168

Глава 7	
Восстановление независимой Боливии. Президентство Хосе Бальивиана. 1839–1848	
<i>К. Перес</i>	188

Часть III

Каудильо у власти

Глава 8	
Серебро – главное богатство страны	
<i>А.А. Щелчков</i>	195

Средние предприятия в провинциях Липес и Порко (Потоси) <i>Т. Платт</i>	199
Сельское хозяйство, торговля, город <i>А.А. Щелчков</i>	206
Глава 9 Народно-консервативный проект. Мануэль Исидоро Бельсу. 1848–1855 <i>А.А. Щелчков</i>	218
Глава 10 «Моральная революция» и диктатура Линареса <i>А.А. Щелчков</i>	248
Глава 11 Диктатуры и реформы 60-х годов: Х.М. Ача (1861–1864) и М. Мельгарехо (1864–1871) <i>Л.А. Ивкина</i>	259

Часть IV

Демократическое возрождение и переход к гражданскому правлению. Бум серебра

Глава 12 Демократическое возрождение 70-х годов XIX века <i>А.А. Щелчков</i>	281
Глава 13 Тихоокеанская война. Селитра на вес крови <i>А.А. Щелчков</i>	303
Глава 14 Правление консерваторов: выборы и демократия. 1880–1899 <i>М. Ируроски</i>	317

Часть V

Господство либералов. «Эпоха олова»

Глава 15 «Федеральная революция», 1898–1899 <i>А.А. Щелчков</i>	336
Глава 16 Либеральная модернизация. 1900–1920 <i>В.П. Казаков</i>	349
Глава 17 Кризис либеральной системы и начало реформ в 20-е годы XX века <i>А.А. Щелчков</i>	371

Часть VI

Органический кризис олигархического режима. Драматические 30–40-е годы XX века

Глава 18 Мировой экономический кризис. Война в Чако <i>А.А. Щелчков</i>	393
Глава 19 Военно-социалистический режим. 1936–1939 <i>А.А. Щелчков</i>	411
Глава 20 Преддверие революции: национализм и общественные движения. 40-е годы XX века <i>М. Кахиас</i>	447

Часть VII

Национальная революция

Глава 21

Апрельское восстание 1952 года. Начало Национальной революции

А.А. Щелчков 470

Глава 22

Режим «национальной революции». 1954–1964

А.А. Щелчков 503

Глава 23

Военные в борьбе за власть. 1964–1982

Г. Родригес Острия, Ю. Торрес 523

Часть VIII

Боливия на рубеже веков

Глава 24

Восстановление демократии. 1982–2000

А.А. Щелчков 547

Глава 25

Эра Эво Моралеса и новый антилиберализм в XXI веке. 2000–2014

П. Стефанони 569

Часть IX

Культура и историческая наука Боливии

Глава 26

Культура Боливии

Е.А. Ларин 608

Глава 27

Боливийская историческая наука в XIX–XX веках

А.А. Щелчков 631

Библиография 666

Указатель имен 682

Сведения об авторах 692

INDICE DE NOMBRES

Prefacio

<i>Álvaro García Linera</i>	5
-----------------------------------	---

Introducción	8
---------------------------	---

Parte I

Charcas desde la antigüedad hasta su independencia

Capítulo 1

Zona surandina en el periodo prehispánico

<i>Yuri Berezkin</i>	11
----------------------------	----

Los pueblos de la actual Bolivia entre Tiwanaku y Tawantinsuyo

<i>Ana María Presta y Ariel Morrone</i>	41
---	----

Capítulo 2

La conquista española

<i>Irina Selivanova</i>	46
-------------------------------	----

Capítulo 3

Charcas colonial en los siglos XVI–XVII

<i>Eugenia Bridikhina</i>	54
---------------------------------	----

Capítulo 4

El Alto Perú en el siglo XVIII. Economía, política y sociedad

<i>Sergio Serulnikov</i>	87
--------------------------------	----

Parte II

La Guerra de Independencia y la creación de Bolivia

Capítulo 5

La Guerra de Independencia en el Alto Perú

<i>Andrey Schelchikov</i>	112
---------------------------------	-----

Capítulo 6

El gobierno de Andrés de Santa Cruz y la Confederación Perú-Boliviana (1829–1839)

<i>Victor Peralta Ruiz</i>	168
----------------------------------	-----

Capítulo 7

La recuperación de la Independencia de Bolivia, la presidencia de José Ballivián, 1839–1848

<i>Carlos Pérez</i>	188
---------------------------	-----

Parte III

Caudillos en el poder

Capítulo 8

La principal riqueza del país: la minería de la plata

<i>Andrey Schelchikov</i>	195
---------------------------------	-----

Научное издание

**ИСТОРИЯ БОЛИВИИ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАЧАЛА ХХІ ВЕКА**

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института всеобщей истории
Российской академии наук*

Редактор *В.М. Черемных*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Ю.И. Духовская*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректоры *А.Б. Васильев, Р.В. Молоканова,
Е.В. Сысоева, Т.И. Шеповалова*

ИСТОРИЯ БОЛИВИИ

